

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

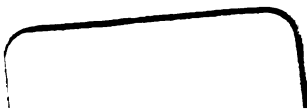
Mir Bozhii

157

PSlav 460.5 ($\frac{1902}{3-4}$)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Инвентарь № 2713

Листов 6

Полта 1

Место книги на полке 16

22

Годъ XI-й.

№ 3-й.

Февраль 1902 г.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

230

САМООБРАЗОВАНІЯ.

1785
250
2350

МАРТЪ

1902 г.

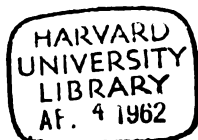

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1902.

5
Pslav 460.5 ✓ $\left(\frac{1902}{3-4}\right)$

62 x 2

Дозволено цензурою 25-го февраля 1902 года. С.-Петербургъ

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	стр.
1. ПО ЯПОНИИ. (Изъ путевыхъ очерковъ). Тана	1
~~2.~~ СТИХОТВОРЕНІЕ. ДВА СТРАННИКА. Сергѣя Маковского. . .	33
~~3.~~ НА ПОВОРОТѢ. Повѣсть. (Окончаніе). В. Вересаева	35
4. ВОСПОМИНАНІЯ ДЕРПТСКАГО СТУДЕНТА. (Изъ недавняго прошлаго). Е. Дегена	71
5. АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ, ФИЛОСОФЪ И УЧИТЕЛЬ. Фридриха Паульсена. Переводъ съ нѣмецкаго Т. Богдановичъ. (Окончаніе).	106
6. ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ. (Съ польскаго). Повѣсть. Г. Даниловскаго. Пер. А. И. Я—ъ.	135
7. СТИХОТВОРЕНІЯ: ПРОБУЖДЕНІЕ. ГРЕБЕЦЪ. О. Чюминой.	158
8. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Редбертусъ. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго	160
9. БУКЕРЪ ВАШИНГТОНЪ. (Автобіографія негра—общественнаго дѣятеля). (Окончаніе). Л. Гуревичъ	181
10. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ТЕОРИИ ДАРВИНА. С. Чулона	205
~~11.~~ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. (Продолженіе). Н. Котляревскаго	229
12. ТОЛЬКО ЧАСЪ. Разсказъ А. Крандіевской	262
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. АЛМАЗЫ. Скитальца	278
14. И. В. МУШКЕТОВЪ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ. К. Богдановича.	279

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

~~15.~~ КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Жизненность гоголевскихъ твореній.—Типы Гоголя въ современной обстановкѣ.—Что измѣнилось по существу со временемъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».—Новое идущее на смѣну.—«Служащій», разсказъ г. Елпатьевскаго.—Ростъ личности и человѣческаго достоинства.—Представители этого новаго типа.—Ихъ «узенькая истина» и большія задачи.—Что они теперь и ихъ будущее. А. Б.	1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Убіиство стариковъ въ Россіи.—Нищенскій промыселъ въ Костромской губерніи.—	

	стр
16. Котлочисты.— Какъ собираются пожертвованія.— Землетрясеніе въ Шемахѣ.— За мѣсяцъ.— Некрологъ.	13
17. Изъ русскихъ журналовъ. («Русская Мысль»—январь. «Вѣстникъ Воспитанія»—декабрь. «Русское Богатство»—январь).	29
18. За границей. Германская общественная жизнь.— Американская фабрика-клубъ.— Конференціи, клубы и митинги въ Англіи.— Исторія одного американскаго репортера.— Изъ области женскаго движенія	36
19. Изъ иностранныхъ журналовъ. Исправленіе преступниковъ и реформа уголовныхъ законовъ.— Женскій трудъ во Франціи.— Неточность свидѣтельскихъ показаній, и опытъ Лишта.— Британская академія.	47
20. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Новыя данныя о третьей форменной составной части крови. Проф. А. С. Догеля	52
21. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Стереоскопъ въ астрономіи. К. Покровскаго— О взаимодѣйствіи твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ.— Новая теорія происхожденія кометъ.— Значеніе извести и магнезій для растений.— Къ вопросу о рефлекторныхъ движеніяхъ. В. Аг.	58
22. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.— Исторія литературы.— Исторія всеобщая.— Политическая экономія.— Философія.— Публицистика.— Справочныя изданія.— Новыя книги.	69
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	100

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной.	65
25. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками.	65

ПО ЯПОНІИ.

(Изъ путевыхъ очерковъ).

I. Хакодате.

Плоская японская шампунка, проворно пробираясь среди безчисленныхъ баржъ и лодокъ, загромаждавшихъ гавань, везла насъ къ берегу. Гребецъ согнулъ на кормѣ и проворно вилялъ изъ стороны въ сторону страннымъ кормовымъ весломъ, горбатымъ посрединѣ и ложкообразно выдолбленнымъ у лопатки. вмѣсто всякой одежды онъ былъ только перепоясанъ узкимъ синимъ полотенцемъ, и его коричневое тѣло, мокрое отъ цота, блестѣло на солнцѣ, какъ вылитое изъ гладкой бронзы. Широкая дуга залива была переполнена шкунами и пароходами. Паровые катера сновали взадъ и впередъ, огромныя баржи, высоко нагруженныя тюками и бочками, тяжело отходили отъ мелководной пристани, сотни шампунокъ и шаландъ шныряли между судами. Пароходовъ было больше сорока. Сии принадлежали десятку различныхъ компаній (почти всегда съ небольшою субсидіей отъ правительства) и занимались перевозкой пассажировъ и грузовъ между многочисленными городами и селами, разсѣянными по побережью. Вся Японія живетъ на морскомъ берегу, и сообщеніе производится почти исключительно водою. Поэтому неудивительно, что дѣла хватало всѣмъ. Съ сѣвернаго острова Хокайдо шелъ уголь, металлы, лѣсъ; съ Сахалина и Курильскихъ острововъ — соленая рыба, одинъ изъ главныхъ элементовъ японскаго народнаго питанья; съ юга—мануфактура, желѣзныя издѣлія, рисъ. Я, однако, не предполагалъ, чтобы въ этомъ отдаленномъ углу сѣверной Японіи было такое оживленное торговое движеніе. Русскій Владивостокъ, лежащій прямо черезъ море въ какихъ-нибудь трехстахъ миляхъ къ западу, никоимъ образомъ не могъ сравниться съ этимъ бойкимъ японскимъ городомъ, который даже не составляетъ столицы острова Хокайдо. Кстати сказать, въ школьныхъ географіяхъ островъ Хокайдо почему-то называется стариннымъ именемъ Иесо.

Черезъ нѣсколько минутъ мы стояли на берегу, окруженные джин-
«миръ вождій». № 3, мартъ. отд. I.

рикшами, наперерывъ предлагавшими свои услуги. Невзрачный таможенный чиновникъ, маленькій, какъ всѣ японцы, съ форменными пуговицами на платьѣ европейскаго покроя, но съ раскосыми монгольскими глазами, тотчасъ же отогналъ ихъ въ сторону и велѣлъ внести наши вещи въ таможеню. Я невольно вспомнилъ, какъ въ прошломъ году во Владивостокѣ, когда мы съѣзжали на берегъ съ иностраннаго парохода, береговой солдатъ разгонялъ китайскихъ лодочниковъ просто длиннымъ кнутомъ, а они даже не обижались и только скалили зубы, когда которому-нибудь попадало половчѣе. Японецъ, по крайней мѣрѣ, не употреблялъ жестовъ для вразумленія.

Начался осмотръ. Я попробовалъ объяснить, что мы ѣдемъ съ сѣвера и направляемся черезъ Хакодате прямо во Владивостокъ, но изъ этого ничего не вышло.

— Хорошо, хорошо!—отвѣчалъ чиновникъ на всѣ мои уговоры.— Развяжите вещи! Я хочу заглянуть въ самое нутро.

Онъ говорилъ по-англійски неувѣренно съ большими запинками и паузами, очевидно, припоминая вокабулы, которымъ его обучали въ специальной школѣ. Знаніе англійскаго языка обязательно для японскихъ чиновниковъ; тѣмъ не менѣе, найти человѣка, говорящаго сносно по-англійски, довольно трудно, особенно на западномъ берегу, мало посѣщаемомъ иностранцами. Я попробовалъ обратиться къ помощи другого таможеннаго чиновника, бывшаго моимъ спутникомъ на пароходѣ и говорившаго немного по-русски, но онъ рѣшительно отказался вступиться.

— Нельзя!—внушительно объяснилъ онъ мнѣ.— Европейскій законъ, японскій законъ—все равно!

Такимъ образомъ, пожитки наши были перерыты кверху дномъ самымъ основательнымъ образомъ. Японскіе чиновники вытаскивали бѣлье съ самаго дна чемодановъ, со скромнымъ и сосредоточеннымъ видомъ. Повидимому, они дѣйствительно были не чужды желанія показать иностраннымъ гостямъ, что японскіе таможенные порядки могутъ быть также грубы, какъ и европейскіе. Я вспомнилъ свои разговоры съ господиномъ Кураокой во время шестидневнаго плаванія изъ Петропавловска въ Хакодате. Какъ разъ въ это время на Сандвичевыхъ островахъ произошелъ непріятный инцидентъ съ японскими дамами при таможенномъ осмотрѣ, благодаря необычайной грубости американскихъ чиновниковъ, и японское правительство даже сдѣлало по этому поводу запросъ въ Вашингтонѣ. Господинъ Кураока съ чрезвычайной горечью рассказывалъ мнѣ объ этомъ инцидентѣ и, не умѣя выразить своихъ чувствъ достаточно сильно на русскомъ языкѣ, показалъ мнѣ статью, написанную однимъ интеллигентнымъ японцемъ въ англійской газетѣ, издающейся въ Кобе.

«Насъ считаютъ въ Европѣ кроткимъ племенемъ!—гласила статья.— Не знаю, почему?.. Фигура японскаго самураи (дворянина) никогда не

отличалась кротостью. Мы, однако, вполне готовы доказать Европѣ и всему цивилизованному міру безъ всякихъ шутокъ, что мы хотимъ занять мѣсто въ комитетѣ великихъ державъ!..»

Избавившись, наконецъ, отъ таможи, мы отдали свои вещи джирикшѣ и отправились въ гостиницу по широкой и весьма опрятной улицѣ, прорѣзанной рельсами конки. Городъ выглядѣлъ {совсѣмъ прилично. Улицы были проложены совершенно прямо и достаточно широки для движенія пѣшеходовъ и джирикшей. По угламъ стояли фонари. Цѣлая сѣтъ телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ могла выдержать сравненіе съ самыми большими губернскими городами Россіи. Мостовыхъ и тротуаровъ не было, но погодно дороги было твердо загрунтовано щебнемъ и посыпано бѣлымъ пескомъ, что, при отсутствіи коннаго движенія, было совершенно достаточно. Улицы были чисто подметены и по случаю жаркаго дня лавочки и лавочкицы поливали ихъ водою. Передъ домами были ящики для мусора, откуда особые мусорщики каждое утро выбирали и уносили всякій хламъ. Дома большей частью двухъэтажные, легкой японской постройки, крытые тесомъ или черепицей, были испещрены самыми разнообразными вывѣсками съ яркими рисунками рекламъ совсѣмъ американскаго типа. Между замысловатыми очертаніями японскихъ письменъ, похожими на сплетенія живыхъ изгородей, часто виднѣлись и англійскія надписи. Лавки были нисколько не хуже европейскихъ, съ большими окнами и заманчивыми выставками на витринахъ. Вездѣ виднѣлись газовые и электрическіе рожки. На болѣе оживленныхъ мѣстахъ стояли полицейскія будки. Однимъ словомъ, японскій провинціальный городъ Хакодате «въ комитетѣ русскихъ уѣздныхъ городовъ», навѣрное, занялъ бы предсѣдательское мѣсто.

Однако, по этимъ чистымъ и прямымъ улицамъ двигалась и спѣшила толпа совсѣмъ иного, не европейскаго типа. Мужчины въ длинныхъ халатахъ, но безъ штановъ, съ голой грудью и полубнаженными руками, торопливо шаркали по дорогѣ соломенными сандалями, подвязанными грубой соломенной же веревкой. Многие были наги, только съ повязкой у пояса, другіе щеголяли въ короткой рубахѣ безъ штановъ, или, наоборотъ, въ штанахъ, но безъ рубахи. Особенно запомнился мнѣ костюмъ одного старика, состоявшій изъ огромной шляпы, соломеннаго зонтика, зеленыхъ очковъ, похожихъ на лягушечьи глаза, и соломенныхъ сандалій. Женщины въ такихъ же халатахъ, но болѣе яркихъ цвѣтовъ съ широкими поясами, свернутыми сзади въ видѣ неуклюжаго турнюра, стучали по мостовой высокими деревянными башмаками, похожими на низенькія скамейки. На болѣе мягкихъ мѣстахъ дороги отъ этихъ скамеекъ оставались поперечныя бороздки, напоминавшія слѣды лошадиныхъ подковъ. Кстати сказать, я попробовалъ надѣть эту замѣчательную обувь, которую все японское населеніе носитъ въ грязную погоду, и почувствовалъ себя, какъ на ходуляхъ, но

*

японскія дѣвицы шлепають по грязи этими скамейками, какъ ни въ чемъ не бывало, и ихъ бѣлоснѣжныя чулочки остаются свободными отъ магнѣйшаго пятнышка. Завязки обуви проходятъ между пальцами. Чулки шьются съ отдѣльнымъ большимъ пальцемъ и очень напоминають раздвоенныя бѣлыя копыта. Отъ постоянного хожденія на этихъ скамейкахъ тѣло японскихъ женщинъ, привыкшее наклоняться впередъ, приобрѣло особый изгибъ, не лишенный, впрочемъ, граціозности, особенно у молодыхъ дѣвушекъ.

По улицѣ то и дѣло пробѣжали велосипедисты, но и они большей частью были въ соломенныхъ сандаляхъ и тонкихъ халатахъ, подвернутыхъ у пояса. Вездѣ сверкало голое темнокоричневое тѣло, грубые монгольскіе волосы, косые глаза и широкоскулыя безбородыя лица; дѣвушки были густо набѣлены и надъ каждой головой поднималась хитросплетенная, но довольно безобразная прическа, въ которой широкія пряди волосъ, густо смазанныя пахучимъ масломъ, завязывались, какъ черныя ленты, большими перекрещивающимися бантами. У многихъ женщинъ постарше брови были обриты и зубы окрашены въ черный цвѣтъ въ знакъ отреченія отъ желанія нравиться кому бы то ни было, кромѣ собственнаго супруга. Еще чаще велосипедистовъ пробѣгали джинрикши, проворно сѣменя ногами и волоча за собой колясочки съ большими колесами и клеенчатымъ верхомъ. Ноги ихъ отличались непомятымъ развитіемъ икръ, но лица были покрыты каплями пота и глядѣли измученно. Очевидно профессія лошади достается человѣку не легко, особенно при скудной платѣ десяти, пятнадцати коп. за конецъ. Я потомъ много разспрашивалъ о положеніи джинрикшей; нѣкоторые изъ нихъ, подобно нашимъ извозчикамъ, «ѣздятъ» отъ хозяина, которому отдаютъ половину заработка, но такихъ мало. Многие берутъ колясочку на прокатъ у особаго предпринимателя, которому платятъ четверть йена въ день. (Йенъ почти равенъ нашему рублю и тоже раздѣляется на сто сеновъ, соответствующихъ нашимъ копейкамъ). Большая часть джинрикшей, однако, беретъ коляски на выплату и, въ концѣ концовъ, приобретаетъ ихъ въ собственность. Профессія джинрикши не считается японцами особенно пагубной для здоровья, хотя подъ старость у человѣческихъ лошадей развивается одышка и различныя грудныя болѣзни. Есть семьи, въ которыхъ это занятіе переходитъ наследственно отъ поколѣнія къ поколѣнію, но большей частью ряды джинрикшей пополняются неудачниками изъ разныхъ другихъ профессій, которые, оставшись на мели, чувствуютъ себя достаточно крѣпкими, чтобъ приняться за лошадиное ремесло. Мнѣ показывали одного джинрикшу, который нѣкогда былъ студентомъ одной изъ высшихъ школъ, а потомъ заматался, бросилъ ученье, остался безъ гроша денегъ и подъ конецъ попалъ въ извозчики. Это напоминаетъ нашихъ босяковъ, которые тоже занимаются самымъ грубымъ трудомъ.

Гостинница, т.-е., собственно, ресторанъ съ номерами, была устроена на европейскій ладъ и содержалась японцемъ, прожившимъ нѣсколько лѣтъ въ С.-Франциско и говорившимъ немного по-англійски. Въ настоящее время такихъ японцевъ простого класса, побывавшихъ за границей, довольно много во всѣхъ самыхъ захолустныхъ углахъ. Скопивъ въ Америкѣ или Владивостокѣ нѣсколько денегъ, благодаря крайней бережливости, они возвращаются на родину и являются проводниками заграничной культуры, устраивая предпріятія, подобныя европейскимъ. Все это мелкіе люди, ремесленники, рыболовы, земледѣльческіе рабочіе, матросы, повара и лакеи, лакеи безъ числа. Люди средняго сословія рѣже попадаютъ за границу, ибо денегъ въ Японіи мало, а заграничная поѣздка стоитъ дорого; даже иностраннымъ языкамъ среднеинтеллигентный японецъ выучивается обыкновенно дома въ различныхъ государственныхъ или миссіонерскихъ школахъ, въ университетахъ въ Токио, въ высшей школѣ языковъ и т. п. Но дѣти богатыхъ японцевъ, напротивъ, во множествѣ ѣдутъ учиться за границу и къ нимъ нужно присоединить еще тѣхъ, которыхъ правительство или различныя учрежденія и общества посылаютъ на свой счетъ учиться въ Германію, Парижъ или С.-Франциско.

Возвращаясь къ гостинницѣ, можно было бы удивляться ея существованію въ городѣ, гдѣ не бываетъ европейцевъ, но дѣло въ томъ что культурные японцы, наскучивъ своей травяной кухней, съ удовольствіемъ разрѣшаютъ себѣ побаловаться европейскимъ мяснымъ обѣдомъ разъ или два въ недѣлю.

Намъ предстояло прожить въ Хакодате недѣлю въ ожиданіи отхода почтового парохода во Владивостокъ, и мнѣ вздумалось добиться разрѣшенія снять нѣсколько фотографій. Русскаго консула не было въ городѣ, ибо онъ проводитъ въ Токио почти все свое время. Я обратился за совѣтомъ къ его секретарю Кассаварѣ. Это былъ довольно молодой, но тучный японецъ, вразумительно говорившій по-русски, хотя никогда не бывавшій въ Россіи. Русскому языку онъ научился въ Нагасаки, въ школѣ русской миссіи. Жилъ онъ, разумѣется, по японски, т.-е. въ домѣ его не было никакой мебели, и обитатели, снявъ сапоги, ползали по гладкимъ циновкамъ, какъ лягушки. Я не имѣлъ желанія возиться съ противными американскими шнурованными башмаками, а потому мы съ господиномъ Кассаварой только посидѣли на порогѣ его гостепримнаго жилища. Подумавъ немного, онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ секретарю городского начальника и даже написалъ его адресъ на бумажкѣ для предъявленія джинрикамъ. Въ то время мы стѣснялись еще ѣздить на людяхъ и просто пошли пѣшкомъ по указанному направленію, а отойдя нѣсколько кварталовъ, предъявили записку первому попавшемуся японцу поинтеллигентнѣе. Немедленно собралась небольшая толпа, которая съ торжествомъ проводила насъ до двери указаннаго дома.

Я потому много разъ съ одинаковымъ успѣхомъ принималъ это средство. Каждый разъ собиралось пять-шесть импровизированныхъ проводниковъ, которые, успѣшно расшифровавъ загадочные знаки адреса, вѣжливо доставляли меня въ указанное мѣсто и съ пріятной улыбкой уходили прочь.

Секретарь городского начальника говорилъ по-англійски очень порядочно. Онъ посоветовалъ мнѣ обратиться съ прошеніемъ къ военному губернатору и самъ вызвался написать прошеніе по-японски. Я прекрасно звалъ по опыту прежнихъ лѣтъ, что изъ прошевій вообще не выходитъ ничего хорошаго, но секретарь былъ такъ любезенъ и такъ усердно рисовалъ тушью на тонкой японской бумагѣ свои хитросплетенныя каракули, что я не могъ устоять и согласился подписать подъ прошеніемъ свое имя.

Съ этой самой минуты начались неприятныя хлопоты, не покидавшія меня вплоть до самаго отъѣзда изъ Хакодате. Оказалось, что военный начальникъ принималъ прошенія гдѣ-то за городомъ ровно въ двѣнадцать часовъ пополудни. Пришлось послать туда посыльного, который къ вечеру принесъ отвѣтъ, что начальникъ проситъ меня опредѣлить точно, какія именно мѣста улицъ я думаю снимать.

На другой день я послалъ объясненіе, что хочу снять не улицы, а только нѣсколько японскихъ типовъ и группъ. Начальникъ опять прислалъ запросъ, на какой именно улицѣ я думаю находить свои типы.

На третій день начальникъ прислалъ предложеніе дать мнѣ въ спутники жандарма, который будетъ вести списокъ моимъ снимкамъ. На четвертый день я письменно отказался отъ жандарма, и такъ далѣе безъ конца. Вся эта переписка велась на японскомъ языкѣ большими квадратными письменами самаго лучшаго оффиціального стиля, а въ качествѣ секретаря мнѣ служилъ хозяинъ гостиницы съ его удивительнымъ англійскимъ жаргономъ.

Подъ конецъ мнѣ стало казаться, что грозныя надписи военного департамента, развѣшанныя по всѣмъ публичнымъ мѣстамъ Хакодате и запрещающія фотографированіе окрестностей подъ страхомъ строгаго наказанія, относятся специально и исключительно къ моей особѣ. Надо замѣтить, что въ Хакодате десятокъ мѣстныхъ фотографій, и за пять центовъ вы можете купить снимокъ любой части города, не исключая и маленькой крѣпости, помѣщающейся на верху горы.

Вообще, въ Японіи военныя власти въ послѣднее время стали весьма нервно относиться къ фотографамъ-иностранцамъ, особенно къ русскимъ, и по этому поводу уже было нѣсколько неприятныхъ инцидентовъ. Въ Нагасаки за недовольное фотографированіе заочно приговорили къ шестимѣсячному аресту капитана одного большого русскаго парохода. Другой пароходъ, офицеры котораго занимались отъ вечного

дѣлать сниманіемъ видовъ въ бухтѣ Хакодате, довольно не двусмысленно попросили удалиться.

— Испугались япошки!—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ виновниковъ этого послѣдняго изгнанія.—Раньше приди къ нимъ, что хочешь дѣлай, они только кланяются, да руками себя по колѣнкамъ хлопаютъ, а теперь вотъ имъ *казаться* стало... Высмотрятъ у нихъ, потомъ придутъ и заберутъ все.

Насъ тоже японскіе полицейскіе не оставляли въ покоѣ. Даже на сельскомъ праздникѣ въ пятнадцать миляхъ отъ Хакодате солдаты, наблюдавшіе за порядкомъ, тотчасъ же стали допрашивать нашего возницу, не веземъ ли мы съ собой фотографическаго аппарата. Аппаратъ, дѣйствительно, лежалъ подъ сидѣньемъ и если бы извозчикъ насъ выдалъ, не избѣжать бы намъ ночлега въ японскомъ участкѣ.

Въ часы, свободные отъ хлопотъ по начальству, мы занимались осмотромъ города. Нѣмецкій лейтенантъ, пріѣхавшій на томъ же пароходѣ, попробовалъ взять гида. Явился приземистый японецъ въ европейскомъ костюмѣ и на отвратительномъ англо-яповскомъ нарѣчій отреккомендовался американскимъ джентльменомъ, семь лѣтъ служившимъ въ военномъ флотѣ. При болѣе подробныхъ разспросахъ оказалось, что онъ служилъ лакеемъ на американскомъ военномъ пароходѣ, но въ Хакодате я такая служба за границей сходить за отличіе. Онъ сообщилъ намъ дагѣ, что въ настоящее время состоитъ главнымъ чичерове американской эскадры въ сѣверной Японіи, но въ виду отсутствія ея имѣетъ много досуга и съ большимъ удовольствіемъ возьмется показать иностраннымъ джентльменамъ достопримѣчательности Хакодате и даже наотрѣзъ отказался говорить о вознагражденіи.

Я, съ своей стороны, послѣ нѣсколькихъ опытовъ съ японскими гидами въ прошломъ году въ Йокогамѣ и Токио, получилъ къ нимъ такое основательное отвращеніе, что отказался воспользоваться услугами даже этого любезнаго джентльмена. Японскіе гиды вообще набираются изъ отставныхъ лакеевъ, свѣдѣнія которыхъ въ иностранныхъ языкахъ не простираются дальше ресторанныхъ вопросовъ и отвѣтовъ.. Разспросить такого гида о чемъ-нибудь внѣ обѣденной сферы совершенно невозможно. Въ лучшемъ случаѣ онъ приведетъ васъ въ храмъ или дворецъ и объявитъ: «это храмъ!.. Здѣсь дворецъ!..» и только. Чаще всего онъ водить васъ по магазинамъ японскихъ товаровъ и рѣдкостей, которые ему платятъ процентъ съ каждой покупки, а къ вечеру, если не остережешься, то навѣрное попадешь съ нимъ въ мѣсто, пригодное развѣ для молодыхъ моряковъ, долго не бывавшихъ на сушѣ.

Вмѣсто гида, я старался знакомиться съ болѣе интеллигентными японцами, умѣющими говорить по-англійски, часто также ѣздили и ходили по городу самъ, вооруженный адресами, записанными на бумажкахъ. Не обходилось, конечно, безъ недоразумѣній; вынешь бумажку

и окажется не та... Однажды я настолько перепуталъ свои адреса, что Хакодате сдѣлался для насъ вродѣ лабиринта и въ концѣ концовъ джинрикши въ полномъ отчаяніи привезли насъ къ Кассаварѣ, который и помогъ разобрать запутанный клубокъ.

Пробовалъ я знакомиться и съ иностранцами, но иностранцевъ въ Хакодате почти нѣтъ. Русскихъ всего двое и то одинъ изъ нихъ шотландецъ, а другой американецъ. Это значитъ, что оба они ведутъ дѣла русскихъ фирмъ изъ Владивостока и Камчатки, немного говорятъ по-русски и потому считаются русскими. Я посѣтилъ и шотландца, и американца. Первый живетъ по-англійски, и дамы въ его домѣ не говорятъ ни по-японски, ни по-русски, второй совсѣмъ объявлялъ, носить халатъ и чулки, имѣеть двухъ женъ и кучу японскихъ дѣтей. Къ сожалѣнію, съ полгода тому назадъ его разбилъ параличъ и съ нимъ можно было говорить только о медицинѣ. Единственное живое чувство, уцѣлѣвшее въ немъ, была ненависть къ Англіи и когда рѣчь случайно коснулась бурской войны, онъ на минуту оживился и сталъ сыпать безцеремонными проклятіями по адресу «старой морской воровки и ея чертовыхъ дѣтей», особенно выдѣляя тѣхъ изъ нихъ, которые попали въ сѣверную Японію.

Хакодате городъ сравнительно новый. Островъ Хокайдо заселяется японцами только въ послѣдніе тридцать или сорокъ лѣтъ, и еще недавно служилъ мѣстомъ ссылки преступниковъ. Жителей на немъ немногимъ менѣе милліона изъ 46 милліоновъ всего японскаго населенія. Мои японскіе знакомцы единогласно утверждали, что въ такомъ новомъ городѣ нечего смотрѣть и что они могутъ только посоветовать мнѣ поѣхать на югъ въ настоящую Японію. Но такъ какъ японская повседневная жизнь интересовала меня гораздо болѣе всѣхъ храмовъ и дворцовъ, то я и въ Хакодате нашелъ такъ же много интереснаго, какъ въ Иокогамѣ и Токио.

Несмотря на угрозы о жандармѣ, жизнь наша протекала не безъ удовольствія. Погода стояла прекрасная. Было не слишкомъ жарко, что для насъ, пріѣхавшихъ съ сѣвера, было важнѣе всего. Днемъ мы просто ходили по улицамъ, заходили въ лавки, пробовали японскую кухню въ дешевомъ ресторанѣ. Я съ удивленіемъ приглядывался къ внѣшней сторонѣ жизни и все не могъ избавиться отъ недоумѣвающей о чувства.

Жизнь какъ будто совсѣмъ цивилизованная и такъ упорядочена, что хоть и нѣмцамъ, вѣру.

На домахъ номера, на джинрикшахъ тоже, чиновники и солдаты въ европейскомъ платьѣ, конки наполнены народомъ, фабрики съ высокими кирпичными трубами, желѣзныя дороги, телефоны, даже книжныя лавки и типографіи. Прямо противъ окна моей комнаты каждую ночь стучали станки одной изъ ежедневныхъ газетъ, ибо въ Хакодате четыре такихъ газеты, имѣющихъ по двѣ и по три тысячи подписчи-

ковъ каждая. А большія газеты въ Токио имѣютъ даже сотни тысячъ подписчиковъ. И все-таки я никакъ не могъ отдѣлаться отъ чувства инстинктивнаго недовѣрія. Глядя на этихъ маленькихъ проворныхъ людей съ коротенькими движеніями и мелкимъ, но острымъ взглядомъ, мнѣ все казалось, что они играютъ въ европейцевъ, въ большихъ. Одни представляютъ таможенныхъ, другіе газетчиковъ, третьи солдатъ. Жилыща съ бумажными стѣнами, игрушечные обѣды, крошечныя сандалии узкоплечихъ и плоскогрудыхъ женщинъ еще усиливаетъ впечатлѣніе.

Въ другое время мнѣ чудилось, что гдѣ-нибудь въ глубинѣ фабричной машины или пароходнаго котла спрятанъ если не чортикъ, то какой-нибудь маленькій иностранчакъ, который въ сущности руководитъ всѣми такими мудреными дѣлами, а японскіе начальники и свѣдущіе люди существуютъ только для вида. Но, въ концѣ концовъ, мнѣ пришлось таки помириться съ мыслью, что иностранца нѣтъ и что японцы, дѣйствительно, произвели всю нашу, т.-е. не нашу конечно, а европейскую науку, и думаютъ не объ игрѣ, а о барышахъ. Я видѣлъ школьничковъ, которые работали надъ выкладками по алгебрѣ и геометріи. Правда, строки учебниковъ бѣжали сверху внизъ, наполненны непонятной тарабарщиной, но чертежи были тѣ же, и формулы развивались правильно. На пароходѣ офицеры брали наблюденіе надъ солнцемъ съ тѣми же привычными приѣмами, что и на всемъ свѣтѣ. По вечерамъ никого нельзя было увидѣть безъ газеты. Даже джинрикши въ свободное отъ лошадиной работы время читали какіе-то дрянныя листки, какъ-то напомнившіе мнѣ петербургскую уличную прессу. Слуги нашей гостинницы такъ прилежно читали газеты, что, въ концѣ концовъ, за отсутствіемъ иностранныхъ газетъ, я сталъ выспрашивать отъ нихъ политическія новости.

Вдобавокъ все было замѣчательно чисто, самые мудреные продукты фабричной промышленности были сдѣланы какъ нельзя болѣе аккуратно и на многихъ надъ медалями различныхъ европейскихъ выставокъ была вѣзана горделивая надпись: made in Japan — сдѣлано въ Японіи. Даже рисовые кули на набережныхъ, плотно зашитые и обвязанные крѣпкими травяными или бамбуковыми веревками, выглядѣли особенно опрятно.

Тѣмъ не менѣе, изъ-подъ этой европейской оболочки постоянно выглядывали иныя черты, не то восточныя, не то, Богъ знаетъ, какія. Нагой поденщикъ, послѣ утомительнаго трудового дня на солицепекѣ, въ видѣ обѣда доставалъ изъ своей шляпы горсть рису, завернутую въ грязный платокъ. На лимонадной фабрикѣ, устроенной по новѣйшей американской системѣ, паръ былъ замѣненъ четырьмя здоровыми парнями, которые съ утра до вечера топтали колесо, создавая движущую силу. Слѣпыя массажисты ходили по улицамъ въ ночной темнотѣ, подавая о себѣ вѣсть невыразимо унылыми звуками призывной мѣдной

дудки. Странствующие монахи въ косматыхъ соломенныхъ мантияхъ и чудовищныхъ грибообразныхъ шляпахъ, съ колокольчикомъ въ лѣвой рукѣ и небольшой мѣдной урною въ правой, просили милостыню у порога лавокъ. Рядомъ съ ситцевой фабрикой нагая старуха тутъ же на улицѣ пряла узкое полотно на допотопномъ станкѣ; у сосѣдняго порога другая чертила себѣ зубы свѣжеразведенной краской сепи. Сотни кустарей работали въ полуоткрытыхъ помѣщеніяхъ, выдѣлывая съ восточнымъ терпѣніемъ несравненныя рѣзныя, полированныя и лакированныя издѣлія, а на заднемъ планѣ ихъ незатѣйливыхъ полубумажныхъ жилищъ видѣлся миниатюрный садикъ въ три аршина шириной, поднятый искусственной горкой, чтобъ выгадать побольше мѣста, съ неизмѣннымъ ручейкомъ воды и крошечнымъ прудкомъ для золотыхъ рыбокъ.

Еще удивительнѣе была японская пища. Патріотизмъ большей части человѣчества имѣеть, какъ извѣстно, по преимуществу сѣвстой характеръ. Даже во всѣхъ спорахъ русскихъ южанъ съ сѣверянами, при которыхъ мнѣ только приходилось присутствовать, сѣвстые продукты играли главную роль. Сѣверяне хвастали земляникой и грибами, лососиной и невскимъ сигомъ, южане вспоминали арбузы и малороссійское сало, цитировали помедоры и маслины, крымское вино и кавказскую баранину. Но никто никогда не хвасталъ:—у насъ земство безъ недоимокъ!.. или:—у насъ полиція бойкая!..

Съ этой сѣвстой точки зрѣнія японскій патріотизмъ можетъ похваляться весьма немногимъ. Скота въ Японіи мало; мяса никто не ѣстъ; молока даже въ большомъ городѣ достать довольно трудно. Пища богатыхъ и бѣдныхъ состоитъ изъ риса, бобовъ и различныхъ болѣе или менѣе нехристіанскихъ овощей. Первое мѣсто принадлежитъ корню лотоса, сладость котораго такъ вдохновенно воспѣлъ еще Гомеръ. Я лично нашелъ его приторнымъ и чрезвычайно противнымъ. Маринованная рѣдька, особенная японская капуста, морскія водоросли и, между прочимъ, морская капуста, съ огромными листьями, по вкусу похожими на полусгнившій лубокъ, какіе-то вареные желтые цвѣты, морскіе ежи, моченые въ уксусѣ, морскіе анемоны, морскія кубышки, всевозможные морскіе продукты. Ко всему этому немного соленой или просто сырой рыбы и еще меньше сладкой яичницы. вмѣсто хлѣба вареный рисъ, иногда смѣшанный съ уксусомъ и спеціями, вмѣсто соуса густая черная соя, полученная отъ броженія перегнившихъ бобовъ, и все это подается въ десяткахъ миниатюрныхъ чашечекъ съ палочками вмѣсто вилокъ и кускомъ бумаги вмѣсто салфетки. Улучшеніе обѣда направлено на измѣненіе формы, а не сущности. Являются лакированныя подносы и эмалированныя палочки для ѣды, свѣжіе и искусственные цвѣты, овощи нарѣзаны тоньше и причудливѣе, рисъ подаетъ особо назначенная дѣвица съ монументальной прической, но для европейскаго желудка во всемъ этомъ мало утѣшенія. И вдобавокъ какія миниатюр-

ныя порціи!.. Послѣ трехъ или четырехъ сеансовъ, видя, какъ окружающіе люди относятся серьезно къ этой игрѣ въ обѣдъ, понемногу начинаешь привыкать и находить въ немъ своеобразный вкусъ. Однако, предубѣжденіе остается. Я знаю много примѣровъ европейцевъ, которые женились на японкахъ, приняли японское гражданство и ведутъ японскій образъ жизни, но все это люди желчные и худощавые, равнодушные къ своему обѣду и пищеваренію. Тѣ же изъ нихъ, которые ножириѣе, ходятъ въ европейскій ресторанъ.

Мнѣ пришлось раза два обѣдать въ семействахъ моихъ японскихъ знакомцевъ. До обѣда мы вели умные разговоры, говорили другъ другу вѣжливости, рассматривали старинныя гравюры и современныя цвѣтныя фотографіи, восхищались древними мечами и чудесными рѣзными коробочками, перебирали свитки старинныхъ книгъ и фантастически вышитыхъ матерій и все время я какъ-то чувствовалъ, что преферансъ за хозяевами. Они были грамотнѣе меня и объясняли мнѣ значеніе японскихъ буквъ. Каждый изъ нихъ умѣлъ рисовать (японецъ, кажется, рождается съ этимъ умѣніемъ). Даже комплименты они сочиняли гораздо лучше меня. Подъ конецъ я совсѣмъ палъ духомъ и даже похвалилъ странную какофонію въ миворномъ тонѣ, которую японцы называютъ музыкой. Но когда подали обѣдъ, я опять расцвѣлъ и воссрѣнулъ. Эти подносики съ лотусовымъ корнемъ и кусочками желе изъ раковинъ показались мнѣ такъ жалки, что я немедленно почувствовалъ себя членомъ здоровой кавказской расы, питающейся густымъ хлѣбомъ и солиднымъ мясомъ съ широкихъ блюдецъ, разставленныхъ на большихъ крѣпкихъ столахъ.

Тѣмъ не менѣе японская жизнь въ такихъ захолустныхъ углахъ не лишена своеобразной привлекательности. Что-то античное, родственное древней Элладѣ чувствуется въ этой эстетической странѣ, засыпанной цвѣтами и залитой теплымъ солнцемъ. Все обладаетъ художественностью, начиная съ ландшафта и кончая дешевой бездѣлушкой для украшенія, хотя стиль и вкусъ другой, не арійскій. Яркія ткани красиво разрисованы цвѣтами, золотыя и шелковыя вышивки подобраны съ необычайной тонкостью оттѣнковъ. Кладбища, храмы и частныя дома утопаютъ въ зелени. Улицы расцвѣчены радужными фарфоровыми фонарями, звенящими, какъ золотыя арфы, при каждомъ дуновеніи вѣтра, и молодыя дѣвушки, покачивающіяся на своихъ высокихъ сандаляхъ, похожи на рѣдкіе цвѣты на тонкихъ высокихъ стебляхъ, и на каждомъ общественномъ праздникѣ дѣвичьи костюмы яркостью и подборомъ красокъ затмѣваютъ цвѣточныя клумбы садовъ.

Художественность глубоко проникла въ народные вкусы и самый бѣдный крестьянинъ откажется отъ лишней горсти риса за обѣдомъ, чтобы пріобрѣсти пару яркихъ гравюръ, лакированную коробку, цвѣтной поясъ для жены или рѣзной гребень для дочери.

Слабѣе всего музыка, хотя любимые струнные инструменты, *семисемъ*

и *кото*, отличаются изяществомъ формы и украшаются драгоценною рѣзбой по дереву и кости. Крестьяне употребляютъ камышевыя и бамбуковыя дудки.

Мнѣ запомнился во время одной изъ загородныхъ поѣздокъ молодой крестьянскій подростокъ. Его красивое юношеское тѣло было небрежно перепоясано полотенцемъ, онъ сидѣлъ на изгороди поля, заросшаго лотосомъ, и негромко игралъ на маленькой тростниковой свирѣли, а большіе бѣлые и розовые цвѣты въ тактъ покачивали своими лѣнивыми головами. Онъ мелькнулъ предо мной, какъ идиллія Теокрита, внезапно претворенная въ дѣйствительность въ этой замѣчательной странѣ, гдѣ крайній востокъ Азіи соприкасается съ крайнимъ западомъ Америки и кирпичные фасады заводовъ возникаютъ рядомъ со статуями Будды среди древнихъ рощъ, посвященныхъ тишинѣ, дремотѣ и красотѣ.

Большіе города южной Японіи, съ своей стороны, напоминаютъ Александрію или Антиохію. Въ прошломъ году мнѣ случилось нѣсколько часовъ скитаться въ веселомъ кварталѣ Токио, который самъ по себѣ составляетъ особый городъ съ тридцатитысячнымъ населеніемъ. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ всѣ улицы и переулки представляли рядъ большихъ клѣтокъ съ позолоченной рѣшеткой. За рѣшеткой на паркетной изукрашенной платформѣ сидѣли живые цвѣтники на соблазнъ прохожимъ. Всѣ щеки были набѣлены тончайшей рисовой пудрой, черные волосы блестѣли, губы, по японской модѣ, были сложены въ видѣ поцѣлуя. Вездѣ мелькали яркіе шелка костюмовъ, хитросплетенныя прически, длинныя рѣзныя ручки семисеновъ. Мѣстами у самой рѣшетки сверкали плутоватыя черные глаза и задорныя губки безопасно перемѣнялись съ мужчинами, толпившимися на улицѣ. Часто попадались наивныя дѣвичьи лица съ простодушной улыбкой и тихимъ весельемъ во взглядѣ, какъ будто кругомъ былъ мирный деревенскій ландшафтъ, а не веселый кварталъ шумнаго столичнаго города.

Это тоже былъ уголокъ античной эпохи, одинаково чуждымъ нашимъ тяжелымъ цивилизованнымъ порокамъ и колючимъ сѣвернымъ рефлексамъ совѣсти. Специфическій хмѣльной и блудливый угаръ, окутывающій по ночамъ грѣшныя стогны европейскихъ столицъ, здѣсь не существовалъ. Небо было слишкомъ ясно, яркія краски сплетались изящно, лица смотрѣли беззаботно, смѣхъ звенѣлъ слишкомъ заразительно.

Когда солнце склонялось къ вечеру, мы отправлялись купаться на теплые ключи верстахъ въ восьми отъ города. Ѣхать приходилось по конкѣ, которая идетъ очень скоро и стоитъ необыкновенно дешево, отъ одной до трехъ копеекъ за билетъ, смотря по разстоянію. Надъ ключами построены пять или шесть легкихъ гостинницъ, имѣющихъ каждая особую купальню. Японцы вообще чистоплотны и моются почти каждый день. Въ городахъ на каждомъ шагу бани, но чистоплотность эта имѣетъ особые законы и даже въ самыхъ лучшихъ баняхъ горячая вода въ ваннѣ перемѣняется только дважды въ день.

На теплыхъ ключахъ, при изобилии бѣгущей воды, ванны были устроены такъ, что нижняя вода застаивалась, а переменялись только верхніе слои.

Мнѣ, впрочемъ, больше нравились морскія купанья. Нагіе ребяташки, во множествѣ копошившіеся на пескѣ, собирались отовсюду и напряженно слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ. Теплая волна пріятно обмывала тѣло. Вода была такъ прозрачна, что можно было ясно различить каждый камешекъ на днѣ. Въ глубинѣ гавани тихоенько плыли сотни рыбацкихъ лодокъ, занятыхъ промысломъ. Иныя изъ нихъ уходили въ открытое море, распустивъ по вѣтру четверугольные паруса, спитые изъ циновокъ. Группы рыбаковъ копошились у берега, вытаскивая невода, долгиіе и чрезвычайно частые, откуда не можетъ выйти даже самая мелкая рыбешка. Женщины бѣжали къ берегу съ коромысломъ и парой корзинокъ на плечѣ, готовые унести добычу наверхъ. Было тихо, ясно; спокойная вода блестѣла, какъ зеркало, какъ будто въ эту залитую солнцемъ гавань никогда не заходить ни бури, ни дурныя извѣстія.

Часовъ съ семи или съ восьми мы отправлялись въ театръ, или просто въ балаганъ. Театровъ въ Хакодате четыре, хотя, по японскимъ понятіямъ, всѣ они довольно плохи. Орицаніе относится преимущественно къ бѣдности декорацій и машинъ, но игра актеровъ показала мнѣ не хуже, чѣмъ въ большихъ театрахъ въ Токагамѣ или Нагасаки. Японскій театръ, конечно, во многомъ отличается отъ европейскаго, но въ своемъ родѣ, пожалуй, не хуже. Декораціи вообще наивны, и мажѣйшее измѣненіе положеній требуетъ опущеннаго занавѣса и перерыва. Напр., въ одной сценѣ героиня, преслѣдуемая разбойниками, бросается со скалы въ море. Декорація: скалы въ видѣ картонныхъ скамеекъ, море представлено внизу фестонами зеленой бумаги съ зубчатыми «пѣнистыми» краями. Занавѣсъ падаетъ и черезъ пять минутъ поднимается. Фестоны пѣнистой бумаги занимаютъ всю сцену. Героиня падаетъ и даже не падаетъ, а какъ-то неуклюже бухается сверху, сверкнувъ сандалями въ воздухѣ и немедленно принимается барахтаться среди зеленыхъ бумажныхъ волнъ. Выплываетъ лодка. Двое гребцовъ бросаются въ море и вытаскиваютъ героиню. Всѣ они въ развѣвающихся платьяхъ и всѣ вышли сухими изъ воды, даже ни одна складка шелковаго пояса не смялась. Только лодка настоящая рыбацья, очевидно, взятая прямо съ берега.

Зато вся сцена вращается при помощи особаго приспособленія, и смѣна декорацій происходитъ гораздо быстрѣе, чѣмъ у насъ. Представленіе продолжается необыкновенно долго, но состоитъ изъ короткихъ, быстро смѣняющихся явленій, публика забирается въ театръ съ утра, съ маленькими дѣтьми, обѣдомъ и даже подушками и располагается, какъ дома. Всѣ сидятъ, конечно, на циновкахъ, и видъ партера, разгороженнаго на клѣтки и наполненнаго яповками, сидящими на корточкахъ, весьма

своеобразенъ. Однажды мы попали въ театръ часа въ три пополудни, просидѣли тамъ до восьми, видѣли конецъ драмы и начало комедіи, всего по меньшей мѣрѣ явленій двадцать. Потомъ не могли болѣе выдержать и ушли. Когда въ двѣнадцать часовъ ночи мы опять проходили мимо театра, онъ все еще свѣтился, джинрикши стояли у воротъ, и люди входили и выходили.

Иногда одно и то же представленіе длится два и три дня, но тогда приходится на каждый слѣдующій день брать новый билетъ.

Я былъ много разъ въ японскомъ театрѣ и въ моей памяти осталось нѣсколько привлекательныхъ картинъ. Помню, напр., молодую влюбленную чету, которая, спасаясь отъ преслѣдованія враговъ, проходить въ зимнюю вьюгу темнымъ лѣсомъ. На нихъ обычная японская, болѣе чѣмъ легкая одежда. Снѣгъ валитъ сверху густыми хлопьями, что изображается паденіемъ мелкихъ клочковъ тонкой бумаги. Влюбленные идутъ медленно, прижимаясь другъ къ другу и укрываясь отъ вьюги желтой рогожей, плотной и оттопыренной, какъ лубъ. Это обычная защита отъ непогоды, употребляемая всѣмъ японскимъ простонародьемъ. Рогожа узка на двоихъ, порывъ вѣтра налетаетъ сбоку, и путники инстинктивно прижимаются другъ къ другу еще тѣснѣе. Взгляды ихъ встрѣчаются и слегка улыбаются одинъ другому. Герой только что спасся изъ заточенія, а въ слѣдующемъ явленіи, не болѣе, какъ черезъ пять минутъ, его должны ранить и взять въ плѣнъ. Но въ настоящую минуту они вѣстѣ и имъ хорошо.

Другая картина. Сельскій праздникъ. Луна, изображаемая круглымъ фонаремъ изъ масляной бумаги, тихо свѣтитъ. Сцена изображаетъ деревенскую улицу. Легкая ливнѣ домовъ утопаетъ въ цвѣтахъ. Среди дороги молодая дѣвушка водятъ хороводъ, взявшись за руки и переступая другъ за другомъ. Нѣсколько молодыхъ парней смотрятъ. Хороводъ смыкается, размыкается. Дѣвушки въ тактъ плещутъ руками и постукиваютъ савдалями. Парни тоже хотятъ присоединиться, но дѣвушки ихъ не принимаютъ. Тогда парни заводятъ собственный хороводъ, который скоро начинаетъ переплетаться съ дѣвичимъ, выдѣлывая различныя сложныя фигуры. Луна восходитъ все выше. За сценой раздается рожокъ. Показываются скороходы. По сценѣ проносятся въ полуоткрытомъ паланкинѣ стараго бонзу съ длинной острокопечной бородой. Хороводъ разошелся во всю и не хочетъ остановиться. Бойза выходитъ изъ паланкина, любитъ, потомъ понемногу начинаетъ подплясывать, потомъ присоединяется къ хороводу и попадаетъ на средину. Въ избыткѣ восторга онъ снимаетъ верхній халатъ и подворачиваетъ нижнія полы, показывая присутствующимъ тощія голыя ноги, и начинаетъ выплясывать нѣчто похожее на присядку. Дѣвушки смѣются. Монахъ хочетъ поймать одну, дѣвушки съ визгомъ разбѣгаются, а парни хватаютъ монаха, сажаютъ его въ паланкинъ, одинъ изъ нихъ отнимаетъ у трубача рожокъ и трубитъ изо всей силы.

Парни подхватывают паланкинъ и относятъ его съ дороги на топкое рисовое болото, а сами уходятъ назадъ. Хороводъ опять начинается. Носильщики и скороходы присоединяются къ нему. Монахъ пробуетъ выгнать изъ паланкина, но проваливается въ грязь, пытается выкарабкаться, не можетъ и остается стоять неподвижно съ вытаращенными глазами. Зававѣсь.

Вмѣсто театра мы нерѣдко попадали въ балаганъ. Здѣсь боролись и фехтовали атлеты, а акробаты показывали различныя штуки. Какъ и европейскіе артисты этого рода, всѣ они были одѣты въ плотно облегающее платье въ родѣ трико, но, въ видѣ отличія, не имѣли обуви, и всѣ четыре конечности работали у нихъ съ одинаковымъ усердіемъ. Особенно одинъ мальчикъ съ щуплымъ и вертлявымъ тѣломъ, карабкавшійся вверхъ по неустойчивой колоннѣ пустыхъ боченковъ, совсѣмъ напоминалъ обезьяну.

Но интереснѣе всего была толпа, наполнявшая кварталъ, гдѣ сосредоточены балаганы и другія увеселительныя заведенія. Все это были фабричныя рабочіе и кустари, окончившіе свой двѣнадцатичасовой рабочій день. Они фланировали съ такимъ безпечнымъ видомъ, какъ будто имъ вовсе не нужно было вставать, чѣмъ свѣтъ. Но японцы вообще спятъ очень мало. На улицахъ было тѣсно, особенно на перекресткахъ. На каждомъ шагу попадались продавцы сладостей, дешевыхъ плодовъ, печеной кукурузы. Странствующій шарлатанъ восклавлялъ чудесное дѣйствіе своихъ лѣкарствъ, точь-въ-точь, какъ я это видѣлъ въ прошломъ году въ С.-Франциско. Немного подалеже нищій художникъ, поставивъ на землю два фонаря, рисовалъ передъ толпою любопытныхъ картину, высыпая по очереди изъ горсти тонкую струю песка различныхъ цвѣтовъ, то краснаго, то чернаго, то зеленаго. Еще дальше плясали вмѣстѣ мальчикъ, ученая крыса и ученая обезьяна. Другой мальчикъ продавалъ фонари изъ цвѣтной бумаги, третій дешевыя игрушки. Тутъ же книгоноши торговали книжками и лубочными картинками. Вездѣ ѣли, шутили, смѣялись. Пьяныхъ, однако, не было, полицейскихъ тоже.

Недѣля, которую мы прожили въ Хакодате, была въ родѣ нашей Ѳоминой, посвящена поминовенію родителей. Каждый вечеръ вереницы женщинъ, искусно причесанныхъ и разряженныхъ, отправлялись изъ города въ ту сторону бухты, гдѣ находятся кладбища. Богатыя ѣхали на джиприкшахъ, по-двое, иногда по трое въ одной колясочкѣ, благо японскія женщины вообще малы и легки, бѣдныя шли пѣшкомъ, но всѣ несли съ собой узелки съ пищей, назначенной для поминокъ. Я нѣсколько разъ проходилъ за ними къ могиламъ, которыя обыкновенно обнесены оградой и увѣнчаны небольшимъ каменнымъ столбикомъ. Кладбища, обыкновенно безлюдныя, теперь пестрѣли народомъ. Почти у каждой могилы стояла на камняхъ или лежала ничкомъ молчаливая женская фигура; мужчинъ вообще было мало, кромѣ монаховъ.

На каменныхъ ступенькахъ памятниковъ была обильно разложена самая разнообразная японская ѣда, рисъ, лотусъ, бобы, пирожки изъ рисовой муки и т. п. Пониже были пригѣплены зажженные восковыя свѣчи. Толстые монахи въ рясахъ и даже въ золотныхъ ризахъ пѣли, какъ будто служа панихиду. Поближе ко мнѣ базилъ густой октавой высокій, грузный старикъ. Жевщина протянула ему свертокъ мѣдной монеты въ сѣрой бумажкѣ. Онъ на ходу ощущалъ деньги и, не переставая возглашать, сунулъ деньги въ карманъ. Вмѣстѣ съ молящимися по кладбищу разбредались нищіе, тоже женщины по преимуществу. Онѣ собирали съ могилъ рисъ и овощи и складывали въ холщевой мѣшокъ у пояса. Иныя въ своей жадности не дожидались даже ухода молившихся и сразу принимались сгребать рисъ, дѣйствуя длиннымъ скребкомъ на кривой деревянной ручкѣ.

Въ концѣ поминальной недѣли пріѣхалъ въ Хакодате генералъ-губернаторъ острова Хокайдо изъ японскихъ принцевъ крови. Я нѣсколько разъ встрѣчалъ его на улицѣ. Это былъ очень маленькій, совсѣмъ крошечный японскій принчикъ, съ лицомъ желтымъ и сморщеннымъ, какъ лимонъ, и небрежными манерами. Онъ выступалъ впереди своей свиты съ необыкновенно гордымъ и скучающимъ видомъ и кисло поглядывалъ на толпу. Адъютанты его были все военные и о, верхъ красоты!—лицо одного изъ нихъ было украшено густыми черными бакенбардами, которые были расчесаны по волоску и блестяли отъ помады. Одинъ изъ моихъ японскихъ знакомцевъ былъ положительно влюбленъ въ эти бакенбарды и съ восторгомъ утверждалъ, что на всемъ островѣ Хокайдо нѣтъ другихъ, столь же густыхъ.

Городъ въ честь пріѣзда принца устроилъ увеселеніе, надо сказать правду, въ высшей степени нелѣпое. На главной площади передъ дворцомъ устроили небольшой навѣсъ, гдѣ нѣсколько борцовъ и клоуновъ усердствовали, смѣша публику, и, наконецъ, успѣли-таки вызвать улыбку на высокія уста путника. Я стоялъ среди нотаблей города, которые по этому случаю одѣлись въ европейское платье, но и они смѣялись и ликовали, какъ дѣти. Потомъ адъютантъ принца раздавалъ на память толпѣ пестрыя бумажныя салфетки. Послѣ того какой-то старикъ въ платьѣ жокея около получаса проѣзживалъ передъ принцемъ довольно плохую рыжую лошадь. Толпа усердно глазѣла, но принцъ, наскучивъ зрѣлищемъ, всталъ съ мѣста и, усѣвшись въ колясочку, уѣхалъ въ карьеръ на приставъ. Вмѣсто четверки лошадей его везли четверо крѣпкихъ джинрикшей; адъютанты ѣхали каждый на парѣ. Въ знакъ праздника джинрикши были одѣты во все бѣлое, и очень плохая музыка играла жиденькій тушъ. На другой день принцъ уѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Саппоро, столицу острова Хокайдо, а мы на японскомъ почтовомъ пароходѣ отправились на западный берегъ Ниона по пути къ Владивостоку.

II. НІЙГАТА.

Японскій почтовый пароходъ совершаетъ ежемѣсячные рейсы между Корсаковскимъ портомъ на Сахалинѣ и Владивостокомъ, заходя по пути въ нѣсколько японскихъ городовъ на западномъ берегу. Поѣздка предполагалась не спѣшная, ибо въ каждомъ изъ этихъ городовъ пароходъ останавливается на сутки, а въ Нійгата даже на трое сутокъ. Мнѣ, впрочемъ, было не безынтересно посмотрѣть на эту малозвѣстную, не казовую часть Японіи и я не сѣтовалъ на медленность японскаго парохода. Пассажировъ было много во всѣхъ трехъ классахъ, благо японская пароходная плата вообще невысока, даже вмѣстѣ съ табльдотомъ. Изъ европейцевъ, кромѣ насъ, было двое англичанъ, миссіонеръ съ миссіонершей, которые раньше работали отдѣльно, а теперь соединили свои усилія вмѣстѣ, вступивъ въ законный бракъ. Оба они были очень похожи другъ на друга, плотные, неуклюжіе и очень бѣлобрысые. Миссіонеръ былъ въ короткихъ штанахъ и чулкахъ, супруга его носила такія короткія юбки, что ея большіе желтые башмаки постоянно выставлялись наружу, и съ нѣкотораго отдаленія казалось, что она тоже носитъ штаны и чулки. Бѣлая кожа англичанки была покрыта отъ загара огромными веснушками, похожими на змѣиные пятна. Особенно ея круглыя руки высовывались изъ короткихъ рукавовъ, какъ пара большихъ сытыхъ змѣй, отдыхающихъ на солнцѣ. Мы немедленно познакомились. Имя миссіонерской четы было Джеррисъ. Они ѣхали изъ небольшого городка внутренней части острова Хокайдо, гдѣ находилась ихъ нива, и направляли стопы въ Токио на съѣздъ протестантскаго духовенства. Оба они были японскіе сторожилы. Супругъ проживалъ въ Японіи шестнадцать лѣтъ, а супруга двѣнадцать.

Оба умѣли порядочно говорить и писать по-японски, какъ сокращенной азбукой кана, такъ и сложными китайскими письменами. Супруги производили впечатлѣніе порядочныхъ и безобидныхъ людей, но настроеніе у нихъ было постоянно приподнятое, даже нѣсколько восторженное.

— Господь благословилъ нашу ниву! — повторяли они. — Вертоградъ растетъ!.. Души уловляются изъ-подъ власти злого и обращаются къ истинѣ...

— Сколько же у васъ обращенныхъ? — полюбопытствовалъ я.

— Двадцать тысячъ! — отвѣтилъ мистеръ Джеррисъ. — Однихъ протестантскихъ вѣроисповѣданій...

— Неужели на островѣ Хокайдо двадцать тысячъ протестантовъ? — искренно изумился я.

— Не въ одномъ только Хокайдо, — поправилъ мистеръ Джеррисъ, — но также въ Токио, Йогогамѣ и другихъ городахъ...

Я понялъ, что сдѣлалъ неловкость...

«мръ вожді». № 3, мартъ. отд. 1.

— Вамъ, быть можетъ, кажется, что это мало?—прямо спросилъ мистеръ Джеррисъ.

Я промолчалъ.

— Заблужденіе!—доказывалъ мистеръ Джеррисъ.—Господь благословилъ нашу ниву, вертоградъ растетъ!.. И давно ли мы работаемъ!.. Лѣтъ пятнадцать, двадцать... *Общество двадцатого вѣка* пожнетъ обильную жатву.

— Какое общество?—спросилъ я, не понимая.

— Мы основали въ Токио!—объяснилъ мистеръ Джеррисъ.—Англійскіе миссіонеръ!.. Христіанское общество спеціальныхъ усилій двадцатаго вѣка...

— Какія же могутъ быть еще спеціальныя усилія?—полюбопытствовалъ я.

— Всѣ усилія хороши—на службу истинѣ!—отвѣтилъ Джеррисъ нѣсколько загадочно.

— Мы вотъ процессіи устраиваемъ!—прибавилъ онъ, помолчавъ.—Со знаменами... Барабаны впереди, молодые люди поютъ гимны... Толпа валомъ валитъ до самой церкви. Въ церкви проповѣдь. Кое-кто уйдетъ, а богѣ слушаютъ, японцы большіе охотники до проповѣдей. А потомъ проповѣдникъ и объявитъ: «это начало спасенія, а если хотите, чтобъ мы васъ совсѣмъ спасли, дайте свое имя и адресъ!..» Пять тысячъ человекъ въ Токио дали свой адресъ въ двѣ недѣли!.. Видимая Божья благодать!..—прибавилъ онъ, закатывая глаза.

А какъ же правительство?—полюбопытствовалъ я.—Не вмѣшивается?

— Правительство намъ вѣрить!—увѣренно сказалъ мистеръ Джеррисъ.—Есть, напригѣръ, въ Японіи законъ. Старухи семидесяти лѣтъ, бѣдныя то-есть, получаютъ пенсію, три рубля въ мѣсяцъ... Въ городѣ, гдѣ мы живемъ, намъ поручили раздавать эти деньги. Мнѣ губернаторъ самъ говорилъ: «ваша вѣра меня не касается, но я надѣюсь, вы не украдете!..»

— А жрецы?—спросилъ я.

— Что жрецы!—пренебрежительно сказалъ мистеръ Джеррисъ.—Вы что думаете, японцы въ буддизмъ вѣрятъ?.. Японская вѣра въ другомъ мѣстѣ. Государство у нихъ вѣра, микадо у нихъ богъ, будущность Японіи евангеліе. Это я вамъ скажу такой патріотизмъ, какого и въ Европѣ нигдѣ нѣтъ...

Я невольно усомнился.

— Я вамъ примѣръ приведу,—сказалъ мистеръ Джеррисъ.—Слышали ли вы о пасторѣ Наоми Тамура, какъ его японскій соборъ ердинаціи лишилъ?

— Какой соборъ?—спросилъ я.—Буддійскій?..

— Нѣтъ, христіанскій,—возразилъ Джеррисъ,—но только особый японскій.

— Развѣ есть особое японское христіанство? — съ удивленіемъ спросилъ я.

— Какъ же! — сказалъ Джеррисъ. — Они давно отдѣлились, миссіонеры сами по себѣ, а они сами по себѣ, зовутъ себя «національная церковь», да и миссіонеры у нихъ есть свои, особые.

— А кто такой Наоми Тамура? — спросилъ я.

— Пасторъ пресвитеріанскій! — объяснилъ Джеррисъ. — Очень образованный человѣкъ, честный, а главное прямой: что думаетъ, то и скажетъ.

— Его и наши не любятъ многіе — наивно закончилъ онъ.

— И ваши тоже? — переспросилъ я.

— Онъ ужъ слишкомъ прямо! — извиняющимъ тономъ сказалъ Джеррисъ. — Вѣдь и въ писаніи сказано: нѣтъ правды въ людяхъ!.. Что хорошаго?..

— Какъ же это прямо? — приставалъ я.

— А вотъ какъ! — тянулъ Джеррисъ. — Послали его въ Америку учиться. Годъ онъ тамъ пробылъ. Приѣхалъ назадъ, написалъ книжку объ Америкѣ. Другіе миссіонеры послѣ того ему руку подавать перестали, американскіе то-есть.

— Что же онъ написалъ — полюбопытствовалъ я — ложь или правду?

— Кому нужна его правда? — виѣшалась вдругъ мистриссъ Джеррисъ. — Отъ злого сердца онъ... Вотъ я захочу, съѣзжу въ Россію, да напишу книгу, пожалуй и вы тоже сердиться станете...

— Это что! — примирительно сказалъ мужъ. — А вотъ онъ въ Америкѣ книжку написалъ по-англійски: *Японская невеста*, описываетъ семейную и брачную жизнь въ Японіи, — за нее вѣдь его и выкинули, цѣлая травля началась.

— Что же онъ такое написалъ? — заинтересовался я — необыкновенное что-нибудь?..

— Напротивъ, самое обыкновенное! — возразилъ Джеррисъ. — Какъ бываетъ у нихъ, такъ и описалъ... Плохая семья у японцевъ, дешевая. Никто никого не любитъ, все расчеты какіе-то мелочные. Даже невесты они продаютъ дешево... Ну онъ все это и написалъ.

— Какъ же его выкинули?

— Да затѣялъ онъ книжку на японскій языкъ переводить, съ того и переполохъ поднялся. Общество молодыхъ людей въ Токио, при соборѣ состоитъ пресвитеріанскомъ, такъ даже клятву приняло не ѣсть и не спать, пока Наоми не будетъ наказанъ.

По писанію, — прибавилъ онъ, улыбаясь, — какъ евреи противъ Павла.

— Вечеромъ парламентъ собрался и синодъ собрался. Парламентъ рѣшилъ: государственная измена, запретить книгу! Синодъ рѣшилъ лишить Наоми священства. Знаете ли, въ пресвитеріанской церкви трудно священства лишить, только два пункта есть — ересь или безнравственная жизнь.

— Живетъ Наоми аскетомъ, что наживетъ, бѣднымъ отдаетъ, док-

*

трина у него, какъ его выучили, такъ онъ и держитъ, насквозь ортодоксальная. — Такъ вѣдь не думали нисколько, лишили, да еще и приговоръ написали особенный: «лишается священства Наоми Тамура за то, что написалъ дурную правду о своемъ отечествѣ. Нарушеніе домашнихъ тайнъ—худшая ересь».

Меня невольно заинтересовала фигура этого замѣчательнаго японскаго попа, успѣвшаго вооружить противъ себя и свѣтскія и духовныя власти, японскихъ христіанъ и американскихъ миссіонеровъ при помощи «дурной правды».

— Гдѣ же онъ теперь?—спросилъ я.—Уѣхалъ?

— Паства не пустила!—возразилъ Джеррисъ.—Очень ужъ онъ популярный человекъ въ Токио. Даже изъ церкви они выдѣлились и живутъ сами по себѣ, а онъ все у нихъ пасторомъ. Обращенныхъ у него много, придется скоро вторую общину устраивать.

— А какъ живутъ японскіе христіане?—спросилъ я.

— Какъ же имъ жить?—переспросилъ мистеръ Джеррисъ.—Какъ всѣ японцы, такъ и живутъ. Вотъ воскресный день соблюдаютъ. А впрочемъ и нехристіане иные соблюдаютъ воскресный день, — возразилъ онъ самъ себѣ.

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— Правительственныя учрежденія соблюдаютъ воскресный день. Чиновники, рабочіе... Иные привыкать стали... отдыхъ у нихъ, въ родѣ праздника...

— Въ чемъ же отличіе христіанъ?—спросилъ я довольно наивно.

— Они въ Христа вѣрують,—сказалъ мистеръ Джеррисъ съ легкимъ упрекомъ,—въ церковь ходятъ, проповѣдь слушаютъ, все какъ слѣдуетъ. Вонъ у японскихъ пресвитеріанъ свои миссіонеры есть — мужчины и женщины.

— А женщины откуда?—полюбопытствовалъ я.

— Женщинъ почти половина, — объяснилъ мистеръ Джеррисъ.— Это очень легко. У насъ тоже, у англійскихъ миссіонеровъ, цѣлое общество есть, библейское общество японскихъ женщинъ. Тоже все проповѣдницы Божьяго слова.

— Откуда же вы ихъ берете? — полюбопытствовалъ я.

— Это очень просто!—объяснилъ мистеръ Джеррисъ.—Знаете, японское простонародье все-таки очень бѣдно, много дѣтей трудно прокормить, ну они не прочь отдать, если кто возьметъ, конечно, дѣвочку, а не мальчика. Тѣмъ богѣ намъ, у насъ все-таки дѣти прокармливаются лучше, чѣмъ дома.

— Это, должно быть дорого стоятъ!—замѣтилъ я.

— Нѣтъ!—возразилъ Джеррисъ.—Въ Японіи жизнь дешевая, особенно если по-японски жить... Зато вѣдь изъ нихъ проповѣдницы выходятъ, онѣ къ намъ всѣхъ нашихъ женщинъ привлекли.

— А развѣ японское простонародіе такъ бѣдно живетъ?—спросилъ я

— Знаете, не то что бы бѣдно, — сказалъ Джеррисъ, — а какъ бы вамъ сказать? — воздержно, что ли. Живутъ въ шалашахъ, одежды почти нѣтъ. Двѣ горсти риса — вотъ и ѣда. Пять центовъ у нихъ деньги. Если на деньги перевести, весь расходъ на семью йенъ или два въ мѣсяцъ.

— А нищихъ мало! — прибавилъ Джеррисъ. — Милостыню рѣдко кто проситъ, развѣ изъ крайности.

— Все въ Японіи узкое! — прибавилъ Джеррисъ. — Денегъ мало, потребностей тоже... Попросту люди живутъ, не то что въ Англии или Америкѣ.

— А европейцы какъ? — спросилъ я.

— Европейцы тоже такъ. Конечно, въ столицахъ или большихъ городахъ можно жить совсѣмъ по-европейски, а въ глуши никакъ не выйдетъ...

— Вотъ мы, напримѣръ, живемъ въ маленькомъ городишкѣ въ горахъ внутри Хокайдо. Тамъ, кромѣ насъ, никого нѣтъ. Какъ же тамъ жить по англійски?.. Тамъ вовъ и скота нѣтъ, мяса трудно достать, масло развѣ въ жестянкахъ. Поневоля, что японцы ѣдятъ, то и мы.

— А дома! — встала мистриссъ Джеррисъ. — У нихъ вѣдь и на югѣ, и на сѣверѣ архитектура одна. Они не разбираютъ. Бумага, да дрань — вотъ ихъ матеріалъ. А вѣдь на Хокайдо снѣгъ на десять футовъ выпадаетъ, четыре мѣсяца держится. Дома совсѣмъ съ крышей заваливаются, ходы приходится рыть, какъ кротамъ... Вотъ нашъ домъ еще лучше построенъ, печи вездѣ желѣзныя, топливо дешевое, а все-таки зимою, по ночамъ, не то что вода, керосинъ въ лампахъ мерзнетъ. Конечно, служанка печь растопитъ, опять тепло станетъ, тогда и встанешь...

На другой день рано утромъ мы пришли въ Нійгата, гдѣ намъ предстояло простоять три дня. На этотъ разъ мы захватили съ собою русскаго переводчика съ парохода, по имени Тагара, очень любезнаго и услужливаго молодого человѣка, хотя, собственно, по-русски онъ говорилъ довольно плохо. Впрочемъ, писалъ онъ правильно, особенно при помощи словаря. И въ разговорѣ тоже, если остановится и подумаетъ нѣсколько минутъ, то, въ концѣ концовъ, вспомнитъ нужныя слова и построитъ правильную фразу. Онъ научился русскому языку въ школѣ иностранныхъ языковъ въ Токио, гдѣ, между прочимъ, преподаваніе русскаго языка ведется по-русски, и профессоромъ состоитъ отставной капитанъ русской службы Смысловскій, который по-японски совсѣмъ не говорить. Тагара, между прочимъ, показывалъ мнѣ рукописный списокъ «Ревизора», который ученики расписали по ролямъ, выучили наизусть и разыграли съ большимъ успѣхомъ года два тому назадъ.

Нійгата довольно большой, благоустроенный городъ, прорѣзанный по всѣмъ направленіямъ прямыми каналами, облицованными камнемъ. Впрочемъ, ѣздить по этимъ каналамъ можно только во время прилива, ибо въ отливъ они совершенно мелѣютъ, и только по самой срединѣ остается узкая сгрудка жидкой грязи вмѣсто воды. Здѣсь было гораздо

жарче, чѣмъ въ Хакодате, и нужно было много мужества, чтобы ходить по улицамъ подѣ палящими лучами солнца. Даже японцы послѣ полудня изнемогали и старались прятаться въ своихъ садикахъ у прохладныхъ фонтановъ.

Прямо съ пристани мы отправились на выставку, которая была устроена на обширной площади въ самомъ центрѣ города. Въ Японіи вообще очень часто устраиваются провинціальныя выставки то въ томъ, то въ другомъ городѣ. Въ Нійгата это уже была вторая выставка за послѣдніе десять лѣтъ. Она помѣщалась въ большомъ трехъэтажномъ зданіи, къ которому со всѣхъ сторонъ были пристроены легкіе деревянные флигеля, въ родѣ барачковъ. Билеты на посѣщеніе продавались у входовъ по двѣ копѣйки, съ учащихся брали половину. Несмотря на рабочій день, всѣ отдѣлы были наполнены публикой, и въ каждой передней углы были уставлены множествомъ соломенной и деревянной обуви, какъ въ лавкѣ, ибо посѣтители рассказывали по выставкѣ бо-сикомъ.

Кромѣ учащихся, это по большей части были все мелкіе люди, ремесленники, рабочіе, которые внимательно осматривали выставленные издѣлія и рисунки, постоянно справляясь съ печатнымъ каталогомъ. Я видѣлъ даже группу носильщиковъ въ обычныхъ рубахахъ изъ синей нанки съ бѣлымъ девизомъ союза, къ которому они принадлежали, напечатаннымъ во всю спину, и безъ всякаго признака штановъ. Они держались всѣ вмѣстѣ и со смущенной улыбкой переходили изъ отдѣленія въ отдѣленіе, осторожно подвигаясь въ узкихъ проходахъ, чтобы не задѣть одного изъ зеркальных шкафовъ своими руками, привычными къ размашистымъ движеніямъ. Однако, и они, видимо, интересовались выставкой и, добравшись до отдѣленія, гдѣ были сгруппированы средства передвиженія современной Японіи, проявили большой восторгъ и стали такъ громко критиковать выставленные тамъ же старинныя паланкины и носилки, что остальная публика собралась вокругъ и слушала со смѣхомъ, но все-таки очень внимательно.

Обшириѣе всего былъ земледѣльческій отдѣлъ выставки, гдѣ долгіе ряды витринъ были наполнены образцами зерновыхъ хлѣбовъ, бобовъ, коконовъ шелкопряда и т. п. Далѣе слѣдовалъ отдѣлъ тканей хлопчатобумажныхъ и шелковыхъ, отъ самыхъ простыхъ до чрезвычайно дорогихъ, украшенныхъ нѣжнымъ японскимъ рисункомъ съ неувловимыми перегибами красокъ, дешевыя сукна, веревки и канаты изъ пеньки и морской травы. Все это было сдѣлано въ провинціи Нарано, средоточіемъ которой служить г. Нійгата. Не менѣе богато былъ представленъ отдѣлъ рыболовства, съ безчисленными образцами сѣтей и моделями огромныхъ морскихъ лодокъ, судовъ и даже пароходовъ, употребляемыхъ для этой столь развитой въ Японіи промышленности. Общества рыбоводства выставили модели питомниковъ и сушильных заводовъ, связки сушеной рыбы, морской капусты, образцы селедоч-

наго компоста. Однако, настоящимъ гвоздемъ выставки былъ художественный отдѣлъ, выставившій цѣлыя груды лакированныхъ, рѣзныхъ и литейныхъ произведеній, съ тончайшею рѣзкой, съ рельефными инкрустациями изъ слоновой кости по черному дереву, съ артистическими матовыми рисунками по вороненой стали.

Маленькіе смѣшные хороводы японскихъ обезьянъ, вырѣзанные съ поразительнымъ искусствомъ и правдивостью, чередовались съ массивными фигурами ланей, волковъ, орловъ, вылитыхъ изъ темной бронзы, каждая изъ которыхъ была бы достойна помѣщенія въ любой художественный салонъ Европы, а здѣсь являлась только образчикомъ промышленнаго искусства. Рядомъ зала старинной живописи выставила несмѣтное богатство старинныхъ японскихъ картинъ на полотнѣ и на шелкѣ, которыя мѣнялись каждые пять дней, ибо для всѣхъ экспонатовъ не хватало мѣста.

Слѣдующая зала была занята произведеніями современной живописи, среди которыхъ цѣннѣе всего были опять картины изъ жизни животныхъ. Особенно хороша была группа мартышекъ, сидящихъ въ вѣтвяхъ густого дерева. Разнообразная экспрессія обезьяньихъ лицъ была исполнена съ тонкостью и выразительностью, какая совершенно неуловима для воспріятія культурнаго художника городской Европы. Зато другая зала, почти исключительно наполненная портретами молодыхъ женщинъ, въ свою очередь, свидѣтельствовала о подражаніи европейскому искусству, ибо японская національная живопись слишкомъ наивна и склонна къ подчеркиванію для точнаго воспроизведенія портретовъ. Новѣйшія работы этого рода, выставленныя здѣсь и нарисованныя уже по европейскимъ правиламъ, были довольно однообразны и очень тусклы. Лица имѣли одинаковыя выраженія, руки съ одинаковымъ жестомъ были сложены на груди или на колѣняхъ. Очевидно, Японія можетъ остаться красивою, только оставаясь вѣрною сама себѣ. Къ художественному отдѣлу принадлежали также вышивки цвѣтными шелками и золотомъ, часто съ художественными рисунками, которые требовали многихъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ кропотливой женской работы. Нѣкоторыя изъ вышивокъ, несмотря на общую дешевизну японскихъ произведеній, были оцѣнены въ нѣсколько сотъ рублей. Не нужно забывать, что всѣ эти вещи были произведены въ одной провинціи, величиной съ небольшую русскую губернію. Издѣлія изъ желѣза, ножи, топоры, различные инструменты, тоже были обильно представлены. Отдѣльная зала была занята даже частями локомотивовъ и различныхъ машинъ, ибо въ провинціи Нарано имѣются два машиностроительныхъ завода. Локомотивы, впрочемъ, были сдѣланы въ Токио, но въ мастерскихъ Нійгата ихъ разбирали и собирали, а потому не вытерпѣли и все-таки помѣстили ихъ тоже на выставкѣ.

Мистеръ Джеррисъ далъ мнѣ письмо къ одному изъ своихъ товарищей по духовному оружію, но его не оказалось въ городѣ. Мы, впро-

чемъ, не очень горевали и отъ миссіонера направились вмѣстѣ съ г. Тагіара къ директору мѣстной гимназіи, имя котораго мнѣ сказали на пароходѣ. По дорогѣ мы встрѣтили еще англійскаго миссіонера, но уже совсѣмъ другого типа. Это былъ худенькій человекъ, съ плохо выбритымъ лицомъ, въ поношенномъ нанковомъ сюртукѣ и грибообразной японской шляпѣ, обшитой холстомъ, чтобы придать ей болѣе европейскій видъ. Онъ сиротливо стоялъ на площади и раздавалъ прохожимъ маленькія духовныя брошюрки. Они брали съ равнодушнымъ видомъ, какъ листокъ рекламы отъ надобливаго разнощика, потомъ комкали въ рукѣ и проходили мимо. Онъ очень обрадовался, когда мы подошли и заговорили съ нимъ по англійски.

— По крайней мѣрѣ, европейскую рѣчь услышалъ, — повторялъ онъ, — а то по-японски не понимаю ни слова, а живу съ японцами.

Онъ сообщилъ намъ, что принадлежитъ къ пресвитеріанской конгрегаци и былъ первоначально посланъ на Филиппинскіе острова, но заболѣлъ желтой лихорадкой. Тогда для поправленія здоровья старшины послали его въ Японію.

— Нужно, однако, стараться зарабатывать себѣ духовный хлѣбъ, — прибавилъ онъ со вздохомъ.

— А вы не изъ арміи ли спасенія? — высказалъ я вслухъ мелькнувшую въ моей головѣ догадку...

Точно такія же фигуры, похожія на лакеевъ безъ мѣста, я видѣлъ въ С.-Франциско въ рядахъ этой почтенной арміи, когда они въ воскресные вечера проходили по городу съ распущенными знаменами, подъ грохотъ барабановъ и звонъ бубновъ, обвѣшанныхъ бубенчиками.

— Нѣ-ѣтъ! — замылся миссіонеръ.

Армія спасенія не пользуется большимъ уваженіемъ среди англосаксонскаго духовенства.

— Но если бы даже и такъ, — прибавилъ онъ вдругъ обидчивымъ тономъ, — то въ этомъ нѣтъ ничего дурного.

— Я ничего не говорю! — попробовалъ я возразить.

— Армія спасенія проповѣдуетъ Божью вѣсть разнымъ народамъ, японцамъ, неграмъ, канакамъ, не хуже *вашигъ* пресвитеріанскихъ пасторовъ! — продолжалъ миссіонеръ.

Въ пылу разговора онъ уже присвоилъ мнѣ пресвитеріанское духовенство.

— Да я же не спорю! — повторилъ я, нѣсколько изумленный этимъ неожиданнымъ подаркомъ.

— А въ городахъ она отводитъ отъ кабака тысячи душъ въ сто разъ успѣшнѣе *вашигъ* епископальныхъ миссіонеровъ, — продолжалъ онъ, повышая діалогъ и развивая ту же фикцію о моей отвѣтственности за все англійское духовенство.

Я опять попытался оправдаться, но онъ не обратилъ вниманія на мои слова.

— Мнѣ пора! — холодно кивнугъ онъ головой. — Прощайте, джентльмены.

Директоръ гимназій, пожилой и довольно грузный, съ тяжёлымъ лицомъ, какое японцы часто приобретаютъ подъ старость, былъ очень любезенъ, но по-англійски говорилъ плохо. Узнавъ, что мы хотимъ осмотрѣть учебныя заведенія Нійгата, онъ тотчасъ же познакомилъ меня съ учителемъ англійскаго языка, г. Тамура Тойогиса, который обязательно сопровождалъ насъ повсюду во все остальное время. Г. Тойогиса по-англійски говорилъ довольно свободно, хотя опять-таки за границей никогда не былъ и образованіе получилъ въ университетѣ въ Токио.

Прежде всего онъ повелъ насъ на урокъ англійскаго языка, въ качествѣ предмета, наиболѣе близкаго его сердцу. Преподаваніе англійскаго языка ведется довольно тщательно въ мужскихъ и женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, и въ этой гимназій было даже три отдѣльныхъ учителя для разныхъ классовъ.

Классъ, въ который мы зашли, состоялъ изъ большой прекрасно освѣщенной и очень чистой комнаты. Болѣе сорока учениковъ въ ситцевыхъ халатикахъ или бѣлыхъ коленкоровыхъ рубахахъ, съ босыми ногами и безъ бѣлья, сидѣли за небольшими, но довольно удобными партами и прилежно писали подъ диктовку. Учитель, маленькій и очень черный, ходилъ взадъ и впередъ по эстрадѣ передъ кафедрой и диктовалъ наизусть. Онъ произносилъ по-англійски довольно раздѣльно, только по японскому обыкновенно всѣ *l* выговаривалъ, какъ *г*, что иногда давало поводъ къ недоразумѣніямъ. Ученики писали въ обыкновенныхъ тетрадкахъ, но съ неловкимъ видомъ, который болѣе или менѣе свойственъ всѣмъ японцамъ при употребленіи перьевъ и чернилъ вмѣсто кисточки и туши. Однако, взявъ тетрадку у перваго попавшагося ученика, я убѣдился, что въ его работѣ почти нѣтъ грамматическихъ ошибокъ, хотя то былъ только четвертый классъ, соотвѣтствующій нашему второму. Стѣны классной комнаты были увѣшаны географическими картами гораздо лучшей работы, чѣмъ соотвѣтственныя произведенія Ильина, и изображеніями различныхъ животныхъ съ англійскими надписями. Въ перемежку съ ними висѣли ученическіе рисунки самаго разнообразнаго содержанія, и многіе изъ нихъ обнаруживали тщательное исполненіе, ибо вообще рисованіе является въ Японіи однимъ изъ самыхъ важныхъ школьныхъ предметовъ.

Слѣдующій классъ занимался чистописаніемъ. Учитель выводилъ мѣломъ на доскѣ причудливыя буквы, а ученики тщательно воспроизводили ихъ тушью на лощенной бумагѣ, тонкой, какъ папирсная. Европейскій школьникъ не имѣетъ понятія о той массѣ терпѣнія и труда, которую его монгольскій собратъ долженъ затрачивать на усвоеніе

письма. Даже средневѣковой готическій шрифтъ и нашъ старинный уставъ не могутъ идти въ сравненіе. Зато интеллигентные японцы совершенно серьезно утверждаютъ, что полуинстинктивный даръ рисунка и чувство кривыхъ линій, свойственныя японскому, а отчасти и китайскому народу, образовались, именно, вслѣдствіе многовѣковаго обученія письму.

Въ слѣдующемъ классѣ маленькій ученикъ, едва достававшій рукою до доски, отвѣчалъ урокъ алгебры, бойко вычерчивая латинскія формулы и знаки, за развитіемъ которыхъ мы могли слѣдить также удобно, какъ и учитель. Но это былъ лучший ученикъ класса, и я подозреваю, что онъ былъ вызванъ къ доскѣ ради нашего посѣщенія.

Вообще же по словамъ моего спутника математика не процвѣтаетъ въ японскихъ среднихъ школахъ, кромѣ специальныхъ. Тѣмъ болѣе видное мѣсто принадлежитъ рисованію, которое преподается какъ съ японской, такъ и съ европейской точки зрѣнія, съ изученіемъ перспективы, скелета и съ рисунками съ живой модели. Каждый годъ устраивается конкурсъ ученическихъ работъ, и нѣкоторые изъ премированныхъ рисунковъ такъ хороши, что я соблазнился и хотѣлъ приобрести ихъ для себя, но, разумѣется, оказалось, что ученическія работы не продаются. Двѣ или три картинки отличались даже простотой и реальнымъ направленіемъ, противорѣчившимъ общему причудливо-тонкому характеру японской живописи. Группа рыбаковъ на берегу у костра. Лица истощенныя и загрузѣвшія отъ вѣчнаго пребыванія подъ солнцемъ и вѣтромъ, грязные лохмотья одежды, некрасиво повисшей вокругъ коряваго темнокоричневаго тѣла съ мускулами, выступающими, какъ узлы веревокъ... Пожилой джиррикса везетъ старую японку по сельской дорогѣ... Двое гимназистовъ, зажавъ руками уши, сидятъ, склонившись надъ книжкой и долбятъ урокъ.

— Это новая мода! — неодобрительно сказалъ Тойогиса, останавливаясь передъ этими рисунками. Онъ былъ поклонникомъ старинной живописи и показывалъ мнѣ потомъ собраніе старинныхъ гравюръ, которое могло бы свести съ ума любого европейскаго коллекціонера.

— А какой предметъ важнѣе всего въ вашей школѣ? — спросилъ я своего спутника.

— А что вы думаете? — живо возразилъ онъ. — Конечно, классики, въ двойной системѣ!..

Я чуть не отскочилъ въ сторону. Мнѣ почудилось, что между нами встаетъ тощая тѣнь латиниста изъ чеховъ, съ пучкомъ экстенпоралій въ рукахъ.

Однако, почтенный учитель англійскаго языка говорилъ совсѣмъ о другомъ. Его двойная система состояла изъ японскихъ и китайскихъ нравственно-философскихъ писателей, изученіе которыхъ считается замѣняющимъ религіозное воспитаніе и цѣнится весьма высоко.

Китайскіе классики имѣютъ особаго учителя, хотя, какъ извѣстно,

для чтенія китайскихъ идеограммъ не требуется знаніе языка и для японскаго школьника, по мѣрѣ того, какъ онъ усваиваетъ себѣ систему этого письма, открывается одинаковая возможность читать японскія и китайскія книги.

Японскіе классики изучаются по подлинникамъ и хрестоматіямъ. Я попросилъ г. Тойогису перевести мнѣ, по его выбору, отрывокъ изъ хрестоматіи.

Онъ подумалъ немного и выбралъ статью о патриотизмѣ, предупредивъ, что это ни что иное, какъ журнальная статья, написанная десять лѣтъ тому назадъ однимъ изъ тогдашнихъ японскихъ министровъ и, вслѣдствіе своего необычайнаго краснорѣчія, уже зачисленная въ составъ японскихъ классиковъ и даже попавшая въ хрестоматію.

«Японія, несомнѣнно, первая страна въ мѣрѣ,—начиналось это замѣчательное произведеніе.—Мягкость ея климата, обиліе плодовъ природы, красота населенія, мужество, умъ и семейныя добродѣтели дѣлаютъ ее рѣдкостнымъ цвѣткомъ міра, брошеннымъ на соленый берегъ самого большого изъ земныхъ морей. (Злобная пословица тихоокеанскихъ англичанъ, напротивъ, утверждаетъ, что «въ Японіи плоды безъ вкуса, цвѣты безъ запаха и женщины безъ добродѣтели!»).

«И если другія страны соперничаютъ съ нею въ силѣ, то пальма граціи и красоты принадлежитъ, несомнѣнно, намъ. Спрашивается, что же мы должны сдѣлать для того, чтобы утвердить первенство Японіи если не на всемъ земномъ шарѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Азіи, занятыхъ соплеменными намъ монгольскими народами?..»

Далѣе въ видѣ средствъ, рекомендуется прилежное изученіе точныхъ и прикладныхъ наукъ и постоянное стремленіе къ совершенствованію, чтобы Японія умѣла производить все то, что производятъ чужія страны такъ же хорошо и даже лучше ихъ, и затѣмъ любовь къ японскому государству и въ частности къ микадо.

«Почему мы любимъ японское государство? — спрашиваетъ авторъ.— Мы любимъ его, потому что оно священо. Начало его простирается въ глубь вѣковъ, какъ будто оно вышло изъ вѣдръ океана вмѣстѣ съ самой японской землей. Мы любимъ его, потому что оно разумно. Оно ввело порядокъ и правосудіе, уничтожило произволъ и тиранію сильнаго надъ слабымъ...

«Мы любимъ его, потому что оно свободно. Оно мудро представляетъ намъ вѣрять, какъ вѣрится, говорить, какъ думается, собираться вмѣстѣ и управлять собственными дѣлами, поскольку мы умѣемъ и хотимъ. И только когда мы просимъ о помощи, оно является и помогаетъ...

«Поэтому японское государство есть лучшее изъ государствъ. Оно наша мать и отецъ, но мы любимъ его сильнѣе, чѣмъ собственныхъ кровныхъ!..»

Такова государственная религія, которой обучается юношество въ японскихъ школахъ.

Кромѣ англійскаго языка, алгебры и японско-китайскихъ классиковъ, въ гимназіи преподается также какъ и у насъ, геометрія и тригонометрія, исторія общая и японская, географія и даже философія, преимущественно по китайскимъ источникамъ. Много времени и вниманія удѣляется также гимнастикѣ и гимнастическимъ играмъ въ превосходно устроенномъ залѣ, гдѣ имѣются всѣ новинки учебной гимнастики. Между прочимъ при гимназіи издается ежегодникъ, гдѣ помѣщаются статьи учителей и лучшихъ учениковъ на любыя темы по ихъ свободному выбору.

Въ гимназіи Нійгата 550 учениковъ; ученіе продолжается пять лѣтъ, но общее число классовъ четырнадцать, такъ какъ много параллельныхъ вѣтвей. Ученики поступаютъ сюда четырнадцатилѣтними юношами послѣ восьмилѣтняго пребыванія въ элементарной школѣ, гдѣ дѣвочки и мальчики учатся вмѣстѣ. Для дѣтей школьнаго возраста обязательно, по крайней мѣрѣ, четырехлѣтнее посѣщеніе элементарной школы, почему общее число грамотныхъ достигаетъ 80%. При гимназіи устроенъ пансіонъ для иногороднихъ, въ которомъ живутъ 160 учениковъ. Мы осмотрѣли ихъ дортуары, столовую и залы для приготовленія уроковъ. Все было устроено очень чисто, но съ крайней простотой, соответствующей общему тону японской жизни. Зато и плата только восемь йенъ въ мѣсяцъ за полное содержаніе съ одеждой и учебными пособиями включительно. Плата за право ученія одиннадцать йенъ въ годъ.

Юноши, обучающіеся въ гимназіи, принадлежатъ исключительно къ среднему классу. Это дѣти чиновниковъ, торговцевъ, банкировъ, военныхъ офицеровъ. Крестьяне или рабочіе, даже изъ самыхъ способныхъ, попадаютъ въ среднюю школу очень рѣдко, тѣмъ болѣе, что освобожденіе отъ платы за ученіе весьма затруднительно, а стипендій или даровыхъ мѣстъ въ пансіонѣ нѣтъ.

— Зачѣмъ рабочимъ такая школа?—сентенціозно объяснилъ мнѣ г. Тойогиса.—У нихъ есть прекрасныя элементарныя школы... а эта для насъ!..

Кромѣ гимназіи, въ Нійгата есть еще военное, морское и коммерческое училища и учительская семинарія, и каждое изъ этихъ четырехъ средне-учебныхъ заведеній имѣетъ болѣе двухсотъ учениковъ. Женская гимназія имѣетъ 280 ученицъ. Мы выразили желаніе осмотрѣть ее, тѣмъ болѣе, что она находится довольно близко отъ мужской и можно было рассчитывать застать еще послѣдніе уроки. Дѣйствительно, въ старшемъ классѣ шелъ урокъ химіи. Большой столъ былъ весь уставленъ склянками и химическими препаратами. Учитель, очень старій, обросшій сѣдыми волосами и, сверхъ обыкновенія, довольно грязный японецъ въ обтрепанномъ европейскомъ платьѣ, объяснялъ ученикамъ различіе свойствъ воздуха, кислорода и углекислоты при помощи наглядныхъ опытовъ. Онъ напомнилъ мнѣ стараго учителя физики,

который бывало окружалъ наши фамиліи въ журналѣ цѣлымъ частоколомъ единиць.

Ученицы въ нарядныхъ киримонахъ съ широкимъ шелковымъ поясомъ внимательно слушали, протягивая впередъ любопытныя головки, украшенныя обычной прической въ видѣ развернутыхъ крыльевъ бабочки, проткнутыхъ металлической булавкой съ фарфоровой или серебряной головкой.

Въ слѣдующемъ классѣ, должно быть, вслѣдствіе закона противоположностей, происходилъ урокъ женскаго этикета. Учительница, пожилая и довольно безобразная японка, маленькая и сгорбившаяся, въ скромной сѣрой одеждѣ съ бумажнымъ вѣеромъ у пояса, производила непонятныя манипуляціи надъ цѣлой серіей мелкихъ вещиць, необходимыхъ для японской вѣжливости, тутъ были тертый зеленый чай въ лакированной коробочкѣ, темныя зерна какого-то пахучаго вещества, жидкій бальзамъ въ бронзовой чашкѣ, штофная салфетка, вышитая золотыми разводами.

Женская гимназія была обставлена лучше, чѣмъ мужская. Парты были сдѣланы въ видѣ мягкихъ креселъ и на лѣстницѣ стояли пальмы и бронзовыя скульптуры. Полы были тщательно наложены. Въ рекреационной залѣ у одной стѣны стояло фортепiano, у другой органъ. У каждаго инструмента группа дѣвочекъ съ увлеченіемъ занималась музыкой, т.-е. двѣ пары играли въ четыре руки, а остальные стройно и искусно пѣли. Характеръ музыки былъ европейскій, ибо японская совсѣмъ не годится для фортепiano; впрочемъ, Тойогиса утверждалъ, что это все-таки сочиненіе японскихъ композиторовъ. При гимназіи имѣется прекрасно содержимый садъ. На большой центральной площадкѣ группа дѣвочекъ играла въ лаун-теннисъ. Въ своихъ яркихъ платьяхъ, съ широко развѣвающимися рукавами, онѣ походили на большихъ бабочекъ, граціозно перелетающихъ съ мѣста на мѣсто, и тонкая сѣтка, натянутая поперекъ площадки, какъ будто была назначена удерживать ихъ полеть.

Кромѣ химіи и этикета, въ женской гимназіи преподаются тѣ же общеобразовательныя предметы, что и въ мужской; но рядомъ съ ними очень большое мѣсто отведено женскимъ работамъ, кройкѣ и шитью, вышиванію по полотну и шелку. Рисованіе преподается не менѣе тщательно и въ художественномъ исполненіи японскія женщины не уступаютъ мужчинамъ. Не мѣшаетъ отмѣтить еще, что гимнастическій залъ прекрасно устроенъ, и дѣвочки регулярно занимаются упражненіями въ обычныхъ гимнастическихъ костюмахъ.

При гимназіи есть пансіонъ на семьдесятъ учениць съ тою же платою восемь йенъ въ мѣсяцъ. Директоръ и два секретаря гимназіи мужскаго пола; изъ общаго числа учителей семеро мужчинъ и шесть женщинъ. Мужскіе учителя, разумѣется, преподають «серьезныя» предметы, а женщины — вышиваніе, шитье, рисованіе, этикетъ.

Гимназія существуетъ сравнительно недавно и имѣетъ четыре класса при семи отдѣленіяхъ; но послѣдній четвертый классъ еще не открытъ.

Къ двумъ часамъ пополудни стало такъ жарко, что даже мой японскій спутникъ почувствовалъ изнеможеніе и, вмѣсто того, чтобы ѣхать съ нами, какъ было условлено, въ буддійскій храмъ, предложилъ зайти къ нему домой и переждать самые тяжелые часы дня. Онъ жилъ въ двухъ шагахъ, въ небольшомъ, но благоустроенномъ домикѣ, наемъ котораго стоилъ ему вмѣстѣ съ садомъ семь рублей въ мѣсяцъ. Онъ, впрочемъ, жаловался на дороговизну и сѣтовалъ на то, что квартирная плата растетъ въ Нійгата съ невѣроятной быстротой. Конечно, все его жалованье составляло шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, изъ которыхъ онъ еще умудрялся откладывать ежемѣсячно двадцать рублей. Тѣмъ не менѣе, домашняя обстановка не обнаруживала скудости. Комнаты были уставлены дорогими лакированными вещами, а въ ящикахъ скрывались цѣлыя сокровища гравюръ, вышивокъ, рукописныхъ книгъ. Положимъ, имѣя такъ мало расходовъ на пищу и одежду, можно украсить свое жилище даже при самыхъ ничтожныхъ доходахъ. Обѣдъ, которымъ онъ насъ угостилъ, былъ совершенно воздушенъ, почти призраченъ, какъ будто мы обѣдали во снѣ.

— Въ японскомъ обѣдѣ цѣнится стиль,—говорилъ намъ въ утѣшеніе любезный хозяинъ,—и стиль этотъ совсѣмъ иной, чѣмъ въ Европѣ.

Послѣ обѣда хозяйка попросила своего супруга объяснить мнѣ что она православной вѣры и въ подтвержденіе принесла карточку православнаго епископа Японіи Николая.

— У меня еще русское имя есть,—объяснила она,—но я его забыла. Вы прочтите и скажите мнѣ. А по-японски меня зовутъ Аното-Самъ (госпожа Аното).—На карточкѣ было написано: «возлюбленной Евфросиніи отъ епископа Николая». Супруга г. Тойогиса происходила изъ Токио, гдѣ сосредоточена большая часть дѣятельности православныхъ миссій, но въ Нійгата не было ни православной общины, ни церкви, и новокрещенная Евфросинія, къ сожалѣнію, ничѣмъ не могла проявить своего религіознаго усердія.

— А вы тоже христіанинъ?—спросилъ я г. Тойогису.

— Мнѣ это не нужно!—спокойно отвѣчалъ онъ.—А у нея есть собственный умъ...—и онъ указалъ глазами на жену, которая, сидя на корточкахъ въ самой японской позѣ мыла для десерта груши изъ собственнаго сада.

Въ головѣ моей мелькнула мысль, насколько, въ сущности, чужды и непонятно мнѣ состояніе души этой молчаливой темнолицей женщины, которая, сохранивъ всѣ свои японскія привычки, почувствовала потребность покинуть домашнихъ боговъ, унаслѣдованныхъ отъ матери и бабки, для чужеземной религіи, послѣдній очагъ которой она

всю ширину японской страны от этого уединеннаго западнаго города.

— А какъ вы думаете?—спросилъ я Тойогису.—Можетъ ли христіанство разсчитывать на успѣхъ въ Японіи?.

— Конечно, нѣтъ! — оквѣтилъ онъ, не колеблясь. — Зачѣмъ намъ брать чужую вѣру?..

— Взяли же вы чужую науку!—возразилъ я.

— То наука!—сказалъ Тойогиса. — А вѣра у насъ и своя есть!.. Кромѣ того, я читалъ вамъ сегодня объ этомъ... Хорошая нравственность—вотъ настоящая японская вѣра!..

Меня интересовало состояніе японской переводной литературы сравнительно съ русскою.

— У насъ переведено все нужное! — сказалъ мнѣ г. Тойогиса.— Научныя книги, философія, исторія, Спенсеръ, Милль, Кантъ... Даже новинки по этой части не остаются безъ вниманія и по возможности переводятся тотчасъ же. Вотъ недавно стали переводить Рѣскина.

— А изящная литература какъ?—спросилъ я.

— Изящная литература—пустяки!—спокойно сказалъ Тойогиса.— На что намъ ваши романы?.. Да у насъ и свои есть...

— А Шекспиръ переведенъ?

— Нѣтъ! — сухо отвѣтилъ Тойогиса. — Только нѣсколько отрывковъ. Намъ это не нужно. Литература есть работа, а не самоуслаженіе..

Это напоминало состояніе русской литературы при Петрѣ, когда рядомъ съ навигацкой наукой переводился Пуффендорфъ, а для изящной литературы не было времени.

Впрочемъ, я не думаю, чтобы сообщенія г. Тойогисы были совершенно точны. По крайней мѣрѣ, въ Токио существуетъ издательская фирма, которая находитъ выгоднымъ перепечатывать англійскіе романы и сочиненія по литературной критикѣ. Въ Японіи, стало быть, находится достаточно читателей, чтобы раскупать эти книги въ подлинникѣ.

Г. Тойогиса, разумѣется, былъ пламеннымъ патриотомъ своего отечества.

— Наша главная бѣда, — жаловался онъ, — тѣсно, мѣста мало!.. Народу много, а извлекать доходы не изъ чего. Поэтому мы до сихъ поръ—бѣдная страна... Однако, мало по-малу мы все-таки богатѣемъ!—утверждалъ онъ.—Промышленныя предпріятія растутъ и земледѣліе тоже улучшается, несмотря на послѣдній кризисъ. По статистическимъ даннымъ народная пища улучшается. По даннымъ о состояніи новобранцевъ, ростъ и вѣсъ молодого поколѣнія постоянно увеличивается... Только бы намъ зайти хорошую территорію для колоній, — мы бы быстро достигли процвѣтанія!—прибавилъ онъ напряженно глядя мнѣ въ глаза, какъ

будто отъ меня зависѣло тотчасъ же отвести Японіи кусокъ азіатскаго материка для колонизаціи.

Г. Тойогиса, конечно, думалъ о Корей, которую Японія вѣрѣно облюбовала и низачто не хочетъ выпустить изъ рукъ.

Г. Тойогиса, разумѣется, очень интересовался Россіей и русскими владѣніями на противоположномъ берегу Японскаго моря.

— Въ прошломъ году я посѣтилъ Владивостокъ — рассказывалъ онъ мнѣ.—Интересный городъ, только ужъ черезчуръ много китайцевъ. Я тоже, какъ вотъ и вы, хотѣлъ осмотрѣть учебныя заведенія—продолжалъ онъ,—но нашелъ только двѣ, одну гимназію и одну низшую школу.

— Развѣ во Владивостокѣ больше нѣтъ? — прибавилъ онъ съ лукавой усмѣшкой.—Или я худо искалъ?..

Я дипломатично отвѣтилъ, что, въ сущности, Владивостокъ не русскій, а азіатскій городъ.

— Ну, такъ я поѣду въ Россію!—съ дѣтской живостью возразилъ Тойогиса.—Пусть только достроятъ Сибирскую дорогу!.. Дайте мнѣ вашъ адресъ, я приду къ вамъ въ Петербургъ.

Не безъ сожалѣнія расстались мы съ гостепріимнымъ японскимъ учителемъ.

— Непремѣнно поѣду въ Россію!—повторялъ онъ.—Я скопилъ нѣсколько сотъ рублей, но не прочь истратить ихъ, чтобы узнать что-нибудь новое... Мнѣ тридцать три года, но мы, японцы, думаемъ, что учиться новому хорошо во всякомъ возрастѣ. Не такъ ли?..

Мы рѣшительно стали собираться на пароходъ.

— Напишите мнѣ одинъ разъ изъ Петербурга,—попросилъ Тойогиса,—чтобы я былъ увѣренъ, что вы сохранили о Японіи пріятное воспоминаніе.

Это была внезапная вспышка импульсивности, которая иногда придаетъ совсѣмъ дѣтскій характеръ поведенію этихъ способныхъ учениковъ европейской культуры, которые такъ быстро стали самостоятельными, что не мѣшаетъ имъ прекрасно обдѣлывать свои общественныя и личныя дѣла.

Мы еще разъ повторили, что сохранимъ о Японіи вообще и о Нійгата въ частности самое пріятное воспоминаніе, и окончательно распрощались съ г. Тойогисой.

Танъ

ДВА СТРАННИКА.

Кто онъ? Повѣдай мнѣ, о странникъ! Много разъ
У этихъ водъ, на берегу далекомъ,
Молился онъ въ раздуміи глубокомъ
И ночь благословлялъ, не замѣчая насъ.
Слова его мольбы—необычайны;
Нездѣшняя печаль въ напѣвѣ ихъ звучить.
Его усталый взоръ ласкаетъ и грозитъ,
Исполненный любви, грѣха и тайны.
Кто онъ? Какіе сны онъ видитъ въ вышинѣ?
Въ какую даль стремится и откуда?
Я спрашивалъ людей... Одни кричали мнѣ:
„Избранникъ онъ, дитя небесъ и чуда,
Его устами Богъ пророчить о любви.
Иди къ нему. Молись его видѣньямъ.
Тебя утѣшить онъ отраднымъ пѣньемъ,
Мечтой заморозитъ страданія твои.“
„Онъ мученикъ,—другіе отвѣчали,—
Гонимый завистью и злобою людской.
Иди къ нему. Пойми его печали.
Утѣшь его тоску отзывною тоской...“
И я хотѣлъ идти къ нему смиренно,
Чтобъ сердце передъ нимъ довѣрчиво раскрыть,
И я хотѣлъ всю скорбь души его испить,
Какъ жгучій ядъ изъ чаши драгоцѣнной.
Но чья-то голоса мнѣ прошептали: „Нѣтъ!
Не вѣрь ему. Волшебникъ онъ лукавый
И лжець“...

О странникъ, судъ людей былъ правый.

Я узнаю его. Тотъ избранный—поэтъ.
Иди къ нему. Онъ тотъ, кто жизнь даруетъ
Неяснымъ образамъ, витающимъ надъ нимъ,
Кого съ тоской любви безшумный серафимъ
Въ уста, какъ другъ таинственный, дѣлуетъ.
Иди къ нему. Онъ мученикъ невольныхъ грезъ,
Предчувствій и надеждъ невыразимыхъ,
Онъ мученикъ тревогъ непримиримыхъ
И безотвѣтныхъ думъ, и безпричинныхъ слезъ.
Иди къ нему. Молись его видѣньямъ.
И если ты, какъ онъ, усталый и больной
Томишься на землѣ тоскою неземной—

То можетъ быть, насытивъ грудь мученьемъ,
 Въ мученіи ты найдешь отраду и покой...
 Но если ты томимъ великой жаждой
 Борьбы и подвиговъ, волненій и страстей,
 Но если мракъ и трепетъ жизни каждой
 Сливаются съ душой отзывчивой твоей,
 И если можешь ты, безъ сожалѣнья,
 Безъ ужаса, сказать: для жизни жизнь дана,
 И улыбаться ей, и пить ее до дна,
 До глубины послѣдняго мгновенья—
 Тогда живи безъ грезъ; отдайся весь борьбѣ
 За счастье и за жизнь. Твоей земной судьбѣ
 Не нуженъ рай, поэта рай чудесный.
 Поэта манитъ призракъ безтѣлесный,
 Обрывы мертвые влекутъ его къ себѣ...
 О странникъ, знай: когда онъ воспѣваетъ
 Рѣчами страстными любви могучій бредъ,
 Когда земную скорбь отъ мелочныхъ суетъ
 Онъ къ жалости священной призываетъ—
 Быть можетъ, дальше онъ отъ жизни и людей,
 Чѣмъ Богомъ и людьми отверженный злодѣй.
 Ни жалости, ни гнѣва онъ не знаетъ.
 И кто бы ни былъ онъ, безумецъ иль герой,
 Отъ первыхъ чистыхъ думъ и до могилы
 Поэтъ—бессильный рабъ великой силы,
 Владѣющей его испуганной душой.

О странникъ! Въ небесахъ непостижимыхъ
 Есть звѣзды дальнія, чужія для земли.
 Глубокія моря волнуются вдали,
 У береговъ, земнымъ очамъ незримыхъ.
 Поэтъ—дрожащій лучъ тѣхъ призрачныхъ міровъ,
 Упавшій къ намъ слезой любви и горя.
 Поэтъ—волна таинственнаго моря,
 Забытая Творцомъ у нашихъ береговъ.
 И оттого, въ тиши своихъ страданій
 Внимая голосамъ неслышнымъ никому,
 Онъ вызываетъ міръ воспоминаній.
 Изъ смутной глубины, невѣдомой ему.
 И оттого, блуждая думой плѣнной
 Въ холодномъ царствѣ сновъ, онъ вѣчно одинокъ,
 И оттого въ часъ скорби вдохновенной
 Онъ плачетъ какъ дитя и грезитъ какъ пророкъ...

Сергѣй Маковскій.

НА ПОВОРОТѢ.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе *).

XI.

На слѣдующій день съ утра пошелъ дождь. Низкія черныя тучи бѣжали по небу, дулъ сильный вѣтеръ. Садъ вылъ и шумѣлъ, въ воздухѣ кружились мокрые, желтые листья, въ аллеяхъ стояли лужи. Глянуло непривѣтливою осенью. На ступенькахъ крыльца чернѣла грязь отъ очищаемыхъ ногъ, всѣ были въ теплой одеждѣ.

Насталъ вечеръ. Отъужинали. Непогода усиливалась. Въ саду стоялъ глухой, могучій гулъ, въ печныхъ трубахъ свистѣло, на крышѣ сарая полуоторванный желѣзный листъ звякалъ и трепался подъ вѣтромъ. Конкордія Сергѣевна, въ поношенной блузѣ и съ косынкою на рѣдкихъ волосахъ, укладывала въ спальнѣ бѣлье въ разставленные на полу чемоданы и корзины: на-дняхъ Катя уѣзжала въ гимназію. Горничная Дашка, зѣвая и почесывая лохматую голову, подавала Конкордіи Сергѣевнѣ изъ бѣльевой корзины выглаженные женскія рубашки, юбки и простыни.

Варвара Васильевна, Токаревъ, Сергѣй и Катя сидѣли въ столовой. На большомъ обѣденномъ столѣ горѣла лампа, скатерть съ неприбранной послѣ ужина посудой была усыяна хлѣбными корками и крошками. Сергѣй, съ какимъ-то особеннымъ блескомъ въ глазахъ, сидѣлъ на окнѣ, засунувъ руки между колѣнъ, и хмуро смотрѣлъ въ уголъ.

— Ахъ, ты, гадость какая!—съ отвращеніемъ произнесъ онъ и, вставъ, зашагалъ по комнатѣ.—Какъ паскудно на душѣ! Ну, и компанія же была у насъ вчера!.. У-у, эти взрослые люди!..

Онъ остановился передъ столомъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль. 1902 г.

— Взрослые, „почтенные“... Всю жизнь корпятъ, „трудятся“, и даже не спросятъ себя, кому и на что нуженъ ихъ трудъ. Важно только одно,—чтобъ „заработать“ побольше, чтобъ можно было съ своею семьею *жить*... А для чего жить?.. А вечеромъ съѣдутся и съ тѣмъ же важнымъ, почтеннымъ видомъ цѣлыми часами бросаютъ на столъ раскрашенныя картонки. И вѣдь всѣ ужасно уважаютъ себя,—какое сознание собственного достоинства, какая важность, какая увѣренность въ своемъ правѣ на жизнь! Въ головѣ—пара дрянненькихъ идейекъ, высохшихъ, какъ залежавшійся лимонъ, и это — „установившіеся взгляды“; зачѣмъ думать, и искать? Вѣдь это положительно собраніе какихъ-то животныхъ,—тупыхъ, самодовольныхъ, ни надъ чѣмъ не задумывающихся. И среди этихъ животныхъ—„люди“: докторъ, покорно преклоняющійся передъ всякою подлостью, хотя и понимаетъ, что это подлость, Будиновскій съ его великолѣпнымъ либерализмомъ... Я его себѣ иначе теперь не могу представить: жена сидитъ, читаетъ ему умную книжку, а онъ слушаетъ и... рисуетъ лошадиныя головки. Вѣдь въ этихъ лошадиныхъ головкахъ онъ весь цѣликомъ, со всею силою своихъ идеаловъ и умственныхъ запросовъ... Бррр!..

Сергій передернулъ плечами и медленно зашагалъ по столовой. Токаревъ стоялъ у печки и крутилъ свою бородку, испытывая къ Сергію глухое, все возраставшее раздраженіе.

— Меня, Сергій Васильевичъ, удивляетъ одно,—заговорилъ онъ.—Вы преисполнены ужаснымъ презрѣніемъ къ бывшимъ у насъ вчера взрослымъ людямъ. Они не удовлетворяютъ вашему представленію о челоѣкѣ,—страстно ищущемъ, смѣломъ, не дрожащемъ за себя и свое благополучіе. Вы въ этомъ совершенно правы, но только... Развѣ у насъ вчера были какіе-нибудь особенныя „взрослые люди“, а не самые обыкновенныя? Въ общемъ, взрослые люди всѣ таковы, и надъ этимъ стоитъ задуматься. Возьмите хоть такую вещь: среди своихъ сверстниковъ вы, навѣрное, уважаете множество лицъ, среди же „взрослыхъ“ людей лишь трехъ-четырехъ, и то вы ихъ уважаете условно. Вѣдь правда?

— Совершенно вѣрно.

— Ну, вотъ. У меня тоже было много сверстниковъ, заслуживавшихъ глубокаго уваженія, а теперь... теперь они уваженія не заслуживаютъ. Какая этому причина? Та, что двадцать лѣтъ есть не тридцать и не сорокъ, больше ничего. Вамъ двадцать два года. Эко чудо, что у васъ кровь кипитъ, что вамъ хочется подвиговъ, „грозы“, самоотверженной дѣятельности, что вы жадно ищете знаній! Въ вашу возрастъ все это вполне естественно. Но это вовсе не даетъ вамъ права такъ презирать другихъ людей и такъ уважать себя. Вотъ останьтесь такимъ до сорока лѣтъ,—тогда уважайте себя!

— Мнѣ кажется, изъ вашихъ словъ вытекаетъ не этотъ выводъ,—сдержанно возразилъ Сергѣй.—Когда я *перестану* быть „такимъ“, то я и долженъ перестать уважать себя.

— Нѣтъ, не то! Я говорю, что нужно имѣть *право* предъявлять известныя требованія, хотя бы и самыя законныя, а вы такого права не имѣете. Если десятилѣтній мальчишъ станетъ проповѣдывать взрослому человѣку идеи „Крейцеровой Сонаты“, то мнѣ будетъ только смѣшно, хотя я могу вполне сочувствовать его проповѣди. Какъ можетъ онъ упрекать людей, если *физиологически* не способенъ понять, что такое страсть? Я буду слушать его и думать: погоди, братъ, доживи до двадцати лѣтъ, и тогда мы тебя послушаемъ. То же самое и относительно васъ: я думаю, что вамъ съ вашимъ презрѣніемъ слѣдовало бы подождать лѣтъ пятнадцать-двадцать.

² Сергѣй, сгорбившись, сидѣлъ на окнѣ и, раскачивая ногами, съ любопытствомъ смотрѣлъ на Токарева.

— Жизнь человѣка, его душа—это страшная и таинственная вещь!—взволнованно продолжалъ Токаревъ.—За маленькимъ узкимъ сознаниемъ человѣка стоятъ смутныя, громадныя и непреодолимыя силы; эти-то постоянно мѣняющіяся силы и формируютъ сознание, а человѣкъ воображаетъ, что онъ своимъ сознаниемъ формируетъ и способенъ формировать эти силы... Въ чемъ другомъ, но въ этомъ, мнѣ кажется, невозможно сомнѣваться, и съ фактомъ этимъ приходится мириться. И я лично, напротивъ, глубоко преклоняюсь передъ тѣми людьми, которыхъ вы такъ презираете: у нихъ чувство долга, по крайней мѣрѣ, хоть до известной степени регулируетъ и направляетъ эти темныя силы, и тутъ нельзя говорить: „либо все, либо ничего“, а нужно быть глубоко благодарнымъ просто за „что-нибудь“.

— Какъ легко и уютно жить съ такою моралью,—я вамъ положительно завидую!—проговорилъ Сергѣй, качая головою и продолжая смотрѣть на Токарева взглядомъ, отъ котораго ему было неловко.—И другихъ можно „глубоко уважать“ за ломанный грошъ, да и... самому весь свой основной капиталъ можно ограничить такимъ же грошомъ.

— Ну, Сергѣй Васильевичъ, на личности, я думаю, можно бы и не переходить!—рѣшительно и быстро произнесъ Токаревъ.

— То-есть, позвольте! Вы же сами все время доказываете, что мнѣ всего двадцать лѣтъ; въ правѣ же и я сказать, что вамъ... перевалило за тридцать!—съ усмѣшкою возразилъ Сергѣй.

— Да, мнѣ перевалило за тридцать. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Къ *себѣ* я могу и даже обязанъ предъявлять самыя высокія требованія, всю жизнь свою я могу оковать долгомъ, но это не освобождаетъ меня отъ обязанности относиться къ дру-

гимъ терпимо и снисходительно; я понимаю, что жить порядочнымъ человѣкомъ не такъ легко, какъ птицѣ пѣть пѣсни, и что тотъ, кто съ собою борется, кто старается не потерять изъ глазъ идеала, заслуживаетъ уваженія, а не презрѣнія. Я даже больше скажу: наша прямолинейная требовательность, наша ненависть къ компромиссамъ тяжелымъ проклятіемъ лежитъ на всей исторіи нашей интеллигенціи. Это—спеціально-русская черта, совершенно непонятная европейцу. Лежитъ куча кирпичей. Европейецъ беретъ изъ нея столько, сколько въ силахъ поднять, и спокойно несетъ къ мѣсту постройки. Русскій слѣдитъ за кимъ съ презрительной усмѣшкой: „смотрите какой филистеръ, — несетъ всего дюжину кирпичей!“ Подходитъ русскій богатырь и взваливаетъ себѣ на плечи всю кучу; онъ еле идетъ, ноги его подгибаются, и онъ, наконецъ, падаетъ, — надорвавшись, на смерть раздавленный нечеловѣческою тяжестью. Вотъ это герой!.. Подходитъ другой, пробуетъ поднять ношу, и опять—таки, конечно, всю цѣликомъ. Но у него не хватаетъ силъ. Что дѣлать? Онъ въ отчаяніи стоитъ надъ тяжелою грудю: онъ—не работникъ, онъ—лишний человѣкъ, — и пускаетъ себѣ въ лобъ пулю. Вѣдь такое отношеніе къ дѣлу мы видимъ у насъ во всемъ. У каждаго надъ головою виситъ альтернатива: „либо герой, либо подлецъ“, середины между этимъ для насъ нѣтъ.

— Ну, теперь мнѣ все совершенно ясно!—протанулъ Сергѣй.—О, да! Удобнѣе всего, конечно, помѣститься въ центрѣ вашей альтернативы, — дескать, ни герой, ни подлецъ, заполучить тепленькое мѣстечко въ надежномъ учрежденіи и дѣлать „по-сильное дѣло“, жертвуя старыя журналы въ народную бібліотеку... Но неужели вы, Владиміръ Николаевичъ, не замѣчаете, что вы полный банкротъ?—вдругъ сказалъ онъ, поднявъ на Токарева тяжелый взглядъ.

— Сережа, это, наконецъ, гадко!—въ негодованіи воскликнула Варвара Васильевна.—Для чего ты постоянно сейчасъ же сворачиваешь на личности?

— Чортъ возьми, да мнѣ вовсе не интересенъ теоретическій разговоръ!—огрызнулся Сергѣй.—Всѣ любящіе папаши говорятъ то же самое! Меня все время интересуешь лишь самъ Владиміръ Николаевичъ, о которомъ я раньше имѣлъ совершенно другое представленіе.

— Ну, знаете, въ такомъ случаѣ мы лучше прекратимъ разговоръ, — сдержанно произнесъ Токаревъ и молча заходилъ по комнатѣ.

Варвара Васильевна, потемнѣвъ, смотрѣла на Сергѣя, стараясь остановить его взглядомъ.

— Разныя бывають историческія эпохи, — спокойно загово-

рилъ Сергѣй, какъ будто ничего не произошло.—Бываютъ времена, когда дѣла улитокъ и муравьевъ не могутъ быть оправданы ничѣмъ. Что подѣлаешь? Такъ складывается жизнь: либо безбоязненность полная, либо—банкротъ, и иди на смарку.

Токаревъ, напѣвая подѣ-носъ, ходилъ по комнатѣ, показывая, что онъ не слушаетъ Сергѣя и считаетъ разговоръ конченнымъ. Остальные тоже молчали, съ осужденіемъ глядя на Сергѣя.

— Оо-ох-хо-хо! — зѣвнулъ Сергѣй и потянулся, заложивъ руки за спину.

— Сережа, осторожнѣе! Продавишь локтемъ стекло,—замѣтила Катя.

Сергѣй помолчалъ; глаза его странно и весело заблестѣли.

— А что, вышибу я сейчасъ стекло или нѣтъ? — спросилъ онъ, высоко поднявъ брови, и лицо его отъ этого стало совсѣмъ дѣтскимъ.

— Ну, братъ, пожалуйста! Чего добраго, ты и вправду вышибешь!—сказала Варвара Васильевна.

Сергѣй, все такъ же поднявъ брови, съ выжидающею усмѣшкою глядѣлъ на Варвару Васильевну—и вдругъ быстро двинулъ локтемъ. Осколки стекла со звономъ посыпались за окно; сырой вѣтеръ бѣшено ворвался въ комнату, пламя лампы мигнуло и длиннымъ, коптящимъ языкомъ забилося въ стеклѣ.

— Господи, Сережа, вѣдь это же невозможно!—воскликнула Варвара Васильевна. Она поспѣшно схватила лампу и отодвинула ее въ уголъ.

Токаревъ остановился, съ недоумѣніемъ оглядѣлъ Сергѣя и, пожавъ плечами, снова заходилъ по комнатѣ.

— Чортъ знаетъ, что такое! Для чего я это сдѣлалъ?—съ сконфуженной улыбкою произнесъ Сергѣй и почесалъ въ затылкѣ.— Ну, ничего, Варварка, не огорчайся! Мы сейчасъ все это дѣло поправимъ!

Онъ быстро выбросилъ въ садъ осколки стекла, взялъ съ дивана порыжѣлую кожаную подушку и заставилъ ею окно.

— Видишь, еще лучше: все таки хоть немножко вентиляція будетъ происходить,—сказалъ онъ, стараясь говорить шутливымъ тономъ.

— Что это у васъ тутъ за война? — недовольно спросила Конкордія Сергѣевна, входя въ столовую.

— Войны, мама, никакой не было,—отвѣтилъ Сергѣй.—Это я хотѣлъ испытать, крѣпки ли у насъ стекла въ окнахъ; оказывается, никуда не годятся,—представь себѣ!

— Оюшко разбилъ? Господи ты мой Боже! Ну, что это!—Конкордія Сергѣевна, ворча, подошла къ разбитому окну.—Словно мальчякъ какой маленькій! Разыгрался!

— Ничего, мама, завтра покрѣпче стекло вставимъ!—сказалъ Сергѣй, обнимая ее.—А что, дашь ты намъ попробовать пастилы, которую сегодня варила?

— Ишь, увивается!—засмѣялась Катя.

— Не будетъ тебѣ пастилы, не стоишь!—съ сердитою улыбкою отвѣтила Бонкордія Сергѣевна.—Вы, дѣтки, ступайте изъ столовой; вонъ какъ въ окно дуетъ, еще простудитесь!.. И какъ это такъ можно? Вѣдь стекло денегъ стоитъ! Не маленькій, могъ бы понять. Тридцать-сорокъ копѣекъ надо отдать... Пастила еще не остыла, на холодъ поставлена,—прибавила она уходя.

Сергѣй молча постоялъ и тоже вышелъ.

— Что за странный человѣкъ!—сказалъ Токаревъ, пожавъ плечами.

— Ему что-то сегодня не по себѣ,—грустно произнесла Катя и съ безпокойствомъ взглянула на Варвару Васильевну. — Я боюсь,—что, если съ нимъ сегодня опять что-нибудь случится?

— Ужасно онъ нервный!—проговорила Варвара Васильевна.—Чтобы вправду чего-нибудь сегодня не случилось съ нимъ! А тутъ еще вѣтеръ такъ фантастически гудитъ...

ХІІ.

Сергѣй вышелъ изъ столовой и медленно прошелъ черезъ большую, темную залу въ гостиную; въ ней тоже было темно. Сергѣй постоялъ посреди комнаты, подошелъ къ столу и опустился въ неудобное старинное кресло съ выгнутою спинкою. Съ самаго утра имъ сегодня владѣла тупая, мутная тоска; была противна погода, были противны вчерашніе гости, а всего противнѣе было то, что онъ не можетъ страхнуть съ себя этой охватившей его тоски; раздражительная и злобная, она росла, поднималась и охватывала его, словно какія-то душныя испаренія. Сергѣй сидѣлъ, положивъ локоть на спинку кресла, и съ отвращеніемъ наблюдалъ, какъ въ его душѣ шевелилась и дрожала эта темная нервная муть, надъ которою онъ былъ невластенъ. Токаревъ сейчасъ тоже говорилъ о „смутныхъ, неподвластныхъ человѣку силахъ, которыя формируютъ сознание“... О, этотъ человѣчекъ съ отростающимъ животикомъ и начинающеюся лысиною,—онъ все сумѣетъ повернуть на оправданіе своей заплывающей жиромъ души... И Сергѣй гадливо морщился отъ мысли, что у него можетъ быть хоть что-нибудь общее съ этимъ человѣкомъ.

Въ большой, высокой гостиной было темно, и только свѣтлѣли огромныя окна. Вѣтеръ гудѣлъ не переставая, тучи быстро бѣжали надъ садомъ; черныя вершины деревьевъ бились и мета-

лись подъ вѣтромъ. Стекляная дверь террасы звякнула, и ей въ отвѣтъ слабо, болѣзненно зазвенѣла струна въ рояль.

Сергѣй вздрогнулъ и оглядѣлся. Онъ услышалъ этотъ неумолчный, глухой гулъ вѣтра; гулъ былъ тамъ, снаружи, а кругомъ стояла могильная тишина, и только стѣнные часы въ залѣ какъ-то особенно громко тикали; но въ этой тишинѣ все какъ будто жило и таинственно двигалось... Опять звягнуло стекло, что-то невидимое со вздохомъ пронеслось въ темнотѣ черезъ комнату и исчезло за шкафомъ; дверь въ залу слабо скрипнула и зашевелилась. За окномъ, на фонѣ блѣднаго ночного неба, какъ живая, испуганно билась вѣтвя. Сергѣю стало жутко. Онъ всталъ и вышелъ изъ гостиной, боясь оглянуться.

Въ столовой еще горѣлъ огонь; у стола, тихо разговаривая, сидѣли Токаревъ и Варвара Васильевна. Сергѣй прошелъ по коридору въ комнату матери. Конкордія Сергѣевна рѣзала на блюдѣ свѣже-сваренную яблочную пастилу и укладывала ее въ банки. У окна, заставленнаго бутылками съ наливкою и ягоднымъ укусомъ, стояла Катя.

— Ну, вотъ, теперь вамъ всѣмъ до самыхъ святокъ припасовъ хватитъ!—сказала Конкордія Сергѣевна. — Посмотри, Сереженька, какая пастила,—какъ янтарь! Попробуй-ка!

Сергѣй молча взялъ кусокъ и съѣлъ.

— А ветчину дашь?—коротко спросилъ онъ, чтобы чтонибудь сказать.

— Какъ же! Сегодня утромъ четыре окорока отослала коптить въ городъ... Ну, слава Богу, все уложила!

Конкордія Сергѣевна стала увязывать банки. Катя съ робкимъ беспокойствомъ украдкой слѣдила за Сергѣемъ.

— Какъ вѣтеръ-то гудитъ!—помолчавъ, заговорила Конкордія Сергѣевна.—А рамы всѣ въ щеляхъ, ни одна плотно не закрывается, на стеклахъ всю замазку галки оклевали... Да! Вотъ еще что, дѣтки: колбасы я вамъ положу двухъ сортовъ,—польскія и просто жаренны; жаренны вы ѣшьте раньше, онѣ скоро портятся. Ихъ можно ѣсть холодными, но, если разогрѣть, то, конечно, будетъ вкуснѣе. ѣшьте съ горчицей, это будетъ здоровѣе для желудка.

Сергѣй, съ неподвижными глазами, постоялъ еще немного и молча вышелъ.

— Сережа, ты куда идешь?—спросила Катя.

— Наверхъ въ себѣ.

— Можно съ тобой?

Сергѣй замѣтилъ ея любящій, полный беспокойства взглядъ.

— Что тебѣ тамъ надо?—рѣзко сказалъ онъ.

Катя замолчала.

Сергѣй вышелъ изъ комнаты, прошелъ темный коридоръ, переднюю, и по узкой, высокой лѣстницѣ поднялся въ мезонинъ.

Наверху было темно, и въ этой темнотѣ такъ же, какъ въ гостиной, все жило и двигалось. Вѣтеръ въ саду гудѣлъ глухо и непрерывно, то усиливаясь, то ослабѣвая; на дворѣ отрывисто лаяла собака, словно прислушиваясь къ собственному лаю, и заканчивала протяжнымъ воемъ; полуоторванный желѣзный листъ звякалъ на крышѣ сарая. Сергѣй остановился посреди комнаты, медленно дыша и пристально вглядываясь въ темноту.

Снаружи что-то невидимое зашуршало по стѣнѣ и быстро пронеслось передъ окнами; въ углу у окна раздалось слабое жалобное гудѣніе. Это гудѣніе постепенно становилось все громче. Снова что-то съ шумомъ пронеслось передъ окнами, вѣтеръ яростно налетѣлъ изъ сада на домъ; стѣна затрещала. А въ углу ныло все сильнѣе, отчаяннѣе; теперь тамъ ясно слышались живые, какъ будто человѣческіе стоны. Сергѣй сталъ осторожно вглядываться въ уголь и вдругъ замѣтилъ, что въ правомъ окнѣ створки какъ-то странно стучать, — слабо, порывисто и неправильно; какъ будто кто-то, подлетѣвъ снаружи, старался открыть окно, нетерпѣливо ерзая по переплету. Сергѣй стоялъ, широко открытыми глазами вглядываясь въ окно, — и вдругъ, вздрогнувъ, отскочилъ назадъ: въ щелку рамы раздался злобный, шипящій свистъ...

— Это вѣтеръ! — успокаивалъ себя Сергѣй, задыхаясь.

А снаружи бѣшено выло и свистало, стѣна колебалась... И вдругъ, сразу, все оборвалось и замолчало. Только далеко гудѣлъ садъ, — глухо и утомленно.

Стало тихо. Смутный ужасъ все сильнѣе охватывалъ Сергѣя. Среди мертвой тишины сзади, въ темномъ углу, кто-то невидимый спокойно сплюнулъ. Сергѣй быстро обернулся: это капнула на полъ капля изъ карманника, подъ который забыли подставить тазъ. Опять что-то легкое пронеслось за окнами, и опять слабо, чуть слышно заняло что-то въ углу. Гулъ сада росъ, усиливался, становился ближе; какъ будто могучая сила неслась изъ сада на домъ. Со всѣхъ сторонъ стали раздаваться странные, неясные звуки, и Сергѣй ужъ не успѣвалъ ихъ объяснять. Окружающее принимало необычный, сверхъестественный характеръ. У окна слабо шевелилось что-то сѣрое, волнующееся, сзади кто-то тяжело дышалъ, въ темнотѣ быстро проносились синеватая искры. Сергѣю тѣснило грудь, у него не хватало дыханія; ужасъ, — безумный, нерассуждающій и тянущій къ себѣ, — оковалъ его; и Сергѣю казалось, — стоитъ ему шевельнуться, и случится нѣчто-неслышанное, и онъ, потерявъ разумъ, полетитъ въ какую-то темную, крутящуюся бездну.

XIII.

Токаревъ и Варвара Васильевна сидѣли вдвоемъ въ столовой. Лампа освѣщала скатерть и неприбранныя тарелки съ объѣдами. Въ саду бушевалъ вѣтеръ, въ разбитое окно, заставленное по душю, дуло сырмъ холодомъ.

— Вы сказали тогда, — говорила Варвара Васильевна, — что за маленькою душою человѣка стоятъ смутныя и громадныя силы, которыя дѣлаютъ съ нами, что хотятъ. Это такъ страшно и, кажется... такая правда!

Она помолчала и, пересиливая себя, заговорила опять.

— Я ужъ нѣсколько лѣтъ замѣчаю это на самой себѣ. Что такое дѣлается? Во мнѣ все словно сохнетъ, какъ сохнетъ вѣтвь дерева; ея форма, весь ея наружный видъ, — все какъ будто остается прежнимъ, а между тѣмъ въ ней нѣтъ гибкости, нѣтъ жизни, она мертва до самой сердцевины. Вотъ такъ и со мною. Какъ будто ничего не измѣнилось; взгляды, цѣли, стремленія, — все прежнее, но отъ нихъ все больше отлетаетъ духъ...

Токаревъ медленно расхаживалъ по комнатѣ и съ удивленіемъ слушалъ Варвару Васильевну: онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ она переживала что-либо подобное. И отъ ея признаній у него въ душѣ поднималось что-то облегчающее и радостное, и Варвара Васильевна становилась ему ближе.

— И что дѣлать, чтобъ удержать прежнее? — продолжала Варвара Васильевна. — Я бы ни передъ чѣмъ не остановилась, но оно прошло, и его не воротить. Нѣтъ желанія отдать себя всю, цѣликомъ, хотя вовсе собою не дорожишь, нѣтъ ничего, что, дѣйствительно, серьезно бы захватывало, во что готова бы вложить всю душу. Я знаю, въ этомъ — рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, счастье и жизнь, но только во мнѣ этого нѣтъ, и я... я не люблю людей, и ничего не люблю! — сказала она, со страхомъ взглянувъ на Токарева.

Токаревъ, широко раскрывъ глаза, молча ходилъ по комнатѣ; онъ ждалъ, чтобъ Варвара Васильевна продолжала, до того странно звучало въ ея устахъ такое признаніе.

— Вы не любите людей... — наконецъ, медленно проговорилъ онъ, остановившись у стола. — Я не знаю, кто же тогда можетъ сказать, что любить ихъ? Мнѣ кажется, вы предъявляете къ себѣ ужъ слишкомъ преувеличенныя требованія. Вы хотите каждаго, перваго встрѣчнаго человѣка любить горячо, такъ сказать, „конкретно“, какъ близкаго, — это прямо невозможно. Возьмите такой случай. Я иду ночью по глухой улицѣ и слышу крики: „караулъ!“ Если я знаю, что это кричить, положимъ, любимая мною дѣ-

вуха, я все забуду и брошусь на помощь. Если же это такъ, неизвѣстно, кто кричитъ, то пойду я очень неохотно, а можетъ быть, даже постараюсь пройти въ сторонкѣ незамѣченнымъ...

Варвара Васильевна подняла голову и удивленно взглянула на Товарева.

— Допустимъ для ясности, что я даже на это способенъ, — продолжалъ Токаревъ, какъ будто не замѣчая удивленія Варвары Васильевны и стараясь незамѣтно сгладить впечатлѣніе отъ своего признанія, — допустимъ, что я прошелъ бы мимо. Все-таки это еще ничего не доказываетъ: на страданія чужого человѣка невозможно отзываться такъ же горячо, какъ на страданія близкаго. Но значить ли это, что я не люблю людей? Мнѣ дорого все хорошее, я горячо радуюсь тому, что приноситъ людямъ пользу и счастье, негодую на то, что ихъ давитъ и дѣлаетъ несчастными; при устройствѣ моей личной судьбы я руководствуюсь не собственными выгодами, а тѣмъ, чтобъ мое дѣло было по возможности полезно для людей. Развѣ бы все это было возможно, если бы мнѣ до другихъ не было дѣла?

Варвара Васильевна молчала, опустивъ голову надъ столомъ. Токаревъ прошелся по комнатѣ.

— И главное, — вамъ, *вамъ* обвинять себя въ равнодушіи въ людямъ! — воскликнулъ Товаревъ. — Эхъ, Варвара Васильевна! Ну, отвѣтите по совѣсти: если бы нужно было умереть за какое-нибудь хорошее дѣло, — вы-то не пошли бы? Да я голову даю на отсѣченіе, что вы оказались бы въ первыхъ рядахъ.

— Нѣтъ, я пошла бы... Именно потому, что требовалось бы *умереть*, — отвѣтила Варвара Васильевна съ блѣдною улыбкою.

Токаревъ опустилъ голову. Что-то жуткое прошло у него по душѣ, — жуткое и отъ смысла словъ Варвары Васильевны, и оттого, что она въ этомъ признавалась. И онъ почувствовалъ, что дальше въ ихъ разговорѣ не будетъ лжи, что и онъ будетъ говорить всю правду, какова бы она ни была. Вѣтеръ бѣшенымъ порывомъ налетѣлъ изъ сада и зазвенѣлъ въ стеклахъ оконъ.

— А что такая холодная любовь, о какой я говорю, не можетъ наполнить жизни, — это, конечно, вѣрно, — съ усиліемъ произнесъ Токаревъ. — Говоря правду, со мною происходитъ то же, что съ вами, только еще въ большей мѣрѣ. Вы вотъ сейчасъ, кажется, удивились, когда я сказалъ, что, слыша крики о помощи, я, можетъ быть, прошелъ бы мимо; а я чувствую себя даже на это способнымъ. Помните, вы тогда въ больницѣ пошли ночью напоить бѣшенаго мужика? Я неправду сказалъ, что не зналъ, гожусь ли я вамъ въ помощники, — просто боялся пойти...

Варвара Васильевна смущенно и растерянно подняла на него

глаза и сочувственно закивала головою, какъ бы боясь, чтобъ Токаревъ не подумалъ, что она осуждаетъ его.

— Мнѣ вообще тяжело и заглядывать въ себя,—продолжалъ онъ, чувствуя радость отъ возможности говорить все, не встрѣчая осужденія.— Я вижу, что во мнѣ исчезаетъ что-то, исчезаетъ страшно нужное, безъ чего нельзя жить. Гаснетъ непосредственное чувство, и его не замѣнишь ничѣмъ. Я начинаю все равнодушнѣе относиться къ природѣ, люди все больше какъ бы отгораживаются отъ меня толстою, непроходимую стѣною, хочется жить для одного себя... Я вотъ теперь много думаю и читаю по этикѣ, стараюсь философски обосновать мораль, конструирую себѣ разныя „категоріи долга“. Но въ душѣ я горько смѣюсь надъ собою: почему раньше мнѣ ничего подобнаго не было нужно? Замѣтили ли вы, что вообще у людей дѣйствующихъ мораль поразительно скудна и убога? А вотъ когда человѣкъ остываетъ, тутъ-то и начинаются у него настойчивыя мысли объ морали, объ долгѣ. И чѣмъ больше онъ остываетъ, тѣмъ возвышеннѣе становится его мораль и ея обосновка. Долгъ, долгъ!.. Всегда, когда я говорю или думаю о немъ, у меня въ самой глубинѣ души начинается безпокойно копошиться стыдъ, какъ будто я собираюсь начать игру съ фальшивой колодой картъ. Долгъ тащить человѣка туда, куда онъ не хочетъ идти самъ; но человѣкъ куда хитрѣе стоящаго надъ нимъ долга и, въ концѣ концовъ, заставляетъ его тащить себя какъ разъ туда, куда ему хочется. Пройдетъ десять лѣтъ,—я буду видѣть долгъ въ томъ, чтобъ не ссориться съ женою, чтобъ пожертвовать десять рублей на народную библіотеку или отказаться отъ третьяго блюда въ пользу голодающихъ. Пройдетъ еще десять лѣтъ, начнетъ старѣть тѣло,—и я создамъ себѣ долгъ въ томъ, чтобъ отказаться отъ табаку, отъ вина, стать вегетаріанцемъ... И вѣдь ужасно то,—я знаю, что это такъ и будетъ, и я буду искренно уважать себя за то, что по мѣрѣ силъ исполняю возложенный на себя долгъ.

Варвара Васильевна молчала, сдвинувъ брови и задумчиво собирая ножомъ хлѣбныя крошки въ одну кучу.

— Я изъ всего этого не вижу никакого выхода,—тихо заговорилъ Токаревъ снова.— Умерло непосредственное чувство,— умерло все; его нельзя замѣнить никакимъ божествомъ, никакими философскими категоріями и нормами, никакимъ „я понял“. Разъ же это такъ, то, конечно, вы въ сущности правы: для чего оставаться жить? Не для того же, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ бичевать себя и множить собою число „лишнихъ людей“...

— Да. И хорошо тѣмъ, о комъ некому печалиться,—сказала Варвара Васильевна.

Они становились все ближе другъ другу.

— И удивительная у меня организація! — помолчавъ, заговорила Варвара Васильевна, съ отдающимся довѣріемъ сообщницы глядя на Токарева. — Никакая болѣзнь ко мнѣ не пристааетъ. Какъ-то разъ на вскрытіи Алексѣй Михайловичъ, докторъ нашъ, говоритъ мнѣ: „осторожниѣ вскрывайте трупъ, больной умеръ отъ гниловровія“. А я порѣзалась... — Она показала большой красный рубецъ на лѣвой ладони. — И хоть бы что! Черезъ двѣ недѣли все зажило. Другой разъ смазывала я зѣвъ дифтеритному ребенку; дифтеритъ былъ очень тяжелый, гангренозный; ребенокъ закашлялся и брызнулъ мнѣ слюною въ глаза; на этотъ разъ, конечно, все вышло нечаянно. Я сейчасъ же не успѣла промыть глазъ, — и все таки ничего!

Токаревъ остановился у печки, высоко поднявъ брови и неподвижно глядя на Варвару Васильевну. „*На этотъ разъ, конечно, нечаянно*“... Значить, въ первый разъ было *не* нечаянно?.. Такъ вотъ на что способна она, всегда такая ровная и веселая! Токареву стало страшно отъ мыслей, которыя онъ только что высказывалъ съ такимъ легкимъ сердцемъ, и сидѣвшая передъ нимъ дѣвушка вдругъ стала ему чуждой-чуждой...

Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— И все-таки мнѣ кажется, что *вы* меньше всѣхъ другихъ имѣете право такъ поступать, — измѣнившимся голосомъ заговорилъ онъ, остановившись передъ Варварой Васильевной. — Вамъ жить тяжело, это я теперь вижу. Но я слышалъ, какъ восторженно отзываются объ васъ всѣ, съ кѣмъ вы сталкиваетесь, вижу, какимъ свѣтлымъ лучомъ вы вездѣ являетесь... Какое вы имѣете право уходить изъ жизни только потому, что вамъ самой тяжело? Неужели это не самый грубый эгоизмъ?

Варвара Васильевна пугливо взглянула на Токарева и опустила глаза, жалѣя, что проговорила. А онъ смотрѣлъ на ея красивый, благородный лобъ, на мягкіе и густые русые волосы, — и что-то рыдающее забилося въ его груди.

Въ столовую вошла Катя.

— Варя, пойдѣмъ спать! — сказала она. — Ужъ первый часъ.

— Вѣрно, пора! Пойдемъ! — быстро отвѣтила Варвара Васильевна и встала.

— Какъ этотъ вѣтеръ неприятно дѣйствуетъ на нервы! — проговорила Катя, нервно поведя плечами. — Мнѣ просто жутко идти спать одной. Послушайте-ка, какъ гудитъ!

Они замолчали. Непрерывный гулъ стоялъ надъ садомъ, — странный, зловѣщій и сухой, какъ только осенью деревья шумятъ; вѣтеръ порывами проносился за темными окнами, стволы липъ скрипѣли, въ печной трубѣ слышался шорохъ.

Вдругъ наверху, надъ потолкомъ, раздался глухой стукъ, какъ

отъ паденія человѣческаго тѣла; потомъ раздались удары ногъ объ полъ, и упало еще что-то тяжелое.

Катя быстро подняла голову.

— Что это тамъ?!—нервно вскрикнула она.

Всѣ насторожились. Опять что-то глухо стукнуло надъ потолкомъ, и затѣмъ послышались странные звуки,—не то смѣхъ, не то плачь. Вѣтеръ сильнѣе завылъ за окномъ.

— Варя, голубушка, это что-то съ Сережей наверху!—вдругъ разрыдалась Катя. —Онъ съ утра былъ странный... Скорѣе, пойдете!.. Господи, что съ нимъ тамъ такое?!

— Да ну, Катя, что это?—сказала Варвара Васильевна, невольно вздрогнувъ. —Что съ нимъ можетъ случиться!

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдете скорѣе!—твердила Катя, заливаясь слезами. —Владиміръ Николаевичъ, пойдите, посмотрите, что съ нимъ такое!..

Всѣ вышли въ переднюю.

XIV.

Токаревъ и Варвара Васильевна стали подниматься по крутой, скрипучей лѣстницѣ, ведущей наверхъ. На лѣстницѣ было темно; Токаревъ зажегъ спичку. Вдругъ дверь наверху быстро распахнулась, и на порогъ появилась бѣлая фигура Сергѣя въ нижнемъ бѣльѣ. Онъ былъ страшенъ: волосы его были всклокочены, глаза горѣли дикимъ, безумнымъ ужасомъ.

— Оо-о-о-о-оо!!.—кричалъ онъ непрерывнымъ, рыдающимъ воемъ, весь трясясь. —Что тебѣ тутъ нужно? Во-онъ!! Черти!..

— Сережа, что съ тобою? Стыдись!—громко произнесла Варвара Васильевна.

Сергѣй продолжалъ бессмысленно выть, согнувшись и держась руками за косякъ двери, глядя пристальнымъ, безумнымъ взглядомъ въ глаза Токарева.

— Да ну, успокойтесь же, Сергѣй Васильевичъ! Что это, въ самомъ дѣлѣ! Какъ вамъ не стыдно?—сказалъ Токаревъ и шагнулъ впередъ.

Сергѣй вздрогнулъ, какъ будто наступилъ на змѣю, и быстро выпрямился.

— Вонъ!!! —завопилъ онъ, судорожно затопавъ ногами и сжавъ кулаки.

Спичка погасла въ рукахъ Токарева.

— Сереженька!—услышалъ онъ за собою робкій, плачущій голосъ Конкордіи Сергѣевны.—Охъ, Владиміръ Николаевичъ, голубчикъ мой, что это съ нимъ?

Дверь наверху захлопнулась.

— Помогите мнѣ взойти!.. Охъ!.. Не видно ничего, темно!.. Что это съ нимъ такое?.. Варенька, ты это? Что съ нимъ?

Конкордія Сергѣевна продолжала подниматься по лѣстницѣ, оступаясь въ темнотѣ. У Токарева свичекъ въ коробѣ больше не было.

— Принесите скорѣе свѣчку! — сказала ему Варвара Васильевна.

Токаревъ поспѣшно спустился внизъ. Въ передней горѣла лампа. Катя, схватившись за голову и склонясь надъ столомъ, истерически рыдала.

— Ну, что Сережа?—спросила она.

— Добудьте скорѣе свѣчку! — сказалъ Токаревъ. Онъ былъ блѣдень, и нижняя челюсть его дрожала.

— Да вотъ, возьмите лампу, она здѣсь не нужна.

— Лампу страшно: вышибетъ изъ рукъ,—еще пожару на дѣлаетъ.

Катя поспѣшила за свѣчой. Токаревъ остановился у коника. Вѣтеръ вылъ на дворѣ, въ черномъ окнѣ отражался свѣтъ лампы. Прусакъ пробѣжалъ по столу, достигъ газетнаго листа, на которомъ лежалъ сушившійся хмѣль, — задумчиво пошевелилъ усиками и побѣжалъ вдоль листа къ стѣнѣ.

Катя принесла горящую свѣчу. Токаревъ поднялся наверхъ. Сергѣй лежалъ на кровати, закутавшись въ одѣяло и повернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Надъ нимъ склонилась Конкордія Сергѣевна и плакала, утирая глаза платкомъ. Варвара Васильевна, сдвинувъ брови, молча стояла у стѣны.

— Сереженька, родной мой! Скажи мнѣ, что съ тобою? — спрашивала Конкордія Сергѣевна.

— Да пустяки, ничего не было! — отрывисто отвѣтилъ Сергѣй своимъ обыкновеннымъ голосомъ, не поворачивая головы.

— Варенька, милая, дай ему какихъ-нибудь успокоительныхъ капель!.. Это ты себѣ нервы разстроилъ. Говорила я тебѣ: не занимайся такъ много. Сидишь по ночамъ, вотъ и досидѣлся...

Конкордія Сергѣевна, всхлипывая, подошла къ заваленному книгами столу.

— Сережа, выпей чего-нибудь, чтобъ успокоить маму, я тебѣ принесу, — шепнула Варвара Васильевна Сергѣю. Сергѣй молча кивнулъ головою.

Варвара Васильевна пошла внизъ.

— Вонъ сколько книгъ... Господи! Да вѣдь это совсѣмъ голову себѣ испортишь! — говорила Конкордія Сергѣевна, стоя у стола. — Ну, почиталь немножко, — и довольно, отдохни. А то вѣдь день и ночь, все книги и книги...

Сергѣй, не шевелясь, лежалъ на постели.

— Ну, вотъ тебѣ и успокоительныя капли!—весело заговорила Варвара Васильевна, неся стаканъ съ размѣшаннымъ въ немъ бромистымъ калиемъ.—Сережа, пей!

— Ты бы еще, Сереженька, ледъ себѣ на голову положилъ,—сказала Конкордія Сергѣевна.—Я сейчасъ велю Дашѣ наволотъ.

— Да полноте, Конкордія Сергѣевна! — разсмѣялся Токаревъ.—Какой тамъ ледъ! Оставьте его спать!

— Ну, спи, голубчикъ! Господь съ тобою!

Она неувѣренно подошла къ Сергѣю, перекрестила его и поцѣловала. Сергѣй поморщился и закутался въ одѣяло.

Конкордія Сергѣевна и Варвара Васильевна ушли. Токаревъ взялъ свѣчу и перешелъ во вторую, свою комнату. Онъ почувствовалъ себя одинокимъ, и ему стало немного страшно. Взявъ книгу, онъ сѣлъ къ столу такъ, чтобъ дверь въ сосѣднюю комнату была у него на глазахъ.

Токаревъ скользилъ взглядомъ по строкамъ, но ничего не понималъ изъ того, что читалъ. Сергѣй въ сосѣдней комнатѣ заворочался на постели.

— Однако же, и дозу заката мнѣ Варька! — проговорилъ онъ.—Что это, бромъ?

— Да. Ничего, что много, лучше подѣйствуетъ, — отвѣтилъ Токаревъ.

Ему стало не такъ страшно.

— Соленый какой! Теперь, я знаю, на нѣсколько дней раскиснешь. Помню, разъ пришлось принять,—три дня послѣ этого голова какъ будто тряпками была набита... Чортъ знаетъ, что я такое выкинулъ!—сконфуженно усмѣхнулся Сергѣй, помолчавъ.

Токаревъ вошелъ въ его комнату.

— Какъ вы себя теперь чувствуете?—спросилъ онъ.

— Ничего,—неохотно отвѣтилъ Сергѣй и замолчалъ.—А хорошо, что вы тогда на лѣстницѣ еще одного шагу не сдѣлали,—прибавилъ онъ.—Я бы васъ, ей-Богу, задушилъ!

— Ну, ужъ задушили бы! — улыбнулся Токаревъ, чувствуя, что блѣднѣетъ.

Въ глазахъ Сергѣя мелькнулъ насмѣшливый огонекъ, и Токаревъ замѣтилъ это.

Внизу, на лѣстницѣ, раздался шорохъ и тихій скрипъ ступеней.

— Что тамъ еще такое?!—вдрогнулъ Сергѣй, быстро поднимаясь на постели, и глаза его снова странно загорѣлись.

Очевидно, Конкордія Сергѣевна или Катя подслушивали, что дѣлается съ Сергѣемъ. Токаревъ взялъ свѣчу и пошелъ, чтобъ попросить ихъ уйти. Но только что онъ ступилъ на лѣстницу,

какъ Сергѣй неслышно вскочилъ съ постели и свользнулъ въ комнату Токарева. Токаревъ повернулъ назадъ. На порогѣ своей комнаты онъ почти столкнулся со спѣшившимъ обратно Сергѣемъ; взгляды ихъ встрѣтились; Сергѣй быстро отвернулъ лицо и снова легъ въ постель. Токаревъ съ сильно бьющимся сердцемъ вошелъ въ свою комнату и подозрительно оглядѣлся. Что тутъ нужно было Сергѣю? Что онъ взялъ?

Ему стало невыразимо страшно, захотѣлось убѣжать, спрятаться куда-нибудь. Онъ попрежнему сѣлъ въ столу, не спуская глазъ съ чернаго четырехугольника двери. Въ сосѣдней комнатѣ было тихо. За окномъ гудѣлъ садъ, рамы стучали отъ вѣтра... Сергѣй, можетъ быть, взялъ здѣсь ножъ; все это, Богъ вѣсть, чѣмъ можетъ кончиться! Хорошо еще, что бромъ онъ принялъ: бромъ—сильное успокаивающее, и черезъ полчаса ужъ не будетъ никакой опасности.

Сергѣй заворочался на постели, деревянная кровать подъ нимъ заскрипѣла. Токаревъ насторожился. Снова все стихло. Токаревъ курилъ и думалъ о томъ, какъ ему поступить, если Сергѣй бросится на него: покорно-ли, съ вротвюю улыбкою, отдаться въ его руки, или грозно кривнуть на него, обуздать его силою психическаго вліянія?

Часы шли. Токаревъ непрерывно курилъ. Иногда ему казалось, что Сергѣй заснулъ: изъ сосѣдней комнаты доносилось мѣрное, спокойное дыханіе; но вскорѣ Сергѣй опять начиналъ ворочаться, и кровать подъ нимъ скрипѣла. Токарева сильно клонило ко сну; голова его опустилась, мысли стали мѣшаться. Вдругъ онъ вздрогнулъ и быстро поднялъ голову: онъ какъ будто ясно почувствовалъ на себѣ чей-то пристальный взглядъ... Кругомъ все было попрежнему; изъ сосѣдней комнаты доносилось храпѣніе Сергѣя; на дворѣ свѣтало.

Токаревъ облегченно вздохнулъ и поднялся. Въ комнатѣ было сильно накурено; онъ осторожно открылъ окно на дворъ. Вѣтеръ утихъ, по блѣдному небу плыли разорванныя, темныя облака. Дворъ былъ мокрый, черный, съ крышъ капало, и было очень тихо. По тропинкѣ къ людской неслышно и медленно прошла черная фигура скотницы. Подулъ вѣтерокъ и охватилъ Токарева сырмъ холодомъ; онъ тихонько закрылъ окно и легъ спать.

XV.

На слѣдующій день Сергѣй съ утра, какъ ни въ чемъ не бывало, засѣлъ за книги. За завтракомъ онъ былъ молчаливъ и сконфуженно смотрѣлъ въ тарелку; на него украдкой видали внимательные взгляды, но никто не говорилъ о случившемся.

Токаревъ послѣ всего вчерашняго чувствовалъ себя, какъ въ похмѣльѣ. Что это произошло? И разговоры Сергѣя, и признанія Варвары Васильевны, и припадокъ Сергѣя, — все сплошь представлялось ему какимъ-то до невѣроятности дикимъ и большимъ кошмаромъ. И его собственныя откровенности съ Варварой Васильевной, — онъ какъ будто высказалъ ихъ въ какомъ-то опьянѣннѣи, и ему было отъ нихъ стыдно. Что могло его такъ опьянить? Неожиданная откровенность Варвары Васильевны? Этотъ странный гулъ сада, который напрягалъ нервы и располагалъ къ чему-то необычному, особенному?

Между нимъ и Варварой Васильевной теперь легло что-то, и они не смотрѣли другъ другу въ глаза. Вечеромъ, передъ ужиномъ, Токаревъ пошелъ къ себѣ наверхъ за папиросами. Онъ поднимался по скрипучей лѣстницѣ, ведшей въ мезонинъ. Сквозь маленькое оконце падалъ лунный свѣтъ на крутыя, пыльныя ступеньки. И вдругъ Токареву вспомнилось, какъ вчера быстро запахнула наверху дверь, и на порогѣ съ дикимъ воплемъ появилась страшная фигура Сергѣя, вспомнился его горящій ужасомъ взглядъ, судорожный топотъ... У Токарева неприятно сжалось сердце, и онъ, стараясь не вспоминать о вчерашнемъ, взшелъ наверхъ.

Но, разъ вспомнивъ, онъ ужъ не могъ отогнать воспоминаній. Смутный, неясный страхъ вился вокругъ и незамѣтно охватывалъ его, все окружающее становилось необычнымъ. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окна, его мертвенный свѣтъ двумя косыми четырехугольниками ложился на полъ; въ полумракѣ комнаты стояла странная, пристальная тишина. Токаревъ неподвижно остановился посреди комнаты. Онъ чувствовалъ: раздайся сейчасъ неожиданно громкій крикъ или стукъ, — и съ нимъ произойдетъ то же, что вчера было съ Сергѣемъ: онъ такъ же затопаетъ, съ тѣмъ же дикимъ воплемъ бросится куда-то...

Въ углу около шкапа что-то смутно забѣлѣло. У Токарева стѣснилось дыханіе, и онъ сталъ пристально вглядываться. Онъ сразу понялъ, что это виситъ полотенце на ручкѣ кресла, но его тянуло вздрогнуть, тануло испугаться. И Токаревъ стоялъ, неподвижно вглядываясь въ бѣлѣвшее пятно, словно ожидая, чтобъ что-нибудь дало толчокъ его испугу.

— Что это со мною? — вдругъ подумалъ онъ, громко разсмѣялся и, подошедши къ креслу, сдернулъ съ него полотенце.

Страхъ его исчезъ. Но оставаться наверху все-таки было неприятно, и Токаревъ вышелъ вонъ.

Въ полутемной передней сидѣла деревенская баба въ зипунѣ; Варвара Васильевна, весело разговаривая, перевязывала ей на рукѣ вскрытый нарывъ; пахло карболкою и іодоформомъ. Тока-

*

ревъ прошелъ залу, гдѣ Дашка накрывала столъ къ ужину, и въ темной гостиной сѣлъ къ роялю.

Онъ сидѣлъ, беря одною рукою медленные, тихіе аккорды, и задумчиво смотрѣлъ въ темноту. Какое у Варвары Васильевны было сейчасъ спокойное, веселое лицо... Да ужъ не сонъ ли то, что онъ слышалъ отъ нея вчера, въ этотъ страшный вечеръ? И всегда она такая, какъ теперь, — ровная, спокойная, какъ будто вся на туго натянутыхъ возжахъ. Токареву становилось страшно, — страшно отъ глубины и безбоязненности той тайной драмы, которую такъ невиднo переживала въ душѣ Варвара Васильевна.

Черезъ пять дней срокъ отпуска Варвары Васильевны кончился, и она уѣхала въ Томилинскъ; съ нею вмѣстѣ уѣхала въ гимназію Катя. Сергѣй рѣшилъ остаться въ деревнѣ до половины сентября, чтобъ получше поправиться отъ нервовъ; онъ каждое утро купался, не глядя на погоду, старался побольше ѣсть, рубилъ дрова и копалъ въ саду ямы для насаждень новыхъ яблонь.

Прошла недѣля. Токаревъ поѣхалъ въ гости къ Будиновскимъ. Они встрѣтили его очень радушно, отправили лошадей обратно и продержали его у себя три дня. 30 августа, на Александра Невскаго, Токаревъ, въ легкой пролеткѣ Будиновскаго, возвращался обратно въ Изворовку. Былъ ясный осенній день. Пролетка быстро и мягко катилась по накатанной дорогѣ, Токаревъ, откинувшись на спинку сидѣнія, дышалъ чистымъ, бодрящимъ воздухомъ осени; на душѣ у него было легко, въ головѣ приятно шумѣло отъ выпитаго за завтракомъ рейнвейна; и онъ съ улыбкою вспоминалъ милыя упрасиванія Марьи Михайловны пить побольше.

— Ну, Владиміръ Николаевичъ, выпейте еще стаганчикъ! Вѣдь это вино совсѣмъ слабенькое! Вы знаете, какъ объ немъ говорятъ нѣмцы: Рейну много, вейну мало...

Онъ вспоминалъ свои обсуждения съ Будиновскимъ его проекта открытія въ Томилинскѣ общественной бібліотеки-читальни, вспоминалъ комфортабельную, чистую обстановку Будиновскихъ... Какая у нихъ здоровая, уютная и радостная жизнь!.. И Токаревъ былъ доволенъ, что у него въ Томилинскѣ будутъ такіе милые, симпатичные знакомые, и онъ думалъ о томъ, что вліятельный Будиновскій можетъ оказаться очень ему полезнымъ.

По чистому, глубоко-синему небу плыли бѣлыя облака. Надъ сжатými полями большими стаями носились грачи и какъ-то особенно громко, не по лѣтнему, кричали. Пролетка взѣхала на гору. Вдали, за рощей, на концѣ равнины, среди густого сада сѣрѣлъ неуклюжій фасадъ изворовскаго дома съ зеленовато-ры-

жей, заржавѣвшей крышей. Товаревъ съ страннымъ чувствомъ, какъ на что-то новое, смотрѣлъ на него.

Тамъ, подъ этою крышею, растутъ тяжелыя, мучительныя душевныя драмы, съ апломбомъ предъявляются къ людямъ ребячески-прямолинейныя требованія, гдѣ каждый человѣкъ долженъ быть какимъ-то сверхъестественнымъ героемъ; то и другое переплетается во что-то невыразимо-болѣзненное и уродливое, и жизнь становится трудно-переносимой. А между тѣмъ вѣдь вотъ живутъ же люди легко и счастливо, безъ этого томительнаго надсада, и это не мѣшаетъ имъ по мѣрѣ возможности работать на пользу другихъ... Но у насъ, русскихъ, такая сильная работа увѣчивается только презрѣніемъ; если ты, какъ древній мученикъ, не отдаешь себя на растерзаніе звѣрямъ, если не питаешься чернымъ хлѣбомъ и не ходишь въ рубищѣ, то ты паразитъ и не имѣешь права на жизнь.

Кучеръ, въ синей рубахѣ и бархатной безрукавкѣ, подкатилъ къ крыльцу. Товаревъ слѣзъ, далъ ему рубль на чай и вошелъ въ домъ. Въ передней на вѣшалкѣ висѣло накидокъ и шляпокъ больше обычнаго. Дашка сообщила ему, что на два дня праздника пріѣхала изъ Томилинска Катя, а съ нею—Таня и Шеметовъ.

Товаревъ прошелъ къ себѣ наверхъ умыться и переодѣться. Онъ не былъ радъ пріѣзду гостей. Опять повѣетъ этимъ духомъ молодого задора и безпечной прямолинейности, — духомъ, который былъ ему теперь прямо непріятенъ.

Онъ напился кофе, поговорилъ съ Конкордіей Сергѣевной и пошелъ въ садъ. Солнце клонилось къ западу, лужайки ярво зеленѣли, и отъ каждой вочки, отъ каждаго выступа падала длинная тѣнь. Въ фрустовомъ саду, около соломеннаго шалаша, сторожа варили кашу, синій дымокъ вился отъ востра и стлался между деревьями.

Сергѣй притащилъ къ пруду въ подоля рубашки яблокъ и грушъ, и всѣ уписывали ихъ, расположившись на берегу. Товаревъ подошелъ и поздоровался. Таня быстро встала и подошла къ нему, — оживленная, радостная, сіяя своими большими глазами.

— А знаешь, Володя, я-таки устроила Варине дѣло!—вполголоса сообщила она.

— Да ну?!—изумился Товаревъ.

— Помнишь, мы тогда у Будиновскихъ встрѣтились съ Осмериковымъ. Учитель гимназій, ушастый такой, — еще ужасно ненавидитъ одаренныхъ людей. Пошла къ нему въ гости и убѣдила его, что Варя совершенно удовлетворяетъ его идеалу труженника, что нельзя ей позволить оставаться фельдшерницей. А

онъ хорошъ съ предсѣдателемъ управы. Словомъ, Варю отправляютъ на земскій счетъ въ Петербургъ въ женскій медицинскій институтъ! Понимаешь? Пять лѣтъ въ Петербургѣ.

— Ну... преклоняюсь передъ тобою! Это, дѣйствительно, очень хорошо,—сказалъ Токаревъ.

— Вотъ ты все преклоняешься и преклоняешься, а самъ ничего не хотѣлъ сдѣлать. Все— „неловко“, да „съ какой стати“... Ужасно вообще ты сталъ какой-то... неподвижный. А ужъ ты бы, съ своею солидною фігурою, могъ бы гораздо скорѣе добиться всего: на меня какъ взглянетъ солидный человѣкъ, такъ сразу почувствуетъ ненависть... Вообще я своимъ пребываніемъ въ Томилинскій очень, очень довольна. И люди есть, и все, стоитъ только поискать. Если бы не нужно было ѣхать въ Питеръ, обязательно бы осталась здѣсь...

— Владиміръ Николаевичъ, возьмите грушъ! — кривнулъ Сергѣй, стоя на колѣняхъ передъ грудю фрутовъ.— Смотрите, какія груши,—что твой дюшесъ!

Токаревъ и Таня подошли къ остальнымъ.

— Да, Володя, вотъ что! — прибавила Таня. — Ты все-таки жоговори объ этомъ дѣлѣ съ Будиновскимъ, чтобъ и онъ съ своей стороны посодѣйствовалъ. Ты съ нимъ, кажется, хорошъ.

— Пріятелями стали!—съ легкою улыбкою замѣтилъ Сергѣй.

— Не вижу ничего позорнаго быть его пріятелемъ,—холодно отвѣтилъ Токаревъ.—По моему, онъ очень дѣльный и симпатичный человѣкъ.

— Я противъ этого не спору,—невинно сказалъ Сергѣй.— Только при всей своей симпатичности онъ всегда какъ-то... умѣетъ прекрасно устраиваться и жить со всѣми въ ладу. Мнѣ это не нравится.

— Скажите, пожалуйста, что же въ этомъ плохого?—спросилъ Токаревъ, начиная раздражаться.—Почему дѣльный человѣкъ непременно долженъ жить въ грязной собачьей конурѣ и хватать зубами за ноги каждаго проходящаго?

— Совсѣмъ этого не нужно,—лѣниво отвѣтилъ Сергѣй.—А вотъ это, дѣйствительно, нужно,—чтобъ для дѣльнаго человѣка дѣло было его жизнью, а не десертомъ въ сытному обѣду. Для Будиновскаго же жизнь—въ уютѣ и комфортѣ, а дѣло—это такъ себѣ, лишь пріятное украшеніе жизни. Скажите, пожалуйста, чѣмъ этотъ тепленькій человѣкъ пожертвуетъ для своего „дѣла“? За это я, по крайней мѣрѣ, ручаюсь, что ни одной изъ своихъ великолѣпныхъ латаній онъ за него не отдастъ. А мотивъ, конечно, будетъ очень благородный: „на меня и такъ всё косятся“... Только поэтому онъ и не хочетъ,— не хочетъ дѣлу повредить, а то бы радъ всею душою... И подумаешь, — кто на него кѣ-

ентся!.. Вѣдь какое вообще характерное явленіе для нашей жизни такіе люди! Чуть что,—сейчасъ: „ахъ, Боже мой, поосторожьте! Вы намъ помѣшаете!..“ Брр! Лучше мерзавцы, чѣмъ всѣ эти смиренные и благонамѣренные либеральные господа!..

— Это, разумѣется, дѣло вкуса,—иронически процѣдилъ Токаревъ.—Я же лично думаю, что именно эти смиренные и неблестящіе „господа“ вынесли и выносятъ на своихъ плечахъ всю великую культурную работу, которою жива страна. И далеко до нихъ не только мерзавцамъ, а и всякаго рода „героямъ“, которые больше занимаются лишь пусканіемъ на воздухъ блестящихъ фейерверковъ,—рѣзко закончилъ Токаревъ.

Таня, поднявъ брови, съ удивленіемъ приглядывалась въ брату. Шеметовъ всталъ.

— Будетъ, Сережка, спорить!—ворчливо сказалъ онъ, пренебрежительно отвернувшись отъ Токарева.—Можно найти дѣло поинтереснѣе!

— Вѣрно!—воскликнулъ Сергѣй и вскочилъ на ноги.—Давайте, господа, покатаемся на лодкѣ.

Къ мосткамъ была привязана большая, старая, насквозь прогнившая лодка, вполонину залитая водой.

— Давайте!—быстро отвѣтила Таня съ весело загорѣвшимися глазами.

— Ну, Таня, посмотри же, какая лодка!—возмутился Токаревъ.—Вѣдь она совсѣмъ гнилая!

— Чтожъ такое? Еще пріятнѣе... Сашка, Катюха, ѣдемъ!—крикнулъ Сергѣй, прыгая въ лодку. Лодка тяжело завачалась изъ стороны въ сторону, и на ея днѣ съ шумомъ забѣгала вода.

Таня и Шеметовъ со смѣхомъ сошли въ лодку. Ката, волнуясь и стараясь побороть страхъ, спустилась за ними.

— Владиміръ Николаевичъ, ѣдемъ!—сказалъ Сергѣй, съ насмѣшливымъ ожиданіемъ глядя на Токарева.

— Благодарю покорно, мнѣ купаться не хочется!—съ усмѣшкою отвѣтилъ Токаревъ.

Стоя на почернѣвшихъ, склизкихъ перекладинахъ, они оттолкнулись отъ берега. Лодка накренилась то вправо, то влево, вода въ ней плескалась. Сергѣй вложилъ въ уключины мотрыя, гнилыя весла и началъ грести.

Лодка выплыла на середину пруда. Солнце садилось, багровыя облака отражались въ водѣ краснымъ огнемъ. Шеметовъ, стоя на кормѣ, запѣлъ вполголоса:

Изъ-за острова на стрежень,
На просторъ рѣчной волны,
Выплываютъ расписные,
Острогрудые челны.
На переднемъ Стенька Разинъ...

Шеметовъ вдругъ замолчалъ.—Что же это лодка не тонетъ?— съ любопытствомъ спросилъ онъ.—Странно! Должна бы знать, что по законамъ физики ей давно слѣдуетъ пойти ко дну... Ну, ты, шалава!—крикнулъ онъ и качнулъ лодку. Катя, придерживая рукою юбку, засмѣялась, стараясь не показать, что ей страшно.

Токаревъ сидѣлъ на берегу, возмущенный и негодующій. Какая глупость! Прудъ очень глубокъ, вода холодна; если лодка затонетъ, то выплыть на берегъ одѣтымъ вовсе не просто, и легко можетъ случиться несчастіе. Это какая-то совсѣмъ особенная психологія,—безъ всякой нужды, просто для удовольствія, играть съ опасностью. Ну, ѣхали бы сами, а то еще берутъ съ собою этого ребенка Катю...

На прудѣ раздались крики и смѣхъ. У Сергѣя сломалось весло. Сильный и ловкій, въ заломленной на затылокъ студенческой фуражкѣ, онъ стоялъ среди лодки, гребя однимъ весломъ. Лодка съ каждымъ ударомъ наклонялась въ стороны, почти достигая бортами уровня воды.

И они плыли впередъ, веселые и смѣющіеся, и Токаревъ съ глухою враждою слѣдилъ за ними. И вдругъ ему пришла въ голову мысль: все, все различно у него и у нихъ, души совсѣмъ разныя,—такія разныя, что одна и та же жизнь должна отливаться въ нихъ совсѣмъ иначе; и такъ во всемъ,—и въ мелочахъ, и въ самой сути. И какъ можно здѣсь столковаться хоть въ чемъ-нибудь, здѣсь, гдѣ различіе — не во взглядахъ, не въ логикѣ, а въ самомъ строѣ души?

— Сергѣй Васильевичъ! Барыня зовутъ!.. Поскорѣй!—крикнула съ горы горничная Дашка.—Поскорѣе всѣ идите!

— Что тамъ такое?—спросилъ Сергѣй.

— Телеграмма изъ города пришла... Поскорѣе, барыня зоветъ! Идите, я въ ригу побѣгу за бариномъ!..

Конкордія Сергѣевна, блѣдная, съ замершимъ отъ горя лицомъ, сидѣла у себя въ комнатѣ, неподвижно глядя на распечатанную телеграмму. Въ телеграммѣ стояло:

„Пріѣзжайте поскорѣе. Варенька опасно больна.

Темпераментова“.

XVI.

Въ тотъ же вечеръ всѣ пріѣхали въ Томилинскъ. Докторъ, взволнованный и огорченный, сообщилъ имъ, что Варвара Васильевна, ухаживая за больнымъ, заразилась сапомъ.

— Сапомъ... — растерянно повторила Конкордія Сергѣевна, глядя на доктора остановившимися глазами.—Это... это опасно?

— Очень опасно,—грустно отвѣтилъ докторъ.

Варвара Васильевна лежала въ отдѣльной палатѣ. На окнѣ горѣлъ ночникъ, заставленный зеленою ширмочкою, въ комнатѣ стоялъ зеленоватый полумракъ. Варвара Васильевна, блѣдная, съ сдвинутыми бровями, лежала на спинѣ и въ бреду что-то тихо говорила; лицо ея было покрыто странными прыщами, которые казались въ темнотѣ большими и черными. У изголовья сидѣла Темпераментова, истомленная двумя бессонными ночами.

— Побудьте, господа, немного, и уходите,—шопотомъ сказалъ докторъ.—Не нужно долго оставаться.

— Милый докторъ, я... я не уйду отсюда... хоть казните меня...—жалкимъ, покорно-молящимъ голосомъ произнесла Конкордія Сергѣевна. Глаза ея были большіе-большіе и свѣтлые.

— Скажите, докторъ, есть какая-нибудь надежда?—спросилъ Токаревъ, когда они вышли изъ палаты.

Докторъ хотѣлъ отвѣтить, но вдругъ лицо его дернулось, и губы запрыгали. Онъ глухо всхлипнулъ, быстро махнулъ рукою и молча пошелъ по коридору.

Утромъ Варвара Васильевна пришла въ себя, весело разговаривала съ матерью, потомъ заснула. Послѣ обѣда она позвала къ себѣ Токарева и попросила всѣхъ остальныхъ выйти.

Токаревъ сѣлъ въ кресло около постели. Варвара Васильевна, съ спавшимся, желтовато-сѣрымъ лицомъ, усѣяннмъ зловѣщими прыщами, поднялась на локоть въ своей бѣлой ночной кофточкѣ.

— Владиміръ Николаевичъ, я вамъ хотѣла сказать... — начала она.—Я третьяго дня написала директору банка и напомнила ему его слово, что онъ приметъ васъ... Онъ ко мнѣ хорошо относится, я была при его дочери, когда она была больна дифтеритомъ... Онъ сдѣлаетъ...

— Варвара Васильевна, ради Бога, оставьте вы объ этомъ! — страдальчески произнесъ Токаревъ.

— Да.. и потомъ еще вотъ что... — Она подняла на него мутные глаза, и въ нихъ было видно усиліе отогнать отъ мозга туманъ бреда.—Да... Что я еще хотѣла сказать?..

Варвара Васильевна нетерпѣливо потерла руки, бѣгая взглядомъ по комнатѣ.

— Вотъ что!—Она помолчала, въ колебаніи глядя на Токарева.—Дайте мнѣ честное слово, что вы никому не станете рассказывать о нашемъ разговорѣ, — помните, тогда вечеромъ, въ Изворовкѣ, когда съ Сережей сдѣлался припадокъ?

Токаревъ вздрогнулъ и сталъ блѣднѣть.

— Слышите, Владиміръ Николаевичъ, — честное слово, *никому!*—въ тоскѣ сказала Варвара Васильевна, все больше волнуясь.

Токаревъ сидѣлъ, смертельно блѣдный, съ остановившимся дыханіемъ.

— Хорошо,—медленно произнесъ онъ и замолчалъ. И онъ продолжалъ сидѣть,—блѣдный, съ широко-открытыми глазами, и его голова слегка тряслась.

— Видите, мамѣ этого.. Что я хотѣла сказать? Да! Надо выписать сто граммовъ хлороформу, пожалуйста, не забудьте,—съ эфиромъ... Антонъ Антонычъ поѣдетъ. А я завтра сама развѣшу, не будите провизора.

Варвара Васильевна начала бредить. Токаревъ поднялся и шатающеюся походкою пошелъ вонъ.

Онъ вышелъ изъ больницы и пошелъ по улицѣ къ полю. Въ сѣромъ туманѣ моросилъ мелкій, холодный дождь, было грязно. Городъ остался назади. Одинокая ива у дороги вырисовывалась смутно-темнымъ силуэтомъ, а дальше вездѣ былъ сырой туманъ; надъ мокрыми жнивьями пролетали галки. Токаревъ шелъ, бессознательно кивая головою и бормоча что-то подъ-носъ. Это не сонъ?—иногда приходило ему въ голову. И онъ гналъ отъ себя всѣ мысли, боясь думать о томъ, что онъ узналъ, боясь пошевелить застывшій въ душѣ тупой ужасъ передъ случившимся.

Токаревъ воротился въ больницу, когда уже темнѣло. Въ воротахъ онъ встрѣтилъ Сергѣя и Таню, — обоихъ блѣдныхъ и серьезныхъ.

— Варя умерла!—коротко сказалъ Сергѣй и, прикусивъ губу, прошелъ мимо.

Черезъ два дня Варвару Васильевну хоронили. Похороны вышли величественныя; никто не думалъ, чтобъ Варвара Васильевна пользовалась такою популярностью, какъ оказалось. Громадная толпа народа провожала гробъ, слышались рыданія. На могилѣ произнесли рѣчи главный врачъ больницы, предсѣдатель управы, Будиновскій. Они говорили о самоотверженной дѣятельности скромной труженицы, о томъ, что вся жизнь ея была однимъ сплошнымъ подвигомъ, что она, какъ воинъ на полѣ брани, славно погибла на своемъ посту. Токаревъ, угрюмый, замершій въ ужасѣ, слушалъ рѣчи, и онѣ казались ему пошлыми и ничтожными передъ тою страшною нравственною загадкою, которая въ дѣйствительности вытекала изъ этой смерти; и ему хотѣлось рыдать отъ безумной жалости къ Варварѣ Васильевнѣ и къ тому, что она надъ собою сдѣлала.

Въ тотъ же день вечеромъ уѣхали въ Петербургъ оба еще оставшіеся въ Томилинскѣ члена „колоніи“, — Таня и Шеметовъ. Токаревъ, Сергѣй и Катя проводили ихъ на вокзалъ. Таня не могла опомниться отъ неожиданной смерти Варвары Васильевны.

— Я положительно съ этимъ не могу примириться!—говорила она, стоя у своего вагона, возмущенная, негодующая. — Смерть!.. Жить, дѣйствовать, стремиться, дышать воздухомъ, — и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, все это обрывается, когда вдругомъ все такъ хорошо и интересно!..

Назадъ Токаревъ возвращался одинъ. Таня уѣхала, — что ждетъ ее впереди? Теперь, послѣ прощанія, она была Токареву дорога и близка; передъ нимъ стояло ея лицо, подвижное и энергичное, съ большими и смѣлыми, почти дерзкими глазами... Странно! Онъ прекрасно зналъ, — не благополучіе ждетъ ее въ будущемъ, и не сносить ей головы; а между тѣмъ онъ не испытывалъ за нее никакого страха, и ему казалось, что и жалости въ ней онъ никогда не испытаетъ; напротивъ, въ немъ была только жгучая зависть къ Танѣ за ея жадную любовь въ жизни и за безстрашіе передъ этою жизнью. И тотъ тяжелый вопросъ, который возникалъ изъ смерти Варвары Васильевны, при мысли о Танѣ тускнѣлъ, становился страннымъ и непонятнымъ.

XVII.

Токаревъ вмѣстѣ съ Изворовыми воротился въ деревню. Пообѣдали; всѣ были печальны и молчаливы. Темнѣло. Токаревъ вышелъ въ садъ. Вечеръ былъ безвѣтренный и холодный, заря гасла; сквозь порѣдѣвшую листву аллеи свѣтился серпъ молодого мѣсяца; пахло вялыми листьями, было просторно и тихо. Токаревъ медленно шелъ по аллеѣ, и листья шуршали подъ его ногами.

Жизнь вдругъ стала для него страшной, полной такихъ тяжелыхъ и жуткихъ вопросовъ... Въ послѣднее время онъ съ каждымъ годомъ относился къ ней все легче: онъ обходилъ ея противорѣчія, закрывалъ глаза на глубины; еще немного, — и жизнь стала бы простою и ровною, какъ лѣтняя накатанная дорога. И вотъ вдругъ эта смерть Варвары Васильевны... И вмѣстѣ съ ея тѣнью передъ нимъ встали полузабытыя тѣни прошлаго, встали близкія, молодые лица. Гордые и суровые, всѣ они погибли такъ или иначе, не уступивъ передъ жизнью и не примирившись съ нею.

Токаревъ вышелъ къ пруду. Ивы склонились надъ плотиною и неподвижно отражались въ черной водѣ; на вѣтвяхъ темнѣли грачи, слышалось ихъ сонное карканье и треньханье. Близъ берега выдавался язъ воды бортъ затонувшей лодки, и плавалъ обломокъ весла. Токаревъ остановился, съ страннымъ чувствомъ глядя на лодку. Вотъ въ этой лодкѣ три дня назадъ катались люди, — молодо-смѣлые, бодрые и веселые, находившіе радость

именно въ этой смѣлости, а онъ, Товаревъ, съ глухою враждою слѣдилъ за ними съ берега.

И все прошлое, и эти люди были для него теперь страшно-чужды. Что-то совершилось въ душѣ, что-то надломилось, и возврата нѣтъ. Исчезла смѣлость и презрѣніе къ опасностямъ, исчезло недуманье о завтрашнемъ днѣ. Впереді было пусто, холодно и мутно. Товареву вспомнились его недавнія мечты объ усадьбѣ, объ уютной жизни, и имъ овладѣло отвращеніе. Для чего?... Жить, какъ всѣ живутъ,—безъ захватывающей цѣли впереди, безъ всего, что наполняетъ жизнь, что даетъ ей смыслъ и цѣну. И все яснѣе для него становилось одно: невозможно жить безъ цѣли и безъ смысла, а кто хочетъ смысла въ жизни, тотъ,—каковъ бы этотъ смыслъ ни былъ,—прежде всего долженъ быть смѣлъ, долженъ быть готовъ отдать за него все. Кто же съ вопросомъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни сплетаетъ вопросы своего бюджета и карьеры, пусть лучше не думаетъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни... И Товареву стало стыдно за себя.

Но когда онъ почувствовалъ стыдъ, онъ возмутился. Чего ему стыдиться? Что онъ сдѣлалъ плохого и какъ же ему жить? Вѣдь все, случившееся съ Барварою Васильевною, до безобразія болѣзненно и ненормально, люди остаются людьми, и нужно примириться съ этимъ. Онъ—обыкновенный сѣренъкій человекъ и, въ качествѣ такового, все-таки имѣетъ право на жизнь, счастье и на маленькую, невидную и неопасную работу.

„Что подѣлаешь? Такъ складывается жизнь,—вспомнились ему жесткія слова Сергѣя:—либо безбоязненность полная, либо банкротъ, и иди на смарку“.

Эта мысль тоже возмутила его, и онъ опять почувствовалъ ужасъ передъ тѣмъ непонятнымъ ему теперь и чуждымъ, что сдѣлало возможнымъ смерть Вари. Товаревъ отталкивалъ и не хотѣлъ признать этого непонятнаго, но оно властно стояло передъ нимъ и предъявляло требованія, которымъ удовлетворить онъ былъ не въ силахъ.

Товаревъ поднялъ голову и оглядѣлся; его удивило, какая кругомъ стоитъ мертвая тишина. Мѣсяцъ спустился къ нивамъ и отражался въ неподвижной, черной глубинѣ пруда. Неподвиженъ былъ воздухъ, деревья не шевелились ни листикомъ. Какъ будто сейчасъ случилось что-то, чего Товаревъ за своими размышленіями не замѣтилъ,—и все вокругъ, замерши, испуганно прислушивалось. Была та же странная тишина, какъ тогда, послѣ припадка Сергѣя, на пыльной лѣстницѣ, и такъ же странно-неподвижно свѣтилъ мѣсяцъ, и все вокругъ становилось необычнымъ. Съ березы сорвался желтый листокъ; онъ неслышно и робко мелькнулъ въ воздухѣ, словно боясь привлечь къ себѣ чье-то

грозное вниманіе, и поспѣшно юркнулъ въ траву. И опять все замерло.

Смутный страхъ охватилъ Токарева. Онъ повернулся и пошелъ домой.

XVIII.

Прошла недѣля. Токаревъ сильно похудѣлъ и осунулся, глаза его приобрѣли странный нервный блескъ. Взмутившіяся въ мозгу мысли не осѣдали, и Токаревъ все думалъ, думалъ объ одномъ и томъ-же; иногда ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. И ему страстно хотѣлось друга, которому онъ могъ бы высказать все, передъ которымъ могъ бы облегчить душу и признать себя такимъ, каковъ онъ есть. Варваръ Васильевнѣ онъ способенъ былъ бы все сказать, и она поняла бы, что долженъ же быть для него какой-нибудь выходъ. Но передъ нимъ былъ только Сергѣй; Сергѣй же чуждался Токарева, и они не имѣли теперь ничего общаго. А между тѣмъ въ Сергѣѣ было много, поразительно напоминавшаго Варю: тотъ-же тонкій, строгій профиль, тѣ же глаза, та же привычка сдвигать брови. Какъ будто Варя ожила въ Сергѣѣ, но не мягкая и прощающая, а жесткая, презирающая и беспощадная.

Въ Сергѣѣ, въ его пренебреженіи и презрѣніи, какъ бы олицетворялось для Токарева все, изъ-за чего онъ мучился; и онъ начиналъ испытывать къ Сергѣю все большую ненависть; кромѣ того, съ той ночи, какъ съ Сергѣемъ случился припадокъ, онъ внушалъ Токареву какой-то смутный, почти суевѣрный страхъ. Но рядомъ съ этимъ Токарева какъ-то странно тянуло къ Сергѣю; ему давно уже слѣдовало уѣхать изъ Изворовки, но онъ не уѣзжалъ; онъ не могъ такъ уѣхать, ему необходимо было пред-варительно объясниться о чемъ-то съ Сергѣемъ; но о чемъ объяснить, для чего,—Токаревъ и самъ не могъ бы ясно сказать.

Стояла середина сентября. День былъ тихій, облачный и жаркій; на горизонтѣ со всѣхъ сторонъ неподвижно синѣли тучи, въ воздухѣ томило. Сергѣй съ утра выглядѣлъ страннымъ; въ глазахъ его былъ необычный, уже знакомый Токареву блескъ, онъ дышалъ тяжело, смотрѣлъ угрюмо и съ отвращеніемъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера поужинали. Василія Васильевича, по обыкновенію, не было,—онъ теперь всѣ вечера проводилъ у сосѣдей, играя въ карты.

— А какъ барометръ упалъ!—сказала Конкордія Сергѣевна.—Кончатся ясные денечки; теперь пойдутъ дожди, холодъ, грязь...

— Упалъ барометръ?—съ любопытствомъ спросилъ Сергѣй и замолчалъ.

Они пошли съ Токаревымъ въ себѣ навѣрхъ.

— Вы себя сегодня плохо чувствуете?—участливо спросилъ Токаревъ.

— Слышали, барометръ упалъ? Ну, вотъ!—съ усмѣшкою отвѣтилъ Сергѣй.—Такое дрянцо люди,—каждое колебаніе барометра отражается на душѣ!

Онъ молча зажегъ лампу и сѣлъ за „Критику чистаго разума“, которую онъ усиленно читалъ послѣднее время.

Токаревъ, не зажигая свѣта, ходилъ по своей комнатѣ. Онъ видѣлъ, какъ все въ Сергѣѣ нервно кипѣло, и это заражало его, и нервы его натягивались; неопредѣленный страхъ охватывалъ его... Токаревъ остановился у печки.

Сергѣй сидѣлъ въ своей комнатѣ, склонясь надъ книгой; лампа освѣщала его красивое лицо. Токаревъ смотрѣлъ на него изъ темноты.

Вонъ онъ спокойно сидитъ, этотъ мальчишка, а онъ, Токаревъ, испытываетъ въ нему страхъ и стыдится его презрѣнія... Сколько въ немъ мальчишеской увѣренности въ себѣ, сколько сознанія непогрѣшимости своихъ взглядовъ. Для него все рѣшено, все ясно... А интересно, что бы сказалъ онъ, если бы узналъ истинную причину Вариной смерти? Призналъ бы, что это такъ и должно было случиться? Или и онъ ужаснулся бы того, къ чему ведетъ молодая прямолинейность и чрезмѣрныя требованія отъ людей?

Токаревъ зажегъ лампу и открылъ книгу; но ему не читалось. Онъ думалъ о томъ, что съ Сергѣемъ опять можетъ случиться сегодня припадокъ: что тогда въ состояніи будетъ сдѣлать съ нимъ Токаревъ, одинъ въ пустомъ домѣ? И ему вспоминалось, какъ Сергѣй сознался, что чуть его тогда не задушилъ, и какъ насмѣшливо улыбнулся, когда Токаревъ поблѣднѣлъ при этомъ признаніи... Ко всему остальному, Сергѣй теперь знаетъ, что Токаревъ его боится.

Токаревъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Онъ спустился внизъ.

Внизу, въ большихъ, пустынныхъ комнатахъ, было темно и тихо. Въ передней на коникѣ храпѣла горничная Дашка, и пахло потомъ; въ коридорѣ скребли крысы. Было тоскливо и грустно. Токаревъ вошелъ въ гостиную; тамъ, при свѣтѣ одинокой свѣчи, Конкордія Сергѣевна пришивала оборвавшіяся на креслахъ бахромки.

— Вы еще не спите, Конкордія Сергѣевна?—удивился Токаревъ.

Конкордія Сергѣевна подняла на него свое осунувшееся лицо.

— Да вотъ, засидѣлась тутъ съ креслами; срамъ взглянуть, совѣмъ оборвались бахромки.

Токаревъ помолчалъ.

— А какая тутъ должна быть тоска зимою!—сказалъ онъ.—
Всѣ разъѣдутся, вы останетесь вдвоемъ съ Василюмъ Васильевичемъ. Мнѣ кажется, я бы и недѣли не выдержалъ.

Конкордія Сергѣевна медленно перекусила нитку и стала вдѣ-
вать ее въ иглу.

— Голубчикъ мой, привыкла я. Что ужъ тамъ—, скучно“...
Мнѣ за весельемъ нечего гнаться. Сколько ужъ лѣтъ такъ
живу. Было бы дѣтвямъ хорошо, а мнѣ что... Ну, а вѣдь, кромѣ
того, все-таки ждешь: вотъ опять лѣто придетъ, опять... опять
всѣ... съѣдутся...

Голосъ ея оборвался; она наклонилась къ креслу. И такую
одинокую показалась она Токареву, съ ея скрытою, не высказы-
ваемой печалью.

Онъ поговорилъ съ нею нѣкоторое время, потомъ вышелъ на
крыльцо.

Ночь была тихая и теплая; черныя, тяжелыя тучи низко на-
висли надъ землею, было очень темно. На деревнѣ слабо мер-
цалъ огонекъ, гдѣ-то далеко громыкала телѣга. Эти низкія, не-
подвижныя тучи, эта глухая тишина давили душу. Токаревъ
стоялъ, вглядываясь въ темную даль. На горизонтѣ, за лѣсомъ,
тускло блеснула зарница. Изъ-подъ крыльца, вилая хвостомъ,
вылѣзъ лягавый щенокъ Сбогарь; худой, на длинныхъ, большихъ
лапахъ, онъ подошелъ къ Токареву, слабо повизгивая и тоскливо
глядя на него молодыми, добрыми глазами. Токаревъ погладилъ
его по головѣ; Сбогарь быстрѣе замахалъ хвостомъ, продолжая
жалобно повизгивать.

За лѣсомъ снова блеснула зарница и блѣднымъ, трепетнымъ
свѣтомъ нѣсколько разъ освѣтила неподвижныя тучи. Стало еще
темнѣе. У Токарева вдругъ мелькнула мысль, какъ удивительно
благоприятна и эта ночь, и нынѣшнее состояніе Сергѣя, для
исполненія того, что Токаревъ ужъ нѣсколько дней собирался
сдѣлать: да, Сергѣй долженъ узнать настоящую причину смерти
сестры, это открытіе должно ударить его по самому сердцу, на-
полнить его тоскою и ужасомъ, искривить и исковеркать его
прямые, негибающіеся взгляды на жизнь и ея требованія... О,
онъ увидитъ, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ онъ полага-
етъ!—съ злораднымъ торжествомъ подумалъ Токаревъ.

Онъ пошелъ наверхъ, давая въ себѣ вдругъ охватившую его
быструю, нервную дрожь.

Сергѣй медленно расхаживалъ по комнатѣ, устало понуривъ
голову.

— Сергѣй Васильевичъ, сидите вы здѣсь все надъ книгами, —

сказалъ Товаревъ.—А посмотрите, какая ночь чудесная: тихая, теплая... Пойдемте, пройдемся.

Сергѣй потеръ рукою лобъ и встряхнулся.

— Пойдемте, пожалуй! Все равно, ничего въ голову не лѣзетъ.

Они вышли изъ дому, приперли за собою дверь и черезъ калитку вошли въ садъ. И на просторѣ было темно, а здѣсь, подъ липами аллен, не видно было ничего за шагъ; они шли, словно въ какомъ-то подземельѣ, не видя другъ друга, не видя земли подъ ногами, ступая, какъ въ бездну. Пахло сухими листьями, полуголыя вершины деревьевъ глухо шумѣли надъ головой. Иногда сквозь вѣтви слабо вспыхивала зарница, и все вокругъ словно вздрагивало ей въ отвѣтъ. Сергѣй шелъ молча.

Дойдя до конца сада, они остановились у изгороди. За канавой, заросшей крапивой, разстидалось сжатое поле, а надъ нимъ неподвижно висѣли низкія тучи; изъ черной дали дулъ теплый, сухой вѣтеръ и тихо шуршалъ въ волосахъ. Товаревъ нагнулся и провелъ рукою по травѣ.

— Удивительно, какъ сухо! Росы совсѣмъ нѣтъ! — сказалъ онъ.

— Дождь завтра будетъ,—коротко отозвался Сергѣй.

— Ну, Сергѣй Васильевичъ, идемъ дальше! Воздухъ такой славный!.. Пойдемте къ Зыбнкѣ, на Живые Ключи. Такъ прямо, черезъ поле, мы скоро дойдемъ.

Товаревъ перелѣзъ черезъ плетень и перепрыгнулъ канаву. Сергѣй неохотно послѣдовалъ за нимъ. Они пошли наискось по колючему жнивью. Вѣтеръ ровно дулъ имъ въ лицо, полынь на межахъ слабо шевелилась; на темномъ горизонтѣ непрерывно вспыхивали зарницы, — то яркія, освѣщавшія все вокругъ, то тусклыя, печальныя и зловѣщія.

Сзади, въ смутномъ сумракѣ, раздавался мягкій, частый, быстро приближавшійся топотъ.

— Что это тамъ?!—вздрогнувъ, вскрикнулъ Сергѣй и быстро обернулся.

— Ну, Сергѣй Васильевичъ, вѣдь это непозволительно!—засмѣялся Товаревъ.—Что это можетъ быть? Вѣроятно, Сбогаръ насъ догоняетъ!

Сбогаръ подбѣжалъ и, радостно виляя хвостомъ, сталъ ластиться къ Товареву и Сергѣю.

— Ишь, негодяй! Такъ неожиданно налетѣлъ, невольно вздрогнешь!—сказалъ Сергѣй, стараясь улыбнуться.

Они двинулись дальше. Сергѣй шелъ, медленно и тяжело дыша, украдкой вглядываясь въ темноту странно блестящими глазами. Вѣтеръ унялъ, стало тихо. Они вышли на дорогу.

Далеко, на церковной колокольнѣ, раздался ударъ въ колоколъ; звукъ, звеня и дрожа, тихо и какъ-то таинственно пронесся надъ темными полями; потомъ раздался второй ударъ, третій, — пробило двѣнадцать часовъ.

Товаревъ взялъ Сергѣя подъ руку.

— Полночь!.. — сказалъ онъ. — Мужики говорятъ: церковный сторожъ погналъ мертвецовъ на водопой... — Токаревъ помолчалъ. — Странно на меня дѣйствуютъ такія ночи. Вамъ не кажется невѣроятнымъ, чтобъ въ этомъ мракѣ не было ничего таинственнаго? Мнѣ это часто кажется. Кругомъ необходимо должна быть своя жизнь, но только она ускользаетъ отъ нашихъ глазъ; нужно совсѣмъ неожиданно оглянуться, чтобъ уловить изъ нея хоть что-нибудь; на меня, напр., добрая половина картинъ Беклина производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ именно „неожиданно оглянулся“. Вотъ мы идемъ съ вами, — и неужели мы тутъ только двое во всемъ этомъ просторѣ, а кругомъ насъ — лишь дрожаніе разныхъ молекулъ, колебаніе свѣтового эфира и т. п.? Почему же въ такомъ случаѣ такъ ясно и такъ жутко душа ощущаетъ невидимое присутствіе кого-то, — какихъ-то смутныхъ, безформенныхъ существъ, передъ которыми мы такъ слабы и беспомощны?

Сергѣй шель, молча понутивъ голову. Они свернули на тропинку, прошли мимо заброшенной каменоломни и спустились въ Зыбинскую лощину. Въ ней было очень тихо. Въ темнотѣ смутно рисовались черные кусты раkitника, и казалось, будто они медленно двигаются. Токаревъ и Сергѣй пошли по заросшей дорогѣ, тянувшейся по косогору къ верховью лощины. Сбогарь, слабо повизгивая, оглядывался по сторонамъ и жался къ ихъ ногамъ. Какъ разъ надъ лощиною низко стояло большое черное облако съ расходившимися въ стороны отрогами; какъ будто гигантское странное насѣкомое повисло въ воздухѣ и пристально, побѣдно слѣдило оттуда за шедшими по лощинѣ. Угрюмыя и молчаливыя зарницы вспыхивали въ темнотѣ.

Незамѣтная, какая-то внутренняя дрожь все сильнѣе охватывала Токарева; на душѣ у него было смутно и необычно, и только умъ работалъ съ полною ясностью.

— Помните вы „Hoplà“ Мопассана? — продолжалъ онъ. — Это очень болѣзненная, но удивительно-умная и глубокая вещь. Мопассанъ говоритъ, что люди съиздавна населяли міръ разными таинственными, страшными и неопредѣленными существами, и что это не могло быть иначе: человѣкъ всегда чувствовалъ, какъ самъ онъ беспомощенъ, какъ надъ нимъ стоять какія-то силы, передъ которыми онъ рабъ... Что это за силы, что за существа? Они должны быть невидимы, но страшны и могучи; въ чемъ бы они ни проявлялись, но они всегда показываютъ свою

власть надъ человѣкомъ, и человѣкъ передъ ними такъ безсиленъ, такъ жалко беспомощенъ!

— Неужели вы все это серьезно говорите?—съ удивленіемъ спросилъ Сергѣй, поднявъ голову.—Вѣдь это положительно какой-то бредъ, и притомъ довольно смѣшной... Только я бы васъ попросилъ, Владиміръ Николаевичъ, оставьте говорить объ этомъ. Я сегодня чувствую себя ужасно нервно.

— Хорошо,—согласился Токаревъ.—Да въ сущности, я, конечно, не говорю серьезно о разныхъ тамъ мертвецахъ или привидѣніяхъ, не говорю и о мопассановскихъ невидимкахъ Орля. Я только говорю о мопассановской „глубокой тайнѣ невидимаго“; вѣдь именно ее только Мопассанъ и символизируетъ въ образѣ „Ногла“. Согласитесь, что эта тайна, дѣйствительно, глубока и страшна. Мопассанъ говоритъ: „Все, что насъ окружаетъ, все, что мы замѣчаемъ не глядя, все, что задѣваемъ, сами того не сознавая, трогаемъ не ощупывая, — все это имѣетъ надъ нами, надъ нашими органами, а черезъ нихъ и надъ нашими мыслями, надъ самымъ нашимъ сердцемъ — быстрое, изумительное и необъяснимое дѣйствіе“... Развѣ это не страшно и развѣ это не правда?—взволнованно спросилъ Токаревъ.—Человѣкъ былъ еще свободенъ, когда онъ эти силы олицетворялъ въ существахъ, стоящихъ *внѣ* его, — съ ними, по крайней мѣрѣ, можно было бороться, противъ нихъ стояла свободная, самоопредѣляющаяся душа человѣка. А теперь всѣ эти существа переселились внутрь его, въ его мозгъ и сердце... И что теперь ждетъ человѣка? Вы помните этотъ страшный вопль Мопассана: „*Царство человѣка кончилось!*.. Горе намъ! Горе людямъ! Пришелъ онъ... какъ его зовутъ?.. Мнѣ кажется, что онъ выкрикиваетъ мнѣ свое имя, но я не слышу его... О, да! Онъ явился!.. Ястребъ съѣлъ голубку, левъ пожралъ буйвола съ острыми рогами... Всему конецъ!.. Онъ во мнѣ, онъ *становится моею душою!*.. Что дѣлать? Горе намъ!..“

Токаревъ дрожалъ мелкою дрожью, въ его голосѣ звучалъ ужасъ, какъ будто дѣйствительно это таинственное „невидимое“ стояло здѣсь въ темнотѣ... И въ своемъ ужасѣ Токаревъ чувствовалъ, какъ Сергѣй нервно вздрагивалъ, и отъ этого у него на душѣ становилось злобно-радостно.

— По моему, все это только очень характерно для самого Мопассана, да, пожалуй, и для васъ,—рѣзко возразилъ Сергѣй.—Что спорить, „тайна невидимаго“ глубока; но трусь и жалкая тряпка тотъ, кто поддается этому невидимому.

— Сядемъ здѣсь!—коротко и рѣшительно сказала Токаревъ, опускаясь на востокъ подъ молодую лозинкою; онъ сказалъ это увѣреннымъ, властнымъ голосомъ, и Сергѣй послушался. Токаревъ приобрѣлъ надъ нимъ какую-то странную власть.

Горизонтъ, прежде рѣзко очерченный, затянулся на югѣ мутною мглою и сталъ сливаться съ небомъ; потянуло влажною прохладю. Токаревъ въ волненіи поглядѣлъ вдаль: пройдетъ полчаса, — и все жуткое очарованіе ночи исчезнетъ, небо покроется мутными, сѣрыми облаками, и лѣниво засѣетъ окладной дождь.

— Вы говорите: тотъ, кто поддается „невидимому“ — трусь и жалкая тряпка, — медленно заговорилъ Токаревъ. — Удивительное дѣло! Передъ вами стоитъ громадный вопросъ, а вы хотите рѣшить его парю презрительныхъ ругательствъ... Нѣтъ, Сергѣй Васильевичъ, такіе вопросы такъ не рѣшаются! Вопросъ въ томъ, что же дѣлать, если это невидимое безповоротно покоряетъ тебя. Ну, хорошо, — трусь, жалкая тряпка... Вѣдь это сказать легко; а когда въ жизни встаетъ такой вопросъ, то можно съ ума сойти отъ ужаса... Вы знаете, отчего умерла Варвара Васильевна? — вдругъ спросилъ Токаревъ.

Онъ задыхался и медленно перевелъ духъ.

— Она заразилась сапомъ... — продолжалъ онъ. — Но она не нечаянно заразилась, а нарочно... Она не остановилась передъ такого рода смертью, чтобъ окружающіе близкіе думали, будто это несчастная случайность. А убила она себя именно потому, что чувствовала приближающуюся побѣду „невидимаго“.

И въ темнотѣ Токаревъ видѣлъ, какъ на него смотрѣло смертельно-блѣдное лицо Сергѣя съ остановившимися глазами.

— Это не можетъ быть! — вдругъ рѣшительно произнесъ Сергѣй. — Она могла бы это сдѣлать, она на это способна; но никогда ни вамъ, никому она не созналась бы въ этомъ!

— Да, видите, оно такъ и есть. Но однажды, — помните, въ тотъ вечеръ, когда съ вами произошелъ припадокъ, — она созналась мнѣ, что чувствуетъ приближеніе и побѣду этого „невидимаго“. Чтобъ не покориться ему, она видѣла только одно средство — смерть, но чтобъ эта смерть поменьше доставила горя близкимъ. Разговоръ былъ чисто-отвлеченный... Ну, а передъ самою смертью, уже въ бреду, она взяла съ меня слово никому не рассказывать объ этомъ ея признаніи... Какъ вы думаете, можно изъ этого что-нибудь заключить?

— Ччо-ортъ, ччо-ортъ!.. — простоналъ Сергѣй, стиснувъ голову руками. Онъ поставилъ локти на колѣни и сидѣлъ, все такъ же стиснувъ голову.

— Ну, и что же? — говорилъ Токаревъ строгимъ, беспощаднымъ и проникающимъ голосомъ. — Она поступила правильно? Въ *этомъ* настоящій выходъ?.. Нѣтъ, это ужасно и до безумія ненормально! А между тѣмъ именно ваши взгляды, ваша прямолинейная требовательность и дѣлаетъ возможными подобные ужасы. Этого отрицать вы не можете, и не можеге также от-

*

рицать, что вы запираете для живого человѣка всѣ выходы. Необходимо серьезно и пристально приглядѣться къ этому „невидимому“, и только тогда, признавъ всю его силу и неизбежность, возможно придти къ какому-нибудь выходу.

Сергѣй вскочилъ на ноги.

— Къ чему вы все это говорите?!—крикнулъ онъ, сверкая глазами.—Вы Вариною смертью хотите оправдать себя! Да неужели вы не чувствуете, какая разница между нею и вами? Изъ ея смерти возникаетъ громадный вопросъ, — да, громадный и ужасный по своей серьезности, но вы къ этому вопросу и бокомъ не прикасаетесь!

Токаревъ замолчалъ, сбитый съ позиціи, не зная, что возразить.

— Хорошо! Скажемъ, вы правы,—заговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.—Я не хуже васъ вижу разницу между нею и собою. Но вдумайтесь немного въ то, что я вамъ скажу. Слушайте. Я—обыкновенный, маленькій человѣкъ. Мнѣ судьбою предназначено одно: жить смиренно и тихо, никуда не суясь, не имѣя никакихъ серьезныхъ жизненныхъ задачъ,—жить, какъ живутъ всѣ кругомъ: такъ или иначе зарабатывать деньги, влѣсть трудъ, котормъ я живу, плодить дѣтей и играть по вечерамъ въ винтъ. Но видите ли, въ жизни каждой самой болотной души бываетъ возрастъ, когда эта душа преобразается: у нея вырастаютъ крылья. Если окружающія обстоятельства благопріятствуютъ, то ея смутные, неопредѣленные порывы оформливаются въ стремленіе къ яснымъ идеаламъ. И человѣкъ идетъ за нихъ на борьбу, на гибель, и не можетъ понять, какъ можно жить, не ища въ жизни смысла, не имѣя всезахватывающей жизненной задачи. Проходитъ нѣсколько лѣтъ; крылья высыхаютъ и отваливаются, и самъ человѣкъ ссыхается; все недавнее становится для него совершенно чуждымъ и мертвымъ. И вотъ я теперь нахожусь какъ разъ въ такомъ положеніи. Но суть въ томъ, что это прошлое уже отравило меня: я ужасаюсь той пустоты, въ которую иду, я не могу жить безъ смысла и безъ цѣли, а крыльевъ нѣтъ, которыя подняли бы меня надъ болотомъ...

Слава вѣрѣ, насъ сгубившей,

Слава юности погубившей,

Незапятнанной позоромъ...

— Да, я съ горячимъ, страстнымъ чувствомъ вспоминаю ее, эту честную юность. Но слава ея схоронена, потому что схоронена сама юность, и ея не воскресить... Гдѣ же найти основаніе, на которое я могъ бы теперь опереться? Что можетъ мнѣ дать силу жить человѣкомъ? Философія? Религія? Изъ меня выкатывается душа, понимаете вы это? Душа выкатывается!.. Какъ ее удержать? Нѣтъ такихъ силъ въ жизни, нѣтъ такихъ силъ

въ идеяхъ и религіи... Вся сила лишь въ чувствѣ. Разъ же оно исчезло, то вздоръ всѣ клятвы и обѣты, все самопрезрѣніе и тоска... Что же мнѣ дѣлать?

— Это ваше дѣло!—брезгливо отвѣтилъ Сергѣй.—Къ сожалѣнію, я вамъ помочь ни въ чемъ не могу.

— О Сергѣй Васильевичъ! Не относитесь къ этому такъ презрительно! Увѣряю васъ, все это очень близко касается и васъ самого! Еще сегодня вы говорили о томъ, какъ всякое колебаніе барометра отражается на вашей душѣ; неужели вы думаете, что только одинъ барометръ обладаетъ такою удивительною силою?.. Нѣтъ, Сергѣй Васильевичъ, вы, такъ же, какъ я, ужъ цѣлкомъ находитесь во власти могучаго „невидимаго“. Вы вотъ настойчиво проповѣдуете радость жизни и силу духа,—а сами живете въ темномъ мірѣ нервной тоски и безволія; вы утверждаете, что человѣкъ долженъ дѣйствовать *изъ себя*, что въ такомъ случаѣ онъ откроетъ въ себѣ громадныя богатства души, а все ваше богатство заключается лишь въ поразительной черствости, самоувѣренности и самовлюбленности. Только покамѣстъ все это скрашивается у васъ молодостью; а пройдетъ молодость, — что отъ васъ останется? Мы съ вами одинаковые банкроты, мы одинаково слишкомъ бѣдны и больны душою, чтобъ расплатиться съ громадными требованіями нашего разума... Есть другіе люди, здоровые и сильные, люди нутра; ихъ можно убить, но невозможно расколоть на-двое, для нихъ мысль, тѣмъ самымъ, что она—мысль, есть въ то же время и дѣйствіе... Вотъ вамъ тотъ человѣкъ, котораго мы видѣли тогда у Варвары Васильевны; мнѣ кажется, такова и Таня. Ничего, что она такъ неразвита и узка, — въ этомъ-то и есть ея сила!.. А наше съ вами дѣло проиграно. Я это ужъ сознаю, вы еще не сознаете, но недалеко время, когда передъ вами встанетъ тотъ же вопросъ... И надъ трупомъ Варвары Васильевны нужно этотъ вопросъ рѣшить честно и серьезно.

— Охъ, какъ вамъ хочется этого „честнаго“ рѣшенія! — съ злобною и болѣзненною усмѣшкою произнесъ Сергѣй. — Извольте, вотъ оно, по моему: примиритесь съ вашимъ „невидимымъ“, полѣзайте назадъ въ болото и благоденствуйте себѣ на здоровье. Вамъ вѣдь ужасно хочется этого рѣшенія. Но меня оставьте въ покоѣ; будьте увѣрены, что живымъ я въ болото никогда не попаду!

Товаревъ молча махнулъ рукою. Онъ сидѣлъ на пригорѣ, охвативъ колѣни руками, и смотрѣлъ вдаль. Глухая, неистовая ненависть къ Сергѣю охватила его: Сергѣй насмѣшливо и злобно подчеркнулъ то, чего именно и хотѣлось Товареву; ну, да, онъ именно и хотѣлъ, чтобы за нимъ было признано право жить такимъ, каковъ онъ есть,—гдѣ же другой выходъ? Сергѣй этого

выхода не хочетъ признать... Хорошо!—подумалъ Токаревъ, охваченный тоскою и дрожью.

— Господи, какая ночь тяжелая!—проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ.—Сергѣй Васильевичъ, сдѣлайте одолженіе, принесите мнѣ воды изъ ключа. У меня такъ кружится голова,—мнѣ кажется, я сейчасъ упаду... Хоть въ фуражку мою зачерпните, она суконная, не прольется... Ради Бога!..

— Давайте фуражку,—медленно отвѣтилъ Сергѣй, внимательно глядя на Токарева.

Онъ исчезъ за бугромъ. Токаревъ быстро вскочилъ и оглядѣлся. Сырая, сѣрая стѣна дожда безшумно надвигалась въ темнотѣ и какъ будто уже начинала колебаться. Кругомъ стояла глухая тишь, у рѣчки неподвижно чернѣли странныя очертанія кустовъ; молодая лозинка надъ головою тихо шуршала своими сухими, желтыми листьями. Что-то сильное и неудержимое охватило Токарева.

— Ну, получай свое рѣшеніе!—съ безумною радостью подумалъ онъ и сталъ поспѣшно распоясываться; онъ былъ подпоясанъ вдвое длиннымъ и крѣпкимъ шелковымъ шнуркомъ.

Волнуясь и спѣша, Токаревъ дрожащими руками сдѣлалъ на шнурѣ петлю и дернулъ ее, испытывая крѣпость; петля была крѣпка. Онъ радостно улыбнулся, подошелъ къ лозинѣ и поднявшись на цыпочки, сталъ привязывать къ суку конецъ петли.

— Получайте ваше рѣшеніе, Сергѣй Васильевичъ!—еще разъ повторилъ Токаревъ, представляя себѣ воротившагося Сергѣя передъ его трупомъ на лозинѣ.

Вдали раздался шорохъ, какъ будто шаги. Токаревъ вздрогнулъ и, отскочивъ отъ дерева, сталъ вглядываться. Нѣтъ, все было тихо. Сергѣй такъ скоро не могъ вернуться; это, должно быть, пробѣжалъ внизу Сбогарь.

— Что я такое дѣлаю?!—вдругъ подумалъ Токаревъ. Онъ оставилъ, глядя на черную лозину, какъ будто только что проснулся отъ какого-то дикаго кошмара. Съ потревоженной лозины медленно и безшумно падали на землю желтые листья. И Токареву все показалось необычнымъ и ужаснымъ: и неподвижная лозина съ безшумно падающими листьями, и недавній разговоръ, и его намѣреніе.

Онъ отбросилъ шнурокъ и быстро пошелъ вонъ изъ лощины.

Отъ тучи подуло сильнымъ, влажнымъ вѣтромъ, по землѣ зашуршали первыя капли дождя: Распоясанный, въ развѣвающейся рубашкѣ, Токаревъ шагалъ по колючему жнивью черезъ межи и шелъ въ темноту, не зная, куда.

В. Вересаевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕРПТСКАГО СТУДЕНТА.

(Изъ недавняго прошлаго).

Давно уже я блуждалъ взоромъ по картѣ Россіи, ница такой уголокъ, гдѣ бы я могъ пріютить свои научные вкусы и аспираціи. Путемъ исключенія всѣхъ другихъ возможностей, оставалось направить свой путь въ Дерптъ, которому неопредѣленная молва приписывала болѣе гостепримства, чѣмъ я нашелъ въ другихъ университетскихъ центрахъ. Размышлять долго не приходилось, и я пустился изъ благодатной Малороссіи на «туманный сѣверъ». Доѣхавъ до Пскова, я рѣшилъ, въ видахъ обогащенія пейзажными впечатлѣніями, продолжать путешествіе водянымъ путемъ.

Еще на псковской пристани, у самаго подножія древняго собора и нѣкогда стойкихъ кремлевскихъ твердынь, я получилъ первое представленіе о сложныхъ этнографическихъ отношеніяхъ, въ которыхъ мнѣ предстояло прожить нѣсколько лѣтъ: нагрузчики парохода, «осудари псковичи», съ типичными велико-русскими фізіономіями, въ пестрыхъ рубахахъ, бойко объяснялись по-нѣмецки съ капитаномъ, которому пиво и вѣтеръ окрасили все лицо и шею въ багрово-коричневый цвѣтъ, и на какомъ-то неизвѣстномъ мнѣ языкѣ, оказавшемся эстонскимъ, переругивались съ бѣлобрысыми матросами, къ которымъ замѣчательно подходило древнее прозвище «чудь бѣлоглазая». Наконецъ, приготовленія кончились, причалки были сняты, псковичи привѣтливо съ нами распрощались, и я остался въ обществѣ иноязычныхъ элементовъ.

Старомодная, облѣзлая посуда, подъ названіемъ «Pleska», неуклюже шлепала колесами по водѣ, но подвигалась впередъ очень медленно, такъ что мы долго не теряли изъ виду псковскихъ церквей. Вотъ открылась внушительная ширь Псковскаго озера, пароходъ благополучно пробрался среди капризныхъ мелей, образуемыхъ устьемъ рѣки Великой, и взялъ курсъ по направленію къ тому мѣсту горизонта, гдѣ вода окончательно сливалась съ небомъ. Послѣ яркихъ красокъ полтавскихъ степей, послѣ нарядныхъ кievскихъ береговъ, которыми еще полны были мои мысленныя очи, окружавшій меня теперь безцвѣтный просторъ наводилъ уныніе. Печальною казалась мнѣ доля

тѣхъ людей, которые должны жить подѣ этимъ низкимъ блѣднымъ небомъ, заставшимся скучными безформенными облаками. Рѣвскій неприятный вѣтеръ покрывалъ озеро сѣрою рябью, но не въ силахъ былъ поднять волны, которая импонировала бы по крайней мѣрѣ своей амплитудой. На горизонтѣ тянулась, то приближаясь, то отдаляясь, а мѣстами даже исчезая, тонкая линія плоскихъ береговъ, кое-гдѣ поросшихъ еосновымъ лѣсомъ; среди нихъ порой показывались десятка два черныхъ извѣ, издали казавшихся совсѣмъ заброшенными. Раза два-три въ теченіе дня изъ этихъ деревушекъ навстрѣчу пароходу выѣзжали большія рыбацкія лодки, принимали какого-нибудь палубнаго пассажира, сгружали или нагружали какой-нибудь боченокъ, и опять кругомъ воцарялось безлюдье и сталась пустыня.

Солнце уже замѣтно клонилось къ закату, когда берега справа и слѣва начали сближаться, а впереди пролива открывался громадный Пейпусъ, но мы стали заворачивать влѣво въ устье Эмбаха и на этотъ разъ сѣли на мель. Долго бились мы безъ всякаго результата, капитанъ ругался, бѣгалъ во всѣ стороны на своей рубкѣ, пассажиры охотно помогали матросамъ отпихиваться шестами, заводили якорь, перемѣщать грузъ, на подѣхавшія откуда-то лодки стали даже сбрасывать дрова, чтобы облегчить пароходъ, но ничего не помогало. Неизвѣстно, сколько времени мы провели бы въ такомъ положеніи, если бы уже позднимъ вечеромъ перемѣнившійся вѣтеръ не нагналъ воды въ устье рѣки. Продрогши на палубѣ, я отправился согрѣваться въ буфетъ и здѣсь разговорился съ студентомъ ветеринарнаго института, прожившимъ въ Дерптѣ уже четыре года. Ничего изъ того, что меня интересовало, онъ, впрочемъ, не могъ мнѣ сообщить, такъ какъ, по его словамъ, жилъ въ сторонѣ отъ всѣхъ дерптскихъ интересовъ и даже не успѣлъ выучиться нѣмецкому языку. Впереди оставалось еще нѣсколько часовъ пути, и намъ предстояло прибыть на мѣсто не раньше полуночи, вмѣсто семи часовъ послѣ обѣда, и то, какъ увѣряла буфетчица, если мы благополучно минуемъ какой-то камень на серединѣ дороги. Самое разумное поэтому было лечь спать.

Я проснулся отъ топота и говора суетящихся пассажировъ. Мы были у цѣли, надо было выгружаться. Холодная ночь послѣ душевной каюты, а также волненіе передъ открывающимся невѣдомымъ будущимъ наполняли весь организмъ какою-то внутреннею дрожью. Незнакомый городъ въ темнотѣ казался загадочнымъ и интереснымъ. Черная масса домовъ, выдѣляясь неяснымъ силуэтомъ на ясномъ звѣздномъ небѣ, громоздилась куда-то въ гору. Горбатый каменный мостъ съ внушительными арками въ видѣ воротъ возбуждалъ представленія изъ романтической готики. Рѣка, прорѣзанная зигзагами огней отъ немногочисленныхъ фонарей набережной казалась широкой и многоводной въ своихъ неясныхъ берегахъ.

За позднимъ временемъ нечего было и думать разыскивать един-

ственнаго знакомаго мнѣ въ Дерптѣ студента, и я принялъ радушно предложеніе своего парходнаго компаньона переночевать у него. Привыкну къ голымъ, неудобнымъ конурамъ русскихъ студенческихъ комнатъ, я былъ пріятно изумленъ сравнительнымъ комфортомъ своего новаго знакомаго: за 90 рублей въ семестръ онъ имѣлъ цѣлыхъ двѣ комнаты, съ мягкимъ диваномъ и креслами, съ гардинами, съ комодомъ и шкафомъ. Вотъ гдѣ настоящее Эльдorado, думалъ я, вспоминая свою комнату въ Харьковѣ, которую мы занимали вдвоемъ съ товарищемъ за 14 руб. въ мѣсяцъ: меблировка ея состояла изъ двухъ скрипучихъ кроватей, слишкомъ короткихъ, чтобы можно было лежать вытянувшись, двухъ животрепещущихъ столиковъ, на которыхъ едва умѣщались локти при писаніи, и пяти бѣлыхъ стульевъ, изъ коихъ два не имѣли полного комплекта ножекъ и служили только декоративнымъ цѣлямъ; платье предоставлялось вѣшать на гвоздикъ, а бѣлье держать въ чемоданѣ.

На слѣдующее утро городъ, правда, потерялъ свою загадочность, но показался мнѣ чрезвычайно пріветливымъ и привлекательнымъ. Въ немъ нѣтъ такихъ старинныхъ кварталовъ, какъ въ Ригѣ и Ревелѣ, и только кривизна и названія нѣкоторыхъ улицъ свидѣтельствуютъ о давно минувшихъ временахъ. Много зелени, которую я засталъ какъ разъ въ ея осеннемъ великолѣпнѣ; на городской площади старая ратуша, кажется еще шведской эпохи, два шага отъ нея университетъ, не особенно грандіознаго стиля, но почтеннаго симпатичнаго вида, какъ солидная, удобная дѣдовская мебель, а надъ нимъ въ гору тянется обширный и прекрасный городской паркъ, — краса города и гордость мѣстныхъ жителей. Возвышенное, холмистое расположеніе даетъ много живописныхъ точекъ зрѣнія; въ глубинѣ построены клиники и астрономическая обсерваторія на мѣстѣ бывшаго тамъ когда-то замка, а на самомъ видномъ пунктѣ, надъ горой возвышаются развалины сгорѣвшаго нѣкогда грандіознаго собора, характернаго съверно-нѣмецкаго стиля кирпичной готики; алтарная часть, впрочемъ, отстроена и по счастливой мысли обращена въ хранилище университетской библіотеки. Съ особеннымъ чувствомъ симпатіи и признательности вспоминаю я эту прекрасно организованную библіотеку, въ которой я впоследствии провелъ много чудныхъ часовъ. Эти строгія, грандіозныя колонны, гулкіе своды, стрѣльчатые окна и стоптанныя плиты пола производили на меня каждый разъ, какъ я входилъ туда, то неотразимое впечатлѣніе, которое испытываешь только въ средне-вѣковыхъ церквахъ. Каждая архитектурная линія съ безсознательною гениальностью рассчитана на то, чтобы освободить помыслы пришельца отъ всего мелочнаго и суетнаго и направить ихъ на великое и вѣчное. Неисчерпаемыя богатства человѣческой мысли, которыя были собраны подъ этими сводами и громоздились ярусами вверхъ по простѣнкамъ и колоннамъ, прекрасно гармонировали съ торжественностью мѣста и допол-

няли настроеніе: банальное выраженіе «храмъ науки» заключало здѣсь особый оттѣнокъ живой образности.

Однако я забѣжалъ далеко впередъ. Въ то первое утро я получилъ только общее пріятное впечатлѣніе отъ внѣшности города. Его миниатюрные размѣры, видимое господство университета, звучный эстонскій языкъ туземцевъ, скромные домики на тихихъ улицахъ—все показалось мнѣ необыкновенно симпатичнымъ, и я мысленно уже искалъ то окно подъ крышей, изъ котораго мнѣ придется отнынѣ взирать на міръ. Мечты эти однако, пока что, оказались преждевременными. Еще не мало пришлось поколесить взадъ и впередъ по всякимъ начальственнымъ резиденціямъ; я попыталъ счастье даже въ Гельсингфорсѣ, побывалъ опять на родинѣ, чуть-чуть не попалъ въ солдаты, но въ концѣ концовъ все оказалось недоразумѣніемъ: чтобы не забыть, что такія недоразумѣнія возможны, я сохраняю собственноручную записку гр. Делянова, въ коей обозначено, что начальству дерптскаго университета предложено принять меня въ число студентовъ. Послѣ весьма продолжительныхъ мытарствъ, я наконецъ держалъ въ рукахъ внушительнаго вида латинскій документъ, коимъ объявлялось «всѣмъ и каждому, кому это интересно», что отнынѣ я (*Juvenis Ornatissimus!*) не только состою «гражданиномъ» университета, но также, что мнѣ, какъ таковому, обѣщается—вещь необычайная—«покровительство академическихъ законовъ и всѣ права и удобства», присвоенныя студентамъ. Взамѣнъ этого, я, «подавши правую руку» ректору, обѣщалъ, что буду усердно заниматься наукой, посѣщать необходимыя лекціи, нести себя согласно правиламъ порядочности и чести (*verecunde atque honeste*) и оказывать повиновеніе и почтеніе университетскимъ законамъ и властямъ. Словомъ, это былъ не пропускной билетъ на лекціи, а форменный двухсторонній договоръ, въ которомъ я, какъ равная сторона, бралъ на себя извѣстныя обязательства, но взамѣнъ получалъ извѣстныя права, тогда какъ до сихъ поръ я привыкъ видѣть въ «академическихъ законахъ» лишь предписанія того, что я *обязанъ* дѣлать, и запрещенія того, что я *не имѣю права* дѣлать.

Въ то время, о которомъ будетъ идти рѣчь на слѣдующихъ страницахъ, очень мало русскихъ попадало въ дерптскій университетъ прямо съ гимназической скамьи. Здѣсь встрѣчались самые разношерстные элементы, представители всѣхъ мѣстностей Россіи «отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая». Большинство изъ нихъ имѣли за собой болѣе или менѣе сложную біографію и вообще видали виды; были люди за тридцать и за сорокъ лѣтъ. И, вѣроятно, всѣ, также какъ я, испытали особенное радостное чувство отдохновенія, находясь впервые опять въ атмосферѣ чистой науки, на лекціи какой-нибудь химіи, математики или сравнительнаго языковѣдѣнія. Послѣ погруженія въ запутанныя дебри животрепещущихъ, проклятыхъ вопросовъ дѣйствительности, странно было проникаться необыкновенною

важностью самыхъ отвлеченныхъ проблемъ человѣческой мысли, самыхъ хитроумныхъ гипотезъ о строеніи матеріи или о генезисѣ рѣчи.

Среди толпы слушателей всегда не трудно было узнать русскаго студента по обличью; сравнительно съ нѣмцами юношами, сытыми, румяными, въ чистенькихъ пиджакахъ и крѣпко накрахмаленныхъ воротничкахъ, пришельцы изъ Москвы, Кіева, Казани носили совсѣмъ другой отпечатокъ: худыя и блѣдныя, нервныя, невзрастичныя лица, не всегда аккуратно причесанная шевелюра, нерѣдко мягкія вышитыя сорочки, а то и косоворотки. Впрочемъ, относительно костюма рѣдко кто оказывался упорнымъ консерваторомъ. Такъ какъ приличная внѣшность нѣмецкихъ студентовъ не носила вовсе того тенденціознаго агрессивнаго характера, какъ бѣлыя подкладки и высокіе воротники нашихъ пшютовъ, то и оппозиція имъ теряла всякій смыслъ. Въ концѣ семестра или года, въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ, самые истые «семидесятники» почти всегда заводили манишки и галстуки и по возможности приноровляли свой костюмъ къ средней европейской нормѣ. Послѣ ближайшихъ «безпорядковъ» въ какомъ-нибудь изъ университетовъ опять нахлынетъ волна кожаныхъ куртокъ, высокихъ сапогъ и вызывающихъ вихровъ, но черезъ нѣкоторое время опять совершается процессъ европеизаціи костюма, и только одни лица сохраняютъ неизгладимую печать національности, а главнымъ образомъ личной исторіи каждаго.

Гораздо туже шло усвоеніе нѣмецкаго языка, которымъ только незначительная часть пріѣзжихъ русскихъ владѣла въ достаточной степени. Кромѣ уже преобразованнаго юридическаго факультета, гдѣ большая часть предметовъ читалась по-русски, почти всѣ остальные кафедры были еще замѣнены нѣмецкими профессорами, такъ что приходилось не только понимать лекціи, но и объясняться по-нѣмецки на практическихъ занятіяхъ и экзаменахъ. Отдавать время на предварительное изученіе языка никто не имѣлъ возможности, такъ какъ и безъ того университетскій курсъ затягивался не въ мѣру. Приходилось, слѣдовательно, учиться языку на-скоро, попутно, преимущественно изъ самыхъ лекцій, потому что другихъ источниковъ было мало. Общенія съ нѣмецкими товарищами почти не было, за весьма рѣдкими исключеніями; бывать въ нѣмецкихъ домахъ приходилось еще рѣже, такъ что вся практика въ нѣмецкомъ разговорѣ ограничивалась нѣсколькими «комнатными» словами, необходимыми для объясненія своихъ желаній эстонкамъ-служанкамъ, да приказчикамъ въ магазинахъ. Вслѣдствіе слабой покушной способности русскихъ студентовъ, эти послѣдніе разговоры случались рѣдко. Кто хотѣлъ получше усвоить языкъ, прибѣгалъ къ обмѣннымъ урокамъ, которые не трудно было достать, такъ какъ знаніе русскаго языка среди нѣмцевъ было весьма слабо, между тѣмъ онъ постепенно вводился въ школы и былъ уже обязательнымъ въ официальныхъ сношеніяхъ. Эти обмѣнные уроки, такъ

наз. Conversations-Stunden, имѣли и другое значеніе. Это была почти единственная почва для неофициальнаго общенія между нѣмцами и русскими, и такимъ путемъ иногда дѣлалась брешь въ застарѣломъ взаимномъ предубѣжденіи. Тѣмъ или инымъ способомъ знаніе нѣмецкаго языка пріобрѣталось русскими студентами настолько, что къ концу перваго же года, а для болѣе способныхъ и гораздо скорѣе, пониманіе лекцій и чтеніе книгъ по своей спеціальности не представляло затрудненія, ко времени же экзаменовъ большинство и объяснялось весьма бойко, хотя и съ ужасающими ошибками. Надо при этомъ сказать, что нѣмецкіе профессора всегда снисходительно относились къ варварскому изложенію, если только не видно было, что студентъ старается незваніемъ языка замаскировать незнаніе предмета; случались и подобные факты.

Вообще, отношенія нѣмецкихъ профессоровъ къ своимъ слушателямъ носили тотъ особенный характеръ взаимнаго свободнаго уваженія и симпатіи, который такъ привлекаетъ иностранцевъ въ германскіе университеты. О различномъ отношеніи въ зависимости отъ національности студентовъ какъ-то не могло быть и рѣчи. Иноязычныхъ студентовъ, быть можетъ, не такъ охотно принимали въ университетъ, особенно если можно было опасаться, что они внесутъ дисгармонирующія ноты въ традиціонный тонъ университетской жизни, но разъ молодой чело-вѣкъ дѣлался *civis academicus*, то вмѣстѣ съ правомъ посѣщать лекціи и пользоваться всѣми вспомогательными учрежденіями онъ пріобрѣталъ благожелательство и вниманіе преподавателей. Въ многолюдныхъ аудиторіяхъ медицинскаго и нѣкоторыхъ отдѣловъ физико-математическаго факультетовъ это не могло проявляться съ такою наглядностью, какъ, напр., на историко-филологическомъ факультетѣ, гдѣ, благодаря дробленію на отдѣльныя спеціальности, слушателей никогда не было болѣе одного-двухъ десятковъ.

Раздѣленіе спеціальностей съ самаго начала курса (ихъ было семь на историко-филологическомъ факультетѣ) имѣетъ всѣмъ извѣстныя весьма существенныя неудобства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя положительныя стороны. Въ каждомъ спеціальномъ отдѣлѣ былъ одинъ главный руководитель, вокругъ предметовъ котораго прочія дисциплины группировались въ качествѣ второстепенныхъ или вспомогательныхъ. Профессоръ имѣлъ передъ собою не безличную толпу слушателей, а вступалъ въ непосредственное общеніе съ каждымъ студентомъ. Это достигалось главнымъ образомъ при посредствѣ практическихъ занятій, которыя нѣмецкіе профессора любили устраивать въ послѣобѣденныя часы у себя на дому. Благодаря строжайше охраняемой съ обѣихъ сторонъ академической свободѣ, никто не былъ принуждаемъ къ посѣщенію этихъ курсовъ, но они были настолько полезны, — изъ нихъ можно было вынести гораздо болѣе, чѣмъ изъ обычныхъ общихъ курсовъ, — при томъ каждый чувствовалъ себя такъ пріятно въ непринуж-

денной обстановкѣ профессорскаго кабинета, что никто не смотрѣлъ на эти вечернія бесѣды, какъ на казенную обязанность; ихъ посѣщали скорѣе, какъ журфикусы стараго знакомаго. Никто не рѣшился бы приступить къ экзаменамъ, не участвовавъ въ такихъ практическихъ занятіяхъ въ теченіе нѣсколькихъ семестровъ, но также неловко чувствовалъ бы себя тотъ, кто пошелъ бы въ квартиру профессора, не овладѣвъ еще предметомъ настолько, чтобы быть въ состояніи вполнѣ понимать научную бесѣду. Многіе продолжали ходить на эти часы даже по выдержаніи экзамена, если оставались въ городѣ; случалось и такъ, что какой-нибудь старшій ученикъ, прѣѣхавъ почему-нибудь въ Дертъ, зайдетъ вспомнить свои студенческіе годы. Специализировавшись по германской филологіи, я сохранилъ самыя сердечныя воспоминанія о подобномъ практическомъ семинаріѣ профессора Лео Мейера *), стараго заслуженнаго ученаго, пользовавшагося всегдашними симпатіями своихъ учениковъ. Привѣтливо встрѣчалъ онъ каждого студента на своихъ пятницахъ. Въ началѣ года, когда въ числѣ слушателей появлялись новыя лица, онъ съ искреннимъ интересомъ расспрашивалъ каждого, откуда онъ, гдѣ получилъ образованіе, каково направленіе его научныхъ интересовъ, если таковое имѣлось налицо. Затѣмъ уже всѣ чувствовали себя личными знакомыми профессора и могли широко пользоваться его эрудиціей. Правда, къ новѣйшимъ теченіямъ филологіи онъ не чувствовалъ симпатіи (съ ними мы познакомились на лекціяхъ проф. Водуэна-де-Куртена), онъ даже иронизировалъ надъ черзчурт, по его мнѣнію, точными методами неограмматиковъ, но никогда не стѣснялъ научной совѣсти своихъ учениковъ и предоставлялъ въ ихъ распоряженіе весь громадный запасъ изученныхъ имъ фактовъ. Если кто-нибудь задавалъ вопросъ или высказывалъ соображеніе, хотя бы оно и не отличалось особенною глубиною, это доставляло ему истинное удовольствіе. Онъ вспоминалъ всѣ контroversы, какіе высказывались по данному предмету въ литературѣ, добросовѣстно взвѣшивалъ, рылся по словарямъ, съ интересомъ выслушивалъ параллели изъ неизвѣстныхъ ему языковъ (онъ не зналъ славянскихъ языковъ). Нитью для бесѣды служилъ какой-нибудь текстъ, но верѣдко нить эта прерывалась значительными отступленіями: заходила-ли рѣчь о какомъ-нибудь ученомъ, проф. Мейеръ рассказывалъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ, характеризовалъ его взгляды, манеру работать, значеніе въ наукѣ; иногда текстъ готскаго евангелія наводилъ разговоръ на богословскія темы; текуція событія университетской жизни вызывали также сдержанный, но нелицемѣрный обмѣнъ мнѣній. Въ концѣ семестра профессоръ всегда расспрашивалъ насъ, не имѣемъ-ли мы какихъ-нибудь специальныхъ желаній относительно выбора предмета для будущаго курса, и всегда сообразовался съ запросами большинства. Правда, надо сказать, что большинство оказывалось всегда очень консервативно, такъ что

*) Нѣсколько дѣтъ тому назадъ онъ перешелъ въ Геттингенскій университетъ.

переходили отъ готскаго евангелія къ Гомеру, а отъ Гомера къ Нибелунгамъ или Вальтеру фонъ-деръ-Фогельвейде. Послѣ такого общенія экзаменъ сводился къ одной формальности: студенты знали требованія профессора, а профессоръ зналъ степень подготовленности каждаго слушателя. «Ахъ, мы вѣдь знаемъ другъ друга!» говорилъ онъ, если студентъ обнаруживалъ твердыя свѣдѣнія въ самыхъ главныхъ основахъ науки и интересъ къ ней. Другіе профессора, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, относились къ слушателямъ съ такимъ же доброжелательствомъ, хотя и предъявляли къ нимъ нѣсколько большія требованія; но о придирчивости, о высокомерномъ отношеніи къ неопытности начинающихъ студентовъ, о формализмѣ требованій, за единичными исключеніями, я не слыхалъ.

Нерѣдко высказывается мнѣніе (конечно, только въ Россіи), что близкія личныя отношенія между профессорами и студентами ведутъ къ кумовству, панибратству, къ халатности въ работѣ со стороны послѣднихъ: знакомый профессоръ, молъ, будетъ снисходителемъ. На это я могу сказать, что ни въ одномъ русскомъ университетѣ я не наблюдалъ такого глубокаго уваженія къ профессорамъ, какъ въ бывшее время въ Дерптѣ, не всегда даже пропорціональнаго съ ихъ научными и нравственными заслугами. Нигдѣ также я не видѣлъ такого усерднаго подготовленія къ экзаменамъ, какъ тамъ,—не за страхъ, а за совѣсть. Время прохожденія курса въ мое время еще не было ограничено, можно было окончить университетъ въ два съ половиною года, но ни одинъ нѣмецкій студентъ не позволялъ себѣ воспользоваться этою возможностью, и большая часть оставалась въ университетѣ гораздо дольше четырехъ лѣтъ, даже изъ тѣхъ, кто аккуратно занимался и не терялъ времени на кутежи. На нашемъ факультетѣ былъ совсѣмъ сѣдой студентъ, который болѣе двадцати лѣтъ уже былъ имматрикулированъ, перемѣнивъ нѣсколько разъ специальность. Онъ не пропускалъ ни одной лекціи, щепетильно записывалъ каждое слово профессора, дома занимался исключительно науками, и все-таки считалъ себя недостаточно подготовленнымъ, чтобы приступить хотя бы къ полукурсовому экзамену. Это былъ, вѣроятно, несовсѣмъ нормальный субъектъ, но онъ утрировалъ только общераспространенную добросовѣстность штудирования.

Насколько такое прилежаніе подвигало общее развитіе, это вопросъ другой. Въ этомъ отношеніи едва ли можно оспаривать, что уровень нѣмецкаго студенчества въ массѣ былъ не высокъ. Извѣстная степень культуры, накопившаяся въ теченіе долгихъ поколѣній, считалась достаточной замѣной образованію, надъ которымъ надо было поработать самостоятельно. Рѣшившись ограничиться исключительно тѣмъ, что я могъ узнать изъ личнаго наблюденія, я не буду разбирать здѣсь причины этого явленія, но меня часто поражала чуждость горизонта товарищей-нѣмцевъ и отсутствіе потребности его

расширить. Я зналъ студентовъ, которые не видѣли ни одного города, кромѣ «Аениъ на Эмбахѣ», какъ въ Остзейскомъ краѣ называютъ Дерптъ, да еще родного Феллина или Везенберга, и не чувствовали никакого влеченія въ невѣдомую даль. Знаніе новыхъ языковъ было весьма незначительно. Общественные интересы, за исключеніемъ балтійскаго вопроса, считались «политикою», заниматься которою для студента предосудительно. Отношеніе же къ балтійскому вопросу казалось мнѣ также слишкомъ стихійнымъ, основаннымъ на традиціи и непосредственномъ чувствѣ, безъ стремленія связать его съ болѣе широкими идеями. Даже въ чисто научной сферѣ, благодаря крайней спеціализаціи университетскихъ курсовъ, сколько-нибудь широкая система знаній считалась излишнею. Я помню, какъ одинъ товарищъ филологъ, далеко не изъ худшихъ, былъ удивленъ, когда въ разговорѣ мнѣ случилось обнаружить пониманіе различія между гражданскимъ и уголовнымъ правомъ. «Развѣ вы были прежде на юридическомъ факультетѣ?» спросилъ онъ. Другой, увидѣвъ у меня сочиненіе проф. Карѣева «о роли личности въ исторіи», былъ пораженъ существованіемъ подобнаго вопроса. «Какъ бы я хотѣлъ почитать какую-нибудь такую книгу!» сказалъ онъ, но книги все-таки не взялъ,—это было бы черезчуръ большою роскошью для языковѣда. Зато въ области спеціальныхъ знаній въ избранной отрасли наукъ съ нѣмецкими студентами не легко было конкурировать. Извѣстно, что дерптскій университетъ выпустилъ не мало солидныхъ ученыхъ. Оговариваюсь впрочемъ, что я не желаю выводить общаго правила изъ своихъ личныхъ наблюденій. Допускаю, что и между нѣмецкими студентами случались отдѣльныя личности, а можетъ быть, и цѣлыя группы съ гораздо болѣе сильными запросами къ общему образованію. Мнѣ извѣстны также случаи, когда эти запросы пробуждались позднѣе, по окончаніи университета, подъ вліяніемъ столкновенія съ незнакомыми условіями жизни, путешествія заграницу и другихъ стимуловъ.

Понятно, что различіе во внѣшней и внутренней культурѣ становилось почти непреодолимой преградой между нѣмецкимъ и русскимъ студенчествомъ. Последнее въ стѣнѣ университета жило совершенно особою, во многихъ отношеніяхъ своеобразною жизнью. Жизнь эта кореннымъ образомъ отличалась отъ жизни туземныхъ элементовъ въ силу особенностей, вывезенныхъ русскими изъ своихъ мѣстъ, но она не похожа была и на жизнь студентовъ въ русскихъ университетскихъ городахъ, благодаря инымъ формамъ, которыя предоставлялъ ей дерптскій университетъ. Русскихъ студентовъ въ университетѣ было около трехсотъ, но они жили въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи со студентами ветеринарнаго института, большинство которыхъ было русскими. Нѣмцы не желали входить съ ветеринарами въ какое-либо соприкосновеніе, причисляя ихъ къ «кнотамъ», т.-е. лицамъ не университетскаго образованія, и награждая презрительнымъ прозвищемъ die Re-

судистен (=скотники); мы же не могли не видѣть въ нихъ своихъ товарищей. Благодаря богѣе низкому образовательному цензу для поступления въ ветеринарный институтъ (шесть классовъ гимназіи или реальнаго училища), среди ветеринаровъ было дѣйствительно не мало темныхъ элементовъ, которые понижали общій умственный и культурный уровень. Это были неудачники, недоучки, забуддыги, безъ уваженія къ наукѣ, безъ умственныхъ интересовъ, иногда съ самыми примитивными инстинктами; другіе опять были почти дѣти, настоящіе школьники, безъ солидныхъ нравственныхъ устоевъ, однаково легко подчиняющіеся добрымъ, какъ и злымъ порывамъ. Но не всѣ были такіе; многіе попадали въ ветеринарный институтъ случайно: реалисты, которымъ не посчастливилось попасть въ высшія техническія заведенія, гимназисты, которымъ не удалось получить аттестатъ зрѣлости по причинамъ, лежащимъ внѣ способности къ прохожденію наукъ, лица, утратившія почему-либо возможность продолжать университетскій курсъ, и т. п. Между ними были люди, которые по высотѣ своихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ завоевывали себѣ уваженіе и авторитетъ среди всего русскаго студенчества въ Дерптѣ. Въ концѣ концовъ лучшіе, наиболѣе умственно зрѣлые элементы почти всегда умѣли удерживать общее теченіе жизни въ границахъ, соотвѣтствующихъ студенческому достоинству. Были, конечно, случаи непріятныхъ эксцессовъ, которые мы весьма болѣзненно ощущали, но и они не давали намъ права отречься отъ солидарности съ менѣе развитыми товарищами и заставляли, напротивъ, бдительнѣе относиться ко всему, что касалось интересовъ студенчества.

Первою и наиболѣе настоятельною задачею общенія русскихъ студентовъ была матеріальная взаимопомощь. Бѣдность господствуетъ повсюду, гдѣ есть русская учащаяся молодежь, но нигдѣ, кажется, она не носитъ такого всеобщаго характера, какъ было въ Дерптѣ. Условія жизни здѣсь были въ сущности не дороги. Рублей за 25 въ мѣсяцъ можно было жить безъ всякихъ лишеній, тогда какъ въ Петербургѣ или Москвѣ можно жить только за 40 рублей. Но лишь весьма немногіе счастливы имѣли такой доходъ. Были студенты, которые ухитрились существовать на 10 руб. въ мѣсяцъ, другіе и того не имѣли и вели совершенно проблематическій образъ жизни. Такимъ случалось по мѣсяцамъ не обѣдать, питаясь чаемъ, ситнымъ хлѣбомъ и колбасой. Взаимы деньги давали охотно, но рѣдко у кого было, что дать. У нѣкоторыхъ вырабатывалась особая психологическая привычка мысленно взвѣшивать каждое новое лицо: можно ли у него занять, и сколько онъ можетъ дать? Но часто никакія соображенія не помогали; такому искателю случалось другой разъ опросить человѣкъ двадцать, пока не найдется у кого-нибудь послѣдній рубль; не брезгали и меньшими суммами. Бывали случаи, что нельзя было ухватить къ роднымъ на каникулы за неизвѣстемъ нѣсколькихъ рублей на проѣздъ, и приходилось

тянуть такое горькое житье со дня на день цѣлое лѣто. Уроки доставались съ трудомъ и оплачивались плохо. Конкуренція вырабатывала специалистовъ-репетиторовъ, которые составляли себѣ имя среди городской публики, такъ что всѣ уроки стекались къ нимъ, а прочимъ оставались только тѣ, которыхъ они не могли взять за недостаткомъ времени, или которые слишкомъ скудно оплачивались.

Какъ эта борьба за существованіе потрясала нервы, можетъ свидѣтельствовать, напр., такой эпизодъ. Одинъ изъ студентовъ, въ высшей степени способный, энергичный, пользовавшійся всеобщими симпатіями, какъ-то выбился изъ колеи, впалъ въ нищету и втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пытался жидкимъ какао. Онъ сталъ рѣдко показываться въ обществѣ товарищей, позеленѣлъ, но продолжалъ упорно работать. Вдругъ ему привалило счастье: онъ досталъ урокъ и съ такимъ талантомъ поставилъ какого-то оболтуса на ноги, что предложенія посыпались къ нему со всѣхъ сторонъ. Онъ нанялъ хорошую квартиру, пріютилъ даже только что пріѣхавшаго въ Дерптъ изъ другого университета своего бывшаго товарища и пріятеля, которому некуда было дѣваться, сталъ печатать въ газетахъ объявленія: «Имѣю еще нѣсколько часовъ въ недѣлю свободныхъ...» и открыто признавался: «Жадность меня одохла». Расшатанные нервы толкали его по наклонной плоскости. Рѣшивъ сразу вырваться изъ невыносимой нищеты, онъ сталъ составлять покаянныя письма высокопоставленнымъ лицамъ. Безсвязный текстъ этихъ упражненій и безцѣльность ихъ, если бы даже онъ дѣйствительно отправилъ свои письма по назначенію, ясно свидѣтельствовали объ его болѣзненномъ состояніи. Но сожитель его, также нервный и измученный человекъ, сталъ убѣждать его, возмущался, ссорился, укорялъ жестокими словами. Тотъ, въ свою очередь, не только не отказывался отъ своего намѣренія, но издѣвался надъ бѣднымъ моралистомъ, упрекалъ его, что онъ живетъ на чужой счетъ, говорилъ, что съ завтрашняго дня снѣ не позволитъ ему больше пить свой чай и курить свой табакъ. Случайно зашедшій къ нимъ товарищъ засталъ ихъ однажды вечеромъ въ такой ярости другъ противъ друга, въ такомъ нервномъ возбужденіи, что имъ уже стали представляться различные страшные образы по темнымъ угламъ. Не рѣшаясь оставить ни одного изъ нихъ въ одиночествѣ, онъ нѣсколько часовъ водилъ обоихъ по городскому парку, пока они немного пришли въ себя и рѣшились мирно идти спать. Черезъ нѣсколько дней сожители раздѣхались и стали приходить въ норму. Тотъ, который собирался каяться, повидимому, отъѣлся и началъ опять появляться среди товарищей. Сначала онъ молчалъ, боясь, какъ бы его не стали преслѣдовать упреками, но никто не подавалъ виду, что знаетъ за нимъ что-нибудь предосудительное. Понемножку онъ началъ вмѣшиваться въ общій разговоръ, интересоваться студенческими дѣлами и совсѣмъ забылъ свою блажь. Впослѣдствіи онъ благополучно кончилъ универ-

ситеть и сдѣлался весьма почтеннымъ дѣятелемъ, утилизируя свой ведужинный популяризаторскій талантъ.

Въ борьбѣ съ нуждою дерптское студенчество было предоставлено исключительно самому себѣ. Никакихъ благотворительныхъ обществъ тогда еще не существовало. Университетское начальство, какъ и въ германскихъ университетахъ, вовсе не поощряло бѣдности и очень неохотно даже отсрочивало взносъ платы, не говоря уже объ освобожденіи. Зато въ нашемъ распоряженіи были различныя студенческія учрежденія, которыя главныя свои усилія направляли на взаимопомощь. Кассы и кухмистерскія функціонировали очень дѣятельно, и нѣкоторыя изъ нихъ дѣлали громадныя обороты. Во всѣхъ обществахъ (при ветеринарномъ институтѣ было нѣсколько, при университетѣ одно общество русскихъ студентовъ) находились способные организаторы, которые всей душой отдавались хозяйственной дѣятельности; нѣкоторыя наиболѣе людныя столовыя въ состояніи были даже приглашать особыхъ хозяекъ. Такимъ образомъ громадная масса студентовъ имѣла возможность за дешевую плату получать въ достаточной мѣрѣ сытный и здоровый столъ. Такъ какъ подобныя столовыя должны были обходиться безъ всякихъ благотворительныхъ фондовъ и вспоможеній и не могли работать въ дефицитъ, то плату 20—25 коп. за обѣдъ нельзя считать дорогою, хотя, конечно, были студенты, которые не всегда могли позволять себѣ такія издержки. Около 1—2 часовъ дня столовыя эти превращались въ клубы, куда собирались не только обѣдающіе, но и всѣ, кому надо было переговорить съ товарищами, почитать газету или занять денегъ.

Трудно себѣ представить, во сколько разъ невыносимѣе была бы жизнь русскихъ студентовъ въ Дерптѣ, если бы отнята была возможность подобнаго товарищескаго общенія. Кромѣ нѣсколькихъ женатыхъ студентовъ, всѣ были лишены семейной обстановки, а очень многіе не имѣли даже семейныхъ знакомыхъ, такъ что только постоянная и организованная связь съ товарищами могла хоть въ нѣкоторой степени предохранить человѣка отъ апатіи, тоски, одичанія и дурныхъ инстинктовъ. Я не хочу сказать впрочемъ, чтобы этимъ послѣдствія тяжелыхъ условій существованія русскаго студенчества, значительно обостренныхъ исключительной обстановкой мѣстной жизни, были совсѣмъ парализованы. Въ извѣстныхъ кругахъ можно было встрѣтить и пьянство, и развратъ, и чувство, похожее на *taedium vitae*, приводило не разъ молодыхъ и здоровыхъ людей къ печальному концу, но кто знаетъ, сколько самоубійствъ было бы, если бы каждый былъ обреченъ на нравственное одиночество, и до какихъ размѣровъ дошла бы распушенность нравовъ, если бы каждый не чувствовалъ за собою контроля общественнаго мнѣнія.

Таково предохранительное, такъ сказать, значеніе товарищества. Но еще важнѣе, пожалуй, его активная роль. Кто наблю-

дагъ жизнь дерптскаго студенчества, прекрасно знаетъ, сколько зеленыхъ юношей, прибывшихъ туда съ неясными порывами, съ неустановившимся характеромъ, съ ничтожнымъ запасомъ идей, черезъ три-четыре года уходили готовыми людьми съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ мировоззрѣніемъ, съ развитымъ инстинктомъ общественности, увѣренные въ своихъ силахъ, испытанныхъ уже на мирной работѣ, въ нормальныхъ условіяхъ борьбы противоположныхъ мнѣній. Всякое стремленіе къ дѣятельности находило здѣсь скромное, конечно, но полезное примѣненіе, всякій умственный запросъ легче удовлетворялся при содѣйствіи болѣе развитыхъ товарищей, всякая новорожденная мысль обстрѣливалась въ контрoверсахъ дебатовъ, теряла угловатость или гибла, если не обладала жизнеспособностью. Нельзя не быть благодарнымъ дерптскому университету, который относился съ такимъ довѣріемъ къ юношеству, позволяя ему безъ потрясеній и жертвъ слѣдовать своимъ естественнымъ стремленіямъ къ развитію и самодѣятельности.

Эти условія студенческой жизни въ Дерптѣ создавали своеобразные типы, или, лучше сказать, поддерживали ихъ существованіе, тогда какъ въ иномъ мѣстѣ они несомнѣнно должны были гибнуть. Всякій изъ товарищей, прочитавъ эти строки, конечно, догадается, что я говорю о покойномъ Омировѣ. Изъ числа русскихъ студентовъ, штудировавшихъ въ Дерптѣ въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ навѣрное нѣтъ ни одного, кто бы не хранилъ памяти объ этомъ удивительномъ человѣкѣ въ самомъ свѣтломъ уголкѣ своей души. Онъ не былъ вожакомъ, который вызываетъ или слѣпое поклоненіе своей сильной волей, или вражду своимъ властолюбіемъ. Нѣтъ, съ нимъ всѣ спорили, но всѣ его любили за его евангельскую чистоту. Его называли «вѣчнымъ студентомъ»; дѣйствительно, онъ началъ свою университетскую «карьеру» давно, навѣрное болѣе десяти лѣтъ назадъ, въ Москвѣ; послѣ тяжелыхъ испытаній онъ, какъ многіе другіе, попалъ въ Дерптъ и здѣсь бросилъ якорь. Въ моихъ рукахъ находится нѣсколько его стихотвореній, я не считаю себя въ правѣ предавать ихъ публичности, для которой они, повидимому, не предназначались, да они и не заключаютъ особенныхъ литературныхъ достоинствъ, но въ каждой строчкѣ ихъ сквозитъ прекрасная личность автора. Въ одномъ изъ нихъ говорится о несомнѣнности близкой смерти и о томъ, какъ тяжело это сознаніе, когда такъ страстно хочется «жить разумной жизнью» и просто жить. Почему же онъ не торопился утилизировать послѣдніе драгоценные годы и вмѣсто того, чтобы вступить въ такъ называемую «дѣйствительную жизнь», тратился на мелочи студенческаго быта? Потому что для него это были не мелочи, а настоящая, серьезная, единственно возможная жизнь. Доктора посылали его на югъ, и онъ понималъ, что только тамъ онъ могъ продлить свое существованіе. Онъ дѣйствительно и уѣхалъ было куда-то въ Самарскую губернію на кумысъ,

*

но дольше году не могъ выдержать и вернулся опять въ милый его сердцу Дерптъ. Онъ былъ всестороннѣ начитанъ и образованъ, чѣмъ мы всё; онъ любилъ природу и потому былъ естествоиспытателемъ, но университетской наукой онъ занимался исключительно съ цѣлью пополнить свое образованіе, безъ всякой утилитарной мысли и объ экзаменахъ, кажется, не помышлялъ. Что могло ему предстоять по окончаніи университета? Служить по акцизу, въ лучшемъ случаѣ сдѣлаться земскимъ статистикомъ или учителемъ физики. Нигдѣ бы онъ не нашелъ того нравственнаго удовлетворенія, какъ въ непосредственномъ снѣженіи съ молодежью какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ ней зарождаются и достигаютъ полноты лучшія, наименѣе себялюбивыя человѣскія качества. Это была его сфера, тутъ онъ сознавалъ, что приноситъ пользу.

Пріѣхавъ въ Дерптъ, я не засталъ тамъ Оморова,—онъ какъ разъ уѣзжалъ лѣчиться, — но отъ старожиловъ-товарищей я часто слышалъ фразы вродѣ слѣдующей: «Вотъ пріѣдетъ Оморовъ; увидите, что при немъ теплѣе живется». Я склоненъ былъ съ пренебреженіемъ относиться къ такимъ неопредѣленнымъ функціямъ, какъ увеличеніе теплоты жизни, подсмѣивался надъ сентиментальными идеалистами, которые способны только подогрѣвать другъ друга и раскидаютъ подъ вліяніемъ обычныхъ въ дѣйствительности атмосферныхъ условій, и заранѣе относился съ недоувѣріемъ и предубѣжденіемъ къ ожидаемому апостолу «добра, истины и справедливости», какъ говорили въ 40-хъ годахъ.

Но мой скептицизмъ (да и не мой одинъ) быстро разсѣялся при личномъ знакомствѣ. Скромный, почти застѣнчивый, деликатный, безъ малѣйшаго самоувѣрія, безконечно правдивый и искренній, онъ побуждалъ съ первой встрѣчи. Теоретическіе общественные вопросы его волновали страшно, онъ готовъ былъ безконечно спорить на всякія жгучія темы (что было крайне вредно для его здоровья); но его терпимость и отсутствіе фанатизма не создавали ему изъ противниковъ враговъ, какъ часто бываетъ въ русскихъ спорахъ. Даже молодыхъ студентовъ его мнѣніе никогда не подавляло, а вызывало только критическую мысль; онъ какъ бы игралъ роль фермента, возбуждающаго необходимое броженіе. Всѣми текущими вопросами студенческаго обихода также страстно интересовался. Несмотря на всеобщую къ нему любовь и уваженіе, ему никогда нельзя было поручать трудную роль предсѣдателя въ обществахъ или въ случайныхъ собраніяхъ: онъ не обладалъ для этого ни спокойствіемъ, ни безстрастною настойчивостью, ни тактической находчивостью; напротивъ, онъ всегда со всѣмъ пыломъ присоединялся къ одной изъ спорящихъ сторонъ и нерѣдко самъ нарушалъ внѣшній порядокъ дебатовъ. Но удивительная вещь, при немъ самыя жгучіе вопросы обсуждались по существу, безъ полемическаго лукавства, и рѣшались не

съ точки зрѣнія партійнаго или личнаго самолюбія, а дѣйствительно по крайнему разумѣнію. Его благородная искренность дѣйствовала заразительнымъ образомъ на толпу; онъ умѣлъ задѣть въ людяхъ лучшія, самыя человѣчныя струны. И послѣ каждаго такого собранія, какъ бы оно ни было бурно, участники расходились съ спокойнымъ сознаніемъ, что они не постановили ничего, противорѣчащаго справедливости и студенческому достоинству. Въ личныхъ бесѣдахъ онъ также готовъ былъ по первому встрѣчному поводу броситься въ препирательства, но онъ никогда не былъ пропагандистомъ, который всякій разговоръ сводитъ на излюбленную тему и на всякаго человѣка смотритъ, какъ на объектъ воздѣйствія. Онъ всѣмъ интересовался, любилъ и чувствовалъ красоту, что было весьма рѣдко въ его сверстникахъ, деликатно старался выяснить для себя складъ личности своего собесѣдника, но никогда не навязывался самъ...

Онъ умиралъ долго. Доктора перестали уже его лѣчить и только морфіемъ уменьшали его страданія. Какъ всѣ чахоточные, онъ не могъ отказаться отъ надежды. Еще за недѣлю до смерти, совсѣмъ упавшимъ голосомъ онъ говорилъ, что вотъ онъ немножко оправится, тогда поѣдетъ на югъ, и пристально смотрѣлъ, какъ за окномъ шевелились только что появившіеся весенніе листочки. Несмотря на горячее экзаменаціонное время, товарищи, не только рускіе, но и поляки, чередовались день и ночь у его постели; каждаго онъ встрѣчалъ благодарной, виноватой улыбкой... Но онъ умеръ во-время: черезъ годъ или два его заставили бы ходить на обязательныя лекціи, держать семестровые, годовые, полукурсовые и другого наименованія экзамены, напялили бы ему, пожалуй, мундиръ. Онъ увидѣлъ бы также, какъ съ измѣненіемъ внѣшнихъ порядковъ рѣзко понизился умственный и нравственный уровень студентовъ; это внесло бы много горечи въ его послѣдніе дни. Но о «новомъ Фараонѣ» послѣ. Теперь возвратимся къ общественному быту дерптскаго студенчества.

Кромѣ заботъ о матеріальномъ благѣ и въ тѣсной связи съ ними приходилось отдавать много времени, труда и вести крупныя для нашихъ тощихъ бюджетовъ жертвы на поддержаніе и развитіе общественности и на питаніе умственныхъ интересовъ. Въ достиженіи этихъ задачъ существенную, хотя и не исключительную роль играли упомянутыя выше общества. Съ внѣшней стороны ихъ жизнь не была стѣснена никакими мелочными придирками; контроль со стороны начальства ограничивался требованіемъ представлять проректору обязательные по уставу полугодовые отчеты о личномъ составѣ, о состояніи кассы и библіотеки, о темахъ литературно-научныхъ рефератовъ, если таковыя имѣли мѣсто, и т. п. Уставы оставляли намъ полный просторъ самодѣятельности, и мы чувствовали себя самостоятельными, хотя и отвѣтственными хозяевами въ своихъ маленькихъ общественныхъ квартиркахъ. Нельзя въ достаточной мѣрѣ оцѣнить воспитательное

значеніе, какое имѣло для каждаго изъ насъ регламентированное товарищеское общеніе. Съ одной стороны всякій сознавалъ, что его личность, его сужденіе, голосъ играютъ извѣстную, не безконечно малую роль въ общественномъ механизмѣ; съ другой стороны надо было свыкнуться съ мыслью, что роль эта все-таки весьма скромна: надо отвѣчать за логичность и послѣдствія своихъ мнѣній, надо подчиняться извѣстной дисциплинѣ, надо умѣть смиряться передъ постановленіями большинства; нельзя просто устраниваться или дѣйствовать на свой личный страхъ, по своему личному произволу, какъ бываетъ въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ неорганизованной толпы («скопомъ»), когда мнѣнія раздѣляются. Кроме того, необходимость публично выражать свои мысли не только сглаживала внѣшнюю форму рѣчи, но придавала и самому мышленію интенсивность, опредѣленность и послѣдовательность. Любопытно было наблюдать, какъ большинство новичковъ, далеко не одни юнцы, или упорно молчали, или конфузливо торопились выпалить свои соображенія, запинаясь, запутываясь въ собственныхъ мысляхъ и часто обрывали свои ораторскія попытки отчаяннымъ жестомъ. Мало-по-малу являлась, если и не блестящая, то во всякомъ случаѣ связанная, спокойная рѣчь, содержательная постольку, поскольку ораторъ имѣлъ что выразить.

Но замкнутыя общества не могли удовлетворить всѣмъ потребностямъ товарищеской жизни. Съ одной стороны далеко не всѣ студенты принадлежали къ какой-нибудь организаціи, съ другой—встрѣчались случаи, затрогивавшіе интересы всего русскаго студенчества. Такимъ образомъ вполне естественнымъ путемъ возникла институція такъ называемаго «общестуденческаго собранія», которая функционировала спорадически по мѣрѣ необходимости. Само собою разумѣется, всеобщность этого учрежденія была только фикціей: предполагалось, что каждый студентъ *можетъ*, если захочетъ, явиться на подобное собраніе, безразлично, къ какой бы національности и къ какому бы языку онъ ни принадлежалъ. Фактически ни одинъ нѣмецъ конечно никогда не показывался на нашихъ сходбищахъ, и собиралось на нихъ вообще только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ болѣе 150—200 человекъ, хотя приходили не только русскіе, но также, напр., евреи, имѣвшіе, кстатіи сказать, свои собственные организаціи, и нѣкоторыя группы поляковъ. Чаще всего «общестуденческое собраніе» созывалось для товарищескаго суда.

Надо сказать, что это было самое больное мѣсто нашего быта. Правда, при университетѣ существовалъ студенческій судъ, такъ называемый *Burschengericht*, юрисдикція котораго распространялась на всѣхъ университетскихъ студентовъ, но по многимъ причинамъ онъ былъ намъ совершенно чуждъ. Онъ составлялся изъ представителей цвѣтныхъ корпорацій; некорпоранты, такъ называемые «дикіе», которые въ сущности составляли большинство студенчества, не

имѣли никакого вліянія на отправленіе справедливости. Не разъ «дикіе» домогались извѣстнаго представительства въ судѣ, находя, что ихъ интересы въ случаѣ столкновеній съ корпорантами недостаточно охранены отъ несправедливости, но шаги эти никогда успѣха не имѣли. Русскіе же *) менѣе всего могли быть удовлетворены Burschengericht'омъ, кодексъ его совершенно не соотвѣтствовалъ ни нашимъ правамъ, ни нашимъ понятіямъ. То, что въ нашей средѣ считалось предосудительнымъ, очень часто было ненаказуемо съ точки зрѣнія дерптскихъ обычаевъ, и наоборотъ. Способъ разрѣшенія конфликтовъ между студентами посредствомъ раирныхъ дуелей (Mensur) былъ намъ совершенно не по душѣ. Наконецъ, самое серьезное наказаніе, которымъ располагалъ судъ,—удаленіе изъ товарищеской среды (Rückzug), нѣчто вродѣ отлученія отъ церкви, не могло быть дѣйствительно въ нашей средѣ: съ нѣмецкими студентами большинство изъ русскихъ не имѣло и безъ того никакихъ сношеній, а на отношенія между русскими студентами авторитетъ Burschengericht'a не распространялся. Кромѣ того, въ тѣхъ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда кто-нибудь изъ русскихъ студентовъ являлся жалобщикомъ или отвѣтчикомъ передъ этимъ судомъ, безпристрастіе его не обнаруживалось съ достаточною ясностью.

Между тѣмъ, потребность въ обузданіи дурныхъ элементовъ, сообразно господствовавшимъ въ нашей средѣ понятіямъ о достоинствѣ, чести и порядочности, ощущалась очень сильно. Неоднократно возникали попытки дать товарищескому суду какую-нибудь прочную организацію, выработать опредѣленные нормы сужденій, но всякія попытки разбивались тѣмъ обстоятельствомъ, что подчиненіе товарищескому суду всегда оставалось на доброй волѣ заинтересованнаго лица: тѣ, которые стремились оградить достоинство студенческой среды правильно организованнымъ судомъ, не совершали наказуемыхъ проступковъ, а тѣ, которые таковые совершали, большею частью мало общались съ товарищеской средой, не принадлежали ни къ одному изъ обществъ, не участвовали въ обсужденіяхъ организаціи суда и свободно могли игнорировать его постановленія. Такимъ образомъ судебныя функціи волей-неволей оставались за «общестуденческимъ собраніемъ», что представляло крупныя неудобства. Порядокъ созыва его не былъ ничѣмъ регламентированъ, такъ что верѣдко случалось, что обвинителями являлись наименѣе надежные въ нравственномъ отношеніи элементы, а обвиняемыми наиболѣе уважаемыя лица. Однажды,

*) Во время оно въ Дерптѣ существовала и русская цвѣтная корпорация. Среди позднѣйшихъ поколѣній русскихъ студентовъ отъ нея не сохранилось никакихъ традицій; мы даже мало свѣдѣній имѣли объ ея жизни и исторіи. Извѣстно было только, что она по своему быту приближалась къ нѣмецкимъ корпорациямъ и закрыта была «совѣтомъ корпоративныхъ старшинъ» (Senioren-Convent) за дебошнрство.

напр., было созвано собраніе для суда надъ кассиромъ одного изъ студенческихъ обществъ, завѣдомо честнѣйшимъ человѣкомъ, по обвиненію въ растратѣ общественныхъ денегъ. Оказалось слѣдующее: одному изъ товарищей предстояла настоятельная надобность выѣхать изъ Дерпта куда-то очень далеко; денегъ у него, конечно, не было ни гроша, время было глухое, каникулярное, достать было неоткуда, созвать членовъ кассы также нельзя было; въ этихъ обстоятельствахъ кассиръ выдалъ ему на свой страхъ изъ общественныхъ денегъ что-то, кажется, 25 рублей, и затѣмъ, когда товарищи съѣхались послѣ каникулъ, покрылъ эту сумму частной складчиной. Обвиненіе же было возбуждено какими-то добровольцами по совершенно некрасивымъ личнымъ мотивамъ. Все это, конечно, и обнаружилось на собраніи, добродѣтель восторжествовала, но на это затраченъ былъ цѣлый вечеръ страстныхъ дебатовъ, тогда какъ самое разбирательство не могло бы имѣть мѣста, если бы преданіе суду зависѣло отъ какой-нибудь отвѣтственной коллегіи, а не отъ перваго встрѣчнаго взаимознаго добровольца. Дальше мнѣ придется рассказать еще одинъ подобный случай.

Если же на собраніи, дѣйствительно, подтверждалось нарушеніе порядочности, то въ распоряженіи суда не было никакого другого орудія, кромѣ платоническаго «выраженія порицанія», которое часто имѣло для виновнаго весьма ничтожное значеніе, особенно, если богѣе или менѣе значительное меньшинство не соглашалось съ постановленіемъ. Да и можно ли имѣть довѣріе къ суду толпы, составленной всегда въ значительной степени случайно? Ужъ одно установленіе порядка дебатовъ представляетъ громадыя трудности. Неорганизованная толпа чрезвычайно дорожитъ своимъ суверенитетомъ; выбранный для даннаго собранія предсѣдатель, сколько ни выбивается изъ силъ, не можетъ ни добиться спокойствія, ни направлять пренія по извѣстному плану, ни прекращать не идущія къ дѣлу словозверженія, такъ какъ ему не дано никакой дисциплинарной власти. Предсѣдатели на этихъ собраніяхъ бывали настоящими мучениками; обливаясь потомъ, они метались изъ стороны въ сторону, чтобы хоть сколько-нибудь утихомирить недисциплинированныхъ спорщиковъ, записывали порядокъ желающихъ говорить, считали голоса, постепенно рискуя за малѣйшую ошибку или даже за резонное замѣчаніе услышать оскорбительный возгласъ или ропотъ неудовольствія: если предсѣдатель предложитъ кому-нибудь перейти къ вопросу, ему кричатъ, что онъ зажимаетъ ротъ; не до считаетъ какой-нибудь поднятой руки,—значитъ, онъ гнетъ въ пользу какой-нибудь стороны.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что при такихъ условіяхъ постановленія собраній рѣдко были не справедливы. Объясняется же это тѣмъ, что крикуны, которыхъ въ сущности было немного, не принадлежали ни къ самымъ развитымъ, ни къ самымъ вліятельнымъ элементамъ студенчества. Они могли долго тормозить

выясненіе истины, они могли испортить много крови и наговорить много неприятностей своимъ противникамъ, но программы дѣйствій у нихъ обыкновенно не было, и подсказать большинству логическое рѣшеніе вопроса они не умѣли. Масса приходила на собраніе въ большинствѣ случаевъ безъ установившагося мнѣнія, и достаточно было, чтобы на собраніи присутствовало десять-пятнадцать чело-вѣкъ, болѣе благоразумныхъ и выдержанныхъ, съ болшею ясностью общихъ идей, чтобы ихъ мнѣніе, въ концѣ концовъ, одержало верхъ. Съ большимъ успѣхомъ въ нужныхъ случаяхъ примѣня-лись нѣкоторые весьма невинные стратегическіе приемы, построенные на элементарныхъ наблюденіяхъ надъ психологіей массы. Такъ, если группа болѣе зрѣлыхъ людей являлась на собраніе, заранѣе выяснивъ себѣ вопросъ и намѣтивъ въ главныхъ чертахъ желательное рѣше-ніе, то большою ошибкой было бы съ ихъ стороны расположиться среди толпы тѣсной кучкой, — масса сейчасъ бы установила опредѣ-ленное отношеніе ко всему, чтобы ни высказывалось изъ этой группы, и не стала бы взвѣшивать каждое мнѣніе въ отдѣльности. Можно сказать, что излагаемая мысль, поскольку она дѣйствуетъ не только логически, но и на чувства слушателя, обладаетъ заразительной силой въ прямой зависимости отъ разстоянія между говорящимъ и слу-шающимъ; одни и тѣ же слова могутъ произвести слабое впечатлѣніе на слушателя, стоящаго въ отдаленномъ концѣ комнаты, и оказать сильное дѣйствіе на сосѣда, который, кромѣ логического содержанія рѣчи, воспринимаетъ подробности интонаціи, бессознательную вырази-тельность лица и жестовъ, словомъ душевное состояніе оратора: если оно искренно и проникнуто достоинствомъ, то непредвзятый слушатель лучше усваиваетъ и самую высказываемую мысль. Исходя изъ такихъ примѣрно соображеній, въ серьезныхъ случаяхъ, когда надо было не допустить какого-нибудь опрометчиваго рѣшенія или провести принци-пальную резолюцію, люди болѣе зрѣлаго образа мыслей разсѣивались по разнымъ концамъ залы собранія и, взаимно поддерживая и допол-няя другъ друга, постепенно овладѣвали настроеніемъ массы, что не всегда легко удавалось. Побѣды, одерживаемыя умственнымъ пре-восходствомъ и выработанной дисциплиной, сильно раздражали само-любіе нѣкоторыхъ фразеровъ, которые очень охотно взяли бы на себя роль руководителей общественнаго мнѣнія, но не имѣли для этого до-статочно пороуху. За отсутствіемъ ясныхъ идей, они постоянно стара-лись произвести въ свою пользу взрывъ массовыхъ инстинктовъ са-краментальными призывами къ солидарности, товариществу, демокра-тизму, но не трудно было выяснитъ бессодержательность этихъ трид-цати шести страшныхъ словъ. Болѣе дѣйствовала на массу игра на ея самолюбіе: «Развѣ вы не видите, что *они* считаютъ себя выше насъ, поучаютъ насъ, какъ дѣтей, диктуютъ намъ рѣшеніе и вертять нами по своему произволу!» Публика становилась недовѣрчива и по-

дозрительна, но спокойствіе и терпѣніе въ большинствѣ случаевъ, въ концѣ концовъ, восстанавливали дѣйствіе доводовъ разсудка. Правда, на это иногда уходила цѣлая ночь, а то и нѣсколько вечеровъ подрядъ, и никто не могъ поручиться, что завтра тотъ же рѣшенный и пережеванный вопросъ опять не будетъ поднятъ въ новомъ случайномъ составѣ собранія и перерѣшенъ въ противоположномъ смыслѣ.

Помимо частныхъ случаевъ, какими являлись различныя судебныя разбирательства, передъ русскимъ студенчествомъ всегда стояло нѣсколько крупныхъ вопросовъ, которые время отъ времени обострялись и глубоко волновали умы. Однимъ изъ такихъ кардинальныхъ пунктовъ было отношеніе къ студенческому движенію въ русскихъ университетахъ. Каждый разъ, какъ въ другихъ университетскихъ центрахъ возникали волненія, русская часть дерптскаго студенчества мучительно билась надъ дилеммой: примкнуть или не примкнуть къ общему теченію. И тутъ предъ наблюдателемъ каждый разъ обнаруживалось весьма знаменательное явленіе: независимо отъ того или другого принципиальнаго рѣшенія, отъ неизмѣннаго глубокаго сочувствія товарищамъ, отъ «агитаціи подстрекателей», для активнаго проявленія мятежныхъ чувствъ необходимъ извѣстный подъѣмъ недовольства, подготовленный мѣстными столкновеніями и несовершенствами общественно-студенческаго быта. Русское студенчество въ Дерптѣ, какъ было уже указано, состояло почти исключительно изъ такъ называемыхъ «безпокойныхъ элементовъ». Не говоря о тѣхъ, въ общемъ, конечно, немногочисленныхъ лицахъ, которыя попали въ университетъ послѣ богѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ богѣе или менѣе отдаленныхъ частяхъ Россійской имперіи, — эти обыкновенно всего меньше сочувствовали беспорядкамъ, — большинство состояло изъ уволенныхъ откуда-нибудь за безпорядки же. Дерптская ссылка не измѣняла, конечно, ни ихъ мыслей, ни направленія ихъ симпатій. Казалось бы, при первомъ случаѣ можно было ожидать самой бурной вспышки. Однако, до введенія въ Дерптѣ устава 1884 года, мѣстному начальству ни разу не случилось надобности въ какихъ бы то ни было репрессивныхъ мѣрахъ. Дѣйствительно, когда изъ другихъ городовъ къ намъ приходили дурныя вѣсти, собраніямъ, пылкимъ дебатамъ, внутреннему волненію конца не было, но на этомъ дѣло и кончалось. Не хватало искры для взрыва. Если бы университетскія или городскія власти потребовали, чтобы мы были спокойны, или запретили намъ сходки, или предприняли бы какія-нибудь иныя усмирительныя мѣры, то вѣроятноѣе всего и дерптскіе студенты оказались бы не плоше, не лучше всякихъ другихъ. Но начальство и не думало давать намъ поводъ; оно совершенно игнорировало наше взволнованное состояніе, и я увѣренъ, что въ то время, какъ мы ночи напролетъ до седьмого пота развивали свое краснорѣчіе, проректоръ преспокойно спалъ на оба уха или сидѣлъ за своими толстыми книгами. Основавій приставать къ начальству съ какими-

нибудь требованіями у насъ также не было, ибо мы пользовались всѣмъ, о чемъ наши товарищи въ другихъ университетахъ не смѣли и мечтать. Въ нашемъ распоряженіи были всѣ виды товарищескаго общенія,—общества для взаимопомощи, научныя, для самообразованія, національныя. Никто не находилъ ничего противозаконнаго или противоестественнаго въ нашемъ свободномъ общеніи между собой и даже съ ветеринарами, помимо всякихъ установленныхъ формъ. Академическую свободу наши профессора охраняли съ такою же ревностью, какъ мы сами. Въ проректорѣ мы не имѣли повода видѣть что-либо иное, кромѣ благожелательнаго профессора, завѣдующаго студенческими дѣлами. Оставалось бы требовать развѣ только удаленія какого-нибудь педеля, которые, какъ всюду, были соглядатаями и не пользовались симпатіями студентовъ. Но и соглядатайство педелей въ Дерптѣ было совсѣмъ иначе направлено, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: ихъ призваніе было выслѣживать дуэли, такъ что отъ нихъ страдали больше нѣмцы; а о присутствіи на сходкахъ педеля никогда и не помышляли.

Еще одинъ вопросъ постоянно тревожилъ наше спокойствіе: отношеніе къ нѣмецкимъ товарищамъ. Съ нашей стороны въ сущности никакой національной непрязни не было. Дѣйствительно, намъ были чужды многія черты ихъ характера, намъ казались смѣшными и иногда дикими нѣкоторыя особенности ихъ корпоративнаго быта, но непосредственнаго злого чувства ни ко всей массѣ, ни къ каждому отдѣльному индивидууму мы не питали, тогда какъ къ себѣ мы, именно, чувствовали такую слѣпую вражду, безъ вниманія къ личнымъ качествамъ каждаго. Въ насъ ненавидѣли прежде всего представителей того начала, которое гровило нивелировкой мѣстныхъ особенностей, хотя не надо было бы особенно напрягать вниманіе, чтобы увидѣть, что русскіе студенты менѣе всего причастны были къ мѣстной политикѣ и ни въ чемъ не проявляли своихъ завоевательскихъ аппетитовъ. Надо думать, что національная вражда въ значительной степени питалась классовыми различіями: нѣмецкая молодежь въ Дерптѣ, какъ и повсюду въ Германіи, сохраняла крѣпкую связь, матеріальную, культурную и идейную, со своей природной средой, т.-е. съ земельною аристократіей и городской солидной буржуазіей, тогда какъ русскіе студенты, тоже какъ вездѣ въ Россіи, были разночинцы по происхожденію и демократы по настроенію и по матеріальному положенію. Нельзя конечно сказать, что всѣ нѣмецкіе студенты имѣли солидныя средства; многіе жили очень скромно, но нищеты среди нихъ не было,— всѣ имѣли определенный бюджетъ, изъ котораго они не выходили. Кто живетъ выше своихъ средствъ, тотъ недостойнъ уваженія, таковъ мудрый принципъ тѣхъ, для кого ежедневная сытость не составляетъ сверхбюджетной роскоши; я слышалъ это изреченіе въ той или другой формѣ десятки

разъ за время своихъ дерптскихъ штудій. Въ классической формѣ ту же мысль выразилъ еще Гейне:

Wenn du aber gar nichts hast,
Ach, so lasse dich begraben—
Denn ein Recht zum Leben, Lump,
Haben nur, die etwas haben.

Русскіе же студенты никакъ не хотятъ понять силу этой философіи, и не только продолжаютъ существовать, не видя ничего, но предъявляютъ претензіи на всѣ блага наивысшей цивилизаціи, къ негодованію своихъ болѣе обеспеченныхъ коммитоновъ.

Такъ или иначе, враждебность эта существовала. Въ обычныхъ условіяхъ она ощущалась въ видѣ безмолвно висящей въ воздухѣ тучи, но нерѣдко, по какимъ-нибудь частнымъ поводамъ, дѣло доходило до непріязненныхъ столкновеній. Изъ болѣе значительныхъ событій этого рода мнѣ припоминается слѣдующій эпизодъ. Какая-то компанія русскихъ студентовъ устроила въ складчину танцевальную вечеринку въ наемномъ помѣщеніи. Дамскій элементъ, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, состоялъ изъ женъ и дочерей русскихъ чиновниковъ. Вечеръ не отличался, вѣроятно, особенно блестящей внѣшностью, но имѣлъ вполне респектабельный характеръ. Къ несчастію, помѣщеніе было выбрано неудачно—на одной лѣстницѣ, дверь противъ двери съ квартирой одной изъ нѣмецкихъ корпорацій. Часовъ около двухъ, когда оживленіе было въ полномъ разгарѣ, двое подвыпившихъ корпорантовъ, пробиравшіеся къ себѣ заканчивать вечеръ, были привлечены музыкой и просили позволенія войти въ залу, гдѣ происходили танцы, что и было имъ разрѣшено безъ малѣйшихъ препятствій.

Теперь нужно имѣть въ виду, какъ нѣмецкіе студенты представляютъ себѣ приличный танцевальный вечеръ: балы, устраиваемые корпораціями, служатъ важнымъ общественнымъ событіемъ въ городѣ; городскіе и университетскіе нотабли, все мѣстное дворянство считаютъ лестнымъ приглашеніе на подобный праздникъ и являются—дамы въ бальныхъ платьяхъ, мужчины во фракахъ; обширныя корпоративныя квартиры, въ обычное время довольно непріятныя по своей холостяцкой обстановкѣ, декорируются цвѣтами, наполняются мебелью, освѣщаются люстрами. Такихъ баловъ бываетъ два-три въ году, но зато на нихъ не жалѣютъ ни трудовъ, ни издержекъ. Въ сравненіи съ этимъ, какую мизерною должна была показаться нѣмецкимъ буршамъ вечеринка русскихъ студентовъ! Грязноватое наемное помѣщеніе, освѣщенное поддожиной керосиновыхъ лампъ, пестрыя или темныя платья танцующихъ дамъ, мѣшковатыя скюртуки, а то и просто пиджаки кавалеровъ, незавитыя, ненапомаженные шевелюры, не всегда гладко выбритыя бороды, толстыя подошвы на сапогахъ и, конечно, полное отсутствіе перчатокъ,—все это не дѣйствовало особенно импонирующимъ образомъ на случайныхъ гостей. Имъ показалось, вѣроятно, что присутствующее общество не заслуживаетъ

богѣ приличнаго отношенія, чѣмъ клубъ эстонскихъ кухарокъ и извозчиковъ «Вайнемойне», гдѣ нѣмецкіе студенты нерѣдко для потѣхи устраивали самыя невозможныя скандалы. Такъ и здѣсь, усѣвшись съ вызывающе безцеремонностью передъ самымъ кругомъ танцующихъ, они стали дѣлиться другъ съ другомъ своими наблюденіями надъ присутствующими дамами въ такой формѣ и такъ громко, что терпѣть ихъ присутствіе оказалось невозможно. Предложенію удалиться они не послѣдовали, тогда ихъ насильно вытолкали вонъ. Эта мѣра была вызвана крайнею необходимостью, и ни въ чемъ нельзя было бы упрекнуть русскихъ студентовъ, если бы они на этомъ и остановились. Но возмущеніе ихъ дошло до такихъ предѣловъ, что они толпой въ нѣсколько десятковъ человекъ ворвались въ корпоративную квартиру и и произвели тамъ буйство: стали бить окна, опрокидывать мебель, срывать со стѣнъ эмблематическіе щиты, арматуры, фотографіи. Это, конечно, уже выходило изъ границъ самообороны и имѣло видъ дикаго взрыва національной вражды къ нѣмцамъ.

На слѣдующій день русское студенчество было глубоко взволновано неприятнымъ ночнымъ происшествіемъ. Въ общестуденческомъ собраніи господствовало сочувствіе мстителямъ за оскорбленное національное самолюбіе, тогда какъ въ обществѣ русскихъ студентовъ, которое долгое время объединяло наиболѣе благоразумную и развитую часть русскаго студенчества, послѣ весьма горячихъ споровъ большинство пришло къ инымъ заключеніямъ: признано было неправильнымъ возлагать отвѣтствіе за дѣйствія двухъ пьяныхъ нахаловъ на цѣлую корпорацию, а тѣмъ болѣе на цѣлое нѣмецкое студенчество; поэтому разгромъ чужой квартиры казался ничѣмъ не оправдываемымъ поступкомъ, заслуживающимъ безусловно порицанія. Для того, чтобы нѣмцы, въ свою очередь, не могли обвинять все русское студенчество въ сочувствіи дикой расправѣ, рѣшено было предать эту резолюцію гласности, т.-е. вывѣсить ее письменно въ общестуденческомъ собраніи и отправить делегатовъ къ представителямъ разгромленной корпорации для выясненія указанной точки зрѣнія. Общестуденческое собраніе отнеслось крайне неодобрительно къ мнѣнію общества русскихъ студентовъ и съ своей стороны выразило ему порицаніе за отсутствіе товарищеской солидарности и подрывъ общему дѣлу. Это былъ одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда никакіе доводы разсудка не дѣйствовали на возбужденную и негодующую массу. Такое отношеніе, впрочемъ, зная мѣстныя условія, можно было предвидѣть, и русское общество не было особенно поражено порицаніемъ товарищей. Гораздо чувствительнѣе была неудача делегации къ нѣмцамъ; какъ это ни странно, но къ этому мы были не приготовлены. Втайнѣ мы возлагали довольно большія надежды на этотъ шагъ: 'отъ обсужденія даннаго факта, казалось намъ, можно будетъ перейти къ болѣе общему вопросу объ отношеніяхъ русскаго и нѣмецкаго студенчества, и такимъ образомъ открыть

будеть путь для взаимнаго пониманія и непосредственныхъ сношеній. Всѣ эти расчеты разбиты о самую простую тактику нѣмцевъ: всякія объясненія прерваны были въ самомъ началѣ лаконическимъ заявленіемъ, что обсуждать происшедшій фактъ нечего, такъ какъ дѣло о произведенномъ буйствѣ направлено общими судебными порядкомъ. Такимъ образомъ положеніе не подвинулось ни на одну лоту впередъ.

Черезъ нѣкоторое время, однако, вслѣдствіе участившихся мелкихъ столкновеній нѣмцевъ съ русскими, особенно съ ветеринарами, вопросъ о выработкѣ какого-нибудь междунагоднаго *modus vivendi* опять всплылъ на поверхность дерптской студенческой жизни. На этотъ разъ инициатива принадлежала уже общестуденческому собранію. Была выбрана коммиссія изъ нѣсколькихъ старыхъ и пользовавшихся довѣріемъ студентовъ, которымъ поручено было составить подробную мотивированную записку, заключающую предложеніе нѣмцамъ совмѣстно обсудить съ нами мѣры къ улучшенію взаимныхъ отношеній и формулировку тѣхъ принципиальныхъ основаній, на почвѣ которыхъ мы согласны вести переговоры. Главными пунктами были поставлены: признаніе равноправности за ветеринарами и принятіе какихъ-нибудь мѣръ для болѣе справедливаго разрѣшенія взаимныхъ столкновеній, такъ какъ переговоры буршенгерихта, состоявшаго исключительно изъ представителей корпорацій, мы не считали безпристрастными.

Въ интересахъ дѣла рѣшено было обратиться за содѣйствіемъ польскихъ студентовъ, къ которымъ нѣмцы относились совершенно иначе, чѣмъ къ русскимъ *). Поляки съ готовностью прислали къ намъ своихъ представителей, но отъ общихъ дѣйствій отказались. Признавая наши требованія справедливыми, они питали глубокое и, какъ оказалось, основательное сомнѣніе въ томъ, что нѣмцы пойдутъ на какія бы то ни было уступки, и не желали осложнять свои отношенія безнадежными попытками; если бы, однако, нѣмцы, паче чаянія, согласились начать переговоры, то и они, поляки, не отказались бы въ нихъ участвовать. Несмотря на предусмотрительность поляковъ, мы не теряли надежды и во всякомъ случаѣ хотѣли довести свое предпріятіе до конца. Чтобы заручиться еще однимъ возыремъ, мы обратились къ нѣкоторымъ профессорамъ, которые какъ филистеры дерптскихъ корпорацій сохраняли съ ними близкую связь и могли повліять своимъ мнѣніемъ на студентовъ. Всѣ профессора, къ которымъ мы обращались, выражали полное сочувствіе нашему начинанію; одинъ взялся даже проредактировать вмѣстѣ съ нами составленное нами на нѣмецкомъ языкѣ обращеніе къ нѣмецкимъ товарищамъ, такъ какъ, по его мнѣнію, оно будетъ болѣе убѣдительно для

*) Поляки пользовались даже нѣкоторыми специальными преимуществами: такъ, во всѣхъ случаяхъ, когда по кодексу для разрѣшенія столкновенія требовалась дуэль, поляки дуэлировали между собою и съ нѣмцами не на рапирахъ, а на штолетахъ, что вообще имѣло мѣсто лишь при дуэляхъ съ филистерами.

адресатовъ, если выразить его тѣмъ специфическимъ студенческимъ жаргономъ, который служилъ официальнымъ языкомъ студенческихъ учреждений. Наконецъ, посланіе наше получило окончательную форму, одобренную общимъ собраніемъ, и мы отправили его въ совѣтъ старшинъ (Seniorenconvent). Отвѣта пришлось ждать довольно долго, откуда мы заключали, что предложеніе наше подвергается подробному обсужденію. Пришедшій, наконецъ, отвѣтъ этого не подтвердилъ. Намъ увѣдомляли, что всѣ взаимныя недоразумѣнія между студентами университета безъ различія національностей разбираются буршенгерихтомъ и... больше ничего. Наше недовольство этимъ судомъ было оставлено безъ вниманія, а о требованіяхъ ветеринаровъ даже не упоминалось. Отвѣтъ этотъ, очевидно, былъ простой канцелярской отпиской, послѣ которой всякій дальнѣйшій шагъ являлся невозможнымъ.

Почти такой же глубокой интересъ и страстное обсужденіе вызывали общественно-научные вопросы, хотя по своему существу они дебатировались не на общестуденческихъ собраніяхъ, а въ болѣе тѣсномъ кругу, при обсужденіи какого-нибудь реферата въ одномъ изъ обществъ, а еще больше за безконечнымъ «стаканомъ чаю» на частныхъ квартирахъ. Это было время, когда споръ марксистовъ и народниковъ еще не попалъ въ журналистику, но уже вызывалъ ожесточенныя столкновения среди интеллигентныхъ круговъ общества и особенно въ средѣ университетской молодежи. Въ Дерптѣ ему удѣлялось такъ много времени и вниманія, что, въ концѣ концовъ, являлось желаніе просто сбѣжать отъ этихъ нескончаемыхъ и безнадежныхъ препирательствъ, которыя велись постоянно одними и тѣми же лицами, съ одною и тою же, совершенно теоретическою постановкою вопроса, съ одними и тѣми же аргументами. Роли были разъ навсегда распределены. Представителями марксизма первоначально являлись, главнымъ образомъ, поляки, которые, конечно, не питали никакой нѣжности ни къ общинѣ, ни къ артельному началу. Антагонистами имъ выступали русскіе «семидесятники» (такъ они себя называли,—по духу, конечно). Молодые русскіе студенты сначала не имѣли опредѣленныхъ взглядовъ по данной категоріи вопросовъ, но явно симпатизировали деревнѣ и вообще всѣмъ страждущимъ и угнетеннымъ *). Однако за очень короткое время, въ какіе-нибудь два три года настроеніе русскаго студенчества радикально измѣнилось. «Семидесятники», конечно, остались вѣрными себѣ, но молодежь отъ нихъ отхлынула. Рѣшивъ самостоятельно разобраться въ столь запутанномъ спорѣ, она принялась изучать Маркса и прилегающую къ нему нѣмецкую литературу. Это изученіе стало настоящей эпидеміей, которая распространилась даже на совершенно отсталые

*) Въ числѣ другихъ и покойный Н. В. Водовозовъ, бывшій недолгое время также дерптскимъ студентомъ, въ то время былъ такимъ же страстнымъ противникомъ марксизма, какъ впоследствии его сторонникомъ.

въ умственномъ отношеіи элементы. Я помню, какъ одинъ изъ подобныхъ читателей Маркса наивно признавался: «Вотъ всё говорили, что Маркса такъ трудно читать, а оказалось совсѣмъ нѣтъ: прочтешь три четыре раза одну страницу и ничего—понимаешь». Читатели очень скоро обратились въ почитателей. Цитировать наизусть пассажи изъ «Капитала» и «толковать» ихъ смыслъ обратилось въ своего рода спортъ. Такимъ образомъ, когда появились въ печати «Критическіе очерки» П. Б. Струве, то они нашли уже весьма воспримчивую почву въ Дерптѣ.

Завязка спора обыкновенно тоже имѣла типическую форму. Одинъ изъ «семидесятниковъ», большой любитель всевозможныхъ словопреній, по каждому удобному поводу, а то и безъ повода разворачивалъ истрепанный экземпляръ «Судебъ русскаго капитализма» г-на В. В., который онъ имѣлъ обыкновеніе носить съ собою вмѣстѣ съ пятью шестью другими книжками и брошюрками, составлявшими его походную бібліотеку, и читалъ оттуда какой-нибудь пассажъ. Возгласы негодованія или презрительный смѣхъ обыкновенно перебивали его на срединѣ фразы; но только этого онъ и хотѣлъ. Сраженіе разгоралось. Въ пятисотый разъ развивалась схема діалектическаго матеріализма, никогда не обходилось безъ упоминанія письма Маркса къ Н. К. Михайловскому, воздухъ наполнялся словами: «денежное хозяйство», «обезземеленье», «форма производства», «экономическое пониманіе исторіи» и пр. и пр. Схватка прекращалась обыкновенно, какъ настоящія сраженія—съ наступленіемъ темноты», когда спорщики расходились за недосугомъ, съ тѣмъ чтобы при первой встрѣчѣ спѣиться снова. Иногда полемика принимала литературную форму. Одинъ изъ народниковъ сочинилъ комедію, гдѣ въ лицѣ философа Панглосса изображался марксизмъ, который находилъ, что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ: и обезземеленье крестьянъ, и кулачество, и голодовки, ибо все это ведетъ къ развитію капитализма, а слѣдовательно и къ разрушенію его. На это одинъ изъ поляковъ придумалъ довольно остроумный отвѣтъ. Подобравъ цѣлый рядъ отрывковъ изъ сочиненій Герцена, той эпохи, когда Герценъ разочаровался въ политическомъ строѣ Западной Европы и съ радостью усматривалъ въ каждомъ ухудшеніи общественной жизни близость конца, онъ составилъ цѣлый рефератъ подъ заглавіемъ «Мысли русскаго Панглосса», не называя своего источника. Впрочемъ слушатели, хотя и не догадались, кому принадлежать эти мысли, по глубинѣ ихъ и по блестящему стилю сообразили, что съ возраженіями лучше воздержаться, дабы не попасть въ просакъ.

Кстати, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ объ авторѣ этого реферата, весьма оригинальномъ субъектѣ. Онъ былъ богатый польскій помѣщикъ и къ прохожденію наукъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности. Марксизмъ увлекъ его, какъ послѣдняя мода, такъ же, какъ онъ

первый въ Дертѣ сталъ носить смокингъ, только что изобрѣтенный въ то время. Одновременно съ марксизмомъ онъ увлекался французскимъ символизмомъ и импортировалъ ихъ произведенія въ Дертѣ; я лично долженъ признаться, что черезъ него впервые познакомился съ Метерлинкомъ, слава котораго тогда только что родилась на свѣтъ. Затѣмъ онъ совершилъ въ высшей степени удивительную эволюцію. Группа развитыхъ и общественно настроенныхъ соотечественниковъ, въ которой онъ сначала вращался, какъ-то рассыпалась, и онъ попалъ въ среду польской золотой молодежи, которой было не мало въ Дертѣ. Тогда онъ сдѣлался дебоширомъ, бреттеромъ и иудобобомъ. Побить хлыстомъ еврея, безъ всякаго повода, доставляло ему истинное удовольствіе; когда мировой судья желалъ узнать мотивъ его поступка, онъ отвѣчалъ безъ запинки: «А зачѣмъ онъ мучилъ Иисуса Христа, моего Спасителя?» Въ другой разъ онъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ окно какого-то сапожника-еврея, также безъ малѣйшей причины, и чуть было не убилъ его; на судѣ онъ съ циничной откровенностью излагалъ событія такимъ стилемъ: «Пуля, къ моему сожалѣнію, прошла на вершокъ отъ его головы». По окончаніи университета я потерялъ изъ виду этотъ любопытный экземпляръ нравственной дегенерации и не знаю, какіе курбеты онъ еще выкинулъ. Я бы вислолько не удивился, если бы услышалъ, что онъ *rag blague* постригся въ какомъ-нибудь доминиканскомъ монастырѣ и отправился миссіонеромъ въ Китай или Полинезію.

Одичаніе этого господина можетъ быть разсматриваемо, какъ символъ (развѣ только немного утрированный) процесса, совершившагося въ русской части дерптскаго студенчества подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній. Эволюція эта совершилась какъ-то сама собой, путемъ естественнаго подбора. Количество русскихъ студентовъ стало быстро возрастать, но преобладаніе между ними принадлежало другимъ элементамъ, чѣмъ прежде. Дертѣ пересталъ уже служить тихою пристанью для людей, претерпѣвшихъ бури житейскаго моря,—доступъ имъ сталъ такъ же труденъ, какъ и во всѣ остальные университеты. Зато съ каждымъ семестромъ наплывали лица, не одолѣвшія науки въ другихъ мѣстахъ, максимальное число разъ провалившіяся на экзаменахъ, но желавшія во что бы то ни стало получить университетскій дипломъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, дерптскій университетъ открылъ свои двери и для семинаристовъ, такъ что, напр., въ осеннемъ семестрѣ 1900 года, по свѣдѣніямъ газетъ, изъ 300 вновь поступившихъ студентовъ 270 окончили семинаріи. Но этой картины университета я не видалъ и не могу о ней говорить. То, что мнѣ пришлось наблюдать, впрочемъ, совершенно достаточно, чтобы видѣть, въ какомъ направленіи пошло «развитіе» академической жизни. Чѣмъ менѣе новые фараоны имѣли связи съ наукой, тѣмъ болѣе они сознавали себя насадителями русской культуры. Это сказывалось прежде всего и во внѣшности. Въ аудиторіяхъ и на

улицахъ чаще и чаще сталъ бросаться въ глаза непопулярный въ Дерптѣ и необязательный еще форменный сюртукъ, носители котораго держали себя съ такимъ побѣдоноснымъ и вызывающимъ видомъ, какъ испанскіе конквистадоры среди Ацтековъ или инковъ. Студенческія кухмистерскія и общества продолжали быть многлюдными, но при всякомъ случаѣ все выше поднимали голову темные, свободные отъ идей элементы, которые прежде скромно молчали или совсѣмъ устранились отъ общественной жизни. Все труднѣе становилось поддерживать общественную корректность русскаго студенчества по отношенію къ мѣстнымъ вопросамъ, а иногда приходилось ограничиваться только рѣзкимъ выраженіемъ особаго мнѣнія, чтобы хоть нѣсколько ослабить значеніе недостойнаго поступка. Такой фактъ, правда, очень мелкаго колибра, но весьма характерный, произошелъ по поводу переименованія Дерпта въ Юрьевъ. Если бы Москву переименовали въ какой-нибудь Кацбахъ, то истые москвичи, вѣроятно, не болѣзненно бы отнеслись бы къ такому *сюр d'état*, чѣмъ нѣмцы къ утратѣ любимаго названія своихъ «Аениъ на Эмбахъ». Имъ казалось, что камни мостовой должны возопить къ небу, оскорбленные чужимъ именемъ. Впрочемъ, въ этомъ нельзя видѣть только одну привязанность къ формальнымъ мелочамъ. Въ тотъ моментъ, всѣ, не только одни нѣмцы, видѣли въ немъ лишь вышнее проявленіе окончательнаго торжества новой эры.

Мы, (русскіе студенты, не сквозь розовыя очки смотрѣли на порядки стараго нѣмецкаго режима; ни аристократическіе аграріи, ни городское мѣщанство не внушали намъ особенныхъ симпатій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы лучше всѣхъ умѣли цѣнить хорошія стороны мѣстной культуры; мы не могли забыть, что своими вольностями и самою возможностью закончить свое научное образованіе мы были обязаны нѣмецкому складу университета. Тѣ, кто имѣли понятіе о средней школѣ балтійскаго края, также съ завистью видѣли разницу между дѣйствительно воспитательными нѣмецкими заведеніями (несмотря на ихъ классицизмъ) и нашими гимназіями толстовско-дедяновскаго типа. Мы знали также широкое распространеніе низшаго образованія среди латышскаго и эстонскаго населенія; хотя это явленіе нельзя приписывать заслугамъ нѣмцевъ, но оно было тѣснѣйшимъ образомъ связано со старымъ режимомъ. Какъ иллюстрація народной грамотности, мнѣ припоминается маленькая уличная картинка. Идемъ мы вдвоємъ съ товарищемъ по одной изъ окраинныхъ улицъ Дерпта. Темный, пасмурный, осенній вечеръ. На углу мигаетъ свѣтлая точка извозчичьяго фонаря. Подходимъ ближе,—извозчикъ изогнулся въ три погибели на козлахъ и читаетъ свою эстонскую газетку, подставляя ее подъ трепещущій свѣтлый кружокъ экипажнаго фонаря. Мой спутникъ, очень экспансивный и чувствительный любитель «меньшого брата», былъ такъ умиленъ, что чуть было не погѣвъ цѣловаться съ эстонскимъ гра-

могѣмъ, но остановился, потому что не сумѣлъ бы объяснить ему причины своей радости.

Но возвращаюсь къ отношенію русскихъ студентовъ къ балтійскому вопросу. Мы были такъ далеки отъ нѣмцевъ, между нами и ими было столько принципиальныхъ и бытовыхъ отличій, что какъ-нибудь активно проявлять свое сочувствіе и несочувствіе мы не могли и не хотѣли. Никто отъ насъ этого не ожидалъ, и никому это не принесло бы ничего, кромѣ вреда. Но затѣ безусловно обязательнымъ считался и сдѣлался уже традиціей въ нашей средѣ самый корректный нейтралитетъ, при полномъ уваженіи къ нѣмецкому языку и мѣстному патріотическому чувству. Поэтому, совершенно небывальмъ долженъ былъ показаться поступокъ одного товарища, который на вечеринкѣ русскихъ студентовъ, случайно совпавшей съ преображеніемъ Дерпта въ Юрьевъ, неожиданно для всѣхъ громогласно выпалилъ тостъ «за новый Юрьевъ». Демонстрантъ, впрочемъ, не былъ изъ числа новоприбывшихъ мундирниковъ, напротивъ, это былъ чуть не самый старшій «семидесятникъ», прошедшій много огня и воды. Мотивы его поступка остались не совсѣмъ ясны, но не въ томъ было и дѣло. Подобная единичная выходка, если бы и случилась въ прежнее время, вызвала бы моментальный и всеобщій отпоръ и была бы сочтена за возгласъ пьянаго субъекта. Теперь же господствующій тонъ студенчества настолько измѣнился, что цѣлая группа студентовъ воодушевленно поддерживала странный тостъ, большая часть осталась равнодушной, и единичные протесты не вызвали никакого впечатлѣнія. Правда, на слѣдующій день вопросъ былъ поставленъ принципиально: допустимы ли среди русскаго студенчества подобныя манифестаціи? И послѣ продолжительныхъ дебатовъ и колебаній, рѣшенъ былъ отрицательно, но настроеніе большинства при этомъ было такъ нерѣшительно и апатично, что при первомъ представившемся случаѣ, т.-е. на ближайшей вечеринкѣ, тотъ же господинъ безнаказанно повторилъ свой политическій тостъ. За этимъ послѣдовали новыя собранія, принципиальныя разсужденія, безконечныя дебаты, впродолженіи которыхъ опять обнаружилась утрата прежняго единодушія и прежней принципиальной стойкости.

Преображенію фізіономіи русскаго студенчества въ Дерптѣ задолго предшествовало постепенное пониженіе научнаго уровня университета. Среди нѣмецкихъ профессоровъ прежняго состава можно было найти не мало далекихъ отъ жизни, отсталыхъ отъ современности узкихъ педагоговъ и крохоборныхъ буквоѣдовъ, но единственнымъ интересомъ и содержаниемъ ихъ жизни была наука, какъ бы узко они ее ни понимали. То, что явилось имъ на смѣну, въ большинствѣ случаевъ съ наукой имѣло весьма мало общаго. Во время оно въ Дерптъ попадали нерѣдко выдающіеся русскіе ученые. Такъ, напримѣръ, я припоминаю проникнутые уваженіемъ разсказы нѣмцевъ о проф. А. А. Котляревскомъ; имъ импонировала его широкая образованность, а прямой откры-

*

тый характеръ вызывалъ ихъ симпатіи. «Только во время франко-прусской войны,—жаловался мнѣ одинъ нѣмецкій профессоръ,—съ нимъ не стало сладу (er wurde ganz ungenießbar); онъ сдѣлался раздражительнымъ, сталъ насъ чуждаться, а въ 1871 году открыто признавался, что сочувствуетъ парижскимъ коммунарамъ!» Последнее обстоятельство приводило почтеннаго профессора въ глубокое и искреннее недоумѣніе. Позднѣе въ Дерптѣ попалъ проф. И. И. Дитятинъ, высокія качества котораго, какъ ученаго и человѣка, общеизвѣстны; къ сожалѣнію, Дерптѣ узналъ его въ тотъ періодъ, когда неизлѣчимый недугъ уже подорвалъ его душевныя силы. Въ мою бытность, глубокимъ уваженіемъ и всеобщю любовью пользовался одинъ русскій профессоръ, назвать котораго я не рѣшаюсь, чтобы не оскорбить его всегдашнюю скромность. Русскіе студенты обязаны ему очень многимъ. Всѣ, которые имѣли хоть сколько-нибудь живые умственные интересы, бывали приняты въ его радушномъ домѣ, какъ добрые знакомые. Мы не чувствовали себя здѣсь учениками передъ заслуженнымъ ученымъ, что ставитъ первыхъ всегда въ извѣстныя границы сдержанности и суживаетъ выборъ темъ разговора; напротивъ, профессоръ умѣлъ установить между собой и своими молодыми гостями совершенно непринужденное общеніе; онъ охотно самъ говорилъ и рассказывалъ, но также любилъ слушать и спрашивать. Эти посѣщенія, которыя не были рѣдки, конечно, отнимали массу времени отъ его собственныхъ научныхъ занятій, но онъ все-таки не рѣшался установить какія-нибудь ограниченія своей доступности, прекрасно понимая, какъ важно такое общеніе для студентовъ именно въ Дерптѣ, гдѣ они были отрѣзаны отъ интеллигентной среды, которая доступна студентамъ во всѣхъ другихъ университетскихъ центрахъ. Къ личной симпатіи, которую питали къ нему всѣ близко знавшіе его, присоединялось еще глубокое уваженіе за его солидныя заслуги въ качествѣ ученаго и профессора и за его неизмѣнно безукоризненное поведеніе во всѣхъ вопросахъ университетской жизни, гдѣ нерѣдко приходилось проявлять много нравственной стойкости и гражданскаго мужества.

Можно было бы указать еще нѣсколько лицъ среди русскихъ профессоровъ дерптскаго университета, которые въ большей или меньшей степени счастливо соединяли въ себѣ высокія качества, необходимыя для университетскаго преподавателя, но всѣхъ ихъ не трудно пересчитать по пальцамъ (еще разъ повторяю, что я имѣю въ виду лишь то время, которое мнѣ извѣстно изъ непосредственнаго наблюденія), и эти немногіе всегда стремились при первой возможности бросить Дерптъ для какого угодно другого университета. Господствующее же большинство новыхъ профессоровъ представляло коллекцію убожества, немыслимую въ другомъ мѣстѣ. Такъ-какъ люди съ именемъ въ наукѣ только по недоразумѣнію попадали въ

Дерптъ, то весьма обычнымъ было назначеніе туда профессоровъ безъ соотвѣтствующаго научнаго ценза. Прибавивъ къ своему званію буквы и. д. (исполняющій должность), такіе господа вполне спокойно почивали безъ лавровъ; когда же они, наконецъ, рѣшались выступить въ свѣтъ съ какимъ-нибудь сочиненіемъ собственнаго производства, то это далеко не всегда доставляло авторамъ лавры! Можно указать не одинъ трудъ дерптскихъ профессоровъ, доставившій прекрасный матеріалъ для остроумія рецензентовъ въ специальной и общей прессѣ. Объ одномъ такомъ ученомъ, до сихъ поръ, впрочемъ, не издавшемъ ни одной строчки, было извѣстно, что на магистерскомъ экзаменѣ послѣ многихъ неудачъ экзаменаторы согласились признать его познанія удовлетворительными, лишь взявъ съ него честное слово, что онъ никогда не будетъ домогаться профессорскаго званія.

Однажды произошелъ такой любопытный казусъ. Къ намъ пріѣхалъ попечитель и, между прочимъ, обѣщался быть на лекціи одного профессора. Лекція была двухчасовая. По ораторскимъ приѣмамъ и воодушевленію лектора слушатели сразу догадались, что эта лекція была специально подготовлена для начальства. Проходитъ, однако, первый часъ,—попечителя нѣтъ. Начинается вторая лекція, студенты-нѣмцы, какъ всегда, принимаются усердно записывать слова профессора. Наконецъ, входитъ попечитель. Рѣчь профессора льется потокомъ. Вдругъ одинъ нѣмецъ кладетъ перо и недоумѣвающе смотритъ на лектора; за нимъ другой, третій перестаетъ писать, и, наконецъ, вся аудитория догадывается, что записывать бесполезно: профессоръ повторяетъ слово въ слово то, что онъ говорилъ въ теченіе перваго часа,—на второй часъ онъ ничего не приготовилъ. Какъ мало уваженія нужно имѣть къ наукѣ, къ своей аудиторіи и къ себѣ самому, чтобы позволить себѣ подобную передержку! Очевидно, что такіе господа видѣли въ профессурѣ только источникъ доходовъ и случай сдѣлать карьеру. Одинъ профессоръ этого пошиба наивно рассказывалъ мнѣ, что, когда гр. Деяновъ предложилъ ему занять кафедру въ Дерптѣ, то онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ему дали однимъ чиномъ больше, чѣмъ полагается по классу должности. «Ибо,—поучалъ онъ меня,—чинъ это удѣльный вѣсь человѣка; кто къ сорока годамъ остается какимъ-нибудь коллежскимъ совѣтникомъ, тотъ въ моихъ глазахъ человѣкъ совершенно ничтожный». Но самый блестящій образчикъ того, какіе могутъ быть въ Дерптѣ профессора, далъ проф. Васильевъ своей знаменитой рѣчью о необходимыхъ для практикующаго врача правилахъ житейской мудрости. Этотъ замѣчательный монументъ въ довольно полномъ видѣ попалъ въ печать, такъ что потокъ времени, уничтожающій или искажающій такъ много характерныхъ чертъ всадневной жизни, на этотъ разъ не ограбитъ будущаго историка. Повторять эту рѣчь въ подробностяхъ едва ли стоитъ. Достате-

чно сказать, что по содержанию она смѣло можетъ стать рядомъ съ наставленіями, которыми Мефистофель вводитъ новичка студента въ курсъ медицинскихъ наукъ, только безъ малѣйшей ироніи или сарказма,—напротивъ, по серьезности и убѣжденности, оратора скорѣе можно было бы сравнить съ Владиміромъ Мономахомъ, поучающимъ своего сына.

Рѣчь проф. Васильева вызвала отзвукъ въ различныхъ сферахъ. Не говоря уже объ обширной литературѣ, которую она породила въ періодической прессѣ, дерптскіе профессора, также какъ и студенты, не могли остаться къ ней равнодушны. Какъ разъ вскорѣ послѣ упомянутого событія, случился пріѣздъ гр. Делянова въ Дерптъ. По этому поводу предполагалось устроить какой-то обѣдъ или, не упомяну уже, какое другое общеуниверситетское торжество. Тогда нѣсколько русскихъ и нѣмецкихъ профессоровъ открыто заявили министру, что они не считаютъ возможнымъ находиться въ обществѣ съ проф. Васильевымъ, и мотивировали свое заявленіе содержаніемъ его лекціи. Но гр. Деляновъ рѣшительно отказался вѣрить: «Да это, навѣрное, недоразумѣніе,—говорилъ онъ.—Вѣдь я знаю Васильева,—онъ не могъ сказать ничего подобнаго». Въ отвѣтъ на увѣреніе профессоровъ, что онъ *сказалъ* то, что ему приписываетъ и молва, и печать, гр. Деляновъ продолжалъ повторять: «Вы не вѣрьте этому, господа! Этого не могло быть. Вѣдь нужно быть о двухъ головахъ, чтобы сказать что-либо подобное. Это просто недоразумѣніе!» Такъ онъ и остался въ своей увѣренности, не обнаруживъ склонности разъяснить это недоразумѣніе официальнымъ путемъ. Впрочемъ, совмѣстное торжество, кажется, было отменено.

Студенты рѣшили также воспользоваться пріѣздомъ министра, чтобы выразить свое отношеніе къ проф. Васильеву. Извѣстно было, что министръ собирается посѣтить одну изъ его клиническихъ лекцій, поэтому медики рѣшили не ходить на эти лекціи во все время пребыванія гр. Делянова въ Дерптѣ. Кому-то вздумалось вывѣсить объ этомъ объявленіе въ одной изъ самыхъ людныхъ студенческихъ кухмистерскихъ. Но проф. Васильевъ составилъ себѣ цѣлый штатъ приверженцевъ, подъ названіемъ «подассистентовъ», конечно, изъ числа представителей новой эры. Одинъ изъ этихъ господъ, своимъ форменнымъ видомъ не оставлявшій сомнѣнія въ своей принадлежности къ новѣйшей формации, зашелъ къ кухмистерскую и, увидѣвъ на стѣнѣ упомянутое объявленіе, пришелъ въ столь благородное негодованіе, что сорвалъ его со стѣны и громогласно заявилъ намѣреніе свести его своему патрону. Присутствовавшіе студенты были такъ возмущены, что безъ дальнѣйшихъ препирательствъ вытолкали доводчика за дверь. Черезъ нѣкоторое время онъ было опять появился въ кухмистерской, произнося ругательства и угрозы, но подвергся вновь той же участи.

На этомъ дѣло логически должно было бы кончиться, но здѣсь опять обнаружилась радикальная пережѣна въ настроеніи студенчества. Вопросъ получилъ неожиданный оборотъ. Дѣло изображалось такъ, будто бы виновникъ конфликта былъ сильно выпивши и будто бы студенчество возмущено грубымъ насиліемъ надъ достойнымъ товарищемъ. Созвано было общестуденческое собраніе для суда надъ хозяиномъ кухмистерской, однимъ изъ симпатичнѣйшихъ и благороднѣйшихъ студентовъ, будто бы онъ былъ инициаторомъ и главнымъ дѣятелемъ въ совершенномъ надъ товарищемъ насиліи. Изъ всѣхъ собраній, на которыхъ мнѣ пришлось присутствовать, это было самое многолюдное. Съ одной стороны явились всѣ сторонники традиціонныхъ началъ студенческой жизни, чтобы не дать восторжествовать представителямъ доноса или въ лучшемъ случаѣ лакейства. Съ другой стороны явилась небывалая масса какихъ-то невиданныхъ до тѣхъ поръ на собраніяхъ фигуръ, сторонниковъ оскорбленнаго доносителя. Маленькая зала кухмистерской была набита народомъ буквально до потолка, потому что публика, не имѣя мѣста не только сидѣть, но и стоять, громоздилась на отодвинутыхъ къ стѣнамъ столахъ и скамейкахъ, упиравсь руками въ низкій потолокъ. Пришедшіе послѣдними не могли уже войти въ залу и стояли на темномъ дворѣ за окнами, которыя были открыты, несмотря на позднюю осень. Нельзя было даже разобрать, кто тамъ былъ, но при голосованіяхъ председателю надо было высовываться за окно, чтобы пересчитать поднятыя руки. Настроеніе собранія было весьма возбужденное и въ высшей степени неблагоприятное для обвиняемаго. Лица, ясно представлявшія себѣ всю негѣпость и неискренность обвиненія, были сравнительно немногочисленны; сторонниковъ обвиненія было гораздо больше, они компактной толпой занимали цѣлый конецъ, чуть не треть залы. На нейтральную же массу, голоса которой только и могли дать перевѣсъ тому или другому рѣшенію, очень дѣйствовала игра на благородство: шутка сказать—выгнать изъ студенческаго учрежденія товарища! Правда, онъ грозилъ доносомъ, но вѣдь онъ былъ невмѣняемъ, теперь же онъ самъ соглашается, что онъ въ пьяномъ видѣ совершилъ некрасивый поступокъ. Самъ обвинитель оказался весьма ограниченнымъ субъектомъ, который вовсе не имѣлъ вида оскорбленнаго человѣка. Черезъ нѣкоторое время выяснилось, что онъ былъ просто пѣшкой въ рукахъ цѣлой компаніи темныхъ личностей, которымъ чувство оскорбленнаго ничтожества подсказывало недоброжелательство ко всему, что носило признаки нѣкотораго нравственнаго или умственнаго превосходства. Имъ невыносима была мысль, что видныя роли въ товарищескомъ быту всегда выпадали «идейнымъ» студентамъ, и они рады были придраться ко всякому случаю, чтобы дискредитировать ихъ авторитетъ. Не самъ оскорбленный, а они придавали необыкновенно драматическій характеръ происшествію въ кухмистерской.

Разбирательство вертѣлось на установленіи мельчайшихъ подробностей, напр., числа оторванныхъ пуговицъ, количества выпитой потерпѣвшимъ водки, длины и глубины полученныхъ имъ царапинъ, когда при выталкиваніи за дверь оный упирався разбилъ дверное стекло, и т. д. Когда же противная сторона въ свою очередь путемъ установленія послѣдующихъ фактовъ желала выяснитъ, что потерпѣвшій почувствовалъ себя оскорбленнымъ лишь послѣ того, какъ побывалъ въ извѣстной компаніи, то изъ толпы обвинителей слышался ропотъ, раздавались возгласы, что это къ дѣлу не относится, что не по-товарищески производить прокурорское разслѣдованіе и т. п. Время отъ времени выступали ораторы, прочувствованно, но не особенно связно развивавшіе тему, что есть молъ въ нашей средѣ «нѣкоторые», которые ставятъ себя выше товарищей, думаютъ, что если они прочли нѣсколько книгъ, то могутъ не только руководить тѣми, кто таковыхъ не прочелъ, но даже обращать съ ними, какъ со скотами.

Собраніе тянулось уже нѣсколько часовъ, а вопросъ въ сущности не подвигался впередъ. Публика приходила въ нетерпѣніе, и можно было предвидѣть моментъ, когда постановлено будетъ самое безобразное, самое несправедливое рѣшеніе. Напрасно мы напрягали всю свою находчивость, чтобы въ убѣдительной формѣ представить истинный характеръ событія, — доводы разума плохо дѣйствовали, и настроеніе большинства оставалось крайне неопредѣленнымъ и ненадежнымъ. Вдругъ изъ дальняго угла комнаты, откуда-то изъ-подъ потолка неожиданно для всѣхъ послышался взволнованный голосъ товарища, который до тѣхъ поръ не вмѣшивался въ дебаты. Содержаніе его словъ было примѣрно слѣдующее: «Господа, мы потратили уже нѣсколько часовъ — на что? Мы считаемъ пуговицы и рюмки водки... Да развѣ въ этомъ дѣло? Дѣло въ томъ, что уровень студенчества съ каждымъ днемъ понижается; то, что было немыслимо какой-нибудь годъ назадъ, теперь становится обычнымъ явленіемъ. И сегодняшнее наше рѣшеніе должно показать, сохранили ли мы еще уваженіе къ достоинству студента, или деморализація уже такъ глубоко охватила насъ, что въ нашей средѣ могутъ безнаказанно раздаваться угрозы доноса, и мы будемъ это терпѣть, какъ нормальное явленіе». Искренность и безыскусственность этихъ словъ (въ моемъ изложеніи они звучатъ, быть можетъ, нѣсколько глаже, чѣмъ въ дѣйствительности) произвели переворотъ въ настроеніи собранія. Точно завѣса спала съ глазъ колеблющагося большинства. Зала огласилась дружными аплодисментами. Сраженіе было выиграно. «Темныя личности», считая, что ихъ роль исполнена, стали вереницей протискиваться къ выходу и демонстративно оставили собраніе. Въ залѣ стало немного просторнѣе и нравственная атмосфера очистилась. Публика новыми аплодисментами встрѣтила предложеніе одного изъ товарищей: не только отвергнуть обви-

неніе NN въ неблаговидномъ поступкѣ, но выразить ему благодарность за то, что онъ еще сохранилъ такое высокое мнѣніе о студенческой средѣ, что считалъ позоромъ для нея малѣйшую попытку къ доносу. Мы разошлись по домамъ часовъ въ пять утра, страшно усталые, но въ необыкновенно счастливомъ настроеніи.

Это было одно изъ послѣднихъ пріятныхъ впечатлѣній общественнаго характера, какія мнѣ случилось испытать въ Дерптѣ. Вскорѣ я окончательно покинулъ его и съ тѣхъ поръ ни разу не побывалъ на старомъ попелищѣ.

Въ будущемъ году исполняется столѣтіе со дня основанія нашей almae matris. Нетрудно предвидѣть, что этотъ день не соединитъ въ общемъ праздникѣ разнообразныхъ элементовъ, которымъ дерптскій университетъ въ свое время давалъ пріютъ, какъ не соединялись они и въ періодъ академической жизни. Но вѣроятно всѣ, кто зналъ его еще при старыхъ порядкахъ, хотя каждый про себя, помянетъ его добрымъ словомъ симпатіи и благодарности. Честь тому учрежденію, которое оказалось приспособленнымъ для столькихъ разнородныхъ вкусовъ и удовлетворяло столькимъ разнороднымъ и непредвидѣннымъ требованіямъ.

Евгеній Дегенъ.

Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ, философъ и учитель.

Фридриха Паульсена.

Переводъ съ нѣмецкаго Т. Богдановичъ.

(Окончаніе *).

Философія Шопенгауэра.

Я попытаюсь теперь показать, что раздвоенность личности Шопенгауэра составляетъ основу всей его философіи. Наврядъ ли можно найти другого мыслителя, у котораго связь между философіей и личностью имѣла болѣе глубокое значеніе и въ то же время была болѣе очевидна. И точно также, вѣроятно, нѣтъ другого мыслителя, который бы съ такой прозорливостью ясновидящаго уяснилъ себѣ собственную личность. Обращенія «къ самому себѣ», которыми Гвиннеръ воспользовался для характеристики его, доказываютъ въ немъ изумительную способность къ самоанализу и въ то же время не менѣе изумительную легкость создавать иллюзіи относительно самого себя.

Именно это обстоятельство придаетъ такую притягательную силу произведеніямъ Шопенгауэра. Онъ никогда не рассуждаетъ на разныя далекія отвлеченныя темы, по поводу разныхъ сомнѣній и вопросовъ, выростающихъ изъ ученыхъ изслѣдованій, по поводу спорныхъ пунктовъ систематики, опредѣленія или взаимоотношенія понятій. Противорѣчія въ мысляхъ другихъ людей не побуждаютъ его къ размышленію, его мысль возбуждаютъ противорѣчія въ собственной личности. Какъ Сократъ въ платоновскомъ Федрѣ говоритъ о себѣ, что для него важно одно—изслѣдовать самого себя, представляетъ ли онъ чудовище болѣе сложной и вулканической природы, чѣмъ Тифонъ, или кроткое и простое животное божественной, а не вулканической природы,—точно такъ же можно сказать и про Шопенгауэра: онъ самъ и его внутренняя сущность представляетъ для него загадку, которая постоянно занимаетъ его мысли. Отсюда серьезная вдумчивость и глубокая убѣжденность, проникающая всѣ его произведенія. Философія для него не такое занятіе, которое онъ могъ бы и оставить, это первая, важнѣй-

*) См. «Миръ Вождя». № 1. январь. 1902 г.

шая задача, его собственная жизненная задача. Онъ размышляетъ надъ ней не для того, чтобы найти подтвержденіе какой-нибудь системы или какой-нибудь книги, не для того, чтобы произвести впечатлѣніе на другихъ, нѣтъ, онъ стремится только уяснить себѣ себя самого. Безъ всякихъ обиняковъ, безъ всякихъ отступленій и изворотовъ идетъ онъ прямо къ рѣшенію своей задачи, вполне честно и вполне объективно. Его писательская искренность и справедливость, которую не надо смѣшивать съ личной, не имѣетъ себѣ равной среди современныхъ философовъ. Это роднитъ его съ древними греческими философами, для которыхъ не существовало никакой школьной мудрости, никакой уважаемой ученой каѳедры, никакой призванной официальными авторитетами системы, и слѣдовательно, не было ни хорошей, ни дурной философіи, а была только истинная и ложная.

Эта искренность, эта безусловная честность мысли составляетъ гордость Шопенгауэра; это та добродѣтель, которая вознаграждаетъ его за недостатокъ другихъ добродѣтелей. Одно замѣчательное мѣсто изъ письма его друга Лотцова (Гвиннеръ, стр. 405) хорошо обрисовываетъ самооцѣнку философа: «Вы достаточно часто и устно, и письменно поносили всѣ добродѣтели, кромѣ искренности, и съ вашей стороны можно довольствоваться и тѣмъ, что вы придаете своему характеру меньше цѣны, чѣмъ силѣ своего мышленія. Невольно вспоминается тотъ врачъ Наполеона, который не хотѣлъ лѣчить его отъ застарѣлой чесотки, чтобъ не причинить вреда силѣ его характера». Нельзя не вспомнить этихъ словъ, читая слѣдующее мѣсто изъ «Parerga» (II, 354): «Люди, одаренные великими и блестящими качествами, не боятся признавать и проявлять свои недостатки и слабости. Они считаютъ, что съ избыткомъ искупаютъ ихъ или даже думаютъ, что не эти слабости кладутъ на нихъ пятно, а напротивъ, они дѣлаютъ честь этимъ слабостямъ. Въ особенности, если эти недостатки связаны съ ихъ великими качествами, какъ *conditiones sine quibus non*» *).

Эта ярко выраженная и сильно прочувствованная двойственность собственного существа, противорѣчіе между характеромъ мыслителя и характеромъ человѣка составляетъ отправный пунктъ шопенгауэровскаго мышленія. Это проявляется даже въ заглавіи его главнаго произведенія: «Миръ, какъ воля и представленіе». Какъ самъ философъ представляетъ собою двойственную личность, такъ и миръ онъ рассматриваетъ съ точки зрѣнія этой двойственности—какъ волю и какъ представленіе. Всюду онъ будетъ находить и указывать эту противоположность,—въ теоретической философіи—противоположность между вещью въ себѣ и явленіемъ, въ метафизикѣ между матеріей и волей, въ эстетикѣ между идеей и индивидуумомъ, въ практической филосо-

*) Необходимое условіе.

фіи между эгоистическимъ подтвержденіемъ и сверхъиндивидуалистическимъ отрицаніемъ желанія жизни (воли къ жизни).

Прежде всего я обращаюсь къ практической философіи, гдѣ по природѣ вещей всего тѣснѣе связь между мышленіемъ и переживаніями. Здѣсь яснѣе всего сказывается то, что міросозерцаніе Шопенгауэра, его пессимизмъ, служащій выводомъ изъ его моральной философіи и ученія о свободѣ воли, представляетъ собой теорію его собственныхъ переживаній и настроеній.

Сужденіе человѣка о цѣнности міра и жизни всегда зависитъ отъ его сужденія о цѣнности живыхъ людей. Человѣкъ есть единственное существо, имѣющее абсолютную цѣнность для человѣка, всѣ остальные вещи имѣютъ цѣнность только какъ средства для человѣческихъ цѣлей. Сужденіе Шопенгауэра о цѣнности человѣка основывается на чувствѣ безграничнаго презрѣнія, которое внушаетъ ему средній человѣкъ,—это все фабричный товаръ природы, массами изготовляемый и выпускаемый въ свѣтъ, слѣдуя правилу: дешево и плохо. Его собственной жизни придавали цѣну въ его глазахъ его духовныя достоинства, его познанія, его философія. Все это отсутствуетъ въ жизни массы; среднему человѣку нуженъ маленький кусочекъ разума только для того, чтобы достигать своихъ маленькихъ личныхъ цѣлей. Человѣкъ, имѣющій серьезные теоретическіе интересы, является избранникомъ среди десятковъ тысячъ; геній, живущій исключительно для познанія, представляетъ рѣдкую игру природы, случающуюся разъ, два въ столѣтіе. Въ жизни массы преобладающую роль играетъ воля; питаніе и размноженіе—вотъ и все, чему она въ сущности придаетъ серьезное значеніе. Разумъ у этихъ людей является орудіемъ воли, онъ служитъ только къ тому, чтобы удовлетворять тѣлеснымъ потребностямъ и вести борьбу за существованіе съ другими людьми.

Къ умственной незначительности присоединяется и нравственная. У средняго человѣка умъ способствуетъ тому, чтобы естественному чувству самосохраненія придать характеръ чистѣйшаго эгоизма,—каждый сознательно стремится жить на счетъ другихъ; угнетеніе ближнихъ само по себѣ доставляетъ ему удовольствіе. Такимъ образомъ человѣкъ превращается въ злое животное, въ звѣря, отличающагося отъ другихъ злобой и завистью. Жестокость, наслаждающаяся видомъ чужихъ страданій, составляетъ характерную особенность человѣка, она проявляется еще у дѣтей, съ удовольствіемъ мучающихъ животныхъ. Прежде всего ихъ зависть и злоба обращается на наиболѣе выдающихся изъ ихъ породы, въ особенности же на выдающихся въ умственномъ отношеніи, на геніевъ, отсюда и происходитъ одиночество послѣднихъ, ихъ непонятость естественное слѣдствіе ничтожества остального стада. Понятно, что единственное чувство, какое можетъ питать геній къ стаду—это чувство безграничнаго презрѣнія. Шопенгауэръ также заявляетъ свое право на подобное отношеніе. И немед-

ленно, превращая право въ обязанность, онъ говоритъ: презрѣнне къ людямъ его единственная защита противъ людской ненависти (Гвиннеръ, стр. 406).

Объективное сужденіе о ничтожествѣ людей находить, по мнѣнію Шопенгауэра, подтвержденіе въ субъективныхъ чувствахъ, наполняющихъ жизнь человѣка, всякаго рода неприятныя чувства, горе, страхъ, пресыщеніе, разочарованіе составляютъ постоянное содержаніе внутренней жизни человѣка, минутное облегченіе или освобожденіе испытывается человѣкомъ какъ радость. Удовольствіе не можетъ быть длительнымъ состояніемъ, воля, получившая полное удовлетвореніе,—это понятіе, заключающее въ себѣ внутреннее противорѣчіе, воля, которая ничего не желаетъ. Въ сущности есть только два состоянія, между которыми, какъ маятникъ, качается воля: болѣзненное желаніе и горестное разочарованіе и скука. Если желаніе достигаетъ своей цѣли, наступаетъ моментъ удовлетворенія, но въ слѣдующій же моментъ оно уступаетъ мѣсто разочарованію, пресыщенію, скукѣ. Если же оно не достигаетъ своей цѣли, потребность превращается въ лишеніе и страданіе. Геній тоже не составляетъ исключенія изъ этого общаго закона существованія. То преимущество, которое даютъ ему часы чистыхъ духовныхъ переживаній, уравнивается большей интенсивностью ощущеній страданія, соответствующихъ повышенной чувствительности и болѣе могущественнымъ инстинктамъ.

Слѣдствіе этого—не жить лучше, чѣмъ жить. Вѣчный покой это та цѣль, къ которой надо всего настойчивѣе стремиться. Какъ достичь его? Къ нему ведетъ только одинъ путь. Полное отрицаніе воли. Отказъ отъ жизни, самоубійство было бы напрасно. Стремленіе бѣжать отъ страданій это актъ утвержденія воли, а пока есть воля, т.-е. желаніе жизни, до тѣхъ поръ есть и жизнь. Только уничтоженіе воли ведетъ къ уничтоженію жизни. Будда, Просвѣтленный, сказалъ послѣднее слово премудрости.

Таково міросозерпаніе Шопенгауэра, его пессимизмъ. Онъ безъ сомнѣнія основывается на непосредственныхъ личныхъ ощущеніяхъ Шопенгауэра. Сознаніе человѣческаго ничтожества, ничтожества жизни, страданія, наполняющаго жизнь, составляетъ основной тонъ его жизненныхъ настроеній. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы ему незнакомы были иныя настроенія, но данное настроеніе образуетъ постоянный фонъ его духовной жизни.

Въ одномъ отрывкѣ, озаглавленномъ «Безпечальный пессимизмъ и счастливая жизнь» (стр. 132), Куно Фишеръ говоритъ о Шопенгауэрѣ: его пессимистическіе взгляды были совершенно лишены горечи, напротивъ, ихъ ясность и живость доставляли ему наслажденіе. Не то, чтобы это была для него пустая мечта, воображеніе, «нѣтъ, это было серьезное, трагическое міросозерпаніе, но все-таки это было созерпаніе, взглядъ, образъ. Трагедія мировой скорби разыгрывалась на сценѣ, а онъ сидѣлъ въ зрительной залѣ, въ удобномъ креслѣ, съ бинноклемъ въ рукѣ;

большинство зрителей забывали о мировой скорби въ буфетѣ, никто не слѣдилъ за трагедіей съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, съ такой глубокой серьезностью, такимъ провицательнымъ взглядомъ; потомъ, глубоко взволнованный, съ чувствомъ сердечнаго удовольствія шелъ онъ домой и изображалъ тамъ, что только что видѣлъ».

Я не думаю, чтобы тутъ былъ взятъ правильный тонъ. Конечно, пессимизмъ самъ по себѣ есть воззрѣвіе, а не чувство, и, быть можетъ, познание и изображеніе познанаго не лишено наслажденія, наслажденія художника, облекающаго въ плоть и кровь свои образы, и въ концѣ концовъ убѣжденіе въ неизбѣжности того, что жизнь есть страданіе, можетъ до извѣстной степени дѣйствовать успокоительно. Но при всемъ томъ остается несомнѣннымъ, что въ своемъ пессимистическомъ мировоззрѣніи Шопенгауэръ находилъ выраженіе для своего собственнаго глубочайшаго жизненнаго опыта, а не только для эстетически разыгранной трагедіи мировой скорби. Бремя жизни дѣйствительно всей своей тяжестью легло на него, особенно въ годы юности, когда складывались его взгляды. И то, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ участіе въ тѣхъ удовольствіяхъ, которыми наслаждались его сверстники, еще унижало его въ собственныхъ глазахъ. Нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что чужое горе такъ сильно на него дѣйствовало, что совершенно уничтожало его собственную радость. Необычайно живая фантазія содѣйствовала при этомъ врожденной склонности погружаться въ область тяжелыхъ ощущеній. Конечно, нельзя назвать несчастливой жизнь Шопенгауэра, особенно во вторую половину, когда онъ нашелъ соотвѣтствующую его желаніямъ форму жизни и тѣмъ болѣе въ старости, когда онъ могъ, наконецъ, насладиться долго ускользавшей отъ него славой. Тѣмъ не менѣе для меня представляется невозможнымъ сказать вмѣстѣ съ Куно Фишеромъ. «Онъ изучилъ и изобразилъ пессимизмъ, но не пережилъ и не передалъ его». Нѣтъ, онъ глубоко пережилъ и перечувствовалъ, конечно, не пессимизмъ, но страданія и пустоту жизни, и только то, что онъ пережилъ, онъ облекалъ въ теорію.

Но что это за теорія сама по себѣ? Имѣетъ ли она какое-нибудь значеніе помимо чисто личнаго? Представляетъ ли она вѣчто большее, чѣмъ мировоззрѣніе, выросшее на почвѣ даннаго темперамента? Можетъ ли она считаться объективной, пригодной для всякаго рода случаевъ истиной, на что она сама имѣетъ претензію?

Я не думаю, чтобы за ней могло быть признано такое значеніе. Она можетъ считаться лишь субъективно истинной, истинной для того, кто именно такъ чувствуетъ. Но тотъ, кто испытываетъ совершенно иное настроеніе, имѣетъ полное право не допускать, чтобы ему приписывали данное отношеніе къ жизни и людямъ. Оптимистическое мировоззрѣніе можетъ съ точно такимъ же правомъ считаться теоріей, имѣющей всеобщее значеніе, какъ и пессимистическое, или, лучше ска-

затѣ, оно съ психологической необходимостью должно это сдѣлать. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ умъ служить только отраженіемъ воли, и внутреннее настроеніе стремится облечься въ форму всеобщей теоріи. Такимъ образомъ оба мировоззрѣнія имѣютъ одинаковое значеніе и одинаковое право на существованіе. Они представляютъ въ сущности нечто иное, какъ выраженіе личнаго опыта, которое съ силою психологической необходимости изображаютъ, какъ результатъ всеобщаго опыта. Поэтому, всѣ споры между ихъ послѣдователями совершенно напрасны. Ни тѣ, ни другіе не могутъ переубѣдить другъ друга. Факты, на которые они опираются, различны для тѣхъ и другихъ. Выборъ между ними опредѣляется не разсудкомъ, а чувствомъ, природа котораго всегда индивидуальна, хотя бы оно и считалось свойственнымъ всѣмъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣдовательное проведеніе этихъ взглядовъ не лишено теоретическаго значенія. Нѣтъ такой жизни, въ которой не встрѣчались бы оба вида чувствъ и настроеній. Обѣ эти противоположныя теоріи, оптимизма и пессимизма, могутъ бѣть разсматриваемы, какъ извѣстнаго рода сознательный и произвольный опытъ—рѣшить, въ какомъ видѣ представлялась бы жизнь, если бы въ человѣческой природѣ существовалъ только одинъ—тотъ или другой—родъ чувствъ и настроеній? и какъ составлялись бы сужденія о людяхъ и о жизни? Это экспериментъ, подобный тому, какой дѣлаетъ политическая экономія, допуская, что вся хозяйственная дѣятельность людей опредѣляется исключительно мотивами, изъ нея самой исходящими. Она прекрасно знаетъ, что дѣло обстоитъ не такъ просто. Одновременно съ ними дѣйствуютъ и другіе мотивы—доброжелательство, стремленіе къ удобству, тщеславію и чрезвычайно спутываютъ общую картину; но это не отнимаетъ значенія у формулъ, выработанныхъ при вышеупомянутомъ допущеніи. Не нужно только принимать ихъ за точное изображеніе дѣйствительнаго явленія, точно также какъ формулу закона притяженія нельзя считать изображеніемъ реальныхъ случаевъ паденія тѣлъ, она лишь односторонне выражаетъ опредѣленную тенденцію тѣлъ.

То же самое можно сказать и о формулахъ Шопенгауэровскаго пессимизма; онѣ выражаютъ собою дѣйствіе извѣстныхъ тенденцій, играющихъ роль въ составленіи мировоззрѣнія и отношенія къ жизни. Онѣ показываютъ, какова была бы жизнь, если бы люди были такими, какими изображаетъ ихъ Шопенгауэръ, каково было бы отношеніе къ жизни, если бы его жизненный опытъ и его ученіе о волѣ имѣли всеобъемлющее значеніе. Такимъ образомъ мы получаемъ гипотетическія формулы, облегчающія намъ аналитическое изученіе предметовъ; я думаю, что съ этой точки зрѣнія и формулы пессимизма могутъ оказаться полезными для изученія человѣческихъ отношеній.

Конечно, Шопенгауэръ желалъ придать своей теоріи другое зна-

ченіе, онъ думалъ, что его формулы представляютъ непосредственное изображеніе дѣйствительности. Надо замѣтить къ тому же, что его личныя мнѣнія еще во много разъ одностороннѣе его теоріи. Взять хотя бы, напримѣръ, его утвержденіе, что единственнымъ двигателемъ людскихъ поступковъ является исключительно стремленіе къ удовлетворенію тѣлесныхъ потребностей, теоретическіе же вопросы оставляютъ людей совершенно безучастными. Въ XVII-й главѣ II-го тома своего труда, полной глубокихъ и прекрасныхъ мыслей, Шопенгауэръ самъ показалъ, что теорія является далеко не исключительно дѣломъ избранныхъ умовъ, — въ формѣ метафизической потребности она составляетъ важную черту духовной физиономіи всего человѣческаго рода. Въ сравненіи съ животными можно въ этомъ смыслѣ всѣхъ людей назвать геніями. Исторія на всякой страницѣ показываетъ, какъ серьезно они принимаютъ всѣ теоретическіе вопросы. Можно, пожалуй, утверждать, что всѣ величайшія историческія движенія имѣютъ корень въ религіи, слѣдовательно, въ метафизикѣ. И искусство, если смотрѣть на него съ всемірно-исторической точки зрѣнія, является, также какъ религія и метафизика, не дѣломъ немногихъ избранныхъ, а произведеніемъ и достояніемъ всего народа. Бываютъ времена, когда оно далеко уходитъ отъ народной жизни и падаетъ до степени пустой забавы высшихъ классовъ общества. Но настоящее истинное искусство всегда народно. Оно удовлетворяетъ потребности народа облекать въ образы то, что шевелится въ глубинѣ души. Если бы у людей вообще не было этой потребности, то не могло бы явиться никакихъ геніевъ ни въ поэзіи, ни въ религіи, ни въ философіи, ни въ искусствѣ; всѣ великія созданія духа создаютъ и среду, способную воспринять и почувствовать ихъ. Самъ Шопенгауэръ рассчитывалъ на это. И когда онъ понялъ, что имъ пренебрегаютъ, онъ не отказался отъ своихъ ожиданій, онъ былъ увѣренъ, что для его философіи не настало еще время, что когда нибудь она сдѣлается достояніемъ всѣхъ мыслящихъ людей, даже всего человѣчества. И въ этомъ онъ не совсѣмъ ошибся, теперь его произведенія рядомъ съ Кантомъ можно встрѣтить въ любой дешевой библіотекѣ.

Чрезвычайная односторонность его ученія тѣсно связана съ безграничнымъ эгоизмомъ естественнаго человѣка. Для нѣкоторыхъ областей человѣческой дѣятельности она можетъ имѣть болѣе безспорное значеніе; на рынкѣ, напримѣръ, всякій хлопочетъ о своей выгодѣ, не заботясь о выгодахъ другихъ, точно также въ обществѣ всякій стремится блистать, не думая о томъ, что это можетъ причинить непріятность окружающимъ. Между тѣмъ въ сферѣ болѣе интимныхъ отношеній, въ семьѣ, напримѣръ, основнымъ двигателемъ является далеко не исключительно эгоизмъ, особенно при нормальномъ ходѣ вещей. Здѣсь принципъ индивидуализаціи не проводится во всей своей послѣдовательности. Онъ не проводится также и въ отношеніяхъ единичной

личности къ народной массѣ. Человѣкъ не является на свѣтъ въ качествѣ изолированнаго индивидуума, онъ вырастаетъ, какъ членъ извѣстнаго цѣлаго, семьи, родины, своего народа; и эти отношенія владутъ печать на его чувства и на его волю. Симпатическія чувства и стремленіе сохранить цѣлое не менѣе врожденны, чѣмъ эгоистическія чувства и стремленіе къ самосохраненію.

Въ этомъ отношеніи Шопенгауэръ страдаетъ какъ бы цвѣтовой слѣпотой. Въ теоріи онъ знаетъ, что все это такъ. Онъ самъ ставилъ симпатическія влеченія въ зависимость отъ единства воли въ родѣ и даже отъ метафизическаго единства воли во всѣхъ существахъ. Но на его чувства эти теоріи не оказывали ни малѣйшаго вліянія. И это опять-таки зависѣло отъ условій его личной жизни. Онъ одинокъ по рожденію и по воспитанію. Ему дали имя Артуръ, потому что оно остается одинаковымъ на всѣхъ языкахъ, этого желалъ его отецъ, космополитъ по вѣченію, покинувшій Данцигъ, чтобъ не онѣмечиться, и его супруга, отираившаяся во время беременности въ Англію, чтобъ ожидавшійся Артуръ появился на свѣтъ англичаниномъ,—впрочемъ въ послѣдній моментъ это было перерѣшено. Мальчикъ не имѣлъ никакой настоящей родины, онъ жилъ то тутъ, то тамъ, то въ Данцигѣ, то въ Гамбургѣ, то во Франціи, то въ Англіи. Онъ оставался свободнымъ отъ всѣхъ крѣпкихъ цѣпей, какія налагаютъ на душу родина, окружающіе, товарищи игръ, школа. Онъ вездѣ былъ гостемъ. Рано разорвалъ онъ и семейныя связи, матери онъ, повидимому, никогда не любилъ, и тѣ почтительныя чувства, которыя онъ такъ часто и такъ охотно высказывалъ по адресу своего покойнаго отца, проистекали едва ли не изъ желанія досадить этимъ матери. Во всякомъ случаѣ, контрастъ между ними обоими сильно способствовалъ идеализаціи въ его воспоминаніи образа отца. Если бы отецъ остался въ живыхъ, между ними, безъ сомнѣнія, происходили бы тяжелыя столкновенія. Какъ бы то ни было, онъ никогда не говорилъ, чтобы молодость его была особенно счастливою. Въ домѣ родителей, повидимому, никогда не царилъ духъ радости. Мать рассказывала однажды о своей загубленной юности, а Шопенгауэръ о суровости отца, отъ которой ему много пришлось выстрадать въ молодости (Фрауэнштетъ, стр. 306).

Изъ всего этого ясно, что у Шопенгауэра совершенно отсутствуетъ тотъ мотивъ, который нерѣдко лежитъ въ основѣ негѣпо-пессимистическаго воззрѣнія на общество, напримѣръ, у Руссо и у Канта—сентиментально-идеализированныя воспоминанія о ранней юности, о простыхъ отношеніяхъ въ родительскомъ домѣ, справедливыхъ и радостныхъ. Ни малѣйшаго намека на подобныя чувства нельзя найти у Шопенгауэра. Или, быть можетъ, эта искорка сентиментализма пріютилась у него въ отношеніи къ животнымъ? Въ своемъ пуделѣ онъ находитъ, можетъ быть, ту справедливость и честность, которой не достаетъ людямъ? Въ его разсужденіяхъ по поводу простоты и довольства, вы-

ражающихся въ фізіономіяхъ животныхъ можно найти отголосокъ сентиментализма въ духѣ Руссо. Человѣческая фізіономія, наоборотъ, пробуждаетъ въ немъ тотчасъ же враждебныя чувства. Владѣльцы ея злобныя животныя, которыхъ только намордникъ страха передъ полиціей удерживаетъ отъ поползновенія кинуться на него. Даже къ дѣтямъ онъ не питаетъ иного рода чувствъ, они мѣшаютъ и надоѣдаютъ ему крикомъ и шумомъ. Онъ поздравляетъ своего друга фонъ-Доса съ рожденіемъ ребенка, неоднократно повторяя, что просить небо не посылать ему больше дѣтей.

Эта крайняя односторонность личныхъ настроеній создаетъ исключительно благоприятныя условія для того, чтобы Шопенгауэръ могъ съ честью исполнять роль адвоката отъ дьявола противъ всего человѣческаго рода. И онъ проводилъ ее, дѣйствительно, съ такимъ искусствомъ и одушевленіемъ, съ такой охотой и постоянствомъ, какъ никто ни до, ни послѣ него. Онъ съ такой пронизательностью подмѣчаетъ всѣ пороки и слабости людей, мужчинъ и женщинъ, ученыхъ и неученыхъ, великихъ и малыхъ, правящихъ и управляемыхъ, и съ такой силой и юморомъ изображаетъ ихъ, что самому Мефистофелю не худо было бы поучиться у него. Многие воображаютъ и до сихъ поръ, что онъ, рисуя свои мрачныя картины, имѣлъ въ виду разновидности не людей, а чертей. Я не думаю, что бы они были правы. Разъ чортъ имѣетъ свои права и, надо думать, не лишеныя основательности,— иначе откуда взялась бы вѣра въ чертей?—то въ интересахъ справедливаго рѣшенія дѣла лежитъ несомнѣнно, чтобы и на ихъ защиту всталъ энергичный и ловкій адвокатъ. По крайней мѣрѣ, судья долженъ былъ бы желать этого. Во всякомъ случаѣ, процессъ отъ этого сильно выигрываетъ въ занимательности. Какъ становится скучно и прѣсно, когда защитникъ не встрѣчаетъ серьезнаго противника, показываетъ въ достаточной мѣрѣ литература просвѣтительной эпохи.

Тѣсное соотношеніе между философіей и личностью Шопенгауэра высказывается въ его моральной философіи, не менѣе чѣмъ въ его сужденіи о людяхъ и о жизни. Конечно, здѣсь это соотношеніе имѣетъ гѣсколько иной характеръ. Его пессимистически-мизантропическая антропология представляетъ непосредственное выраженіе его чувствъ и отношеній къ людямъ; его мораль, наоборотъ, есть формула для изображенія его собственной жизни и внутреннихъ настроеній; съ большимъ правомъ можно сказать, что они противоположны другъ другу. По его теоріи состраданіе есть источникъ всякаго моральнаго блага. Только тѣ поступки имѣютъ нравственную цѣнность, которыя имѣютъ цѣлью исключительно достиженіе чужого блага и устраненіе чужого страданія безъ всякаго отношенія къ собственному благу. Поступки, мотивомъ которыхъ служатъ исключительно потребности, требованія собственнаго блага, не имѣютъ никакой нравственной цѣны; они имѣютъ отрицательную цѣну, если собственное благо достигается за счетъ чужого.

Такимъ образомъ, сама себя отрицающая сердечная доброта оказывается единственнымъ свойствомъ, придающимъ человѣку моральную или абсолютную цѣнность. Одновременно съ этимъ исчезаетъ цѣнность всѣхъ остальныхъ проявленій, даже проявленій генія, они вмѣстѣ съ умомъ, этимъ продуктомъ мозга, принадлежать всецѣло міру явленій, между тѣмъ какъ воля, исполненная доброты, проникаетъ въ самую метафизическую сущность вещей. Здѣсь Шопенгауэръ сказывается въ полномъ согласіи со всѣми великими искупительными религіями. Для него также добровольное самоотреченіе и добровольное страданіе служатъ единственнымъ путемъ къ совершенству. Этимъ путемъ шли святые, имъ же шли ученики Будды, точно также какъ и ученики Христа. Посредствомъ умерщвленія влеченій естественнаго человѣка достигали они совершенства, отрицаніе воли давало имъ миръ и блаженство. Свободное отъ эгоистическихъ желаній и страха, сердце ихъ открыто для участія къ братьямъ, которые ведутъ еще тщетную борьбу за призрачныя блага міра.

Противоположность дѣйствительной жизни Шопенгауэра съ этой картиной совершенной жизни очевидно для всякаго. Достаточно часто онъ выслушивалъ упреки за это: онъ превозноситъ аскетовъ и ищетъ комфорта, онъ называетъ страданіе лучшимъ путемъ къ совершенству и съ пугливой осторожностью избѣгаетъ его, онъ видитъ въ состраданіи корень всякаго истиннаго нравственнаго достоинства, а самъ заключилъ свое сердце въ броню презрѣнія, чтобы сдѣлать его недоступнымъ состраданію,—однимъ словомъ, его ученіе проповѣдуетъ отрицаніе эгоистическаго желанія жизни, а его жизнь утвержденіе этого желанія.

Но можемъ ли мы вслѣдствіе этого считать его ученіе ложью, въ которую онъ самъ не вѣритъ?

Гвиннеръ рассказываетъ, что однажды Шопенгауэръ увидѣлъ у него портретъ аббата Рансе, основавшаго вновь орденъ траппистовъ. Онъ отвернулся и сказалъ съ горечью: «Вотъ гдѣ жила благодать!» Кто приметъ это за ложь, тотъ не знаетъ Шопенгауэра. Не знаетъ и человѣческой природы вообще. Шопенгауэръ глубоко чувствовалъ превосходство подобной жизни. Это чувство было еще интенсивнѣе, оттого что онъ самъ не могъ сдѣлаться участникомъ такой жизни, не могъ склонить свою волю къ отреченію, оттого что она влекла его къ презрѣнію міра и людей, а не къ воздержанію и успокоенію. Это чувство превращалось въ богъзвенное стремленіе къ иной жизни, со-отвѣтствующей лучшей сторонѣ его природы. Его мораль представляетъ выраженіе этого стремленія; ее можно назвать собраніемъ его *desiderata* *).

Я не думаю, чтобы подобный случай можно назвать особенно

*) Лучшихъ желаній.

исключительнымъ. Идеалъ отражаетъ дѣйствительность, но въ обратномъ видѣ, чего не достаетъ дѣйствительности, то мы находимъ здѣсь, что есть тамъ, то отсутствуетъ здѣсь. Никто не цѣнитъ здоровье такъ, какъ больной, никто не придаетъ богатству больше значенія, чѣмъ бѣднякъ. Никто не восхищается добродѣтелью искреннѣе чѣмъ, тотъ, кто не обладаетъ ею. Смѣлому мужество представляется такъ естественно, что онъ не говоритъ о немъ, но робкій не можетъ молчать о немъ, онъ такъ искренно и глубоко восхищается имъ, что по крайней мѣрѣ въ воображеніи не можетъ не драпироваться въ геройскій плащъ. Вспомнимъ сэра Джона Фальстафа или храбраго законника Джозефа Сидлея изъ «Ярмарки тщеславія» Теккерея. Такъ и Руссо, отдававшій своихъ дѣтей въ воспитательный домъ, съ пафосомъ рассуждалъ объ естественномъ воспитаніи и естественномъ устройствѣ социальныхъ отношеній. Конечно, имъ руководить не лицемеріе, онъ, можетъ быть, глубже прочувствовалъ и глубже оцѣнилъ весь ужасъ неестественныхъ отношеній, чѣмъ кто бы то ни было изъ его современниковъ.

И почему Кантъ превозноситъ искренность выше всѣхъ добродѣтелей и со всей присущей ему силой бранитъ лживость, что Шопенгауэръ считаетъ съ его стороны аффектаціей? Этому послѣднему, съ его гордымъ, даже надменнымъ характеромъ вполне свойственна безопасная искренность, между тѣмъ какъ Кантъ, нѣсколько робкій отъ природы, могъ только стремиться къ ней. Развѣ это не всегда такъ бываетъ,—плоды, съ тяжелымъ трудомъ добытые изъ бесплодной почвы, цѣнятся выше, чѣмъ тѣ, которые въ изобиліи приносятъ плодоносная земля. Такъ же обстоитъ дѣло и у Шопенгауэра съ его самоотреченіемъ и отрицаніемъ желанія жизни. Бывали люди, которые дѣйствительно совершали чудеса; въ буддистскихъ и христіанскихъ книгахъ мы встрѣчаемъ правдивые рассказы о томъ, какъ святые побѣждали въ себѣ страсти и желанія, страхъ и боль и достигали уже въ этой жизни совершеннаго покоя. Шопенгауэръ слушаетъ объ этомъ съ удивленіемъ и восторгомъ, онъ страстно желалъ бы испытать тоже самое,—побѣдить свою волю и странствовать въ мірѣ безъ страха и желаній, предаваясь чистому созерцанію. Но чудо не свершалось надъ нимъ.

Онъ долженъ былъ считаться съ собой, такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Въ афоризмахъ житейской мудрости (въ первомъ томѣ Rarerga) онъ излагаетъ правила, которыми онъ при этомъ руководствовался. Онъ знаетъ и прямо говоритъ, что эти правила не соответствовали его морали; они представляютъ суррогатъ къ ней, которымъ онъ пользуется, такъ какъ не можетъ достичь истиннаго совершенства. На этомъ пути онъ создалъ для себя наилучшую возможную жизнь; жизнь уединенную, посвященную созерцанію, немногочисленную, свободную отъ будущаго и, поэтому, свободную отъ горя и разочаро-

ваній. При этомъ онъ болѣзненно чувствовалъ недоступность для него идеала. Это сознание наполняетъ его этику стремленіемъ къ освобожденію отъ самого себя.

Карлъ Бэръ рассказываетъ слѣдующимъ образомъ о встрѣчѣ своего отца съ Шопенгауэромъ. «Во время разговора мой отецъ сказалъ, что его философія въ сущности проникнута величайшей скромностью. И когда Шопенгауэръ спросилъ: «какъ такъ?» онъ отвѣтилъ: «Вы ставите сердечную доброту выше генія, которыми между, тѣмъ, вы сами одарены». — «Вы правы, — отвѣтилъ тотъ, — но то, чѣмъ я выдѣляюсь изъ тысячъ, нѣкогда исчезнетъ, а сердечная доброта останется навѣки». (Шеманъ. «Разговоры и переписка съ А. Шопенгауэромъ, изъ бумагъ К. Бэра», изд. въ 1894 г.). Итакъ, Шопенгауэръ, заключившій себя въ броню презрѣнія и высокомерія, не воплилъ лишень того, что на языкѣ религіи называется смиреніемъ передъ Господомъ.

Это великое сознание, до котораго дошелъ философъ путемъ собственной жизни явилось для него ключомъ къ уразумѣнію одного изъ величайшихъ событій въ жизни человѣческаго рода. Шопенгауэръ снова вернулся къ пониманію искупительныхъ религій. Въ XVIII вѣкѣ это пониманіе было совершенно утрачено; просвѣтительная эпоха видѣла въ буддизмѣ одно сплошное заблужденіе, а христіанство считала исключительно руководствомъ къ тому, какъ обрѣсти въ этой жизни временное, а въ той вѣчное блаженство. Новое время установило взглядъ на исторію, какъ на неуклонное стремленіе къ высшей культурѣ и къ большому счастью. Оно видѣло только путь утвержденія жизни, путь отрицанія жизни находился внѣ поля его зрѣнія; оно не видѣло въ немъ ничего кромѣ случайнаго уклоненія въ сторону, которое проповѣдывали отупѣвшіе отшельники или невѣжественные монахи въ мрачную эпоху средневѣковья. Шопенгауэръ сдѣлалъ открытіе, что это вторая большая дорога, по которой всегда шло человѣчество, и по его мнѣнію — прямая дорога къ спасенію. Этимъ онъ открылъ девятнадцатому вѣку путь къ пониманію христіанства, по крайней мѣрѣ одной существенной стороны христіанства. Возрожденіе, реформація, современная наука и современное развитіе культуры расшатали старое христіанство, интеллектуализмъ, раціонализмъ и оптимизмъ завладѣли всѣми умами, они видѣли вездѣ только тѣ мысли и чувства, которыя были имъ самимъ свойственны. Шопенгауэръ, въ силу своего личнаго настроенія, способенъ былъ понять сущность христіанства и подмѣтить его общность съ индійскимъ буддизмомъ въ одномъ изъ главныхъ пунктовъ.

Онъ оказалъ этимъ несомнѣнную услугу той наукѣ, которую онъ цѣнитъ меньше всѣхъ остальныхъ — исторіи и философіи исторіи. Въ понятіяхъ утвержденія и отрицанія жизни, какъ двухъ видовъ — отношенія къ жизни, онъ нашелъ вѣрный способъ пониманія многообразныхъ явленій исторической жизни. Здѣсь выступаетъ то коренное раз-

личіе, которое разбиваетъ ряды историческаго развитія на двѣ основныя группы.

До сихъ поръ человѣчество по двумъ путямъ стремилось достигъ своей жизненной цѣли. Первый путь, это путь культуры, — по нему идутъ всѣ тѣ, которые стремятся удовлетворить естественныя желанія и потребности посредствомъ развитія всѣхъ силъ и способностей и подчиненія природы власти человѣка, этимъ способомъ они надѣются достигъ счастья. Второй путь есть путь искупленія, — по нему идутъ тѣ, которые мечтаютъ достигъ мира и покоя, посредствомъ искорененія потребностей и отрицанія естественной воли или естественнаго желанія жизни.

Въ двухъ великихъ историческихъ рядахъ развитія встаетъ передъ нами эта противоположность въ формѣ крупнаго историческаго поворота, — въ исторіи индійской и греко-итальянской вѣтви великаго арійскаго ствола. Индусы, народъ воинственный, въ молодости завладѣвшій всѣми землями по берегамъ Инда и Ганга, создали себѣ въ браминизмѣ и буддизмѣ религію искупленія, которая путемъ устраненія отъ мира ведетъ къ освобожденію отъ желанія жизни и отъ самой жизни съ ея страданіями. Точно также молодость грековъ и римлянъ протекала на пути культуры. Война, завоеванія, политика, мореплаваніе, торговля, искусство, наука вотъ тѣ занятія, которымъ они предавались въ эпоху молодости и зрѣлаго возраста. И здѣсь также наступилъ поворотъ, обращеніе къ христіанству знаменуетъ отклоненіе классической древности отъ пути культуры, на которомъ люди отчаялись достигъ цѣли — счастья на землѣ. Христіанство, какъ и буддизмъ, указываетъ на иной міръ.

Современные европейскіе народы мы находимъ тоже сначала на пути утвержденія жизни: охота, война были ихъ главными занятіями. Потомъ церковь увлекла ихъ къ міросозерцанію и настроенію умирающаго античнаго міра, и всѣ средніе вѣка они, по крайней мѣрѣ, наружно, не покидали этой колеи. Но возрожденіе произвело новый переворотъ; новый міръ вполнѣ сознательно отвернулся отъ пути искупленія и пошелъ по пути культуры, чтобы найти счастье на землѣ, т.-е. свести небо на землю, вмѣсто того чтобы искать неба въ иномъ мірѣ. Будетъ ли онъ счастливѣе индусовъ и грековъ? Найдеть ли онъ его? Шопенгауэръ увѣренъ, что этого никогда не случится. Небо на землѣ это вообще иллюзія, которую создала себѣ человѣческая воля. Для западныхъ народовъ тоже настанетъ моментъ, когда они убѣдятся въ самообманѣ и вернуться на покинутый путь. Шопенгауэръ хочетъ помочь имъ въ этомъ.

Дѣйствительно ли они готовы совершить этотъ поворотъ?

Нельзя отрицать, что пессимистическое настроеніе въ настоящее время все больше выступаетъ и въ литературѣ, и въ жизни, не только въ Германіи, но и во всѣхъ западныхъ странахъ. Правъ ли вслѣдствіе

этого Шопенгауэръ? Стоимъ ли мы наканунѣ радикальнаго переворота, какой пережилъ древній міръ въ своемъ обращеніи къ христіанству?

Я не знаю этого, и никто этого не знаетъ. Будущее свято хранить свои тайны отъ глазъ смертныхъ. Я не думаю только, чтобы этотъ переворотъ былъ близокъ къ намъ. Онъ наступитъ раньше или позже, всякая жизнь приходитъ къ концу и за всякимъ подъемомъ слѣдуетъ нисхожденіе. И эпохѣ подъема соотвѣтствуетъ иное міровоззрѣніе и иное отношеніе къ жизни, чѣмъ эпохѣ нисхожденія. Но я не думаю, чтобы это новое уже стучалось въ двери. Мнѣ кажется, что жизненная сила западно-европейскаго міра, особенно германскихъ и славянскихъ народовъ, еще не изжита. Приростъ населенія и стремленіе къ расселенію служатъ самымъ несомнѣннымъ показателемъ этого. Сколько бы ни говорили объ упадкѣ и о *fin de sicle*, доказывающемъ истощеніе жизненныхъ силъ,—народъ, который хочетъ жить, будетъ жить наперекоръ всѣмъ своимъ пессимистическимъ философамъ и поэтамъ.

Вотъ и все, что можно сказать о практической философіи Шопенгауэра. Впрочемъ, не мѣшаетъ коснуться еще одного вопроса,—какъ она дѣйствуетъ на жизнь и характеръ отдѣльныхъ индивидуумовъ? Она, положимъ, рѣшительно отказывается быть практической философией въ этомъ смыслѣ, она стремится лишь описывать, что есть, но никакъ не предписывать, что должно быть. Шопенгауэръ прямо заявляетъ, что познаніе, даже познаніе моральной философіи ни въ какомъ случаѣ не можетъ вліять на измѣненіе характера. Ученіе о неизмѣнимости характера при помощи разсудка принадлежитъ къ тѣмъ догматамъ его философіи, которые коренятся въ его собственныхъ переживаніяхъ. Но въ дѣйствительности самъ Шопенгауэръ говоритъ не только о томъ, что есть, но и о томъ, что имѣетъ цѣну въ его глазахъ, онъ судитъ о жизни и о ея цѣнности и пытается убѣдить читателя въ правильности его сужденія. Быть можетъ, даже нѣтъ другого философа, который превзошелъ бы его въ искусствѣ принудительно внушать читателю его взгляды на то, что хорошо и что дурно, то спокойно изображая ихъ, какъ единственно возможные взгляды, то проповѣдуя ихъ съ страстной убѣдительностью.

Какое же вліяніе могутъ имѣть его произведенія на взгляды и поступки? Я думаю, что оно можетъ быть очень различно, смотря по образу мыслей читателя. На нѣкоторыхъ, вѣроятно, оно будетъ дѣйствовать какъ противоядіе противъ страстей и разочарованій, какія вызываетъ у нихъ жизнь. Такъ она, повидимому, дѣйствовала и на него самого, успокаивая и освобождая его духъ. Избѣжать страданія невозможно, оно свойственно самой природѣ нашей воли, а измѣнить волю не въ нашей власти, поэтому остается только покориться необходимости. А его философія, показавъ ему истинное значеніе вещей и научивъ истинному отношенію къ міру, помогла ему найти путь къ

жизни, наиболѣе отвѣчающей его склонностямъ. Точно также она по-дѣйствовала, кажется, на самую симпатичную личность изъ числа его первыхъ послѣдователей, фонъ-Досса, котораго самъ Шопенгауэръ всего охотнѣе называетъ своимъ ученикомъ. Его письма къ Шопенгауэру, наиболѣе привлекательныя изъ всей переписки (опубликованной Шеманомъ), даютъ возможность прослѣдить, какъ благородная, глубоко чувствующая душа, подавленная собственнымъ горемъ и общими страданіями, въ ученіи Шопенгауэра нашла утѣшеніе и спасеніе отъ страстей и страданій. Возможность подняться отъ единичнаго къ общему по-дѣйствовала на него разрѣшающимъ образомъ, какъ въ поэзіи художественное изображеніе страданій. Чувство горечи, пронкающее все, написанное Шопенгауэромъ, повидимому, совершенно не заразило его, также какъ вопреки всѣмъ разсужденіямъ Шопенгауэра онъ рѣшился вступить въ бракъ, оказавшійся очень счастливымъ.

На людей иного склада увлеченіе Шопенгауэровскимъ ученіемъ можетъ дѣйствовать совершенно иначе, какъ указывалъ однажды самъ Доссъ (Шеманъ, стр. 251). Если въ душѣ есть склонность къ горечи, къ презрѣнію и ненависти къ людямъ, тогда упорное изученіе обратной стороны человѣческой природы, къ которому ведетъ Шопенгауэръ, даетъ ей такъ много пищи, что можетъ совершенно пересилить противоположныя стороны души. Склонность къ угрюмой замкнутости и мрачному квіэтизму укрѣпляется пессимистическими размышленіями и становится неизлѣчимой, тогда какъ энергичное уклоненіе отъ печальныхъ мыслей могло бы уничтожить ее. Во всякомъ случаѣ я никакъ не думаю, чтобы Шопенгауэръ могъ быть хорошимъ совѣтникомъ въ юномъ возрастѣ; принятое на вѣру въ критическій періодъ жизни его ученіе можетъ легко повлечь за собой разнаго рода дурныя послѣдствія, презрѣніе ко всему достойному уваженія, высокомѣрную нетерпимость, склонность къ догматическому отрицанію, непривычку къ вдумчивой оцѣнкѣ явленій и къ самокритикѣ, влеченіе къ затворничеству, къ мрачному и меланхолическому настроенію и къ противорѣчіямъ. И если даже всѣ эти противоестественныя душевныя состоянія будутъ побѣждены при дальнѣйшемъ ходѣ развитія, все-таки въ душѣ останется неистребимый осадокъ. Человѣкъ невольно сохраняетъ тонъ разочарованности,—какъ бы то ни было, онъ заглянулъ уже за кулисы жизни. Развѣ можно отрицать, что этотъ тонъ въ современной литературѣ встрѣчается чаще, чѣмъ въ какой-либо иной? И что часть вины за это лежитъ на Шопенгауэрѣ и его ученикахъ?

Въ заключеніе мнѣ остается еще показать, какимъ образомъ теоретическая философія Шопенгауэра тоже имѣла корни въ его личности. Наиболѣе характерны для нея двѣ особенности—идеализмъ въ теоріи познанія и волюнтаризмъ въ метафизикѣ.

Идеализмъ въ теоріи познанія это первая твердо установленная отпавшая точка Шопенгауэровскаго мышленія; различіе между міромъ

явленій и міромъ истинныхъ существей составляетъ для него исходный пунктъ всей философіи, а Платонъ и Кантъ, согласные между собой въ этомъ пунктѣ, являются единственными истинными основателями философіи. Обыденное сознание принимаетъ эмпирическое существование вещи во времени и пространствѣ за истинную дѣйствительность, убѣдившись, что это лишь явленія и, указавъ на «вещи въ себѣ», философское мышленіе порываетъ всякую связь съ обыденнымъ.

Идеализмъ или нуменализмъ въ теоріи познанія, являющійся во вступленіи къ его главному труду въ качествѣ основанія всякой философіи, въ дѣйствительности опирается на нѣкотораго рода практической идеализмъ и на отрицательное отношеніе къ эмпирической дѣйствительности. Недостатки эмпирическаго міра унижаютъ его, превращая въ міръ недѣйствительный въ метафизическомъ смыслѣ, — міръ имѣющій такъ мало достоинствъ, какъ этотъ міръ, существующій во времени и пространствѣ, можетъ быть не болѣе, какъ явленіемъ. Такъ разсуждалъ Платонъ, также разсуждалъ и Кантъ, и Фихте. И мысли этихъ своихъ учителей Шопенгауэръ воспринялъ особенно глубоко, благодаря своему личному отношенію къ жизни. Существованіе во времени и пространствѣ представляется ему пустымъ сномъ, эта истина нашла себѣ полное выраженіе въ Упаннадахъ, — видимый міръ — это сонъ и обманчивая греза, твореніе Майи. Фолькельтъ прекрасно изобразилъ этотъ характеръ шопенгауэровскаго идеализма. Какое рѣшающее значеніе имѣло его личное настроеніе при образованіи его основныхъ взглядовъ въ теоріи познанія и метафизикѣ, показываетъ исторія ихъ развитія, обрисованная Лоренцомъ въ его сочиненіи «Къ исторіи развитія шопенгауэровской метафизики», составленномъ на основаніи писанныхъ документовъ. Въ самыхъ раннихъ упоминаніяхъ объ этомъ руководящую роль играетъ противоположность между «высшимъ сознаниемъ» и «эмпирическимъ сознаниемъ»; послѣднее въ теоретическомъ отношеніи направлено на міръ доступный внѣшнимъ чувствомъ и на господствующія въ немъ во времени и пространствѣ причинныя взаимоотношенія, въ практическомъ же отношеніи — на удовлетвореніе чувственныхъ потребностей. Между тѣмъ, «высшее сознание» въ теоретическомъ отношеніи направлено на вѣчно сущія идеи, практически же на аскетизмъ и святость. Это идеи платоновской философіи, воспринятыя на фонѣ собственнаго жизненнаго опыта.

Эта личная подкладка теоретическихъ построеній еще яснѣе выступаетъ въ другомъ основномъ пунктѣ его теоретической философіи — въ метафизическомъ волюнтаризмѣ. Утвержденіе, что воля есть сущность вещей — безусловно собственная мысль Шопенгауэра. Хотя она намѣчалась слегка у Канта и у Фихте, но окончательно оформилась она только у него. Она ставитъ Шопенгауэра на ряду съ тѣми, кто обогатилъ человѣчество новыми великими идеями. Первымъ источникомъ этого убѣжденія онъ называетъ самосознаніе. Заглянувъ въ са-

мого себя, человѣкъ открываетъ въ себѣ двойное существо — представляющее и желающее, но воля составляетъ коренную основу, а умъ лишь зависящую отъ нея функцію. Это открытіе возникло изъ личнаго самосознанія Шопенгауэра. Сильное разногласіе между волей и разумомъ, существовавшее въ немъ самомъ, направляло его вниманіе на это противорѣчіе и оно казалось ему основнымъ. Онъ сравниваетъ разницу между ними, очевидную для всѣхъ, съ противоположностью двухъ элементовъ, на которые разлагаетъ воду Пристлей. Съ другой стороны, его собственный опытъ говоритъ ему, что сознаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ опредѣлять волю, и онъ выражаетъ это въ своемъ ученіи въ формѣ примата воли: воля первична, разумъ же вториченъ, воля господствующая субстанція, разумъ же служебное орудіе.

И вотъ, съ тѣмъ представленіемъ, которое онъ извлекъ изъ наблюденія собственной внутренней сущности, онъ приступаетъ къ изученію міра, — ключъ къ великой загадкѣ онъ уже держитъ въ рукѣ: міръ есть «міръ, какъ воля и представленіе». Въ представленіи всѣ вещи являются намъ какъ тѣла, точно также какъ я самъ являюсь себѣ въ представленіи тѣломъ. Сами въ себѣ вещи являются волей, — или волей, одаренной сознаніемъ, какъ въ животныхъ, или чистой обнаженной волей, какъ въ растительномъ и неорганическомъ мірѣ. Но во всѣхъ случаяхъ проявляется воля, даже въ случаяхъ паденія и столкновенія тѣлъ. Каждое движеніе указываетъ на явленіе, родственное внутренне знакомому намъ проявленію стремленія и желанія.

Можно ли такимъ образомъ сказать, что шопенгауэровская метафизика представляетъ собой точно также исключительно его личное воззрѣніе, какъ мы утверждали относительно его пессимизма? Я этого не думаю; скорѣй я склоненъ видѣть въ его основной мысли о томъ, что тѣлесный міръ есть проявленіе внутренней жизни, являющееся нашему самосознанію прежде всего въ формѣ воли, — твердо установленную истину. Самъ онъ видѣлъ въ пессимистическомъ мировоззрѣніи необходимое слѣдствіе своей метафизики, или, лучше сказать, считалъ данную метафизику подтверждающимъ слѣдствіемъ своего твердо установленнаго пессимизма. Въ дѣйствительности это взаимоотношеніе далеко не такъ неизмѣнно, пессимизмъ можно вполне отдѣлить отъ волюнтаризма, одинъ отвергнуть, а другой принять.

Конечно, и волюнтаристическая метафизика должна очиститься отъ нѣкоторыхъ придатковъ, главнымъ образомъ отъ разнаго рода разсужденій, которыя возникаютъ у Шопенгауэра изъ формулы теоріи познанія, гласящей, что воля есть вещь въ себѣ, формулы унаслѣдованной Шопенгауэромъ отъ Канта. Шопенгауэръ самъ никогда въ сущности не утверждаетъ, что вещь въ себѣ должна быть признана трансцендентной. И тѣмъ не менѣе въ послѣдующихъ разсужденіяхъ она служитъ ему для такихъ утверженій, которыя вытекаютъ изъ признанія воли вещью въ себѣ. Какъ вещь въ себѣ, она существуетъ

въ времени и пространства и не подчиняется *principio individuationis*, — точно также не подчиняется и закону причинности, имѣющему силу только для міра явленій. Незамѣтнымъ образомъ эти отрицательныя утвержденія превращались въ положительныя; единство, безграничность во времени и пространствѣ, свобода открываетъ вогѣ путь ко всевозможнымъ чародѣйскимъ искусствамъ. Извѣстно, съ какимъ вниманіемъ Шопенгауэръ относился ко всякимъ явленіямъ оккультизма и какую склонность къ нимъ чувствовалъ, онъ находилъ въ нихъ подтвержденіе своей метафизики, такъ какъ только она могла объяснить эти явленія съ помощью своего принципа единой и безусловной воли. Конечно, онъ тѣмъ самымъ противорѣчитъ собственному, столько разъ настойчиво повторяемому предостереженію, — не давать физическимъ явленіямъ метафизическихъ объясненій. Всякая здоровая философія стоитъ на томъ, что хотя метафизическая сторона есть во всемъ, но тѣмъ не менѣе въ мірѣ явленій все совершается по чисто физическимъ законамъ; если столы двигаются, то, конечно, въ послѣднемъ счетѣ ихъ двигаетъ воля, или, лучше сказать, воля проявляется въ этомъ движеніи, но ни въ какомъ случаѣ не воля, лишенная физическаго выраженія, все равно можемъ ли мы его въ данномъ случаѣ замѣтить или нѣтъ. *Nexus physicus* и *nexus metaphisicus* *) образуютъ каждый замкнутое кольцо взаимныхъ соотношеній.

Если же смотрѣть на дѣло иначе и понимать въ чисто эмпирическомъ смыслѣ положеніе, что воля есть сущность вещей, тогда оно можетъ по моему служить прекрасно обоснованнымъ обобщеніемъ психологіи, — воля есть основная и первичная функція душевной жизни, которая въ процессѣ органической жизни имѣетъ всегда физическое выраженіе. Я держусь убѣжденія, что душевную жизнь можно понять только въ томъ случаѣ, если считать волю первичной функціей, а умъ вторичной. Всякая попытка выводить вели изъ представленія, терпитъ крушеніе. Въ этомъ истинная и великая заслуга Шопенгауэра. Я думаю, что придетъ время, когда съ Шопенгауэра будутъ начинать новую эпоху въ исторіи психологіи. И мнѣ кажется, что мы замѣтно приблизились къ этому времени съ тѣхъ поръ, какъ я впервые высказалъ, что волюнтаристическая точка зрѣнія на душевную жизнь стала быстро распространяться въ послѣднее время, а старый интеллектуалистическій взглядъ, долгое время господствовавшій благодаря Гербарту въ Германіи, вездѣ уступаетъ ему мѣсто. Дарвиновская біологія, которую Шопенгауэръ такъ враждебно встрѣтилъ, едва услышавъ объ ней, стала сильной союзницей волюнтаризма. Ставя человѣка въ ряду другихъ живыхъ существъ на гѣбениці историческаго развитія, она стремится и душевную жизнь, достигшую высшей ступени развитія, выводить генетически изъ дру-

*) Кругъ физическій и кругъ метафизическій.

гихъ низшихъ, животныхъ зачатковъ ея. Между тѣмъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что чѣмъ ниже мы спускаемся по лѣстницѣ живыхъ существъ, тѣмъ болѣе блѣднѣетъ разумъ, и волевая сторона наполняетъ всю душевную жизнь смутными желаніями и темными инстинктами.

Въ отношеніи метафизики наше время настроено скептически, чѣмъ та эпоха, когда складывались взгляды Шопенгауэра. Теперь врядъ ли кто-нибудь сталъ бы такъ смѣло утверждать, что старая загадка сфинкса рѣшена, какъ это дѣлалъ Шопенгауэръ въ отношеніи своего ученія о волѣ. Я бы по крайней мѣрѣ не сталъ защищать его претензію во всемъ ея объемѣ. Но одно, по моему мнѣнію, можно смѣло утверждать. Связь между міромъ животнымъ, міромъ растительнымъ и даже далѣе міромъ неорганическимъ настолько тѣсна и глубока, что вполне оправдываетъ слѣдующее предположеніе: въ сложной органической жизни животныхъ и въ ихъ дѣйствіяхъ проявляется въ сущности то же самое, что составляетъ внутреннюю сторону дѣйствій и движеній всѣхъ остальныхъ тѣлъ. Иначе сказать, если въ проявленіяхъ животной жизни выражается воля, то воля же сказывается и въ движеніяхъ растительнаго и неорганическаго міра. Конечно, такимъ образомъ понятіе воли расширяется до неопредѣленности, но этого не отрицалъ и Шопенгауэръ. Мы не могли бы объяснить въ конкретной формѣ, что мы подразумеваемъ, говоря, что въ организаціи и развитіи жизни того или другого растенія выражается воля. Но, по правдѣ сказать, не иначе обстоитъ дѣло и тогда, когда мы говоримъ о какомъ-нибудь животномъ,—о муравьѣ, о рыбѣ или собакѣ,—что во всѣхъ его поступкахъ проявляется опредѣленная воля. Въ сущности мы хотимъ этимъ сказать только, что тамъ происходитъ нѣчто подобное тому, что совершается въ насъ самихъ, когда наше тѣло исполняетъ тѣ или другія отправленія животной жизни, испытываетъ желанія, чувства голода или сытости, потребность въ дѣятельности или усталость. Вполнѣ понимать каждый человѣкъ можетъ только то, что онъ самъ переживаетъ. Какъ не позво въ насъ пониманіе и какъ не отчетливо представленіе о томъ, что переживаетъ человѣкъ, принадлежащій къ другой расѣ, къ другому народу или даже только къ другому общественному классу, или къ другому полу! Съ тою же подразумеваемой оговоркой, съ какою мы употребляемъ для обозначенія внутреннихъ чувствъ родовыя названія,—любовь, ненависть, стыдъ, тщеславіе, страхъ, раскаяніе, хорошо зная, что обозначаемыя ими явленія происходятъ совершенно различно у различныхъ людей,—точно также можемъ мы обозначать именемъ воли внутреннюю сущность, проявляющуюся во всѣхъ вещахъ. Слово это указываетъ скорѣй не опредѣленное, конкретное содержаніе, а то направленіе, въ какомъ слѣдуетъ его искать.

Такимъ путемъ мы будемъ одинаково далеки и отъ высокоумной умѣренности, что мы обладаемъ исчерпывающимъ познаніемъ сущно-

сти вещей, и отъ агностицизма, вырывающаго непроходимую пропасть между сущностью вещей и нашимъ познаніемъ. Мы скажемъ вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ: ключъ къ пониманію всего существующаго лежитъ въ нашей внутренней жизни, если сущность нашу составляетъ воля, то воля же составляетъ сущность вещей вообще. И мы скажемъ также, если наша сущность вмѣстѣ съ сущностью всѣхъ вещей заключается въ единомъ, то сущность этого всеединого должна быть признана волей.

Конечно, мы должны прибавить, что ни сущность вещей, ни сущность все единого нельзя исчерпать при помощи человѣческихъ понятій, какъ въ отношеніи формы, такъ и въ отношеніи содержанія. Вѣра, а не знаніе охватываетъ это и представляетъ намъ въ образахъ. Это ея право, право создающей ее воли, представлять намъ эту сущность въ образѣ добра и мудрости, святости и блаженства, а не въ образѣ зла и слѣпоты, жестокости и страданія. Тѣмъ или инымъ способомъ можно придать ей и эту обратную сторону, но ея дѣйствительное существо остается отъ насъ скрытымъ.

Шопенгауэръ самъ могъ бы сдѣлать такой выводъ изъ своихъ мыслей. Посылки для этого онъ могъ бы найти въ собственныхъ положеніяхъ, въ положеніяхъ, какъ теоретической, такъ и практической философіи. И у него воля является не вполне слѣпой, наоборотъ, она оказывается скорѣй зрячей, какъ показываетъ его натуръ-философія. Слепое влеченіе приводитъ не къ беспорядочному хаосу, а къ космическому порядку, воля облекается въ формы, которыя воспринимаются человѣческимъ разумомъ, какъ идеи, какъ ясныя мысли, доставляющія эстетическое удовольствіе созерцающему ихъ разуму. Конечно, Шопенгауэръ избѣгаетъ относить чувство эстетическаго удовольствія въ чистомъ созерцаніи на счетъ содержанія созерцаемыхъ идей, онъ объясняетъ испытываемое удовольствіе исключительно прекращеніемъ болѣзненнаго стремленія къ нему. Между тѣмъ несостоятельность теоріи, что удовольствіе есть лишь прекращеніе страданія, выступаетъ всего яснѣе именно въ этомъ пунктѣ,—эстетическое наслажденіе имѣетъ всегда положительный характеръ, и оно едва ли могло бы ощущаться, если бы самъ созерцающій былъ дѣйствительно такъ ничтоженъ и жалокъ, какъ хочетъ увѣрить насъ Шопенгауэровскій пессимизмъ. Его эстетика свидѣтельствуетъ противъ его пессимизма.

Съ другой стороны, и его практическая философія, его ученіе объ искупленіи тоже является свидѣтельствомъ противъ его пессимизма. Воля и по мнѣнію Шопенгауэра, можно сказать, достигаетъ своей цѣли, сначала жизни, а потомъ, посредствомъ отрицанія желанія жизни, освобожденія отъ всѣхъ страданій, исцѣленія отъ болѣзненнаго влеченія къ жизни. Пессимизмъ только въ томъ случаѣ нашелъ бы себѣ подтвержденіе, если бы это влеченіе не могло быть уничтожено, а должно

было вѣчно существовать, причиняя страданія. Если же передъ нимъ открытъ путь къ нирваннѣ, тогда къ чему же жалобы?

Дѣйствительно, воля можетъ въ сущности обладать всѣмъ, къ чему она стремится. Въ ея власти находится и жизнь, и прекращеніе жизни. Прежде всего она получаетъ то, къ чему стремится отъ вѣка—жизнь. Конечно, содержаніе жизни составляетъ не пріятное наслажденіе, а тяжелый трудъ, суровое соперничество и даже кровавая борьба, по крайней мѣрѣ все это занимаетъ большое мѣсто въ жизни. Но, повидимому, даже къ этому стремится сама воля, по крайней мѣрѣ она скоро отказывается отъ пассивнаго, инертнаго наслажденія, находя его вялымъ и скучнымъ. Ее влечетъ къ себѣ тревожная жизнь, крупная значительная дѣятельность. Ее скорѣй можно назвать героической волей, чѣмъ исцательницей спокойныхъ радостей. Далѣе, если воля пресыщена жизнью, она можетъ достичь и второй цѣли,—прекращенія жизни. Уставъ отъ труда и борьбы, она можетъ достичь покоя и уничтоженія. Раньше или позже—какъ предсказываетъ Шопенгауэръ, она во всей своей совокупности придетъ къ этому.

Судя по этому, воля имѣетъ всѣ основанія оглядываться назадъ на жизнь съ чувствомъ полнѣйшаго удовлетворенія. Она сама создала великую трагедію человѣческой жизни, сама съ страстнымъ увлеченіемъ играла роль въ ней и сама созерцала ее съ чувствомъ живѣйшаго эстетическаго интереса,—чего же ей надо еще? Зачѣмъ бранить жизнь и говорить,—это была глупая ошибка, заблужденіе? Почему не сказать лучше,—это было путешествіе по неизслѣдованнымъ странамъ бытія, полное интересныхъ зрѣлищъ, полное неожиданныхъ столкновеній, полное тяжелой нужды и борьбы, но прерываемое по временамъ мирнымъ отдыхомъ и минутами чистѣйшихъ наслажденій, а въ цѣломъ, крайне интересное и значительное путешествіе?

Если бы Шопенгауэръ оглянулся въ концѣ на собственную жизнь, она должна была представиться ему приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: много труда и борьбы, много досадъ и огорченій, и тѣмъ не менѣе въ послѣднемъ счетѣ она стоила этихъ трудовъ и страданій. Видѣть эти зрѣлища, продумывать эти мысли, побѣдоносно выдерживать эту борьбу съ міромъ, право, это не малое и не ничтожное содержаніе для одной человѣческой жизни. Судьба могла бы съ полнымъ правомъ упрекнуть Шопенгауэра въ томъ, что онъ, видѣвшій въ теченіе всей своей жизни, какъ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ развивался и приносилъ плоды его богатыхъ дарованій, въ благодарность за это постоянно клеймилъ жизнь.

Но Шопенгауэръ не хотѣлъ и не могъ поступать иначе: послѣднее слово должно было остаться за пессимизмомъ его молодости. Презрѣніе къ людямъ составляло часть его самого, оно вытекало изъ его глубочайшихъ чувствъ и въ тоже время служило оправданіемъ его жизни. Какъ могъ онъ отказаться отъ него?

Шопенгауэръ, какъ учитель жизни.

Въ одномъ изъ своихъ раннихъ произведеній *) Фр. Нитцше восхвалялъ Шопенгауэра, какъ учителя, какъ воспитателя мыслителей и философовъ. Подходитъ ли онъ для этой роли?

Дѣйствительно, Шопенгауэръ имѣетъ черты, которыя подходятъ для воспитателя людей, желающихъ изучать науку. Сильное чувство дѣйствительности, стремленіе къ будущему, презрѣніе къ внѣшности, безстрашная любовь къ истинѣ, полная независимость отъ чужого мнѣнія, любовь къ уединенію, равнодушіе къ злобамъ дня, постоянное тяготѣніе къ неизмѣнному и вѣчному,—все это качества, которыя прежде всего нужны изслѣдователю и служителю истины, и во всемъ этомъ Шопенгауэръ можетъ служить образцомъ. Его произведенія обладаютъ особымъ свойствомъ укрѣплять совѣсть противъ лицемерія, приспособленія, угодничества и искательства. И еще во многихъ чисто внѣшнихъ отношеніяхъ Шопенгауэръ является хорошимъ воспитателемъ, онъ развиваетъ ясность мышленія и рѣчи, чистоту языка, точность даже въ мелочахъ орфографіи.

Но вѣтъ въ немъ недостатка и въ такихъ чертахъ, которыя, быть можетъ, составляютъ неотъемлемую особенность его индивидуальности и поэтому терпимы въ немъ самомъ,—*chacun a les défauts de ses vertus* **), какъ часто говоритъ самъ Шопенгауэръ,—но которыя крайне неприятны и даже невыносимы у его послѣдователей и вообще у людей маленькихъ. Это—вѣра въ свою непогрѣшимость, крайнее самолюбіе, стремленіе выставлять на видъ свое презрѣніе къ людямъ, недостатокъ скромности и сердечнаго смиренія. И эти недостатки особенно страшны тѣмъ, что они опираются на примѣръ крупнаго человѣка. Быть можетъ, высокомеріе и увѣренность въ непогрѣшимости составляютъ не самый глубокій, но, во всякомъ случаѣ, самый замѣтный результатъ вліянія Шопенгауэра на современную литературу.

И еще одно надо прибавить: любовь къ истинѣ и честность, которыми по справедливости гордится Шопенгауэръ, не всегда согласуются съ осторожностью въ сужденіи и съ добросовѣстностью въ изслѣдованіи и въ доказательствахъ. Наоборотъ, мы встрѣчаемъ въ немъ въ самой незначительной дозѣ способность относиться критически къ собственнымъ мыслямъ. Онъ схватываетъ какую-нибудь вещь, ясно и отчетливо высказываетъ, что онъ объ ней думаетъ, и стремится сейчасъ же привести ее къ какой-либо опредѣленной формулѣ. Если это ему удалось, если формула въ его глазахъ схватываетъ самую сущность предмета, то дѣло его кончено и дальнѣйшее изслѣдованіе пред-

*) «Размышленія не ко времени».

***) Каждый обладаетъ недостатками своихъ добродѣтелей.

ставляется для него излишнимъ. Для него истинно то, что онъ воспринимаетъ въ силу вѣкотораго рода эстетической необходимости. Его утвержденія—это догматы. Если они ему нравятся, если они отвѣчаютъ его образу мыслей, всему его существу, то это служить вполне достаточнымъ доказательствомъ ихъ истинности. Онъ относится къ нимъ самъ съ извѣстнымъ почтеніемъ, какъ къ дарамъ духа. Онъ не отказывается ни отъ одной изъ высказанныхъ имъ однажды мыслей и своему читателю онъ вмѣняетъ въ обязанность не упускать ничего изъ того, что онъ написалъ, такъ какъ все это составляетъ часть священнаго ученія. На возраженія онъ не обращаетъ никакого вниманія или отвѣчаетъ на нихъ, повторяя свои положенія. Онъ ненавидитъ критику, она мѣшаетъ интуиціи.

Шопенгауэръ обладаетъ выдающимся умомъ; кромѣ того, онъ имѣетъ изумительную способность схватывать сущность вещей съ помощью интуиціи. Сила его анализа, изученія, доказательства далеко уступаетъ ей. И здѣсь, какъ во всемъ остальномъ и, мѣриломъ вещей онъ считаетъ собственную личность; онъ очень невысокаго мнѣнія объ аргументированіи вообще. Тотъ, кто прочелъ первую книгу его сочиненія, тотъ знаетъ, что онъ придастъ мало значенія доказательству не только въ метафизикѣ, но даже въ физикѣ и въ математикѣ и считаетъ его поверхностнымъ искусствомъ. Все сводится къ внѣшнему представленію, къ непосредственному воспріятію сущности и къ установленію связи по закону основанія и слѣдствія. Его приемы соотвѣтствуютъ особенностямъ его индивидуальности и потому плодотворны у него. Для учениковъ и подражателей, не обладающихъ его достоинствами, они могутъ оказаться опасными. Я думаю, что не малое количество лжегений, которыми такъ богато наше время, надо отнести на счетъ Шопенгауэра, какъ учителя.

Но и для него самого эта односторонность дарованій, которую онъ считаетъ добродѣтелью, оказалась вредной. Прежде всего аффектъ часто затемняетъ ясность его мышленія. *Intellectus luminis sicci non est* *)—эти слова Бэкона Шопенгауэръ приводитъ очень охотно, такъ какъ провѣрилъ ихъ на собственномъ опытѣ. Когда досада, неудовольствие, зависть, гнѣвъ и ненависть смущаютъ зеркало души, тогда тамъ легко могутъ возникать извращенные образы. А онъ на многое смотреть и многое изображаетъ съ гнѣвомъ и ненавистью.

Однажды Шопенгауэръ характеризовалъ трехъ великихъ «софистовъ», Фихте, Шеллинга и Гегеля, противопоставляя ихъ философамъ XVII и XVIII вѣка. Здѣсь мы встрѣчаемъ вездѣ честное изслѣдованіе, честное стараніе подѣлиться найденнымъ и сдѣлать его понятнымъ; у тѣхъ софистовъ, напротивъ, все дышетъ нечестностью. «Тонъ спокойнаго изслѣдованія замѣненъ непоколебимой увѣренностью, составлявшей

*) Свѣтъ ума не бываетъ холоднымъ.

во всѣ времена принадлежность шарлатанства, которая здѣсь должна покоиться на мнимо-непосредственномъ умственномъ воспріятіи, или на абсолютномъ, т.-е. независимомъ отъ субъекта и отъ его заблужденій, мышленіи. Отовсюда выглядываетъ стараніе перехитрить читателя, обмануть его, импонировать ему, обойти его непонятными фразами, иногда положительной безсмыслицей, или ослѣпить его смѣлыми до дерзости утвержденіями». И причина этого заключалась въ томъ, что люди эти заботились не объ истинѣ, а о вкусахъ и намѣреніяхъ сильныхъ міра сего, отъ милостей которыхъ они ждали назначеній и хлѣба насущнаго, чтобъ такимъ образомъ съ женами и дѣтьми кормиться на счетъ философіи («Papegga» I, стр. 22 и сл.).

Въ этихъ строкахъ Шопенгауэръ нарисовалъ свой собственный портретъ, и при томъ съ двухъ сторонъ. Прежде всего, не малая доля того, что онъ говоритъ о способѣ мышленія тѣхъ философовъ, падаетъ и на него. Не меньше ихъ любилъ онъ импонировать читателю, смущать, ослѣплять и оглушать его своими догматическими утвержденіями. Вообще, какъ мыслитель и писатель, онъ стоялъ ближе къ Шеллингу или Фихте, чѣмъ къ Канту и Вольфу или къ Юму и Локку. У него мы не найдемъ и слѣда ихъ терпѣливаго изслѣдованія и основательнаго подробнаго изложенія. Кромѣ того, онъ не рѣже Фихте или Шеллинга прибѣгалъ къ инвективамъ и литературнымъ убійствамъ.

Съ другой стороны, очень характерна та манера, съ какою онъ здѣсь, какъ и въ тысячѣ другихъ случаевъ, утверждаетъ разныя очень неблагоприятныя вещи относительно характера и мотивовъ дѣятельности другихъ людей, не трудясь даже приводить особенно много аргументовъ и доказательствъ въ пользу этого. Онъ даже и не подозреваетъ, что обвиненія вродѣ тѣхъ, какія содержатъ въ себѣ его послѣднія строки, налагаютъ обязанность доказать ихъ. Они кажутся ему вѣроятными, они соотвѣтствуютъ тому образу этихъ людей, какой нарисовала ему ненависть,—этого достаточно. Всякое сомнѣніе, всякая попытка привести доказательства, нарушила бы цѣльность картины. Поэтому онъ не позволяетъ волѣ браться за это. вмѣсто всякаго доказательства, онъ снова и снова повторяетъ свои обвиненія. Кто же былъ этотъ Фихте, котораго онъ въ другомъ мѣстѣ называлъ «философомъ, умѣющимъ приспособляться къ обстоятельствамъ», которому не доставало строгой честности, стремящейся независимо отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній къ одной цѣли—истинѣ? Мы невольно спрашиваемъ себя, что же сдѣлалъ Фихте, чтобы оправдать подобныя обвиненія? Конечно, въ 1799 году, когда его обвинили въ атеизмъ, онъ писалъ въ Веймарѣ: «Глубокоуважаемый господинъ тайный совѣтникъ! Поступайте со мной, какъ пожелаете, объявите мнѣ выговоръ за прошлое, сдѣлайте указаніе на будущее,—не лишайте меня только одного, моей профессуры!» А въ 1806 году онъ во главѣ депутаціи встрѣтилъ у Бранден-

бургскихъ воровъ рѣчью Наполеона-побѣдителя,—онъ счастливъ, что можетъ повергнуть къ стопамъ его величества почтительную преданность вѣмецкой философіи. Приблизительно такъ и долженъ былъ поступать человекъ, «приспособляющійся къ обстоятельствамъ». Нужно все легковѣріе, все безграничное слѣпое подчиненіе своимъ аффектамъ, чтобы повторять подобныя обвиненія.

Но и почтеніе, какое чувствуетъ Шопенгауэръ къ какому-нибудь человеку, не предохраняетъ его отъ подобнаго отношенія. Мы упоминали выше, что онъ говорилъ о Кантѣ по поводу тѣхъ измѣненій, которыя тотъ ввелъ во второе изданіе своей критики. Онъ объясняетъ ихъ лицемеріемъ и трусостью, а именно, страхомъ передъ новымъ господиномъ (Фридрихъ Вильгельмъ II) и прямо называетъ ихъ нечестными уловками (въ письмѣ къ Розенкранцу въ 1837 году). Онъ не вспомнилъ о написанной имъ пять лѣтъ спустя, въ самый разгаръ вельнеровской системы *), «Религіи въ границахъ одного разума» и другія статьи, дававшія такой рѣшительный, можно даже сказать вызывающій отпоръ этому режиму, а между тѣмъ одно это воспоминаніе должно было доказать ему несправедливость этого упрека. Кантъ былъ не герой, онъ молчалъ, когда король приказывалъ ему молчать, но онъ не былъ слабохарактернымъ трусомъ, поддѣлывавшимъ въ угоду обстоятельствамъ свои мысли.

Больше того, въ то время, когда Кантъ началъ переработку критики, новый режимъ еще не показалъ себя съ этой стороны, часть измѣненій была, вѣроятно, сдѣлана еще при жизни Фридриха Великаго. Вѣроятно, они были вызваны одной рецензіей, появившейся вскорѣ вслѣдъ за первымъ изданіемъ и указывавшей на сходство кантовскихъ идей съ берклеевскими. Эта рецензія сильно оскорбила Канта. Когда Розенкранцъ указалъ на это, опровергая обвиненія Шопенгауэра, послѣдній вмѣсто того, чтобы взять ихъ назадъ, прибавилъ къ указанному имъ мотиву трусости, другой мотивъ—стремленіе къ оригинальности. Кантъ боялся, чтобы сопоставленіе съ Берклеемъ не уменьшило его славы, какъ оригинальнаго мыслителя. Подозрѣніе вполне неосновательное, особенно въ глазахъ того, кто знаетъ, что Кантъ видѣлъ свою заслугу не въ томъ, что онъ былъ основателемъ феноменализма, а въ томъ, что онъ воспользовался имъ, какъ основой для раціонализма.

Такъ же легко обращался Шопенгауэръ съ честью и добрымъ именемъ всѣхъ людей вообще. Объ этомъ не должны бы были забывать тѣ, кто такъ чувствительно относится ко всякой не вполне благопріятной характеристикѣ учителя. Точно такъ же и тѣ, кто рекомендуетъ

*) Вельнеръ—глава духовной цензуры при фр. Вильгельмѣ II.

намъ Шопенгауэра въ качествѣ воспитателя, не должны обходить молчаніемъ этотъ пунктъ.

Въ послѣднемъ итогѣ мы скажемъ такъ: въ личности Шопенгауэра были стороны достойныя подражанія, но были и далеко не привлекательныя, и поэтому его ученіе можетъ быть опаснымъ для людей, не одаренныхъ крупнымъ умомъ. Если люди, неспособные ни къ какой серьезной дѣятельности, станутъ подражать его тону и манерѣ, если они будутъ съ тѣми же приемами судить объ университетской философіи, о научныхъ стремленіяхъ, о вкусахъ и направленіяхъ нашего времени, то изъ этого получится просто нелѣпая болтовня. Что у крупнаго и сильнаго человѣка обладаетъ извѣстнымъ величіемъ, какъ обратная сторона его добродѣтелей, то самое дѣлаетъ смѣшными его подражателей. Высокомѣрное презрѣніе ко всему пользующемуся уваженіемъ превращается у нихъ въ задиранье своевольныхъ мальчишекъ, вдохновеніе вырождается въ громкія потрясающія фразы. Вышнимъ особенностямъ подражать гораздо легче, чѣмъ крупнымъ природнымъ дарованіямъ; это и дѣлаетъ часто великихъ людей далеко не желательными учителями. Политическая жизнь нѣмецкаго народа въ послѣ бисмарковскую эпоху даетъ много данныхъ для подобнаго наблюденія.

Со стороны Нитцше было тоже не вполне разумно избрать себя учителемъ Шопенгауэра. По крайней мѣрѣ, было бы не бесполезно, если бы рядомъ съ нимъ онъ нашелъ себя какого-нибудь другого руководителя, который помогъ бы ему бороться съ склонностью къ переоцѣнкѣ самого себя и къ презрѣнію другихъ. Строить свою жизнь на презрѣніи окружающаго и считать это презрѣніе своимъ правомъ, это опасный рискъ, и я не знаю никого, кто бы отважился на него безъ вреда для своей души. Нельзя этого сказать и про Нитцше. И для него стало роковымъ избранное имъ себя призваніе, держать зеркало передъ лицомъ своего времени и колоть его «словами, какъ кинжаломъ», говоря словами Гамлета. Понятно, правда требуетъ силы, чтобъ не поклониться господствующимъ идоламъ и противиться господствующимъ теченіямъ, она требуетъ также силы, чтобы выносить уединеніе, которое является слѣдствіемъ возмущенія. То, что истинно, рѣдко согласуется съ тѣмъ, что принято. И еще надо замѣтить, что нѣмецкій народъ едва ли переживалъ эпоху, дававшую больше пищи для презрѣнія и негодованія, чѣмъ тѣ годы, когда Нитцше писалъ свои «Размышленія не ко времени», а Лагардъ свои болѣе глубокія и серьезныя, но одинаковыя по настроенію сочиненія (*Deutsche Schriften*). Никогда рыночный товаръ въ области литературы и въ области искусства не былъ такъ ходокъ и такъ не цѣнился, какъ послѣ побѣдоносныхъ войнъ. И тѣмъ не менѣе, для Нитцше было бы лучше, если бы онъ въ эти годы встрѣтилъ другого руководителя, чѣмъ Шопенгауэра, человѣка, который вмѣсто того, чтобы развивать въ немъ

*

личную гордость и тщеславіе филолога и укрѣплять его въ безусловномъ презрѣніи ко всему, отразившемся въ его «Размышленіяхъ не ко времени», указать бы ему большую положительную цѣль и научилъ бы хладнокровно переносить остальное.

Старый Маттіасъ Клавдій *) въ завѣщаніи своему сыну Іоанну рядомъ съ другими совѣтами, свидѣтельствующими объ истинной мудрости, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Презирать легко, сынъ мой, но понимать гораздо лучше». Эти слова Нитцше должны бы были записать въ свой дневникъ, вмѣсто того, чтобы записывать совѣтъ Шопенгауэра—вооружиться презрѣніемъ противъ людской ненависти. Быть можетъ, нашелся бы среди его юныхъ почитателей хоть одинъ, кому эти слова запали бы въ душу.

Для такого почитателя я выпишу еще слѣдующія слова изъ «Критики способности сужденія» Канта: «Если же кто-нибудь даже въ вещахъ доступныхъ самому тщательному изслѣдованію говорить и рѣшаетъ, какъ гевій, то это просто смѣшно. Не знаешь, надъ кѣмъ больше смѣяться, надъ фокусникомъ, окружающимъ себя такимъ туманомъ, что нельзя ничего различить и тѣмъ болѣе отдать себѣ ясный отчетъ, или надъ публикой, искренно воображающей, что невозможность разобратъ, въ чемъ тутъ суть, зависитъ отъ того, что ей открываютъ новыя истины во всемъ ихъ объемѣ, причѣмъ обращать вниманіе на подробности (вдаваться въ необходимыя объясненія и подвергать положенія научному изслѣдованію) представляется пустымъ, ни къ чему не нужнымъ занятіемъ».

Если бы кто-нибудь усумнился въ томъ, что Шопенгауэръ и Нитцше призваны быть учителями жизни, и пожелалъ найти иного лучшаго учителя, тому я могу указать такого. Конечно, это не вновь открытый и не модный учитель — я думаю о старомъ и вѣчно юномъ пророкѣ изъ Назарета.

Въ одномъ только пунктѣ онъ согласенъ съ Шопенгауэромъ,—также какъ и тотъ онъ учитъ презрѣнію къ міру, къ его благамъ и къ его власти. *Contemptus mundi* **)—основа его проповѣди. Онъ учитъ не придавать цѣны благамъ этого міра. И учитъ онъ не только словами устъ своихъ, но и дѣйствительнымъ примѣромъ собственной жизни. Когда онъ стоялъ на горѣ испытанія и къ нему подошелъ князь міра сего,—все это отдамъ я тебѣ, если падши поклонишься мнѣ,—онъ оттолкнулъ его отъ себя и избралъ бѣдность, униженіе, преслѣдованіе, позоръ, страданіе и смерть.

И въ другомъ еще смыслѣ учитъ онъ презирать міръ. Міръ, это

*) *Mattias Claudius*—нѣмецкій поэтъ XVII вѣка.

**) Презрѣніе къ міру.

слово означаетъ на языкѣ древняго христіанства организацію мірскихъ интересовъ и силъ въ государство и общество. Учениковъ своихъ онъ учитъ не предаваться ему и сохранять свою независимость, какъ внутреннюю, такъ и вѣшнюю. Для этого даетъ онъ имъ тайное средство, содержащееся въ словахъ, — тѣло они могутъ убить, но душу они не могутъ убить. И еще есть третья форма мірской организаціи, противъ которой учитъ онъ охранять самостоятельность личной жизни, — противъ церкви, противъ господства и угнетенія въ сферѣ духовной жизни, противъ первосвященниковъ и книжниковъ. Онъ возстаетъ противъ авторитетовъ и традицій и полагается исключительно на себя и собственную увѣренность: человекъ господинъ надъ субботой и надъ вѣрой. И адѣсь онъ подкрѣпляетъ ученіе жизнью: борьба противъ духовныхъ властей и авторитетовъ составляетъ содержаніе его жизни и причину его смерти. Повидимому, Нитцше плохо изучилъ христіанство, такъ какъ онъ называетъ его стадной религіей и рабской моралью. Ничто еще не призывало человѣчества къ такой полной и гордой свободѣ, какъ Евангеліе.

Кто ищетъ этого, кто считаетъ достойной цѣлью жизни независимость своего я отъ міра и его власти, тотъ найдетъ здѣсь и ученіе, и примѣръ. Иисусъ не принадлежалъ къ мирнымъ людямъ, къ удовлетвореннымъ существамъ, живущимъ въ мирѣ съ міромъ и находящимъ существующій порядокъ превосходнымъ. Напротивъ, Онъ больше чѣмъ кто бы то ни было въ мірѣ возбуждалъ недовольство. Онъ недоволенъ міромъ, конечно, не за то, что тотъ не уготовалъ ему части въ своихъ благахъ и наслажденіяхъ, не удовлетворилъ его тщеславія и стремленія къ власти. Онъ имѣлъ бы полное основаніе жаловаться на недостатокъ признанія, пожалуй, нѣсколько больше основанія, чѣмъ Шопенгауэръ. Но недовольство его зависѣло не отъ этого, а отъ другого, — съ жгучею болью и досадой чувствовалъ Онъ, что жизнь людей, его братьевъ, такъ пуста и безсодержательна, такъ бѣдна и исполнена страданій, что они слуги наслажденій или рабы закона, что въ жизни ихъ такъ мало духа и свободы, правды и справедливости, любви и счастья.

Здѣсь мы подходимъ къ другой сторонѣ ученія Христа, и въ этомъ оно не имѣетъ ничего общаго съ франкфуртскимъ философомъ — къ любви къ Богу и людямъ. У Шопенгауэра презрѣніе къ міру стоитъ одиноко, у Христа оно составляетъ обратную сторону Божественной любви. *Contemptus mundi* и *amor Dei* составляютъ два связанные между собой полюса его существа. Онъ живетъ въ Божественной любви, въ любви къ Богу и въ той любви, которую, Онъ знаетъ, что Богъ его любитъ. И эта Божественная любовь переноситъ его невредимо черезъ всѣ пропасти, черезъ пропасть презрѣнія къ міру и отрицанія всѣхъ авторитетовъ. Онъ не шумитъ и не стучитъ, и мы не слышимъ крика на

улицахъ, онъ тихо идетъ своимъ путемъ, увѣренный въ своемъ призваніи и въ своемъ признаніи, несмотря на все сопротивленіе міра. Въ Божественной любви лежитъ корень и его любви къ людямъ,—они дѣти его Отца. Конечно, павшія дѣти Бога, но во всѣхъ нихъ, тѣмъ не менѣе, живетъ смутное воспоминаніе о домѣ Отца, откуда они происходятъ. И, говоря съ ними о Немъ, Онъ возбуждаетъ въ нихъ стремленіе, возбуждаетъ въ нихъ мужество вернуться туда. Зачѣмъ хотите вы оставаться скудно вознаграждаемыми поденщиками міра, когда вы свободные сыны Божіи, граждане грядущаго царства? Онъ не останавливается на ничтожности и мелочности людей, каковы они теперь, онъ держится за мысль о томъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ и что онъ есть въ существѣ своемъ. И живя этой идеей, Онъ находитъ въ себѣ силу отдать жизнь за грядущее царство Божіе на землѣ.

И такъ оно и будетъ. Учителемъ долженъ быть не Шопенгауэръ, не Нитцше или какой-нибудь иной, созданный блуждающей во тьмѣ вѣрой, идолъ, а Учитель изъ Назарета.

Конецъ.

ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ.

Съ польскаго.

Повѣсть Г. Даниловскаго.

Перев. А. И. Я-ъ.

(Продолженіе *).

IV.

Ударъ грома.

На другой день погода была дѣйствительно скверная, непріятная. По туманному небу то и дѣло пробѣгали разорванныя тучи, осыпая землю мелкимъ дождемъ. Вѣтеръ свистѣлъ въ обнаженныхъ поляхъ, рвалъ снопы, выскивалъ трепещущими отъ голода крыльями умершіе листья въ кленовскомъ паркѣ, сбивалъ плоды съ деревьевъ въ саду и по длинной тѣнистой аллеѣ вылеталъ на огромный прудъ. Тамъ онъ подымалъ изъ глубины мутную воду, разбивая пѣнистыя волны о низкіе берега... Шумѣлъ въ камышахъ, влача за собой пестрыя стаи крикливыхъ чаекъ, и исчезалъ на противоположномъ берегу въ нѣдрахъ гѣса. Черезъ мгновеніе онъ снова вырывался оттуда вдвое сильнѣе и диче, съ унылымъ воемъ проносился онъ по ржавымъ бороздамъ, взмахивая неуверенными крыльями галокъ и воронъ, какъ траурными флагами.

Къ вечеру онъ притихъ и только шрѣдка вздыхалъ, какъ усталый звѣрь. А отъ этихъ вздоховъ осыпались разноцвѣтные лепестки съ розовыхъ кустовъ, окружающихъ кленовскій дворъ, звенѣли жалобно оконныя стекла и взъерошивались перья на головѣ и хвостѣ у четырехъ скворцовъ, сидящихъ передъ крыльцомъ.

Выглянуло солнце, огромное, низкое, покрытое мглою, точно пропитанное вспѣнной кровью.

Приближался часъ разлуки.

Всѣ собрались въ большой дѣтской. Викторъ въ синей дорожной курткѣ возился съ малышами. Аврелия старательно выворачивала ноги у самой новой куклы; Марыня кормила кашкой толстенъкаго, выма-

*) См. «Міръ Вождя», № 2. февраль, 1902 г.

заннаго Стася, послѣдній отпрыскъ Бэля, а Игнатій куриль папиросу за папиросой. Видъ у него былъ озабоченный, онъ чувствовалъ изжогу и былъ въ такомъ мрачномъ настроеніи, что терялъ вѣру въ полезность воды Франца-Иосифа, которую постоянно пилъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ прекрасными результатами.

Это настроеніе было вызвано продолжительной утренней бесѣдой съ Викторомъ.

Началось съ повѣрки расчетовъ по имѣнію, и сразу все пошло великолѣпно, какъ это и любилъ Игнатій, то-есть не спѣша, систематично и до мелочей. Викторъ не отказывался отъ пересмотра плановъ, разсматривалъ описи общія и частныя, слушалъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ видъ, что слушаетъ мельчайшія вычисленія, водилъ терпѣливо немного сонными глазами по длиннымъ рядамъ цифръ, и узнавъ, что ему приходится 30 тысячъ, изъ которыхъ половину онъ можетъ хоть сейчасъ получить въ земельномъ банкѣ, обрадовался въ соотвѣтственной мѣрѣ. Поблагодаривъ брата, онъ потребовалъ чекъ, прося удержать остальной капиталъ и впредь на ипотеку Кленова, какъ состояніе Марыни и Игнася.

Игнатій, наслаждаясь удовольствіемъ добросовѣстно исполненной обязанности, а также солиднымъ поведеніемъ Виктора, выдалъ соотвѣтственный чекъ, и отбросивъ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ счетнымъ актомъ чиновничью сухость, началъ шутливо выпытывать у брата, въ какое дѣло онъ хочетъ помѣстить полученную сумму.

Въ концѣ концовъ, онъ это узналъ.

Послѣ минутнаго ошеломленія, онъ напалъ на Виктора съ неслышанной запальчивостью, и послѣ довольно значительнаго промежутка времени, начался между братьями болѣе ожесточенный споръ, чѣмъ когда-либо прежде, съ тою только разницей, что Игнатій горячился и наступалъ, а Викторъ защищался съ видимымъ спокойствіемъ, но не уступалъ ни на шагъ. Наоборотъ, онъ, вѣрнѣе, проявлялъ стремленіе идти дальше.

Онъ жаловался на постыдную слабость, которой поддается изъ снисхожденія къ Марыни и Игнасю, и оправдывался любовью къ нимъ.

Къ тому же, когда онъ касался этого предмета, въ его словахъ было столько боли, что гнѣвъ и негодованіе Игнатія быстро уступили мѣсто чувству благородной печали.

Когда же Викторъ въ довершеніе всего первый извинился передъ нимъ за нѣсколько колкихъ выраженій, произнесенныхъ въ спорѣ, Игнатій растрогался до слезъ.

Наступила сердечная минута, а съ ней и взаимная откровенность. И это-то признаніе брата удручило Игнатія окончательно, въ особенности, когда Викторъ отвергъ его проектъ немедленнаго докторизированія за границей, какъ преждевременный и вообще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ невозможный планъ.

Напрасно позднѣ Викторъ старался умалить значеніе своихъ словъ. Игнатія трудно было утѣшить; онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ физически и нравственно, и заглушалъ глодавшаго его червя никотиномъ, поглядывая неоднократно на Виктора изъ-за облаковъ табачнаго дыма. Минутами что-то вродѣ надежды мелькало у него въ сердцѣ, при взглядѣ на брата, возившагося съ дѣтьми, и такъ искренно отдавашагося игрѣ, точно онъ самъ былъ самымъ наивнымъ изъ всего ихъ сборища.

Но эти проблески быстро потухали; ложная веселость брата начинала его даже раздражать, а чашу его долготерпѣнія переполняли рѣзкіе высокіе звуки голоса жены, пробирающей въ сосѣднихъ комнатахъ кого-то изъ прислуги не въ особенно изысканныхъ выраженіяхъ.

— Наказаніе Божіе съ этой дубиной,—произнесла, наконецъ, вблизи за дверями Беля и снова вскрикнула, входя:—ну, и надымили здѣсь, папаша снова занимается куреньемъ въ дѣтской! Казюкъ, отвори форточку!—позвала она грозно и, обращаясь къ Виктору, продолжала свои наставленія съ остатками гнѣва въ голосѣ:—помни, у тебя два слоеныхъ пирога въ чемоданѣ, не позволяй его кидать слугамъ. Верхъ и оставшіяся мѣста я напихала фруктами... Вынь, а то еще сгниютъ и испортятъ все бѣлье... Въ корзиночкѣ есть наливка, два дышленка, фруктовая пастила, горшечекъ масла, въ салфеткѣ рюмка; булки купишь на станціи, свѣжѣ будутъ...

— Побойся Бога, голубка,—засмѣялся Викторъ,—или ты окончательно рѣшила сдѣлать изъ меня каплуна?

— Игнатій, говорятъ тебѣ не кури!—рѣзко прервала Беля.—А ты упрямый козелъ, если ѣдешь, такъ поѣзжай, потому что уже шесть часовъ, еще опоздаешь!..

— Ого!—воскликнулъ Викторъ, взглянувъ на часы.—Дѣйствительно, правда! Ну, карапузы,—прибавилъ онъ, снимая съ колѣнъ Мечислава и Зыгмуса,—вы ужъ наѣздились, теперь и мой чередъ.

И онъ началъ цѣловать дѣтокъ, беря ихъ по очереди на руки. Послѣднимъ поцѣловалъ Игнася, опустилъ его на полъ и долго молча смотрѣлъ на него.

— Сморчокъ еще,—прошепталъ онъ, и громче добавилъ:—ну, до свиданья, дай отцу ручку.

Мылышъ, съ широко разставленными босыми ножками и выступающимъ животикомъ, вытаращилъ свои темные глаза на отца; на лбу у него появилась характерная складочка, указывающая у дѣтей на работу мысли.

— Досиданя!—проговорилъ онъ и вытянулъ свою круглую, какъ валикъ, ручонку; затѣмъ, потерявъ равновѣсіе, усѣлся на полъ, оглядѣлся вокругъ и заявилъ о своемъ паденіи громкимъ: ба..а..бусы!

— Мы, дядя, съ вами поѣдемъ,—гѣзли къ нему въ то же время старшіе племянники.

— Конечно, садитесь на коней и догоняйте,—успокаивалъ ихъ Викторъ, указывая на стулья.

Малыши бросились къ стульямъ, а взрослые вышли на крыльцо.

Запаковывали и завязывали вещи, а Игнатій вдругъ началъ уговаривать Виктора остаться хоть до завтра.

— Все равно опоздаешь; смотри,—говорилъ онъ,—снова вѣтеръ и тучки за гѣсомъ. Вымокнешь, какъ курица, а можетъ быть еще и перекувыркнешься гдѣ-нибудь въ этихъ Мышенецкихъ трупобахъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Викторъ,—ѣхать, такъ ѣхать! Ну, подставляя физиономію!

— Ну, такъ съ Богомъ, съ Богомъ!—бормоталъ, обвиняя брата Игнатій.—Возвращайся скорѣе и счастливо, помни же возвращайся...—повторялъ онъ одни и тѣ же слова, и когда Викторъ вырвался у него изъ объятій, вдругъ крикнулъ дискантомъ:

— Ѳедоръ, дубина, что это ты бубенчики навѣсилъ,—и бросился къ лошадямъ такъ стремительно, что у него даже свалились очки.

— Веселѣе ѣхать, баринъ!..—отвѣтилъ кучеръ.

— Ну, все равно...—буркнулъ ничего не видящій Игнатій, тщетно пытаясь схватить дрожащими руками болтавшійся шнурокъ.

Баля, цѣлуя Виктора въ лобъ и въ губы, повторяла, всхлипывая:

— Помни же... варенье!

— Хорошо,—глухо произнесъ Викторъ и приблизился къ женѣ.

Марыня, въ темномъ обтянутомъ платьѣ, стояла все время выпрямившись, отчего казалась выше и тоньше.

Что-то тяжелое и неестественное было въ ея напряженной фигурѣ, въ застывшихъ чертахъ лица, которому придавали почти болѣзненное выраженіе опущенные внизъ углы рта.

Сѣрые, вѣчно погруженные во влажную мглу, глаза ея были теперь сухи и блестящи. Когда мужъ приблизился къ ней, мелкая, холодная, пронизывающая дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Безсильно покачнувшись она впередъ и помертвѣлымъ сердцемъ прильнула къ груди Виктора.

Его нѣжные, теплые поцѣлуи, ощущаемые ею на рукахъ и губахъ, наполняли ее безмѣрностью страстной скорби.

— Ну... до свиданья... Марыня... повторялъ Викторъ прерывающимся шопотомъ.

И эти слова, какъ тяжелыя груды земли, падали въ глубь ея души, на самое дно, гдѣ отдавались тяжкимъ гуломъ глухого грохота.

Тихо, безъ слезъ, безъ словъ она закинула ему руки на шею, и длинныя точеные пальцы сплелись въ желѣзномъ объятіи.

— Ну... Марыня... Игнась ждетъ,—говорилъ Викторъ, нѣжно разнимая ея руки и еще разъ цѣлуя ихъ.

— До свиданья... Игнась!—произнесъ онъ съ усиленіемъ.

Онъ вскочилъ на сидѣнье.

— Трогай!

Лошади двинулись съ мѣста хорошою рысью, позванивая бубенчиками; вскарабкались на мостикъ; правая пристяжная испугалась и получила ударъ кнутомъ.

— О, но, махонькія!—затянулъ за воротами Оедька. Загремѣли быстрѣе колеса, зазвенѣли и расплакались слышнѣе колокольчики; промелькнули нѣсколько разъ двѣ сѣрыя фуражки, показались еще разъ на пригоркѣ, спустились и исчезли.

— Ну, пойдѣмъ,—поспѣвая за мужемъ, позвала съ лѣстницы Бѣля.

Но Марыня осталась, и напрягая всѣ свои силы, слѣдила за удалявшимся звономъ колокольчиковъ; она слышала ихъ такъ ясно, точно въ нихъ билось ея испуганное и обливавшееся кровью сердце.

Эти едва слышные металлическіе звуки, усиливались въ ней во сто кратъ и протяжно отдавались въ ея груди, какъ скорбные звуки органа. Наконецъ, необычайнорѣзкимъ звукомъ они пронизали ее насквозь.

Какъ птица, раненная тяжелою дробью, сорвалась она съ крыльца, обѣжала домъ и вбѣжала на насыпь погребѣ, чтобы хоть разъ еще что-нибудь увидѣть.

Пусто было вокругъ, куда ни взгляни. За облитыми краснымъ свѣтомъ полями, въ густомъ лиловомъ туманѣ багровѣли полосы зарева заката, а щитъ солнца, тонущаго въ вишневомъ облакѣ, казался пламеннымъ бугромъ.

Справа изъ-за колеблющагося въ туманѣ за прудомъ густого лѣса, выдвигалось, быстро разрастаясь къ пурпурнымъ лучамъ, чудовищное синее очертаніе тучи, бурой по краямъ, свинцовой въ глубинѣ.

Въ минуты зловѣщаго затишья слышался ропотъ клубящейся внутри ея темноты, которая помрачала все вокругъ... Казалось, воздухъ сгибался и трещалъ подъ ея быстро стелющейся по землѣ тяжестью.

Въ легкомъ тревожномъ шопотѣ листьевъ, въ быстромъ дрожаніи волнъ Синеводы выражалось необычайное безпокойство, съ неслышанною силой сообщавшееся Марынѣ.

Съ проникающимъ до мозга костей холодомъ, она застыла на насыпи, какъ статуя изъ чернаго мрамора на осунувшемся курганѣ одинокой могилы.

Она не рѣшалась двинуться, только волосы, зачесанные на виски, корыисто развѣвались при дуновеніяхъ вѣтра, какъ два крыла птицы, рвущейся къ полету.

Уже лѣсъ понемногу тонулъ въ стальномъ зеленоватомъ туманѣ, сливаясь съ поверхностью пруда въ огромное, безцвѣтное, грозное море.

Надъ этимъ моремъ свѣшивалась чудовищная изодранная бахрама, точно зазубренная, испещренная доска потускнѣвшей мѣди.

Вихрь усиливался, а туча изъ синевато-бурой становилась темнобагровой, клубилась все сильнѣе, обнажая мѣстами бездонныя пропасти, откуда валилъ бѣлый дымъ.

Черезъ минуту по ней засверкали робкіе огоньки, столь же быстрые, сколько слабые, а глухой ропотъ замѣнился громовыми ударами и раскатами.

Могучая стихія, казалось, еще сдерживала нечеловѣческими усилиями обезумѣвшія подчиненныя ей силы и содрогалась грозно и величественно.

Вскорѣ, однако, бѣшенство и разнузданность превазогли.

Въ тучѣ что-то заклокотало, заворочалось, и темная ея оболочка съ грохотомъ разорвалась въ зигзаги красно-синихъ жилъ, развѣтвившихся въ ту же минуту и съ трескомъ осыпавшихъ землю. Печальные контуры ея то и дѣло обнажались мелькающими огнями.

Озвѣрѣвшій вихрь съ дикимъ воемъ бросался на деревья, которыя отчаянно защищались, съ болью изгибая свои вѣтви, и метались во всѣ стороны. Весь паркъ былъ въ борьбѣ и жалобно скригѣлъ.

У Марыни духъ захватывало; ее обдавало сыримъ туманомъ, холодныя капли били по лицу, вдругъ ее ослѣпилъ внезапный свѣтъ, и въ ту же минуту оглушающій грохотъ потрясъ все ея существо.

Съ сдавленнымъ крикомъ бросилась она съ насыпи, и, гонимая паническимъ страхомъ, истлестанная дождевыми струями, истерзанная вихремъ, вбѣжала на крыльцо.

Обезумѣвшими руками отворила она тяжелыя двери и, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ трудомъ взобралась наверхъ.

И когда, наконецъ, ей удалось опомниться, она съ раздрающимъ душу стономъ опустилась на кровать, въ припадкѣ судорожныхъ рыданій.

Поднялась она, когда уже едва замѣтныя, мелкія струйки дождя стекали по окнамъ и въ отдаленномъ мракѣ безшумно сверкали молніи. При видѣ этихъ змѣекъ безъ грома содрогалось ея сердце и душа рвалась на части.

Съ минуты отъѣзда Виктора ее, именно, поражали на смерть далекіе удары грома.

Какъ казалось—такъ и случилось, ибо съ этой послѣдней грозы и со времени перваго извѣстія о Викторѣ въ Кленовѣ поселилась продолжительная печаль и безпокойство.

Проходили мѣсяцы, а Федоръ почти не слѣзалъ съ козелъ. У лошадей подтянулись животы, а одна, самая молодая, ослабла на ноги и зачахла. Замѣнили ее новой, и снова уже не такая подобранная четверка отвозила кого-нибудь изъ домашнихъ или привозила кого-нибудь со станціи. Дорога, къ тому же, пять дьявольскихъ миль, сдѣлалась невозможной, то вязкая, то кочковатая, какими обыкновенно становятся дороги въ позднюю осень. А потому поѣздки мучили и лошадей, и людей.

У потускнѣвшихъ стеколъ многочисленныхъ оконъ кленовскаго дома

неоднократно часами простаивали старшіе, ожидая возвращенія уѣхавшаго, чаще всего Марыни, а дѣти—солнца.

Однако, погода не проявлялась, послѣ сѣрыхъ, сизыхъ дней, блѣдно-желтыхъ, какъ призракъ свѣта, дней безъ утра, полудня и милаго вечера, безконечныхъ и монотонныхъ, наступали темныя ночи, пасмурныя, безъ звѣздъ.

И послѣ каждой изъ нихъ, земля въ паркѣ становилась все болѣе размякшей, обильнѣе покрывалась блѣднымъ золотомъ и грязноватымъ, поблекшимъ пурпуромъ, рѣдѣли листья на деревьяхъ и сами деревья.

Природа хмурилась. Только изрѣдка, какъ златокрылая птица, проглядывалъ солнечный лучъ и освѣщалъ все на короткое время; проносилось какое-то теплое дуновеніе, точно послѣдній вздохъ угасающей вселенной, и застывало во мглѣ.

И снова стеклянныя очи меланхоліи усталились въ землю съ высоты. Торчали, вытянувшись къ небу, силуэты деревьевъ, изгибая, точно въ предсмертныхъ судорогахъ, свои почернѣвшіе сучья. Гниль могилъ таилась въ курганахъ истлѣвшихъ листьевъ.

Безграничной тоскою вѣяло отъ побурѣвшихъ полей и мертвой поверхности Сиводы, по которой сновали лиловые туманы, точно блуждающія сновидѣнія.

Все усталое склонялось къ вѣчному покою.

Одна Марыня, неунывающая, неутомимая, съ непоколебимостью гранита, съ настойчивостью маниака, ѣздила безпрестанно туда и обратно, то къ Игнасю, болѣвшему тяжелой скарлатиной, то снова ближе къ мужу.

Игнатій съ женой не разъ выражали удивленіе передъ этимъ запасомъ энергіи, находчивости и силы, проявившимся внезапно въ такомъ кроткомъ существѣ, какимъ они считали Марыню.

— Это какая-то органическая аномалія, какъ порокъ сердца!— присовокуплялъ Постанскій, согласившійся глѣчить Игнася и, ко всеобщему удивленію, поселившійся для этой цѣли въ Кленовѣ.

Его присутствіе нимало не способствовало проясненію домашней атмосферы. Старый ворчунъ или молчалъ, какъ нѣмой, или откликался, какъ выражалась Баля, ни къ селу, ни къ городу и всегда почти раздражительно. Къ тому же онъ скучалъ и толочся изъ угла въ уголъ, какъ бѣсъ передъ заутреней.

Въ болѣе ясныя дни онъ мастерилъ что-нибудь въ паркѣ, огребалъ листья, или часами разглядывалъ ель, разбитую молніей.

Въ дурную погоду прислушивался къ урокамъ Зыгмуса, и какъ-то разъ попалъ на Бэлю за то, что та учитъ его разнымъ сказкамъ.

— Набаваете ему, сударыня, глупостями голову, — говорилъ онъ въ гнѣвъ, — тары да бары!..

— Не тары-бары, а басни, — разсердилась Баля, — которыя имѣютъ нравственный смыслъ, и суть чистая правда, красиво выраженная.

— Ну, хорошо! Такъ скажи мнѣ, если ужъ ты такая смѣлая, какіе на мнѣ сапоги?

— Прежде всего, грязные!—отрѣзала Бэля.

— А короткіе или длинныя?—настаивалъ Постанскій.

— Ну, короткіе!—отвѣтила Бэля, смущенная вопросомъ.

— А вотъ видишь, сударыня, длинныя,—торжественно выпалилъ Постанскій, задирая брюки до колѣнъ.

— Такъ что-жъ изъ этого? —спросила Бэля, шокированная неприужденностью старика.

— А то, что можно такъ задрапировать голенище, что сапогъ будетъ похожъ на башмакъ, а ложь на правду. Съ этого льва сдерутъ шкуру, мышъ сѣтей не перегрызетъ, такъ какъ зубы черезчуръ малы, да и котъ ее удупитъ. А твой, сударыня, Яховичъ былъ набитый дуракъ,—закончилъ докторъ и вышелъ, хлопнувъ дверьми.

V.

Отчаяніе.

Сырой, весенній вѣтеръ, хотя и кажущійся ласкающимъ, а все-таки пронизывающій, продулъ Постанскаго насквозь. Очутившись въ теплой комнатѣ, онъ довольно долго растиралъ окостенѣвшія руки, затѣмъ, достаточно обогрѣвшись, приблизился къ Игнасю, который вмѣстѣ съ краснощекой Аврелей распускалъ мыло въ глиняной мисочкѣ.

— Ну что жъ, сморчокъ, есть письмо отъ отца?—спросилъ Постанскій, схвативъ слегка любимца за темный торчащій хохолокъ.

— А, есть...—поспѣшно отвѣтилъ мальчикъ, выскользнулъ изъ руки доктора и, окунувъ расщепленную соломку въ мыльную воду, надулъ щечки.

Этотъ небрежный отвѣтъ, чистосердечное равнодушіе ребенка къ такимъ трогательнымъ умъ и сердце вопросамъ задѣли Постанскаго, точно ему наступили на больной мозоль; онъ нетерпѣливо огрызнулся, но сейчасъ же спохватился.

— Конечно! Молокосось, для него отецъ это звукъ пустой...

И думая такъ, онъ ушелъ въ глубь комнатъ, настроенный раздражительно ко всѣмъ, не исключая дѣтей.

И онъ ошибался.

Игнась въ теченіе двухъ лѣтъ, то-есть со дня отъѣзда Виктора, на самомъ дѣлѣ одинъ разъ всего, и то больше мѣсяца тому назадъ, видѣлъ отца.

Однако, это свиданіе произошло при необыкновенныхъ обстоятельствахъ.

Прежде всего, Игнась съ матерью совершилъ огромное, въ особенности для пятилѣтняго малыша, путешествіе, полное странностей.

Было это такъ.

Маленькая комнатка изъ желтыхъ поларованныхъ дощечекъ съ двумя обитыми диванчиками и сѣтчатой полочкой, вдругъ затряслась и жѣрно загудѣла. Черезъ маленькое окошечко безъ поперечныхъ рамокъ видѣется рядъ зеленыхъ, желтыхъ и синихъ большихъ корбокъ съ маленькими стеклами, огромный, точно локомотивъ съ широкой трубой, обвитой паромъ и дымомъ, потомъ цвѣтные фонарики, челоуѣкъ съ зеленымъ флажкомъ, столбы съ бѣлыми чашечками наверху, безконечное множество различныхъ предметовъ, большей частью неизвѣстныхъ — и все это такъ быстро убѣгаетъ назадъ, вертится и пропадаетъ.

Столбы все время сопровождаютъ окна и соединены множествомъ проволокъ.

Мама говоритъ, что это телеграфъ.

Комната по временамъ перестаетъ колебаться и тутъ-то начинается шумъ: звонять, какъ на обѣдѣ въ Кленовѣ, только нѣсколько разъ и раздается пронзительный свистокъ, время отъ времени страшный визгъ, точно тремъ свиньямъ сразу Ральфъ пообрывалъ крючковые хвостики, и звонъ желѣза, точно въ кузницѣ; какіе-то люди съ вещами влѣзаютъ и вылѣзаютъ изъ комнатки, которая становится значительно холоднѣе.

Раздается унылый протяжный вой, чувствуется сильный толчокъ, и диванчикъ трясется дальше, постукивая.

Темнѣетъ. Поперекъ окна пролетаютъ огненные палочки, какъ толстая тлѣющая спичка, ихъ все больше и онѣ все длиннѣе, наконецъ онѣ превращаются въ ряды раскаленныхъ проволокъ.

Это, навѣрное, на ночь зажгли этотъ телеграфъ.

Проволоки горятъ непрерывно, а комнатка колышется такъ хорошо, какъ качели, все медленнѣе... тише...

Его будить мамочка. День. Они сидятъ въ маленькой кареткѣ; ѣдутъ медленно, а шумъ такой, какъ у плотины на мельницѣ. Экипажей штукъ сто десять, запряжены въ одну лошадь, самое большее въ двѣ, а людей—страхъ сколько!

Мужиковъ не видно, хать тоже, ни травы, ни деревьевъ, только камни.

Ѣдутъ они по каменной дорогѣ, идутъ стада мужчинъ и женщинъ по каменному полу въ длинномъ корридорѣ подъ каменными стѣнами.

Что-то кружатся передъ Игнасемъ, какъ сонъ, который онъ никакъ не можетъ припомнить.

Вотъ они влѣзаютъ въ сводчатое отверстіе въ каменной стѣнѣ, точно въ огромный гротъ, и черезъ минуту уже находятся въ обыкновенной, небольшой комнатѣ.

Мама прикасается пальцемъ къ бѣленькой косточкѣ, торчащей изъ деревяннаго кружка, повѣшеннаго на зеленый шнурокъ. Входитъ одѣ-

тый въ черное господинъ безъ усовъ и бороды, какъ ксендзъ. Мама просить его принести обѣдъ и говорить Игнасю, что послѣ обѣда они поѣдутъ къ папѣ.

Игнась знаетъ, что у него необыкновенный папа, но послѣ всего видѣннаго, отецъ представляется ему чѣмъ-то изъ ряда вонъ выходящимъ. Его страшно интересуеть, какъ мама разыщетъ папу среди такого множества людей.

Но мама, какъ видно, все съумѣетъ, потому что послѣ долгой ѣзды въ экипажѣ, видѣются деревья, покрытыя инеемъ, сѣбжныя кучки дерна, поля,—совсѣмъ деревня, и снова каменные зданія, громадныя какъ погреба.

Входятъ по лѣстницѣ, и въ какой-то мрачной комнаткѣ мама бросается на шею незнакомому мужчинѣ.

Это и долженъ быть папа.

Совсѣмъ онъ не такой странный и огромный, какими себѣ его представлялъ Игнась; правда, онъ выше дяди, но ниже пана Постаекаго, зато очень худой, съ лицомъ, похожимъ на тотъ портретъ, который у мамы, только глаза еще болѣе глубокіе, точно два дупла, и блескъ гнилушекъ преобладаетъ въ ихъ темной глубинѣ.

Мужчина этотъ подхватываетъ Игнася и подымаетъ на уровень со своей головой...

— Поцѣлуй папу!—подсказываетъ, всклипывая, мама.

Игнась цѣлуетъ, а папа отвѣчаетъ ему поцѣлуями, такими сильными, что духъ замираетъ въ груди ребенка.

Игнась чувствуетъ на лицѣ не свои слезы, а потомъ и свои. Грустно ему, странно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно.

Папа ставитъ его на полъ и начинаетъ обнимать и успокаивать мамочку, которая такъ заливается слезами, точно ее только что порядочно выпороли.

Игнасю ужасно жаль мамочку; онъ и самъ всклипываетъ, и сквозь слезы присматривается къ блестящему одѣянію лысаго господина, который одной бѣлой рукой съ кольцами на двухъ пальцахъ щиплетъ усыки, а другою играетъ золотыми часами.

Потомъ та же дорога обратно, уже менѣе интересная.

Игнась утомленъ и ему кажется, что сто миль отдѣляютъ его отъ момента отъѣзда изъ Кленова.

И вотъ онъ какъ-то пробуждается: что это?

Кленовскія санки, лошади, въѣздная аллея; сбоку и надъ нимъ темно, а передъ нимъ движущійся огненный кружочекъ.

Это Андришка, конюхъ, какъ объясняетъ мама, свѣтитъ смолянымъ факеломъ.

Минутами огонь слабѣетъ и стелется свѣтлымъ кругомъ на бѣломъ фонѣ снѣга; каплетъ пламя, то снова вспыхиваетъ вверху, и красноватые столбы мелькаютъ въ вѣтвяхъ посеребренныхъ тополей.

Медленно переходить огненный столбъ отъ дерева къ дереву, колокольчики заливаются, а мама вдругъ спрашиваетъ:

— Помнишь папу?

— Помню,—шепчетъ очарованный Игнась.

— И будешь помнить?

— Буду!

И въ самомъ дѣлѣ помнить, только по своему.

Правда, черты лица отца смѣшались уже почти съ чертами лица портрета, но слово «папа» не переставало вызывать въ немъ необыкновенныя впечатлѣнія.

При звукѣ этого слова въ ушахъ Игнася начинаютъ обыкновенно раздаваться отдаленныя хоры колокольчиковъ или угрюмыя свистки; въ глазахъ мелькаютъ огненные линіи, или возстаютъ красныя зарева, пылающія въ серебряныхъ бокалахъ тихимъ [высокимъ пламенемъ; а въ сердцѣ блуждало смутное волненіе какой-то охватывающей тоски.

А въ данномъ случаѣ небрежный отвѣтъ мальчика объяснился чрезвычайно важнымъ занятіемъ—производствомъ чудеса на яву.

Потому что какъ разъ теперь на концѣ обыкновенной соломенки отъ выдуванія долженъ былъ появиться ни съ того ни съ сего шарикъ, сначала маленькій и мутный, потомъ все большій и большій, полный блеска и радужныхъ цвѣтовъ, отражающій въ себѣ съ очаровательной ясностью всѣ предметы, красивый и быстро исчезающій, а докторъ хотѣлъ отвлечь чарующую минуту появленія чуда.

И въ то время, какъ восхищенныя дѣти занимались сотвореніемъ хрупкихъ новыхъ міровъ, Постапскій стоялъ въ нерѣшительности передъ дверьми въ гостинную: войти или вернуться домой?

До него доходили черезъ запертыя двери звуки разсерженнаго голоса Бэли: смысла словъ онъ не могъ разобрать, но догадывался, что происходитъ какая-то супружеская распря, въ которой роля Игнатія изображаетъ молчаливую покорность, а жена—рогъ изобилія выразительныхъ словечекъ.

Доктора раздражали подобныя сцены и онъ уже думалъ ретироваться, какъ вдругъ Бэля остановилась переводя духъ, и до ушей его довелись внятыя слова Марыни: «Нѣтъ, [я поѣду!» произнесенныя хватающимъ за живое голосомъ, тономъ рѣшительнымъ, какъ внезапный ударъ отчеканивающаго штампа.

Это впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда онъ вошелъ и видѣлъ рѣшительное выраженіе лица Марыни, съ профилемъ, точно заостреннымъ, мелкимъ, и въ то-же время поражающимъ взоръ прелестью тонкой рѣзбы.

Неожиданное появленіе Постапскаго остановило на полусловѣ новый потокъ краснорѣчія изъ устъ Бэли, пылающей внутреннимъ жаромъ, съ трепещущими раздутыми ноздрями.

При видѣ доктора безпомощныя, вялыя черты лица Игнатія вне-

запно оживились, а Марыня съ мрачнымъ лицомъ и потускнѣвшими глазами бросилась къ Постанскому, точно ища убѣжища, всунула ему въ руку скомканный листъ бумаги и, видимо исчерпавъ всѣ свои силы, опустилась на ближайшій стулъ.

Это было письмо отъ Виктора.

Докторъ развернулъ бумагу, и держа ее на разстояніи вытянутой руки, разбиралъ вполголоса, дешифрируя огромные выкрутасы, начертанные дрожащею рукой:

«Марыся, Игнась и всѣ мои дорогие,—я еще въ Европѣ.

«За это я очень благодаренъ моему ревматизму, произведшему перерывъ въ моемъ странствованіи. Меня крайне радуетъ, что ты относительно скоро получишь это письмо, а я твой отвѣтъ...

«Пишу лежа, опухшими пальцами, а потому и не особенно разборчиво. Лѣчитъ меня quasi-соплеменникъ, такъ что-то вродѣ неопредѣленного возраста копченой селедки, главный врачъ госпиталя.

«Помнить еще что-то и привѣтствуетъ меня утромъ на родномъ языкѣ:

«— День добрый, панъ, ну, какъ тамъ, сильно больно или мало?

«А я ему на это:

«— Напишите, докторъ, рецептъ такой длинный, какъ отсюда до моего дома, и увидите, какъ я, исполняя его, вскочу съ постели, хоть ноги-то у меня, какъ бревна.

«А Петръ Петровичъ отвѣчаетъ сурово и серьезно:

«— Нѣтъ, этого нельзя.

«И такъ мы каждый день болтаемъ на одну и ту же тему. Понравился ему мой «*reumatismus acutus*», или, какъ его тамъ, а изъ-за него и моя персона...

«У васъ тамъ весна на дворѣ, а тутъ снѣгъ по поясъ...»

— Вотъ именно,—подхватила Бэля,—это я и говорю, подождать до лѣта, въ концѣ концовъ, хоть до слѣдующаго письма... Что тамъ снѣжить! А зимой, не близкій свѣтъ дорога-то!

— Только недѣля по желѣзной дорогѣ!—начала Марыня.

— Недѣля только по желѣзной дорогѣ!—передразнила Бэля.—Нечего сказать, пустяки—недѣлю болтаться по желѣзной дорогѣ! Вѣдь это можно получить заворотъ кишокъ, а воспаленіе легкихъ или мозга, какъ пить дать!.. Скажите-ка, докторъ, сами?

Постанскій молчалъ съ нахмуреннымъ лицомъ и закрытыми глазами; глубже, чѣмъ когда-либо, наморщенный лобъ, казалось, что-то припоминалъ.

— Петровичъ, Петровичъ,—пробормоталъ онъ нѣсколько разъ, и обращаясь къ Марынѣ, произнесъ:—я знаю эту копчуху! Онъ даже не злой человѣкъ, а такъ себѣ, просто всеядное животное... Тамъ еще есть нѣсколько фанфароновъ, начинающихъ свою кулебяку либеральнымъ фаршемъ... Напивались мы съ ними еще не такъ давно, когда

я тамъ пребывалъ, какъ послѣдніе пьяницы... Если ужъ туда ѣхать, такъ я дамъ нѣсколько писемъ; можетъ быть, и пригодятся, вѣдь они любятъ порисоваться своимъ фырканьемъ передъ посторонними, а въ особенности передъ дамой.

— Благодарю васъ,—прошептала Марыня, неожиданно прижалась къ старику и поцѣловала его въ плечо.

Постанскій быстро и украдкой погладилъ ее рукой по волосамъ.

— Ну, ну, ну!—бормоталъ онъ, отодвигаясь, быстро повернулся и бросилъ, уходя:

— Я тамъ у тебя въ кабинетѣ, Игнатій, нацарапаю эти посланія!..

Въ Изабалѣ что-то закипѣло. У нея не разъ происходили мелкія столкновенія съ докторомъ, но въ данномъ случаѣ Постанскій не только рѣшилъ вопросъ наперекоръ ея мнѣнію, но даже сдѣлалъ это пренебрежительно, абсолютно игнорируя ея личность, избѣгая разговора съ нею, точно она и не существовала.

Это задѣло ее за живое.

Подъ вліяніемъ слѣпого импульса взволнованной крови, передъ ней замелькало желчае, обостренное чувство, злое и мстительное, выражавшее настоятельную, стихійную потребность вцѣпиться во что-нибудь живое, чтобы притупить раздражавшее остріе въ судорогахъ чужого страданія.

Постанскій ушелъ, но оставалась еще причастная къ этому Марыня.

Хищнически устремивъ свои круглые, потемнѣвшіе отъ злости глаза на ея фигуру, Бэля произнесла довольно медленно, тихимъ и выразительнымъ голосомъ:

— Если бы ты задержала Виктора, какъ мы говорили, даже просили, не пришлось бы теперь любезничать съ этимъ грубіяномъ и развратникомъ, который вмѣстѣ съ тобой вкрался въ нашъ домъ и принесъ несчастье.

Марыня не поняла даже цѣликомъ этого оскорбленія, но почувствовала пронизывающую боль; передъ ней возникали мрачныя воспоминанія о той ужасной минутѣ наканунѣ разлуки. Тѣ же нечеловѣческія усилія самоотреченія для него воскресали изъ прошлаго и наваливались на нее, какъ ниспадающая съ горы лавина. Она поблѣднѣла, и моргая глазами отъ ужаса, съ печальнымъ лицомъ обиженнаго несправедливо ребенка, ожидала оскорбленія.

Изабала въ безумной ярости хотѣла еще что-то прибавить, какъ вдругъ передъ нею очутился мужъ.

Она смѣрила его вызывающимъ взглядомъ своихъ синихъ глазъ, но встрѣтила совершенно неожиданный отпоръ.

Въ сѣрыхъ мутныхъ глазахъ Игнатія упорно свѣтился стальной блескъ непреклонной энергіи. Въ сосредоточенныхъ чертахъ лица было что-то грозное.

*

Опущенныя брови сомкнулись въ одну прямую линію, и лицо Игнація сильно припоминало наружность младшаго брата.

— Ни слова, Бэя,—сурово произнесъ онъ,—ни слова больше... Иди и приготовь все на дорогу такъ, какъ тебѣ подскажетъ успокоенное сердце, а я займусь лошадьми...

Онъ постоялъ еще минутой, точно ожидая чего-то.

Изабелла опустила глаза; тогда онъ вышелъ.

Послѣ короткаго молчанія, наединѣ, Бэя взглянула украдкой на Марыню, которая старалась вызвать улыбку на своемъ грустномъ лицѣ, но эти старанія искривили ея тонкія губы въ горькую и болѣзненную гримасу, а измученные глаза, казалось, изнемогали подъ напоромъ наводняющихъ слезъ.

При видѣ этого, въ душѣ Изабаллы произошелъ внезапный переворотъ въ лучшую сторону. Она обняла невѣстку и съ плачемъ начала говорить скоро:

— Марыня, пусть громы небесныя на меня обрушатся, если я дѣйствительно хотѣла тебя обидѣть! Только этотъ старикашка имѣетъ какую-то особенную способность доводить меня до бѣшенства. Я злая, вспыльчивая, только и онъ несносный, а ты скрытная. Ну, скажи сама. Можетъ быть, я и виновата, только и вы тоже... Я предпочла бы теперь броситься съ пятаго этажа на мостовую, хотя мнѣ это и внушаетъ отвращеніе, лишь бы это все измѣнилось... Поѣзжай, хоть сейчасъ, если хочешь, хоть по правдѣ это не имѣетъ ни на грошъ смысла. Только не сердись!..

— Я не сержусь, Бэя, я только такъ...—прошептала Марыня.

И какъ хрустальныя бусинки, ниспадали одна за другой слезы по ея пылающимъ щекамъ, освобождаясь послѣ долгаго блужданія по орбитамъ раздраженныхъ страданіемъ глазъ.

На другой день утромъ, надлежащимъ образомъ снабженная всевозможными припасами, теплою одеждою и деньгами, сердечно расцѣлованная всѣми, а нѣжнѣе всѣхъ Бэей, Марыня тронулась въ путь.

Пересиливъ растроганность, вызванную прощаніемъ, она начала восстанавливать въ памяти содержимое своего сундучка и, къ своему удовольствію, убѣдилась, что, кромѣ нѣсколькихъ бесполезныхъ мелочей, не забыла ничего.

Ощупывая висящую черезъ плечо сумочку и чувствуя на груди спрятанный за корсажемъ полотняный мѣшечекъ съ значительною суммою денегъ, Марыня встревожилась при мысли, что ее могутъ обокрасть; затѣмъ ее охватило сомнѣніе, что она не поспѣетъ къ соотвѣтствующему поѣзду. Ей казалось, что она выѣхала слишкомъ поздно; безпокоилась, что лошади бѣгутъ слишкомъ лѣнливо, и что этотъ весенній дождикъ, представлявшійся изъ глубины экипажа подвижной сѣткой, дрожащей передъ поднятымъ верхомъ, старается сдерживать движеніе экипажа.

Вскорѣ, однако, экипажъ, дѣйствительно, неожиданно остановился, и Марыня увидѣла на фартукѣ большую руку; она узнала ее и впервые замѣтила, что эта, по словамъ Бели «медвѣжья лапа», очень красива.

Это была большая, мускулистая рука, необыкновенно правильная; длинные, внушительные пальцы на черномъ фонѣ кожанаго фартука производили впечатлѣніе бронзы, вырытой изъ земли, у которой ни паразиты, ни наслоенія плѣсени и слежавшейся пыли не могли бы отнять черты художественности.

— Не помѣшаю я тебѣ?—спросилъ, отстегивая фартукъ, Постапскій.

И сейчасъ же прибавилъ, точно желая оправдаться.

— Видишь ли, у меня дѣла на станці!

— Напротивъ!—поспѣшно освобождая мѣсто, радушно отвѣтила Марыня.

Докторъ, отряхнувъ грубую ватную куртку отъ капель дождя, влѣзъ въ коляску и скомандовалъ:

— Трогай!

Тронулись.

Сердце Марыни охватила волна глубокаго умиленія, когда Постапскій два раза сказалъ ей «ты», хотя, какъ справедливо выражалась Беля, хлѣбомъ его не корми—только дай возможность влѣпить кому-нибудь «ты».

Къ тому же ей казалось, что необходимо начать какой-нибудь разговоръ; однако, каждый разъ, какъ настойчиво она обращала взоры на Постапскаго, рѣшая заговорить, ея назрѣвшая рѣшимость обрушивалась въ пропасть смутной скорби.

Старикъ сидѣлъ къ ней бокомъ. Она видѣла его выпуклый неподвижный бѣлый глазъ, выдающійся орлиный носъ и правую щеку, всю изрытую морщинами и пересѣченную шрамомъ, точно разодранный вдоль кусокъ старательно исписаннаго пергамента.

Она вглядывалась въ эти черты, какъ въ полустертые письмена на невѣдомомъ языкѣ. Странное начертаніе этихъ буквъ нашептывало ей непонятные звуки, такіе унылые, какъ дребезжаніе желѣзныхъ листовъ, когда порывистый вѣтеръ пролетаетъ ночью надъ старымъ кладбищемъ, гдѣ уже никого не хоронятъ.

Это была какая-то металлическая рѣчь, полная ржаваго лязга, нечеловѣчскій языкъ, такой жесткій, что могъ окровавить извѣженныя уста.

Такъ ѣхали они долго въ молчаніи.

Первый отозвался Постапскій.

— Такъ!—пробормоталъ онъ про себя, тряхнувъ головою. А потомъ, повернувшись къ Марынѣ всѣмъ лицомъ, рѣзко спросилъ:

— Зачѣмъ ты ѣдешь въ самомъ дѣлѣ?

И не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

— Ты упиралась съ самаго начала—знаю! Но, вѣдь, онъ не хотѣлъ, развѣ позднѣе, когда осмотрится на мѣстѣ, и Игнась подрастетъ..... Онъ былъ правъ.... такъ почему-жъ теперь? Вѣдь остаться при немъ ты не можешь и должна вернуться къ ребенку.

— Онъ захворалъ!

— Такъ что же, не думаешь ли ты ухаживать за нимъ?

— Нѣтъ, но присмотрѣть за нимъ, увидѣть, что тамъ...

— Увидѣть!—порывисто прервалъ Постапскій.—Безопаснѣе не смотрѣть. Глазъ, это подлый инструментъ: иной разъ такое увидишь, что потомъ ногтями не выскребишь изъ памяти. Такъ глупы эти буркалы,—пробурчалъ докторъ и вдругъ замолкъ.

А черезъ мгновение почти гнѣвно спросилъ:

— Такъ значить—ѣдешь?

— Вѣдь докторъ самъ...

— Хочешь сказать, что я уговаривалъ, потому что далъ эти письма. Можетъ быть, ну а теперь категорически отговариваю, обдумавъ хорошенько—отговариваю, вопреки собственной выгодѣ—отговариваю, понимаешь! Потому что, если прикажешь повернуть, придется мнѣ плестись на станцію пѣшкомъ, а дождь моросить, хоть можетъ и пройдетъ, ибо ранній дождь, что дѣвичьи слезы, ненадолго...

Губы Марыни боязливо задрожали; въ голосѣ доктора звучали злобщія предостерегающія ноты, точно отдаленное указаніе на надвигающееся за кровавой добычею несчастье.

— Не прикажу!—тревожно и печально прошептала Марыня.

Докторъ вздохнулъ, махнулъ нехотя рукой и уныло началъ всматриваться въ дождевую мглу.

Въ Марыни среди хаоса чувствъ и мыслей внезапно зародилось безпокойство, какъ будто она теперь только поняла, что пускается въ путь далекій и невѣдомый, не зная, зачѣмъ, вполне беззащитная противъ страданій, терзающихъ тѣло и душу того человѣка, который сдѣлался безумной радостью и пламенною скорбью всѣхъ ея чувствъ, умственныхъ и душевныхъ силъ.

Коляска снова остановилась на мгновение. Подняли шлагбаумъ, и колеса съ звонкимъ гуломъ перекатились черезъ рельсы. Вскорѣ показалась убогая станція. Оказалось, что до прихода курьерскаго поѣзда остается полчаса. Передъ запертой кассой вели оживленный разговоръ нѣсколько жидковъ въ халатахъ; между громаднымъ окномъ и вѣсами на деревянной скамейкѣ, представляющей залъ третьяго класса, храпѣлъ развалившись мужикъ, въ желтомъ тулупѣ и барашковой шапкѣ, у ногъ его сидѣлъ какой-то бѣднякъ въ длинныхъ сапогахъ и фуражкѣ съ оборваннымъ козырькомъ и тонкой палочкой чертилъ зигзаги на загрязненномъ каменномъ полу.

Въ залѣ второго класса никого не было.

Марыня, расположившись съ вещами на клеенчатомъ диванчикѣ,

занялась приведеніемъ въ порядокъ пострадавшей во время ѣзды прически, а Постапскій, осмотрѣвъ всё расписанія и выцвѣтшія объявленія, развѣшанныя на стѣнахъ, отправился въ буфетъ, откуда доносился интересовавшій его шумъ.

Приблизившись, онъ увидѣлъ надъ стойкой растрепанную голову красной, полураздѣтой дѣвки, которая, окинувъ доктора любозытнымъ взглядомъ, снова нагнулась и съ бѣшенствомъ и попой бранью, начала раздувать упрямый самоваръ.

Постапскій окинулъ глазомъ буфетную стойку, гдѣ подъ запыленнымъ колпакомъ въ сообществѣ нѣсколькихъ высохшихъ обрѣзковъ колбасы гниль кусокъ коздреватаго сыра, оклееннаго серебряной бумагой; дальше стояла бутылка водки, нѣсколько тарелочекъ, съ чѣмъ-то, повидимому, съѣдобнымъ, и искусственная пальма, окруженная кольцомъ бутылокъ крымскаго вина.

Испробовавъ твердость булки, Постапскій махнулъ рукой и отошелъ къ столику съ наклонной доской, оклеенной клеенкой, тамъ видѣлась чернильница съ воткнутой ручкой.

Въ чернильницѣ было много разныхъ вещей, но такъ мало чернилъ, что докторъ долженъ былъ плюнуть въ середину, чтобы добыть нѣсколько капель мутной жидкости, при помощи которой и заржавѣвшаго пера ему удалось намазать, какъ палкой, телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Какъ здоровье Гинтовта? Жена сегодня выѣзжаетъ. Прошу встрѣтить на станціи, все уладить».

Передъ подписью онъ задумался на минуту и прибавилъ:

«Тотъ самый, что вылечилъ».

— Только помнить ли—пробурчалъ онъ, пробѣгая бумагу, досталъ изъ узелка въ платкѣ двѣ смятыя рублевки и вышелъ.

Марыня въ это время достала изъ корзинки свои запасы и, когда докторъ вернулся, предложила ему позавтракать.

Дары Бэли были уничтожены исключительно докторомъ, Марыня ограничилась стаканомъ плохенькаго чая, предложеннаго Постапскимъ въ видѣ реванша.

Станція начала понемногу оживляться.

Марыня и Постапскій вышли на платформу и прогуливались въ молчаніи, ожидая поѣзда, который останавливался на этой станціи едва двѣ минуты.

Дождь уже пересталъ, но солнца не было видно, между сѣрымъ небомъ и намокшими холмами порыжѣвшихъ полей висѣли облака сырого тумана, такъ что свѣтъ былъ видѣнъ точно сквозь запотѣвшія стекла.

Вдругъ поднялось лихорадочное движеніе, съ крикомъ «дорогу!» пробѣжала желѣзная платформа съ сундучкомъ Марыни; распахнулись двери и вылетѣлъ коренастый брюнетъ въ красной фуражкѣ, по дорогѣ застегивая мундиръ.

Около стѣны выросъ, точно изъ земли, обѣдно одѣтый молодой служитель, и застылъ какъ истуканъ, съ разорваннымъ рукавомъ, держа въ рукѣ веревку отъ колокола.

Черезъ минуту раздался звонокъ и съ шумомъ и трескомъ подкатилъ короткій запыхавшійся поѣздъ. Запумѣлъ выпущенный паръ. На платформу соскочили нѣсколько кондукторовъ, [выкрикивая] названіе станціи. Какой-то пассажиръ, безъ шляпы, съ чайникомъ въ рукѣ бросился къ дверямъ буфета, но оглушенный новымъ ударомъ звонка, опрометью пустился обратно.

Марыня исчезла за носильщикомъ въ вагонъ второго класса, но сейчасъ же вернулась обратно на платформу.

— Есть мѣсто для снанья?—спросилъ Постанскій, стоя около ступенекъ вагона.

— Есть, — отвѣтила Марыня задумчивымъ тономъ, хватаясь тонкими руками за опущенную перекладину перилъ.

Послѣ нѣкоторой паузы, докторъ вдругъ быстро заговорилъ прерывающимся голосомъ, точно ему воздуху не хватало:

— Такъ ты ему скажи, понимаешь!.. Глупости, все минуетъ! Ты, голубка моя, помни, что бы тамъ ни случилось, а у тебя есть Игнась!.. И я... Помни!..

Простоналъ троекратно звонокъ, раздался оглушительный свистокъ, локомотивъ печально завылъ, вторичный свистокъ пронесся въ воздухъ; звякнули цѣпи, закачались вагоны.

Постанскій поднялся на носки и поцѣловалъ у Марыни сложенные руки.

Она вытянула свою точеную ручку, но не могла уже до него достать; докторъ поклонился на прощанье.

Онъ долго слѣдилъ глазами за ея лицомъ и рукою, трепещущей около лица, какъ мотылекъ надъ лепесткомъ цвѣтка, до тѣхъ поръ, пока уносясь въ вихрь пара, дыма, стука, скрежетанья желѣза, она не исчезла въ сѣромъ туманѣ.

Гдѣ-то поднялась цвѣтная лапа семафора. Замелькалъ свѣтъ фонаря. Исчезли съ платформы люди. Вдали пронесся рѣзкій звукъ рожка сторожа и смолкъ.

На мгновеніе наэлектризованная станція погрузилась въ обычную дремоту, а докторъ все еще стоялъ, устремивъ мутные глаза въ безконечную подосу рельсъ, точно загнипнотизированный ихъ истертымъ блескомъ.

Послѣ ненастныхъ дней пронеслись два огромныхъ ливня.

Потоки теплаго дождя растопили грязные снѣга, притаившіеся въ оврагахъ, ямахъ и канавахъ, смыли заплѣсневлѣвшіе покровы зимы съ земли, а ясное солнце и вереницы птицъ въ голубой вышнѣхъ возлѣстали о триумфѣ весны на небѣ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней ландшафтъ измѣнился до неузна-

ваемости; сухіе прутья въ паркѣ начали по ночамъ покрываться липкими почками, показывающими мелкіе желто-зеленыя листочки, полинялыя поля и газоны одѣлись мягкой, вѣжною, зеленою травою.

Снивода, пробужденная птичками, прівітствовавшими радостнымъ щебетаньемъ ея огромную зеркальную поверхность, колыхала отъ берега къ берегу въ любовномъ ритмѣ, отраженіе лазури.

Дѣти, выпущенныя изъ комнаты, какъ голуби изъ ковчега, не смотря на суровыя назиданія Бэли не сидѣтъ на сырой землѣ, приходили домой все чаще въ позеленѣвшихъ платицахъ и приносили съ собой извѣстія о томъ, что липа покрылась листьями, капитанъ уже съ кистями, черемуха побѣгала сверху до низу, сѣрая птичка строитъ гнѣздышко въ смородинѣ, дятель встучалъ въ темной аллеѣ, а аистъ несъ въ деревню маленькаго ребенка, а можетъ быть, и большую лягушку.

Панъ Боровскій, который еще недавно жаловался на удушье въ груди и предсказывалъ себѣ скорую смерть, вдругъ выздоровѣлъ, вскочилъ верхомъ на чалаго и съ младенческимъ воодушевленіемъ началъ снова развѣзжать по полямъ, и кричать на работниковъ, точно въ рупоръ.

У Бэли прибавилось работы на скотномъ дворѣ и въ саду «вотъ по сихъ поръ», какъ выражалась она, проводя нѣжнымъ розовымъ пальчикомъ по бѣлой красиво поставленной шеѣ.

А Игнатій, пользуясь теплымъ временемъ, занялся питьемъ Карсбада.

Для этой цѣли онъ вставалъ въ шесть часовъ утра и, прогуливаясь по парку, каждыя полчаса вливалъ въ себя маленькими глотками три кружки воды, которую въ особой подудѣ съ термометромъ разогрѣвалъ старый Янъ, необыкновенно скептически относившійся ко всѣмъ этимъ заморскимъ затѣямъ.

— На тощакъ водка и то ослабляетъ!—ворчалъ онъ, когда Игнатій жаловался на слабость.—А чтожъ послѣ этого такая нѣмецкая вода, да еще гнилая и теплая!..

— Ну, ну, ну!—останавливалъ ворчуна Игнатій, хотя и чувствовалъ, что леченіе идетъ не особенно; однако, онъ это приписывалъ отсутствію покоя.

И дѣйствительно, сначала Бэля изъ заботливости и вниманія устранила ему нѣсколько разъ на день сцены по поводу не выдержанности діеты, Боровскій допекалъ дѣлами по хозяйству, а ко всему этому присоединялось полное отсутствіе извѣстій отъ Марыни, что его сильно беспокоило.

— На самомъ дѣлѣ можно было бы и доѣхать, и вернуться, а по крайней мѣрѣ ворохъ писемъ написать,—закончила Бэля въ одинъ изъ вечеровъ разговоръ по этому поводу. И испортила мужу всю ночь.

Игнатій до поздней ночи раздумывалъ о причинахъ молчанія Марыни, строя тысячи все менѣе и менѣе правдоподобныхъ предположе-

ній, пока не пришелъ къ заключенію, что у него голова кругомъ идетъ отъ усталости и сонливости, потушилъ свѣчу, повернулся къ стѣнѣ и закрылъ глаза, въ которыхъ промелькнуло нѣсколько огненныхъ линий.

Ему очень хотѣлось спать, но сонъ не приходилъ; вмѣсто того, разыгравшееся воображеніе въ ночной темнотѣ подымало въ его душѣ настоящую сумятицу; рѣзкіе обрывки давнишнихъ образовъ, воспоминанія о свѣжихъ впечатлѣніяхъ смѣшивались съ отрывками странныхъ понятій и выливались въ какія-то пестрыя фигуры, безформенныя, безсмысленныя, то снова превращались въ нескончаемыя, запутанныя цѣпи, идущія неизвѣстно откуда и куда, непрерывно кружась и мелькая; временами тѣнь сна отуманивала все его существо и производила фальшивое впечатлѣніе крѣпкаго сна: исчезало все сколько-нибудь похожее на мысль въ дымкѣ сѣраго тумана, въ его клубахъ начинали вырисовываться полувоздушныя, легкія, никогда невиданныя фигуры съ уродливыми туловищами, безобразными головами, вызывающими ужасъ, удущье и страданіе. Тогда Игнатій, обливаясь холоднымъ потомъ, съ нечеловѣческими усиліями срывалъ съ себя тяжкія путы этой летаргіи, открывалъ глаза и не узнавалъ положенія предметовъ въ своей комнатѣ; ему казалось, что онъ лежитъ обернувшись головой къ окну, которое въ то же время свѣтится въ сторонѣ ногъ; онъ ощупывалъ рукой стѣну и понемногу убѣждался, что все находится на своемъ мѣстѣ.

Онъ переворачивался на другой бокъ, старательно прикрывался одѣяломъ, въ отчаяніи сжималъ вѣки и начиналъ считать въ тактъ пульса, бьющагося въ горячихъ вискахъ:

— Разъ, два, три... десять, двадцать!.. Куры кудахчутъ, дерутъ горло, какъ бѣшенныя!.. Чортъ бы ихъ побралъ!.. Письмо Марыни могло и пропасть, какъ тогда отъ отца, и еще такое важное, о деньгахъ...

— Ахъ, я не считаю!.. спохватывается Игнатій и снова начинаетъ считать.

Вотъ онъ въ большомъ залѣ; толпа гостей. Викторъ тапцуетъ мазурку съ Марыней, которая хочетъ его выбрать для фигуры; тутъ Игнатій съ ужасомъ замѣчаетъ, что онъ безъ сапогъ, сильно сконфуженный онъ прячется за стулъ, желая скрыть этотъ недостатокъ въ своемъ туалетѣ, и одновременно съ этимъ утѣшается мыслью, что это только сонъ. Вдругъ толпа людей раздвигается и выдвигается фигура Постанскаго, который кладетъ ему руку, на правый бокъ, тяжелую и горячую, какъ кусокъ раскаленнаго желѣза.

Мгновенная пронизывающая боль; зарево пламени, и все ниспадаетъ въ невѣдомую глубину, а онъ послѣднимъ.

Путру Игнатія разбудилъ старый Янъ.

— Чего тебѣ нужно, чортъ возьми?—заартачился отрезвившійся отъ сильнаго дерганья Игнатій.

— Уже седьмой часъ, вода готова! Вы заспались!

— А платье вычистилъ?

— А какъ же!

— Покажи-ка часы!

Оказалось, что уже половина седьмого. Нечего было дѣлать, и Игнатій началъ лѣниво одѣваться.

Онъ чувствовалъ дурной вкусъ во рту, что то беспокоящее въ области печени. Взявъ стаканъ, и съ гримасой на лицѣ, желтый какъ лимонъ, выпивая глотками теплую горьковатую воду, побрелъ въ паркъ.

Утро было ясное; по блѣдному простору неба на крыльяхъ легкаго сѣраго облачка подымалоськъ зениту блестящее солнце. Сладко вздыхалъ вѣтеръ. Мясистые, блестящіе листья деревьевъ и кустовъ, опушенные дымкой высыхающей росы, скромнымъ шопотомъ сообщали другъ другу исторію минувшей ночи, весенней ночи любви.

Тамъ и сямъ весело чирикали воробы; рѣзвые ласточки, какъ крылатыя пули, пронизывали свѣжій воздухъ.

Значительно выше, точно развѣянный вѣнокъ свѣтлыхъ цвѣтовъ, парило въ лазуревой вышинѣ стадо голубей.

Протянулись острымъ клиномъ утки и исчезли въ камышахъ, надъ которыми бродили еще полосы тумана, нѣжныя какъ паутины нити.

Оттуда доносился шумъ и плескъ переливающейся черезъ шлюзъ воды, сильные, неровные удары лопатокъ, всплески играющей рыбы; а съ противоположнаго берега, изъ свѣтлыхъ купъ березъ и кленовъ, производящихъ на темномъ фонѣ сосенъ впечатлѣніе свѣтлыхъ букетовъ, откликались все время горлицы и часто кукушка.

Въ вышинѣ парилъ бурый коршунъ, сверкая время отъ времени серебристой подкладкой искривленныхъ крыльевъ, точно стальнымъ ятаганомъ.

Гдѣ то вблизи раздался веселый храпъ лошади, а черезъ мгновеніе немного хрипкое пѣніе басомъ:

Какъ на рѣчкѣ быстрой
 Мала рыбка
 Острымъ плавнемъ
 Воду разсѣкаетъ!
 Воду разсѣкаетъ!
 А вдругъ щука настагаетъ,
 Настагаетъ
 И глотаетъ,
 Рыбка погибаетъ,
 Ой, да, погибаетъ!

Это панъ Боровскій проѣзжалъ вдоль по берегу Сниводы, и, весело посвистывая въ воздухѣ орѣховымъ прутомъ надъ ухомъ стараго чалаго, оглашалъ блестящую поверхность воды своимъ могучимъ голосомъ.

Выль бы я большимъ болваномъ,
 Да, болваномъ,
 Не попробовавъ тебя!

Припомнился Игнатію шаловливый конецъ слѣдующей строфы, онъ даже вдругъ развеселился.

Любопытнымъ глазомъ окинулъ онъ все вокругъ и въ немъ отразились наиболѣе сильные тона обширнаго ландшафта: выбивающейся наружу жизни, которая билась вездѣ съ разливающимся эхомъ,—въ согрѣтой щебетаньемъ птишекъ чащѣ зелени, въ сырости жирной земли, волнующейся ржаными побѣгами, въ массѣ чистаго воздуха, трепещущаго и полнаго аромата и золота лучистаго солнца.

Точно освѣжившись этимъ впечатлѣніемъ, Игнатій уже бодро направился въ сторону дома. Одной рукой онъ помахивалъ стаканомъ въ тактъ звучащему въ ухахъ мотиву, другой хлопалъ по поспѣдѣвшей мордѣ Ральфа, всегда сопровождавшаго его въ утреннихъ прогулкахъ.

Осчастливленный лаской песь быстро махалъ обглѣпленнымъ чертополохомъ хвостомъ, подымался на заднія лапы и старался схватить притупившимися зубами руку хозяина, издавая при этомъ какіе то хриплые звуки, долженствующіе изображать пискъ радости.

Вдругъ Ральфъ выбѣжалъ впередъ, остановился и насторожилъ свои волчьи уши; Игнатій то же приостановился, услышавъ приближающійся грохотъ неокованной телѣги; черезъ мгновеніе между тополями показались двѣ полусѣвшія, неуклюжія лошадки и возница въ широкой соломенной шляпѣ и мужицкой свиткѣ.

— Сюда, Ральфъ!—позвалъ Игнатій собаку, которая съ лаемъ бросилась впередъ, но добѣжавъ до телѣги перестала и, весело взвигивая, начала подскакивать къ высоко нагроможденному сидѣнью, гдѣ виднѣлась закутанная женская фигура.

Горячая, боязливая волна разлилась въ груди Игнатія, съ быстротою молніи пронеслось у него въ головѣ предположеніе и сейчасъ же возникло сомнѣніе; онъ ускорилъ шаги, приблизился къ крыльцу и тогда уже вполне убѣдился.

— Марыня!—крикнулъ онъ, подбѣжалъ и обнялъ слѣзавшую съ телѣги невѣстку.—Какъ поживаешь, голубка моя, дорогая!—началъ онъ говорить, но нѣжныя слова замерли у него на устахъ отъ холода, которымъ вѣяло отъ этой закутанной женщины.

Въ зимнемъ пальто, въ которомъ выѣхала, въ мѣховой котиковою шапочкѣ она стояла передъ нимъ безучастная, съ точеными, застывшими чертами лица, точно вырѣзанными изъ слоновой кости; ея сѣрые глаза, немного удивленные и неподвижные, были устремлены на лицо Игнатія.

По временамъ ему казалось, что эти глаза оживляются, но это былъ обманъ вѣрня, вызываемый дрожаніемъ длинныхъ рѣсницъ; они продолжали смотрѣть на него, тупые и остолбенѣвшіе, какъ глаза слѣпого.

— Марыня, что съ тобой? Побойся Бога! Что тамъ съ Викторомъ?— снова принялся спрашивать Игнатій задыхающимся отъ волненія голосомъ.

— Викторъ умеръ!—услышалъ онъ въ отвѣтъ; слова эти были произнесены безъ перерыва, безъ всякаго выраженія, какъ очень длинная фраза. Точно придавленный тяжестью, Игнатій опустился вдругъ на ступени, машинально слѣдя за удаляющимся навѣрхъ коричневымъ пальто, обшитымъ пестрымъ мѣхомъ, за оборваннымъ воланомъ черной юбки, который шуршалъ по ступенькамъ, на порогѣ свернулся въ складку и исчезъ въ дверяхъ.

— Викторъ умеръ! — повторилъ невольно, послѣ минуты абсолютной пустоты въ мысляхъ, Игнатій, точно изумленный, и вдругъ почувствовалъ беззотлагательную потребность подѣлиться съ Бэлей этимъ неправдоподобнымъ извѣстіемъ.

Онъ поднялся, и спотыкаясь о Ральфа, который путался у него въ ногахъ, вошелъ въ комнату.

— Гдѣ барыня?—крикнулъ онъ на Степку, натирающаго полы.

— Въ кладовой,—снимая ногу со щетки, отвѣтилъ парень, испуганный рѣзкимъ звукомъ своего мягкаго въ обращеніи барина.

Игнатій пробѣжалъ дѣтскую; тамъ всполошилъ причесывающуюся передъ зеркаломъ бонну, панну Флорентину, которая съ пискомъ прячется за ширмы, плотно скрестивъ худыя руки въ томъ мѣстѣ, гдѣ корсетъ отставалъ отъ плоской, какъ доска, груди; толкнулъ кого-то въ корридоръ и замедлилъ шаги, услышавъ приподнятый голосъ Бэли:

— Нѣтъ, пойдешь! Кто это опять Ральфа впустилъ? Возьми его!— въ отчаяніи звала она мужа, отталкивая ногой собаку и приподнимая тарелку съ творогомъ.

— Знаешь?

— Что я должна знать?

— Викторъ умеръ!—закончилъ надломленнымъ шопотомъ Игнатій, выбываясь изъ силъ.

Тарелка со звономъ полетѣла подъ лапы Ральфа, который не преминулъ воспользоваться случаемъ.

Бэля отступила шагъ назадъ и смотрѣла на мужа широко раскрытыми глазами.

— Что ты говоришь?—произнесла она сдавленнымъ отъ ужаса голосомъ.

— Марыня вернулась. Викторъ умеръ, — произнесъ заикаясь Игнатій, снявъ очки и прижалъ руку къ мутнымъ глазамъ.

Бэля поблѣднѣла, оперлась плечами о стѣну и начала повторять:

— Боже, Боже!..

Потомъ быстрымъ движеніемъ приблизилась къ мужу, обняла его обѣими руками за шею и заплакала тихими слезами.

По пожелтѣвшимъ щекамъ Игнатія, изъ угловъ закрытыхъ глазъ потекли тонкія слезы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пробужденіе.

Дни идутъ на прибыль,
Ночи—на ущербъ,
Развернулись почки
Опушенныхъ вербъ.
Таесть... Ненадеженъ
Хрупкій вешній ледъ,
Стаи журавлиной
Слышенъ перелетъ.
Въ небѣ рѣютъ точки...
Сколько ихъ! Не счесть.
Въ крикахъ стаи шумной—
Радостная вѣсть.
Тамъ надъ колокольней—
Первые грачи;
Изъ темницы дольней
Выбились ключи.
И гремятъ побѣдно
Вешнія струи
О борьбѣ великой,
О святой любви.

Гребецъ.

Во мракѣ вѣтеръ бушевалъ,
Грядой влубились тучи,
И грозно шелъ за валомъ валъ,
Вдали чернѣли вручи.
Гребецъ ужъ выронилъ весло,
Изломанъ руль сначала,

И вотъ другое унесло,
Волна его умчала.
И легъ пловецъ на дно челна,
Скрестилъ сповойно руки,
Пускай несетъ его волна
Въ страну, гдѣ нѣтъ разлуки.
И пѣсню громкую запѣлъ
Онъ въ честь морской дружины:
— Хвала тому, кто—духомъ смѣлъ
Переплыветъ пучины!
Хвала и гибнущимъ въ пути,
Кого умчали воды!
Лети, ладья моя, лети
Туда, въ страну свободы!

О. Чюмина.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

(Продолженіе) *)

II.

Родбертусъ.

Классовые интересы, несомнѣнно, оказали глубокое вліяніе на экономическую науку, но все же политическая экономія далеко не есть простое идеологическое отраженіе классовой борьбы. Интересы различны, но истина одна; интересы рабочаго класса могутъ быть противоположны интересамъ капиталистовъ, но то, что является объективной истиной для капиталиста должно быть объективной истиной и для рабочаго. Законы логики общеобязательны и самый сильный интересъ не можетъ не склониться передъ ними. Не существуетъ двухъ политическихъ экономій — буржуазной и социалистической, а есть одна наука о народномъ хозяйствѣ, правда, еще очень не совершенная и потому распадающаяся на нѣсколько направленій, но прогрессъ науки заключается въ сближеніи этихъ направленій, различія между которыми хотя и велики, но не настолько, чтобы для объективной и потому единой науки не оставалось мѣста. Теоретическія построенія защитника капиталистическихъ интересовъ Рикардо легли въ основу такъ называемаго научнаго социализма, долгое время опиравшагося на трудовую теорію цѣнности; въ новѣйшее время многіе выдающіеся теоретики социализма привяли новую теорію цѣнности, развитую учеными буржуазнаго лагеря. Такимъ образомъ не взирая на различіе классовыхъ интересовъ, объективная и единая наука прокладываетъ себѣ путь, слѣдуя своимъ собственнымъ логическимъ законамъ развитія и повинуюсь одному голосу истины.

Ученый можетъ имѣть классовыя симпатіи; но истина — ревнивая богиня, открывающаяся только тому, кто любитъ ее безкорыстной любовью и служить ей предпочтительно передъ всѣми другими богами — должна быть для него всего выше. Именно такимъ ученымъ, сумѣвшимъ подняться надъ своими классовыми симпатіями, не пожертвовав-

*) См. «Міръ Божій», февраль 1902 г., № 2.

шими ради нихъ ни крупицей истины, былъ одинъ изъ гениальнѣйшихъ экономистовъ XIX вѣка — Карлъ Родбертусъ-Ягецовъ (1805 — 1875 г.).

По своему происхожденію, общественному положенію, условіямъ жизни и всей жизненной обстановкѣ, этотъ, наряду съ Марксомъ, замѣчательнѣйшій представитель критическаго социализма былъ совершенно чуждъ рабочимъ классамъ: отецъ его былъ профессоромъ римскаго права въ грейфсвальдскомъ университетѣ. По окончаніи университета Родбертусъ поступилъ на службу по министерству юстиціи. Но вскорѣ онъ вышелъ въ отставку и въ 1832 г. купилъ въ Помераніи крупное дворянское имѣніе Ягецовъ, гдѣ и жилъ, съ небольшими перерывами до конца жизни. Онъ былъ дѣятельнымъ и успѣшнымъ сельскимъ хозяиномъ, благодаря чему пользовался значительнымъ престижемъ среди мѣстнаго дворянства, неоднократно выбиравшаго его на разныя почетныя должности. Въ 1847 г. Родбертусъ былъ представителемъ дворянства въ ландтагѣ. Какъ парламентскій дѣятель, онъ обращалъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, своей горячей преданностью общегерманскимъ національнымъ интересамъ. Революціонныя бури выдвинули нашего ученаго на короткое время на первый планъ политической арены. Онъ съ жаромъ выступилъ на защиту верховныхъ правъ народнаго представительства и національной германской идеи. Когда образовалось умѣренно-прогрессивное министерство Ауэрсвальде-Ганземана, Родбертусъ получилъ въ немъ портфель министра народнаго просвѣщенія.

Но министромъ онъ пробылъ всего нѣсколько дней: реакція скоро восторжествовала и наступилъ періодъ трусливыхъ попытокъ парламентскихъ либераловъ бороться съ прусскою солдатчиной. Родбертусъ принималъ нѣкоторое участіе въ этой борьбѣ и издалъ въ началѣ 1849 г. брошюру, въ которой защищалъ права народнаго представительства и отрицалъ законность дѣйствій прусскаго правительства. Въ скоромъ времени онъ былъ избранъ депутатомъ одного берлинскаго округа. Когда собраніе представителей было распущено правительствомъ, Родбертусъ высказался противъ участія своей партіи въ выборахъ и уже больше не принималъ активнаго участія въ политической жизни страны. Онъ сблизился съ консерваторами и разошелся съ либералами: поэтому, когда въ 1862 г. партія прогрессистовъ предложила Родбертусу кандидатуру въ одномъ округѣ, онъ отклонилъ это предложеніе.

Вся его послѣдующая жизнь была посвящена упорному, единственному научному труду въ деревнѣ и отчасти практической дѣятельности въ качествѣ сельскаго хозяина. Вначалѣ научныя работы Родбертуса не имѣли никакого успѣха; его первая статья «Die Forderungen der arbeitenden klassen» (1837) не была принята газетой, для которой предназначалась, и появилась въ печати только почти полвѣка

спустя въ посмертномъ изданіи. «Соціальныя письма» къ Кирхману— работа, въ полномъ смыслѣ, гениальная — были напечатаны въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и остались совершенно незамѣченными публикою. Только въ 60-хъ годахъ одинокій мыслитель начинаетъ находить друзей и послѣдователей. Съ нимъ завязывается сношенія Лассалль, стремившійся, но безуспѣшно, вовлечь Родбертуса въ свою агитацію, поведшую къ образованію германской рабочей партіи. Несмотря на всѣ усилія, Лассаллю не удалось побудить Родбертуса вступить въ члены «Всеобщаго германскаго рабочаго союза». Въ отвѣтъ на одинъ вопросъ комитета союза, Родбертусъ издалъ брошюру, въ которой выразилъ мнѣніе, что рабочіе вполне правы въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ ассоціаціямъ Шульце-Делича, но что и рекомендуемая Лассаллемъ производительныя ассоціаціи съ государственной помощью не въ силахъ разрѣшить соціальнаго вопроса. Но въ особенности неодобрительно отнесся Родбертусъ къ тому, что рабочіе, подъ вліяніемъ Лассалля, поставили въ первую очередь своихъ требованій всеобщее избирательное право; политическія задачи—говорилъ Родбертусъ—не должны ни въ какомъ случаѣ заслонять соціальныхъ. Рабочимъ не слѣдуетъ тратить время на блужданіе окольными путями политики, а нужно напрямикъ идти твердымъ шагомъ къ своимъ социальнымъ цѣлямъ.

Крѣпкая монархическая власть отнюдь не представлялась Родбертусу помѣхой къ достиженію его соціальныхъ идеаловъ. Напротивъ, въ его глазахъ особенностью нашего времени является близость политическаго консерватизма къ экономическому радикализму. Потому Родбертусъ одновременно поддерживалъ сношеніе съ создателемъ нѣмецкой социаль-демократіи Лассаллемъ и съ консервативными политиками вродѣ Рудольфа Мейера и Вагнера. Онъ искренно вѣрилъ въ утопію соціальной монархіи и думалъ, что прусская королевская власть можетъ взять на себя миссію осуществленія требованій рабочихъ классовъ.

Все это, разумѣется, отнюдь не свидѣтельствуетъ о проникательности Родбертуса, какъ политика, и о глубинѣ его соціально-политическихъ воззрѣній. Его сила лежала въ совершенно иной области, чѣмъ практическая политика—въ области теоретической мысли. Классовыя симпатіи Родбертуса тѣсно связывали его съ консервативными и даже реакціонными общественными элементами, а какъ теоретикъ онъ былъ провозвѣстникомъ общественнаго строя будущаго. Этимъ и объясняется противорѣчивая общественная позиція великаго экономиста.

Родбертусъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ и выступалъ энергичнымъ защитникомъ классовыхъ интересовъ аграріевъ. «Намъ (землевладѣльцамъ) не хватаетъ пониманія своихъ матеріальныхъ интересовъ, чѣмъ обладаетъ въ такой высокой степени капиталъ,—писалъ Родбертусъ въ предисловіи ко второму тому своей книги «Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes» (1868—

69).—Намъ не хватаетъ сознанія своего классового интереса, въ то время какъ рабочіе поднимаются, какъ одинъ человекъ... Не хотимъ ли мы совсѣмъ сойти съ соціальной сцены, какъ самостоятельный общественный классъ, и тянуться вслѣдъ за капиталомъ? Не хотимъ ли мы быть праздными зрителями борьбы между капиталомъ и трудомъ или—что еще хуже—стать слугами капитала?.. Капиталъ стремится къ обезпеченію своей нормальной прибыли, онъ овладѣлъ законодательствомъ и сталъ всемогущимъ, не встрѣчая себѣ никакихъ соперниковъ. Рабочіе начинаютъ группироваться для обезпеченія себѣ нормальной заработной платы, и энергія, съ которой они дѣйствуютъ, гарантируетъ имъ успѣхъ. Послѣдуемъ же этимъ примѣрамъ! Соберемся на защиту своего естественнаго дохода! Соберемся на защиту своей ренты! Почему намъ не можетъ удался то, что удалось капиталу и что, навѣрное, удался труду? Съ соціальной точки зрѣнія мы требуемъ не болѣе потребованнаго и достигнутаго уже капиталомъ и трудомъ, а съ національной точки зрѣнія мы имѣемъ еще больше правъ, чѣмъ оба эти класса. Государство должно было бы окончательно попасть во власть капиталу, чтобы не уразумѣть, что землевладѣніе является, или, вѣрнѣе, должно быть единственной соціальной силой, способной по преимуществу представлять національный элементъ общества, а государство, какъ нѣчто цѣлое, основывается на національномъ, а не на соціальномъ началѣ».

Эти строки достаточно выразительно характеризуютъ классовыя симпатіи Родбертуса. Онъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ, и интересъ этого класса, изъ всѣхъ классовыхъ интересовъ, былъ ему всего ближе. Родбертусъ былъ — *horribile dictu!* — аграрій!!! Да, аграрій, представитель наиболѣе реакціонныхъ общественныхъ элементовъ. Для тѣхъ, для кого исторія *только* борьба классовъ, и ничего больше, для этихъ не особенно провицательныхъ господъ міросозерцаніе такого человекъ, какъ Родбертусъ, является совершенно неразрѣшимой загадкой. Аграрій—и въ то же время теоретикъ будущаго хозяйственнаго строя, одинъ изъ творцовъ такъ называемаго «научнаго» социализма! Рѣшеніе загадки въ томъ, что классовые интересы не могли сковать могучаго полета теоретической мысли великаго экономиста, не могли заглушить его любви къ истинѣ и живого чувства справедливости впереди *классовыхъ* интересовъ для него стояло нѣчто несравненно высшее — интересы *человѣка*, къ какому бы онъ классу ни принадлежалъ, интересы всего общества, какъ цѣлаго. Поэтому аграрныя классовыя симпатіи Родбертуса не помѣшали ему быть однимъ изъ величайшихъ теоретическихъ защитниковъ интересовъ *труда*.

Теоретическія изслѣдованія Родбертуса одинаково замѣчательны какъ по своимъ выводамъ, такъ и по методологическимъ приемамъ. Для смитовской школы народное хозяйство было огромнымъ собраніемъ автономныхъ частныхъ хозяйствъ, *отдѣльными* хозяйственными цен-

тровъ, а общество собраніемъ независимыхъ личностей. *Атомическое* изученіе народохозяйственныхъ процессовъ, въ ихъ составныхъ элементахъ, а не въ цѣломъ, было характерной особенностью методологіи классической школы политической экономіи. Напротивъ, для Родбертуса народное хозяйство есть недѣлимое цѣлое, одинъ живой социальный организмъ.

«Экономическая наука—говорить Родбертусъ во второмъ «Социальномъ письмѣ» къ Кирхману—вмѣсто того, чтобы исходить изъ положенія, что раздѣленіе труда превратило общество въ неразрывное хозяйственное цѣлое, вмѣсто того, чтобы съ этой точки зрѣнія приступить къ объясненію отдѣльныхъ общественнохозяйственныхъ понятій и явленій, вмѣсто того, наконецъ, чтобы поставить во главу угла понятія національнаго богатства, національнаго производства, національнаго капитала, національнаго дохода и распаденіе послѣдняго на земельную ренту, прибыль на капиталъ и заработную плату, и при помощи этихъ общественныхъ понятій объяснить доли отдѣльныхъ лицъ въ національномъ доходѣ—вмѣсто всего этого, наука о народномъ хозяйствѣ не избѣгла подчиненія утрированному индивидуалистическому направленію нашего времени. Она разорвала въ мелкіе лоскутки то, что, благодаря раздѣленію труда, образуетъ неразрывное цѣлое, социальное цѣлое, имѣющее реальное значеніе лишь въ качествѣ такого цѣлага и изъ этихъ лоскутковъ, изъ участія отдѣльныхъ личностей въ цѣломъ, пытается вновь возсоздать понятіе цѣлага. Она положила въ основаніе своихъ построеній понятіе богатства отдѣльнаго лица, не сообразивъ, что богатство члена общества, связаннаго съ другими членами раздѣленіемъ труда, есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ богатство человѣка, изолированно ведущаго свое хозяйство. Она исходитъ изъ понятія ренты отдѣльнаго землевладѣльца, упустивъ изъ виду, что земельная рента уже предполагаетъ прибыль на капиталъ и заработную плату и что обо всѣхъ этихъ понятіяхъ не можетъ быть и рѣчи, если не исходить изъ представленія обо всемъ современномъ обществѣ и общественномъ доходѣ, частью котораго является земельная рента и пр. Современная наука о народномъ хозяйствѣ рассматриваетъ дѣло такъ, какъ будто общество есть просто сумма различныхъ хозяйственныхъ единицъ, математическое, а не моральное, иначе говоря социальное цѣлое».

Это методологическое требованіе Родбертуса—синтетическаго изученія народохозяйственныхъ процессовъ въ ихъ совокупности, реальномъ взаимодействіи, какъ проявленій жизнеспособности единаго общественного организма,—не есть, какъ это бываетъ такъ часто съ методологическими принципами, одно благое пожеланіе, не исполняемое самимъ авторомъ на дѣлѣ. Напротивъ, вся теоретическая система Родбертуса вытекаетъ изъ его основной методологической предпосылки.

Пользуясь своимъ методомъ, Родбертусъ освѣтилъ совершенно новымъ свѣтомъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ экономической науки.

Въ методологическомъ отношеніи особенно замѣчательно четвертое «Соціальное письмо» къ Кирхману, увидавшее свѣтъ только послѣ смерти автора и изданное въ 1884 г., подъ заглавіемъ «Das Kapital». Въ этой работѣ Родбертусъ поистинѣ гениальной рукой очерчиваетъ три основныхъ типа хозяйства—изолированное хозяйство, мѣное—капиталистическое и коллективное. Первый изъ этихъ хозяйственныхъ типовъ принадлежитъ прошедшему, послѣдній будущему. Наше время характеризуется господствомъ капиталистическаго хозяйства; и Родбертусъ даетъ неподражаемую, хотя и схематическую картину настоящаго, сравнивая его не только съ тѣмъ, чего уже нѣтъ, но и съ тѣмъ, что еще не наступило.

Изолированное хозяйство не знаетъ раздѣленія труда, а слѣдовательно, и обмѣна. Тѣмъ не менѣе, и это хозяйство предполагаетъ цѣлый рядъ экономическихъ понятій, свойственныхъ всякому хозяйственному процессу, какъ таковому, слѣдовательно совершенно независимо отъ его исторической формы. Эти понятія образуютъ, по терминологіи Родбертуса, *логическія* категоріи хозяйства, иначе говоря категоріи логически связанныя съ самымъ понятіемъ хозяйства, въ отличіе отъ *историческихъ* категорій хозяйства—исторически преходящихъ и смѣняющихся хозяйственныхъ формъ.

Такъ, изолированное хозяйства предполагаетъ экономическія категоріи потребности, средства удовлетворенія потребности, работы, производства, продукта, капитала, въ извѣстномъ смыслѣ дохода, потребления, оцѣнки продукта по стоимости (труду) и оцѣнки его по потребительной пользѣ. Оно знаетъ основной хозяйственный принципъ: по отношенію къ производству—съ возможно меньшей стоимостью (затратой труда) производить возможно больше продуктовъ, и по отношенію къ потребленію—возможно меньшимъ количествомъ продуктовъ удовлетворять возможно больше потребностей. Поэтому, изолированный хозяинъ можетъ организовать плановѣрное производственное и потребительное хозяйство.

Но хозяйственная дѣятельность изолированнаго хозяина очень проста и ограничивается производствомъ и сохраненіемъ хозяйственныхъ продуктовъ. Никакой особой дѣятельности не требуется въ этомъ случаѣ для установленія размѣра потребностей и поддержанія производства въ соотвѣтствіи съ потребностями; для поддержанія производства въ соотвѣтствіи съ количествомъ средствъ производства; для распредѣленія продукта между производителями и установленія соотвѣтствія между тѣмъ, что каждый даетъ хозяйству и что отъ него получаетъ. Всѣмъ этимъ требованіямъ должно удовлетворять каждое хозяйство, въ томъ числѣ и изолированное, но особенностью изолированнаго хозяйства слѣдуетъ считать то, что указанные требованія

осуществляются въ немъ сами собой, простымъ волевымъ актомъ хозяйствующаго лица. Изолированный хозяинъ непосредственно знаетъ свои потребности, непосредственно располагаетъ средствами производства и непосредственно владѣетъ изготовленнымъ продуктомъ. Поэтому, производство въ изолированномъ хозяйствѣ не можетъ не соответствовать потребностямъ и средствамъ производства, и доходъ не можетъ не быть равнымъ продукту труда. Весь хозяйственный процессъ совершается въ предѣлахъ двухъ хозяйственныхъ сферъ: производственнаго и потребительнаго хозяйства.

Съ раздѣленіемъ труда положеніе измѣняется до самаго основанія. Отдѣльные хозяева связываются въ единое общество, благодаря чему всѣ категоріи изолированнаго хозяйства получаютъ новое содержаніе и возникаютъ новыя экономическія категоріи, для которыхъ совсѣмъ не было мѣста въ изолированномъ хозяйствѣ. Возникаетъ потребность въ цѣломъ рядѣ новыхъ хозяйственныхъ дѣйствій, связывающихъ отдѣльныя хозяйства въ высшее хозяйственное единство, *народное хозяйство*.

Раздѣленіе труда очень несовершенно изслѣдовано школой Смита, обратившей вниманіе только на индивидуалистическую сторону этого явленія. Смитъ игнорируетъ самое важное въ раздѣленіи труда, именно то, что раздѣленіе труда не раздѣляетъ, а связываетъ отдѣльныхъ хозяевъ. Существенное въ раздѣленіи труда заключается не въ индивидуализмѣ, а въ общности—раздѣленіе труда есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, общность труда. Оно требуетъ, какъ своего естественнаго спутника, *распредѣленія* между производителями продукта, изготовленнаго ими сообща.

Поэтому, «раздѣленіе труда есть матеріальная связь, сплачивающая отдѣльныхъ индивидовъ въ одно общество, подобно тому, какъ мораль и право есть этическая связь, а языкъ и народное сознаніе—умственная связь. Раздѣленіе труда есть одно изъ основаній соціальной жизни, а именно, хозяйственное основаніе, благодаря чему, въ дѣйствительности, каждый работаетъ на всѣхъ и всѣ на каждого».

Обыкновенно представляютъ дѣло такъ, какъ будто, при господствѣ раздѣленія труда, каждый изготовляетъ особый предметъ потребления и обмѣниваетъ его на продуктъ работы другого лица. Въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ несравненно сложнѣе. Совокупное производство общества, прежде всего, дѣлится на *ступени* производства: производители сырья доводятъ обработку продукта до опредѣленной ступени, и затѣмъ продуктъ поступаетъ другимъ рабочимъ, превращающимъ его въ полуфабрикатъ; слѣдующіе производители дѣлаютъ изъ полуфабриката фабрикатъ; но и это еще не все,—фабрикатъ поступаетъ въ руки окончательныхъ производителей, приспособляющихъ его къ погребленію. Такъ, одни рабочіе собираютъ хлопокъ, другіе превращаютъ его въ пряжу, третьи въ ткань, четвертые въ предметъ

одежды. Поэтому, первымъ и основнымъ дѣленіемъ общественнаго труда есть его дѣленіе по *ступенямъ* производства.

Во-вторыхъ, трудъ раздѣляется въ предѣлахъ той же ступени на *отрасли* производства. Производство сырья распадается на земледѣліе, скотоводство, рыболовство, лѣсоводство, горное дѣло и т. д. Въ-третьихъ, каждая отрасль производства слагается изъ отдѣльныхъ *предпріятій*, въ которыхъ, въ-четвертыхъ, трудъ опять подраздѣляется самымъ сложнымъ образомъ.

«Что же является отличительной чертой всѣхъ этихъ подраздѣленій? *Общность* труда, какъ наиболѣе первичное раздѣленіе труда по ступенямъ производства, имѣетъ своимъ результатомъ то, что продуктъ проходитъ черезъ руки всѣхъ, чѣмъ устанавливается общность труда, такъ и раздѣленіе труда въ своемъ завершеніи, въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ, напр., одинъ рабочій занятъ только тѣмъ, что постоянно шлифуетъ остріе иглы, есть не что иное, какъ трудовая ассоціація, т. е. та-же общность труда. Это—коллективизмъ, правда, еще не правовой, но все же фактическій коллективизмъ, коллективизмъ не потребленія продукта, а производства».

Такими чертами характеризуется въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ сфера производства—первая половина понятія раздѣленія труда. Вторая половина этого понятія—раздѣленіе *продукта*, то, что называютъ *распределеніемъ*, имѣетъ, несомнѣнно, больше индивидуалистическій видъ. Но все же и въ этой области индивидуалистическое начало далеко не такъ всемогуще, какъ обыкновенно думаютъ. Прежде всего, индивидуальному раздѣленію между потребителями подпадаетъ только небольшая часть общественнаго продукта—продукты послѣдней ступени производства, окончательно готовые предметы потребленія. Но и изъ этой части далеко не все переходитъ въ обладаніе частныхъ лицъ—общество, въ лицѣ государства и другихъ общественныхъ учрежденій, удерживаетъ себѣ долю, и эта доля—при томъ все возрастающая—поступаетъ въ коллективное пользованіе общества. Это уже не только фактическій, но и правовой коллективизмъ.

Затѣмъ, общественный продуктъ распределяется не только между тѣми, кто прямо или косвенно участвовалъ въ его производствѣ, но и между «всѣми членами болѣе широкой, чѣмъ хозяйственной, сферы раздѣленія труда, въ которой хозяйственное раздѣленіе труда образуетъ лишь одну область—чиновниками, военными, духовенствомъ, представителями такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, врачами, художниками, учеными» и пр., и пр. Всѣ эти лица не производятъ своимъ трудомъ никакихъ матеріальныхъ цѣнностей, но получаютъ, тѣмъ не менѣе, свою долю общественнаго продукта. «Въ потребленіи участвуютъ всѣ члены общества, производство же средствъ потребленія, хозяйственный трудъ, есть специальность нѣкоторыхъ».

Поэтому, и во второй половинѣ раздѣленіе труда—въ распределеніи—

фактичскій коллективизмъ есть хотя и не единственное, но все же господствующее начало!

Мѣновое хозяйство, основанное на раздѣленіи труда, преобразуетъ и видоизмѣняетъ характеръ всѣхъ экономическихъ категорій, знакомыхъ намъ по изолированному хозяйству. Категоріи эти получаютъ новый смыслъ и такимъ образомъ возникаютъ понятія національной потребности, національнаго производства, національнаго продукта, національнаго капитала, національнаго дохода. Всѣмъ имъ присущъ коллективистическій характеръ. «Можно сказать, что и общество начинается съ ограниченія индивидуализма коллективизмомъ, почему сущность общества и состоитъ въ коллективизмѣ. Историческое развитіе общества заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ расширеніи сферы этого коллективизма».

Но кромѣ указанныхъ, мѣновое хозяйство создаетъ цѣлый рядъ новыхъ *историческихъ* категорій, для которыхъ не существовало уже никакихъ аналогій въ изолированномъ хозяйствѣ. Такой категоріей является, прежде всего, *циркуляція продукта*. Такъ какъ участники общественнаго производства многоразличны и разбѣяны въ пространствѣ, то національный продуктъ, раньше чѣмъ поступить потребителю, долженъ переходить изъ рукъ въ руки, подымаясь по ступенямъ производства и переходя отъ однихъ производителей къ другимъ. Эта циркуляція продукта создаетъ три новыхъ экономическихъ категорій: *цѣнность, деньги и кредитъ*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ потребность въ новыхъ родахъ хозяйственной дѣятельности, совершенно незнакомыхъ изолированному хозяйству. Соответствіе между размѣромъ производства и потребностями, размѣромъ производства и запасомъ средствъ производства, между изготовленіемъ и полученіемъ продукта устанавливалось въ изолированномъ хозяйствѣ само собою. Теперь же, при раздѣленіи труда, для этого требуется цѣлый рядъ особыхъ дѣйствій, отъ успѣха которыхъ зависитъ и успѣшность всего національнаго хозяйства. Совокупность этихъ дѣйствій и есть предметъ изученія національной экономіи, которая возникаетъ вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда—мѣновымъ хозяйствомъ, и которая до сихъ поръ была «простымъ ученіемъ о естественныхъ законахъ обращенія, предоставленнаго самому себѣ». На самомъ же дѣлѣ, національная экономія должна быть «ученіемъ о хозяйственномъ коллективизмѣ», непосредственно вытекающемъ изъ раздѣленія труда.

Охарактеризовавъ сущность народнаго хозяйства, какъ основаннаго на раздѣленіи труда, Родбертусъ переходитъ къ разсмотрѣнію двухъ типовъ такого хозяйства—не знающаго частной собственности на землю и на капиталъ и покоящагося на такой собственности. Анализъ перваго, коллективистическаго, типа хозяйства, данный Родбертусомъ, весьма замѣчательнъ, но мы на немъ останавливаться не будемъ. Что касается до втораго типа—капиталистическаго, то его харак-

терной чертой является отсутствіе какого-бы то ни было сознательнаго регулированія народнохозяйственнаго процесса въ цѣломъ—иначе говоря, стихійность всего процесса. «Не положительное право, но силы обращенія, предоставленнаго самому себѣ, управляютъ (въ капиталистическомъ хозяйствѣ) распредѣленіемъ». Двигателями этихъ силъ являются собственники земли и капитала. Они исполняютъ тѣ же общественнохозяйственныя функціи, которыя, при отсутствіи собственности на средства производства, должны были бы исполняться особыми органами общественной власти. Землевладѣльцевъ и капиталистовъ можно разсматривать, поэтому, какъ «прирожденныхъ, наследственныхъ должностныхъ лицъ общества, подобно тому, какъ въ прежнія времена рожденіе и наследованіе давало право замѣщенія многихъ другихъ общественныхъ должностей, до тѣхъ поръ, пока это право—нѣкогда не менѣе законное право, чѣмъ нынѣ земельная и капитальная собственность,—не рухнуло передъ вопросомъ—не лучше ли замѣщать эти должности по особому назначенію, чѣмъ по наследству?»

Каковы же специфическія черты характернаго для капиталистическаго хозяйства способа исполненія народнохозяйственныхъ функцій, а именно, черезъ посредство частныхъ лицъ, владѣющихъ средствами производства?

Прежде всего бросается въ глаза одна такая специфическая черта—собственники земли и капитала, подобно другимъ наследственнымъ должностнымъ лицамъ, исполняютъ свои обязанности, прежде всего, въ своихъ интересахъ. Общественный результатъ ихъ дѣятельности есть не что иное, какъ попутное слѣдствіе осуществленія ими ихъ собственныхъ частныхъ выгодъ. Производя тотъ или иной товаръ, они стремятся не къ удовлетворенію общественной потребности, а къ полученію въ наибольшемъ размѣрѣ своего частнаго дохода—ренды.

При этомъ предприниматели-капиталисты не имѣютъ никакой возможности непосредственно знать размѣры общественныхъ потребностей, покрываемыхъ производимыми ими товарами. Въмѣсто такого непосредственнаго знанія, которое было бы возможно лишь въ обществѣ, непосредственно владѣющемъ средствами производства, предприниматели должны довольствоваться болѣе или менѣе вѣроятными догадками относительно будущаго спроса по даннымъ прошлаго спроса. Къ тому же, что еще существеннѣе, *каждый* предприниматель дѣйствуетъ за свой страхъ, ничего не зная о дѣйствіяхъ другихъ. «Какъ частные собственники отдѣльныхъ частицъ національной территоріи и національнаго капитала, они не только безответственны въ своей дѣятельности передъ обществомъ, но и совершенно независимы другъ отъ друга. Даже болѣе—ихъ частный интересъ побуждаетъ ихъ, по возможности, скрывать свои дѣйствія другъ отъ друга. Если же интересъ побуждаетъ ихъ къ соглашенію, то послѣднее совершается *противъ* общества: они устанавливаютъ монопольныя цѣны».

При общественномъ регулированіи хозяйственнаго процесса, соотвѣтствіе между размѣромъ общественнаго производства и размѣромъ общественныхъ производительныхъ силъ устанавливается само собой. При господствѣ же въ хозяйственной сферѣ частныхъ наследственныхъ должностныхъ лицъ (собственниковъ земли и капитала), дѣло принимаетъ совершенно иной видъ. Въ капиталистическомъ обществѣ «недостаточно, чтобы трудъ былъ готовъ къ производству. Не достаточно, чтобы средства производства имѣлись налицо. Сколько бы ни было незанятыхъ рабочихъ, могущихъ быть хорошими прядильщиками, сколько бы шерсти ни изготовили сельскіе хозяева, сколько бы прядильныхъ машинъ ни произвели машинные фабриканты, если всѣмъ этимъ производительнымъ силамъ не противостоятъ капиталистъ, если не находится предпринимателя, обладающаго достаточнымъ состояніемъ, чтобы купить всѣ эти элементы капитала, то рабочіе остаются безъ работы, а средства производства безъ производительнаго употребленія. Ни рабочіе не могутъ найти доступа къ производительной дѣятельности, ни средства производства придти въ движеніе».

Далѣе, если даже и имѣется состоятельный предприниматель, онъ возьмется за дѣло лишь въ томъ случаѣ, если дѣло обѣщаетъ ему достаточный барышъ. Но пусть предпріятіе пошло въ ходъ, и трудъ соединился съ капиталомъ для производительной дѣятельности. Все же нѣтъ никакой гарантіи, что производство приняло, съ точки зрѣнія всего общества, наиболѣе выгодное направленіе, такъ какъ частная собственность ограничиваетъ свободу размѣщенія производительныхъ силъ страны и нерѣдко приковываетъ ихъ къ такому пункту, на которомъ невозможно наиболѣе производительное примѣненіе этихъ силъ.

«Казалось бы, что можетъ быть естественнѣе, разумнѣе, понятнѣе, какъ то, что богатство націи опредѣляется количествомъ объективныхъ средствъ производства, которыми она владѣетъ и которыя она желаетъ утилизировать, и количествомъ труда, который она можетъ и желаетъ примѣнить къ дѣлу. Казалось бы, что могло бы быть негнѣе устройства, которое парализовало бы желаніе и возможность производства, осуждало бы готовность къ труду на праздность, машины на бездѣйствіе и матеріалъ производства на порчу? Однако, въ современномъ устройствѣ общества эта негнѣсть есть дѣйствительность. Ни одна нація, при господствѣ частной собственности на землю и капиталъ, не настолько богата, насколько она можетъ быть богата, и расчетъ Шевалье — что, при равномъ раздѣленіи французскаго національнаго дохода, каждый французъ превратился бы въ бѣдняка — есть, въ дѣйствительности, жесточайшая критика современнаго порядка вещей... Размѣръ національнаго производства не опредѣляется нынѣ размѣромъ имѣющихся средствъ производства, но случайными обстоятельствами, которыя столь же часто позволяютъ, какъ и препятствуютъ

пользованию средствами производства. Среди всеобщей нужды, трудъ и капиталъ могутъ быть обществу совершенно бесполезны... Но и тогда, когда «конъюнктура» допускаетъ утилизированіе средствъ производства, они не могутъ быть примѣнены наиболѣе производительнымъ образомъ. Ибо частная собственность на землю и капиталъ монополизируетъ даже прогрессъ производительности и нерѣдко ведетъ, при случайности распредѣленія собственности, къ устройству предпріятій тамъ, гдѣ они являются наименѣе производительными).

Такимъ образомъ, даже съ точки зрѣнія производительности общественнаго труда, капиталистическое хозяйство не только не есть идеалъ, какимъ его считаютъ экономисты, но заключаетъ въ себѣ условія, прямо препятствующія полному развитію производительныхъ силъ общества. Съ точки зрѣнія справедливости распредѣленія общественнаго продукта, капиталистическое хозяйство подлежитъ еще болѣе суровой критикѣ.

Ученіе Родбертуса о распредѣленіи народнаго дохода въ капиталистическомъ обществѣ представляетъ собой настоящій шедевръ немудимо логическаго развитія одной основной идеи — трудовой теоріи цѣнности. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что это ученіе есть не только наиболѣе послѣдовательное, но даже, безусловно, *единственно* послѣдовательное развитіе трудовой теоріи. И Рикардо, и Марксъ были, сравнительно съ Родбертусомъ, эклектиками. Только теорія прибыли на капиталъ — но *не земельной ренты* — построена Рикардо и Марксомъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ теоріей трудовой цѣнности. И лишь въ ученіи Родбертуса теорія какъ прибыли, такъ и земельной ренты находится въ полномъ согласіи съ признаніемъ труда единственнымъ факторомъ цѣнности.

Но мы видѣли, что трудовая теорія цѣнности допускаетъ весьма различныя толкованія. Мы познакомились пока съ двумя вариантами этой теоріи. Согласно общему варианту (принадлежащему Рикардо), трудъ есть *не единственный, но важнѣйшій объективный факторъ цѣны* свободно воспроизводимыхъ товаровъ. Трудовая теорія цѣнности Рикардо есть въ то же время теорія издержекъ производства: трудъ лишь постольку вліяетъ на цѣны, поскольку онъ опредѣляетъ издержки производства.

По ученію англійскаго экономиста, между относительными затратами труда на производство различныхъ товаровъ и относительными рыночными цѣностями послѣднихъ существуетъ нѣкоторое соотвѣтствіе, но соотвѣтствіе весьма грубое и несовершенное, къ тому же постоянно нарушаемое колебаніями спроса и предложенія. Въ одномъ изъ не такъ давно опубликованныхъ писемъ Рикардо къ Макъ - Куллоху, содержится любопытное мѣсто, проливающее яркій свѣтъ на то, какъ смотрѣлъ творецъ трудовой теоріи цѣнности на свою собственную теорію.

Вотъ это мѣсто. «Я думаю иногда, — пишетъ Рикардо, — что если бы

мнѣ пришлось снова написать главу о цѣнности въ моей книгѣ, я призналъ бы, что относительная цѣнность продуктовъ регулируется двумя причинами, а не одной: а именно, относительнымъ количествомъ труда, требующагося для производства данныхъ продуктовъ, и размахомъ прибыли, получаемой за то время, въ теченіе котораго капиталъ былъ занятъ и которое прошло, пока продукты не поступили на рынокъ». Но не будучи доволенъ своимъ изложеніемъ теоріи цѣнности, Рикардо въ тѣхъ же письмахъ энергично настаиваетъ на справедливости своей основной идеи, что «великимъ (т.-е., строго говоря, главнѣйшимъ. *М. Т.-Б.*) регуляторомъ цѣнности является количество труда, потребнаго для производства оцѣниваемаго предмета».

Такова теорія цѣнности Рикардо. Въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ трудъ есть важнѣйшій объективный регуляторъ среднихъ товарныхъ цѣнъ. Совершенно иначе понималъ трудовую теорію цѣнности Прудонъ. Для него трудовая цѣнность есть далеко недостигнутый современнымъ обществомъ хозяйственный идеалъ — равнаго и справедливаго вознагражденія рабочихъ. Для Рикардо трудовая теорія есть теорія существующаго капиталистическаго строя; для Прудона — революціонная теорія будущаго, теорія освобожденія пролетаріата.

Кто же изъ двоихъ правъ? Такъ какъ Рикардо и Прудонъ понимаютъ трудовую теорію различно, то оба они могутъ быть правы. Какъ мы видѣли въ предыдущемъ «Очеркѣ», Марксъ противопоставлялъ Рикардо Прудону. Но, конечно, самъ Рикардо никогда не согласился бы, чтобы его теорія доказывала осуществленіе въ современномъ хозяйственномъ строѣ того требованія экономической справедливости, которое выставлялъ Прудонъ. Рикардо призналъ бы, вѣроятно, трудовую цѣнность въ смыслѣ Прудона утопией, но ужъ, разумѣется, онъ усмотрѣлъ бы въ толкованіи его теоріи Марксомъ безцеремоннѣйшее искаженіе его мыслей. Точно также Прудонъ, называя трудовую теорію цѣнности революціонной теоріей будущаго, охотно бы призналъ, что теорія Рикардо ничего революціоннаго въ себѣ не заключаетъ и всецѣло покоится въ настоящемъ.

Итакъ, мы знаемъ пока двѣ трудовыхъ теоріи цѣнности: одна теорія признаетъ трудъ производства (точнѣе воспроизводства) важнѣйшимъ регуляторомъ среднихъ товарныхъ цѣнъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ; другая теорія конструируетъ понятіе трудовой цѣнности, какъ полной пропорціональности между трудовыми затратами и мѣновыми отношеніями продуктовъ, и признаетъ такую трудовую цѣнность хозяйственнымъ идеаломъ, равнозначущимъ полному господству справедливости въ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Обѣ теоріи не противорѣчатъ другъ другу и могутъ быть одновременно вѣрны.

Но существуетъ еще третья трудовая теорія цѣнности, или третій вариантъ этой теоріи. Согласно этой теоріи, или этому варианту, цѣнность, сама по себѣ, есть ничто иное, какъ общественный трудъ, какъ

бы заключенный, кристаллизованный въ трудовомъ продуктѣ. Въ этомъ смыслѣ трудъ есть субстанція, существо, природа цѣнности. Эта абсолютная теорія трудовой цѣнности признаетъ трудъ—и при томъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ—не верховнымъ или важнѣйшимъ факторомъ цѣнности, а самой цѣностью, единственной цѣностью. Только трудъ—и ничего больше—образуетъ цѣнность—все, что не содержитъ въ себѣ человѣческаго труда, не содержитъ въ себѣ и цѣнности. Эта абсолютная теорія трудовой цѣнности находится въ очевидномъ противорѣчїи какъ съ первымъ вариантомъ трудовой теорїи—по которому трудъ есть одинъ изъ многихъ факторовъ цѣнности—такъ и со вторымъ, по которому трудовая цѣнность есть хозяйственный идеалъ. Ибо если уже *теперь* абсолютная трудовая цѣнность осуществлена, то она не можетъ быть идеаломъ *будущаю*.

Родбертусъ сдѣлалъ болѣе всякаго другого для раскрытія глубочайшаго, до сихъ поръ еще не разъясненнаго, сокровеннаго смысла трудовой теорїи цѣнности, которая поистинѣ играетъ роль загадки сфинкса въ новѣйшей политической экономїи. Уже многочисленность вариантовъ трудовой теорїи цѣнности, а еще болѣе, то весьма любопытное обстоятельство, что трудовая теорія, по мѣрѣ своего развитія, принимала все болѣе абсолютную форму и изъ скромнаго утвержденія, что трудъ есть одинъ изъ многихъ факторовъ цѣнности, превратилась—въ системѣ Родбертуса и Маркса—въ признаніе труда единственной субстанціей цѣнности—заставляетъ думать, что въ трудовой теорїи скрывается какая-то глубокая истина. И именно послѣдняя, новѣйшая форма трудовой теорїи—абсолютная теорія Родбертуса и Маркса,—легче всего доступная критикѣ, опровергнутая тысячи разъ и находящаяся въ вопіющемъ противорѣчїи съ очевиднѣйшими экономическими фактами, является, на нашъ взглядъ, наиболѣе многозначительной. Мы не считаемъ эту абсолютную теорію истинной—слишкомъ очевидны ея натяжки и слишкомъ произволенъ ея основной тезисъ, который не только никогда никѣмъ не былъ доказанъ, но и безусловно недоказуемъ. Опровергнуть эту теорію, повторяемъ, не трудно—и она уже, несомнѣнно, окончательно опровергнута и отвергнута наукой. Но есть же въ этой теорїи какая-то таинственная сила, какое-то непонятное очарованіе, если, несмотря на очевиднѣйшія, какъ дважды два, опроверженія, она продолжаетъ жить и не теряетъ своей власти надъ умами!

Въ чемъ же заключается великая и пока не разгаданная тайна трудовой теорїи цѣнности? Мы постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ съ полной точностью и опредѣленностью въ слѣдующемъ «Очеркѣ», посвященномъ Марксу. Теперь же вернемся къ ученію о цѣнности Родбертуса.

Этотъ удивительно ясный, прямо прозрачный, логическій умъ, все построеніе котораго развертывается съ наглядной неотразимостью гео-

метрической теоремы, внезапно теряет свою ясность и опредѣленность именно въ этомъ центральномъ вопросѣ всякой экономической системы. Несомнѣнно, что Родбертусъ былъ сторонникомъ трудовой теоріи цѣнности. Но въ какомъ ея вариантѣ? На это можетъ быть данъ только одинъ отвѣтъ—во всѣхъ трехъ вариантахъ.

Въ своей первой работѣ «Zur Erkenntniss unserer staatwirthschaftlichen Zustände» (1842 г.) Родбертусъ даетъ весьма замѣчательное обоснованіе трудовой теоріи цѣнности, которое могло бы покончить съ загадкой сфинкса, если бы авторъ не остановился на полдорогѣ. Родбертусъ указываетъ, что въ производствѣ участвуютъ три фактора—трудъ, орудія производства и земля, которые, въ техническомъ смыслѣ, совершенно однородны. Машина замѣняетъ рабочаго и, какъ средство производства, ничѣмъ по существу не отличается отъ рабочаго. Технологія не имѣетъ никакого основанія проводить принципиальное различіе между человѣкомъ и прежними факторами производства. Напротивъ, съ точки зрѣнія политической экономіи, человѣческая рабочая сила принципиально, по самому существу, отличается отъ всѣхъ другихъ производительныхъ агентовъ. Съ экономической точки зрѣнія, единственной затратой производства является человѣческій трудъ—и ничего больше. «Трудъ есть единственный элементъ въ производствѣ благъ, имѣющій значеніе съ точки зрѣнія стоимости. Нужно, однако, выяснять самое понятіе стоимости. Оно содержитъ въ себѣ нѣчто больше простого признанія необходимости чего-либо для производства другого. Оно означаетъ, по самой своей сущности, какъ то, что затрата должна быть сдѣлана,—затрата,—не могущая, поэтому, одновременно служить для чего-либо другого, такъ и то, что затрата эта должна быть сдѣлана опредѣленнымъ лицомъ, не могущимъ поэтому ее повторить. Изъ послѣдняго слѣдуетъ, что лишь человѣкъ что либо можетъ стоить... Матеріалъ не принадлежитъ къ числу затратъ на производство блага, ибо стоимость блага опредѣляется для насъ лишь затратами дѣлаемымъ самими человѣкомъ».

Поэтому, Родбертусъ считаетъ себя въ правѣ признавать единственной производительной силой трудъ, а землю и капиталъ—лишь условіями производства, непосредственно вліяющими на производительность труда. «Въ каждомъ производствѣ,—говоритъ Родбертусъ въ другой своей книгѣ «Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes»,—участвуютъ силы природы; безъ ихъ помощи трудъ не могъ бы ничего произвести; даже богѣ—*технически* матеріальный трудъ участвуетъ въ производствѣ отнюдь не иначе, чѣмъ помогающая ему природа, ибо трудъ сводится къ матеріальному передвиженію части матеріи. Но *экономически* всякій продуктъ, который, благодаря труду, становится для насъ (хозяйственнымъ) благомъ, долженъ быть отнесенъ исключительно на счетъ *человѣческаго труда* благодаря тому, что трудъ есть единственная первоначальная сила и также единственная

первоначальная затрата, съ которой считается *человѣческое хозяйство*. Поэтому, тамъ, гдѣ трудъ получаетъ большую помощь отъ природы, *трудъ дѣлается*, съ экономической точки зрѣнія, *производительнѣе*, а не часть трудового продукта относится на счетъ силъ природы».

Признаніе труда единственной производительной силой требуетъ признанія, что «только тѣ блага принадлежатъ къ числу хозяйственныхъ», которыя стоили труда... Всѣ прочія блага, какъ бы они ни были необходимы или полезны человѣку, суть *естественныя блага*, до которыхъ *человѣческому хозяйству нѣтъ никакого дѣла*. (Третье «Соціальное письмо» къ Кирхману).

Какое же соотношеніе между трудовой *стоимостью* и *цѣнностью* продукта?

На это Родбертусъ даетъ противорѣчивые отвѣты. Такъ, онъ категорически утверждаетъ, что «то, что Рикардо признавалъ *дѣйствительностью* (трудовая цѣнность) есть лишь наше требованіе, есть лишь величайшая и практически-важнѣйшая политико-экономическая идея», и упрекаетъ Маркса въ томъ, что онъ еще «не освободился отъ индивидуалистической скорлупы, признавая трудовую цѣнность реализованной уже въ нынѣшнемъ хозяйственномъ строѣ, между тѣмъ какъ достигнуть ея реализаціи мы можемъ лишь путемъ законодательства».

При существованіи частной собственности на землю и капиталъ не только рыночныя цѣны не совпадаютъ съ относительными трудовыми затратами на производство продуктовъ, но даже и среднія цѣны *могутъ* совпадать съ трудовой стоимостью—и по слѣдующей причинѣ. При современныхъ условіяхъ хозяйства большая часть хозяйственныхъ предметовъ, повышаясь по ступенямъ производства, переходитъ изъ одного предпріятія въ другое (въ одномъ предпріятіи добывается сырье, въ другомъ оно превращается въ полуфабрикатъ и т. д.). «Допустимъ—говоритъ Родбертусъ въ своемъ четвертомъ «Соціальному письму» къ Кирхману,—что производство известнаго блага раздѣляется на четыре ступени, требующія равнаго количества труда и являющіяся достояніемъ особыхъ предпріятій. Если бы на каждой ступени цѣнность совпадала съ трудовой затратой, то цѣнность, создаваемая на каждой изъ этихъ ступеней производства, должна была бы быть равна. На самомъ же дѣлѣ, послѣдній предприниматель, дающій занятіе не большому числу рабочихъ, чѣмъ первый или второй, долженъ начислить на свой продуктъ большую прибыль, чѣмъ первый и второй. Ибо въ послѣднемъ предпріятіи матеріалъ, поступающій въ обработку стоитъ большаго труда и имѣетъ, поэтому, большую цѣнность, чѣмъ матеріалъ второго предпріятія. Отсюда слѣдуетъ, что если бы продукты второго и послѣдняго предпріятія расцѣнивались пропорціонально затратамъ труда, одинаковымъ въ обоихъ случаяхъ, то процентъ прибыли въ послѣднемъ предпріятіи былъ бы ниже, чѣмъ во второмъ. Но такъ какъ конкуренція требуетъ равныхъ процентвъ прибыли, то и положеніе, что

цѣнность пропорціональная трудовой стоимости, гарантируетъ достаточную прибыль капиталисту, должно быть видоизмѣнено. И я не только никогда не смотрѣлъ на этотъ вопросъ иначе — прибавляетъ Родбертусъ—но даже думаю, что я первый между политикоэкономами доказалъ, что въ этомъ случаѣ принимаемый англійской школой законъ тяготѣнія рыночной цѣнности къ трудовымъ затратамъ требуетъ ограниченія».

Иными словами, Родбертусъ указываетъ, что, благодаря закону равенства прибылей, продукты, для производства которыхъ требуется равная затрата труда, но различная затрата капитала, должны имѣть не равную, а различную цѣнность, и именно цѣнность, пропорциональную затратамъ капитала, а не труда. То же самое, только въ болѣе общей формѣ, утверждалъ, какъ мы видѣли, и Рикардо. Поэтому, Родбертусъ безусловно неправъ приписывая себѣ открытіе указаннаго ограниченія закона трудовой расцѣпки и утверждая, что школа Рикардо принимала этотъ послѣдній законъ безъ всякихъ ограниченій. Какъ разъ наоборотъ: ученіе о цѣнности Рикардо покоилось, именно, на этомъ ограниченіи, сущность котораго сводится къ тому, что въ капиталистическомъ хозяйствѣ среднія цѣны тяготеютъ не къ *трудовымъ затратамъ*, а къ *издержкамъ производства*.

Итакъ, Родбертусъ цѣликомъ принимаетъ ученіе о цѣнности Рикардо, по которому трудъ играетъ въ современномъ хозяйствѣ роль *важнѣйшаго*, но не *единственнаго* регулятора среднихъ цѣвъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Прудону, Родбертусъ признавалъ *конституированіе* цѣнности—созданіе такой экономической организаціи, которая прекратила бы колебанія цѣвъ и привела бы ихъ въ строгое соотвѣтствіе съ трудовой стоимостью каждаго продукта—важнѣйшей задачей экономического законодательства. Трудовая цѣнность для Родбертуса, какъ и для Прудона, была осуществленіемъ социальнаго идеала равенства и справедливости, идеала, котораго общество достигнетъ въ полномъ размѣрѣ лишь тогда, когда исчезнетъ частная собственность на землю и капиталъ, и когда «общество замѣнитъ законами разума» дѣйствующіе въ настоящее время такъ называемые «естественные законы».

Все это вмѣстѣ не даетъ, повидимому, никакого права зачислять Робертуса въ число сторонниковъ абсолютной трудовой теоріи, согласно которой трудъ уже и теперь есть единственная субстанція цѣнности. И однако, не взирая на столь категорическія заявленія Родбертуса, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ самъ, еще болѣе Маркса, повиненъ въ томъ грѣхѣ, въ которомъ онъ упрекалъ послѣдняго—а именно въ «признаніи трудовой цѣнности реализованной уже въ настоящемъ стрѣ».

Вся теорія земельной ренты Родбертуса покоится (какъ мы увидимъ ниже) на абсолютной трудовой теоріи цѣнности. Отвергая эту

последнюю теорію въ своемъ общемъ ученіи о цѣнности, Родбертусъ исходить, именно, изъ нея въ своемъ ученіи о распредѣленіи.

Но и въ ученіи о цѣнности Родбертуса имѣется мостъ, перебрасываемый нашимъ мыслителемъ черезъ бездну, отдѣляющую теорію издержекъ производства отъ абсолютной трудовой теоріи. Этимъ мостомъ является утвержденіе Родбертуса, что трудовая цѣнность хотя и не реализуется полностью въ современномъ хозяйствѣ, но все же составляетъ центръ, къ которому тяготеютъ и вокругъ котораго колеблется цѣны. «Хотя рыночная цѣна,—говоритъ Родбертусъ,—подчиняется въ предоставленномъ самому себѣ мѣновомъ хозяйствѣ, владычеству случайнаго спроса и предложенія, все же цѣна, во всякомъ случаѣ, тяготеетъ къ затраченной на производство продукта производительной силѣ, къ стоимости продукта. Цѣна имѣетъ, во всякомъ случаѣ, стремленіе придти въ соотвѣтствіе съ справедливымъ принципомъ оплаты». (Второе «Соціальное письмо»).

«...Цѣнность, въ дѣйствительной жизни рыночная цѣна, то падаетъ ниже центральнаго пункта, устанавливаемаго трудовой затратой, то подымается выше его, потому что въ предоставленномъ самому себѣ обращеніи нѣтъ высшей регулирующей руки... Но рыночная цѣна, по крайней мѣрѣ, постоянно тяготеетъ къ этому пункту». (Третье «Соціальное письмо»).

Нечего и говорить, что это, безусловно, невѣрно. Трудовая стоимость вовсе не есть центръ притяженія рыночныхъ цѣнъ. Такимъ центромъ притяженія являются въ капиталистическомъ хозяйствѣ отнюдь не трудовыя затраты, а издержки производства — и это призналъ самъ Родбертусъ. (См. вышеприведенную цитату изъ 4-го «Соціального письма»). Черезъ издержки производства трудовая затрата могущественно вліяетъ на цѣны, но, помимо издержекъ производства, сама по себѣ трудовая стоимость не оказываетъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ абсолютно никакого вліянія на цѣны. Такова теорія цѣнности Рикардо, принятая и Родбертусомъ.

Но Родбертусу, для его теоріи распредѣленія, требуется абсолютная трудовая цѣнность, и вотъ онъ ее вводитъ контрабанднымъ путемъ, съ задняго хода. Оказывается, что трудовая затрата, сама по себѣ, какимъ-то мистическимъ образомъ, управляетъ средними цѣнами товаровъ. Но если такъ, то какой смыслъ имѣетъ цитированное разсужденіе Родбертуса, убѣдительно доказавшаго, что законъ равенства прибыли препятствуетъ въ современномъ хозяйствѣ совпаденію съ трудовыми затратами даже и среднихъ товарныхъ цѣнъ?

Въ итогѣ, ученіе о цѣнности автора «Соціальныхъ писемъ», несмотря на отдѣльныя глубокія мысли, противорѣчиво и незакончено. Не подлежитъ сомнѣнію, что Родбертусъ одновременно придерживался взаимоисключающихъ вариантовъ трудовой теоріи. Не довольствуясь признаніемъ абсолютной трудовой цѣнности идеаломъ будущаго, онъ

не могъ освободиться отъ мысли, что ѣ въ настоящемъ трудовая цѣнность какимъ-то таинственнымъ образомъ господствуетъ надъ средними цѣнами, и въ то же время придерживался совершенно противоположной теоріи издержекъ производства.

На такомъ зыбкомъ фундаментѣ было бы трудно построить логически-стройную теорію распредѣленія. Но Родбертусъ обходитъ это затрудненіе, разсѣкая гордіевъ узелъ, распутать который онъ оказался не въ силахъ. Онъ какъ бы совершенно забываетъ о томъ, что, по его собственному признанію, регуляторомъ среднихъ цѣвъ является въ настоящее время не трудъ, а издержки производства, онъ исходитъ во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ изъ положенія, что трудовая затрата есть реальный центръ, вокругъ котораго колеблются цѣвы—иначе говоря, исходитъ изъ абсолютной трудовой теоріи. Такимъ путемъ Родбертусъ достигаетъ чрезвычайной стройности и послѣдовательности въ своемъ ученіи о распредѣленіи, но въ ущербъ его объективной правильности. Ложная посылка, лежащая въ основаніи всего научнаго зданія, воздвигнутаго Родбертусомъ, привела съ логической неизбѣжностью къ ложному ученію о земельной рентѣ. Поэтому, теорія распредѣленія Родбертуса есть вмѣстѣ и высшее торжество, и уничтожающее пораженіе абсолютной трудовой теоріи цѣвности. Торжество потому, что только теорія Робертуса есть безусловно послѣдовательное, *до самаго конца*, безъ всякихъ ограниченій, развитіе абсолютной трудовой теоріи; пораженіе же потому, что это логическое развитіе оказалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, *reductio ad absurdum* трудовой теоріи.

Но несмотря на все это, ученіе о распредѣленіи Родбертуса есть одно изъ гениальнѣйшихъ произведеній челоуѣческаго ума. Оно развито, главнымъ образомъ, во второмъ и третьемъ «Соціальномъ письмѣ» къ Кирхману. Строго слѣдуя своему методу—синтетическаго изученія всего народнаго хозяйства въ совокуинности—Родбертусъ объясняетъ происхожденіе составныхъ элементовъ народнаго дохода т.-е., заканчиваетъ дѣло Рикардо, открывшаго взаимную зависимость этихъ элементовъ, ихъ соотношеніе, какъ опредѣленныхъ *долей* общественнаго дохода, но и не ставившаго вопросъ объ ихъ происхожденіи и соціальному значеніи. Все это исполнено Родбертусомъ съ неподражаемымъ мастерствомъ.

Результатомъ производительной дѣятельности общества является коллективное созданіе общественнаго продукта. Часть этого общественнаго продукта совсѣмъ не предназначена для общественнаго потребления и идетъ на возмѣщеніе израсходованнаго и уничтоженнаго во время процесса производства общественнаго капитала—иначе говоря средствъ производства. Другая часть распредѣляется между общественными классами, и прежде всего между тремя классами, непосредственно владѣющими тремя основными производительными факторами—трудомъ, капиталомъ и землей—рабочими, капиталистами и землевладельцами. «Рабочая плата, рента, земельная рента, прибыль на ка-

питають суть социальныя факты и понятія,—говорить Родбертусъ,—т.-е. факты и понятія, которые существуютъ лишь потому, что соответствующія лица соединены узамъ раздѣленія труда въ одно общество. При принципиальномъ объясненіи заработной платы, ренты и пр. можно, рассматривать всю общественную заработную плату, всю ренту и пр., какъ цѣлое, такъ что можно мыслить все общество, какъ состоящее изъ одного рабочаго, одного землевладѣльца и одного капиталиста. Ибо законы, регулирующіе дальнѣйшее раздѣленіе заработной платы, земельной ренты и прибыли на капиталъ между отдѣльными рабочими, отдѣльными землевладѣльцами и отдѣльными капиталистами суть иные законы, чѣмъ тѣ, которые устанавливають распаденіе общественнаго продукта вообще на рабочую плату, земельную ренту и прибыль».

«Ренту образуетъ всякій доходъ, получаемый безъ собственнаго труда, исключительно въ силу владѣнія имуществомъ. Что такой доходъ имѣется къ обществѣ—это не можетъ быть никѣмъ оспариваемо, хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что имущество, которымъ владѣютъ, есть результатъ собственнаго труда владѣльца. Рентой является, поэтому, какъ земельная рента, такъ и прибыль, и процентъ на капиталъ».

Какимъ же образомъ возникаетъ рента? Съ точки зрѣнія Родбертуса, единственной производительной силой является трудъ, всѣ продукты суть продукты труда и только труда. Но, между тѣмъ, рента не есть результатъ труда получающаго ее лица. Слѣдовательно, рента есть часть трудового продукта другого лица. Для возникновенія ренты необходимы два слѣдующихъ основныя условія: «Во-первыхъ, не можетъ быть ренты, если трудъ не создаетъ больше того, что требуется, по крайней мѣрѣ, для продолженія труда рабочаго; ибо, если такого избытка нѣтъ, то никто не можетъ получать доходъ, не работая лично. Во-вторыхъ, не можетъ быть ренты, если не имѣется учрежденій, лишаящихъ рабочихъ всего или доли этого избытка и передающихъ его другимъ, лично не работающимъ, ибо рабочіе по самому существу дѣла являются первичными обладателями своего продукта. То обстоятельство, что работа даетъ этотъ избытокъ—основывается на хозяйственныхъ причинахъ, повышающихъ производительность труда. То же, что этотъ избытокъ частью или цѣликомъ отбирается у рабочихъ и поступаетъ въ пользу другихъ—основывается на положительномъ правѣ, которое съ самаго своего возникновенія покоилось на силѣ и повынѣ лишь путемъ принужденія лишаетъ рабочихъ части созданнаго ими продукта».

Этой силой, создавшей нетрудовые формы дохода, первоначально было *рабство*. Рабочіе, изготовлявшіе общественный продуктъ, были рабами своего господина, оставлявшаго рабамъ лишь такую долю ихъ продукта, которая была имъ строго необходима для поддержанія ихъ жизни и работоспособности. Но рабство возникаетъ лишь на определенной ступени развитія производительныхъ силъ общества, благодаря тому, что на болѣе раннихъ ступеняхъ трудъ слишкомъ мало произ-

*.

водителемъ и не могъ бы создать никакого избыточнаго продукта для своего господина. Поэтому, наиболѣе первобытныя племена не обращаютъ своихъ плѣнниковъ въ рабство, а просто убиваютъ ихъ.

Въ настоящее время рабства не существуетъ, но отсутствіе средствъ производства у рабочихъ и принадлежность земли и капитала другимъ лицамъ оказываетъ на рабочихъ такое же принудительное дѣйствіе, какъ и рабство. «Приказанія рабовладѣльца замѣнены договоромъ рабочихъ со своимъ хозяиномъ, но этотъ договоръ только формально, а не матеріально, свободенъ, и голодъ почти вполне замѣняетъ плеть. Что называлось раньше кормомъ для рабовъ, теперь называется заработной платой».

Причиной увеличенія производительности труда, сдѣлавшей возможной ренту, было раздѣленіе труда. «Въ изолированномъ состояніи—до раздѣленія труда—наши потребности превосходятъ наши силы; въ общественномъ состояніи—при раздѣленіи труда—наши силы превосходятъ наши потребности». Но вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда возникаетъ и эксплуатація однихъ членовъ общества другими, распаденіе общества на работающіе и не работающіе классы, причемъ послѣдніе присваиваютъ себѣ большую или меньшую долю продукта первыхъ. «Утвержденіе экономистовъ, что, по крайней мѣрѣ, первоначально земля, капиталъ и рабочій продуктъ принадлежали самимъ рабочимъ, не только не согласуется съ исторіей, но даже, наоборотъ, исторія показываетъ, что первоначально не только земля, капиталъ и рабочій продуктъ, но даже и самъ рабочій принадлежали другимъ лицамъ, что первичная система эксплуатаціи была настолько же тяжелѣе современной, насколько рабство тяжелѣе земельной и капитальной собственности».

Получивъ свободу, рабочій не получилъ ничего, кромѣ свободы. Онъ не получилъ ни земли, ни капитала, требуемыхъ для производства. И то, и другое было собственностью другихъ лицъ. Такое положеніе вещей должно было неизбежно привести къ тому, что собственники земли и капитала стали руководителями производства и собственниками рабочаго продукта, рабочему было предоставлено пользованіе частью произведеннаго имъ продукта, какъ своей заработной платой. «Если трудъ достаточно производителенъ, и существуетъ право собственности на землю и капиталъ, то неизбежно должно произойти само собой, что рабочіе будутъ получать, какъ свой доходъ, только часть своего рабочаго продукта, а остальная часть поступитъ въ доходъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ».

Такимъ образомъ объясняетъ Родбертусъ происхожденіе ренты—нетрудового дохода вообще. Но въ развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ рента, въ свою очередь, распадается на два различныхъ дохода—доходъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ—прибыль и земельную ренту. На чемъ же основывается это распаденіе?

М. Туганъ-Барановскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БУКЕРЪ ВАШИНГТОНЪ.

(Автобіографія негра—общественнаго дѣятеля).

(Окончаніе *).

VII.

Популярность Букера и огромная способность его, какъ воспитателя и организатора, повели къ тому, что его пригласили устроить школу въ Тёскиджи, тоже для негровъ, по образцу Гамптонской.

Городокъ Тёскиджи находился въ мѣстности, гдѣ негрское населеніе оказывалось преобладающимъ въ своей численности и гдѣ учебное заведеніе для чернокожихъ естественно представлялось самою насущною потребностью времени. Но для негровъ ничего еще не было сдѣлано въ этомъ смыслѣ, и какъ чернокожее, такъ и бѣлое населеніе одинаково стремилось къ этому—въ виду того, что представители обоихъ племенъ хорошо уживались здѣсь другъ съ другомъ. Къ тому времени, о которомъ мы говоримъ, правительство Алабамы постановило наконецъ открытіе въ Тёскиджи общеобразовательной и промышленной школы, а городъ, съ своей стороны, предлагалъ этой школѣ ежегодную субсидію въ размѣрѣ двухъ тысячъ долларовъ. Но этой суммы не могло хватить ни на что, кромѣ оплаты учительскаго и воспитательскаго персонала, и вопросъ о томъ, на какія средства соорудить школьное зданіе и обставить его всѣми необходимыми учебными пособиями, оставался открытымъ.

Такимъ образомъ, по прибытіи въ Тёскиджи, Букеръ Вашингтонъ узналъ, что школа существуетъ только въ проектѣ, практическое выполненіе котораго всецѣло ложилося на него. Будущему руководителю школы не было даже приготовлено никакого помѣщенія. Букеръ принужденъ былъ поселиться въ небольшой хижинѣ, находившейся въ такомъ печальномъ состояніи, что въ дождливую погоду ему приходилось завтракать подъ зонтикомъ, а по открытіи занятій—и читать, прикрываясь зонтикомъ, ибо иначе книга совершенно размокла бы отъ потоковъ воды, лившейся сквозь дырявую крышу и потолокъ.

*) См. «Міръ Вождя», № 1, январь. 1902 г.

Однако, прежде, чѣмъ приступить къ занятіямъ и къ дальнѣйшему обсужденію школьнаго проекта, Букеръ нашелъ нужнымъ хорошо ознакомиться съ истинными нуждами мѣстнаго населенія. Съ этою цѣлю онъ не только обходилъ дома негровъ, живущихъ въ городѣ, но и совершилъ цѣлое путешествіе въ небольшой телѣжкѣ, запряженной муломъ, по мѣстамъ, прилежащимъ къ городу. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца разъѣзжалъ онъ такимъ образомъ изъ одной деревушки въ другую, вступая въ разговоръ съ неграми, проводя ночи въ ихъ хижинахъ и раздѣляя ихъ скудную пищу. Повсюду поражала его при этомъ та же безкультурность, то же невѣжество и то же стремленіе къ благамъ внѣшней, поверхностной цивилизаціи, какія онъ наблюдалъ и раньше въ Мальденѣ.

«Я долженъ признаться, — пишетъ Букеръ, — что все видѣнное мною за этотъ мѣсяцъ моихъ разъѣздовъ и разслѣдованій произвело на меня самое удручающее впечатлѣніе. Предстоящая мнѣ задача возвышенія этого народа показалась мнѣ почти невыполнимой. Она лежала на мнѣ одномъ и мнѣ думалось, что съ моими небольшими силами я не смогу сдѣлать ничего, что дало бы ощутительные результаты».

Однако, всѣ эти сомнѣнія, на время смутившія душу Букера, уступили мѣсто новой рѣшимости. Ясно, чѣмъ когда-либо, видѣлъ онъ, что система образованія негровъ должна быть значительно расширена и углублена по сравненію съ общеобразовательною системою американскихъ бѣлыхъ и что новая школа должна взять на себя ту же воспитательную и цивилизующую роль, какую играла школа Гамптона. Но для начала нужно было собрать и начать обучать хоть маленькую горсточку негрской молодежи, которая нетерпѣливо ждала открытія школы. Большинство бѣлаго населенія Тѣсکیدжи, какъ было уже сказано, относилось къ образовательнымъ стремленіямъ негровъ вполне сочувственно. Находились однако и такіе, которые боялись, чтобы, получивъ образованіе, негры не стали отказываться отъ земледѣлія и промышленнаго труда и такимъ образомъ не понизили производительныхъ силъ страны. «Этимъ людямъ трудно было представить себѣ, какое явное воздѣйствіе могло бы произвести на негровъ воспитаніе и образованіе», говорить Букеръ.

При такихъ-то условіяхъ состоялось наконецъ, въ іюлѣ 1881 г., открытіе школы. Въ этотъ день въ школу явились тридцать учениковъ, на половину юношей, на половину дѣвушекъ. Число желающихъ обучаться было гораздо значительнѣе, но рѣшено было принимать пока только учениковъ не моложе пятнадцатилѣтняго возраста и при томъ — имѣющихъ уже нѣкоторую образовательную подготовку. Большинство принятыхъ занималось прежде учительствомъ въ маленькихъ деревенскихъ школахъ; нѣкоторые изъ нихъ достигали сорокалѣтняго возраста. Вмѣстѣ съ этими «учителями» являлся въ школу и кое-кто изъ ихъ бывшихъ учениковъ, причемъ на вступительномъ экзаменѣ ока-

зывалось иногда, что ученики знаютъ больше своего учителя. Въ общемъ познанія поступающихъ отличались крайнею бессистемностью и обнаруживали отсутствіе какихъ-либо разумныхъ критеріевъ въ дѣлѣ образованія. Многіе изъ экзаменующихся похвалялись толщиною прочитанныхъ ими книгъ и, такъ сказать, мудреностью изучаемыхъ ими предметовъ. Нѣкоторые изъ нихъ учились латинскому языку, одинъ или два пытались даже овладѣть греческимъ языкомъ. Многіе выубирали самыя сложныя правила грамматики и математики, не имѣя ни малѣйшаго представленія о прижѣненіи этихъ правилъ. Одинъ изъ поступающихъ заучилъ формулу извлеченія кубическихъ корней, не зная хорошенько даже таблицы умноженія.

Тѣмъ не менѣе, Букеръ скоро замѣтилъ, что всѣ эти молодые люди были полны любознательности, настоящаго стремленія къ свѣту. Они только не умѣли найти пути, по которому нужно было идти къ нему. Но всѣ указанія учителя принимались ими съ величайшимъ вниманіемъ и готовностью исправить свои ошибки.

Число учениковъ возрастало съ каждою недѣлею. Черезъ полтора мѣсяца послѣ открытія школы на помощь Букеру явилось еще одно лицо, новая учительница школъ, миссъ Оливія Дэвидсонъ, которая впоследствии, сблизившись съ Букеромъ въ процессѣ дружной совместной работы, сдѣлалась его женою. Несмотря на то, что въ своихъ воспоминаніяхъ Букеръ говоритъ о ней весьма сдержанно, не вдаваясь въ подробности, которыя могли бы художественно обрисовать ея обликъ, нельзя не видѣть, что эта молодая негрятянка отличалась и умомъ, и нѣжностью сердца, и какою-то особенною, можно сказать принципиальною, выдержкою во всѣхъ своихъ стремленіяхъ и поступкахъ. Она родилась и получила первоначальное воспитаніе въ Огіо, одномъ изъ сѣверныхъ штатовъ, но уже въ очень ранніе годы получила склонность примѣнить свои силы и педагогическія способности въ южныхъ штатахъ, которые дѣйствительно гораздо больше нуждались въ истинныхъ просвѣтителяхъ. Нѣкоторое время она была учительницей въ штатѣ Миссиссипи, причѣмъ проявила рѣдкую сердечность и самоотверженіе въ отношеніи къ своимъ ученикамъ. Но опытъ привелъ ее къ тому же убѣжденію, которое было основою педагогической дѣятельности генерала Армстронга и затѣмъ Букера: она поняла, что одного книжнаго обученія недостаточно для молодого, некультурнаго племени. Чтобы ознакомиться съ болѣе разностороннею системою обученія и воспитанія, она поступила въ Гамптонскую школу, а затѣмъ, окончивъ курсъ ея, дополнила свое образованіе двухгодичнымъ курсомъ нормальной школы въ Фрэммингамѣ. Передъ тѣмъ, какъ она поступила въ Фрэммингамскую школу, кто-то посоветовалъ ей, въ виду исключительно блага для негрятянки цвѣта ея лица *), от-

*) Кожа негровъ такъ разнообразится въ своей окраскѣ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ нельзя отличить отъ представителей кавкаской расы. *Прим. авт.*

речься отъ принадлежности къ негрскому племени и, такимъ образомъ, поставитъ себя въ гораздо болѣе выгодное положеніе. Миссъ Дэвидсонъ твердо отвѣтила, что никогда въ жизни, ни при какихъ обстоятельствахъ, не согласится она ввести кого-либо въ заблужденіе относительно своей принадлежности къ презираемой расѣ чернокожихъ.

Поступивъ въ качествѣ помощницы Букера въ школу Тёскиджи, она внесла въ дѣло всю свою энергію и цѣлый рядъ разумныхъ мыслей и цѣнныхъ педагогическихъ наблюденій. Легко понять, какое подспорье нашелъ въ ней Букеръ и какъ поднялась въ немъ его собственная энергія. Постоянно занимавшая его идея широкаго практическаго воспитанія непрестанно тревожила его умъ и требовала своего скорѣйшаго осуществленія. Несмотря на то, что всѣ ученики школъ были приходящіе, Букеръ и миссъ Дэвидсонъ сдѣлали все, чтобы повліять на нихъ въ чисто-культурномъ отношеніи, привить имъ привычку къ чистотѣ и порядку, научить ихъ какъ можно сознательнѣе относиться ко всѣмъ мелочамъ обыденной жизни. Но этого было недостаточно. Огромное большинство окрестныхъ жителей и вообще чернокожаго населенія Алабамы и ближайшихъ штатовъ занимались земледѣліемъ. Букеръ и миссъ Дэвидсонъ сошлись въ томъ, что задачей школъ должно быть приготовленіе хорошихъ учителей, но такихъ учителей, которые, на ряду съ книжнымъ преподаваніемъ, могли бы воздѣйствовать на умственную и нравственную жизнь народа въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, имѣть съ тѣмъ, распространять новые, лучшіе, методы земледѣльской культуры.

Такимъ образомъ, задача школы выяснилась у обоихъ преподавателей съ полною опредѣленностью. Но средства ея осуществленія были очень неясны и составляли предметъ ихъ постоянныхъ бесѣдъ и размышленій. Въ это время—это было три мѣсяца спустя по открытіи школы—Букеръ услышалъ на городскомъ базарѣ извѣстіе о продажѣ одной заброшенной плантаціи, находившейся на разстояніи одной мили отъ города. Домъ, въ которомъ жили когда-то собственники плантаціи, сгорѣлъ, а потому земля продавалась за очень невысокую цѣну—пятьсотъ долларовъ. Собственникъ ея соглашался даже разсрочить платежъ, ограничившись пока только половиною назначенной суммы. Случай былъ рѣдкій: руководители школъ понимали, что для нихъ цѣлей имъ необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи хоть небольшой клочокъ земли и при томъ, конечно, по близости отъ города. И рѣчь шла только о томъ, чтобы заплатить за эту подходящую имъ землю пока хоть двѣсти пятьдесятъ долларовъ. Но школа не располагала и этими средствами. Тогда Букеру пришла мысль обратиться съ просьбою о временномъ пособіи къ его хорошему знакомому, Дж. Маршалу, состоявшему казначеемъ гамптонской школы. Возвратъ просимой суммы Букеръ рѣшилъ взять на свою личную отвѣтственность.

Прошло нѣсколько дней мучительнаго ожиданія. Но зато полученный отвѣтъ содержалъ радостное извѣстіе: не считая себя въ правѣ распоряжаться средствами гамптонской школы, Дж. Маршалъ предлагалъ Букеру взять нужные ему двѣсти пятьдесятъ долларовъ изъ его личныхъ средствъ. «Признаюсь, — говоритъ Букеръ, — до этого времени мнѣ никогда еще не приходилось имѣть въ своихъ рукахъ и ста долларовъ заразъ и, сумма, объ одолженіи которой я просилъ генерала Маршала, казалась мнѣ страшно большой. Сознаніе моей отвѣтственности въ уплатѣ такихъ денегъ легло на мое сердце тяжелымъ камнемъ».

Тѣмъ не менѣе, первый шагъ въ осуществленіи поставленной цѣли былъ теперь сдѣланъ, и къ чувству тяжелой отвѣтственности присоединялась бодрая надежда. Не теряя времени, Букеръ сталъ заботиться о перенесеніи школы на пріобрѣтенную имъ землю. Изъ строеній бывшей фермы здѣсь сохранилась только маленькая полуразвалившаяся кухня, хлѣвъ и курятникъ. Но первоначальное помѣщеніе школы пріучило воспитанниковъ къ невзыскательности, и никто не былъ особенно удивленъ идеей Букера воспользоваться для классныхъ помѣщеній хлѣвомъ и курятникомъ. Оба зданія были починены и старательно вычищены руками самихъ учениковъ подъ руководствомъ и при участіи наставниковъ.

Гораздо труднѣе было Букеру провести другую свою мысль—о немедленной расчисткѣ земли подъ будущій посѣвъ. Понятіе о соединеніи образованія съ земледѣльческимъ трудомъ рѣшительно не укладывалось въ головѣ его воспитанниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, бывшіе уже учителями, полагали даже, что это можетъ уронить ихъ достоинство. Но мало-по-малу Букеру удалось личнымъ примѣромъ приривить ихъ съ этимъ дѣломъ и даже пріохотить ихъ къ физическому труду. Каждый день, послѣ школьныхъ занятій, они выходили на работу, и скоро было расчищено и обработано до двадцати акровъ земли, на которой сдѣланъ былъ первый посѣвъ.

Между тѣмъ, миссъ Дэвидсонъ занялась собираніемъ средствъ для выплаты долга и дальнѣйшаго поддержанія школы. Съ этою цѣлью она устраивала маленькіе «праздники» или «ужины», провизія которыхъ состояла изъ собираемыхъ ею добродѣльныхъ пожертвованій и на которыхъ собирались маленькія денежныя пожертвованія въ пользу школы. Не только чернокожее, но и бѣлое населеніе отозвалось на ея призывъ самымъ сердечнымъ образомъ. Всякій давалъ, что могъ и сколько могъ. Однажды въ комнату Букера вошла старая, одѣтая въ лохмотья негрятявка и обратилась къ нему съ такою рѣчью: «М-ръ Вашингтонъ! Богу извѣстно, что лучшіе дни моей жизни прошли въ неволѣ. Богу извѣстно, какая я темная и бѣдная... Но все-таки я вѣдь знаю, надѣ чѣмъ вы и миссъ Дэвидсонъ такъ стараетесь. Я вѣдь знаю, что вы стараетесь сдѣлать изъ негровъ хорошихъ людей и хо-

рошихъ женщинъ. Денегъ у меня нѣтъ, но вы ужъ не откажитесь взять эти шесть ячекъ, которыя я сберегла. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы ихъ взяли, мои шесть ячекъ, на воспитаніе этихъ юношей и этихъ дѣвушекъ». «Со времени основанія школъ въ Тѣсвиджи,—заключаетъ Букеръ,—мнѣ много разъ приходилось получать разныя пожертвованія въ пользу нашего заведенія, но, кажется, никогда и ни одно изъ нихъ не трогало такъ глубоко моего сердца, какъ приношеніе этой негритянки».

Сборъ пожертвованій и выручка денегъ посредствомъ разныхъ празднествъ шли настолько успѣшно, что по истеченіи трехъ мѣсяцевъ со времени покупки земли, Букеру удалось выплатить долгъ въ двѣсти пятьдесятъ долларовъ генералу Маршалу, а еще черезъ нѣкоторое время уплачены были и отсроченные двѣсти пятьдесятъ долларовъ бывшему собственнику земли.

Такимъ образомъ положено было незыблемое основаніе, на которомъ должны были развернуться широкіе замыслы первыхъ руководителей школы. Но нужно было безостановочно идти дальше. Ученики школы были до сихъ поръ приходящими, а при такихъ условіяхъ нельзя было и думать о воспитаніи ихъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Необходимо было приступить къ сооруженію болѣе или менѣе обширнаго зданія съ хорошо устроенными классами и помѣщеніями для пансіонеровъ. По расчету Букера, зданіе это должно было обойтись не менѣе, чѣмъ въ шесть тысячъ долларовъ,—а въ кассѣ не имѣлось, конечно, ни одного сента. Всѣ надежды приходилось возложить на сборы и пожертвованія, которые, дѣйствительно, не переставали повремену притекать какъ отъ бѣлаго, такъ и отъ чернокожаго населенія городка. Къ тому же своевременная расплата за землю, а также и общій характеръ дѣятельности Букера создали уже предпріятію извѣстный кредитъ. Вскорѣ послѣ того, какъ въ населеніи распространилось извѣстіе о сооруженіи школьнаго зданія, къ Букеру явился одинъ торговецъ, изъ бѣлыхъ, и предложилъ поставку всего лѣса, необходимаго для зданія, причѣмъ единственною гарантіею уплаты являлось слово Букера, а срокъ ея предоставлялся его усмотрѣнію—согласно съ тѣмъ, какъ это окажется возможнымъ и удобнымъ.

Началась работа. Каждый день, по окончаніи классныхъ занятій, Букеръ выходилъ съ учениками для расчистки земли, предназначенной для зданія, и мало по-малу, несмотря на протесты нѣкоторыхъ учениковъ противъ такой тяжелой и черной работы, всѣ втягивались въ дѣло и подвигали его все быстрѣе и успѣшнѣе. Между тѣмъ миссъ Дэвидсонъ продолжала заниматься сборами. Исчерпавъ щедрость мѣстныхъ жителей, она отправилась въ сѣверные штаты, и тамъ, переѣзжая изъ одного города въ другой, неустанно занималась пропагандою дорогой ей идеи. Она не упускала случая выступить съ публичною рѣчью—въ церкви, въ воскресныхъ школахъ, указывая на необходимость

широкаго воспитанія для негровъ и прося у всѣхъ добрыхъ людей сильной помощи. Такимъ образомъ собиралась одна сотня долларовъ за другою. Букеръ и его ученики, продолжая работу на мѣстѣ, никогда не знали, что принесетъ завтрашній день, и жили въ постоянной тревогѣ. Бывали моменты, когда они рисковали потерять кредитъ, не имѣя возможности сдѣлать условленнаго платежа. Но бывали также дни, когда необходимая сумма приходила своевременно—словно чудомъ. Однажды, въ день платежа въ четыреста долларовъ, они сидѣли съ пустыми руками, но вотъ пришли почта,—денежный пакетъ, а въ немъ какъ разъ необходимая сумма отъ миссъ Дэвидсонъ.

Закладка зданія была дѣломъ настоящаго торжества для мѣстнаго населенія, и въ этотъ день бѣлые съ умиленіемъ смотрѣли на бывшихъ рабовъ своихъ, напрягавшихъ всѣ усилія для обезпеченія себѣ настоящаго развитія, а чернокожіе, еще не забывшіе времени рабства, ликовали, какъ дѣти, предаваясь надеждамъ на совсѣмъ инныя, лучшія времена.

Букеръ вспоминаетъ объ этомъ днѣ съ величайшимъ умиленіемъ. Онъ твердо вѣрилъ въ успѣхъ своего дѣла. Однако, ничто не гарантировало этого успѣха. Никакіе опредѣленные расчеты относительно денежныхъ поступленій не были возможны, а сознаніе отвѣтственности было такъ велико. «Я помню,—пишетъ Букеръ,—что въ теченіе перваго года моего труда въ Тѣскиджи я ночь за ночью метался въ своей постели не находя сна, терзаясь неизвѣстностью въ денежномъ вопросѣ. Я сознавалъ, что дѣло наше въ значительной степени является экспериментомъ, который долженъ былъ разрѣшить вопросъ о томъ, способны ли негры къ созданію обширнаго воспитательнаго учрежденія. Я сознавалъ, что наша неудача отзовется на всемъ племени. Я сознавалъ, что намъ нужно было побѣдить существующее противъ насъ предубѣжденіе. Я сознавалъ, что если бы за такое предпріятіе взялись бѣлые, всѣ твердо вѣрили бы въ успѣхъ его, тогда какъ въ нашемъ случаѣ успѣхъ долженъ былъ бы вызвать общее удивленіе. И мысли эти тяжкимъ бременемъ лежали на моей душѣ»...

Тѣмъ не менѣе, работа безостановочно продолжалась. Число учениковъ школы возрастало, и на второй годъ пришлось пригласить еще двухъ учителей для преподаванія классныхъ предметовъ. Кромѣ того, школа приобрѣла еще одного дѣятельнаго руководителя въ лицѣ первой жены Букера, урожденной Фанни Смитъ, которая также окончила курсъ Гамптонской школы и сдѣлалась энергичной помощницей мужа во всѣхъ его сложныхъ обязанностяхъ. Но по истеченіи двухъ лѣтъ супружества, въ 1884 г., она умерла, не дождавшись того дня, когда Букеру суждено было увидѣть первые плоды своихъ героическихъ усилій.

VIII.

Съ того самаго момента, какъ для Букера выяснилась программа его дѣятельности въ Тѣскиджи, онъ рѣшилъ, что школьныя зданія должны быть воздвигнуты трудомъ его воспитанниковъ. Само собою разумѣется, что ему пришлось выслушать не мало возраженій на эту мысль, и нѣкоторыя изъ этихъ возраженій были довольно существенны. Такъ, напримѣръ ему говорили, что сооруженія, сдѣланныя такими неопытными строителями, будутъ слишкомъ несовершенны и неудобны для жизни. Но, сознавая всю справедливость этихъ словъ, Букеръ твердо стоялъ на своемъ: онъ указывалъ на то, что такая работа можетъ явиться для воспитанниковъ незамѣнимымъ урокомъ въ дѣлѣ самопомощи, а кромѣ того должна пріучить ихъ, при соответственныхъ указаніяхъ учителя, къ сознательному общенію съ силами природы—воздуха, воды, огня, пара и электричества. Самыя ошибки, неизбежныя при такого рода трудѣ, должны быть поучительными уроками для будущихъ работъ воспитанниковъ.

Стоя во главѣ дѣла, Букеръ имѣлъ возможность настоять на осуществленіи этого плана, и опытъ показалъ, что расчетъ его былъ совершенно правиленъ. При постепенномъ расширеніи предпріятія, одно зданіе воздвигалось за другимъ, и почти всѣ они были сооружены воспитанниками школы. Такимъ образомъ путемъ практическаго обученія, идущаго рука объ руку съ теоретическими занятіями, школа создала, втеченіе двадцати лѣтъ своего существованія, безчисленное множество образованныхъ и опытныхъ работниковъ, способныхъ примѣнять свои познанія въ самыхъ различныхъ специальностяхъ, начиная отъ архитектурныхъ плановъ и чертежей и кончая всѣми усовершенствованіями электротехники.

Первая работа, надъ которою приходилось биться неопытнымъ строителямъ при сооруженіи школьнаго зданія, была выдѣлка кирпичей. Въ городѣ не было кирпичнаго завода, а покупать кирпичи изъ другихъ мѣстностей было бы слишкомъ дорого. Къ тому же, кирпичное производство было не менѣе полезнымъ и нужнымъ въ странѣ, тѣмъ всякое другое, и могло имѣть сбытъ на мѣстномъ рынкѣ, давая нѣкоторый заработокъ тѣмъ изъ воспитанниковъ, которые превзойдутъ его. Но работа эта являлась истиннымъ испытаніемъ и для учениковъ, и для самого учителя: приходилось цѣлыми часами стоять по колѣни въ мокрой глинѣ, пачкаться, таскать огромныя тяжести и Букеру съ трудомъ удавалось собственнымъ примѣромъ привлечь воспитанниковъ къ этой, по истинѣ, «грязной работѣ». Нашлось нѣсколько человѣкъ, категорически отказавшихся проходить курсъ наукъ при такихъ условіяхъ и покинувшихъ школу.

Главное затрудненіе для Букера состояло въ томъ, что и самъ

онъ былъ совершенно неопытенъ въ дѣлѣ кирпичнаго производства и долженъ былъ учиться заодно со своими воспитанниками. Вначалѣ онъ даже не представлялъ себѣ всѣхъ трудностей этого производства. Но вскорѣ онъ долженъ былъ убѣдиться, что выдѣлка кирпичей, особенно же обжиганіе ихъ, требуетъ очень большого искусства и даже нѣкоторыхъ специальныхъ познаній. Послѣ продолжительныхъ поисковъ хорошей глины и подготовительной работы надъ ней, выдѣлано было около двадцати пяти тысячъ кирпичей. Печь для обжиганія ихъ была сооружена также собственными усиліями. Но она скоро дала трещину. Построили новую печь, которая опять оказалась негодною, наконецъ— третью, которую начали обжигать. Но и она развалилась. Эта третья неудача, совершенно обезкуражившая учениковъ, совпала съ моментомъ полного безденежья. Однако Букеръ не упалъ духомъ. Онъ вспомнилъ, что у него есть еще маленькое подспорье въ видѣ часовъ, которые можно было заложить, и отправился съ этою цѣлью въ ближайшій городъ, гдѣ нѣлся ломбардъ. По возвращеніи оттуда, съ пятнадцатью долларами въ карманѣ, онъ снова принялся за работу надъ печью и на этотъ разъ — успѣшно. Дѣло пошло на ладъ. Кирпичи стали изготовляться съ надлежащимъ совершенствомъ, и мало-по-малу школьное производство кирпичей приобрѣло прекрасную репутацію въ окрестностяхъ, такъ что на нихъ начался спросъ. Пріѣзжающіе въ школу за кирпичемъ—чернокожіе и бѣлые—заинтересовывались школою, которая въ короткое время стала приносить столь замѣтные плоды, и мало-по-малу предубѣжденіе негровъ противъ промышленнаго образованія стало разсѣиваться. Однако въ теченіе трехъ лѣтъ существованія школы протестъ противъ «черной работы», какъ со стороны воспитанниковъ, такъ и со стороны ихъ родителей, не прекращался, и Букеру приходилось затрачивать не мало своего природнаго краснорѣчія на борьбу съ бунтовщиками.

Между тѣмъ сооруженіе зданія тоже подвигалось. Въ срединѣ второго года жизни школы часть зданія была приведена уже въ такой видъ, что представлялось возможнымъ поселиться въ немъ. Воспитанники, желавшіе воспользоваться школьнымъ пансіономъ, быстро собирались со всѣхъ сторонъ, несмотря на то, что многія комнаты, какъ напримѣръ, кухня и столовая, были еще совсѣмъ не готовы, а предметы домашняго обихода, мебель, посуда, совершенно отсутствовали и въ классѣ не было денегъ, чтобы приобрести ихъ. Но и на этотъ разъ Букера выручило довѣріе населенія: мѣстные торговцы стали немедленно предлагать ему кредитъ на провизію и всѣ необходимыя вещи домашняго обихода. Кое-что изъ мебели было изготовлено сейчасъ же руками воспитанниковъ. Приготовленіе кушаній производилось также самими воспитанниками, и вначалѣ очень плохо, такъ что находилось много недовольныхъ и ропщущихъ. Во всемъ чувствовался еще беспорядокъ, всевозможные недочеты. Но мало-по-малу, путемъ

неусыпнаго вниманія, терпѣнія и настойчивости, распорядителямъ школы удалось превратить этотъ хаосъ въ опредѣленный, строгій порядокъ. Относительно каждой мелочи приходилось дѣлать указанія, всему нужно было учить и учиться. Каждая отрасль домашнаго быта создавала постепенно своихъ работниковъ-самоучекъ, которые подъ неусыпнымъ надзоромъ руководителей совершенствовались до степени настоящаго мастерства.

Число воспитанниковъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Условія поступленія были далеко не обременительны: за полный пансіонъ взымалось всего восемь долларовъ въ мѣсяцъ, причемъ въ зачетъ этой платы шли всѣ полезныя для школы работы учениковъ. Число учителей и воспитателей тоже приходилось увеличивать. Вскорѣ по открытіи новоотстроеннаго зданія, не было уже возможности помѣстить въ немъ всѣхъ желающихъ. Тогда Букеръ рѣшилъ выйти изъ затрудненія по примѣру начальника Гамптонской школы, генерала Армстронга, который, при такихъ же условіяхъ, поселилъ новоприбывшихъ воспитанниковъ въ палаткахъ. Букеръ нанялъ для своихъ питомцевъ нѣсколько полуразрушенныхъ хижинъ въ окрестностяхъ школы. Но наступившая зима была исключительно сурова, а примитивно построенныя хижины не представляли почти никакой защиты отъ холода. Недостатокъ средствъ не позволялъ школѣ даже такихъ расходовъ, какъ покупка необходимаго числа матрацовъ и теплыхъ одѣялъ. Воспитанники буквально мерзли, и мысль объ этомъ до такой степени терзала Букера, что въ особенно холодныя ночи онъ самъ не могъ сомкнуть глаза. Иногда онъ вставалъ съ постели и дѣлалъ ночной обходъ хижинъ. Воспитанники сидѣли вокругъ разложеннаго на полу костра, плотво прижавшись другъ къ другу. Многие изъ нихъ ни на минуту не рѣшались подняться и лечь въ постель, но несмотря на это, Букеру почти не приходилось слышать жалобы. Всѣ видѣли и чувствовали, что руководители школы дѣлали все возможное, понимая, что плата, вносимая за пансіонъ, не покрываетъ расходовъ школы и что самъ Букеръ и его помощники буквально выбиваются изъ силъ въ борьбѣ съ разными затрудненіями.

Отношенія между учащими и учащимися были самыя дружескія, проникнутыя взаимнымъ довѣріемъ и сердечной теплотой. Никогда, за все время существованія школы, говоритъ Букеръ, не приходилось ему слышать какой-либо дерзости отъ воспитанниковъ. Напротивъ, они не пропускали ни одного случая выказать ему свое почтеніе, свою преданность и готовность, чѣмъ можно услужить. Чтобы установить болѣе близкое общеніе съ учениками, Букеръ предлагалъ имъ, два-три раза въ годъ, написать ему въ формѣ простыхъ откровенныхъ писемъ все, что они думаютъ о состояніи школы, о ея недостаткахъ и возможныхъ усовершенствованіяхъ. Послѣ этого онъ назначалъ собраніе, въ которомъ добросовѣстно и серьезно обсуждалъ высказанныя ему мысли,

давая при этомъ чувствовать воспитанникамъ, что онъ дѣйствительно считаетъ школу не своимъ личнымъ, а общимъ съ ними дѣломъ, въ которое всякому позволительно внести свою разумную критику и свою инициативу. И никогда не пришлось ему раскаяться въ томъ довѣрїи, которое онъ такимъ образомъ оказывалъ своимъ питомцамъ. «Всякій человекъ, — говоритъ онъ, — сердечно отзывался на оказанное ему довѣрїе, и, быть можетъ, ни къ одной расѣ это не примѣнимо въ большей степени, чѣмъ къ неграмъ. Дайте имъ почувствовать, что вы принимаете въ нихъ безкорыстное участіе, и они охотно послѣдуютъ за вами куда угодно».

Въ началѣ, какъ мы видимъ, руководителямъ школы приходилось постоянно наталкиваться на протесты учащихся противъ физическаго труда. Но мало-по-малу они привыкли къ системѣ Букера. Научившись дѣлать кирпичи и сооружать дома, они должны были выучиться затѣмъ и еще нѣсколькимъ ремесламъ—для созданія домашней обстановки. Кровати, стулья, столы—все было сдѣлано руками воспитанниковъ. Сначала издѣлія ихъ были крайне грубы и непрочны. Случалось, что при утреннемъ осмотрѣ комнатъ Букеръ находилъ того или другого студента спящимъ на полу, такъ какъ кровать его за ночь совершенно развалилась. Но постепенно и плотничье, и столярное мастерства стали выдвигать въ школѣ способныхъ и полезныхъ работниковъ. Матрацы также дѣлались собственными руками, по преимуществу руками дѣвушекъ. Навивкою имъ служила мелко искрошенная солома или собираемая въ лѣсу хвоя. Съ теченіемъ времени матрасное производство достигло въ школѣ такого развитія, что нашло себѣ хорошій сбытъ на мѣстномъ рынкѣ. Наконецъ, и экипажи, необходимыя школѣ, были самодѣльные, и, какъ это легко себѣ представить, ученикамъ и учителямъ приходилось не мало биться, прежде чѣмъ достигнуть надлежащаго совершенства въ этой отрасли промышленности. Принципъ самостоятельности и самопомощи проводился въ школѣ съ неотступною послѣдовательностью, какъ и другой педагогическій принципъ Букера—безукоризненной чистоты тѣла и аккуратности въ одеждѣ. Школа, волею неволей, проводила своихъ воспитанниковъ черезъ разныя лишенія и тяжкій, сначала едва посильный трудъ и въ то же время прививала имъ цѣлый рядъ культурныхъ требованій и привычекъ. «Бѣдность вашу всякій долженъ простить намъ, но неряшества, грязи простить нельзя», говорилъ Букеръ своимъ учителямъ.

IX.

Привлечь учениковъ и ученицъ не прекращался, и если юношей можно было еще расселить по окрестнымъ хижинамъ, то для дѣвушекъ необходимо было болѣе удобное помѣщеніе. И вотъ пришлось рѣшиться

на постройку новаго, еще болѣе обширнаго зданія. Смѣта его была исчислена въ десять тысячъ долларовъ. Между тѣмъ, денегъ въ кассѣ, по обыкновенію, не было. Пожертвованій, которыя продолжала собирать миссъ Дэвидсонъ, хватало только на текущіе расходы. Нужно было измыслить для собиранія денегъ какое-нибудь экстренное средство, и Букеръ находился въ величайшемъ смущеніи.

Въ это время на помощь ему явился его старый и вѣрный другъ генералъ Армстронгъ. Онъ уже помогалъ школѣ своего бывшаго воспитанника изъ своихъ личныхъ средствъ. Но средства эти были крайне ограниченны. Теперь онъ предложилъ Букеру слѣдующій своеобразный планъ: они организуютъ квартетъ пѣвцовъ и будутъ въ теченіе мѣсяца, разъѣзжать съ этимъ квартетомъ по сѣвернымъ штатамъ изъ одного большого города въ другой, устраивая послѣ концерта митинги и привлекая къ школѣ Букера общественное вниманіе и общественную благотворительность своими рѣчами. Мы уже знаемъ, что Букеръ съ дѣтства проявлялъ очень выдающіяся ораторскія способности. Отправляясь съ нимъ въ путешествіе, генералъ Армстронгъ далъ ему, относительно искусства краснорѣчія, одно указаніе, которое, по его словамъ, оказало на него живѣйшее воздѣйствіе въ будущемъ: «говорите такъ, чтобы въ каждомъ вашемъ словѣ заключалось какое-либо опредѣленное содержаніе». «Слѣдовать этому указанію, разумѣется, не легко,—пишетъ Букеръ,—однако, его дѣйствительно нужно было бы всегда держаться, выступая съ публичною рѣчью. Съ того времени и до сихъ поръ я постоянно стараюсь имѣть его въ виду».

Въ теченіе мѣсяца генералъ Армстронгъ и Букеръ объѣхали всѣ главные города сѣверныхъ штатовъ—Нью-Йоркъ, Бруклинъ, Бостонъ, Филадельфію и др., и цѣль ихъ поѣздки была достигнута: они собрали порядочную сумму денегъ.

Однако, въ виду возрастающихъ потребностей школы и непрерывнаго расширенія предпріятія, Букеру пришлось вскорѣ повторить поѣздку—уже безъ участія генерала Армстронга, и съ тѣхъ поръ этотъ способъ добыванія денегъ сдѣлался у него постояннымъ. «За послѣдніе пятнадцать лѣтъ,—говоритъ онъ,—я принужденъ былъ проводить внѣ школы очень значительную часть года. Изъ моихъ стараній по части собиранія денегъ я вынесъ извѣстный опытъ, который можетъ оказаться небезынтереснымъ для моихъ читателей. Время отъ времени люди, занимавшіеся сборомъ денегъ на какія-нибудь филантропическія предпріятія, задавали мнѣ вопросъ: какими правилами я руковожусь, стараясь заинтересовать моимъ дѣломъ лицъ, способныхъ оказать ему ту или другую поддержку. Поскольку искусство «выпрашиванья» можетъ быть подведено подъ какія-либо правила, я могу сказать, что руководился двумя правилами. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ чтобы возможно лучше ознакомить съ моимъ дѣломъ тѣхъ лицъ или то общество, къ которому я обращаюсь; второе заключается

въ томъ, чтобы ни при какихъ обстоятельствахъ не падать духомъ». Конечно, продолжаетъ Букеръ, не такъ-то легко слѣдовать этому второму правилу, когда тебя постигаетъ неудача въ минуту гнетущей нужды. Однако, жизнь научаетъ понимать, что нельзя безнаказанно давать волю своимъ тревогамъ, ибо онѣ пожираютъ силы, нужныя для самого дѣла. Навлучшихъ результатовъ въ жизни достигаютъ тѣ, которые всегда стараются бодриться, сохранить терпѣніе и самообладаніе.

Разсказывая дальше о своихъ опытахъ по собиранію денегъ, Букеръ совѣтуетъ относиться къ богатымъ людямъ съ крайней деликатностью и довѣріемъ. Не надо забывать, говоритъ онъ, что богатые постоянно осаждаютъ всевозможные просители, и мы никогда не въ правѣ упрекать того или другого богатаго человѣка, на основаніи существующихъ о немъ слуховъ, въ томъ, будто онъ скупъ на свои даянія. Многіе помогаютъ людямъ и какимъ-нибудь учрежденіямъ втайнѣ, скрывая свою благотворительность—одни изъ чисто сердечнаго побужденія, другіе ради того, чтобы хотя нѣсколько оградить себя отъ навыва беспокойныхъ просителей и разбирательства писемъ. Затѣмъ нужно помнить, что когда рѣчь идетъ о поддержкѣ какого-нибудь предпріятія, «просьба» въ обычномъ смыслѣ этого слова не имѣетъ смысла. Тутъ приходится не «просить», а заинтересовывать, убѣждать человѣка, а потому лицо, собирающее деньги, не должно чувствовать себя въ унижительной роли просителя. Агитаторомъ, а не просителемъ является такой собиратель денегъ на идейное дѣло. «Конечно, тяжело, непріятно, утомительно ходить такъ отъ двери къ двери,—говоритъ Букеръ,—но дѣло это даетъ и свои удовольстворенія. Оно открываетъ рѣдкую возможность для изученія человѣческой природы и представляетъ случаи познакомиться съ лучшими представителями человѣческаго рода».

Само собою разумѣется, что Букеру приходилось выносить и много тягостнаго, даже оскорбительнаго отъ людей, къ которымъ онъ обращался. Но—потому ли, что его мягкая и благородная душа богѣе способна запоминать отрадное, чѣмъ злое, или потому, что его самообладаніе и краснорѣчіе вліяли на людей исключительнымъ образомъ и заставляли ихъ проявлять себя съ лучшей стороны,—показанія его проникнуты самымъ свѣтлымъ оптимизмомъ. По его мнѣнію, склонность *давать*, дѣлиться своимъ добромъ, быстро прогрессируетъ въ человѣчествѣ, и люди всегда благодарны тому, кто указываетъ разумный исходъ ихъ щедрости.

«Стучите—и отворятъ вамъ!» — вотъ что говорятъ страницы его книги, посвященныя данной сторонѣ его дѣятельности. Терпѣніе и вѣру проповѣдуетъ онъ, основываясь на своемъ многолѣтнемъ жизненномъ опытѣ, и нужно сказать, что простые, искреннія слова его производятъ чарующее впечатлѣніе. Цѣлый рядъ приводимыхъ имъ примѣровъ, дѣйствительно, представляетъ нѣчто крайне поучительное.

Однажды, находясь въ г. Стамфордѣ, въ Коннектикутѣ, онъ услышалъ объ одномъ человѣкѣ, который, судя по рассказамъ, долженъ былъ оказаться щедрымъ филантропомъ. Человѣкъ этотъ жилъ за городомъ. Букеръ отправился къ нему пѣшкомъ въ холодный бурный день и съ трудомъ добился свиданія съ нимъ. Тотъ выслушалъ его съ большимъ интересомъ, но отпустилъ съ пустыми руками. Два года спустя онъ неожиданно получилъ отъ него чекъ на десять тысячъ долларовъ при письмѣ, въ которомъ говорилось слѣдующее: «Я обозначилъ эту сумму, какъ даръ вашей школѣ, въ своемъ завѣщаніи, но думаю, что будетъ гораздо разумнѣе отдать ее вамъ теперь же. Съ удовольствіемъ вспоминаю ваше посѣщеніе ко мнѣ два года тому назадъ».

Деньги эти пришли въ такое время, когда въ нихъ ощущалась особенно острая надобность. «Мы были совсѣмъ измучены недостаткомъ средствъ, и наше нервное напряженіе было ужасно,—говоритъ Букеръ. Трудно представить себѣ положеніе, болѣе изнурительное для нервовъ, чѣмъ положеніе человѣка, который руководитъ большимъ заведеніемъ, запутаннаго въ тяжелыя обязательства, не имѣя никакой увѣренности въ томъ, что онъ своевременно найдетъ деньги, для выполненія этихъ обязательствъ».

Другой примѣръ относится къ извѣстному американскому желѣзнодорожнику, К. П. Гентингтону. Послѣ первой бесѣды съ Букеромъ онъ далъ ему на школу всего два доллара. «Я не осудилъ его за то, что онъ не далъ больше,—пишетъ Букеръ, но сказалъ себѣ, что нужно постепенно убѣдить его въ томъ, что наше дѣло достойно болѣе щедрого пожертвованія». Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ онъ прилагалъ свои усилія въ этомъ направленіи. Щедрость Гентингтона, дѣйствительно, возрастала и наконецъ въ послѣднее свиданіе съ Букеромъ, незадолго до своей смерти, онъ пожертвовалъ школѣ огромную сумму въ пятьдесятъ тысячъ долларовъ.

Почти такая же исторія повторилась съ извѣстнымъ американскимъ богачомъ А. Карнеджи, который сначала не выказалъ почти никакого интереса къ школѣ Букера, но мало-по-малу проникался сочувствіемъ къ этому дѣлу, а черезъ десять лѣтъ, когда разросшемуся учебному заведенію нужно было подумать о сооруженіи особаго зданія для библиотеки, пожертвовалъ всю требующуюся для этого сумму въ двадцать тысячъ долларовъ.

Но большая часть денегъ, собиравшихся на поддержаніе и расширеніе школы, состояла все-таки изъ безчисленныхъ маленькихъ приношеній небогатыхъ людей. Никелевыя монетки продолжали стекаться со всѣхъ сторонъ отовсюду, куда проникали извѣстія о великогѣпно поставленномъ дѣлѣ Букера. И чернокожіе и бѣлые съ радостью давали, что могли, на воспитаніе молодого поколѣнія негровъ, потому что результаты достигаемые школою Тѣскаджи заставляли вѣрить, что воспитаніе человѣка есть не пустое слово.

Х.

Первые годы существованія школы, открытой въ 1881 г., были для Букера годами наиболѣе тяжелыхъ испытаній и сомнѣвій. Но къ серединамъ восьмидесятыхъ годовъ дѣло, хотя и постоянно нуждавшееся въ средствахъ могло считаться прочнымъ. При всѣхъ невзгодахъ и затрудненіяхъ, Букеръ долженъ былъ чувствовать удовлетвореніе истиннаго успѣха. Къ этому удовлетворенію дѣятеля присоединилось и личное счастье: въ 1885 г. онъ женился на миссъ Оливіи Дэвидсонъ, которая, не переставая работать для школы съ прежнимъ самоотреченіемъ, создала для своего мужа уютную домашнюю жизнь. Въ теченіе этихъ лѣтъ, которые ему суждено было прожить съ нею, онъ испыталъ всѣ радости семейной жизни, составлявшей истинную потребность для его энергичной, но простой и мягкой натуры. Дѣти, которыхъ Букеръ имѣлъ отъ этого брака, всегда составляли для него предметъ нѣжнѣйшихъ заботъ. Но въ 1889 г. Оливія Дэвидсонъ умерла, послѣ четырехъ лѣтъ счастливой супружеской жизни и восьми лѣтъ тяжкаго хотя и успѣшнаго труда на пользу школы. «Она буквально сгорала въ непрерывномъ стремленіи послужить дѣлу, которое она такъ горячо любила», говоритъ о ней Букеръ, вообще крайне сдержанный въ сообщеніяхъ о своей личной жизни и людяхъ близкихъ его сердцу.

Въ эти счастливые годы жизни Букера началась и широкая слава его въ качествѣ публичнаго оратора. Показавъ свое ораторское искусство въ первомъ путешествіи по сѣвернымъ штатамъ, вмѣстѣ съ генераломъ Армстронгомъ, онъ вскорѣ сталъ получать соотвѣтственныя приглашенія отъ разныхъ обществъ. «Я могъ бы сказать, — замѣчаетъ онъ по этому поводу, — что собственно никогда не имѣлъ въ виду удѣлять значительную часть своей жизни публичному ораторству. Стремленіе *дѣлать* что-либо было во мнѣ всегда сильнѣе, чѣмъ стремленіе *говорить*». Однако, онъ понималъ, что успѣхъ его въ качествѣ оратора долженъ былъ содѣйствовать успѣху его жизненнаго дѣла, и не сталъ уклоняться отъ развертывающагося передъ нимъ новаго поприща. Темы его рѣчей всегда находились въ тѣсной связи съ тѣмъ, что составляло предметъ всѣхъ его стремленій. Онъ говорилъ о взаимномъ отношеніи черной и бѣлой расъ, о задачахъ воспитанія, о значеніи разносторонняго труда для развитія нравственнаго характера человѣка.

Первою рѣчью, доставившею ему громкую извѣстность, была рѣчь въ собраніи національнаго педагогическаго общества въ городѣ Мэдисонѣ. Ему пришлось выступить передъ толпою въ четыре тысячи человѣкъ—чернокожихъ и бѣлыхъ, и успѣхъ его сразу обозначился въ самыхъ яркихъ выраженіяхъ. «Въ этой рѣчи, — пишетъ Букеръ, — я говорилъ о томъ, что вся будущность негровъ зависитъ отъ того, сумѣютъ ли они, своими способностями, интеллигентностью и характеромъ за

*

воевать себѣ достойное положеніе въ томъ обществѣ, къ которому они принадлежать, сдѣлаться необходимыми членами этого общества. Я сказалъ, что каждый человѣкъ, научившійся дѣлать что-нибудь лучше, чѣмъ другіе—научившійся дѣлать какую-либо *обыкновенную вещь необыкновеннымъ манеромъ*—разрѣшилъ для себя жизненную задачу, независимо отъ цвѣта своей кожи, и что поскол ку негры научатся производить вѣчто полезное и необходимое для другихъ племенъ, постольку они будутъ пользоваться уваженіемъ».

Послѣ этой рѣчи въ національномъ педагогическомъ обществѣ Букеру уже не приходилось сомнѣваться въ своемъ успѣхѣ на поприщѣ публичнаго ораторства. Приглашенія посыпались къ нему со всѣхъ концовъ сѣвера и юга. Однажды, въ 1893 г., онъ былъ въ Бостонѣ, гдѣ ему предстояло говорить въ одномъ изъ обществъ. Въ это время онъ получилъ просьбу выступить съ рѣчью на международномъ съѣздѣ «христіанскихъ работниковъ» въ городѣ Атлантѣ, тысячу миль отъ Бостона. Затрудненіе было тѣмъ значительнѣе, что приглашеніе падало на тотъ день, когда обязательства его по отношенію къ бостонскому обществу не могли еще окончиться. Однако, обдумавъ всѣ обстоятельства, Букеръ рѣшилъ не отказываться отъ предложенія: «Я зналъ,—говоритъ онъ,—что въ собраніи будетъ множество представителей, мужчинъ и женщинъ наиболѣе вліятельныхъ классовъ блага общества и что я имѣлъ рѣдкій случай ознакомить ихъ съ моимъ предпріятіемъ въ Тѣскиджи, а также высказаться о взаимномъ отношеніи обѣихъ расъ». Обслѣдовавъ расписание поѣздовъ Букеръ увидѣлъ, что могъ поспѣть еще въ Атланту за полчаса до начала своей рѣчи, а затѣмъ поспѣшить на поѣздъ, чтобы немедленно вернуться въ Бостонъ. При такихъ условіяхъ рѣчь его должна была продолжаться не болѣе пяти минутъ. Планъ этотъ былъ приведенъ имъ въ исполненіе съ величайшимъ успѣхомъ. Пятиминутная рѣчь его вызвала восторгъ слушателей и была предметомъ газетныхъ замѣтокъ по всей странѣ.

Два года спустя, работая въ Тѣскиджи, Букеръ получилъ лестное для него предложеніе присоединиться къ депутаціи гражданъ штата Георгія, отправлявшейся въ Вашингтонъ, чтобы испросить у правительства разрѣшеніе на открытіе въ Атлантѣ международной выставки. Рѣчь, которую Букеръ сказалъ при этомъ случаѣ передъ комитетомъ конгресса, была основана на той же, постоянно волнующей идеѣ о необходимости расоваго единенія. «Я сказалъ,—пишетъ онъ,—что выставка въ Атлантѣ дала бы возможность обѣимъ расамъ показать, какой прогрессъ достигнуть ими со времени освобожденія, и побудила бы ихъ къ дальнѣйшему прогрессу... Я говорилъ въ теченіе пятнадцати или двадцати минутъ, и былъ очень удивленъ, когда по окончаніи рѣчи, члены депутаціи и присутствующіе члены конгресса обратились ко мнѣ съ самыми сердечными поздравленіями. Комитетъ единодушно

представилъ благоприятный отзывъ, а черезъ нѣсколько дней былъ прошенъ въ конгрессѣ».

Выставка въ Атлантѣ была первою, на которой черная раса заявляла о своихъ успѣхахъ наравнѣ съ бѣлою. Для демонстраціи ея успѣховъ предназначено было особое обширное зданіе, возведенное—начиная съ архитектурнаго плана до послѣднихъ деталей, исключительно неграми. Какъ по техническому совершенству, такъ и по красотѣ, зданіе это не отставало отъ другихъ сооруженій выставки, говоритъ Букеръ. Завѣдующими негрскимъ отдѣломъ были также негры. Эту роль предлагали и ему, но онъ отказался отъ нея, такъ какъ присутствіе его требовалось въ Тѣскиджи. Экспонаты, обращавшіе на себя наибольшее вниманіе посѣтителей выставки, исходили изъ школъ Гамптона и Тѣскиджи, и бѣлые граждане южныхъ штатовъ разсматривали ихъ съ величайшимъ удивленіемъ.

Открытіе выставки должно было произойти съ особою торжественностью, и въ виду той роли, какую играла на ней черная раса, рѣшено было, что одна изъ торжественныхъ рѣчей при открытіи ея должна быть поручена негру. Выборъ палъ на Букера. «Что я почувствовалъ въ ту минуту, когда получилъ это приглашеніе?—пишетъ онъ.—Я вспомнилъ, что былъ рабомъ, что ранніе годы мои прошли въ глубочайшемъ мракѣ бѣдности и невѣжества, что я не имѣлъ почти никакой возможности подготовиться къ столь отвѣтственной роли, какая предстояла мнѣ теперь. Какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ присутствующихъ на собраніи бѣлыхъ могъ окликнуть меня, какъ своего раба; быть можетъ, даже кто-нибудь изъ моихъ бывшихъ владѣльцевъ, дѣйствительно, явится сюда и будетъ слушать, какъ я говорю... Я зналъ также, что во всей исторіи негрскаго племени еще ни одинъ представитель его не получалъ приглашенія говорить, по случаю какого-нибудь значительнаго національнаго событія, на одной платформѣ съ бѣлыми представителями юга... Я рѣшилъ, что не произнесу ни одного слова, правдивости и справедливости котораго я не чувствовалъ бы до самой глубины моего сердца». «Газеты сѣвера и юга принялись съ жаромъ обсуждать вопросъ о моей предстоящей рѣчи, и чѣмъ дальше, тѣмъ полемика ихъ становилась ожесточеннѣе. Многія изъ южныхъ газетъ протестовали противъ моего появленія въ качествѣ оратора. Даже отъ моихъ соплеменниковъ я получалъ выраженія не удовольствія по поводу того, что я рѣшаюсь говорить. Я готовился къ своей рѣчи, какъ только могъ, но чѣмъ ближе былъ этотъ день, 18-го сентября, тѣмъ тяжелѣе становилось у меня на сердцѣ и тѣмъ болѣе я опасался, что всѣ мои старанія не приведутъ ни къ чему, кромѣ провала и позора»...

Передъ отъѣздомъ въ Атланту Букеръ сказалъ свою рѣчь передъ товарищами по школѣ. Ихъ одобреніе нѣсколько успокоило его. Но во время путешествія—онъ ѣхалъ со своей семьей—волненіе

всѣхъ его спутниковъ, шумные разговоры по поводу его рѣчи въ вагонѣ заставили его опять потерять спокойствіе. Атланта была переполнена прїѣзжими со всѣхъ концовъ свѣта. Повсюду мелькали официальные представители иностранныхъ государствъ, разныхъ военныхъ и гражданскихъ организацій... Въ теченіе ночи Букеръ почти не смыкалъ глазъ. «Поднявшись съ постели,—пишетъ онъ,—я повторяю въ памяти все, что хотѣлъ сказать. Потомъ я сталъ на колѣни и попросилъ Бога благословить мои старанія. Быть можетъ, я смѣю прибавить по этому поводу, что я вообще никогда не вхожу въ собранія, по какому бы то ни было случаю, не помолвившись Богу о томъ, чтобы онъ благословилъ все, что я хочу сказать... Было еще очень рано, когда за мною явилась депутація, которая должна была сопровождать меня въ процессіи, направлявшейся къ выставкѣ. Шестіе это продолжалось около трехъ часовъ, а солнце палило все сильнѣе и тягостнѣе. Когда мы достигли выставки, жара вмѣстѣ съ моимъ нервнымъ напряженіемъ довела меня до того, что мнѣ показалось, будто я вотъ-вотъ упаду въ обморокъ.»

Однако, онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою и вошелъ въ переполненную народомъ залу. Онъ едва слышалъ, что говорили передъ нимъ другіе, официальные, ораторы. Затѣмъ мѣстный губернаторъ представилъ его собранію и онъ взошелъ на кафедру.

Все, что происходило дальше, мы передадимъ словами одного изъ присутствовавшихъ въ залѣ, Мг. Крильмана, корреспондента нью-йоркской газеты «World».

«...Въ эту минуту,—пишетъ Крильманъ въ своемъ отчетѣ,—тысячи глазъ приковались къ лицу оратора-негра. Странная вещь происходила передъ нами: червыи челоѣкъ говорилъ въ защиту своего народа и никто не прерывалъ его. Профессоръ Вашингтонъ подошелъ къ краю эстрады. Заходящее солнце бросало черезъ окно огненные лучи прямо ему въ лицо. Онъ отвернулъ голову, защищаясь отъ ослѣпительнаго свѣта и нѣсколько отступилъ. Потомъ, съ неподобнымъ самообладаніемъ, онъ опять повернулся прямо къ солнцу, не моргнувъ рѣсницами, и началъ говорить.

«Онъ представлялъ собою замѣчательную фигуру: высокій, стройный, съ большимъ лбомъ, тонкимъ носомъ, тяжелымъ подбородкомъ и рѣшительнымъ выраженіемъ рта, съ крупными бѣлыми зубами, понижающимъ взглядомъ и повелительными манерами. На его бронзовой шеѣ напряглись жилы, мускулистая правая рука поднялась высоко вверхъ, вмѣстѣ съ судорожно зажатымъ въ кулакѣ карандашомъ. Голосъ его звучалъ ясно и правдиво, а выразительныя паузы придавали рѣчи особенную отчетливость. Черезъ десять минутъ толпа была охвачена безумнымъ восторгомъ.—всѣ махали платками, стучали палками, бросали въ воздухъ шляпы. Прелестнѣйшія женщины Георгіи поднялись со своихъ мѣстъ и начали аплодировать. Ораторъ слово

околовалъ ихъ... А когда онъ поднятъ надъ головою свою темную руку съ растопыренными пальцами и сказалъ, обращаясь наполовину къ бѣлымъ, наполовину къ своимъ соплеменникамъ: «Во всѣхъ чисто социальныхъ вопросахъ мы можемъ быть разъединены, какъ пальцы, но въ томъ, что касается сущности прогресса, должны быть едины, какъ рука!»—въ залѣ поднялся цѣлый ураганъ криковъ — всѣ были на ногахъ, всѣ аплодировали, словно охваченные какимъ-то бредомъ.

«Я слышалъ величайшихъ ораторовъ разныхъ странъ, но и самъ Гладстонъ не могъ бы говорить въ защиту какой-либо идеи съ болѣе захватывающею силою, чѣмъ этотъ угловатый негръ, стоящій въ солнечномъ сіяніи, окруженный людьми, которые вѣкогда стремились заковать въ цѣпи его племя. Голосъ его звучалъ все громче, но выраженіе его серьезнаго лица не измѣнялось. Мощный чернокожій исплинъ выждалъ, съ горящими глазами и какимъ-то внезапнымъ трепетомъ въ лицѣ, пока не раздался послѣдній, самый яростный взрывъ аплодисментовъ, и вдругъ по лицу его побѣжали слезы. Многіе изъ присутствующихъ въ собраніи негровъ плакали, быть можетъ, сами не зная почему».

Газеты мгновенно разнесли повсюду вѣсть о небываломъ успѣхѣ Букера. При возвращеніи его въ Тэскиджи, на каждой станціи ожидала его толпа чернокожихъ и бѣлыхъ, желавшихъ пожать ему руку. Президентъ штатовъ, Клевелендъ, написалъ ему, въ отвѣтъ на присылку печатнаго текста рѣчи, самое теплое и лестное письмо. Различныя общества предлагали ему баснословныя суммы за какую-нибудь рѣчь на ихъ каедрѣ, газеты и журналы запрашивали у него какой-нибудь замѣтки. Для Букера настали дни настоящей славы.

XI.

Конечно, среди глубокаго душевнаго удовлетворенія у Букера бывали и минуты испытаній. У славы бываютъ свои неизбежныя приливы и отливы. Бурныя похвалы однихъ вызываютъ критику другихъ. Такъ случилось и теперь—послѣ перваго далеко прошумѣвшаго успѣха Букера въ Атлантѣ. Нѣкоторыя негрофобскія газеты набросились на него съ особенною яркостью и стали упрекать комитетъ выставки за допущеніе негра къ роли публичнаго оратора. Но въ этомъ не могло быть ничего неожиданнаго для Букера: онъ слишкомъ хорошо зналъ, что предразсудки бѣлыхъ по отношенію къ его племени разсѣются не такъ-то скоро, что предстоятъ еще новыя вспышки вражды къ неграмъ. Гораздо тяжелѣе для него было то, что и изъ соплеменниковъ многіе были недовольны имъ. Рѣчь его носила общегуманный характеръ; исходная точка его въ вопросѣ объ отношеніяхъ расъ была нравственная, а не политическая: вмѣсто того, чтобы требовать отъ бѣлыхъ немедленнаго

расширенія права для негровъ, онъ призывалъ самихъ негровъ къ умственному, культурному и нравственному возвышенію и выражалъ глубокую вѣру въ то, что общечеловѣческія заслуги съ ихъ стороны неизбежно приведутъ къ уравниенію ихъ въ правахъ съ бѣлыми. Весьма понятно, что такая постановка вопроса должна была вызвать неудовольствіе всѣхъ тѣхъ, для кого на первомъ планѣ всегда стоитъ опредѣленная политическая программа. Букеръ говорилъ, не политиканствуя, не скрывая того, что и самимъ неграмъ нужно еще много поработать, чтобы сравняться въ своей культурѣ съ расами, богѣе старыми и богѣе богатыми историческимъ опытомъ. Высказывая глубокое убѣжденіе въ томъ, что по природѣ своей негръ стоитъ не ниже бѣлаго человѣка, и ни однимъ словомъ не польстивъ бѣлымъ, онъ проявилъ то высокое нравственное безпристрастіе, ту справедливость, которая не можетъ быть пригодна въ качествѣ остраго орудія въ партійныхъ, чисто политическихъ походахъ. Все міровоззрѣніе его, всегда высказывавшееся въ его рѣчахъ, было моральнымъ, а не политическимъ, а такое міровоззрѣніе не можетъ быть особенно популярнымъ въ такой странѣ, какъ Америка. И нужно было все великое ораторское дарованіе Букера, искренность и обращеніе всегда непосредственно къ человѣческимъ сердцамъ, весь его лирическій пафосъ, вся сила его образныхъ сравненій, чтобы такъ увлекать большую толпу, какъ онъ увлекъ ее своею рѣчью въ Атлантѣ и многими послѣдующими рѣчами.

Букеръ мужественно и спокойно, не вступая ни въ какую полемику, перенесъ моментъ нападокъ. Онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что «правда въ концѣ концовъ всегда восторжествуетъ» и что въ извѣстный періодъ нужно заботиться только о самообладаніи.

Дѣйствительно, противникамъ его не удалось взять верхъ надъ нимъ. Популярность его не только не ослабѣвала, но все возрастала. На него сыпались всевозможныя выраженія общественнаго почета и довѣрія. Въ 1896 г. онъ получилъ приглашеніе отъ Гарвардскаго Университета явиться на публичный актъ, гдѣ онъ будетъ увѣнчанъ *honoris causa*—степенью магистра изящныхъ наукъ. Въ слѣдующемъ, 1897 г., городъ Бостонъ просилъ его выступить съ рѣчью на народномъ торжествѣ при открытіи памятника Роберту Шау. Когда нація праздновала заключеніе испано-американской войны, онъ былъ вызванъ Чикаго, гдѣ произнесъ рѣчь въ мѣстномъ университетѣ передъ аудиторіей въ шестнадцать тысячъ человѣкъ. Основныя темы его рѣчей были тѣ же: взаимныя отношенія расъ, нравственныя заслуги человѣка, какъ единственное основаніе для уваженія къ нему, здоровое, широко поставленное воспитаніе, какъ главный факторъ прогресса. И каждый разъ поэзія его сердечныхъ вѣрованій, нравственная красота его личности, сквозившая въ каждомъ его словѣ, потрясали его аудиторію, какъ какое-нибудь откровеніе. Каждая рѣчь его сопровождалась бурей

общихъ восторговъ, громомъ аплодисментовъ, неудержимыми похвалами въ штатѣ.

Вмѣстѣ съ славою самого Букера, какъ краснорѣчиваго провозвѣстника извѣстныхъ нравственныхъ и воспитательныхъ идей, возростала и слава его школы, которая была живымъ практическимъ воплощеніемъ этихъ идей. Вся страна знала теперь о нормальной и промышленной школѣ въ Тескиджи, какъ о разсадникѣ полезнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей и работниковъ. Въ 1898 г. школу Букера посѣтилъ президентъ С. А. Штатовъ, покойный Макъ-Кинлей. Посѣщеніе это носило торжественно-официальный характеръ, и высказанное президентомъ удивленіе передъ организаціей школы долго служило предметомъ общественныхъ толковъ и газетныхъ обсужденій.

Въ самомъ дѣлѣ, широко развившееся и роскошно обставленное заведеніе Букера блистало не только дарованіями и энергіей своего основателя и главы, но и замѣчательной внутренней организаціей на коллегіальныхъ началахъ. Дѣло стояло уже на такихъ прочныхъ основаніяхъ, что не страдало даже отъ постоянныхъ отлучекъ Букера, проводившаго въ разъѣздахъ около полугода. Одно изъ правилъ его дѣятельности по школѣ выражено имъ въ слѣдующихъ словахъ: «Не дѣлай того самъ, что столь же хорошо и успѣшно можетъ быть выполнено другими». При умѣньи выбирать себѣ подходящихъ и надежныхъ помощниковъ, которымъ предоставляется и широкая инициатива, и которые взаимно контролируютъ другъ друга на регулярно собирающихся «совѣтахъ», Букеръ можетъ спокойно отлучаться для своихъ агитаторскихъ цѣлей. Но при этомъ онъ ни на одинъ день не упускаетъ надзора за всѣмъ, что дѣлается въ школѣ: ежедневныя телеграфныя увѣдомленія, по опредѣленной, лично выработанной системѣ, постоянно держатъ его въ извѣстности относительно всѣхъ главныхъ явленій школьной жизни.

Большую роль въ жизни школы играетъ Миссисъ Вашингтонъ, третья жена Букера, урожденная Миссъ Мюррей, съ которою онъ также сблизился на почвѣ любимаго имъ дѣла. Миссъ Мюррей пріѣхала въ Тескиджи въ качествѣ учительницы, впоследствии сдѣлалась директрисою школы (Lady Principal). Раздѣляя всѣ труды и заботы своего мужа, она является какъ бы замѣстительницей въ его отсутствіе. При этомъ она находитъ достаточно времени и силъ, чтобы руководить нѣсколькими дополнительными предпріятіями: по ея инициативѣ въ Тескиджи было основано «Общество матерей». Затѣмъ, она была избрана предсѣдательницей такъ называемаго «Союза южныхъ клубовъ для чернокожихъ женщинъ» и руководительницею преній въ комитетѣ «Национальнаго союза клубовъ для чернокожихъ женщинъ». Кромѣ того она завѣдуетъ «образцовыми плантаціями» въ окрестностяхъ Тескиджи.

Въ теченіе восемнадцати лѣтъ велъ Букеръ свое дѣло, не зная ни

одного дня отдыха и развлечения. Только его мощная натура позволяла ему выносить, не пошатнувшись въ здоровьѣ, эту постоянно-напряженную жизнь, полную всякъхъ видовъ труда, заботъ, быстрыхъ и далекихъ переѣздовъ. Но самъ онъ даже не задумался о необходимости отдыха. Однако, многочисленнымъ друзьямъ и почитателямъ его стало ясно, что организмъ его нуждается во временномъ отдохновеніи отъ труда, а душа—въ освѣжающихъ новыхъ впечатлѣніяхъ. И вотъ однажды, во время его пребыванія въ Бостонѣ, друзья сообщили ему о томъ, что ими собрана довольно крупная сумма денегъ для поѣздки его, вмѣстѣ съ женою, въ Европу и для обезпеченія всѣхъ нуждъ школы въ его отсутствіи. «Это извѣстіе было такъ неожиданно для меня, пишетъ Букеръ—что я чуть не свалился со стула». Онъ пробовалъ возражать, но всѣ возраженія его были предусмотрѣны. «Въ глубинѣ моего сердца,—продолжалъ онъ,—все, это казалось мнѣ какимъ-то сномъ а не дѣйствительностью, и долга я не могъ освоиться съ мыслью, что я и въ самомъ дѣлѣ поѣду въ Европу». Въ теченіе всей его жизни, начавшейся при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, Европа, съ ея сложною и глубокою культурою, съ ея безсмертными историческими памятниками, казалась ему чѣмъ-то безконечно далекимъ и сказочно-прекраснымъ. «Неужели же я въ самомъ дѣлѣ поѣду теперь въ Европу?» вновь и вновь спрашивалъ онъ себя, какъ ребенокъ.

9-го мая 1899 г. насталъ, наконецъ, этотъ радостный для него день. Онъ сѣлъ, вмѣстѣ съ женою, на большой океанскій пароходъ,—на какомъ ему «никогда не приходилось бывать до тѣхъ поръ», и чувства, овладѣвшія имъ въ эту минуту, «не поддаются описанію».

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Букеръ съ женою осмотрѣлъ Голандію и Бельгію, прожилъ нѣкоторое время въ Парижѣ и объѣхалъ главные культурные и культурно-промышленные центры Англій. Благодаря рекомендательнымъ письмамъ его друзей изъ высшаго общества С.-А. штатовъ, ему были открыты двери въ лучшіе дома всѣхъ посѣщаемыхъ имъ городовъ. Въ Лондонѣ онъ приобрѣлъ дружбу герцога и герцогини Сѣдерлендскихъ, съ которыми поддерживалъ письменныя отношенія и по возвращеніи въ Америку. При посредствѣ лэди Абердивъ, онъ былъ приглашенъ въ числѣ почетныхъ гостей на происходящій въ это время международный женскій конгрессъ, а затѣмъ въ Виндзоръ «на чашку чая», къ королевѣ Викторіи. Рассказывая объ этомъ событіи своей жизни въ самыхъ сжатыхъ и бѣглыхъ словахъ, Букеръ заключаетъ: «Съ нами вмѣстѣ была Миссъ Сюзанна Антони, и я находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ такого рѣдкаго стеченія обстоятельствъ, которое позволило мнѣ одновременно увидѣть двухъ столь значительныхъ, замѣчательныхъ и столь различныхъ женщинъ».

Во время пребыванія своего въ Европѣ Букеръ получилъ изъ Америки одно извѣстіе, которое, какъ и все особенно лестное для него, повергло его въ глубокое удивленіе: представители городского само-

управленія г. Чарлстона, главнаго города Западной Виргиніи, приглашали его, отъ лица всѣхъ выдающихся гражданъ города «почтить ихъ, по возвращеніи изъ Европы, своимъ посѣщеніемъ» и дать имъ возможность публично выразить ему благодарность какъ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ людей и дѣятелей современности. Чарлстонъ, находившійся вблизи отъ Мольдена, былъ городъ, съ которымъ у Букера были соединены многія воспоминанія дѣятства и юности. И кромя того это былъ городъ, являвшійся въ очень недавнее время оплотомъ рабовладѣльчества. Здѣсь именно томился въ тюрьмѣ и былъ повѣшенъ, за мятежъ въ пользу рабовъ, героическій пуританинъ Джонъ Броунъ. Теперь, ровно черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этого событія, Чарлстонъ устраивалъ рожденному въ рабствѣ негру небывалое публичное чествованіе. Букеръ не могъ отказаться отъ приглашенія на это чествованіе, имѣвшее столь принципиальный характеръ. Праздникъ, который ему устроили, носилъ характеръ торжественнаго юбилея. На вокзалѣ онъ былъ встрѣченъ депутаціею города, а вечеромъ состоялся торжественный приѣмъ въ переполненномъ залѣ театра, гдѣ присутствовали городскія власти и представители всѣхъ классовъ общества. Среди представителей бѣлой расы Букеръ узналъ нѣсколькихъ лицъ, на которыхъ ему приходилось въ дѣтствѣ работать.

Послѣ этого празднества въ Чарлстонѣ, Букеръ получилъ подобныя же приглашенія изъ Атланты, Новаго Орлеана и другихъ городовъ, но нѣкоторыя изъ этихъ приглашеній онъ принужденъ былъ отклонить: онъ спѣшилъ въ Тѣскаджи, къ своему любимому дѣлу, которое не переставало нуждаться въ немъ, какъ въ своемъ вдохновенномъ руководителѣ.

Въ текущемъ году, когда вышла въ свѣтъ автобіографія Букера Вашингтона, школа его могла бы отпраздновать двадцатилѣтіе своего существованія. Отчетъ, который онъ даетъ о ней въ заключеніе своей книги, рисуетъ картину, словно заимствованную изъ какой-нибудь соціально-художественной утопіи. Школа, открывшаяся въ полуразрушенной хижинѣ — безъ единой копейки въ кассѣ, превратилась въ обширнѣйшее учебное заведеніе, вмѣщающее болѣе 1.100 воспитанниковъ-пансіонеровъ, собирающихся сюда изъ 27 различныхъ штатовъ, а также изъ Африки, Кубы и Ямайки. Изъ 2.300 акровъ принадлежащей школѣ земли, 700 акровъ ежегодно обрабатываются руками учениковъ подъ различные посѣвы. Школа занимаетъ въ общемъ сорокъ строеній разной величины и разныхъ назначеній, и всѣ эти строенія, за исключеніемъ четырехъ, были возведены самими учащимися. Учительскій и воспитательскій персоналъ школы состоитъ изъ 86 членовъ, причемъ на ряду съ профессорами, читающими лекціи по академическимъ предметамъ, работаютъ специалисты-техники по двадцати восьми отраслямъ промышленности. Академическими предметами женщины занимаются вмѣстѣ съ мужчинами, въ промышленныхъ же

и сельскохозяйственныхъ отрасляхъ курса онѣ обучаются, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отдѣльно; онѣ специализируются преимущественно въ доводствѣ, садоводствѣ, птицеводствѣ, огородничествѣ. Лица, окончившія школу, всегда немедленно находятъ себѣ заработокъ, и руководители школъ затрудняются только тѣмъ, что не могутъ удовлетворять всѣхъ поступающихъ къ нимъ просьбъ о присылкѣ, на те или другое мѣсто, оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ.

Пересказанная нами автобіографія Букера Вашингтона появилась въ свѣтъ въ разгаръ его дѣятельности. Этому мощному человѣку, прошедшему тяжелую школу всяческихъ лишеній и создавшему для своего племени неподобную школу разносторонняго труда, всего только сорокъ съ небольшимъ лѣтъ. Нужно думать, что онъ будетъ еще долго жить, работать и говорить въ защиту своей расы, — до сихъ поръ нуждающейся въ этой защитѣ, ибо въ Соединенныхъ Штатахъ расовые предрасудки далеко еще не разсѣялись. Еще въ концѣ прошлаго года мы читали въ газетахъ извѣстіе о новомъ взрывѣ племенного антагонизма въ Соединенныхъ Штатахъ и при томъ именно въ связи съ именемъ Букера Вашингтона: представители вашингтонскаго общества и мѣстной печати были крайне шокированы поступкомъ новаго президента штатовъ Рузвельта, который пригласилъ Букера, въ числѣ другихъ гостей, къ себѣ на завтракъ. Покойный президентъ Макъ-Кинлей посѣтилъ его школу, сидѣлъ рядомъ съ нимъ, но на завтракъ все же его не приглашалъ. Всѣ знаютъ и признаютъ заслуги Букера передъ страной, и тѣмъ не менѣе такое невинное новшество, какъ приглашеніе *негра* на завтракъ къ президенту, является для американскаго общества цѣлымъ событіемъ, которое возбуждаетъ разнорѣчивые толки и ожесточенную газетную полемику. Это кажется почти непонятнымъ въ Европѣ, гдѣ Букеръ Вашингтонъ былъ гостемъ даже у англійской королевы, и особенно поражаетъ того, кто прочелъ книгу Букера Вашингтона.

И однако, это такъ и это показываетъ, въ какой мѣрѣ нужна дѣятельность такого человѣка, такого негра, какъ Букеръ Вашингтонъ. Пламенные и трогательныя рѣчи его, призывающія людей къ неустанному труду и къ любви, потому именно такъ и волнуютъ его слушателей, что онъ напоминаетъ имъ объ истинахъ, скрытыхъ въ сердцѣ каждаго человѣка, но часто лежащихъ тамъ безъ движенія, задавленныхъ разными грубыми инстинктами. Злыя расовыя предубѣжденія постепенно смягчаются, побѣждаются, но они представляютъ собою еще огромную силу, и для борьбы съ ними нужны такіе добрые, но непреклонные духомъ герои, какимъ выступаетъ въ его безыскусственной исторіи Букеръ Вашингтонъ.

Л. Гуревичъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОМЪ СО- СТОЯНІИ ТЕОРІИ ДАРВИНА.

I.

Наступившій XX вѣкъ засталъ нашу біологическую науку за ус-
ленной переработкой одного изъ самыхъ важныхъ ея ученій, за пере-
стройкой одного изъ самыхъ стройныхъ зданій, воздвигнутыхъ ею
впродолженіи истекшаго вѣка: теорія Дарвина переживаетъ кризисъ.

Въ жизни каждой науки бываютъ періоды, когда одна какая-ни-
будь общая идея безраздѣльно овладѣваетъ умами и становится цен-
тромъ, вокругъ котораго группируются всѣ остальные элементы познанія.
Каждый фактъ, всякое единичное явленіе пріобрѣтаютъ интересъ по-
стольку, поскольку они могутъ быть приведены въ связь съ этой общей
идеей—и между специальнымъ изслѣдованіемъ и теоретической мыслью
устанавливается тѣсная связь и гармонія, гарантирующія прочное и
плодотворное развитіе науки. Такое время пережили біологическія
науки съ тѣхъ поръ, какъ теорія Дарвина нашла себѣ почти всеобщее
признаніе ученыхъ всего міра. Обозрѣвая успѣхи, сдѣланные разными
отдѣлами біологіи за этотъ періодъ, не знаешь, чему больше удивляться:
огромному росту фактическихъ знаній, или той цѣльности и гармо-
ничности общей картины, въ которую группировались частные факты.

Но вотъ съ начала 90-хъ годовъ начинается чувствоваться диссо-
нансъ, наступаетъ «смутное время»; сначала робко и нерѣшительно, а
потомъ все громче и настойчивѣе начинаютъ раздаваться изъ среды
естествоиспытателей голоса объ устарѣлости теоріи Дарвина, о ея не-
соотвѣтствіи съ новѣйшими данными точнаго изслѣдованія, о необхо-
мости отрѣшенія отъ предразсудковъ дарвинизма и т. д. Появляется
рядъ статей и большихъ сочиненій, пытающихся замѣнить устарѣв-
шую якобы теорію новыми, завязывается полемика, вопросы Дарви-
низма все чаще становятся темой оживленныхъ дебатовъ на съѣз-
дахъ естествоиспытателей—словомъ, мы вступаемъ въ полосу «кри-
тики» и «антикритики».

Покуда ученые специалисты спорятъ обо всѣхъ этихъ вопросахъ,
читающая публика, до которой доносятся время отъ времени отзвуки

спорувъ, приходитъ въ справедливое недоумѣніе. Только что, кажется, эта замѣчательная теорія сдѣлалась всеобщимъ достояніемъ образованнаго міра, проникнувъ въ элементарные учебники и популярныя сочиненія,—и вдругъ уже опять «устарѣла»!

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ остановиться на нѣсколькихъ важныхъ методологическихъ вопросахъ, въ которыхъ прежде всего необходимо разобраться всякому, кто желаетъ приблизиться къ рѣшенію вопроса: устарѣла ли теорія Дарвина, или нѣтъ.

Прежде чѣмъ перейти къ самому предмету моей статьи я долженъ, однако, сдѣлать одно замѣчаніе. Дѣло въ томъ, что большинство современныхъ антидарвинистовъ отрицаютъ не всю совокупность того ученія, которое принято называть дарвинизмомъ, а только часть его—именно, теорію естественнаго отбора *).

Споръ ведется, стало быть, только о томъ, является ли формулированный Дарвиномъ естественный отборъ въ дѣйствительности тѣмъ способомъ, при помощи котораго совершается превращеніе органическихъ формъ и достигается это поразительное разнообразіе формъ животнаго и растительнаго міра. Современные антидарвинисты утверждаютъ, что развитіе органическаго міра совершается при помощи цѣлаго ряда факторовъ, и либо отводятъ естественному отбору лишь второстепенное мѣсто въ ряду этихъ факторовъ, либо совершенно исключаютъ его изъ ихъ числа. Споръ ведется, стало быть, не о признаніи или непризнаніи эволюціи органическихъ формъ, а о пути, которымъ шла эта эволюція, о факторахъ, двигавшихъ ея.

Это чрезвычайно важно отмѣтить и необходимо постоянно имѣть въ виду, чтобы правильно оцѣнивать разницу между современной антидарвинистической оппозиціей и той, съ которой въ свое время пришлось бороться первымъ приверженцамъ дарвинизма. Тогда, въ героическій періодъ борьбы за дарвинизмъ, это была борьба за эволюціонное міросозерцаніе и за свободу научнаго изслѣдованія, противъ клерикальнаго догматизма, пытавшагося задержать свободное развитіе научной мысли силою доводовъ, ничего общаго съ наукой не имѣющихъ. Въ силу особой комбинаціи общественныхъ условій того времени обстоятельства сложились такъ, что все прогрессивное было за дарвинизмъ, вся реакція—противъ него, и этимъ, главнымъ образомъ, обуславливалось моральное значеніе одержанной дарвинистами побѣды.

Теперь это—чисто академическій споръ между представителями науки, споръ затѣваемый не во имя защиты какихъ-нибудь старыхъ

*) Потому современный антидарвинизмъ было бы правильнѣе назвать «анти-селекціонизмомъ». Единственное исключеніе составляетъ Флейшманъ, отрицающій эволюцію организмовъ вообще. О Флейшманѣ я подробно говорилъ въ другомъ мѣстѣ («Міръ Вожій», 1901 г., № 7) и потому здѣсь совершенно оставляю его въ сторонѣ.

отжившихъ догматовъ и не во имя «предупрежденія и пресѣченія», а исключительно во имя строгой научной критики, требующей постоянной провѣрки теорій вновь приобретаемымъ запасомъ фактическихъ знаній.

Но тутъ возникаетъ важный вопросъ: можно ли раздѣлить ученіе Дарвина на двѣ части, и предавая критикѣ одну изъ нихъ, безусловно признавать другую? Въ своей вступительной статьѣ къ переводу «Происхожденія видовъ» профессоръ К. Тимирязевъ говоритъ о новыхъ попыткахъ опроверженія дарвинизма слѣдующее:

«Но прошло еще десятилѣтіе или два, и стали проявляться новыя попытки подорвать значеніе этого небывалаго, по своему объему, пріобрѣтенія науки. Въ томъ, что еще недавно признавали за нелѣпое новшество, пытаются видѣть давно извѣстную, общепризнанную истину. Для достиженія этого, пытаются раздробить это стройное въ своей цѣлостности ученіе на двѣ основныя задачи, которыя только что нами указаны. Пытаются разграничить ученіе о единствѣ органическаго міра, или вообще эволюціонное ученіе, отъ объясненія, какимъ образомъ совершился этотъ процессъ эволюціи,—что собственно составляетъ главное содержаніе дарвинизма. Пытаются доказать, что важно въ этой книгѣ только доказательство существованія эволюціи, а не объясненіе самаго ея процесса; а такъ какъ предположенія о *возможности* *) эволюціи высказывались и ранѣе, напр., Ламаркомъ, то выходило бы, что хорошо въ этой книгѣ только то, что не ново, а то, что ново, или нехорошо, или во всякомъ случаѣ несущественно. Старая, вѣчно повторяющаяся исторія: на первыхъ порахъ новая идея признается нелѣпой, а когда она выйдетъ побѣдительницей изъ упорной борьбы, оказывается, что все ея давно раздѣляли **).

Мы не можемъ раздѣлить аргументаціи проф. Тимирязева. По нашему мнѣнію, всякую теорію можно разсматривать либо въ чисто логическомъ освѣщеніи, либо въ историческомъ. И весьма часто можетъ оказаться, что какое-либо ученіе, представляющее при историческомъ освѣщеніи одно «стройное въ своей цѣлостности» зданіе, можетъ и должно быть расчленяемо при логическомъ и методологическомъ анализѣ на свои составныя части, иногда рѣзко различающіяся какъ по своей задачѣ, такъ и по своему методу. Именно такъ обстоятъ дѣло въ данномъ случаѣ. Если мы сравнимъ *теорію происхожденія* (Deszendenztheorie) съ *теоріей естественнаго отбора* — (Selectionstheorie), то мы легко можемъ убѣдиться въ томъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ свои собственныя задачи и свой собственный методъ.

Задача теоріи происхожденія болѣе общая—показать генетическую связь между формами различныхъ животныхъ и растительныхъ группъ, связь, угадываемую нами на основаніи нѣкоторыхъ общихъ чертъ организаціи, но на первый взглядъ непримиримую съ кажущимся постоянствомъ видовыхъ признаковъ. Задача эта весьма обширна и отъ правильнаго рѣшенія ея въ значительной степени зависитъ весь характеръ нашего міросозерцанія. Въ этомъ смыслѣ теорія происхожде-

*) Курсивъ автора.

**) «Происхожденіе видовъ». Изданіе О. Н. Поповой. Сиб. 1896 г. Вступительная статья профессора К. Тимирязева, стр. III.

ніа занимаетъ приблизительно такое же мѣсто по отношенію къ господствовавшимъ раньше воззрѣніямъ, какъ обоснованная Коперникомъ и Кетлеромъ геліоцентрическая система къ господствовавшей прежде геоцентрической.

Иную задачу ставить себѣ теорія отбора: разсматривая эволюцію организмовъ, какъ прочно установленный фактъ, она пытается дать представленіе о томъ пути, по которому совершается эта эволюція, о тѣхъ движущихъ силахъ, которыя играютъ въ ней главную роль. Эта часть ученія Дарвина по своей задачѣ является подчиненной первой, ея судьба цѣликомъ зависитъ отъ судьбы первой теоріи.

То же коренное различіе наблюдается и въ методахъ, при посредствѣ которыхъ эти обѣ теоріи были установлены. Общая теорія о развитіи органическихъ формъ была выработана чисто индуктивнымъ путемъ: множество частныхъ фактовъ изъ анатоміи, палеонтологіи, географіи животныхъ и растений всѣ согласно указывали на необходимость такого вывода—и этотъ выводъ былъ сдѣланъ. По нашему мнѣнію, Дарвину принадлежитъ почти цѣликомъ заслуга научнаго обоснованія трансформизма, предшественниками Дарвина для этого было сдѣлано очень мало *).

Не трудно убѣдиться въ томъ, что къ теоріи отбора ведетъ иной путь. Старая натурфилософская школа сводила очевидное сходство въ организаціи животныхъ группъ, послѣдовательно населявшихъ землю, на чисто абстрактный моментъ, на идейное «единство плана творенія». Новое трансформистское ученіе утверждало, наоборотъ, чисто реальную преемственность, кровное родство между организмами. Этимъ самымъ вопросъ вводился въ сферу явленій, доступныхъ научному изслѣдованію, и новое ученіе какъ бы обязывалось освѣтить самый ходъ этого процесса измѣненія формъ, выставивъ его, какъ продуктъ продолжительнаго взаимодѣйствія между организмами и условіями ихъ земного существованія. Однако, для того, чтобъ получить представленіе о такомъ процессѣ измѣненія формъ на основаніи прямого наблюденія, потребовался бы трудъ нѣсколькихъ поколѣній біологовъ, проникнутыхъ эволюціонной идеей и подходящихъ къ явленіямъ съ опредѣленными вопросами и съ опредѣленными методами изслѣдованія. У Дарвина не было подъ руками такого матеріала; необходимо было поискать аналогіи и прежде всего обратиться къ той области, гдѣ измѣненіе органическихъ формъ совершается ускореннымъ темпомъ, благодаря планоуѣрному вмѣшательству человѣка,—къ области прирученныхъ животныхъ и воздѣланныхъ растений. Здѣсь важнѣйшимъ фактомъ, обуславливающимъ прогрессивное расхожденіе признаковъ, является подборъ, сознательно суммирующій уклоненія въ сторону, желательную для скотовода и садовода. Этотъ то факторъ и былъ перенесенъ по аналогіи на процессъ,

*) Более подробный разборъ этого вопроса ср. «М. В.» 1901, № 7.

совершающійся въ свободной природѣ. Основаніемъ для такого перенесенія послужило прежде всего совершенно вѣрное наблюденіе, что число особей, доживающихъ до вѣрснаго состоянія ничтожно по сравненію съ числомъ рождающихся особей того же вида. Изъ этого наблюденія было выведено предположеніе, что если такимъ образомъ жизнь однихъ особей покупается цѣною гибели другихъ, переживать всегда будутъ тѣ, организація которая наиболѣе приспособлена къ даннымъ условіямъ существованія. Результатъ сознательнаго суммированія желательныхъ уклоненій былъ отождествленъ съ результатомъ безсознательнаго истребленія отрицательныхъ уклоненій.—Умѣстно ли такое перенесеніе—это вопросъ, о которомъ спорили и спорятъ теперь. Мы не можемъ разбирать здѣсь этого вопроса по существу, для насъ важно лишь отмѣтить, что теорія отбора является по логическому характеру заключеніемъ по аналогіи.

Если такимъ образомъ оказывается, что двѣ важнѣйшія части ученія Дарвина различаются какъ по методу, такъ и по задачѣ, то мы обязаны разграничивать ихъ, разъ мы ставимъ своей задачей уясненіе и критическій анализъ основныхъ элементовъ этого ученія. Но дѣлая такое разграниченіе, мы ни на минуту не должны забывать, что, какъ бы ни отличались эти двѣ теоріи по своему логическому характеру, онѣ тѣсно связаны между собой въ силу того историческаго факта, что онѣ были разработаны и обоснованы однимъ и тѣмъ же лицомъ. Но тутъ мы уже становимся на историческую точку зрѣнія.

Теперь, когда никто и не думаетъ осаривать трансформизма и привлекать къ объясненію явленій природы какія-то сверхъестественныя силы, нечего бояться повредить эволюціонному міросозерцанію и его приложенію къ органическому міру, разлагая ученіе Дарвина на его составныя части и освѣщая и критикуя ту или иную часть на основаніи новыхъ данныхъ науки. Итакъ, мы будемъ заниматься въ послѣдующемъ исключительно *теоріей естественнаго отбора*.

Доступные наблюденію факты, на которыхъ основывается теорія естественнаго отбора, это: *измѣнчивость, наследственность и тенденція къ безграничному размноженію*. Само собою разумѣется, что правильная формулировка теоріи находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ того, насколько точно изучена та область фактовъ, явленій, на которой она опирается. Но явленія эти могутъ быть изучаемы двоякимъ образомъ: мы можемъ изслѣдовать законы этихъ явленій, т.-е. установить эмпирически закономерности въ ихъ проявленіи, въ ихъ связи съ другими явленіями и т. д. Такъ; въ области измѣнчивости мы можемъ пытаться отвѣтить на вопросы: совершаются ли измѣненія въ организаціи въ любыхъ направленіяхъ, или только въ нѣкоторыхъ, вопліи опредѣленныхъ; находятся ли эти измѣненія въ зависимости отъ возраста организма, отъ условій его жизни, ограничиваются ли они извѣстнымъ размѣромъ или

они могутъ принять любую величину и т. д. Такъ, въ области наслѣдственности насъ могутъ интересовать вопросы о томъ, приурочена ли наслѣдственная передача къ извѣстному возрасту или же она независима отъ возраста; исчезаетъ ли возможность наслѣдственной передачи съ теченіемъ времени, или же признаки могутъ находиться долгое время въ скрытомъ состояніи и затѣмъ проявиться и т. д. Отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть данъ путемъ продолжительнаго наблюденія, нѣкоторые разрѣшаются чисто статистическимъ путемъ; всѣ такіе отвѣты будутъ относиться къ категоріи *законовъ* измѣнчивости, *законовъ* наслѣдственности. Но мы можемъ подходить къ этимъ явленіямъ и съ другой стороны, мы можемъ пытаться уяснить себѣ сущность и причины этихъ явленій, ихъ механизмъ, или, другими словами, мы можемъ пытаться свести ихъ на рядъ другихъ, уже извѣстныхъ намъ явленій. Всякая такая попытка будетъ носить уже характеръ *теоріи* измѣнчивости, *теоріи* наслѣдственности. Въ противоположность эмпирическимъ законамъ такая теорія всегда будетъ носить спекулятивный характеръ, она будетъ давать намъ болѣе или менѣе наглядный образъ, цѣнность котораго лежитъ именно въ этой наглядности; она будетъ удовлетворять извѣстную потребность нашего мышленія, но въ то же время составляетъ самый непрочный элементъ въ системѣ нашихъ знаній. Эмпирикъ Дарвинъ былъ все же вынужденъ построить такую гипотезу наслѣдственности для нагляднаго изложенія нѣкоторыхъ затронутыхъ имъ вопросовъ; но послѣ Дарвина было опубликовано не менѣе полдюжины другихъ гипотезъ наслѣдственности, а теперь едва ли есть хоть одинъ выдающійся біологъ, у котораго нѣтъ на этотъ счетъ своихъ собственныхъ представленій, или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе существенныхъ поправокъ къ каждой изъ предложенныхъ гипотезъ.

Другое дѣло—эмпирически устанавливаемые *законы* измѣнчивости и *законы* наслѣдственности. Ко времени возникновенія теоріи отбора такихъ *законовъ* измѣнчивости и наслѣдственности было извѣстно еще очень мало. На стр. 105 «Происхожденія видовъ» Дарвинъ говоритъ: «Наше незнаніе, по отношенію къ законамъ измѣнчивости, глубоко». На стр. 15 мы находимъ такое мѣсто: «Измѣнчивость управляется многочисленными законами; нѣкоторые изъ нихъ уже смутно выясняются», и нѣсколько дальше на той же стран.: «Результаты различныхъ, вовсе неизвѣстныхъ, или смутно понимаемыхъ, *законовъ* измѣнчивости безконечно сложны и разнообразны», тоже на стр. 16 относительно наслѣдственности: «Законы, управляющіе наслѣдственностью, по большей части неизвѣстны». Это незнаніе становится вполнѣ понятнымъ, если вспомнимъ, что до Дарвина эта область явленій никого не интересовала. Но данный Дарвиномъ толчокъ долженъ былъ повести къ усиленному занятію этими вопросами, къ изслѣдованіямъ, въ результатѣ которыхъ должно было получиться установленіе новыхъ

«законовъ измѣнчивости и наслѣдственности». Съ этими-то вновь открываемыми эмпирическими законами должна считаться теорія естественнаго отбора, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ могутъ такъ или иначе отразиться на формулировкѣ самой теоріи, требуя измѣненія тѣхъ или иныхъ пунктовъ. Пояснимъ примѣромъ. Принимая личную измѣнчивость организмовъ и наслѣдственную передачу наступившихъ измѣненій за основаніе своей теоріи, Дарвинъ представлялъ себѣ ходъ этого процесса приблизительно такимъ образомъ. У особой того вида, который мы должны считать за родоначальника жираффы, длина шеи колебалась въ извѣстныхъ предѣлахъ, и рѣзкія уклоненія въ ту или другую сторону группировались около извѣстной средней величины. Если вслѣдствіе засухи погибли всѣ особи, обладавшія слишкомъ короткими шеями, то вслѣдствіе переживания особей съ длинными шеями, у слѣдующаго поколѣнія былъ болѣе большой процентъ длинношеихъ, т.-е. средняя величина этого признака повысилась; если судьба пошлетъ еще разъ такое тяжелое испытаніе, то средняя длина шеи снова подыметъ на нѣкоторую долю и такъ далѣе безъ конца, другими словами, если какой-нибудь признакъ подвергается отбору, то средняя величина этого признака можетъ повышаться до неопредѣленнаго предѣла, такъ какъ переживаніе положительныхъ уклоненій все болѣе уменьшаетъ вѣроятность появленія рѣзкихъ уклоненій въ отрицательную сторону. Но вотъ въ послѣднее время де-Фризь, на основаніи обширныхъ изслѣдованій, пришелъ къ тому заключенію, что такое повышение среднихъ размѣровъ признака, осуществляемое при помощи отбора, имѣетъ свои предѣлы, и при томъ довольно тѣсные предѣлы. Отбирая для посѣва пшеницы, обладающіе наибольшимъ числомъ рядовъ зеренъ, мы можемъ повышать среднее число рядовъ въ пшеницахъ, но лишь въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Дальше никакимъ образомъ не удастся достигнуть повышения, а при малѣйшемъ ослабленіи отбора число рядовъ зеренъ стремится возвратиться къ первоначальной средней величинѣ, являющейся однимъ изъ признаковъ данной разновидности. Съ другой стороны, тотъ же де-Фризь, а также независимо отъ него и Коржинскій пришли къ тому убѣжденію, что исходнымъ пунктомъ образованія новыхъ видовъ является не тѣ личныя измѣненія въ величинѣ признака, которыя подвергаются извѣстными статистическими законамъ и носятъ характеръ количественныхъ уклоненій, не передающихся по наслѣдству, а другія, болѣе внезапно появляющіяся, уклоненія, носящія качественный характеръ и способныя къ наслѣдственной передачѣ: такъ внезапно возникаютъ махровыя разновидности цвѣтовъ, пурпурныя разновидности деревьевъ и др. (теорія мутацій де-Фриза, гетерогенезисъ-Коржинскаго).

Всѣ эти и другіе вновь открываемые законы измѣнчивости должны быть анализируемы съ точки зрѣнія ихъ совместиости или несовместиости съ теоріей отбора и формулировка этой теоріи должна быть въ

*

случаѣ необходимости измѣняема и приспособляема къ этимъ новымъ законамъ. Къ сожалѣнію, такой анализъ очень рѣдко предпринимается: обыкновенно всякій, открывшій такой новый законъ измѣнчивости, спѣшитъ объявить теорію отбора упраздненной, какъ будто бы самый фактъ установленія новаго закона измѣнчивости подрываетъ престижъ теоріи отбора. Съ другой стороны, безусловные сторонники отбора огульно отрицаютъ новыя наблюденія и отстаиваютъ всѣ детали теоріи, даже явно несообразныя.

Обычное мнѣніе, высказываемое дарвинистами, таково, что теорія естественнаго отбора способна объяснить механическимъ путемъ цѣлесообразность въ строеніи и отправленияхъ живыхъ организмовъ, въ ихъ поразительныхъ приспособленіяхъ къ окружающему міру, живому и мертвому. Раскройте наугадъ любую книгу по біологіи и вы найдете приблизительно такую типическую фразу: «Чарльзу Дарвину удалось, при помощи развитой имъ теоріи естественнаго отбора, объяснить естественно-историческимъ путемъ, какъ осуществляются цѣлесообразныя, приспособленія въ живой природѣ» *).

Не трудно доказать, однако, что эта формулировка слишкомъ обширна и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Всякому, даже поверхностно знакомому съ данными современной біологіи, извѣстно, что на ряду съ филетическимъ приспособленіемъ организмовъ, т.-е. постепеннымъ приспособленіемъ цѣлаго ряда формъ къ тѣмъ или другимъ жизненнымъ условіямъ—напомнимъ хотя бы клювъ дятла, охранительныя окраски полярныхъ и степныхъ животныхъ, замѣчательный механизмъ опыленія у многихъ цвѣтовъ и пр.—существуетъ еще область явленій такъ называемаго «прямого приспособленія», заключающаяся въ томъ, что организмъ, попавшій въ извѣстную среду, реагируетъ цѣлесообразно на воздѣйствія этой среды, т.-е. принимаетъ такія формы и отправления, которыми парализуются вредныя воздѣйствія среды.

Къ этой категоріи явленій относится замѣчательная архитектура нашихъ костей, особенно ярко бросающаяся въ глаза въ раздутыхъ концахъ (эпифизахъ) нашихъ трубчатыхъ костей, хотя бы, напримеръ, бедренныхъ. Твердое костное вещество здѣсь не сплошь заполняетъ внутренность кости, а расположено въ видѣ тонкихъ, сѣтеобразно переплетенныхъ пластинокъ, причемъ эти пластинки располагаются такимъ образомъ, что соотвѣтствуютъ направленію наибольшаго давленія. Въ каждой кости пластинки имѣютъ иное расположеніе, сообразно ея особой службѣ, но вездѣ оно таково, что можетъ быть вычислено, если принять во вниманіе главнѣйшія направленія давленія и вытягиванія. Благодаря этому, получается наибольшая вы-

*) Цитирую изъ «Физиологіи животнаго организма и въ особенности человека» профессора Ю. Бернштейна. Изд. 1894 года.

носливость кости при большомъ сбереженіи въ строительномъ матеріалѣ. Что данное приспособленіе есть дѣйствительно «прямое», слѣдуетъ изъ того, что въ случаяхъ залечиванія переломовъ, когда взаимное расположеніе частей кости, а вмѣстѣ съ этимъ и направленіи наибольшаго давленія, испытываемаго каждою частью, измѣняются, мы наблюдаемъ вполне соответственное измѣненіе въ направленіи костныхъ пластинокъ данной части эпифиза.

Такія непосредственно-цѣлесообразныя реакціи наблюдаются также и въ области явленій регенераціи — самодѣтельнаго возмѣщенія живымъ организмомъ поврежденныхъ или удаленныхъ тканей и органовъ. Приведу одинъ изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ, съ которымъ мы познакомились въ сравнительно недавнее время. Извѣстно, что хрусталикъ, находящійся въ глазу позвоночныхъ, обязанъ своимъ возникновеніемъ цѣлому ряду весьма сложныхъ процессовъ роста и дифференцировки тканей, происходящихъ въ эктодермальномъ эпителии. Нѣтъ нужды излагать здѣсь эти процессы, но важно отмѣтить слѣдующій, весьма знаменательный фактъ: регенерація поврежденнаго хрусталика никоимъ образомъ не можетъ совершиться тѣмъ же путемъ, какимъ совершается его нормальное развитіе въ нашей эмбриональной жизни, когда каждый шагъ этого развитія диктуется наслѣдственностью. Ибо, какъ только его развитіе заканчивается, хрусталикъ отторгается отъ ткани, давшей ему начало, и попадаетъ въ чуждую семью тканей, весьма односторонне приспособленныхъ къ своимъ функціямъ: сѣтчатка, роговица, радужная оболочка и т. д. Сдѣлавъ на личинкахъ и на выросшихъ особяхъ *Triton taeniatus* операцію извлеченія хрусталика, Вольфъ убѣдился въ томъ, что спустя нѣсколько мѣсяцевъ хрусталикъ снова восстанавливается. Но изъ какой ткани? Кратчайшимъ изъ мыслимыхъ путей такого восстановленія было бы превращеніе клѣтокъ радужной оболочки въ новый хрусталикъ, такъ какъ эти клѣтки сохраняютъ свойства эктодермальнаго эпителия въ наиболѣе чистомъ видѣ; но клѣтки этого эпителия переполнены пигментомъ, соответственно главной задачѣ радужной оболочки — быть непрозрачной. Этотъ кратчайшій путь и былъ на самомъ дѣлѣ избранъ организмомъ. Цѣлая армія лейкоцитовъ была пущена въ дѣло для удаленія пигмента изъ клѣтокъ — и въ результатѣ самая непрозрачная изъ тканей глаза была превращена въ самый важный изъ его прозрачныхъ дюртрическихъ аппаратовъ! *).

Какъ же объяснить себѣ эти проявленія внутренней цѣлесообразности, непосредственно управляющей, повидимому, живыми организмами, какъ въ процессѣ ихъ нормальнаго развитія, такъ и при случаяхъ приспособленія къ измѣнявшимся условіямъ существованія. Что кости

*) G. Wolff. «Beiträge zur Kritik der darvin'schen Lehre». Leipzig. 1898. Также въ «Archiv für Entwicklungsmechanik».

наши не сплошь состоятъ изъ твердаго вещества—это еще можно было объяснить отборомъ, ссылаясь во-первыхъ на выгоды связанныя со сбереженіемъ вещества, во-вторыхъ на легкость костей, гарантирующую большую свободу движеній, чѣмъ это было бы возможно при компактныхъ костяхъ. Такъ и дѣлаютъ нѣкоторые дарвинисты (Plate), особенно подчеркивая ту несомнѣнно вѣрную мысль что проведеніе рѣзкой черты между «внутренней» и «внѣшней» цѣлесообразностью не всегда возможно. Но способность прямого приспособленія развитой кости къ изменившимся условіямъ уже заставляетъ насъ вспомнить объ одномъ основномъ свойствѣ живыхъ тканей,—объ ихъ функциональной или трофической раздражимости. Общеизвѣстнымъ внѣшнимъ выраженіемъ этого свойства тканей служитъ тотъ фактъ, что продолжительное и частое упражненіе побуждаетъ наши органы къ усиленному питанію и росту, между тѣмъ какъ неупотребленіе ведетъ къ дегенераціи (первый принципъ Ламарка). Въ приложеніи къ данному случаю, имѣющему, къ слову сказать, свои аналоги въ расположеніи механическихъ тканей у растений, это означало бы, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ клѣткамъ приходится оказывать наибольшее противодѣйствіе дѣйствующимъ извнѣ механическимъ силамъ, эти клѣтки сильнѣе всего развиваются. Такая способность организма соразмѣрять количественно размѣръ своего отправленія съ размѣромъ потребности, является въ высшей степени цѣлесообразной для организма.

Вотъ тутъ и возникаетъ вопросъ, можетъ ли это весьма цѣлесообразное свойство организмовъ, которое мы называемъ «трофическимъ вліяніемъ функциональнаго раздраженія», можетъ ли это свойство быть объяснено отборомъ? Здѣсь мнѣнія дарвинистовъ расходятся. Французскій ученый *Ле-Дантекъ* въ послѣднее время пытается доказать, что такое объясненіе не только возможно, но составляетъ даже «очевидный фактъ». Для этого приходится однако построить гипотезу, что первоначально ткани состояли изъ двухъ родовъ клѣтокъ: такихъ, для которыхъ ихъ функционированіе служило стимуломъ для дальнѣйшаго питанія и роста, и такихъ, которые, не обладали этимъ свойствомъ. Въ результатѣ неизбежно должно получиться переживаніе тѣхъ элементовъ ткани, которыя обладали этой функциональной раздражимостью, и такимъ образомъ это весьма полезное свойство сдѣлалось достояніемъ всей ткани.

Слѣдуетъ замѣтить, что такое объясненіе по своей основной идеѣ не ново, а представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе взглядовъ Вильгельма Ру, опубликовавшаго еще въ 1881 году свою теорію «борьбы частей въ организмѣ» въ сочиненіи, которое Геккель считаетъ «однимъ изъ важнѣйшихъ вкладовъ въ ученіе о развитіи, сдѣланныхъ со времени появленія главнаго сочиненія Дарвина (1859) и однимъ изъ существеннѣйшихъ дополненій къ его теоріи естественнаго отбора». Другіе дарвинисты считаютъ эту теорію «внутренней борьбы частей» излиш-

ней для объясненія эмбриональнаго развитія, строго слѣдующаго законамъ наслѣдственности, и самую идею отбора неприменимой къ объясненію трофической раздражимости. Такъ, въ самое послѣднее время Плате, поставившій себѣ задачей собрать весь арсеналъ доводовъ въ пользу естественнаго отбора и въ частныхъ вопросахъ часто прибѣгающій къ большимъ натяжкамъ, въ данномъ общемъ вопросѣ усматриваетъ въ разумномъ ограниченіи области приложенія скорѣе пользу, чѣмъ вредъ для защищаемой имъ теоріи. Онъ рѣшительно выступаетъ противъ теоріи Ру, говоря между прочимъ о трофической раздражимости слѣдующее:

«Способность къ трофическому раздраженію есть элементарное свойство организмовъ, какъ и способность къ ассимиляціи и дыханію. Она не объясняется внутренней борьбой и вообще въ настоящее время не объяснима, развѣ что мы предположимъ, что она постепенно развивалась начиная съ простѣйшихъ путемъ отбора особей (т.-е. вымиранія тѣхъ особей, у которыхъ эта трофическая раздражимость была менѣе совершенна С. Ч.). Но это разумется не было бы объясненіемъ ея происхожденія, это объясняло бы лишь почему она теперь имѣется у всѣхъ особей и какими путемъ она могла бы, пожалуй, быть повышена» *).

Подчеркнутыя мною слова Плате лучше всего вводятъ насъ въ самую суть вопроса. Принципъ отбора приложимъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно объяснить происхожденіе болѣе совершеннаго изъ менѣе совершеннаго. Но добравшись до самаго начала этого процесса мы имѣемъ передъ собой живой организмъ, обладающій уже въ нѣкоторой степени трофической раздражимостью. Значитъ мы объяснили отборомъ лишь постепенный ростъ этой полезной способности, но отнюдь не ея первое происхожденіе. Еще ярче бросается въ глаза несообразность такого приложенія идеи отбора, если перенести ту же аргументацію на другія основныя свойства живой кѣтки.

«Ткани животнаго послѣ смерти его тотчасъ же подвергаются измѣненіямъ, вызываемымъ вліяніями внѣшняго міра,—говоритъ Вольфъ.—Модифицируя соотвѣственно эти воздѣйствія, мы можемъ задерживать эти измѣненія. Такъ мы можемъ уберечь мясо отъ такихъ воздѣйствій, содержа его въ холодѣ. Но откуда оно бымо живо, органическое вещество не нуждалось въ такой защитѣ, отъ этихъ самыхъ воздѣйствій, она лежала въ немъ самомъ, оно было приспособлено къ этимъ воздѣйствіямъ». «Вообще не трудно понять, что жизненныя явленія суть нечто иное, какъ явленія приспособленія, т.-е. проявленія того совершенно своеобразнаго взаимодѣйствія между организмомъ и внѣшнимъ міромъ, которыя намъ извѣстны какъ органическая цѣлесообразность».

Эта первичная цѣлесообразность въ приспособленіи органическаго вещества къ внѣшнему міру и есть самая характерная особенность всего живого, что и дало возможность *Спенсеру* опредѣлять жизнь, какъ «опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, какъ одновременныхъ, такъ и послѣдовательныхъ, происходящихъ соотвѣтственно внѣшнимъ сосуществованіямъ и послѣдовательностямъ», или короче:

*) Plate. Ueber Bedeutung und Tragweite des Darwinsehen Selectionsprincipi. Leipzig 1900. Стр. 104 и слѣдующія. Курсивъ мой. Ч.

«Жизнь есть постоянное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ вѣшнимъ». Если бы мы вздумали объяснять происхождение этой цѣлесообразности постепеннымъ накопленіемъ при помощи естественнаго отбора, то мы должны были бы взять своей отправной точкой такіе живые организмы, у которыхъ этой цѣлесообразности *еще не имѣлось*, что противорѣчило бы данному выше опредѣленію жизни. Итакъ, прилагать идею отбора къ первичнымъ или элементарнымъ свойствамъ живыхъ существъ невозможно, какъ бы ни были видимо цѣлесообразны эти свойства; ибо это значило бы приписывать дарвинизму попользованіе объяснить самую жизнь, а этого попользованія дарвинизмъ никогда и не думалъ имѣть.

На стр. 115 «Происхожденія видовъ» мы читаемъ: «Какимъ образомъ нервъ сдѣлался чувствительнымъ къ свѣту, почти такъ же мало насъ касается, какъ и вопросъ, какъ возникла жизнь». А въ письмѣ къ Тукеру отъ 29-го марта 1863 года онъ пишетъ: «Это просто безсмыслица задумываться въ настоящее время о началѣ жизни; можно было бы съ такимъ же успѣхомъ размышлять о происхожденіи матеріи». Изъ этого ясно слѣдуетъ, что Дарвинъ и не помышлялъ о включеніи первично-цѣлесообразныхъ проявленій жизни въ сферу компетенціи теоріи отбора. Такъ же высказывается и Уоллесъ.

Видимая цѣлесообразность основныхъ свойствъ протоплазмы, являющаяся превосходнымъ приспособленіемъ общаго феномена жизни, во всей его совокупности, къ космической средѣ можетъ имѣть совершенно другія причины, чѣмъ видимая цѣлесообразность *многихъ* органовъ и функцій отдѣльныхъ животныхъ и растительныхъ формъ, прекрасно приспособленныхъ къ ихъ специальнымъ условіямъ существованія. Я намѣренно говорю *многихъ*, а не *всѣхъ*, чтобы напомнить читателю тѣ многочисленные случаи, когда органы не носятъ и слѣда видимой цѣлесообразности.

Возьмемъ прежде всего самое цѣлесообразное свойство протоплазмы ея способность ассимилировать. Мы еще не можемъ объяснить себѣ физико-химическимъ путемъ этого процесса, но мы не теряемъ надежды, что современемъ это намъ удастся. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чрезвычайно развитой способностью къ полимеризаціи, способностью, которую мы въ болѣе слабой степени встрѣчаемъ и у другихъ органическихъ и неорганическихъ соединений *). Гораздо труднѣе будетъ свести раздражимость на физико-химическія причины, такъ какъ здѣсь дѣло усложняется, повидимому, весьма трудно поддающимися изслѣдованію структурными особенностями протоплазмы.

Совершенно иной рядъ явленій приходится привлекать къ объяс-

*) Интересующіеся этимъ вопросомъ читатели могутъ найти нѣсколько интересныхъ указаній въ «Общей физиологіи» Ферворна.

ненію происхожденія небольшихъ внѣшнихъ отличій одного вида отъ другого, какъ бы ни были цѣлесообразны эти отличія, т.-е., какъ бы ни гармонировали съ особыми условіями, при которыхъ этимъ видамъ приходится жить. Разсмотримъ нѣсколько примѣровъ.

Альпійскія растенія отличаются отъ близкихъ видовъ, живущихъ на равнинѣ цѣлымъ рядомъ признаковъ, волюгѣ гармонирующихъ съ особыми условіями альпійской жизни. Нашъ однолѣтній мятликъ (*Rosa alpina*) представленъ въ альпійской флорѣ многолѣтней разновидностью, *varietas supina*, что при краткости періода вегетаціи на Альпахъ весьма цѣлесообразно. Другія однолѣтнія альпійскія растенія отличаются отъ равнинныхъ видовъ чрезвычайно раннимъ цвѣтеніемъ и плодоношеніемъ, благодаря чему обезпечивается вызрѣваніе сѣмянъ и существованіе вида. Едва поднявшись надъ землею растеніе зацвѣтаетъ и съ этого момента вся его дальнѣйшая работа направлена на питаніе сѣмянъ; отношеніе между вѣсомъ сѣмянъ и вѣсомъ всего растенія у нѣкоторыхъ маленькихъ альпійскихъ растеній прямо огромно, если сравнить его съ тѣмъ же отношеніемъ у растеній равнины. У многихъ альпійскихъ видовъ и разновидностей вѣвичикъ выгнать въ длинную трубку, въ чемъ выражается приспособленіе къ особому составу альпійской фауны насѣкомыхъ, опыляющихъ цвѣты. Изъ тысячи посѣщеній цвѣтовъ насѣкомыми, на долю мотыльковъ, имѣющихъ болѣе длинные хоботки, чѣмъ пчелы и шмели, приходится на Альпахъ 428, на равнинѣ всего 70. Приведу также одинъ примѣръ изъ области арктической флоры. Наша трилистная вахта или трифоль—(*Menyanthes trifoliata*), отличаются весьма характернымъ устройствомъ цвѣтка, обезпечивающимъ перекрестное опыленіе: рыльца и пылинки у разныхъ особей находятся на различной высотѣ внутри вѣничиковой трубки, благодаря чему пыльца одного цвѣтка, прилипающая къ хоботку насѣкомаго на извѣстной высотѣ, попадаетъ на рыльце другого цвѣтка, у котораго это послѣднее расположено именно на такой высотѣ (гетеростилія). Но то же самое растеніе въ Гренландіи не имѣетъ этого признака; тамъ у всѣхъ особей рыльце и пылинки находятся другъ подлѣ друга, благодаря чему становится возможнымъ самоопыленіе. Въ связи съ рѣдкостью насѣкомыхъ въ Гренландіи этотъ возвратъ къ самоопыленію является весьма цѣлесообразнымъ.

Укажемъ еще на безкрылыхъ насѣкомыхъ Мадейры и другихъ острововъ, лежащихъ въ поясѣ постоянныхъ и сильныхъ вѣтровъ; слабые летуны, не способные бороться съ вѣтромъ, были бы уносимы въ море и для нихъ гораздо выгоднѣе вести наземную жизнь, между тѣмъ какъ болѣе сильныя насѣкомыя сохранили свои крылья. Наконецъ, укажемъ еще на извѣстный примѣръ шотландской куропатки (*Lagopus scoticus*), отличающейся отъ своихъ материковыхъ родичей тѣмъ, что она не одѣвается на зиму въ бѣлыя перья, а сохраняетъ свой темно-ко-

ричевый цвѣтъ, что при безснѣжности шотландской зимы весьма цѣлесообразно.

Изъ приведенныхъ примѣровъ читателю должна была выясниться разница между первичной цѣлесообразностью съ одной стороны, проявленія которой мы видимъ какъ въ элементарныхъ функціяхъ клѣтки, такъ и въ прямыхъ приспособленіяхъ, совершающихся въ теченіе индивидуальной жизни (примѣры: строеніе буковыхъ листьевъ, нашихъ трубчатыхъ костей и т. д.), и той цѣлесообразностью въ филетическомъ приспособленіи цѣлаго ряда формъ къ ихъ особымъ условіямъ жизни—(клювъ дятла, альпійскія и арктическія растенія и т. д.),—которая является только какъ результатъ продолжительнаго процесса постепеннаго приспособленія. Но чтобы окончательно выяснитъ эту разницу и освѣтить взаимное отношеніе этихъ обѣихъ формъ цѣлесообразности, я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на одномъ наблюденіи, сдѣланномъ известнымъ сравнительно недавно и представляющемъ огромный интересъ уже одной своей фактической стороной.

Наблюденіе это сдѣлано было ботаникомъ *Габерландтомъ* у тропической ланы—*Conocarpus ovatus*, принадлежащей къ семейству тутовыхъ. У этого растенія, какъ и у многихъ другихъ, существуютъ особые железистые органы, функція которыхъ заключается въ выдѣленіи воды въ капельно-жидкомъ состояніи—гидатоды. Органы эти расположены на верхней поверхности листа (по 4—5 на квадратный сантиметръ) и состоятъ изъ множества паренхиматическихъ клѣтокъ, являющихся передаточными станціями между нижележащими узловыми точками сѣти водоносныхъ сосудовъ съ одной стороны и вышележащимъ слоемъ кожицы (эпидермиса), снабженной въ этомъ мѣстѣ многочисленными порами (по 30—40 поръ на одну гидатоду). Биологическое значеніе этихъ гидатодъ заключается, повидимому, въ своевременномъ удаленіи большихъ количествъ воды, грозящихъ въ случаѣ застоя заполненіемъ межкѣлочныхъ воздушныхъ пространствъ и нарушеніемъ правильнаго хода ассимиляціи и дыханія. Въ теченіе одной ночи каждый листъ выдѣляетъ 2,76 грамма воды, т.-е. 26% собственнаго своего вѣса. При этомъ вода почти не содержитъ солей, изъ чего слѣдуетъ, что всѣ растворенныя въ водѣ соли остаются въ клѣткахъ растенія; это послѣднее обстоятельство можетъ, въ свою очередь, оказаться полезнымъ для растенія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе насыщенности тропической атмосферы, выдѣленіе парообразной воды низводится до минимума и растеніе не въ состояніи получать необходимыхъ солей этимъ болѣе обычнымъ путемъ.

Чтобы доказать, что ткань гидатодъ является не просто пассивнымъ фильтромъ для воды, но активно дѣйствующей железой, Габерландтъ смазалъ гидатоды одной половины листа растворомъ сулемы. На другое утро смазанная половина листа оказалась совершенно сухой, между тѣмъ какъ на несмазанной, поверхъ гидатодъ находились нормальныя капли

воды; но зато въ смазанной половинѣ всѣ межклеточные ходы были заполнены водой, не нашедшей себѣ нормальнаго исхода и профильтровавшейся подъ высокими давленіемъ изъ внутренности клетокъ въ воздухоносные пути. Растенію приходилось, стало быть, прежде чѣмъ приступить къ ассимиляціи удалить эту застоявшуюся воду путемъ испаренія черезъ устьяца, находящіяся на нижней сторонѣ листа, а это влекло за собою значительную потерю дорогого времени, предназначеннаго для ассимиляціи. Но черезъ нѣсколько дней растеніе справилось съ этимъ затрудненіемъ: на верхней сторонѣ смазанной половины листа показались новыя гидатоды, имѣвшія, правда, совершенно иное гистологическое строеніе и происходившія изъ другихъ слоевъ ткани, чѣмъ первоначальныя гидатоды. Эти новыя органы возникаютъ вслѣдствіе повторнаго дѣленія опредѣленнаго числа паренхиматическихъ клетокъ, лежащихъ въ окружности сосудистыхъ пучковъ, внутри листа образуются конусообразныя скопленія трубчатыхъ клетокъ, которыя вскорѣ прорываютъ лежащія надъ ними слои палисадныхъ клетокъ и кожицы, выступаютъ на поверхность и образуютъ пучокъ расходящихся вверху трубчатыхъ клетокъ, надъ которыми каждое утро замѣчается капля воды. Съ этого дня межклеточные ходы перестали наполняться водой *).

Въ данномъ случаѣ передъ нами образованіе новаго органа, вызванное непосредственной потребностью и осуществившееся благодаря присущей всѣмъ организмамъ способности саморегулированія ихъ функций. Можно было бы, конечно, и здѣсь попытаться примѣнить селекционистскую аргументацію, говоря, что изъ всѣхъ *Coposcephalus*'овъ пережили въ борьбѣ за существованіе именно тѣ, которые обладали способностью образовывать замѣнныя гидатоды описаннаго типа, всякій разъ, когда функционированіе нормальныхъ гидатодъ нарушается чѣмъ-либо. Это была бы хотя и нѣкоторая натяжка, но доказать ея полную невозможность нельзя и такимъ образомъ наше разграниченіе индивидуальнаго и филогенетическаго приспособленія все же было бы подъ сомнѣніемъ. Но дальнѣйшая исторія того же растенія дѣлаетъ такую натяжку совершенно невозможной. Дѣло въ томъ, что какъ ни пригодны были вновь образовавшіяся гидатоды для активнаго выдѣленія воды (физиологически), онѣ, однако, оказались очень непрактичными съ біологической точки зрѣнія: нѣжные волоски, не защищенные толстой клеточной оболочкой, не устояли передъ палящимъ зноемъ тропическаго дня и не болѣе какъ черезъ недѣлю новыя гидатоды сморщились, а на ихъ мѣстѣ на поверхности листа началось образованіе заживляющей или раковой пробки. Выводъ отсюда ясенъ: способность образовывать замѣнныя гидатоды не есть признакъ, за-

*) Подробное описаніе съ рисунками находится, между прочимъ, въ «Naturwissenschaftliche Wochenschrift», 1899 г., стр. 287.

крѣпленный при помощи естественнаго отбора, ибо въ этомъ случаѣ естественный отборъ сумѣлъ бы создать запасный органъ болѣе прочный, т.-е. жизнеспособный при данныхъ климатическихъ условіяхъ. На этомъ примѣрѣ мы яснѣ всего видимъ, что способность саморегулированія, выражающаяся не только въ количественныхъ измѣненіяхъ, но принимающая даже характеръ формативной дѣятельности, можетъ явиться почвой, на которой возникаютъ новообразования, несомнѣнно, цѣлесообразныя для жизни особи. Въ тѣхъ же частныхъ случаяхъ, когда эти новообразования обладаютъ достаточной устойчивостью, и когда обладаніе ими является рѣшающимъ для жизни и смерти особи, они могутъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ для филетического приспособленія, путемъ ли прямымъ (наслѣдственная передача признака и его постепенное усиленіе) или косвеннымъ (естественный отборъ).

Только такимъ образомъ, прослѣживая на отдѣльныхъ конкретныхъ примѣрахъ гармоническое приспособленіе отдѣльныхъ животныхъ или растительныхъ видовъ къ ихъ специальнымъ условіямъ существованія и строго разграничивая область явленій индивидуально цѣлесообразныхъ и филетически цѣлесообразныхъ приспособленій, мы получаемъ правильное представленіе о предполагаемомъ характерѣ дѣятельности естественнаго отбора, какъ фактора образованія видовъ, а вмѣстѣ съ этимъ и болѣе правильную оцѣнку его истинной роли. Въ самомъ дѣлѣ, по характеру своей дѣятельности, естественный отборъ есть факторъ отрицательный, дѣйствующій путемъ устраненія нецѣлесообразнаго или менѣе цѣлесообразнаго и такимъ образомъ *косвенно* способствующій накопленію болѣе цѣлесообразныхъ измѣненій, но самое появленіе этихъ измѣненій стоитъ, однако, внѣ власти естественнаго отбора. Для того чтобы естественный отборъ могъ проявить свою дѣятельность, долженъ существовать уже извѣстный запасъ измѣненій въ строеніи и управленіяхъ отдѣльныхъ органовъ. Измѣненія эти возникаютъ вслѣдствіе способности живой протоплазмы воспринимать формативныя и функціональныя раздраженія, безразлично, являются ли эти раздраженія, какъ непосредственныя воздѣйствія внѣшнихъ факторовъ или какъ результатъ внутреннихъ перераспредѣленій энергіи въ самомъ живомъ комплексѣ, въ силу его сложныхъ структурныхъ особенностей. Причины возникновенія измѣненій лежатъ, такимъ образомъ, въ той области молекулярно-структурныхъ отношеній, которая, какъ мы видѣли, независима отъ естественнаго отбора. Также независимы отъ естественнаго отбора и тѣ законы, которымъ подчиняются эти измѣненія при своемъ возникновеніи или такъ называемые «законы развитія», т.-е. тотъ рядъ закономѣрныхъ сосуществованій и послѣдовательностей, въ силу которыхъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ или внутреннихъ перераспредѣленій энергіи возникаютъ именно тѣ, а не иные измѣненія. Въ конечномъ счетѣ эти закономѣрности сводятся, вѣроятно, къ тѣмъ

же молекулярно-структурнымъ отношеніямъ; однако, ихъ связь съ этими послѣдними еще весьма мало выяснена, а между тѣмъ, существованіе и проявленіе «законовъ развитія» можетъ быть установлено чисто индуктивнымъ путемъ, такъ что мы можемъ трактовать эти законы развитія независимо отъ того, какія представленія мы дѣлаемъ себѣ объ этихъ молекулярно-структурныхъ отношеніяхъ. Пояснимъ примѣромъ. Появленіе у мужчинъ бороды и усовъ есть слѣдствіе того, что обитѣи веществъ извѣстной группы клѣтокъ принимаетъ извѣстный характеръ и что формативная дѣятельность этихъ клѣтокъ выражается въ возникновеніи даннаго типа новообразованій. Но тотъ фактъ, что этотъ особый родъ обитѣи веществъ и формативной дѣятельности клѣтокъ появляется въ организмѣ въ извѣстномъ только, вполне опредѣленномъ возрастѣ, есть выраженіе существованія извѣстнаго ряда закономерностей, управляющихъ данными молекулярными и формативными процессами; этотъ-то рядъ закономерностей, существованіе которыхъ мы установили чисто эмпирическимъ путемъ, мы и называемъ «закономъ одновременной или гомохронной наслѣдственности» (Геккель). Такихъ законовъ наслѣдственности установленъ цѣлый рядъ, но ими не исчерпывается область «законовъ развитія»: сюда относятся и законы измѣчивости, и законы соотношенія, и законы постепеннаго усложненія организаціи, достигаемой раздѣленіемъ труда между органами и координаціей ихъ. Сюда же относятся и такъ называемые числовые законы, управляющіе листорасположеніемъ у растений, числомъ одинаковыхъ органовъ и частей у извѣстныхъ животныхъ типовъ: число сегментовъ у низшихъ ракообразныхъ колеблется, у высшихъ оно достигаетъ опредѣленнаго числа (20) и становится постояннымъ; число амбулакральныхъ и межамбулакральныхъ рядовъ пластинокъ у ископаемыхъ морскихъ ежей (*Echinida*) колеблется, пока не достигаетъ цифры 20, которая и удерживается до настоящаго времени. Морскіе ежи интересны и въ другомъ отношеніи, какъ примѣръ ряда чисто морфологическихъ измѣненій, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе неизмѣримыхъ періодовъ геологической исторіи; древнѣйшія формы морскихъ ежей обладали двухсторонней симметрией, но уже въ девонскомъ періодѣ появляются морскіе ежи съ правильной пятисторонней формой (и 20-ю рядами пластинокъ), между тѣмъ какъ двустороннія формы близятся къ вымиранію и окончательно вымираютъ еще до наступленія мезозойской эры (тріаса). Однако, среди пятистороннихъ ежей, максимальное развитіе которыхъ относится къ мѣловому періоду, уже въ юрскомъ періодѣ начинаютъ появляться снова двусторонне-симметричныя формы, которыя становятся даже впоследствии преобладающими по числу и остаются таковыми по настоящее время. Изъ другихъ примѣровъ чисто морфологической эволюціи я укажу лишь на одинъ еще: съ древнѣйшихъ временъ геологической исторіи совершается

переходъ дихотомическаго (вилобразнаго) вѣтвленія папоротниковыхъ листьевъ въ перистое (Ptonié).

Къ этой же области относятся, наконецъ, и тѣ признаки, о которыхъ еще самъ Дарвинъ предполагалъ, что они обязаны своимъ происхожденіемъ не какимъ-нибудь приспособленіямъ, а исключительно тому, что онъ называетъ «законами роста». Такъ, въ «Происхожденіи видовъ» мы находимъ слѣдующее мѣсто:

«Черепные швы у молодыхъ млекопитающихъ разсматривались, какъ прекрасное приспособленіе, облегчающее актъ родовъ, и, безъ сомнѣнія, они могутъ ему способствовать или даже оказаться необходимыми, но такъ какъ эти швы существуютъ и на черепахъ птицъ и пресмыкающихся, которымъ приходится только вылупляться изъ яйца, то мы и въ правѣ заключить, что это строеніе вытекаетъ изъ самыхъ законовъ роста и только повдѣе изъ него была извлечена польза при актѣ рожденія» («Происхожденіе видовъ», стр. 126).

Это противопоставленіе, такъ ясно проведенное Дарвиномъ, дѣлаетъ излишнимъ дальнѣйшіе примѣры и лучше всего доказываетъ необходимость различенія чисто морфологическихъ признаковъ, съ ихъ эволюціей, подчиняющейся еще неизвѣстнымъ намъ «законамъ роста и развитія», отъ признаковъ приспособительныхъ, являющихся виѣшнимъ выраженіемъ извѣстнаго равновѣсія, установившагося между организмомъ и его средой. Если распространеніе даннаго организма ограничено одной какой-нибудь небольшой областью, гдѣ ему приходится покупать свое существованіе цѣной приспособленія къ особымъ специфическимъ условіямъ, то онъ будетъ поражать насъ преобладаніемъ признаковъ приспособительныхъ надъ основными признаками организаціи; напомнимъ хотя бы о паразитныхъ ракахъ изъ подѣотряда *Rhizocephalinae*, теряющихъ часто послѣдніе слѣды сегментаціи—этого основного признака организаціи ракообразныхъ, да и всѣхъ вообще членистоногихъ. Но зато у цѣлаго ряда формъ попадающихся при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ существованія, явно преобладаютъ признаки «организационные», для которыхъ часто такъ трудно бываетъ указать ихъ «пользу».

Это раздѣленіе признаковъ на двѣ группы не ново: уже *Нэгели* различалъ «совершенство организаціи» (*Organisationsvollkommenheit*) отъ «совершенства приспособленія» (*Anpassungsvollkommenheit*). Но эта, безъ сомнѣнія, основательная мысль, какъ и многія другія идеи *Нэгели*, не нашли въ свое время поддержки, отчасти вслѣдствіе нѣсколькой неудачной формы, въ которой онѣ были выражены и которая придавала имъ въ глазахъ многихъ трезвыхъ эмпириковъ характеръ «метафизическихъ бредней». Эта излишняя подозрительность многихъ естествоиспытателей мѣшала имъ признать «прямые» законы развитія до тѣхъ поръ, пока они не выяснили себѣ истинныхъ предѣловъ возможности теоріи отбора.

А между тѣмъ, уже однихъ явленій «соотношенія роста», о которыхъ самъ Дарвинъ такъ часто говорилъ въ своихъ трудахъ, достаточно было бы для признанія существованія такихъ прямыхъ зако-

новъ. И въ этомъ случаѣ философъ Ф. А. Ламе правильнѣе оцѣнилъ значеніе данныхъ явленій, чѣмъ многіе специалисты естествоиспытатели. Говоря о явленіяхъ соотношеній роста Ланге замѣчаетъ:

«Что, напр., тяжелыя, отвислыя уши нѣкоторыхъ видовъ кроликовъ должны производить модифицирующее давленіе на черепъ—это мы можемъ понять по механическимъ причинамъ»... «Но почему, напримѣръ, бѣлыя кошки съ голубыми глазами обыкновенно глухи, почему пунцовые георгины имѣютъ выемчатые лепестки—для насъ пока совершенно непонятно. Но такъ какъ подобныя связи существуютъ въ весьма большомъ количествѣ, то мы изъ этого видимъ, что въ строеніи организмовъ господствуютъ законы образованія, которые намъ неизвѣстны не только по объему ихъ дѣйствія, но даже по способу дѣйствія. Но при этомъ, конечно, нѣтъ необходимости думать о какихъ-либо намъ неизвѣстныхъ силахъ»... и т. д. *).

Правильно понимаемые «законы развитія», которыми управляется измѣненіе органическихъ формъ, не можетъ быть «ничѣмъ инымъ, кромѣ мыслимаго въ видѣ нѣкотораго единства совокупнаго дѣйствія общихъ законовъ природы для произведенія явленія развитія». Это «взятыя изъ наблюденія извѣстныя правила въ процессахъ природы, послѣднихъ причинъ которыхъ мы еще не знаемъ» **).

{Говоря о «внутреннихъ причинахъ», мы разумѣемъ лишь то неоспоримое обстоятельство, что такой въ высшей степени сложный агрегатъ, какимъ является элементарный носитель жизни — протоплазма, въ самомъ сложномъ химизмѣ и своей сложной структурѣ обладаетъ средствомъ для разнообразнаго внутренняго перераспределенія воспринимаемой имъ энергіи, вслѣдствіе чего реакція организма на внѣшнія воздѣйствія носитъ высокую степень самостоятельности, специфичности, такъ что одно и то же воздѣйствіе можетъ вызвать въ разныхъ организмахъ совершенно различныя реакціи. Цѣпь причинностей, которую связываются начало и конецъ процесса, слишкомъ длинна и залутана, чтобъ быть прослѣженной по всѣмъ этапамъ. Особенно сильно поражаетъ насъ эта видимая несоизмѣримость между внѣшнимъ воздѣйствіемъ и реакціей организма тамъ, гдѣ на сцену выступаетъ формативная энергія. Вслѣдствіе укушенія опредѣленнаго насѣкомаго, на вѣтвяхъ и листьяхъ опредѣленнаго вида растенія получается новообразование вполне опредѣленной формы: здѣсь химическое раздраженіе вспырынутого вещества, благодаря сложной цѣпи внутреннихъ взаимодействій получаетъ характеръ морфогеннаго или формативнаго раздраженія, вслѣдствіе чего вновь образующіяся на этомъ мѣстѣ клѣтки располагаются въ строго-опредѣленномъ порядкѣ. Кто здѣсь болѣе виноватъ въ происшедшемъ измѣненіи формы: химическое свойство вспырынутого вещества или сложная структура и вообще организація растенія? Дарвинъ вполне опредѣленно отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ говоря: «Мы въ правѣ заключить, что природа условій имѣетъ въ произведеніи каждаго даннаго измѣненія менѣе значенія, чѣмъ природа са-

*) «Исторія матеріализма». Русское изданіе Пантелѣева. Спб. 1899 г., стр. 532. Журнали мой.

**) Тамъ же, стр. 535.

мого организма; быть можетъ, первая вліяетъ не болѣе существенно, чѣмъ природа той искры, которая воспламеняетъ массу горючаго матеріала, вліяетъ на свойства вспыхивающаго пламени» *).

Вообще самъ Дарвинъ безъ всякаго сомнѣнія признавалъ «внутреннія причины» и «законы развитія» и другіе факторы развитія, какъ, на примѣръ, дѣйствія прямого приспособленія. Последнее онъ особенно ясно высказалъ въ одномъ письмѣ къ Уолессу (отъ 5-го іюля 1866 года), гдѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что прочитанныхъ «Основаній биологіи» Спенсера, онъ говоритъ: Какое, это однако, несчастіе, что, какъ мнѣ кажется, едва ли когда-либо будетъ возможно отличить прямое воздѣйствіе внѣшнихъ факторовъ отъ «переживанія наиболѣе приспособленнаго». Правда, читая Дарвина мы не слишкомъ часто наталкиваемся на выраженія «внутреннія причины» и т. п. Но это вполне понятно, такъ какъ Дарвинъ не писалъ трактата объ эволюціи органическаго міра вообще, а лишь старался разъяснить дѣйствіе открытаго имъ фактора.

«Съ той грандіозной и обыкновенно плодотворной односторонностью, которую мы видимъ особенно часто у англичанъ, Дарвинъ провелъ свой принципъ такъ, какъ будто бы нужно было все вывести исключительно изъ него—говоритъ Ф. А. Ланге.—*Содѣйствующая* повсюду причина трактовалась такъ, какъ будто бы она дѣйствовала одна, но догматическое утвержденіе, что она одна, не есть необходимая составная часть системы. Дарвинъ вездѣ, гдѣ онъ видитъ себя приведеннымъ къ содѣйствію внутреннихъ причинъ, принималъ это содѣйствіе такъ просто въ свое объясненіе формъ природы, что можно скорѣй предположить, что онъ считалъ его само собою разумнымъ».

Для человѣка, стремящагося провести новую идею—это приѣмъ вполне понятный. Но принять такой приѣмъ за основу всего дальнѣйшаго изслѣдованія значитъ намѣренно закрыть глаза на массу явленій, только потому, что нашъ великій учитель случайно не видѣлъ или не могъ видѣть ихъ.

Принимая положеніе, что естественный отборъ, какъ факторъ эволюціи уживается съ законами развитія, намъ остается еще только уяснить себѣ различіе въ характерѣ дѣятельности этихъ обѣихъ группъ факторовъ. Здѣсь прежде всего необходимо указать на то, что дѣйствіе другихъ факторовъ развитія—прямое, дѣйствіе же естественнаго отбора—косвенное. Поясимъ примѣромъ.

Нѣкоторые виды европейскихъ мотыльковъ обладаютъ одной характерной особенностью, извѣстной подъ именемъ сезоннаго диморфизма**), и заключающейся въ томъ, что одна группа особей, возникшая изъ перезимовавшихъ куколокъ и летающая весной, рѣзко отличается въ своей окраскѣ отъ другой группы особей того же вида, продѣлывающей всѣ стадіи метаморфозы отъ яйца до гусеницы, куколки и зрѣлаго мотылька въ теченіе весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ, в летающей

*) Дарвинъ. «Происхожденіе видовъ» стр. 14.

**) См. «Научн. Хрон.» Апрель, 1901.

воздѣйствіемъ и осенью. Обѣ эти формы—зимняя и лѣтняя, настолько отличны другъ отъ друга, что были описываемы, какъ различные виды, покуда не удалось вывести одну форму изъ яицъ другой. Такъ теперь знаютъ, что видъ *Vanessa levana* представляетъ зимнюю форму вида *Vanessa prorsa*, тогда какъ *Lucasena Polysperchon* является зимней формой вида *Lucasena Amyntas* и мн. др. Какъ только этотъ фактъ былъ установленъ, ученые попытались объяснить себѣ его, и первое предположеніе, на которомъ они остановились, было то, что различія между зимней и лѣтней формами обусловливаются различіемъ температуры, при которой развиваются куколки. Сдѣлавъ такое предположеніе, не было ничего проще, какъ попытаться путемъ эксперимента доказать его вѣрность. Начиная съ 1864 года цѣлымъ рядомъ зоологовъ производились опыты въ этомъ направленіи и всѣ эти опыты съ несомнѣнностью доказали, что сдѣланное предположеніе о непосредственномъ воздѣйствіи температуры на окраску совершенно вѣрно. При продолжительномъ воздѣйствіи низкой температуры удавалось изъ лѣтнихъ личинокъ получить зимнюю форму—такъ лѣтняя *Pieris nape* превращалась въ зимнюю *Pieris Bryonia*, у многихъ удавалось и обратное превращеніе зимнихъ формъ въ лѣтнія, у другихъ въ зависимости отъ условій опыта получался болѣе или менѣе процентъ весьма любопытныхъ переходныхъ формъ. Насколько такіе опыты могутъ пролить свѣтъ на распредѣленіе близкихъ родственныхъ видовъ по данной территоріи, показываетъ слѣдующій фактъ, приводимый Эймеромъ.

Lucasena Agestis имѣетъ сезонный диморфизмъ двоякаго рода: двѣ формы А и В смѣняются другъ друга въ Германіи, какъ зимняя и лѣтняя формы. Въ Италіи та же смѣна совершается между двумя формами В и С, изъ коихъ В зимняя, а С лѣтняя. Зимняя итальянская форма (В) соотвѣтствуетъ лѣтней германской, лѣтняя же итальянская (С или *Luc. Allous*) въ Германіи не попадаются, точно также какъ зимняя германская (А) не живетъ въ Италіи.

Сказаннаго достаточно, чтобы иллюстрировать ту мысль, что воздѣйствіе прочихъ факторовъ развитія, какъ воздѣйствіе *прямое*, поддается провѣркѣ путемъ опыта и что, изучая отдѣльные случаи, мы можемъ иногда получать весьма ясныя отвѣты на запросы нашего ума. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ естественнымъ отборомъ. Здѣсь экспериментальная провѣрка невозможна, ибо естественный отборъ дѣйствуя косвенно путемъ жизни и смерти, требуетъ цѣлаго ряда поколѣній для проявленія своего дѣйствія: а воспроизвести искусственно всѣ условія существованія для цѣлаго ряда поколѣній невозможно. Вслѣдствіе этого, дѣйствіе естественнаго отбора не подлежитъ провѣркѣ, и идея естественнаго отбора останется всегда тѣмъ, чѣмъ она была съ самаго начала: логическимъ выводомъ, основывающимся на аналогіи и на соображеніяхъ общаго характера. Это сознавалъ уже и самъ Дарвинъ. 22-го мая 1863 года онъ пишетъ Бентаму:

«Въ самомъ дѣлѣ, вѣра въ естественный отборъ принуждена въ настоящее время опираться на общіе соображенія: 1) что онъ является *vera causa*, вслѣдствіе борьбы за существованіе и достовѣрнаго геологическаго факта, что виды, во всякомъ случаѣ, измѣнились же какимъ-нибудь образомъ; 2) вслѣдствіе намѣненій, наступающихъ въ состояніи прирученія путемъ производимаго человекомъ подбора; 3) и главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что этотъ взглядъ связываетъ массу фактовъ одной понятной точкой зрѣнія. Перехода къ отдѣльнымъ случаямъ, мы можемъ доказать, что ни одинъ видъ не измѣнился (т.-е. мы не можемъ доказать, чтобы хотя бы одинъ видъ измѣнился); также мы не можемъ доказать, что предположенные намѣненія были полезны, что, вѣдь, составляетъ основу теоріи».

Для тѣхъ, кого могли бы смутить слова «въ настоящее время», относящихся къ 1863 году, я могу замѣнить, что еще не далѣе, какъ въ 1893 году *Вейсманъ*, послѣ долгаго спора съ Спенсеромъ о томъ, можетъ ли тотъ или иной признакъ, какъ, на примѣръ, неодинаковая чувствительность различныхъ частей кожи человѣка и т. п., имѣть «подборную цѣнность», т.-е. рѣшающее значеніе въ борьбѣ за существованіе, рѣшительно заявляетъ: «По моему мнѣнію вообще ни одинъ случай процесса естественнаго отбора не можетъ быть установленъ опытной проверкой. Что же вынуждаетъ насъ принять этотъ принципъ отбора? Не что иное, какъ могущество логики». Такъ же высказывались и *Дюбуа-Реймонъ* (1876) и *Lloyd-Morgan* (1890) и *Уоллесъ* (1894) и, наконецъ, *Plate* (1900), говорящій: «Почти всегда невозможно опредѣлить въ данномъ частномъ случаѣ мѣру подборной цѣнности, а часто даже невозможно установить, имѣетъ ли тотъ или иной, повидимому, полезный органъ подборную цѣнность, или нѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ, что вѣрность теоріи отбора вытекаетъ не изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ единичныхъ случаевъ, и не на таковыхъ, можетъ быть, испытана, но представляетъ логическое заключеніе изъ общихъ положеній».

А если это такъ, то какую же познавательную цѣнность имѣетъ для насъ эта теорія? Отвѣтимъ прежде всего нагляднымъ примѣромъ. Вспомнимъ хотя бы ту бабочку, о которой выше шла рѣчь, именно итальянскую лѣтнюю форму *Лусаена*, *Lycaena Agestis var. Allouvi* (форма С). Не встрѣчая ее въ Германіи, гдѣ живутъ, однако, очень близкія формы (А и В), мы, желая объяснить это явленіе естественнымъ отборомъ, пускались бы въ догадки о томъ, какую пользу можетъ приносить этой формѣ С ея окраска, отличная отъ всѣхъ близкихъ формъ, такъ какъ исходили бы изъ того представленія, что первоначально тамъ происходило состязаніе нѣсколькихъ формъ и что данная форма пережила именно вслѣдствіе обладанія этимъ признакомъ; не находя, однако, въ такой особой окраскѣ никакой видимой пользы, мы ухватились бы за другой якорь спасенія: мы рѣшили бы, что окраска эта, сама по себѣ не полезная и не вредная, находится въ соотношеніи съ какимъ-нибудь полезнымъ физиологическимъ признакомъ и благодаря этому отбиралась; не трудно убѣдиться, однако, въ томъ, что такое объясненіе равносильно отреченію отъ дальнѣйшихъ поисковъ за объясненіемъ, ибо область относительной измѣнчивости еще ес-

вершено темная область, гдѣ спекуляція можетъ комбинировать, что угодно съ чѣмъ угодно. Но стоитъ только отказаться отъ тенденціознаго прикраиванія фактовъ къ теоріямъ и подойти къ вопросу съ испытаннымъ орудіемъ-опытомъ, и намъ открываются несомнѣнные, и при томъ прямые, подлежащія контролю, причины дифференцированія видовъ, образованія новыхъ видовъ изъ другихъ близкихъ видовъ.

На этомъ примѣрѣ мы видимъ, какова должна быть общая оцѣнка значенія теоріи отбора, кратко формулированная въ слѣдующемъ положеніи: включеніе принципа естественнаго отбора въ систему нашего познанія природы является прогрессомъ, такъ какъ эта теорія, во-первыхъ, расчищаетъ путь для научной мысли, знаменуя собою переходъ отъ телеологической точки зрѣнія къ каузальной, и во-вторыхъ, даетъ намъ представленіе о возможныхъ причинахъ явленій въ органической природѣ, исходя изъ предположеній, совмѣстимыхъ съ прочими нашими представленіями объ условіяхъ существованія организмовъ. Но одностороннее приложеніе этого общаго принципа ко всѣмъ частнымъ случаямъ, стремленіе втиснуть всѣ проблемы въ прокрустово ложе излюбленной теоріи часто угрожаетъ опасностью для дальнѣйшаго развитія науки, такъ какъ содѣйствуетъ раціоналистическому направленію мысли, довольствующемуся *мыслимымъ* истолкованіемъ и добровольно отказывающемуся отъ поисковъ за *дѣйствительной* причиной явленія. А что мыслимое объясненіе не всегда тождественно съ дѣйствительнымъ, это, при всей сложности явленій и разнообразіи возможныхъ комбинацій, не подлежитъ сомнѣнію.

Заканчивая на этомъ разборъ общихъ вопросовъ о предѣлахъ приложимости, характерѣ и общемъ значеніи теоріи естественнаго отбора, я хотѣлъ еще къ концу сгруппировать тѣ выводы, къ которымъ мы приходимъ путемъ такого разсмотрѣнія.

Если мы признаемъ эволюцію органическихъ формъ доказанной, то передъ нами возникаетъ вопросъ о томъ, какими путями и средствами совершается эта эволюція. Вопросъ этотъ можетъ и долженъ быть трактуемъ совершенно особо отъ болѣе общаго вопроса объ эволюціи формъ вообще: было бы совершенно невѣрно думать, что общій принципъ эволюціи органическихъ формъ доказывается той или иной теоріей этой эволюціи, т. е. тѣмъ или инымъ представленіемъ о движущихъ причинахъ этого процесса. Движеніе планетъ вокругъ солнца не доказывается всеобщемъ тяготѣніемъ, а только дѣлается для насъ болѣе нагляднымъ, иллюстрируется теоріей тяготѣнія. Также мало эволюція органическихъ формъ доказывается теоріей естественнаго отбора. Такимъ образомъ, на ряду съ теоріей естественнаго отбора мыслимы и другія теоріи, пытающіяся иллюстрировать ходъ органической эволюціи. Каждая изъ такихъ теорій должна основываться на извѣстномъ рядѣ фактовъ и эмпирически установленныхъ закономерностей въ процессахъ органическаго развитія или «эмпирическихъ законовъ развитія»; каждая такая теорія должна считаться съ основными свойствами, съ физико-химическими и структурно-формативными

особенностями протоплазмы, какъ матеріальнаго носителя жизненныхъ явленій; объясненіе этихъ основныхъ свойствъ не входитъ въ сферу компетенціи такой теоріи, она вводитъ ихъ въ свой расчетъ, какъ нѣчто данное, и пытается лишь освѣтить динамическую сторону явленія; и, наконецъ, каждая такая теорія можетъ имѣть лишь извѣстную, ограниченную сферу приложенія и не можетъ претендовать на универсальность и на истолкованіе всего феномена жизни, именно въ силу того, что и первичныя свойства протоплазмы, и извѣстные законы развитія служатъ ей предпосылками.

Вотъ тѣ немногія общія положенія, которыя необходимо уяснить себѣ, прежде чѣмъ перейти къ критическому обзору столь разросшейся за послѣдніе годы антидарвинистической литературы. Передъ нами цѣлый рядъ новыхъ теорій органической эволюціи: теорія ортогенезиса — *Эймера*, теорія гетерогенезиса — *Коржинскаго*, теорія мутацій — *Де-Фриза* — рядъ теорій, изъ коихъ каждая считаетъ себя несовѣстимой съ теоріей естественнаго отбора. Затѣмъ мы имѣемъ цѣлый рядъ поправокъ къ теоріи отбора — физиологическій отборъ — *Роменса*, новые взгляды на сущность и характеръ борьбы за существованіе, высказанные *Пфефферомъ* и *Делажемъ*; новыя ограниченія и формулировка теоріи полового подбора и мн. др. Согласно установленной выше методологической точкѣ зрѣнія, мы должны будемъ, для достиженія правильной оцѣнки каждаго изъ указанныхъ новыхъ направленій научной мысли, постараться отвѣтить на вопросы: каковы эмпирическія основы этого новаго ученія? Какую область явленій оно пытается объяснить? Поскольку оно опровергаетъ и поскольку дополняетъ теорію естественнаго отбора или дарвинизмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, опровергая или подтверждая ея эмпирическія предпосылки, сужая или расширяя область ея приложенія? Только подходя къ каждому новому ученію съ такими вопросами и не упуская изъ виду общей логической точки зрѣнія, можно придти къ наиболѣе правильной оцѣнкѣ всего современнаго движенія въ этой области мысли, не рискуя впасть ни въ излишній консерватизмъ по отношенію къ существующей теоріи, ни въ излишнюю односторонность многихъ ея новыхъ оппонентовъ. И какъ ни кажутся на первый взглядъ противорѣчивыми мнѣнія разныхъ авторовъ, объективный наблюдатель долженъ будетъ вынести изъ такого обзора впечатлѣніе, что научная мысль находится на вѣрномъ пути развитія и при своихъ дальнѣйшихъ шагахъ исходитъ изъ правильнаго пониманія своей роли, о которой *Эймеръ* такъ вѣрно высказался въ заключеніе одного своего доклада, говоря: «Наша обязанность — трудъ, наше право — свободное изслѣдованіе, наше удовлетвореніе — установленіе крупницы истины на благо человѣчества, наша надежда — познаніе».

С. Чулокъ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг.

(Продолженіе *).

V.

Наша дѣйствительность и ея бытописатели. — Отраженіе современной жизни въ творчествѣ Крылова, Жуковского, Ватюшкова Грибоѣдова и Пушкина. — Второстепенныя литературныя силы: Нарѣжскій, Вулгаринъ, Бѣгичевъ, Ушаковъ, Лажечниковъ, Загоскинъ, Марлинскій и Полевой. — Значеніе ихъ романовъ въ дѣлѣ сближенія искусства и жизни.

Если подѣ словомъ «народность», которое такъ часто поминала наша критика въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, разумѣть преимущественно отраженіе *современной* русской жизни въ литературѣ, то съ жалобами критики на отсутствіе у нашихъ писателей любви и чутья къ дѣйствительности придется согласиться, хотя съ нѣкоторыми оговорками.

Нужно прежде всего помнить, какъ уже замѣчено, что всѣ наши подражатели, какъ индивидуальныя лица, были все-таки въ известной степени самобытны и народны и никогда не перенимали чужого, не подмѣшавъ къ нему своего, въ силу чего подѣ иностранной вѣѣшностью часто крылись чисто русскіе помыслы и чувства; нельзя забывать также, что подражаніе простому наивному творчеству и реставрація старины легендарной и исторической также способствовали выясненію «русскаго народнаго духа», въ его историческомъ обнаруженіи.

Но помимо всеіо этого, въ тогдашней словесности было не мало такъ называемыхъ «картинъ нравовъ», въ которыхъ современная жизнь находила себѣ уже прямое, довольно вѣрное отраженіе. Нельзя было сказать такъ категорически, какъ говорила критика, «что мы нищѣ, принужденные обкрадывать сосѣдей». Кое что у насъ было и своего, и это кое что при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается отнюдь не столь ничтожнымъ. Если критика недостаточно оцѣнила это національное богатство, то потому, что заглядываясь на западъ, требовала слишкомъ многого, а также и потому, что не всегда внимательно слѣдила за литературными новинками.

*) См. «Міръ Вождій», февраль 1902 г.

Слишкомъ большая строгость критики находитъ себѣ отчасти объясненіе въ томъ довольно любопытномъ фактѣ, что наши наилучшія литературныя силы и дарованія тѣхъ годовъ, дѣйствительно, неохотно брались за изображеніе окружающей ихъ жизни, обнаруживая очень мало склонности къ ея реальному воспроизведенію въ искусствѣ. За реальное же изображеніе окружающей «существенности»—которое, въ силу своего реализма, и имѣло больше всего шансовъ стать народнымъ, взялись не они, а художники второго, иной разъ третьяго ранга, въ произведеніяхъ которыхъ, конечно, цѣль и намѣреніе не покрывались исполненіемъ. Критика, чувствуя эти эстетическіе недохваты въ повѣстяхъ и романахъ нашихъ раннихъ реалистовъ, поторопилась скинуть ихъ работу со своихъ счетовъ и потому естественно должна была придти къ выводу, что наша современность въ литературѣ отзвука не находитъ.

Но для историка такой строгій приговоръ старой критики необязателенъ и малое «эстетическое» значеніе первыхъ попытокъ нашего реального романа ничего не говоритъ противъ того «историческаго» вліянія, какое они безспорно имѣли на творчество художниковъ, упразднившихъ эти попытки своими истинно-реальными картинами.

Страннымъ, дѣйствительно, на первый взглядъ можетъ показаться тотъ фактъ, что наши наиболѣе сильныя дарованія двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ чувствовали очень малое влеченіе къ реальному изображенію нашей жизни въ искусствѣ. Они какъ будто сторонились отъ дѣйствительности, оберегая свободу своего творчества, которой и пользовались, чтобы почаще перелетать за границу нашей родины, а нерѣдко и вообще за предѣлы всякой дѣйствительности.

Это тѣмъ болѣе странно, что XVIII вѣкъ завѣщалъ намъ довольно типичные примѣры реализма въ искусствѣ. Мы хорошо помнили Фонвизина и охотно прощали ему за его реализмъ сентиментальную дидактику его комедій; мы не могли позабыть и о журнальной дѣятельности Новикова. Въ его старыхъ летучихъ листкахъ мы имѣли образцы довольно искусной жанровой живописи, образчики типовъ, можетъ быть нѣсколько общаго характера, но все-таки живыхъ и реальныхъ; наконецъ и въ книгѣ Радищева, которую, конечно, трудно отнести къ числу памятниковъ чисто художественнаго творчества, были страницы такого захватывающаго житейскаго реализма, до котораго лишь много лѣтъ спустя возвысился нашъ романъ натуральной школы.

Эта тенденція сближенія искусства съ жизнью не исчезла, конечно, и въ началѣ XIX вѣка и мы увидимъ, какъ медленно и постепенно расширялось все болѣе и болѣе поле зрѣнія русскаго «реалиста». Но если не погибла сама тенденція, то все-таки ея ростъ не соотвѣтствовалъ тому приросту литературныхъ силъ, который замѣчается въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XIX вѣка. Талантовъ народилось много и даже очень сильныхъ, но изъ числа ихъ лишь нѣкоторые и притомъ болѣе слабые обнаружили склонность и способность къ реаль-

вому воспроизведенію нашей жизни: самые даровитые откликались на эту жизнь какъ-то неохотно и предпочитали заимствовать свой матеріалъ изъ жизни не русской и не современной, либо ограничивались изображеніемъ хотя и реальной жизни, но жизни частной и личной, т.-е. оставались лириками.

Представителемъ старшаго поколѣнія писателей-реалистовъ былъ въ тѣ годы Крыловъ. Авторъ статей и очерковъ сатирическаго характера, во многомъ напоминавшихъ пріемы Новикова, Крыловъ въ началѣ XIX вѣка прославился своими баснями, которыя могли бы подѣ его живописнымъ перомъ стать цѣлымъ рядомъ правдивыхъ жанровыхъ картинокъ нашей дѣйствительности, если бы авторъ не придерживался такъ послушно иноземныхъ образцовъ, у которыхъ онъ заимствовалъ свои мысли и положенія. Басня Крылова—предметъ нашей національной гордости—была большой побѣдой «народности» въ искусствѣ, но эта побѣда пошла на пользу не столько литературѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова, сколько языку и стилю въ частности. Въ вѣкѣ неоригинальнаго стиля и несвободнаго языка, Крыловъ былъ однимъ изъ немногихъ писателей, въ которомъ русскій человекъ узнавалъ самого себя, ее своей образной и остроумной рѣчью. Но огромное большинство басенъ Крылова всетаки не имѣло никакого мѣстнаго колорита и дѣйствующія въ нихъ лица были типы самые общіе, безъ всякихъ чертъ какой-либо народности. Во всѣхъ басняхъ мы наберемъ можетъ быть два три современныхъ типа, которые во всякомъ случаѣ не позволяютъ намъ сказать, что въ лицѣ Крылова передъ нами бытописатель нашей жизни. Крыловъ—выразитель мудрости общечеловѣческой, накопившейся вѣками и выраженной въ традиціонныхъ стереотипныхъ образахъ, на которыхъ давнымъ давно стерлись всякія краски и черты тѣхъ національностей, которыя надѣ выработкой этихъ типовъ потрудились. Наша критика однако всегда превозносила Крылова за его «народность» и она была конечно права, если подъ этимъ словомъ разумѣть ту внѣшнюю форму, въ которую Крыловъ облакалъ свою мораль и сатиру, но связь этой морали со своимъ вѣкомъ была очень слабая, а иной разъ, какъ напр. въ типахъ изъ среды крестьянской, этой связи совсѣмъ не существовало.

Большую связь со своей эпохой обнаруживала поэзія Жуковскаго—столь популярная въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ XIX вѣка. Она сумѣла уловить господствующее сентиментально-религіозное настроеніе русскаго общества, равно какъ и патріотическій подъемъ его духа, но для выраженія этихъ народныхъ чертъ поэзія Жуковскаго всегда пользовалась заимствованной формой, образами и картинами, взятыми изъ какой угодно исторической жизни, но только не нашей. Чутья дѣйствительности у Василя Андреевича совсѣмъ не было, да онъ, какъ извѣстно, очень мало интересовался этой дѣйствительностью, всегда предпочитая ей «былое» или туманное «тамъ». Опредѣлить по

его поэзія, въ какой историческій моментъ она создана, крайне трудно, хотя, если этотъ историческій моментъ опредѣленъ, то имъ объясняются легко всѣ основные мотивы этой однообразной, но задуманной пѣсни. При своей нелюбви къ житейскому факту и стремленіи искать въ немъ всегда общій нравственный или религиозный смыслъ, Жуковский избѣгалъ всякаго намека на реализмъ въ своемъ искусствѣ, и искать въ этомъ искусствѣ какихъ-нибудь бытовыхъ чертъ—напрасно. Даже тогда, когда поэтъ съ умысломъ хотѣлъ быть русскимъ и брался за разработку русскихъ національныхъ преданій и старины—онъ никогда не могъ выдержать наивно-правдиваго тона, и пѣсня его сбивалась на иностранный мотивъ, хотя критика, обманутая ея искренностью и красотой, и признавала ее нерѣдко за истинно народную. Случалось, впрочемъ, и Жуковскому иной разъ напасть на тему современную, но всѣ его попытки въ этомъ родѣ ограничивались совсѣмъ незначущими эскизами и замѣтками, и онъ писалъ ихъ презрѣнной прозой.

Русская дѣйствительность была, такимъ образомъ, обойдена художникомъ, и онъ за своей личностью просмотрѣлъ ее или вѣрнѣе не хотѣлъ къ ней приглядѣться. А Василій Андреевичъ имѣлъ случай изучить ее—и въ деревнѣ, и въ пансіонѣ, и въ походахъ, и въ гостиныхъ, и во дворцѣ. Но онъ этимъ знаніемъ не воспользовался. Всю жизнь остался онъ юношей-мечтателемъ и не замѣчалъ не только повседневной тихой русской жизни, но даже всего шума жизни западной, среди которой ему проживать случалось.

Не существовала текущая минута и для Батюшкова—этого тонкаго эстетика, которому слѣдовало бы родиться въ Авзоніи, а не на нашемъ дальнемъ сѣверѣ. Служитель музъ по преимуществу, онъ, также какъ Жуковский, не питалъ пристрастія къ людямъ—какъ ихъ создаетъ пространство и время. Онъ любилъ человѣка въ его просвѣтленномъ образѣ.

Большой поклонникъ красоты античнаго міра и Итали, затѣмъ ревностный ученикъ французской словесности XVIII-го вѣка, въ минуты тоски и печали романтикъ въ стилѣ Рене—Батюшковъ умѣлъ выразить съ неподражаемой граціей всѣ основныя общеевропейскія настроенія своего вѣка, подбирая для нихъ—въ чемъ и была его главная литературная заслуга—удивительно мелодичную форму. Русский языкъ подъ его перомъ приобрѣталъ особую эластичность и гнѣвучесть, которой иной разъ могъ позавидовать и Жуковский. Въ этой красотѣ формальной и заключалась вся заслуга поэзіи Батюшкова передъ нашей «народностью»: «народный» языкъ подъ его перомъ приобрѣлъ особую гибкость и пріучился выражать тѣ чувства и настроенія, для которыхъ онъ, повидимому, не имѣлъ раньше подходящей формы.

Но современная жизнь не оставила никакого слѣда на этой поэзіи. Даже тогда, когда нашъ эстетикъ, въ общемъ равнодушный къ теченію русской жизни, начиналъ обнаруживать хотя бы интересъ къ социаль-

нымъ и политическимъ вопросамъ, волновавшимъ тогда наши умы, даже въ эти рѣдкія для него минуты, онъ продолжалъ оберегать свою фантазію отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью: нѣсколько военныхъ картинокъ и нѣсколько военныхъ силуэтовъ — вотъ все «современное», что мы находимъ въ его поэзіи. Остальное было общечеловѣческое, съ текущей минутой связанное лишь самой общей связью и потому только русское, что оно было сказано русскимъ человѣкомъ и при томъ прекраснымъ русскимъ языкомъ.

Такими же русскими писателями, выразителями личныхъ чувствъ единичныхъ особей русскаго интеллигентнаго міра были и наследники Жуковскаго и Батюшкова—все молодые наши поэты двадцатыхъ годовъ, все эти таланты разныхъ степеней, которымъ наша лирическая поэзія обязана своимъ расцвѣтомъ.

Но одинъ тотъ фактъ, что Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, Подолинскій, Туманскій, Веневитиновъ, Козловъ, Вяземскій и другіе были почти исключительно лириками, указываетъ на то, насколько трудно было даже для яркаго таланта, найти въ себѣ силу для воспроизведенія дѣйствительности, дѣйствительности столь пестрой, столь разнообразной по своимъ взглядамъ и вкусамъ, какова была въ тѣ годы наша жизнь. Все эти поэты предпочитали говорить о себѣ, чѣмъ о томъ, что ихъ окружало.

Исключеніемъ среди нихъ были два писателя, дѣйствительно, одаренные чутьемъ дѣйствительности, но одинъ изъ нихъ успѣлъ сдѣлать слишкомъ мало, другой сдѣлалъ много, но не все, что онъ сдѣлалъ, попало во время въ печать и стало общимъ достояніемъ.

Комедія Грибоѣдова, быть можетъ, потому произвела такое оглушающее впечатлѣніе на современниковъ, что она была единственнымъ литературнымъ памятникомъ двадцатыхъ годовъ, въ которомъ современное общество въ лицѣ многихъ представителей себя узнало. Художникъ — богѣ сатирикъ, чѣмъ бытописатель—обладалъ удивительнымъ даромъ реального воспроизведенія жизни, даромъ который онъ обнаружилъ въ созданіи нѣкоторыхъ (не всехъ) типовъ, дѣйствительно, выразившихъ господствующія вѣянія его эпохи. Это были не только сами по себѣ интересные типы, но, главнымъ образомъ, такіе, въ которыхъ отразился глубокий смыслъ совершавшагося на глазахъ Грибоѣдова историческаго процесса. Во всей нашей литературѣ того времени не было памятника, въ которомъ бы этотъ смыслъ былъ такъ вѣрно уловленъ, какъ въ нашей знаменитой комедіи.

Комедія была впрочемъ не безъ недостатковъ и ее едва ли можно назвать комедіей вполне самобытно-русской. «Горе отъ ума» все-таки носить на себѣ слѣды вліянія французскихъ образцовъ. Чѣмъ-то не вполне русскимъ вѣетъ отъ рѣчей Софьи и Лизы—этой субретки и ея барыни-жеманницы; да и самого хваленнаго Чацкаго едва ли можно признать настоящимъ типомъ—онъ не столько личность, сколько мысль

самого автора, воплощенная въ нѣсколько странной трагикомической фигурѣ. Исторія появленія этой фигуры и ея исчезновенія изъ дома Фамусова рассказана также не вполне реально: и торопится Александръ Андреевичъ своимъ прѣздомъ и спѣшить отъѣздомъ. Нѣкоторые эпизоды придуманы также съ явнымъ умысломъ дать дѣйствующимъ лицамъ высказаться: таковы, напр., эпизоды паденія Молчалина съ лошади или монологъ Чацкого среди танцевальной залы. Все это, быть можетъ, мелочи сравнительно съ достоинствами комедіи, но они довольно характерные показатели того, какъ даже большому таланту бывало трудно подчасъ обработать русскій сюжетъ вполне реально и съ «существенностью» согласно.

Но все-таки, какъ реалисту, Грибоѣдову принадлежитъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ первое мѣсто среди писателей его эпохи—именно, въ виду того пониманія историческаго смысла этой эпохи, которое онъ обнаружилъ въ своей комедіи. Важна въ данномъ смыслѣ не столько яркая типичность нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, какъ, напр., московскаго барина, въ которомъ сановитое чиновничество соединилось съ нѣкоторой аристократической распушенностью помѣщика, или его пріятеля, полковника араччевской выправки ума и тѣла, или его гостей—этихъ рѣдкихъ экземпляровъ дворянской кунсткамеры, или, наконецъ, его секретаря обѣщающаго въ будущемъ—чиновника изъ лакеевъ или лакея изъ чиновниковъ, важнѣе всѣхъ этихъ живыхъ портретовъ то изумительное пониманіе современной переживаемой минуты, которое обнаружилъ Грибоѣдовъ, противопоставивъ всѣмъ этимъ сложившимся и определеннымъ цѣльнымъ типамъ, въ которыхъ олицетворилась старина, типъ совсѣмъ неустановившагося молодого человѣка, котораго авторъ сдѣлалъ выразителемъ стремленій и думъ молодежи. Пониманіе эпохи и выразилось, главнымъ образомъ, въ недоговоренности и нецѣльности этого молодого типа, въ которомъ соединены, какъ въ фокусѣ, всѣ нити тогдашней молодой мысли, мысли иногда противорѣчивой и неясной, но зато дѣйствительно современной. Чацкій и славянофилъ, и западникъ, и сентименталистъ и человѣкъ скептическаго и холоднаго разсудка и вмѣстѣ съ тѣмъ экзальтированный юноша, т. е. въ немъ, какъ въ сводномъ типѣ, соединены противорѣчія, которыя въ живомъ лицѣ не понятны, но въ типѣ сводномъ могутъ быть вполне истолкованы и согласены. Онъ — выразитель броженія молодыхъ чувствъ и идей, поставленный среди лицъ съ разъ установившимися взглядами и понятіями, и этотъ контрастъ былъ, дѣйствительно, однимъ изъ любопытныхъ историческихъ контрастовъ того времени. Грибоѣдовская комедія первая его отиѣтила и первая заставила о немъ подумать.

Для вѣрнаго художественнаго освѣщенія современности Грибоѣдовъ сдѣлалъ больше другихъ, но зато комедія эта и взяла у автора всю его творческую силу—стоила ему многолѣтней работы и

высказала все, что имѣлъ сказать художникъ о своемъ времени: по крайней мѣрѣ, въ томъ, что Грибоѣдовъ писалъ послѣ «Горе отъ ума», въ его литературныхъ наброскахъ и планахъ, онъ отъ современности сталъ удаляться.

Нельзя сказать, что къ этой современности близко подошелъ и Пушкинъ. Онъ — «Петръ Великій нашей литературы», какъ его иногда называютъ — сблизилъ русское творчество съ Европой въ томъ смыслѣ, что единственный изъ русскихъ людей умѣлъ такъ сживаться съ міросозерцаніемъ и настроеніемъ нашихъ сосѣдей, что казался какимъ-то гражданиномъ вселенной — какъ всѣ истинно міровые гении. Его творчество было цѣлой историко-литературной энциклопедіей, въ которой читатель имѣлъ передъ собой самые разнообразныя поэтическія міры, не реставрированныя съ натяжкой, а живо и глубоко прочувствованныя. Пушкинъ — классикъ и сентименталистъ, Пушкинъ романтикъ и почитатель Байрона и Вальтеръ-Скотта, Пушкинъ драматургъ съ пріемами Шекспира всегда оставался оригинальнымъ и самобытнымъ поэтомъ, который не подражалъ, а перевоплощался въ людей иныхъ вѣковъ, иного круга мнѣній, настроеній и мыслей. И при этой рѣдчайшей способности на все въ мірѣ откликаться, онъ всегорѣже откликался, какъ художникъ, на запросы современной ему жизни. Говоримъ «какъ художникъ», потому что онъ рѣзко разграничивалъ свою дѣятельность, какъ художника, отъ своей работы, какъ критика, историка и публициста. Трудно было найти въ нашемъ тогдашнемъ интеллигентномъ обществѣ человѣка, который имѣлъ бы такіе разносторонніе общественные интересы, какъ, именно, Пушкинъ и, съ другой стороны, не легко указать писателя, съ его широтой ума и глубиной чувства, который бы такъ ревниво оберегалъ свое творчество отъ вторженія въ его область именно этихъ интересовъ. Тому были свои психологическія и иныя причины, и здѣсь не мѣсто ихъ касаться, но самый фактъ остается фактомъ: Пушкинъ избѣгалъ современныхъ темъ, неохотно брался за изображеніе дѣйствительности, его окружавшей, и всегда предпочиталъ въ своемъ творствѣ міру реальному либо свой психическій, личный міръ, либо міръ историческихъ воспоминаній и легендъ, либо, наконецъ, міръ общихъ символовъ. И это дѣлалъ онъ, одинъ изъ самыхъ глубокихъ реалистовъ въ искусствѣ.

Но такое устраненіе отъ жизни не давалось ему легко. Онъ неоднократно старался побороть въ себѣ эту нелюбовь къ современному и до послѣднихъ годовъ своей жизни все носился съ мыслью объ истинно реальномъ, русскомъ по преимуществу, социальномъ романѣ. Въ его бумагахъ какъ извѣстно, осталось много отрывковъ изъ такихъ недописанныхъ романовъ, часть которыхъ относится къ самому началу тридцатыхъ годовъ. Приглядываясь къ этимъ отрывкамъ, удивляешься тому, что они остались въ такомъ неоконченномъ видѣ: въ нихъ нѣтъ ни вялости, ни натяжекъ, ни длиннотъ, ничего

такого, что указывало бы на неспособность художника справиться съ темой, или на вымученность его работы. Пушкинъ въ этихъ отрывкахъ все тотъ же гениальный Пушкинъ и тѣмъ не менѣ работа его прервана въ самомъ началѣ. Очевидно, что художнику измѣняла въ данномъ случаѣ не сила, а любовь.

Во всемъ, что Пушкину пришлось обнародовать до появленія первыхъ произведеній Гоголя въ печати, современность была очень слабо представлена. Если не считать мелкихъ стихотвореній, въ которыхъ отражалась жизнь той минуты въ формѣ ли сатиры, либеральной пѣсни, картинки изъ сельскаго быта, или вообще жанроваго эскиза, если не считать такихъ мелочей, какъ, напр., «Домикъ въ Коломенѣ» и такого удачнаго воспроизведенія старинны, какъ, напр., въ «сказкахъ», то придется указать только на «Евгенія Онѣгина» и на «Повѣсти Бѣлкина», какъ на попытки художественнаго воспроизведенія текущей минуты. И то, и другое произведеніе—не въ одинаковой только степени—были безспорной побѣдой истинной «народности» въ литературѣ, и странно, что критика, которая такъ настойчиво требовала тогда отъ писателя народности, отнеслась къ этимъ двумъ произведеніямъ совсѣмъ не такъ, какъ они этого заслуживали.

Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» заинтересовала ее всего больше личность самого героя, т.-е. наименѣ типичное лицо, въ «Повѣстяхъ Бѣлкина» ея вниманіе было сосредоточено главнымъ образомъ, на фабулѣ рассказовъ, а не на деталяхъ, которыя наиболѣе цѣнны. На самомъ дѣлѣ, однако, и «Онѣгинъ», и «Повѣсти Бѣлкина» были первой попыткой изобразить реально нашу жизнь въ болѣе или менѣ цѣльной и связной картинѣ. Въ «Онѣгинѣ» эта цѣль была относительно достигнута, а повѣсти Бѣлкина остались все-таки сборникомъ анекдотовъ. Тѣмъ не менѣ, и въ томъ, и въ другомъ памятникѣ, читатель могъ узнать окружающую его жизнь—въ особенности жизнь мирныхъ деревенскихъ уголковъ, съ ея затаянными думами и виѣшней простой обстановкой. Въ этой обстановкѣ жили и двигались люди довольные и мирные, не ставившіе жизни никакихъ особыхъ требованій, какъ напр. всѣ добрые знакомые старушки Лариной и всѣ члены ея семьи, за исключеніемъ задумчивой Татьяны, въ эту жизнь вторгались иногда пресыщенные столичные эгоисты въ родѣ Евгенія, съ ней мирно уживались восторженные юноши въ родѣ Ленскаго, привозившіе въ Россію нѣмецкую мудрость, которая однако отнюдь не шла въ прокъ ихъ собственному уму; проживалъ среди этой обстановки и добрыйшій Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, литераторъ и филантропъ, распустившій бразды своего правленія, сентименталистъ, трогательно рассказывавшій сказки о томъ, какъ баринъ полюбилъ крестьянку и готовъ былъ на ней жениться, и какъ другой баринъ увезъ себѣ для потѣхи дѣвушку, которая потомъ сама стала важной барыней. Вырисовывая съ особой любовью эту помѣщичью жизнь въ усадьбахъ,

Пушкинъ въ томъ же «Онѣгинѣ» набрасывалъ сценки изъ жизни столичной, но набрасывалъ бѣгло, вмѣсто типовъ давая лишь силуэты. Итакъ, если въ «Онѣгинѣ» и на нѣкоторыхъ страницахъ «Повѣстей Бѣлкина» была правдиво воспроизведена наша дѣйствительность, то это воспроизведеніе освѣщало лишь очень незначительный уголокъ нашей жизни, и при томъ самый мирный, въ которомъ было всего меньше движенія внутри и на поверхности.

«Евгеній Онѣгинъ» и «Повѣсти Бѣлкина» были единственными произведеніями Пушкина, въ которыхъ онъ являлся какъ бытописатель передъ читающей публикой. Но это было далеко не все, что къ тридцатымъ годамъ въ этомъ направленіи успѣлъ сдѣлать Пушкинъ. Многое хранилось въ его портфелѣ и только послѣ его смерти увидало свѣтъ. Такое позднее появленіе нѣкоторыхъ изъ его произведеній, написанныхъ съ удивительнымъ пониманіемъ дѣйствительности, не вознаграждало нашу реализмъ въ искусствѣ за ту потерю, которую онъ понесъ отъ незнокомства съ этими опытами Пушкина въ свое время, когда онъ, этотъ реализмъ, боролся за свое существованіе.

Дѣйствительно, если бы въ началѣ тридцатыхъ годовъ читатель имѣлъ въ рукахъ «Исторію села Горохина» (1830)—эту историческую картину современныхъ крестьянскихъ порядковъ при старостахъ и приказчикахъ, эту сатирическую гѣтопись крестьянскаго быта, богатую столь вѣрными деталями; если бы онъ прочиталъ отрывокъ изъ романа «Рославлевъ» (1831), въ которомъ Пушкинъ такъ удивительно просто рассказалъ исторію чисто русской души, получившей не русское образованіе и сохранившей, несмотря на все «подражаніе» въ своей жизни, чисто русскую самобытность ума и сердца; если бы читатель могъ развернуть «Дубровскаго» (1832) и присмотрѣться къ этой галлерей типовъ дворянъ и ихъ дворовыхъ или если бы онъ могъ пробѣжать «Отрывки изъ романа въ письмахъ» (1831)—эту интимную переписку свѣтскихъ молодыхъ людей, переписку безъ всякой тѣни условнаго сентиментализма и романтизма, гдѣ всего лишь штрихами, но необычайно вѣрно очерчена была столичная свѣтская жизнь; если бы весь этотъ матеріалъ былъ во время напечатанъ, то наши художники реалисты того времени имѣли бы передъ глазами рядъ образцовъ истинно реального творчества и ихъ собственное творчество, конечно отъ этого только бы выиграло. Но все это оставалось подъ спудомъ и Пушкинъ какъ бытописатель русской жизни, былъ извѣстенъ лишь какъ авторъ одной поэмы и одного сборника рассказовъ, мало оцѣненныхъ. Когда заходила рѣчь о «народности» его поэзій, то указывали, главнымъ образомъ на его «Сказки» и на его «Бориса», понимая, какъ мы уже замѣтили, слово «народность» въ нѣсколько узкомъ смыслѣ.

Такимъ образомъ критика, обозрѣвая творческую дѣятельность нашихъ первоклассныхъ художниковъ не могла не пожалѣть о томъ, что

вся эта поэтическая сила уходила на изображеніе либо индивидуальнаго міра писателя, либо на выраженіе самыхъ общихъ мыслей и чувствъ, для которыхъ писатель подбиралъ къ тому же образы и обстановку совсѣмъ не русскую. Критика отиѣчала каждый малѣйшій поворотъ этихъ художниковъ къ «народности», радовалась этому, но всетаки жаловалась на то, что наши успѣхи на политическомъ поприщѣ не сопровождаются равными успѣхами на поприщѣ литературномъ.

Но если критика и была права, когда говорила съ нѣкоторыми упрекомъ о нашихъ лучшихъ литературныхъ силахъ, она была недостаточно справедлива къ литературѣ вообще—къ работѣ тѣхъ второстепенныхъ писателей, въ творчествѣ которыхъ за эти годы все яснѣе и яснѣе стало проявляться стремленіе къ реализму и къ выбору самобытныхъ темъ изъ русской жизни, прошлой, а главнымъ образомъ, изъ современной.

Дѣйствительно, этотъ недостатокъ современности въ творчествѣ нашихъ первыхъ литературныхъ силъ восполнялся трудолюбивой работой ихъ товарищей, менѣе сильныхъ, менѣе даровитыхъ и зато болѣе зависящихъ отъ среды, которая ихъ окружала. Эту работу писателей второго ранга, а иногда и третьяго, нельзя упускать изъ виду. Какъ бы въ эстетическомъ отношеніи ни была несовершенна ихъ работа, она въ общей сложности представляла довольно значительное литературное богатство, и свидѣтельствовала о развивающейся и торжествующей тенденціи изображать современную жизнь какъ можно болѣе реально. При этой работѣ медленно и постепенно крѣпли приемы истинно реального творчества, вырабатывалась извѣстная техника и — что въ особенности важно—при ней замѣтно расширялся кругозоръ художника, который пріучался включать въ сферу своего художественнаго наблюденія матеріалъ все болѣе и болѣе разнообразный. Вся эта, иной разъ кропотливая, работа наблюдателей-жанристовъ и бытописателей-моралистовъ уравнивала дорогу, по которой должны были пойти истинно сильный талантъ, призванный дать настоящую художественную форму этимъ наблюденіямъ надъ жизнью.

Перечислять всѣ эти ранніе опыты нашихъ бытописателей нѣтъ никакой необходимости, такъ какъ весьма многіе изъ нихъ являются лишь разнообразными варіаціями одного общаго образца и почти совпадаютъ и въ планировкѣ разсказа, и даже въ обрисовкѣ основныхъ типовъ. Тотъ, кто имѣлъ случай читать ихъ въ достаточномъ количествѣ—могъ убѣдиться въ ихъ однообразіи. Талантовъ болѣе или менѣе крупныхъ среди этихъ второстепенныхъ писателей было немного; если назвать Нарѣжнаго, Полевого и Марлинскаго, то къ этимъ именамъ, пожалуй, другихъ добавлять и не придется. Остальные были просто люди съ извѣстной литературной опытностью, которые, конечно, не

могли внести ничего своего въ искусство, но при случаѣ могли собрать довольно любопытный матеріалъ, что они и сдѣлали.

Этотъ матеріалъ изъ жизни дѣйствительный подбирался нашими писателями съ разными цѣлями, нѣ всегда только художественными.

Всего чаще писатель имѣлъ въ виду поученіе или обличеніе, за-долго упреждая ту обличительную тенденцію, которая такъ восторжествовала въ нашей литературѣ послѣ Гоголя. Писатель считалъ себя призваннымъ исправлять нравы, и ему очень улыбалась эта роль художника, карающаго порокъ и награждающаго добродѣтель. Онъ писалъ свои романы и повѣсти, съ добрымъ намѣреніемъ, иногда потому, что по природѣ своей былъ человѣкомъ благожелательнымъ, а иногда просто въ силу традиціи сентиментальной, которая такъ тѣсно соединяла доброту и нравственность съ творчествомъ, каково бы оно ни было. Слѣдуя этому призыву творить добро, предаваясь «мечтамъ воображенія», писатель, конечно, долженъ былъ озаботиться о томъ, чтобы его романъ или повѣсть хоть внѣшнимъ обликомъ не напоминали сухую проповѣдь и потому онъ запутывалъ дѣйствіе разными вставными занимательными эпизодами. Такъ какъ почти всегда планъ такого разсказа получался не какъ результатъ художественнаго наблюденія надъ жизнью, а былъ составленъ авторомъ раньше, опредѣленъ какъ извѣстная нравственная сентенція, то писателю, для выполненія своего плана, оставалось только пригонять факты жизни къ своей идеѣ, навизывать ихъ на нить своей морали, что онъ и дѣлалъ. Дѣйствіе развивалось, поэтому, несвободно, все произведеніе представлялось спитымъ изъ разныхъ лоскутковъ, и авторъ, вмѣсто того, чтобы творить, занимался сортировкой и группировкой на лету схваченныхъ наблюденій. Для облегченія своей работы мозаиста и классификатора, писатель прибѣгалъ обыкновенно къ очень распространенному приему: онъ заставлялъ главнаго героя своего разсказа — личность иногда менѣе интересную, чѣмъ всѣ второстепенныя лица, которыя его окружали — путешествовать или вообще передвигаться съ мѣста на мѣсто. Этотъ главный герой или героиня, которые не сами двигали дѣйствіе разсказа, а наоборотъ этимъ дѣйствіемъ приводились въ движеніе — получали, такимъ образомъ, возможность сталкиваться съ самымъ разнообразнымъ контингентомъ лицъ, попадали иногда произвольно для себя, но съ умысломъ для автора, въ самыя различныя обстановки и авторъ получалъ возможность устами этихъ героевъ раздавать свои «нравственно-сатирическіе» дипломы всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Такіе романы и носили названіе «нравственно-сатирическихъ» или «нраво-описательныхъ» и романистъ не думалъ скрывать своей тенденціи, потому что былъ увѣренъ, что публика, въ тѣ годы столь сентиментальная, не только не осудитъ его за это подчеркиваніе морали, но наоборотъ только прельстится ею. Дѣйствительно, спросъ на эти нравственно-сатирическіе романы въ тѣ годы

былъ большой, и всѣ вопли противъ нихъ истинно талантливыхъ писателей ни къ чему не приводили.

Истинные таланты были, конечно, правы въ своемъ негодованіи на быстрый ростъ этой литературы, смахивавшей нѣсколько на ремесло, но историкъ долженъ быть болѣе разборчивъ въ своемъ осужденіи.

Если планъ этихъ романовъ и ихъ выполненіе были иной разъ антихудожественны, то отдѣльныя детали этихъ «картинъ нравовъ» имѣли нѣкоторую цѣну, не только историческую, но въ известномъ смыслѣ и литературную. Писатель иной разъ невольно становился жанристомъ, портретистомъ, фотографомъ и даже историкомъ. Само желаніе писателя говорить о «дѣйствительности», стремленіе держаться реальныхъ фактовъ заставляло его мало-по-малу вырабатывать приемы чисто реального творчества, и случалось нерѣдко, что онъ забывалъ свою тенденцію, увлекаясь самымъ процессомъ описанія. И то, что онъ описывалъ, во многихъ случаяхъ заслуживало описанія.

Изъ всей массы романовъ и повѣстей, написанныхъ съ этой тенденціей, мы, конечно, отмѣтимъ лишь самое выдающееся—то, что имѣло въ читающей публикѣ наибольшее распространеніе. Да и содержаніе этого главнаго разсказа нѣтъ никакой возможности—такъ обыкновенно запутанъ бываетъ разсказъ и такъ много всевозможныхъ интригъ бываетъ въ него вставлено. Писатель запутывалъ разсказъ умышленно, для того, чтобы морализирующая тенденція не выступала наружу слишкомъ явно и кромѣ того онъ прибѣгалъ къ этой путаницѣ—почти всегда на любовной подкладкѣ—придерживаясь старой традиціи, что безъ любви романъ не романъ. Тотъ, кто въ этихъ романахъ ищетъ указаній на современную жизнь, картинъ тогдашнихъ нравовъ, можетъ смѣло обойти молчаніемъ всѣ эти любовныя интриги, въ которыхъ нѣтъ и намекъ на реализмъ, нѣтъ типовъ, а одни только положенія и притомъ самыя шаблонныя.

Длинная серія этихъ «нравоописательныхъ» романовъ закончилась въ началѣ сороковыхъ годовъ «Мертвыми душами» Гоголя, этой послѣдней и самой блестящей попыткой наизать жанровыя картинки изъ современной жизни на довольно произвольную нить «похожденій» одного человѣка. Въ первой части своей поэмы Гоголь окончательно освободилъ этотъ «нравственно-сатирическій» романъ отъ дидактики, и смерть помѣшала ему во второй части поэмы вновь вернуться на старую дорогу. Но еще задолго до Гоголя побѣда реализма надъ дидактикой была обезпечена.

Наиболѣе ясно дидактическая цѣль сказала на первомъ нашемъ «реальномъ» романѣ, который вышелъ въ свѣтъ въ первый же годъ XIX вѣка. Это былъ нѣкогда популярный романъ совѣмъ юнаго писателя А. Измайлова—«Евгеній» *). Авторъ въ предисловіи самъ ука-

*) «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и общества». По-
вѣсть А. Е. Измайлова, 1800 г.

зывает на задачу, которую себя ставил: онъ хотѣлъ, чтобы люди задумались надъ вопросомъ о воспитаніи и потому весь романъ— жизнеописаніе юноши Евгенія Негодяева — былъ довольно искусно составленнымъ рассказомъ о разныхъ опасностяхъ, грозившихъ молодому человѣку. Отъ этихъ опасностей Евгений и погибъ на 24 году жизни, запутавшись въ сѣтяхъ разныхъ Развратныхъ, Вѣтровыхъ, Подлянковыхъ, Лицемеркиныхъ и иныхъ, на лбу которыхъ были прописаны всѣ ихъ пороки, и которые поэтому могли представить опасность лишь тогда, когда этого хотѣлъ самъ авторъ. И авторъ умышленно сталъ насъ знакомить со всевозможными темными личностями, заставилъ присмотрѣться ко всевозможнымъ сценамъ вымогательства, къ карточной фальшивой игрѣ, къ подстроенымъ въ цѣляхъ ограбленія любовнымъ свиданіямъ, ко всякой грязи, которую изображать онъ былъ мастеръ. Но изображать эту грязь не значило еще быть реалистомъ. Передъ нами были все-таки не люди, а ходячіе пороки. Составить себѣ по нимъ понятіе о жизни было невозможно, и единственно, что въ романѣ было цѣннаго, такъ это вовсе не эти общіе силуэты по всей землѣ распространенныхъ пороковъ,—а извѣстное, между строками проглядывающее, пониманіе дѣйствительности, которое обнаружилъ авторъ, угадавъ причину, вызывающую такое уродливое воспитаніе и ему способствующую. На эту причину авторъ указывалъ, когда говорилъ вообще о барскомъ строѣ жизни и мимоходомъ касался вопроса о крѣпостныхъ. Конечно, Измайловъ говорилъ все это не отъ себя — многіе писатели XVIII вѣка ему его слова подсказали,—но важно то, что въ эпоху, очень неблагоприятную для всякихъ такихъ намековъ, онъ рѣшился заговорить объ этомъ.

«Знаете ли вы, бессмысленныя креатуры—говоритъ герой романа своимъ крестьянамъ—что жизнь ваша принадлежитъ не вамъ, а моему отцу, по смерти же его въ эритажъ мнѣ достанется?»—«Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника»—ворчить сквозь зубы крестьянинъ въ отвѣтъ на одну изъ такихъ выходокъ своего промотавшагося барина, который готовъ распродать своихъ «тварей» по одиначкѣ, ижѣя отъ отца довѣренность продавать людей въ случаѣ надобности. Много такихъ мелкихъ, но мѣткихъ чертъ у Измайлова, но, вырабатывая въ себѣ проповѣдника, нашъ авторъ не разработалъ свой талантъ реалиста.

Неразработанной осталась эта сторона и въ писательскомъ талантѣ Карамзина, который, хотя и опередилъ Измайлова, какъ авторъ слезливой «Бѣдной Лизы», но выступилъ, однако, уже послѣ него въ роли бытописателя современной ему жизни. Среди всѣхъ повѣстей Карамзина, даже тѣхъ, которыми онъ наполнилъ свою «Исторію Государства Россійскаго», «Рыцарь нашего времени» (1802) выдѣляется своей силой и оригинальностью. Это всего лишь отрывокъ, за который, однако, можно отдать цѣлыя законченные тома сочиненій нашего писателя, такъ си-

лень въ этомъ отрывкѣ аромать жизни, такъ непосредственно сквачена дѣйствительность человѣкомъ, который всегда изображалъ эту дѣйствительность не иначе, какъ передѣлавъ ее сообразно своему сентиментальному представленію объ идеалѣ, въ который, какъ моралистъ, онъ былъ влюбленъ безъ памяти. «Рыцарь нашего времени» — уголокъ цѣлой художественной картины, въ которой должна была быть изображена наша дворянская жизнь глухой усадьбы. И если Карамзинъ когда былъ историкомъ, то, именно, въ этомъ отрывкѣ. Безъ шаржировки, безъ сатирической каррикатурности и безъ прописной морали, т. е. безъ всѣхъ обычныхъ для того времени недостатковъ, развертывается передъ нами эта бытовая картина, въ которой изображены старые типы провинціальныя дворянъ, ихъ жизнь и затѣи, и рассказана такъ трогательно исторія сентиментальнаго воспитанія подростка.

Изъ всѣхъ дальнѣйшихъ попытокъ реальнаго романа, которому Измайлловъ и Карамзинъ положили начало, наиболѣе характерные принадлежатъ перу Нарѣжнаго и Булгарина.

Имя Нарѣжнаго въ свое время не пользовалось широкой извѣстностью, которую оно безспорно заслуживало. Даже въ разгаръ споровъ о нашей «самобытности» это имя упоминалось рѣдко, и только позднѣйшая критика признала въ немъ прямого предшественника Гоголя. Такое невнимательное отношеніе критики къ выдающемуся писателю крайне странно, тѣмъ болѣе, что этотъ писатель удовлетворялъ ходячему тогда вкусу публики къ такъ называемымъ «романамъ съ похождениями». Романы Нарѣжнаго, дѣйствительно, полны невѣроятныхъ происшествій, и реальное съ фантастическимъ смѣшано въ нихъ самымъ произвольнымъ образомъ. Той или другой своей стороною они должны были бы нравиться, а между тѣмъ, критика недостаточно внимательно отнеслась къ ихъ реализму, а читатели недостаточно оцѣнили ихъ занимательность. Бываютъ иногда такія несправедливости... ихъ должно исправлять потомство, и въ отношеніи Нарѣжнаго эта поправка теперь сдѣлана. Въ исторіи нашей литературы ему отведено почетное мѣсто, и его нравоописательные романы послѣ долгаго забвенія теперь оживились въ нашей памяти.

Разсматривая ихъ, какъ историческій памятникъ, мы убѣждаемся, что Нарѣжный обладалъ большимъ чутьемъ дѣйствительности и что ему удалось освѣтить въ своихъ романахъ такія стороны нашей жизни, которыхъ не касались его современники. Изъ общаго перечня повѣстей и романовъ Нарѣжнаго намъ для нашей цѣли необходимо остановиться лишь на пяти произведеніяхъ смѣшаннаго типа, въ которыхъ, однако, «нравоописаніе» составляетъ главную цѣль автора. Это: «Аристіонъ» (1822), «Бурсакъ» (1824), «Два Ивана или страсть къ тягбашъ» (1825) и «Черный годъ или горскіе князья» (1829) (написанный въ самомъ началѣ столѣтія) и въ особенности «Россійскій Жилбазъ» (1814). Романы эти, какъ мы уже сказали, не однородны — въ однихъ, какъ, напр., въ «Аристіонѣ», преобладаетъ дидактизмъ, въ

«Бурсакъ» большая примѣсь историческаго элемента, въ «Двухъ Иванахъ» всего больше анекдотическаго, «Черный годъ» — социальная сатира и, наконецъ только «Жилблязъ» — типичный «нравоописательный» разсказъ. Содержаніе этихъ романовъ разсказывать нѣтъ нужды, тѣмъ болѣе, что оно такъ запутано, что и послѣ неоднократнаго чтенія удержать его въ памяти нѣтъ возможности. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ бытовыхъ картинъ для искусства и жизни, достаточно указать лишь на тѣ общіе вопросы, которыхъ Нарѣжный въ нихъ коснулся. Одинъ бѣглый обзоръ ихъ покажетъ намъ, какъ близко этотъ челоуѣкъ присматривался къ нашей тогдашней жизни и какой шагъ впередъ сдѣлало въ его романахъ наше общественное самосознаніе.

Въ романѣ «Аристіонъ» *), въ которомъ авторъ трактуетъ о несовершенствѣ нашего воспитанія, онъ, при обрисовкѣ дворянскаго быта, все время наводитъ нашу мысль на социальную аномалію своего времени и пользуется каждымъ случаемъ, чтобы обосновать свои разсужденія о системѣ воспитанія на этой первопринципѣ всякой дворянской разнузданности. Если ему не удаются типы, и сами портреты сбиваются на шаблонъ, то эти художественные недочеты не вредятъ тому историческому смыслу, который вѣрно уловленъ и высказанъ въ этой картинѣ. Картина въ общемъ веселая, какъ почти всѣ разсказы Нарѣжнаго, который любилъ кончать все къ общему благополучію; картина, кромѣ того, мѣстами очень игривая и полная юмора, которыми природа щедро надѣлила нашего автора, и вмѣстѣ съ тѣмъ картина съ возмутительными деталями въ теньеровскомъ стилѣ. Передъ нами нищенское крестьянское хозяйство, исчисленіе всевозможныхъ поборовъ, которыми помѣщикъ облагаетъ крестьянъ, экзекуціи и мужиковъ, и дѣвокъ, грубыя игры помѣщичьихъ сынковъ съ крестьянскими мальчишками, уличныя сцены, гдѣ дѣйствующими лицами является толпа голодныхъ полуодѣтыхъ оборванцевъ, однимъ словомъ картины съ натуры, которыя тѣмъ рельефнѣе выступаютъ наружу, чѣмъ больше авторъ старается скрасить ихъ иными сентиментальными разсказами о томъ, какъ благодарные поселяне цѣлуютъ полу платья у благодѣтельныхъ помѣщиковъ.

Когда Нарѣжный отъ этихъ бытовыхъ картинъ переходитъ къ картинамъ историческимъ, какъ, напр., въ романѣ «Бурсакъ» **), онъ сохраняетъ тѣ же прѣмы реальной обрисовки лицъ и событій, не смотря на вторженіе иногда чисто сказочныхъ эпизодовъ въ его романы. Онъ произвольно мѣшаетъ вымыселъ съ дѣйствительностью, съ исторической правдой обходится довольно свободно, придумываетъ имена совсѣмъ не реальныя, пользуется широко всякими разбойничьими сказками, запутываетъ интригу до крайности, но искупааетъ все это

*) «Аристіонъ или перевоспитаніе». Истинная повѣсть. 2 части. Спб. 1822.

***) «Бурсакъ». Малороссійская повѣсть. 4 части. Москва. 1824.

живыми и юмористическими рассказами изъ жизни бурсы, казаковъ, запорожской сѣчи, сценками, которыя иногда какъ будто напоминаютъ манеру и письмо Гоголя. Они впрочемъ не совѣтъ гоголевскія, потому что народный колоритъ въ нихъ не всегда выдержанъ и, главное, не выдержана рѣчь, которая у Гоголя болѣе естественна. Нѣтъ у Нарѣжнаго и того историческаго чутья, которое было у Гоголя, хотя Нарѣжный зналъ малороссійскую жизнь безспорно лучше, чѣмъ кто-либо изъ тогдашнихъ писателей до Гоголя.

Всего больше малороссійскихъ бытовыхъ чертъ сохранено въ другомъ романѣ Нарѣжнаго «Два Ивана» *), который считается прототипомъ извѣстнаго рассказа Гоголя «о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ». Эта мысль о междуусобной истребительной войнѣ двухъ сосѣдей вытекла у Нарѣжнаго изъ вѣрно схваченной имъ основной черты нашей тогдашней жизни,—черты серьезной, несмотря на то, что она нерѣдко проявляла себя въ самыхъ комическихъ формахъ. Эта страсть къ тяжбамъ и одновременно къ самоуправству, была, при условіяхъ тогдашней дворянской жизни, некультурнымъ проявленіемъ самостоятельности въ поступкахъ и мнѣніяхъ, проявленіемъ энергии, неправильно развитой царящимъ вокругъ произволомъ. И Нарѣжный, задолго до Гоголя и до Островскаго, уловилъ эту черту жизни не одной только Малороссіи, но и всей нашей дореформенной Россіи. Его романъ отнюдь не былъ «забавнымъ» романомъ, несмотря на массу истинно комическихъ эпизодовъ, даже балаганныхъ сценъ, которыми авторъ испестрилъ свою повѣсть. Въ своей основѣ это была сатира социальная, въ которой писатель гнался за правдоподобностью, за вѣрными бытовыми красками, за оригинальностью въ языкѣ. И, дѣйствительно, помимо основной концепціи темы, читатель даже нашего времени найдетъ въ этомъ устарѣломъ романѣ много страницъ, изъ которыхъ жизнь еще не выдохлась. Сцены изъ быта простонародія, сцены на ярмаркѣ, сельскія картинки, описаніе хуторовъ, пинокъ съ его хозяевами и посѣтителями, городъ, гдѣ ведется тяжба, и цѣлый рядъ судейскихъ типовъ—все говоритъ о довольно тонкой наблюдательности автора.

Стремясь всегда уловить въ окружающей жизни не только ея внѣшность, но и ея смыслъ, Нарѣжный задумалъ еще въ началѣ своей дѣятельности нарисовать огромную бытовую картину русскихъ нравовъ, цѣлую эпопею дворянской и интеллигентной жизни своего времени. Предпріятіе было смѣлое и Нарѣжный понималъ это: вотъ почему, быть можетъ, онъ и перенесъ дѣйствіе своего романа въ половину XVIII вѣка, какъ бы желая отвести глаза слишкомъ зоркаго читателя. Ему не удалось однако обмануть

*) «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ». 2 части. Москва, 1826.

этого читателя, и его романъ, «Россійскій Жилблязъ» *), былъ [все-таки запрещенъ цензурой, и послѣднія три его части въ печати не появились].

Изъ тѣхъ трехъ частей, которыя передъ нами, мы видимъ ясно, какъ широкъ и глубокъ былъ замыселъ нашего писателя. Можно утвердительно сказать, что даже послѣ «Мертвыхъ душъ» «Россійскій Жилблязъ» остался самымъ пространнѣмъ реальнымъ романомъ изъ нашей старой жизни. Конечно, слово «реальный» надо и въ данномъ случаѣ — какъ всегда, когда говоришь о Нарѣжномъ — понимать съ большими ограниченіями. Сама завязка романа и всѣ побочныя интриги, входящія въ его составъ, опять — рядъ невозможныхъ и невѣроятныхъ хитросплетеній и неожиданностей, вставленныхъ, конечно, ради развлечения требовательнаго въ этомъ смыслѣ читателя. Но дѣло не въ завязкѣ, а въ деталяхъ, и вотъ эти-то детали въ «Жилблязѣ» и цѣнны. Изъ самаго бѣглаго обзора ихъ читатель убѣдится въ томъ, какъ серьезно отнесся писатель къ своей задачѣ и какъ онъ умѣлъ подчасъ схватить главное и существенное во всей пестротѣ современности.

Авторъ опять пользуется каждымъ случаемъ, чтобы сорвать свою злобу на какомъ-нибудь господинѣ Головорѣзовѣ, который «на досугѣ гоняется за дворовыми дѣвками, собираетъ слугъ и велитъ имъ бить другъ друга, а самъ не можетъ налюбоваться, видя кровь, текущую отъ зубовъ и носовъ, и волосы, летящія клоками». Сопровождая затѣмъ своего героя въ его долгихъ и запутанныхъ походахъ, авторъ всегда готовъ высказаться по разнымъ весьма существеннымъ вопросамъ. Его интересуетъ, напр., наше отношеніе къ иностранцамъ и къ нашей старинѣ. Нарѣжный держится очень трезвыхъ уравновѣшенныхъ взглядовъ на это двойное направленіе нашихъ симпатій, проявившихся въ тѣ годы съ достаточной рѣзкостью: онъ предастъ остроумнѣйшему осмѣянію фанатиковъ-любителей старины, не понимающихъ сущности національнаго и замѣняющихъ эту сущность одной внѣшностью; онъ, съ другой стороны, травитъ иностранцевъ, которыхъ мы допускаемъ такъ охотно къ себѣ въ семьи и которымъ мы готовы простить даже ихъ глумленіе надъ нашей національностью. Не менѣе любопытныя страницы посвящаетъ Нарѣжный въ своемъ романѣ каррикатурной характеристикѣ русскаго «метафизика» — повидимому, довольно странная выходка со стороны интеллигентнаго человѣка, которому наши умственные недочеты тѣхъ годовъ были ясны. Если, однако, Нарѣжный рѣшился заговорить объ излишествѣ метафизики въ русской головѣ, а не объ ея недостаткѣ, то эту сатирическую выходку, это глумленіе надъ разсужденіями о «душѣ, гдѣ она сидитъ во лбу или въ затылкѣ?» этотъ разсказъ о томъ, какъ нашего метафизика свезли въ

*) «Россійскій Жилблязъ или Походженія князя Гаврилы Семеновича Чистякова». 6 частей. Спб. 1814 г. (Напечатаны всего лишь 3 части).

домъ умалишенныхъ—надо понимать не въ прямомъ смыслѣ. Нарѣжный въ своихъ романахъ далъ не мало доказательствъ тому, какъ высоко онъ цѣнитъ науку, и въ данномъ случаѣ онъ разумѣлъ не ее, а современный ему мистицизмъ, который, если еще не успѣлъ вполне заволочь русскіе умы («Жилбазъ» написанъ въ 1814 г.), то все-таки достаточно тогда уже обнаружился. Трезвый умъ Нарѣжнаго предугадалъ опасность, но писатель не имѣлъ еще въ своемъ распоряженіи подходящаго слова, которымъ бы онъ могъ окрестить поднимавшійся тогда туманъ мысли и онъ указалъ на «метафизику», которой, какъ извѣстно, приходится часто расплачиваться не за свои грѣхи. А Нарѣжный—юмористъ и сатирикъ—любилъ во всемъ ясность и² онъ доказалъ это въ томъ же романѣ необычайно для того времени смѣлой выходкой противъ массонства. Что въ своемъ беззащитивомъ глумленіи надъ массонствомъ Нарѣжный былъ опять таки неправъ, это едва ли нужно доказывать; писатель сдѣлалъ крупную историческую ошибку: онъ частный случай расіят въ массонскихъ мѣжахъ избравилъ какъ характерное для массонства явленіе. Но описаніе этихъ массонскихъ оргій, и этихъ церемоній, гдѣ дѣйствуютъ разные братья Козерогъ, Телецъ и Большой Песъ, «весь скотный дворъ земной, небесный и преисподній», гдѣ чванится Полярный Гусь и гдѣ, въ концѣ концовъ, все мистическое сводится просто-на-просто къ скабрзному—читается все-таки не безъ интереса, такъ много въ немъ смѣлой мысли.

А Нарѣжный былъ смѣлый писатель. Еще въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, въ тѣ годы, когда онъ чиновникомъ служилъ на Кавказѣ, онъ сочинилъ длинный «правоописательный» романъ изъ жизни горскихъ князей. Романъ этотъ «Черный Годъ» *) вышелъ уже послѣ смерти Нарѣжнаго, такъ какъ самъ авторъ не рѣшался его печатать, и онъ имѣлъ на то свои основанія. Подъ невиннымъ заглавіемъ правоописательнаго романа, дѣйствіе котораго происходитъ въ горахъ Кавказа и на берегу Каспійскаго моря, дѣйствующія лица котораго всѣ вымышленныя, и обстановка никакихъ мѣстныхъ красокъ не имѣетъ, нашъ авторъ создалъ любопытнѣйшій образецъ общественно-политической сатиры, единственный въ своемъ родѣ для того времени. Какъ чиновникъ, онъ имѣлъ случай присмотрѣться къ русскимъ порядкамъ на Кавказѣ въ тотъ самый моментъ, когда Грузія вошла въ составъ нашего государства. Всю перелицованную исторію этого управленія онъ и далъ въ своемъ романѣ. Въ настоящую минуту разгадать всѣ намеки и псевдонимы трудно, да и нѣтъ необходимости. Романъ Нарѣжнаго цѣненъ не этимъ историческимъ матеріаломъ, а общими драматическими и комическими положеніями, въ которыхъ авторъ съ такимъ юморомъ выразилъ соотношеніе между разными общественными силами и властями.

*) «Черный Годъ или Горскіе Князья», 4 части. Москва, 1829 г.

Князь, его министры, верховный жрецъ и его клеветы, военачальникъ и народъ — вотъ тѣ социальныя силы, надъ которыми авторъ изощрялъ свое остроуміе, наводя насъ, однако, ежеминутно на серьезные мысли. Рѣчь шла, конечно, не о Грузіи только и не о тѣхъ русскихъ чиновникахъ, которые въ этой Грузіи хозяйничали, а вообще о властяхъ и о социальныхъ группахъ въ ихъ трагикомическихъ столкновенияхъ между собой. Властитель, одурманенный своимъ величіемъ, капризный и своевольный, привыкшій смотрѣть на свой народъ, какъ на толпу, украшающую площадь при его выѣздахъ; совѣтъ министровъ, который не можетъ дать ни одного путнаго совѣта, верховный жрецъ, корыстолюбивый, торгующій святыней и желающій присвоить себѣ руководящую роль въ государствѣ, дезорганизованное войско, для котораго война и грабежъ тождественны, наконецъ, и самый народъ, который при всякомъ случаѣ служить козломъ отпущенія—всѣ эти общіе собирательные типы и группы, которые авторъ ни на минуту не упускаетъ изъ виду, даже въ самый разгаръ разсказа о любовныхъ похожденияхъ своего героя—достаточно поясняютъ серьезную мысль писателя и указываютъ на мишень, въ которую онъ мѣтилъ. Въ романѣ есть страницы очень смѣлыя. Ни въ одномъ изъ нашихъ старыхъ романовъ, даже самаго сатирическаго типа, не отгнѣненъ, напр., такъ рельефно принципъ «дубины», который издавна имѣлъ такое широкое приложеніе въ нашей жизни. Нарѣжный прозрачно намекаетъ на него въ нѣсколькихъ главахъ, въ которыхъ разсказываетъ, какъ горскій князь Кайтукъ 25-й, обладатель не малой части ущелій кавказскихъ, учредилъ особый орденъ нагайки, рыцарями котораго могли быть люди только извѣстнаго привилегированнаго положенія. Имъ только присвоенъ былъ этотъ знакъ, сдѣланный изъ кишекъ бараньихъ, длиною въ аршинъ съ кнутовищемъ изъ кедроваго дерева, на которомъ былъ княжескій вензель. За награжденіе этимъ знакомъ отличія полагалось, однако, взыскивать не малую сумму для пополненія государственнаго казначейства. Кавалерамъ этого ордена были предоставлены особыя преимущества, среди которыхъ одно изъ немаловажныхъ заключалось въ томъ, что кавалеръ могъ приколотить не кавалера безъ суда и расправы, «только бы удары надѣляемы были ничѣмъ другимъ, какъ орденою нагайкой» *).

Если вспомнить, что эти строки были писаны за много лѣтъ до торжества аракеевской системы и при томъ въ эпоху самаго розоваго оптимизма, въ годы наибольшихъ и наилучшихъ общаній александровскаго царствованія, приходится удивляться тому чутью дѣйствительности, какимъ обладалъ нашъ авторъ. Онъ умѣлъ отличать въ нашей жизни постоянное отъ наноснаго, существенное отъ неважнаго.

Въ этомъ смыслѣ Нарѣжный былъ явленіемъ рѣдкимъ, и среди

*). «Черный Годъ», часть I, стр. 53, 98, 89.

нашихъ позднѣйшихъ реалистовъ николаевской эпохи мы не найдемъ достойнаго ему по смѣлости замѣстителя...

Впрочемъ, при оцѣнкѣ дѣятельности этихъ писателей николаевской эпохи, нужно всегда помнить, что условія ихъ работы были нѣсколько иныя, чѣмъ въ предшествующее царствованіе. Литераторъ чувствовалъ себя подъ большимъ надзоромъ и пріучался сознавать себя прежде всего цензоромъ своихъ произведеній а потомъ уже ихъ авторомъ.

Изъ этихъ бытописателей - реалистовъ новаго царствованія всего болѣе былъ популяренъ въ читающей публикѣ **Ө. В. Булгаринъ**.

Онъ, какъ литераторъ, имѣлъ свои безспорныя заслуги и любовь къ нему, какъ къ человѣку, не должна мѣшать правильной оцѣнкѣ его дѣятельности, какъ журналиста и писателя. Для своего круга читателей, — очень широкаго замѣтимъ — онъ былъ во всякомъ случаѣ поставщикомъ занимательнаго чтенія, въ которомъ онъ обнаруживалъ и нѣкоторую литературную сноровку и нѣкоторый запасъ свѣдѣній историческихъ и литературныхъ и, наконецъ, даже въ общемъ приличную сентиментальную мораль, правда, истертую, но въ общественномъ смыслѣ не вредную. Конечно, все это для круга самаго средняго, который имъ и увлекался.

Для роста литературы въ широкомъ и серьезномъ смыслѣ этого слова — Булгаринъ, несмотря на его плодовитость сдѣлалъ мало, и искать въ его романахъ настоящаго пониманія дѣйствительности или освѣщенія характерныхъ ея сторонъ — напрасно. Многое въ данномъ случаѣ зависѣло отъ темперамента самого Булгарина: онъ былъ по природѣ своей человѣкъ трусливый, который всегда боялся сказать не у мѣста что нибудь лишнее. Настоящаго темперамента сатирика въ немъ не было, не много было и чисто литературнаго таланта. Всего вѣрнѣе будетъ, если мы его отчислимъ въ группу сентименталистовъ, проповѣдниковъ обыденной несложной морали, привыкшей имѣть дѣло съ самими будничными добродѣтелями. Въ своихъ «картинахъ нравовъ» Булгаринъ всегда избѣгалъ касаться вопросовъ острыхъ и сложныхъ, почему всѣ его романы и повѣсти и носятъ такой общій характеръ. Мѣстныхъ, народныхъ красокъ въ нихъ мало; бытовые черты попадаютъ рѣдко, но всетаки въ общемъ всѣ эти романы обнаруживаютъ тенденцію къ реализму и въ этомъ ихъ главная литературная заслуга. Они прививали публикѣ вкусъ къ литературѣ воспроизводящей современность и хоть слабо, но всетаки сосредоточивали ея интересъ на дѣйствительности. Въ этой погонѣ за реализмомъ Булгарину случалось кромѣ того бросать иногда свѣтъ и на нѣкоторые уголки нашей жизни, совсѣмъ мало освѣщенные.

Въ 1829 году Булгаринъ соединилъ всѣ свои фельетоны, рассказы, очерки и сказки въ 12-ти томахъ своихъ «Сочиненій» *).

*) «Сочиненія **Өадея Булгарина**». С.-Пб. 1829 г. XII частей.

собрание сочинений не вошли его романы, которые къ этому году также могли бы составить 12 томовъ. Продуктивность, какъ видимъ, была большая, но количество шло всетаки въ ущербъ качеству. Въ этомъ сборникѣ мелкихъ статей передъ нами литературный матеріалъ довольно пестрый. Въ нихъ замѣтны двѣ главныхъ тенденціи—моральная и патриотическая. Недаромъ, намекая на успѣхъ своихъ сочиненій въ публикѣ, Бугаринъ говорилъ въ предисловіи, что всѣ добрые и просвѣщенные люди держатъ его сторону. Онъ очень гордился тѣмъ, что сѣялъ добрыя чувства, но если мы поближе присмотримся къ этимъ чувствамъ и мыслямъ, то намъ въ глаза сразу бросится ихъ незатѣйливость. Патриотическая тенденція его рассказовъ сводится къ прославленію силы и стойкости русскаго оружія и къ восхваленію преданности «славянъ» своимъ государямъ. Этотъ также несложный видъ патриотизма Бугаринъ поясняетъ рассказами изъ славянской старины, конечно, вымышленной, изъ русской древней исторіи, а также картинками изъ жизни реальной, которыя онъ срисовывалъ съ событій, свидѣтелямъ которымъ былъ самъ, и съ лицъ, съ которыми встрѣчался во время своихъ походовъ съ Наполеономъ. Если отбросить заключительную мораль, пришитую почти всегда на живую нитку къ самой повѣсти, то въ этихъ воспоминаніяхъ найдутся живыя странички. Ихъ значительно меньше въ повѣстяхъ чисто вымышленныхъ, сочиненныхъ въ доказательство какой-нибудь нравственной сентенціи. Такія сентенціи, не идущія дальше самыхъ банальныхъ истинъ, Бугаринъ пояснялъ и восточными апологами, и фантастическими сказками, и жаровыми сценками. Всѣ они не выше общаго литературнаго ординара того времени и въ нихъ не затронутъ ни одинъ сколько-нибудь важный вопросъ нашей тогдашней жизни. Если автору и случается на такомъ вопросѣ мимоходомъ остановиться, какъ, напр., на вопросѣ крестьянскомъ, то изъ обличителя и правописателя, какимъ онъ себя выдаетъ, онъ становится сентименталистомъ самой чистой воды и рисуетъ блаженные идилліи. Освѣщенію дѣйствительности онъ предпочитаетъ туманный ничего не говорящій очеркъ идеала. Наиболее живы въ этихъ рассказахъ сатирическія выходки противъ литературной братіи, нравы которой Бугаринъ имѣлъ возможность изучить на себѣ самомъ и ближайшихъ пріятеляхъ.

Такую же малую литературную цѣнность имѣлъ и его нѣкогда очень популярный романъ «Иванъ Выжигинъ» *). Задуманъ онъ былъ очень широко, по плану ходячихъ тогда «романовъ съ похожденіями». Авторъ перекачивалъ своего героя и всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа по всему пространству нашей родины, отъ Польши до киргизскихъ степей, заставлялъ ихъ жить въ самыхъ разнообразныхъ

*) «Иванъ Выжигинъ. Нравственно-сатирическій романъ». 4 части. С.-Пб. 1829 г.

общественныхъ условіяхъ, придумывалъ невѣроятныя случайности и все это затѣмъ, чтобы дать «благонамѣренную сатиру, процвѣтаніе которой въ Россіи издавна составляло заботу нашего мудраго правительства». Такимъ образомъ, и въ этомъ романѣ авторъ остается вѣренъ своимъ излюбленнымъ тенденціямъ—сентиментально-дидактической, которая должна изображать жизнь «благонамѣренно», не возбуждая сильныхъ страстей, и тенденціи патріотической, которая должна укрѣпить въ читателѣ довѣріе къ правительству, а потому и уменьшить остроту его недовольства дѣйствительностью. Авторъ, такимъ образомъ, самъ себя обезоруживалъ. Онъ хотѣлъ, пользуясь похождениями совсѣмъ незначительнаго и неинтереснаго Ивана Выжигина дать намъ по возможности полный списокъ пороковъ нашей русской жизни и онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ изображеніи этихъ пороковъ отнюдь не желалъ прогнѣвить тѣхъ, кто, можетъ быть, былъ виноватъ прямо или косвенно въ ихъ процвѣтаніи. Поэтому, всѣ его сатирическіе образы—лица безъ лицъ, тѣни безъ плоти и крови, съ традиционными, въ тридцатыхъ даже годахъ уже устарѣвшими, фамиліями Плутяговичей, Скотенко, Плезаринныхъ, Вороватинныхъ, Ножовыхъ, Безпечинныхъ или для контраста—Виртутиныхъ и Законенко. Само собою разумѣется, что и вся жизнь этихъ лицъ—одна фантазмагорія, съ русской живью ничего общаго не имѣющая, а между тѣмъ, ею именно заняты почти всѣ страницы романа. Заключая свой длинный романъ, авторъ устами героя высказался въ самомъ примирительномъ духѣ и тѣмъ показалъ, какъ несвойственна была ему роль сатирика и обличителя, которую онъ разыгрывалъ.

«Испытавъ многое въ жизни—говорилъ онъ—былъ слугою и господиномъ, подчиненнымъ и начальникомъ, лѣнивцемъ и дѣльцомъ, мотомъ и игрокомъ, испытавъ людей въ счастья и несчастья, я удался отъ свѣта, но не погасилъ въ сердцѣ моемъ любви къ человѣчеству. Я увѣрился, что люди больше слабы, нежели злы, и что на одного дурного человѣка, вѣрно, можно найти пятьдесятъ добрыхъ, которые оттого только непримѣтны въ толпѣ, что одинъ злой человѣкъ дѣлаетъ болѣе шуму въ свѣтѣ, нежели сто добрыхъ. Радуюсь, что я русскій, ибо, не взирая на наши странности и причуды, неразлучныя съ человѣчествомъ, какъ недуги тѣлесныя, вѣтъ въ мірѣ народа смысленнѣе, добрѣе, благодарнѣе нашего». Съ такимъ оптимизмомъ было, конечно, очень трудно выполнить роль Катона, на которую претендовалъ нашъ обличитель, и въ своемъ описаніи нравовъ онъ долженъ былъ пройти мимо главнѣйшихъ «нравственныхъ» вопросовъ тогдашней жизни.

И все-таки въ четырехъ томахъ своего романа Булгарину иногда удавалось уловить ту или другую характерную черточку нашей дѣйствительности. Это все были картины незатѣйливыя, но, по крайней мѣрѣ, списанныя съ натуры. Быть бѣлорускаго помѣщика, его отно-

шенія къ крестьянину и къ еврею былъ очерченъ въ романѣ довольно живо, по личнымъ воспоминаніямъ самого автора. Наблюдательность и даже не мало остроумія обнаружилъ онъ въ обрисовкѣ нравовъ нашей древней столицы и въ описаніи разныхъ старыхъ и новыхъ типовъ московской жизни; иногда онъ поднимался и выше этихъ простыхъ наблюденій, переходилъ къ обобщеніямъ, рассуждалъ на тему о солидарности всѣхъ сословій, которая будетъ установлена просвѣщеніемъ; при случаѣ, измѣняя даже своему миролюбивому настроенію, рассказывалъ о томъ, какъ помѣщицы стригли своихъ дѣвушекъ и продавали ихъ косы на сторону; подобралъ нѣсколько довольно веселыхъ анекдотовъ о помѣщичьей дурѣ; прошелся на счетъ какихъ-то либераловъ-дворянъ, которые за вкуснымъ обѣдомъ или на вечерѣ въ толпѣ молодыхъ людей вопіяли о благѣ человѣчества и о законахъ, а дома у себя были самовластными пашами и угодили подъ судъ за свое обхожденіе съ крестьянами. Всѣхъ этихъ неблагомѣренныхъ людей авторъ отсылалъ въ усадьбу нѣкоего Александра Александровича Россіянинова, чтобы научить ихъ уму-разуму и заставить приглядѣться къ жизни истиннаго русскаго добродѣтельнаго дворянина — совѣмъ, какъ много лѣтъ спустя Гоголь возилъ своего Чичикова по разнымъ исправительнымъ усадьбамъ во второй части «Мертвыхъ душъ». Этотъ болгаринскій Россіяниновъ дѣйствительный феноменъ: усадьба его — земной рай. Крестьяне сыты, одѣты и довольны, къ тому же всѣ они нѣжны сердцемъ и богаты умомъ. Домики ихъ обложены рѣзными украшеніями, дворы всѣ загорожены высокими заборами; стоятъ эти домики одинъ отъ другого на нѣкоторомъ разстояніи изъ предосторожности отъ пожара, между ними садики съ плодовыми деревьями, позади овощные огороды, а за ними гумны... тамъ церковь, тамъ домики для общественной пользы, въ одномъ изъ нихъ госпиталь и аптека, въ другомъ богадѣльня для безродныхъ, въ третьемъ запасный сельскій магазинъ, въ четвертомъ сельское училище и словесный судъ. Крестьянскія лошади и скоть отличной породы, упряжь и земледѣльческія орудія въ исправности. «Вотъ какова можетъ и должна быть цѣлая Россія!» восклицаетъ любимецъ автора Миловидицъ при этомъ умильномъ зрѣлищѣ. Еще больше умиленъ былъ тотъ же Миловидицъ, когда онъ вошелъ внутрь дома г-на Россіянинова и ознакомился съ его библиотекой, гдѣ вмѣстѣ съ русскими книгами въ огромныхъ шкафахъ стояли книги латинскія, греческія, французскія, нѣмецкія, англійскія и итальянскія и рядомъ съ этими шкафами другіе — съ физическими инструментами, химическими аппаратами, моделями машинъ и собраніемъ минераловъ. «Здѣсь пахнетъ Европою!» сказалъ въ восторгѣ обозрѣватель, и, наконецъ, сама Европа явилась передъ нимъ въ лицѣ двухъ гувернеровъ, живущихъ при дѣтяхъ Россіянинова. Это были мосеи Эвстрии и геръ Гутманъ, которымъ можно было безъ опаски довѣрить воспитаніе русскаго юношества... Вообще г-нъ Рос-

сіяниновъ былъ человѣкъ очень просвѣщенный и даже достаточно либеральный: въ его имѣніи всѣ молодые люди были грамотны, такъ какъ помѣщикъ былъ убѣжденъ, что безъ грамоты невозможно посвятить ни нравственности въ народѣ, ниже возбудить понятіе объ его обязанностяхъ къ властямъ для собственнаго же его блага.

Было много людей, которымъ эта прѣсная идиллія Булгаріи очень нравилась, но въ кружкахъ литературныхъ она была встрѣчена враждебно. Въ ней видѣли произведеніе лубочное и рыночное—и въ смыслѣ художественномъ «Иванъ Выжигинъ», пожалуй, иной оцѣнки и не заслуживалъ; но помимо кое-какихъ своихъ достоинствъ, этотъ романъ даже своими отрицательными сторонами оказалъ извѣстную услугу русскому реализму. «Выжигинъ» вызвалъ не мало пародій. Въ этихъ пародіяхъ, въ которыхъ совсѣмъ уже незначительные писатели изощряли свое остроуміе надъ образомъ мыслей и надъ поведеніемъ плоскаго болгарискаго героя, попадаются опять-таки страницы очень характерныя. Авторы разнообразятъ обстановку и, оставляя въ сторонѣ тѣ круги дворянскіе, о которыхъ говорилъ Булгаринъ, и жизнь которыхъ онъ какъ имъ казалось, исчерпалъ, сосредоточиваютъ свое вниманіе на богѣ низкихъ слояхъ общества, гдѣ и заставляютъ вращаться либо самого Выжигина, либо его предковъ, жену и дѣтей, либо какую-нибудь карриатуру съ него списанную. Въ этомъ отношеніи характеренъ, напр., романъ Гурьянова «Новый Выжигинъ», въ которомъ дано очень живое описаніе макарьевской ярмарки ¹⁾. Не малый интересъ представляютъ въ данномъ смыслѣ и извѣстные романы А. А. Орлова, надъ которыми въ свое время такъ потѣшились. Этотъ Орловъ былъ человѣкъ довольно любопытный. Литераторъ безъ таланта, но съ большой любовью къ писательству, онъ выпускалъ романъ за романомъ, въ которыхъ писалъ разные пасквили на Выжигина, производя его родъ отъ Ваньки Каина и иныхъ личностей сомнительнаго поведенія ²⁾. Сатира въ этихъ романахъ очень слаба, но недурны нѣкоторыя типы мѣщанскіе и купеческіе, очевидно списанные съ натуры авторомъ, который, какъ мы знаемъ изъ его автобіографіи, былъ съ жизнью этихъ слоевъ общества достаточно знакомъ съ дѣтства ³⁾.

Къ числу «нравоописательныхъ» романовъ нужно отнести также и ту обширную хронику дворянской жизни, которая въ началѣ 30 годовъ вышла подъ заглавіемъ «Семейство Холмскихъ» ⁴⁾. Авторъ ея

¹⁾ И. Гурьяновъ. «Новый Выжигинъ на макарьевской ярмаркѣ». Москва. 1831 г.

²⁾ А. Орловъ. «Хлыновскіе степняки Игнатъ и Сидоръ или дѣти Ивана Выжигина». Москва 1831 года. «Родословная Ивана Выжигина» сына «Ваньки Каина». Москва 1831 г. «Смерть Ивана Выжигина». Москва 1831 г.

³⁾ А. Орловъ. «Моя жизнь или исповѣдь Московскія происшествія». Москва. 1832 г.

⁴⁾ «Семейство Холмскихъ, нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни, семейной и одинокой. русскихъ дворянъ». Москва. 1830 г. VI частей.

С. Вѣгичевъ—былъ самъ родовитый дворянинъ и зналъ о чемъ писать. Ему пришла странная фантазія въ голову пристегнуть свой рассказъ къ комедіи «Горе отъ ума», съ авторомъ которой онъ былъ очень друженъ. Такимъ образомъ въ его романѣ дѣйствуютъ наши старые знакомые. Но отъ этого интересъ рассказа нисколько не выигралъ. Значеніе этой длинной хроники опредѣляется опять не главными типами, которыхъ нѣтъ, а довольно вѣрно скопированными деталями помѣщичьей жизни. Историкъ нашего дворянства найдетъ въ немъ кое-какія любопытныя указанія. Авторъ не пощадилъ своего сословія, и хотя въ концѣ концовъ все разрѣшилось къ благополучію благомыслящихъ дворянъ, но много коренныхъ недостатковъ этой жизни пришлось разоблачить автору. Отношенія къ крестьянамъ стоятъ и здѣсь на первомъ планѣ. Сцены мрачныя: авторъ не экономитъ красокъ и всевозможные виды крестьянскихъ страданій, всевозможныя формы расправы съ ними попадаютъ во всѣхъ томахъ этой длинной хроники. Жизнь помѣщика въ усадьбѣ, лѣнивая и полная самодурства, жизнь въ столицахъ, распутная и безшабашная, протекающая въ будуарахъ и въ игорныхъ домахъ, гдѣ всякіе Змѣйкины, Вампировы, Удушьевы и Шурке заняты вымогательствомъ дворянскихъ денегъ; покинутыя въ усадьбахъ семьи, во главѣ которыхъ стоятъ беззащитныя и слабыя женщины, живущія подѣ ежедневнымъ страхомъ конфискаціи имущества за долги; описаніе всевозможныхъ формъ жизни не по средствамъ, жизни праздною, приводящей человѣка то къ пустому поверхностному разочарованію, то къ маниловщинѣ, сентиментальной и попусту мечтательной, то, наконецъ, даже къ преступленію — всѣ эти довольно тщательно выписанныя детали одной общей картины не лишены интереса, въ особенности, если вспомнить, что они вышли изъ-подъ пера человѣка, который радъ былъ бы такія сцены и не вырисовывать. Въ общемъ авторъ обнаружилъ не мало свободомыслія и смѣлости, иной разъ злой какъ бы демократической ироніи по адресу аристократовъ. Заканчивая свою хронику, какъ и полагалось, благополучнымъ концомъ для всѣхъ добродѣтельныхъ представителей истинно-гуманнаго дворянства, авторъ съ грустью говорилъ, что онъ не успѣлъ выполнить всей своей задачи. «Мы почти не коснулись сословія знатнаго и богатаго дворянства, говорилъ онъ. А какое обширное поле! Развратные, безразличные, безпутные старики и негодныя старухи, вѣроломные суруги, безпечные родители, филантропки и раскольницы нашего времени, молящіяся по католическимъ книгамъ, и имѣющія аббатовъ отцами наставниками, молодые, полувыучившіеся люди, тоскующіе о философіи, метафизикѣ, статистикѣ, юриспруденціи, правахъ народовъ. Весьма бы любопытно было описать общества сихъ великихъ мудрецовъ, которые за стаканомъ шампанскаго съ трубкою въ зубахъ и съ очками на глазахъ, т.-е. со всѣми признаками глубокой учености, судятъ и рѣдятъ о своемъ отечествѣ, не видавъ его и ничего не зная

о немъ. Какую обильную жатву представляютъ писателю съ дарованіемъ характеры и домашняя жизнь интригановъ или пройдохъ—придворныхъ, министерскихъ, губернскихъ, уѣздныхъ и даже деревенскихъ! Потомъ паразитовъ, или, употребляя старинное русское названіе, прихлѣбателей, начиная также съ придворныхъ, продолжая потомъ наблюденія свои въ чертогахъ вельможъ и знатнаго дворянства и оканчивая въ смиренномъ соломой крытомъ домикѣ небогатаго похѣщика. Купечество? Какое пространное поле! есть гдѣ разгуляться воображенію! есть надъ чѣмъ позабавиться!

Перечисленные нравоописательные романы лучшее, что воздала тогдашняя литература въ этомъ родѣ. Если мы къ нимъ добавимъ романъ Симоновскаго «Русскій Жилблязъ»¹⁾—то перечень ихъ будетъ почти что полный, такъ какъ остальные романы этого типа рѣшительно ничего характернаго въ себѣ не содержатъ.

Романъ Симоновскаго особыми достоинствами также не отличается и въ большей части своихъ главъ—простое повтореніе обычныхъ для того времени положеній, размышленій и разговоровъ. Та же мораль и тѣ же мрачныя картины крѣпостной жизни. Но попадаетъ въ этомъ романѣ кое-что и новое, какъ, напр., довольно обстоятельно рассказанная исторія домашняго воспитанія и затѣмъ школьнаго обученія дворянскаго сына—героя этой скучной исторіи. Она оживляется когда автору приходится говорить о нравахъ губернской гимназіи, о гимназическомъ начальствѣ, берущемъ взятки и о бытѣ самихъ учениковъ живущихъ по квартирамъ преподавателей. Мимоходомъ обрисованы и женскіе пансіоны. Все это описано наскоро и небрежно, но вѣрно и съ натуры.

Такая живопись съ натуры вообще единственное достоинство всѣхъ этихъ «картинокъ нравовъ», и настоящихъ большихъ картинъ вродѣ только что поименованныхъ, и другихъ, которыя изображали лишь одинъ какой-нибудь уголокъ русской жизни. Такихъ романовъ съ менѣе обширной программой и съ тѣмъ же стремленіемъ уловить бытовые особенности нашей дѣйствительности было также не мало въ тѣ годы и иной разъ въ этихъ рассказахъ былъ собранъ довольно интересный этнографическій матеріалъ. Такъ, напр., малороссійская усадьба была живо обрисована въ романѣ Погорѣльскаго «Монастырка»²⁾, кое-какіе нравы южнаго губернскаго города въ рассказѣ Кулжинскаго «Федюша Мотовильскій»³⁾ и особенной популярностью пользовался романъ Калашникова «Дочь купца Жолобова»⁴⁾—романъ разбойничій, но съ

¹⁾ Г. Симоновскій. «Русскій Жилблязъ, похищеніе Александра Сибирякова или школа жизни», 2 части. Москва 1832 г.

²⁾ Антоній Погорѣльскій. «Монастырка». 2 части. Спб. 1830—1833.

³⁾ И. Кулжинскій. «Федюша Мотовильскій, украинскій романъ». Москва. 1836.

⁴⁾ И. Калашниковъ. «Дочь купца Жолобова. Романъ извлеченный изъ иркутскихъ преданій». 4 части. Спб. 1832.

массою бытовыхъ чертъ изъ жизни сибирскаго купечества. Къ числу такихъ бытовыхъ романовъ можетъ быть отнесенъ и надѣлавшій въ свое время нѣкоторый шумъ романъ Ушакова «Киргизъ-Кайсакъ»¹⁾ Этотъ довольно живо написанный рассказъ посвященъ собственно разбору одного социальнаго-нравственнаго вопроса, который нерѣдко подымался и въ романтической литературѣ, а именно, вопроса о столкновеніи незаконнорожденнаго человѣка, но одареннаго всѣми дарами духа съ общественными предрассудками. Герой романа—свѣтскій блестящій кавалеръ, счастливый любовникъ оказывается незаконнымъ сыномъ какой-то киргизки, купленной за 100 рублей. Быстрая агонія этого несчастнаго среди свѣтскаго общества, гдѣ онъ хорошо принятъ, крушеніе всѣхъ надеждъ любви, несмотря на то, что онъ усыновленъ какой-то княгиней, сцены свиданія со своей старухой матерью и, наконецъ смерть его на войнѣ даютъ автору возможность написать нѣсколько истинно драматическихъ страницъ, нарисовать съ настроеніемъ картинку киргизскихъ степей и ихъ быта, а главное при случаѣ рѣзко подчеркнуть свою собственную либеральную тенденцію. Романъ дѣйствительно полонъ благородныхъ рѣчей и изъявленій симпатій по адресу простого народа, и въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало было въ то время людей, имѣвшихъ право на уваженіе общества, страдавшихъ отъ своего незаконнаго, т.-е. крѣпостнаго происхожденія? Среди романовъ съ серьезнымъ замысломъ, «Киргизъ-Кайсакъ» занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Совсѣмъ не серьезенъ и очень скученъ былъ романъ Греча «Повѣдка въ Германію»²⁾, но и его должно отмѣтить, такъ какъ это была попытка набросать новыя для того времени бытовые сценки изъ жизни русскихъ въ Германіи и нѣмцевъ въ Россіи.

Не мало было также въ тѣ годы повѣстей и романовъ изъ военнаго быта, частью вымышленныхъ, а частью написанныхъ по воспоминаніямъ о великой отечественной войнѣ. Что интересъ писателя долженъ былъ остановиться на этой эпохѣ—это вполне понятно, но ожидать отъ этихъ повѣстей истиннаго реальнаго воспроизведенія дѣйствительности было уже потому трудно, что самый сюжетъ наталкивалъ на преувеличеніе, на пафосъ и на повышенный патріотизмъ. Такое преувеличеніе и составляетъ основной недостатокъ всѣхъ романовъ этого типа.

Лучшее сочиненное на эту тему—были «Походныя записки русскаго офицера»³⁾—дневникъ, который И. Лажечниковъ велъ во время своихъ походовъ въ 1812—1815 годахъ. Написанныя при свѣтѣ бивуачныхъ костровъ, на барабанахъ и нерѣдко на конѣ, при шумѣ идущаго войска, эти записки были совсѣмъ не чужды пафоса и излишняго сентимента.

¹⁾ В. Ушаковъ. «Киргизъ-Кайсакъ». Повѣсть. 2 части. Москва. 1830.

²⁾ Н. Гречъ. «Повѣдка въ Германію. Романъ въ письмахъ». 2 части. Спб. 1831.

³⁾ И. Лажечниковъ. «Походныя записки русскаго офицера». Спб. 1820.

ментализма, но они были правдивы. Лажечниковъ записывалъ изо дня въ день свои впечатлѣнія на грудяхъ развалинъ русскихъ городовъ, на поляхъ и въ гѣсахъ, гдѣ валялись непогребенные остатки великой арміи, на полѣ битвы въ предѣлахъ Россіи и за границей, рассказы-валъ объ ужасныхъ звѣрствахъ голодныхъ и замерзавшихъ солдатъ, набрасывалъ силуэты полководцевъ, описывалъ все, что случилось видѣть въ иновременныхъ городахъ вплоть до Парижа, лилъ слезы надъ человѣчествомъ и взывалъ къ чувствительнымъ сердцамъ, призывая ихъ ополчиться противъ людской вражды и злобы и—что очень характерно—онъ вѣрно оцѣнилъ тѣ жертвы, которыя въ эти тяжелые годы принесъ русскій простой народъ; и въ благодарность Лажечниковъ не упускалъ случая напомнить объ его подневольномъ положеніи, почему въ свой военный рассказъ и вставлялъ часто эпизоды изъ крестьянской неволи и пускался даже въ политическія разсужденія.

Несмотря на ту дань, которую Лажечниковъ заплатилъ своему сентиментальному вѣку, его записки даютъ гораздо болѣе правильное и полное понятіе объ эпохѣ двѣнадцатаго года, чѣмъ романы, которые на эту тему написаны.

Изъ этихъ романовъ выдѣлялись тогда особенно два: «Рославлевъ» Загоскина и «Петръ Ивановичъ Выжигинъ» Булгарина. Романъ Загоскина написанъ болѣе умѣло, чѣмъ «Выжигинъ», но ни тотъ, ни другой художественными достоинствами не блещутъ. На развитіи дѣйствія, равно какъ и на самихъ характерахъ отражается очень невыгодно слишкомъ яркая патріотическая тенденція писателей. Она превращаетъ рассказъ въ однообразную проповѣдь любви къ отечеству, проповѣдь, которую автору приходится во что бы то ни стало разнообразить вымысломъ—что и влечетъ за собой вторженіе въ реальный романъ совершенно излишнихъ, романтическихъ эпизодовъ. Въ «Рославлевѣ» *) придуманнаго очень много; совсѣмъ не замѣтенъ «духъ времени» и почти нѣтъ мѣстныхъ красокъ, хотя завязка—любовь русской дѣвицы къ плѣнному французу и ея страшная гибель—кажется, взята изъ дѣйствительной жизни. Все, что относится къ этой завязкѣ писано въ старомъ романтическомъ стилѣ; и офицеры русскіе и французы, равно какъ и дамы, стоящія между ними—не люди, а страсти, временно облеченныя въ тѣлесную форму. Впрочемъ, какъ въ бытовыхъ романахъ, такъ и въ этомъ суть не въ главной интригѣ, и не въ главныхъ лицахъ, а въ деталяхъ, и въ этомъ смыслѣ кое-что уловлено Загоскинымъ вѣрно. Не лишены интереса народныя типы—солдаты и партизаны; авторъ умѣетъ даже при случаѣ говорить не совсѣмъ романскимъ народнымъ языкомъ; ему ясна до известной степени психологія массы и эта масса у него не только издаетъ одобрительные или

*) М. Загоскинъ. «Рославлевъ или русскіе въ 1812 году». 4 части. Москва. 1831 г.

порицающіе возгласы, она разсуждаетъ и чувствуетъ, и вообще, кое-гдѣ въ романѣ вѣетъ атмосферой войны.

Этихъ достоинствъ [почти совсѣмъ нѣтъ въ романѣ Булгарина «Петръ Ивановичъ Выжигинъ» *). Сынъ Ивана Ивановича Выжигина, конечно, образецъ доблести и самаго яркаго патріотизма. Рядъ неожиданныхъ приключеній ставитъ на пробу эту его любовь къ отечеству, и онъ изъ нихъ выходитъ побѣдителемъ, чтобы успокоиться въ объятіяхъ своей Лизы, скромной дѣвушки, выросшей въ семьѣ людей «средняго состоянія», а посему добродѣтельныхъ, о которыхъ авторъ говоритъ вообще съ большою нѣжностью, противопоставляя имъ наше высшее общество, столь мало патріотичное. Романъ въ общемъ неудачный и не имѣвшій у публики успѣха, но всетаки съ попыткой уловить живые типы и описать историческія событія не нарушая правды.]

Наиболѣе живой и вѣрный типъ русскаго военнаго былъ данъ впрочемъ не этими «наблюдателями» со стороны, а человѣкомъ, который самъ на своихъ плечахъ вынесъ всю тяготу походной жизни. Въ 1832 году вышло—безъ имени и псевдонима автора—первое собраніе повѣстей декабриста Александра Бестужева, очень популярнаго въ публикѣ подъ именемъ Марлинскаго **). Авторъ этихъ повѣстей былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ и для своего времени его дѣятельность была явленіемъ очень замѣтнымъ. Создатель особаго литературнаго стиля, нѣсколько вычурнаго, но сильнаго и эффектнаго, напоминавшаго во многомъ ранній стиль Гоголя, критикъ остроумный и образованный, Марлинскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ талантливымъ изъ нашихъ историческихъ романистовъ. Его историческая повѣсть, всегда съ занимательной интригой, полная археологически-вѣрныхъ деталей и веденная въ быстромъ драматическомъ темпѣ уступала развѣ только историческимъ повѣстямъ Пушкина. Въ этой области Марлинскій былъ своего рода новаторъ: еще задолго до Загоскина и Лажечникова счумѣлъ онъ выработать технику историческаго разсказа, сближающаго болѣе или менѣе удачно старину съ житейской правдой. Но онъ на этомъ не остановился. Отъ историческихъ картинъ онъ сталъ постепенно переходить къ описанію дѣйствительности, и повѣсти, написанныя имъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, были наполовину очерками бытовыми. Правда, въ этихъ повѣстяхъ наиболѣе любопытна характеристика міросозерцанія и настроенія самаго автора—человѣка во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго но и помимо этого въ нихъ собрано было не мало бытовыхъ чертъ изъ жизни нашего свѣтскаго общества и преимущественно военнаго. Марлинскій изучилъ этотъ бытъ хорошо, въ особенности, когда судьба за-

*) *Θ. Булгаринъ*. «Петръ Ивановичъ Выжигинъ». Нравописательный историческій романъ XIX вѣка. 4 части. Спб. 1831 г.

**) «Русскія повѣсти и разсказы». 4 части. Москва. 1832. (въ 1834 году добавлены еще 4 части).

бросила его на Кавказъ, гдѣ онъ тянулъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ солдатскую лямку.

Отчасти въ Якутскѣ, куда онъ былъ сначала сосланъ, отчасти на Кавказѣ были написаны эти рассказы, въ которыхъ, вспоминая свою вольную жизнь, нашъ авторъ рисовалъ портреты съ себя самого и своихъ знакомыхъ. Нерѣдко рассказывалъ онъ и о своей личной жизни на Кавказѣ, и никто не умѣлъ такъ вѣрно, какъ онъ, схватить дикую прелесть кавказской природы и такъ живо обрисовать восточные типы горцевъ, мирныхъ и немирныхъ. Его «Вечеръ на Кавказскихъ водахъ» (1830), «Амалатъ Бекъ» (1832) и позднѣе «Мулла Нуръ» (1835), лучшее, что до Лермонтова было у насъ написано о Кавказѣ. Тонкій, полный юмора рассказъ изъ жизни нашихъ моряковъ за границей далъ Марлинскій въ своемъ «Лейтенантѣ Бѣлозорѣ» (1831), и наконецъ въ цѣломъ рядѣ мелкихъ очерковъ даже самыхъ фантастическихъ онъ умѣлъ сохранить правдивость чувствъ и вѣрную психологическую мотивировку въ поступкахъ своихъ героевъ. Марлинскій, при всей романтической необузданности своей фантазіи, былъ, безспорно, хорошій психологъ и въ дѣлѣ сближенія искусства съ жизнью онъ—романтикъ по преимуществу—сдѣлалъ больше, чѣмъ многие реалисты, его мѣше талантливые современники.

Нашъ краткій перечень русскихъ реальныхъ романовъ былъ-бы неполонъ, если бы мы обошли молчаніемъ одинъ сборникъ анекдотовъ и сатирическихъ очерковъ, который былъ самымъ оригинальнымъ и любопытнымъ явленіемъ тогдашней обличительной литературы, это былъ «Новый живописецъ» Полевого *) (1832), въ которомъ были собраны летучія статейки на разныя темы, которыя Полевой печаталъ въ своемъ «Московскомъ Телеграфѣ». Среди всѣхъ тогдашнихъ сатиръ и обличительныхъ картинокъ нравовъ «Живописецъ» былъ самымъ злымъ памфлетомъ. Содержаніе его необычайно богато. Почти каждый памфлетъ—живая страничка изъ русской жизни, конечно, перелицованной. Та «народность», которая ускользала отъ Полевого, когда онъ писалъ свои повѣсти и романы, въ этихъ карриатурахъ далась ему легко и непринужденно. Непринужденная веселая шутка надъ очень серьезными сторонами нашей жизни—вотъ главное достоинство этого наследника новиковскаго живописца. Полевой — романтикъ и сентименталистъ передъ нами въ новой очень удачной роли юмориста.

Достается всѣмъ. Дворянамъ Тугоумовымъ, Щелкоперовымъ и Тонкосвистовымъ за то, что они просвистали свои родовыя имѣнья, за то, что либеральничали, будучи въ сущности страшными эгоистами, толкуя о правахъ человѣчества, истязали низшую братію, торговали собой, умѣли хвастаться лишь чужими заслугами, жить не своимъ умомъ и на чужой счетъ. Досталось и дамамъ за то, что, по ихъ мнѣ-

*) Н. Полевой. «Новый живописецъ общества и литературы». 6 частей. Москва. 1832.

нiю, вся жизнь создана для забавы, за то, что они мнятъ себя королевами, для которыхъ существуютъ однѣ лишь прерогативы и ни одной обязанности. Градъ насмѣшекъ сыпался на голову чиновниковъ, отъ мелкихъ до высокопоставленныхъ, и если эти насмѣшки были мало оригинальны, и авторъ въ нихъ казнилъ все старыя грѣхи — все взяточничество да плутовство — онѣ были зато очень злы и остроумны. Среди этихъ остроумныхъ шутокъ находилась и маленькая драматическая сценка, озаглавленная «Ревизоры, или славны бубны за горами» — комическiй эпизодъ изъ чиновничьей жизни, напоминающiй «Ревизора». То же ожиданiе ревизора, тѣ же страхи, совѣщанiя, какъ отразить грозу, торжественный прiемъ ревизора и его женитьба на дочери Цапкина — судьи, «какихъ много».

Одни изъ лучшихъ страницъ въ «Живописцѣ» были посвящены безпощадному глумленiю Полевого надъ своими собратiями — литераторами и журналистами. Подняты на смѣхъ отдѣльные писатели подѣ довольно прозрачными псевдонимами, даны очень удачныя пародiи разныхъ литературныхъ стилей, и осмѣяны всѣ литературныя партiи, и классики, и романтики, и искатели народности, осмѣяны тонко, безъ шаржа и грубостей. Но среди этихъ шутокъ есть и серьезныя мысли: такъ напр., цѣлый обзоръ современной литературы втиснуть въ маленькiй диалогъ, озаглавленный «Разговоръ послѣ бесѣды съ литераторами». Основная мысль этого диалога — не въ такой только рѣзкой формѣ — намъ уже извѣстна по критическимъ статьямъ Полевого. «Можно ли утверждать, что у насъ есть литература? — спрашиваеъ нашъ памфлетистъ. Когда литература будетъ необходимою потребностью общества, когда она составитъ часть его бытiя, тогда только она будетъ имѣть право на названiе голоса общества. Наше общество совсѣмъ не въ такомъ отношенiи къ литературѣ; книга для русскаго человѣка такая же вещь, какъ часы, игрушки дѣтскiя, или такое же занятiе, какъ гулянье подѣ Новинскимъ... Смѣшно однако требовать литературы когда мы едва грамотѣ знаемъ... Нельзя дивиться, замѣчая у насъ мелкость литературную, не видя примѣровъ высокаго самоотверженiя и находя повсюду безцвѣтность, холодность, раздражительность. Отъ этихъ ли пестрыхъ куколъ, отъ этихъ ли человѣковъ на восковыхъ ножкахъ ждать высокихъ, сильныхъ порывовъ души, глубокаго восторга, самобытныхъ созданий! У нихъ всѣ дѣтскiе пороки. Самохвалство, горделивость, невѣжество, мелочная зависть, сплетни, раздражительность — все это найдется въ нашей литературѣ, и ни одной добродѣтели, даже ни одного порока взрослога человѣка... Впрочемъ, зачѣмъ говорить такимъ языкомъ? Съ литературой русскою надобно шутить и смѣяться, потому что на дѣтей сердиться грѣшно и смѣшно. Пусть критика ставитъ иногда русскiхъ литераторовъ въ уголъ за шалости» и нашъ, въ данномъ случаѣ пристрастный и не спра-

*

ведливый критикъ, разставлялъ въ своемъ «Живописцѣ» по угламъ русскихъ литераторовъ, даже такихъ, которые вовсе этого не заслуживали. Но Полевой, конечно, иронизировалъ и шутилъ. Не могъ же онъ въ 1832 году не видѣть, что изъ дѣтской рубашки наша литература давно выросла.

Эта литература числила въ своихъ рядахъ, какъ мы видѣли, людей съ большимъ, даже огромнымъ дарованіемъ; ей на пользу шли, кромѣ того, труды цѣлаго ряда писателей менѣе даровитыхъ, но все-таки наблюдательныхъ. Если первоклассныя силы сдѣлали въ общемъ слишкомъ мало для освѣщенія текущей жизни и ея художественнаго истолкованія, если работа второстепенныхъ силъ оставляла многія сторовы нашей дѣйствительности неосвѣщенными и если, такимъ образомъ, разнообразіе нашей тогдашней жизни не находило себѣ въ общемъ достаточнаго отраженія въ искусствѣ—то все-таки къ началу тридцатыхъ годовъ настоящая народность, т.-е. истинный реализмъ началъ проявляться въ литературѣ достаточно ясно.

Критика не замѣтила и не оцѣнила его по достоинству. Къ тому же эти попытки самобытнаго творчества тонули и исчезали въ огромной массѣ переводныхъ памятниковъ, чисто подражательныхъ произведеній, либо произведеній совсѣмъ ничтожныхъ, либо, наконецъ, такихъ, въ которыхъ народность проявилась въ своей условной формѣ, архаически-легендарной или исторической. Во всемъ этомъ огромномъ количествѣ литературныхъ памятниковъ самаго смѣшаннаго типа, въ этомъ, обычномъ для каждой переходной эпохи, скрещиваніи своего и иноземнаго, стараго и новаго, трудно было услѣдить за произведеніями, которыя не были настолько талантливы и ярки, чтобы бросаться въ глаза сразу своей оригинальностью. И потому всѣ попытки реального воспроизведенія нашей тогдашней жизни въ искусствѣ, несмотря на все дѣнное, что въ нихъ заключалось—остались мало оцѣненными, но свое дѣло все-таки сдѣлали: они подготавливали общество къ достойной встрѣчѣ истиннаго таланта, въ созданіяхъ котораго ихъ тенденція настоящаго реализма и народности должна была восторжествовать окончательно... и такой талантъ не заставилъ себя ждать долго.

Въ гоголевскихъ типахъ и въ завязкахъ его повѣстей нерѣдко подмѣчаютъ извѣстное сходство съ тѣми положеніями и лицами, которыя до него сумѣли уловить Нарѣжный, Полевой, Булгаринъ, Бѣгичевъ и другіе. Проводить эти параллели нѣтъ особенной надобности, такъ какъ въ данномъ случаѣ со стороны Гоголя никакого прямого заимствованія не было. Онъ писалъ съ натуры такъ-же, какъ и его предшественники, и потому совпаденія были неизбежны. Но если не было заимствованія, то зависимость все-таки существовала. Приемы реального воспроизведенія жизни и интересъ къ бытовымъ ея сторонамъ,

тенденція изображать не одну лишь лицевую сторону дѣйствительности, а также ея изнанку, отсутствіе въ писателѣ отвращенія къ житейской пошлости и грязи, стремленіе эту грязь претворить въ художественный образъ—всѣ эти черты «натуральной» школы, отцомъ которой считается Гоголь, существовали въ нашей литературѣ задолго до появленія его разсказовъ, и ему въ данномъ случаѣ пролагать новыхъ путей не приходилось. Должно отмѣтить также, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Гоголь даже отставалъ отъ скромныхъ своихъ предшественниковъ, не какъ художникъ, конечно, а какъ зоркій наблюдатель. Было много очень острыхъ и важныхъ вопросовъ нашей общественной жизни, о которыхъ предшественники Гоголя имѣли смѣлость говорить рѣзко, хотя и не совсѣмъ складно, и мимо которыхъ—какъ мы увидимъ—Гоголь проходилъ съ опаской и осторожно.

Въ 1832 г., съ выходомъ въ свѣтъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», имя Гоголя стало извѣстно всей грамотной Россіи.

Но по этому первому оригинальному произведенію нашего художника трудно было догадаться, какое направленіе приметъ его творчество: начнетъ ли оно уходить въ даль народной старины, исторической и легендарной, или, наоборотъ, отъ этого поэтического прошлаго—которое тогда такъ любилъ Гоголь—приближаться къ настоящему.

Н. Котляревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТОЛЬКО ЧАСЪ.

I.

Молоденькая писательница Рябушкина изъ разряда „начинающихъ“ пріѣхала въ рудничный поселокъ Хотѣевку за „материаломъ“. Остановилась она у мѣстнаго доктора Зуева, — жена котораго Марѳа Ивановна доводилась дальней родственницей Рябушкинымъ,— и едва только переступила порогъ докторскаго дома, какъ тотчасъ же засыпала вопросами: сколько рабочихъ? какова заработная плата? сколькимъ часамъ равенъ рабочій день? часты ли несчастные случаи и отъ какихъ причинъ? какъ вознаграждаются рабочіе за увѣчья? какова администрація — справедливая или несправедливая?.. и т. д., и т. д. до безконечности...

Докторъ. коротенькій и пузатенькій, плѣшивый и розовый, давалъ „показанія“ бойко и весело, съ шуточками и прибауточками, уснащая трескучую рѣчь свою безпрестаннымъ обрывистымъ смѣшкомъ, похожимъ на кашель. Выходило у него такъ: сважеть фразу и сейчасъ же весь заколышется, побагровѣтъ и — „вахъ-вахъ-вахъ!..“.

— Часты ли несчастные случаи? вахъ-вахъ-вахъ!.. Да сколько угодно... вахъ-вахъ! Тотъ подъ вагончикъ угодилъ, того камнемъ прихватить, землей завалить, дурнымъ газомъ отравить... да мало ли случаевъ у насъ!.. Вотъ на прошлой недѣлѣ трое рабочихъ на твердую породу напали: рыли-рыли, ничего не выходитъ, надо было порохомъ взорвать... такъ одинъ-то, что фитиль поджигалъ, не успѣлъ во время отскочить, ему полживота такъ и выхватило.. А третьяго дня глыба угля рухнула и двоихъ забойщиковъ на смерть расплющило... только мокренько стало... вахъ-вахъ-вахъ!..

Рябушкину хоть и раздражалъ нелѣпный хохотъ доктора, но все же слушала она внимательно, съ тою трепетною и напряженною жадностью, на какую способны только „начинающіе“. Вопросы свои она задавала по заранѣе составленной „программѣ“, заключавшей въ себѣ 32 вопросныхъ пункта. „Показанія“ док-

тора тоже разносила по пунтамъ, быстро испещряя поля программки какими-то одной только ей понятными іероглифами. Дойдя до 15-го, она энергически раза два подчеркнула цифру 15, строго сдвинула брови и спросила тономъ особенно дѣловитымъ и озабоченнымъ.

— Ну-съ, а какія-же у васъ просвѣтительныя и увеселительныя учрежденія для народа?

На что веселый докторъ, въ знакъ величайшаго изумленія, расхохотался чуть не до истерии.

— И выдумала же, прости Господи!..—уворизненно протянулъ, наконецъ, онъ, съ трудомъ преодолая неистовый хохотъ свой. — „Учрежде-е-нія!..“ Помереть можно со смѣху, побей меня Богъ!..

— Позвольте,—нетерпѣливо и рѣзко остановила его Рябушкина. — Неужели же ничего нѣтъ: ни воскресныхъ классовъ, ни клуба, ни театра, ни библіотеки, ни чайной,—неужели же ничего этого нѣтъ?

— Ничевошеньки... Ни Боже мой!..—дурашливо воскликнулъ докторъ, глядя на Рябушкину восхищенно и благожелательно до послѣдней степени.

— Да и на что намъ эти ваши „учрежденія“, голуба вы моя? Ну хотя бы взять эти ваши почтенныя чайныя... на кой онѣ намъ? Водка не въ примѣръ превосходитъ чаю, клянусь честью!.. Положимъ, кабаки у насъ воспрещены, но обыватели торгуютъ тайно, и живительной влаги можно достать сколько душѣ угодно. И пьютъ же, я вамъ доложу... и-и-и!.. Матыньки мои!.. Идеально, неподражаемо пьютъ!.. Иной „черный богатырь“ въ одно только воскресенье весь мѣсячный заработокъ ухнетъ, да еще и одежду съ себя пропьеть... Потому не нужна она ему, одежда-то, подъ землею все равно нагншемъ ползаетъ...

Отъ этихъ „данныхъ“ у Рябушкиной на щекахъ бурья пятна выступали и глаза стали еще жаднѣе. „Какой матеріалъ!“, думала она, быстро бѣгая карандашемъ по полямъ программки, — „Какой матеріалъ!.. Какіе контрасты, выводы, сопоставленія!.. Все—для капитала, для предпринимателей и ничего для рабочихъ. Доходы миллионныя, а для духовнаго развитія тѣхъ, кто добылъ эти миллионы — „ничевошеньки“!.. Трудъ ваторжный, ни съ чѣмъ несообразный по риску и ужасный трудъ этотъ ничѣмъ не скрашивается... Да тутъ можно такую штучку изобразить, разрисовать такіе узоры, что любо-дорого!.. Богатѣйшій матеріалъ!..“

И жадно вслушиваясь въ дальнѣйшія „показанія“ доктора, Рябушкина въ то же время уже сортировала эти показанія въ умѣ своемъ на „нужныя“ и „ненужныя“, причемъ нужныя поры-

висто и поспѣшно заносила въ видѣ іероглифовъ въ программу, а на ненужныя только презрительно морщилась.

На вопросъ о „санитарныхъ условіяхъ труда, о новѣйшихъ техническихъ условіяхъ“, докторъ, также, какъ и на вопросъ о „просвѣтительныхъ учрежденіяхъ“, отвѣтилъ не сразу. Сперва поднялъ Рябушкину на смѣхъ, назвалъ ее „ходячей книжкой“ и „груднымъ младенцемъ“, а потомъ уже радостно сообщилъ о томъ, что шахты освѣщаются первобытными керосинками, отчего въ галлереяхъ копотъ стоитъ такая, что носы и уши у рабочихъ вѣчно забиты черными пробками, величиною съ орѣхъ. И машины разоренныя, и вентиляція преподлѣйшая, и у вентиляціонныхъ дверей дежурятъ дѣти, между саночниками тоже попадаютъ дѣти, хотя дѣтскій трудъ строго воспрещенъ закономъ... Для крѣпей галлерей употребляютъ гнилыя подпорки, взятые изъ старыхъ шахтъ, и ламповый дворикъ ради экономіи перенесенъ съ верху во внутрь шахты, отчего загорѣлся какъ-то уголь и горѣлъ цѣлые два мѣсяца, и цѣлые два мѣсяца рабочіе задыхались въ адскомъ пожарищѣ, калѣчились, обжигались на смерть...

— Значить, взаимныя отношенія между рабочими и администраціей ужасныя, — полувопросомъ констатировала Рябушкина, точно сама еще сомнѣвалась въ своихъ выводахъ.

— А это какъ посмотрѣть!..—весело воскликнулъ докторъ. Вамъ кажутся „ужасными“, а намъ самыми обыкновенными... Жизнь, голуба моя, не книжка, гдѣ все возвышено и благородно. Жизнь — борьба-сь, въ нѣкоторомъ родѣ война, а война „не ужасная“ никогда и не бываетъ, — поучительно пояснялъ докторъ. И въ доказательство того, что жизнь—война, докторъ разсказалъ о прошлогоднемъ бунтѣ, когда „черные богатыри“ превратились въ настоящихъ звѣрей, разгромили весь базаръ, всѣ лавчонки, разнесли квартиру инженера Каплицы, а штейгера Юрченку чуть не заколотили до смерти.. Грозилась кишка вымотать изъ Юрченки и собакамъ бросить...

Рябушкина все чиркала и чиркала въ тетрадь своей порывисто, поспѣшно и внутренно вся замирала отъ радостнаго ознанія, что „любопытный матеріалъ“ съ каждой минутой разрастается, становится все любопытнѣе, все цѣннѣе.

Въ концѣ концовъ, Рябушкина узнала не только то, что требовалось узнать ей по пунктамъ, но еще и то, о чемъ въ пунктахъ и не упоминалось. Любопытство ея было возбуждено до послѣдней степени. Страстная жажда поскорѣе приступить къ „наблюденіямъ“ рождала тайное нетерпѣніе, тревогу смутную и сладкую, похожую на ту, какую испытываютъ влюбленные наканунѣ свиданія съ возлюбленными. И потому весь остатокъ вечера Рябушкина провела, какъ въ чадѣ, за ужиномъ ничего не

ѣла, на разспросы Марѣи Ивановны о родныхъ отвѣчала не впепадѣ и ночь спала плохо: все думала о завтрашнихъ наблюденіяхъ, о томъ, какъ она спустится въ подземное царство и увидить тамъ собственными глазами все-все...

II.

Было тепло, въ воздухѣ свѣтло, легко и отрадно по весеннему, когда Рябушкина въ сопровожденіи доктора подъѣзжала въ шахтѣ „Діаны“. Съ высоты ярко голубаго неба, глубокаго и безоблачнаго, глядѣло огромное, желтое и жаркое солнце. Подъ лучами его, покрытая углемъ черная степь сверкала безчисленными искрами, словно драгоценные камни, брилліанты и алмазы въ невѣроятномъ количествѣ разсыпаны были по землѣ.

Чѣмъ-то страннымъ, необычнымъ и волнующимъ вѣяло отъ этой сверкающей черной степи съ разбросанными по ней маленькими, грязными домиками рабочихъ, съ громадными, неуклюжими и мрачными надшахтными зданіями, съ горами угля вокругъ этихъ зданій, съ сѣтью блестящихъ рельсъ, по которымъ, какъ гигантскія змѣи, бѣгали взадъ и впередъ вагоны, тоже черные, мрачные. Необычайными и волнующими казались высочія, узкія, черныя и бурныя трубы, рисовавшіяся на свѣтломъ фонѣ неба такъ ярко, отчетливо. Странными казались и люди, встрѣчавшіеся на пути, съ лицами черными, какъ у негровъ, и съ такими же черными шеями и руками. Страннымъ, удивительнымъ было полное отсутствіе растительности: ни вустика, ни деревца, ни травиночки... все голо кругомъ и черно-черно, угрюмо и мрачно. И только вдаль, на самомъ горизонтѣ свѣтлѣли сѣро-голубые курганы, но и эта свѣтлая, зубчатая полоса степи, далекая и мечтательная, казалось, затѣмъ только и протянулась, чтобы еще сильнѣе подчеркнуть безнадежную тоску и уныніе черной картины, волнующей и странной.

Рябушкина съ жаднымъ любопытствомъ осматривалась по сторонамъ, стараясь схватить и запомнить всѣ подробности этой картины. Но проникнуться всецѣло ея безнадежно-унылымъ настроеніемъ не могла: мѣшала радость... тревожная и нетерпѣливая, знойная и сладкая радость ожиданія, что дальше будетъ еще „любопытнѣе, еще интереснѣе“... И даже трусливыя мысли на тотъ счетъ, что „вѣдь несчастныхъ случаевъ—масса, сколько угодно, какъ увѣрялъ вчера докторъ... и, быть можетъ, вотъ это желтое солнце и голубое небо она, Рябушкина, видитъ въ послѣдній разъ—почемъ знать? все можетъ случиться“...—даже эти трусливыя мысли не ослабляли ея радости. Какъ легкія черныя

птицы, мысли эти только проносились въ мозгу ея и не оставались надолго, черныя крылья этихъ птицъ слегка задѣвали ея душу и не омрачали ни на іоту.

III.

И только очутившись подъ сводами угрюмой и мрачной громады, именуемой шахтой „Діаны“, среди шума, лязга, свиста и рева машинъ, гулаго грохота вагончиковъ, пронзительнаго треска электрическихъ звонковъ, тревожныхъ и озабоченныхъ окриковъ грязныхъ людей, суетившихся подлѣ машинъ и вагоновъ, — тутъ только Рябушкина почувствовала рѣзкій, непріятный холодъ въ груди, какъ будто бы огромная, ледяная рука цѣпко схватила ее за сердце...

И когда подошелъ къ ней инженеръ Зазулевичъ (который, по просьбѣ Петра Петровича, поджидалъ ее здѣсь уже съ полчаса) и, галантно расшаркавшись, объявилъ, что онъ „весь къ услугамъ“ и при этомъ пригласительнымъ жестомъ указалъ на черное отверстіе шахты, страшною дырою зіявшее шагахъ въ пятнадцать отъ нихъ, то Рябушкина, взглянувъ на эту дыру, даже слегка вздрогнула: ледяная рука сжала сердце ей до боли, и рѣзкій ознобъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу. Но это длилось какою-нибудь минуту или даже меньше, а потомъ Рябушкина опять вспомнила, что пріѣхала она съ цѣлью наблюденій и что самое любопытное вотъ именно въ этой черной дырѣ и заключается. Радостное ожиданіе снова согрѣло ее, и на мѣстѣ страха заиграла буйная отвага.

— Въ такомъ случаѣ идемъ! — вскрикнула она звонко, съ удалю и первая рѣшительно двинулась по направленію къ чудовищу.

Но докторъ остановилъ ее.

— Те-те-те-те!.. Погодите-ка, голуба моя! — сказалъ онъ насмѣшливо, хватая Рябушкину сзади за кофточку. — Переодѣться надо бы, въ нѣкоторомъ родѣ маскаррадъ... Кахъ-кахъ-кахъ!..

А инженеръ добавилъ:

— Вонъ туда пожалуйста, въ корридорчикъ... Я вамъ ужъ и костюмъ приготовилъ...

И пошелъ впередъ черезъ все машинное отдѣленіе.

Рябушкина послѣдно двинулась за нимъ.

Въ маленькой грязной комнатѣ на деревянномъ грязномъ диванчикѣ лежалъ „костюмъ“: ветхая ситцевая юбочка, такая же кофточка, грубые опойковые башмаки и вумачевый, дырявый

платочекъ на голову. Все это Зазуевичемъ взято было для Рябушкиной у кухарки Авдотьи „на прокатъ“.

— Ну вотъ вамъ и уборная... преобразайтесь! — сказалъ инженеръ, щелкнувъ каблуками по военному, поклонился и вышелъ, заботливо затворивъ за собою двери.

Минуть черезъ пять Рябушкина уже „преображенная“ снова появилась въ корридорѣ, нелѣпая и забавная въ своемъ новомъ нарядѣ.

„Преображеннымъ“ оказался и инженеръ: въ старой отрепанной курточкѣ, въ рыжихъ стоптанныхъ сапожкахъ, въ холщевыхъ шароварахъ и въ уродливомъ картузикѣ.

Докторъ увидалъ „ряженныхъ“ и затрясся отъ смѣха. Смѣялась и Рябушкина и недоумѣло спрашивала:

— Да для чего все это?

— А вотъ увидите! — таинственно и многозначительно отвѣтилъ, наконецъ, инженеръ и тотчасъ же озабоченно поднялъ съ пола два плаща, которые только что принесъ откуда-то черный, какъ негръ, рабочій. Одинъ изъ этихъ плащей Зазуевичъ подалъ Рябушкиной, а другой набросилъ себѣ на плечи. Плащи, съ капюшонами для головы, съ тонкими бичевками около ворота вмѣсто застежекъ, сдѣланные изъ грубой, какъ кожа, клеенки, насквозь пропитанные сыростью, были тяжелы, топорщились во всѣ стороны и мерзко пахли гнилью.

— Не скажу, чтобы нарядъ былъ особенно пріятный, — весело замѣтила Рябушкина, стараясь не прикасаться лицомъ къ влажному, вонючему капюшону. И мокрыя грязныя бичевки у ворота она завязала съ явнымъ отвращеніемъ, гадливо сморщивъ носъ и оттопыривъ на каждой рукѣ по три пальца.

— Ну-съ... идемъ! — скомандовалъ Зазуевичъ, передавая изъ рукъ рабочаго въ руки Рябушкиной зажженную лампочку.

И они двинулись обратно въ машинное отдѣленіе. У самой шахты Рябушкина вдругъ инстинктивно остановилась, какъ бы въ нерѣшительности, обернулась назадъ и посмотрѣла черезъ открытое окно на далекое, синее небо особенно пристально и тревожно, словно прощалась и съ небомъ, и со всѣмъ, что было на немъ и подъ нимъ.

Потомъ Зазуевичъ взялъ ее за руку и осторожно повелъ на площадку подъемной машины.

— Точно женихъ невѣсту къ алтарю ведетъ! — крикнулъ имъ докторъ издали и по обыкновенію захохоталъ, какъ дуракъ.

— Спускай! — тихо, но строго приказалъ кому-то инженеръ.

И тотчасъ же площадка подъемной машины дрогнула и провалилась въ темную бездну...

Въ первое мгновеніе Рябушкина только и успѣла замѣтить,

что они несутся въ какомъ-то тѣсномъ колодцѣ, сложенномъ изъ толстыхъ гнилыхъ бревенъ, по которымъ непрерывными потоками бѣжала вода. Затѣмъ свѣтъ исчезъ надъ ея головою, густая темнота ослѣпила ее, ѣдкій промозглый запахъ гниющаго дерева и ржаваго желѣза захватилъ ей дыханіе до дурноты, а ощущение пустоты подъ ногами завружило голову...

IV.

Очутившись на днѣ глубокой шахты, она въ первую минуту отъ ужаса и недоумѣнія съ мѣста сдвинуться не могла. Со всѣхъ сторонъ ее обнимала черная, непроглядная ночь, душная и теплая, смрадная и зловонная. Что-то гдѣ-то шумѣло, грохотало, гудѣло и скрипѣло, журчало и шлепало... Но что?.. понять нельзя было, такъ какъ въ глаза бросался только мракъ одинъ, всеобъемлющій мракъ, непредѣльный, бездонный и безкрайній... И было мокро кругомъ, лилась вода сверху, на голову, брызгала съ боковъ, хлябала внизу подъ ногами. Но откуда вода — опять же ничего нельзя было понять, ничего не было видно.

Какъ очумѣлая, Рябушкина шарилась передъ собою руками, съ неестественною силою таращила глаза свои въ темноту и видѣла только тусклые блѣдножелтые огни лампочекъ и видѣла вокругъ себя. Огни эти мерцали повсюду: вверху, внизу, съ боковъ, сзади и спереди. Одни изъ нихъ стояли неподвижно, другіе перебѣгали съ мѣста на мѣсто, какъ живые, но темноты не разсѣивали. Наоборотъ, огни, казалось, еще сильнѣе сгущали мракъ, подчеркивали его и придавали ему что-то загадочное, мистически таинственное, непостижимое...

У Рябушкиной волосы на головѣ тихо шевелились и по всему тѣлу ледяныя иглы пробѣгали отъ одной мысли, что страшному мраку этому нѣтъ предѣла, нѣтъ конца и не будетъ, ибо мракъ этотъ — вѣчный, безысходный мракъ могилы, съ ума сводящій мракъ смерти. И ужасъ нечеловѣческій, сверхъестественный, подобный тому, какой испытываютъ люди, заживо погребенные, леденить въ жилахъ ея кровь, проникалъ все ея тѣло насквозь до самыхъ костей, опьянял и угнеталъ. И даже тогда, когда глаза ея уже освоились съ темнотою и она, кромѣ лампочекъ, увидала еще и черныхъ людей, черныхъ лошадей, части какихъ-то машинъ, колеса, рычаги, ремни, вагоны и тачки, нагруженные углемъ, словомъ увидала въ могилѣ какую-то жизнь, какую-то странную работу, смутную и сложную, — даже и тогда она не въ состояніи была побороть въ себѣ этотъ сверхъестественный ужасъ свой и продолжала глядѣть на все окружающее черезъ призму этого

ужаса. Все ей казалось здѣсь невѣроятнымъ, непостижимымъ, недѣйствительнымъ, похожимъ на кошмаръ, на страшное видѣніе, и все говорило о смерти. Передъ нею двигались люди въ странныхъ одѣяніяхъ факельщиковъ, въ широкополыхъ шляпахъ и въ короткихъ плащахъ и съ ними вмѣстѣ двигались желтые огни лампочекъ. Люди казались ей привидѣніями, загробными тѣнями, а огни—погребальными свѣчами. Стучали, гудѣли, шумѣли и скрипѣли машины, грохотали вагоны, топотали лошади, журчала вода, хлябала грязь подъ ногами,—и это непрерывное движеніе и многоголосый шумъ и гамъ казались ей воплощеніемъ ада на землѣ... „Да что же это такое, Боже мой?.. Что это такое?—мысленно спрашивала она. — Что это за жизнь внѣ законовъ природы, безъ неба, безъ солнца, безъ воздуха и свѣта?.. Что это за люди?.. Какъ они могутъ что-то такое дѣлать въ этихъ адскихъ потемкахъ, соображать, о чемъ-то заботиться, когда смерть сторожитъ ихъ, подварауливаетъ, хищными глазами глядитъ со всѣхъ сторонъ... Вотъ нависли надъ головою черные своды потолка, мрачные, угрюмые, страшные: это — слой земли въ полтора сажени. Что стоитъ громадѣ этой опуститься на нѣсколько аршинъ, и тогда все, что здѣсь есть, будетъ погребено живо... Вотъ бѣжитъ лошадь: того и гляди попадешь въ темнотѣ подъ ноги животнаго, подъ колеса вагона... Съ потолка льется дождь, по стѣнамъ журчатъ непрерывные потоки — это значить, что гдѣ-то по близости въ подземныхъ слояхъ скопилась вода, и она напираетъ на шахту со всѣхъ сторонъ и вотъ-вотъ прорветъ стѣны и потолокъ, страшнымъ ураганомъ ворвется въ галереи и все здѣсь зальетъ, затопитъ, исковеркаетъ...“ Въ воображеніи Рябушкиной съ быстротою молніи проносится рядъ ужасающихъ картинъ наводненія, рядъ смертельныхъ катастрофъ, о которыхъ она когда-либо слышала или читала. И отъ смертельнаго страха она вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ.

А воздухъ?.. Какая отрав!.. Отъ лампочекъ вьются черныя струи густой копоти, и гниль—вкругомъ, вверху, внизу, повсюду... плѣсень, мокрота... Какъ можно дышать этой отравой изо дня въ день, изъ года въ годъ, всю жизнь, всю жизнь!..

Инстинктивно Рябушкина закрывала ротъ, задерживала дыханіе. Мерзкое зловоніе, теплое и влажное, напоминало ей трупное гніеніе и всю ее мутило, тошнота подступала къ горлу.

И когда Зазулевичъ принялся объяснять ей что-то такое насчетъ машинъ и работъ: какъ дѣйствовала водокачка и какъ вентиляторъ, и кто изъ людей что дѣлалъ, гдѣ были—штейгеры и гдѣ—машинисты, куда возили уголь и откуда, сколько пудовъ вѣсить вагонъ и сколько такихъ вагоновъ доставятъ въ сутки,—то вникнуть во всѣ эти подробности Рябушкина не могла, да,

къ удивленію своему, и не хотѣла вникать. Ее вдругъ словно подмѣнили. Обычная живость ея пропала, а съ нею вмѣстѣ пропала и пламенная любовзательность и страстное желаніе „все, все увидать собственными глазами“. Она даже забыла, зачѣмъ, почему очутилась она въ этомъ черномъ аду, въ волнахъ мерзкаго зловонія? И зачѣмъ, для чего ей нужны эти люди, похожіе на привидѣнія....

Попрежнему все окружающее продолжало казаться ей не дѣйствительностью, не правдою, а страшнымъ сномъ, тягостнымъ кошмаромъ. И она реагировала на этотъ кошмаръ тупо и безвольно, впитывала въ себя тягостныя впечатлѣнія механически, какъ губка впитываетъ влагу.

Такъ же механически и безвольно, опьяненная мракомъ, пропитанная насквозь постылымъ, зловоннымъ дыханіемъ могилы потащилась она за инженеромъ въ узкія и длинныя галлерей, въ которыхъ добывали уголь. Шлепая ногами по жидкой грязи, то и дѣло натыкаясь на какіе-то острые камни, оступаясь въ рывтинахъ, наполненныхъ водою, она попережнему напряженно пиалила глаза свои въ темноту и думала только объ одномъ: вотъ-вотъ что-нибудь случится въ этомъ страшномъ, запутанномъ лабиринтѣ, по которому ведетъ ее инженеръ: рухнетъ земля, свалится камень, налетитъ лошадь, хлынетъ вода, сгустится „дурной газъ“, струившійся съ угольныхъ пластовъ съ тихимъ тоненькимъ свистомъ и задушитъ, отравитъ или же загорится и взорветъ... И, слѣдовательно, она уженикогда больше не увидитъ свѣтлаго наземнаго міра, не увидитъ воздуха, радостнаго солнца, чудныхъ звѣздъ, мечтательнаго мѣсяца... Мысли эти ее съ ума сводили....

И опять представлялось невѣроятнымъ, непостижимымъ все то, что она всгрѣчала въ узкихъ и низкихъ ходахъ, по которымъ приходилось пробираться согнувшись и сильно наклонивъ голову. Опять густую, съ ума сводящую темноту испещряли тусклые, желтые огни, похожіе на погребальныя свѣчи, и могильную тишину оглашали странные, глухіе и загадочные звуки... И опять ненужными, бессмысленными и постылыми казались объясненія инженера, который время отъ времени останавливался передъ грудями развороченной земли, камней и угля и, указывая на уродливыя выступы въ стѣнахъ, трещины, рывтины и пещеры, похожія на зіяющія раны, говорилъ:

— Вотъ здѣсь, видите ли, уголь лежитъ сплошнымъ пластомъ и брать его легко, а вотъ твердыя каменные породы и тутъ ужъ приходится повозиться: гдѣ порохомъ взорвуть, гдѣ динамитомъ...

И мерзко, отвратительно было смотрѣть на работу людей. Полуголые, въ однихъ только высоко подсученныхъ портахъ, люди походили на черныхъ звѣрей. Мелькали гибкія спины... на-

прягавшіяся, цѣпкія руки... худыя, голенастыя ноги... огромныя, уродливыя ступни... Потъ, смѣшанный съ черною угольною пылью, струился по возбужденнымъ лицамъ, по чернымъ согнутымъ спинамъ. Работа въ духотѣ, въ адскомъ пеклѣ, насыщенномъ отравою, „дурнымъ газомъ“, этимъ воздухомъ смерти,— была тяжкая каторжная работа, и окрики людей полны были тупого озлобленія, тупой тревоги и заботы.

— Крѣпій, крѣпій, дьяволь!.. Чего зѣвнешь?.. Того и гляди, какъ червя раздавить...

— А ты за собой смотри!.. У тебя, вонъ, у самого земля надъ башкой ползеть....

— Э-э-хъ!.. Де-е-ержись!—доносится откуда-то, какъ стонъ, уныло и протяжно. И тотчасъ же глухіе и частые удары, похожіе на отдаленные раскаты грома, оглашаютъ могильный мракъ жуткою угрозою.

За низенькими, тяжелыми деревянными дверями, отдѣлявшими одинъ проходъ отъ другого. Рябушкина попадала изъ адскаго пекла въ ледяной ураганъ и вся сотрясалась съ головы до ногъ отъ пронзительнаго, рѣзкаго холода.

— Это вентиляторъ гонитъ чистый воздухъ,—всякій разъ успокоительно объяснял инженеръ,—здѣсь обыкновенно рабочіе простужаются, схватываютъ обязательныя для каждаго шахтера болѣзни.

И ловкимъ, кавалерскимъ жестомъ инженеръ подхватывалъ Рябушкину подъ руку и снова увлекалъ въ духоту и пекло....

И чѣмъ дальше они бродили, тѣмъ все уже и ниже становились длинные ходы. Лошадей здѣсь уже не было, и огней было меньше, а мракъ непроницаемѣе и тишина казалась полною, едва нарушаемою. Еле-еле слышны были голоса углекоповъ и удары кирки. Люди работали, сидя и лежа на брюхѣ, на спинѣ, на бокахъ, въ самыхъ ужасныхъ неестественныхъ позахъ. Чѣмъ-то униженнымъ, оскорбляющимъ человѣческое достоинство, вѣяло отъ этихъ скотскихъ позъ, отъ противоестественныхъ поворотовъ головы, отъ ползанья въ узкихъ дырахъ на четверенькахъ и на брюхѣ, какъ ползаютъ гады...

Наконецъ, и безъ того узкіе ходы превратились въ какія-то врововыя норы, по которымъ нельзя было уже пролѣзть иначе, какъ только ползкомъ.

— Куда мы идемъ?—вскрикнула, наконецъ, Рябушкина и припала всѣмъ своимъ изнеможеннымъ горячимъ тѣломъ къ мокрой землѣ, задыхаясь отъ пекла и обливаясь потомъ.

— А вотъ сейчасъ.... тутъ поворотъ,—сказалъ инженеръ глухо и нетерпѣливо, прерывающимся голосомъ. Онъ самъ задыхался, самъ былъ измученъ усиліями, съ какими приходилось

пролазить эти кротовыя норы.—Вотъ тутъ сейчасъ поворотъ и тогда будетъ свободнѣе.

— О, Боже мой... я больше не могу! — простонала Рябушкина, но, однако, подталкиваемая какою-то постороннею силою, подобною той, которая руководитъ сомнамбуломъ, снова поползла за инженеромъ, купаясь въ жидкой грязи по горло. И когда трудный поворотъ былъ пройденъ и можно было вздохнуть свободнѣе, то не было уже никакихъ силъ двигаться дальше. Инженеръ усадилъ Рябушкину на какомъ-то гниломъ обрубокѣ и самъ сѣлъ рядомъ съ нею. Потъ лилъ съ его лица градомъ и онъ тоже дышалъ тяжело и прерывисто.

— Тутъ, видите ли, очень узкія угольные жилы, — сказала онъ, — какой-нибудь аршинъ и даже меньше, слѣдовательно, прорывать просторные ходы невыгодно и даже очень разорительно, вотъ и роютъ такіе, чтобы можно было только хотъ какъ-нибудь пролѣзть...

А Рябушкина опять его не слушала и сидѣла, какъ отравленная. Ей казалось, что отъ адской жары, отъ вонючей духоты и отъ тошнотной, проникавшей всю ее насъвозъ влаги, у нея сердце оторвется. Во рту у нея было сухо, горько, на вискахъ и во лбу надъ глазами бились огненные жилы съ такою силой, что казалось, вотъ-вотъ лопнуть, и лицо ея все обольется горючею кровью.

— Я больше не могу, — снова повторила она изнеможенно, перебивая Зазулевича на полуфразѣ.

Послѣдній встрепенулся, вынулъ часы изъ кармана и поднесъ ихъ къ фонарю.

— Сейчасъ двѣнадцать, а мы съ вами спустились въ одиннадцать, слѣдовательно часъ... Что-жъ, можно и домой... Опирайтесь на меня... вотъ такъ!.. Отсюда мы пойдѣмъ уже болѣе легкимъ и ближайшимъ ходомъ.

И теперь Зазулевичъ уже безцеремонно обхватилъ Рябушкину за талію и потащилъ съ трудомъ, какъ тяжелую ношу.

А она вся мокрая, горячая и задыхающаяся, уже ничего не соображала, ничего не видала и не слыхала и плыла, какъ во снѣ. И только за тяжелыми низенькими дверями, въ волнахъ ледовитаго урагана, она кое-какъ перевела духъ, освободилась изъ объятій инженера и пошла самостоятельно, покачиваясь на ходу, какъ пьяная. На лбу у нея продолжали биться огненные жилы, стучало въ темя, дрожали руки и ноги и съ тихимъ внутреннимъ звономъ кружилась голова...

V.

Поднималась она вверхъ, на землю, точно такъ же, какъ и опускалась въ шахту—съ затуманеннымъ сознаниемъ и съ однимъ только ощущеніемъ ужасающей пустоты подъ ногами... Въ омертвѣвшемъ мозгу ея слабо мелькала одна только мысль: вотъ-вотъ что-нибудь случится въ этомъ узкомъ, мокромъ колодцѣ, по которому безшумно скользитъ платформа—оборвется канатъ, и она съ высоты полетитъ въ темную бездну; лопнетъ деревянная обшивка колодца, и ее расплющатъ, сомнутъ гнилыя бревна; свалится что-нибудь сверху, и ей разможжитъ голову... Наконецъ, повернется она какъ-нибудь неловко въ подъемной клѣткѣ, зацѣпится платьемъ за срубъ, или прикоснется къ срубѣ локтемъ, спиною—и ей сорветъ кожу, оторветъ руку, пальцы... Инстинктивно она ежилась, горбилась, точно надъ нею ударъ заносил...

И вдругъ забрезжилъ свѣтъ... Сперва слабый, сѣренькій, какъ передъ утромъ, потомъ все ярче, все бѣлѣе. Наконецъ, отчетливо и звонко хлынули откуда-то съ высоты живые звуки, живой жизни... О, да неужели же земля, небо, солнце, воздухъ?!

И съ легкимъ тоненькимъ вскрикомъ, похожимъ на тотъ, какимъ вскрикиваютъ дѣти, когда ихъ ошеломятъ до испуга, до истерики, неожиданною огромною радостью,—Рябушкина выскочила изъ подъемной клѣтки и оглядѣлась кругомъ: да неужели же ова на землѣ? И что такое теперь—утро ли, полдень или вечеръ? Ахъ, да не все ли равно!.. Только бы жить, жить, жить!.. Только бы небо, солнце, свѣтъ!..

И она сперва засмѣялась, а потомъ заплакала... Чѣмъ-то чудеснымъ, новымъ, словно неиспытаннымъ показался ей бѣлый день, лившійся со двора въ широкія, раскрытыя настежь окна надшахтнаго зданія... Чудеснымъ, новымъ показался воздухъ, которымъ она надыхаться не могла...

И весь тотъ день до самой ночи она носила въ себѣ это до слезъ умиленное и благодарное сознание, что она—на землѣ и дышетъ воздухомъ земли, что надъ нею небо и солнце, что она жива и вокругъ нея все живетъ... И весь тотъ день до самой ночи она всячески старалась забыть, не думать, не вспоминать о томъ, что было подъ землею, что было смертью и говорило только о смерти...

VI.

И ложась въ постель на ночь, она приняла все предосторожности, чтобы „не думать и не вспоминать“. Она нарочно

не потушила лампы, чтобы темнота ночи не напомнила бы ей темноты подземелья и всего, что тамъ было. Закрывши глаза, она повторяла только одно слово: „спать, спать, спать...“ Этимъ ритмическимъ повтореніемъ она хотѣла загипнотизировать себя, внушить себѣ сонъ. Но гипнозъ не удавался. Черныя видѣнія тихо подступали къ ней, окружали со всѣхъ сторонъ, дышали въ лицо ей дыханіемъ ужаса и смерти.

Опять видала она отравленныя могилы, узкія и тѣсныя, мокрыя и смрадныя... Видала черныхъ людей, похожихъ на звѣрей... Видала и слышала ихъ адскую работу подъ немолчною угрозою смерти... Видала самую смерть, разныя кровавыя катастрофы, о которыхъ до сихъ поръ знала только по наслышкѣ, изъ книгъ, изъ газетъ, теперь же видала передъ собою, какъ живыми: всѣ эти обвалы, взрывы, пожары, затопленія... раздробленныя кости, проломленные черепа, обуглившіяся тѣла, оторванные руки и ноги... цѣлые потоки крови человѣческой, цѣлое море слезъ...

Вопреки отчаяннымъ усиліямъ съ ея стороны „не думать, не вспоминать“, воспоминанія и думы все плыли и плыли передъ нею, неумолимыя и беспощадныя въ своей жестокой отчетливости и яркости. Отъ взволнованной, лихорадочной работы мозга у нея опять мучительно болѣла голова, стучало въ темя и въ виски. И во рту было сухо, и опять вся она горѣла, какъ отравленная. Она и упивалась этими ужасными воспоминаніями своими, и въ то же время боролась противъ нихъ всѣми силами, гнала отъ себя съ ненавистью.

— Ахъ, да не теперь!—беззвучно шептала она и то открывала глаза, то закрывала, сбрасывая съ себя одѣяло, вставала, садилась на постели, то снова падала въ подушки и шептала: „спать, спать, спать“...

Но вмѣсто того, чтобы спать, она съ мучительнымъ сладострастіемъ опять погружалась въ то, отъ чего не знала, какъ избавиться.

„Ну хорошо... — думала она, — ну, пусть такъ... пусть все это непостижимо-ужасно, нечеловѣчески-жестоко, несправедливо, безумно... Да я-то тутъ при чемъ? Что я-то могу подѣлать?.. У меня, вотъ, голова болитъ смертельно, въ темя и въ виски молотки стучать и мнѣ даже думать нестерпимо-мучительно... Ничего я не могу... да и никто, никто не можетъ! Тутъ—заколдованный кругъ, изъ котораго не выбраться, проклятая стѣна, о которую можно голову расколоть въ дребезги и которая отъ этого не дрогнетъ ни на мгновеніе... И, слѣдовательно, чего же тутъ мучиться, о чемъ думать?.. Гдѣ тутъ выходъ? Э, да, впрочемъ, не въ томъ дѣло... не въ томъ дѣло... не въ выходѣ...“

Какой тутъ къ чорту выходъ? И развѣ я выхода ищу?.. Просто думаю, потому что не могу не думать, не могу забыть“...

И снова погружалась она въ думы свои съ наслажденіемъ, съ тоской и отчаяніемъ.

Вспоминался ей рассказъ доктора о взрывѣ рудничнаго газа на сосѣдней шахтѣ „Ольги“. Погибло до ста человѣкъ. На верхъ вытащили изъ развалинъ шахты не трупы людей, а груды горѣлаго мяса и костей: не поймешь—гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ голова. вмѣсто фигуръ человѣческихъ — какія-то безформенныя обуглившіяся головешки... Все отверстіе шахты, весь срубъ отъ верху и до низу саженой на сто былъ обрызганъ мозгами и кровью людей...

И ужасомъ дивимъ, суевѣрнымъ вѣяло на нее отъ этихъ кровавыхъ видѣній... И казалось ей, что отнычѣ она уже никогда-никогда больше не избавится отъ нихъ... что они, эти видѣнія, будутъ преслѣдовать ее, отравлять ей жизнь до могилы...

— О, Боже мой, Воже мой, Боже мой... Да что же это такое? Зачѣмъ, для чего? кому это нужно? — отчаянно вопрошала она кого-то. И какъ бы въ отвѣтъ на этотъ мучительный вопросъ, тотчасъ же припоминалось ей и другое, когда-то вычитанное ею изъ книгъ: „Если бы не было каменнаго угля, то что случилось бы съ фабриками, заводами, желѣзными дорогами, пароходами? Если бы не было каменнаго угля, остановился бы промышленный ростъ человѣчества, остановился бы прогрессъ, исчезла бы культура“...

И отъ этихъ книжныхъ фразъ, спокойныхъ и безстрастныхъ, продиктованныхъ здравымъ смысломъ, логикою вещей, историческою необходимостью, у Рябушкиной все внутри закипало отъ злобы, протеста и негодованія неистоваго, бурнаго, сгратнаго... Хотѣлось этого „кого-то“, спокойнаго и безстрастнаго, вооруженнаго всѣми доводами логики, стереть съ лица земли... Хотѣлось крикнуть громко-громко на весь міръ:

„Будь прокляты культура и прогрессъ!.. Будь прокляты историческая необходимость, логика вещей, грядущее счастье человѣчества, если для счастья этого нужны живыя кладбища... Будь все проклято!... Жизнь человѣку дана однажды и никто, никто не смѣетъ зарыть эту живую жизнь въ могилу преждевременно. А ее, эту живую жизнь—зарываютъ... каждый день, каждый день, миліоны людей погребаютъ себя заживо, бродятъ въ черныхъ могилахъ, готовые ежеминутно принять мученическую смерть... Каждый день, каждый день изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣнія... Терпѣливые, выносливые и безотвѣтные, какъ лошади, безстрашные, какъ умалишенные, люди эти обречены на вѣчную пожизненную каторгу. Не совершивъ никакого пре-

*

ступленія, они несуть наказаніе величайшихъ преступниковъ, тяжкихъ злодѣевъ... Всю жизнь не вѣдать солнца, свѣта и воздуха... уподобиться животному, пресмыкающемуся, ползать въ мовротѣ и потемкахъ, дышать отравою и каждую минуту ждать смерти... О, Боже мой, Боже мой, Боже мой!..“

Она задыхалась, ломала руки... Яростное отчаяніе разрывало ей сердце, тяжелая, какъ чугунъ, тоска давила грудь, въ голову молотки стучали, и вся она горѣла, дрожала, какъ отравленная..

Въ первый разъ за всю свою жизнь она почувствовала такую нестерпимо-мучительную связь съ людьми, которые не были ей ни родные, ни знакомые. Раньше она только воображала, что люди ей близки и дороги. Страданье людей она только теоретизировала, теперь же страданіе это страшное, неутолимое и безысходное страданіе человѣческое вонзалось въ сердце ей, какъ остро отточенный ножъ, и всѣ внутренности ея обливались кровью.

Наконецъ, не въ силахъ больше сдерживать жгучую боль души своей, она упала навзничь, и застонала громко, во весь голосъ, душу надрывающимъ стономъ, какъ будто ее убивали...

Тотчасъ же откуда-то прибѣжала Марѳа Ивановна, заспанная, всклокоченная, въ одномъ бѣльѣ. За нею вскочилъ докторъ.

— Истерика!—сказалъ докторъ кому-то и выскочилъ обратно. Минуту погода онъ вернулся уже въ туфляхъ и халатѣ.

— Ну-ну-ну...—урезонивалъ онъ Рабушкину строго, а у самого голосъ дрожалъ отъ испуга и руки дрожали.—Ну-ну!.. Выпейте-ка вотъ эту штуку... Все нервы, все нервы!..

— О, нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнула Рабушкина звонко, съ надеждою, превозмогаая истерическіе стоны свои.—Это не отъ нервовъ... нѣтъ, нѣтъ... А оттого, что нельзя жить!.. Поймите вы—нельзя жить, нельзя, нельзя!—выкрикнула она убѣжденно, страстно.—Поймите нельзя жить!.. никому нельзя жить... ни мнѣ, ни вамъ, никому въ мірѣ нельзя жить, разъ есть то, что я видала сегодня... Ахъ, эти могилы!.. Этотъ смрадный, жгучій, черный адъ!.. Понимаете? Я пробыла тамъ только часъ... одинъ только часъ и вотъ—отравлена... а какъ же они-то всѣ?... вѣдь они живутъ тамъ и день, и ночь, всю жизнь, всю жизнь... ужасъ, ужасъ, ужасъ!..

Она съ силою оттолкнула доктора, судорожно схватилась за голову и закачалась изъ стороны въ сторону, какъ безумная.

— Боже мой, Боже мой!.. Ходить надъ могилами съ заживопогребенными и... и мечтать о счастьѣ, о равенствѣ, о свободѣ... и не понимать, и не чувствовать во всемъ этомъ безумной, невыразимо-жестокон насмѣшки кого-то надъ нами, надъ всею жизнью нашей... Называть „трудомъ“, „профессіей“ то, что слу-

жить воплощеніемъ ужаса, воплощеніемъ ада на землѣ... Нѣтъ, отъ всего этого съ ума можно сойти!..

И въ глазахъ ея сухихъ и мутныхъ, какъ тусклое выгорѣвшее стекло, блуждало мрачное безуміе. Лицо было блѣдное и на лбу выступили капли пота.

— Именно съ ума можно сойти—говорила, она все попрежнему звонко, съ надсадою, злобно отталывая доктора, который все топтался подлѣ нея, то и дѣло подносилъ рюмку съ лекарствомъ и пытался насильно влить лекарство ей въ ротъ. — Если сознаешь все вотъ такъ и почувствуешь, то ужъ послѣ этого нельзя жить... Или... или... надо что-нибудь дѣлать... Только что дѣлать? Что? Что? Что?—вскрикнула она пронзительно, умоиступленно, вопрошающими глазами бѣгая по испуганнымъ лицамъ доктора и докторши... этихъ двухъ стариковъ, въ своихъ бѣлыхъ ночныхъ сорочкахъ съ оголенными шеями, похожихъ на дѣтей.

— Что дѣлать, чтобы счастье однихъ не окупалось такимъ нечеловѣчески-ужаснымъ страданіемъ другихъ?.. Что?.. Что?..

И вспомнивъ, что никто и ничто не разрѣшитъ ей этого страшнаго, роковаго вопроса, который тяготѣетъ надъ людьми, какъ проклятіе, никто не скажетъ — зачѣмъ, для чего нужны зло, мученія и смерть... вспомнивъ это, она зарыдала горестно, сиротливо и отчаянно... И вся сотрясаясь отъ рыданій, опять упала на постель и, ломая руки, плакала долго-долго, упоенно и страстно, до безчувствія, до полного забытья и изнеможенія...

VII.

А на другой день она уже уѣзжала изъ Хотѣвки, отказавшись отъ дальнѣйшихъ „наблюденій“. Безъ стыда она не могла вспомнить своей вчерашней радости по поводу „богатѣйшаго матеріала“, противно было глядѣть и на программу, и на іероглифы, которые она всего только день тому назадъ заносила съ такимъ наслажденіемъ, съ такимъ трепетнымъ восторгомъ. Ибо то, что раньше жило въ ея воображеніи, какъ „матеріаль“, только теперь вдругъ открылось въ сердцѣ ея свѣжею ранюю, одно прикосновеніе къ которой рождало въ ней тоску и отчаяніе. Да и что могла сказать она этими своими іероглифами?.. Не только она, юная писательница изъ разряда начинающихъ, съ очень маленькимъ и сомнительнымъ дарованіемъ, не знаетъ такихъ словъ, отъ которыхъ земля, насыщенная страданіями человѣческими, напоенная слезами и вровью, исторгла бы изъ груди своей вопль негодованія... и содрогнулось бы, возмутилось все жгучее и измѣнилось, переродилось,— не только она, маленькая,

слабая женщина не знаетъ такихъ словъ, но и никто-никто не знаетъ!..

И больная, разстроенная, нервно-потрясенная убѣгала она отъ незнакомой жизни, полной молчаливаго, терпѣливаго, привычнаго горя... И въ первый разъ уносила въ молодомъ, впечатлительномъ сердцѣ своемъ острый и жгучій, какъ заноза, нестерпимо-мучительный вопросъ: такъ что же дѣлать? Что? что? что?..

А. Крандѣвская.

А Л М А З Ы.

Насъ давятъ, насъ тяжело гнетутъ!
Надъ нами—слои вѣковые
И горныя цѣпи идутъ,
Вершины блестятъ снѣговья.

Холодныя головы горъ
Насъ давятъ рудой и гранитомъ...
Ни чей мы не радуемъ взоръ,
Намъ душно, въ могилѣ зарытымъ!

И твердыми сдѣлались мы,
И чуднымъ огнемъ заблистали
Отъ тяжести горъ и тюрмы,
Отъ злобы, тоски и печали!

Скиталець.

И. В. МУШКЕТОВЪ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ *).

Для меня и многих моих сверстниковъ съ крупной личностью Ивана Васильевича связаны воспоминанія почти половины нашей жизни. Прошло семнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы услышали первый разъ лекціи Ивана Васильевича въ Горномъ институтѣ. То было иное время, чѣмъ теперь; мы не были нервомъ, выражающимъ часто общественные недуги, и не были нервомъ, страданія котораго вызываютъ жестокою боль во всѣхъ слояхъ общества. Но это не значитъ, что то было время реакціи. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Мы также пульсировали согласно и живо съ лучшей частью интеллигенціи, мы также чувствовали и совнавали направленія, увлекавшія насъ безвозвратно въ среду пошлости и безволя; мы также искали выхода избытку силъ и инстинктивно стремились возстановить чѣмъ-нибудь равновѣсіе между внутренней энергіей и гнетущей будничностью окружающей обстановки. Правда, въ то время не было бурныхъ внѣшнихъ причинъ для нарушенія однообразія нашей жизни. Тѣмъ не менѣе и мы часто испытывали колебанія, часто вздрагивали и подчасъ готовы были упасть, и не одинъ изъ насъ выбылъ изъ строя товарищей подъ давленіемъ внѣшнихъ причинъ. Инстинктивно мы тянулись ко всему, что было сильнымъ, стойкимъ.

Примирающій характеръ науки для насъ былъ еще непостижимъ; двери этого величественнаго храма казались намъ плотно закрытыми, — въ сердца юношей спокойный, самодовлѣющій голосъ науки не всегда находить себѣ свободный доступъ. Среди группы нашихъ блестящихъ профессоровъ того времени мы видѣли молодого, полнаго силъ, энергіи и свѣжести человѣка, покрытаго и тогда уже лаврами выдающагося ученаго и отважнаго путешественника; съ особеннымъ любопытствомъ мы ждали перваго знакомства съ нимъ. Законченность математическаго и химическаго анализовъ, удивительная законность кристаллографическихъ системъ, даже завоеванія техническаго генія въ промышленности

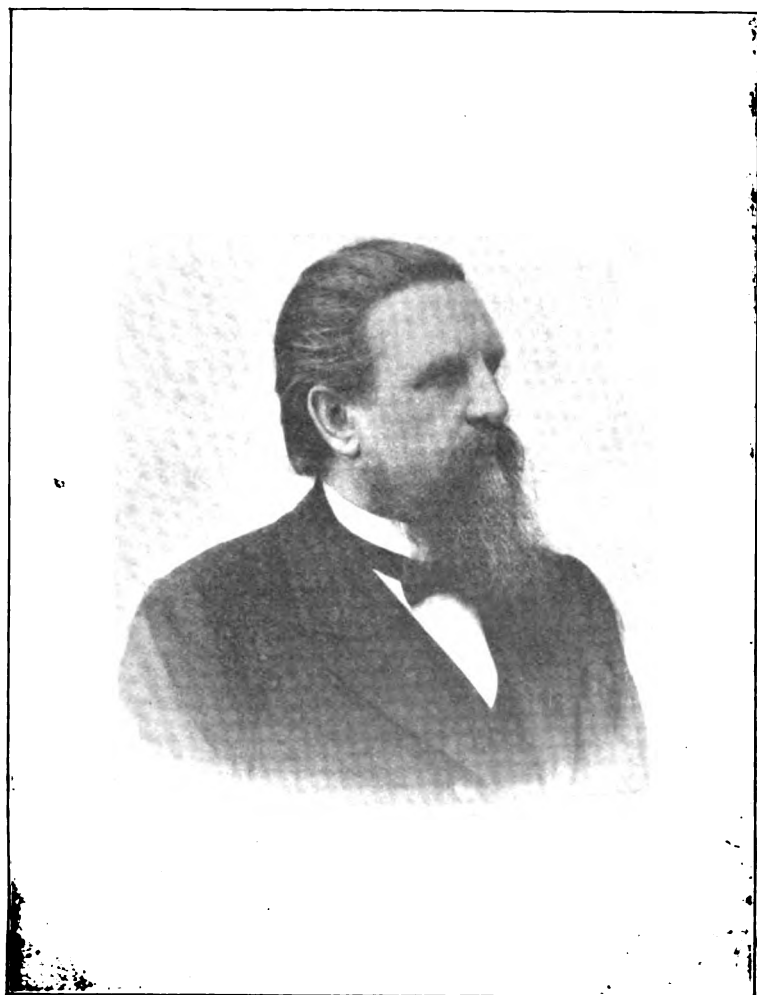
---

*) Рѣчь, сказанная въ засѣданіи Императорскаго минералогическаго Общества 5-го февраля сего года.

рѣдко могутъ увлечь юныхъ слушателей съ умомъ пытливымъ, съ слабой еще аналитической способностью, но съ сильно развитой потребностью критической оцѣнки. И безъ сомнѣнія, не одинъ изъ насъ впервые почувствовалъ неопредѣленное стремленіе къ самостоятельной работѣ, когда въ увлекательныхъ образахъ живого языка строгія научныя теоріи смѣнялись недоказанными гипотезами, и молодой профессоръ раскрывалъ передъ нами обширныя перспективы для изслѣдованія, открывалъ передъ нами неисчерпаемое поле научныхъ вопросовъ и идей. Всѣ мои сверстники помнятъ, какъ каждый изъ насъ подъ вліяніемъ лекцій молодого профессора пережилъ періодъ увлеченія геологіей. Увлеченіе въ годы броженія мысли есть уже все; увлеченіе часто замѣняетъ опору для колеблющихся умовъ; чѣмъ и дороги намъ года юности, какъ не ея увлеченіями?

Такимъ увлекающимъ профессоромъ былъ Иванъ Васильевичъ. Быстро происходило сближеніе съ Ив. Вас., сначала на почвѣ увлеченія его предметомъ, и мы невольно приходили въ сопряженіе съ сильнымъ стойкимъ характеромъ Ив. Вас. Встрѣчая въ немъ отликъ нашимъ неопредѣленнымъ стремленіямъ, мы невольно испытывали на себѣ вліяніе его характера, и не одинъ изъ моихъ сверстниковъ долженъ сознаться вмѣстѣ со мною, что увлеченіе геологіей и затѣмъ вліяніе сильнаго характера Ив. Вас. спасало ихъ отъ безвозвратной потери лучшихъ годовъ ихъ жизни; вліяніе твердаго, спокойнаго характера Ив. Вас. положило, быть можетъ, незначимыя черты на вырабатывающійся характеръ многихъ изъ насъ. Если оглянуться назадъ, мы припомнимъ, что въ Ив. Вас., какъ человѣкъ, мы не разъ черпали силы, ослабленныя сомнѣніями и колебаніями, встрѣчая въ немъ обширный умъ и доброе сердце, всегда отзывчивое и собогъзнующее. Сердечность Ив. Вас. вела къ тому, что мы стали прибѣгать въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ нашей жизни, требующихъ часто немедленной помощи. Чуткимъ чувствомъ проникательной въ этомъ отношеніи молодости мы знали, что всегда встрѣтимъ у Ив. Вас. сочувствіе, а въ его обширномъ умѣ, опытности, знаніи людей, жизни найдемъ и добрый совѣтъ. Не разъ мы злоупотребляли временемъ Ив. Вас., отрывая его отъ занятій и заставляя его выслушивать пространныя рассказы о горестяхъ и злоключеніяхъ людей, часто ему даже неизвѣстныхъ. Увлекаясь, нерѣдко преувеличивая значеніе фактовъ, иногда подавленные ими совершенно, мы стремились къ Ив. Вас., и его спокойное, ясное отношеніе ко всякому дѣлу позволяло ему указывать часто выходъ изъ положенія, казавшагося уже безнадежнымъ. По складу своего широкаго мысленія, какъ всѣ открытые, спокойные характеры, Ив. Вас. былъ оптимистомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, и многіе изъ насъ должны сознаться, какое благотворное на нихъ вліяніе оказывалъ честный оптимизмъ Ив. Вас. Здѣсь, въ стѣнахъ нашей almae

**Иванъ Васильевичъ
МУШКЕТОВЪ.**

matris, не имѣвшей никакихъ воспитательныхъ тенденцій, и къ которымъ, если бы онѣ были, мы такъ естественно отнеслись бы съ недо-вѣріемъ, часто граничащимъ съ озлобленіемъ, въ этихъ стѣнахъ, благодаря сближенію съ Ив. Вас., заканчивалось наше воспитаніе, выработка характера, умѣнье владѣть собой и упрочивалось сознание въ необходимости сердечной связи между людьми.

Оглядываясь назадъ, вспоминая свое продолжительное уже знакомство съ Ив. Вас., я не могу отдѣлать въ немъ ученаго и человѣка. Всегда умѣя найти что-либо заслуживающее поощренія въ нашихъ слабыхъ, но часто самоувѣренныхъ первыхъ научныхъ шагахъ, Ив. Вас. одобрялъ намѣренія, щадя болѣзненное молодое самолюбіе; мягкость Ив. Вас. въ этомъ отношеніи была безпримѣрна; онъ чутко прислушивался къ нашимъ попыткамъ, умѣло направляя наши стремленія къ научному развитію. Наука часто бываетъ безжалостна и сурова; въ рукахъ Ив. Вас. она теряла эти качества, становясь снисходительной и привлекательной. Чуждый всякаго научнаго и житейскаго педантизма, Ив. Вас. незамѣтно, я думаю, и для себя все крѣпче завязывалъ узы, которыя скрѣпляли его съ учениками.

Изъ года въ годъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ изъ массы слушателей Ив. Вас. отдѣлялась группа лицъ, склонность которыхъ къ геологіи, вызванная сначала увлекательными чтеніями Ив. Вас., смѣнялась, обыкновенно не безъ вліянія его личности, опредѣленнымъ уже стремленіемъ работать на этомъ поприщѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ популярность Ив. Вас. въ широкихъ кругахъ общества росла съ каждымъ годомъ. Читая лекціи въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (сначала въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія и историко-филологическомъ), своими блестящими докладами въ географическомъ обществѣ Ив. Вас. широко распространялъ интересъ къ геологіи. Въ то же время своей научно-практической дѣятельностью Ив. Вас. болѣе чѣмъ кто-либо другой вывелъ геологію изъ специальныхъ рамокъ предмета, основнаго только для горнаго дѣла, и все болѣе расширялъ кругъ дѣятельности геологовъ. При организаціи желѣзнодорожныхъ изысканій, водоснабженія, регулированія рѣкъ, въ бальнеологіи стали въ большинствѣ случаевъ подъ вліяніемъ Ив. Вас., сознавать необходимость идти рука объ руку съ геологическими изслѣдованіями. Съ 1886 г. Ив. Вас. былъ избранъ предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи физической географіи Императорскаго русскаго географическаго общества, и съ этого знаменательнаго года произошелъ коренной поворотъ въ организаціи широкихъ географическихъ предпріятій и въ оживленіи дѣятельности общества; геологамъ было открыто новое широкое поприще для приложенія ихъ знаній.

Продолжая вербовать изъ года въ годъ своихъ учениковъ въ ряды специалистовъ-геологовъ, Ив. Вас. при такомъ расширеніи приложенія

геологическихъ знаній находилъ всёми имъ и соотвѣтствующее дѣло. Для всѣхъ насъ наступалъ вмѣстѣ съ этимъ иной періодъ—періодъ тѣснаго единенія съ Ив. Вас. на почвѣ чаще всего имъ же организованныхъ или имъ вдохновленныхъ работъ. Кто работалъ съ Ив. Вас., знаетъ, сколько труда онъ посвящалъ въ организованныя имъ работы; онъ писалъ намъ подробныя программы, многія изъ которыхъ не потеряли своего интереса и до сего дня; онъ знакомилъ насъ съ техникой геологическихъ изслѣдованій, указывалъ матеріалы, литературу; оживленно, съ любовью къ дѣлу и къ намъ самимъ знакомилъ насъ съ мѣстными условіями работъ, когда они были ему извѣстны; щедро дѣлился съ нами своей обширной всесторонней опытностью и нерѣдко ставилъ насъ, своихъ юныхъ учениковъ, въ положеніе прямо-таки почетное въ глазахъ настоящихъ хозяевъ даннаго дѣла, какъ это испыталъ я и мой товарищъ Обручевъ при нашихъ первыхъ работахъ въ Закаспійской области. Чтобы такъ относиться къ людямъ, нужно любить этихъ людей не меньше, чѣмъ самое дѣло. Далѣе онъ слѣдилъ съ искреннимъ интересомъ за каждымъ нашимъ шагомъ и радовался искренней гордостью учителя за малѣйшій успѣхъ своихъ учениковъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ все продолжало возрастать. Для многихъ изъ насъ изъ наставника, имѣвшаго на насъ громадное воспитательное значеніе, Ив. Вас. становился искреннимъ другомъ, никогда не дававшимъ чувствовать свое превосходство. Ни время, ни разстояніе не измѣняло отношеній Ив. Вас. къ своимъ ученикамъ; толпы новыхъ смѣняли около него старыхъ, а въ памяти и въ сердцѣ его мы жили всё. Лишне, конечно, говорить о томъ, что Ив. Вас. такъ сердечно относился не только къ своимъ ученикамъ, имъ, можно сказать, взлелѣяннымъ, но и ко всѣмъ, кто стучался къ нему, а чаще всего стучались тѣ, кто нуждался въ помощи и въ поддержкѣ. Ив. Вас. горячо любилъ свою науку, доказавъ это трудными путешествіями и своими крупными работами; онъ не менѣе любилъ свое профессорское занятіе, посвящая ему массу труда, оцѣнить который можно, только вникнувъ серьезно въ значеніе его курса физической геологіи; но онъ отрывался постоянно отъ кабинетныхъ занятій, прерывая работу на полусловѣ и посвящая свое время, столь дорогое для него самого, заботамъ о чужихъ ему людяхъ, интересы которыхъ онъ не отдѣлялъ отъ своихъ, а нерѣдко, самъ того не сознавая, ставилъ выше своихъ. Такое отношеніе къ людямъ есть удѣлъ натуръ высшаго порядка; какую бодрость вселяютъ такіе люди въ окружающихъ, и какъ ужасна потеря такихъ людей!.. Тайна обаянія личностью Ив. Вас. въ томъ и заключалась, что въ немъ выдающійся и блестящій ученый представлялъ стройное и крупное цѣлое съ сердечнымъ, живымъ, смѣлымъ человѣкомъ, какое во всемъ объемѣ представляетъ величайшую рѣдкость.

Прошло много лѣтъ; бурныя потрясенія нарушили теченіе академической жизни, безжалостно раздавливая цѣлыя толпы молодежи. Исключительное положеніе, какое такъ естественно занималъ Иванъ Васильевичъ среди своихъ многочисленныхъ учениковъ въ предшествовавшіе годы, распространилось теперь и на массы молодежи, чуткой къ такимъ страннымъ натурамъ. Плодотворная дѣятельность Ивана Васильевича, какъ центра молодыхъ геологовъ-горныхъ инженеровъ, продолжала развиваться и общала все новыя успѣхи. Безжалостная смерть похитила этого человѣка съ поприща научной и академической жизни въ самую тяжелую минуту. Геологическая наука осталась безъ ученаго, умѣвшаго привлекать на ея поприще и удерживать на немъ все новыхъ тружениковъ, не дававшего техникѣ поглощать все талантливое и бодрое, а молодежь осталась безъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей, откровеннаго, чуткаго и авторитетнаго. Отгбняя значеніе Ивана Васильевича, какъ учителя, вліявшаго на выработку опредѣленныхъ взглядовъ среди своихъ учениковъ и способствовавшаго выбору поприща всей жизни, нужно помнить, что эта сторона дѣятельности менѣе замѣтна, чѣмъ дѣятельность чисто научная, и, быть можетъ, не всякій обращалъ вниманіе, что дѣлу привлеченія геологіи новыхъ адептовъ Иванъ Васильевичъ посвящалъ слишкомъ много силъ. Дѣятельность геолога-горнаго инженера не всегда общаетъ житейскій успѣхъ; его ожидаютъ въ будущемъ не кафедръ и въ рѣдкихъ только случаяхъ почетное положеніе члена геологическаго комитета; ему судить это поприще много работы и жизнь полную превратностей, и если при такихъ условіяхъ талантливая молодежь изъ горнаго института мѣняетъ технику на геологію, то велика заслуга профессора, умѣвшаго зажечь въ сердцахъ своихъ слушателей чистое стремленіе къ этой научной дѣятельности. Не менѣе велика заслуга Ивана Васильевича въ умѣнн удержатъ людей на этомъ поприщѣ; Иванъ Васильевичъ, можно сказать, былъ центромъ, пробуждавшимъ и поддерживавшимъ научное самосознаніе. Не стало такого центра, а мы, ученики Ивана Васильевича прежняго времени, наружно спокойнаго, потеряли своего учителя, бывшаго для насъ и опорой въ тяжелыя минуты прошлаго, и руководителемъ первыхъ нашихъ опытовъ на научномъ поприщѣ, потеряли дорогаго намъ человѣка, съ которымъ насъ будутъ связывать до нашего послѣдняго дня чувства безграничной благодарности, черпаемой изъ воспоминаній нашей лучшей половины жизни.

Иванъ Васильевичъ въ области геологическихъ знаній былъ рѣдкимъ энциклопедистомъ; какъ выдающійся профессоръ, онъ былъ знаткомъ обширной геологической литературы; какъ умъ критическій, онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ стремленій объяснять геологическія явленія исключительно съ одной какой-либо точки зрѣнія. Талантливое и блестящее обобщеніе, правильное въ одномъ случаѣ, Иванъ Васильевичъ

не торопился распространять и на другіе, всегда припоминая, что мало того, чтобы полагать, но нужно еще доказать. Иванъ Васильевичъ никогда не стремился, во что бы то ни стало, сказать новое слово, а беспристрастно, мастерски группировалъ факты, указывая на всѣ возможные объясненія ихъ и отдавая предпочтеніе тѣмъ, которыя согласнѣе со всей суммой остальныхъ фактовъ.

Въ области динамической геологіи Иванъ Васильевичъ не имѣлъ себѣ равныхъ. Его изслѣдованія вѣрненскаго землетрясенія можно поставить на ряду съ лучшими работами такого рода въ иностранной литературѣ, а по обилію наблюдений, исполненныхъ научно и всесторонне, эта работа является образцовой. Скромный отдѣлъ курса Ивана Васильевича, въ видѣ двухъ главъ, посвященныхъ сейсмическимъ явленіямъ, представляетъ лучшее руководство по наблюденію и методологіи землетрясеній, такъ какъ лучший иностранный курсъ Ногнес'а, по странному недоразумѣнію, совершенно игнорируетъ работы русскихъ сейсмологовъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опередившихъ своихъ иностранныхъ коллегъ. Въ области изслѣдованія ледниковъ альпійскаго характера и въ особенности дѣятельности атмосферы Иванъ Васильевичъ оставилъ образцовыя наблюденія. Иванъ Васильевичъ положилъ, можно сказать, основаніе для правильной оцѣнки значенія и роли субъэаральныхъ агентовъ въ пустыняхъ, высказавъ по этому вопросу еще въ 1877 году рядъ положеній, впоследствии самостоятельно развитыхъ Рихтгофеномъ и въ особенности въ новѣйшее время Вальтеромъ. Основной физико-географической выводъ о природѣ Средней Азіи, представляющей картины медленнаго усыханія въ теченіе послѣднихъ геологическихъ эпохъ, былъ высказанъ Иваномъ Васильевичемъ еще въ 1879 году.

Курсъ Ивана Васильевича «Физическая геологія» представляетъ замѣчательную особенность, какой я не знаю ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ однородныхъ сочиненій, за исключеніемъ «Führer'a» Рихтгофена, — онъ переполненъ ясными и поучительными примѣрами и фактами, почерпнутыми изъ собственныхъ наблюдений Ивана Васильевича. Возьмите любой отдѣлъ динамической геологіи—о внутренней теплотѣ земного шара, сейсмическія явленія, дѣятельность атмосферы, подземной и проточной воды, ледниковъ, сложныя дислокаціонныя явленія, основныя линіи лица земли и т. д., и вы всюду встрѣтите превосходные, ясные и опредѣленные примѣры, впервые наблюдавшіеся самимъ Иваномъ Васильевичемъ.

Капитальный трудъ Ивана Васильевича о геологіи и орографіи Туркестана, къ несчастью, оставшійся неоконченнымъ, въ русской литературѣ является единственнымъ въ своемъ родѣ. Тщательныя наблюденія знатока динамической геологіи, собранныя въ этомъ трудѣ, будутъ всегда служить образцомъ для геологическихъ изслѣдованій.

Основные выводы Ивана Васильевича объ единствѣ природы Азіатскаго материка представляютъ уже крупный шагъ впередъ сравнительно съ положеніями Рихтгофена, а его геологическая группировка хребтовъ системы Тянь-шаня всегда будетъ служить одной изъ опоръ современныхъ взглядовъ о происхожденіи складчатыхъ хребтовъ и носить уже зародышъ современныхъ идей Зюсса объ алтаидахъ.

Не упоминая о другихъ плодотворныхъ научныхъ трудахъ Ив. Вас., можно уже видѣть, какимъ было его направленіе, какъ профессора, это направленіе можно характеризовать двумя словами—«учитесь наблюдать». Для горнаго инженера, въ его поисковой и рудничной практикѣ, и для геолога, работающаго въ полѣ, званіе динамической геологии есть основаніе для дальнѣйшаго совершенствованія. Чѣмъ шире взгляды геолога, чѣмъ менѣе онъ связанъ одной какой-либо теоріей, по существу хотя бы и правильной, но направляющей его наблюдательную способность въ одну сторону, тѣмъ плодотворнѣе будетъ его дальнѣйшая работа надъ собранными наблюденіями. Ив. Вас. при такомъ направленіи его профессорской работы далъ цѣлую школу горныхъ инженеровъ, разностороннихъ и опытныхъ наблюдателей, быстро двинувшихъ дѣло развѣдокъ и поисковъ полезныхъ ископаемыхъ. Въ этомъ крупная заслуга Ив. Вас. въ дѣлѣ развитія русской горной промышленности, которой онъ оказалъ и прямыя услуги замѣчательными изслѣдованіями рудныхъ богатствъ Урала, неутомимыми работами въ области Тянь-шаня, изслѣдованіями соляныхъ озеръ и минеральныхъ водъ. Аудиторія Ив. Вас. распространялась далеко за предѣлы горнаго института; его дѣятельность въ географическомъ обществѣ поистинѣ историческая; съ его именемъ неразрывно связано учрежденіе кафедръ географіи въ университетахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Риттеръ положилъ въ основаніе сравнительной географіи изслѣдованіе законовъ устройства земной поверхности и законовъ вліянія ея на развитіе человѣческаго рода, вторая часть этой задачи быстро развилась; первая же часть задачи еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія имѣла свое общее выраженіе въ изслѣдованіи географическихъ гомологій, т.-е. въ изслѣдованіи идеальнаго подобія очертаній отдѣльныхъ частей материковъ, независимо отъ исторіи постепеннаго развитія этихъ элементарныхъ подобій. Постепенно подъ давленіемъ геологическихъ фактовъ эта часть задачи сравнительной географіи выросла въ отдѣльную дисциплину подъ названіемъ геоморфологии или геоморфогеніи, причемъ въ основаніе рассмотрѣнія формъ поверхности земли были положены генетическія начала, изслѣдуемая геологіей. Наибогѣе виднымъ представителемъ въ Россіи такого современнаго направленія объяснительной части географической науки и первымъ совершенно самостоятельнымъ выразителемъ такихъ взглядовъ еще въ 1876 году былъ, безспорно, Ив. Вас. Онъ немало

погрудился на этомъ поприщѣ, повсюду распространяя и своими лекціями, и такимъ капитальнымъ трудомъ, какъ «Туркестанъ» и всей своей дѣятельностью въ географическомъ обществѣ, правильные взгляды на отношеніе геологіи къ географіи. Ив. Вас. этой стороной своей дѣятельности имѣлъ громадное вліяніе даже на развитіе отрасли естествознанія, повидимому, ему совершенно чуждой, именно на развитіе геоботаническихъ изслѣдованій въ Россіи.

Вліяніе Ив. Вас., какъ геолога съ широкимъ географическимъ умозрѣніемъ, не могло не отразиться и на его ученикахъ. Они не могли не испытать на себѣ вліянія широкой постановки значенія геологіи для географіи, какую всегда проводилъ Ив. Вас., и въ этомъ отношеніи они составляютъ весьма опредѣленно выраженную школу геологовъ, работавшихъ исключительно на окраинахъ Россіи—Кавказѣ, Туркестанѣ, Сибири, Манчжуріи и Средней Азіи.

Если въ области географическихъ изслѣдованій иные достигали вполне заслуженной всемірной извѣстности, благодаря удивительной личной энергіи, то Ив. Вас., который всю жизнь посвятилъ на то, чтобы отыскивать подходящихъ работниковъ самыхъ разнообразныхъ специальностей, научать ихъ и отправлять на изслѣдованіе во всеоружіи ихъ специальныхъ знаній, совершилъ гигантскую работу, охватившую всѣ отдаленнѣйшія дебри Азіи, и по ея плодотворности единственную въ своемъ родѣ. Дѣятельность Ив. Вас. въ этомъ отношеніи можетъ получить достойную оцѣнку только въ исторіи развитія географическихъ познаній въ Россіи, а самъ Ив. Вас. сошелъ въ могилу недостаточно еще оцѣненнымъ, и сознание это должно прибавить еще болѣе горечи къ нашимъ грустнымъ мыслямъ, вызваннымъ его неожиданной кончиной.

Невыразимая жалость сжимала сердце всѣхъ стоявшихъ у открытаго гроба Ив. Вас. Не стало человѣка, который щедро расточалъ среди насъ сокровищницу своихъ богатыхъ знаній и неисчерпаемую доброту своего сердца. Выраженія искренняго горя и знаки живѣйшей симпатіи, проявленныя при извѣстіи о кончинѣ Ив. Вас. со стороны всѣхъ знавшихъ его, заставляютъ вѣрить, что труды Ив. Вас. не пали на бесплодную почву, что среди учениковъ Ив. Вас. никогда не изсякнутъ его широкіе взгляды на направленіе и значеніе геологической науки, что среди нихъ стремленіе къ работѣ, разбуженное Ив. Вас., никогда не заглухнетъ, что среди друзей Ив. Вас.,—а кто изъ знавшихъ Ив. Вас. не былъ его другомъ?—никогда не смолкнетъ призывъ къ сердечному единенію, надъ чѣмъ всю жизнь трудился Ив. Вас. съ добротой, снисходительностью и со всею силою своего характера.

К. Богдановичъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Живенность гоголевскихъ твореній.—Типы Гоголя въ современной обстановкѣ.—Что намѣнилось по существу со временемъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».—Новое идущее на смѣну.—«Служащій», рассказъ г. Елпатьевского.—Ростъ личности и человѣческаго достоинства.—Представители этого новаго типа.—Ихъ «узенькая истина» и большія задачи.—Что они теперь и ихъ будущее.

Кто видѣлъ въ послѣднее время гоголевскаго «Ревизора» на сценѣ, прочелъ «Мертвыя души»,—а наступленіе «гоголевскихъ дней» неволью влечетъ всякаго къ этимъ твореніямъ, съ которыми душа русскаго читателя сроднилась еще съ дѣтства,—у того самъ собой напрашивается вопросъ, насколько эти бессмертные образы жизненны теперь? Отошли ли они въ область исторіи, или и теперь бродятъ по русскимъ градамъ и весямъ и Павелъ Ивановичъ Чичиковъ съ Селифонтомъ и Петрушкой, и Ноздревъ съ Собакевичемъ обдѣлываютъ дѣла, а дама просто пріятная вмѣстѣ съ дамой пріятной во всѣхъ отношеніяхъ составляютъ общественное мнѣніе? Также ли трепеть передъ ревизоромъ помрачаетъ мозги мирнаго обывателя, и Хлестаковъ многообразно пользуется этимъ трепетнымъ настроеніемъ провинціи?

Задавшись такими вопросами, вы начинаете припоминать все и видѣнное, и слышанное, и убѣждаетесь, что великій художникъ схватилъ нѣчто неумирающее въ русской жизни. Какъ ни измѣнилась послѣдняя за полвѣка, претекшіе со дня его смерти, а живы оказываются и Чичиковъ со всею антуражемъ «губерніи», и Хлестаковъ со всею своими подвигами. Пало крѣпостное право, но не исчезъ «драхмный» человѣкъ, возросшій на немъ, глубоко пропитавшійся его развращающимъ духомъ.

Возьмите любого изъ героевъ Гоголя и рассмотрите его примѣнительно къ современной обстановкѣ, современнымъ нравамъ и условіямъ. Какую эволюцію совершилъ, напр., почтеннѣйшій Сквозникъ-Дмухановскій? А эволюцію онъ долженъ же былъ совершить, ибо «все течетъ», какъ говорятъ философы. Во времена Гоголя это былъ вориска-чиновникъ, плутоватый и суетвѣрный, тонкая бестія, котораго «ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести», который «мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такыхъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду, трехъ губернаторовъ обманулъ». Нынѣ нѣтъ горюничихъ, но все остальное, что запечатлѣно въ этой характеристикѣ, развѣ ушло вмѣстѣ съ ними? Нѣтъ, оно примѣнилось

къ обстоятельствамъ, приняло формы болѣе неуловимыя и не столь наивныя. Не духъ Сквозника-Дмухановскаго вѣетъ надъ нашей провинціей многочасне и многообразне, и что это такъ, объ этомъ свидѣлствуетъ тотъ постоянный и всегда поразительный успѣхъ, коимъ и нынѣ пользуется тамъ Хлестаковъ. Пусть читатели припомнятъ всѣ безчисленные случаи самозванныхъ ревизоровъ и всякаго рода удивительно ловкихъ по своей простотѣ самозванцевъ, которые то и дѣло налетаютъ въ провинцію, исчезаютъ, провравшись на пулякѣ, и вновь выныриваютъ въ другомъ мѣстѣ, но всегда съ неизмѣннымъ успѣхомъ, всегда пользуясь однимъ и тѣмъ же приемомъ. Ревизоръ—и этого довольно, чтобы нашъ современный Сквозникъ, не уступающій по ловкости и тонкости своему прототипу, потерялъ голову и далъ себя провести «мальчишкѣ», «вертопраху», и когда игра такого мальчишки раскрывается, онъ также вопить, потрясая сжатымъ кулакомъ: «Ну, что въ немъ было такого, чтобы можно было принять за важнаго человѣка, или вельможу? Пусть бы имѣлъ онъ что-нибудь внушающее уваженіе, а то чортъ знаетъ что: дрянъ, сосулька! Тоньше сѣрной спички!» И психологія всякаго такого траги-комическаго эпизода старая: трепеть съ одной стороны, полное пренебреженіе къ личности—съ другой. Сквозникъ привыкъ не считаться съ обывателями, не признавать въ немъ человѣка, какъ и обыватель не привыкъ считать себя личностью, имѣющею права. Онъ знаетъ только обязанности, и чортъ его знаетъ, этого внезапно налетѣвшаго «мальчишку», какія новыя обязанности наложить онъ на обывателя! А если принять во вниманіе, что у рѣдкаго изъ этихъ грозныхъ мѣстныхъ владыкъ рыльце не бываетъ въ нуху, то понятно желаніе забѣжать впередъ, похвалить, поподличать, показать свою «благонамѣренность» не токмо за страхъ, но и за совѣсть. И если сплошь и рядомъ современные Хлестаковы почти всегда влетаютъ въ силки, то исключительно отъ того, что у рѣдкаго изъ нихъ есть степенный, осмотрительный Осипъ, который останавилъ бы ихъ во время мудрымъ совѣтомъ: «Погудали здѣсь два денька, ну и довольно; что съ ними связываться! плюньте на нихъ! Неровенъ часъ: какой-нибудь другой найдетъ».

Право, мы, что называется, переэргѣли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и наши Сквозники-Дмухановскіе никогда еще не расцвѣтали въ такой мѣрѣ, какъ теперь. Приемы, быть можетъ, у нихъ иные, и въ этомъ вся эволюція. Прежде это былъ сокрушительный кулакъ, открытая дань, налагаемая на дореформенное купечество, унтеръ-офицерша, не по правиламъ высѣченная, и пр. Теперь болѣе тонкій «поведенць», въ родѣ нарушенія обывателемъ безчисленныхъ правилъ, не задержаніе, напр., извозчика, на которомъ ѣхалъ «подозрительный» субъектъ, и соответственно сему и штрафы въ томъ или иномъ размѣрѣ. И какъ трудно уловить здѣсь составъ преступленія, такъ же неуловимы и приемы пресѣченія. Отсюда для Сквозника безчисленные способы уловленія обывателя, но въ то же время и постоянный суевѣрный страхъ, что три крысы, видѣнныя имъ во снѣ, которыя «пришли, понюхали и ушли», знаменуютъ нѣчто сугубо важное и трепетное. А если къ тому же достоверное извѣстіе со стороны одного изъ мѣстныхъ добровольцевъ-охранителей, Петра Ивановича

Бобчинскаго, что пріѣхалъ невѣдомый молодой человекъ, то и довольно. «Молодой человекъ, чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга — Иванъ Александровичъ Улестаконъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію, — и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полуторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и денегъ хоть бы копѣйку заплатилъ». И при этомъ, «такимъ наблюдательнымъ, все обсмотрѣлъ и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ тарелки наши полюбопытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани»...

Живъ и Земляника съ его классическимъ правиломъ, что «простой человекъ если умретъ, то и такъ умретъ, если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ». Намъ не приходится вдаваться въ тонкія соображенія по сему поводу: только что закончившійся въ Москвѣ пироговскій сѣздъ врачей подчеркнулъ всю недостаточность врачебной помощи, антисанитарное состояніе городовъ. Или вспомнимъ описаніе одной, напр., томской больницы, напечатанное года два-три назадъ въ нашемъ журналѣ, или знаменитую одесскую больничную эпопею, кажется, и до сихъ поръ не завершившуюся. А вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ столицы: Томскъ, Одесса,—что же творится въ какой-нибудь Тмутаракани... Не исчезли условія для благополучнаго процвѣтанія Земляники, и было бы странно, если бы этотъ богобоязненный типъ вымеръ самъ собой. Гениальный художникъ изобразилъ его нѣсколькими рѣзкими штрихами, въ предѣлахъ которыхъ возможны измѣненія, но яркость контуровъ не поблекла отъ времени.

Не беретъ, конечно, и Ляпкинъ-Тяпкинъ взятковъ борзыми щенками, которые вмѣстѣ съ псовой охотой отошли въ область преданій. Но ежели, напр., шодъ дутый вексель получить изъ какого-нибудь екатеринославскаго банка или акціями и паями другого не менѣе почтеннаго учрежденія, то такая современная форма благодарности показывается только на измѣненіе формы, а не существа дѣла. Иначе, какимъ образомъ могли бы возникать знаменитыя исторіи въ родѣ кожвинской и имъ подобныхъ.

И тотъ же подъ перо подвернувшійся пресловутый Кожинъ — развѣ не Чичиковъ, скупающій не мертвыя души, а договоры на эксплуатацію крестьянской земли для перепродажи ихъ какой-нибудь бельгійской или иной компаніи? Воображаемъ, какое въ свое время было ликованіе и пированіе въ городишкѣ, гдѣ разыгралась эта эпопея, и какъ тотъ или иной городской notable, уподобясь гоголевскому предѣдателю палаты, обнималъ Чичикова, то бишь Кожина, провознося въ наліяніи сердечномъ: «Душа ты моя! Маменька моя!» и даже, шелкнувъ пальцами, пошелъ приплясывать вокругъ него, припѣвая извѣстную пѣсню: «Ахъ ты такой и эдакой, комаринскій мужикъ!» Въ качества мертвыхъ душъ фигурируютъ и злополучные акціонеры, и минческія копи, и многое разное, что ловкіе Павлы Ивановичи охотно скупаютъ теперь для оборотовъ на современный ладъ. Съ такимъ же успѣхомъ они фигурируютъ среди провинціальныхъ Маниловыхъ и Собакевичей, производятъ фуроръ среди дамъ просто пріятныхъ и пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Безсмертная пошлость русской жизни видоизмѣнила форму, а сущность остается все та же.

*

Развѣ не Собакевичи заполонили теперь наши губерніскія и уѣздыя управы, и въ лицѣ Гордѣенокъ и Родзянокъ ведутъ войну съ «третьимъ элементомъ», отстаивая кулацкое хозяйство, которое одно имъ по плечу. Ибо «кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ или два пальца — выйдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ какой-нибудь науки, — дастъ онъ знать потомъ, занявши мѣсто повидиѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую-нибудь науку!» И слова эти пророчески сбываются нынѣ.

И опять-таки какъ имъ не сбываться? Пошлость, изображенная Гоголемъ, бессмертна, потому что она не есть ничто временное, наносное, ничто такое, что устранимо, какъ переходное явленіе, какъ плодъ тѣхъ или иныхъ условій. Она — коренная сущность человѣческой души вообще, а русской въ особенности. Она всегда жива, но временами, при неблагоприятныхъ общественныхъ условіяхъ она прятывается и ждетъ своего часа. А когда онъ наступаетъ, пошлость расцвѣтаетъ внезапно, выступая во всей наготѣ и безобразіи, какъ было и въ то время, когда Гоголь впервые раскрылъ ея сущность изумленному міру.

Въ одномъ письмѣ изъ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки» Гоголь пишетъ: «Обо мнѣ много толковали, разбирая кое какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышала только Пушкинь. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ», и далѣе поясняетъ значеніе своего главнаго творенія «Мертвыя души»: «Мертвыя души» не потому такъ испугали Россію и произвели такой шумъ внутри ея, что бы они раскрыли какія-нибудь ея раны или внутреннія болѣзни, и не потому также, что бы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности, — ничуть не бывало: герои мои вовсе не злодѣи; прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирится бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть или духъ перевести бѣдному читателю, и что, по прочтеніи всей книги, кажется, какъ будто точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ». Въ этой самооцѣнкѣ глубокая правда. Только въ то время было немного тѣхъ, которые могли оцѣнить значеніе факта явленія «Мертвыхъ душъ». Подъ давленіемъ все покорившей тогда пошлости, души, дѣйствительно, были, какъ мертвыя, и лишь немногія живыя души были испуганы нарисованной картиной. Но на всемъ громадномъ пространствѣ необъятнаго царства торжествующей и торжественной пошлости господствовало молчаніе.

Въ наше время, когда пошлость тоже возобладала и праздуется если не вездѣ и во всемъ, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ побѣду, одно мѣшаетъ этому торжествующему ходу пошлости. Теперь появленіе новаго Гоголя

который сумѣлъ бы такъ же ярко «очертать пошлость пошлаго человѣка», какъ его великій предшественникъ,—было бы встрѣчено нѣсколько иначе. Съ тѣхъ поръ невольнимо расширился кругъ людей, понимающихъ весь ужасъ пошлости и необходимость бороться съ нею за всѣхъ попрощахъ жизни. Пусть герои и типы Гоголя и теперь, какъ живые, говорятъ съ нами со сцены и со страницъ его великихъ твореній, и каждому изъ нихъ мы можемъ противопоставить живой образецъ изъ современности. Но полстолѣтія все же прошло не даромъ и для насъ. Самое обостреніе пошлости, поднявшей голову теперь съ особо торжественнымъ видомъ, есть фактъ, имѣющій и оборотную сторону. Пошлость чувствуетъ, что въ жизни накопилось много элементовъ, готовыхъ для борьбы съ нею, и дѣлаетъ усиленную попытку отстоять свои твердыни. Отсюда эта небывалая страстность къ борьбѣ и неуступчивость пошлости, предчувствующей наступленіе чего-то новаго и для нея неотразимаго. Вотъ почему, несмотря на цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о торжествѣ пошлости то тутъ, то тамъ, нѣтъ того удручающаго впечатлѣнія, какое на современниковъ произвела книга Гоголя, хотя это была только книга. Гоголь рассказываетъ въ томъ же письмѣ: «Когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ «Мертвыхъ душъ» въ томъ видѣ, какъ они были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе и, наконецъ, сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія!» Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это каррикатура и моя собственная выдумка! Тутъ-то я увидѣлъ, что значить дѣло, взятое изъ души, и вообще душевная правда, и въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма и пугающее отсутствіе свѣта». Теперь едва ли могло бы насъ такъ испугать подобное изображеніе, «пугающее отсутствіе свѣта», и не потому только, что нервы притупились. Усилилась вѣра въ неотразимое наступленіе «побѣды свѣта», которое нельзя ничѣмъ остановить. Возможны временныя затменія, и какъ они ни тяжки по своимъ послѣдствіямъ, они не могутъ доводить до отчаянія, до болѣзненнаго страха предъ тьмою, одолѣвшаго самого Гоголя, который задумалъ, по его словамъ, тогда же дать и иную картину—пошлости противопоставить идеальную Россію во второй части «Мертвыхъ душъ». Попытка эта и погубила его, такъ какъ въ дѣйствительности онъ не видѣлъ никакой идеальной Россіи и долженъ былъ ее выдумать.

И мы невольнимо далеки еще отъ этой идеальной Россіи, современность гораздо родственнѣе первой части «Мертвыхъ душъ», и тѣмъ не менѣе жива въ душѣ гордая увѣренность, что все это—область прошлаго, которое идетъ на смарку. Сквозники-Дмухановскіе, Чичиковы, Ноздревы и Собакевичи, населяющіе наши благодатныя палестины, не могутъ удержать позиціи, сколько ни укрѣпляютъ они ихъ разными новыми какъ-будто и усовершенствованными способами. Сильнѣе ихъ всепобѣждающая жизнь съ новыми требованіями и запросами, для удовлетворенія которыхъ нужны нынѣ силы, и она же сама и

выдвигаетъ ихъ, несмотря на давленіе. Изъ столкновенія новаго и стараго и состоитъ творческое дѣло жизни, въ которой все перемѣшано въ причудливыхъ сплетеніяхъ, странныхъ, иногда ужасныхъ и на первый взглядъ непонятныхъ, но полныхъ смысла и значенія для тѣхъ, кто имѣетъ уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть.

Новое, идущее на смѣну стараго гоголевскаго міра, многообразно и много-различно, но есть и одна доминирующая нота въ немъ, все рѣзче выдѣляющаяся со времени паденія крѣпостного права. Это—голосъ личности, сознавшей свое человѣческое достоинство и стремящейся на всѣхъ путяхъ жизни отвоювать себѣ свободное развитіе.

Очень любопытную иллюстрацію этого роста личности даетъ одинъ изъ вдумчивыхъ, талантливыхъ наблюдателей современной жизни, г. Елпатьевскій въ прекрасномъ разсказѣ «Служащій», напечатанномъ въ первой книгѣ «Русскаго Богатства» за текущій годъ. Будучи художникомъ, стремящимся проникнуть вглубь явленія и дать законченный типъ, г. Елпатьевскій не чуждъ и публицистическимъ задачамъ—взглянуть на данный фактъ съ болѣе широкой точки зрѣнія, объединяя поразившее его явленіе съ рядомъ другихъ аналогичныхъ, подводя ихъ къ общему источнику. Такіе высоко-интересные экскурсы въ широкую жизнь, общественную по преимуществу, этотъ замѣчательный знатокъ русской жизни дѣлаетъ отъ времени до времени, вызывая всякій разъ общее вниманіе. Напомнимъ нашимъ читателямъ его любопытный очеркъ «Спирька», о которомъ мы говорили въ свое время *), гдѣ авторъ пытался дать художественный генезисъ русскаго «буржуа», того «всероссійскаго купечества», которое во время оно заявляло устами «Волгара», что оно «все можетъ». Или другой очеркъ того же автора «Миша», рисующій эволюцію дворянства. Всѣ эти очерки, какъ бы ни относились къ взглядамъ самого автора, тѣмъ и цѣнны, что они даютъ всегда интересныя наблюденія, обобщенныя и освѣщенныя всегда талантливо, живо и ярко.

«Служащій» едва ли не лучше прежнихъ. Это совершенно новая фигура, аналогій для которой мы не припомнимъ въ литературѣ. Когда почтенный авторъ рисовалъ намъ генезисъ «купечества» или дворянскія попытки послѣдняго времени, онъ имѣлъ такихъ могучихъ предшественниковъ въ этой области, какъ Гл. Успенскій и Щедринъ, и у читателя невольно навертывались сравненія, невольно возникало желаніе подвести итогъ пережитому съ тѣхъ поръ, какъ Успенскій и Щедринъ изображали тѣхъ же героевъ.

Въ новомъ очеркѣ г. Елпатьевскаго—совершенно новое явленіе.

«— Услужаящій...—вотъ наше настоящее имя! — Злобный огонекъ блеснулъ въ сѣрыхъ свѣтлыхъ глазахъ моего собесѣдника.

«— Вы думаете,—оно только труда отъ меня хочетъ, головы? Какъ же не такъ!.. Будь ты услужаящій... И чувствуй... «Жалованье плачу, понимать

*) См. «Критич. Забѣтки», 1898 г., мартъ. Очеркъ «Миша», см. «Библи. отд.», «Волжанинъ», 1899 г., июль.

долженъ, чувствовать»... Все дѣлай и не перечь, съ праздниками поздравь, выборы въ думу пойдуть—шаръ за него клади!..»

Такъ начинается свои изліянія «служащій», объясняя автору тѣ взаимоотношенія, какія долготѣннѣ путемъ сложились между «нимъ» — всероссійскимъ купцомъ — и тѣмъ мелкимъ людомъ, который является главной опорой купца въ его всероссійскихъ подвигахъ. — «Служащій» это представитель огромнаго сословія мелкихъ людей, приказчиковъ и полунинтеллигентныхъ труженниковъ, наполняющихъ лавки, конторы, банки, думскія и управскія канцеларіи и пр. Прежде этотъ типъ носилъ особыя черты, которыя Ножичкинъ, герой разсказа, не обинуясь называетъ «халуйствомъ», готовностью душу свою положить за «него», хозяина, который, въ свою очередь, «намывался» надъ «служащими». И Ножичкинъ въ подтвержденіе приводитъ предестинную картинку истинно-россійскихъ нравовъ «темнаго царства».

«— Онъ и нанямаеть... и теперь еще, а раньше и все такъ,—безъ опредѣленнаго жалованія. «По усердію глядя... Награжу»... Понимаете, не жалованье платить, а «награждаетъ». Вотъ я вамъ разскажу случай одинъ, — и не очень давно было. Служилъ у Воронина — тоже главнымъ довѣреннымъ — Митрофанъ Саввичъ и тоже, какъ Герасимъ Ѳедоровичъ, съ мальчишескъ. Миліонные обороты дѣлалъ, все дѣло велъ, а жалованья не получалъ. Нужно ломишко ремонтировать—къ хозяину. «Вотъ, говоритъ, крыша течетъ»—дасть. Дочку просватаеть, приданое срядить надо — награждаетъ. Разъ — при мнѣ было, съ полгода я у нихъ въ конторѣ занимался приходитъ Митрофанъ Саввичъ — «десять рублей, говоритъ, позвольте»... «Зачѣмъ?» Показываетъ сапоги. «Вотъ, говоритъ, обносился, новые надо». Посмотрѣлъ хозяинъ. «Ну, говоритъ, намъ съ тобой не танцы танцовать. По базару-то и въ этихъ ладно,—вотъ тебѣ трешня, подкинь подметки»... И разговоривать не сталъ. Такъ вотъ какой случай выпалъ! Какъ-то захворалъ Митрофанъ Саввичъ, — старикъ уже былъ, — завязалъ въ платочекъ свой носовой клѣтчатый пятьдесятъ тысячъ изъ кассы, да и пошелъ домой... Думалъ, помирать будетъ, а не померъ.

«Ну, и при милліонахъ пятьдесятъ тысячъ все же деньги. Узналъ хозяинъ что въ кассѣ нехватка, а сколько — Богъ вѣсть, можетъ не одна сотня тысячъ. Внигъ-то нужныхъ не велось, больше на память да на записочки. Призываетъ Митрофана Саввича, когда тотъ выздоровѣлъ.

«— Взялъ деньги?

«— Отчислилъ, Прохоръ Лукичъ... За службу, дѣтятъ на прожитокъ... — самъ въ ноги.

«— Сколько?

«— Пятьдесятъ...

«— Вѣрно?

«— Вѣрно...

«Схватилъ его хозяинъ за еѣдую бороду, таскалъ, таскалъ по полу, а потомъ поднимаетъ. «Ну, говоритъ, поцѣлуемся... Я бы тебя, дурака, и

самъ награждать...» и поцѣловались. Объ деньгахъ, конечно, ни слова. И до самой смерти Митрофанъ Саввичъ главнымъ довѣреннымъ служилъ».

Таковы были старые типы «услужающихъ», которые набирались изъ мальчишекъ и всю жизнь полагали на хозяина, не зная высшей чести, какъ служить «ему» не токмо за страхъ, а и за совѣсть.

Не таковъ народившійся за послѣдніе годы новый «служащій», какимъ выступаетъ Ножикинъ. Самъ онъ сынъ почтагона, добившійся всего собственными усиліями, знающій себѣ цѣну и не позволяющій наступить себѣ на мозоль. Онъ далеко отбился отъ старины и требуетъ себѣ правъ на уваженіе и признаніе въ себѣ человѣческой личности. «Хозяинъ» для него не «благодѣтель», а эксплуататоръ, противъ котораго онъ готовъ бороться всѣми дозволенными средствами. Ножикинъ выступаетъ естественнымъ вождемъ цѣлой группы такихъ же «служащихъ», въ которой ясно сознаніе своихъ человѣческихъ правъ, онъ проектируетъ нѣчто въ родѣ союза свободныхъ труженниковъ, въ видѣ артели, и требуетъ участія для служащихъ въ прибыляхъ предпріятія. И аудиторія у него очень благодарная, такъ какъ ясно понимаетъ, что сила за тѣмъ, кто умѣетъ отстаивать свои интересы. А сила у этой аудиторіи есть. Сила, прежде всего, количественная и затѣмъ качественная. Въ городахъ торговопромышленнаго типа они составляютъ главный средній слой. Они наполняютъ мѣстные клубы и разныя, просвѣтительно-экономическія общества, они составляютъ главный контингентъ, на которомъ держится все дѣло торговли и оборота, они его ведутъ, отлично понимая, что безъ нихъ «хозяину—крышка». И по мѣрѣ развитія промышленной жизни, сосредоточившейся въ городахъ, такъ непомерно выросшихъ за послѣдніе годы, сила «услужающихъ» все увеличивается, и увеличивается не только количественно, но растетъ и качественно, что и отмѣчаетъ г. Купатевскій въ своемъ живомъ очеркѣ.

«До пріѣзда въ большой и шумный губернский городъ я, — говоритъ авторъ, — мало зналъ тотъ слой городского населенія, который разумѣется подъ общимъ названіемъ: «служащіе». Со студенческихъ временъ у меня остался въ памяти старый классическій типъ приказчика изъ покойной памяти, Ножевой линіи, — то лакированного по высшей модѣ приказчика «съ капулемъ», съ помадой Музатова, съ удивительными галстуками, носившимися, повидимому, только въ Ножевой линіи, который довольствовался «Письмовниками» и «Пѣсенниками» Никольской улицы, гулялъ въ зеленыхъ перчаткахъ по воскресеньямъ въ Сокольникахъ, и вечеромъ напивался до положенія ризъ въ укромномъ отъ хозяйскаго глаза трактирчикѣ, съ машиной, — и до клубовъ и общества не поднимался и библиотекъ и союзовъ не заводилъ. А рядомъ стоялъ другой приказчикъ «по сѣрму», — «оптовой», «лабазный», въ поддевахъ, въ сапогахъ бураками, съ благообразной бородкой и русскимъ проборомъ въ волосахъ, придерживавшійся «старинки», — въ большинствѣ случаевъ изъ крестьянъ, приходившійся «средственникомъ» хозяину, изъ одной деревни, «съ своей стороны». И тѣ, и другіе науками и искусствами не занимались и проходили одну и ту же школу, — поступали мальчишками въ лавку, бѣгали съ чайниками за

кпяткомъ и за полштофомъ для старшихъ приказчиковъ, а потомъ входили въ года и достигали «капула» и зеленыхъ перчатокъ или маленькаго домика въ маленькой улицѣ...

«За двадцать пять лѣтъ много воды утекло, и особенно измѣнился средній слой городского населенія. Явился служащій. Осложнившаяся торгово-промышленная жизнь,—всѣ эти новыя, народившіяся коммерческія и техническія предприятия, фабрики, заводы, банки, конторы, агентства, парходныя и желѣзнодорожныя общества, усложнившіяся и расширившіяся земское и городское дѣло,—все это вызвало въ жизни новаго человѣка, потребовало огромную массу служащаго люда, который не требовался прежней жизнью; помимо учительскаго и медицинскаго персонала, выросла армія новыхъ служащихъ,—явились бухгалтеры, конторщики, агрономы, статистики, явился многообразный техникъ,—въ особенности тотъ, не получившій спеціального образованія «техническій» человѣкъ, котораго такъ удачно одинъ мой знакомый назвалъ «полумеханикомъ».

«Я, кажется, знаю, откуда пришелъ этотъ всякаго рода служащій. Углая лада русскаго просвѣщенія не всегда довозитъ пассажировъ до намѣченной пристани и часто ссаживаетъ на перепутьи и въ непредусмотрѣнныхъ мѣстахъ, на пустынныхъ берегахъ, на дикихъ островахъ. Въ частности, въ былое время, когда въ газетахъ появлялись сообщенія о томъ процентѣ учащихся, который достигаетъ аттестата зрѣлости, меня всегда интересовалъ вопросъ,—куда дѣвается и какъ используется жизнью тотъ—другой процентъ... Мнѣ показалось, что я нашелъ, наконецъ, этотъ «процентъ», нашелъ этого, не успѣвшаго сдѣлаться «механикомъ» и оставшагося «полумеханикомъ» человѣка—нашелъ его за толстыми конторскими книгами, за стойкой мануфактурнаго магазина, въ капитанской рубкѣ парохода, у котловъ завода, подъ форменной фуражкой начальника станціи. Мнѣ показалось даже, что для меня освѣтились многія явленія русской жизни, оставшіяся темными тамъ, гдѣ я раньше служилъ, что я открылъ, кто потребляетъ эту все растущую массу книгъ, появляющихся на рынокѣ, кто читатель этихъ размножившихся провинціальныхъ газетъ, которыя все-таки существуютъ, для кого въ самые дальніе углы несутся цѣлые вагоны «приложеній» сочиненій русскихъ писателей... Мнѣ думается, я нашелъ этого новаго читателя. Я пересталъ удивляться тѣмъ книгамъ и журналамъ, которые брали молодые приказчики и служащіе въ библіотекѣ нашего общества и торгово-промышленнаго клуба, пересталъ удивляться росту библіотекъ и читаленъ и книжныхъ магазиновъ, огромному наплыву публики на всякія публичныя лекціи, курсы, пересталъ удивляться всему, что было такъ удивительно для меня, хорошо помнившаго, что было какихъ-нибудь двадцать пять — тридцать лѣтъ назадъ...»

Самымъ яркимъ представителемъ новаго типа выведенъ авторомъ Ножикинъ, около котораго группируются другія, не менѣе любопытныя лица изъ этой мало затронутой въ литературѣ среды. Самъ Ножикинъ, энергичный и смѣлый инициаторъ въ борьбѣ за интересы своего сословія противъ «хозяина», дѣловой головой выше остальныхъ, но присущія ему черты до извѣстной сте-

пени родовья. Онъ выдвигаетъ при каждомъ столкновеніи вопросъ о правѣ, о достоинствѣ личности и страстно отстаиваетъ свое право быть наравнѣ со всѣми. Когда въ клубѣ заходитъ, напр., рѣчь объ отчетности, одинъ изъ старшинъ, «владелецъ лѣсныхъ складовъ», обижается щепетильностью ревизионной комиссіи, требующей отчетъ въ истраченныхъ деньгахъ. «Если этакъ будутъ оскорблять, ежели всякій (подчеркнулъ онъ) придетъ и будетъ насъ въ копѣйкахъ учитывать, такъ это и служить нельзя, уйти только и больше ничего»... Это обычная въ нашихъ провинціальныхъ собраніяхъ обидчивость встрѣчаетъ со стороны Ножикина страстный отпоръ, въ которомъ такъ и вырисовывается самое характерное отличье его, «новаго» человѣка, больше всего блюдушаго именно свое право, свое достоинство, какъ человѣка.

«— Какъ вы смѣете оскорбляться? — гремитъ онъ. — Кто вы такой? Выбранный нами старшина, обязанный всякому изъ насъ, — слышите *всякому* — давать отчетъ въ каждой копѣйкѣ, истраченной вами...»

Можно подумать, что это Мирабо, отвѣчающій на вопросъ, кто они, эти «всякіе». Но дѣло не въ размѣрѣ событія, не въ предѣлахъ правъ, а въ самой сущности вопроса о правѣ вообще, правѣ, такъ тяжело добытомъ и отстаиваемомъ Ножикиными отъ посягательствъ. Отсюда и эта страстность человѣка, всѣмъ обязаннаго только себѣ и готоваго на каждомъ шагѣ стоять за это «свое».

«У него была истина, — маленькая, узенькая истина, но строго обдуманная, математически-ясная, провѣренная жизнью, вѣра въ себя, въ свою силу, въ свое человѣческое право, въ свое будущее. Оттуда выходила его злость человѣка, котораго оскорбляли, его гордость, ревнивое обереганіе своей личности и отъ оскорбленій, и отъ непрощенной помощи, незваннаго участія, его непоколебимая увѣренность въ томъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ. Съ точки зрѣнія его истины все было такъ ясно и просто, — нужно только неуклонно защищать свою личность, не посягать на правами, нужно вооружаться знаніями, развивать свои силы, имѣть волю хотѣть, имѣть силу мочь. Силы отдѣльнаго человѣка удесатеряются въ обществѣ, — нужно имѣть, людямъ трудамъ, людямъ безъ диплома и безъ капитала, соединяться въ общества, чтобы съ удесатеренной энергіей защищать свою личность, развивать свои силы, увеличивать свои знанія. Все остальное онъ отмѣталъ, или проходилъ мимо, или ненавидѣлъ какъ все то, что онъ называлъ старымъ русскимъ хамствомъ, или презиралъ, какъ то, что онъ называлъ «мистикой» и «филантропіей». И какъ всякій человѣкъ, самъ добывшій свою истину, Ножикинъ неудержимо распространялъ ее и неуклонно проводилъ въ жизнь и въ своихъ рѣчахъ въ нашихъ обществѣ, и въ клубѣ и въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ».

Ножикинъ не только цѣнитъ себя, какъ всякій добившійся положеніи лично своими усиліями и энергіей, — нѣтъ. Онъ идетъ дальше и, какъ истый представитель «новаго сословія», глядитъ далеко впередъ. Онъ презираетъ современнаго купца и промышленника, которому было все «дако» и который, поэтому, вырождается въ третьемъ уже поколѣніи и ничего не умѣетъ добиться самъ, а все черезъ «казну-матушку». Они всѣ осуждены имъ на смарку, ибо

сила знанія дѣла и традиція труда — только въ такихъ людяхъ, какъ онъ, Ножикинъ, и его товарищахъ, «служащихъ». «Все дѣло торговое въ Россіи мы ведемъ. И традиція только у насъ однихъ и имѣются, — традиція людей, изъ поколѣнія въ поколѣніе вытягивавшихъ изъ себя жилы».

Но какъ представитель своего сословія, онъ и понимаетъ интересы только *своихъ*, и когда въ разговорѣ одинъ изъ служителей, симпатизирующихъ Ножикину, хотя и скептически настроенный, задаетъ вопросъ о рабочихъ, которыхъ нельзя обойти ни въ какомъ дѣлѣ, герой нашъ морщится и отвѣчивается очень характернымъ словечкомъ.

«— Онъ мнѣ не товарищъ... Всякъ самъ по себѣ... Хлопчи, добивайся... Я тебѣ сколько говорилъ, — не богадѣльню мы строимъ и не воспитательный домъ.

«— Намъ не по дорогѣ... Такъ, Николаичъ?.. — сумрачный бухгалтеръ улыбнулся.

«— Ну да, не по дорогѣ... — вдругъ разсердился Ножикинъ. — Я ему дороги не вступаю... Иди, встрѣтись, — милости просимъ. Только я не благотворитель, не филантропъ...»

Эта черта дорисовываетъ оригинальную фигуру Ножикина. Именно такъ и долженъ стоять Ножикинъ въ будущей исторіи, какъ онъ представляетъ себѣ, и это хорошо. Прежде всего надо научиться свои интересы отстаивать, такъ какъ самъ онъ весь въ будущемъ, и все остальное ему должно представляться «филантропіей», которая внушаетъ ему одно презрѣніе. Онъ получилъ пока хорошую закалку и съумѣетъ съ помощью ея завоевать свои «права», но теперь ему нелегко, и если бы онъ сталъ увлекаться «филантропіями», не добился бы ничего. Его сила только въ цѣльности его желаній и стремленій, а теперь, пока у него есть воля, чтобы хотѣть, ему еще надо поработать и пережить не одно разочарованіе, пока онъ достигнетъ и «силы мочь». Но чувство справедливости въ немъ живо, — не даромъ онъ всею силою души отстаиваетъ право, — и это чувство внушаетъ ему уваженіе и къ стремленіямъ другихъ. «Хлопчи, старайся... Встрѣтись, милости просимъ». Въ этихъ словахъ залогъ взаимнаго пониманія двухъ нарождающихся новыхъ общественныхъ силъ, объединяемыхъ общимъ содержаніемъ жизни, общей традиціей — «людей, изъ поколѣнія въ поколѣніе вытягивавшихъ изъ себя жилы».

Рядомъ съ Ножикинымъ стоитъ его жена, типъ, прелестно очерченный авторомъ и тоже оригинальный въ своемъ родѣ. Она не только понимаетъ стремленія мужа, но всѣми силами поддерживаетъ его въ борьбѣ, которой ни мало не боится. Она прошла тоже жестокою школу жизни и вынесла увѣренность въ свои силы. Когда старый почтальонъ, отецъ Ножикина, совѣтуетъ сыну по-старинкѣ «поклониться» сильнымъ міра сего, смиреніемъ взять то, чего сынъ добивается упорствомъ, она со смѣхомъ рассказываетъ объ этомъ мужу, не смущаясь ни закладомъ вещей, ни гнѣвомъ сильныхъ. Это настоящая подруга жизни, работница, привыкшая стоять рядомъ у станка, смѣло устремляя взоръ въ будущее, которое она завоеуетъ для своихъ дѣтей, не пользуясь ни правительственными субсидіями, ни филантропіей. Сдержанная и строгая, она и дѣтей выдержитъ и воспитаетъ въ томъ же сосредоточенномъ, sleekой-

номъ стремленіи къ дѣятельной, бодрой и здоровой жизни, къ борьбѣ за свое достоинство, которое она цѣнитъ выше всего. Среди привычной для насъ русской распущенности и разгильдяйства въ семейной и общественной жизни, эта пара представляетъ ячейку новой семьи, «ревниво берегущей свою неприкосновенность отъ постороннихъ людей», т.-е. самое главное, на чемъ держится культурное общество. Долгъ, дисциплина и выдержка — все новым для насъ начала, плохо вяжущіяся съ русской небрежностью, невниманіемъ къ себѣ и чужимъ интересамъ, и все это на яко бы общей гуманной подкладкѣ, въ которой по существу ничего нѣтъ, кромѣ лѣни, безхарактерности и позорной неустойчивости.

Таковы представители народившагося за послѣдніе годы новаго сословія, которое требуетъ устами Ножичкина и своей доли въ жизни, и какъ требуетъ! Не слезницами со ссылками на бывшее великолѣпіе и современное оскуднѣніе, а указаніемъ на свое право жить, потому что оно имѣетъ волю хотѣть и скоро завоюетъ себѣ волю мочь. Оно только не сѣорганизовано еще, но всѣми силами стремится къ организаціи, понимая, какая мощь заключается въ единеніи. Поэтому, оно прогрессивно теперь, стоитъ за расширеніе всякихъ правъ, за просвѣщеніе, за всѣ виды общихъ и частныхъ свободъ, ибо при каждомъ шагѣ въ этомъ направленіи съ Ножичкина слетаютъ тѣ или нныя путы, которыя на него надѣты съ рожденія. Что намъ досталось даромъ, ему приходится добиваться величайшими усиліями. Зато, если онъ ужъ добьется чего, — онъ не выпуститъ и безъ бою не отдастъ. Предстоитъ ему тягостная дорога, на которой много разъ придется ему быть побитымъ и поверженнымъ, но каждое пораженіе послужитъ новымъ урокомъ и новымъ стимуломъ къ дальнѣйшей борьбѣ, въ конечномъ итогѣ которой его все же ждетъ побѣда. И это потому такъ, что Ножичкины ни на кого, кромѣ себя, не рассчитываютъ. Эту мысль онъ очень оригинально разъясняетъ на примѣрахъ другихъ, созданныхъ и живущихъ «казной-матушкой».

«— Я еще маленькимъ помню, все, бывало, слышишь: «на казну поставляютъ». Одинъ около тюрьмы пропитывается, другой обмундировываетъ, третій дрова въ казну сдаетъ, четвертый казенные подряды беретъ... И дальше, и выше все то же. Теперь, вотъ, промышленность пошла... Грандіозно!.. Перспективы!.. Технической прогрессъ!..—передразнивалъ онъ. — Миѣ-то оченъ не вотрутъ!.. Все та же казна. Она и родила, она и соской кормитъ. Вонъ у насъ дворянское землевладѣніе сколько вѣковъ существовало,—кажется можно бы на ноги стать, а... вынули соску—какъ вѣтромъ все и вымело... И промышленность тоже... Отвори за границу, только пыль пойдетъ отъ нашей промышленности. Знаете,—оживленно заговорилъ онъ,—въ чемъ, я думаю, главное наше зло? Все намъ дано, а не взято нами... Дано, дадено... Землей дадено, рудниками, крѣпостными, дадено пошлинами, субсидіями, казенными заказами, а не взято инициативой, энергіей, образованіемъ, дѣйствительнымъ техническимъ прогрессомъ... Вотъ и вышло, что у насъ только одна традиція и имѣется,— казна! Исторія, что ли у насъ ужъ такая, что все мы дѣлали экономъ, миромъ, а не отдѣльными личностями,—и государство устраивали...»

Но, какъ вѣрно заключаетъ Ножичкинъ, это уже—исторія. Теперь насгу-

пасть время инициативы, энергіи, образованной личности, которая, не прибѣгая къ казни, а напротивъ, всячески отъ нея отбиваясь, желаетъ лишь одного, чтобы ей не мѣшали, не опекали ее на каждомъ шагѣ. Эту идею вносятъ Ножикины всюду, куда жизнь приводитъ его, несмотря на всё противодѣйствіе. Онъ и въ земствѣ, и въ думѣ, и въ мѣстной печати борется за эту идею, за принципъ самостоятельности противъ бюрократизма, опутавшаго все и всѣхъ такъ, что, въ концѣ концовъ, никто ничего не дѣлаетъ и дѣлать не въ состояніи. Чѣмъ острѣе приходится Ножикину чувствовать свое безсиліе въ бюрократическихъ тискахъ, тѣмъ усилениѣ онъ станетъ выбиваться изъ нихъ, такъ какъ ему нѣтъ иного спасенія, какъ въ свободѣ инициативы, въ свободѣ личности—и поменьше опеки.

Предстоятъ ему жестокія испытанія, но бояться ихъ ему не приходится. Разъ выбившись на поверхность, ему нѣтъ ни малѣйшаго расчета идти назадъ, въ тѣ темныя трущобы, которыя ему хорошо извѣстны. Впереди брезжитъ заманчиво свѣтъ, а глаза у него зоркіе и изъ виду онъ его не упуститъ, какъ бы ни усиливались туманы на пути.

Есть около него и свои мечтатели, безъ которыхъ ни одно дѣло не дѣлается и которые расширяютъ «узенькую» истину Ножикина, въ родѣ Алеши, влюбленнаго въ своего героя. Этотъ Алеша, только намѣченный въ рассказѣ г. Елпатьевскаго, утопистъ чистой крови, жаждущій обновленія жизни путемъ обширныхъ ассоціацій, мечтающій о томъ, «какъ хорошо было бы, если всѣ маленькія людскія дороги вели на одинъ торный широкій путь подъ свѣтлымъ, высокимъ небомъ». И эти навныя мечты расширяютъ горизонтъ въ дѣятельности новыхъ людей, даютъ полетъ ихъ мысли и согревають ихъ сердца надеждой на возможность лучшей, болѣе человѣческой жизни.

Какъ далеко все это отъ стараго гоголевскаго міра, съ его Чичиковыми, Сквозничами-Дмухановскими, Собакевичами и Ноздревыми! Пусть этотъ міръ еще проченъ, еще живъ, какъ живуча пошлость вообще. Но дни его сочтены, потому что онъ изжилъ себя до глубины, прогнилъ до сердцевины и одряхлѣлъ, какъ старое вѣковое древо, только держащееся до перваго сильнаго порыва вѣтра, который вывернетъ его съ корнемъ и обнаружитъ всѣмъ его изъѣденную червями, истлѣвшую внутренность.

А Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Н а р о д и н ѣ.

Убийство стариковъ въ Россіи. 67-й полутомъ «Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона» неожиданно вызвалъ весьма оживленную газетную полемику. Въ словарѣ помѣщена статья «Убийство дѣтей и стариковъ», въ которой, между прочимъ, находятя слѣдующія строки: «Удивительнѣе всего, что еще въ недавнее время этотъ обычай (убийство стариковъ) практиковался въ Малороссіи. «Людей старыхъ,—говоритъ г-жа Литвинова,—не издававшихъ надежду на жизнь, вывозили въ зимнюю пору въ глухое мѣсто и опускали въ глубокой оврагъ, а чтобы при опусканіи они не разбились или не задерживались на сватѣ, ихъ сажали на лубъ, на которомъ они, какъ на саняхъ, доходили до дна оврага. Отсюда: «сажать на лубокъ», «нора на лубокъ». Когда этотъ обычай былъ запрещенъ, то стали прибѣгать къ изолированію стариковъ въ пустой хатѣ, гдѣ они съ голоду и холоду помирали». Такой случай имѣла возможность наблюдать сама г-жа Литвинова въ 80 хъ годахъ въ д. Землянѣ, Полтавской губ».

Достоверность этого утвержденія была заподозрѣна «Полтавскими Губернскими Вѣдомостями», а затѣмъ и «Придѣпровскимъ Браемъ», сотрудникъ котораго г. Славинскій увидѣлъ во всемъ этомъ «какое-то недоразумѣніе», такъ какъ убійство стариковъ «не вяжется съ характеромъ малорусскаго народа, у котораго въ исторіи скорѣе можно замѣтить слегка преувеличенный культъ старости». Убѣдннй землемѣръ г. Пржиборовскій призналъ эти сомнѣнія неосновательными. «Стоя близко къ народу и хорошо зная малороссійскій бытъ не источникамъ и изъ личныхъ наблюденій,—пишетъ онъ въ томъ же «Придѣпровскомъ Браѣ», нахожу возможнымъ разъяснить сомнѣнія по вопросу «убійства стариковъ». Обычай этотъ существуетъ не только въ Малороссіи, но и въ другихъ мѣстахъ (напр., въ Новгородской губерніи и дѣсныхъ уѣздахъ Минской губ); въ Малороссіи оно выражается двояко: 1) инициатива «убійства» принадлежитъ самому старику (это скорѣе самоубійство), и 2) инициатива убійства принадлежитъ дѣтямъ дѣльвента.

Въ первомъ случаѣ старикъ совершаетъ все предсмертныя, ритуаломъ предписанныя дѣйствія (принимаетъ елеопомазаніе, причащается), прощается съ

родными и знакомыми, распорядится имуществомъ и приказываетъ дѣтямъ вывезти его въ степь на морозъ и тамъ оставить; на утро старика хоронятъ.

Во второмъ случаѣ дѣти привязываютъ старика къ салазкамъ и вывозятъ его, помимо его воли въ степь, на морозъ; для подобнаго дѣянiя имѣется даже особый терминъ «посадовити на санки».

Какъ въ первомъ такъ и во второмъ случаѣ дѣти остаются безнаказанны: «громада», очевидно, считаетъ, что старикъ-имѣеть право распоряжаться своею жизнью, и что дѣти имѣютъ право избавить хату отъ лишняго рта.

Недавно, работая въ славяносербскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ села Первоавановки, я имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что обычай существуетъ еще и теперь; дѣло было такъ. При мнѣ, въ качествѣ, понятого (присяжнаго), былъ глубокой старикъ Орестъ Чередниченко; это—типичный хохоль-старожилъ, помнящій и «венгерца» и «того Гладкого, що запорожців у царську неволю повернув» и чумачество, имѣющій даже (по рассказамъ, конечно) свѣдѣнiя о борьбѣ новопоселенцевъ—сербовъ и волоховъ съ кореннымъ населенiемъ Кальмиуской паланки,—словомъ, это интереснѣйшiй типъ разумнаго «дiда». И вотъ этотъ Чередниченко, споря со своими внуками изъ-завидѣла на особые дворы, употребилъ выраженiе: «отъ ви, дурнi, перше мене на саночки посадовити, а потiмъ вже дiлiть худобу». Бесѣдуя съ нимъ на тему о раздѣлахъ хозяйства, я попутно выяснилъ значенiе термина «на саночки». По словамъ Чередниченка, обычай «на саночки» въ старые времена имѣлъ обширное примѣненiе, и что даже теперь случается старикамъ умирать въ степи по иниціативѣ дѣтей (онъ называлъ и имена, но къ сожалѣнiю, я тогда не записалъ разговора и именъ не помню); послѣднiй извѣстнiй ему случай былъ «якъ царъ Александра Николаевича на турка ходив», т.-е. въ 1877—78 годахъ.

Несомнѣнно, что обычай существуетъ. Прежде онъ имѣлъ нѣкоторое основанiе съ религіозной точки зрѣнiя: старикъ лишалъ себя жизни, не нарушая цѣлости тѣла своего «образа Божiя»; теперь причина другая—экономическая. Темперта mutantur—но пережитки времени остаются; такъ остался, хотя и искаженный, обычай «убiйства стариковъ».

Г. Славинскiй, однако, даетъ иное объясненiе выраженiю «на саночки посадовити». Это—пишетъ онъ—своеобразный оборотъ малорусской рѣчи и значитъ просто «похоронить», безъ всякаго намека на убiйство стариковъ. Это выраженiе есть отголосокъ древне-русскаго оборота рѣчи. Какъ извѣстно, Владимiръ Мономахъ въ своемъ «Поученiи» пишетъ: «Азъ, худый, сѣдя на савѣхъ», т.-е. перевода на современный языкъ: «На смертномъ одрѣ, я...» и т. д. Кроме того, существуетъ рукописная миниатюра, изображающая перевасненiе мощей св. Глѣба, на которой изображены сани, а на нихъ гробъ и надгробнiе: «Везутъ святаго Глѣба въ рацѣ камень». Существуютъ и другiя свидѣтельства о странномъ обычай древней Руси провожать мертвыхъ въ могилу на саняхъ и зимою и лѣтомъ.

Обычай этотъ исчезъ, но оборотъ рѣчи сохранился въ малорусскомъ языкѣ, какъ вообще въ этомъ языкѣ сохранились многiя архаическiя формы и выраженiя. Странному обороту рѣчи, непонятному выраженiю, народъ всегда по-

дыскиваетъ объясненіе,—вотъ,—какимъ путемъ, не берусь рѣшить,—слова «посадовить на саночки» оказались связанными съ существовавшимъ въ народѣ сказочнымъ къ настоящему времени преданіемъ объ убійствѣ стариковъ.

Съ своей стороны «Саратовскій Дневникъ» добавляетъ, что обычай этотъ еще не вездѣ исчезъ. «Въ прошломъ году такіе похороны на саниахъ дѣломъ пришлось наблюдать хорошо извѣстному намъ лицу въ Бессарабіи. Въ Подольской губерніи, по рассказамъ очевидцевъ,—этотъ обычай имѣлъ значительное распространеніе еще въ 60-хъ годахъ. И, быть можетъ, не вывелся въ глухихъ мѣстахъ и по сей день.

«И у молдаванъ, и у малороссовъ проводы умершихъ стариковъ въ могилу дѣломъ на саниахъ выражаютъ дань крайняго уваженія. Не хотятъ трасти-останки покойнаго, тревожатъ его. Въ сани запрягаютъ не менѣе двухъ паръ воловъ, а иногда пять-шесть паръ, смотря по достатку. Такимъ образомъ выраженіе «посадовить на саночки» означаетъ не просто похоронить, а похоронить съ почетомъ».

Нищенскій промыселъ въ Костромской губерніи Въ глуши Макарьевскаго уѣзда земскіе статистики отмѣтили волость, гдѣ всѣ крестьяне поголовно занимаются нищенствомъ. Изъ явленія случайнаго, какъ казалось самимъ крестьянамъ, временное нищенство постепенно превратилось въ правильно организованный промыселъ, перестраиваемый теперь на принципахъ капиталистической промышленности.

Четыре—пять разъ въ годъ всѣ,—и старые, и молодые, и бабы съ грудными ребятами,—снимаются съ мѣста и на лошадахъ, а у кого нѣтъ—пѣшкомъ разбредаются, какъ сообщаютъ «Русскія Вѣдомости», по разнымъ концамъ Россіи за сборомъ подаянія. Больше всего идутъ въ богатый хлѣбомъ «Яранскъ»—въ Вятскую губернію. Осень, послѣ сбора хлѣбовъ, Великій постъ,— время покаянія и заботъ о душѣ,—нижегородская ярмарка, стягивающая со всей Россіи любящее подавать милостыню купечество,—вотъ наиболѣе благоприятные моменты для отхода на нищенскій промыселъ. Раннею весной подъ предлогомъ набивки погребовъ нищія направляются вверхъ по Волгѣ, въ фабричные центры. Каждый уходъ обыкновенно продолжается недолго, двѣ—три недѣли. Кто на лошадахъ, набираютъ хлѣба цѣлый возъ и потомъ тамъ же на мѣстѣ продаютъ его на кормъ скоту, а кто пѣшкомъ, тотъ реализируетъ подаяніе по нѣскольку разъ въ день. Такимъ образомъ эти оригинальные промышленники возвращаются домой съ чистыми деньгами, иногда большими: уплачиваютъ подати, расплачиваются съ долгами и часть пропиваютъ. Иногда, послѣ особенно прибыльныхъ отлучекъ устраиваются въ деревняхъ цѣлыя пиршества, какъ въ храмовые праздники. Годовой заработокъ нищаго простирается до 200—300 руб. въ годъ. При объясненіи причинъ этого страннаго явленія статистики указываютъ на многоземелье, какъ на главную причину столь страннаго промысла. Дѣло въ томъ, что эта волость, состоящая изъ государственныхъ крестьянъ, имѣетъ вдвое болѣе земли, чѣмъ всѣ окрест-

ныя деревни. Но еще задолго до воли, а послѣ воли въ особенности, крестьяне очутились въ затруднительномъ положеніи. Всѣ окружныя деревни, изстари чувствовавшія недостатокъ въ хлѣбѣ, съ незапамятныхъ временъ приучились къ тѣмъ или инымъ промысламъ, правда, промысламъ чернымъ и тяжелымъ, но все-таки къ стороннимъ занятіямъ, которыя пополняли дефицитъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Скоробогатовцы же всегда были обеспечены землей настолько, что не чувствовали потребности въ стороннихъ занятіяхъ. Но съ теченіемъ времени земля выпахалась, народились другія потребности, однимъ словомъ, одно земледѣіе не могло уже удовлетворить богатую землей волость, всѣ же промыслы около оказались занятыми. И вотъ въ видѣ временной мѣры крестьяне за непривычкой къ какому-либо промыслу стали уходить зимой за подаяніемъ въ Вятскую губернію. Сначала нищенство носило характеръ скорѣе займа, чѣмъ милостыни. Такъ смотрять на нищенство многіе крестьяне и теперь. Но съ теченіемъ времени и временный характеръ промысла, и нравственное его обоснованіе стали мѣняться, и теперь нищенство обратилось въ настоящій промыселъ, наложившій особую печать даже на земледѣіе этихъ промышленниковъ. Это—почти полное отсутствіе яровыхъ посѣвовъ. Дѣло въ томъ, что время ярового посѣва есть также и наиболѣе удобное время для сбора подаяній. Понятно, что земля бросается ради болѣе выгодной и легкой добычи. Съ каждымъ годомъ нищенскій промыселъ развивается все болѣе и болѣе. Раньше ходили только старики, но теперь ходятъ всѣ, такъ какъ земельное хозяйство забрасывается все болѣе и болѣе (по Скоробогатовской волости процентъ безлошадныхъ дворовъ выше, чѣмъ во всемъ уѣздѣ); раньше ходили только зимой и случайно, теперь ходятъ во всякое время года и безъ всякой надежды когда-нибудь перестать нищенствовать. Уже для доброй половины крестьянъ нищенство составляетъ главное занятіе, а земледѣіе—только подсобное. Съ теченіемъ времени измѣнилась и самая организація этого промысла: появляется капитализація—«предприниматели» и «рабочіе». Наиболѣе необезпеченные хозяева, чтобы избѣжать риска, нанимаются къ состоятельнымъ крестьянамъ, получаютъ отъ нихъ понедѣльное жалованье, сравнительно высокое (взрослый—3—5 руб., а мальчишъ—1 руб.—1 руб. 20 коп.), а всю выручку отдаютъ своему хозяину. Съ другой стороны, появляется раздѣленіе труда: зарегистрирована масса лицъ, занимающихся только фабрикаціей «нужныхъ» для нищихъ документовъ, — о пожарахъ, градобитіяхъ, постройкѣ храмовъ и проч. Очень часто возвращающіеся съ промысла нищие не досчитываются въ своихъ ящикахъ нѣкоторыхъ односельчанъ. Это — задержанные полиціей за подложныя свидѣтельства или за кражи, совершенныя попутно со сборомъ милостыни, и т. п.

Замѣтимъ, что своеобразный промыселъ скоробогатовскихъ крестьянъ не представляетъ ничего исключительнаго въ лѣтописи русской жизни нашего времени, и печать не разъ уже отмѣчала случаи, когда дѣлныя населенныя мѣста обращались къ нищенству, какъ къ послѣднему средству въ тяжелой борьбѣ за существованіе. Если скоробогатовцы занялись нищенствомъ «отъ многоземелья», то въ Воронежскомъ уѣздѣ недавна еще была «открыта» де-

ревня, занявшись этимъ промысломъ «отъ малоземелья», а въ Зѣньковскомъ уѣздѣ нищенскій промыселъ явился на смѣну кустарному, который окончательно пересталъ вознаграждать въ полномъ смыслѣ слова «неуспѣшные» труды крестьянъ. Причины разныя, но всё онѣ бьютъ въ одну точку, указывая на одни и тѣ же ненормальныя условія, въ какихъ протекаетъ жизнь нашего крестьянства, совершенно лишеннаго приспособляемости къ измѣняющимся требованіямъ времени.

Котлочисты. Въ Баку котлочистами называютъ рабочихъ, занимающихся чисткой котловъ на судахъ. Участіе дѣтей въ этомъ цехѣ — явленіе обыкновенное, и съ этой-то категоріей рабочихъ знакомишь насъ въ «Новомъ Обзорѣнн» г-жа Ведребисели, членъ бакинскаго общества попеченія о дѣтяхъ.

Исторія дѣтей, попадающихъ въ этотъ цехъ работниковъ, — самая обыкновенная исторія маленькихъ людей, на которыхъ губительно отразилась ненормальная, несчастная жизнь родителей, исторія маленькихъ обездоленныхъ, которыхъ волна жизни взрослыхъ выплеснула на темный берегъ одиночества и голоднаго скитанія.

Освобожденные отъ необходимой опеки родителей или опеки общества, безъ знаній какого-нибудь ремесла, неграмотныя, они, въ поискахъ за хлѣбомъ, отправляются на пристани и тамъ нанимаются въ котлочисты. Съ 6 час. утра маленькіе котлочисты сидятъ въ темныхъ котлахъ до 12 час., работая при трепетномъ свѣтѣ отарва, прикрѣпленнаго къ трубамъ; послѣ часового перерыва работа возобновляется, продолжаясь до 6 — 7, а нерѣдко и до 9 час. вечера, причѣмъ случаются и ночныя работы. Котлочистъ въ возрастѣ 8—13 лѣтъ, работая въ сутки 12—13 час., получаетъ поденно отъ 30 до 40 коп.; съ 13 лѣтъ плата повышается, достигая 70 коп. въ день.

Котлочистовъ нанимаетъ обыкновенно подрядчикъ, деньги же выдаетъ имъ приказчикъ, его довѣренное лицо. Отношенія работодателя къ работникамъ и въ этомъ случаѣ самыя обыкновенныя, типичныя для хозяевъ-хищниковъ, но одна особенность социальнаго строя маленькихъ работниковъ дѣлаетъ ихъ положеніе болѣе тягостнымъ, чѣмъ положеніе вообще рабочихъ въ Баку. Дѣло въ томъ, что въ числѣ котлочистовъ много бѣглыхъ дѣтей, безъ паспорта, безъ чего, какъ извѣстно, личность въ Россіи ничто. Въ этомъ заключается центръ тяжести драматическаго положенія ребенка-котлочиста: при расчетѣ его сплошь и рядомъ обсчитываютъ подрядчики, и онъ, «въ виду своего незаконнаго проживания», говоря слогомъ участка, не рѣшается жаловаться на обидчиковъ.

Трудъ котлочистовъ вообще тяжелъ, для дѣтей въ особенности, и если представляется какая-нибудь возможность, они съ удовольствіемъ бросаютъ его; отсюда понятно, какъ неохотно они работаютъ. Замѣтя это, наблюдатель работу сперва старается подѣйствовать на нихъ окриками, а потомъ побоями. Есть, впрочемъ, и другія средства заставить ихъ работать.

Зачастую малыши отказываются влѣзть въ люки котла, куда ихъ посылаютъ. Тогда подрядчикъ сперва уговариваетъ маленькихъ работниковъ, но потомъ, видя, что это ни къ чему не приводитъ, сплавляетъ ихъ водою, и

одурманенный мальчикъ съ возбужденными красными глазами лѣзетъ въ тотъ самый люкъ, который нѣсколько минутъ тому назадъ возбуждалъ въ немъ ненависть, страхъ, и проникаетъ въ котель; мальчику тамъ душно, темно, но ему не убѣжать изъ котла; подъ вліяніемъ водки, напѣвая уличныя пѣсни, полныя цинизма, онъ съчаками отбиваетъ отъ стѣнъ накипь соли; осколки попадають ему въ глаза, онъ морщится, ему больно, тяжело и отъ водки, и отъ душнаго воздуха, а все-таки онъ работаетъ, потому что ему надо ѣсть.

Рано утромъ и послѣ 12 часовъ дня котлоочистовъ можно видѣть въ чайныхъ и столовыхъ, которыя помѣщаются возлѣ пристани. Порціи опускаются имъ по книжкѣ, и запись производится такимъ образомъ, что почти весь заработокъ дѣти оставляють тамъ. При этомъ, и пища и обстановка столовыхъ таковы, что только человѣкъ безъ крова, человѣкъ, живущій впроголодь, можетъ сколько-нибудь довольствоваться ими.

Легко представить себѣ моральное состояніе дѣтей-котлоочистовъ, которыя цѣлые дни проводятъ то въ котлахъ, то въ «столовой». Пьянство, озлобленіе противъ подрядчика, общеніе съ развращенными татарами, побои, непосильный трудъ, 13-часовое пребываніе въ котлахъ—отъ всего этого въ сердцѣ маленькаго котлоочиста шевелится злоба и ненависть ко всѣмъ безъ исключенія. Отсюда его страстное желаніе отомстить кому-нибудь за свою тяжелую долю, желаніе оскорбить кого-нибудь, побить, разбить чужое окно, на шумѣть, устроить скандалъ. Неудивительно, что эти несчастные мальчики, дурные инстинкты которыхъ ничѣмъ не сдерживаются, являются самымъ опаснымъ элементомъ населенія, тревожащимъ мирныхъ обитателей Чемберкента. Дѣти-котлоочисты тамъ наводятъ ужасъ. Поэтому, большинство домохозяевъ избѣгаетъ ихъ и прямо гонить жильцовъ, какъ только узнаетъ, что они котлоочисты.

Буйствуя на улицахъ, котлоочисты вносятъ свою разнуздаанность и въ тѣ дворы, гдѣ они поселяются: безъ всякаго повода со стороны обижаемыхъ дерутся они, пьянствуютъ или обкрадываютъ сосѣдей. Не меньшей жестокостью отличаются и взаимныя отношенія котлоочистовъ. Работа котлоочиста—трудъ случайный. Въ среднемъ ему приходится работать дней 15. Любопытно знать, на какія средства онъ существуетъ остальные 15 дней?

И вотъ—заключаетъ г-жа Ведрисели—«всякій разъ, когда я встрѣчалъ пьянаго мальчика-котлоочиста съ красными блестящими глазами, и развязной рѣчью, покачивавшагося изъ стороны въ сторону, отчаяніе и стыдъ наполняли мое сердце, стыдъ за себя, за общество, за его равнодушіе къ этимъ маленькимъ обездоленнымъ...»

Какъ собираются пожертвованія. Недавно «Хозяинъ» обратилъ вниманіе на опубликованный Императорскимъ техническимъ обществомъ отчетъ по открытому Обществомъ сбору пожертвованій на памятникъ барону Павлу Львовичу Шиллингу фонъ-Канштатту. Вѣроятно, не многіе изъ читателей «Мира Божьяго» помнятъ, кто такой Шиллингъ и каковы его общественныя заслуги. Поэтому, считаемъ необходимымъ напомнить, что Шиллингъ былъ первымъ изобрѣтателемъ электро-магнитнаго телеграфа. Такъ вотъ, въ опубликованномъ техниче-

•

скимъ Обществомъ довольно длинномъ спискѣ жертвователей на памятникъ Шиллингу обращаетъ вниманіе тотъ въ высшей степени странный фактъ, что, при совершенномъ отсутствіи пожертвованій со стороны частныхъ лицъ, ученыхъ учреждений и учебныхъ заведеній, жертвователями являются исключительно чины городской и уѣздной полиціи, да нѣсколько начальниковъ губерній. Какъ будто съ принадлежностью къ составу полиціи связана исключительная способность оцѣнивать труды ученыхъ дѣателей! Впрочемъ, если памятникъ изобрѣтателю электро-магнитнаго телеграфа будетъ сооруженъ посильными трудами однихъ только полицейскихъ чиновъ, то этотъ случай надо будетъ признать исключительнымъ, такъ какъ, вообще говоря, полиціа умѣетъ возбуждать и общественное настроеніе въ пользу различныхъ дѣателей и учрежденій, для которыхъ или во имя которыхъ разсылаются въ разные концы Россіи многочисленныя листы для сбора пожертвованій.

Весьма интересныя въ этомъ смыслѣ указанія даетъ въ «Нижегородскомъ Листкѣ» г. М. Ольминскій. Хотя собранныя имъ данныя относятся только къ Якутской области, но общее ихъ значеніе, ихъ, такъ сказать, типичность могутъ быть установлены безъ особеннаго труда всякимъ, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ условіями обывательской жизни въ любомъ уголкѣ нашего обширнаго отечества.

«Послѣ польскаго возстанія 1863—1864 гг.,—разсказываетъ г. Ольминскій,—въ С.-Петербургѣ основалось книгоиздательское товарищество «Общественная Польза» съ ген.-м. Гелеоновымъ во главѣ; оно имѣло цѣлью издавать дешевыя книги для удовлетворенія потребности, возникшей среди русскаго народа, преимущественно въ западномъ краѣ. Восточныя окраины, не менѣе пуждающіяся въ дешевой книгѣ, если не были упомянуты въ уставѣ, то и не исключались положительно изъ круга просвѣдательной дѣятельности товарищества. Дѣятельность товарищества дала себя почувствовать населенію Якутской области лишь однимъ фактомъ,—тѣмъ, что здѣшняя полиціа получила предписаніе собирать пожертвованія въ пользу товарищества. О присылкѣ книгъ никто и не думалъ.

Этотъ фактъ типиченъ для всего пореформеннаго періода. Ставится ли памятникъ Пушкину или Минину и Пожарскому, учреждается ли гдѣ-то бібліотека имени Карамзина, покупается ли домъ Жуковскаго въ Бѣлевѣ, предполагается ли стипендія имени Ломоносова, устраивается ли русскій госпиталь въ Константинополь,—каждый разъ летитъ соответственное предписаніе, собираются на общественныя сходки крестьяне и инородцы, никогда не слышавшіе именъ ни Пушкина, ни Жуковскаго, ни Ломоносова, ни Карамзина; никто и не пытается выяснитъ значеніе этихъ историческихъ именъ, не раздается и даже не продается ни одна строчка сочиненій этихъ авторовъ, а требуется [лишь одно: деньги!

Здѣсь крестьяне забывали русское имя, а съ нихъ выбивали пожертвованія на русско-православныя школы въ западномъ краѣ; здѣсь инородцы пытались кониной и толченой древесной корой, а съ нихъ уже собирались деньги на памятникъ Либиху въ Мюнхенѣ; здѣсь девять изъ десяти никогда не слышали слова Москва, а ихъ приглашали жертвовать на постройку православ-

наго хрѣма въ Ницѣ; якутамъ, бродившимъ по безпросвѣтной тайгѣ, предлагали жертвовать на бульваръ въ Севастополь и т. д.

Каковъ былъ практическій результатъ этихъ обращеній? Случалось, что якуты и крестьяне рѣшительно отказывались давать деньги; напримѣръ, на церковь въ Ницѣ, отговариваясь неимѣніемъ средствъ. Отговорка не всегда достигала цѣли. Въ 1861 г. отказъ крестьянъ давать деньги на памятникъ Пушкину въ Царскомъ Селѣ вызвалъ со стороны олекинскаго полицейскаго управленія вторичное предписаніе волостному правленію (мірской избѣ) «убѣдить крестьянъ содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ». Памятнику Пушкина почему-то не посчастливилось,— на второе предписаніе получился отвѣтъ: «за всѣми моими убѣжденіями никто изъ крестьянъ желанія жертвовать не объявилъ».

Вѣроятно, энергія полицейскихъ убѣжденій не всегда была одинакова: иногда волей-неволей приходилось платить. Привожу нѣсколько точныхъ данныхъ относительно одного только Олекминскаго округа.

1861 годъ. Собрано: на церкви въ Моздокѣ 15 р., въ пользу погорѣльцевъ Бутанса 11 р. 70 к.; не далъ результатовъ сборъ на иркутскую публичную бібліотеку.

1864 годъ. Вновь на церковь въ Моздокѣ взыскано 1 р. 20 к. Не дали результатовъ сборы: на устройство православныхъ храмовъ и народныхъ училищъ въ западномъ краѣ и въ пользу товарищества «Общественная Польза».

1865 г. На памятникъ Минину и Пожарскому въ Н.-Новгородѣ съ якутовъ взыскано 50 р., по десяти рублей съ насѣга (сельскаго общества) и съ горожанъ 2 руб. 10 коп., среди же русскихъ крестьянъ «жертвователей не оказалось»; зато на соборъ въ Тифлисѣ съ крестьянъ взяли шесть рублей. Горожане дали на стипендію имени Ломоносова 1 р. 16¹/₄ к. и въ пользу башкиръ Оренбургской губ. 3 р. 33¹/₂ коп. На часовню у Лѣтнаго сада якуты заплатили десять рублей. Не дали результатовъ сборы: на храмы въ Туркестанѣ и на каразинскую бібліотеку.

1867 г. Безуспѣшно повторяется сборъ на каразинскую бібліотеку.

1868 г. На каразинскую бібліотеку взыскали, наконецъ, съ крестьянъ 2 р. 57 к. Кроме того, собрано: на часовню въ Царскомъ Селѣ 37 р., въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаа 53 р. 75 к. и на училища въ западномъ краѣ 18 р. Далѣе, «всѣ дѣятели заслугъ и поэтическаго дарованія Жуковскаго» приглашались къ пожертвованію на покупку дома въ г. Бѣлевѣ, Тульской губерніи, гдѣ жилъ Жуковский. Иностранческій голова отвѣчалъ, что среди якутовъ дѣятелей Жуковскаго не оказалось. Въ томъ же году крестьяне обѣщали дать 50 р. на учительскую семинарію въ Иркутскѣ и вслѣдъ затѣмъ получили предложеніе: вмѣсто иркутской семинаріи отдать эти деньги на лечебницу въ Якутскѣ; крестьяне отвѣчали отказомъ; тѣмъ не менѣе эти 50 р. были взысканы съ крестьянъ мѣрами полицейскаго понужденія.

1870 г. Крестьяне и инородцы приглашались къ пожертвованіямъ: въ пользу погорѣльцевъ Енисейска, на памятникъ Хмѣльницкому въ Кіевѣ, на памятникъ первому книгопечатнику Ивану Федорову, на памятникъ Глинкѣ и на церковь въ Константинополь. Никто ничего не далъ.

1871 г. Былъ сборъ на памятникъ Ермаку.

1872 г. Собирали на премію имени Сперанскаго и въ пользу общества помощи при кораблекрушеніяхъ.

1874 г. на памятникъ Либиху въ Мюнхенѣ.

1876 г. На бульваръ въ Севастополѣ съ якутовъ взыскано десять рублей.

Чтобы не загромождать статью новыми фактами однороднаго характера, пропустимъ четверть вѣка и обратимся къ осени 1901 года. Новое время внесло новый приѣмъ въ сборъ «добровольныхъ» пожертвованій. Приленскіе крестьяне живутъ, главнымъ образомъ, почтовой гоньбой: за перевозку почты на станокъ приходится въ среднемъ около 5.000 р. въ годъ. Выдача производится черезъ подвѣию два раза въ годъ. Передъ осенней выдачей 1901 г. получено предписаніе: пригласить станочниковъ къ пожертвованіямъ на одно учрежденіе, причемъ опредѣленъ самый размѣръ пожертвованія, именно — два процента съ суммы выдачи. Само собою разумѣется, что «приглашеніе» было очень энергично, и лишь крестьяне немногихъ станковъ посмѣли отказать.

Землетрясеніе въ Шемахѣ. 31-го января въ Шемахѣ произошло страшное землетрясеніе, въ нѣсколько минутъ превратившее городъ въ груды развалинъ. Вслѣдъ за этимъ то, что уцѣлѣло отъ землетрясенія обращено было въ пепелъ грандіознымъ пожаромъ. Всѣхъ домовъ разрушено 4.500, подъ обломками которыхъ погребено свыше двухъ тысячъ человекъ, главнымъ образомъ мусульманъ.

«Катастрофѣ—какъ сообщаетъ корреспондентъ «Новаго Времени»—предшествовали съ 8 часовъ утра слабыя колебанія почвы, къ которымъ здѣсь всѣ привыкли. Въ 1 часъ 30 минутъ пополудни послѣдовалъ глухой подземный гулъ, раздавшійся со стороны сѣверо-западныхъ горъ, подобно перекатамъ отдаленнаго грома, а затѣмъ послѣдовало пять горизонтальныхъ очень сильныхъ ударовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, которые слились съ волненіями ощутительно вертикальными. Колебанія почвы были до того сильны, что невозможно было удержаться на ногахъ...

«Въ виду зимняго времени, въ каждой лавкѣ горѣли мангалы (жаровни), а потому вполне понятно, что вслѣдъ за первымъ сильнымъ ударомъ показалось и зловѣщее пламя разгоравшагося со всѣхъ сторонъ грандіознаго костра... Что здѣсь, говорятъ, было! Волось дыбомъ становится! Привожу слова одного изъ очевидцевъ: «Наступило страшное зрѣлище. Поднялась такая пыль, что въ воздухѣ стало темно, и метавшіеся по всѣмъ направленіямъ люди, растерянные, потерявшіе голову, не узнавали другъ друга. Въ общемъ смятеніи каждый старался спасти себя и своихъ, но, обезумѣвшіе отъ страха и отчаянія, они не отдавали себѣ отчета въ томъ, что дѣлали... Животныя выли, птица билась о стѣны и ограды. Общій вопль, рыданія, безцѣльные призывы на помощь, оклики родныхъ и близкихъ людей... Дѣти, чудомъ спасшіяся, рыдая спрашивали, гдѣ ихъ родители... Короче,—закончялъ очевидецъ,—для описанія этой картины страданій, отъ которыхъ разрывается сердце, нѣтъ словъ!» А тѣмъ временемъ шло всеокрушающее шествіе огненной стихіи, обращавшей

уцѣлѣвшей отъ землетрясенія зданія въ груды пепла. Грохотъ надающихъ стѣнъ, потолокъ и балокъ, и дивнѣй свистъ бушующаго огня, уничтожавшаго товары на нѣсколько милліоновъ рублей... Нынѣшнее стихійное бѣдствіе по своимъ разрушительнымъ послѣдствіямъ превосходитъ всѣ предыдущія. Больше всего погбло женщинъ и дѣтей, находившихся въ моментъ двухъ первыхъ роковыхъ для злосчастной Шемахи подземныхъ ударовъ въ 11 шемахинскихъ баняхъ. Согласно установившемуся обычаю, наканунѣ столь чтимой мусульманами пятницы, они посѣщаютъ бани, женщины съ полдня до 3 часовъ, а затѣмъ съ 3 часовъ и до наступленія сумерекъ—мужчины. Землетрясеніе застало ихъ врасплохъ и только чудо могло спасти нѣкоторыхъ изъ нихъ, всѣ же остальные съ дѣтьми погибли подъ рухнувшими сводами. Въ нижней части города нѣтъ дома, гдѣ не производились бы спѣшныя раскопки съ цѣлью отысканія одного, двухъ, трехъ и даже четырехъ труповъ. И здѣсь, въ большинствѣ случаевъ разыскиваютъ женщинъ, которыхъ катастрофа застала врасплохъ за мирными занятіями у семейнаго очага. Кромѣ бань, въ этотъ день у праха двухъ скончавшихся мусульманъ происходили оплакиванія умершихъ, на которыя собралось до 70 женщинъ съ дѣтьми. Всѣ онѣ погибли. Къ раскопкамъ 7 разрушенныхъ мечетей еще не приступлено, но и подъ ихъ развалинами есть много погибшихъ, такъ какъ землетрясеніе случилось въ часъ полдневнаго намаза, который мусульмане, и въ особенности торговцы, живущіе далеко отъ своихъ домовъ, предпочитаютъ совершать въ мечетяхъ. Кромѣ того, въ русско-татарской школѣ погибли учитель и 12 учениковъ. Число всѣхъ погибшихъ въ татарской части города, несомнѣнно, свыше 2 тысячъ. До чего было сильно землетрясеніе, видно изъ того, что въ числѣ 8 большихъ мечетей въ Шемахѣ обрушилась знаменитая Джума-мечеть, normally простоявшая 9 столѣтій и только за 250 послѣднихъ лѣтъ перенесшая 43 землетрясенія!

«Въ европейской части города количество разрушенныхъ домовъ считается сотнями, но число человѣческихъ жертвъ только десятками.

«Изъ солидныхъ сооружений разрушены: уѣздное казначейство и въ православной церкви, отстроенной полвѣка назадъ, рухнулъ куполь, повреждены зданія армянской церкви и городская тюрьма».

Любопытно, что послѣ каждаго сильнаго землетрясенія въ Шемахѣ (а изъ сильныхъ землетрясеній нынѣшнее по счету съ 1806 г.—девятое) неизбѣжно возбуждался вопросъ «объ устройствѣ жителей города Шемахи на новыхъ мѣстахъ и о пособіяхъ, которыя при этомъ должны быть имъ оказаны». Но... какъ только колебанія почвы прекращались, мысль о переселеніи шемахинцевъ забывалась. Въ 1859 г. знаменитый Абихъ вполне точно установилъ, что опасность, которой со стороны землетрясеній Шемаха подвержена болѣе нежели всякое другое мѣсто на Кавказѣ, зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1) отъ положенія ея на системѣ вывороченныхъ и почти вертикально поставленныхъ пластовъ, принадлежащихъ къ сплошному ряду подземныхъ рифовъ; 2) отъ близости ея къ центру области, подъ которой на весьма большой глубинѣ предполагается фокусъ разрушительныхъ силъ; 3) отъ частаго повторенія въ Шемахѣ землетрясеній, коихъ сила оканчивается по большей части исключи-

тельно на ней и на ея окрестностяхъ. 9-го марта 1860 г. на общемъ собраніи кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества Абихъ закончилъ свой докладъ слѣдующими пророческими словами: «Для Шемахи нѣтъ никакого ручательства, что она когда-нибудь не станетъ добычей катастрофы, которая въ нѣсколько минутъ разрушитъ городъ до тла».

Въ результатѣ упразднили Шемаху, какъ центръ губерніи, переименовавъ эту послѣднюю изъ Шемахинской въ Бакинскую, но городъ Шемаха, хотя въ скромномъ званіи уѣзднаго центра, продолжалъ существовать, пока, наконецъ, надъ ней не сбылось пророчество Абиха, и онъ не былъ разрушенъ до основанія. Надо думать, что теперь-то, по крайней мѣрѣ, мысль, возникшая въ 1806 г., о перенесеніи города въ болѣе безопасное мѣсто будетъ осуществлена, наконецъ, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ.

За мѣсяць. Приводимъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ періодической печати о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ по продовольственному дѣлу въ мѣстахъ, постигнутыхъ недородомъ.

Для разъясненія характера затрудненій, какія перевозка хлѣба встрѣчается въ Сибири, можетъ послужить слѣдующая выдержка изъ корреспонденціи, напечатанной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». «По какой дешевой цѣнѣ вы купите въ Россіи хлѣбъ, а онъ станетъ дорогимъ, когда провезете до 3 тысячъ верстъ, хотя бы по самому удешевленному тарифу ($\frac{1}{1000}$ к. съ пуда и версты). Прибавьте къ этому невозможность расчетовъ по времени, благодаря сибѣрнымъ заносамъ и другимъ совершенно резоннымъ задержкамъ, могущимъ много разъ случиться на такомъ безпредѣльномъ пространствѣ. Невозможно и привести хлѣбъ въ большомъ количествѣ заблаговременно, такъ какъ на станціяхъ назначенія негдѣ его хранить. И все-таки наибольшее затрудненіе еще впереди, когда хлѣбъ, наконецъ, прибудетъ на станцію желѣзной дороги и оттуда его нужно доставить гужемъ верстъ за 850 и болѣе. А такихъ пунктовъ не мало. Взять, для примѣра, хоть Змѣиногородскій уѣздъ, Томской губерніи, куда хлѣбъ доставляется до ст. Обь. Сначала находилось множество подводъ, которыя брали по 55 коп. съ пуда. Для продовольственнаго хлѣба и это ужасный, накладной расходъ. Но какъ заработокъ — нѣчто жалкое. Почти мѣсяць чело-вѣкъ долженъ провести въ пути, въ лишенной корма мѣстности, чтобы доставить 25 пудовъ зерна и заработать вмѣстѣ съ лошадыю 13 руб. 75 коп. Не мудрено, что во многихъ случаяхъ оказалось полное банкротство. Возчики получили впереди на дорогу для приѣзда 25 коп.; при насыпкѣ хлѣба уже оказалось недостаточнымъ получить условенныя 10 коп. съ пуда (предполагалось, что 20 коп. будутъ получены по доставкѣ хлѣба домой); пришлось выдавать по 15 коп. съ пуда и болѣе. И все-таки бывали случаи, что нѣкоторые возчики не могли управиться и нужда заставила ихъ продавать часть доставляемаго зерна, чтобы прокормиться. Какая масса недоразумѣній, мелочныхъ расчетовъ и, можетъ быть, еще болѣе мелочныхъ злоупотребленій, при тысячахъ подводъ! Само собою разумѣется, что число охотниковъ возить хлѣбъ при та-

нихъ условіяхъ стало уменьшаться, и цѣна на извозъ стала сильно возрастать».

Печальныя извѣстія, подкрѣпляемыя официальными данными, получены «Самарской Газетой» изъ Уфимской губерніи. Послѣдствія недороде начинаютъ сказываться. Безхлѣбница съ постояннымъ своимъ спутникомъ—инфекционнымъ заболѣваніями не дремлетъ. Тифозная эпидемія съ каждымъ днемъ разрастается, согласно даннымъ, отпечатаннымъ въ «Уф. Губ. Вѣд.», и нѣтъ никакихъ основаній думать, что она скоро прекратится. Въ декабрѣ было 376 случаевъ брюшного тифа, 11 — сыпного и 9 — безъ обозначенія формы; число пораженныхъ мѣстностей составило 81 селеніе. За январь мѣсяць точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Но судя по неполнымъ даже цифрамъ земскаго санитарнаго бюро, обнимающимъ собою только три уѣзда (изъ шести) за періодъ времени отъ 1-го по 15-е января, приходится констатировать скорѣе ростъ, чѣмъ сокращеніе эпидемическихъ заболѣваній. Цынга появилась въ двухъ уѣздахъ—«благополучномъ» Уфимскомъ и «неблагополучномъ» Белебеевскомъ; наиболѣе сильна она въ деревнѣ Алексѣевкѣ, Белебеевскаго уѣзда. Къ январю въ д. Алексѣевкѣ осталось больныхъ 53 человека, и съ этого уровня число цынготныхъ заболѣваній до сихъ поръ почти не сходитъ, изрѣдка колеблясь лишь то въ сторону повышенія, то въ сторону незначительнаго пониженія. Въ остальныхъ селеніяхъ, а ихъ уже четыре, захваченныхъ цынгою, показатель заболѣваній болѣе скромный. Что касается медицинской помощи населенію, то она слабо организована. Существеннымъ тормозомъ въ борьбѣ съ развивающейся эпидеміей является отсутствіе необходимыхъ питательныхъ средствъ. Молока, напримѣръ, пишетъ одна фельдшерица, не всегда достанешь даже для больной.

Въ Вятской губерніи крестьяне избѣгаютъ пользоваться правительственной ссудой. То-же явленіе наблюдается, какъ сообщаетъ «Саратовскій Дневникъ», и въ Саратовской губерніи. По имѣющимся по Новоузенскому уѣзду изъ волостныхъ правленій свѣдѣніямъ оказывается, что изъ всѣхъ 39 волостей самыми бѣдными и наиболѣе нуждающимися въ помощи являются восемь: Верхнекушумская, Дергачевская, Осиново-Гайская, Красненская, Новотроицкая, Черebaевская, Салтовская и Моршанская. Тѣмъ не менѣе, далеко не всѣ общества сказанныхъ волостей заявили желаніе пользоваться правительственной ссудой. Въ Верхнекушумской волости обществъ, подавшихъ заявленія, 5, въ Дергачевской—2, въ Осиново-Гайской—4, въ Красненской—1, въ Новотроицкой—3, въ Черebaевской — 2, въ Салтовской — 1 и въ Моршанской — 2. На всѣ эти общества закуплено и отпущено правительствомъ 32.983 п. ржи.

Гораздо большее, въ процентномъ отношеніи, число нуждающихся въ правительственной ссудѣ является изъ тѣхъ жителей селъ и деревень Новоузенскаго уѣзда, которые не входятъ въ составъ сельскихъ обществъ. О нуждѣ ихъ прислали заявленія 33 волости, и правительствомъ отпущено для нихъ въ видѣ безвозвратнаго пособія 10.842 пуд. ржи.

Не безынтересными являются данныя относительно того, какъ неохотно крестьяне-общественники берутъ правительственную ссуду. Въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ, помимо перечисленныхъ волостей, есть много нуждающихся.

Они не прочь получить ссуду и заявляли объ этомъ; однако, тотчасъ же отказывались отъ нея, какъ только имъ объясняли, что ссуда выдается на условіяхъ, изложенныхъ въ новомъ законѣ о правительственныхъ ссудахъ. Такое явленіе вполне понятно, и объяснять его тѣмъ, что крестьянинъ склоненъ брать и не отдавать, могутъ только алые языки. Крестьянинъ не потому отказывается отъ правительственной ссуды, что не хочетъ платить ее, а потому, что новыя условія уплаты для него слишкомъ обременительны. Ссуду крестьянинъ обязанъ былъ платить и при круговой порукѣ, но тогда онъ имѣлъ извѣстную льготу, которой окончательно лишень при уплатѣ ссуды, согласно съ новымъ закономъ. То, что является послыльнымъ для крестьянина совместно съ обществомъ, отнюдь не по силамъ самому себѣ.

— Во второй половинѣ января всю Россію облетѣла тревожная вѣсть о новомъ серьезномъ заболѣваніи гр. Л. Н. Толстого. Первые подробныя свѣдѣнія о ходѣ болѣзни великаго писателя дали «Харьковскія Губернскія Вѣдомости» въ корреспонденціи, датированной 30-го января. Корреспондентъ сообщаетъ, что Левъ Николаевичъ, гостя въ имѣніи графини Паниной «Гаспра» въ 11—12 верстахъ отъ Ялты по дорогѣ въ Алупку у подножія Ай-Петри, въ теченіе осени 1901 года чувствовалъ себя болѣе, чѣмъ удовлетворительно: былъ бодръ, много гулялъ, главнымъ образомъ пѣшкомъ, много работалъ, большею частью по ночамъ. Застарѣлыя недуги его (малярія и грудная жаба) почти не беспокоили маститаго писателя.

«Въ ноябрѣ легкій ушибъ, происшедшій по неосторожности графа, заставилъ его слезъ въ постель. Онъ уже сталъ оправляться, когда его постигъ рѣзкій и очень мучительный припадокъ маляріи съ невралгическими болями. Онъ окончательно слегъ. Въ это-то время разнеслись въ Москвѣ и Петербургѣ проникишіе и за границу слухи о его тяжкой болѣзни и о близости смерти. Слѣдомъ разнеслись слухи о томъ, что онъ уже умеръ. Отправившись изъ Ялты въ Гаспру, я засталъ графа поправляющимся, опасность, видимо, миновала, и больной, хотя и вопреки требованію врача, въ день моего визита вышелъ на солнечную террасу дачи и работалъ. Домашніе стдыхали послѣ пережитыхъ тревогъ и опасеній. Ничто на близкую опасность не указывало. Предостереженія врача, наставившаго на необходимости перестать употреблять тяжелую вегетарианскую пищу, не исполнялись больнымъ, равно и не исполнялось требованіе врача о строгомъ режимѣ и полномъ покойѣ. Единственная серьезная уступка — было ограниченіе приѣма одолевавшихъ графа визитеровъ и итерьеркеровъ. Да и то, когда я [велъ переговоры съ графиней Софьею Авдеевною, она мнѣ заявила: «Конечно, если кто настаиваетъ на личномъ свиданіи...»

«Декабрь прошелъ удовлетворительно. Приступы маляріи не возвращались. Праздники графъ провелъ въ тѣсномъ семейномъ кругу и много работалъ. Послѣ праздниковъ начались легкія недомоганія. Лечившій Льва Николаевича ятинскій врачъ Альтшулеръ, просилъ о созывѣ консультаціи. Навѣщалъ больного въ это время извѣстный писатель врачъ С. Я. Елпатьевскій и еще А. П. Чеховъ, также врачъ, хотя и не практикующій. Въ январѣ прибылъ и посе-

лился въ Гаспрѣ семейный врачъ Толстыхъ, г. Щуровскій, лечившій Льва Николаевича еще въ Ясной Полянѣ. 23-го января въ Гаспрѣ состоялся консилиумъ изъ врачей Щуровскаго, Альтшулера и лейбъ-медика Бертенсона. Консилиумъ пришелъ къ убѣжденію, что состояніе больного сравнительно удовлетворительно. Близкой опасности отнюдь не предвидѣлось.

«Простудился ли графъ Левъ Николаевичъ послѣ консилиума, или недугъ тянулся уже въ организмѣ, но на другой день у него начался очень острый приступ маляріи тяжелой грудной жабы, сопровождаемый мучительными болями, такъ что пришлось прибѣгнуть къ впрыскиванію морфія. Въ это время началось что-то странное съ сердцемъ: дѣятельность его стала необычайно слабой, пульсъ скачками поднялся до 120-140-160 и дальше до 180.

«Слѣдомъ за грудною жабою обнаружались колющія боли въ лѣвомъ боку и изслѣдованіе выяснило воспаленіе плевры и воспаленіе лѣваго легкаго въ очень широкихъ размѣрахъ, причемъ, однако, температура была не высока. Для поднятія дѣятельности сердца пущена въ дѣло камфора и дигиталисъ. Больной теряетъ силы. Обыкновенно очень терпѣливый и спокойный, теперь онъ непрестанно стоналъ, переставая стонать только въ минуты доставленнаго наркотиками сна или полузабытья, во время котораго наблюдались бредовыя явленія въ легкой формѣ. Два или три послѣдующихъ дня прошли безъ особыхъ переживъ. Надеждъ на спасеніе, въ сущности, уже не было, такъ великъ былъ упадокъ силъ и такъ широко распространился плевритъ и воспаленіе легкаго. Отягчающимъ обстоятельствомъ являлось и то обстоятельство, что плохо работала желудокъ, а убѣдить больного принимать не вегетаріанскую пищу не удавалось.

«Я посетилъ Гаспру 29-го января днемъ. Въ это время выяснилось, что болѣе воспаленіе и плевритъ не распространяются, дѣятельность сердца удалось нѣсколько оживить, пульсъ упалъ до 100—102 ударовъ. Начиная, по-видимому, теплится хоть слабая надежда, что организмъ поборетъ недугъ и больной оправится».

Послѣдующій ходъ болѣзни превратилъ слабую надежду на выздоровленіе въ полную увѣренность: великій писатель постепенно оправляется, и всѣ зловѣщіе симптомы овладѣвшихъ имъ недуговъ исчезаютъ одинъ за другимъ.

Неврологъ. Въ Парижѣ скончался *Василій Александровичъ Пашковъ*, пзвѣстный основатель вѣроученія, называвшагося по его имени «пашковщиной». Въ «Нижегородскомъ Листкѣ» находимъ слѣдующія свѣдѣнія о жизни этого во всякомъ случаѣ, выдающагося человѣка.

«Покойный былъ помѣщикомъ Нижегородской губерніи, гдѣ у него имѣется обширное имѣніе Ветошкино, прославившееся своей прекрасной больницей, которое, по слухамъ, переходитъ теперь къ супругѣ покойнаго, какъ и другія его имѣнія.

«На путь сектантства покойный, бывший раньше полковникомъ гвардіи, вступилъ, благодаря вліянію лорда Редстока, пріѣзжавшаго въ 1874 г. въ Петербургъ и проповѣдывавшаго въ великосвѣтскомъ обществѣ. Проповѣдь лорда

Редстока произвела сильное впечатлѣніе на религіозно-настроеннаго В. А. Пашкова. Онъ усвоилъ тѣ начала, которыя проповѣдывалъ лордъ Редстокъ, развилъ ихъ дальше и, въ свою очередь, сталъ заниматься религіозною проповѣдью, сначала въ великосвѣтскомъ обществѣ, а затѣмъ и среди простого народа. Средствомъ для распространенія его сектантскаго ученія послужило официально утвержденное «Общество распространенія духовно нравственнаго чтенія», задача котораго, по уставу, состояла «въ доставленіи народу возможности пріобрѣтать на самомъ мѣстѣ жительства его и за дешевую цѣну книги св. писанія Ветхаго и Новаго Завѣта и сочиненія духовно-нравственнаго содержанія». И вотъ основанное В. А. Пашковымъ общество стало во множествѣ распространять дешевыя брошюры, частью оригинальныя, а частью переведенныя съ англійскаго и нѣмецкаго языковъ. По отзыву объ этихъ брошюрахъ учебнаго комитета св. синода, въ большинствѣ случаевъ въ отдѣльности онѣ «не представляютъ своего сектантскаго направленія, но когда онѣ читаются въ совокупности и въ извѣстномъ порядкѣ, съ расположеніемъ ихъ по отдѣламъ — тогда ихъ сектантское направленіе и та основная мысль, какая проводится въ нихъ, обнаруживается со всею ясностью». Въ виду заключенія св. синода о сектантскомъ характерѣ проповѣди В. А. Пашкова, ему въ 1877 г. было воспрещено устраивать религіозно-назидательныя бесѣды, а общество закрыто. Послѣ этого В. А. Пашковъ удалился въ село Крешино, звенигородскаго уѣзда, Московской губ., гдѣ у него имѣется тоже громадное имѣніе, и продолжалъ проповѣдь среди простого народа, а въ другихъ мѣстностяхъ дѣйствовали его послѣдователи (напр., графъ и графиня Бобринскіе въ Тульской губерніи). Въ 1884 г. онъ сдѣлалъ попытку сближенія съ штундистами, баптистами и молоканами, устроивъ въ Петербургѣ съѣздъ сектантовъ. Съѣздъ этотъ былъ прекращенъ, а за дѣйствіями В. А. Пашкова и его послѣдователей св. синодъ предписалъ слѣдить епархіальнымъ властямъ. Послѣ этого самъ В. А. Пашковъ удалился за границу, но и послѣ его отъѣзда продолжали обнаруживаться слѣды его сектантскаго ученія въ губерніяхъ Тверской, Новгородской, Ярославской, Московской и Орловской. Такимъ образомъ, ученіе, начатое въ великосвѣтскихъ салонахъ, среди людей богатыхъ и вліятельныхъ, отразилось и на народной массѣ, а самъ В. А. Пашковъ займетъ довольно видное мѣсто въ исторіи нашего сектантства.

«Прибавимъ, что о В. А. Пашковѣ и его ученіи много писалось въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, оно даже фигурировало и въ биллетристикѣ (напр., въ романахъ Боборыкина, кн. Мещерскаго, Б. Маркевича, повидимому, и гр. Л. Н. Толстой имѣлъ его въ виду въ «Аннѣ Карениной»). Печать обыкновенно относилась къ проповѣди покойнаго насмѣшливо, какъ къ аристократической затѣѣ».

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Русская Мысль» — январь. «Вѣстникъ Воспитанія» — декабрь. «Русское Богатство» — январь).

Пятидесятилѣтіе со времени смерти Гоголя, естественно, оживило вниманіе общества и печати къ памяти великаго писателя. Столь же естественно что, въ каждой новой книжкѣ журнала къ тому же предмету направляется прежде всего и вниманіе журнальнаго обозрѣвателя. Въ январьской книжкѣ «Русской Мысли» напечатаны двѣ, касающіяся Гоголя, статьи: первая изъ нихъ принадлежитъ г. Гиляровскому и называется «Въ Гоголевщинѣ», вторая, носящая названіе «Болезнь и смерть Гоголя», написана извѣстнымъ психіатромъ г. Баженовымъ. Живо и ярко описалъ свою поѣзду въ «Гоголевщину» г. Гиляровский, но, какъ и слѣдовало ожидать, поѣздка эта прибавила немного новаго къ уже извѣстнымъ фактамъ жизни и литературнаго творчества Гоголя. Конечно, малѣйшіе штрихи изъ жизни великихъ людей имѣютъ свое значеніе, — свѣдѣе доказательство этому статья г. Баженова, устанавливающая именно по такимъ, повидимому, мелкимъ чертамъ жизни знаменитаго писателя діагнозъ его душевной болѣзни, — но не въ этомъ смыслѣ говоримъ мы о цѣнности добытыхъ г. Гиляровскимъ новыхъ данныхъ для біографіи Гоголя. Впрочемъ, одинъ изъ записанныхъ г. Гиляровскимъ, со словъ современницы и дальней родственницы Гоголя Маріи Григорьевны Анисимо-Яновской, рассказовъ можетъ имѣть и значительную литературную цѣнность. Г-жа Яновская утверждаетъ, что на мысль написать «Мертвыя души» натолкнула Гоголя дѣйствительная продѣлка нѣкоего помѣщика Пивинскаго. Дѣло происходило, по словамъ рассказчицы, такъ: «У Пивинскихъ было 200 десятинъ земли и душъ 30 крестьянъ и дѣтей пятеро. Богато жить нельзя, и существовали Пивинскіе винокурней. Тогда у многихъ помѣщиковъ были свои винокурни, акцизовъ никакихъ не было. Вдругъ, — это еще до меня было, — начали развѣзжать чиновники и собирать свѣдѣнія о всѣхъ, у кого есть винокурни. Пошелъ разговоръ о томъ, что у кого нѣтъ пятидесяти душъ крестьянъ, тотъ не имѣетъ права курить вино. Задумались тогда мелкопомѣстные: хоть погибай безъ винокурни! А Харлампій Петровичъ Пивинскій хлопнулъ себя по лбу да сказалъ: «Эге! Не додумались!» И поѣхалъ онъ въ Полтаву, да и внесъ за своихъ умершихъ крестьянъ оброкъ, будто за живыхъ. А такъ какъ своихъ, да и съ мертвыми, далеко до пятидесяти не хватало, то набралъ онъ въ бричку горляки, да и поѣхалъ по сосѣдямъ и закупилъ у нихъ за эту горляку мертвыхъ душъ, записалъ ихъ къ себѣ и, сдѣлавшись по бумагамъ владѣльцемъ пятидесяти душъ, до самой смерти курилъ вино и далъ этимъ тему Гоголю, который бывалъ въ Федункахъ, да, кромѣ того, и вся Миргородчина знала про мертвыя души Пивинскаго».

Былъ ли такой фактъ въ дѣйствительности или нѣтъ, дѣло темное. Вѣдь, сама рассказчица говорить, что онъ происходилъ «до нея», но достаточно было, конечно, одного существованія во времена Гоголя такого, «всей Миргородчинѣ извѣстнаго», рассказа про продѣлку Пивинскаго, чтобы дать сюжетъ для поэмы гениальному автору «Мертвыхъ душъ». Какъ извѣстно, біографы

Гоголя говорятъ, что тому для «Мертвыхъ душъ» далъ Гоголю Пушкинъ, но не лишена вѣроятія и гипотеза г. Гиляровскаго, высказанная имъ въ такихъ словахъ: «не смѣя отрицать этой версіи, я смѣю полагать, что можетъ быть, Гоголь въ бесѣдѣ съ Пушкинымъ разсказалъ ему подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ (почему только «подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ»? Развѣ не могло быть и иначе?) происшествіе съ Пивинскимъ, и Пушкинъ ему посовѣтовалъ воспользоваться этимъ матеріаломъ».

Осматривалъ г. Гиляровскій и находящіеся въ Яновщинѣ «реликвиі Гоголя». Среди нихъ обращаетъ на себя вниманіе письмо къ Гоголю извѣстной Смирновой отъ 13-го сентября 1851 года. Изъ него г. Гиляровскій приводитъ только начало, гласящее слѣдующее: «Парижскій префектъ полиціи Барлье прислалъ къ государю императору экземпляръ брошюры, изданной Герценомъ. Въ немъ и о васъ, мой святой мужъ, отце Николае, рѣчь идетъ. Бредни этого сумасброда не заслуживаютъ вашего вниманія, устремленнаго въ горнее». «Далѣе, — говоритъ г. Гиляровскій, — предлагается выписка на французскомъ языкѣ всѣхъ мѣстъ изъ брошюры, касающихся Гоголя».

Г. Гиляровскій не комментируетъ этотъ документъ, а онъ, по нашему мнѣнію, очень того заслуживаетъ заслуживаетъ не по имени автора письма, той самой «калужской губернаторши», которой посвящено «святымъ мужемъ, отце Николаемъ» не мало страницъ въ пресловутой «Перепискѣ съ друзьями» и о которой въ романѣ «Отцы и дѣти» Базаровъ говорилъ: «Скверно во рту, — точно писемъ Гоголя къ калужской губернаторшѣ начитался», а по другой причинѣ. Брошюра Герцена, о которой писала Гоголю Смирнова, есть, безъ сомнѣнія, «*Un développement des idées*» etc., по поводу которой извѣстный графъ А. Ф. Орловъ сказалъ однажды, при встрѣчѣ съ Чаадаевымъ, такіа слова: «Въ книгѣ Герцена изъ живыхъ по имени никто не названъ, кромѣ васъ и Гоголя, потому что, должно быть, къ вамъ обоимъ ничего прибавить и отъ васъ обоимъ ничего убавить, видно, уже нельзя». Извѣстно письмо Чаадаева къ Орлову по поводу этихъ словъ, письмо, составляющее темное пятно въ жизни Чаадаева, но у насъ теперь рѣчь не объ этомъ; насъ интересуетъ здѣсь другое обстоятельство: Орловъ считалъ Чаадаева несправнымъ «либераломъ» и ввязанъ за одну скобку съ Чаадаевымъ и Гоголемъ ясно показываетъ, что такого же мнѣнія держался графъ и относительно автора. «Переписки съ друзьями».

Чисто патологическую почву, на которой развилась у Гоголя болѣзнь, стараются прослѣдить въ статьѣ «Болѣзнь и смерть Гоголя» г. Баженовъ. Путемъ приложенія своихъ специальныхъ познаній въ качествѣ психіатра къ детальной наученной имъ біографіи Гоголя, г. Баженовъ характеризуетъ натуру Гоголя, какъ «обладающую гениальною художественною интуицею, но съ дефектами интеллектуальной и моральной сторонъ и вообще очень выраженною дисгармоніею душевныхъ силъ, способностей и дѣйствій». «Гоголь, — говоритъ г. Баженовъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи, — приблизительно въ теченіе всей второй половины своей жизни страдалъ тою формою душевной болѣзни, которая въ нашей наукѣ носятъ названіе періодическаго психоза, въ формѣ такъ называемой періодической меланхоліи». Статья г. Баженова еще не окончена и по-

тому подвести всё итоги его заключеній о душевной болѣзни Гоголя мы не можемъ, но намъ представлялось бы очень желательнымъ, чтобы г. Баженовъ принялъ во вниманіе, при окончаніи своей работы (если, конечно, это уже не поздно) статью профессора Кирпичникова «Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій въ томъ 1847 года», напечатанную въ изданномъ въ честь Н. И. Стороженко сборникѣ «Подъ знаменемъ науки». На основаніи также тщательнаго изученія біографіи Гоголя, г. Кирпичниковъ пришелъ относительно автора «Переписки съ друзьями» въ эпоху ея появленія въ печати и непосредственно слѣдовавшее за этимъ время къ иному выводу.

Такимъ образомъ, мнѣнія гг. Кирпичникова и Баженова о Гоголѣ расходятся, но намъ кажется, что ближе къ истинѣ послѣдній. Будемъ ждать окончанія интересной статьи г. Баженова.

Въ декабрьской книжкѣ «Вѣстника Воспитанія» помѣщена заслуживающая самаго серьезнаго вниманія нашихъ земствъ и нашей интеллигенціи статья елецкаго предводителя дворянства А. А. Стаховича, подъ заглавіемъ «О борьбѣ земства съ лубочною литературою». Необходимость объединенной дѣятельности нашихъ земствъ для борьбы съ народнымъ невѣжествомъ и другими врагами нашей родины, можно сказать, вопіетъ на каждомъ шагѣ. Яркую иллюстрацію къ такой необходимости даетъ упомянутая статья г. Стаховича. По матеріаламъ всеобщей переписи 1897 года, грамотные составляютъ въ Россіи отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ всего ея населенія. Это въ одно и то же время и очень много, и поразительно мало. Мало потому, что совершенно неграмотныхъ людей, въ Россіи проживаетъ, слѣдовательно, отъ 80 до 90 милліоновъ; много потому, что и цифра грамотныхъ—отъ 30 до 40 милліоновъ человекъ, безотносительно говоря, цифра очень почтенная.

Но какую же духовною пищею питается, по крайней мѣрѣ, грамотное населеніе Россіи? Для этой цѣли въ Елецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, не отличающемся по своимъ бытовымъ условіямъ какими-либо рѣзкими отличіями отъ другихъ мѣстностей Великороссіи, производились спеціальныя изслѣдованія. «На вопросы, предложенные гг. учащимъ сельскихъ школъ Елецкаго уѣзда,—говоритъ г. Стаховичъ, — замѣчается ли среди мѣстныхъ жителей охота къ чтенію, въ 1896 — 1897 уч. г. было получено 78% утвердительныхъ отвѣтовъ, а въ 1899 — 1900 г. утвердительные отвѣты составляли 90%». «На вопросы, предложенные тѣмъ же лицамъ въ 1899—1900 г.,—имѣются ли у крестьянъ собственныя книги, послѣдовало 87% утвердительныхъ отвѣтовъ». Но книги, приобретаемыя крестьянами въ собственность, почти сплошь—лубочныя изданія. «Фактъ, что народъ ежегодно затрачиваетъ на книги и картины приблизительно отъ 800 тысячъ рублей до 1 милліона, покупая, за весьма рѣзкими исключеніями, только лубочныя изданія, ежегодно выпускаемыя въ количествѣ, достигающемъ 4-хъ милліоновъ экземпляровъ (по свѣдѣніямъ, собраннымъ бывшимъ московскимъ комитетомъ грамотности, въ 1892 году издано лубочной литературы 3.929.200 экземпляровъ, причѣмъ зарегистрированы были еще не всё книги), свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, что среди грамотнаго

русского люда существуетъ большая потребность въ книгахъ, а съ другою — заставляеть обратить самое серьезное вниманіе на лубочную литературу». И литература эта, распространяясь все болѣе и болѣе,—обороты лубочниковъ постоянно возрастають,—грозить залить собою всю деревенскую Русь.

Г. Стаховичъ излагаетъ содержаніе нѣсколькихъ образчиковъ этихъ въ полномъ смыслѣ слова растлѣвающихъ народный разумъ и народную совѣсть «литературныхъ произведеній». «Характеръ ихъ,—говоритъ онъ въ заключеніе,—таковъ, что заставляеть смотрѣть на лубочную литературу и большинство картинъ, какі на противниковъ истиннаго просвѣщенія и воспитательнаго вліянія народной школы, а, слѣдовательно, указываетъ и на необходимость борьбы съ ними».

Но какія же имѣются средства для этой борьбы? У насъ существуетъ нѣсколько интеллигентныхъ книгоиздательствъ, но, минуя многія неблагопріятныя обстоятельства, среди которыхъ протекаетъ ихъ дѣятельность, г. Стаховичъ останавливается на относительно дорогой, несмотря на всѣ стремленія къ ея удешевленію, цѣнѣ такихъ изданій. Последняя зависитъ, въ свою очередь, отъ цѣлаго ряда условій, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ почти полная недоступность для частной предприимчивости возможности создать такую широкую, всероссійскую организацію дѣла, которая, силою вещей, повлекла бы за собою удешевленіе книги. Но недоступное или почти недоступное для частныхъ лицъ становится болѣе возможнымъ, если бы за книгоиздательское дѣло взялись земства. «Вопросъ о земскомъ книгоиздательствѣ, говоритъ г. Стаховичъ, —выдвигаю не я первый,—этотъ вопросъ уже имѣетъ свою исторію. Вятскимъ и черниговскимъ земствомъ дѣлались попытки изданій учебниковъ еще въ 60-хъ годахъ, и въ настоящее время вятское и саратовское земства издають не только учебники, но и нѣкоторыя другія книги. (Вятскимъ—сочиненія Гоголя; Саратовскимъ—сборникъ произведеній Пушкина и Лермонтова). Вопросъ о земскомъ книгоиздательствѣ въ настоящее время настолько назрѣлъ, что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ непродолжительномъ времени на путь земскаго книгоиздательства вступятъ и другія губернскія земства».

Первымъ и самымъ и самымъ важнымъ залогомъ успѣшности такого дѣла г. Стаховичъ справедливо считаетъ «солидарность хотя бы нѣсколькихъ губернскихъ земствъ, выражающаяся не только въ томъ, чтобы земства, не издающія книгъ, соглашались покупать въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ размѣрахъ книги, изданныя другими земствами, но и въ томъ, чтобы земства объединились въ самой книгоиздательской дѣятельности, такъ какъ только *при объединеніи* нѣсколькихъ земствъ для книгоиздательской дѣятельности можно въ полной мѣрѣ воспользоваться объединенными многочисленными наблюденіями надъ запросами читателей ихъ народа». Такое объединеніе лучше всего создать, по мнѣнію г. Стаховича, вокругъ одного какого-либо естественнаго центра. Такимъ центромъ г. Стаховичъ считаетъ московское губернское земство, «съ одной стороны потому, что Москва есть естественный центръ книжной торговли вообще и въ такомъ городѣ, какъ Москва, съ меньшими затрудненіями могутъ быть примѣнены къ дѣлу изданія различныя техническія усовершенствованія, а съ

другой стороны потому, что московское земство — одно изъ передовыхъ земствъ. Обратныя средства для книгоиздательства у земствъ, конечно, найдутся безъ особыхъ затрудненій».

Таковъ проектъ г. Стаховича, которому, конечно, нельзя не сочувствовать но для осуществленія котораго требуется наличность одного чрезвычайно важнаго условія. Это условіе — возможность объединенной дѣятельности нашихъ земствъ на благо страны.

Вопросъ о мелкой земской единицѣ подвергнутъ обстоятельному обсужденію г. Мякотинимъ въ январьской книжкѣ «Русскаго Богатства». Авторъ останавливается на высказанныхъ многими земцами опасеніяхъ, какъ бы будущая мелкая земская единица не превратилась въ своеобразный исполнительный органъ при особѣ земскаго начальника, и возражаетъ противъ выраженной нѣкоторыми земцами склонности, чтобы въ самую уже идею организаціи мелкой земской единицы былъ внесенъ, поэтому извѣстный компромисъ, благодаря которому стало бы возможно болѣе или менѣе самостоятельное сосуществованіе двухъ такихъ трудно совмѣстимыхъ началъ, какъ правомощная земская единица и облеченный судебнo-административной властью земскій начальникъ. «Компромиссъ, — говоритъ г. Мякотинъ — имѣетъ извѣстное право на существованіе, когда онъ устанавливается по взаимному соглашенію вступающихъ въ него сторонъ и можетъ войти въ жизнь именно въ томъ видѣ, въ какомъ опредѣлило его это соглашеніе. Но онъ утрачиваетъ всякій смыслъ, когда онъ допускается лишь одною стороною и не влечетъ за собою соотвѣтственнаго вознагражденія отъ другой. Между тѣмъ, въ самыхъ земскихъ собраніяхъ прошлаго года неоднократно дѣлались указанія, что настоящее время представляется очень малоблагоприятнымъ для успѣха исходящихъ отъ земства проектовъ расширенія земской организаціи. Авторы такихъ указаній, несомнѣнно вполне справедливыхъ, шли еще дальше и выражали опасенія, что составленные земствомъ проекты послужатъ поводомъ къ сокращенію существующихъ земскихъ учрежденій въ пользу мелкой земской единицы, которой, къ тому же, будетъ приданъ нежелательный земству видъ. Подобныя опасенія нельзя не назвать чрезмерно преувеличенными. Прежде всего, молчаніе земствъ само по себѣ еще не можетъ служить помѣхой какимъ бы то ни было проектамъ, зарождающимся въ иныхъ общественныхъ сферахъ. Съ другой стороны, отсутствіе гарантіи успѣха земскихъ проектовъ не должно, конечно, составлять препятствія къ высказыванію земствомъ своихъ взглядовъ и желаній, такъ какъ знакомство съ ними при всякихъ обстоятельствахъ является равно цѣннымъ для общества и правительства. Но при такихъ условіяхъ, когда не имѣется основаній рассчитывать на немедленное практическое осуществленіе этихъ взглядовъ и желаній и есть даже возможность столкновенія ихъ съ противоположными, нѣтъ и нужды облекать ихъ въ форму компромисса, а желательно, напротивъ, выразить ихъ во всей ихъ опредѣленности и полнотѣ, чтобы тѣмъ самымъ избѣжать всякихъ недоразумѣній».

Соображенія г. Мякотина совершенно вѣрны, но намъ кажется, что ихъ можно было бы продолжать нѣсколько дальше и задать сторонникамъ указанныхъ г. Мя-

котынымъ компромиссовъ такіе, напр., вопросы: отчего зависитъ то обстоятельство, что «настоящее время представляется очень малоблагопріятнымъ для успѣха исходящихъ отъ земства проектовъ земской организаціи»? Причинъ на это, разумѣется, много, но не находится ли въ ихъ итогѣ и слишкомъ ужъ ограниченное количественно и качественно число исходящихъ отъ земствъ проектовъ расширения земскаго самоуправленія? Молчаніе—знакъ согласія, говорятъ пословица. Реформы въ желательномъ для прогрессивныхъ земцевъ смыслѣ никогда не могутъ реализоваться, если и тѣ немногіе «гласные» органы, которые на то и «гласные», чтобы подавать «гласы», будутъ налагать на уста свои печать молчанія или прибѣгать къ компромиссамъ. Голосъ земскихъ людей есть въ значительной степени голосъ страны, совершенно неслышаться съ нимъ невозможно, и путь компромиссовъ въ этомъ дѣлѣ является наименѣе цѣлесообразнымъ. Многіе и многіе земцы, являясь въ принципѣ сторонниками мелкой земской единицы, опасаются возможности сосуществованія ея на практикѣ съ строемъ деревенской жизни, созданной положеніемъ 12-го іюня 1889 года. Но тогда въ своихъ проектахъ организаціи мелкой земской единицы и ходатайствахъ о ея введеніи слѣдуетъ, именно, не только указать на это обстоятельство, но и подчеркнуть его, безъ компромиссовъ, безъ нашего русскаго «съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой,—нельзя не признаться», а точно, ясно и отчетливо. При такихъ и только при такихъ условіяхъ голосъ земскихъ людей производитъ впечатлѣніе, а пропорціонально этому увеличиваются и шансы на осуществленіе въ жизни ихъ проектовъ. Вотъ что хотѣли бы добавить мы къ совершенно правильнымъ взглядамъ на данный вопросъ г. Мякотина.

Въ той же книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщена интересная статья г. Бирьякова «Съѣздъ учителей земскихъ школъ Московскаго уѣзднаго земства». Сверхъ весьма обстоятельнаго описанія картины происходившаго въ Москвѣ съ 17-го по 25-е августа прошлаго года съѣзда учителей земскихъ школъ Московскаго уѣзда,—«перваго учительскаго съѣзда не только Московской губерніи, но и всей Россіи, послѣ пятнадцатилѣтняго перерыва»,—авторъ останавливается довольно подробно на любопытныхъ перипетіяхъ, которымъ подвергался у насъ вопросъ объ учительскихъ съѣздахъ въ недавнемъ прошломъ. Минуя различныя, относящіяся сюда, интересныя детали, мы остановимся на сообщеніи г. Бирьякова о докладѣ учительницы В. А. Соколовой на тему «О правахъ и обязанностяхъ преподающихъ въ народныхъ училищахъ по существующимъ законоположеніямъ». О «правахъ» говорить много г-жѣ Соколовой не пришлось, ибо такія «права», какъ возможность получать за свѣше чѣмъ десятилѣтнюю непрерывную службу, по представленію начальства, серебряную медаль «за усердіе» или присвоеніе званія личнаго почетнаго гражданина, слава ли могутъ возбуждать особую сильную эмоцію. Вотъ «обязанности»,—это другое дѣло. «Масса обязанностей,—говорилось въ докладѣ,—лежитъ на современномъ народномъ учителѣ. Отъ него требуется, кромѣ воспитанія дѣтей въ строго определенномъ направленіи, обученіе ихъ, прежде всего, предметамъ школьнаго курса

и затѣмъ церковному пѣнію, гимнастикѣ, руководѣнію, ручному труду, ремесламъ—переплетному, столярному, токарному и т. д., рациональному огородничеству, земледѣію, садоводству, пчеловодству, шелководству, куроводству и т. д., и т. д. Это въ будни. Въ праздники — онъ обязанъ съ учениками посѣщать церкви, гдѣ или просто самъ поетъ на крилосѣ, или управляетъ хоромъ. Въ нравственномъ отношеніи онъ долженъ служить «примѣромъ» для населенія, т.-е. онъ не долженъ, прежде всего, «пить, курить и любить», долженъ быть снисходителемъ къ дѣтямъ, ласковъ со всѣми и почитателемъ къ начальству. Начальства же у него, даже ближайшаго, тѣмъ—директоръ, инспекторъ, предсѣдатель и члены училищнаго совѣта, лица, приглашенныя по 41 ст., члены городской или земской управы, земскіе начальники, мѣстные землевладѣльцы, законоучитель и попечитель школы, волостной старшина, сельскій староста, даже исправники, станомые и урядники. Все это многочисленное начальство требуетъ отъ учителя или подчиненія, или почтенія и уваженія и слѣдить за нимъ въ сотни глазъ—и за его работой, и за его поведеніемъ, контролируетъ и направляетъ его педагогическія, религіозныя и политическія убѣжденія.

Чтобы доказать, что въ словахъ г-жи Соколовой нѣтъ ни преувеличенія, ни даже простого сгущенія красокъ, г. Кирьяковъ рекомендуетъ читателю припомнить «ниструктивные» труды г. г. Яблочковъ, Тарновскихъ и другихъ официальныхъ руководителей народныхъ учителей. Припомнить, это дѣйствительно, слѣдуетъ. Вѣдь, эти господа, справедливо говоритъ г. Кирьяковъ,—«составили цѣлый новый специально учительскій «Домострой», въ которомъ было предусмотрено положительно все, до мелочей, въ учительской жизни... Благодѣтели эти рассказываютъ въ своихъ книгахъ, какая жена нужна народному учителю, на что она ему нужна и какъ ему обходиться съ нею и съ своими дѣтьми, если «Богъ его благословитъ ими». Но и послѣ такихъ подробныхъ наставленій относительно женитьбы г. г. Яблочковы и Тарновскіе все же не довѣряютъ учителю (а ну, да какъ онъ, пожалуй, выберетъ себѣ такую, какая ему не «благоприятствуетъ») и обязываютъ его свой выборъ «повергать» на ихъ утвержденіе». И да всѣ свои благодѣянія гг. Яблочковы и Тарновскіе предписываютъ народному учителю только одно... почитать начальство... Почитать начальство при этомъ предписывается не какъ-нибудь, а сообразуясь съ рангомъ cadaго. Батюшкѣ, напр., слѣдуетъ «цѣловать руку, прислуживать и не надоѣдать; попечителя поздравлять съ праздникомъ и посѣщать, если онъ изъ «сѣрыхъ», а если онъ «бѣлой кости», т.-е. изъ дворянъ, то «оказывать ему всевозможное почтеніе и услуги, поздравлять съ праздникомъ, но въ передней...» Инспектору, когда онъ пріѣдетъ съ ревизіей, должно «изготовить чистую постель и обѣдъ изъ самой лучшей провизіи, какая имѣется въ домѣ».

И за все это вознагражденіе... но это предметъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы на немъ останавливаться.

За границей.

Германская общественная жизнь. Чрезвычайно симпатичное учрежденіе находится въ Берлинѣ въ Брюкенштрассе. На домѣ подъ № 8 видѣется доска съ надписью: «Arbeiterinnenheim; geöffnet von 12 bis 2 Uhr und von 6 bis 10 Uhr.» (Пріютъ для работницъ; открытъ съ 12 до 2-хъ часовъ и съ 6 до 10). Годъ тому назадъ пріютъ этотъ помѣщался въ подвальномъ этажѣ и мало кому былъ извѣстенъ, такъ какъ вселѣй-неволей долженъ быть ограничивать свою дѣятельность весьма узкими рамками. Но теперь времена измѣнились, съ октября прошлаго года пріютъ занимаетъ хорошее просторное помѣщеніе и привлекаетъ много посѣтительницъ; посѣтителѣ же не допускаются, за исключеніемъ особенныхъ случаевъ. Посѣтительницы пріюта большею частью фабричныя работницы, бездомныя дѣвушки и женщины, которымъ пріютъ даетъ убѣжище, замѣняя имъ собственный уголъ, котораго онѣ лишены. Большинство этихъ дѣвушекъ и женщинъ ютилось раньше въ ночлежныхъ домахъ, не имѣя возможности платить за квартиру, и для такихъ несчастныхъ пріютъ является истиннымъ благодѣніемъ, такъ какъ тамъ за самую умѣренную плату онѣ имѣютъ чистое хорошее помѣщеніе и хотя и скромный, но необходимый домашній комфортъ и хорошую пищу, обѣдъ, завтракъ, бутерброды, кофе, чай, какао и т. п. Пріютъ не есть благотворительное учрежденіе и такъ какъ съ посѣтительницъ взимается плата, то онѣ не чувствуютъ себя въ положеніи лицъ, которымъ благотворять. Если работница можетъ заплатить за обѣдъ, то она обѣдаетъ, если нѣтъ она покупаетъ себѣ бутербродъ, кофе или какао—однимъ словомъ, каждая расходуетъ лишь столько, сколько можетъ и, кромѣ того, не чувствуетъ надъ собою никакой опеки, потому что посѣтительницы пріюта пользуются полною свободой, онѣ могутъ приходить, уходить, требовать для себя въ буфетѣ пріюта то, что имъ нужно или совсѣмъ не брать ничего оттуда, пользуясь только ночлегомъ — однимъ словомъ, никто и ни въ чемъ ихъ не стѣсняетъ, лишь бы онѣ не нарушали спокойствія и вели себя прилично. Къ услугамъ посѣтительницъ находится небольшая библиотечка, гдѣ получаютъ газеты и журналы, и свѣтлая удобная пріемная, гдѣ онѣ могутъ заниматься взятою на домъ ручною работою. Въ личную жизнь работницъ никто не вмѣшивается, но руководительницы этимъ учрежденіемъ всегда стараются вступить въ болѣе тѣсное общеніе со своими посѣтительницами, выискать ихъ довѣріе и заинтересовать ихъ въ дѣлахъ пріюта, такъ что нѣкоторыя изъ посѣтительницъ становятся настоящими помощницами учредительницъ. Кромѣ того, вступивъ въ болѣе близкія отношенія съ посѣтительницами пріюта, распорядительницы получаютъ возможность оказать имъ поддержку и помощь въ нѣкоторыя критическія минуты. Къ сожалѣнію составъ посѣтительницъ мѣняется очень часто; непрочность заработка заставляетъ ихъ перекочевывать изъ одного конца города въ другой, и тогда посѣщеніе пріюта вселѣй-неволей прекращается и прерывается связь, установившаяся между ними и руководительницами этого учрежденія.

Въ этомъ году пріютъ расширилъ свою дѣятельность, и такъ какъ помѣ-

щение достаточно просторно для этого, то въ пріютѣ устраивались зимой увеселительные вечера, спектакли и небольшіе концерты. Подъ руководствомъ учительницы пѣнія, организованъ былъ очень недурный хоръ. Нѣсколько разъ въ теченіе зимы устраивались въ залѣ пріюта публичныя лекціи по разнымъ научнымъ и социальнымъ вопросамъ. Плата, взимаемая съ посѣдителей, до сихъ поръ была достаточна для покрытія расходовъ пріюта и только лица, занимающіяся въ этомъ пріютѣ, большею частью работаютъ даромъ, ради прекрасной идеи этого учрежденія.

Въ германскомъ обществѣ и печати продолжается ожесточенная полемика противъ таможенныхъ проектовъ правительства. Курьезнѣе всего, что въ комисіи рейхстага, занимающейся обсужденіемъ этого законопроекта, представители правительства, вслѣдствіе чрезмѣрности аграрныхъ требованій, постоянно оказываются на сторонѣ оппозиціи. Судьба таможенного законопроекта все еще не выяснилась и попрежнему служитъ предметомъ публичныхъ обсужденій, лекцій, докладовъ и статей. На послѣднемъ засѣданіи социалнополитическаго союза трое лицъ говорили рѣчи о торговополитическомъ положеніи Германіи: профессоръ Лотцъ, Шумахеръ, начальникъ высшей коммерческой школы въ Бельвѣ и Поле, профессоръ франкфуртской академіи социальныхъ и торговыхъ наукъ. Лотцъ говорилъ прогнвъ новой торговой политики правительства, а Шумахеръ и Поле за нее. Это вызвало новую полемику, именно потому, что Поле и Шумахеръ находятся въ коммерческихъ институтахъ, а между тѣмъ, защищаютъ «вредный для торговли таможенный законопроектъ». Эта борьба двухъ теченій кладетъ свой отпечатокъ на всю общественную и политическую жизнь Германіи въ данный моментъ. Только недавно шумъ, произведенный газетою «Vorwärts», опубликовавшей тайный документъ, касающійся проектируемаго увеличенія германскаго флота, отодвинулъ на время на задній планъ таможенный законопроектъ. «Vorwärts» и на этотъ разъ оправдалъ свою репутацию разгласителя правительственныхъ тайнъ. Если въ этой, всегда прекрасно освѣдомленной газетѣ, появляется какое-нибудь свѣдѣніе или печатается какой-нибудь тайный документъ, то никому не приходитъ въ голову сомнѣваться въ его подлинности. Въ Германіи даже въ шутку говорятъ, что существуютъ два офиціозныхъ органа «Norddeutsche Allg. Zeit.» и «Vorwärts», такъ какъ сообщенія, появляющіяся въ той или другой, всегда почерпнуты изъ правительственныхъ источниковъ.

Скандалъ, который произвелъ «Vorwärts» своими новыми разоблаченіями былъ очень великъ, такъ какъ газета доказала, какъ дважды два четыре, что рейхстагъ, вотпировавшій законопроектъ объ увеличеніи флота, былъ *намъренно* введенъ въ обманъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ опубликованной «Vorwärts'омъ» скромной запискѣ морского министра заключались, между прочимъ, слѣдующія строки: «Пришлось временно оставить безъ вниманія при расчетахъ соответствующее увеличивающемуся количеству судовъ наростаніе расходовъ на ихъ содержаніе, такъ какъ тогда получились бы такія высокія цифры постоянныхъ расходовъ, что осуществленіе законопроекта оказалось бы невозможнымъ безъ новыхъ на-

логовъ, а это сдѣлало бы его проведеніе въ рейхстагъ крайне затруднительнымъ».

Кажется, смыслъ этихъ строкъ былъ вполне ясенъ, но министр Тирпицъ, отвѣчая на запросъ, сдѣланный по этому поводу въ рейхстагѣ, всячески пытался доказывать, что печать, подвывая шумъ, не повала этого мѣста, такъ какъ оно «можетъ быть понято только специалистами», людьми, посвященными въ тайны военнаго и морского вѣдомства и т. д., и т. д. Но объясненія Тирпица ничего не разъяснили и припертый къ стѣнѣ Бебелемъ, который въ страстной и блестящей рѣчи разбилъ его въ пухъ и прахъ, Тирпицъ искалъ спасенія въ обвиненіи «Vorwärts'a» въ пользовавіи украденнымъ документомъ. Это былъ маневръ, посредствомъ котораго Тирпицъ хотѣлъ перевести пренія на другую почву и это ему удалось, такъ что совершенно неожиданно, не министру, а Бебелю и его партіи пришлось защищаться отъ нападковъ. Бебель вынужденъ былъ, наконецъ, выступить съ горячей отвѣдью въ защиту чести своей партіи: «Я заявляю,—сказалъ онъ,—что мы не заплатили ни гроша за опубликованные документы. Мы рѣшительно никого не подстрекали доставлять ихъ и не знаемъ откуда они получаютъ. Министръ требуетъ, чтобы я назвалъ имя приславшаго. На это я отвѣчу: я бы не назвалъ его имя, даже если бы зналъ его, такъ какъ это дѣло чести, но я не знаю его. Въ редакціи «Vorwärts» тоже его не знаютъ. У насъ нѣтъ въ распоряженіи никакихъ секретныхъ фондовъ, посредствомъ которыхъ мы могли бы подстрекать людей къ злоупотребленію довѣріемъ...»

Послѣ Бебеля такъ же страстно и убѣдительно говорилъ Евгений Рихтеръ, доказывавшій, что Тирпицъ уже не въ первый разъ относится къ рейхстагу не вполне добросовѣстно. Положеніе Тирпица во время этихъ рѣчей было не завидное. Вообще не очень находчивый, онъ тутъ окончательно растерялся и или просто молчалъ, оставляя обращенные къ нему вопросы безъ отвѣта, или ограничивался формальными возраженіями. Дѣло могло бы кончиться большимъ скандаломъ, если бы Тирпица великодушно не взяли подъ свою защиту другіе ораторы, доказывавшіе, что объ обманѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи и т. д. На первый взглядъ эти усилія обличить Тирпица кажутся странными, но если вспомнить, что всѣ эти партіи вотировали въ пользу увеличенія флота, то дѣло становится понятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ не очень-то пріятно считать себя обманутымъ, и въ особенности непріятно сознаваться въ этомъ парламентскимъ партіямъ, претендующимъ на дальновидность своей политики. Во всякомъ случаѣ это спасло Тирпица и только благодаря этому, конечно, всѣ партіи, за исключеніемъ партіи Рихтера и Бебеля, подали голосъ за Тирпица при вотированіи министерскаго доклада.

Американская фабрика-клубъ. Нью-іоркская конференція мира. Театры и щедрость американцевъ. На послѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ американскомъ отдѣлѣ обращали на себя вниманіе фотографическіе снимки нѣкоторыхъ американскихъ фабрикъ, указывающія тѣ реформы, которыя вводятся въ Америкѣ въ области фабричнаго труда, чтобы сдѣлать этотъ трудъ

болѣе веселымъ и пріятнымъ. Къ числу фабрикантовъ, стоящихъ во главѣ этого движенія, находится нѣкто Феррисъ, владѣлецъ громадной корсетной фабрики въ Нью-Йоркѣ. Онъ потратилъ много усилій на то, чтобы придать красоту фабричному зданію. Фасадъ этого зданія обвитъ плетенью, совершенно закрывающимъ кирпичную кладку, а листья обрамляютъ окна, какъ въ какомъ-нибудь коттеджѣ. Внутри фабрики все выкрашено бѣлою краскою. Зданіе имѣетъ крестообразную форму, и, поэтому, залы, занимающія ширину и длину каждаго крыла, получаютъ свѣтъ съ трехъ сторонъ. Бѣлыя занавѣски у оконъ придаютъ заламъ болѣе уютный видъ и смягчаютъ свѣтъ, такъ что мастерскія устроенныя въ этихъ залахъ, ничего не имѣютъ общаго съ грязными и темными помѣщеніями, въ которыхъ обыкновенно рабочимъ приходится проводить все свое время.

Вообще за послѣдніе годы въ Соединенныхъ Штатахъ обнаруживается серьезное движеніе въ пользу улучшенія не только домашняго быта рабочихъ но и ихъ положенія на фабрикѣ. «Надо придать фабрикѣ болѣе привлекательную наружность. Съ тѣхъ поръ, какъ рабочій пересталъ работать у себя на дому, фабрика превратилась въ его промышленный домъ (industrial home), надо, следовательно, сдѣлать его болѣе пріятнымъ для рабочаго» говорятъ вожаки движенія». И дѣйствительно въ этомъ отношеніи, т.-е. въ отношеніи украшенія фабрикъ, въ Америкѣ, какъ всегда, возникло настоящее состязаніе. Одна огромная типографія въ Нью-Йоркѣ выкрасила въ бѣлую краску всѣ свои типографскія машины, которыя рабочіе прозвали «бѣлымъ эскадронъ». На известной фабрикѣ консервовъ Гейнце стекла оконъ разрисованы и на нихъ красуются разные девизы и виды фабрики, такъ что мастерскія декорированы словно залы для какого-нибудь праздника.

Тамъ, гдѣ художественныя украшенія считаются не у мѣста, принимаются другія мѣры, чтобы сдѣлать пребываніе рабочаго на фабрикѣ болѣе сноснымъ. Конечно, первое мѣсто принадлежитъ въ данномъ случаѣ гигиеническимъ мѣропріятіямъ, имѣющимъ цѣлью сохраненіе здоровья рабочаго. Въ одной изъ большихъ кузнечныхъ мастерскихъ въ Бруклинѣ устроены особыя приспособленія для предотвращенія пыли и, кромѣ того, при мастерской находятся туалетныя комнаты для рабочихъ, гдѣ устроены души, для того, чтобы онѣ могли хорошенько вымыться послѣ своей грязной работы. Затѣмъ тутъ же помѣщается бассейнъ съ проточною водою, гдѣ рабочій полощетъ свою одежду, которую онъ затѣмъ, при помощи механическаго пресса, выжимаетъ въ одинъ мигъ и кладетъ въ паровую сушильню. На другой день онъ можетъ переодѣться въ сухую и чистую одежду, уходя съ фабрики и оставить ту, которая была на немъ, прополаскавъ ее и положивъ въ сушильню. Во многихъ фабрикахъ уже введены бани для рабочихъ, и каждый рабочій имѣетъ право пользоваться ими даромъ разъ въ недѣлю. Нѣкоторыя фабрики даже соперничаютъ между собой относительно лучшаго устройства ваннъ и т. п. Кромѣ того, большинство большихъ заводовъ устроило столовыя для рабочихъ, гдѣ въ полдень они получаютъ горячій завтракъ. «Хорошо накормленныя работницы гораздо лучше работаютъ,» сказала директоръ одного большого промышленнаго заведенія, въ ко-

торомъ работали женщины, французскому журналисту, осматривавшему мастерскія и столовую.—«Я трачу по четыре съ половиною су на завтракъ на каждую работницу, но онъ съ избыткомъ вознаграждаетъ меня за это своею работою».

Въ настоящее время можно сказать безъ преувеличенія что, сколько существуетъ фабрикъ въ Соединенныхъ Штатахъ, столько существуетъ и различныхъ плановъ, направленныхъ къ улучшенію фабричнаго быта рабочихъ. Американскіе фабриканты обнаруживаютъ большую заботливость о здоровьи своихъ рабочихъ и въ этомъ отношеніи существуетъ между нимъ весьма похвальное соревнованіе. При многихъ заводахъ устроены клубы для рабочихъ. На упомянутой раньше фабрикѣ консервовъ Гейнце устроены на крышѣ висячіе сады, а надъ мастерскими помѣщается зала на 2.500 человекъ, въ которой устраиваются празднества для рабочихъ, концерты и конференціи. На фабрикѣ въ Бриджпортѣ для клуба рабочихъ устроено отдѣльное зданіе на берегу, между Нью-Йоркомъ и Ньюпортомъ, которое почему-то прозвали «дворцомъ американскихъ удовольствій». И дѣйствительно, это настоящій дворецъ, выстроенный фабрикантомъ. Огромная внушительная прихожая сообщается съ одной стороны съ концертною залой и приѣмной, съ другой—съ бібліотекой. Кроме того, въ этомъ же зданіи находится танцевальный и театральнй залъ, ресторанъ, профессиональные классы и свободные курсы разныхъ наукъ.

Но не вездѣ, разумѣется, строятся такіе дворцы для клуба рабочихъ. Компания конно-железныхъ дорогъ устроила клубы въ депо, гдѣ кондуктора организуютъ иногда театральныя представленія, для чего они соорудили небольшую сцену. Во многихъ фабрикахъ клубъ существуетъ пока еще только въ зародышѣ, въ формѣ рекреационной залы, гдѣ въ полдень собираются рабочіе и работницы, читаютъ, играютъ въ игры, а иногда занимаются пѣніемъ и музыкой.

Самымъ типичнымъ фабричнымъ клубомъ слѣдуетъ считать тотъ, который существуетъ при одномъ заводѣ въ Огіо (National Cosh Bhegister Company) и представляетъ федерацію тридцати различныхъ обществъ, гимнастическихъ, литературныхъ, педагогическихъ, социальныхъ и религиозныхъ, члены которыхъ всѣ находятся подъ одною крышей. Тамъ устроены классы для всѣхъ возрастовъ, если куда работницы помѣщаютъ своихъ дѣтей, когда отправляются на работу. Для лекцій, которыя читаются взрослымъ фабрика заготовила 5.000 картинъ для волшебнаго фонаря по всѣмъ отраслямъ науки и искусства.

Американцы установили теперь новый тезисъ: великодушіе патроновъ, говорятъ они, приноситъ выгоды имъ же самимъ, значить «филантропія вознаграждаетъ». Одинъ изъ изслѣдователей этого любопытнаго движенія въ Америкѣ говоритъ: «Въ современной промышленности существуетъ два періода: въ первомъ періодѣ всѣ усилія были направлены къ усовершенствованію машинъ, во второмъ—къ усовершенствованію живого орудія производства, т. е. рабочаго... Поэтому, теперь американскіе заводчики съ такимъ же удовольствіемъ распространяются о социальномъ прогрессѣ, достигнутомъ ими на своей фабрикѣ, какъ и о своихъ техническихъ усовершенствованіяхъ. Они гордятся первымъ столько же, какъ и послѣдними.

Желая заинтересовать рабочих въ усовершенствованіи производства, многіе фабриканты учредили преміи для мужчинъ, женщинъ и дѣтей за полезную идею какой-нибудь реформы въ производствѣ или усовершенствованіе способа. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ фабрикахъ устраиваются ежемѣсячно совѣщанія съ рабочими, касающіеся различныхъ нововведеній и дѣлъ фабрики. Вообще въ Америкѣ стремятся къ тому, чтобы установить болѣе нормальныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ, на это указываетъ, между прочимъ, и «конференція мира», состоявшаяся недавно въ Нью-Йоркѣ, въ которой участвовали всѣ выдающіеся американскіе магнаты «трѣстовъ», вожди рабочихъ и люди нейтральнаго образа мыслей. Конференція эта имѣла цѣлью урегулировать отношенія между рабочими и работодателями и послѣ непродолжительныхъ преній единогласно вотировала учрежденіе постоянной коммисіи, которая состояла бы изъ равнаго количества капиталистовъ, рабочихъ и нейтральныхъ людей, пользующихся личнымъ авторитетомъ и поддержкою общественнаго мнѣнія и могла бы служить, такимъ образомъ, высшею инстанціей для рѣшенія различныхъ вопросовъ, грозящихъ нарушить спокойствіе промышленнаго міра, однимъ словомъ, эта коммисія будетъ представлять родъ третейскаго суда для рѣшенія всякаго рода конфликтовъ, возникающихъ между капиталомъ и трудомъ и служить во всѣхъ случаяхъ посредникомъ между рабочими и работодателями. Число членовъ коммисіи 36; по 12 каждой категоріи и въ числѣ ихъ находятся слѣдующіе люди: бывший президентъ Кливлендъ, милліонеръ Рокфеллеръ, архіепископъ Айрландъ, епископъ Поттеръ и президентъ гарвардскаго университета Эллиотъ. Предсѣдателемъ коммисіи единогласно избранъ сенаторъ Ганна.

Разумѣется, было бы слишкомъ поспѣшно выводить отсюда заключеніе, что въ Америкѣ должна теперь наступить эра промышленнаго міра, но, во всякомъ случаѣ, учрежденіе этой коммисіи составляетъ большой шагъ впередъ, и въ виду того, что въ Америкѣ, дѣйствительно, обнаруживается теперь серьезное движеніе, имѣющее цѣлью урегулированіе отношеній труда и капитала, можно надѣяться все-таки, что коммисія эта приведетъ къ такимъ результатамъ, которые будутъ поучительны и для Европы.

Въ Нью-Йоркѣ ежегодно строится новый театръ. Такъ какъ ежегодный приростъ населенія составляетъ 200.000, то, разумѣется, соотвѣтственно возрастаетъ и потребность въ увеличеніи количества увеселительныхъ заведеній, подобныхъ театрамъ. Нью-Йоркъ въ этомъ отношеніи занимаетъ первое мѣсто, такъ какъ число театровъ въ этомъ городѣ постоянно увеличивается. Всѣ театры представляютъ частныя учрежденія, и, конечно, директора театровъ во всѣхъ силъ стараются угодить вкусамъ публики, которые нельзя назвать особенно утонченными. Недавно въ Нью-Йоркѣ происходилъ митингъ директоровъ театровъ, недовольныхъ новымъ распоряженіемъ нью-йоркскаго муниципалитета, запретившаго стоять въ театрѣ, такъ какъ обыкновенно часть публики не занимала никакихъ мѣстъ и стояла. Оказывается, что, именно, эта стоячая публика и приносила главный доходъ театрамъ, такъ какъ директора объявили, что послѣ новаго распоряженія муниципалитета ихъ всѣхъ ожидаетъ дефицитъ въ

нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ. Стоячая публика съ своей стороны протестовала противъ такого распоряженія, и этотъ вопросъ дебютировался уже на нѣсколькихъ митингахъ, такъ что весьма возможно, что нью-іорскій муниципалитетъ вынужденъ будетъ уступить давленію директоровъ и общественнаго мнѣнія и отбѣнить свое распоряженіе.

Американскія газеты печатаютъ любопытную статистику американской щедрости за прошлый годъ. Оказывается что сумма пожертвованій разныхъ частныхъ лицъ за 1901 годъ на разныя общественныя и благотворительныя дѣла достигаетъ 107.360.000 долларовъ. Во главѣ этого списка, разумѣется стоитъ Эндрю Карнеджи, пожертвовавшій 31 милліонъ долларовъ, причѣмъ половина этой суммы пошла на учрежденіе библіотекъ. Въ Америкѣ почти не найдется сколько-нибудь значительнаго города, гдѣ бы не было библіотеки имени Карнеджи.

За Карнеджи въ списокъ стоитъ г-жа Леландъ Станфордъ вдова калифорнійскаго милліонера, пожертвовавшая въ одинъ годъ около тридцати милліоновъ университету, носящему имя ея мужа. Теперь Станфордскій университетъ считается самымъ богатымъ во всемъ мірѣ. Послѣ этихъ крупныхъ жертвователей идутъ мелкіе, жертвовавшіе отъ трехъ до четырехъ милліоновъ и т. д.

Характернымъ симптомомъ для пожертвованій прошлаго года является то, что на этотъ разъ церковь получила гораздо меньше, чѣмъ прежде. Дѣтъ 25 тому назадъ каждый милліонеръ прежде всего считалъ своимъ долгомъ жертвовать въ пользу какой-нибудь религіозной общины. Но съ каждымъ годомъ щедрость американскихъ богачей уменьшалась въ этомъ направленіи, но зато возрастала въ другомъ.

Конференціи, клубы и митинги въ Англии. Въ прошломъ мѣсяцѣ происходило нѣсколько женскихъ митинговъ въ Лондонѣ. Особенное вниманіе печати возбуждали два изъ нихъ: годичное собраніе національнаго союза работницъ Англии и Ирландіи и митингъ центральнаго общества въ пользу избирательныхъ правъ женщины. На послѣднемъ присутствовали и мужчины, хотя ихъ было не такъ много. Предсѣдательница этого митинга, леди Френсисъ Бальфуръ, сказала, что хотя, къ сожалѣнію, южноафриканская война отодвинула на задній планъ въ Англии всѣ домашнія дѣла, сосредоточивъ интересъ общества на вопросахъ войны, но, тѣмъ не менѣе, движеніе въ пользу избирательныхъ правъ женщинъ продолжало развиваться. Надо надѣяться, — прибавила она, — что въ царствованіе короля Эдуарда вопросъ этотъ разрѣшится.

Ораторы мужчины, говорившіе на этомъ митингѣ, подтверждали то, что женщины, участвующія въ разныхъ выборныхъ собраніяхъ, вполне доказали свою способность къ выполненію такихъ обязанностей, которыя въ прежнія времена входили исключительно только въ кругъ дѣятельности мужчины. Въ числѣ ораторовъ находился и пасторъ Уэнсфильдъ, очень краснорѣчиво говорившій въ пользу полнаго равноправія женщины въ политическомъ и граждан-

скомъ отношеніи. Въ такомъ же духѣ была вотирована и резолюція на этомъ митингѣ.

На годичномъ собраніи союза работницъ мужчины не присутствовали. Открывая собраніе, предсѣдательница сказала, что цѣль союза заключается въ новышеніи соціального, гражданскаго, релягіознаго и нравственнаго благосостоянія работницъ. Для этого союзъ старается собирать и распространять всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть полезны женщинамъ и помогаетъ имъ образовывать организаціи, которыя должны служить имъ оплотомъ въ случаяхъ столкновеній и недоразумѣній. Національный союзъ представляетъ федерацію, въ составъ которой входятъ всѣ отдѣльныя организаціи. Союзъ имѣетъ свои отдѣленія въ различныхъ фабричныхъ центрахъ, и дѣятельность его весьма разнообразна. Въ Манчестерѣ прошлогодняя дѣятельность была, главнымъ образомъ направлена на улучшеніе помѣщенія работницъ и другихъ условій ихъ жизни. Очень оживленныя пренія возбудилъ вопросъ объ участіи женщинъ въ школьныхъ и фабричныхъ совѣтахъ и ихъ дѣятельность въ обществахъ трезвости. Одна изъ ораторшъ въ особенности вызвала горячіе дебаты своимъ сообщеніемъ, что пьянство среди женщинъ сильно возрастаетъ. Она подкрѣпила это сообщеніе статистическими цифрами и докончила свою рѣчь обращеніемъ ко всѣмъ ассоціаціямъ работницъ, чтобы они приложили свои усилія къ пресѣченію этого страшнаго зла, угрожающаго подорвать силы и здоровье націи.

Собраніе разошлось, вотировавъ нѣсколько резолюцій, выражающихъ различныя желанія союза и касающіяся расширенія его дѣятельности.

Одновременно съ этимъ собраніемъ происходилъ въ Манчестерѣ годичный митингъ женщинъ трѣдъ-юніонистокъ, на которомъ были констатированы успѣхи этого движенія среди работницъ. Женскіе трѣдъ-юніоны распространились теперь по всей странѣ, и общее число женщинъ, принадлежащихъ къ этимъ союзамъ, доходитъ теперь до 160.000.

Въ Лондонѣ уже съ 1888 года существуетъ клубъ мальчиковъ, пользующійся большою популярностью среди населенія квартала. Члены клуба—мальчики, только что вступающіе на путь промышленной жизни. Старшіе члены, уже болѣе взрослые, служатъ руководителями младшихъ въ этомъ клубѣ, куда мальчики собираются въ свои свободные часы для совмѣстнаго времяпрепровожденія. Только администрація клуба состоитъ изъ совершенно взрослыхъ людей, которыя, впрочемъ, не вмѣшиваются во внутреннюю жизнь клуба, предоставляя въ этомъ отношеніи его членамъ полную свободу. Всевозможныя игры процвѣтаютъ въ клубѣ, въ особенности тѣ, которыя способствуютъ развитію физическихъ силъ, даже «боксъ» пользуется правомъ гражданства въ этомъ клубѣ и для занятія этимъ искусствомъ отведена отдѣльная комната, гдѣ мальчики могутъ упражняться подъ руководствомъ опытнаго боксера. Какъ во всѣхъ подобныхъ учрежденіяхъ, при клубѣ есть ресторанъ для мальчиковъ, гдѣ они за ничтожную плату получаютъ чай, кофе и т. д. Конечно, есть и читальня, и очень недурная бібліотека, которая всегда бываетъ полна посѣтителями. Учредители этого клуба, имѣя въ виду создать для мальчиковъ такой центръ, гдѣ бы они могли сходиться вмѣстѣ, хотѣли избавить ихъ отъ вреднаго вліанія

разныхъ заведеній и кабаковъ, куда они шли волей-неволей, иногда вслѣдъ за родителями. Въ этомъ отношеніи эта цѣль клуба достигнута.

Исторія одного американскаго репортера. Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ журналистовъ-репортеровъ, Джекобъ Рюсъ, другъ нынѣшняго президента Рузвельта, опубликовавъ свою автобіографію, подъ курьезнымъ заглавіемъ: «Making an American», въ которой онъ рассказываетъ исторію своей жизни. Этотъ типичный американецъ оказывается по происхожденію датчаниномъ, что дало поводъ къ шутивому замѣчанію, что «для того, чтобы сдѣлаться типичнымъ американцемъ, надо родиться въ Европѣ». Рюсъ покинулъ свою родину въ 1870 г., послѣ ссоры съ отцомъ, который непремѣнно хотѣлъ, чтобы онъ сдѣлался школьнымъ учителемъ. Рюсъ не чувствовалъ къ этому дѣлу никакого призванія и, выучившись плотничьему ремеслу, отправился въ Копенгагенъ искать счастья. Но тамъ ему не повезло и онъ уѣхалъ въ Нью-Йоркъ.

Въ Америкѣ ему пришлось вести жизнь полную приключеній. Случайно онъ, въ поискахъ за работой, попалъ въ рудники. Рабочіе, узнавъ, что между ними есть «датчанинъ», сбѣжались смотрѣть на него, такъ какъ все это были по преимуществу валлійцы, а валлійскія народныя легенды рисуютъ датчанъ людьми гигантскаго роста. При видѣ Рюса, который нисколько не выдавался своимъ ростомъ, они сдѣлали презрительную фizioномію и объявили, что Рюсъ обманщикъ, что онъ не можетъ быть датчаниномъ, а только выдаетъ себя за такового. Рюсъ, однако, даже не имѣлъ времени разубѣждать ихъ, такъ какъ не остался работать въ рудникахъ; ремесло рудокопа пришлось ему не по вкусу и онъ пошелъ бродить по міру. Онъ странствовалъ наудачу, ночуя въ сараяхъ и гдѣ попаало. Однажды во время грозы онъ забрался въ сарай, стоявшій въ полѣ и вдругъ, когда блеснула молнія, увидалъ передъ собою какую-то бѣлую голову, точно голову призрака, но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ все погрузилось въ мракъ и чей-то голосъ проговорилъ: «Кто тутъ?» Оказалось, что другой, такой же бездомный бродяга, какъ и Рюсъ, забрался въ сарай, спасаясь отъ грозы.

Годъ такой жизни, конечно, привелъ Рюса въ ужасное состояніе: худой и въ лохмотьяхъ, онъ ничѣмъ не отличался отъ профессиональныхъ бродягъ. У него были рекомендательныя письма, но онъ изъ гордости не хотѣлъ ими воспользоваться и даже сжегъ ихъ, чтобы не имѣть соблазна. Но за этотъ періодъ бродяжнической жизни въ немъ проснулось его призваніе. Онъ рѣшилъ вступить на поприще журналистики и сдѣлаться репортеромъ, такъ какъ его больше всего привлекала эта профессія, которую онъ находилъ одною изъ самыхъ благородныхъ «Я думалъ,—говорилъ Рюсъ,—что никто лучше репортера не можетъ содѣйствовать раскрытію соціальныхъ вѣдъ и борьбы съ ними. Я былъ правъ. Я не измѣнилъ своего мнѣнія съ тѣхъ поръ и, конечно, не измѣню его никогда».

Но желать было легко, а исполнить трудно. Рюсъ попробовалъ поискать работы въ двухъ редакціяхъ и въ обѣихъ безуспѣшно. Когда онъ явился въ одну изъ нихъ въ блузѣ рабочаго, то его спросили, какое у него ремесло.—

«Я плотникъ», отвѣчалъ онъ. Всѣ находящіеся въ редакціи громко расхохотались и захлопнули дверь передъ его носомъ. Но онъ не испугался и, снова открывъ дверь, крикнулъ: «Вы смѣетесь! Ну такъ стойте же...» и съ этими словами удалился, поклявшись въ душѣ, что непременно сдѣлается извѣстнымъ журналистомъ.

Однако, его долго преслѣдовала неудача и однажды ночью, когда онъ уже сталъ приходить въ отчаяніе, очутившись безъ мѣста и безъ куска хлѣба, на него случайно набрелъ директоръ телеграфныхъ курсовъ, у котораго онъ раньше учился. Директоръ узналъ его и заговорилъ съ нимъ. Рюсъ разсказалъ ему всѣ свои трехлѣтнія скитанія и упомянулъ о своемъ желаніи сдѣлаться репортеромъ. Директоръ предложилъ ему устроить его въ одномъ агентствѣ новостей, и это было началомъ карьеры Рюса. Изъ этого агентства онъ перешелъ въ редакцію одного еженедѣльнаго листка, специально открытаго на время выборовъ. Послѣ выборовъ, когда листокъ долженъ былъ прекратить свое существованіе, Рюсъ купилъ его въ кредитъ и самъ, съ перваго слова до послѣдняго, составлялъ его. Онъ договорился съ однимъ похороннымъ бюро, которое соглашлось развозить еженедѣльно его изданіе за дешевую плату на своихъ дрогахъ, что вызывало постоянныя насмѣшки сосѣдей, прозвавшихъ его газету «Еженедѣльными похоронами».

Но Рюсъ вѣрилъ въ свою миссію и прежде всего рѣшилъ преслѣдовать своимъ перомъ зло, вездѣ, гдѣ оно встрѣтится. Кго энтузіазмъ въ этомъ отношеніи проявлялся иногда въ довольно наивной формѣ. Однажды лавочникъ пожаловался ему на трудныя времена, потому что кліенты его, забирающіе у него въ долгъ, не платятъ ему. Рюсъ пришелъ въ негодованіе и напечаталъ въ своей газетѣ угрозу, что онъ опубликуетъ имена неисправныхъ кліентовъ и сдѣлалъ это.

Наконецъ, ему удалось вступить на настоящій путь и онъ сдѣлался репортеромъ одной большой нью-іоркской газеты. Ни одинъ не могъ сравниться съ нимъ въ рвеніи. Но онъ всегда доказывалъ, что репортеръ долженъ высоко держать свое знамя; что онъ долженъ уметь дѣйствовать на душу человѣка, раскрывать глаза публикѣ и указывать ей на то, что творится около нея. «Какъ много добра можетъ сдѣлать репортеръ, если онъ пойметъ обязанности!» говорилъ Рюсъ.

Въ настоящее время Рюсъ занимаетъ очень почетное положеніе въ журналистикѣ; онъ считается «рыцаремъ правды» и всегда въ первомъ ряду сражается за истину и справедливость. Въ недавнемъ пораженіи Таммани въ Нью-Йоркѣ и избраніи Согля Меу меромъ Нью-Йорка, Рюсъ игралъ далеко не послѣднюю роль, такъ какъ онъ съ величайшимъ рвеніемъ выводилъ наружу всѣ злоупотребленія Таммани. Со времени опубликованія своей первой книги, озаглавленной «Какъ живетъ другая половина?» о которой онъ разсказалъ то, что видѣлъ и испыталъ въ теченіе 20 лѣтъ своей жизни, Рюсъ сдѣлался помощникомъ всѣхъ реформаторскихъ обществъ и комиссій. Изъ чувства гуманности онъ даже сталъ фотографомъ; онъ хотѣлъ показать публикѣ весь ужасъ ночлежныхъ пріютовъ и, поэтому, ночью, тайкомъ, являлся туда и снималъ

фотографію при свѣтѣ магнія. Онъ раскрылъ такимъ образомъ публикѣ всѣ ужасы квартала Мюльберри, этого нью-іорискаго Уайтгопсала, и теперь на мѣстѣ этого квартала находится паркъ и народный домъ. Это была великая побѣда репортерскаго искусства, о которой онъ рассказалъ въ своей книгѣ «Десятилѣтняя война». Другою его побѣдой было закрытіе полицейскихъ депо, куда прежде запирали бродягъ, вмѣстѣ съ мошенниками. Рюсъ близко зналъ эти учрежденія, такъ какъ не разъ попадалъ туда и на себѣ испыталъ грубость обращенія полицейскихъ. Однажды полицейскій со зла разможилъ голову его собакъ—единственному другу Рюса и Рюсъ поклялся отомстить ему. Онъ возненавидѣлъ Нью-Йоркъ послѣ этого и чтобы переѣхать на другой берегъ, отдалъ за мѣсто на паромѣ свой шелковый платокъ—последнее воспоминаніе о прошломъ. Вернувшись въ городъ, спустя 24 года, когда онъ уже сдѣлался вліятельнымъ журналистомъ, Рюсъ рѣшилъ начать борьбу съ отвратительными учрежденіями и началъ противъ нихъ походъ. Онъ повелъ туда однажды ночью Рузевельта, который пришелъ въ ужасъ отъ того, что онъ увидѣлъ въ этихъ пріютахъ и поклялся, что они будутъ уничтожены. Такъ и было сдѣлано, и теперь полицейскіе уже не смѣютъ обращаться съ бездомными людьми такъ же, какъ они обращаются съ мошенниками и ворами.

Рюсъ нашелъ въ Рузевельтѣ дѣятельнаго помощника. Они вмѣстѣ дѣлали ночные обходы и на разсвѣтѣ, и за это Рузевельтъ былъ прозванъ «Гарунъ, аль-Рузевельтъ». Имена этихъ двухъ людей, одного по происхожденію голландца, другого—датчанина,—президента великой республики и простого репортера—часто ассоціируются вмѣстѣ, и они оба считаются выдающимися «американскими гражданами», высоко держащими знамя своей пріемной родины.

Изъ области женскаго движенія. Число женщинъ, занимающихъ официальные должности въ различныхъ европейскихъ университетахъ, все еще очень не велико. По свѣдѣніямъ берлинской газеты «Tageblatt», въ старинномъ университетѣ въ Упсалѣ состоитъ доцентомъ г-жа Этельзонъ, докторъ правъ. Въ Италіи съ прошлаго года есть двое женщинъ-доцентовъ; одна—дочь извѣстнаго политика-эконома Лабріола—состоитъ при римскомъ университетѣ и читаетъ лекціи по философіи права, другая, Рина Монти, находится при падуанскомъ университетѣ. Въ Германіи только одна женщина занимаетъ официальную должность ассистента въ институтѣ зоологій и сравнительной анатоміи, въ Брюннѣ; это—графиня фонъ-Линденъ. Иначе обстоитъ дѣло въ Швейцаріи. Около тринадцати дамъ занимаютъ различныя официальные должности при университетахъ, и четверо изъ нихъ привать-доценты. Первая женщина, получившая кафедру въ Швейцаріи была докторъ правъ Эмилія Кемпинъ, она читала римское право въ цюрихской высшей школѣ. Въ Бернѣ состоитъ съ 1898 г. привать-доцентомъ по исторіи философіи и особенно эстетики наша соотечественница Анна Тумарына. Очень много женщинъ состоятъ ассистентами при различныхъ клиникахъ и лабораторіяхъ, а также въ городскихъ публичныхъ бібліотекахъ. Въ Австро-Венгріи также сдѣланъ первый

шагъ въ этомъ направленіи, и первая женщина, получившая дипломъ доктора медицины въ будапештскомъ университетѣ, Шарлотта Штейнбергъ, официально назначена теперь практикантомъ въ гинекологическую клинику.

Много толковъ возбудило въ Берлинѣ приглашеніе, полученное докторомъ правъ Анитой Аугсбургъ, сказать въ собраніи свободомыслящей народной партіи въ Кенигсбергѣ рѣчь противъ новаго таможеннаго законопроекта. Это первый случай обращенія къ женщинѣ съ предложеніемъ выступить въ качествѣ официального политическаго оратора партіи. Второй случай былъ въ Гамбургѣ, гдѣ, также по приглашенію одного политическаго ферейна, г-жа Гейманъ прочла докладъ о роли женщинъ въ общественной жизни.

Женское движеніе дѣлаетъ большіе успѣхи въ Индіи. Нѣсколько выдающихся англичанъ, стоящихъ во главѣ этого движенія, дѣятельно занимаются пропагандой идей занимающей среди индусскихъ женщинъ. Къ нимъ примкнули и нѣкоторыя изъ образованныхъ туземныхъ женщинъ. Съ цѣлью распространенія передовыхъ идей основаны ими три журнала «Anthonur», «The Ladies Magazine», «Bharat Bhagini» — послѣдній въ особенности пользуется популярностью въ индусскомъ обществѣ. Въ этихъ журналахъ участвуютъ туземныя писательницы въ довольно большомъ числѣ. Вообще индусскія женщины оказываются весьма способными къ воспріятію идей прогресса, и на это, между прочимъ, указываетъ ежегодное возрастаніе числа туземныхъ слушательницъ въ высшихъ школахъ и университетахъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Исправленіе преступниковъ и реформа уголовныхъ законовъ. — Женскій трудъ во Франціи. — Неточность свидѣтельскихъ показаній и опытъ Липшта. — Британская академія.

Американскій судья изъ Нью-Джерсея Франклинъ Фортъ помѣщаетъ въ «Foghorn» статью о мѣрахъ борьбы съ преступностью и способахъ предупрежденія преступленій. Онъ говоритъ, что каждое организованное общество стоитъ лицомъ къ лицу съ этою проблемой и должно стремиться къ уменьшенію преступленій. Но преступленія въ значительной степени зависятъ отъ двухъ причинъ: наслѣдственности и вліянія окружающей обстановки. Люди рѣдко становятся преступниками сами по себѣ. Иногда преступленія вызываются необходимостью, но совершившіе ихъ не должны зачисляться въ разрядъ преступниковъ.

Въ послѣднее время часто говорятъ о томъ, что преступность возрастаетъ; однако, было бы справедливѣе, по мнѣнію автора, говорить, что тѣ условія, которыя порождаютъ преступность, развиваются больше подъ вліяніемъ современнаго законодательства. Каждый новый законодательный періодъ непременно увеличиваетъ списокъ преступленій, такъ какъ вводятся новые законы, причисляющіе къ преступленіямъ такого рода акты, которые не считались таковыми раньше. Дѣйствительныя же преступленія не увеличиваются въ числѣ и въ сущности

число профессиональных преступниковъ скорѣе уменьшается по мѣрѣ распространения цивилизаціи и воспитанія. Авторъ придаетъ большое значеніе наказанію въ дѣлѣ распространения преступности. Онъ говоритъ, что именно наказаніе очень часто превращаетъ въ преступниковъ людей, которые не были бы ими при другихъ условіяхъ. Принято думать, что строгость законовъ предупреждаетъ преступленія, но хотя страхъ, быть можетъ, и останавливаетъ нѣкоторыхъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ помнить, что преступленія существовали и тогда, когда наказанія, даже за сравнительно небольшіе проступки, отличались непримѣрной жестокостью. Такимъ образомъ, полагаться на страхъ, какъ на предупредительную мѣру противъ преступленій, не слѣдуетъ. Лучшимъ предупрежденіемъ была бы другая система, основанная на снисходительности и надзорѣ за преступникомъ. Во многихъ американскихъ штатахъ введена уже система условнаго прощенія преступника и освобожденія его на слово. Въ штатѣ Миннесота система эта привела уже къ замѣтнымъ результатамъ; во-первыхъ, она уменьшила число строгихъ наказаній, необходимыхъ для поддержанія тюремной дисциплины и, во-вторыхъ, она даетъ возможность выказаться хорошимъ сторонамъ преступника и позволяетъ не смѣшивать совершенно порочныхъ людей съ тѣми, которые сохранили еще въ своей душѣ добрые элементы. Статистика штата за четыре года указываетъ, что изъ 117 отпущенныхъ на слово преступниковъ, только 17 нарушили слово и только трое бѣжали изъ штата. Изъ 74 отпущенныхъ на слово въ Калифорніи, нарушили слово только 8; остальные 64 вели себя хорошо. Изъ 128 въ Мичиганѣ—девятъ нарушили слово. Въ Массачусетсѣ и другихъ штатахъ процентъ вернувшихся на путь истины преступниковъ еще больше. Губернаторъ Нью-Джерсея въ своемъ годовомъ отчетѣ законодательному собранію въ 1900 г. заявилъ, что изъ всѣхъ отпущенныхъ на слово заключенныхъ, лишь пять процентовъ вернулись сноа на путь преступленія.

Преступникъ, попавшій въ тюрьму, знаетъ, что для того, чтобы быть отпущеннымъ на слово изъ тюрьмы, онъ долженъ хорошо вести себя въ тюрьмѣ. Затѣмъ, на свободѣ, онъ обязуется ежемѣсячно увѣдомлять тюремныя власти о томъ, гдѣ онъ находится и что онъ дѣлаетъ, причѣмъ или хозяинъ, у котораго онъ работаетъ, или какое-нибудь достовѣрное лицо должны подтвердить его слова. Если онъ нарушаетъ свое слово, то подлежитъ такому же наказанію, какъ если бы онъ бѣжалъ изъ тюрьмы. «Такая система,—говоритъ авторъ,—удерживаетъ человѣка отъ дурного поведенія при помощи страха и надежды. Отпущенный изъ тюрьмы на слово, онъ боится нарушить его, чтобы снова не вернуться въ тюрьму на худшихъ условіяхъ и, кромѣ того, его поддерживаетъ въ этомъ направленіи надежда на полное прощеніе и освобожденіе. Такимъ образомъ, государство избавляется отъ заботы о преступникѣ и вмѣсто преступника государству возвращается гражданинъ, котораго его собственная выгода въ данномъ случаѣ заставляетъ вести себя честно».

Авторъ въ особенности возмущается противъ того, что юные преступники, въ первый разъ вступившіе на этотъ путь, заключаются въ тюрьму вмѣстѣ со старыми, привычными преступниками. Поступая такъ съ молодыми преступ-

никами, власти, но его мнѣнію, тоже совершаютъ преступленіе. Почти всякое первое преступленіе въ юные годы является результатомъ обстановки и почти всегда можно отыскать смягчающія обстоятельства. Общество должно позаботиться о томъ, чтобы спасти юношей отъ опасности сдѣлаться преступниками, въ этомъ-то заключается одна изъ важнѣйшихъ современныхъ проблемъ. Тотъ моментъ, когда юный преступникъ впервые является въ судъ, служитъ обыкновенно поворотнымъ пунктомъ его жизни. Если онъ попадаетъ въ тюрьму, то большею частью уже потомъ окончательно вступаетъ на путь преступленія. Въ нѣкоторыхъ штатахъ введена, поэтому, система отдачи молодыхъ преступниковъ на испытаніе, подъ надзоръ специально назначеннаго для этого лица. Эта система, впервые введенная въ Массачусетсѣ, оказалась вполнѣ цѣлесообразной, такъ какъ по статистикѣ лишь очень небольшой процентъ изъ тѣхъ, кто находился на испытаніи, оказались рецидивистами. Во всякомъ случаѣ, тамъ, гдѣ введена эта система, цифра преступности не возросла. Разумѣется, какъ эта система, такъ и система отпущенія преступниковъ на слово, требуетъ очень добросовѣстныхъ исполнителей, проникнутыхъ сознаниемъ важности своей задачи. Но это лишь одинъ изъ способовъ, который, при правильномъ и умѣломъ примѣненіи, долженъ повести къ уменьшенію преступленій. Другіе способы относятся къ предупрежденію преступленій и должны стремиться къ уничтоженію условій, порождающихъ преступленія. Въ этомъ именно и должна заключаться главная задача всѣхъ современныхъ законодательствъ, а не въ одной только карѣ преступниковъ.

Г-жа Кэте Шармакеръ сообщаетъ въ «*Revue des Revues*» статистику женскаго труда во Франціи. Положеніе женщины во Франціи, какъ производительницы труда, довольно незавидное. Число трудящихся женщинъ г-жа Шармакеръ опредѣляетъ въ 14.111.512. Нѣтъ такой области матеріальнаго или интеллектуальнаго труда, въ которой бы не участвовали женщины. Наибольшее число французенокъ занимается профессіей хозяйки, затѣмъ слѣдуютъ земледѣліе, промышленность, домашнія услуги и торговля, но въ этихъ профессіяхъ, за исключеніемъ домашнихъ услугъ, женщинъ меньше, нежели мужчинъ. Промышленнымъ трудомъ занимаются 1.888.947 женщинъ; въ торговлѣ насчитывается 571.079; домашняя прислуга — 737.941; различными либеральными профессіями занимается—138.460; въ рудникахъ и на каменоломняхъ работаютъ 4.759; въ различныхъ агентствахъ—12.645 и т. д. Но вездѣ, за исключеніемъ госпиталей и трехъ первыхъ классовъ элементарной школы, заработокъ женщины меньше заработка мужчины. Въ нѣкоторыхъ профессіяхъ женщина получаетъ даже на двѣ трети меньше мужчинъ. Между тѣмъ, женщины, замужней или нѣтъ, большею частью одновременно приходится заниматься двумя дѣлами: хозяйствомъ и профессиональнымъ трудомъ. Разумѣется, въ концѣ концовъ, наступаетъ переутомленіе силъ. Но замужняя женщина, благодаря тому, что не одна она поддерживаетъ хозяйство своимъ трудомъ, можетъ все-таки жить, тогда какъ одиночная женщина, вынужденная исключительно только существовать своимъ трудомъ и сама для себя совершать всю

хозяйственную работу, не живетъ, а прозябаетъ въ букввальномъ смыслѣ этого слова, не имѣя никакой поддержки. Переутомленіе, нищета или еще хуже— вотъ неизбѣжный удѣлъ большинства работницъ какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ. «Женщины,—вослицаетъ г-жа Ширмахеръ въ заключеніе,— все-таки продолжающія жить, несмотря на такія тяжкія условія, поистинѣ заслуживаютъ, чтобы ихъ считали «сильнымъ поломъ» (le sexe fort).

Профессоръ уголовного права Липштъ указываетъ въ «Deutschen Turisten Zeitung», въ статьѣ объ уголовномъ правѣ и психологіи, до какой степени часто, даже самые добросовѣстные люди, безсознательно искажаютъ факты, когда имъ приходится свидѣтельствовать на судѣ. Въ каждомъ крупномъ криминальномъ процессѣ непрѣнно повторяется одна и та же картина: дефигурируютъ свидѣтели, показанія которыхъ часто бываютъ прямо противоположны. Большинство такихъ свидѣтелей готовы подъ присягой подтвердить свое показаніе, и весьма часто приговоръ произносится на основаніи самыхъ неопредѣленныхъ уликъ, доставляемыхъ такими свидѣтельскими показаніями. Многіе криминалисты экспериментальнымъ путемъ пришли къ убѣжденію, что ни одинъ заурядный человѣкъ большею частью не въ состояніи представить точную картину какого-нибудь сложнаго и быстро совершившагося на его глазахъ событія. Приватъ-доцентъ философіи въ бреславльскомъ университетѣ д-ръ Стернъ недавно произвелъ рядъ опытовъ надъ студентами, подтвердившихъ это заключеніе, такіе же контрольные опыты предпринялъ и профессоръ Липштъ. Между прочимъ, онъ устроилъ слѣдующій опытъ въ семинаріи, гдѣ студенты не подозрѣвали, что они будутъ служить объектами для опыта. Въ этотъ вечеръ въ семинаріи назначено было чтеніе реферата о Тардѣ съ послѣдующими преніями; но не успѣлъ референтъ кончить свой докладъ, какъ профессоръ Липштъ схватился за шляпу и объявилъ, что онъ долженъ удалиться по важному дѣлу и поэтому откладываетъ пренія до слѣдующаго раза. Тутъ одинъ изъ слушателей выразилъ желаніе узнать, какъ относится Тардъ къ христіанской религіи.

— Этого только не доставало! — замѣтилъ громко дерзкимъ тономъ какой-то господинъ.

— Это васъ не касается,—возразилъ ему спрашивающій.

— Нахаль!

Видя себя отъ ярости оскорбленный бросается на оскорбителя, выхвативъ револьверъ... Въ аудиторіи поднимается суматоха; всѣ въ страшномъ волненіи вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, кричатъ... Вдругъ раздается громовый голосъ профессора Липшта:

— Господа, вы всѣ были свидѣтелями только что случившагося происшествія и поэтому давайте теперь же опросимъ свидѣтелей и составимъ протоколъ.

Слушатели поняли, что вся эта сцена была тщательно обдумана и подстроена Липштомъ и двумя его помощниками, но такъ какъ всѣ не были посвящены въ это, то разумѣется были сильно взволнованы происшедшимъ. Когда они нѣсколько успокоились, то начался допросъ свидѣтелей и запись

ваніе въ протоколъ. Одни свидѣтели были допрошены тутъ же, другіе на другой день. И что же? Только двое дали вѣрныя показанія; показанія же другихъ были большею частью ошибочны и встрѣчались даже очень грубыя ошибки. Нѣкоторые, напримѣръ, видѣли, что нападающій замахнулся палкой и готовы были поклясться въ этомъ...

Эти и подобныя опыты доказываютъ, что на вѣрность свидѣтельскихъ показаній не всегда можно положиться. Но дальнѣйшія изслѣдованія и опыты въ этомъ направленіи дадутъ, конечно, возможность судьямъ критически относиться къ показаніямъ свидѣтелей и лучше оцѣнивать ихъ по достоинству, чѣмъ они это въ состояніи дѣлать теперь, полагаясь всецѣло на эти показанія. «Во всякомъ случаѣ,— какъ говоритъ профессоръ Лишъ,—уголовное судопроизводство должно всегда идти рука объ руку съ психологіей, которая одна только можетъ помочь судьямъ выбраться изъ лабиринта затрудненій, встрѣчающихся имъ на каждомъ шагѣ».

Идея устройства британской академіи наукъ встрѣчаетъ большое сочувствіе въ англійской печати. «Quarterly Review» говоритъ, что Англія давно уже слѣдовало позаботиться объ этомъ, такъ какъ ее опередили всѣ другія страны и только одна Турція можетъ быть поставлена рядомъ съ нею въ этомъ отношеніи. Въ назиданіе англичанамъ журналъ приводитъ описаніе парижской и берлинской академій. Единственное ученое общество, объединяющее различныя отрасли знанія въ Англіи, это британская ассоціація, но она исключаетъ изъ своего вѣдѣнія исторію, философію и филологическія науки, тогда какъ королевскій институтъ въ Лондонѣ исключительно занимается только поощреніемъ естественныхъ наукъ. По мнѣнію «Quarterly Review», Англія больше всего нуждается въ настоящее время въ такихъ учрежденіяхъ, какъ «Académie des Inscriptions» и «Académie des Sciences morales et politiques» въ Парижѣ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Новыя данныя о третьей форменной составной части крови.

Микроскопическое изслѣдованіе крови, какъ извѣстно, показываетъ намъ, что въ ней плаваютъ билліоны особенныхъ форменныхъ элементовъ, которые уже давнымъ давно извѣстны въ наукѣ подъ названіемъ кровяныхъ тѣлецъ, или, вѣрнѣе—кровяныхъ клѣтокъ. Къ нимъ принадлежатъ троякаго рода элементы: *красныя* и *бѣлыя* (безцвѣтныя) *кровяныя клѣтки* и такъ называемыя пластинки *Vizzogero*, или *кровяныя пластинки*.

Первыя получили свое названіе красныхъ отъ того, что въ нихъ заключается особенное красящее вещество—гемоглобинъ, присутствіе котораго придаетъ клѣткамъ красновато-темную окраску съ легкимъ зеленоватымъ оттѣнкомъ. Кровяныя клѣтки втораго рода кажутся безцвѣтными, почему, въ отличіе отъ красныхъ, ихъ называютъ бѣлыми, или *лейкоцитами*. Элементы третьей категоріи представляются намъ, даже при сильныхъ увеличеніяхъ, въ видѣ очень мелкихъ, необкрашенныхъ пластинокъ и впервые были тщательно изучены итальянскимъ ученымъ *Vizzogero*, вслѣдствіе чего стали извѣстны въ наукѣ подъ названіемъ *пластинокъ Vizzogero*, или просто *кровяныхъ пластинокъ*.

Кровяныя клѣтки имѣютъ извѣстную форму и величину, способны питаться, обладаютъ раздражимостью, размножаются, даже могутъ производить активныя движенія (безцвѣтныя кровяныя клѣтки) и, наконецъ, какъ и все живое, умираютъ. Отъ жизни этихъ невидимыхъ простымъ глазомъ элементарныхъ частицъ крови, отъ измѣненій ихъ въ количественномъ отношеніи, отъ различнаго рода заболѣваній, которымъ они могутъ подвергаться, стоятъ въ тѣсной зависимости здоровье, болѣзни и даже смерть такого сложнаго организма, каковымъ является организмъ человѣка.

Всѣ только что указаные форменные элементы крови, отличаясь другъ отъ друга по своей формѣ, величинѣ, строенію, химическому составу и пр., играютъ въ жизни организма различную роль. Красныя кровяныя клѣтки, открытыя въ крови еще въ половинѣ XVI столѣтія знаменитымъ голландскимъ естествоиспытателемъ *А. Левенгукомъ*, назначены, главнымъ образомъ, для того, чтобы доставлять всѣмъ элементамъ животнаго организма кислородъ,

необходимый для ихъ жизни и дѣятельности. Онѣ получаютъ его въ легкихъ изъ вдыхаемаго нами воздуха и, передвигаясь по тончайшимъ кровеноснымъ сосудамъ—капиллярамъ, отдаютъ связанный съ гемоглобиномъ кислородъ элементамъ, изъ которыхъ построены животныя ткани и органы. Безцвѣтныя кровяныя кѣтки (лейкоциты) занимаютъ особое мѣсто среди всѣхъ кѣтокъ животнаго организма и обладаютъ столь разнообразными и удивительными свойствами, функціи ихъ до такой степени разнообразны, что биологамъ придется еще много и долго работать, чтобы выяснитъ вполне роль и значеніе этихъ образованій въ жизни организма. Классическія изслѣдованія *Мечникова* и *Buchner'a* впервые указали намъ, что эти особенныя, способныя къ активному движенію элементы играютъ важную роль во многихъ заразныхъ (инфекціонныхъ) болѣзняхъ. Они поѣдаютъ различнаго рода микроорганизмы, вызывающіе извѣстныя инфекціонныя болѣзни, ведутъ борьбу съ ними, а равно освобождаютъ организмъ отъ вредныхъ для него частицъ умершихъ тканей и такимъ образомъ какъ-бы исполняютъ обязанности санитаровъ. Далѣе, *Buchner* показалъ, что бѣлыя кровяныя кѣтки выделяютъ особыя вещества (алексины, токсины), способныя убивать различнаго рода бактерій, попавшихъ въ животныя организмъ, и освобождаютъ послѣдній отъ этихъ чуждыхъ ему пришельцевъ. Имѣющіеся въ крови разнообразные ферменты, по изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ—*Bial*, *Arthus*, *Spitzer*, *Salkowski*, *Lépine* и др. также вырабатываются безцвѣтными кровяными кѣтками. Кромѣ того, послѣднимъ приписываютъ извѣстную роль въ питаніи организма, въ образованіи тканей и пр. и пр. Вообще, *Looss* и другіе изслѣдователи считаютъ бѣлыя кровяныя кѣтки за ту резервную силу организма, которая приходитъ ему на помощь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ткани и составляющіе ихъ элементы оказываются безсильными въ борьбѣ съ различнаго рода вредными веществами или микроорганизмами, развившимися въ нашемъ организмѣ или попавшими въ него извнѣ, когда жизнедѣятельность организма или, какъ говорятъ, биологическій тонусъ его пониженъ.

Наконецъ, что касается пластинокъ *Vissogero*, то ихъ происхожденіе, строеніе и значеніе въ жизни организма до послѣдняго времени оставались загадочными. Одни изслѣдователи—*Lilienfeld*—находили въ нихъ присутствіе нуклеина и предполагали, что пластинки эти происходятъ изъ ядеръ бѣлыхъ кровяныхъ кѣтокъ, между тѣмъ какъ другіе наблюдатели *Loewit*, *Arnold*, *Bremer* считали кровяныя пластинки лишь за мелкія частицы, отдѣлившіяся отъ красныхъ кровяныхъ кѣтокъ. *Arnold* высказывалъ даже предположеніе, что пластинки *Vissogero* вообще представляютъ собою не что иное, какъ продуктъ распада красныхъ и безцвѣтныхъ кровяныхъ кѣтокъ. Наконецъ, нѣкоторые ученые высказывали мнѣніе, что описываемыя пластинки являются совершенно самостоятельными элементами, существуютъ независимо отъ красныхъ и бѣлыхъ кровяныхъ кѣтокъ и играютъ извѣстную роль въ образованіи ферментовъ, вызываютъ свертываніе крови и пр.

Объ этихъ то, все еще загадочныхъ для насъ образованіяхъ, представляю-

щихъ собою третью форменную составную часть крови, я и хочу сообщить нѣкоторые новыя и интересныя данныя.

Два исследователя, *Hayem* и *I. Bissozero*, изучая кровь человѣка, млекопитающихъ и низшихъ позвоночныхъ, открыли въ крови присутствіе особенныхъ маленькыхъ образований, которыя имѣли форму круглыхъ или эллипсоидныхъ пластинокъ. Последнія обыкновенно кажутся безцвѣтными, болѣе или менѣе блестящими и приблизительно въ три раза меньше красныхъ кровяныхъ клѣтокъ. Въ одномъ кубическомъ миллиметрѣ нормальной крови человѣка ихъ заключается отъ 200.000 до 635.000. *Hayem* сначала предполагалъ, что въ описываемыхъ элементахъ имѣются ядра, а слѣдовательно, они должны быть причислены къ клѣткамъ, но вскорѣ затѣмъ онъ отказался отъ своего мнѣнія. *Mondino* и *Sala* высказывали предположеніе, что открытыя *Hayem*'омъ и *Bissozero* пластинки имѣютъ ядра лишь въ молодомъ возрастѣ, подобно краснымъ кровянымъ клѣткамъ, а потомъ во время дальнѣйшаго ихъ роста и развитія ядра утрачиваются и онѣ являются уже въ видѣ безъядерныхъ образований. *Schimmelbusch* указываетъ, что при разсматриваніи крови человѣка ему удалось замѣтить, какъ означенныя пластинки мѣняли свою форму и выпускали короткіе и тонкіе отростки, которые то удлинялись, то укорачивались. Подобное измѣненіе формы пластинокъ, по мнѣнію *Schimmelbusch*'а зависитъ отъ чисто механическихъ причинъ, напр., отъ движенія жидкости, образованія фибрина и пр., и не имѣетъ ничего общаго съ такъ называемымъ амѣбовиднымъ движеніемъ. Оно обуславливается чрезвычайною мягкостью и растяжимостью того однороднаго вещества, изъ котораго состоятъ пластинки. Далѣе, наблюденія сдѣланныя *Cuénot*'омъ, *Giglio-Tos*'омъ, *Cattaneo* и др. Надъ кровью позвоночныхъ и жидкостью, отвѣчающею крови, у беспозвоночныхъ, показали, что въ крови, только что выпущенной изъ сосудовъ, одновременно съ выдѣленіемъ фибрина и свертываніемъ крови, кровяныя пластинки собираются группами и, распадаясь на множество мелкихъ зернышекъ, образуютъ такъ назыв. тромбъ, т.-е. пробку, состоящую, главнымъ образомъ, изъ распавшихся пластинокъ и нитей фибрина. Подобное характерное измѣненіе пластинокъ наступаетъ въ выпущенной крови уже по истеченіи нѣсколькихъ секундъ и немедленно влечетъ за собою образованіе тромба, вслѣдствіе чего *Giglio-Tos* предложилъ называть эти пластинки «*тромбоцитами*». Названіе это въ настоящее время почти приобрѣло права гражданства въ наукѣ.

Несмотря на вышеуказанныя и многія другія наблюденія, вопросъ о строеніи и происхожденіи тромбоцитовъ оставался еще далеко не рѣшеннымъ, а ихъ роль въ жизни организма все-таки была не выяснена окончательно, и образованія эти попрежнему представлялись для насъ загадочными.

Въ последнее время появилось нѣсколько работъ, которыя, повидимому открыли передъ нами тайну строенія и жизни тромбоцитовъ и выяснили ихъ важное значеніе для организма. Такъ, недавно *Deetjen* *), изучая кровяныя пластинки, впервые обратилъ вниманіе на то, что извѣстной крѣпости растворя-

*) Virchow's Archiv. Bd. 164, Heft 2, 1901.

метафосфорнокислаго натра (NaPO_3), обладает способностью сохранять въ теченіе довольно долгаго времени жизненныя свойства пластинокъ, несмотря на чрезвычайную нѣжность и легкость, съ какою онѣ измѣняются и умираютъ, разъ только кровь выпущена изъ сосуда. Вотъ если взять капельку крови человѣка, помѣстять ее въ каплю раствора метафосфорнокислаго натра и разсматривать подъ микроскопомъ, при температурѣ 38—40° Ц. и съ помощью сильныхъ объективовъ, то не трудно замѣтить большое количество тромбоцитовъ, прилипшихъ къ нижней поверхности покровнаго стеклышка препарата. Съ самаго начала наблюденія тромбоциты уже кажутся въ видѣ свѣтлыхъ образованій, отъ которыхъ отходятъ, на подобіе шпировъ, короткіе и тонкіе отростки, вслѣдствіе чего описываемые элементы получаютъ звѣздчатую форму (фиг. 1). Кромѣ того, въ каждомъ тромбоцитѣ можно еще замѣтить присутствіе круглаго, блестящаго тѣльца, которое есть не что иное, какъ ядро тромбоцита (фиг. 1, а).

Далѣе, по истеченіи нѣсколькихъ минутъ отъ начала наблюденія, легко констатировать, что эти маленькія образованія, имѣющія форму отростчатыхъ

Фиг. 1. Два тромбоцита изъ крови человѣка, а—ядро; в — отростки. Увелич. 3200 : 1.

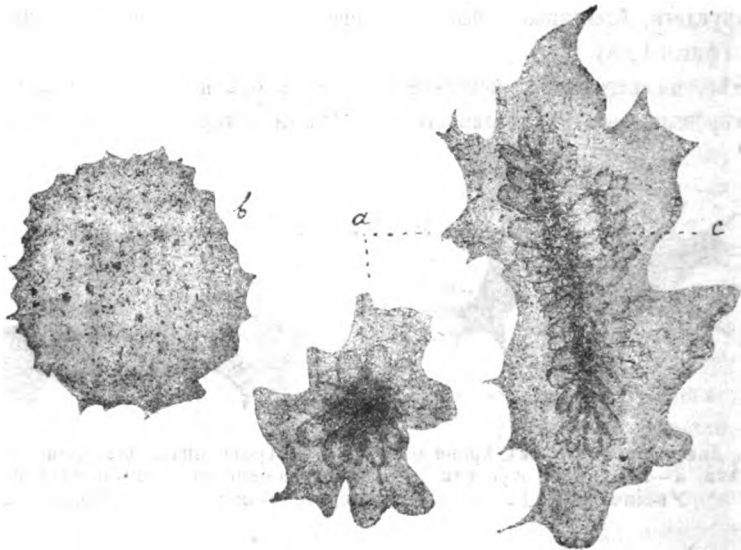

Фиг. 2. Тромбоциты изъ крови человѣка. Наступающія въ тромбоцитахъ измѣненія протоплазмы и ядра. Увелич. 3200 : 1.

пластинокъ, проявляютъ признаки жизни: нѣкоторые изъ отростковъ того или другого тромбоцита начинаютъ удлиняться и въ то же время становятся толще, а одновременно съ этимъ другіе отростки укорачиваются—втягиваются тромбоцитомъ, вслѣдствіе чего форма его постоянно мѣняется. Благодаря то вытягиванію, то втягиванію отростковъ, тромбоциты, подобно безцвѣтнымъ кровянымъ клѣткамъ, передвигаются, правда съ очень незначительною скоростью, въ томъ или иномъ направленіи, т.-е. совершаютъ амѣбовидныя движенія, названныя такъ потому, что они впервые были замѣчены у одноклѣточныхъ организмовъ—амѣбъ. На препаратахъ, приготовленныхъ по указаніямъ *Deetjen'a*, тромбоциты сохраняютъ жизнь въ теченіе многихъ часовъ, между тѣмъ какъ, при другихъ способахъ изслѣдованія крови, они, можно сказать, моментально умираютъ и подвергаются характернымъ измѣненіямъ. Присутствіе ядеръ въ тромбоцитахъ можно доказать не только на препаратахъ, приготовленныхъ изъ свѣжей крови, но и въ крови фиксированной извѣстнымъ образомъ и затѣмъ окрашенной различными красками, напр., гематоксилиномъ, анилиновыми красками и пр.

Когда въ нѣслѣдуемомъ препаратѣ, по истеченіи болѣе или менѣе короткаго времени, наступаетъ свертываніе крови, т.-е. образованіе фибрина, тогда тромбоциты подвергаются особеннымъ, характернымъ измѣненіямъ, сущность которыхъ заключается въ значительномъ увеличеніи объема протоплазмы (фиг. 2) и въ процессѣ распада ядра. Обыкновенно, прежде всего, одни отростки тромбоцитовъ разстилаются по поверхности покровнаго стеклышка и принимаютъ видъ широкихъ пластинокъ, другіе направляются внизъ, въ жидкость препарата, и становятся булавовидно вздутыми. Затѣмъ, въ отросткахъ и въ протоплазмѣ появляется множество вакуоль, т.-е. полостей, наполненныхъ жидкостью, вслѣдствіе чего измѣненные такимъ образомъ тромбоциты кажутся составленными какъ бы изъ множества ячеекъ (фиг. 3). Если въ какомъ-либо

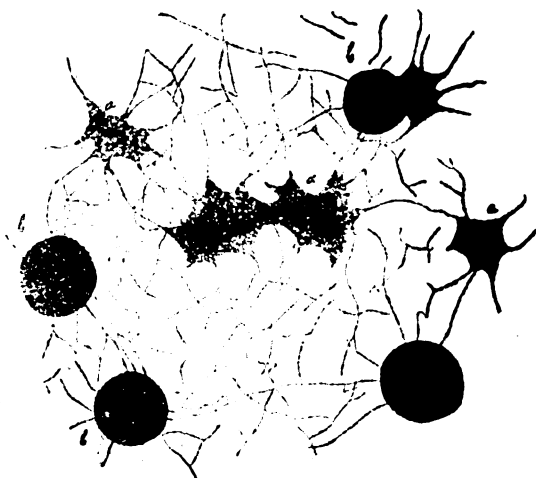

Фиг. 3. Тромбоциты изъ крови человѣка. а—тромбоциты съ лапчатыми отростками и вакуолями (с); в—тромбоцитъ съ ядромъ, распавшимся на множество зернышекъ. Увелич. 3200: 1.

мѣстѣ препарата располагаются другъ возлѣ друга много тромбоцитовъ и всѣ они подвергаются только что указаннымъ измѣненіямъ, то въ такомъ случаѣ въ данномъ мѣстѣ получается какъ бы пѣна, состоящая изъ массы различной величины круглыхъ пузырьковъ—ячеекъ.

Одновременно съ указанными измѣненіями, происходящими въ протоплазмѣ тромбоцитовъ, ядра ихъ постепенно теряютъ свою круглую форму,—становятся угловатыми, неровными—и затѣмъ распадаются на множество зернышекъ. Послѣднія лежатъ то группами, то разбѣяны по всей протоплазмѣ того или другого тромбоцита. Въ то время, когда тромбоциты претерпѣваютъ только что описанныя измѣненія, по краямъ каждого изъ нихъ и около отростковъ начинаютъ появляться первыя нити фибрина, количество которыхъ увеличивается все больше и больше, пока, наконецъ, не получится цѣлая сеть нитей фиб-

рина, причѣмъ нѣрѣдко въ центрѣ такой сѣти помѣщается тромбоцитъ (фиг. 4) Какъ въ моментъ образованія первыхъ нитей фибрина, такъ и долгое время послѣ этого въ красныхъ и безцвѣтныхъ кровяныхъ клѣткахъ нельзя замѣтить никакихъ признаковъ распада: красныя кровяныя клѣтки кажутся круглыми, а лейкоциты попрежнему измѣняютъ свою форму и передвигаются. Это наблюдение говоритъ намъ, что выпаденіе изъ кровяной жидкости—плазмы крови—бѣлковаго тѣла—фибрина въ видѣ нитей стоитъ въ прямой и тѣсной зависимости лишь отъ умiranja и измѣненія тромбоцитовъ; красныя и безцвѣтныя кровяныя клѣтки, видимо, въ этомъ процессѣ не играютъ никакой активной роли. Импульсъ къ свертыванію крови и образованію фибрина даетъ распаденіе протоплазмы и ядра клѣтокъ особаго рода—тромбоцитовъ.

фиг. 4. Нити фибрина изъ препарата крови человѣка, а—измѣненные тромбоциты съ ядущими отъ нихъ, какъ отъ центровъ, нитями фибрина; в—неизмѣненныя красныя кровяныя клѣтки. Увелич. 3200: 1.

Интересныя и весьма важныя наблюденія *Deetjen'a* вскорѣ были подтверждены *M. Dekhuijzen'омъ* ¹⁾, *Kopsch'емъ* ²⁾, проф. *Арутинскимъ* ³⁾ и др. и въ настоящее время, несмотря на критическую замѣтку *E. Schwalbe*, мнѣ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что тромбоциты, или пластинки *Bizzozero*, принадлежать къ особаго рода клѣточнымъ элементамъ: они состоятъ изъ протоплазмы и ядра, могутъ измѣнять свою форму и передвигаться, а умירה и распаденіе ихъ немедленно вызываетъ свертываніе крови.

Такимъ образомъ, троякаго рода форменныя элементы крови играютъ различную роль въ жизни организма:

¹⁾ «Ueber die Thrombocyten (Blutplättchen). Anat. Anzeiger, № 21, 1901.

²⁾ «Die Thrombocyten (Blutplättchen) des Menschenblutes und ihre veränderungen bei der Blutgerinnung». «Anat. Anz». № 21, 1901.

³⁾ «Zur Kenntnis der Blutplättchen». «Anat. Anz», № 21, 1901.

а) Красныя кровяныя клѣтки доставляютъ необходимый для жизни организма кислородъ, являются какъ бы рабочими, трудами которыхъ кормится огромнѣйшее государство — сложный организмъ, состоящее изъ миллиардовъ гражданъ—клѣточныхъ элементовъ.

в) Безцвѣтныя кровяныя клѣтки (лейкоциты) удаляютъ изъ организма или уничтожаютъ различнаго рода вредные и ненужные ему элементы: продукты распада тканей, вредные микроорганизмы и пр. Онѣ, слѣдовательно, защищаютъ животный организмъ, помогаютъ ему въ борьбѣ съ различными вредными началами, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда силы самого организма оказываются недостаточными для этой борьбы. Въ этихъ своеобразныхъ клѣткахъ организмъ имѣетъ громадную армию солдатъ и санитаровъ, охраняющихъ его отъ враговъ и уносящихъ вредныя для него вещества.

с) Наконецъ, тромбоциты (пластинки *Viazoletto*) представляютъ собою элементы, приспособленные къ тому, чтобы останавливать небольшія кровотечения изъ пораненныхъ сосудовъ—предохранять организмъ отъ потери необходимой для его питанія жидкости. Приходя въ соприкосновеніе съ разорванными отѣнками сосудовъ, тромбоциты распадаются, моментально вызываютъ свертываніе крови, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованіе пробокъ, закупоривающихъ кровоточащія сосуды. Эти особенные элементы исполняютъ въ организмѣ какъ бы обязанности хирурговъ, самоотверженно жертвующихъ при всякомъ кровотеченіи своею жизнью для спасенія жизни организма.

Проф. А. С. Догель.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА *).

Стереоскопъ въ астрономіи.—О взаимодействіи твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ.—Новая теорія происхожденія конечностей.—Значеніе извести и магнезіи для растений.—Къ вопросу о рефлекторныхъ движеніяхъ.

Стереоскопъ въ астрономіи. На небесномъ сводѣ рассыпаны мириады звѣздъ. Большія и яркія, маленькія и слабыя, красноватыя, желтыя и бѣлыя. Всѣ онѣ какъ бы прибиты къ одной сферѣ, которая равномерно вращается, увлекая ихъ за собой.

На этой сферѣ находится, какъ будто, и луна, и планеты—блуждающія звѣзды. Правда, эти свѣтила замѣтно для глаза перемѣщаются между звѣз-

*) Въ некрологѣ И. В. Мушкетова, помѣщенномъ въ прошломъ № нашего журнала, вслѣдствіе корректорскаго недосмотра, дата кончины помѣчена 10-мъ ноябрёмъ вмѣсто 10-го января. Въ «Научной хроникѣ» этого же № вкрались слѣдующія опечатки. На стр. 77, вторая строчка снизу, вмѣсто слова «окруженнаго» нужно читать: «окруженный»; на стр. 78-ой, строка 18-а снизу, послѣ словъ «фраунгоферовскихъ линий», надо вставить слова: «воспроизведенныя Эмстремомъ», находящимся на 16-й строкѣ снизу. На той же страницѣ, стр. 5-ая снизу, слово «Има» должно стоять передъ словомъ «основныхъ».

дами, но они, повидному, движутся по небесной сферѣ, не отдѣляясь отъ нея. Ничто не обнаруживаетъ, что бы они были ближе той тверди небесной, на которой укрѣплены звѣзды, что они свободно идутъ въ свободномъ пространствѣ. При наблюденіи въ трубу, можно замѣтить, какъ иногда луна, приближаясь къ той или другой звѣздочкѣ, закрываетъ ее на время. Мы знаемъ, что и солнечное затменіе происходитъ отъ того, что луна заграждаетъ путь къ землѣ солнечнымъ лучамъ; это свидѣтельствуеетъ, что луна тѣло сравнительно близкое, что она ближе къ намъ, чѣмъ звѣзды, солнце и планеты, но мы все-таки и при этихъ наблюденіяхъ не ощущаемъ непосредственно, какъ расположены свѣтила по разстояніямъ отъ насъ, не ощущаемъ глубины пространства, не видимъ и формы свѣтила рельефно. Астрономы давно уже пытались дать приживленія стереоскопу при изученіи неба и его чудесъ.

Знаменитая фирма Цейсса достигла недавно блестящихъ результатовъ. Г-нъ Пульфрихъ построилъ приборъ, такъ называемый *стереокомпараторъ*, въ которомъ можно разсматривать стереоскопически два снимка даже большихъ размѣровъ.

Для движущихся объектовъ, какъ, напримѣръ, Юпитеръ и Сатурнъ, достаточно, какъ нашелъ гейдельбергскій проф. *Вольфъ*, очень небольшого промежутка времени между двумя фотографированіями. Снимки, поставленные въ аппаратъ такъ, чтобы ихъ изображенія для глаза налегали одно на другое, даютъ поразительный видъ. Вотъ онъ Сатурнъ, какъ яблоко, опоясанное кольцомъ, стоитъ въ пространствѣ на много ближе къ намъ, чѣмъ звѣзды; кругомъ распредѣлены его восемь лунъ, восемь спутниковъ, одѣвъ ясно находятсѣ меридъ планетой, другія дальше ея, они заходятъ за ея корпусъ.

Прибору предостоятъ будущность, отъ него ждутъ значительныхъ услугъ въ научномъ отношеніи. Подобно тому, какъ получаютъ стереоскопическій видъ отъ движущихся Юпитера или Сатурна, надѣются, что и звѣзды, имѣющія собственные движенія, если сопоставить снимки, сдѣланные одинъ послѣ другого черезъ нѣсколько лѣтъ, выступать въ приборѣ явственно. Стереокомпараторъ такимъ образомъ послужитъ къ открытію такихъ звѣздъ, онъ позволитъ и замѣрить ихъ собственныя движенія.

Точно также и звѣзды, сравнительно близкія къ намъ, для которыхъ должно быть небольшое смѣщеніе при наблюденіи съ двухъ діаметрально-противоположныхъ точекъ земной орбиты, должны выдѣлиться при сопоставленіи снимковъ, сдѣланныхъ черезъ полгода одинъ послѣ другого. Въ стереокомпараторѣ мы должны такимъ образомъ непосредственно при первомъ взглядѣ видѣть, какъ распредѣлены звѣзды въ пространствѣ, которыя ближе къ намъ, которыя дальше, а вѣдь звѣздныя разстоянія мы не можемъ мѣрить даже милліонами верстъ. Для этого вводятъ новую болѣе крупную мѣру — свѣтовой годъ: отъ самой близкой звѣзды свѣтъ, пробѣгая въ каждую секунду 280.000 верстъ, проходитъ $3\frac{1}{2}$ года; отъ слѣдующихъ изъ ближайшихъ — 6, 9, 30, 100 и 150 лѣтъ!

Особенное значеніе долженъ имѣть, по мнѣнію проф. Вольфа, стереокомпараторъ при изученіи малыхъ туманностей. При составленіи каталога астро-

номъ долженъ намѣрять положеніе ихъ на пластинкѣ. Объектовъ часто чрезвычайно много (напримѣръ, на одной пластинкѣ у проф. Вольфа въ созвѣздіи «Волосы Вереники» оказалось до 1.000 туманностей), всѣ они очень слабы и подъ микроскопомъ, когда изображеніе увеличено по размѣрамъ, ослаблено въ яркости и болѣе размыто, трудно признать и отождествить ихъ на различныхъ снимкахъ, немудрено и случайное пятнышко на пластинкѣ счесть за туманность. Въ стереокомпараторѣ два изображенія одного и того же предмета даютъ одно. Закрывая попеременно то одинъ, то другой глазъ, можно безъ труда ориентироваться въ снимкахъ, отождествить объекты и отмѣтить особыми мѣтками и номерами на обратной стеклянной сторонѣ пластинки. Новый инструментъ разъ въ десять ускоряетъ утомительную работу.

Съ стереокомпараторомъ, вѣроятно, будетъ легко отыскивать и новыя малыя планеты, оказывающіяся на двухъ снимкахъ нѣсколько смѣщенными, а также переменныя звѣзды, являющіяся различной величины кружочками, такъ какъ при совмѣщеніи изображеній въ стереоскопѣ всякая разница въ частяхъ картины заставляетъ глазъ чувствовать нѣкоторую неловкость, легкую боль. Уже при первыхъ пробныхъ опытахъ, Вольфомъ сдѣлано нѣсколько такихъ открытій. Вольфъ рѣшается даже высказать мнѣніе, что съ примѣненіемъ стереокомпаратора въ изслѣдованіи переменныхъ звѣздъ начинается новая эра.

Таковы надежды, возлагаемыя на новый интересный приборъ.

К. Покровский.

О взаимодействіи твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ. Этотъ интересный вопросъ прекрасно разработанъ въ рѣчи, произнесенной ректоромъ гентскаго университета, профессоромъ физики *Van der Mensbrugge*, при открытіи курса 1901—1902 г. Въ послѣдующемъ мы и будемъ пользоваться фактами и соображеніями, приводимыми Мензбругге на основаніи изслѣдованій, какъ своихъ собственныхъ, такъ и другихъ физиковъ.

Прежде всего нужно подчеркнуть тотъ фактъ, что въ природѣ твердые, жидкія и газообразныя частицы работаютъ всегда вмѣстѣ, и авторъ называетъ ихъ даже «тройственнымъ союзомъ». Къ поверхности каждаго твердаго тѣла пристаётъ масса частицъ воздуха и паровъ воды, съ другой стороны въ малѣйшей частицѣ воды содержится значительное число газовыхъ и твердыхъ частицъ, то въ растворѣ, то въ вавѣшенномъ состояніи.

Возьмемъ, напр., сухую песчинку. На основаніи многочисленныхъ и точныхъ изслѣдованій, ее можно сравнить съ комплексомъ маленькихъ частицъ, окруженныхъ эластической средой и какъ бы соединенныхъ другъ съ другомъ воображаемыми упругими пружинами, которыя стремятся сблизить эти частицы до предѣла, допускаемаго окружающей эластической средой. Отсюда ясно, что внутри песчинки каждая такая частица будетъ притягиваться большимъ числомъ пружинъ, чѣмъ частица, находящаяся въ непосредственномъ соседствѣ съ поверхностью нашей песчинки. Вслѣдствіе этого, сила упругости, развивающаяся при сближеніи молекулъ, больше внутри песчинки, чѣмъ въ ея поверхностномъ слое, и частицы, находящіяся въ послѣднемъ, стремятся къ поверх-

ности. Такимъ образомъ наша песчинка окружена, какъ бы *оболочкой*, образованной частицами, разстояніе между которыми становится все больше и больше, по мѣрѣ приближенія къ поверхности песчинки. По выясненію *Плато* и *Кейнсе*, толщина такой оболочки меньше, чѣмъ 0.00005 милиметра, новѣйшія изслѣдованія даютъ еще меньшую величину Упругостью этихъ оболочекъ, такъ называемымъ поверхностнымъ натяженіемъ, объясняется, напр., та легкость, съ какою вытекаетъ сухой песокъ черезъ маленькое отверстіе, или отскакиваніе рикшетоуъ ядеръ, пущенныхъ наклонно въ сухой песокъ.

Въ интрамолекулярныя пространства этой оболочки проникаютъ со всѣхъ сторонъ частицы воздуха, состоящихъ изъ миллиардовъ молекулъ азота, кислорода, углекислоты, паровъ, воды, аргона и т. п. Такимъ образомъ наша оболочка песчинки превращается въ комплексъ частицъ твердаго вещества, частицъ газовъ и паровъ. Такими оболочками покрыты всѣ твердыя тѣла, находящіяся на открытомъ воздухѣ. Благодаря имъ, мы можемъ брать эти предметы въ руки, не боясь, что они пристанутъ къ нашимъ пальцамъ, мы можемъ ходить, не приликая къ землѣ или къ полу.

Даже самые гладкіе предметы покрыты такими оболочками, состоящими изъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ.

Но если поверхность тѣла болѣе или менѣе ясчерчена и шероховата, то явленіе осложняется еще слѣдующимъ. Пары воды, находящіяся въ окружающемъ воздухѣ, сгущаются тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ уже давнее углубленіе.

Это явленіе, теоретическое обоснованіе которому далъ *лордъ Кельвинъ*, прекрасно объясняетъ свойства такихъ гигроскопическихъ веществъ, какъ, напр., волокна пеньки, бумажныя, шерстяныя и шелковыя ткани, скрипичныя струны, шерсть животныхъ, волоса и пр. Во всѣхъ этихъ веществахъ находятся тончайшія трещины или отверстія, которыя поглощаютъ паръ воды скорѣе, при болѣе высокой температурѣ, чѣмъ тѣла съ гладкими поверхностями. Этимъ, напр., объясняется лопанье скрипичной струны, столь частое въ концертахъ. Струна, состоящая изъ скрученныхъ волоконъ, насыщаясь влагой, удлиняется и утолщается, отдѣльныя волокна уже не могутъ описывать прежняго числа спиралей безъ того, чтобы не былъ бы перейденъ предѣлъ растяженія—и струна разрывается.

Благодаря этому же портятся книги въ бібліотекахъ и картины въ музеяхъ. Частицы пара проникаютъ въ тонкія воздушныя прослойки между листами книгъ и тамъ образуютъ среду, благоприятную для развитія различныхъ микроскопическихъ зародышей, всегда находящихся въ изобиліи на листахъ книгъ. Поэтому, для сохраненія книгъ полезно не только переплетать ихъ, но и золотить обрѣзъ, чтобы частицы пара не могли бы съ такою легкостью проникать между листами.

Картины отсырѣваютъ и портятся въ силу того же процесса. Сырость проникаетъ съ задней части картинъ, гдѣ холстъ не покрытъ краской и представляетъ тончайшіе пріемники для влаги. Можно было бы уберечься отъ этой порчи, если бы картины покрывать съ задней части какимъ-нибудь лакомъ или резиноподобнымъ веществомъ. Если бояться, что этииъ пріемомъ можно испор-

тять краски картинъ, то можно на заднюю часть картины плотно натягивать какую-нибудь неизмѣняющуюся ткань, которая будетъ защищать картину отъ проникновенія влаги.

Появленіе зимой на нашихъ оконныхъ стеклахъ красивыхъ, но неправильныхъ ледяныхъ узоровъ авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. На стеклахъ пыль распредѣлена, конечно, самымъ неравномѣрнымъ образомъ, въ иныхъ мѣстахъ ее много, въ другихъ мало, въ третьихъ почти совсѣмъ нѣтъ.

Пары воды сгущаются прежде всего тамъ, гдѣ частицы пыли расположены такъ, что образуютъ наиболѣе тонкія капиллярныя пространства; здѣсь начинается затвердѣваніе сгустившейся воды, и первые оствѣшіе кристаллы являются центромъ дальнѣйшаго сгущенія и кристаллизаціи.

Можно привести еще много примѣровъ, которые объясняются такимъ взаимодействіемъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ въ капиллярныхъ пространствахъ, — на примѣръ, ржавленіе конца иголки, воткнутой въ подушку, набитую опилками, разрывъ веревки, прикрѣпленной къ желѣзному крюку и поддерживающей картину и т. п. Но обратимся къ явленіямъ болѣе грандіознымъ, совершающимся въ природѣ.

Каждый комъ земли въ обработанномъ полѣ сложенъ изъ безконечнаго числа твердыхъ зеренъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга «оболочками», менѣе плотными, чѣмъ эти зерна; въ оболочкѣ находятся самыя разнообразныя твердыя, жидкія и газообразныя частицы. Послѣ дождя, достаточнаго для того, чтобы напитать почву на нѣсколько сантиметровъ въ глубину, наступаютъ явленія, извѣстныя уже, можетъ быть, тысячелѣтія, но доселѣ, по словамъ автора, еще не объясненныя. Частицы, образующія оболочку, слишкомъ удалены другъ отъ друга для того, чтобы между ними могло существовать болѣе или менѣе значительное притяженіе. Когда же дождевая вода проникнетъ во всѣ промежутки и образуетъ вокругъ каждаго зерна почвы смачивающій слой, то совокупность такихъ слоевъ начинаетъ повиноваться уже сцепленію жидкости, и такъ какъ вода прилипаетъ къ почвѣ сильнѣе, чѣмъ воздухъ, то зерна почвы склеиваются другъ съ другомъ сильнѣе, чѣмъ въ сухой почвѣ. Въ результатѣ объемъ такой насыщенной водою почвы становится меньше, чѣмъ сухой. Если затѣмъ эта почва подвергается достаточно продолжительному высыханію, то мало-по-малу смачивающіе слои испаряются, и зерна почвы сближаются другъ съ другомъ; объемъ верхняго почвеннаго слоя постепенно еще болѣе уменьшается, наконецъ, онъ становится совершенно компактнымъ и въ немъ необходимо должны образоваться болѣе или менѣе широкія и глубокія трещины. Такъ появляются тѣ компактыя глыбы земли, которыя доставляютъ земледѣльцу столько хлопотъ.

Съ другой стороны, это неудобство компенсируется явленіемъ, весьма благоприятнымъ для произрастанія: послѣ продолжительнаго сухого періода почва сильнѣе сдавливаетъ корни растений и они еще долге могутъ поглощать остатки влаги, сохранившейся еще въ землѣ.

На основаніи своихъ опытовъ и вычисленій, авторъ пришелъ къ заключенію, что вода такого слоя, смачивающаго какое-нибудь твердое тѣло, нахо-

дится въ болѣе сгущенномъ состояніи, чѣмъ вода внутри водяной массы, такъ какъ твердое смачиваемое тѣло посылаетъ въ смачивающій слой энергичные удары. Благодаря этому, въ смачивающемъ слое находятся и твердыя, и жидкія частицы и плотность его больше, чѣмъ обыкновенной воды.

Этимъ объясняется выдѣленіе тепла, наблюдаемое при насыщеніи почвы водою и тѣмъ болѣе сильнѣе, чѣмъ болѣе раздроблена земля и чѣмъ, слѣдовательно, больше число такихъ смачивающихъ слоевъ. Уже со временъ опытовъ французскаго физика *Пуле* выяснилось, что изъ неорганическихъ веществъ при насыщеніи водою наиболѣе нагрѣвались наиболѣе пористыя—глина, кирпичъ,—но еще болѣе сильное нагрѣваніе происходило при насыщеніи водою тѣлъ органическихъ. Такъ, напр., сухая бумага, насыщенная водою, нагрѣвалась на $4^{\circ},5$ Ц., корень ириса на $6^{\circ},12$, крахмалъ на $9^{\circ},7$, наконецъ, очень тонкія животныя перепонки почти на 10° .

Эти опыты выясняютъ намъ одну изъ причинъ всѣмъ извѣстнаго явленія, что новина даетъ лучшіе урожаи, чѣмъ почва, бѣдная органическими веществами.

На основаніи своихъ опытовъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что вообще всякое измѣненіе въ температурѣ поверхности, раздѣляющей твердое тѣло отъ жидкаго, влечетъ за собою термоэлектрическій токъ. Поэтому явленія смачиванія должны имѣть громадное значеніе въ метеорологіи. Дѣйствительно, если каждая капля воды, смачивающая песчинку, вызываетъ повышеніе температуры и, слѣдовательно, термоэлектрическій токъ, то какія же грандіозныя тепловыя и электрическія явленія должны происходить въ природѣ, когда громадныя массы паровъ поднимаются въ воздушный океанъ и обволакиваютъ тамъ мириады пылинковъ, или когда тропическіе дожди періодически насыщаютъ почву. Такимъ образомъ устанавливаютъ причины и термоэлектрическихъ токовъ въ почвѣ и накопленія электричества въ атмосферѣ.

Новая теорія происхожденія конечностей. Происхожденіе и развитіе конечностей у позвоночныхъ принадлежитъ къ наиболѣе интереснымъ вопросамъ сравнительной анатоміи и эмбриологіи. Существуютъ двѣ теоріи, пытающіяся рѣшить этотъ вопросъ. Одна изъ нихъ, такъ называемая «теорія архиптеригія», принадлежитъ *Гегенбауеру*, другая — *Бальфуру*, *Мисарту*, *Дорну*, *Эшару*. По Гегенбауеру конечности позвоночныхъ развились изъ жаберныхъ дугъ. За исходную схему строенія конечностей Гегенбауеръ принимаетъ плавникъ цератодуса — двоякодышащей рыбы, у которой онъ состоитъ изъ расчлененнаго главнаго луча съ двумя рядами боковыхъ лучей. Эту примитивную форму конечности Гегенбауеръ называетъ *Archipterigium* (архиптеригій). У цератодуса жаберная дуга, образующая конечность, передвигается взадъ; главный лучъ съ боковыми лучами образуютъ собственно конечность, дуга же — поясокъ, прикрѣпляющій конечность къ тѣлу. Изъ конечности — плавника цератодуса, согласно этой теоріи, развились плавники селакій путемъ развитія лучей, прикрѣпленныхъ не къ жаберной дугѣ, а къ одной сторонѣ главнаго луча. Отъ конечности же селакій Гегенбауеръ производитъ конечности

амфибій и млекопитающихъ. При этомъ изъ 3 костей, составляющихъ основаніе плавника, остается одна, остальные же кости принимаютъ иное расположеніе; пальцы (кроме указательнаго), нѣкоторыя кости пястья и запястья образуются изъ боковыхъ лучей. Такимъ образомъ и получается пятипалая конечность.

По теоріи, развитой Бальфуромъ, Мивартомъ и др., плавники образуются изъ боковыхъ кожныхъ складокъ. Извѣстно, что у салахій и амфибій во время ихъ эмбриональнаго развитія образуется двѣ парныя кожныя складки, идущія отъ жаберныхъ щелей вдоль всего тѣла и сливающіяся съ непарной спинной складкой. Въ эти боковыя складки врастаютъ мускулы тѣла, состоящіе изъ верхней и нижней части, между которыми находится хрящевой лучъ. Части, изъ которыхъ образуются передніе и задніе плавники, развиваются дальше, а между ними лежащія части исчезаютъ.

Конечности рыбъ рѣзко отличаются отъ конечностей остальныхъ позвоночныхъ; переходныя же формы неизвѣстны. Кроме того, многіе признаютъ, что первоначально вся боковая складка кожи служила для передвиженія, позже, съ развитіемъ конечностей и исчезновеніемъ боковыхъ складокъ, исчезли и мускулы.

Къ этой теоріи примыкаетъ также Рабль, недавно опубликовавшій большую работу, касающуюся даннаго вопроса.

Онъ обращаетъ вниманіе на плавники тѣхъ рыбъ, у которыхъ они состоятъ изъ хрящей. У этихъ рыбъ замѣчается большое сходство между переднимъ краемъ грудныхъ плавниковъ и заднимъ краемъ брюшныхъ, а также между заднимъ краемъ грудныхъ и переднимъ брюшныхъ плавниковъ. Сходство это нѣкоторые зоологи «объясняли» тѣмъ, что брюшные плавники повернулись на 180° по отношенію къ груднымъ.

Прежде чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, Рабль спрашиваетъ, почему изъ боковыхъ складокъ образовалось не больше двухъ конечностей, вѣдь не потому же, что большее ихъ число явилось бы менѣе благоприятнымъ для животнаго.

По мнѣнію Рабля, боковыя складки, съ мускулами, въ нихъ находящимися, служили вовсе не органомъ передвиженія въ собственномъ смыслѣ, но скорѣе парашютомъ, роль котораго начиналась, главнымъ образомъ, по прекращеніи движенія впередъ и при боковомъ положеніи животнаго, а также для поддержанія равновѣсія. Подобное значеніе и теперь сохраняютъ шарные плавники въ томъ смыслѣ, что они только вмѣстѣ съ непарными плавниками задней части тѣла являются органомъ передвиженія въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Но не смотря на то, что боковыя кожныя складки имѣли значеніе парашюта, въ нихъ все же могла развиться мускулатура, которая дала возможность совершать нѣкоторыя движенія. Для этого, по мнѣнію Рабля, вовсе не нужно, чтобы мускулатура сразу развилась по всей длинѣ боковыхъ кожныхъ складокъ, необходимо только, чтобы сначала она появилась вблизи передняго и задняго концовъ этихъ складокъ. Отсюда мускулатура распространяется по всей складкѣ съ дифференцировкой на спинные и брюшные мускулы или разгибателей и сгибателей; между ними же, изъ соединительной ткани складки, образуются лучи плавниковъ. Затѣмъ, въ переднемъ и заднемъ концѣ складки появляются хрящевые лучи. Такимъ

образомъ опорой обонхъ концовъ складокъ стали служить хрящевые лучи; благодаря этому они не только смогли взять на себя роль боковыхъ складокъ, но и выполнить эту роль даже лучше послѣднихъ. Вслѣдствіе этого середина складокъ могла исчезнуть, концы же ихъ развиться въ брюшные и грудные плавники. Но такъ какъ скелетъ въ части складки, изъ которой образовался грудной плавникъ, развивался спереди назадъ, а въ брюшномъ плавникѣ наоборотъ, сзади напередъ, то понятно, что передній конецъ грудного плавника долженъ болѣе или менѣе походить на задній брюшнаго, а передній этого послѣдняго на задній грудного. Что же касается непарной спинной складки, то изъ нея съ самаго начала развиваются непарные плавники въ менѣе ограниченномъ количествѣ, и развитіе ихъ скелета идетъ изъ одной, а не изъ двухъ точекъ, какъ это мы видѣли у парныхъ плавниковъ. Этимъ общимъ происхожденіемъ изъ кожныхъ складокъ и объясняется сходство строенія непарныхъ брюшныхъ и спинныхъ плавниковъ.

На основаніи изученія исторіи развитія позвоночныхъ, Рабль приходитъ къ заключенію, что формы плавниковъ, напримѣръ, акулы и осетра, а также и двоякодышащихъ имѣютъ различное происхожденіе; въ образованіи плавниковъ большую роль играетъ образъ жизни этихъ рыбъ, а также и та или иная глубина, на которой они обитаютъ. У нѣкоторыхъ двоякодышащихъ (*Protopterus*) конечности узкія, у другихъ (*Ceratodus*) широкія—настоящіе плавники. Многіе ученые принимаютъ, что эти широкія конечности являются первоначальными формами; Рабль же первоначальными формами плавниковъ двоякодышащихъ считаетъ наиболѣе простые, наименѣе расчлененные плавники, которые и теперь еще встрѣчаются у нѣкоторыхъ двоякодышащихъ рыбъ, живущихъ на незначительныхъ глубинахъ (*Lepidosegen*), сильно же расчлененные плавники *Цератодуса* произошли, по его мнѣнію, изъ первыхъ, болѣе простыхъ плавниковъ, путемъ образованія новыхъ лучей. Для многихъ двоякодышащихъ рыбъ, напр. *Протоптеруса*, тонкіе плавники являются только второстепеннымъ орудіемъ передвиженія; то же можно сказать и про хвостатыхъ амфибій, когда онѣ движутся въ водѣ. Тонкія конечности тѣхъ и другихъ, согласно изслѣдованію Рабля, произошли изъ боковыхъ складокъ кожи.

Большая пропасть, по мнѣнію автора, лежитъ между плавниками рыбъ и пятипалыми конечностями остальныхъ позвоночныхъ. Рабль, основываясь на своихъ изслѣдованіяхъ эмбриональнаго развитія пятипалой конечности указываетъ, что пять лучей такой конечности появляются не всѣ сразу, но сначала одинъ, затѣмъ другой, третій и т. д. Это приводитъ автора къ мысли, что и въ филогенетическомъ развитіи пятипалая конечность появилась не сразу, а образовалась изъ гораздо менѣе расчлененной поверхности. Многое въ эмбриональномъ развитіи говоритъ въ пользу этого взгляда. Такъ, авторъ нашелъ, что развитіе пальцевъ верхней и нижней конечности идетъ совершенно инымъ образомъ, чѣмъ развитіе плавниковыхъ лучей. Замѣчательно, что нѣкоторыя кости лапы ноги имѣютъ вначалѣ общее очертаніе и раздѣляются только впоследствии. Изученіе конечностей амфибій подкрѣпляетъ Рабля въ его взглядѣ о позднѣйшемъ происхожденіи пятипалыхъ конечностей. Одни пред-

ставители этого класса животных имѣютъ пятипалыя конечности, другіе четырехпалые, наконецъ третьи—трехъ—и даже двухпалыя (Протей). У этихъ трехъ или двухпалыхъ амфибій плюсна состоитъ только изъ трехъ костей. При сравненіи такой плюсны съ плюсною пяти и четырехпалыхъ амфибій Рабль замѣтилъ, что, такъ сказать, лишнія кости плюсны послѣднихъ имѣютъ вторичный характеръ и могутъ быть выведены изъ трехъ остальныхъ костей плюсны. Авторъ рассматриваетъ скелетъ плюсны передней конечности зародыша амфибіи, состоящей изъ трехъ костей, и находитъ, что первичная базальная кость не подвергается впоследствии расчлененію, первичная радіальная чаще дѣлится на двѣ части, но первичная локтевая средняя, претерпѣваетъ впоследствии и дальнѣйшее расчлененіе. Расчлененіе первичной радіальной кости плюсны всегда только поперечное, а первичной локтевой и поперечное и продольное. Тоже самое наблюдается и по отношенію къ задней конечности. Три первичныя кости плюсны передней конечности авторъ нашелъ и при изученіи эмбриональнаго развитія саламандры, у которой только въ позднѣйшихъ періодахъ этого развитія появляется такое число пальцевъ, которое мы наблюдаемъ у взрослога животнаго. На основаніи этого Рабль приходитъ къ заключенію, что первоначальная форма плюсны какъ передней, такъ и задней конечности всѣхъ пальчатыхъ позвоночныхъ животныхъ была плюсна, состоящая изъ трехъ костей.

На оконечности прежде всего, согласно изслѣдованію Рабля, появляются, благодаря расщепленію, два пальца, одинаковые, какъ по своему происхожденію, такъ и по своей формѣ; происхожденіе же остальныхъ пальцевъ совершенно иное. Третій и четвертый палецъ появляются не вслѣдствіе дальнѣйшаго расщепленія лучевого отрѣзвленія конечности, но благодаря образованію почковидныхъ выступовъ на лучевой сторонѣ послѣдней

Такимъ образомъ, по представленію Рабля, появленіе пятипалой конечности идетъ слѣдующимъ образомъ. Сначала изъ складки кожи появляется култевидная или шиловидная конечность, позднѣе на ней отщепляются два пальца—образуется уже органъ, способный служить для передвиженія и который авторъ сравниваетъ съ конечностями членистоногихъ. Затѣмъ, въ силу функциональных приспособленій, идетъ дальнѣйшее расчлененіе.

Значеніе извести и магnezіи для растений. *Д. Май* и *О. Левъ* пронаводили съ 1899 г. въ лабораторіи для физиологіи и патологіи растений при департаментѣ земледѣлія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ цѣлый рядъ опытовъ относительно значенія извести и магnezіи для процвѣтанія растений. Уже давно было извѣстно, что соли магnezіи составляютъ крайне вредную составную часть почвы и что обогащеніе почвы магnezіей, вслѣдствіе долговременнаго удобренія ея неочищенными калийными солями (Abraumsalze), дѣлаетъ ее, въ концѣ концовъ, совершенно неплодородной, такъ какъ эти соли содержатъ много магnezіи, иногда до 9 процентовъ.

При опытахъ съ культурами въ водѣ, въ пескѣ и въ садовой землѣ оказалось, что растворенныя соли магnezіи, даже въ очень небольшомъ количествѣ,

являются сильнымъ ядомъ для растеній, если только въ почвѣ нѣтъ извести. Но какъ только въ почву вводилась известь въ растворенномъ состояннн и въ одинаковомъ съ солями магnezіи количествѣ или въ избыткѣ, сейчасъ же прекращалось вредное вліяніе, оказываемое соединеніями магnezіи, и даже большія количества магnezіи теряли свое вредное вліяніе. Другія соли не оказываютъ такого благоприятнаго вліянія на почву, богатую магnezіей, какъ соли извести.

При опытахъ съ культурами въ пескѣ, въ который вводили магnezію и известь въ видѣ азотнокислыхъ солей, наилучшіе результаты получились при небольшомъ избыткѣ азотнокислой извести. При введеніи большого количества азотнокислой извести страдалъ ростъ растеній, точно также какъ и при незначительномъ избыткѣ азотнокислой магnezіи; при большомъ же избыткѣ послѣдней соли, растеніе немедленно погибало.

При опытахъ съ культурами въ почвѣ, въ которую вводилась углекислая магnezіа, вредное вліяніе, оказываемое этою солью, не уничтожалось даже отъ прибавленія углекислой извести, такъ какъ послѣдняя соль менѣе растворима, чѣмъ первая. Но зато введеніе сѣрнокислой извести вызывало немедленно улучшеніе, потому что эта соль извести гораздо легче растворяется, чѣмъ углекислое ея соединеніе. На основаніи дальнѣйшихъ опытовъ, оказалось гораздо цѣлесообразнѣе, для устраненія вреднаго вліянія магnezіи, вводить въ почву гипсъ не сразу въ большомъ количествѣ, а ежегодно небольшими порціями, до тѣхъ поръ, пока содержаніе извести не сравняется съ содержаніемъ магnezіи.

Введеніе въ почву гипса въ большомъ количествѣ полезно только въ тѣхъ случаяхъ, когда магnezіа попадаетъ въ почву вмѣстѣ съ неочищенными солями каля, въ видѣ удобрения. Иногда вмѣстѣ съ углекислою известью вносится въ почву углекислая магnezіа, если первая примѣняется въ видѣ удобреній, содержащихъ магnezію; такія удобрения примѣняютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда желательнo сдѣлать плодородной почву, богатую кислотами. Такъ, *Велеръ* въ своемъ сочиненіи объ исландскихъ почвахъ давно уже указывалъ, что углекислая известь является, во всякомъ случаѣ, лучшимъ и самымъ простымъ средствомъ для освобожденія отъ кислотности; той же цѣли, впрочемъ, можно достигнуть при помощи удобрения мергелемъ. Тѣ, которые прибѣгаютъ съ этой цѣлью къ извести, должны раньше убѣдиться, что она не содержитъ въ большомъ количествѣ углекислой магnezіи, такъ какъ, въ протавномъ случаѣ, они только ухудшатъ почву вмѣсто того, чтобы ее улучшить.

Къ вопросу о рефлекторныхъ движеніяхъ. Рефлекторными движеніями, какъ извѣстно, называютъ такія движенія, которыя вызываются большею частью прямо спиннымъ мозгомъ и отвѣчаютъ непосредственно на раздраженіе. Таковы, напр., защитныя движенія или такія координированныя движенія, какъ ходьба, танцы, игра на инструментахъ, ѣда и т. д. Для воспроизведенія ихъ, слѣдовательно, не нужно дѣятельности головного мозга и потому они совершаются даже обезглавленными животными. *Флурансъ* удалялъ у голубей головной мозгъ; несмотря на это, они въ теченіе многихъ мѣсяцевъ ѣли пищу и проглатывали ее, какъ только ее вводили имъ въ клювъ, такъ какъ сами они не были въ состояннн ее оты-

скивать. *Робэнъ* произвелъ опытъ съ преступникомъ, который за часъ до того былъ обезглавленъ. Онъ дѣлалъ царапины скальпелемъ около грудного соска и вызвалъ благодаря этому сильныя защитныя движенія: мертвецъ сталъ двигать руками по спицѣ. Д-ръ *В. Штернбергъ* сообщаетъ въ одномъ специальномъ журналѣ о мимическихъ движеніяхъ при вкусовыхъ ощущеніяхъ, которыя ему пришлось наблюдать у одного родившагося безъ полушарій головного мозга ребенка. Ребенокъ дожилъ—совершенно необычайный случай—до десяти дней. Опыты были поставлены на второй день послѣ рожденія и состояли въ томъ, что новорожденному, при помощи волосяной щеточки, смазывали языкъ различными растворами; для этой цѣли брались сладкіе, горькіе, соляные и кислые растворы. Новорожденный до того времени не принималъ никакой пищи; какъ только ему смазали языкъ сладкимъ растворомъ, онъ открылъ глаза, сталъ облизываться; онъ отвѣдалъ съ большимъ удовольствіемъ, очевидно, въ первый разъ этотъ растворъ и даже схватилъ щеточку. Послѣ этого языкъ смазали горькимъ растворомъ; лицо ребенка сейчасъ же искривилось, онъ закинулъ голову назадъ, приподнял ее нѣсколько разъ немного вверхъ и выбросилъ жидкость. Тогда ему снова смазали языкъ растворомъ сахара; при первой попыткѣ ребенокъ пытался оказать сопротивленіе (вслѣдствіе продолжавшагося еще ощущенія горькаго), но затѣмъ, очевидно, проглотилъ съ удовольствіемъ. Кислый уксусный растворъ вызвалъ жалкія гримасы на лицѣ и новое выраженіе неудовольствія съ попытками защитити себя; но «кислое выраженіе» лица быстро смѣнилось «сладкими», какъ только языкъ снова былъ смазанъ растворомъ сахара. Соленый растворъ вызвалъ также неудовольствіе, сжатіе рта и нежеланіе его проглотить. Въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, лишенный полушарій головного мозга ребенокъ черезъ 26 часовъ послѣ рожденія обнаружилъ, подъ вліяніемъ вкусовыхъ ощущеній, тѣ же мимическія движенія, что и нормальный ребенокъ, и взрослый человекъ.

В. Аг.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Мартъ

1902 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Исторія Литературы.—Исторія всеобщая.—
Политическая экономія.—Философія.—Публицистика.—Справочныя изда-
нія.—Новыя книги.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Д. Мережковскій. «Разсказы».—*А. Яблоновскій.* «Очерки и разсказы».—*В. Брусл-
минъ.* «Разсказы».—*С. Я. Надсонъ.* «Недопѣтыя пѣсни».—*В. Рудичъ.* «Стихотворенія».

Д. Мережковскій. Итальянскія новеллы конца XV в. Микель Анжело. Святой Сатиръ. Москва. Изд. «Сморчонъ». 1902 г. Ц. 1 р. 35 к. Итальянскія новеллы, хроникн и легенды, составившія настоящій сборникъ г. Мережковскаго, представляютъ тотъ подготовительный матеріалъ, который былъ нуженъ автору для второй части его трилогіи—«Христосъ и Антихристъ»—«Воскресіе бога». Матеріалъ этотъ, ни мало неинтересный самъ по себѣ, заслуживаетъ вниманія съ другой стороны. Въ настоящее время г. Мережковскій «изъ кожи дѣваетъ вонъ», дабы повѣдать *urbī et orbī* о той эволюціи, какую онъ совершаетъ въ сторону православной ортодоксіи. Въ новомъ «религіозномъ обществѣ», учрежденномъ въ Петербургѣ, онъ занялъ не только «правое» крыло, но далеко оставилъ за флагомъ даже официальныхъ представителей воинственной ревности, съ которой онъ разитъ всякаго врага и супостата. Въ «Мірѣ Искусства» онъ неистово раздѣлываетъ Толстого и всѣхъ иже съ нимъ. Въ публичныхъ лекціяхъ онъ ратоборствуетъ противъ «дѣвола», ущемляя его за хвостъ съ ловкостью, напоминающей монаха Терапонта изъ «Братьевъ Карамазовыхъ». И такъ всюду, куда бы ни завела его судьба, онъ силится подчеркнуть свою воинствующую ревность и жаръ, какими онъ охваченъ нынѣ. Мы, наивные свидѣтели этихъ подвиговъ новоявленнаго архистратига, невольно задавались вопросомъ, чѣмъ объяснить этотъ странный жаръ и всю необычность такой эволюціи въ человѣкѣ, который еще на дняхъ былъ то эллиномъ, то итальянцемъ эпохи возрожденія? Невзрачная книжечка его новеллъ открыла намъ секретъ, которымъ считаемъ не лишнимъ подѣлиться и съ другими.

Дѣло, какъ оно представляется намъ, очень просто. Когда г. Мережковскій сочинялъ своего «Юліана-Отступника», онъ ридился въ эллинскіе наряды, создавая себѣ искусственную обстановку для эллинскаго настроенія. То же, какъ свидѣтельствуемъ лежащая передъ нами книжечка новеллъ изъ старо-итальянской жизни, предѣлывалъ онъ, когда писалъ «Леонардо да-Винчи». А теперь ему надо приступить къ третьей части трилогіи, въ которой должна быть дана генеральная битва Антихристу, въ изображеніи борьбы раскола съ Петромъ Великимъ. И г. Мережковскій, какъ говорится, «монтируетъ» себя. Онъ силится войти въ то настроеніе, какое должны были переживать люди той эпохи, когда «дни сотнями сжигали себя въ срубяхъ, а другіе за двуперстное сажженіе

колебали русское государство. Французъ Гюисмансъ указалъ ему дорогу, какъ надо поступать въ такомъ случаѣ. Когда онъ задумалъ воспроизвести средне-вѣковую мистику, онъ перерядился въ монаха, поступилъ послушникомъ въ монастырь молчальниковъ и потомъ все это надлежаще описалъ. Г. Мережковский подражаетъ ему,—конечно, примѣнительно къ обстоятельствамъ времени и мѣста, но цѣль одна и та же. Онъ хочетъ возбудить въ себѣ геліогонный жаръ, нападая на Толстого и всѣхъ отступниковъ, искусственно раздражаетъ себя, возбуждаетъ и взвинчиваетъ, такимъ путемъ надѣясь проникнуть въ тѣ таинственныя области духа, откуда исходило упорство Аввакумовъ, Денисовыхъ и ихъ гонителей. Но тутъ съ нимъ и случилась бѣда. Прежде, для эллинизма и эпохи возрожденія, онъ имѣлъ массу примѣровъ, пути здѣсь проложены и ритуалъ богато разработанъ. Не то въ его новомъ положеніи. Здѣсь ему приходится быть новаторомъ, и на первыхъ же шагахъ онъ обнаружилъ недостатокъ оригинальности и творчества, этотъ коренной дефектъ его природы, какъ писателя. Ибо за всю свою двадцатилѣтнюю литературную дѣятельность онъ былъ всегда и во всемъ подражателемъ. Въ тѣ дни, когда ему еще «были новы всѣ впечатлѣнія бытія», онъ подражалъ въ своихъ стихотвореніяхъ Некрасову и Надсону; потомъ онъ только подражалъ декадентамъ запада, далѣе сталъ въ ряды г. Волинскаго и вслѣдъ за нимъ шествовалъ на завоеваніе новой красоты, которую вычиталъ у прерафаэлитовъ и у Рёскина. Теперь онъ очутился въ безпомощномъ положеніи. Отсюда его современныя метанія между Толстымъ и Достоевскимъ, псалтиромъ и участкомъ, дьяволомъ и святой водой. Въ погонѣ за не дающимся ему настроеніемъ, онъ изображаетъ теперь не то петербургскую просвирню, съ ея наивною вѣрою въ «тму эгипетскую», заключенную въ стлѣнкѣ у мимо идущаго странника, не то петербургскаго чиновника, который, сидя въ департаментскомъ креслѣ, думаетъ предписаніями и отношеніями утверждать вѣру отъ «хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды». Такъ, свѣдаемый горячкой подражанія, онъ остается все тѣмъ же лаодкійскимъ ангеломъ, который никогда не былъ ни холоденъ, ни горячъ. И бесслѣдно звучать для него роковыя слова: «ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и вагъ. Совѣтую тебѣ купить у меня золото, огнемъ очищенное, чтобы тебѣ обогатиться, и бѣлую одежду, чтобы одѣться, и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и главою мазью помажь глаза твои, чтобы видѣть».

Въ книжечкѣ новеллъ все подражательно, въ особенности сильно вліяніе разсказовъ Анатоля Франса, съ добавленіемъ личной особенности г. Мережковского въ видѣ ничѣмъ не прикрытаго сладострастія. Образчикомъ могла бы служить послѣдняя легенда «Святой Сатиръ», гдѣ видѣнія монаха изображены съ тою напряженностью больного воображенія, которая носитъ въ психіатріи вполне определенное названіе. Теперь, когда въ сокрушеніи духа г. Мережковский ищетъ новаго настроенія, ему остается окурить себя ладаномъ и окропить себя испомъ, прежде чѣмъ онъ приступитъ къ «святымъ ступенямъ», по которымъ онъ собирается шествовать нынѣ съ святымъ лицемѣріемъ въ третью часть своей трилогіи. Только войдетъ ли онъ въ нее? Сильно сомнѣваемся, чтобы всѣ эти ужимки и прыжки помогли ему. Въ «Юліанъ-Отступникѣ» и «Леонардо да-Винчи» онъ имѣлъ богатую литературу, гдѣ черпалъ безданнымъ-безпопльнно. А въ новомъ предпріятіи онъ съ самаго начала пошелъ безъ обычнаго руководства. И потому, отнюдь не претендуя на всевѣдѣніе пророка, предвидимъ плачевное фіаско, какое ожидаетъ новаго архистатига въ его окончателной стычкѣ съ Антихристомъ.

Любопытное всего для насъ та новая эволюція, которая завершитъ трилогію личныхъ перевоплощеній г. Мережковского—изъ либрѣ-пансера черезъ

мистика въ прозвирно—и изъ сей послѣдней? Поживемъ—увидимъ, а пока, разгадавъ секретъ его современныхъ вольтовъ и пассовъ, можемъ не безъ удовольствія взирать на подвиги, совершаемые г. Мережковскимъ въ литературѣ и на общественной аренѣ. Всѣмъ, поэтому, кто не безъ удивленія взираетъ на его непонятную игру, совѣтуемъ заглянуть въ разбираемую книжечку, гдѣ примитивная фигурка автора встаетъ передъ читателемъ во всей «срамотѣ наготы своей».

А. Б.

А. Яблоновскій. Очерки и рассказы. 1902 г. Ц. 1 р. Изд. В. И. Ралль и В. И. Потапова. Харьковъ. Имя нашего талантливаго сотрудника, А. А. Яблоновскаго, хорошо знакомо читателямъ нашего журнала. Не только его блестящія очерки «Изъ гимназической жизни»,—лучшее, что появилось за послѣднее время въ литературѣ относительно внутренней жизни нашихъ гимназій,—но и рядъ его художественныхъ картинокъ изъ жизни деревни, появившихся ранѣе, обращали вниманіе читателей и критики на этотъ свѣжій талантъ. Напомнимъ его «Деревенскія картинки», «На изысканіяхъ», «Вонокрадъ», «Нухимъ», напечатанные отчасти у насъ, отчасти въ другихъ изданіяхъ. Отличительная черта, рѣзко выдѣляющая г. Яблоновскаго изъ числа другихъ молодыхъ художниковъ, это его здоровый мягкій юморъ, которымъ проникнуты его художественныя картинки и такіа большія произведенія, какъ «Изъ гимназической жизни». Благодаря этому юмору, самыя мрачныя изображенія получаютъ подъ его перомъ отгѣнокъ особой жизненности. Что можетъ быть безотраднѣе его очерковъ гимназій, а между тѣмъ впечатлѣніе получается отнюдь не безвыходнаго мрака и мертвенности, какъ оно и есть въ дѣйствительности. Его гимназисты вовсе не забытые и хмурые, жалкіе и больные, какими мы были бы готовы воображать ихъ себѣ на основаніи разныхъ теоретическихъ соображеній. Въ нихъ преобладаетъ черта здоровой, не поддающейся никакому гнету *молодой жизнерадостности*, которая одна только и спасала и спасаетъ нашу молодежь отъ полной умственной и нравственной гибели. Юмористическая жилка, свойственная автору, помогла ему не только высмѣять основной тонъ гимназическаго строя, но и выдѣлить эту радость жизни, которую не уложишь ни въ какія программы и не подавишь никакими усиліями. Нѣкоторые критики того типа, что всегда брюзжаютъ на автора, зачѣмъ онъ «не знакомъ съ нашимъ пѣтухомъ», упрекали г. Яблоновскаго въ односторонности изображенія. Слишкомъ, по ихъ мнѣнію, его юноши веселы и бойки, какъ будто надъ ними не виситъ вѣчный гнетъ. Но въ томъ и дѣло, что мрачное и угрюмое настроеніе, свойственное самимъ критикамъ, они переносятъ и на жизнь молодежи, и въ этомъ ихъ главная ошибка. Стоя въ отдаленіи отъ современной молодежи, которая давно уже перестала интересоваться писаніями критиковъ этого лагеря, они не знаютъ ея и не понимаютъ. Вотъ почему имъ кажется невѣроятнымъ тотъ бодрый и здоровый духъ, которымъ вѣетъ отъ очерковъ г. Яблоновскаго.

Доставалось послѣднему и за его изображенія деревни, и одинъ, особенно злобствующій «ревнитель закона» даже сопричислилъ автора къ сотрудникамъ «Московскихъ Вѣдомостей» за его «Деревенскія картинки», въ которыхъ изображена крестьянская дѣтвора («Рябятишки»), вучающая животныхъ и выманяющая отнимъ способомъ деньги у старой сердобольной барыни. Критикъ (въ покойной «Недѣлѣ») напоминалъ недостойному г. Яблоновскому «Крестьянскихъ дѣтей» Некрасова и призывалъ нашъ журналъ «въ порядку» за помѣщеніе на своихъ страницахъ подобныхъ произведеній, невѣрно рисующихъ деревню. Г. Яблоновскій имѣетъ, однако, дерзость помѣстить и въ отдѣльномъ изданіи своихъ «Рябятишекъ», эту, по нашему мнѣнію, прелестную въ художественномъ отношеніи картинку деревенской жизни. Правда, картинка жестокая, но еще старикъ Крыловъ сказалъ: «Сей возрастъ жалости не знаетъ».

Но и въ этой жестокости вы чувствуете столько юмора, безсознательно внесеннаго авторомъ въ изображеніе дѣтвора и ея отношенія къ барынь, что нужно быть въ особо злобнои настроеніи, чтобы въ этой безобидной, хотя и своеобразной идилліи усмотрѣть нарочитый поклепъ на крестьянскихъ дѣтей.

Также прелестны его «На изысканіяхъ», «Удружилъ», «Нухимъ», которые нельзя читать безъ самаго веселаго, безобиднаго смѣха, хотя тема, напр., въ «Нухимъ» вовсе не изъ особенно веселыхъ. Но авторъ, какъ истинный художникъ-реалистъ, и въ самомъ трагическомъ улавливаетъ всегда присутіа ему черты комическаго, отчего съ особой выпуклостью выдѣляется въ его изображеніи голая, жатейская правда.

Болѣ мраченъ изъ всѣхъ разсказовъ г. Яблоновскаго «Конокрадъ», написанный превосходно съ точки зрѣнія художественной мѣры, сжато и сильно. Юморъ и здѣсь смягчаетъ жестокость сцены избіенія конокрада, когда налетаетъ бравый становой и взмахомъ нагайки усмиряетъ разъяренную толпу.

Таковъ первый сборникъ произведеній г. Яблоновскаго, читаемыхъ съ неслабымъ интересомъ.

А. Б.

Вас. Брусанинъ. Разсказы. Ц. 1 руб. Изд. «Книжное дѣло». Москва. 1902 г. Есть одна общая черта у всѣхъ молодыхъ современныхъ беллетристовъ,—очень ужъ они торопятся «издавать» себя. Не успѣетъ такой авторъ написать съ полъ-дюжины «эскизовъ», «очерковъ», «разсказовъ», глядишь и новый сборникъ «произведеній такого-то». Въ результатѣ получается масса сборниковъ, которыми молодые начинающіе беллетристы забрасываютъ читателя, и если бы послѣдній занялся добросовѣстнымъ ихъ чтеніемъ, онъ скоро увялъ бы подъ непосильнымъ бременемъ, тѣмъ болѣе тягостнымъ, что огромное большинство гг. авторовъ на одно лицо. А лицо это такое неинтересное, однотонное, сѣрое, что смѣшать ихъ ничего не стоитъ. И лучшій совѣтъ, какой можно дать начинающему автору, это—не спѣшить съ отдѣльнымъ изданіемъ своихъ произведеній. Мы увѣрены, что тѣмъ изъ нихъ, у кого дѣйствительно есть талантъ, хотя еще и не развернувшійся, придется пожалѣть впоследствии о своей поспѣшности.

«Разсказы» г. Брусанина отгѣчены всѣми тѣми чертами сѣрости и шаблонности, о которыхъ мы только что говорили. Благодаря такому неприглядному общему впечатлѣнію, теряются отдѣльныя живыя сцены и интересныя положенія. Быть можетъ, выдѣленные изъ общей массы шаблоннаго матеріала, они и получили бы иное освѣщеніе въ глазахъ читателя. Теперь же они тонутъ въ ней, развѣ только подчеркивая общій характеръ скупер и мертвенности, лежащей на всей книжечкѣ г. Брусанина. Единственный очеркъ, рѣзко выдѣляющійся живостью, это послѣдній—«Бапустныя головы». Такъ прозвали въ томъ городишкѣ, гдѣ авторъ провелъ дѣтство, солдатъ инвалидной команды и арестантовъ. Воспоминанія ли дѣтства, всегда живыя для каждаго, тема ли, хотя и захватанная какъ мѣдный пятакъ, но всегда живая—жизнь обездоленнаго и несправедливо приниженаго солдата,—только очеркъ читается съ интересомъ и въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ написанъ съ «искрой» и теплотой.

С. Я. Надсонъ. Недопѣтыя пѣсни. (Изъ посмертныхъ бумагъ). Съ новымъ портретомъ поэта. Тв. Изд. лит. фонда. 1902 г. Ц. 1 р. Небольшой изящно изданный сборникъ отрывковъ покойнаго поэта, любящей рукой собранныхъ и расположенныхъ по датамъ, представляетъ въ высокой степени пріятный подарокъ всѣмъ, кто любитъ, цѣнитъ и понимаетъ музу Надсона. А кто ея не любитъ? До сихъ поръ Надсонъ является любимцемъ нашей молодежи, до сихъ поръ все болѣе чуткое и живое ищетъ и находитъ у него откликъ на свои зарождающіяся стремленія къ міру идей, въ широкую жизнь чувства и идеальныхъ настроеній. Въ «Недопѣтыхъ пѣсняхъ» образъ поэта остается такимъ же чистымъ и яснымъ, какимъ мы знаемъ его въ болѣе позд-

нихъ, выдержанныхъ и законченныхъ произведеніяхъ. «Сила его таланга и искренности, — говоритъ редація, — ярко бросается въ глаза даже въ самыхъ незначительныхъ наброскахъ (въ 2—3 стиха), вкнутыхъ бѣглой рукой на бумагу, забытыхъ тотчасъ же и оставленныхъ навсегда безъ окончанія, безъ отдѣлки, порой даже безъ соотвѣтствующей рѣчи. Въ строгомъ смыслѣ это, конечно, не художественныя творенія, но зато вы слышите здѣсь теплоту искреннихъ слезъ, боль живого страданія».

Кромѣ этихъ отрывковъ и бѣглыхъ набросковъ, въ приложеніи помѣщено начало драмы «Церевна Софія», написанной пятистопными ямбами. Самъ по себѣ этотъ отрывокъ ничего еще не представляетъ, но онъ интересенъ, какъ лишняя черта для характеристики Надсона, которому не чужды были и міръ жестокихъ страстей, судя по избранному сюжету. Мы не думаемъ, что бы Надсонъ, съ его мягкой душой и нѣжнымъ сердцемъ, могъ справиться съ такими характерами, какъ царевна Софія, но любопытно это влеченіе юности Надсона въ сторону такихъ сильныхъ типовъ. Видно, они влекли его къ себѣ именно тѣми своими чертами, на отсутствіе которыхъ въ себѣ онъ жаловался такъ часто. Въ приложеніи помѣщенъ еще отрывокъ изъ юношескаго дневника, который очень важенъ въ біографическомъ отношеніи. Здѣсь Надсонъ выступаетъ еще почти мальчикомъ, такъ какъ дневникъ писанъ за 6½ лѣтъ до смерти. Въ дневникѣ все время звучитъ нота недовольства собой и тѣми условіями жизни, въ которыя былъ поставленъ Надсонъ, всячески отбивавшійся отъ военной карьеры. Онъ ее и бросилъ при первой возможности, но на это ушло не мало силъ и не мало пришлось ему помучиться, пока удалось выбиться на свободный путь.

Общее впечатлѣніе сборника новыхъ произведеній Надсона очень пріятное. Оно ни въ чемъ не измѣняетъ того чарующаго образа, какой сложилъ у каждаго изъ насъ на основаніи его раньше извѣстныхъ произведеній. Въ этомъ году исполнилось пятнадцатилѣтіе со дня смерти поэта, и издатели прекрасно поступили, отмѣтивъ печальную годовщину выпускомъ настоящаго сборника «Недопѣтыхъ пѣсень».

А. Б.

Стихотворенія Вѣры Рудичъ. Слб. изд. А. С. Суворина. Ц. 50 к. (63 стр.). Пріятное впечатлѣніе производитъ этотъ скромный сборничекъ изъ 52 небольшихъ, оригинальныхъ, чисто лирическихъ, стихотвореній. Ничего надуманнаго, вымученнаго, вычурнаго; никакой претензіи на якобы глубокія мысли, облеченныя въ туманную символику; но каждая пѣска не лишена здравой мысли или опредѣленнаго настроенія, всегда меланхолическаго, но безъ болѣзненнаго нытья или слащавой сентиментальности. Въ хорошихъ стихахъ выражено здѣсь то, что въ самомъ дѣлѣ пережилъ и перечувствовалъ авторъ, сумѣвшій передать чувство въ сжатой, образной, красивой и часто очень музыкальной формѣ. Гражданскихъ, отъликающихся на злобу дня, мотивовъ въ книжкѣ нѣтъ; но свои личныя чувства авторъ выражаетъ задушевно и общечеловѣчно, и они понятны и близки сердцу каждаго. Для ознакомленія читателей съ талантливой поэтессой приводимъ двѣ пѣсни, не блещущія, какъ и вообще стихи г-жи Рудичъ, особенною оригинальностью, но понравившіяся намъ простотой и задушевностью.

Въ дѣвственной кельѣ твоей
Запахъ весны ароматной,
Перваго снѣга бѣдѣй
Пологъ постели опрятной,
Свѣжы на окнахъ цвѣты,
Ясно лампы сіянье...
Въ воздухѣ здѣсь разлиты
Миръ и покой, и молчанье,
Вѣянье бурь и тревогъ

Кажется сказкой далекой...
О, береги же пороги
Кельи твоей одинокой!

Старушка.

Старыя руки заботливо вяжутъ
Кружевъ красивый узоръ.
Вѣдныя губы словечка не скажутъ,
Ясенъ опущенный взоръ.
Кажется, стала она невзвѣномъ
Мирной, нѣмой старины.
Кажется, будто мудренымъ вязаньемъ
Мысли старушки полны.
Только сама про себя она знаетъ,
Петли считая его,
Сколько горячихъ молитвъ прочтаетъ,
Сколько припомнить всего.

Какъ на лучшія, укажемъ, наприимѣръ, еще на слѣдующія стихотворенія: «Женщина», «Въ старомъ домѣ», «Обвивала вѣтка хмѣлевая», «Въ шуму немолкнушемъ», «О, какъ холодно сердцу усталому» и «Замираетъ волна погребальнаго звона» (оба эти стихотворенія напечатаны въ № VI «Мира Божьяго» 1894 г.), «Большая», «Слова, слова, всегда одни слова».

И такихъ хорошихъ вещей у г-жи Рудичъ не мало. Слабѣ другихъ показались намъ по искусственности: «Актеръ», «Не стучись ты въ мою неоткрытую дверь», «Плѣнная царица», «Стоять ли?» (совсѣмъ не свойственный автору пессимизмъ).

В. О—скій.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. Стороженко. «Опыты изученія Шекспира». — *Его же.* «Изъ области литературы». — «Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь *Н. И. Стороженка*.

Н. Стороженко. Опыты изученія Шекспира. Изданіе учениковъ и почитателей. Москва. 1902.

Его же. Изъ области литературы. Статьи, лекціи, рѣчи, рецензіи. Изданіе учениковъ и почитателей. Москва. 1902.

Въ концѣ минувшаго года исполнилось тридцатилѣтіе профессорской дѣятельности проф. Н. И. Стороженка, хорошо извѣстнаго читателямъ нашего журнала. Многочисленная группа ученыхъ и литераторовъ, чувствуящихъ себя въ большей или меньшей степени обязанными почтенному юбиляру своимъ научнымъ развитіемъ, отмѣтили этотъ день изданіемъ сборника своихъ статей («Подъ знаменемъ науки»), а также вышеназванныхъ двухъ томовъ произведеній самого проф. Стороженка. Кромѣ двухъ главныхъ его трудовъ — «Предшественники Шекспира» и «Робертъ Гринъ», утвердившихъ репутацію автора, какъ шекспиролога, не только у насъ, но и въ Англии, здѣсь собраны многочисленныя историко-литературныя этюды и изслѣдованія, появлявшіяся въ разнообразныхъ изданіяхъ, начиная съ 1859 г. Сюда не вошли, однако, еще весьма многія статьи, по мнѣнію автора, или слишкомъ спеціальныя для обыкновенныхъ читателей, или имѣвшія временный интересъ въ моментъ появленія. Необыкновенная простота и доступность изложенія служатъ отличительными качествами литературной манеры Н. И. Стороженка и дѣлаютъ его работы популярными въ истинномъ значеніи этого слова. У насъ далеко еще не утвердилось возрѣніе, «что для составленія хорошей

популярной статьи нужно знать больше того, сколько заключается въ учебникахъ и популярныхъ книжкахъ» («Опыты изученія Шекспира», стр. 392). Писатель, имѣющій въ виду широкій кругъ читателей, какой бы онъ ни избралъ узкій предметъ изложенія, поневолѣ принужденъ предпослать ему общую характеристику по возможности обширной области фактовъ данной категоріи. Но это обыкновенно и составляетъ камень преткновенія такъ называемыхъ «популярныхъ» авторовъ. «Общая характеристика тогда только имѣетъ значеніе, когда она опирается на массу изученныхъ фактовъ и на способности критика схватить ихъ дѣйствительно характерныя черты». Безъ этого она обращается въ «нѣчто смутное, фразистое и фантастическое» (тамъ же, стр. 239). Ни малѣйшаго признака этихъ недостатковъ нельзя найти у Н. И. Стороженка. Каждое утвержденіе его, какова бы общаго характера оно ни было, ясно, содержательно и достоверно, ибо всегда основано на точномъ и систематическомъ знаніи всѣхъ относящихся къ данному предмету фактовъ. На пространствѣ девятисотъ страницъ лежащихъ, передъ нами двухъ томовъ, едва ли можно найти хоть одинъ афоризмъ, хоть одно опредѣленіе, которые не были бы результатомъ глубокаго изученія или по крайней мѣрѣ не были бы проверены по первоисточникамъ. Какъ ученый, проф. Стороженко является однимъ изъ крупныхъ представителей сравнительно-историческаго метода въ исследованіи литературныхъ явленій. «Съ какой бы точнѣ зрѣнія мы ни изучали художественное произведеніе,—говоритъ онъ,—всегда первой задачей литературной критики должно быть опредѣленіе его оригинальности, какъ относительно замысла, такъ и относительно встрѣчающихся въ немъ типовъ. Только тогда, когда составные элементы художественнаго произведенія выяснятся окончательно, можно будетъ приступить къ изученію художественныхъ приемовъ автора въ дѣлѣ комбинаціи этихъ элементовъ и претворенія ихъ въ художественное цѣлое. По нашему глубокому убѣжденію, критика не выйдетъ изъ сферы общихъ мѣстъ и субъективныхъ впечатлѣній, пока не станетъ твердой ногой на почву сравнительно-историческаго изученія, которое одно въ состояніи дать ей надежную точку отправленія для всѣхъ дальнѣйшихъ заключеній» (тамъ же стр. 220—221). Новѣйшія требованія, чтобы критикъ изучилъ также социальную среду, въ которой возникло исследуемое художественное произведеніе, нисколько не подрываютъ важности тщательнаго опредѣленія литературной преемственности; напротивъ, восприимчивость писателя къ извѣстнымъ литературнымъ влияніямъ часто еще рельефнѣе обнаруживаетъ его органическую связь съ извѣстной социальной группой; еще чаще характернымъ въ данномъ смыслѣ является отношеніе литературнаго прототипа къ его новой переработкѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ выдѣленіе литературныхъ наслоеній остается первымъ и необходимымъ шагомъ къ выясненію творческой индивидуальности изучаемаго автора, что, собственно, и является конечной задачей критики.

Въ теченіе всей многолѣтней ученой дѣятельности Н. И. Стороженка центромъ его интересовъ оставался Шекспиръ, къ которому онъ постоянно возвращается по тому или другому поводу. Въ смыслѣ распространенія въ русской публикѣ шекспировѣдѣнія, въ смыслѣ внушенія правильныхъ воззрѣній и любви къ величайшему драматическому гению, никто, кромѣ развѣ Бѣлинскаго, не сдѣлалъ больше, чѣмъ Н. И. Стороженко. Онъ не только дѣлился съ читателями результатами собственнаго изученія шекспировскихъ произведеній («Макбетъ», «Прототипы Фальстафа», «Психологія любви и ревности у Шекспира», «Сонеты Шекспира» и пр.), но также редактировалъ нѣсколько переводовъ лучшихъ иностранныхъ монографій о Шекспирѣ (Р. Женѣ, М. Коха, Брандеса). Не мало труда положилъ онъ на то, что бы оградить своего любимаца отъ посягательствъ невѣжественныхъ компиляторовъ и отъ искаженій переводчиковъ (разборы кри-

тико-біографических компіляцій В Чуйко, г. Полевого, переводовъ Н. А. Полевого, Кетчера, опроверженіе бѣконовской теоріи и т. д.). Шекспиръ со всею примыкающею къ нему областю литературы представляет такое необъятное поле для изслѣдованія, что не одинъ ученый всю свою жизнь посвящалъ исключительно этому предмету. Н. И. Стороженко не ограничился шекспирологіей. Вся европейская литература, въ томъ числѣ и русская, изучена имъ настолько основательно, что въ любой области онъ стоитъ на высотѣ современной науки и въ состояніи самостоятельно разрабатывать каждый возникающій передъ нимъ вопросъ. Статьи, наполняющія второй изъ появившихся въ настоящее время томовъ, касающія такихъ разнообразныхъ предметовъ, что нельзя не удивляться обширности научныхъ интересовъ и объему эрудиціи автора. Такія статьи, какъ, напр., «Возникновеніе реального романа» (испанская плутовская новела) или «Поэзія міровой скорби», при всей скромности своихъ размѣровъ, представляютъ весьма цѣнные изслѣдованія обширнѣйшихъ отдѣловъ міровой литературы. Замѣчательно при этомъ, что авторъ не пользуется своей эрудиціей, какъ щитомъ противъ общественныхъ интересовъ. Повсюду онъ подчеркиваетъ значеніе литературы, какъ фактора прогресса въ смыслѣ гуманизации человѣческихъ отношеній. Особенно его привлекаютъ самоотверженные борцы за свободу мысли и совѣсти, за социальную справедливость. Съ заразительнымъ воодушевленіемъ рисуетъ авторъ непоколебимый идеализмъ и трагическую судьбу такихъ людей, какъ Джордано Бруно, Этьенъ Дола—французскій вольнодумецъ XVI вѣка, американскій проповѣдникъ Теодоръ Паркеръ—апостолъ освобожденія рабовъ. Поэзія Пушкина, Лермонтова, Баратынскаго интересуютъ его также не только своей эстетической стороной: онъ ищетъ въ ней общественную философію или, по крайней мѣрѣ, гуманное настроеніе ихъ авторовъ. Легко понять, поэтому, ту глубокую симпатію, съ которою Н. И. Стороженко занимается біографіей своего гениальнаго земляка Шевченка, поэта народнои неволи. Извѣстно, что, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, ему удалось добыть много весьма цѣннаго матеріала, касающагося обстоятельствъ ссылки малорусскаго поэта и условій его жизни въ солдатахъ. Поклонники великаго писателя все еще надѣются, что проф. Стороженко когда-нибудь сведетъ воедино свои разысканія о Шевченкѣ. Быть можетъ, мы дождемся отъ него также и сравнительно-историческаго изслѣдованія произведеній украинскаго кобзаря. Это до сихъ поръ почти непочатая работа, да она врядъ ли кому подѣ силу, кромѣ Н. И. Стороженка, вооруженнаго для этого испытаннымъ, точнымъ методомъ, широкою спеціальною и общею эрудиціей и блестящимъ чутьемъ поэзіи.

Е Деиенъ.

«Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка. Изданный его учениками и почитателями. Ц. 3 р. Многія статьи этого сборника представляютъ большой общественный интересъ и прочтутся, несомнѣнно, съ удовольствіемъ и пользою. Мы укажемъ, прежде всего, на двѣ статьи, посвященныя Николаю Платоновичу Огареву, человѣку, публицисту и поэту, игравшему очень значительную роль въ исторіи развитія русскаго общественнаго самосознанія, но біографіи котораго въ нашей литературѣ и до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не существуетъ. Кажется, нѣтъ другого народа въ Европѣ, который бы такъ мало зналъ свое прошлое, такъ мало имъ дорожилъ и такъ мало заботился о сохраненіи для потомства возможно болѣе вѣрныхъ и полныхъ данныхъ, касающихся лучшихъ сыновъ Россіи, нежели мы, русскіе. Съ этимъ согласится каждый, кому приходилось заниматься исторіей событій,—не говоримъ уже,—едва виднѣющихся «свояго дыма въ ковшѣ», но случившихся всего полустолѣтіе или уже много если столѣтіе тому назадъ! Такое явленіе зависитъ, разумѣется, въ значительной степени отъ нѣкоторыхъ специфическихъ условій русской жизни, но *полностью* оно одними этими

условіями объяснено быть не можетъ и сюда надо еще прибавить нашу національную инертность, вялость, неподвижность. Вотъ почему мы отмѣчаемъ съ полнымъ сочувствіемъ попытку г-жи Некрасовой обрисовать ранніе годы Огарева и ея по этому поводу такія слова: «До сихъ поръ мы имѣемъ только кое-какіе отрывочные факты изъ его (Огарева) жизни, разбросанные въ различныхъ воспоминаніяхъ; но и эти немногія свѣдѣнія часто противорѣчатъ другъ другу и оказываются крайне сбивчивыми какъ со стороны содержанія, такъ и хронологіи. Между тѣмъ, года уходятъ, память засоряется, современники—живые свидѣтели и знатоки этой прошлой жизни, — одинъ за другимъ сходятъ со сцены. Уйдутъ послѣдніе, и съ ними вмѣстѣ исчезнетъ возможность поправокъ, исправленіе ошибокъ и неточностей, а также и возможность воссозданія полного образа этой замѣчательной личности». Г-жа Некрасова совершенно права. Развѣ мало обстоятельствъ жизни Огарева, занесенныхъ, напр., Анненковымъ въ его «Записку объ Н. П. Огаревѣ» (см. «И. В. Анненковъ и его друзья») остается до сихъ поръ далеко не разъясненными? Мы не будемъ излагать самаго содержанія статьи г-жи Некрасовой, отсылая читателей къ подлиннику, и отмѣтимъ лишь, что матеріалы для своей небольшой, но содержательной работы автору приходилось добывать, видимо, микроскопическими дозами, что придастъ статьѣ еще большую цѣнность. Статья напомнила намъ интересную работу той же г-жи Некрасовой «Герценъ въ Вяткѣ», помѣщенную авторомъ въ сборникъ общества любителей россійской словесности «Починъ».

Огареву же посвящена и другая статья юбилейнаго сборника Н. И. Стороженка. Принадлежитъ она г. Николаю Мендельсону и называется «Н. П. Огаревъ въ воспоминаніяхъ его бывшаго крестьянина». Авторъ познакомился въ 1898 году съ В. К. Вязневымъ, бывшимъ некогда крѣпостнымъ крестьяниномъ Огаревыхъ, получившимъ отъ Николая Платоновича вмѣстѣ съ другими земляками еще въ 1846 году «вольную», попавшему въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Москву для изученія технического рисованія и рѣзбы по дереву, сошедшагося тамъ съ молодыми людьми, преподававшими въ одной изъ воскресныхъ школъ, и сдѣлавшемуся, благодаря всему этому, вполне интеллигентнымъ человѣкомъ. Не оставляя верстака, В. К. Вязневъ принялся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и за перо и сдѣлался писателемъ. Его работа стала появляться сначала въ «Трудахъ Рязанской Архивной Комиссіи», а потомъ въ «Этнографическомъ Обзорѣ». Занимался г. Вязневъ также и публицистикой, и беллетристикой, и поэзіей. Такого рода его произведенія печатались въ «Русскомъ Курьерѣ» и въ «Чтенія для народа». Вотъ къ этому-то самородку и обратился г. Мендельсонъ съ просьбой «собрать водно все, что помнятъ его односельчане объ Н. П. Огаревѣ». Просьбу г. Мендельсона г. Вязневъ охотно исполнилъ. Таково происхождение разсматриваемыхъ «Воспоминаній» объ Огаревѣ. Изъ нихъ мы приведемъ слѣдующія любопытныя строки: извѣстно, что Николаю Платоновичу досталось по наслѣдству громадное имѣніе—село Бѣлоумъ въ Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда. «Въ 1839 году,—рассказываетъ г. Вязневъ,—Н. П. Огаревъ, пріѣхавъ въ Бѣлоумъ, приказалъ бывшему бурмистру П. И. Ракитину собрать крестьянъ на сходку. Сходка была поголовная, на открытомъ мѣстѣ, при селѣ собралась масса женщинъ.

«Явившись на сходку, Н. П., послѣ обычнаго здравствованія съ крестьянами и поклона, сказалъ приблизительно слѣдующее: «Добрые люди! Я собралъ васъ сюда для очень важнаго дѣла, касающагося и меня, и васъ. До васъ, православные, оно касается тѣмъ, что предоставляетъ вамъ болѣе блага въ трудовой вашей жизни, а для меня—тѣмъ, что я обязанъ исполнить христіанскій долгъ. Я положилъ за непрѣмънную обязанность отпустить васъ

на волю, въ свободныя хлѣбопашцы. За это потребую я отъ васъ суммы необременительной, а вамъ отдамъ всю землю съ лѣсомъ и всѣми лугами».

«Только что Н. П. сказалъ это, какъ всѣ крестьяне, около 700 человѣкъ, упали на колѣна: многіе изъ нихъ заплакали и начали креститься, а оправившись отъ волненія, крестьяне закричали: «Не желаемъ, батюшка-баринъ, никакой мы воли, освобожденія! Намъ всего лучше жить за тобою. Ни кидай насъ! Безъ тебя мы пропадемъ, всякій насъ обидитъ. У насъ при тебѣ, баринъ, и при твоёмъ покойномъ батюшкѣ никакой неволи не было и мы ея не знаемъ: не знали неволи и отцы, и дѣти наши при прежнихъ господахъ».

«Крестьяне продолжали стоять на колѣняхъ и все повторяли, что никакой воли имъ не надо; они ее имѣютъ, потому что не знаютъ барщины, а всякъ работаетъ на себя съ семейю да неотаготительный оброкъ платитъ барину.

«Послѣ неоднократнаго повторенія со стороны Н. П., чтобы крестьяне встали, послѣдніе, наконецъ, поднялись.

«Н. П. велѣлъ выслушать его рѣчь и хорошенько обдумать и понять крестьянамъ свое настоящее и будущее положеніе.

«— Вы православные,—началъ съ привѣтной улыбкой говорить Н. П.,— не вполне разумѣете свое положеніе, а потому и отказываетесь отъ своего освобожденія. Положимъ, теперь вы живете безъ особаго стѣсненія съ моей стороны, но я умру, тогда попадете вы къ другому владѣльцу, который можетъ завести у васъ другіе, нежелательные порядки. Это вамъ покажется обиднымъ и вы будете влясть меня и моихъ наследниковъ.

«При словахъ «я умру» крестьяне заплакали и прервали рѣчь Н. П. возгласомъ:

«— Подай Господи вамъ, баринъ, многихъ лѣтъ! Живя, родимый, для насъ!..

«За эти пожеланія Н. П., кланаясь, благодарилъ крестьянъ и на прощаніе имъ сказалъ.

«— Обдумайте мое предложеніе и завтра выбирайте для себя повѣреннаго да прїѣзжайте ко мнѣ въ Москву. Тамъ оформимъ мы въ добрый часъ наше святое дѣло: напишемъ договоръ для нашего общаго блага».

На многія размышленія относительно крестьянской психологіи наводитъ эта сцена, особенно, если вспомнить, что отецъ Огарева вовсе не принадлежалъ къ разряду особенно гуманнхъ людей, но зато личность Н. П. Огарева вырисовывается чрезвычайно ярко. Когда въ послѣдствіи Огаревъ работалъ рука объ руку съ Герценомъ на берегахъ Темвы, изъ известнаго лагеря сыпались обвиненія, что, молъ, господа эти проповѣдуютъ то-то и то-то, а сами уѣхали за границу, *продавши* своихъ крестьянъ... Теперь изъ воспоминаній г. Влазнева можно видѣть лишній разъ всю цѣну такихъ обвиненій. Огаревъ не только не «продавалъ» своихъ крестьянъ, не только далъ имъ вольную безъ всякаго за это выкупа, но и уступилъ имъ Бѣлоомуть, въ которомъ, по собраннымъ г-жею Некрасовой, да и известнымъ изъ другихъ источниковъ свѣдѣніямъ, были «кромѣ обширныхъ луговъ, обширныя рыбныя ловли и 10.000 десятинъ строевого лѣса», всего за 142.857 рублей. Нельзя, поэтому, несогласиться съ небольшимъ послѣсловіемъ, которое присоединилъ къ разсказу г. Влазнева г. Мендельсонъ.

«Простые слова этого разсказа,—говоритъ онъ,—рисую ясными, опредѣленными чертами благородную личность Н. П. Огарева, служатъ лучшимъ комментариемъ къ тому гимну свободѣ, который написалъ Н. П. Огаревъ въ 1858 г. въ своемъ стихотвореніи «Искандеру»:

Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
 Когда я былъ юношей страстно-мятежнымъ,
 И въ возрастѣ зрѣломъ, со страстью смежнымъ,
 Всю жизнь мнѣ все снова и снова,
 Звучало одно неизмѣнное слово:
 Свобода! Свобода!

«Эти слова не были въ устахъ Огарева только поэтическимъ прекраснѣшимъ: онъ доказалъ на дѣлѣ свою преданность идеѣ свободы».

Отъ Огарева естественно переходить къ одному изъ его духовныхъ предковъ. Мы говоримъ о Радищевѣ, которому посвящена въ томъ же сборникѣ весьма интересная статья г. В. Якушкина, озаглавленная «Учебные годы А. Н. Радищева». Говоря о сборникѣ «На славномъ посту», мы остановились на статьѣ г. Мякотина «На зарѣ русской общественности» и тогда же указывали на отсутствіе въ нашей литературѣ біографіи Радищева. («Миръ Божій» 1901 г., июль). Въ томъ же положеніи находится это дѣло и теперь, но прибавленіе, сдѣланное г. Якушкинымъ къ его статьѣ «Учебные годы А. Н. Радищева», — «Отрывокъ изъ его біографіи» и имя автора статьи какъ бы говорятъ за то, что, быть можетъ, не далеко время, когда отиѣченный пробѣлъ будетъ восполненъ. Въ настоящей же статьѣ г. Якушкинъ останавливается, главнымъ образомъ, на времени пребыванія Радищева въ Лейпцигскомъ университетѣ. Въ инструкціи, данной императрицей Екатериной касательно того, чему именно должны обучаться посылаемые за границу «молодые дворяне», находятся, между прочимъ такіа слова: «Всѣмъ обучаться моральной философіи, исторіи, а *наипаче праву естественному и всенародному* и нѣсколько римской имперіи праву». Но если инструкція на бумагѣ была составлена недурно, то нельзя сказать того же относительно другихъ условій, которыми была обставлена жизнь Радищева и его товарищей въ Лейпцигѣ. Надзоръ и попеченіе за учащимися было ввѣрено гофмейстеру Бокуму, у котораго была лишь одна забота — «рачить о своемъ карманѣ», и плохо приходилось молодымъ людямъ отъ нихъ воспитателя. Вспоминая это время, не даромъ высказывалъ Радищевъ въ составленномъ имъ «Житіи Ушакова» (одного изъ товарищей по лейпцигскому университету) такую мысль: «Спасеніе угнетаемыхъ заключается въ томъ, что угнетатели не знаютъ мѣры, доходятъ до крайности, которая заставляетъ угнетаемыхъ воспротивиться мучительской власти». И далѣе: «имѣя власть въ рукѣхъ и деньги, забылъ гофмейстеръ нашъ умѣренность и, подобно правителямъ народовъ, возомнилъ, что онъ не для насъ съ нами, что власть ему данная надъ нами и опредѣленная деньги не на нашу пользу, но на его». Съ Бокумомъ произошло, наконецъ, столкновеніе нашихъ юношей. «Они знали, что Бокумъ будетъ клеветать на нихъ, представить все дѣло въ видѣ возмущенія, въ видѣ покушенія на его жизнь. Въ случаѣ дурного окончанія для нихъ этого дѣла, они рѣшили бѣжать въ Остъ-Индію или въ Америку, гдѣ тогда начиналась борьба съ метрополіей...» Инцидентъ кое-какъ уладился. Въ апрѣлѣ 1768 года кн. Вѣлосельскій сообщалъ слѣдующіе отзывы объ успѣхахъ нашихъ студентовъ: «Всѣ генерально съ удивленіемъ признаютъ, что въ толь короткое время они оказали знатные успѣхи и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые недавно тамъ обучаются. Особенно же хвалятъ и находятъ отиѣнно искусными: во-первыхъ — старшаго Ушакова, а по немъ Янова и Радищева, которые превысили чаянія своихъ учителей». Но не «ко двору» пришлись плоды ученія Радищева по возвращеніи его на горячо любимую имъ родину. Извѣстна его дальнѣйшая участь. Бесѣдовать о дальнѣйшей судьбѣ Радищева и не входило, впрочемъ, въ планъ данной работы г. Якушкина, ограничившагося пока учебными годами Александра Николаевича, и потому мы приведемъ лишь заключительныя слова статьи: «По окончаніи курса Радищевъ и его товарищи возвращались въ Россію, гора нетерпѣваемъ «видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія». Когда они увидали между, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую, они пришли въ восторгъ. Приобрѣтенное нашими студентами широкое и основательное научное образованіе, усвоенная ими философія просвѣщенія не отвратили ихъ отъ родины, отъ ея запросовъ и бѣдствій. Они возвращались домой съ желаніемъ отдать всѣ силы и знанія на служеніе родинѣ, на

распространеніе въ ней просвѣщенія и справедливости, на борьбу съ удручавшими ее бѣдствіями, прежде всего съ ужасами крѣпостного права и всѣмъ, къ чему вполнѣдствіи Радищевъ примѣнилъ стихъ изъ Телемахида: «чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лапй». Всѣхъ полнѣе эти стремленія выразилъ Александръ Радищевъ; не только какъ общественный дѣятель и какъ писатель, но и въ частной жизни, въ частныхъ отношеніяхъ къ людямъ онъ остался навсегда вѣренъ развѣ усвоенному направленію, выработаннымъ высокимъ гуманнымъ идеаламъ».

Мы не имѣемъ никакой возможности говорить обо всѣхъ статьяхъ разсматриваемаго «Сборника», который заключаетъ въ себѣ 740 страницъ, и потому отмѣтимъ среди нихъ лишь еще нѣсколько статей, наиболѣе выдающихся по своему интересу. Къ такимъ принадлежитъ, безспорно, замѣчательная статья г. Н. Котляревскаго «Историческое значеніе поэзіи гр. А. К. Толстого», этого, еще очень мало оцѣненнаго въ нашей литературѣ челоѣка и писателя. По характеристикѣ его г. Котляревскимъ, то былъ, прежде всего, «романтикъ», но романтикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, челоѣкъ, для котораго эстетика была своего рода культомъ, но который, тѣмъ не менѣе, въ своихъ порывахъ къ таинственнымъ и неясно сознаваемымъ имъ самимъ, такъ связать, надземнымъ идеаламъ не утрачивалъ ни живыхъ чувствъ гражданина, ни мысли о насущныхъ интересахъ родной страны. Не говоря уже объ отношеніи Толстого къ крѣпостному праву, вотъ что писалъ онъ, напр., по вопросу, который до сихъ поръ является однимъ изъ пугалъ для нашихъ лже-патріотовъ своего отечества. «Вы говорите,—писалъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ,—что нельзя допустить разныя національности въ могущественномъ государствѣ. Милыя дѣти, посмотрите въ лексиконъ, что такое національность? Вы смѣшиваете государства съ національностями. Нельзя допустить разныя государства, но отъ васъ зависитъ допустить или не допустить національности... Ваше мнѣніе можно выразить слѣдующими словами: навязать русскую національность всѣми средствами. А моя мысль сводится къ слѣдующему: сдѣлать такъ, чтобы эта національность была желательна. Вы говорите: уравниемъ все, понижая уровень чужихъ національностей. Я же говорю: уравниемъ все, возвышая русскій уровень...» Славянофилы сочли было Толстого «своимъ», но не надолго. Да и какъ же было иначе послѣ ознакомленія съ такими, напр., словами Толстого: «Моя ненависть къ московскому періоду есть идіосинкразія и я не подвигиваю себя, чтобы говорить о немъ то, что я говорю». А это значило, что, называя древнюю Москву «отвратительной и болѣе позорной, чѣмъ монголы», Толстой говорилъ отъ чистаго сердца. Ужъ какое тутъ славянофильство!..

Къ очень интереснымъ произведеніямъ сборника принадлежатъ также статьи г. Кирпичникова «Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій въ 1847 году» и г. Линиченка «Бѣлинскій въ борьбѣ славянофиловъ и западниковъ». Въ первой изъ этихъ статей рѣчь идетъ о «Перепискѣ съ друзьями», этой пресловутой «великой книгѣ», а во второй—передъ читателемъ проходитъ въ яркихъ краскахъ давно всѣмъ знакомая, но вѣчно юная личность нашего незабвеннаго «Нестоваго Виссаріона». Не безъ интереса прочтется также «Глава изъ неизданныхъ записокъ» г-жи Хинъ (кое-какія личныя воспоминанія о Тургеневѣ), «Странныя прошлаго» г. Шумятикова (о Добролюбовѣ) и другія.

Въ заключеніе любопытное сообщеніе А. Ѳ. Кони, озаглавленное «М. Н. Загоскинъ и цензура». Этимъ сообщеніемъ пополняется еще и еще своеобразный «формуляръ» дѣятельности знаменитаго «бутурлиовскаго комитета». Кому неизвѣстна, въ самомъ дѣлѣ, отрицательная «благовѣренность» автора «Юрія Милославскаго», его принадлежность, по остроумному опредѣленію Тургенева, къ «ложно-величавой школѣ» и къ числу «патріотовъ, не знающихъ своего отечества»,—ужъ ему ли было не стоять выше цензурныхъ преслѣдованій? Вышло

иначе. Въ 1852 г. редакторъ «Пантеона» Ф. Кони приглашалъ Загоскина со-трудничать въ этомъ журналѣ, но получилъ отказъ письмомъ, которое послѣ и сообщено А. Ф. Кони издателямъ сборника. Въ письмѣ этомъ Загоскинъ мотивируетъ свой отказъ болѣзью и данной имъ «клятвой» «ничего не печатать въ Петербургѣ», ибо петербургская цензура, пишетъ онъ, «сдѣлала въ моей несчастливой комедіи болѣе пятидесяти помарокъ и поправокъ—и какихъ поправокъ! Видѣсто: прямой *армейщина* — прямой *кикимора*; *корнетъ* названъ *верхолетомъ*; видѣсто *звѣвающихъ мужей* напечатано *счастливейшихъ мужей*. Подлинно, благочестивая цензура; не позволяеть мужьямъ зѣвать даже тогда, когда имъ скучно... Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вымарано стиховъ по десяти сряду—а за что?—хоть убейте, не понимаю. Разумѣется отъ этихъ помарокъ составилось великое множество самыхъ незаконныхъ стиховъ—безъ мѣры, безъ рифмъ, безъ сочетанія и даже совершенно безъ смысла,—и за все это долженъ отвѣчать я, потому что не имѣю права объявить публично, что мою комедію изуродовала цензура. Согласитесь, что послѣ этого я не могу и не долженъ ничего печатать въ Петербургѣ»—таковъ новый любопытный фактъ изъ лѣтописей нашей печати.

В. Б—скій.

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ.

А. Оларъ. «Политическая исторія французской революціи». — *Лависсъ и Рамбо*. «Исторія французской революціи».

А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Происхожденіе и развитіе демократіи и республики (1789—1804). Переводъ съ французскаго Н. Кончевскаго. Цѣна 3 руб. Имя Олара, не знакомое русской читающей публикѣ, пользуется широкой извѣстностью среди специалистовъ. Дѣтъ пятнадцать тому назадъ онъ занялъ въ Сорбоннѣ только что учрежденную парижскимъ муниципалитетомъ катедру исторіи французской революціи и съ тѣхъ поръ продолжалъ работать въ архивахъ надъ своей книгой. Передъ этимъ онъ уже дѣтъ пять занимался эпохой. Кромѣ того, онъ стоитъ во главѣ специально посвященнаго исторіи революціи журнала «La République française» и является душою ученаго общества «Société de l'histoire de la Révolution». Прежде чѣмъ выпустить настоящій трудъ, Оларъ опубликовалъ цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ этюдовъ, посвященныхъ различнымъ вопросамъ, относящимся къ этой наиболѣе рѣшительной эпохѣ французской исторіи. Кромѣ трехъ книжекъ статей и лекцій (1893, 1898, 1901), онъ напечаталъ наслѣдованія о культѣ разума и высшаго существа, объ ораторахъ національнаго собранія (3 тома), о Дантонѣ, издавалъ съ превосходными комментаріями документы якобинскаго клуба (6 томовъ) и акты и протоколы комитета общественнаго блага (12 томовъ). Этотъ внушительный списокъ показываетъ, что Оларъ является лучшимъ знатокомъ политической исторіи революціи и даетъ право ожидать, что настоящій трудъ будетъ удовлетворять всѣмъ научнымъ требованіямъ.

Появленіе книги Олара (она стала выходить выпусками въ началѣ 1900 г.) было какъ нельзя болѣе своевременнымъ, ибо въ существующей литературѣ по исторіи революціи оставались невыясненными многие изъ важнѣйшихъ вопросовъ. Въ трудахъ предшественниковъ Олара, среди которыхъ есть книги и генеральныхъ историковъ и добросовѣстнѣйшихъ изслѣдователей, такъ много было всякихъ ложныхъ и невольныхъ ошибокъ, такъ много промаховъ и искаженій, такіе оставались огромные пробѣлы, что приходится удивляться, какимъ образомъ до сихъ поръ наука могла мириться со всѣми этими научными недоразумѣніями. Исторіографія революціи—своего рода социальнопсихологической про-

цессъ, отдѣльные моменты котораго опредѣлялись господствующими вкусами и общественно-политическими настроеніями. Исторія создавалась страстями, апологія смѣнялась обличеніемъ, какъ въ какомъ-нибудь догматическомъ вопросѣ, критеріи для оцѣнки лицъ и событій не имѣли никакой устойчивости. У исторіи революціи были свои легенды и саги, которыя съ трудомъ, да и то въ очень небольшой степени, уступали анализу.

Причинъ такого страннаго на первый взглядъ явленія — двѣ, одна общая, другая специальная. Первая заключалась въ томъ, что революціонныя традиціи продолжали держаться и оказывать вліяніе въ тѣхъ общественныхъ условіяхъ, въ которыхъ жили, мыслили и писали Кинь и Луи-Бланъ, Мишле и Тьеръ, Минье и Тонъ; даже иностранные писатели, какъ Карлейль, оказывались захваченными величіемъ эпохи и составляли памфлеты вмѣсто исторіи. Одиноко стоять въ этой блестящей плеядѣ, быть можетъ, самый блестящій—Токвиль, но у него особая точка зрѣнія, и онъ больше занимается старымъ порядкомъ, чѣмъ самой революціей. Да и у Токвиля цѣль практическая, хотя его работа сдѣлана вполне научно. Другая причина заключается въ томъ, что историки работали по ненадежнымъ источникамъ. Лучше всего до сихъ поръ обстояло дѣло съ вѣдшей исторіей революціи. Съ этой точки зрѣнія и цѣнны, главнымъ образомъ, многотомные труды Зибеля и Альбера Сореля. Но ни вѣдущій исследователь, ни его французскій собратъ не заполнили пробѣла внутренней исторіи революціи. У нихъ сдѣлано кое-что въ этомъ направленіи, особенно у Сореля, который уже имѣлъ возможность пользоваться различными работами Олара. Но все это было недостаточно, и до появленія настоящей книги у насъ не было хорошей политической исторіи революціи.

Оларъ прямо озаглавливаетъ свою книгу «Политической исторіей революціи». Онъ не задается цѣлью дать полную исторію. Для этого, по его мнѣнію, нужно было бы не 20 лѣтъ, и не одна человѣческая жизнь. Но и политическая часть революціи обработана не вполне: оставлены въ сторонѣ военная, дипломатическая и финансовая исторія революціи; факты этихъ трехъ категорій привлекаются Оларомъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ему необходимо объяснить другіе, интересующіе его болѣе непосредственно. Главная задача Олара, какъ видно изъ подзаголовка его книги, заключается въ томъ, чтобы выяснить происхожденіе и развитіе демократіи и республики. Первая является логическимъ послѣдствіемъ принципа равноправности, вторая—логическимъ послѣдствіемъ принципа народнаго суверенитета. Какимъ образомъ появились, какъ осуществлялись на практикѣ и какъ пали обѣ эти формы — вотъ чѣмъ интересуется, главнымъ образомъ, Оларъ. Въ этихъ рамкахъ онъ разсматриваетъ вопросъ о ростѣ трехъ общественныхъ категорій: политическихъ формъ и учреждений, выработанныхъ революціей, партійныхъ группировокъ и общественнаго мнѣнія. Порядокъ изложенія у Олара хронологическій; историкъ допускаетъ отклоненія отъ него только въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно въ послѣдательномъ разсказѣ охватить всѣ проявленія общественной жизни; тогда естественно появляются рубрики и не хронологическія. Въ исторіи революціи Оларъ различаетъ четыре періода. Первый продолжается отъ 1789 до 1792 года; это періодъ генезиса демократіи и республики; ни та, ни другая еще не провозглашены; господствуютъ конституціонная монархія и буржуазный избирательный цензъ. Второй періодъ тянется до 1795 года. Это—пора господства обонхъ принциповъ; монархія упразднена и введено всеобщее избирательное право; въ третьемъ періодѣ (до 1799 года) республика держится, но демократическій принципъ уже снова ограниченъ цензомъ; это уже не демократическая, а буржуазная республика. Наконецъ, четвертый періодъ (до 1804 года), когда ограничиваются оба принципа; это уже возвращеніе къ монархіи подъ видомъ плебисцитарной республики. Больше всего Оларъ занимается исторіей второго пе-

рiода, исторiей конвента; ему посвящена чуть не половина всей книги. Тутъ изслѣдованiя Олара прямо дѣлають эпоху. До сихъ поръ съ дѣятельностью конвента и особенно съ организаціей республиканскаго правительства при Конвентѣ мы были знакомы далеко не такъ хорошо, какъ того требовала логика исторiи. Пренiе историкi — исключенiемъ является, быть можетъ, одинъ Сорель — обращали, главнымъ образомъ, вниманiе на героическую пору революціи, на періодъ Конституанты и Легислативы; исторiя конвента исчерпывалась его внѣшними дѣлами да терроромъ; съ организаціей правительства были знакомы смутно. Оларъ даетъ превосходный очеркъ именно функционированiя правительства и его органовъ. То же самое онъ дѣлаетъ и для слѣдующаго періода директорiи. Эти два отдѣла — наиболѣе цѣнные въ его книгѣ. Но и оба другіихъ далеко не являются повторенiемъ стараго. Въ журнальной замѣткѣ трудно даже перечислить всѣ тѣ новыя точки зрѣнiя, которыя даетъ книга Олара. Они встрѣчаются тутъ на каждой страницѣ. У него впервые получили надлежащее освѣщенiе дѣятельность провинціальныхъ органовъ, республиканское движенiе въ провинціи, указано различiе между настроенiемъ департаментскихъ и муниципальныхъ властей, изъ которыхъ послѣднiя обнаруживали болѣе крайній образъ мыслей. Источникъ и характеръ вандейскаго режима выяснены также впервые, причѣмъ оказалось, что главнымъ пропагандистомъ реставраціонной идеи была не аристократiя, а духовенство. Очень обстоятельно изложилъ Оларъ и религіозную политику революціонныхъ правительствъ въ связи съ характеристикой республиканскихъ культовъ. Гражданское устройство духовенства, культы Разума, Верховнаго Существа, Декадъ, теофилантропіи — все это либо изложено совершенно заново, либо дополнено въ существенныхъ чертахъ новыми фактами.

Въ чемъ же причина того, что книга Олара проливаетъ столько свѣта на темныя стороны исторiи революціи и сообщаетъ столько новыхъ точекъ зрѣнiя? Этими авторъ, главнымъ образомъ, обязанъ тому, что онъ умѣлъ использовать надлежащимъ образомъ источники. Онъ беретъ все изъ первыхъ рукъ и умѣетъ дѣлать выборъ, чего нельзя сказать про большинство его предшественниковъ. Онъ понялъ, что главный источникъ такихъ историковъ, какъ Тэнъ, — мемуары — самый ненадежный и избѣгаетъ ихъ. Онъ прочелъ всѣ законы, изданныя въ эпоху революціи, всѣ вліятельныя газеты того времени, переписку, какая сохранилась, политическія рѣчи и пренiя въ наиболѣе точномъ изложенiи, протоколы выборовъ въ Парижъ и провинціи, біографіи дѣятелей. Онъ не довѣрялъ сколько-нибудь подозрительному тексту, даже изъ официальныхъ органовъ прибѣгалъ не ко всякому. Словомъ въ теченiе времени отъ 1879 года до 1900 Оларъ ничѣмъ другимъ, кромѣ изученiя и критики источниковъ не занимался. Поэтому, факту, сообщенному въ его книгѣ, можно вѣрить вполне. Синтетическая сторона книги нѣсколько уступаетъ аналитической. Оларъ самъ признается, что принужденъ былъ прибѣгнуть къ многочисленнымъ абстракціямъ, въ виду невозможности строго выдерживать хронологическую точку зрѣнiя. Есть и иныя недостатки — рискованныя сопоставленiя, плохо обоснованныя оцѣнки, нѣкоторая туманность общихъ точекъ зрѣнiя. Наконецъ, необходимо сдѣлать одно замѣчанiе по поводу плана. Оларъ предупреждаетъ, что онъ будетъ излагать только политическую сторону революціи, да и то не всю. Остальныя ея стороны онъ опускаетъ или касается ихъ только вскользь. Читателю, конечно, всего досаднѣе отсутствiе социальнаго-экономической исторiи революціи тѣмъ болѣе, что оно не осталось безъ вліянiя и на выясненiе политическаго процесса. Судъ, финансы, внѣшнiя сношенiя также почти не нашли мѣста въ книгѣ. Все это дѣлаетъ трудъ французскаго ученаго нѣсколько одностороннимъ, но приходится быть благодарнымъ ему и за то, что онъ даетъ. Для социальнаго-экономическихъ отношенiй революціи у насъ имѣются труды Ковалевскаго, Лучицкаго, Санъяна, для судебной исторiи, эпохи — старыя

работы Рихтера и Лаферьера, для финансовой Стурма и Гомеля, для внешней—трудъ Сореля. Рабыта Олара заполняетъ наиболѣе чувствительный пробѣлъ. Теперь сдѣлалось возможно написаніе популярной полной исторіи революціи, которая можетъ дать то, чего не дадутъ книги Гейссера, Карно, Рамбо и другихъ. Тотъ, кто одолѣетъ огромный томъ Олара въ почти 1.000 страницъ, не пожалѣетъ потраченного времени. Въ легкомъ и доступномъ изложеніи и въ хорошемъ переводѣ передъ нимъ развернется сложный, но необыкновенно характерный процессъ эволюціи политическихъ формъ въ одну изъ наиболѣе интересныхъ эпохъ исторіи человѣчества.

А. Дависелювъ.

Э. Лависсъ и А. Рамбо. Исторія французской революціи. 1789—1799 гг. Переводъ съ французскаго М. Юлшина Изданіе Ф. Павленкова. Цѣна 1 руб. 50 коп. 704 стр. Спб. 1901. Почти одновременно на русско́мъ языкѣ появились двѣ книги, посвященныя первой революціи—переводъ монографіи Олара и переводъ популярнаго очерка Лависса и Рамбо. По научной, исторіографической цѣнности книгу Лависса и Рамбо нельзя даже сравнивать съ работою Олара, въ которой ни одинъ изъ самыхъ общепринятыхъ тезисовъ исторіографической традиціи не остался безъ вполне самостоятельной повѣрки, и многіе изъ нихъ подверглись поправкамъ, модификаціямъ и измѣненіямъ. Книга Лависса и Рамбо (какъ и вся ихъ коллекція «Всеобщая исторія съ IV вѣка до нашего времени», въ которой эта книга составляетъ особый выпускъ), имѣетъ въ виду популяризацію историческихъ знаній, но не ихъ количественное или качественное расширеніе. Тѣмъ не менѣе, Лависсъ и Рамбо пригласили участвовать въ составленіи отдѣльныхъ главъ своей книги такіхъ выдающихся специалистовъ, какъ тотъ же Оларъ, Вастъ, Арнонъ и др.,—и это сказалось въ отчетливости и увѣренности изложенія, т.-е. именно въ тѣхъ качествахъ, которыя такъ часто отсутствуютъ въ популяризаціяхъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что первая глава (написанная Шампиономъ) и посвященная характеристикѣ стараго режима, способна разочаровать многихъ: она состоитъ изъ какихъ-то отрывковъ, клочковъ, бѣлыхъ этюдовъ, касающихся самыхъ разнообразныхъ сторонъ стараго порядка. Общей картины павшаго режима совсѣмъ не получается. Портить эту главу еще и то ни съ чѣмъ несообразное (въ смыслѣ архитектуры работы) обстоятельство, что начинается глава (а съ нею и вся книга) параграфомъ о «политической разрозненности королевства». Во-первыхъ, если на лицо нѣкоторыя своеобразныя старыя отличія однихъ провинцій отъ другихъ, то это еще не значитъ, что существовала «политическая разрозненность»; національное самосознаніе, во всякомъ случаѣ, было настолько сильно, что объ этомъ явленіи говорить не приходится: самъ же авторъ,—правда, уже въ слѣдующемъ параграфѣ, вполне согласно съ истинною, констатируетъ, что «...различныя провинціи не были и не хотѣли быть чужими другъ для друга... Вопреки сознанію нѣкоторыхъ чистомѣстныхъ интересовъ, обособлявшихъ отдѣльныя части Франціи, онѣ чувствовали взаимное тяготѣніе и считали себя членами одной и той же семьи». Во-вторыхъ, помѣщать это сильно преувеличенное явленіе въ первую голову при перечисленіи золъ стараго режима уже по-давно нѣтъ ни малѣйшихъ основаній: о сепаратизмѣ «наказы» сословій и литература первыхъ временъ революціи говорятъ вѣдъ всякаго сравненія меньше, вселеніи о реальныхъ бѣдахъ и темныхъ сторонахъ погибавшихъ порядковъ. Нужно пожелать, чтобы читатель, для котораго эта книга переведена на русскій языкъ, набавилъ себя отъ труда читать 1-ю главу, но вмѣсто нея ознакомился бы съ маленькою по объему и глубоко значительною по содержанию классическою работою Товвиля («Старый порядокъ и революція»), а уже потомъ приступилъ къ чтенію дальнѣйшихъ главъ Лависса и Рамбо; эти главы тогда явятся въ вполне ясномъ свѣтѣ, и многое изъ рассказаннаго въ

нихъ покажется вполне мотивированныхъ. А дальнейшія главы, особенно 2, 3, 4 и 7, написанныя Оларомъ, въ общемъ, изложены, дѣйствительно, превосходно. Первые, столь важные для послѣдующей исторіи Франціи, мѣсяцы революціаннаго движенія, рассказаны сжато, но до послѣдней степени точно, и безъ пропусковъ какой бы то ни было характерной черты. По обычаю большинства французскихъ историковъ революціи, сотрудники книги Лависса и Рамбо посвящаютъ, въ главахъ, касающихся конвента и директоріи, — слишкомъ много мѣста деталямъ военныхъ дѣйствій французскихъ армій и внѣшнихъ враговъ республики.

Замѣчательно, что всѣ исторіографическія традиціи Тьера въ настоящее время отвергнуты, — а отъ этой никакъ (во Франціи) не могутъ отдѣлаться! Да еще и то надо принять во вниманіе, что Тьеръ лично побывалъ чуть ли не на поляхъ всѣхъ европейскихъ большихъ битвъ, — которыя онъ описывалъ, занимался на этихъ поляхъ топографическими съемками, разспрашивалъ окрестныхъ старожиловъ и т. д., и, благодаря этому, въ извѣстной живости его разсказу о военныхъ событіяхъ революціи и имперіи отказать нельзя, — и эти мѣста его трудовъ если не поучительны, то хоть занимательны. У энциклопедъ же его ненужность содержанія въ этихъ стратегическихъ и тактическихъ экскурсахъ вполне гармонируетъ съ блѣдностью изложенія. Съ изумленіемъ встрѣтили мы въ этой книгѣ, озаглавленной въ русскомъ переводѣ «Исторіей французской революціи», — цѣлую главу (гл. VI), посвященную «восточной Европѣ» съ подзаголовкомъ: «Австрія и Пруссія. Россія, Швеція, Турція, Польша до 1796 года». Эта глава занимаетъ не болѣе и не менѣе, какъ 60 страницъ, — и зачѣмъ переводчикъ ее перенесъ сюда со страницъ коллекціи Лависса и Рамбо, — остается тайною. Въ коллекціи, посвященной *всеобщей* исторіи, эта глава вполне законна, но, вѣдь, выбирая для перевода только тѣ части, которыя можно озаглавить «Исторіей французской революціи», — нельзя же включать въ ихъ число главу о восточной Европѣ, только потому, что въ оригиналѣ эта глава вставлена именно здѣсь, на этомъ мѣстѣ...

Главнымъ недостаткомъ разбираемой книги нужно признать отсутствіе выводовъ: ни общаго введенія, ни заключенія къ этой работѣ нѣтъ, тогда какъ популярныя изданія особенно нуждаются въ общемъ взглядѣ, въ той или иной коренной мысли, положенной въ основаніе книги. Если отъ исторической популяризаціи не требуютъ расширенія фактическихъ знаній науки, новизны и глубины обобщеній и теорій, то все же нельзя ее признать вполне достигающею цѣли, если для читателя по прочтеніи остается *совершенно темнымъ* всемірно-историческое мѣсто рассказанныхъ событій, если популяризаторъ съ первой страницы до послѣдней остается рассказчикомъ фактовъ, хотя бы всегда правдивымъ и часто занимательнымъ, — но только рассказчикомъ и ничѣмъ болѣе. А такова именно, къ сожалѣнію, черта всей коллекціи Лависса и Рамбо и въ частности тѣхъ главъ ея, которыя теперь изданы подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ на русскомъ языкѣ. Очень жаль, что взамѣтъ ненужныхъ шестидесяти страницъ о восточной Европѣ, случайно здѣсь заблудившихся, читатель не встрѣтитъ никакихъ дополненій или хотя бы перепечатокъ изъ другихъ революціонныхъ исторій, глубже взглянувшихъ на свою задачу.

Хорошо, если книгѣ Лависса и Рамбо удастся серьезно заинтересовать читателей своимъ сюжетомъ, а это она можетъ сдѣлать благодаря безспорнымъ достоинствамъ изложенія и содержанія нѣкоторыхъ главъ; и еще лучше, если, заинтересовавшись, читатель приметъ за болѣе обстоятельное знакомство съ исторіей этого кризиса европейской исторической жизни. Нужно отмѣтить одну положительную черту книги: безпристрастіе ея въ оцѣнѣ дѣятельности разнохарактерныхъ партій. Ни увлеченій въ духѣ крайнихъ радикаловъ, ни обличительной горячности въ духѣ Тэна — здѣсь нѣтъ и слѣда. Всюду характеристичны выво-

дятся изъ представляемыхъ фактовъ—и только. Вотъ какъ, напримѣръ, кончается одна изъ лучшихъ главъ книги (объ учебныхъ и ученыхъ заведеніяхъ при революціи): «Если французскій народъ въ теченіе революціоннаго періода подалъ примѣръ удивительнаго самоотверженія и патриотизма, то, съ другой стороны, и конвентъ покрылъ себя неуываеомой славой, возбуждая самоотверженіе и извлекая пользу изъ патриотизма. Если подумать, среди какихъ опасностей приходилось ему соиздать громадную систему учебныхъ и ученыхъ учреждений, нельзя не преклониться предъ подвигомъ народныхъ представителей. Между тѣмъ, это дѣло—сравнительно ничтожная область ихъ колоссальнаго творчества» (стр. 616). Характеризуя терроръ, Оларъ настаиваетъ на томъ, что терроръ былъ *не системой*, но *положеніемъ вещей*.—и соглашается со словами члена конвента Тибодо: «Только тѣ, кто слишкомъ худо мѣняютъ о природѣ человѣка, могли приписать нѣсколькимъ личностямъ истиннѣ сатанинскую мысль возвести терроръ въ систему. Въ дѣйствительности терроръ былъ болѣе далекъ отъ сознательно проводимой системы, чѣмъ что-либо другое»... Остается пожалѣть, почему составители, разсылавши по отдѣльнымъ главамъ много мѣткихъ *частичныхъ* характеристикъ, уклонились отъ труда дать общую характеристику значенія всего разсказаннаго ими періода. Переводъ читается легко; изданіе изящное. Евг. Тарле.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

М. Соболевъ. «Коммерческая географія Россіи». — *Д. Наркевичъ.* «Опытъ санитарнаго изслѣдованія валильнаго промысла въ Нижегородской губ.».

М. Н. Соболевъ. Коммерческая географія Россіи. Очеркъ хозяйственной статистики о географіи Россіи сравнительно съ иностранными государствами. Томскъ. 1902 г., 244 стр. Ц. 1 р. 25 коп. Книга проф. Соболева, вышедшая уже вторымъ изданіемъ, преслѣдуетъ не, учебныя, а учебныя цѣли; задача ея не двигать впередъ науку, а сгруппировать твердо установленные факты изъ области хозяйственной жизни Россіи, вслѣдствіе чего она, по выраженію самого автора, «можетъ служить не болѣе, какъ полотномъ, на которомъ должна быть набросана живая картина изучаемыхъ явленій; поэтому, она рисуетъ только важнѣйшіе моменты хозяйственной жизни нашего отечества съ нѣкоторыми сопоставленіями для иностранныхъ государствъ».

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ непосредственной задачѣ своего руководства, проф. Соболевъ старается ввести своего читателя-ученика въ сущность того статистическаго метода, съ помощью котораго собираются цифровыя данныя. Въ началѣ каждаго отдѣла авторъ вездѣ останавливается на вопросѣ о приемахъ собранія свѣдѣній и существующихъ изданіяхъ до данному вопросу. «Разсматривая указываемые матеріалы, — справедливо замѣчаетъ проф. Соболевъ, — учащіеся пріучаются находить въ нихъ нужныя имъ свѣдѣнія, приобретаютъ сознательное отношеніе къ изучаемымъ цифрамъ и фактамъ и нерѣдко заинтересовываются настолько, что выполняютъ небольшія самостоятельныя работы по этимъ источникамъ».

Въ весьма небогатой учебной литературѣ по коммерческой географіи Россіи книгъ проф. Соболева принадлежитъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ. Написана она легкимъ языкомъ, выгодно отличающимся отъ казеннаго языка обычныхъ учебниковъ, сгруппированы въ ней свѣжія и вполнѣ достовѣрныя данныя. Одинъ только упрекъ мы позволили бы себѣ сдѣлать автору—намъ кажется, что въ своемъ учебникѣ коммерческой географіи Россіи онъ слишкомъ мало обратилъ вниманіе на выясненіе причинной связи между характеромъ окружающей географической среды и характеромъ экономической дѣятельности населенія

даннаго района, данной губерніи. Намъ думается, что установленіе этой связи значительно бы способствовало оживленію изложенія и дало бы учащемуся болѣе легкую возможность запомнить географическое распредѣленіе по Россіи различныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности. Надо было бы выяснитъ, не только *гдѣ* и *какъ* расположены различныя отрасли хозяйственной жизни Россіи, но еще и *почему* они развились, именно, въ данномъ географическомъ районѣ.

П. Б.

Врачъ Л. О. Наркевичъ. Опытъ санитарнаго изслѣдованія валяльнаго промысла въ Нижегородской губерніи. Нижній-Новгородъ. 1901 г. Среди довольно многочисленныхъ за послѣднее время изслѣдованій санитарнаго состоянія отдѣльныхъ отраслей промышленности, проходящихъ, съ сожалѣнію, совершенно незамѣченными для читающей публики, небольшая работа д-ра Наркевича, безспорно, болѣе другихъ можетъ претендовать на вниманіе общаго читателя. Развертываемая авторомъ объективная картина внутреннихъ экономическихъ отношеній и ужасающихъ санитарныхъ условий въ валяльномъ промыслѣ Нижегородской губерніи едва ли не типична для кустарныхъ промысловъ вообще и проливаетъ яркій свѣтъ на вопросы объ экономической роли и нѣкоторыхъ причинахъ развитія нашей кустарной промышленности, а въдь эти вопросы, наряду съ вопросомъ о возможной дальнѣйшей эволюціи кустарныхъ промысловъ, въ послѣдніе годы привлекали и продолжаютъ еще привлекать усиленное вниманіе къ себѣ читающей публики. Въ не искаженномъ никакими предвзятыми взглядами изложеніи автора изслѣдованный имъ «кустарный» промыселъ по своей хозяйственной организаціи является очень характернымъ образчикомъ такъ называемой въ экономической литературѣ Hauss или Verlagsindustrie, или domestic System—«раздаточной» или домашней системы крупнаго производства, относящейся всецѣло къ предпринимательской формѣ производства. Центромъ развитія валяльнаго промысла въ Нижегородской губерніи издавна служитъ Семеновскій уѣздъ, снабжающій не только своими надѣлками, но и рабочими, специально приучившимися переносить прямо нечеловѣческія условія шерстобитнаго производства, даже такіе отдаленные районы, какъ Петербургъ. По крайней мѣрѣ, на хорошо знакомыхъ намъ небольшихъ войлочныхъ фабрикахъ одного изъ пригородовъ Зетербурга всѣ рабочіе нанимаются предпринимателями въ Семеновскомъ уѣздѣ.

Какъ видно изъ приводимой д-ромъ Наркевичемъ таблицы, въ одномъ этомъ уѣздѣ насчитывается 1.776 «отдѣльныхъ заведеній» по обработкѣ шерсти, съ общимъ числомъ занятыхъ въ нихъ лицъ 3.416, изъ которыхъ къ семьямъ самихъ «хозяевъ» заведеній принадлежитъ 2.914 и 502 чел. наемныхъ рабочихъ. Всего же въ Нижегородской губерніи 2.608 заведеній валяльнаго промысла, въ которыхъ работаетъ 1.276 наемныхъ рабочихъ и 4.376 «самостоятельныхъ хозяевъ» и членовъ ихъ семей. Мы, впрочемъ, сейчасъ увидимъ, съ какого рода хозяйственною самостоятельностью намъ приходится имѣть дѣло. Въ каждомъ районѣ шерстоваляльнаго производства, по словамъ автора, имѣется свой предприниматель, закупающій на Нижегородской ярмаркѣ, а отчасти и на мѣстныхъ кожевенныхъ заводахъ шерсть и раздающій ее затѣмъ изъ своихъ складовъ для обработки мѣстнымъ крестьянамъ. На этого-то дѣйствительнаго хозяина и работаетъ все окрестное населеніе. «Крестьяне берутъ шерсть у «хозяина» въ долгъ по цѣнѣ значительно выше рыночной. Когда кустари привозятъ обратно товаръ, приготовленный изъ купленной шерсти, то вторично вступаютъ съ хозяиномъ въ торговую сдѣлку. Продавецъ кустарь, не имѣя запасныхъ средствъ, принужденъ немедленно сбывать выдѣланный товаръ. Кромѣ того, отыскивая болѣе выгодный сбытъ для своего товара, онъ рискуетъ попасть въ немилость «хозяина» и лишиться такимъ образомъ кредита на товаръ». За работу кустарь получаетъ только часть слѣдующей платы деньгами, а на остальную сумму различныя продукты, «низкаго качества и

но очень высокимъ цѣнамъ». «Типъ самостоятельнаго кустаря сохранился только въ видѣ исключенія». По призванію автора, «громдное большинство крестьянъ, занимающихся валяльнымъ промысломъ, трудно назвать кустарями: это въ полномъ смыслѣ слова работники на хозяина-заказчика, на долю котораго и достается вся прибыль производства; а на долю производителя товара достается полуголодное существованіе, непосильный трудъ при самыхъ невозможныхъ гигиеническихъ условіяхъ и, какъ слѣдствіе этого, преждевременная инвалидность и неспособность къ труду» (стр. 3). Благодаря тому, что все руководство производствомъ находится въ рукахъ предпринимателей, имъ удается устанавливать строго проводимое раздѣленіе труда между кустарями, а послѣднее еще болѣе закрѣпляетъ полную зависимость кустаря отъ «хозяина». Шерсть сначала поступаетъ на шерсточесальные заводы самихъ предпринимателей, затѣмъ въ одной деревнѣ ее только «катаютъ», въ другой только «стираютъ» скатанный товаръ. Болѣе состоятельные кустари держатъ сами рабочихъ, число которыхъ обыкновенно достигаетъ предѣльной цифры 15 чел. Такъ какъ заведенія, имѣющія болѣе 16 чел. рабочихъ, подлежатъ вѣдѣнію фабричной инспекціи, то, чтобы избѣжать контроля инспекціи, такіе «хозяинчики» (нѣмецкіе Zwischenmeister) строго придерживаются указаннаго предѣльнаго числа. Стирать скатанный товаръ и они отдаютъ на сторону, катаютъ же дома, такъ какъ это даетъ имъ возможность легче слѣдить за тѣмъ, какой сортъ шерсти употребляется въ дѣло. Отдавать хоть часть работы на домъ для хозяйничковъ очень выгодно: стираниемъ скатаннаго товара (валеныхъ сапогъ) занимается бѣднѣйшая часть населенія, не имѣющая иныхъ заработковъ. «Работнику-отцу помогаютъ дѣти и жена, трудъ которыхъ не принимается въ расчетъ. Въ объемѣ заработка кустарей, работающихъ дома *значительно ниже, чѣмъ заработка рабочихъ въ хозяйскихъ мастерскихъ*; послѣдніе, не приврѣщенные хозяйствомъ къ своему дому, легче могутъ найти работу на сторонѣ». Такимъ образомъ, домашняя форма крупной промышленности выгодна только для предпринимателя-скупщика или раздатчика. «Во многихъ случаяхъ крестьянинъ работаетъ только на хлѣбъ». Нужно замѣтить, что по даннымъ автора шерстовальное производство не только не сокращается, но, напротивъ, замѣтно развивается. Трудно установить болѣе или менѣе точно размѣры прибыли предпринимателей; такъ какъ на этотъ вопросъ ими даются весьма уклончивые отвѣты, а отчетности они обыкновенно не ведутъ. Но, судя по прекраснымъ двухъэтажнымъ домамъ «хозяевъ», имѣющихъ даже менѣе 10 наемныхъ рабочихъ, дѣла ихъ идутъ какъ нельзя лучше. Впрочемъ, по цифрамъ о числѣ наемныхъ рабочихъ и возрастаніи числа отдѣльных «самостоятельныхъ хозяйствъ» совершенно неопозволительно дѣлать заключеніе о дѣйствительныхъ размѣрахъ предпріятій и движеніи концентраціи производства. Такъ, по даннымъ автора, владѣлецъ шерстовальни, на которой «катаетъ» 6 человекъ, долженъ имѣть на сторонѣ не менѣе 10—12 стирничковъ, которые, составляя самую низшую категорію эксплуатируемыхъ хозяиномъ рабочихъ, при учетѣ отдѣльныхъ хозяйствъ, регистрируются, какъ самостоятельные хозяева. Что касается специально санитарныхъ условій производства и жизни рабочихъ, то они тѣмъ хуже, чѣмъ мельче предпріятія. Но и на самыхъ крупныхъ шерстовальныхъ, имѣющихъ до 50 — 80 рабочихъ, эти условія праме-таки убійственны. Такъ, напр., въ виду того, что шерсть лучше всего скатывается при высокой температурѣ, послѣдняя поддерживается въ катальняхъ не ниже 25° R и работаютъ въ нихъ рабочіе совершенно нагими, имѣя только небольшіе передники вокругъ пояса. Отопленіе составляетъ около половины накладныхъ расходовъ въ мелкихъ мастерскихъ, поэтому всякая вентиляция тщательно устраняется, и воздухъ въ катальняхъ до того испорченъ, что непривычному трудно пробыть даже нѣсколько минутъ. Авторъ рассказываетъ, что, оставшись при осмотрѣ первой катальни въ ней нѣсколько дольше, онъ

почувствовалъ головокруженіе и общую слабость въ такой сильной степени, что не въ силахъ былъ производить въ этотъ день дальнѣйшія изслѣдованія.

У пишущаго настоящія строки до сихъ поръ еще живо въ памяти впечатлѣніе безнадежнаго ужаса и тоски, охватывавшее его всякій разъ при санитарныхъ осмотрахъ немногочисленныхъ шертовальныхъ и войлочныхъ мастерскихъ въ одномъ изъ петербургскихъ пригородовъ. Самый видъ совершенно голыхъ рабочихъ, мокрыхъ отъ пота и грязныхъ отъ пыли, блѣдныхъ и едва вырисовывающихся въ полумракѣ наполненной паромъ и пылью мастерской, съ ея удушливой, жаркой атмосферой, производить удручающее, гнетущее впечатлѣніе. А между тѣмъ, какъ оказывается, во многихъ мелкихъ мастерскихъ Нижегородскій губерніи рабочіе не только проводятъ весь день въ этомъ удушливомъ воздухѣ, но и спать тутъ же. Д-ру Наркевичу приходилось видѣть, что мастера заставляютъ помогать себѣ при работѣ въ каталяхъ даже подросткомъ моложе 10 лѣтъ, мотивируя это необходимостью воспитанія въ нихъ съ малыхъ лѣтъ способности переносить нечеловѣческія условія труда въ каталяхъ, такъ какъ взрослые рабочіе уже не могутъ привыкнуть къ этому. Не лучше каталень и мелкія стирни: паръ совсѣмъ не отводится изъ нихъ, такъ что воздухъ въ нихъ всегда сырой; стѣны влажны, весьма быстро гниютъ и покрыты плѣсенью; половъ и потолковъ въ мастерскихъ нѣтъ; окна безъ двойныхъ рамъ; двери открываются прямо наружу, почему температура въ стирняхъ подвержена очень сильнымъ колебаніямъ. Въ такихъ-то условіяхъ приходится «кустарямъ» и наемнымъ рабочимъ проводить свой трудовой день, который, начинаясь съ 2—3 часовъ ночи, даже за вычетомъ времени на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ, равняется не менѣе 13—16 часамъ чистой работы. И этимъ каторжнымъ трудомъ кустари зарабатываютъ въ недѣлю, за вычетомъ накладныхъ расходовъ и расхода на скудное питаніе по $\frac{7}{10}$, *коттежъ съ недѣлю*, т. е. нѣсколько болѣе 1 коп. въ день! При осмотрѣ хлѣба, которымъ питаются артели этихъ «кустарей», авторъ обратилъ вниманіе на то, что онъ всегда недопеченъ и очень невкусенъ; близко знакомые съ бытомъ рабочихъ-кустарей лица объяснили ему, что это не случайное явленіе, а что, «питаюсь недопеченнымъ хлѣбомъ, артель рассчитываетъ на меньшій расходъ его и такимъ образомъ надѣется сдѣлать большія сбереженія въ концѣ рабочаго сезона» (стр. 13). Неудивительно, что при осмотрѣ рабочихъ прежде всего бросается въ глаза ихъ жалкій, блѣдный, изможденный видъ, а въ с. Богородскомъ для рабочихъ валяльнаго промысла существуетъ даже особое названіе—«терпѣлка». Болѣе мѣткаго названія, по мнѣнію автора, невозможно придумать для этой категоріи промышленныхъ рабочихъ: только терпѣніе и выносливость, приобретенныя съ дѣтства помогаютъ рабочему мириться съ описанными выше тяжелыми условіями труда. Средняя продолжительность пребыванія рабочаго на валяльныхъ «заводахъ» не превышаетъ 11 лѣтъ — послѣ этого срока они становятся совершенно инвалидными и неспособными къ труду.

Ближайшая цѣль предложеннаго нижегородскимъ губернскимъ земствомъ санитарнаго обслѣдованія промышленныхъ заведеній, первый опытъ котораго мы имѣемъ въ работѣ д-ра Наркевича, состоитъ въ томъ, чтобы изъ изученія дѣйствительнаго положенія промышленныхъ заведеній почерпнуть матеріалъ для совнательнаго регламентирования ихъ санитарной обстановки путемъ изданія соответствующихъ обязательныхъ постановленій. Поэтому, авторъ въ заключеніе представляетъ проектъ минимальныхъ санитарныхъ требованій, которыя должны быть предъявляемы къ «заводамъ», имѣющимъ болѣе 5 наемныхъ рабочихъ. Но по его совершенно основательному убѣжденію никакія обязательныя постановленія не примѣнимы по отношенію къ бѣднымъ кустарямъ и несостоятельнымъ рабочимъ, работающимъ на своихъ «хозяевъ» въ своихъ собственныхъ «мастерскихъ». Земство хоть отчасти могло бы улучшить ихъ положеніе облегченіемъ для нихъ сбыта выдѣланнаго товара и устройствомъ складовъ шерсти,

а также устройствомъ образцовыхъ мастерскихъ съ правильною вентиляціею и отведеніемъ пара, тѣмъ болѣе, что сами «кустари» въ цѣляхъ сбереженія топлива и расхода на освѣщеніе дѣлаютъ попытки устраивать стирни совмѣстно.

Зах. Френкель.

ФИЛОСОФІЯ.

Куно Фишеръ. «Исторія новой философіи». — «Мозгъ какъ органъ мышленія». — Кемпъ. «Вундтъ. Его философія и психологія».

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи, т. IV. Эммануиль Кантъ и его ученіе. Возникновеніе и основаніе критической философіи. Ч. I. Спб. 1901 г. Исторія новой философіи Куно Фишера впервые вышедшая на русскомъ языкѣ въ 60-хъ годахъ въ переводѣ Н. Н. Страхова нашла себѣ много читателей и давно уже успѣла сдѣлаться библиографическою рѣдкостью. Ясность изложенія, удивительная обработанность стила сочиненій Куно Фишера вѣсьмъ хорошо извѣстны. Обширная «Исторія новой философіи», выходящая въ VIII томахъ, охватываетъ собою всю европейскую философію начиная Декартомъ и кончая Шопенгауеромъ. Т. IV трактующій о теоретической философіи Канта, заслуживаетъ вниманія не только потому, что въ настоящій моментъ философія Канта вызываетъ наибольшій интересъ, но, какъ намъ кажется и потому, что въ исторіи философской мысли послѣдней половины XIX вѣка она имѣла историческое значеніе. Дѣло въ томъ, что до 60-хъ годовъ въ Германіи Кантомъ совсѣмъ мало интересовались и только въ началѣ 60-хъ годовъ возникаетъ интересъ къ философіи Канта и стремленіе «вернуться назадъ къ Канту». Было много причинъ, способствовавшихъ появленію этого движенія, но между прочимъ очень важное значеніе принадлежитъ Куно-Фишеру, который, изложивъ Кантовское ученіе по историческому методу, уяснилъ существенныя стороны его лучше, чѣмъ это было до него. Съ тѣхъ поръ по отношенію къ Канту въ исторіи философіи водворилось мнѣніе Куно-Фишера, по которому, «чтобы понять Канта, его слѣдуетъ объяснять исторически». Эта мысль несомнѣнно вѣрная. Нельзя понять сущности философіи Канта, если изучать просто одно изъ его произведеній, напр. «Критику чистаго разума». Для пониманія Канта необходимо прослѣдить исторически генезисъ его идей. Этотъ методъ примененъ именно въ разбираемомъ сочиненіи о Кантѣ. Въ немъ подробно излагается генезисъ его идей и, наконецъ его теоретическая философія.

Что касается перевода, то онъ исполненъ добросовѣстно, хотя и не лишенъ промаховъ. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Стр. 17. *Kmpfänglicher Sinn* «чувство впечатлительности» вмѣсто «воспринимающее чувство». Стр. 409. Вмѣсто «отношеніе» сказано «относительность». Терминъ *apprehension* переводится посредствомъ «усвоенія». Намъ кажется было бы гораздо цѣлесообразнѣе «схватываніе въ цѣломъ», потому что терминъ «усвоеніе» совсѣмъ не содержитъ въ себѣ идеи соединенія въ одно цѣлое, что именно предполагается терминомъ *apprehensio*. Стр. 436. «Существующее во времени естъ необходимая величина», вмѣсто «необходимо есть величина», что совершенно измѣняетъ смыслъ. Стр. 436. «Обычная послѣдовательность» вмѣсто «привычная послѣдовательность», что въ теоріи Юма имѣетъ особенный смыслъ. Замѣчается злоупотребленіе иностранными терминами, напр. «негация» вмѣсто «отрицаніе», «консеквенція» вмѣсто «послѣдовательность», *blosser Verstand* повсюду переводится посредствомъ термина «голый» разумъ. Этотъ терминъ намъ кажется совершенно неудачнымъ: слѣдовало бы сказать, разумъ просто или «чистый разумъ».

Не взирая на эти недостатки въ переводѣ, которыхъ къ тому же очень немного, данная книга въ настоящій моментъ является самой лучшей и самой полной монографіею о теоретической философіи Канта на русскомъ языкѣ. Г. Ч.

Мозгъ, какъ органъ мышленія. Народный университетъ. Сборникъ обще-

доступныхъ статей по самообразованію подъ редакціей В. В. Битнера. Спб. 1901 г. Въ этой серіи книгъ, между прочимъ, въ числѣ другихъ научныхъ вопросовъ трактуется также и вопросъ объ отношеніи души къ тѣлу. Для этой цѣли составитель рѣшилъ предложить переводъ соч. проф. Флексига «Мозгъ и душа», которое уже давно существуетъ на русскомъ языкѣ, но книга Флексига мало доступна для обыкновеннаго читателя, такъ какъ предполагаетъ основательныя свѣдѣнія по анатоміи и физиологіи. Поэтому составитель рѣшилъ сдѣлать дополненія и примѣчанія, которыя бы дѣлали эту книгу доступной для обыкновеннаго читателя «Народнаго Университета».

Издавая это сочиненіе, составитель, по его собственнымъ словамъ, «имѣлъ въ виду сразу (!?) познакомить читателей съ самыми послѣдними пріобрѣтеніями въ области психофизиологіи». Мы не станемъ говорить о достоинствахъ самого сочиненія Флексига; въ немъ очень спорной является психологія, которая выводится изъ анатоміи мозга, но мы обратимъ вниманіе на тѣ прибавленія, которыя сдѣланы самимъ составителемъ. Они часто совершенно неправильны. На стр. 22 Флексигъ говоритъ о «субстратѣ» душевной дѣятельности. Читатели «Народнаго университета» узнаютъ отъ г. Битнера, что «подъ субстратомъ въ данной области понимаютъ основу, сущность вещи по отношенію къ измѣнчивымъ, случайнымъ ея частямъ и свойствамъ». Очевидно, г. Битнеръ смѣшалъ «субстратъ» съ «субстанціей», ибо его опредѣленіе относится не къ субстрату, а къ субстанціи.

Въ главѣ о «френологической теоріи Галля» г. Битнеръ хочетъ доказать, что френологія въ настоящее время имѣетъ важное научное значеніе. Читатель въ недоумѣніи, о какой френологіи идетъ рѣчь. Если подъ френологіей понимать то ученіе, по которому для различныхъ видовъ душевныхъ дѣятельностей существуютъ опредѣленные физиологическія основы, то его едва ли нужно доказывать, потому что никто его въ настоящее время не оспариваетъ. Если же г. Битнеръ думаетъ, что подъ френологіей нужно понимать Галлевскую френологію, по которой отдѣльныя душевныя «способности» локализуются въ той или въ другой части мозга, то доказательство его не только сомнительно, но безспорно ложно. Такая френологія безповоротно осуждена наукою. Но его доказательства весьма странны, потому что онъ просто ссылается на Уоллеса, который въ своей книгѣ «Чудесный вѣкъ» доказываетъ научное значеніе френологіи. Но Уоллесу, живущему воспоминаніями 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда еще были живы корифеи френологіи Комбъ и Шпурцгеймъ, это простительно, а для г. Битнера, который берется познакомить читателя съ «послѣдними пріобрѣтеніями въ области психофизиологіи», это совсѣмъ не простительно. Мы не станемъ разбирать всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые Уоллесъ приводитъ для доказательства научнаго характера френологіи, а укажемъ только на слѣдующій. Уоллесъ утверждаетъ, что современныя экспериментально-физиологическія изслѣдованія съ раздраженіями поверхности головного мозга приводятъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, которые были уже извѣстны старымъ френологамъ. Эти изслѣдованія показываютъ существованіе органа «чалолюбія».

«Еще болѣе интересенъ результатъ возбужденія нижней части внутренней затылочной извилины коровъ и овецъ, которое вызываетъ у нихъ тревожныя движенія заднихъ ногъ и хвоста. Между тѣмъ какъ животное смотритъ на противоположную заднюю ногу и иногда издаетъ жалобный крикъ, какъ будто отъ боли или досады. Возбуждаемое мѣсто есть френологическій органъ «чалолюбія» и всякій, наблюдавшій корову въ то время, когда уводили прочь я теленка, долженъ признать вѣрность описанія движеній, которыми она выражаетъ свои чувства».

Что это, наука или фантазія? Кажется несомнѣннымъ, что это послѣднее. Но какъ къ нимъ относится г. Битнеръ? Онъ говоритъ: «Можно, конечно, не

раздѣлять надежды знаменитаго англійскаго ученаго, можно считать ихъ увлеченіемъ, но нельзя отказать его замѣчаніямъ въ основательности, которыя по меньшей мѣрѣ должны наводить на размышленія. Во всякомъ случаѣ усвоенный нѣкоторыми высокоумными тонъ и пренебрежительное отношеніе къ фревологіи покоится не на научныхъ данныхъ, а скорѣе на незнаніи исторіи вопроса. Истинные ученые вроде Уоллеса, Флексига и т. п. умѣютъ относиться съ уваженіемъ даже къ заблужденіямъ своихъ предшественниковъ». Какъ это понять? Съ одной стороны утверждается, что фревологія есть *заблужденіе*, а съ другой стороны, что нужны научныя данныя, чтобы понять, что это есть и что очень серьезно.

На стр. 29 г. Битнеръ поясняетъ, что нужно понимать подъ ассоціаціей. «Подъ ассоціаціей въ психологіи понимаютъ представленія, понятія, тѣсно связанные между собою и одно другое вызывающія. Различаютъ *положительныя* и *отрицательныя* ассоціаціи». Смѣемъ увѣрить, что ни въ какой психологіи этого не признается. На стр. 32 говорится, что «слухъ связанъ съ *поверхностью височныхъ долей*». Это невѣрно. Нужно было сказать, что «слухъ связанъ съ дѣятельностью *верхней височной извилины*». Между тѣмъ, утверженіемъ и этимъ есть огромная разница.

Отношеніе г. Битнера къ фізіологическимъ изслѣдованіямъ колеблющееся. На стр. 33 онъ говоритъ: «Бывали случаи, когда фантазіи нѣкоторыхъ фізіологовъ, при описаніи нарушенныхъ отправленій души животнаго, удалялась отъ твердой почвы истинно познаваемаго, но отъ этого твердость ихъ обоснованныхъ положеній и выводовъ все-таки не могла въ значительной степени уменьшиться». Удивительно чудесная наука по описанію г. Битнера можно фантазировать, и все таки дѣйность выводовъ отъ этого не измѣнится.

Г. Битнеръ находитъ (стр. 46), что «анатомическимъ мѣстомъ объединяющей или синтетической способности будутъ всѣ соединительныя спайки обоихъ полушарій, главнымъ образомъ тотъ органъ, который называется «*мозолистомъ тѣломъ*». Въ немъ объединяются впечатлѣнія обоихъ половинъ тѣла». Г. Битнеръ долженъ былъ бы объявить, что этотъ взглядъ принадлежитъ лично ему, потому что, не дѣлая никакой оговорки, онъ можетъ заставить читателя думать, что въ самомъ дѣлѣ въ наукѣ кто-нибудь кромѣ него, высказывалъ это великое мнѣніе. Что центромъ *пониманія* является именно мозолистое тѣло, эта гипотеза принадлежитъ исключительно г. Битнеру.

Намъ кажется, что такъ популяризировать науку не слѣдовало бы. Было бы гораздо дѣлесообразнѣе просто перевести хорошую книгу, и только, а при такихъ дополнительныхъ примѣчаніяхъ «Народный Университетъ» сдѣлается мѣстомъ, откуда читатели будутъ черпать не познанія, а заблужденія. Г. Ч.

Книжка. Вундтъ. Его філософія и психологія. Изданіе журнала «Образованіе». Спб. 1902. Вундтъ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ современныхъ мыслителей. Его самая главная заслуга заключается въ томъ, что онъ поднялъ значеніе філософіи, которое въ послѣднее время, повидимому, совершенно было утрачено въ глазахъ интеллигенціи. Многимъ какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ казалось, что філософія — псевдонаука и что ей въ настоящее время нѣтъ мѣста среди другихъ наукъ. Вундтъ былъ въ числѣ философовъ, которые способствовали тому, что довѣріе къ філософіи было вновь возвращено. Это произошло потому, что Вундтъ, прежде всего, является представителемъ естествознанія. Онъ первоначально былъ профессоромъ фізіологіи, а потомъ перешелъ къ психологіи и къ філософіи. Онъ первый въ послѣднее время сталъ проповѣдовать, что психологія должна дѣлаться экспериментальной наукой и первый основалъ лабораторію, для экспериментальнаго изученія психологіи. Онъ также ввелъ терминъ «*фізіологическая психологія*». Вообще естественно, что никто не могъ заподозрить его въ томъ, что онъ способенъ «изобрести» какія-нибудь фантастическія теоріи. Его склонны были считать познать

тивистомъ или, во всякомъ случаѣ, материалистомъ. Но когда онъ въ 1886 году выпустилъ свою «Систему Этики», то всё увидѣвъ, что это неправильно, что его философія съ материализмомъ ничего общаго не имѣетъ, а въ предисловіи къ этому сочиненію онъ прямо себя объявляетъ сторонникомъ идеалистической метафизики. Когда въ 1889 году онъ издалъ свою «Систему Философій», то для всѣхъ сдѣлалось яснымъ, что центральнымъ пунктомъ его системы является метафизика. Многие заподозрили его въ неискренности, потому что не могли понять, какимъ образомъ ученый, занимающійся физиологіей, могъ сдѣлаться метафизикомъ и подозрѣвали даже, что онъ преслѣдуетъ постороннія науки цѣли, но на самомъ дѣлѣ Вундтъ былъ послѣдовательнымъ метафизикомъ. Онъ еще въ 1869 году задумалъ свою систему философій, а въ окончательной формѣ она появилась въ 1889 году. Во всѣхъ его предшествующихъ сочиненіяхъ проскальзываютъ взгляды, которые показываютъ, что онъ долженъ былъ придти къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ онъ, дѣйствительно, и пришелъ.

У насъ въ Россіи особенно распространенъ предрасудокъ, что если кто занимается физиологіей, то долженъ, быть очень далекъ отъ философій или метафизики. Вундтъ является опроверженіемъ такого взгляда.

Въ философій Вундтъ является «метафизикомъ», въ психологіи онъ «монистъ», въ этикѣ онъ сторонникъ «универсальнаго эволюціонизма».

Его взгляды въ доступной формѣ изложены въ книгѣ Кеннга, которую мы и предлагаемъ вниманію всѣхъ интересующихся философій, въ особенности ея новѣйшими теченіями. Переводъ удовлетворителенъ, хотя и не свободенъ отъ недостатковъ. На стр. 14 «докторъ психологіи» вмѣсто «докторъ философій». Стр. 16. Извѣстный физиологъ Пуркинъ названъ Пуркинъде. Стр. 88. Apsohau-lich вмѣсто «наглядный» переводится посредствомъ «способъ созерцанія». Стр. 121 «Апперцептивныя сдѣленія» вмѣсто общепринятаго «апперцептивныя соединенія».

Г. Ч.

ПУБЛИЦИСТИКА.

«Общественныя теченія запада конца XIX в.».—С. Смирновъ. «Ученнческіе журналы».—Сборникъ статей по вопросамъ городской жизни въ Россіи и за границей».

Общественныя теченія запада конца XIX вѣка. Осужденныя въ Чикаго. Джона Макая. Съ французскаго. Въ изложеніи О. Обломіевской и С. Штейнберга. Ц. 50 к. Въ подлинникѣ эту книгу намъ видѣть не приходилось и хотя, вообще говоря, мы относимся вполнѣ отрицательно ко всякаго рода «изложеніямъ» и тѣмъ болѣе «передѣлкамъ», но въ данномъ случаѣ даже въ страдающемъ дефектами изложеніи г.г. Обломіевской и Штейнберга книжка Макая заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія читателей. Книжка представляетъ собою полубеллетристическую вещь (беллетристической ее назвать нельзя, вслѣдствіе слишкомъ ужъ большого отсутствія въ ней художественнаго элемента), въ которой выведенные авторомъ на сцену герои, ведутъ между собою высокоинтересныя бесѣды. Въ этомъ отношеніи произведеніе Макая напоминаетъ намъ извѣстный романъ Швейцера «Эмма». Герои подвергаютъ всестороннему разсмотрѣнію общественныя теоріи, наиболѣе занимавшія европейское общество въ концѣ XIX в. и занимающія его, разумѣется, и теперь, въ началѣ XX вѣка. Главный вопросъ, обсуждаемый героями разсказа, это—значеніе индивидуализма и коллективизма и борьба двухъ этихъ мировоззрѣній.

«Я всегда стремился къ абсолютной индивидуальной свободѣ. Я прослѣдилъ до послѣднихъ логическихъ выводовъ не одну теорію, я принадлежалъ къ горячимъ приверженцамъ и социализма, но все это не удовлетворяло меня, и я долженъ былъ, въ концѣ концовъ, предаться самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, которыя привели меня къ исходному пункту всякихъ изысканій,— къ личности, къ отдѣльному индивиду», говоритъ Обанъ, главное лицо разсказа

Другіе собесѣдники представляютъ на мысли Обана множество возраженій; въ спорахъ этихъ и заключается захватывающій интересъ этой книги. Самъ авторъ не даетъ никакихъ положительныхъ рѣшеній вопросовъ, онъ ставитъ ихъ но ставитъ умѣло, въ родѣ того, какъ это дѣлалъ Прудонъ, и читателю, поэтому, есть надѣ чѣмъ подумать и самому.

Къ дефектамъ русскаго изданія книги принадлежитъ языкъ «изложенія», что значительно портитъ впечатлѣніе въ общемъ весьма полезной книги. В. Б. С. Г. Смирновъ. Ученическіе журналы и сборники. М. 1902. in 8 во Стр. 134. Ц. 60 к. Книжка г. Смирнова—любопытный отголосокъ оживленія, обнаруженнаго за послѣднее время по вопросу о реформѣ средней школы. Г. Смирновъ утверждаетъ, что «духъ жизни повѣялъ, наконецъ, надѣ нашей многострадальной школой», и «въ настоящее время вопросы индивидуальности ученика получаютъ первостепенное значеніе». Отсюда происходитъ его особенный интересъ къ ученическимъ журналамъ и сборникамъ, какъ къ «естественно выражающей формѣ яркаго обнаруженія индивидуальных наклонностей и самодѣтельности» учащихся. Авторъ начинаетъ свое изложеніе издавѣка—съ времянь шляхетнаго кадетскаго корпуса XVIII вѣка, воспитанника котораго печатали свои труды съ вѣдома великаго князя Петра Федоровича, впоследствии императора Петра III. «Несомнѣнно,—пишетъ г. Смирновъ,—что первый въ Россіи журналъ, составленный, главнымъ образомъ, изъ ученическихъ трудовъ, появился по инициативѣ начальства и подѣ покровительствомъ особъ царской фамиліи» (стр. 7 и 40).

Въ 90-хъ годахъ истекшаго XIX вѣка школьное начальство одной гимназіи разрѣшило журналъ «Разсвѣтъ»: его задачей поставлено было самообразование, которое-де можетъ идти правильнымъ путемъ только тогда, когда цѣлью его будетъ представлено созданіе «внутренняго русскаго міросозерцанія». Въ чемъ же заключается такое? По мнѣнію начальства, продиктовавшаго программу журнала, основами этого *внутренняго* міросозерцанія являются «православіе, единодержавіе и народность». Сообщивъ эту программу школьнаго журнала, начавшаго выходить въ свѣтъ подѣ покровительствомъ начальства гимназіи, авторъ заявляетъ, что такая опредѣленная публицистическая программа, кромѣ статей самого редактора, «не нашла себѣ никакого выраженія и примѣненія въ журналѣ». Почему же? Вопросъ этотъ г. Смирновъ оставляетъ безъ изслѣдованія, но самымъ фактомъ пользуется для того, чтобы придти къ успокоительному выводу, что «ученики средней школы въ общемъ чужды политикѣ» и что ихъ интересы сосредоточиваются на вопросахъ нравственнаго совершенствованія, эстетики и философіи.

Итакъ, въ далекомъ прошломъ начальство поощряло ученическіе журналы, не такъ давно пыталось поощрять; на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ въ ученическихъ журналахъ («Утренняя Заря») блистала нота «ярко выраженаго патріотическаго характера», а въ концѣ XIX вѣка ученическіе журналы блестяще доказали отсутствіе среди учащихся политическихъ вкусовъ и аппетитовъ. Стало быть, нѣтъ нужды запрещать ученикамъ издавать школьные журналы. Конечно, нѣтъ нужды запрещать, но не правильнѣ ли было бы подчеркнуть и другой возможный выводъ: въ началѣ XIX вѣка возможно было въ ученическомъ журналѣ процвѣтаніе такъ называемаго патріотическаго направленія, а въ концѣ XIX вѣка нѣтъ: программа подобнаго рода, проектированная редакціей «Разсвѣта», провалилась. Нынѣшніе педагога, по словамъ г. Смирнова (стр. 24—25), склонны «произносить грозныя филиппики противъ преждевременнаго литераторства», готовы «видѣть въ немъ глубокой и неискоренимой нравственный вредъ»... «Мы,—продолжаетъ авторъ,—не можемъ представить себѣ ученическаго журнала безъ сатирическихъ выходокъ на учителей и начальство». И вотъ на протяженіи цѣлаго ряда страницъ авторъ съ достойною

лучшаго примѣненія скрупулезностью собираеть отмѣтки о томъ, что учащiеся въ своихъ журналахъ почти не трогаютъ учителей и начальство, а если нѣкоторые журналы и касаются такихъ темъ, то не имѣютъ успѣха и быстро приканчиваютъ свое существованiе (см. стр. 41, 44, 51, 57, 61, 62 и др.). Въ концѣ концовъ выходитъ, что наши учащiеся въ своихъ журналахъ столь же мало занимаютъ сатирой на учителей и начальство, какъ и политикой. Авторъ съ торжествомъ заявляетъ еще разъ, что ученическихъ журналовъ запрещать не надо, ибо они не страшны для учителей своими сатирическими выходками, что «эти педагогическiе страхи въ значительной степени преувеличены».

Не надо, стало быть, ихъ запрещать, пусть они издаются, пусть начальство изъ обзора ихъ исторiи, начертанной г. Смирновымъ, убѣдится въ благонадежности школьной журналистики. Противъ вывода никто не споритъ, но аргументацiя автора должна была быть построенною иначе и достигать болѣе широкой цѣли, нежели опыта убѣдить начальство въ томъ, въ чемъ оно, можетъ быть, и не желаетъ убѣждаться. Своего мнѣнiя насильно никому не навязешь, и намъ думается, что автору слѣдовало бы все время оставаться въ предѣлахъ научно-педагогическихъ основанiй, а не колебаться изъ стороны въ сторону на выскокй почвѣ административно-педагогической политики. Что касается политики, то она тутъ не при чемъ: если въ средѣ учащихся есть запросъ на вопросы политическаго и общественнаго характера, то школа по мѣрѣ силъ должна ему удовлетворять на строго научныхъ основанiяхъ; запретить интересоваться свыше силъ человѣческихъ, — не позволите интересоваться открыто, явно, начнутъ заниматься тайно. Выигрышъ будетъ не на сторонѣ педагогической администрацiи.

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшее разсмотрѣнiе интересной книжки г. Смирнова, она чрезвычайно поучительна, появилась въ свѣтъ какъ нельзя болѣе кстати; мы рекомендуемъ ознакомленiе съ ней всѣмъ нашимъ педагогамъ, но мы искренно убѣждены, что въ принципиальныхъ вопросахъ нужна прежде всего сила логики, горячаго убѣжденiя, правоты мысли и что только изъ этого послѣдняго элемента и можно черпать свою аргументацiю, а не изъ какого-либо другого.

В. Сторожевъ.

Сборникъ статей по вопросамъ городской жизни въ Россiи и за границей. Изданiе московскаго городского общественнаго управленiя. Вып. I, стр. 122 (крупнаго формата). Ц. 25 к. М. 1901 г. Вып. II, стр. 131 (круп. форм.). Ц. 25 к. М. 1901 г. На страницахъ «Мира Божiя» мы имѣли уже случай обратить вниманiе читателей на въ высокой степени интересное изданiе московскаго городского общественнаго управленiя «Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ» *). Всего было выпущено подъ этимъ общимъ заглавiемъ до конца 1900 г. двѣнадцать выпусковъ, которые заключаютъ въ себѣ, дѣйствительно, богатый и разностороннiй материалъ, отражающiй въ себѣ и освѣщающiй всѣ новѣйшiя теченiя въ жизни западно европейскiхъ муниципалитетовъ и въ нашемъ городскомъ хозяйствѣ. Съ прошлаго года статистическимъ отдѣленiемъ московской городской управы начата новая серiя выпусковъ того же «Сборника статей» съ нѣсколькимъ упрощеннымъ заглавiемъ. Въ теченiе истекшаго года вышло въ свѣтъ уже два выпуска. Какъ по характеру своего содержанiя, такъ и по своему внѣшнему виду новая серiя Сборника ничѣмъ не отличается отъ прежняго сборника, развѣ лишь болѣею сжатостью статей, болѣе выраженнымъ стремленiемъ къ систематическому обзору дѣятельности нашихъ и заграничныхъ городовъ по всѣмъ отраслямъ городской жизни и болѣею дешевойною отдѣльныхъ выпусковъ **).

*) См. Библиографич. отд. «М. В.», ноябрь 1900 г.

Выпуски прежняго сборника стояли по 50 к., новые же по четвертаку.

Въ лежащихъ передъ нами первыхъ двухъ выпускахъ новой серіи сборника заслуживаютъ особеннаго вниманія статьи: «Городское хозяйство въ Германіи» (вып. I, стр. 73—88, сост. В. Г. Михайловскимъ), «Вопросы народнаго образованія въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Одессѣ въ 1900 г.», (вып. I, стр. 1—48, состав. статистическимъ отдѣломъ московской городской управы) и «Изъ дѣятельности московскихъ городскихъ участковыхъ попечительствъ за 1899 г. (вып. II, стр. 1—57). Въ первой изъ названныхъ статей дается въ самомъ сжатомъ видѣ общая картина современнаго состоянія городского хозяйства въ Германіи по преимуществу въ крупныхъ городахъ и сдѣлана попытка сгруппировать рядъ фактовъ, характеризующихъ положеніе самыхъ разнообразныхъ сторонъ городской жизни, такъ или иначе связанныхъ съ дѣятельностью городского самоуправления. Вторая статья представляетъ очень полный систематическій и живо написанный обзоръ всего, что было сдѣлано въ 1900 г. въ области школьнаго и внѣшкольнаго образованія городскими самоуправлениями названныхъ въ заголовкѣ статьи городовъ. Мы безусловно, рекомендуемъ знакомство съ этой статьей тѣмъ изъ читателей, которые хотятъ быть въ курсѣ дѣла въ такой животрепещущей области городской жизни и городского хозяйства, какъ народное образованіе. Изъ другихъ статей укажемъ еще на «Исслѣдованіе жилищъ и жилищный вопросъ въ швейцарскихъ городахъ», (вып. I, стр. 49—72), представляющее собою, главнымъ образомъ, переводъ статьи Emil'я Hofman'a въ Брауновскомъ «Archiv für Soz. Gesetzg. и Statist» за 1900 г.; на статью д-ра Лебедева «Изъ дѣятельности московскаго городского общественнаго управленія въ области врачебно-санитарной организаціи» (вып. II, стр. 120—131), въ которой сообщается планъ устройства московскаго городского санитарія для члхоточныхъ больныхъ въ итѣнн Тихвинскимъ и двухъ больницъ для хроническихъ и неизлѣчимыхъ больныхъ; на рядъ статей о борьбѣ съ алкоголизмомъ и нищенствомъ и, наконецъ, на чрезвычайно интересный послѣдній отдѣлъ I-го выпуска, въ которомъ, подъ общимъ заглавіемъ «Свѣдѣнія объ иностранныхъ городахъ», (вып. I, стр. 89—122) помѣщено тринадцать отдельныхъ небольшихъ очерковъ (въ 1—5 страничекъ каждый) о «Домахъ для рабочихъ въ Лондонѣ», о «Центральномъ справочномъ бюро въ Бреславлѣ», объ «Опытахъ муниципализаціи въ некоторыхъ предметахъ общественнаго благоустройства въ Бельгіи», о «Наружномъ благоустройствѣ городовъ Соединенныхъ Штатовъ», о «Населеніи Австрійскихъ городовъ по переписи 31 декабря 1900 г. и др. Въ виду возростающаго значенія муниципальной дѣятельности въ области удовлетворенія разнообразныхъ и многочисленныхъ общественныхъ потребностей крупныхъ городовъ и огромной важности исполнѣ сознательнаго отношенія среди возможно больше широкихъ круговъ населенія къ лежащимъ на городскихъ самоуправленияхъ обязанностямъ и задачамъ, мы не можемъ не пожелать изданію московскаго городского общественнаго управленія самого полнаго успѣха и возможно болѣе широкаго круга читателей, тѣмъ болѣе, что по изложенію и по дѣйствію оно отличается достаточною доступностью. *Зах. Френкель.*

СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Аріанъ. «Первый женскій календарь». — *А. Безчинскій.* «Путеводитель по Крыму».

П. Н. Аріанъ. Первый женскій календарь. Годъ четвертый. 1902 г. Ц. 1 р. Спб. 1902 г. Мы уже отмѣчали первые годы изданія «Перваго женскаго календаря» г-жи Аріанъ, какъ полезную справочную книгу, могущую удовлетворить женщинъ - читательницъ какъ по многимъ вопросамъ житейскаго обихода, такъ и по теоретическимъ запросамъ. Четвертый годъ составленъ не менѣе тщательно, полно и добросовѣстно. Кромѣ общихъ, обычныхъ для всякаго календаря отдѣловъ, главное, конечно, вниманіе обращено на вопросы—женскаго образованія, юридическаго положенія женщины, на жен-

скій трудъ, женское движеніе, здоровье и гигиену женщины и ребенка. Въ эти отдѣлы составлены достаточно полно, съ надлежащими указаніями, разъясненіями и справками. Медицинскій отдѣлъ редактированъ профессоромъ Н. И. Быстровымъ и составленъ нѣсколькими женщинами-врачами. Совѣты даются въ ясной, сжатой формѣ, доступной для пониманія всякой жены и матери. Въ отдѣлѣ «Біографіи» дано нѣсколько біографій видныхъ русскихъ дѣятельницъ на различныхъ поприщахъ, нѣсколько некрологовъ и юбилеевъ прошлаго года. По поводу этихъ біографій мы замѣтили бы только, что не совсѣмъ пріятно дѣйствуютъ ихъ излишне повышенный тонъ. {Безспорно, женщинамъ труднѣе пробывать себѣ дорогу въ дѣятельности, но все же «ломать стульцевъ» по этому поводу не слѣдуетъ. Біографіи снабжены недурно выполненными портретами.

Въ общемъ четвертый годъ «Перваго женскаго календаря», ни въ чемъ не уступая предыдущимъ выпускамъ, значительно полнѣе и объемистѣе, что указываетъ на усовершенствованіе этого полезнаго для всякой женщины изданія.

А. Б.

Путеводитель по Крыму А. Безчинскаго, при участіи д-ра В. Н. Дмитріева, С. Я. Елпатьевскаго, И. М. Педюкаса и Е. М. Швединова. Изд. журн. «Русская Мысль». Москва. 1901 г. Ц. 2 р. 47 рис., 5 портр., 7 картъ и 4 плана. Прекрасно составленный и изящно изданный «Путеводитель по Крыму» г. Безчинскаго заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ ѣдущихъ въ Крымъ съ цѣлями лѣченія или просто отдыха. Крымъ, какъ извѣстно, становится все болѣе и болѣе излюбленнымъ мѣстомъ, куда направляются больные и сами, и по совѣту врачей, а также всѣ, кому необходимъ отдыхъ послѣ усиленной зимней работы. И тѣхъ, и другихъ съ каждымъ годомъ все больше и больше устремляется въ этотъ поистинѣ благословенный уголокъ Россіи. Благодаря удешевленному тарифу и удобствамъ прямого беспересадочнаго сообщенія съ Севастополемъ, дорога облегчена до крайности: изъ Петербурга въ 2 сутокъ вы переноситесь въ Крымъ, сразу попадая изъ весенней или осенней петербургской слякоти въ чудную южную обстановку, которая мгновенно заставляетъ васъ забыть тяготу двухдневнаго путешествія. Понятно, поэтому, какъ важно имѣть подъ рукою всякія указанія и справки, которыя облегчили бы первые шаги неопытнаго путника въ Крымъ. Если это важно для здоровыхъ, то для больныхъ необходимо имѣть такое руководство, на которое можно положиться въ увѣренности, что оно продиктовано не безстыдной рекламой, а умнымъ и честнымъ доброжелательствомъ. Этому драгоценному условію вполне отвѣчаетъ изданный почтенной редакціей «Русской Мысли» трудъ г. Безчинскаго. Составленный тщательно, на основаніи лучшихъ источниковъ по изученію Крыма, при участіи такихъ мѣстныхъ знатоковъ, какъ д-ръ Дмитріевъ, и такихъ извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, какъ писатель и врачъ С. Я. Елпатьевскій, «Путеводитель» г. Безчинскаго удовлетворяетъ самымъ придирчивымъ требованіямъ. Въ немъ каждый новичокъ въ Крымъ найдетъ всѣ указанія, куда лучше ему направиться, гдѣ дешевле и съ большими удобствами устроится, какъ самымъ полнымъ образомъ употребить время для болѣе пріятнаго и полезнаго знакомства съ Крымомъ. Пользованіе «Путеводителемъ» очень просто и облегчено подробнымъ указателемъ, картами, рисунками и планами. Написанъ онъ хорошимъ языкомъ, и во введеніи дано очень интересное общее, географическое, историческое и климатическое описаніе. Затѣмъ идетъ подробный маршрутъ по всѣмъ курортнымъ мѣстамъ и всѣмъ выдающимся мѣстностямъ и уголкамъ. Даны указанія и для пѣшеходныхъ экскурсій, такъ что, вооружившись «Путеводителемъ» можно исходить и извѣдывать весь полуостровъ наиболѣе экономно и пріятно. Цѣна книги, въ 500 стр. убористой печати, съ картами, рисунками, планами и въ переплетѣ—очень умѣренная—2 р.

А. Б.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го января по 18-ое февраля 1902 г.).

- Салтыковъ. Полное собр. сочин. Изд. Маркса. Ц. 24 руб.
- А. Яблоновскій. Очерки и рассказы. Харьковъ. 1902 г. Ц. 1 руб.
- Безчинскій. Путеводитель по Крыму.
- Г. Галина. Стихотворенія. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.
- Проф. Н. Вѣрманъ. Исторія искусства. Перев. съ нѣм. А. Сомова. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе», тм. I-й, вып. I. Ц. 50 к.
- Проф. Мушкетовъ и проф. Бауманъ. Горное дѣло и металлургія. Вып. 2—5. Ц. кажд. вып. 50 к. Изд. то же.
- Промышлен. и техника. Силы природы и ихъ примѣненіе въ промышл. Техника. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Ц. кажд. вып. 50 к.
- Составл. подъ ред. Гельмольта. Исторія человечества. Всемирная исторія при участіи проф. Специалистами въ 80 вып. Ц. кажд. вып. 50 к.
- Проф. А. Вилке. Промышл. и техника. Электричество. Перев. подъ ред. проф. Скобельцына. Изд. то же. Ц. кажд. вып. 50 к.
- Проф. Митинскаго. Перев. съ 9-го нѣм. изд. Промышл. и техника. Технологія метал. Изд. то же. Ц. отд. вып. 50 к.
- Проф. Эвальда. Промышл. и техника. Исторія и современ. технич. - строительн. искусства. Изд. то же. Ц. отд. вып. 30 коп.
- Проф. Ф. Ратцеля. Народовѣдѣніе. Перев. съ нѣм. Коропцевскаго. Изд. то же. Ц. 36 вып. 15 руб.
- Брэмъ. Живнъ животныхъ. Перев. подъ ред. проф. Догеля. Изд. то же. Ц. 60 вып. 24 руб.
- Подъ ред. С. Юмакова. Большая энциклопедія. Изд. то же. Ц. 200 вып. 120 руб.
- Э. Ю. Петри. Географическій атласъ. Изд. Маркса. Ц. 2 р. 60 к.
- П. А. Голубевъ. Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи. Изд. губ. земства. Вятка. Ц. 50 к.
- А. Вагнеръ. Удобреніе плодовыхъ деревьевъ. Перев. И. Пузыревскаго. Спб. 1901 г. Ц. 25 к.
- Горбуновъ-Посадовъ. Кругомъ свѣта. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Б. Степанецъ. Забытыя семинаріи. Мск. 1902 г.
- Его же. О письменныхъ работахъ.
- Его же. Семинаристы изъ народа. Мск. 1902 г.
- Проф. С. Шиларевскій. Чтеніе положенія 19-го февраля 1861 г. Историч. картина Мясоѣдова. Кіевъ. 1902 г.
- Е. И. Тарасовъ. Донской атаманъ Платовъ. Изд. «Вѣстника каз. войска». Спб. 1902 г.
- Раффи. Хентъ. Истор. романъ. Перев. съ нѣм. П. Некрасова. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.
- А. Л. Соколовскій. Энциклопедія для юношества. Вып. I и II. Спб. 1901 г. Ц. за 8 том. 10 руб.
- И. И. Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Изд. Пантелѣева. 1902 г. Ц. 1 руб.
- Т. Н. Львовъ. Дѣвочки умнѣе стариковъ. Драма. Мск. 1902 г. Ц. 60 к.
- К. Боринскій. Театръ. Лекціи. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.
- И. Анненскій. Меланниа-философъ. Трагедія. Спб. 1901 г. Ц. 75 к.
- В. Саводникъ. Ницшеанецъ 40-хъ год. Мск. 1902 г. Ц. 60 коп.
- Л. Яффе. Грядущее. Стихотвореніе. Гродна. 1901 г.
- Отчетъ о дѣятельности врачей санитарн. надзора. Каванск. окр. путей сообщ. за 1900 и 1901 г. Спб. 1902 г.
- Н. Веригинъ. Въ помощь учащимъ въ начальной народн. училищахъ. Мск. 1902 г. Ц. 40 к.
- С. Л. Цинбергъ. Происхожденіе Шейлока. Спб. 1901 г. Ц. 25 к.
- А. Ф. Никитинъ. Пассажиры на пароходахъ по Волгѣ въ санитарн. отношенія. Спб. 1902 г.
- Проф. Ю. Вагнеръ. Рассказы объ огнѣ. Изд. Посредника. Мск. 1901 г. Ц. 15 коп.
- Л. П. Никифоровъ. Избранныя мысли Д. Рѣкина. Мск. 1902 г. Изд. то же. Ц. 20 к.
- Н. И. Перелыгинъ. Неожиданный гость. Мск. 1902 г. Ц. 20 к.
- П. Буланже. Перев. Нарвана. Вуддисканъ сказка. Изд. то же. Мск. 1901 г. Ц. 30 к.
- Шалпель. Современная бѣдность и современ. перенаселеніе. Изд. Дороватовскаго и Чарушикова. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 26 к.
- А. Н. Меньшиковъ. Какъ устраивать практич. дровнасажденія въ школахъ. Вятка. 1901 г.
- И. Л. Братчиковъ. Холощеніе жеребцовъ, быковъ, барановъ и вепрей. Изд. губ. земства. Вятка. 1901 г.
- Краткое руководство къ возведенію кирпичныхъ крестьянск. строеній. Вятка. Изд. то же.
- М. Ю. Лермонтовъ. Избран. сочиненія. Изд. вятск. губ. земства.

- Ии. Куракинъ. Архивъ князя Куракина. Кн. 9-я. Спб. 1902 г. Ц. 4 руб.
- Проф. Горбъ-Ромашевичъ. Поземельн. налогъ въ практикѣ Зав. европ. государства. Варшава. 1901 г. Ц. 50 к.
- Г. И. Шрейдеръ. Наше городское общ. управленіе. Тм. I. Спб. 1902 г. Ц. 3 руб.
- А. Шопенгауэръ. Афоризмы о житейской мудрости. Изд. Н. Зинченко. Спб. 1902 г. Тм. I. Ц. по подп. 50 к.
- М. А. Миропіевъ. О положеніи рус. инородцевъ. Спб. 1901 г. Ц. 2 руб.
- Сборникъ статист. свѣд. по Уфим. губ. Т. IX. Ц. 1 руб.
- Стенографич. отчетъ засѣд. очередн. Тверск. губ. зем. собранія сессіи. 1900 г.
- А. Вербицкая. Первые ласточки. 2-е изд. Мск. 1902 г. Ц. 80 к.
- Е. Белау. Перев. подъ ред. Вербицкой. Мск. 1902 г. Ц. 80 к.
- И. Благовѣщенскій. Памятная книжка. Олонекъ. губ. Петроваводскъ. 1902 г. Ц. 1 руб.
- Н. Карѣевъ. Философія кулач. и социальн. исторіи нов. времени. Изд. 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.
- А. Быстровъ. Правила объ удареніяхъ въ рус. яз. Изд. т-ва «Книговѣдъ». Арнебургъ. 1900 г.
- К. И. Воиновъ. Прелюдіи. Разказы. Одесса. 1902 г.
- В. М. Бламенталь. Общ. борьба съ туберкулезомъ, какъ съ народн. болѣзнию въ Зап. Европѣ и Америкѣ. Часть 1-я. Мск. 1901 г.
- Н. И. Успенскій. Собраніе поэтическихъ произведеній. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.
- В. Г. Вальтеръ. Музыкальное образованіе любителя. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.
- Его же. Какъ учить игрѣ на скрипкѣ. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.
- Н. Столяровъ. Собраніе упражн. въ высшей математикѣ. Кіевъ. 1902 г. Ц. 1 руб.
- Шарл. Стетсонъ. Женщины и эконом. отношеніе. Перев. съ англ. А. Каменскаго. Спб. 1902 г. ц. 1 руб.
- Инж. С. Житковъ. Хлѣбъ и пути сообщенія. Изд. собр. инж. пут. сообщенія. Спб. 1902 г.
- А. Скворцовъ. Основы эконоимики земледѣлія. Часть II, вып. 1. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- Г. Риманъ. Музыкальн. словарь. Перев. подъ ред. Энгеля. Вып. III. Изд. Юргенсона.
- В. В. Маллашъ. Н. В. Гоголь въ русской поэзіи. Мск. 1902 г. Ц. 50 к.
- Всеволодская. Разказы. Изд. въ пользу нижегородск. народн. театра. Н.-Новгородъ. 1901 г. Ц. 1 р.
- Л. В. Ровенскій. По Манчжуріи. Благовѣщенскъ. 1900 г.
- М. Ф. Кузнецовъ. О школьномъ преподаваніи. Вильна. 1902 г.
- К. А. Гротъ. Къ біографіи И. И. Дмитріева. Спб. 1902 г.
- А. Миловидовъ. Государствен. значеніе всерос. патриарховъ. Харьковъ. 1901 г.
- М. Стасюевичъ. Исторія среднихъ вѣковъ. 1-й періодъ. Спб. 1902 г. Ц. 2 руб.
- Проф. Левинсонъ-Лессингъ. Основн. проблемы физической геологіи. Спб. 1902 г.
- П. Голубевъ. Къ вопросу о постройкѣ народн. дворца въ Перми. Мск. 1902 г.
- Евг. Трифильевъ. Къ біографіи В. Н. Карамзина. Харьковъ. 1901 г.
- Проф. Казанскій. Отвѣтъ проф. Петрожицкому о преподаваніи на юридич. факультетахъ. Спб. 1901 г.
- Н. К. Кудринъ. Очерки современ. Франціи. Изд. ред. журн. «Русское Богатство». Спб. 1902 г. Ц. 2 руб.
- С. М. Середонинъ. Историческій обзоръ дѣятельн. комит. министровъ. Изд. канцеляріи комит. министровъ.
- А. Мордвилко. Къ біологіи и морфологіи глей. Спб. 1901 г. Ц. 6 руб.
- В. А. Вихляевъ. Очерки изъ рус. сельскохоз. дѣятельн. Спб. Изд. «Хозяинъ». Ц. 1 р. 20 к.
- К. Половодскій. Стихотворенія. Одесса. 1902 г.
- Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. Э. Радлова. Т. III. 1902 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Джорджъ Эллиотъ. Золотыя мудри. Мск. 1901 г. Ц. 70 к.
- Евг. Гославскій. Путемъ-дорогою. Разказы. Изд. т-ва Сытина. 1902 г. Ц. 1 руб.
- Перев. П. Л. Буланже. Садикъ маленькаго Гарри. Спб. 1902 г. Ц. 20 к.
- Кэтъ-Дугласъ-Виггинъ. Веселая рѣчка. Разказы. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.
- Л. Федоровъ-Давыдовъ. Ловкій башмачникъ. Изд. ред. «Дѣтскаго Чтенія». Мск. 1901 г. Ц. 20 к.
- В. Н. Немировичъ-Данченко. Соколинныя гнѣзда. Изд. то же. Мск. 1902 г. Ц. 50 к.
- В. Гмляровскій. Портной Ерощка и тараканы. Изд. то же. Ц. 5 к.
- Д. И. Тихомировъ. О жизни Н. В. Гоголя. Изд. то же. Ц. 10 к.
- Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. Друзья. Мск. Изд. то же. Ц. 5 к.
- Е. Свѣтлицова. Сокр. Князь Серебряный. Изд. то же. Цѣна 15 коп.
- Ея же. Сокращенный Ледяной домъ. Мск. Изд. то же. Ц. 50 к.
- Любичъ-Кнушуровъ. Ничипоръ Вородай. Мск. 1902 г. Ц. 30 к.
- М. Энгельгардтъ. Лѣса и климатъ. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.
- К. Е. Баранцевичъ. Къ свѣту. Ц. 25 к.
- В. И. Немировичъ-Данченко. Подъ небомъ Африки. Мск. 1902 г. Ц. 60 к.
- Федоровъ-Давыдовъ. Въ досуужій часъ. Мск. 1902 г.
- Разказы для еврейскихъ дѣтей. Изд. Вельскаго. Кіевъ. 1901 г. Ц. 6 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The World and the Individual*» by prof. Royce of Harvard (Macmillan and Co) (*Миръ и индивиду*). Въ книгѣ заключается рядъ лекцій, читанныхъ авторомъ о разныхъ пробѣлахъ философіи, напр., «Реализмъ и мистицизмъ въ исторіи мысли», «Толкованіе природы», «Нравственный порядокъ» и др. Книга эта принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ и оригинальныхъ работъ по философіи, какія только появлялись въ послѣднее время.

(Times).

«*The Ainoe and their Folklore*» by Rev. John Batchelos (Religions Tract Society) (*Аиносы и ихъ фольклоръ*). Авторъ пробылъ много лѣтъ миссіонеромъ среди этого любопытнаго древняго народа, и поэтому очень быстро повнакомился съ его особенностями, характеромъ, обычаями, воззрѣніями и легендами. Въ настоящее время аиносы очень смиренный, спокойный народъ, хотя прежде они были, повидимому, крайне воинственнымъ племенемъ и у нихъ есть преданія, указывающія, что ихъ предки были даже каннибалами. Авторъ полагаетъ, что аиносы — арийскаго происхожденія.

(Times).

«*What great men have said about Great men*». A dictionary of Gustations. By William Wale (Iwan Sonnenschein and Co). (*Что великіе люди говорили о другихъ великихъ людяхъ*). Оригинальную идею имѣлъ авторъ — собрать изреченія разныхъ великихъ людей, сказанныя ими о другихъ великихъ людяхъ. Этотъ сборникъ цитатъ представляетъ интересъ въ особенности какъ характеристика нѣкоторыхъ великихъ людей прежней и современной эпохи.

(Times).

«*Ruskin and English Lakes*» by Canon Rawnsley (Maclehose and Sons) Glasgow. (*Рѣскинъ и англійскія озера*). Въ этой книгѣ заключается нѣсколько интересныхъ воспоминаній о Рѣскинѣ въ послѣдніе годы его жизни, но особенно любопытны приводимые авторомъ отрывки рѣчей окрестнаго крестьянства, въ которыхъ крестьяне высказывали автору свое мнѣніе о «профессорѣ» — такъ они звали Рѣскина. Какъ въ Оксфордѣ, такъ и въ Гернихиллѣ и Констанѣ Рѣскинъ возбуждалъ всеобщее уваженіе и любовь всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его. Его скромные сосѣди крестьяне съ

восхищеніемъ отзываются о немъ, о его добротѣ ко всѣмъ, и въ особенности о его любви къ дѣтямъ. Къ книгѣ приложенъ прекрасный портретъ и нѣсколько хорошихъ иллюстрацій.

(Manchester Guardian).

«*Travel in the First Century after Christ*» by Miss Caroline A. J. Skeel (University Press. Cambridge) (*Путешествіе въ первомъ столѣтіи по Р. Х.*). Авторъ избралъ интересную тему для своего научнаго изслѣдованія. Каждый историкъ Рима императоровъ непременно выставлялъ на видъ политическое и военное значеніе великихъ дорогъ, проложенныхъ римлянами, но авторъ, въ своемъ разсказѣ, придаетъ имъ особенно живой интересъ. Передъ глазами читателя проходятъ разные типы путешественниковъ: купцы, чиновники, искатели приключеній, паллириммы, инвалиды, нищія, атлеты, искатели мѣстъ, странствующие музыканты и т. д., толпившіеся на англійской дорогѣ, имѣвшей такое громадное значеніе во времена Августа и Нерона. Не менѣе интереса представляютъ главы, посвященныя морскимъ путешествіямъ и развитію римскаго морского могущества и торговли въ Средиземномъ морѣ. Въ отдѣльной главѣ говорится о Малой Азіи, но въ сравненіи съ предшествовавшими главами, она отличается чрезвычайною сжатостью, которая вредитъ содержанію.

(Manchester Guardian).

«*Psychologie und Pädagogik des Kinderspiels*» G. A. Colossa. Uebersetzung aus dem italienischen von Chr. Ufer. (Altenburg, Oscar Bonde) (*Психологія и педагогика дѣтскихъ игръ*). Въ очень богатой педагогической литературѣ находится все-таки мало книгъ, въ которыхъ бы рассматривалось важное значеніе игръ въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ названной книгѣ главное вниманіе автора обращено именно на педагогическое вліяніе и психологическое значеніе игръ. Книга распадается на три части, изъ которыхъ самая важная послѣдняя, подробно разбирающая разныя сторсны психическаго вліянія игръ. Въ играхъ дѣтей авторъ видитъ, главнымъ образомъ, проявленіе избытка силъ, ищущихъ для себя исхода, и стремленія къ свободѣ. Очень интересно составленъ такъ

же обзоръ всѣхъ писателей, древнихъ и современныхъ философовъ и ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о значеніи дѣтскихъ игръ.

(Berliner Tageblatt).

«National Education; essays towards a Constructive Policy». Edited by Laurie Magnus (John Murray) (Национальное воспитание; опытъ созидательной политики).

Въ этой книгѣ заключается рядъ статей о современномъ положеніи воспитанія въ Англій, которая знакомитъ читателей съ господствующею системою англійскихъ школъ и взглядами преподавателей. Къ книгѣ приложенъ очень полезный библиографическій указатель педагогическихъ сочиненій.

(Daily News).

«The Principles of Western Civilisations» by Benjamin Kidd. London (Macmillan and Co). (Принципы западной цивилизации). Книга эта явилась результатомъ очень добросовѣстнаго и основательнаго изслѣдованія и доказываетъ огромную эрудицію автора, взгляды котораго, во всякомъ случаѣ, отличаются оригинальностью. Авторъ все подчиняетъ идеѣ эволюціи, которая, по его мнѣнію, приобретаетъ теперь преобладающее значеніе во всѣхъ направленіяхъ социальной жизни.

(Morning Post).

«The Last of the Masai» by Sidney Langford Hinde. With Illustrations from photographs and Drawings. London. (William Heinemann) (Последній изъ масаевъ).

Интересная книга, въ которой описывается мало извѣстная, исчезающая теперь, раса масаевъ въ восточной Африкѣ. Авторъ хорошо изучилъ это племя во время своей службы въ британскомъ восточно-африканскомъ протекторатѣ и сообщаетъ о масаяхъ много интересныхъ свѣдѣній. Авторъ рассказываетъ, кромѣ того, о своихъ приключеніяхъ во время странствованій въ восточной Африкѣ и своихъ столкновеній съ различными племенами, обь охотахъ за хищными звѣрями и т. п. Онъ дополняетъ свой рассказъ множествомъ фотографическихъ снимковъ, что, разумѣется, увеличиваетъ интересъ книги, знакомящей читателей съ малоизвѣстной страной и ея обитателями.

(Daily News).

«China in convulsion» by Arthur H. Smith. London. (Oliphant, Anderson and Ferries) (Китайъ въ конвульсіяхъ).

Авторъ приобрѣлъ извѣстность своими прежними сочиненіями о Китаѣ. Въ этой книгѣ, въ первыхъ главахъ, авторъ изслѣдуетъ причины антипатій, господствующей между китайцами и европейцами. Далѣе онъ даетъ очеркъ реформъ, проектированныхъ императоромъ въ 1898 г. и вызвавшихъ реакцію, ознаменовавшуюся воцареніемъ адвоствующей императрицы. Особенно

интересны главы, въ которыхъ авторъ дѣлаетъ характеристику правительницы Китая. Далѣе онъ говоритъ о происхожденіи и развитіи боксёрскаго движенія и всѣхъ вываанныхъ имъ событій. Какъ американскій миссіонеръ, пробывшій тридцать лѣтъ въ Китаѣ, авторъ, конечно, посвящаетъ особенное вниманіе миссіонерскому вопросу.

(Daily News).

«Scenes and Characters of the Middle Ages» by the Rev. E. Z. Catts (Virtue and Co) (Сцены и характерныя черты средневѣковой жизни). Религія играла такую выдающуюся роль въ средніе вѣка, что, само собою разумѣется въ этомъ собраніи очерковъ средневѣковой жизни монахи, монахини, отшельники, рыцари и т. д. должны встрѣчаться на каждомъ шагѣ. Авторъ волей-неволей посвящаетъ имъ главное вниманіе, но интересъ книги отъ этого нисколько не уменьшается, такъ какъ она раскрываетъ передъ читателемъ очень любопытныя стороны средневѣковой жизни.

(Daily News).

«Constantinople and its Problems» its peoples, customs, Religions and Progress, by Henry Otis Dwight (Oliphant) (Константинополь и связанныя съ нимъ проблемы).

Книгу эту нельзя причислить ни къ разряду путеводителей, ни къ разряду путевыхъ воспоминаній. Авторъ не только описываетъ этотъ удивительный городъ и всѣ его достопримѣчательности, но онъ посвящаетъ свое главное вниманіе его политической, социальной и религіозной жизни и тѣмъ проблемамъ, которыя связаны съ ними.

(Athaeneum).

«The mystic Rose; a study of primitive marriage» by Ernest Crawley (Macmillan and Co) (Мистическая роза; изслѣдованіе первобытнаго брака).

Авторъ очень подробно и съ научной точки зрѣнія изслѣдуетъ вопросъ о первобытномъ бракѣ, и книга его представляетъ цѣнный вкладъ въ этнологию.

(Daily News).

«State Trials; political and Social» Selected and edited by H. L. Stephen. (Duckworth) (Государственные процессы, политическіе и социальныя).

Вышло уже четыре тома этого интереснаго собранія выдающихся государственныхъ процессовъ. Издатель очень искусно владѣетъ своимъ матеріаломъ и умѣетъ выбирать изъ него то, что можетъ представлять наибольшій интересъ для читателей.

(Daily News).

«The Limits of Evolution, and other Essays» by G. H. Howison, prof. (Macmillan and Co) (Границы эволюціи и другіе очерки). Книга эта представляетъ популярное изложеніе различныхъ философ-

скихъ взглядовъ и теорій, и критику автора на нихъ. Слогъ автора вездѣ ясенъ и популяренъ и не можетъ дать повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ со стороны читателей.

(Athaeneum).

«*Intuitive Suggestion; a New Theory of the Evolution of Mind*» by J. W. Thomas (Longman and Co) (*Интуитивное внушеніе; новая теорія эволюціи души*). Авторъ дѣлаетъ интересную и смѣлую попытку связать вмѣстѣ умственные процессы организмовъ, до такой степени отличающихся другъ отъ друга, какъ человекъ и амѣба. Многія положенія, высказываемыя авторомъ, представляются недостаточнo обоснованными, но, тѣмъ не менѣе, его попытка заслуживаетъ вниманія, такъ какъ онъ затрагиваетъ въ высшей степени важные вопросы, интересующіе каждого мыслящаго человека.

(Athaeneum).

«*Christian Dewet, von Flinck-Lutetsburg, Berlin (Meidinger) (Христианъ Деветъ)*. Трансваальская война воскресила героическія времена и въ числѣ героевъ этой войны первое мѣсто занимаетъ Деветъ, подвиги котораго становятся легендарными. Біографія этого героя, конечно, представляеть современннй интересъ.

(Berliner Tageblatt).

«*Gesundheit und Krankheit*» von Troels-Lund. Leipzig. (Verlag von B. G. Teubner) (*Здоровье и болѣзнь*). Авторъ задался цѣлью прослѣдить исторію развитія человѣческаго мышленія въ связи съ возвращеніями на болѣзнь въ различные эпохи человѣческой культуры. Онъ указываетъ на тщетныя попытки страдающаго человечества объяснить происхожденіе болѣзней. Повнаніе природы и мировоззрѣніе нѣвѣстной эпохи представляютъ главные моменты, опредѣляющіе отношеніе человека къ болѣзнямъ; отъ этихъ моментовъ зависятъ его взгляды на здоровое и болное состояніе организма и заботы о здоровьи. Авторъ знакомитъ читателей съ возвращеніями древнихъ народовъ на здоровье и болѣзнь и говорить, что съ именемъ Гиппократова связываются уже совершенно новыя взгляды, и его ученіе положило начало методическому, спиритуалистическому и чисто эмпирическому направленію медицины. Далѣе авторъ предлагаетъ возвращенія подвѣвшихъ философовъ и ученыхъ, ученіе Гелена и др. и говоритъ о различныхъ взглядахъ на происхожденіе болѣзней, господствовавшихъ въ XVI-мъ вѣкѣ до Парацельса и его ученія о микромъ микроскопѣ. Такимъ образомъ, авторъ рассматриваетъ исторію культуры съ совершенно новой и оригиналь-

ной точки зрѣнія—съ точки зрѣнія взглядовъ, господствовавшихъ въ различные времена на происхожденіе болѣзней.

(Neue Freie Presse).

«*Die gegenwärtige Krisis, ihre Ursachen und die Aufgaben der Gesetzgebung*» von Dr. R. Eberstadt. (K. Hoffmann) (*Современный кризисъ, его причины и задачи законодательства*). Въ этой маленькой брошюрѣ излагаются причины кризиса, отъ котораго особенно страдаютъ нѣкоторыя отрасли промышленности Германіи. Авторъ отрицаетъ перепроизводство и отыскиваетъ другія причины кризиса. Онъ говоритъ о необходимости нѣкоторыхъ реформъ законодательства, но думаетъ, все таки, что въ борьбѣ съ кризисомъ эти реформы не могутъ имѣть большого значенія.

(Berliner Tageblatt).

«*Handbuch der Frauenbewegung*» herausgegeben von Helene Lange und Gertrud Batmes (S. Hirschel) Leipzig (*Исторія женскаго движенія*). Вышла только еще два первыхъ тома этого труда, задуманнаго по широкой программѣ. Въ первомъ томѣ изслѣдуется женское движеніе въ различныхъ культурныхъ странахъ, во второмъ заключается очеркъ соціальной дѣятельности женщинъ; третій будетъ посвященъ воспитанію дѣвушекъ, а четвертый—дѣятельности нѣмецкихъ женщинъ. Въ вышедшихъ томахъ заключаются въ высшей степени важныя интересныя свѣдѣнія, касающіяся женскаго движенія и дѣятельности женщинъ въ различныхъ областяхъ соціальной жизни.

(Neue Freie Presse).

«*Unstoried in History*» portraits of some famous women of the sixteenth, seventeenth and eighteenth centuries by Gabrielle Festing (Nisbet and Co) (*Историческое о исторіи*). Авторъ указываетъ, какая масса крайне любопытнаго анекдотическаго матеріала заключается въ отчетахъ комиссіи по рассмотренію историческихъ манускриптовъ въ Англіи. Изъ этого источника авторъ черпаетъ свои интересные рассказы о разныхъ женщинахъ, которыя хотя и не пользовались громкою известностью, но, тѣмъ не менѣе, могутъ считаться типичными представительницами своей эпохи. Очень забавны описанія придворной жизни при Карлѣ II, которыя авторъ извлекаетъ изъ одной корреспонденціи. Вообще авторъ очень искусно справился со своимъ матеріаломъ и сдѣлалъ хорошій выборъ, такъ что въ результатѣ получилась очень занимательная книга.

(Manchester Guardian).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

— Я надѣюсь принести пользу. Мо- жетъ быть, я потерплю неудачу, но на- стоящее положеніе вещей плохо, и я постараюсь его улучшить.

Питеръ говорилъ очень серьезно, и гелось его раздавался очень звонко.

— Я очень радъ, что могу высказать это прежде, чѣмъ начнутся засѣданія собранія. Вы всѣ опытные люди, и я очень цѣню ваше мнѣніе.

— Только не пробуйте руководство- ваться имъ,—добродушно отозвался хо- ланнъ.

— О нѣтъ. Я не хотѣлъ этого ска- зать. Мнѣ еще вужно обдумать все, что вы мнѣ сообщили.

— Обдумавъ это, м-ръ Стерлингъ, вы найдете, что мы правы. Мы не да- ромъ проработали, кто двадцать, кто тридцать лѣтъ.

— Я увѣренъ, что вы знаете, какъ управлять партіей, но въ моемъ участкѣ торговали отравленнымъ молокомъ, и я обратился къ закону, чтобы наказать людей, продававшихъ его. А теперь я занялся политикой, чтобы добиться за- коновъ и администраціи, карающихъ по- добное зло. Я сказалъ своимъ избира- телямъ, чего я хочу, и я думаю, что они меня поддержатъ. Я знаю, что вы можете мнѣ помочь и, надѣюсь, вы захотите. Мы можемъ не соглашаться въ способахъ, но мы всѣ имѣемъ въ виду пользу Нью-Йорка, и поэтому мы не можемъ расходиться въ цѣляхъ.

Питеръ остановился, крайне удивлен- ный самъ продолжительностью своей рѣчи.

— Какъ вы хотите, чтобы мы по- ступали?

— Вы говорите, что желаете сохра- нить контроль и можете сохранить его, только обладая большинствомъ. Я же- лаю, чтобы вы дали городу такое управ- леніе, которое привлекло бы на вашу сторону голосъ каждого честнаго изби- рателя,—горячо возразилъ Питеръ.

— Это только обобщеніе очень юнаго челоука,—сказалъ предсѣдатель.

Питеру онъ понравился еще больше послѣ этого щелчка.

— Я обобщилъ, чтобы полнѣе выяс- нить цѣль моего особаго стремленія. Я хочу, чтобы санитарное управленіе по-

«Миръ божій», № 3, мартъ. отд. III.

могло мнѣ выработать постановленіе о надзорѣ за пищевыми продуктами и чтобы законодательное собраніе пропу- стило его, не разорвавъ въ клочки въ угоду частнымъ интересамъ. Я ничего не имѣю противъ поправокъ, но онѣ должны быть справедливы.

— А когда санитарное управленіе поможетъ, и постановленіе получить силу закона?

Питеръ прямо взглянулъ въ лицо м-ру Костеллю и спокойно отвѣтилъ:

— Я скажу моимъ избирателямъ, что вы оказали имъ большую услугу.

Двое собесѣдниковъ безпокойно задви- гались на своихъ стульяхъ, а третій нахмурился.

— А если мы дадимъ вамъ новые законы о жилищахъ?

— Я снова скажу моимъ избирате- лямъ, что вы оказали большую услугу.

Питеръ говорилъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ и спокойно смотрѣлъ въ лицо м-ру Костеллю.

— А если мы не сдѣлаемъ ни того, ни другого?

— Что я тогда сдѣлаю, будетъ зави- сѣть отъ того, откажете ли вы по ува- жительной причинѣ, или нѣтъ. Во вся- комъ случаѣ, я изложу имъ факты.

— Чортъ возьми,—началъ одинъ изъ приглашенныхъ, но поднятая рука м-ра Костелля прервала его рѣчь въ самомъ началѣ.

— М-ръ Стерлингъ,—сказалъ Ко- стелль, поднимаясь съ мѣста,—я надѣюсь, вы вмѣстѣ съ нами подадите голосъ за Кетлина, когда обдумаете все сказанное. Но сдѣлаете ли вы это или нѣтъ, мы хотимъ, чтобы вы работали вмѣстѣ съ нами. Мы можемъ помочь вамъ, а вы поможете намъ. Когда вы приготовитесь подавать свой билль, зайдите ко мнѣ.

— Благодаря вамъ,—сказалъ Пи- теръ.—Я именно этого желалъ.

Онъ простился со своими собесѣдни- ками и ушелъ.

— Этотъ мальчикъ доставитъ намъ не мало хлопотъ,—сказалъ Гринъ.

— Не стоитъ и пробовать добиться чего-нибудь отъ него, лучше сразу бро- сить,—сказалъ тотъ, которому помѣшали говорить.

— Врядъ ли у него есть сильная поддержка, — замѣтилъ третій. — Это судебное дѣло просто доставило ему временную популярность.

— Подождемъ и посмотримъ, вернется ли онъ къ Кэглину, и если да — поддержимъ его, — предложилъ Гринъ.

Послѣдовало молчаніе, и всѣ смотрѣли на Костелля, улыбавагося загадочной улыбкой, присущей ему и которую никто не умѣлъ разгадать.

— Нѣтъ, — сказалъ медленно Костелль, — вы можете побить его, но онъ не такого рода, чтобы спокойно снести поражение. Я готовъ побороть на политической аренѣ, всякаго, кромѣ чловѣка, умѣющаго говорить правду толпѣ и бороться съ нею. До сихъ поръ я еще не видѣлъ, чтобы кто-нибудь одолѣлъ того, кто обладаетъ этими двумя качествами; развѣ онъ самъ захочетъ признать себя побѣжденнымъ. Господа, этотъ Стерлингъ — боецъ, говорящій правду, и вамъ не удастся побить его въ его участкѣ. Добра не будетъ, если онъ будетъ противъ насъ, поэтому наша обязанность — привлечь его на нашу сторону. Теперь это невозможно — надо подождать благоприятнаго момента. Онъ ни передъ чѣмъ не остановится. Онъ одолѣлъ Нельсона и побилъ Галлагера, двухъ старыхъ лисицъ. Помяните мое слово, черезъ пять лѣтъ онъ заберетъ въ свои руки весь шестой участокъ. Не думайте о возможности борьбы съ нимъ; онъ политики не броситъ, и мы должны во что бы то ни стало сдѣлать его нашимъ!

Глава XXII.

Политика.

Питеръ въ этотъ вечеръ бодрствовалъ дольше, чѣмъ было благоразумно, изучая стѣну передъ собою. Когда онъ наконецъ всталъ и началъ раздѣваться, то съ недоумѣніемъ покачалъ головой. На другое утро, прочитавъ газеты и выпивъ кофе, онъ снова углубился въ созерцаніе стѣны.

Онъ работалъ надъ двумя вопросами, которые не такъ легко было рѣшить,

и которые въ его умѣ формулировались слѣдующимъ образомъ. Всегда ли лучшій чловѣкъ бываетъ лучшимъ администраторомъ?

Лучше-ли честное сужденіе одного двадцатичетырехлѣтняго молодого чловѣка, чѣмъ основанное на опытѣ мнѣніе нѣсколькихъ пожилыхъ людей?

Питеръ начиналъ думать, что не такъ легко найти истинный и ложный путь жизни, какъ онъ думалъ раньше. Давно уже онъ сказалъ себѣ, что легко вѣти вѣрнымъ путемъ, но тогда онъ не зналъ еще, что очень трудно опредѣлить который путь вѣрный. Онъ выступилъ, чтобы наказать Больмана, и пошелъ на компромиссъ. Онъ не одобрялъ нарушенія закона Деннисомъ — и защищалъ его.

Онъ далъ себѣ слово никогда не посѣщать «салонновъ», а кончилъ тѣмъ что посѣщалъ ихъ каждый вечеръ. Теперь онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ: что принесть больше пользы его избирателямъ — назначеніе-ли безукоризненнаго чловѣка, лично ему симпатичнаго, или безцвѣтной личности, которой будутъ управлять представители городскихъ партій. Въ первомъ случаѣ Питеръ опасался, что его собственная партія не поддержитъ его мѣропріятій, во второмъ онъ видѣлъ поддержку и почти гарантированный успѣхъ. Наконецъ, онъ встряхнулся.

— Я думаю, Деннисъ правъ — громко сказалъ онъ, — въ нью-іоркской политикѣ больше «настоящихъ вещей» чѣмъ «убѣжденій», и гораздо труднѣе подать голосъ за «настоящее», чѣмъ за «убѣжденіе».

Питеръ пошелъ въ спальню, уложить свой чемоданъ и отправился на станцію. Тамъ онъ нашелъ цѣлую толпу делегатовъ, наполняющую и окружающую экстренный поѣздъ, который долженъ былъ везти нью-іоркскихъ членовъ избирательнаго собранія въ Саратогу.

Питеръ чувствовалъ себя чужимъ въ этой толпѣ, но окунувшись въ нее онъ увидѣлъ, что онъ не безымянная личность. Одинъ изъ вчерашнихъ собеседниковъ подхватилъ его, и онъ очутился членомъ кружка, составъ котораго ежеминутно мѣнялся, и гдѣ обсуждались

дѣла предстоящаго собранія. Отправленіе поѣзда, сопровождаемое криками, звуками музыки, развѣвающимися флагами и прочими выраженіями энтузіазма, только на мгновение прервало разговоръ, но онъ тотчасъ же возобновился и шестичасовой переѣздъ изъ Нью-Йорка до Саратоги превратился въ сплошные политическіе дебаты. Питеръ слушалъ внимательно и вынесъ многое: разговоръ былъ очень откровенный. Ему удалось поговорить съ Гриномъ и Костелемъ. Другіе два делегата отъ «шестого» розыскали его и вмѣстѣ обсудили свои намѣренія.

Питеру понравился Шлергеръ, простой, безыскусный нѣмецъ, желавшій и въ собраніи дѣлать только то, чего хотѣли его избиратели. Но въ Кеннеди Питеръ не былъ увѣренъ, Кеннеди ухмылялся, когда Питеръ говорилъ о «достойнѣйшемъ человѣкѣ», и о «помощи народу», и нашелъ, что слова его вмѣютъ цѣну, только послѣ того, какъ Питера посѣтили многіе содержатели «салоновъ», послѣ факельнаго шествія и привѣтственныхъ криковъ въ честь Питера.

Пріѣхавъ въ гостиницу въ Саратогѣ, Питеръ удалился въ свою комнату надѣясь заснуть и вознаграждать себя за предыдущую безсонную ночь, проведенную въ размышленіяхъ. Но едва лакей негръ удалился съ многочисленными поклонами, какъ раздался стукъ въ дверь. Питеръ открылъ; вошелъ незнакомый ему джентельменъ.

— Это комната м-ра Стерлинга? — спросилъ незнакомецъ.

— Да.

— Могу-ли я его видѣть?

— Войдите. — Питеръ снялъ съ одного стула свой пиджакъ, съ другого пальто и шляпу.

— М-ръ Стерлингъ, — началъ незнакомецъ, усаживаясь на стулъ. — Я сенаторъ Магиръ, одинъ изъ приверженцевъ Портера, какъ вы, можетъ быть слышали.

— Да.

— Мы слышали, что вы расположены къ намъ. Мнѣ, конечно, не нужно говорить, что остальные делегаты Нью-Йорка всѣ противъ васъ.

— Нѣтъ, — сказалъ Питеръ, мои товарищи делегаты шестого участка Шлергеръ и Кеннеди одного мнѣнія со мной.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Да.

— Значитъ произошла внезапная перемѣна. Ихъ выбрали, какъ сторонниковъ Кэтлана, какъ мы слышали.

— Да. Но теперь въ участкѣ другое настроеніе, и они примкнули къ нему.

— Это хорошая вѣсть.

— Мы всѣ трое пріѣхали сюда, приготовились сдѣлать то, что найдемъ лучшимъ.

Выраженіе удовольствія, вызванное доброй вѣстью Питера изчезло съ лица сенатора. Онъ бросилъ на Питера быстрый взглядъ, какъ бы желая прочесть, что скрывается за его словами. Онъ колебался, точно выбирая, что сказать. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Мнѣ, конечно, не нужно говорить вамъ, что противодѣйствіе всѣхъ делегатовъ Нью-Йорка можетъ серьезно помѣшать успѣху Портера. Мы объ этомъ много говорили и пришли къ заключенію, что для него было бы большимъ шансомъ на успѣхъ, если бы его предложилъ кто-нибудь изъ городскихъ делегатовъ. Не сдѣлаете ли этого вы?

— Я не достаточно знаю его. Вѣдь предложившій его делегатъ долженъ сказать хвалебную рѣчь въ его честь?

— Да, но я могу прислать вамъ весь матеріалъ сегодня вечеромъ. Или, если вы предпочтаете, мы доставимъ вамъ уже готовую рѣчь.

— Я никогда не говорю чужихъ рѣчей, м-ръ Магиръ.

— Вамъ лучше знать. Какъ вамъ будетъ угодно.

— Дѣло въ томъ, что я еще до сихъ поръ самъ не рѣшилъ, за кого я подамъ голосъ, а вѣдь обѣщанія связываютъ.

Настроеніе м-ра Магира снова измѣнилось.

— Мнѣ очень жаль слышать это. Я надѣялся, вы за Портера. Онъ достойнѣйшій человѣкъ.

— Я самъ такъ думаю.

Сенаторъ откинулся на стулъ и заложилъ большіе пальцы за жилетъ. Онъ думалъ, что разгадалъ намѣреніе Питера

и что теперь все пойдет гладко. Отъ этого парня даромъ ничего не получимъ: лучше сразу предложить ему взятку, было его мысленное заключеніе. Вслухъ онъ спросилъ.

— Чего же вы хотите?

На подобный вопросъ могло быть нѣсколько отвѣтовъ, но м-ръ Магиръ предложилъ его такимъ тономъ, который придавалъ ему опредѣленный и не совѣмъ честный смыслъ.

Питеръ колебался. Онъ чувствовалъ сильное искушеніе дать сенатору высказаться до конца, но это имѣло бы видъ западни, а Питеръ ненавидилъ всякія уловки.

Съ другой стороны, ему хотѣлось знать, какъ далеко зайдутъ агенты Портера въ своемъ желаніи купить его поддержку. Видя, что Питеръ колебался, взвѣсившая въ умѣ всѣ «за» и «противъ», Магиръ прямо спросилъ:

— Что вамъ предложила противная сторона?

Питеръ быстро отвѣтилъ:

— Они ничего не предлагали мнѣ, кромѣ совѣтовъ, т.-е. Костель сказалъ, что поможетъ мнѣ выработать нѣкоторые постановленія.

— Частныя?—перебилъ Магиръ.

— Нѣтъ, общія. Я объ этомъ уже говорилъ съ Портеромъ.

— Да? Въ самомъ дѣлѣ?

— Я, дѣйствительно, горячо желаю провеста ихъ. Больше мнѣ ничего не надо.

«Фью!» свистнулъ про себя сенаторъ. «Чуть было не попался! Не говори онъ такъ быстро, я бы открылъ свои карты. Хотѣлъ бы я знать, не намекнулъ ли ему кто-нибудь...»

Ему и во снѣ не снилось, что Питеръ отвѣтилъ такъ быстро, именно, чтобы избѣжать этихъ разоблаченій.

— Мнѣ нечего говорить вамъ, м-ръ Стерлингъ, что если вы найдете возможнымъ предложить Портера, мы этого никогда не забудемъ, да и онъ тоже. Онъ не такой человѣкъ, чтобы забывать своихъ друзей. Многіе изъ членовъ завтрашняго собранія дорого бы дали за честь, которую мы предлагаемъ вамъ.

— Благодарю,—сказалъ Питеръ,—я

дѣваю ваше предложеніе, но не вижу возможности исполнить его. Мнѣ будетъ гораздо пріятнѣе, если Портера предложить кто-нибудь, дѣйствительно близко къ нему стоящій, чѣмъ добиться его расположенія подобнымъ способомъ.

— Подумайте еще разъ, м-ръ Стерлингъ.

— Если вы хотите, я дамъ вамъ окончательный отвѣтъ завтра утромъ.

— Я бы попросилъ васъ. Надѣюсь, онъ будетъ благопріятенъ. Вамъ представляется чудесный случай принести пользу и себѣ, и своей партіи. Добрый вечеръ.

Питеръ закрылъ за намъ дверь и поискалъ глазами свободной стѣны; потомъ онъ усѣлся на подоконникъ и, набивъ трубку, сталъ выводить свои заключенія, пуская клубы дыма.

«Любопытно было бы знать,—разсуждалъ онъ самъ съ собой,—гдѣ кончается Магиръ, и гдѣ начинается Портеръ? Не слѣдовало ли мнѣ, для блага моихъ избирателей, дать ему высказаться до конца? Имѣетъ ли уполномоченный право отказываться отъ того, что можетъ принести пользу его довѣрителямъ, даже если онъ чувствуетъ западню?»

Тукъ, тукъ, тукъ...

— Войдите!—закричалъ Питеръ, совершенно забывъ, что онъ потушилъ свѣтъ. Дверь открылась, и вошелъ м-ръ Костель.

— Курите?—спросилъ онъ.

— Да. Не могу вамъ предложить сигары. Можетъ быть, хотите трубку?

— Я не за тѣмъ пришелъ къ вамъ. Попробуйте-ка мою сигару. — Костель усѣлся на подоконникъ рядомъ съ Питеромъ.

— Благодарю васъ, — сказалъ Питеръ.—Я люблю сигары, но только хорошія, а подобной роскоши не могу себѣ позволить.

Онъ закурилъ сигару и, смакуя ее, облокотился наудобнѣе.

— Эта вамъ навѣрное понравится. Славный видъ, не правда ли?—Костель указалъ на широкую веранду тремя этажами ниже ихъ, пестрящую нарядами, яркими туалетами.

— Да. Я здѣсь въ первый разъ, и все это для меня ново.

— Не въ послѣдній, конечно. Вы еще на многихъ собраніяхъ посидите.

— Надѣюсь.

— Одинъ изъ моихъ развѣдчиковъ сказалъ мнѣ, что Магиръ былъ у васъ?

— Да.— Питеръ колебался одно мгновеніе.— Онъ хотѣлъ, чтобы я предложилъ Портера,— докончилъ онъ, считая, что лучше дѣйствовать открыто.

— Мы будемъ очень жалѣть, если вы это сдѣлаете.

— Не думаю, чтобы я это сдѣлалъ. Я имъ нуженъ только затѣмъ, чтобы произвести впечатленіе, будто Портера поддерживаетъ городъ, и разочаровать все-кого.

— Не удастся ли имъ завербовать Шлергера или Кеннеди?

— За Шлергера ручаюсь, за Кеннеди не могу поручиться.

— Не возьметесь ли вы разузнать объ этомъ?

— Могу. Когда вы хотите знать?

— Не можете ли вы повидать его теперь. Я подожду здѣсь.

Питеръ всталъ, съ сожалѣніемъ глядя на свою сигару. Однако онъ тотчасъ же потушилъ ее и вышелъ изъ комнаты. Онъ узналъ въ конторѣ номеръ комнаты Кеннеди и поднялся къ нему. На его стукъ дверь осторожно приоткрылась, образовалась узкая щель.

— О, это вы!— сказалъ Кеннеди,— войдите!

Питеръ вошелъ и увидѣлъ Магира, въ небрежной позѣ раскинувшагося на кушеткѣ.

— М-ръ Кеннеди,— сказалъ Питеръ, не садясь,— были сдѣланы попытки склонить одного изъ городскихъ делегатовъ, чтобы онъ предложилъ Портера. Мнѣ кажется, что это дѣло его личныхъ друзей.

Магиръ заговорилъ такъ поспѣшно, что Кеннеди не успѣлъ раскрыть рта.

— Кеннеди общалъ предложить его, если вы не желаете.

— Думаете ли вы, что имѣете право сдѣлать это?— спросилъ Питеръ.

Кеннеди завертѣлся на стулѣ: «Да, конечно, разъ я общалъ?»

— Не разрѣшите ли вы м-ру Кеннеди взять свое обѣщаніе обратно, если

онъ будетъ просить васъ объ этомъ?— обратился Питеръ къ Магирѣ.

— Т.-е. какъ это, м-ръ Стерлингъ? Я думаю, ни вы, ни онъ не должны этого дѣлать.

— Я васъ не о томъ спрашиваю.

Сенаторъ въ свою очередь безпокойно завертѣлся. Ему не хотѣлось сказать «нѣтъ», чтобы не разсердить Питера, и не хотѣлось преступиться только что достигнутымъ преимуществомъ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Конечно, я разрѣшу, но м-ръ Беннеди не такой человекъ, чтобы брать назадъ свои обѣщанія. Такъ дѣлаютъ только женщины.

— Нѣтъ,— сказалъ Беннеди, внезапно выпрямляясь при видѣ лазейки, которую ему открылъ Магиръ между боязнью Питера и нежеланіемъ нарушить обѣщаніе.— Я не ребенокъ и держу свое слово.

Питеръ стоялъ и думалъ дольше, чѣмъ было приятно двумъ друзьямъ. Магиръ свистѣлъ, чтобы показать, что онъ вовсе не стѣсняется, но онъ не сталъ бы свистѣть, если бы ему было все равно.

— Я думаю, м-ръ Беннеди, что выведу васъ изъ затрудненія и самъ предложу м-ра Портера,— сказалъ наконецъ Питеръ.

— Прекрасно!— воскликнулъ Магиръ, а Кеннеди, запустивъ руки въ карманы, произнесъ какой-то текстъ изъ священнаго писанія, неизвѣстный ни одному библиографу.

Очевидно, атмосфера очистилась.

— А ваша рѣчь, м-ръ Стерлингъ?— освѣдомился Магиръ.

— Я скажу то, что найду нужнымъ.

Было что-то въ голосѣ Питера, что заставило сенатора насторожиться.

— Она будетъ въ обычномъ духѣ, конечно?

— Не знаю,— отвѣтилъ Питеръ,— я изложу факты.

— Но какіе факты?

— Я расскажу, почему уполномоченный шестого участка предлагаетъ Портера.

— Почему же?

— Не знаю, зачѣмъ я буду это вамъ

говорить. Вы такъ же хорошо знаете, какъ и я.

— Я знаю много причинъ, почему вы такъ поступаете!

— Нѣтъ,—сказалъ Питеръ,—причина одна, и она возникла въ послѣднія десять минутъ. М-ръ Магиръ если вы наставляете на томъ, почему шестой участокъ полагаетъ голосъ за Портера, шестой участокъ объяснитъ вамъ. Мнѣ очень жаль, потому что лично мнѣ Портеръ симпатиченъ, но шестой участокъ не будетъ помогать въ обманѣ, если я могу помѣшать.

Кеннеди занимался приготовленіемъ грога у своего ночного столика, но грогъ вдругъ потерялъ свой интересъ.

Магиръ вынулъ пальцы изъ-за живота и вѣлъ крайне недовольный видъ.

— Послушайте, м-ръ Стерлингъ,—сказалъ онъ,—гораздо проще поручить это Кеннеди. Вы думаете, что поступаете справедливо, а на самомъ дѣлѣ повредите и намъ, и себѣ. Если вы предложите Портера, городская шайка вамъ этого не проститъ, а если вы скажете не то, что мы хотимъ, мы васъ раздавимъ. Всѣ будутъ противъ васъ.

— Я знаю, что это неизбежно. Поэтому, то я и хочу, чтобы кто-нибудь изъ истинныхъ друзей Портера предложилъ его.

Магиръ засмѣялся довольно принужденнымъ смѣхомъ.

— Я думаю, мы можемъ удовлетворить васъ. Кто-нибудь изъ насъ предложитъ Портера.

— По моему, это лучше. Добрый вечеръ.—Питеръ направился къ двери.

— М-ръ Стерлингъ! — позвалъ его Кеннеди, — не останетесь ли съ нами выпить стаканчикъ грогу?

— Благодарю васъ, — сказалъ Питеръ.—М-ръ Костелль ждетъ меня въ моей комнатѣ, и ему вѣрно уже надоѣло ждать меня.—Питеръ закрылъ дверь и ушелъ.

Оставшіеся молча смотрѣли другъ на друга.

— Проклятый щенокъ ведетъ двойную игру,—проворчалъ Магиръ.

— Не понимаю, что это значитъ?—сказалъ Кеннеди.

— Что значитъ? — закричалъ Магиръ.—Это значитъ только одно: онъ дѣйствуетъ по приказанію Костелля.

— Почему же онъ сказалъ это намъ?

— Чортъ его знаетъ! Слушайте, Кеннеди, вы все-таки должны это сдѣлать!

— Не желаю.

— Потихе, пріятель, вы должны!

— А мои избиратели?

— Вздоръ, мы все обрабатываемъ кельею, какъ вы хотѣли. Вѣдь въ продолженіи шести лѣтъ вы можете плевать на своихъ избирателей.

— Я готовъ пожалуй.

— Вотъ и чудесно!

Они почти цѣлый часъ просидѣли вмѣстѣ, обсуждая планъ кампаніи и потягивая виски. Потомъ Магиръ распростился: «Завтра рано утромъ прочтите рѣчь», проговорилъ онъ на прощанье. Идя по длинному корридору, онъ бормоталъ сквозь зубы: «А теперь, Стерлингъ посмотримъ, чья возьметъ!»

Питеръ нашелъ Костелля въ своей комнатѣ.

— Мнѣ повадилось больше времени, чѣмъ я думалъ, потому что тамъ былъ Магиръ.

— Вотъ какъ!—сказалъ Костелль, подвигаясь, чтобы дать Питеру мѣсто на подоконникѣ.

Питеръ снова закурилъ сигару.

— Магиръ общалъ мнѣ, что Портера предложитъ кто-нибудь изъ его друзей.

— Онъ хотѣлъ подкупить Кеннеди?

— Я не спрашивалъ!

Костелль улыбнулся.

— Я не долженъ былъ спрашивать этого?

— Да,—откровенно отвѣтилъ Питеръ.

Оба вѣсколько времени курили молча.

Потомъ Костелль заговорилъ о Саратогѣ. Онъ рассказалъ Питеру, гдѣ находится источникъ «Конгресса» и что вообще стоить посмотреть. Наконецъ, онъ всталъ и, протягивая руку, сказалъ:

— Мистеръ Стерлингъ, вы были по отношенію къ намъ честны, какъ сталь, также какъ и съ другими людьми. Я не хочу, чтобы вы думали, что мы не цѣнимъ этого. Я думаю, вы сослужили намъ вѣрную службу сегодня, хотя вамъ

лично было бы выгоднѣе поступить иначе. Я увѣренъ, что вы въ концѣ концовъ не будете въ убыткѣ, но теперь я благодарю васъ лично за себя. Спокойной ночи!

Питеръ спалъ спокойно. Онъ очень усталъ, и кромѣ того, не думая о томъ, что будетъ дальше, онъ чувствовалъ, что теперь поступилъ, какъ должно, и потому не терялъ времени на созерцаніе стѣны.

Глава XXIII.

Избирательное собраніе.

Хотя Питеръ легъ позже, чѣмъ предполагалъ, онъ всталъ и успѣлъ обойти всю Саратогу, прежде чѣмъ ея обитатели стали подавать признаки жизни. Онъ закончилъ свою прогулку у источника Конгресса и попробовалъ знаменитую воду, вкусъ которой показался ему отвратительнымъ.

Когда Питеръ поставилъ свой почти полный стаканъ и повернулся, чтобы идти, онъ очутился лицомъ къ лицу съ миссъ Де-Во, собиравшейся пить утреннюю порцію воды.

— Вотъ пріятный сюрпризъ!— сказала она, протягивая руку.—Когда вы пріѣхали?

— Только вчера вечеромъ.

— И долго останетесь здѣсь?

— Не могу вамъ сказать. Я присутствую на избирательномъ собраніи, и мое пребываніе будетъ зависѣть отъ его продолжительности.

— Неужели вы демократъ?— сказала миссъ Де-Во, и выраженіе отвращенія мелькнуло на ея лицѣ, не смотря на свѣтскую выдержку. Въ тѣ дни принадлежность къ этой партіи не считалась, выражаясь мягче, гарантіей порядочности, и миссъ Де-Во не была чужда предразсудковъ своего общества, тѣмъ болѣе, что вовсе не была знакома съ политическою жизнью.

Питеръ отвѣчалъ утвердительно.

— Развѣ это возможно? Если чело-вѣкъ можетъ принадлежать къ лучшимъ, зачѣмъ ему связываться съ худшими?

— Мнѣ кажется,—спокойно отвѣтилъ Питеръ,—что вѣкій Фарисей высказалъ ту же мысль, только другими словами, много сотъ лѣтъ назадъ.

Миссъ Де-Во покраснѣла. Она вдругъ вспомнила о двухъ молодыхъ дѣвушкахъ, пришедшихъ съ нею къ источнику.

Она забыла о нихъ, внезапно увидя Питера, и теперь спрашивала себя, слышали ли онъ его отвѣтъ и знаютъ ли настолько священное писаніе, чтобы понять его упрекъ.

— Я увѣрена, вы не думаете того, что говорите,—сказала она черезъ минуту.

— Мнѣ очень жаль,—отвѣтилъ Питеръ,—если я рѣзко выразился. Я только хотѣлъ сказать, что никто не имѣетъ права выбирать для себя лучшее. Я знаю изъ вашего письма ко мнѣ, что вы считаете, что каждый чело-вѣкъ долженъ помогать тѣмъ, кому хуже живется, чѣмъ ему.

— О, это другое дѣло. Конечно, мы должны помогать тѣмъ, кто требуетъ нашей помощи, но намъ нечего мѣшаться въ ихъ низменную политику.

— Если хорошіе законы и хорошая администрація могутъ дать бѣднымъ хорошую пищу и хорошія жилища, не думаете ли вы, что лучшая благотворительность «вмѣшаться» въ политику и постараться добиться этихъ желанныхъ результатовъ?

— Я хочу познакомить васъ съ моими кузинами,—перебила его миссъ Де-Во.—Дороти, позволь представить тебѣ м-ра Стерлинга. Мои кузины: миссъ Огденъ и миссъ Минна Огденъ.

Питеръ увидѣлъ двухъ прехорошенькихъ дѣвушекъ и поклонился имъ.

— Куда вы направляетесь отсюда?—спросила миссъ Де-Во.

— Я просто гулялъ,—отвѣтилъ Питеръ,—и остановился здѣсь попробовать воду по дорогѣ въ «Соединенные Штаты».

— Хотя тутъ очень близко, но не сядете ли вы съ нами въ экипажъ, и мы завеземъ васъ домой. Или, если у васъ есть время, мы доѣдемъ до вашей дачи, а экипажъ потомъ отвезетъ васъ въ отель.

— Благодарю васъ, сказалъ Питеръ.— Я боюсь стѣснить васъ.

— Нисколько. Мѣста у насъ довольно.

— Интересно видѣть собраніе, м-ръ Стерлингъ?— спросила одна изъ дѣвушекъ, какъ только они сѣли въ экипажъ.

— Не знаю, —это мой первый дебютъ. Дѣлъ много, и делегатовъ они интересуютъ, но я не увѣренъ, что можетъ быть интересъ для постороннихъ.

— Будутъ рѣчи, и крики, и прочее?

— Да, несомнѣнно.

— Бузина Аннеке, возьмите насъ съ собой! Такъ весело будетъ!

— Зрители допускаются, — м-ръ Стерлингъ?

— Я думаю. Я что-то слышалъ про билеты вчера вечеромъ. Если вамъ хочется, я могу достать ихъ для васъ.

— Да, пожалуйста, — просили объ барышни.

— Если вы можете достать билеты, м-ръ Стерлингъ, мы хотѣли бы посмотреть на это невиданное зрѣлище, — сказала миссъ Де-Во.

— Попробую.

— Пришлите отвѣтъ съ Оливеромъ. — Экипажъ подъѣхалъ къ дачѣ, и они простились.

Какъ только Питеръ вернулся въ отель, онъ пошелъ въ канцелярію городскихъ делегатовъ Нью Йорка и повидаль Костелла. Онъ легко досталъ входные билеты и написавъ на карточкѣ: «я слышалъ, что выборы начнутся въ послѣобѣденную сессию, около двухъ часовъ», послалъ ихъ съ кучеромъ. Затѣмъ онъ позавтракалъ съ такимъ аппетитомъ, какого давно не могъ вспомнить.

Утреннее засѣданіе было занято такими формальностями, какъ выборы предсѣдателя, переключка и назначеніе комитетовъ. Настоящій интересъ заключался въ частныхъ политическихъ разговорахъ, завязавшихся во всѣхъ концахъ.

Когда комитеты были составлены, къ Питеру подошелъ незнакомый ему господинъ и назвалъ свою фамилію, которая, какъ зналъ Питеръ, принадлежала одному изъ членовъ руководящей партіи.

— М-ръ Костелль думаетъ, что вы не откажетесь просмотрѣть это и сдѣлать, можетъ быть, поправки, — объяснялъ м-ръ

Талькотъ, владя на конторку Питера рукописи и указывая пальцемъ на нѣкоторые параграфы. Питеръ прочелъ рукописи дважды, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Я думаю, что могу ее исправить, если вы дадите мнѣ на это время. Я очень медлителенъ въ подобныхъ дѣлахъ.

— Прекрасно. Исправьте, какъ можете скорѣе, и пришлите въ залу комитета.

Оставшись одинъ, Питеръ поискалъ глазами, нѣтъ ли пустой стѣны. Не найдя ея, онъ закрылъ лицо руками и старался уединиться отъ волнуемой массы людей вокругъ него. Черезъ нѣкоторое время онъ взялъ листъ бумаги и сталъ писать первый параграфъ политической программы партіи. Въ немъ требовалось отъ правительства изученіе вопроса о сѣстныхъ припасахъ и училищахъ и допущеніе изданія такихъ законовъ, которые могли улучшить его какъ можно скорѣе; «сознавая всю опасность правительственного вмѣшательства, мы ставимъ членовѣческую жизнь выше денежныхъ интересовъ, и здоровье людей выше ежегодныхъ доходовъ, и будемъ до конца примѣнять всю силу закона для защиты ихъ».

Когда программа появилась, въ этомъ параграфѣ оказалось дополненіе, приписывавшее немнѣніе «законодательства, долженствующаго сдѣлать невозможнымъ въ будущемъ недавние жестокие уроки городского управленію», пристрастію правительства къ «денежнымъ классамъ и кабатчикамъ». Этого дополненія не было въ черновикѣ Питера, и оно огорчило его. Тонъ программы былъ честный и сильный, и это всё чувствовали. «Однако, этотъ Стерлингъ бойко владѣетъ перомъ», сказалъ одинъ изъ членовъ комитета, когда программу читали вслухъ. «Онъ знаетъ, чего хочетъ». Тотчасъ же послѣ утренняго перерыва Гринъ подошелъ къ Питеру.

— Мы подсчитали голоса, намъ не удастся провести Котлина. Поэтому мы и выставлять его не будемъ. Что вы думаете о Мильтонѣ?

— Я его лично не знаю, но у него, кажется, хорошая репутація.

— Онъ не то, что намъ нужно, по не въ этомъ дѣло. Мы должны брать то, что можемъ найти.

— Вы считаете, что Портеръ имѣть шансъ на успѣхъ?

— Не будетъ имѣть, если мы выставимъ Милльтона.

— Я не дамъ предпочтенія ни тому, ни другому.

Черезъ часъ собраніе было призвано предсѣдателемъ къ порядку.

Нѣсколькихъ минутъ было достаточно, чтобы покончить прерванный дѣла, но вотъ молотокъ предсѣдателя опустился на столъ, и всѣ сразу почувствовали, что рѣшительный моментъ насталъ.

Къ величайшему удивленію Питера, Кеннеди тотчасъ поднялся и попросилъ слова у предсѣдателя. Но онъ еще больше изумился, когда Кеннеди разразился краснорѣчивыми выхваленіями Портера. Питеръ сидѣлъ рядомъ съ Кеннеди, и хотя даже не пошевелился, но его всегда безстрастное лицо омрачилось. Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Онъ сознавалъ, что послужилъ орудіемъ для обмана другихъ. Его глубоко огорчало, что делегатъ его участка, отчасти по его винѣ, дѣйствовалъ нечестно. Питеръ хотѣлъ, чтобы всѣ поступали справедливо, и чувствовалъ, что Кеннеди дѣйствуетъ не такъ.

Не успѣвъ Кеннеди кончить, какъ Питеръ поднялся, а за нимъ Магиръ. Собраніе громко привѣтствовало Портера и понадобилось довольно продолжительное время, пока оно настолько успокоилось, чтобы можно было заставить выслушать. Въ ожиданіи этого, предсѣдатель наклонился впередъ и заговорилъ съ Гринномъ, который сидѣлъ ниже его. Гринъ въ свою очередь переговорилъ съ Костеллемъ, и маленькая записочка была передана предсѣдателю, который съ этой минуты, казалось, пересталъ видѣть, что Магиръ давно стоитъ передъ нимъ. Когда тишина была наконецъ восстановлена, предсѣдатель, не смотря на то, что Магиръ неоднократно взывалъ къ нему, произнесъ: «М-ръ Стерлингъ!». Питеръ началъ тихимъ голосомъ:

— Г-нъ предсѣдатель! — поднявшись, чтобы поддержать назначеніе м-ра Портера, я считаю лишнимъ восхвалять того, кого мы всѣ хорошо знаемъ, даже

если бы мы и не слышали замѣчательной рѣчи моего уважаемаго коллеги...

Крики: «громче! громче!» прервали Питера, а въ это время Гринъ шепнулъ Костеллю: «насъ обошли!»

— Не думаю, — возразилъ Костелль. Магиръ продолжаетъ стоять и видъ у него сконфуженный. — Разыгрывается что-то такое, къ чему онъ, очевидно, не приготовился.

Когда Питеръ снова заговорилъ, крики: «громче!» замолкли. Его очень затрудняло и волновало вступленіе, потому что Портеръ былъ ему очень симпатиченъ, и онъ боялся, что не сумѣетъ показать этого, но теперь ему приходилось излагать факты, что было для него легко. Голосъ его звучалъ ясно и твердо, когда онъ говорилъ о странномъ способѣ выбора делегатовъ, о настроеніи избирателей, о попыткахъ добиться, чтобы городскіе делегаты предложили Портера, объ обѣщаніяхъ Магира. «Однако, онъ рубить съ плеча!» сказалъ Гринъ. — Какъ только суть его рѣчи стала ясна, приверженцы Портера начали свистѣть и шикать.

Питеръ сразу остановился, но какъ только они замолкли, онъ снова продолжалъ свою рѣчь, и они, послѣ нѣсколькихъ попытокъ помѣшать ему, видя, что не могутъ ни смутить, ни рассердить его, дали ему договорить. Онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

— Я уже высказалъ, насколько я уважаю Портера, и какъ только я рѣшился подать за него голосъ, я не дѣлалъ изъ этого тайны. Но онъ не долженъ былъ быть предложенъ городскимъ делегатомъ, потому что онъ не кандидатъ города Нью-Йорка, и всѣ попытки показать его таковымъ или внушить, что у него тамъ есть поддержка — попытки къ обману. Поэтому, поддерживая его назначеніе, я настоятельно прошу васъ понять, что какъ назначеніе его, такъ и моя поддержка — дѣйствіе личной симпатіи и не имѣютъ ничего общаго съ полномочіями делегатовъ города Нью-Йорка.

Когда Питеръ сѣлъ, раздались крики одобренія и свистки, но ни тѣ, ни другіе не были особенно дружны.

По правдѣ сказать, большинство делегатовъ было въ недоумѣніи относительно того, что хотѣлъ сказать Питеръ? Благоприятна его рѣчь для Портера или нѣтъ? удивлялись они.

— Минстеръ Магиръ,—позвалъ предсѣдатель.

— Г-нъ предсѣдатель! Рѣчь уважаемаго джентльмена, только что занявшаго свое мѣсто, выше всякихъ похвалъ. Никогда въ своей жизни я не слышалъ столь обманчиваго и живаго изложенія. Мы всѣ слышали о Брутѣ, который закололъ своего лучшаго друга; но что мы скажемъ объ этомъ воображаемомъ Брутѣ, который ласкаетъ одною рукой, а другою измѣнически наноситъ ударъ?

Теперь приверженцы Портера уразумѣли смыслъ рѣчи Питера и дружно зашикали.

— И онъ поднимаетъ кинжалъ не только на одного Цезаря,—продолжалъ Магиръ.—Не довольствуясь однимъ подлымъ убійствомъ, онъ обращаетъ его на друзей Цезаря. Съ дьявольскою хитростью онъ обвиняетъ м-ра Кеннеди и меня самого въ попыткѣ ввести въ обманъ нашихъ согражданъ. Я требую, чтобы онъ представилъ доказательства или взялъ свои слова обратно!

Въ собраніи послышался смѣхъ. Питеръ поднялся и сказалъ:

— Г-нъ предсѣдатель, я представилъ правдивый отчетъ о томъ, что произошло вчера вечеромъ въ отелѣ «Соединенные Штаты». Я никого не обвиняю.

— Но онъ оставилъ впечатлѣніе, что м-ръ Кеннеди и я вошли въ сдѣлку!—завопилъ сенаторъ.

— Если вамъ угодно выводить заключение изъ случившагося—я не виноватъ!

Опять послышался смѣхъ.

— Вы настаиваете на этомъ?—злобно кричалъ Магиръ.

— Вы протестуете?—спокойно спросилъ Питеръ.

— Такъ вы значитъ настаиваете?

Опять раздался смѣхъ. Гринъ кричалъ: «Протестуйте!» и этотъ крикъ былъ подхваченъ многими делегатами.

— Да,—визжалъ Магиръ,—я протестую!

Питеръ повернулся къ Кеннеди:

— А вы тоже протестуете?

— Да,—громко закричалъ Кеннеди.

— Если бы я обвинялъ васъ напрасно,—сказалъ Питеръ,—я бы теперь, конечно, извинился.

Все собраніе неудержимо хотело. Магиръ что-то кричалъ, но его не было слышно, хотя можно было угадать смыслъ его словъ по его красному лицу и скатаннымъ кулакомъ.

Костелль снова улыбнулся своей загадочной улыбкой:

— Я очень радъ,—сказалъ онъ своему сосѣду, что намъ не удалось поддѣлать Стерлинга.

Затѣмъ были предложены и поддержаны Мильтонъ, Кэтлинъ и еще четыре свѣтила меньшей величины. Потомъ приступили къ голосованію, которое дало слѣдующіе результаты:

Портеръ	206
Мильтонъ	197
Кэтлинъ	52
Скаттерингъ	29

Вторая баллотировка дала:

Портеръ	206
Мильтонъ	202
Кэтлинъ	54
Скаттерингъ	22

Третья баллотировка:

Портеръ	206
Мильтонъ	210
Кэтлинъ	52
Скаттерингъ	16

«Портеръ пересилить», шептали въ залѣ, хотя никто не былъ увѣренъ въ исходѣ баллотировки. Очевидно, друзья Портера понимали это, и одинъ изъ нихъ предложилъ отложить собраніе. Но это предложеніе было забаллотировано, и подача голосовъ продолжалась.

— Я подаю голосъ за Мильтона,—сказалъ Питеръ Шлергеру, и подсчетъ голосовъ показалъ, что многіе делегаты перемѣнили мнѣніе. Однако четвертая баллотировка показала:

Портеръ	125
Мильтонъ	128
Кэтлинъ	208
Скаттерингъ	19

Среди приверженцевъ Портера поднялось страшное возмущеніе.

— Они побьютъ насъ!—ораль Беннеди,—они подставили Мильтона, чтобы разрознить насъ, а за нимъ скрывался Кэтлинь!

Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Мильтона выставили, чтобы разстроить ряды приверженцевъ Портера, а какъ только они обратились къ Мильтону, большинство городскихъ делегатовъ перешло на сторону Кэтлини, чтобы помѣшать избранію Мильтона.

Среди протестовъ и брани съ обѣихъ сторонъ кончалась новая баллотировка.

Кэтлинь.....256

Портеръ.....118

Мильтонъ.....110

Прежде чѣмъ результатъ ея быть объявленъ, Гринъ нагнулся къ Питеру:

— Не попробуете ли вы предложить выбрать единогласно?—спросилъ онъ.

— Хорошо,

и Питерь сдѣлалъ формальное предложеніе, которое было принято восторженными криками.

Получаса было достаточно, чтобы выбрать помощника губернатора и другихъ должностныхъ лицъ, которыя были назначены заранѣе.

Политическая программа была принята и собраніе закрыто.

— Прекрасно!—сердито сказала Питеру Беннеди.—Заварили кашу! Невозможно, конечно, угодить обѣимъ сторонамъ, но что хорошаго, когда обѣ стороны ругаютъ васъ!

Питерь вышелъ и направился въ свой отель. «Порядочную путавицу я устроилъ,—думалъ онъ,—но я не знаю, что же мнѣ оставалось дѣлать?»

Глава XXIV.

Недоразумѣнія и объясненія.

— Поняли вы, что все это значить, кузина Аннеке?—спросила Дороти, когда онъ спускались съ лѣстницы.

— Нѣтъ, не поняла. Тотъ, который такъ разсердился, кажется думалъ, что м-ръ Стерлингъ...—Она вдругъ замолчала.

Группа мужчинъ стояла на ихъ, пути

и когда она поравнялась съ ними, то услышала, какъ одинъ сказалъ:

— Видѣть, какъ этотъ юноша отдѣлалъ Магира—да это просто откровеніе! Другой разсмѣялся спокойнымъ, глубокимъ смѣхомъ.

— Магиръ можетъ все понять, кромѣ благородства,—сказалъ онъ,—и имъ-то вы всегда можете побить его.

Миссъ Де-Во очень захотѣлось остановиться и послушать, но кругомъ было слишкомъ много мужчинъ. Поэтому дамы сѣли въ экипажъ.

— Все-таки мы поняли, что онъ сказалъ, что хочетъ говорить правду,—продолжала миссъ Де-Во,—а теперь вы слышали, что говорилъ тотъ господинъ? Но я не знаю, почему всѣ смѣялись.

— Онъ, кажется, вовсе не обидѣлся на это.

— Нисколько. Какой у него странный, не то застѣнчивый, не то угрюмый, видъ.

— Онъ не казался застѣнчивымъ, когда заговорилъ, онъ даже былъ очень интересенъ.

— Да,—сказала Дороти,—а вы говорили, что у него простое, не интересное лицо.

— Мнѣ такъ показалось, когда я видѣла его въ первый разъ, Дороти. У него одно изъ тѣхъ лицъ, которыя постоянно мѣняются. Оливеръ, поѣзжайте въ отель «Соединенныхъ Штатовъ». Мы увеземъ его съ собой обѣдать.

— Отлично!—обрадовалась младшая изъ дѣвушекъ.—Пусть онъ самъ намъ расскажетъ, почему всѣ смѣялись.

Когда онъ подъѣхалъ къ отелю, Питерь только что дошелъ до крыльца, и видя, что дамы хотятъ заговорить съ нимъ, онъ подошелъ къ экипажу.

— Мы хотимъ похитить васъ и угостить простымъ деревенскимъ обѣдомъ,—сказала ему миссъ Де-Во.

— Я уѣзжаю въ Нью-Йоркъ съ экспрессомъ, а онъ уходитъ черезъ полчаса.

— Поѣзжайте съ другимъ поѣздомъ.

— Мой билетъ не будетъ дѣйствителенъ.

Будь на мѣстѣ Питера кто-нибудь другой, миссъ Де-Во отвѣтила бы ему рѣзко, но Питеру она просто сказала:

— Возьмите другой билетъ.

— Не хочется мнѣ этого дѣлать.

— О, пожалуйста, м-ръ Стерлингъ,— виѣшлась Мина.— Мнѣ хочется распросить васъ хорошенько о собраніи.

— Тише, Мина,— перебила ее миссъ Де-Во. Она была оскорблена отказомъ Питера и тѣмъ, что ея племянница унизила до просьбы «плебейскаго адвоката и политикана», какъ она мысленно называла его,— но рѣшилась не высказываться этого.

— Намъ очень жаль. До свиданія. Домой, Оливеръ.

Такъ онѣ и не узнали отъ Питера, почему смѣялись въ собраніи.

Разговоръ зашелъ объ этомъ за столомъ, и Дороти спросила мнѣніе нѣкоторыхъ родственниковъ.

— Вѣроятно, онъ състрилъ на чей-нибудь счетъ,— сказалъ одинъ.

— А еще вѣроятноѣ выдалъ махинацію противной стороны,— предполагалъ другой.

— Завтра будетъ въ газетахъ,— добавилъ третій.

Всѣ три дамы на слѣдующій день усердно читали газеты, но репортеры, казалось, были въ такомъ же недоумѣніи, какъ и большинство членовъ собранія.

Трое изъ нихъ смотрѣли на поступокъ Питера глазами Магира и называли его «постыдной измѣной» и т. д. Двое называли «безпринципнымъ и противорѣчивымъ поведеніемъ».

Только одинъ сказалъ, что «М-ръ Стерлингъ, очевидно, поступилъ добросовѣстно, хотя ошибочно».

Ни одна изъ газетъ не была согласна съ другими относительно того, какой результатъ будетъ имѣть инцидентъ. Въ одной утверждали, что онъ убилъ шансы Портера; въ другой, что это было «личное дѣло, не имѣющее вліянія на ходъ выборовъ».

Нѣкоторыя газеты колебались между этими двумя выводами, другія называли инцидентъ «достойнымъ только смѣха». Пресса оппозиціи видѣла въ немъ, конечно, полную несостоятельность демократической партіи и абсолютное доказательство того, что избранный кандидатъ никуда не годится.

Чувствуя, что онѣ не могутъ сами добиться истины, дамы—опять обратились къ помощи мужскихъ членовъ семьи.

— О, сказалъ одинъ изъ нихъ,— Стерлингъ хотѣлъ смошенничать, а его накрыли.

— Я этому не вѣрю,— сказала миссъ Де-Во.

— И я тоже,— подхватила Дороти.

— Ну что-же, если вы считаете своего политикана ангеломъ— ваше дѣло,— засмѣялся допрашиваемый.

— Я не думаю, чтобы тотъ, кто такъ говорилъ о дѣтяхъ, могъ быть негодяемъ,— сказала Дороти.

— И я не думаю,— сказала Минна.

— Вотъ такъ вы, женщины, всегда разсуждаете,— отвѣтилъ одинъ изъ представителей сильнаго пола.— Разъ чловѣкъ ухаживаетъ за большими котятками— онъ святой— даже въ политикѣ! Если ужъ вамъ такъ хочется защищать разныхъ политикановъ, защищайте республиканцовъ. Въ ихъ пользу хоть те говорить, что они джентельмэны.

— Не будьте фарисеемъ, Лисенардъ,— сказала миссъ Де-Во повторяя упрекъ Питера.

— Ну такъ вы и не обращайтесь ко мнѣ за политическими разъясненіями. Въ этой странѣ политика настолько вульгарна, что истинный джентельмэнъ не долженъ пачкаться ею.

Миссъ Де-Во и обѣ дѣвушки замолчали, но миссъ Де-Во позже опять заговорила:

— Хотѣлось-бы мнѣ знать, надъ чѣмъ они смѣялись?

— Спросите его, если онъ сдѣлаетъ вамъ визитъ зимою, кузина Аннеке.

— Нѣтъ, я его позвала разъ, и онъ не пришелъ.— Миссъ Де-Во съ минуту помолчала.— Я больше не буду его звать,— прибавила она.

— Я не думаю, чтобы онъ желалъ быть невѣжливымъ,— сказала Дороти.

— Нѣтъ,— отвѣтила миссъ Де-Во.— Онъ кажется самъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Онъ совершенно не нашего общества, и для насъ обоихъ лучше, чтобы онъ не приходилъ.— Какъ всѣ женщины, миссъ Де-Во забыла уже, что сама называла Питера джентельмэномъ.

Если Питеръ замѣтилъ, что на него обращали вниманіе, когда онъ ѣхалъ въ Саратогу, онъ не могъ не видѣть теперь, что это вниманіе удвоилось. Хотя Питеръ сидѣлъ почти все время одинъ, обдумывая все прошедшее, онъ видѣлъ, какъ на него указывали другъ другу. Но онъ чувствовалъ теперь, что его намѣренія остались непонятными, что на него смотрѣли съ любопытствомъ, но безъ одобренія. Онъ не могъ обольщать себя мыслью, что поступилъ къ лучшему: онъ оскорбилъ Портера и приобрѣлъ двухъ заклятыхъ враговъ въ лицѣ Магира и Кеннеди. Единственное удовольствіе доставляло ему сознаніе, что онъ поступилъ честно.

Конечно, и газетные отзывы не особенно порадовали Питера, хотя онъ обращалъ на нихъ меньше вниманія, чѣмъ даже слѣдовало бы. Онъ послалъ ихъ всѣ,—хорошіе, дурные и равнодушные,—матери и написалъ ей длинное письмо, гдѣ подробно объяснялъ ей, какъ и для чего онъ дѣйствовалъ. Питеръ написалъ такое же длинное письмо и Портеру съ объясненіемъ своего поведенія. Портеру уже успѣли донести, что вся отвѣтственность за его пораженіе падаетъ на Питера, но, прочитавъ его письмо, онъ прислалъ Питеру крайне любезный отвѣтъ, въ которомъ благодарилъ за поддержку. «Не всегда бываетъ легко въ политикѣ дѣлать то, что хочешь»,—писалъ онъ,—«но если стараешься, имѣя въ виду высшія мотивы, высшіе интересы,—даже пораженіе теряетъ свою горечь. Мнѣ не удастся помочь вамъ въ желаемыхъ вами реформахъ настолько, насколько я надѣялся, но я и теперь имѣю нѣкоторую политическую силу, и если только вамъ понадобится моя помощь—не медлите обратиться ко мнѣ. Я всегда буду радъ видѣть васъ въ своемъ домѣ къ обѣду или вечеромъ, придетъ ли вы по серьезному дѣлу или просто поболтать».

Питеръ нашелъ, что въ средѣ его избирателей произошелъ расколъ, вызванный его поведеніемъ и поведеніемъ Кеннеди въ собраніи. Онъ не отвѣчалъ сразу на всѣ порицанія и критики, искусно возбужденныя Кеннеди, но въ слѣдующіе

дни зашелъ въ полъ-дюжину «салонновъ» и рассказалъ «ребятамъ» правдивую исторію закулисной стороны случившагося.

— Боюсь, что я надѣлалъ промаховъ,—откровенно сознавался онъ,—но я и теперь не вижу, какъ мнѣ было поступить иначе. Я, конечно, былъ увѣренъ, что поступаю по чести.

— Да вы такъ и поступили,—кричалъ Деннисъ.—А если это грязное животное, Кеннеди, осмѣлится сунуть въ мою дверь свою северную рожу, я ему ее славно отдѣлаю, будетъ доволенъ! Пусть только попробуетъ обдѣлывать у насъ свои грязныя дѣлшки!

— Не слыхалъ я, чтобы онъ занимался подобными дѣлами,—попробовалъ вступиться Питеръ.

— Да мы то слыхали,—заоралъ одинъ изъ присутствующихъ. Онъ всегда ловить рыбу въ мутной водѣ.

— Да,—подтвердилъ Деннисъ. Кеннеди только о своей выгодѣ думаетъ; вотъ пусть теперь попробуетъ одинъ справиться, какъ мы отъ него отступимся.

Откуда ввязалось подобное мнѣніе—трудно было бы прослѣдить, но только недѣлю спустя весь участокъ былъ глубоко увѣренъ, что «Кеннеди подавалъ голосъ за себя, а Стерлингъ за насъ».

«Кварталь» былъ крайне гордъ только что приобретенной извѣстностью. Газеты не только отмѣтили Питера и его исключительное поведеніе на собраніи, но они интересовались также тѣмъ, какъ будутъ теперь держать себя его избиратели. «Поддержатъ ли они Кэтлина?» «Правда ли, что въ участкѣ расколъ, и тамъ собираются выставлять новыхъ кандидатовъ?» «Неужели часть избирателей вошла въ соглашеніе съ республиканцами?»

— Къ-Богу,—философствовалъ Деннисъ,—кажется, наши вожаки и газеты, наконецъ, вспомнили, что есть шестой участокъ, и все это благодаря м-ру Стерлингу.

Главные предводители партіи еще оставались въ Саратогѣ, но недѣли не прошло, какъ Бостелль пріѣхалъ къ Питеру.

— Газетчики васъ сильно продер-

нуля,—добродушно сказалъ онъ, — но они ничего не понимаютъ. Мы нашли, что вы вели себя молодцомъ.

— Мнѣ говорили, что я повредилъ Нортеру.

— Вздоръ. Ему повредилъ Магиръ, а вы объ этомъ сказали, поэтому обвиняютъ васъ.

— Мои довѣрители на моей сторонѣ.

— А какого они мнѣнія о Кэтлинѣ?

— Я думаю, они вполне довольны. Боюсь, что имъ было все равно, кого бы ни выбрали.

— Я слышалъ, что Кеннеди ворчитъ и замышляетъ что-то?

— Онъ злѣе на Кэтлина и на меня.

— Что же, если вы найдете полезнымъ, мы можемъ обуздать его. Только Галлагеръ думаетъ, что онъ едва ли опасенъ.

— Врядъ ли у него много приверженцевъ. Даже Маріерти, который считался главнымъ его козыремъ, отступился отъ него.

— Не скажете ли вы вашимъ избирателямъ двѣ или три рѣчи въ нашу пользу?

— Если вы сообщите мнѣ, чего вы именно хотите.

— Можете ли вы поддержать насъ?

— Полагаю, что могу.

— Мы предоставимъ вамъ свободу дѣйствій. Избѣгайте только слишкомъ длинныхъ отчетовъ. Время и мѣсто будутъ вамъ сообщены комитетомъ, какъ только будутъ назначены. Мы платимъ 25 долларовъ за вечеръ. Если вамъ удастся найти вѣрный тонъ, вы намъ можете пригодиться и въ другихъ случаяхъ.

— Мнѣ будетъ приятно говорить. Я уже пробовалъ свои силы въ «салонахъ», только передъ небольшимъ кружкомъ слушателей.

— Мнѣ говорили объ этомъ. Вамъ врядъ ли удастся найти болѣе благоприятную аудиторію. Посѣтители «салонъ» слушаютъ куда внимательнѣе, чѣмъ члены большихъ митинговъ.

Костелль поднялся съ мѣста:

— Если вы не заняты въ будущее воскресенье, пріѣзжайте ко мнѣ въ Вестчестеръ въ два часа, мы вмѣстѣ

пообщаемъ. Мы не будемъ говорить о политикѣ; я васъ познакомлю съ моей женой, покажу вамъ мою конюшню, а потомъ отвезу васъ самъ въ городъ на своей сѣрой лошади, которая можетъ обогнать все, что ей попадется по дорогѣ.

Такимъ образомъ Питеръ провелъ полъ-дня за городомъ и очень веселился. Онъ осматривалъ цвѣтники миссисъ Костелль, которымъ она посвящала почти все свое время и болталъ съ нею о цвѣтахъ.

Онъ видѣлъ чудесныя конюшни и ихъ не менѣе чудесныхъ обитателей. Супруги Костелль очень нравились Питеру. Оба были простые, довольно молчаливые люди, не особенно образованные, но ему казалось, что ихъ окружаетъ особая атмосфера довольства и уютности. Когда, уѣзжая, Питеръ сѣлся въ легкой шарабанъ, онъ сказалъ миссисъ Костелль:

— Я постараюсь выписать отъ моей матери сѣмянъ пестрыхъ левковокъ какъ можно скорѣе. Можетъ быть, вы разрѣшите мнѣ лично привезти ихъ?

— Пожалуйста, — отвѣтила она. — Пріѣзжайте къ намъ опять, съ сѣменами или безъ нихъ.

Когда они немного отъѣхали, Костелль сказалъ:

— Мнѣ очень приятно, что вы спросили это. Жена не доллюбливаетъ моихъ политическихъ друзей, а вы ей сразу понравились, я замѣтилъ.

На слѣдующей недѣлѣ Питеръ дважды говорилъ въ небольшомъ залѣ въ своемъ участкѣ. Аудиторія была къ нему расположена, и онъ говорилъ хорошо, хотя просто.

— Въ его рѣчи нѣтъ фейерверка, — говорилъ мѣстный сатирикъ. — Онъ не потрясаетъ американскимъ флагомъ, не упоминаетъ о свободѣ и равенствѣ, онъ даже не называетъ насъ «благородными согражданами». Онъ говоритъ, точно думать, что онъ въ «салонѣ». Парень, сочинившій рѣчь о младенцахъ, долженъ былъ бы обращаться съ нами потрогательнѣе.

Такъ думали и многіе изъ избирателей, но они все-таки приходили, и имъ было любопытно видѣть, не разразится

ли онъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Они чувствовали, что Питеръ обладает неограниченной силой краснорѣчія (они считали краснорѣчіемъ способность разтрогать слушателей), и бережетъ свои силы. Не будучи хорошо знакомы съ предметомъ они находили, что то, что онъ говоритъ, интересно.

Онъ облакалъ всё вопросы въ самыя элементарныя формы, умѣлъ показать, какой пользы можно ожидать отъ каждаго параграфа политической программы не для государства, а собственно для ихъ участка.

— Онъ очень полезенъ, — говорили вождямъ партіи. — Если бы онъ немножко больше бранилъ противную сторону, да сдумѣлъ бы пустить маленькій фейерверкъ, онъ былъ бы просто великъ.

Питера стали приглашать говорить въ разныхъ частяхъ города.

Онъ работалъ при составленіи списковъ избирателей и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что ему удалось разстроить нѣкоторыя изъ махинацій Беннеди. Его участокъ составилъ въ подавляющемъ числѣ изъ демократовъ, и честь этого приписывали Питеру и Деннису. Катлингъ былъ утвержденъ и сраженіе выиграно. Теперь Питеръ почувствовалъ, что его трехмѣсячные труды не пропали даромъ. Его рѣчи принесли ему 250 долларовъ, которые онъ положилъ въ сберегательную кассу на свое имя, и сто долларовъ, кромѣ того, присоединялъ къ запасному капиталу.

Питеръ поѣхалъ на рождественскіе праздники къ матери и нашелъ, что его посѣщенія «салоновъ» очень ее беспокоятъ.

— Ты уже сдѣлалъ первый шагъ къ несчастью, Питеръ, — выговаривала ему мать.

— Но, мама, я вѣдь захожу туда только, чтобы поговорить; я ничего не нюю.

— Когда-нибудь ты дойдешь и до этого. Пути дьявола всегда начинаются прямо, мой мальчикъ, и все-таки ведутъ къ погибели. Обѣщай мнѣ, что ты больше не пойдешь въ «салонъ».

— Не могу, мама. Я стараюсь помочь людямъ, и ты не должна просить меня

перестать дѣлать то, что можетъ принести пользу ближнимъ.

— О мой мальчикъ, мой мальчикъ! — всхлипывала мать.

— Если бы ты могла понять мои поступки, какъ я самъ понимаю, ты не видѣла бы въ нихъ ничего дурного. У васъ «салонъ» — это убѣжище лѣнтяевъ и негодяевъ, въ Нью-Йоркѣ совсѣмъ другое. Тамъ — это клубъ для бѣдныхъ людей. Если бы ты могла сравнить темные, холодные и сырые углы, въ которыхъ они ютятся, и свѣтлые, теплые, веселые «салоны», куда каждый имѣетъ доступъ, ты поняла бы, что не водка притягиваетъ ихъ туда. Я желалъ бы, чтобы открыли «салоны» и для женщинъ. Большинство посѣтителей крайне умѣренны и довольствуются однимъ — двумя стаканами пива или виски, только чтобы заплатить за гостепріимство. Притягиваетъ посѣтителей главнымъ образомъ общество, возможность поговорить, прочесть газеты. Конечно случается иногда, что кто-нибудь и напѣется, но это бываетъ обыкновенно не постоянный посѣтитель, да такіе случаи были бы значительно рѣже, если бы слишкомъ высокой налогъ на спиртъ не побуждалъ недобросовѣстныхъ кабатчиковъ фальсифицировать виски всякими снадобьями, одурманивающими потребителей. Большинство посѣтителей или слишкомъ порядочные люди, или слишкомъ бѣдны, чтобы позволить себя напивать до пьяна.

— Питеръ, Питеръ! Когда я подумаю, что три года въ Нью-Йоркѣ довели тебя, до такихъ мыслей! Я знала, что Нью-Йоркъ — гнѣздо беззаконія, но думала, что ты слишкомъ хорошій мальчикъ и не поддашься искушенію.

— Право, мама, Нью-Йоркъ даже лучше многихъ другихъ городовъ. У васъ здѣсь, когда работы на фабрикахъ кончатся, у рабочихъ нѣтъ другого развлеченія, кромѣ порока. Но въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Нью-Йоркъ, существуютъ тысячи развлеченій, принаровленныхъ къ вечернимъ часамъ. Выставки, концерты, театры, читальни, лекціи — все способствуетъ тому чтобы отвлечь рабочаго отъ разгула и приохотить къ прекрасному. Поэтому порокъ тамъ прячется, не то, что здѣсь.

Въ Нью-Йоркѣ ты должна искать его, а въ такихъ маленькихъ городишкахъ онъ гонится за тобою и соблазняетъ тебя.

— Что ты, Питеръ! Здѣсь, гдѣ для всѣхъ найдется мѣсто въ церкви по воскресеньямъ, тогда какъ я слышала, что въ Нью-Йоркѣ въ церквахъ не хватаетъ мѣсть даже для четверти населенія! Еще на прошлой недѣлѣ одинъ миссіонеръ говорилъ, что мы должны помочь собирать деньги на постройку церквей въ Нью-Йоркѣ. Подумай только, вѣдь тамъ на одну церковь приходится десять кабаковъ! И сынъ мой проводить въ нихъ свои вечера и защищаетъ ихъ!

— Мнѣ жаль, что это тебя такъ волнуетъ. Если бы я чувствовалъ, что имѣю право перестать посѣщать «самоны», я сдѣлалъ бы это для тебя.

— Ты никогда не пилъ, Питеръ?

— Нѣтъ, мама, никогда!

— Общай мнѣ, что напишешь мнѣ, если станешь пить.

— Я общаю тебѣ, мама, что никогда не стану пить.

— Благодарю тебя, мой мальчикъ.— Но мать все-таки не могла успокоиться и попросила своего пастора поговорить съ Питеромъ.

Пастора было легче убѣдить, и, послѣ разговора съ Питеромъ, онъ сказалъ миссисъ Стерлингъ:

— Мнѣ кажется, вашъ сынъ не дѣлаетъ ничего дурного и даже можетъ сдѣлать много добра. Дайте ему поступать, какъ онъ находитъ лучшимъ.

Глава XXV.

Вечерній визитъ.

Однажды днемъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, Питеръ зашелъ къ одному извѣстному торговцу картинами, посмотрѣть художественную выставку, о которой было объявлено въ газетахъ. Онъ почти уже кончилъ добросовѣстный осмотръ картинъ, доставлявшій ему всегда столько же умственного труда, сколько художественнаго наслажденія, какъ вдругъ услышалъ любезное:

— Какъ поживаете, м-ръ Стерлингъ? Повернувшись, Питеръ увидѣлъ передъ

собою миссъ Де-Во въ сопровожденіи элегантно одѣтаго господина. Лицо Питера сразу такъ оживилось, что миссъ Де-Во подумала: «отчего же онъ не хотѣлъ взять другого билета?» Впрочемъ, она это только подумала, а вслухъ сказала:

— Позвольте познакомить васъ съ моимъ двоюроднымъ братомъ. М-ръ Огденъ, м-ръ Стерлингъ.

— Очень приятно,—любезно сказалъ м-ръ Огденъ. Питеръ молча поклонился.

— Я не знала, что вы любите картины,—сказала миссъ Де-Во.

— Я бываю на всѣхъ выставкахъ,—сказалъ Питеръ,—и стараюсь полюбить ихъ.

Миссъ Де-Во удивилась.

— Не стойте,—замѣтилъ Огденъ,—я пробовалъ прежде, когда начиналъ. Гораздо легче слушать, что говорятъ о нихъ женщины, и въ данный моментъ отвѣчать «да» или «нѣтъ».

Теперь настала очередь Питера удивляться.

— Что за вздоръ, Лиспенардъ,—отозвалась миссъ Де-Во.—Вѣдь онъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ искусства, м-ръ Стерлингъ.

— Ну вотъ,—сказалъ Огденъ.—Вы видите сами. Нужно только соглашаться съ мнѣніями женщины, и она будетъ убѣждена, что вы все знаете.

— Я думаю, вы уже осмотрѣли всѣ картины и не захотите еще разъ обойти ихъ съ нами?—спросила миссъ Де-Во.

— Я видѣлъ ихъ, но съ удовольствіемъ посмотрю ихъ еще разъ съ вами,—сказалъ Питеръ и прибавилъ:—если я вамъ не помѣшаю.

— Нисколько,—добродушно замѣтилъ Огденъ.—Кузинѣ необходимо слушатель. Вы сдѣлаете доброе дѣло съ язычку и моимъ ушамъ.

Миссъ Де-Во весело улыбнулась, а про себя подумала:

«Почему же онъ не хотѣлъ взять другого билета?»

Питера очень удивило, какъ онъ смотрѣлъ картины: они проходили мимо дѣлаго десятка, оглядывая ихъ мелькомъ, потомъ останавливались около какой-нибудь одной, и четверть часа

разсуждали объ ней. Питеръ нашелъ, что миссъ Де-Во не преувеличивала знанія искусства своего двоюроднаго брата.

Онъ говорилъ толково и блестяще, хотя и подсмѣивался постоянно надъ своими собственными сужденіями и осыпалъ насмѣшками недостатки картинъ.

Миссъ Де-Во тоже умѣла говорить, и Питеръ слушалъ обоихъ съ интересомъ. Ему доставило большое удовольствіе, когда они оба позвалили одну изъ картинъ.

— Эта картина мнѣ тоже очень понравилась, — сказалъ онъ. — Мнѣ кажется, она лучше всѣхъ другихъ.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ Огденъ. — Въ ней много поэзіи и настроенія.

Миссъ Де-Во замѣтила:

— Я не думала, что она могла вамъ понравиться.

— Вотъ это чисто по-женски! — сказалъ Огденъ. — Женщины всегда рѣшаютъ, что должно нравиться мужчинамъ.

— Совсе нѣтъ, — оправдывалась миссъ Де-Во. — Я думала, что вы любите дѣтей и предпочтете одинъ изъ жанровъ Броуна этой пустынной мрачной дюнѣ.

— Не сумѣю вамъ сказать, почему она мнѣ нравится, но чувствую, что она отвѣчаетъ моему настроенію.

— Вы очень одиноки? — спросила миссъ Де-Во такъ тихо, что Огденъ не могъ слышать ея словъ.

— Иногда, — просто отвѣтилъ Питеръ.

— Я хотѣла бы, — продолжала по-прежнему въ полголоса миссъ Де-Во, — чтобы вы пришли ко мнѣ, когда вамъ будетъ слишкомъ тоскливо.

— Хорошо, я приду, — отвѣтилъ Питеръ.

Когда они прощались у выхода, Питеръ поблагодарилъ Огдена.

— Я многому научился, благодаря миссъ Де-Во и вамъ, я смотрѣлъ на картины глазами, которые гораздо опытнѣе, чѣмъ мои, — сказалъ онъ.

— Очень радъ. Мы можемъ еще въ другой разъ походить по выставкамъ. Вы знаете, мы всегда въ погонѣ за слушателями.

— Если вы зайдете ко мнѣ, м-ръ «миръ вои́нъ», № 3, мартъ. отд. III.

Стерлингъ, — прибавила миссъ Де-Во, — вы увидите мои картины. До свиданія.

— Такъ вотъ каковъ вашъ демократическій боецъ! — сказала м-ръ Огденъ, глядя въ окно кареты во слѣдъ удалявшемуся Питеру.

— Не смѣйте его такъ называть, Ласпенардъ, — сказала нахмурившись миссъ Де-Во.

Огденъ засмѣялся и откинулся поудобнѣе въ экипажѣ.

— Ну такъ это, значить, вашъ покровитель больныхъ котятъ?

Но миссъ Де-Во ничего не отвѣчала. Она думала о песчаной дюнѣ при скучномъ, зимнемъ свѣтѣ.

Прошла недѣля. Погода стояла ужасная. Холодный вѣтеръ гналъ по улицамъ тучи мокраго снѣга пополамъ съ дождемъ, люди и лошади съ трудомъ пробирались по мостовой.

Питеръ цѣлый день просидѣлъ дома, опять занимаясь изученіемъ стѣны передъ глазами. Онъ даже не пошелъ обѣдать, чтобы только не выходить на улицу, и унылыя завыванія вѣтра, и голодный желудокъ нагнали на него глубокую тоску. Обыкновенно онъ храбро боролся съ приступами подобной тоски, но сегодня онъ чувствовалъ себя чрезвычайно усталымъ для этого, и рѣшилъ лучше сразиться съ восточнымъ вѣтромъ и мятежью, чѣмъ со своимъ настроеніемъ. Онъ переодѣлся и пошелъ по опустѣлымъ улицамъ на вторую Авеню.

Миссъ Де-Во была дома, но «еще кушала».

Питеръ смутился, не зная, какъ ему теперь слѣдуетъ поступить. Лакей, вспомнившій его лицо, предложилъ ему подождать, и Питеръ съ радостью ухватился за это предложеніе.

Но ему не пришлось ждать: лакей сейчасъ же вернулся и доложилъ, что миссъ Де-Во проситъ въ столовую.

— Я попросила васъ прямо сюда, думая, что, придя въ такую ужасную погоду, вы, вѣрно, не откажетесь отъ чашки кофе, — сказала ему хозяйка. — Ъ столу вамъ не стоитъ усаживаться. Морденъ, подвиньте кресло къ камину.

Такимъ образомъ Питеръ очутился у пылающаго камина передъ чашкой кофе,

для человѣка промысловыхъ рыбъ. Въ смыслѣ богатства рыбами, нѣтъ, повидимому, другого пункта на юго-западномъ побережьи Африки, который могъ бы сравняться съ этимъ заливомъ; есть основаніе предпо- лагать, что, подобно бухтамъ Нѣмецкаго моря, этотъ заливъ является излюбленнымъ мѣстомъ для икромѣтанія, куда важнѣйшія промысловыя рыбы отправляются, — по нашимъ наблюденіямъ, во второй половинѣ октября — для выполненія этой важной въ ихъ жизни функціи. Вечеромъ мы увидѣли положительно феерическую картину: поверхность воды свѣ- тилась, и то тамъ, то здѣсь появлялись, какъ мелькающія ракеты, сотни внезапно яркозагорающихся полосъ, которыя столь же быстро угасали. Это были крупныя рыбы, прорѣзавшія во множествѣ воду и вызывав- шія свѣченіе скопившихся въ верхнихъ слояхъ микроскопическихъ ди- атомовыхъ водорослей и инфузорій. Мы опустили къ морской поверх- ности наши большія электрическія лампы и видѣли, какъ, привлекаемые ихъ свѣтомъ, собирались къ нимъ не только рыбы, но и сотни кольча- тыхъ червей (*Heteroneries*) и мириады другихъ низшихъ организмовъ. Наши рыбаки добыли свои длинныя удочки и въ короткій срокъ на- таскали изрядное количество крупныхъ рыбъ, называемыхъ камбад- ской трескою (*Sciaena aquila*). Вскорѣ вся наша команда занялась этимъ дѣломъ, удочки выбрасывались одна за другою и нерѣдко съ большимъ трудомъ приходилось вытаскивать огромныхъ рыбъ вѣсомъ въ среднемъ въ 15 килограммовъ, — онѣ съ силою хлестали хвостомъ по бортамъ и нерѣдко обрывали лесу. И на слѣдующую ночь рыболовный пылъ и надежда получить вкусную пищу не оставляли въ покоѣ на- шихъ матросовъ. Къ утру добыча оказалась очень богатой, — мы по- лучили около 150 превосходныхъ экземпляровъ этой рыбы, причеиъ одинъ экземпляръ вѣсилъ 30 килограммовъ.

Исслѣдованіе желудковъ рыбы показало, что она питается южной сельдью, которая служитъ пищею также и другой очень вкусной рыбѣ — красивому розовому *Dentex rupestris*, — этотъ послѣдній видъ держится ближе къ морскому дну.

Оригинальное зрѣлище представилось намъ утромъ 12-го октября: вблизи нашего судна мы увидѣли огромныя стаи морскихъ птицъ, ко- торыя съ одушевленіемъ преслѣдовали широкую полосу, двигающуюся въ водѣ, — это послужило намъ указаніемъ, что вдоль берега, должно быть, движется стая какой-то рыбы. Тотчасъ же оба наши рыбака вооружились петерсоновскимъ трапомъ и съѣхали на берегъ, чтобы тя- нуть его оттуда. Уловъ состоялъ почти исключительно изъ сельди, и наловили ее столько, что наша большая лодка не могла выѣстить всего пойманнаго количества. Этотъ видъ сельди (*Clupea ocellata*) походитъ по величинѣ и окраскѣ очень близко на своего сѣвернаго родича: но вкусу врядъ ли хуже его. Наша команда тотчасъ же занялась засо- ломъ добычи, укупоркой ея и всякими другими приготовленіями, имѣв- шими въ виду внести въкоторое разнообразіе въ наше обѣденное меню.

Уже эти примѣры достаточно показываютъ, какимъ удивительнымъ рыбнымъ богатствомъ обладаетъ заливъ; должно еще упомянуть, что, кромѣ названныхъ рыбъ, мы добыли не мало камбалъ, макрелей и тригль. Очень обыкновенна въ заливѣ, повидимому, также небольшая колючая акула (*Acanthias*) — мы выловили ихъ множество при помощи нашихъ вен- терей и удочекъ. За сельдями идутъ, повидимому, киты, принадлежащіе, по всей вѣроятности, къ роду *Balaenoptera*, — мы видѣли трехъ китовъ внутри бухты. Вполнѣ понятно, что такія огромныя стаи рыбъ тре-

буить для своего существованія соответственнаго количества питательныхъ веществъ, и; дѣйствительно, количественное опредѣленіе планктона, произведенное въ срединѣ залива частыми планктонными сѣтями, показало, что здѣсь находится такая масса растительныхъ организмовъ, какая до сихъ поръ наблюдалась лишь въ бухтахъ Вальтійскаго моря, во время такъ называемаго цвѣтенья ихъ. Въ составъ планктона здѣсь входятъ нитчатые водоросли, діатомовыя и бакиллари. Эта основная растительная нища даетъ возможность существовать мириадамъ мелкихъ плавающихъ рачковъ, червей и моллюсковъ. Въ свою очередь, животныя эти становятся жертвою болѣе крупныхъ существъ и перерабатываются отчасти во вкусное мясо рыбъ. На днѣ Большаго Рыбнаго залива также во многихъ мѣстахъ удивительно развивается жизнь, — разрастаются красивые полипы (*Veretillum*), образующіе нѣчто вродѣ цвѣточныхъ клумбъ на большомъ протяженіи, къ нимъ присоединяются безчисленныя морскія звѣзды, моллюски, раки, трубчатые черви въ такомъ невѣроятномъ множествѣ, что нерѣдко наши сѣти набивались ими биткомъ. Гибъ не менѣе, повидимому, во всѣ органическія вещества, осаждающіяся здѣсь, окончательно поглощаются животными, — въ глубинѣ бухты, гдѣ придонная фауна была развита очень слабо, илѣ обладаѣ сквернымъ запахомъ разлагающихся органическихъ веществъ; нашъ пароходный винтъ поднималъ илѣ со дна и, къ нашему большому неудовольствію, воздухъ заражался отвратительнымъ запахомъ.

Богатство рыбою, моллюсками и ракообразными ведетъ здѣсь къ роскошному развитію жизни пернатыхъ. Стая разнообразныхъ плавающихъ и голенастыхъ птицъ оживляютъ окружающій пустынный ландшафтъ и представляютъ взорамъ наблюдателя зрѣлище, которое никогда не изглаживается изъ памяти. Въ воздухѣ кружатся сотни и тысячи глупышней (*Sula capensis*), которые бросаются стрѣлою съ высоты 15—20 метровъ въ морскія волны и черезъ нѣсколько секундъ появляются снова на поверхности съ добычей въ своемъ клювѣ. Къ нимъ присоединяются буревѣстники (*Puffinus*), черныя *Majaqueus aequinoctialis* и граціозныя крачки (*Sterna*), тогда какъ различныя чайки избираютъ райономъ своей охоты полосу прибоя съ наружной стороны Тигроваго полуострова. На выдающихся мыскахъ сидятъ длинными черными вереницами бакланы, на дюнахъ разгуливаютъ, мало обращая на насъ вниманія, стайки бѣгуновъ и морскихъ куликовъ. Совершенно своеобразный отпечатокъ придаютъ фаунѣ фламинго со своимъ трехцвѣтнымъ чернымъ, бѣлымъ и краснымъ опереніемъ, они то занимаютъ лоней, стоя въ водѣ длинными рядами, то взлетаютъ стаями въ нѣсколько сотъ штукъ. Интересно наблюдать съ палубы въ подзорную трубу за движеніями этихъ величественно падающихъ по берегу птицъ: можно подумать, что присутствуешь при военныхъ упражненіяхъ, — все стадо движется одновременно и то, какъ бы по командѣ, дѣлаетъ полуоборотъ направо и идетъ нѣсколько минутъ по прямой линіи въ этомъ направленіи, то, опять выдерживая равненіе, дѣлаетъ поворотъ налѣво, или же разбивается на отдѣльные ряды и направляется къ морю.

Для орнитолога, быть можетъ, наиболѣе интереснымъ фактомъ будетъ то обстоятельство, что въ Большомъ Рыбномъ заливѣ были встрѣчены нами пингвины, — намъ первымъ пришлось констатировать заходженіе ихъ въ тропическій поясъ западно-африканской области. Къ сожалѣнію, намъ удалось наблюдать лишь молодыхъ птицъ одно-

образнаго сѣраго цвѣта, съ темной головой и живыми блестящими черными глазами, — онѣ появлялись, выныривая изъ воды довольно близко отъ нашего судна, но подстрѣлить ихъ все же было очень трудно, и большое счастье еще, что намъ удалось достать, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ экземпляръ, который проф. Рейхеновъ призналъ за птенца пингвина, гнѣздящагося на мысѣ Доброй Надежды.

Въ окрестностяхъ Рыбнаго залива совершенно нѣтъ прѣсной воды. Ни одинъ ручеекъ не впадаетъ въ заливъ, и этимъ объясняется, что содержаніе соли въ заливѣ до самаго конца его остается не ниже содержанія соли въ океанѣ. Температура воды на поверхности была 15,5—16,5°, на глубинѣ 20 метровъ (средней глубинѣ залива)—14,1°. Невормально низкія температуры для этой тропической области объясняются тѣмъ, что температура поверхности морской воды обыкновенно равняется температурѣ воздуха, мы же опускали даже и безъ термометра, что довольно прохладно, и это ясно указывало на то, что мы вступили въ область холоднаго Бенгуальскаго теченія, которое тянется вдоль юго-западнаго берега Африки, причемъ вліаніе его сказывается даже вблизи экватора. Благодаря богатству планктона, вода была относительно непрозрачна, черновато-зеленаго цвѣта, — даже еще въ 100 миляхъ отъ берега сказывалась та же окраска и лишь далѣе она переходила въ обыкновенный голубой цвѣтъ океана.

Уже подходя къ Тигровому полуострову, замѣчается нѣсколько небольшихъ, но прочно построенныхъ домиковъ съ изгородями и бѣдными негритянскими хижинками около нихъ. Холмы дювъ защищаютъ ихъ отъ господствующаго юго-восточнаго пассата. Жизнь, которую ведетъ здѣсь немногочисленное населеніе съ нѣсколькими португальскими чиновниками, поистинѣ, жалкая и мало завидная. Всѣ жмутся исключительно доходами съ рыболовства — рыбныя богатства кажутся немисчерпаемыми. Рыба для вывоза готовится самымъ примитивнымъ образомъ: негритянки племени ангола въ кофтахъ изъ овчины, защищающихъ ихъ отъ свѣжаго вѣтра, отрубаютъ топоромъ голову рыби, сбрасываютъ внутренности въ куну, расширяющую отвратительный запахъ и обильную ширядами мухъ, и раскладываютъ разрезанные куски рыбьяго мяса на длинныхъ подставкахъ для сушки. Сушатся исключительно *Sciaema* и *Dentax*, для употребленія сельдей и макрелей мы не видѣли никакихъ приспособленій. Сушеная рыба отправляется въ Моссамедесъ и оттуда, главнымъ образомъ, на португальскіе острова — Принцесы и о. св. Томы. 800 жителей, состоящихъ на одну треть изъ португальскихъ рыбаковъ и на двѣ трети изъ негровъ-ангола, получаютъ изъ Моссамедесъ прѣсную воду и животноныя припасы. Вода для питья здѣсь совершенно отсутствуетъ, и правительство, обратившее этимъ обстоятельствомъ, поставило въ рыбацкой деревнѣ на Тигровомъ полуостровѣ перегонный аппаратъ для очищенія морской воды. На свойства воды, привозимой изъ Моссамедеса жители сильно жалуются, говоря, что верѣдка отъ нея заболѣваютъ дизентеріей. Каждый здѣсь услодія существованія при португальскомъ способѣ хозяйничанья, показываетъ, присланное намъ отъ одного изъ находящихся на полуостровѣ духовныхъ лицъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Прошу васъ о большомъ одолженіи, — уступите или продайте мнѣ бочку прѣсной воды, въ виду того обстоятельства, что перегонный аппаратъ, устроенный правительствомъ, не дѣйствуетъ и не доставляетъ населенію воды».

Можно представить себѣ, какія муки жажды приходится здѣсь претерпѣвать иногда населенію, состоящему изъ 300 душъ. Само собою разумѣется, что мы охотно исполнили просьбу и снабдили ихъ перенесенной водою и еще другими различными лакомствами. При постоянномъ питаніи одною рыбою развивается, повидимому, неудержимое стремленіе къ птицѣ другого рода. Носильщики наши набрасывались съ жадностью на полустывшее мясо, которое мы собирались положить въ видѣ приманки въ ловушки для рыбъ и съ еще большей жадностью поѣдали предложенный имъ хлѣбъ. Отъ Тигроваго залива до Купене всего лишь одинъ день пути по легко проходимому скалистому плато, и трудно понять, почему до сихъ поръ не сдѣланы опыты снабжать этия путемъ населеніе залива всѣмъ, что для него наиболѣе необходимо.

Со времени нашего посѣщенія Большаго Рыбнаго залива, положеніе вещей на Тигровомъ полуостровѣ круто измѣнилось съ той поразительной быстротою, съ какою нерѣдко въ южной Африкѣ происходятъ замѣчательныя превращенія. Тамъ, гдѣ фламинго, бакланы и стаи другихъ плавающихъ птицъ занимались никѣмъ не потревоженныя ловасю рыбы въ морскихъ волнахъ, замѣчается въ настоящее время шумное оживленіе: прокладываются рельсы желѣзной дороги, и близко уже то время, когда первый рельсовый путь пересѣчетъ африканскій материкъ и соединитъ берегъ Атлантическаго океана съ берегомъ Индійскаго, пройдя черезъ южную Анголу и связавъ съверъ нашихъ владѣній въ юго-западной Африкѣ съ землей Бечуана и Трансваалемъ. Эгогъ рельсовый путь примкнетъ къ тому грандіозному желѣзнодорожному предпріятію, которое, какъ предполагается, свяжетъ непрерывною полоскою рельсъ Капштатъ съ Египтомъ.

Вполнѣ естественно, что эта юго-западная африканская желѣзная дорога, для осуществленія которой германскіе капиталы соединились съ англійскими, избрала своимъ исходнымъ пунктомъ на западѣ Большой Рыбный заливъ, находящійся уже прежде всего вблизи залежей мѣдной руды въ Огави.

Большой Рыбный заливъ—наиболѣе грандіозная естественная гавань всего западнаго побережья,—въ ней могли бы одновременно стоять на якорѣ суда всѣхъ флотовъ земного шара, нисколько не страдая отъ сильнаго волненія въ открытомъ морѣ, такъ какъ волны разбиваются о продолговатый Тигровый полуостровъ, который представляетъ изъ себя какъ бы естественный защитительный молъ. Въ теченіе двухъ дней и трехъ ночей, проведенныхъ нами въ Рыбномъ заливѣ, судно наше стояло такъ спокойно, какъ въ гавани Гамбурга, тогда какъ въ открытомъ морѣ бушевала буря и волны съ грохотомъ разбивались о Тигровый полуостровъ. Входу судовъ въ заливъ не препятствуютъ ни бары, ни мели, и если во время нашего посѣщенія войти было все же нѣсколько трудно, такъ какъ трудно ориентироваться по берегу, который слишкомъ низко, то этому горю легко можетъ помочь устройство на оконечности Тигроваго полуострова, вмѣсто бакаана, хорошаго маяка.

Какъ было уже упомянуто, лишь благодаря англійскимъ промѣрамъ въ 1893 году, выяснилось, что Рыбный заливъ не обмелѣлъ и пред-

ставляет изъ себя прекрасное якорное мѣсто на всемъ протяженіи, — если бы это было извѣстно раньше, быть можетъ, оны давно уже перешли бы въ составъ германскихъ владѣній. Португальское правительство въ Моссамедесъ натолкнулось въ южной Анголѣ на такое сопротивление туземцевъ и странствующихъ буровъ, что оному владѣнію этой мѣстностью было въ тягость. Португалія была готова за увѣренное вознагражденіе уступить ее Германіи съ Большимъ Рыбнымъ заливомъ включительно. Послѣ того же, какъ затѣмъ познакомились съ минеральными богатствами области и благоприятными условіями природы залива, было вполне естественно, помимо всякихъ соображеній о позднѣйшихъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, избрать эти естественныя ворота юго-западной Африки исходнымъ пунктомъ для упомянутого грандіознаго желѣзнодорожнаго предпріятія.

Для того, кто въ настоящее время имѣетъ передъ глазами царящее на Тигровомъ полуостровѣ дѣловое оживленіе, связанное съ притокомъ людей и денегъ, нашъ рассказъ объ условіяхъ существованія въ этомъ заброшенномъ уголкѣ земного шара, во время нашего еще столь недавно пребыванія, можетъ показаться уже идилической сказкой стародавнихъ временъ.

ГЛАВА VII.

Въ Южномъ Атлантическомъ океанѣ. — Работы по физической географіи моря. — Подводный Китовый хребетъ. — Глубоководный тралъ. — Капштатъ. — Портъ Еливеты. — Агуласская банна.

Мы покинули Большой Рыбный заливъ около полудня 12-го октября. Дулъ сильный юго-восточный пассатъ и на морѣ было порядочное волнение; пришлось все закрѣпить и закупорить, волны перекатывались въ изобиліи черезъ палубу и тѣмъ изъ сочленовъ экспедиціи, которые болѣли еще приступами маляріи, приходилось очень трудно—они едва могли лежать на своихъ койкахъ. Изъ-за дурной погоды мы должны были отказаться отъ тѣхъ изслѣдованій рыбныхъ богатствъ у береговъ нашихъ владѣній въ юг-западной Африкѣ, которыя были предположены и начаты уже въ Большомъ Рыбномъ заливѣ. Намъ пришлось держаться далеко отъ берега, и лишь 15-го октября, съ большимъ трудомъ, мы могли произвести нѣкоторыя работы. Нѣкоторое утѣшеніе доставляли намъ за это время нырявшіе вокругъ судна капские голуби (*Daption capense*), къ которымъ вскорѣ присоединились и первые появившіеся здѣсь альбатросы. Капскіе голуби—чрезвычайно граціозныя бѣлоснѣжныя птицы съ черными крапинами—слѣдовали за нами почти до самаго крайняго юга. Нерѣдко они собирались большими стаями вокругъ корабля, когда онъ останавливался для производства различныхъ работъ, и съ жадностью набрасывались на всѣ наши кухонные отбросы. Они схватывали плавающие на поверхности куски, во не ныряли за кусками мяса, опускавшимися глубже. Во время движенія судна они слѣдовали за нимъ, подобно буревѣстникамъ, описывая граціозную линію въ воздухѣ и блестя на солнцѣ своими опереніемъ.

Еще привлекательнѣе наблюдать за полетомъ альбатроса (*Diomedea exulans*), который то появляется на темно-синемъ фонѣ неба, то въ нѣсколько мгновеній исчезаетъ совершенно изъ поля зрѣнія, то часами описываетъ широкіе круги вокругъ судна. Ползу, которую онъ принимаетъ при полетѣ, нельзя назвать особенно граціозною, шея сильно вытягивается и голова кажется какъ-то неуклюже сидящей на туловищѣ, но въ общемъ его полетъ все же производитъ величественное впечатлѣніе. Альбатросы также съ жадностью набрасывались на кухонные отбросы и нерѣдко цѣлыми компаниями собирались вокругъ судна, причемъ мы ихъ съ большою легкостью ловили на специально приспособленные удочки, при помощи которыхъ безъ труда вытаскивали этихъ птицъ на палубу. Здѣсь альбатросъ оказывался совершенно безпомощнымъ: онъ не могъ взлетѣть, рѣдко поднимался на ноги и, слѣлавъ нѣсколько неувѣренныхъ шаговъ, снова покорно садился, огля-

дывая съ любопытствомъ окружающее и отпугивая сильными ударами своего клюва подходящихъ къ нему слишкомъ близко.

Если днемъ насъ развлекали морскія птицы, то ночью мы имѣли передъ собою чарующее зрѣлище свѣченія моря, — никогда это явленіе не проявлялось передъ нами въ такомъ великолѣпнн, какъ въ это бурное время. Подобно ракетамъ вылетали изъ-подъ кия гонимыя парходнымъ винтомъ, какъ бы раскаленные, вальковатыя тѣла, свѣтящаяся голубоватымъ пламенемъ; намъ удалось добыть нѣсколько изъ нихъ и оказалось, что это пирозомы (*Pyrosoma*). Фосфоресценція, производившаяся свѣтящимися рачками и другими низшими организмами, отступала здѣсь на задній планъ. Удивительно, какъ слабо развито свѣченіе моря, наблюдавшееся нами впоследствии; особенно во время спокойныхъ ночей въ экваторіальной области Индійскаго океана совершенно не замѣтно той интензивности свѣченія, каковую приходилось наблюдать въ Атлантическомъ.

Когда мы 17-го октября снова принялись за прерванные изслѣдованія, у насъ былъ уже выработанъ извѣстный нормальный ходъ океанографическихъ и биологическихъ работъ. Я позволю себѣ вкратцѣ познакомить съ ними читателей, хотя, быть можетъ, рискую нѣсколько утомить ихъ вниманіе этими деталями.

Выяснилось, что лучше всего начинать дневную работу измѣреніемъ глубины, которое производилось нами даже и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже дѣлались промѣры прежними научными экспедиціями. Такъ какъ промѣръ давалъ намъ свѣдѣнія не только о глубинѣ, но также и о свойствахъ грунта дна, проба котораго приносилась лотомъ, то въ зависимости отъ результатовъ промѣра стояли и тѣ биологическія изслѣдованія, которыя мы затѣмъ предпринимали.

Что касается до промѣровъ, то они начинались съ довольно большою правильностью раннимъ утромъ, обыкновенно около 5¹/₂ часовъ утра. Судно ставилось такъ, чтобы проволока, сходящая съ барабана лотовой машины, находилась съ подвѣтренной стороны, если же было сильное теченіе или волненіе въ морѣ, то судно направлялось носомъ противъ вѣтра и теченія и держалось на мѣстѣ, работая винтомъ. На концѣ стальной проволоки прикрѣпляется лотъ, устроенный такимъ образомъ, что тяжелая гири прочно держится во время спуска, прикоснувшись же ко дну, соскакиваетъ съ крючковъ, зацѣпляющихъ поддерживающую ее веревочку, и остается на днѣ, облегчая такимъ образомъ обратный подъемъ лота. При большихъ глубинахъ мы употребляли гири въ 28 килограммовъ, при меньшихъ — было достаточно гири въ 15 килограммовъ. Спускается лотовая гири приблизительно со скоростью 2,5 метра въ секунду, тогда какъ подъемъ ея совершается гораздо медленнѣе — 1,5—2 метра въ секунду. Для накручиванія тонкой стальной проволоки, которою мы пользовались при опредѣленіи глубинъ, намъ служилъ небольшой электро-моторъ, приспособенный къ лотовой машинѣ. Промѣръ глубины около 5.000 метровъ требуетъ приблизительно 1 ч. 30 мин., считая въ томъ числѣ тѣ 5—7 минутъ, которыя приходится обождать передъ началомъ подъема, чтобы дать термометру, постоянно прикрѣплявшемуся нами къ лоту, установиться на той температурѣ, которая имѣется на днѣ.

Быть можетъ, будетъ не безынтересно при этомъ случаѣ упомянуть, какъ вообще выразились наши промѣрные работы въ цифрахъ. Мы произвели приблизительно 180 промѣровъ, при которыхъ въ общей сложности было выпущено и поднято 868.000 метровъ проволоки. При

этомъ мы потеряли всего лишь 6.622 метра проволоки, т.-е. около 0,7%, а истратили 119 гирь по 28 килограммовъ и 54 гири по 15 килограммовъ.

Какъ было уже сказано, надъ лотомъ прикреплялся обыкновенно глубоководный термометръ, который указывалъ намъ температуру воды на днѣ. Такъ какъ въ тропическихъ и умеренныхъ областяхъ температура съ глубиною падаетъ, нами употреблялся для этой цѣли максимальный и минимальный термометръ, который былъ защищенъ противъ сильнаго давленія, наблюдаемаго на глубинахъ, особой стеклянной оболочкой. По нему мы отсчитывали минимальную температуру, принимая, что она соответствуетъ наибольшей глубинѣ, до которой былъ опущенъ термометръ. Въ антарктическомъ морѣ съ его запутанными температурными отношеніями, при которыхъ нерѣдко на поверхности вода холоднѣе, чѣмъ на глубинѣ, оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ переворачивающимся термометрамъ Негретти и Замбра. Термометры эти построены такимъ образомъ, что при подъемѣ переворачиваются,

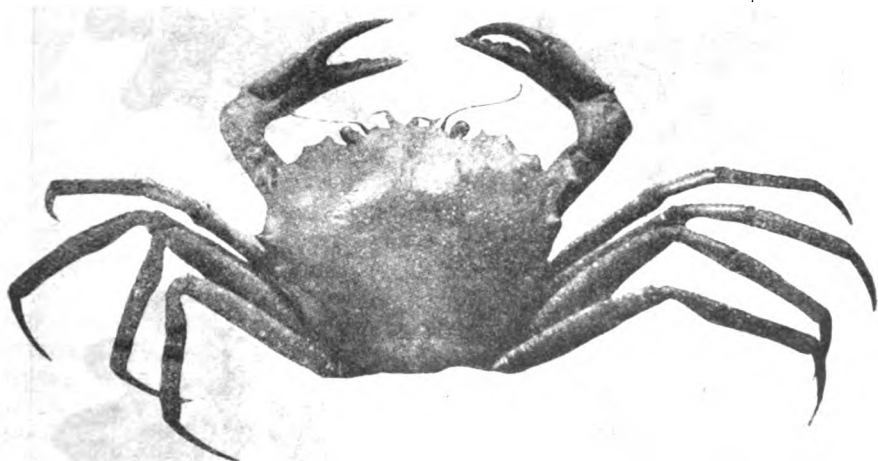

Рис. 26. Крабъ *Geryon* съ глубинъ 981 метра.

столбикъ ртути въ капиллярной трубкѣ при этомъ обрывается и своею длиною отмѣчаетъ температуру того слоя воды, въ которомъ термометръ находился передъ началомъ поднятія.

Кромѣ опредѣленія температуры является важнымъ получить также пробу воды съ глубины, чтобы была возможность опредѣлить ея плотность и химическій составъ. Для этой цѣли мы употребляли батометръ Сигсби, болѣе простой конструкціи, и батометръ Петерсона—конструкціи болѣе сложной. Послѣдній въ томъ отношеніи лучше, что въ немъ проба воды не измѣняется по содержанію въ ней газовъ при прохожденіи инструмента черезъ верхніе, нагрѣтые слои воды.

Насколько необходимо было производить промѣры и другія изслѣдованія даже въ тѣхъ областяхъ, которыя, повидимому, были уже достаточно изслѣдованы другими экспедиціями, можетъ показать случай, бывшій съ нами 17-го октября.

Въ этотъ день погода утихла и мы принялись за обычныя работы, находясь на 25°26' юж. шир. и 6°19' вост. долготы. Морскія карты указываютъ, вблизи этого пункта чрезвычайно большія глубины. Осно-

вываясь на этомъ указаніи, мы опустили вертикальную сѣть на 2.000 метровъ глубины. Когда сѣть была поднята, то, къ нашему изумленію, оказалось, что она побывала на днѣ и отчасти была наполнена тонкимъ желтоватымъ форамениферовымъ иломъ. Какъ это ни странно, шелковый иѣшокъ сѣти оказался, дѣлымъ и содержалъ въ млѣ чрезвычайно крупнаго ярко-краснаго краба изъ рода *Geryon* (рис. 26). Сейчасъ же былъ произведенъ промѣръ, который показалъ, что мы попали на неизвѣстную до сихъ поръ банку, на которой мы опредѣлили двумя промѣрами глубину въ 981 и 986 метровъ. Уже давно извѣстно, что по-

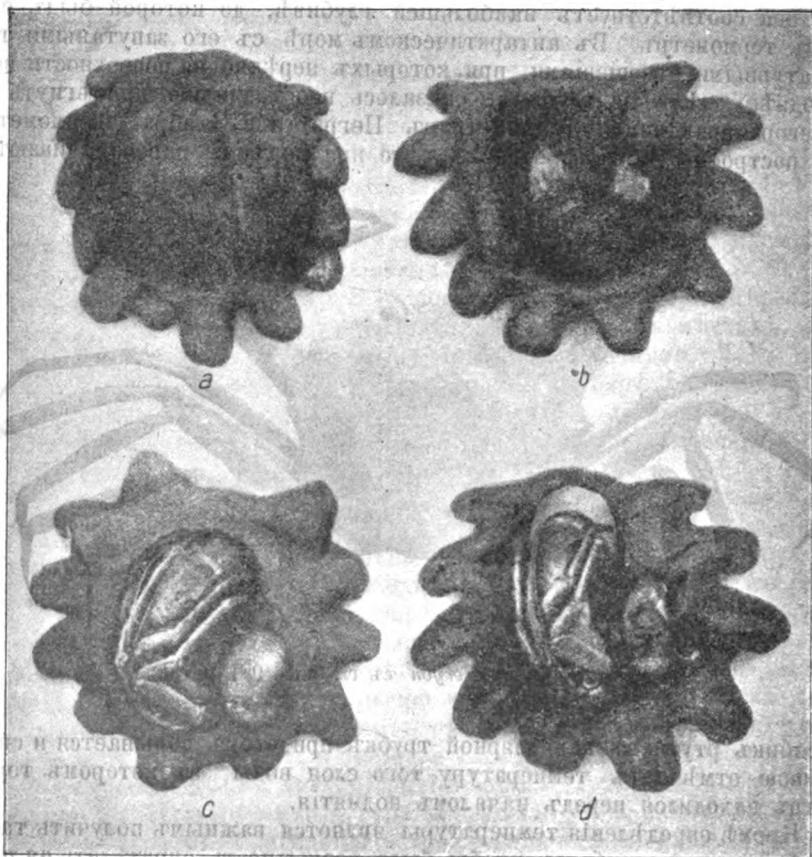

Рис. 27. Раки отшельники и актинии *Zoanthus*.—а. Колонія сверху.—б. Раковина жолтоски снизу.—с. Раковина съ отшельникомъ.—д. Колонія полиповъ въ разрѣзѣ.

добныя расположенныя въ океанѣ подвѣтія постоянно обнаруживаютъ несбыкновенное богатство животною жизнью, — на основаніи этого было рѣшено сдѣлать здѣсь сборъ траломъ, который и далъ, дѣйствительно, чрезвычайно богатые результаты, какихъ мы не получали съ того времени, какъ покинули Фарерскіе острова. Мы добыли этимъ траломъ болѣе сотни крупныхъ красныхъ крабовъ (*Geryon*), дюжину своеобразныхъ глубоководныхъ рыбъ съ неуклюжею головою и чудовищно расширенными глазами, нѣкоторое количество коралловъ, голотурій и усконогахъ. Особенно оригинальною составною частью нашего улова были

бездлинные раки-отшельники, тѣло которыхъ было спрятано въ раковину, занятую съ другой стороны фиолетовой активией изъ рода *Zoanthus*, отдѣльные особи активий очень крупны и расположены розеткой вокругъ раковины по 10—12 штукъ. Ихъ полости тѣла сообщаются у основанія между собою, такъ что всѣ онѣ представляютъ изъ себя одну колонію полиповъ, погруженныхъ въ студенистое основное вещество, изъ котораго выдается лишь верхній конецъ тѣла каждой особи. Складки пищеварительной полости пестро-коричневаго цвѣта и содержатъ темно-красныя массы яичекъ, красиво выдѣляющіяся у нихъ на фиолетовомъ фонѣ студенистой ткани. Полипы эти совершенно растворили всю известъ раковины и оставили цѣлымъ лишь роговой покровъ ея, но такъ какъ студенистое вещество ихъ имѣло почти консистенцію хряща, то колонія представляла достаточную защиту раку-отшельнику съ его нѣжнымъ брюшкомъ. Подобное явленіе сожителства или симбіоза между отшельниками и активіями широко распространено и среди формъ, держащихся на меньшихъ глубинахъ. Оба организма имѣютъ выгоду другъ отъ друга: активіи живутъ на счетъ остатковъ пищи рака, тогда какъ послѣдній защищается отъ враговъ полипами колоніи, у которыхъ щупальцы снабжены жгучими стрекательными органами.

Съ точки зрѣнія океанографіи открытіе нами посреди южнаго Атлантическаго океана неглубокаго мѣста имѣетъ нѣкоторый интересъ. Если принять во вниманіе, что уже на слѣдующій день, будучи лишь на $1\frac{1}{2}^{\circ}$ широты южнѣе, мы нашли глубину въ 5.040 метровъ, то окажется, что разница между обоими пунктами составляетъ болѣе 4.000 метровъ. Будущимъ изслѣдователямъ этой части моря остается рѣшить интересную океанографическую проблему, на которую указалъ проф. Зупанъ, познакомившись съ результатами нашихъ промѣровъ. Дѣло въ томъ, что если сравнить глубоководныя температуры на сѣверъ и на югъ отъ найденнаго нами повышенія два, то окажется, что въ среднемъ температуры на глубинѣ 4.000 метровъ различаются между собою приблизительно на 2° . На сѣверъ отъ повышенія, въ южно-африканской впадинѣ, изъ 13 произведенныхъ опредѣленій получается средняя температура $+2, 4^{\circ}$, на югъ—въ капской впадинѣ, изъ 9 измѣреній средняя температура $+0, 8^{\circ}$. Основываясь на этой разницѣ температуръ, Зупанъ вывелъ остроумное заключеніе, что, по всей вѣроятности, отъ Китоваго залива отходитъ подводный хребетъ, который можно назвать «Китовымъ хребтомъ», и отдѣляетъ антарктическія воды отъ атлантическихъ. Какъ ясно изъ нашей карты теченій, Китовый хребетъ, по всей вѣроятности, соединяется съ атлантическимъ. Если дѣйствительно окажется, что мы натолкнулись не на чисто мѣстную банку ограниченнаго протяженія, а на часть длиннаго подводнаго хребта, то условія въ данной части океана можно приравнять къ тѣмъ, которыя существуютъ у хребта Уэвилля Томсона (стр. 14). Подобно тому, какъ этотъ послѣдній хребетъ отдѣляетъ глубокія арктическія воды отъ Северо-Атлантическаго океана, такъ Китовый хребетъ образуетъ преграду, препятствующую холоднымъ антарктическимъ водамъ глубинъ попадать въ Южно-Атлантическій океанъ.

Юго-восточный пассатъ сопутствовалъ намъ до 28° южной широты и затѣмъ уступилъ мѣсто переменчивымъ вѣтрамъ, которые повлекли за собой спокойную погоду. Мы воспользовались этимъ обстоятельствомъ для поясного лова большими вертикальными сѣтями; остановившись на одномъ мѣстѣ, мы поднимали сѣть съ различныхъ глубинъ.

Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы выяснять верхнюю границу распространения тѣхъ своеобразныхъ организмовъ, которые часто попадались намъ въ наши глубоководные тралы. Крупные свободно плавающие раки и рыбы не попадаютъ въ обыкновенныя, небольшія замыкающіяся сѣти, почему мы и прибѣгли къ услугамъ нашихъ большихъ вертикальныхъ сѣтей. Результаты работы ими показали, что кроваво-красныя и блѣдныя, отчасти слѣпыя ракообразныя, равно какъ и черныя глубоководныя рыбы и необыкновенно вѣзвыя прозрачныя головоногія начинаютъ встрѣчаться лишь ниже 700 метровъ. Намъ удалось обогатить количество свободно живущихъ въ глубокихъ водахъ организмовъ также аппендикуляріями величиною до 9 саят.; всѣ родственныя формы ихъ, встрѣчающіяся на поверхности, являются карликами по сравненію съ этими прозрачными великанами, изображеніе которыхъ мы дадимъ въ концѣ книги.

Одновременно провазводился съ лодки также дѣятельный ловъ на поверхности и при этомъ случаѣ можно упомянуть, что въ теченіе двухъ дней намъ попадалась въ удивительномъ количествѣ одна до сихъ поръ очень рѣдко наблюдавшаяся сальпа (*Salpa flagellifera*). Она образовывала временами скопленія поверхностью съ наше судно, въ которыхъ прозрачныя особи такъ тѣсно соприкасались одна съ другою, что, черная сосудомъ, мы получали въ немъ настоящую живую кашу.

20-го октября мы рѣшили произвести спускъ трала на наибольшую глубину, какой намъ до тѣхъ поръ удалось достигнуть,—на 5.108 метровъ. Надо было серьезно испробовать наши глубоководные аппараты прежде чѣмъ вступать въ область антарктическихъ водъ.

Чтобы дать читателю представленіе о количествѣ времени, потребномъ для работы траломъ на глубинѣ 5.000 метровъ, приведу слѣдующія подробности. Большой траль передъ началомъ опусканія готовится и снабжается тремя чугушными гириями по 25 килограммовъ каждая—двѣ привязываются позади на сѣтевомъ мѣшкѣ, одна—на пеньковой веревкѣ, которою траль прикрѣпляется къ стальному тросу. Затѣмъ машина останавливается, и судно, стоя на мѣстѣ, приступаетъ къ спуску; первоначально выпускается столько стального троса, сколько указываетъ промѣръ, когда сѣть доходить до дна, дается малый ходъ и вытравливается еще одна треть всего выпущеннаго троса. Чтобы выпустить 6.700 метровъ троса, требовалось 5 часовъ работы; затѣмъ машинѣ дается ходъ назадъ и около часа, при постоянномъ наблюденіи за динамометромъ, прикрѣпленнымъ къ блоку, черезъ который проходитъ тросъ, траль тянется по дну. Черезъ часъ начинается подъемъ, который продолжается $4\frac{1}{2}$ часа; такимъ образомъ, вся работа требуетъ $10\frac{1}{2}$ часовъ, а если включить сюда и промѣръ, то 13 часовъ.

Работа траломъ на большой глубинѣ требуетъ отъ всѣхъ участниковъ, въ особенности отъ руководящихъ судовою моряховъ, большого искусства. Мы не будемъ здѣсь разсматривать подробности техники глубоководныхъ работъ, скажемъ только, что приходится здѣсь принимать во вниманіе и вѣтеръ и теченія, и что какихъ-либо общихъ правилъ при такой работѣ быть не можетъ. Приходится наблюдать и за исправнымъ дѣйствіемъ барабана, на который наматывается тросъ, и за наматывающей тросъ паровой лебедкой, такъ какъ при сильномъ нагаженіи, какое имѣется при этихъ обстоятельствахъ, легко возможенъ несчастный случай съ работающими у лебедки и барабана матросами. Если у насъ ничего не случилось при глубоководной работѣ, какъ это, къ несчастью, бывало во время другихъ глубоководныхъ экспедицій,

то это надо приписать усердію и вниманію всѣхъ участниковъ нашихъ работъ. Тѣмъ не менѣе, мы каждыи разъ вздыхали свободно, когда траль приходилъ съ большой глубины гладко и ничего не случалось.

Въ разсматриваемомъ случаѣ ожиданія, которыя мы возлагали на траль, плохо вознаградились: въ немъ оказался лишь обломокъ одной голотуріи. Нѣсколько вознаградила насъ за это другая интересная находка, именно мы нашли въ тралѣ около 30 черныхъ марганцовыхъ комковъ которые были величиною съ кулакъ и похожи по строенію поверхности на гигантскія ягоды малины. Это были замѣчательно красивые экземпляры, какихъ не приходилось до сихъ поръ наблюдать въ Атлантическомъ океанѣ. Экспедиція Чэлленжера находила подобные комки часто въ срединѣ южнаго Тихаго океана, но и ей не попадались экземпляры крупнѣе нашихъ—самый крупный экземпляръ имѣлъ

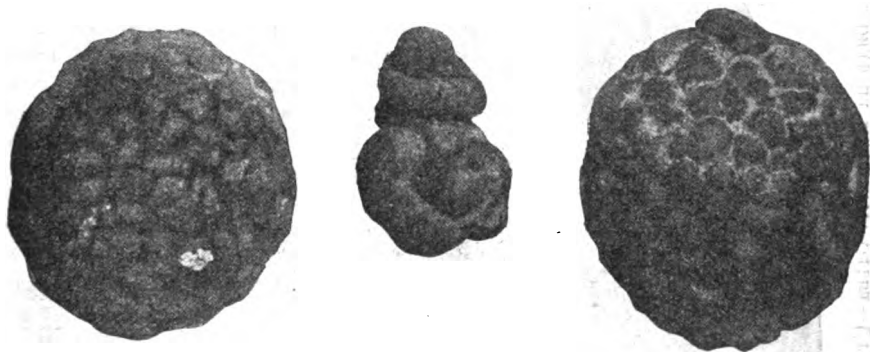

Рис. 28. Марганцовые комки съ глубины 5109 метр. Въ $\frac{1}{2}$ натур. величины.

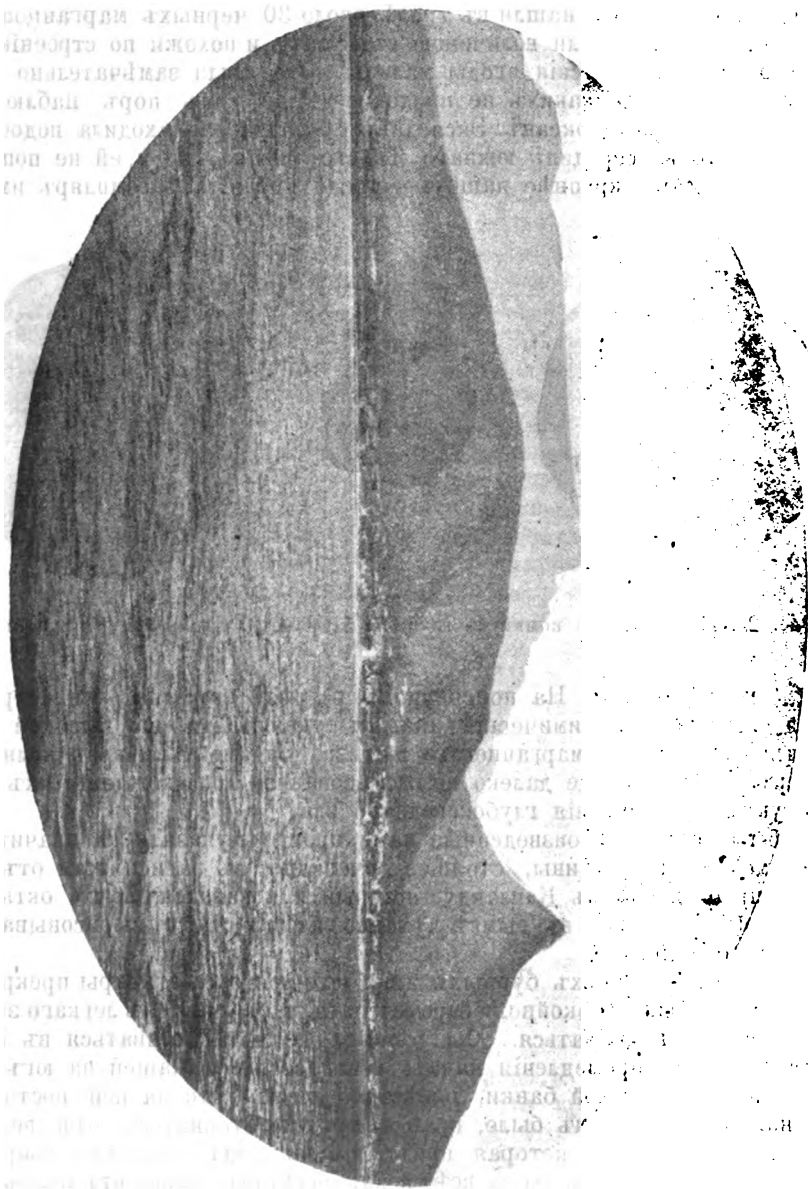
въ діаметрѣ 8 сант. На поперечномъ разрѣзѣ замѣтна концентрическая слоистость, а химическій анализъ указываетъ на высокое процентное содержаніе марганцоваго желѣза. Задачей химиковъ является теперь выяснитъ еще далеко не изслѣдованное происхожденіе ихъ изъ продуктовъ разложенія глубоководнаго ила.

25-го октября произведенные нами промѣры указали на значительное уменьшеніе глубины, стоящее, очевидно, въ зависимости отъ нашего приближенія къ Капланду, который и показался 26-го октября, послѣ обѣда, сперва въ дымкѣ тумана, затѣмъ сталъ вырисовываться все яснѣе и яснѣе.

Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ дней юго-восточные вѣтры прекратились, море было спокойно, и барометръ съ наступленіемъ легкаго знобъ-веста сталъ подниматься. Мы рѣшили не останавливаться въ Капштатѣ и безъ промедленія начать изслѣдованіе лежащей на югъ отъ Капланда Атласской банки, извѣстной тѣмъ, что на ней постоянно бурная погода. Намъ было, правда, трудно оторваться отъ величественной панорамы, которая представлялась здѣсь нашимъ взорамъ. Столовая гора царя надъ всѣмъ ландшафтомъ, сама отъ нея выдѣляясь круто спускающійся къ морю конусъ Пика Дьявола, справа къ ней примыкающая гора Львиная Голова. Въ этой грандіозной рамкѣ заключены Капштатъ, съ которымъ мы могли лишь познакомиться издали, такъ какъ ограничили тѣмъ, что забрали свѣжихъ жизненныхъ припасовъ; ю спустились на материкъ проф. Шимлера. Онъ вос-

пользовался временемъ, которое мы потратили на исследование Агуас-ской банки и южнаго берега Капанда, для того, чтобы совершить ботаническую экскурсію въ лѣса страны Книсна и предпринять поѣздки на быкахъ—которой всѣ наши спутники сильно заведовали—вглубь Капанда до Каргоо.

Рис. 29. Видъ на Капашегу. Слѣва—Столовая гора, справа—гора Дзынная Токоня.

Когда мы вечеромъ покинули Столовый заливъ, солнце погрузилось при закатѣ въ море и облило своими золотистыми лучами Столовую и прилегающую къ ней Апостольскую горы, окрасивъ ихъ ярко-краснымъ пламенемъ, червовато-синее море съ какъ бы горящими крас-

ными гребнями волнъ своими рѣзкими тонами дополняли красоту ландшафта. Мы имѣли рѣдкій случай наблюдать надъ Столовой горой какъ бы огромное покрывало развернувшейся массы облаковъ—«скатерть Столовой горы», какъ оно называется мѣстными жителями. Присутствіе его считается несомнѣннымъ признакомъ того, что наступаютъ перемены въ состояніи погоды. Когда мы огибали мысъ Доброй Надежды, круто свисающіеся къ морю своими обрывами, были уже замѣтенъ свѣжій западный вѣтеръ. Въ теченіе слѣдующихъ дней онъ нерѣдко задувалъ съ большою силою и принудилъ насъ отложить наши работы по изслѣдованію бухты южнаго Капаянда.

Со Столовымъ заливомъ можетъ сравниться по красотѣ лишь противоположащій ему заливъ Фальсе, тогда какъ уже по направленію къ самой южной точкѣ Капаянда, ницко къ мысу Агуласъ, берегъ становится болѣе плоскимъ и окаймляется широкими песчаными пространствами у самаго моря. День за днемъ мы заходили во вѣвзающіяся въ берегъ бухты и изучали одинъ за другимъ заливъ Моссега, заливъ Плеттенберга и заливъ Фреасиса. Всѣ они имѣютъ нѣчто общее въ своемъ характерѣ: впереди находится обширная равнина, покрытая весною зеленымъ ковромъ луговой растительности, на заднемъ планѣ выдѣляются невысокіе горные хребты, надъ которыми внутри континента нерѣдко поднимаются отдаленныя цѣпи горъ, затянута голубоватою дымкою. Лишь заливъ Плеттенберга обрамляется отчасти обширными лѣсами, которые носятъ названіе лѣсовъ Книсна. На выдающихся утесистыхъ мысахъ, ограничивающихъ заливъ, всегда замѣчался сильный прибой и разбивающіяся въ дребезги волны скрывали подъ своими брызгами незамѣтные подводные рифы. 29-го октября мы обошли мысъ Речифа и передъ нами открылся видъ на заливъ Альгоа. Этотъ обширный заливъ обрамленъ песчаными пустынями, степями и голыми холмами, позади которыхъ постепенно начали обнаруживаться бѣлоснѣжныя массы домовъ города Портъ-Елизаветы. Открытый рейдъ представлялъ нѣкоторую защиту отъ бурнаго западнаго вѣтра и намъ казалось даже какъ-то непривычно, послѣ дней перенесенной нами сильной морской качки, снова попасть на совершенно спокойную и гладкую поверхность воды.

Появленіе большого бѣлаго парохода, съ развѣвающимся на немъ правительственнымъ германскимъ флагомъ вызвало нѣкоторое недоумѣніе въ Портъ-Елизаветы. Подумали, что это нѣмецкое военное судно, но не могли понять, чѣмъ объясняется присутствіе на немъ стрѣлъ и лебедокъ. По приказу германскаго консула, къ намъ подошелъ на катерѣ лопманъ, который, однако, получилъ отъ насъ всѣ отвѣты и въ недоумѣніи покачать головою, направился къ берегу. На вопросъ предложенный затѣмъ лопманомъ издали, откуда мы пришли, раздался съ мостика сердитый отвѣтъ нашего капитана по-англійски: «Съ сѣвернаго полюса!»—на второй же вопросъ о цѣли нашего пути загремѣлъ еще болѣе грозный отвѣтъ: «Къ южному полюсу!»

Германскій консулъ Шаббель и д-ръ Гофманъ, прѣхавшіе вскорѣ къ намъ, разрѣшили, впрочемъ, всѣ недоразумѣнія и съ замѣчательнымъ радушіемъ пригласили членовъ экспедиціи посѣтить Портъ-Елизаветы и побывать въ нѣмецкомъ пѣвческомъ кружкѣ.

Портъ-Елизаветы, имѣющій 26.000 жителей, производитъ впечатлѣніе очень быстро развивающагося и благоденствующаго города. Дѣловитая жизнь бьетъ ключомъ на его широкихъ улицахъ, украшенныхъ роскошными постройками, въ которыхъ помѣщаются банки и

крупныя экспортныя фирмы; недалеко от пристави возвышается изящное зданіе городской ратуши. Все указываетъ на то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ торговымъ пунктомъ, который по своему значенію почти равняется Капштату. Тѣмъ не менѣе, наши земляки, занимающіе выдающееся положеніе въ интеллигентномъ обществѣ города, жаловались намъ, что послѣ набѣга Джамсона экспортъ Трансваала замѣтно уменьшился. Трудно сказать, какое вліяніе на торговлю Порта-Елизаветы будетъ имѣть теперешняя несчастная война и каково будущее этого торговаго центра. Городъ располагаетъ электрической желѣзной дорогой, которая круто поднимается на горы по красивымъ улицамъ, окаймленнымъ двухэтажными домами съ верандами и садями. На вершинѣ располагается сборный пунктъ войскъ обитателей города—городскій паркъ, при устройствѣ котораго, очевидно, имѣлось въ виду расположить въ соответствующихъ группахъ всѣ наиболѣе

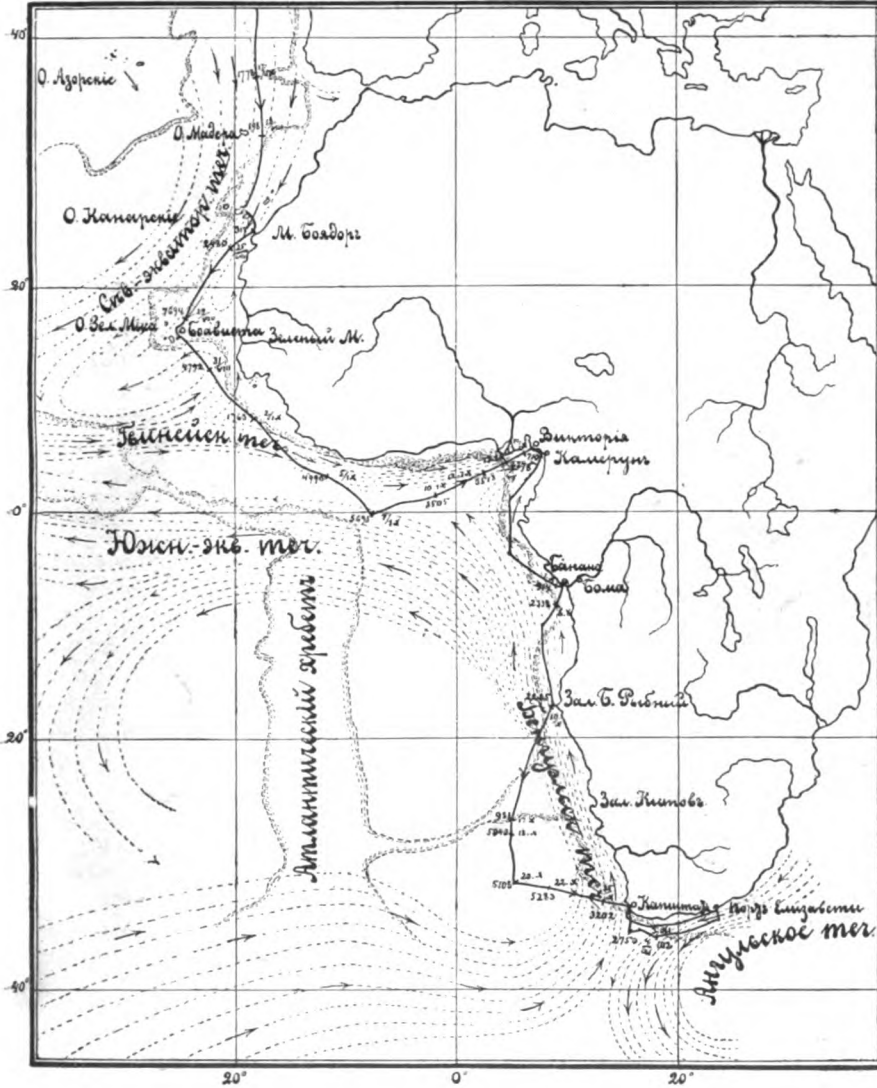

Рис. 30. Крааль каффровъ.

характерныя растенія Капленда. Паркъ этотъ былъ разведенъ на сухой, красноватой, степной почвѣ, надъ которой ранѣе безпрестанно гуляли западные вѣтры, засыпая городъ пескомъ и пылью. Съ юга и запада городъ окаймленъ живописнымъ ущельемъ, по другую сторону его располагается крааль каффровъ, который мы, разумеется, не преминули посетить. Въ жалкихъ хижинахъ, положивъ на большіе улья, парило оживленное движеніе. Здѣшніе каффры привлекаемы къ самымъ разнообразнымъ работамъ въ городѣ и, благодаря частому смѣшанію, не представляютъ уже чистаго типа. Въ городѣ, по распоряженію полиціи, они ходятъ совершенно одѣтыми, въ своихъ же хижинахъ сбрасываютъ съ себя европейскую мишуру и чувствуютъ себя снова настоящими каффрами. Насъ встрѣтили первоначально недоверчивыми взорами и даже бравью, но затѣмъ чернокожая публика постепенно сдѣлалась доверчивѣе, убѣдившись въ томъ, что мы не

Карта течений восточной части Атлантического океана.

(Къ стр. 25 и слѣд.).

Толстой чертой обозначенъ путь «Вальдивиа», стоящія рядомъ цифры обозначаютъ важнѣйшія глубины.

NB. Въмѣсто «Ангульское теч.» — слѣдуетъ «Агуласское теч.».

Какovy тѣ сюрпризы, которые доставили намъ дальѣйшіе прогнѣры при нашемъ пути на югъ, мы укажемъ подробнѣе впоследствии.

Послѣ того, какъ уже подѣ 37° широты сильный западный вѣтеръ указалъ намъ, что мы вступили въ ту полосу западныхъ вѣтровъ, значеніе которой для парусныхъ судовъ, идущихъ въ Австралію, указалъ еще Джемсъ Россъ, начался 16 го ноября западный вѣтеръ, перешедшій въ бурю. Въ тотъ же день мы встрѣтили англійское судно-пароходъ «Титанію», идущій въ южную Австралію. Это было на долгое время послѣднее судно, попавшее на нашемъ пути, и потому мы не преминули передать ему сигналомъ просьбу, сообщить о нашемъ нахожденіи.

Тогда какъ до сихъ поръ мы находились въ области теплой воды, съ температурой поверхности въ среднемъ около 17° Ц., теперь между 39° и 40° параллелью мы попали въ область, гдѣ теплыя вѣтви Агуласскаго теченія, воронкообразно расширяясь, вдаются въ холодныя массы антарктическихъ водъ. Удивительныя скачки въ температурѣ поверхности, которая 16-го ноября давала, напр., разницу до 7° Ц., свидѣтельствовали о томъ, что теплое Индійское теченіе разбивается здѣсь на мелкія струи, замѣтныя даже уже простому глазу, такъ какъ полосы зеленоватой теплой воды чередовались съ интенсивносивными полосами холодной. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что позднѣе, при вступленіи въ теплыя воды Индійскаго океана, отношенія окраски были обратными, именно, теплая вода отличалась своимъ темно-синимъ оттѣнкомъ. Температура дѣлала нерѣдко такіе быстрые скачки, что мы едва успѣвали отсчитывать термометръ. Чтобы иллюстрировать болѣе точными числами вышесказанное, приведу слѣдующія данныя изъ нашихъ температурныхъ наблюденій, производившихся каждыи часъ: 16-го ноября въ 12 часовъ дня температура поверхности была еще 17,4°, тогда какъ 18—въ то же самое время она спустилась до 7,8°. Затѣмъ температура быстро и постоянно начала опускаться и при переходѣ 53° шир. 24-го ноября была уже получена температура—1°.

Непосредственно за этимъ вступленіемъ въ холодныя воды антарктической области послѣдовало и полное измѣненіе въ составѣ организмовъ, плавающихъ на поверхности, т.-е. планктона. 17-го ноября мы впервые встрѣтили на поверхности тѣ виды діатомовыхъ водорослей и другихъ низшихъ организмовъ, которые съ этихъ поръ почти въ теченіе двухъ мѣсяцевъ являлись у насъ руководящими формами поверхностныхъ слоевъ.

17-го ноября погода была при умѣренномъ западномъ вѣтрѣ и сѣверо-западной волнѣ настолько благоприятна, что мы могли опустить на большую глубину даже самыя наши тонкія планктонныя сѣти. 18 и 19 ноября мы использовали на то, чтобы при помощи замыкающихся сѣтей составить себѣ представленіе о распредѣленіи организмовъ, плавающихъ въ глубокихъ слояхъ воды. Особенно поразительный результатъ дали замыкающіяся сѣти 18-го ноября,—онѣ привели необыкновенно большое количество живыхъ организмовъ съ глубины между 1.600 и 1.000 метровъ. Вечеромъ 19-го ноября море было настолько спокойно, что положительно можно было подумать, что плывешь по Эльбѣ. Яркая вечерняя заря, блиставшая красными искрами на свинцово-сѣрой поверхности моря, продолжалась до 8 часовъ вечера и судно наше спокойно шло по намѣченному курсу, ритмически разсѣкая бѣгущія волны.

агенты тайной полиціи, пришедшіе произвести внезапную ревизію, не найдется ли въ хижинахъ запретнаго національнаго напитка—кафр-скаго пива.

Съ высотъ, находящихся надъ Портомъ-Елизаветы, открывается великолѣпнѣйшій видъ на рейдъ, усѣянный судами, и на широко раскидывающійся заливъ Альгоа. Должно сознаться, что Капштатъ своими грандіозными портовыми сооруженіями превосходитъ Портъ-Елизаветы, рейдъ котораго при случающихся иногда юго-восточныхъ буряхъ не можетъ защитить суда отъ опасности, угрожающей со стороны разъяренной стихіи. Нерѣдко пароходы должны бывать поднять якоря и выйти въ открытое море.

Такъ какъ погода была для насъ благопріятна, мы посвятили цѣлый день на то, чтобы изслѣдовать заливъ Альгоа, который во многихъ мѣстахъ поражалъ насъ удивительнымъ богатствомъ сидящихъ на двѣхъ организмовъ. Окруженные стаями чаекъ и черныхъ нырковъ (*Puffinus*), изъ которыхъ первые съ большою ловкостью ловили на лету бросаемые имъ куски мяса, тогда какъ вторые ныряли за ними, мы приблизились къ одинокому и оголенному острову. Здѣсь мы увидѣли впервые колонію пингвиновъ (*Spheniscus demersus*), молодья особи которыхъ встрѣчались намъ въ Большомъ Рыбномъ заливѣ.

Обратный путь отъ Порта-Елизаветы въ Капштатъ мы сдѣлали черезъ Агуласскую банку, надъ которой проходитъ теплое Агуласское течение Индійскаго океана. Эта банка врѣзается въ море въ видѣ тупого треугольника передъ Капландомъ и имѣетъ глубину, имѣвающуюся отъ 70 до 200 метровъ. Грунтъ ея дна чрезвычайно разнообразенъ: песчаный грунтъ смѣняется скалистымъ, конгломератовый чередуется съ зеленоватымъ глауконитовымъ, и послѣдній господствуетъ въ западной части банки. Такъ какъ морскія карты указываютъ грунтъ лишь по случайнымъ промѣрамъ, мы часто находили на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на картахъ былъ отмѣченъ грунтъ удобный для работы трапомъ, вмѣсто него, скалистое дно, которое сильно рвало наши сѣти.

Банка спускается круто по направленію къ открытому морю до глубины 4.000 метровъ. Въ западной части ея намъ удалось сдѣлать серію промѣровъ, наглядно показывающую крутое паденіе ея профиля до глубины 4.170 метровъ. Являясь какъ бы естественной границей между индійской, южно-атлантической и субъантарктической областями моря, она должна представлять въ фаунистическомъ отношеніи особый интересъ. Въ нашихъ музеяхъ почти совершенно отсутствуютъ объекты съ этой банки и потому надо надѣяться, что добытый нами богатый матеріалъ, полученный послѣ 26 драгировокъ, дастъ зоологамъ возможность разобраться въ зоогеографическихъ условіяхъ этой мѣстности.

Изъ готовыхъ въ настоящее время отчетовъ отдѣльныхъ изслѣдователей, обработывавшихъ наши коллекціи, явствуетъ, что не только тогда было добыто огромное количество новыхъ формъ, но и въ смыслѣ географическаго распредѣленія получились совершенно неожиданные результаты. Что на этой банкѣ должны встрѣчаться вмѣстѣ атлантическіе и индійскіе виды,—это можно было ожидать уже заранѣе и изслѣдованія подтвердили такое предположеніе, но что здѣсь встрѣчаются типичные антарктическіе виды, которые до сихъ поръ находились лишь въ областяхъ, гораздо далѣе продвинутыхъ къ югу, на примѣръ въ Магелановомъ проливѣ и у Фалькландскихъ острововъ—это

Доволено цензурою 26-го марта 1902 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	стр.
† АЛЕКСАНДРА АРКАДІЕВНА ДАВЫДОВА.	
~~1.~~ ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ. С. Ашевскаго . . .	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. НАКАНУНЪ ВЕСНЫ. Г. Галиной. . . .	32
3. ДРУГЪ ДѢТСТВА. Ольги Шапиръ.	33
4. ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ. (Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи). Приватъ-дец. Н. Рожнова. . .	78
5. САМОУБИЙСТВО СРЕДИ ДѢТЕЙ. Д-ра Григорія Гордона. . .	93
6. ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ. (Съ польскаго). Повѣсть. Г. Даниловскаго. Пер. А. И. Я—ъ. (Продолженіе).	115
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ПЪСЕНЪ ТРУДА. Ѡ. Поступаева. .	143
8. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Родбертусъ. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго	145
~~9.~~ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. (Продолженіе). Н. Котляревскаго	165
10. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЛЕБЕДИНОЕ ГНѢЗДО. (Елизаветы Броунингъ). О. Чюминой.	195
11. НА РАСТИТЕЛЬНОЙ ПИЩѢ. (Разсказъ). Тана.	199
12. КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СКУЛЬПТОРОМЪ. (Изъ моихъ воспоминаній). Ильи Гинцбурга.	235
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. БЕЗСОННИЦА. П. Соловьевой (Allegro). .	261
14. НАУКА И ЖИЗНЬ. Естественныя науки въ средней школѣ. В. Агафонова.	262

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Исповѣдники», повѣсть г. Бобрыкина.—Новыя теченія, наблюдаемыя авторомъ.—Разныя ихъ представители.—Исповѣдники изъ интеллигенціи и народной среды.—Цѣльность послѣднихъ типовъ.—Здоровое религиозное чувство и богѣзвенный мистицизмъ, отмѣчаемыя авторомъ.—Памяти Александры Аркадіевны Давыдовой.—Ея общественная дѣятельность, какъ издательницы и руководительницы большого литературнаго предпріятія.—Ея организаторскій талантъ и значеніе, какъ редактора. А. Богдановича.	1
16. ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРЫ АРКАДІЕВНЫ ДАВЫДОВОЙ. А. Вергемскаго.	15
17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Подъ бременемъ визитной карточки.—Производительность труда на русскихъ и ан-	

	стр.
гійскихъ фабрикахъ.—Изъ прошлаго.—Ирбейское дѣло.— Изъ жизни сибирскаго духовенства.— Въ Финляндіи.— За мѣсяцъ	20
18. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СИМПТОМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ. И. Красноперова	35
19. Изъ русскихъ журналовъ. («Вѣстникъ Всемирной Исторіи»—ян- варь, февраль; «Русская Старина» — мартъ; «Историческій Вѣстникъ»—мартъ; «Вѣстникъ Европы»—мартъ; «Образо- ваніе»—февраль).	41
20. За границей. Германская таможенная политика и женскій вопросъ.—Германскій канцлеръ и женская депутація.—Ирланд- скій призракъ; обезлюдѣніе Лондона; двухсотлѣтній юбилей.— Американскій лицей и свобода программъ.—Выборная аги- тація. Общественная жизнь во Франціи. Французскія дѣла.— Новыя экспедиціи въ Гренландію.	53
21. Изъ иностранныхъ журналовъ. Американскія библіотеки и чи- тальни для дѣтей.—Аргентинская газета.—Роль социальной гигіены въ XX вѣкѣ.—Отсталость Соединенныхъ Штатовъ въ научномъ отношеніи и ея причины	66
22. ФАБРИЧНЫЯ ИНСПЕКТРИСЫ ВЪ ГЕРМАНИИ. (Письмо изъ Гейдельберга). М. Б.	70
23. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. О психикѣ насѣкомыхъ. (Переводъ съ нѣмецкаго). Проф. Ав. Фореля	73
24. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Инфракрасная часть солнечнаго спек- тра.—Успѣхи цвѣтной фотографіи.— Форма кристаловъ снѣ- га.— Низкая температура и развитіе организмовъ.—Соли на- трія, калия и кальція и сокращеніе сердца.—Леченіе оспы дрожжами. В. Аг.	85
25. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БО- ЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.— Критика и исторія ли- тературы.— Исторія всеобщая и русская.— Исторія культу- ры.—Естествознаніе.— Народное образованіе.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.	90
26. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	121

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

27. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной.	89
28. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой гер- манской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Пе- реводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками.	89

Александра Аркадіевна Давыдова.

24-го февраля скончалась издательница нашего журнала Александра Аркадіевна Давыдова.

Урожденная Горожанская, Александра Аркадіевна родилась въ Москвѣ 13-го дек. 1849 г. въ старой дворянской патриархальной семьѣ и получила тщательное по тому времени домашнее образованіе. Шестнадцати лѣтъ она выдержала при московскомъ университетѣ экзаменъ на домашнюю учительницу и вскорѣ вышла замужъ за знаменитаго виртуоза-виолончелиста и композитора, солиста Его Императорскаго Величества Карла Юліевича Давыдова, брата извѣстнаго московскаго профессора Августа Юл. Давыдова, автора популярныхъ учебниковъ по алгебрѣ, геометріи и ариметикѣ. Вмѣстѣ съ Ан. Рубинштейномъ, Б. Давыдовъ дѣятельно работалъ тогда надъ учрежденіемъ петербургской консерваторіи, директоромъ которой и состоялъ до конца 80-ыхъ годовъ. Съ переселеніемъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ мужемъ, для Александры Аркадіевны началась полоса блестящей свѣтской жизни, въ избранномъ кругу артистовъ, писателей и ученыхъ, которая продолжалась до смерти ея мужа. Блестящая красавица, съ выдающимся умомъ и рѣдкимъ образованіемъ, Александра Аркадіевна заняла въ этомъ кругу центральное мѣсто, и въ ея салонѣ собирался цвѣтъ петербургской интеллигенціи и артистическаго міра. Общественная дѣятельность ея въ эти годы ознаменовалась учрежденіемъ при консерваторіи общезитія для слушательницъ консерваторіи, которымъ она завѣдывала до выхода мужа въ отставку. Многочисленные дружескія знакомства съ писателями, Гончаровымъ, Некрасовымъ, Салтыковымъ, Тургеневымъ, Гаршинымъ, Надсономъ, Н. К. Михайловскимъ, Шелгуновымъ, Гл. Успенскимъ, вовлекли ее въ кругъ журналистики, и въ основанномъ въ срединѣ 80-ыхъ

годовъ г-жею Евреинной «Сѣверномъ Вѣстникѣ» она принимала участіе въ качествѣ секретаря редакціи.

Но самостоятельная ея дѣятельность въ этой области началась только съ основаніемъ журнала «Міръ Божій» въ декабрѣ 1891 г. Задумавъ вмѣстѣ съ В. П. Острогорскимъ издавать журналъ, Александра Аркадіевна съ тѣхъ поръ отдалась всецѣло новому дѣлу, новому не только для нея, но и въ журналистикѣ, гдѣ до тѣхъ поръ не было журнала такого типа, — научно-популярнаго и литературнаго изданія для самообразованія. Начавъ дѣло въ очень скромныхъ размѣрахъ, она постепенно расширяла его и довела до его современнаго вида. Въ 1895 г. она задумала новый по типу журналъ для дѣтей старшаго возраста «Всходы», съ широкой программой, выходящій два раза въ мѣсяць, и, вмѣстѣ съ извѣстной писательницей А. Н. Анненской, вела его съ большимъ успѣхомъ до 1897 г., когда передала его Э. С. Монтвиду, издающему этотъ журналъ и въ настоящее время. Въ обоихъ журналахъ Александра Аркадіевна принимала самое горячее участіе, въ особенности въ «Мірѣ Божьемъ», которому посвятила всю свою выдающуюся энергію, рѣдкій умъ и талантъ организатора. Несмотря на новостъ дѣла, на необычность программы, на виѣшнія затрудненія, она неутомимо и упорно шла къ намѣченной цѣли, создавъ журналъ съ широкой программой, съ обширнымъ кругомъ сотрудниковъ и читателей.

Смерть ея явилась страшной неожиданностью для всѣхъ окружающихъ; хотя тяжелая болѣзнь, поразившая ее, и внушала опасенія, но никто не думалъ о такой быстрой развязкѣ. Сама покойная, однако, предчувствовала близость роковаго конца и сдѣлала своевременно всѣ необходимыя распоряженія, обезпечивающія безостановочное дальнѣйшее продолженіе ея дорогаго дѣла, въ прежнемъ составѣ редакціи и сотрудниковъ и въ томъ же духѣ и направленіи, — дѣла, которому она отдала свои лучшія силы и которому служила до послѣдней минуты.

Редакція.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

I.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія крѣпостной крестьянинъ тульского помѣщика Бунина, отправляясь на войну съ турками въ качествѣ маркитанта, пришелъ къ своему барину проститься и спросить, какого гостинцу привезти ему изъ Турціи. «Привези мнѣ, братъ, хорошенькую турчаночку, — отвѣчалъ баринъ; — видишь, жена моя совсѣмъ состарилась!» Серьезно говорилъ помѣщикъ или шутилъ — трудно рѣшить, хотя внучка его А. П. Зонтагъ въ своихъ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ Жуковского *) и выдаетъ приведенныя слова за шутку. Желаніе барина было исполнено, и вѣрный холопъ возвратился съ войны съ двумя плѣнными турчанками — сестрами, изъ которыхъ старшая, «прекрасная, ловкая, смиренная и добронравная» Сальха сначала была приставлена няней къ дочерямъ Бунина, а потомъ сдѣлалась его домоправительницей и наложницей. Плодомъ этой связи русскаго барина съ плѣнной турчанкой, кромѣ трехъ дѣвочекъ, умершихъ въ младенчествѣ, 26 января 1783 года явился мальчикъ, которому суждено было впоследствии сдѣлаться замѣчательнымъ русскимъ писателемъ, ближайшимъ учителемъ и предшественникомъ величайшаго русскаго поэта, воспитателемъ гуманнѣйшаго изъ русскихъ царей и однимъ изъ лучшихъ русскихъ людей, отличавшимся необыкновенною добротою сердца и рѣдкимъ согласіемъ слова и дѣла.

Биографы Жуковского **) сообщаютъ намъ слишкомъ мало свѣдѣній о его родителяхъ, и потому трудно судить, какія качества ума и сердца могъ унаслѣдовать поэтъ отъ отца и отъ матери. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что вмѣстѣ съ красивою наружностью восточнаго типа Жуковскій получилъ отъ матери и восточную мечтательность,

*) «Русская Мысль» 1883 г., февраль.

**) Плетневъ. О жизни и сочиненіяхъ Жуковского, Спб. 1853 г. (Перепечатано въ «Сочиненіяхъ и перепискѣ Плетнева», т. III, Спб. 1885). Вейдлицъ. «Жизнь и поэзія Жуковского». Спб. 1883 г. П. Загаринъ (Левъ Поливановъ). «Жуковскій и его произведенія». М. 1883 г. Очень цѣнный разборъ книги Загарина въ «Сочиненіяхъ Н. С. Тиховрова», т. III, ч. I. М. 1898 г.

отразившуюся такъ ярко въ его литературной дѣятельности, и восточную лѣнь, съ которой ему приходилось бороться въ теченіе всей своей жизни, и ту поскорность судьбѣ, которая отличала поэта до конца его дней и которая такъ близка къ мусульманскому фатализму. Не подлежитъ также сомнѣнію, что та обстановка, среди которой протекало раннее дѣтство поэта, благоприятствовала развитію лучшихъ сторонъ его души. Его отецъ былъ «честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ», хотя и «не самой строгой нравственности». Сама Бунина, принимавшая въ мальчикѣ чисто-материнское участіе, отличалась, по свидѣтельству ея внучки, почти безпримѣрной добротой, кротостью и терпѣніемъ. Номинальный отецъ мальчика также былъ «хоропій человекъ» и сумѣлъ пріобрѣсти общую любовь въ домѣ. Если сюда еще присоединить общество маленькихъ племянницъ, среди которыхъ Жуковский былъ единственнымъ «кавалеромъ», то легко составить представленіе о той атмосферѣ любви, доброты и кротости, среди которой протекли юные годы поэта въ селѣ Мишенскомъ. Уже въ юномъ возрастѣ мы видимъ Жуковского «умнымъ, добрымъ, прекраснымъ, терпѣливымъ, кроткимъ и послушнымъ мальчикомъ». Онъ не дѣлаетъ «никакихъ шалостей» и всегда терпѣливо и почитательно выслушиваетъ несправедливую въ большинствѣ случаевъ брань матери, которая находитъ своего благонравнаго сына недостаточно кроткимъ и покорнымъ по отношенію къ своимъ «благодѣтелямъ» и «милостивцамъ».

Когда Жуковскому исполнилось шесть лѣтъ, къ ворчанію и брани строгой матери присоединились педагогическія поощренія грубаго и необразованнаго нѣмца, взятаго изъ мастерской портного гувернеромъ въ домъ Бунина. Мальчикъ выслушиваетъ грубую брань, получаетъ удары линейкою по рукамъ, стоитъ голыми колѣнями на горохѣ и даже переживаетъ страхъ предстоящаго наказанія розгами. Но скоро Жуковский избавляется сначала отъ грубаго педагога, а потомъ и отъ матери. Выучившись, хотя и съ большимъ трудомъ, славянской грамотѣ подъ руководствомъ своего пріемнаго отца, онъ переселяется вмѣстѣ съ семьей Бунина въ Тулу. Тамъ онъ сначала учится въ «очень хорошемъ пансіонѣ» Роде, по смерти же отца и по закрытіи пансіона живетъ въ семьѣ своей крестной матери и сводной сестры Юшковой и посѣщаетъ главное народное училище. Но изъ училища его скоро увольняютъ за «неспособность» къ усвоенію школьной премудрости, главнымъ образомъ, математики, и Жуковскому приходится пока ограничиться уроками гувернантокъ и домашнихъ учителей.

Среди послѣднихъ особенное значеніе имѣлъ для Жуковского старшій учитель тульского главнаго народнаго училища Покровский, помѣщавшій въ тогдашнихъ журналахъ статьи подъ псевдонимомъ «Философъ горы Алаунской». Это былъ гуманный, просвѣщенный и религіозный человекъ, въ которомъ трезвое отношеніе къ тогдашней русской дѣйствительности соединялось съ романтическою

мечтательностью надъ могилами «сельскаго кладбища» при «томномъ меланхолическомъ свѣтѣ луны». Природная мечтательность Жуковского представляла самую благопріятную почву для усвоенія литературныхъ вкусовъ Покровскаго, и тою «печатью меланхоліи», которою отмѣчены уже первыя произведенія нашего поэта, онъ въ значительной степени обязанъ литературнымъ бесѣдамъ и печатнымъ сочиненіямъ своего перваго учителя словесности. Другой, по всей вѣроятности, еще болѣе важной причиной этой ранней «печати меланхоліи» было открытіе Жуковскимъ тайны своего происхожденія. Когда и при какихъ обстоятельствахъ раскрылась эта тайна, біографы поэта намъ не говорятъ, но едва ли можно сомнѣваться, что уже въ Тулѣ Жуковский постигъ эту роковую тайну.

На четырнадцатомъ году Жуковского отвозятъ въ Кексгольмъ на военную службу, куда онъ былъ записанъ съ рожденія; но восшествіе на престолъ императора Павла избавляетъ будущаго поэта, какъ малолѣтняго, отъ военщины, и въ 1797 году его отдають въ Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Здѣсь мальчикъ находитъ болѣе подходящее для себя общество товарищей, которые не замедлили признать его первенство «въ благонравіи, въ стремленіи къ добру и къ просвѣщенію», и среди которыхъ онъ нашелъ такихъ же друзей на всю жизнь, какъ и среди дочерей Юшковой. Литературныя же и нравственныя вліянія, которымъ подвергается Жуковский въ пансіонѣ, въ общемъ, представляютъ продолженіе бесѣдъ и уроковъ Покровскаго. Главный руководитель пансіона Прокоповичъ-Антонскій—воспитавникъ Дружескаго ученаго общества и представитель того направленія русской общественной мысли, которое сложилось на почвѣ реакціи просвѣтительной философіи XVIII вѣка. Убѣжденный, что «дни благоденствія народовъ были вмѣстѣ днями торжества религіи» и что «просвѣщеніе безъ чистой нравственности и утонченіе ума безъ образованія сердца есть злѣйшая язва, истребляющая благоденствіе не однихъ семействъ, но цѣлыхъ народовъ»,—Антонскій, въ видахъ «образованія сердца» и развитія «чистой нравственности», внушаетъ воспитанникамъ «духъ покорности и почтенія» ко всѣмъ старшимъ безъ изыятія, заставляетъ ихъ читать подернутыя мистицизмомъ сочиненія протестантскихъ проповѣдниковъ и задаетъ къ публичнымъ актамъ пансіона сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ на такія темы, какъ добродѣтель, благодѣтели, истина, счастье, любовь къ отечеству и тому подобное.

Къ чести Антонскаго надо сказать, что онъ понималъ невозможность усвоенія воспитанниками всѣхъ тридцати шести учебныхъ предметовъ, входившихъ въ программу Благороднаго пансіона, и давалъ своимъ питомцамъ значительную свободу въ выборѣ занятій по своимъ природнымъ склонностямъ. Особенное вниманіе было обращено въ пансіонѣ на изученіе русскаго языка и русской словесности, а также

на новые европейскіе языки и литературы, въ то время, какъ классическіе языки почти вовсе не преподавались. Для развитія въ своихъ воспитанникахъ литературныхъ интересовъ Прокоповичъ-Антонскій въ залѣ пансіона устраиваетъ засѣданія Общества любителей россійской словесности, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ, дозволяетъ воспитанникамъ учредить собственное общество съ цѣлью «исправленія сердца, очищенія ума и вообще обрабатыванія вкуса», позволяетъ имъ читать тогдашніе журналы и даже печатать въ нихъ свои произведенія.

Жуковскій не замедлил воспользоваться всѣми благоприятными случаями, чтобы уже на школьной скамьѣ отдаться литературной дѣятельности. Онъ является предсѣдателемъ и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ пансіонскаго общества. Уже въ первый годъ своего пребывания въ пансіонѣ онъ читаетъ на торжественномъ актѣ оду: «Благоденствіе Россіи, устроенное великимъ ея самодержцемъ Павломъ Первымъ» и печатаетъ въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» собственные свои «Мысли при гробницѣ». За этими первыми произведеніями Жуковского въ стихахъ и въ прозѣ слѣдуетъ рядъ новыхъ поэтическихъ опытовъ, въ которыхъ Жуковскій поетъ гимны *добротѣ, простотѣ, котораго «благодарный свѣтъ съ лучемъ религіи сливаясь, все кроткой теплотой живить», надеждѣ, — «кроткой посланницѣ небесъ», «подругѣ радости», «усладительницѣ нашихъ горестей» и т. д.*

Всѣ указанныя темы Жуковскій могъ найти въ русской литературѣ XVIII вѣка и, между прочимъ, въ сочиненіяхъ Карамзина, вліяніе котораго особенно ярко отразилось въ юношескихъ произведеніяхъ нашего поэта. Но общій тонъ Жуковского несравненно меланхоличнѣе, чѣмъ у его учителя. «Флеровая мантия меланхоліи» въ большинствѣ случаевъ «покрываетъ чувства» юнаго поэта.

Подъ звѣзднымъ кровомъ тихой ночи,
При свѣтѣ блѣдныя луны,
Въ тѣни вѣтвистыхъ кипарисовъ,
Брожу межъ множества гробовъ.

Вотъ излюбленная обстановка, при которой Жуковскій даетъ волю своему воображенію. Жизнь представляется ему «бездной слезъ и страданій»; на «лютую смерть» онъ смотритъ, какъ на «путь въ вѣчно-блаженную страну». Отсюда выводъ: «счастливы стократъ, кто, достигнувъ мирнаго берега, вѣчнымъ спитъ сномъ». Къ такому мрачному выводу приходитъ пятнадцатилѣтній Жуковскій въ стихотвореніи «Майское утро».

II.

Начало самостоятельной жизни Жуковского совпадаетъ съ началомъ XIX вѣка. Въ концѣ декабря 1800 года онъ покидаетъ Благородный пансіонъ, оставивъ свое имя на почетной доскѣ, и тотчасъ же

чтупаетъ чиновникомъ въ главную соляную контору, гдѣ служить съ небольшимъ годъ. Служба не мѣшаетъ Жуковскому заниматься литературой и расширять свои знакомства. Еще во время пребыванія въ пансіонѣ онъ посѣщаетъ домъ своихъ школьныхъ товарищей и друзей, братьевъ Тургеневыхъ, и въ лицѣ старика Тургенева находитъ настоящаго отца, а въ домѣ его встрѣчаетъ извѣстнаго масова Лопухина, а также Карамзина и Дмитріева. Всѣ эти лучшіе представители Екатерининской эпохи обращаютъ особенное вниманіе на даровитаго юношу и снабжаютъ его всевозможными совѣтами литературнаго и нравственнаго характера. Особенно сильное впечатлѣніе производятъ на Жуковскаго Карамзинъ, не только какъ поэтъ, но еще больше какъ человѣкъ и мыслитель. Жуковскій на всю жизнь усваиваетъ его политическіе, религіозные и нравственные взгляды и вполнѣстаи всякій разъ, когда ему приходится говорить о Карамзинѣ, отзываясь о немъ не иначе, какъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Карамзинъ для него «ангелъ, другъ, хранитель, наставникъ, примѣръ всего добраго, ободритель для всего прекраснаго», однимъ словомъ, «живое Провидѣніе».

Къ благотворному, хотя и одностороннему вліянію лучшихъ представителей Екатерининскаго времени присоединяется и вліяніе сверстниковъ и друзей Жуковскаго, среди которыхъ оказываются «классики» Блудовъ и Мерзляковъ и «нѣмцы» братья Тургеневы. Особенно сильное вліяніе оказываетъ на молодого поэта Андрей Тургеневъ, многообщавшій, но преждевременно (въ 1803 году) скончавшійся поэтъ, знатокъ нѣмецкой литературы и «пламенный поклонникъ поэзіи Гете», человѣкъ съ необыкновенно пронизательнымъ, острымъ и яснымъ умомъ, съ чистымъ и исполненнымъ любви къ прекрасному сердцемъ и съ кроткой и доброжелательной душой, — человѣкъ, искренно и горячо вѣрующій, смотрѣвшій «духомъ въ вѣчность» и видѣвшій тамъ «лучшій міръ» и «царство вѣчное одной любви святой». Вмѣстѣ съ Тургеневымъ и Мерзляковымъ Жуковскій является во главѣ возникшаго въ началѣ 1801 года Дружескаго литературнаго общества, которое, помимо литературныхъ задачъ, имѣло въ виду преслѣдовать цѣли нравственнаго самоусовершенствованія и даже филантропіи, по примѣру знаменитаго Дружескаго ученаго общества, основаннаго Новиковымъ и Шварцемъ. Члены новаго общества занимаются переводомъ на русскій языкъ произведеній нѣмецкой литературы, и Жуковскій, недостаточно еще владѣющій нѣмецкимъ языкомъ, въ качествѣ переводчика дебютируетъ романомъ Коцебу «Мальчикъ у ручья», за которымъ слѣдуютъ нелѣпо-фантастическіе романы Шписа и пошло-сентиментальныя драмы Коцебу.

Общеніе съ образованнѣйшими представителями стараго и новаго поколѣнія не могла не обнаружить пробѣловъ въ образованіи Жуковскаго, и въ началѣ 1802 года онъ оставляетъ службу въ «нелѣпой» соляной конторѣ и уѣзжаетъ въ Мишенское съ цѣлю бібліотекой, въ

составъ которой входятъ, между прочимъ, знаменитый энциклопедическій словарь Дидро и Даламбера, а также сочиненія Лессинга и Шиллера. Но не Шиллеръ и не Лессингъ увлекаютъ Жуковскаго въ егo деревенскомъ уединеніи; онъ увлекается французскимъ идиомомъ и баснописцемъ Флоріаномъ и переводитъ его повѣсти и басни, а также его передѣлку «Донъ-Кихота»

Въ одинъ годъ съ повѣстями Флоріана является и знаменитый переводъ элегіи Грея «Сельское кладбище», напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» Карамзина и сразу поставившій Жуковскаго въ ряды лучшихъ русскихъ поэтовъ. Въ этомъ произведеніи, которое Жуковский впоследствии ошибочно считалъ первымъ своимъ печатнымъ трудомъ, передъ нами первый образецъ тѣхъ переводовъ-передѣлокъ, которыми Жуковский обогатилъ русскую литературу и въ которые онъ вложилъ такъ много своего собственнаго я, что эти переводы представляютъ такіе же драгоценные матеріалы для характеристики душевнаго настроенія автора, какъ и оригинальныя его произведенія. Еще въ Благородномъ пансіонѣ познакомился Жуковский съ прозаическими переводами элегіи Грея, и грустный тонъ этого произведенія настолько пришелся нашему поэту по душѣ, что онъ сдѣлалъ три стихотворныхъ перевода знаменитой элегіи (въ 1801, 1802 и 1839 гг.). Да и какъ было Жуковскому не увлечься этимъ произведеніемъ, когда въ немъ не только изображена любимая имъ обстановка — кладбище ночью, не только трактуется его любимая тема о смерти, но дается еще и характеристика безвременно умершаго пѣвца, кроткаго сердца, чувствительнаго душой, отиѣченнаго «печатью меланхоліи», дарившаго несчастныхъ слезой и получившаго въ награду отъ Творца друга. Въ этомъ пѣвцѣ Жуковский съ полнымъ правомъ могъ видѣть свой портретъ, а такъ какъ этотъ портретъ все-таки не вполне совпадалъ съ оригиналомъ, то образъ англійскаго меланхолика подвергся значительной ретушовкѣ, которая усилила и безъ того мрачный колоритъ элегіи.

Лучшій біографъ и другъ нашего поэта, докторъ Зейдлицъ, вполне справедливо усматриваетъ въ этомъ переводѣ «психологическій документъ, опредѣляющій душевное состояніе поэта» во время пребыванія его въ Мипшенкомѣ, гдѣ онъ снова почувствовалъ себя въ ложномъ положеніи по отношенію къ своимъ «благодѣтелямъ» и даже по отношенію къ родной матери. Поэтъ является на родину съ самыми скромными желаніями: ему не нужны «вѣнцы вселенной» и «позлащенные чертоги».

Простой, укромный уголокъ
Въ тѣни лѣсовъ уединенный,
Гдѣ бъ я свободнѣе дышалъ,
Всѣмъ милымъ сердцу окруженный,
И лирой слухъ свой услаждалъ.

Вотъ все—я больше не желаю,
Въ душѣ моей цвѣтеть мой рай.
Я бурный міръ сей превираю.

Для такого любителя уединенія и сельской природы, какииъ былъ Жуковскій, Мишенское было прекраснымъ уголкомъ, но поэту не живетъ въ той обстановкѣ, въ которой онъ выросъ, и мы видимъ его въ постоянныхъ переездахъ съ одного мѣста на другое.

Во время этихъ блужданій не забываетъ Жуковскій, что ему надо «въ просвѣщеніе стать съ вѣкомъ наравнѣ». Онъ составляетъ «роспись во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ» и задается цѣлью не только прочитать намѣченные сочиненія, но и сдѣлать изъ нихъ «экстракты». Онъ читаетъ сочиненія сентиментальныхъ поэтовъ и моралистовъ, къ которымъ присоединяются историки, педагоги и даже политико-экономы въ лицѣ Сая. Рядомъ съ самообразованиемъ идетъ и выработка міросозерцанія, и борьба съ религиозными сомнѣніями. Въ пансіонѣ всѣ такъ называемые «проклятые вопросы» разрѣшались очень просто: *добродѣтель* — цѣль и счастье земной жизни, *безсмертіе* — награда за гробомъ. Но скоро эти понятія, воспріятыя съ чужого голоса, потребовали болѣе точнаго опредѣленія. Смерть Андрея Тургенева кладетъ начало религиознымъ сомнѣніямъ Жуковского. Сначала онъ утѣшаетъ себя стихами:

...Пройдетъ и жизньъ, ты будешь мой опытъ!
Во гробѣ намъ судьбой назначено свиданье!
Надежда сладкая, прелестно ожиданье!
Съ какими оселюмъ я буду умирать!

А мѣсяць спустя послѣ того, какъ были написаны эти строки, у Жуковского является уже сомнѣніе, возможно ли «свиданье» въ загробной жизни, и передъ нимъ возстаетъ проблема личнаго безсмертія. Сомнѣнія эти на первыхъ порахъ помогаетъ разрѣшить или, лучше сказать, устранить житейская философія Карамзина, въ основѣ которой лежала «довѣренность къ Провидѣнію».

Но скоро опять «проклятые вопросы» поднимаются въ душѣ Жуковского. «Несогласіе чувствъ и дѣлъ съ правилами и словами», замѣчаемое имъ «съ колыбели», развиваютъ въ немъ «неуваженіе и равнодушіе къ религіи», и въ 1805 году всѣ его прежнія религиозныя представленія оказываются «пустыми словами безъ смысла и безъ дѣйствія». А между тѣмъ онъ чувствуетъ, «какое блаженство должна давать прямая религія: она возноситъ человѣка выше всего, выше самой его личности». Вѣра—для него необходимое условіе и подпора счастья, а счастье—«законъ природы». Слѣдовательно, чтобы исполнить «законъ природы», нужна вѣра. И вотъ онъ *хочетъ* вѣрить, прежде всего вѣрить безсмертію души, какъ главному условію счастья. 17-го іюля 1805 года онъ смотритъ на небо, «воображаетъ» безсмертіе и мечтаетъ: «Безсмертіе, вѣчное радостное бытіе, котораго подобіе на-

ходимъ здѣсь въ духовныхъ наслажденіяхъ!.. Ахъ, если бы это чувство укоренилось въ душѣ моей! Какъ бы всѣ несчастія были передо мною слабы! Можетъ ли быть то ложно, что такъ возвышаетъ душу, и можетъ ли та душа быть не безсмертна, которая такъ можетъ возвыпаться!.. Тамъ—какое слово, что подъ нимъ заключается! У меня на глазахъ слезы отъ сего слова! Друзья, надежды, радости, блаженство—все тамъ!»

Въ борьбѣ съ религиозными сомнѣніями Жуковскій прибѣгаетъ даже къ внѣшней помощи. «Ты долженъ быть,—пишетъ онъ А. И. Тургеневу,—согрѣвателемъ моей души, долженъ поддерживать во мнѣ чувство безсмертія... Я за себя не совѣмъ ручаюсь, и для того-то требую подпоры, защиты противъ самого себя» *).

Для того, чтобы быть достойными блаженства тамъ, здѣсь человѣкъ долженъ быть добродѣтельнымъ. Но что такое добродѣтель? Огвѣтъ на этотъ вопросъ Жуковскій находитъ у главнаго представителя рационализма XVIII вѣка. «Истинная добродѣтель состоитъ въ употребленіи своихъ способностей къ наибольшему благу людей. На всякой степени ума и во всякомъ состояніи можно быть добродѣтельнымъ». Эти слова Вольтера Жуковскій записываетъ въ своемъ дневникѣ и прибавляетъ: «Вотъ правило, котораго никогда не должно выпускать изъ мыслей» **). Но стремленіе къ наибольшему благу людей не должно входить въ противорѣчіи съ собственнымъ благомъ человѣка. «Главное дѣло человѣка: приобрести способность быть счастливымъ». Но въ чемъ же личное счастье? «Быть счастливымъ есть мыслить. Въ мысляхъ заключаются всѣ наши наслажденія. Онѣ возвышаютъ, украшаютъ душу». Даже другъ и жена—только помощники въ достиженіи этой «внутренней душевной возвышенности», которая является для Жуковского прообразомъ загробнаго блаженства.

Самообразование и выработка міросозерцанія идутъ у Жуковского на ряду съ мечтами о матеріальномъ устройствѣ своей жизни. Отецъ не оставилъ ему никакого наслѣдства, если не считать семьи дворовыхъ, которые живутъ на волю и не думаютъ платить барину оброка. Капиталъ, составленный для него Буниной изъ наслѣдства своихъ дочерей, и литературный заработокъ не въ состояніи избавить поэта отъ необходимости проживать у разныхъ «благодѣтелей». Служить онъ не хочетъ, потому что на низшихъ ступеняхъ административной лѣстницы онъ не желаетъ быть «орудіемъ чужой воли», а для высшихъ ступеней, съ которыми связана возможность дѣлать добро, «онъ не находитъ въ себѣ способностей публичнаго человѣка». По примѣру Карамзина,

*) Письма Жуковского къ А. И. Тургеневу напечатаны въ приложеніи къ журналу «Русскій Архивъ» за 1895 г.

***) «Дневники» Жуковского напечатаны въ приложеніи къ журналу «Русская Старина» за 1901 и 1902 гг.

онъ желаетъ «спокойной, но дѣятельной жизни человѣка, упражняющагося въ наукахъ». Въ половинѣ 1805 года у нашего мечтателя складывается обширный планъ относительно будущаго. Онъ мечтаетъ отправиться на чужой счетъ вмѣстѣ съ Мерзляковымъ и Николаемъ Тургеневымъ за границу для продолженія своего образованія. Онъ думаетъ первый годъ учиться въ Геттингенѣ, другой годъ учиться въ Парижѣ, третій годъ путешествовать по Европѣ. По возвращеніи въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ будетъ издавать журналъ, чтобы расплатиться съ долгами, а затѣмъ посвятить себя совершенно литературѣ, сколотить «двадцатитысячный капиталъ», чтобы имѣть «вѣрный доходъ по тысячѣ рублей въ годъ», и будетъ вести «спокойную, невинную жизнь», заниматься чтеніемъ и садоводствомъ и находить отдохновеніе въ обществѣ «вѣрнаго друга или вѣрной жены». Черезъ восемь дней послѣ того, какъ въ дневникѣ Жуковскаго былъ начертанъ этотъ буржуазно-идиллическій идеалъ счастья, онъ подыскалъ себѣ и будущую «вѣрную жену» въ лицѣ своей двѣнадцатилѣтней племянницы Маши Протасовой. «Я былъ бы съ нею счастливъ,—мечтаетъ Жуковскій,—она умна, чувствительна, она узнала бы цѣну семейственнаго счастья и не захотѣла бы свѣтской разсѣянности... Моя первѣйшая цѣль есть наслажденіе семейственною жизнью».

Мечты Жуковскаго о заграничномъ путешествіи не осуществляются. Вслѣдъ за Протасовыми онъ переѣзжаетъ въ Бѣлевъ и отдается образованію своихъ племянницъ. Этотъ первый опытъ своихъ педагогическихъ занятій Жуковскій начинаетъ съ довольно обширной программой, куда входятъ теологія, этика, философія, исторія, грамматика, риторика, эстетика, словесность, русская и иностранная, и даже воспитаніе. Между прочимъ, Жуковскій предполагаетъ ознакомить своихъ ученицъ въ строгой системѣ съ лучшими писателями древними и новыми. Но исполненіе такой обширной программы оказывается Жуковскому не по силамъ. Уже въ первые мѣсяцы своихъ педагогическихъ занятій съ племянницами онъ дѣлаетъ печальное открытіе: «ученье мнѣ теперь всего нужнѣе, потому что я совсѣмъ ничего не знаю». А въ концѣ 1806 года онъ появляется уже въ Москвѣ съ намѣреніемъ «цѣлый годъ посвятить порядочному ученію, пройти исторію и философію и потомъ уже, имѣя основательныя знанія, привѣяться за что-нибудь важное и полезное». Но патриотическое воодушевленіе общества, вызванное первой неудачей въ борьбѣ съ Наполеономъ, мѣшаетъ учебнымъ занятіямъ Жуковскаго. Онъ считаетъ своимъ долгомъ служить отечеству и мечтаетъ «втереться въ штатъ какого-нибудь изъ главнокомандующихъ областныхъ для письменныхъ дѣлъ». Онъ не прочь даже «идти во фронтъ», если это окажется необходимымъ. Отъ поступленія въ милицію Жуковскаго отговорили. Между прочимъ, родная мать поэта написала ему: «ты

совсѣмъ неспособенъ къ военной службѣ и гораздо болѣе можешь быть полезенъ отечеству, избравъ другой родъ службы».

Заплативъ патріотическому воодушевленію «лепту вдовицы» въ видѣ «Пѣсни барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей», Жуковский, по совѣту матери, обращаетъ взоры на гражданскую службу, тѣмъ болѣе, что ему надоѣло уже «ходить въ Блудова сюртукъ и жилетъ и ѣсть слоеные пироги», вмѣсто нормальнаго обѣда. Онъ мечтаетъ при помощи друзей найти такую службу, которая обезпечивала бы ему необходимыя средства для существованія и въ то же время не мѣшала бы заниматься и самообразованіемъ. Онъ мечтаетъ и о мѣстѣ библиотекаря, и о мѣстѣ «директора» какого-нибудь училища въ Москвѣ, и даже о поступленіи въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Всѣ эти мечты оканчиваются въ половинѣ 1807 года, когда Жуковский рѣшается взять на себя редактированіе «Вѣстника Европы».

Неопредѣленность житейскаго положенія и выработка міросозерцанія, связанная съ религиозными сомнѣніями, крайне неблагоприятно отражается на душевномъ настроеніи Жуковскаго. Часто онъ чувствуетъ себя недовольнымъ, беспокойнымъ, лишеннымъ бодрости. Нерѣдко онъ переживаетъ минуты отчаянія. Онъ замѣчаетъ неблагоприятное вліяніе основныхъ свойствъ своей натуры, мечтательности и «священной меланхоліи», и старается отдѣлаться отъ нихъ или ослабить ихъ насколько возможно. Онъ хочетъ быть «энтузіастомъ по разсудку» и проситъ Тургенева прислать ему «какого-нибудь нѣмца-энтузіаста», «что-нибудь хорошее въ нѣмецкой философіи», которая «возвышаетъ душу, возбуждаетъ энтузіазмъ». Точно также Жуковский сознаетъ, что «жить одними идеалами не годится», что «мечтательность сама по себѣ вредна и опасна», и считаетъ необходимымъ обуздывать порыва фантазіи «здравкою опытною философіею». Переводъ «Донъ-Кихота» и чтеніе романа Виланда, «Агатонъ», оказываютъ въ этомъ отношеніи сильное вліяніе на Жуковскаго.

Въ переводѣ знаменитыхъ похощеній рыцаря Печальнаго Образа Жуковский не только находитъ лекарство противъ своей мечтательности, но и даетъ выходъ тому запасу ироніи и юмора, которые по временамъ брала верхъ надъ его «меланхоліей» и впослѣдствіи доходили даже до буйства, напримѣръ, въ протоколахъ Арзамаса и въ нѣкоторыхъ письмахъ. Впослѣдствіи онъ находитъ даже страннымъ, что многіе считаютъ его «постомъ увывія», тогда какъ онъ «очень склоненъ къ веселости, шутливости и даже карриатурѣ». Указанныя черты характера Жуковскаго, помимо перевода «Донъ-Кихота», проявились и въ переводѣ басенъ Флоріана и Лафонтена, и въ цѣломъ рядѣ эгиптянъ и сатирическихъ эпитафій, относящихся къ 1806 году и не чуждыхъ неогла гражданскихъ мотивовъ.

Къ ссжаленію, обстоятельства личной жизни и литературныя вліянія не благоприятствовали развитію въ Жуковскомъ только что указанной

стороны его таланта, и его эпиграммы кажутся даже неумѣстными среди такихъ торжественныхъ, патріотическихъ и воинственныхъ произведеній, какъ «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей», и такихъ сентиментально-меланхолическихъ стихотвореній, какъ «Вечеръ» и «Къ Филалету», гдѣ передъ нами является знакомый намъ «уединенный пѣвецъ», которому

...рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ сель, любить красы природы...
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать—

и для котораго «кончины сладкій часъ любимую мечтою становится».

Все это знакомыя намъ мечты раннихъ произведеній Жуковского; новаго въ стихотвореніяхъ разсматриваемаго періода одна только *любовь*, которую нашъ поэтъ изгналъ даже изъ «Сельскаго кладбища» и которая, впервые появившись въ переводахъ романсовъ Сервантеса (въ «Донъ-Кихотѣ»), въ 1806 году, подъ влияніемъ нѣжнаго чувства къ Машѣ Протасовой, дѣлается для Жуковского «счастьемъ, благостью и геніемъ». Этому же нѣжному чувству Жуковского къ его юной племянницѣ обязаны мы и первыми переводами изъ Шиллера. Но и любовь не спасаетъ Жуковского отъ меланхоліи, которая съ такою силою выливается въ посланіи «къ Филалету» (А. И. Тургеневу), напоминающемъ нѣкоторыми стихами знаменитую элегію Пушкина «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ». Вотъ какія признанія дѣлаетъ Жуковский другу о своемъ душевномъ настроеніи въ 1807 году:

...Кончины сладкій часъ

Моей любимую мечтою становится;
Унылость тихая въ душѣ моей хранится;
Во всемъ внимаю я знакомый смерти гласъ...
Повсюду вѣстники могилы предо мной...
Внимаю-ли рогамъ пастушьимъ за горой,
Иль вѣтра горнаго въ дубравѣ трепетанью,
Иль тихому ручья въ кустарникѣ журчанью,
Смотрю-ль въ туману даль вечернею порой,
Къ клавиру-ль преклонясь, гармоніи внимаю—
Во всемъ печальныхъ дней конецъ воображаю...

Объясненіемъ такого унынія и стремленія къ замогильному покою является вся жизнь поэта.

Къ младенчеству-ль душа прискорбная летитъ,
Считаю-ль радости минувшаго—какъ мало!
Нѣтъ! счастье къ бытію меня не приучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ своей для дружбы я соврѣлъ—
И что жел.. предо мной увядшаго могила.
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.
Любовь... но я въ любви нашель одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье.

III.

Въ 1808 году осуществляется мечта Жуковского издавать журналъ: онъ дѣлается редакторомъ основаннаго Карамзинимъ «Вѣстника Европы». Въ качествѣ profession de foi онъ печатаетъ «Письмо изъ уѣзда», гдѣ распространяется о громадной пользѣ чтенія вообще и чтенія хорошихъ журналовъ въ частности. Хорошій журналъ, по мнѣнію Жуковского, полезнѣе хорошей книги, потому что книга дѣйствуетъ медленно и на немногихъ людей, а «хорошій журналъ дѣйствуетъ *вдружь* и на многихъ» и такимъ образомъ скорѣе книги распространяетъ полезныя идеи и подготавливаетъ читателей къ усвоенію философіи и поэзіи. Результаты вліянія хорошихъ журналовъ на русскую публику Жуковский рисуетъ самыми привлекательными красками. «Охота читать книги—очищенная, образованная—дѣлается общою; просвѣщеніе исправить понятія о жизни, о счастьи; лучшая, болѣе благородная дѣятельность оживить умы... Съ успѣхами образованности, состоянія должны придти въ равновѣсіе... Одинакія понятія о наслажденіяхъ жизни соединять чертоги и хижины... Понятія о супружествѣ очистятся; супружество не будетъ соединеніемъ однихъ приличій, но радостнымъ, нераздѣльнымъ товариществомъ на пути къ счастью, въ единомъ дѣятельномъ исканіи совершенства... Воспитанію—высокой, пренебреженной обязанности человѣка въ священномъ званіи отца, обязанности, сближающей его съ Творцомъ, который и счастьемъ, и несчастьемъ воспитываетъ человѣчскій родъ — воспитанію возвратятся отнятыя права» и т. д.

Первымъ достоинствомъ журнала Жуковский считаетъ «разнообразіе» и съ первой же книжки задается цѣлью «собирать, не давая отчета, ученую подать со всѣхъ временъ и народовъ», руководствуясь единственнымъ требованіемъ: «удовольствія и удовольствія, занятія благороднаго и не пустого». Поэзія и мораль составляютъ главное содержаніе «Вѣстника Европы», политика же играетъ въ немъ второстепенную роль, а критика на первыхъ порахъ совершенно изгоняется со страницъ журнала. «Критика и роскошь—пишетъ Жуковский, почти буквально повторяя слова Карамзина,—дочери богатства; а мы еще не крезы въ литературѣ. Уроки морали ничто безъ опытовъ, и критика самая тонкая ничто безъ образцовъ... Восхищайся, подражай, будь остороженъ—въ этихъ трехъ словахъ заключена вся сущность критики». Но скоро программа журнала подвергается существеннымъ измѣненіямъ. Отдѣлъ политики съ сентября 1809 года исчезаетъ вовсе, зато является самостоятельный отдѣлъ критики. Самъ Жуковский пишетъ руководящую статью, въ которой излагаетъ свои взгляды на критику, доказываетъ ея пользу и необходимость и указываетъ главныя условія хорошей критики. Теперь критика, по его мнѣнію, «Аріаднина нить разсудку и чувству» читателей, недостаточно подготовлен-

ныхъ для уразумѣнія красотъ изящнаго. Условія хорошей критики — безпристрастіе и «учтивость». «Думаю также,—прибавляетъ Жуковский,—что, разбирая произведенія изящныя, онъ (критикъ) долженъ болѣе останавливаться на красотахъ, нежели на погрѣшностяхъ». При такомъ направленіи критики, по мнѣнію Жуковскаго, даже «разсма- триваніе вздорныхъ книгъ» можетъ послужить «приготовленіемъ къ хорошему». Званіе критика «весьма важное и весьма трудное». Истинный критикъ долженъ быть одаренъ отъ природы глубокимъ и тонкимъ чувствомъ изящнаго, проникательнымъ и вѣрнымъ умомъ. Онъ долженъ знать всѣ правила словеснаго искусства, долженъ быть знакомъ съ превосходнѣйшими образцами словесности и имѣть въ душѣ «соб- ственный идеалъ совершенства, такъ сказать, составленный изъ всѣхъ красотъ, замѣченныхъ имъ въ произведеніяхъ изящнаго, идеалъ, съ которымъ онъ сравниваетъ всякое новое произведеніе художника». А такъ какъ искусство—подражаніе природѣ, то истинный критикъ дол- женъ быть знакомъ съ природой. Кромѣ того «истинный критикъ дол- женъ быть и моралистъ - философъ... Онъ долженъ быть и самъ мо- рально-добрымъ (курсивъ Жуковскаго) или, по крайней мѣрѣ, имѣть въ душѣ своей рѣшительное расположеніе къ добру, ибо доброта мораль- ная... служитъ основаніемъ чувству изящнаго».

Уже изъ этой руководящей статьи можно видѣть, какіе устарѣлыя взгляды исповѣдуетъ Жуковский въ эпоху изданія «Вѣстника Европы». Передъ нами вѣрный ученикъ Лагарпа, поклонника ложно-классицизма, и Зюльцера, положившаго въ основаніе своей «Теоріи изящныхъ ис- кусствъ» принципъ нравственной пользы поэзіи, принципъ, усвоенный Жуковскимъ на всю жизнь. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ Лессингъ въ «Гамбургской драматургіи» нанесъ французской псевдо- классической трагедіи смертельный ударъ и далъ новую теорію драмы, Жуковский считаетъ Лагарпа лучшимъ знатокомъ теоріи драматиче- скаго искусства. Неудивительно, что имѣя такого руководителя, Жу- ковскій холодно стносится къ Шекспиру и отдаетъ предпочтеніе фран- цузскимъ трагикамъ Корнелию, Расину, Вольтеру.

Отсталость Жуковскаго отъ литературнаго движенія на западѣ, столь обычная для ученическаго періода русской литературы, ясно вы- разилась также и въ выборѣ той «ученой подати со всѣхъ временъ и народовъ», которая составляетъ преобладающее содержаніе «Вѣстника Европы». Рядомъ съ Руссо, которымъ Жуковский одно время сильно увлекался, рядомъ съ Шиллеромъ, который занялъ въ его сердцѣ мѣсто женеваго мечтателя, рядомъ съ Виландомъ и Шатобрианомъ мы на- ходимъ въ «Вѣстникѣ Европы» такихъ писателей, какъ Энгель, осмѣ- янный романтиками, какъ Меркель, извѣстный своей враждой къ Гёте, какъ пресловутый Коцебу и даже Жанлисъ.

Въ стихотворныхъ переводахъ Жуковский въ большей степени, чѣмъ въ прозаическихъ, является поклонникомъ новаго направленія въ нѣ-

медкой поэзіи. Но и тамъ на ряду съ переводами и передѣлками стихотвореній Гёте и Шиллера, который надолго дѣлается любимымъ поэтомъ Жуковского, мы встрѣчаемъ сентиментальныя произведенія Томсона, Маттисона, Мильвуа и др. Въ это же время появляются и первыя баллады Жуковского: «Людмила» — передѣлка знаменитой въ исторіи романтизма «Леноры» Бюргера, «Кассандра» и «Ивиковы журавли» Шиллера, «Громобой» съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ романа Шписа, и наконецъ, уже въ 1811 году, знаменитая «Свѣтлана», представляющая по сравненію съ «Людмилой» еще болѣе смягченную передѣлку «Леноры». И у сентиментальныхъ поэтовъ, и у предшественниковъ нѣмецкаго романтизма Жуковский беретъ только то, что соответствуетъ его душевному настроенію и нравственнымъ убѣжденіямъ, не останавливаясь, въ угоду своимъ одностороннимъ литературнымъ вкусамъ, даже передъ передѣлкой и искаженіемъ иностраннаго образца. Неудивительно, поэтому, что не только въ оригинальныхъ, но въ переводныхъ произведеніяхъ Жуковского, относящихся къ 1808—1810 годамъ, мы находимъ всё его любимыя идеи и понятія. Тутъ и вѣра — вожатый «въ таинственный край чудесъ», и благодатная надежда — «причина всѣхъ добрыхъ дѣлъ, источникъ всего великаго», и покорность Провидѣнію, и спасительность раскаянія, и скорбь — «Создателя посланье», и могила — «вѣрный путь къ покою», и смерть — «лучшій жизни свѣтъ», и свиданіе за гробомъ, и безсмертіе — «нашъ удѣлъ». Господствующимъ же мотивомъ въ поэзіи Жуковского за указанный періодъ является любовь къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой, которой онъ посвящаетъ цѣлый рядъ самыхъ страстныхъ посланій, заимствуя языкъ любви у Шиллера. Вліяніе любовнаго увлеченія отражается и на прозаическихъ сочиненіяхъ Жуковского. Даже сентиментальныя повѣсти, напечатанныя Жуковскимъ въ «Вѣстникѣ Европы», получаютъ особый смыслъ, если принять во вниманіе, что онѣ вышли изъ подъ пера человѣка, руководившаго воспитаніемъ двухъ дѣвушекъ, на одну изъ которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на свою будущую жену. Сказка «Три пояса» должна была показать ученицѣ Жуковского, что въ скромности заключены красота и всѣ таланты женщины. Въ повѣсти «Марьяна роща» Марья Андреевна должна была увидѣть, что если она забудетъ своего скромнаго пѣвца и прельстится богатствомъ и знатностью какого нибудь Рогдая, то въ этомъ бракѣ не найдетъ счастья.

Въ общемъ, настроеніе Жуковского, въ эпоху изданія имъ «Вѣстника Европы», довольно мрачное. Ни полезная дѣятельность, ни страстная любовь, ни вѣра въ Провидѣніе не спасаютъ его отъ меланхоліи и отъ мысли о смерти, которая, какъ ему кажется, готова раскрыть для него свои объятія. Своей старой знакомкѣ — меланхолии онъ посвящаетъ цѣлое разсужденіе, гдѣ доказываетъ, что «даже счастье любви есть наслажденіе меланхолическое». Свои излюбленныя мысли о смерти онъ вставляетъ даже въ статьи объ игрѣ актрисы Жоржъ.

«Мысль о смерти—говорится по поводу представленія «Федры»,—мысль трогательная для того, кто въ жизни видитъ одно страданіе и потерявъ всё надежды, ибо она (т.-е. смерть) представляетъ ему тихое убѣжище».

При такомъ могильномъ настроеніи Жуковскому, конечно, было не до обсужденія общественныхъ вопросовъ, занимавшихъ въ то время русскую журналистику. Но на одинъ изъ этихъ вопросовъ откликнулся и нашъ поэтъ. Въ 1809 году онъ печатаетъ статью «Печальное происшествіе», гдѣ разсказывается о несчастной дворовой дѣвушкѣ, получившей прекрасное воспитаніе и полюбившей прекраснаго молодого человѣка, но доставшейся старому развратнику. Жуковскій возстаетъ противъ обыкновенія русскихъ баръ давать своимъ крѣпостнымъ образованіе и не предоставлять имъ въ то же время личной свободы. «Такія благотворенія—говоритъ Жуковскій,—гибельны и по большей части бываютъ причиною одного разврата». «Человѣкъ зависимый, знакомый съ чувствами и понятіями людей независимыхъ, несчастливъ навѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее—свобода!.. Просвѣщеніе должно возвышать человѣка въ собственныхъ его глазахъ—а что унижаетъ рабства!»

Человѣкъ образованный не долженъ быть рабомъ—такова основная мысль Жуковского. Но для необразованнаго народа рабство, по примѣру Карамзина, допускается, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями. Въ 1806 году въ сборѣ ополченія противъ Наполеона Жуковскій видитъ «благопріятный случай для дарованія многихъ нравъ крестьянству, которыя бы приблизили его нѣсколько къ свободному состоянію»; а въ 1808 году онъ является поборникомъ просвѣщенія закрѣпощеннаго народа. «Просвѣщеніе—по его мнѣнію—необходимо для человѣка во всякомъ состояніи, и можетъ быть благотѣльно въ самой хижинѣ земледѣльца... Люди нязкіе—ремесленники, земледѣльцы—должны быть до нѣкоторой степени образованы». Но «излишество образованія» Жуковскій считаетъ вреднымъ для простаго народа и требуетъ для простолюдиновъ «ограниченнаго, приличнаго ихъ скромному жребію просвѣщенія, которое научило бы ихъ наслаждаться жизнью въ томъ самомъ кругу, въ которомъ помѣщены они судьбою, и наслаждаться достойнымъ челоуѣчества образомъ». Онъ желаетъ даже, чтобы народъ, «по мѣрѣ распространенія понятій своихъ, болѣе и болѣе привязывался къ своему жребію, научался понимать его преимущества, ими [наслаждаться или сносить несчастія, необходимо съ нимъ соединенныя: просвѣщеніе должно убѣдить его, что онъ можетъ быть счастливъ, можетъ быть челоуѣкомъ во всѣхъ состояніяхъ». Жуковскій даетъ даже и списокъ книгъ, желательныхъ для образованія народа въ указанномъ направленіи, столь любезномъ сердцу тогдашнихъ крѣпостниковъ. Въ этотъ списокъ входятъ катехизисъ морали, общія понятія «о натурѣ», руководство для сохраненія здоровья, «энциклопедія ремесленниковъ и зем-

ледѣльцевъ» и кромѣ того, въ дополненіе къ катехизису, повѣсти и сказки, «которыхъ герои были бы взяты изъ состоянія низкаго», и «народныя стихотворенія, въ которыхъ воображеніе поэта украсило бы природу, непривлекательную для грубыхъ очей простолюдина». Историческія же сочиненія Жуковскій считаетъ для народа излишними, потому что тамъ говорится о происшествіяхъ, «въ которыхъ ему не свойственно принимать участія»; а романы онъ считаетъ даже вредными, потому что они переносятъ воображеніе простолюдина въ совершенно иную міръ. Для составленія указанныхъ книгъ Жуковскій проектируетъ даже особую академію «для просвѣщенія простолюдиновъ».

Такой проектъ образованія народа, съ цѣлью привязать его къ своему жребію, могъ составить только человѣкъ, убѣжденный въ необходимости существованія крѣпостного права. Такимъ крѣпостникомъ и былъ Жуковскій въ эпоху изданія «Вѣстника Европы». Извѣстно, что въ 1809 году онъ старается удержать за собою семью дворовыхъ, доставшихся ему отъ Бунина. Когда тѣ стали искать свободы посредствомъ суда, Жуковскій не только не призвалъ за своими крѣпостными права на «высшее благо», но обратился даже къ тульскому полицеймейстеру съ просьбой похлопотать, чтобы просьба, поданная дворовыми въ судъ, «не пошла въ дѣло». Извѣстно также, что книгопродавецъ Поповъ купилъ на имя Жуковского семью крѣпостныхъ людей. Только въ 1822 году, послѣ перваго заграничнаго путешествія, поэтъ созналъ неприличіе быть душевладѣльцемъ и постарался избавиться отъ «крещеной собственности».

IV.

Въ качествѣ руководителя «Вѣстника Европы», Жуковскій не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Точно такъ же и собственная мечта поэта—сколотить путемъ изданія журнала капиталецъ—остается неосуществленной. Журналъ не имѣлъ успѣха, и самъ Жуковскій въ 1810 году сознается, что «Вѣстникъ Европы»—«весьма худой журналъ», а впоследствии называетъ себя «жалкимъ издателемъ» этого журнала. Чуждый самообольщенія, поэтъ сознаетъ и главную причину неуспѣха своей дѣятельности въ качествѣ журналиста. «Не зная азбуку,—пишетъ онъ Тургеневу въ концѣ 1810 года,—я принялся за авторство; но авторство мое увѣрило меня, что надобно приняться за азбуку». «Я невѣжда,—продолжаетъ Жуковскій,—во всей обширности этого слова. Теперь главная мысль моя: надобно учиться и потомъ писать».

Жуковскій покидаетъ Москву и снова переселяется въ Бѣлевъ, гдѣ опять принимается за самообразование. Его письма къ Тургеневу наполняются просьбами о книгахъ, подобно письмамъ Пушкина изъ села Михайловскаго. Главное вниманіе поэта сначала обращено на исторію.

«Исторія,—пишетъ онъ Тургеневу,—изъ всѣхъ наукъ самая важнѣйшая; важнѣе философія, ибо въ ней заключена лучшая философія, т.-е. практическая, слѣдовательно, полезная. Для литератора и поэта исторія необходимѣе всякой другой науки: она возвышаетъ душу, расширяетъ понятіе и предохраняетъ отъ излишней мечтательности, обращая умъ на существенное». Для ознакомленія со всеобщей исторіей Жуковский хочетъ «прочитать всѣхъ классиковъ-историковъ», а русскую исторію онъ хочетъ изучать по источникамъ. Въ частности, русская исторія нужна ему для того, чтобы написать романтическую поэмю «Владиміръ». Онъ хочетъ имѣть «основательное понятіе о древности славянской и русской» и, по указанію Карамзина, погружается въ русскія и иностранныя сочиненія о Россіи и о славянахъ, а также и въ памятники древне-русской письменности. Кромѣ того, онъ считаетъ необходимымъ, въ качествѣ подготовительной работы для своей поэмы, прочитать цѣлый рядъ лучшихъ произведеній иностранной литературы, въ томъ числѣ Гомера, Вергилія, Овидія, Аріосто, Тасса, Камозанса, Мильтона, Шекспира, Вальтера-Скотта, Оссіана, Эдду, «Пѣснь о Нибелунгахъ». Произведенія древнихъ классиковъ Жуковский желаетъ прочитать въ подлинникахъ и очень жалѣетъ, что греческій и латинскій языки ему неизвѣстны. Уже въ сентябрѣ 1810 года онъ принимается за латинскія вокабулы и «съ восхищеніемъ» мечтаетъ о греческомъ языкѣ, который считаетъ «необходимымъ для усовершенствованія русскаго».

Осуществленіе такой обширной программы самообразованія и не прекратившееся совершенно сотрудничество въ «Вѣстникѣ Европы» требуютъ отъ Жуковского массы времени и труда. Но на первыхъ порахъ онъ не унываетъ. У него сердце обливается кровью при мысли, «сколько погибло драгоценнаго времени по пустякамъ». Трудолюбіемъ и прилежаніемъ онъ хочетъ наверстать потерянное время. Теперь у него всякая минута занята. Онъ неоднократно повторяетъ «золотое правило» любимаго своего историка Іоганна Миллера: «постоянство и твердость могутъ быть достигнуты лишь тогда, когда все наше время будетъ распределено такъ же правильно, какъ въ монастырѣ». Этого правила онъ хочетъ держаться во что бы то ни стало; онъ дѣлается «работъ своего нѣмецкаго порядка», и даже «восхищенію стихотворному» назначенъ у него особый часъ. Дѣятельность и дружба теперь для него «ангелы хранители». Даже любовь къ Маггѣ, по собственному заявленію Жуковского, «уступила трудолюбію». Эту любовь теперь онъ считаетъ главной причиной своей прежней бездѣятельности и гнѣви. Какъ разъ въ это время онъ переводитъ и знаменитое стихотвореніе Шиллера «Die Ideale» (у Жуковского «Мечты»), въ которомъ онъ находитъ отраженіе собственнаго душевнаго настроенія. И для нашего поэта надежда оказалась «обольстителемъ неопытной души», а «красоты прежнихъ призраковъ» сдѣлались «добычей истины унылой».

И Жуковскій, подобно Шиллеру, находитъ единственное утѣшеніе въ трудѣ и дружбѣ.

Увлеченный трудомъ самообразованія, Жуковскій чувствуетъ себя совершенно счастливымъ: въ работѣ онъ видитъ и средство къ счастью и самое счастье. Одно только обстоятельство нарушаетъ блаженное состояніе его души—матеріальная необеспеченность. Послѣ передачи журнала Каченовскому Жуковскій опять начинаетъ мечтать о службѣ, которая давала бы ему необходимое матеріальное обезпеченіе и въ то же время не мѣшала бы его литературнымъ занятіямъ. «Совѣтую вамъ, добрые друзья мои, Миллеръ-Тургеневъ и Лагарпъ-Блудовъ,—пишетъ Жуковскій въ декабрѣ 1810 года,—составить между собою академію дружбы, которой цѣль должна быть: изысканіе статистическое, филологическое и микроскопическое способоу доставить вашему Жуковскому вѣрное состояніе... Вы сдѣлаете пользу мнѣ, а я—я буду полезенъ цѣлой Россіи. Говорю это не шути, ибо я могу быть и буду хорошимъ писателемъ». Дѣятельность «академіи дружбы» не осталась безъ послѣдствій, и въ началѣ слѣдующаго года Жуковскій получаетъ отъ тогдашняго попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, Уварова, приглашеніе занять мѣсто профессора въ педагогическомъ институтѣ, который уже давно предполагалось преобразовать въ университетъ. Къ чести Жуковскаго, надо сказать, что онъ отказывается отъ профессорскаго мѣста, потому что чувствуетъ себя неподготовленнымъ къ этому званію, и проситъ попечителя дать ему «время, нужное для пригготовительнаго, ученическаго труда».

Но Жуковскому не суждено было сдѣлаться профессоромъ. Важныя перемены въ его личной жизни отвлекаютъ его вниманіе совершенно въ другую сторону. Въ маѣ мѣсяцѣ 1811 года умираетъ Бунина, а вслѣдъ за ней сходитъ въ могилу и родная мать Жуковскаго. Осиротѣвшій поэтъ снова покидаетъ Москву, куда онъ переселился съ матерью незадолго до ея смерти, и мы видимъ его въ Муратовѣ—имѣніи Протасовой. Тамъ въ сердцѣ Жуковскаго съ новой силой вспыхиваетъ любовь къ Машѣ, и онъ рѣшается даже просить руки своей племянницы, но получаетъ суровый отказъ, мотивированный близкимъ родствомъ. Подъ впечатлѣніемъ этого отказа Жуковскій пишетъ стихотвореніе «Пловецъ». Единственная звѣздочка, которая свѣтила поэту, занесенному «вихремъ бѣдствія... въ океанъ неисходимый», теперь исчезла: «якорь былъ—и тотъ пропалъ». Поэтъ уже «ропталъ, увывъ душой», но Провидѣніе явилось его кормщикомъ и показало ему вдали «райскую обитель». «Скорбный ропотъ» поэта утихъ, и онъ желаетъ всякаго счастья своей сестрѣ и племянницамъ.

О судьба! одно желанье:
 Дай воѣ блага имъ вкусить;
 Пусть имъ радость—мнѣ страданье:
 Но... не дай ихъ пережить.

Неудачное сватовство, гнѣвъ Протасовой, усмотрѣвшей въ «Пловцѣ» нарушение Жуковскимъ обѣщанія не говорить никому о своей любви, наконецъ, патріотическое воодушевленіе 1812 года приводятъ нашего поэта въ ополченіе. Онъ слышитъ «дьявольскую канонаду» при Бородинѣ, стоя въ резервѣ,—составляетъ для Скобелева дѣловыя бумаги, приводившія въ восхищеніе Кутузова, пишетъ воинственно-патріотическаго «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», куда не забываетъ вставить излюбленныя мысли о безсмертіи, Провидѣніи, любви и дружбѣ,—пишетъ даже вакхическую пѣсню, достойную пера Дениса Давыдова, наконецъ подъ Краснымъ заболѣваетъ горячкой и по выздоровленіи, въ самомъ началѣ 1813 года, является опять на родину. «Гроза двѣнадцатаго года» не разсѣяла любовнаго увлеченія Жуковскаго. Даже въ «Пѣвца» онъ вставляетъ автобіографическое признаніе:

Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,
 Намъ спутникъ невѣстный;
 Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
 Зримъ образъ незабвенный;
 Она на бранныхъ знаменахъ,
 Она въ пылу сраженья,
 И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
 Веселыхъ сновидѣнья.

Между тѣмъ, сватовство Жуковскаго и отказъ матери сдѣлались извѣстны Марьѣ Андреевнѣ, и извѣстіе это такъ поразило бѣдную дѣвушку, что она опасно захворала. Причина болѣзни не осталась тайной для поэта, и теперь для него начинается періодъ «борьбы за счастье». Теперь прежнее самоотреченіе кажется ему неумѣстнымъ, потому что дѣло идетъ не объ одномъ его счастьѣ, но и о счастьѣ Маши, которая для него дороже всего на свѣтѣ и для счастья которой онъ готовъ на всевозможныя жертвы. Такъ какъ Екатерина Аванасьевна Протасова главной причиной своего несогласія выставила близкое родство, то Жуковскій обращается къ своему «благодѣтелю» Лопухину за разрѣшеніемъ этого вопроса. Лопухинъ одобряетъ намѣреніе Жуковскаго, благословляетъ его и говоритъ, что съ религіозной точки зрѣнія онъ не видитъ никакихъ препятствій къ его счастью. Послѣ бесѣды съ Лопухинымъ семейное счастье кажется Жуковскому близкимъ и возможнымъ. Онъ видитъ впереди «новую жизнь» съ «ангеломъ Машей», которая для него «вѣра, источникъ всякаго добра, освѣтитель всякаго счастья».

Къ сожалѣнію, восторженное настроеніе Жуковскаго проходитъ очень скоро. «Благословенія» Лопухина было недостаточно, надо было уговорить еще Екатерину Аванасьевну. Чтобы сломить упорство своей сестры, Жуковскій обращается къ посредству своихъ племянницъ Арбековой и Свѣчиной, расписываетъ имъ все свое счастье въ случаѣ женитьбы на Машѣ и все свое отчаяніе въ случаѣ новаго отказа со

*

стороны ея матери. Но, сверхъ всякаго ожиданія, въ племянницахъ, къ которымъ Жуковский обратился за содѣлствіемъ, онъ нашелъ не пособницъ, а противницъ своему счастью. Во имя Бога, во имя Христа, во имя истинной вѣры ему отказываютъ въ томъ счастьѣ, которое и онъ самъ и его авторитеты считали законнымъ. Кроткій Жуковский выходитъ изъ себя, и изъ-подъ его пера вырываются рѣзкія діатрибы и противъ религіи, зараженной суевѣріями, и противъ лицъ, исповѣдующихъ ея букву. «Я сунулся было—писатьъ онъ своей племянницѣ Кирѣевской (впослѣдствіи Елагиной),—просить дружбы тамъ, гдѣ было одно притворство, и меня встрѣтило предательство со всѣмъ своимъ отвратительнымъ безобразіемъ... И эти люди называютъ себя христианами... Что это за религія, которая учитъ предательству и вымогиваетъ изъ души всякое состраданіе!» *).

Въ это время Жуковский переживаетъ страшныя минуты отчаянія, въ которыя его оставляетъ даже вѣра въ Провидѣніе. «Теперешнее мое бытіе,—призвается онъ Кирѣевской въ письмѣ отъ 5-го мая 1814 года,—для меня такъ тяжело, какъ самое ужасное бѣдствіе. Для меня было бы величайшимъ наслажденіемъ попастьъ въ горячку, въ чахотку или что-нибудь подобное и увидѣть вдругъ вблизи прелестный край чудесъ. Вы показываете на вѣчность. О, вѣчность прекрасная бездна! да только бы поскорѣе!»

Но отчаяніе это было непродолжительно. Черезъ мѣсяцъ послѣ приведенныхъ признаній Жуковский уже значительно успокаивается. Онъ уже хочетъ «быть выше судьбы своей» и «свободно презирать и несправедливости, и кровожадное суевѣріе, и эгоизмъ, украшенный маской добродушія». Онъ предастъ анагемѣ отчаяніе, какъ нѣчто низкое и преступное. Теперь онъ находитъ, «много, много хорошаго въ жизни и безъ счастья». Жизнь безъ счастья кажется ему даже «чѣмъ-то священнымъ и величественнымъ», а на несчастье онъ опять смотритъ, какъ на средство почувствовать себя «близкимъ къ Творцу и Провидѣнію», какъ на «случай быть лучшимъ», какъ на «способъ сдѣлать что-нибудь по сердцу Создателя». Главное, чтобы Маша была, если не счастлива, то по крайней мѣрѣ, спокойна. «Спокойствіе Маши,—говоритъ онъ Кирѣевской,—есть для меня самая лучшая драгоценность—за него я готовъ отдать и то, что для меня всего важнѣе, мое мѣсто въ ея сердцѣ, ея ко мнѣ привязанность». Но до такого самоотреченія дѣло пока еще не дошло. Отказываться отъ любви Марьи Андреевны Жуковскому пока не было надобности. Если у его ученицы не хватило рѣшимости пренебречь предразсудками родственниковъ, то любить-то поэта она не побоялась ни матери, ни двоюродныхъ сестеръ своихъ. И любовь эта на время успокаиваетъ Жуковского.

*) Письма Жуковского къ Кирѣевской-Елагиной напечатаны въ журналѣ «Русская Старина» за 1883 г.

«До сихъ поръ,—пишетъ онъ Тургеневу 14-го сентября 1814 года,—гений, душа, сердце, все, все было въ грязи. Я не умѣю тебѣ описать того низкаго ничтожества, въ которомъ я барахтался. Благодаря одному ангелу... я опять поднимаюсь, смотрю на жизнь другими глазами; хотя ничто не удалось и надежда на все, что радовало, пропала, но этотъ ангелъ мнѣ остался, и я еще *радуюсь* жизнью».

Въ это время младшая племянница Жуковскаго, Александра Андреевна Протасова, выходитъ замужъ за Воейкова, который получаетъ мѣсто профессора въ дерптскомъ университетѣ. Екатерина Аванасьевна тоже рѣшается со старшей дочерью переѣхать въ Дерптъ. Жуковскій также получаетъ позволеніе не разлучаться со своими бывшими ученицами. Онъ съ радостью принимаетъ это предложеніе въ надеждѣ, что въ будущемъ все устроится по его желанію. Особенно надѣется онъ на Воейкова, котораго въ сердечной простотѣ считаетъ своимъ другомъ. Но еще до переселенія въ Дерптъ Воейковъ, получившій профессуру благодаря стараніямъ Жуковскаго черезъ Тургенева, оказывается такимъ же предателемъ, какъ и Арбенева. Онъ не только не хлопочетъ въ пользу Жуковскаго, но еще вооружаетъ противъ него свою тещу, а Екатерина Аванасьевна и безъ того недовѣрчиво относится къ поэту. Жуковскій снова предается отчаянію.

Онъ не брезгаетъ никакими средствами, лишь бы была хотя тѣнь надежды на осуществленіе его счастья. Его «другъ и братъ» Тургеневъ играетъ видную роль при князя А. Н. Голицынѣ, а Голицынъ— оберъ-прокуроръ св. синода и «другъ царевъ». *«Натура и Богъ,—* пишетъ Жуковскій, *— не противятся этому браку* (курсивъ Жуковскаго)... Если бы могли это растолковать матери съ трона, если бы это было подтверждено какимъ-нибудь голосомъ, идущимъ изъ-подъ ряссы, тогда бы она могла и сама согласиться, тѣмъ болѣе, что она не имѣетъ никакихъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій, а дѣйствуетъ по какому-то жестокому побужденію фанатизма». Но и самому Жуковскому это средство кажется «химерой сумасшедшаго». Онъ отлично знаетъ, что вынужденное согласіе матери не принесетъ счастья. А счастье и спокойствіе Маши для него дороже всего на свѣтѣ.

Не трудно догадаться, какую обильную пищу доставила меланхолической музѣ Жуковскаго его неудачная борьба за счастье. Онъ «скушаетъ бытіемъ и радъ бы нить его прервать». Онъ мечтаетъ о томъ, «съ какими презрѣньемъ» послѣ смерти онъ броситъ «взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ»,

Гдѣ много одинъ минутный цвѣтъ,
Гдѣ добруму слѣдовъ ко счастью нѣтъ,
Гдѣ мнѣніе надъ совѣстью властитель,
Гдѣ все... или жертва, или губитель!»

Въ разлукѣ съ Машей онъ возлагаетъ надежды на «лучшій міръ», гдѣ «мы любить свободны»:

Туда моя душа ужъ все перенесла,
Туда всечасное влечетъ меня желанье.

Въ переводныхъ произведеніяхъ Жуковскаго за этотъ періодъ, не исключая балладъ, сплошь и рядомъ является несчастная любовь. Достаточно напомнить баллады: «Пустынный», «Алина и Альсимъ», «Эльвина и Эдвинъ». Эту же несчастную любовь, причину которой является сопротивление родителей, находимъ мы и въ «Золотой арфѣ».

Убѣдившись въ любви Марьи Андреевны, Жуковскій нѣсколько успокаивается. Онъ даетъ «обѣтъ» быть достойнымъ ея «священной любви», онъ опять ищетъ успокоенія въ поэзій и «благотворномъ трудѣ». Въ это время получаетъ свою поэтическую формулировку и та житейская философія Жуковскаго, въ которой онъ находитъ защиту отъ всѣхъ ударовъ судьбы. Устами грека Теона онъ заявляетъ въ концѣ 1814 года, что «и жизнь, и вселенная прекрасны», что «боги для счастья послали намъ жизнь». Правда, съ этою жизнью «печаль неразлучна», но земное блаженство «не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ», а въ такихъ «нетлѣнныхъ благахъ сердца», какъ «любовь и сладость возвышенныхъ мыслей». Этихъ же благъ не можетъ лишиться человѣка ни смерть, ни разлука.

Отсюда—заключеніе:

Все въ жизни къ великому средство:
И горестъ и радость—все къ цѣли одной,—

заключеніе, которое Жуковскій съ особенной любовью будетъ повторять до конца своихъ дней.

Эта успокоительная философія благопріятно отражается какъ на душевномъ состояніи Жуковскаго, такъ и на продуктивности его поэтического творчества, которому онъ ревностно отдается въ послѣдніе мѣсяцы 1814 года, во время пребыванія въ селѣ Долбицѣ, имѣніи Кирѣевской. Здѣсь онъ написалъ, по собственному признанію, «пропасть стиховъ, написалъ ихъ столько, сколько силы стихотворныя вынести могутъ». «Жизнь мнѣ измѣняется,—пишетъ Жуковскій Тургеневу въ объясненіе своего необычайнаго трудолюбія,—уцѣпился за безсмертіе. Я объ немъ думаю, какъ о любовницѣ». «Безсмертія» Жуковскій добивается не балладами, въ которыхъ главную роль играютъ или несчастная любовь, или черти и мертвецы, не посланіями къ друзьямъ, гдѣ проповѣдуется романтическое презрѣніе художника къ толпѣ, а такими патріотическими произведеніями, какъ посланіе «Императору Александру». Это тяжеловѣсное посланіе такъ же, какъ раньше «Пѣвецъ во ставѣ русскихъ воиновъ», обращаетъ на Жуковскаго вниманіе императрицы Маріи Феодоровны и вполнѣдствія содѣйствуетъ сближенію его съ дворомъ, хотя самъ поэтъ, прославляя побѣдителя Наполеона, былъ чуждъ какихъ бы то ни было корыстныхъ расчетовъ и даже просилъ, чтобы за посланіе ему не назначали никакой награды.

V.

Въ мартѣ 1815 года Жуковскій прѣѣзжаетъ въ Дерптъ, чтобы на правахъ отца, брата и друга заботиться о счастья Маши и заниматься въ тиши маленькаго нѣмецкаго городка самообразованіемъ и литературой. На первыхъ же порахъ онъ сближается съ нѣмецкими учеными и литераторами, знакомится съ университетской библіотекой, гдѣ находитъ «тѣмъ пособій» и думаетъ отдаться созданію давно задуманной поэмы «Владиміръ». Но на первый разъ Жуковскому удается прожить въ «Ливонскихъ Аеннахъ» очень не долго. Воейковъ своими оскорбленіями и Екатерина Аеннасьевна своими подозрѣніями постарались выжить поэта изъ своего дома. Съ растерзаннымъ сердцемъ уѣзжаетъ Жуковскій въ Петербургъ, взявъ предварительно съ Маши клятву, что она не позволитъ жертвовать своимъ счастьемъ въ угоду матери. Лѣтомъ того же года Жуковскій еще разъ дѣлаетъ попытку войти въ семью своей сестры на правахъ брата, но опять терпитъ неудачу и опять съ отчаяніемъ въ сердцѣ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Отчаяніе, по обыкновенію, скоро проходитъ подъ вліяніемъ спасительной философіи, которая совѣтуетъ поэту:

Не унывать, хотя и счастья нѣтъ,
 Ждать въ тишинѣ и помнить Провидѣнье;
 Прекрасному—текущее мгновенье;
 Градущее—безопасно небесамъ;
 Что мрачно здѣсь, то будетъ ясно тамъ.

Если бы вмѣстѣ съ этой философіей у поэта оказалась и возможность «писать не заботясь о завтрашнемъ днѣ», то онъ совершенно успокоился бы, совершилъ бы путешествіе въ Кіевъ и въ Крымъ, ради «Владиміра», и поселился бы въ Долбинѣ, гдѣ отдался бы воспитанію сыновей своей племянницы (извѣстныхъ впоследствии братьевъ Кирѣевскихъ) и «святой поэзіи, которая независима отъ близорукихъ судей и довольствуется сама собой». Ни вниманіе императрицы Маріи Теодоровны, которая приглашаетъ Жуковскаго въ Павловскъ для чтенія нѣтъ своихъ произведеній, ни литературная полемика, вызванная комедіей князя Шаховскаго «Липецкія воды», гдѣ Жуковскій изображенъ въ видѣ жалкаго баладника Фалкина, ни шутовскія засѣданія только что возникшаго «Арзамаса», гдѣ нашъ поэтъ ведетъ юмористическіе протоколы—ничто не притягиваетъ его къ Петербургу. Онъ жаждетъ только уединенія и возможности отдаться самодовлѣющей поэзіи.

Но вмѣсто идилліи судьба готовила Жуковскому развязку его сердечной драмы. Въ ноябрѣ 1815 года онъ получаетъ письмо, въ которомъ на первомъ мѣстѣ стояли слѣдующія строки, начертанныя рукою его Маши: «Мой милый безцѣнный другъ!.. Я у тебя прошу совѣта такъ, какъ у отца, прошу рѣшить меня на самый важный шагъ въ жизни; я съ тобой съ первымъ послѣ маменьки хочу говорить объ

этомъ и жду отъ тебя, отъ твоей ангельской души своего спокойствія, счастья и всего добраго... Я хочу выйти замужъ за Мойера *)).

Для Жуковскаго это письмо было ударомъ грома. Правда, онъ самъ совѣтовалъ Машѣ выйти замужъ, чтобы избавиться отъ Воейкова, но это былъ совѣтъ для отдаленнаго будущаго. Жуковскій былъ увѣренъ, что этотъ совѣтъ не будетъ исполненъ: Маша «тысячу разъ» ему говорила, что ей нужно только спокойствіе и любовь матери, что никакой перемены въ своемъ положеніи она не желаетъ и что если она когда-нибудь выйдетъ замужъ, то это будетъ съ ея стороны жертвой. И вдругъ Маша рѣшается выйти замужъ за человѣка, правда, очень прекраснаго, котораго самъ Жуковскій любитъ, уважаетъ и даже считаетъ способнымъ дать Машѣ счастье, и все-таки за такого человѣка, котораго она не успѣла еще хорошо узнать. Понятно, что Жуковскій не могъ смотрѣть на этотъ бракъ иначе, какъ на жертву со стороны Маши, жертву, приносимую ею для избавленія себя отъ Воейкова, для успокоенія своей матери и для примиренія ея съ братомъ. На такую жертву, приносимую, сверхъ того, по принужденію матери, какъ думалъ сначала Жуковскій, онъ согласиться не можетъ. Жуковскій не требуетъ, чтобы Мойеру было отказано, онъ проситъ и требуетъ только, чтобы Маша «употребила одинъ годъ на размышленіе... на то, чтобы старое (то-есть любовь ея къ Жуковскому) успѣло быть забыто и замѣнено новою привязанностью». Въ противномъ случаѣ всю жизнь его отравитъ мысль, что Машу принудили выйти замужъ изъ опасенія, что онъ, Жуковскій, когда-нибудь приведетъ въ исполненіе свое незаконное, съ точки зрѣнія Екатерины Аванасьевны, намѣреніе и женится на родной племянницѣ.

Марья Андреевна пишетъ Жуковскому второе письмо, въ которомъ старается доказать, что никто не принуждаетъ ее къ замужеству, что она любитъ и уважаетъ Мойера и надѣется найти съ нимъ спокойную и независимую жизнь. Въ концѣ концовъ, Марья Андреевна во имя любви къ ней проситъ Жуковскаго не только не обуславливать своего согласія определеннымъ срокомъ, но упроситъ и Воейкова, чтобы тотъ также не препятствовалъ ея счастью **). Теперь рушились послѣднія надежды Жуковскаго на счастье и рушились скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, такъ какъ онъ никогда не могъ допустить и мысли, чтобы Марья Андреевна такъ скоро могла рѣшиться выйти замужъ по собственному желанію. Но счастье Маши выше всего. И Жуковскій ѣдетъ въ Дерптъ, чтобы разрѣшить всѣ свои сомнѣнія, и уже заранѣе рѣшается всѣми силами содѣйствовать замужеству любимой дѣвушки, если только она выходитъ по своей волѣ. «Богъ видитъ, — пишетъ

*) Мойеръ—профессоръ хирургіи въ Дерптѣ, учитель Широкова.

***) Переписка Жуковскаго и М. А. Протасовой напечатана въ журналѣ «Русская Старина» за 1883 г.

онъ Кирѣевской, — что я желаю здѣсь только добра! Желанія мои чисты и безкорыстны».

Въ Дерптѣ откровенныя бесѣды съ Марьей Андреевной и Мойеромъ убѣждаютъ Жуковскаго, что всѣ его опасенія были напрасны. Онъ не измѣняетъ своему рѣшенію и переживаетъ прекрасныя минуты нравственнаго самоудовлетворенія. «Друзья, — пишетъ онъ своимъ долбинскимъ подругамъ, — какое иногда божественное чувство подымаетъ душу! и какъ весело его раздѣлить! Что передъ этимъ прекраснымъ чувствомъ всѣ эти маленькіе безобразные уродцы, которые называются желаніями для себя и которые иногда выскакиваютъ какъ пузыри и лопаются!.. Я вообще счастливъ; послѣднія три недѣли, проведенныя мною въ Дерптѣ, была самая богатая прекраснымъ чувствомъ эпоха въ жизни моей». Такимъ высокимъ самоотреченіемъ заканчивается самый драматическій эпизодъ въ біографіи Жуковскаго. Кроткая, прекрасная душа поэта нигдѣ не высказалась въ такомъ блескѣ своего нравственнаго величія, какъ въ исторіи его любви къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой.

Но далеко не всегда былъ счастливъ Жуковскій въ этотъ самый тяжелый годъ его жизни, когда «кроткая посланница небесъ», надежда, оказалась «пустымъ словомъ». Поэту больно было видѣть возрастающую привязанность Марьи Андреевны къ Мойеру, и какъ ни бодрится онъ въ своихъ письмахъ къ роднымъ, но въ бесѣдахъ со своимъ «неизмѣннымъ товарищемъ», поэзіей, онъ даетъ полную волю своему горю. Кровью сердца пишетъ Жуковскій въ это время такія произведенія, какъ «Воспоминаніе» и «Пѣсня», проникнутыя безотрадной грустью подъ вліяніемъ потери послѣднихъ надеждъ на счастье:

Прошли, прошли вы, дни очарованья,
 Подобныхъ вамъ ужъ сердцу не нажить;
 Вашъ слѣдъ въ одной тоскѣ воспоминанья;
 Ахъ, лучше-бъ васъ совсѣмъ мнѣ позабыть;
 Къ вамъ часто мчитъ привычное желанье—
 И слезъ любви вѣтъ силъ остановить;
 Несчастіе объ васъ воспоминанье,
 Но болѣе несчастье—васъ забыть!
 О, будь же, грусть, замѣной упованья;
 Отрада намъ — о счастья слезы лить;
 Мнѣ умереть съ тоски воспоминанья!
 Но можно-ль жить, увя, и позабыть?

Въ это же время переводитъ Жуковскій и такія характерныя для его душевнаго настроенія пьесы, какъ «Пѣсня бѣдняка» Уланда, «Утѣшеніе въ слезахъ» Гёте и стихотвореніе послѣдняго:

Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ,
 Кто близъ одра, какъ близъ могилы,
 Въ ночи бевсонной не рыдалъ,
 Тотъ васъ не знаетъ, вышніи силы.

Религія, философія и особенно поэзія спасаютъ Жуковскаго отъ полнаго отчаянія. Какъ въ 1814 году въ Долбинѣ, такъ въ 1816 году въ Дерптѣ онъ предается усиленному поэтическому труду. Въ это время значительно расширяется его знакомство съ нѣмецкой литературой, и онъ впервые знакомится съ такими типичными романтиками, какъ Тикъ, Новалисъ и Ламотъ-Фуке. Но болѣе всего увлекаютъ Жуковскаго баллады Уланда и идилліи Гебеля, у котораго онъ находитъ «поэзію во всемъ совершенствѣ простоты и непорочности».

VI.

Въ 1817 году исполняется давнишняя мечта Жуковскаго имѣть независимость въ матеріальномъ отношеніи, чтобы всецѣло отдаться поэзіи: въ новый годъ, благодаря стараніямъ Тургенева, ему назначается ежегодная пенсія въ 4.000 рублей асс. Теперь у него новый стимулъ къ работѣ—благодарность государю и желаніе быть достойнымъ его вниманія. Пенсію онъ считаетъ «наградой за добрую надежду». Онъ находитъ необходимымъ написать «что-нибудь важное» и жалѣетъ о потерянномъ времени, называя всю свою прежнюю жизнь «жалкой жертвой» мечтамъ. Но время для литературной дѣятельности Жуковскаго еще не настало. Хотя онъ и увѣряетъ, что послѣ свадьбы Маши (14-го января 1817 года) душа его «совсѣмъ утихла», что онъ думаетъ «только объ одной работѣ», но на самомъ дѣлѣ душа поэта еще не успокоилась. «Старое все миновалось — признается онъ Тургеневу въ мартѣ 1817 года,—а новое никуда не годится... Душа какъ будто деревянная. Что изъ меня будетъ, не знаю. А часто, часто хотѣлось бы совсѣмъ не быть. Поэзія молчитъ. Для нея еще нѣтъ у меня души. Прежняя вся истрепалась, а новой я еще не нажилъ. Мыкаюсь, какъ кегля».

Друзья Жуковскаго находятъ для него вреднымъ жизнь въ Дерптѣ при видѣ чужого счастья. И самъ поэтъ чувствуетъ необходимость вѣстной перемены въ своей жизни. Онъ мечтаетъ предпринять для разсѣянія путешествіе и думаетъ, что «этотъ вояжъ былъ бы факеломъ-воспламенителемъ» его дарованія. Но судьба рѣшила иначе, и поэтъ, всю жизнь мечтавшій объ уединенной жизни, находившій пребываніе въ Петербургѣ пагубнымъ для своего таланта, былъ брошенъ въ водоворотъ столичной придворной жизни. Для принцессы Шарлотты, невесты великаго князя Николая Павловича, искали учителя русскаго языка. Жуковскій плѣнился выгодными условіями и при содѣйствіи Карамзина превратился въ придворнаго педагога.

Перемена обстановки подѣйствовала на Жуковскаго самымъ благотворнымъ образомъ. Онъ самъ сознавалъ, что слишкомъ неограниченная свобода вредна ему. Теперь у него есть «прекрасная пѣль» и «счастливая должность», которая подчиняетъ его «необыкновенно пріят-

ной дѣятельности». Въ этой должности онъ находитъ и поэзію, и свободу и чувствуетъ себя «совершенно счастливымъ» и со всѣхъ сторонъ независимымъ: «извнѣ и внутри души». Онъ настолько доволенъ своимъ положеніемъ, что желаетъ его сохранить неизмѣннымъ и даже дѣлается болѣе религіознымъ отъ счастья. Съ каждымъ днемъ онъ открываетъ въ своей ученицѣ «милыя непорочныя прелести сердца» и все болѣе и болѣе привязывается къ ней, и привязанность эта скоро переходитъ въ настоящее обожаніе.

Въ качествѣ педагога Жуковскому удается соединить полезное съ пріятнымъ. На ряду, съ «грамматическими занятіями, сухими и непэтическими», и учитель, и ученица упражняются въ переводахъ поэтическихъ произведеній. Великая княгиня переводитъ стихотворенія Жуковского на нѣмецкій языкъ, а Жуковскій дѣлаетъ цѣлый рядъ переводовъ изъ Шиллера, Гёте, Уланда, Гебеля и другихъ. Въ это же время онъ пишетъ и свое знаменитое посланіе по поводу рожденія будущаго императора Александра II, гдѣ помѣщаетъ пророческіе стихи:

Да встрѣтитъ онъ обильный чествомъ вѣкъ!
 Да славнаго участникъ славный будетъ!
 Да на чредѣ высокой не забудетъ
 Святѣйшаго изъ званій: человекъ!

И формулируетъ «правила царей великихъ» въ словахъ:

Жить для вѣковъ въ величій народномъ,
 Для блага всѣхъ—свое повабивать,
 Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
 Съ смиреніемъ дѣла свои читать...

Но счастье поэта и его довольство своимъ положеніемъ были непродолжительны. Уже въ 1818 году онъ снова оказывается въ сѣтяхъ любви и переживаетъ чувства, прекрасное выраженіе которыхъ мы находимъ въ переведенномъ изъ Гёте стихотвореніи «Новая любовь—новая жизнь». Обожаніе своей ученицы и «счастье милой старины» не помѣшали Жуковскому влюбиться въ одну изъ придворныхъ фрейлинъ, графиню Самойлову, и усмотрѣть въ ней новаго «хранителя» и «добраго спутника», посланнаго Провидѣніемъ. Любовь эта готовила поэту въ будущемъ новое разочарованіе, но, къ счастью, онъ во время узналъ, что по гордой красавицѣ вздыхаетъ и его другъ В. А. Перовскій. Ради дружбы Жуковскій спѣшитъ прогнать отъ себя мечты о счастьѣ и ограничивается ролью платоническаго обожателя возлюбленной своего друга. Увлеченіе поэта было непродолжительно, но оно успѣло отразиться въ его поэзіи и веселыми, и грустными мотивами. Среди многочисленныхъ посланій, вызванныхъ придворными связями поэта и отличающихся въ большинствѣ случаевъ юмористическимъ содержаніемъ, мы находимъ и такія безотрадно-грустныя произведенія, какъ «Отвѣтъ князю Вяземскому» и «Пѣсня» 1820 года, глубоко огорчившая Марью Андреевну Мойеръ. Комментаріями къ этимъ грустнымъ пьесамъ мо-

гутъ служить откровенныя признанія въ письмахъ Жуковскаго. Въ это именно время онъ пишетъ князю Вяземскому: «Моральный ракъ ѣстъ мою душу... и портитъ все прошедшее, настоящее и будущее... Все мнѣ гадко». Въ это же время онъ пишетъ и Елагиной по возвращеніи изъ Дерпта: «Я отъ всѣхъ оторванный кусокъ и живу такъ, что душа холодѣетъ».

Пессимистическое настроеніе поэта отразилось и въ знаменитой элегии «На кончину королевы Виртембергской». Тамъ передъ нами «судьба—свирѣпый истребитель» прекраснаго и «предательскій привѣтъ» тѣннаго счастья, и страданье—«земли жилецъ безвыходный». Но тамъ же указаны и средства утѣшенія: религія, воспоминанія о минувшемъ счастьѣ и сознаніе, что «несчастье намъ учитель, а не врагъ». Этой же утѣшительной «философіей» Жуковскій наполняетъ цѣлыя страницы въ альбомахъ графини Самойловой. Но самъ онъ далеко не всегда находитъ спасеніе въ собственной философіи. Даже воспоминаніе о прошломъ, то самое воспоминаніе, которое онъ называетъ «ангеломъ-хранителемъ нашего счастья», отказывается поэту въ необходимомъ утѣшеніи.

И на этотъ разъ такъ же, какъ въ 1817 году, судьба сжалилась надъ Жуковскимъ и послала ему, какъ бы въ утѣшеніе за вновь разбитыя мечты о личномъ счастьѣ, исполненіе давнишняго его желанія. Весною 1820 года онъ отправляется въ заграничное путешествіе.

За границей Жуковскій, говоря его собственными словами, провелъ веселые полгода въ Берлинѣ; потомъ видѣлъ часть Германіи, прелестный Дрезденъ съ его живописными окрестностями; обошелъ пѣшкомъ Швейцарію; прошелъ черезъ Сенъ-Готардъ въ Италію; былъ въ Миланѣ; плавалъ по Lago-Maggiore; любовался Боромейскими островами; черезъ Симплонъ и Валисѣ прошелъ къ подошвѣ Монблана; видѣлъ великолѣпіе и прелесть природы на берегахъ восхитительныхъ швейцарскихъ озеръ; плавалъ по Рейну; любовался его великолѣпнымъ водопадомъ, его замками, его богатыми виноградниками!

Въ Берлинѣ Жуковскій вращается въ самомъ высшемъ обществѣ, куда ему открываетъ доступъ вниманіе великой княгини. Время его занято визитами, обѣдами, балами, театромъ, оперой, осмотромъ достопримѣчательностей и т. д. Здѣсь же заводитъ онъ нѣсколько знакомствъ и дружескихъ связей съ нѣмецкими писателями, учеными, государственными людьми и даже принцами крови, наприимѣръ, съ романтически-настроеннымъ прусскимъ наслѣднымъ принцемъ (впослѣдствіи король Фридрихъ-Вильгельмъ IV). Въ Дрезденѣ онъ знакомится съ двумя романтиками, съ писателемъ Тикомъ и съ художникомъ Фридрихомъ, мрачно-меланхолическія картины котораго, съ неизбежными почти всегда луной и кладбищемъ, впослѣдствіи являются главнымъ украшеніемъ жилища Жуковскаго. Въ дрезденской картинной галлерей Жуковскій проводитъ передъ Мадонной Рафаэля одинъ изъ сча-

стивѣйшихъ часовъ своей жизни и въ письмѣ къ великой княгинѣ даетъ восторженный отчетъ о томъ чисто-романтическомъ художественномъ наслажденіи, которое было доставлено ему созерцаніемъ картины. Для него это не картина, а «видѣніе»: въ ней «все необъятно, все неограниченно», художникъ писалъ ее «не для глазъ... но для души, которая чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ».

Въ Швейцаріи Жуковскій не забываетъ посѣтить мѣста, связанныя съ легендою о Вильгельмѣ Теллѣ, а также бывшій замокъ Вольтера Ферней. Изъ Веве онъ совершаетъ прогулку гѣшкомъ въ Кларацъ, связанный съ именемъ Руссо, и, кромѣ того, посѣщаетъ съ поэмою Байрона въ рукахъ Шильонскій замокъ. И саксонскою и швейцарскою природою Жуковскій наслаждается, какъ романтикъ. Красоты природы, такъ же, какъ и картины дрезденской галлерей, плѣняютъ его «не тѣмъ, что онѣ даютъ нашимъ чувствамъ, но тѣмъ невидимымъ, что возбуждаютъ въ душѣ и что ей темно напоминаетъ о жизни и о томъ, что далѣе жизни». Такъ, напримѣръ, деревянный крестъ на вершинѣ Риги и маленькая часовня Телля говорятъ ему «не о бѣдномъ могуществѣ человѣка, но о величіи души человѣческой, о вѣрѣ, которая выносить ее туда, куда не могутъ достигнуть горы своими вершинами».

Если на швейцарскую природу Жуковскій смотритъ глазами романтика, то своимъ отношеніемъ къ жизни швейцарскаго народа онъ напоминаетъ «сентиментальнаго путешественника». Вслѣдъ за Карамзинымъ, который приходилъ въ умиленіе при видѣ «счастливыхъ швейцаровъ», Жуковскій заявляетъ намъ: «Въ Швейцаріи понялъ я, что поэтическія описанія блаженной сельской жизни имѣютъ смыслъ прозаически справедливый. Въ этихъ хижинахъ обитаетъ независимость, огражденная отеческимъ правительствомъ; тамъ живутъ не для того единственно, чтобы тяжкимъ трудомъ поддерживать физическое бытіе свое; но имѣютъ и счастье, правда, простое, неразнообразное, но все счастье, то есть свободное наслажденіе самимъ собою». Въ этой тирадѣ характерно какъ преувеличеніе благотворнаго вліянія «отеческаго правительства» швейцарскихъ патриціевъ, такъ и признаніе свободы необходимымъ условіемъ счастья независимо отъ образовательнаго ценза. Именно въ Швейцаріи слово свобода получаетъ для Жуковскаго болѣе опредѣленный смыслъ, чѣмъ раньше, когда онъ останавливалъ при помощи полиціи стремленіе своихъ крѣпостныхъ къ свободѣ.

Изъ Швейцаріи Жуковскій возвращается съ горячими симпатіями къ возставшимъ грекамъ и желаніемъ, чтобы державы «искренно, безкорыстно и дружно» стали за великое дѣло, которое, по его мнѣнію, примирило бы государей съ народами. Въ Берлинѣ, гдѣ Жуковскій и на возвратномъ пути проводитъ около трехъ мѣсяцевъ, онъ горячо ратуетъ за дѣло грековъ и даже ссорится изъ-за нихъ съ будущимъ германскимъ императоромъ Вильгельмомъ I. Съ такими же симпатіями

возвращается Жуковский и въ Россію, гдѣ его ожидалъ цѣлый рядъ житейскихъ разочарованій и ударовъ судьбы.

На заграничное путешествіе Жуковский возлагалъ большія надежды. Онъ надѣялся, что путешествіе «оживитъ и расширитъ душу», что оно «пробудитъ и давно заснувшую поэзію», что его «вялость душевная поубавится». Но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться вполнѣ. Правда, поэзія пробудилась, и въ портфель Жуковского по возвращеніи его изъ-за границы были такіа произведенія, какъ «Орлеанская Дѣва» Шиллера, «Пери и Ангелъ» изъ Томаса Мура и «Шильонскій узникъ» Байрона. Душа его оживилась новыми впечатлѣніями природы, жизни и искусства. Но даже и за границей съ нимъ случались припадки грусти, когда онъ чувствовалъ слабость своей воли, былъ недоволенъ своей лѣнью, сознавалъ, что «истратилъ безумно полжизни на ничто». Онъ пробуетъ себя утѣшить разсужденіемъ, что «достоинство человѣка въ искреннемъ желаніи добра и въ постоянномъ къ нему стремленіи, а достиженіе не отъ него зависитъ». Но подобныя обращенія къ собственной философіи не всегда утѣшаютъ Жуковского, тѣмъ болѣе, что въ этой философіи не все оказывается неизблѣмымъ. Не прошло и двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ альбомѣ гр. Самойловой было записано, что надо жить настоящимъ и воспоминаніями о прошломъ, а будущее предоставитъ Провидѣнію, и вдругъ оказывается, что «для того, чтобы наслаждаться настоящимъ, надобно имѣть въ запасъ будущее», а его-то какъ разъ и нѣтъ въ это время у Жуковского. Легко понять, почему даже при видѣ живописнѣйшихъ мѣстностей «меланхолическая хандра проникала въ его душу», говоря словами Зейдлица.

Возвращеніе въ Россію, гдѣ царяла аракеевщина, не могло не усилить меланхолическаго настроенія Жуковского, такъ какъ къ внутреннимъ причинамъ его грусти присоединились и внѣшнія. Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы онъ освобождаетъ своихъ крѣпостныхъ; за это ему даютъ «въ высшихъ кругахъ общества названіе страшнаго либерала, якобинца». Онъ переводитъ изъ Шиллера «Три слова вѣры», но слова: «Der Mensch ist frei geschaffen» (человѣкъ созданъ свободнымъ) оказываются нецензурными. Онъ переводитъ балладу Вальтеръ-Скотта «Ивановъ вечеръ» («замокъ Смальгольмъ»), но цензура находитъ, что это произведеніе не заключаетъ ничего полезнаго для ума и сердца и совершенно чуждо всякой нравственной цѣли. А тутъ еще сумасшествіе Батюшкова, смерть Марьи Андреевны Мойеръ, катастрофа 14 декабря, осужденіе на смерть Николая Тургенева, сумасшествіе и смерть его брата Сергѣя, смерть Карамзина, болѣзнь Воейковой—однимъ словомъ, цѣлый рядъ личныхъ несчастій, связанныхъ съ потерей «милыхъ спутниковъ», которые «животворили свѣтъ». Эти потери еще болѣе усиливаютъ въ душѣ Жуковского стремленіе *туда*, гдѣ онъ надѣется встрѣтить своихъ лучшихъ друзей.

Личныя несчастія и общественныя бѣдствія угнетающимъ образомъ отражаются и на поэзіи Жуковскаго. Въ тѣхъ немногихъ произведеніяхъ, которыя написаны имъ въ двадцатыхъ годахъ, мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ или *воспоминаніе* о прошломъ, или надежду на будущее, или *тоску* и стремленіе *туда*.

Только къ концу двадцатыхъ годовъ настроеніе Жуковскаго нѣсколько просвѣтляется, и въ его поэзіи проскальзываетъ мысль о примиреніи съ жизнью. Въ 1828 году онъ переводитъ изъ Шиллера «Торжество побѣдителей» съ успокоительной строфой:

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
 Покоряйся и терпи;
 Спящій въ гробѣ, мирно спи;
 Жизнью пользуйся, живущій!

Въ слѣдующемъ году онъ переводитъ мысль Гете:

Чистъ душой ты *вчера*,
Нынѣ дѣйствуешь прекрасно
 И отъ *завтра* жди добра:
 Бывшимъ будущее ясно.

Это успокоеніе поэта, несомнѣнно, явилось послѣдствіемъ его педагогической дѣятельности въ качествѣ воспитателя будущаго «Царя-Освободителя».

С. Ашевскій,

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАКАНУНЪ ВЕСНЫ.

I.

Весна близка!.. Природа, пробуждаясь,
Неяснымъ трепетомъ и радостью полна,
И слезы первая надъ снѣгомъ льетъ она—
Лучами въ небѣ улыбаясь...

* *
*

Весна близка!.. Она мой сонъ тревожитъ
Надеждой молодой, лазурью новыхъ дней...
И скоро вся душа рванется жадно къ ней—
И сердце выдержать не сможетъ...

II.

Когда все будетъ пѣть о счастья, о любви
И лѣсъ, и соловей, и первые цвѣты—
Я схоронить должна въ душѣ свои мечты,
И пѣсни оборвать мои...

* *
*

Когда все будетъ жить душистою весной
Стремясь радостно на солнечный призывъ—
Я побѣдить должна любви моей порывъ,
И лгать передъ собой...

Г. Галина.

ДРУГЪ ДѢТСТВА.

П о в ѣ с т ь .

I.

Утро полно было звуковъ. Умилный щебетъ и звонкія трели неслись съ зеленыхъ вершинъ стараго помѣщичьяго сада, сливаясь нѣжнымъ, гармоничнымъ фономъ; а по низу, заглушая его мелодичность, то и дѣло врывались другіе, разрозненные и грубые звуки.

Молодые пѣтухи перебиваются на двухъ концахъ двора; безъ враждебнаго задора, а лишь соперничая силой голоса и игнорируя пренебрежительно прозаическое куринное кудактанье, назойливое, какъ олицетвореніе самодовольной пошлости. Монотонно зыблящійся утиный басокъ гудитъ сквозь него глухой ворчливой нотой, словно урезонивая не поднимать попусту такого шума, а приступитъ скорѣе къ серьезнымъ обязанностямъ. Кричатъ рѣзко и сердито обидчивые гуси, находя, что ихъ слишкомъ рано отогнали отъ корыта. На скотномъ дворѣ протяжно и тоскливо мычитъ молодая корова, по важнымъ соображеніямъ оставленная дома; это она проситъ вступить за нее своихъ счастливыхъ подругъ, мирно позвякивающихъ бубенчиками еще совсѣмъ близко, подъ горой. Оттуда доносится то короткое призывное мычанье, то тупо-растерянное овечье бляеніе, то рѣзкое щелканье длиннаго бича; новый пастухъ щеголяетъ своимъ искусствомъ, на диво двумъ маленькимъ чумазымъ подпаскамъ, замотаннымъ въ сѣрныя лохмотья.

Погожее іюньское утро впиваетъ въ себя всѣ эти звуки и миллионы, миллионы другихъ.

Вверху еще свѣжо и голубо. Снопъ густыхъ червонныхъ лучей скользятъ по низу, заглядывая въ самую гущу сочной зацвѣтающей травы, гдѣ копошится и слабо звенитъ и шуршитъ своя хлопотливая жизнь. На ихъ пути вспыхиваютъ радужными лучами капельки росинокъ въ глубинѣ зеленой чашечки, слабо вздрагивающей подъ тонкими, какъ волосокъ, проворными лапками. Нѣжно розовѣютъ тоненькіе стволы молодыхъ березокъ;

матовой позолотой покрыты стройныя сосны. Деревья кажутся развѣсистѣе и выше, озаренныя снизу. Чуть грѣющей лучъ гоститъ мимолетно и тамъ, гдѣ весь день будетъ царить прохладная тѣнь; а воздушныя вершиныкупаются въ утренней свѣжести, готовясь къ ожидающимъ ихъ жгучимъ поцѣлѹямъ.

Утро тихо разгорается, сливая краски, звуки и испаренья.

Съ низкаго крыльца молочной спустилась „молодая барышня“, какъ зовутъ Дину, въ отличіе отъ старшей барышни и хозяйки, Ларисы Ивановны.

Дина выпила свою порцію парного молока и направилась черезъ дворъ къ садовой калиткѣ. Въ одной рукѣ она бережно несла полную до краевъ кружку, а въ другой круто посоленную краюшку чернаго хлѣба, которую доѣдала на ходу. Безъ зонтика, подъ ситцевымъ платочкомъ, бѣлымъ черными точками съ узкой розовой каемкой; платокъ спущенъ навѣсомъ надъ глазами, а изъ-подъ него ниже пояса падаетъ туго заплетенная, каштановая коса. Платье вылинявшаго голубенькаго ситца перетянуто кожанымъ поясомъ и еле трогаетъ подоломъ траву, точно она изъ него выросла; на ногахъ грубые неуклюжіе башмаки безъ каблуконъ. Не хватаетъ только фартука, чтобы принять ее за горничную.

Походка выдаетъ: на ходу Дина волнообразно откидывается назадъ мягкимъ станомъ безъ корсета—въ этомъ движеніи безсознательно-красивая, барская грація. Лицо подернуто старымъ, весеннимъ загаромъ, услѣвшимъ перейти въ темные коричневыя тона на вискахъ и подбородкѣ. На щекахъ прочный румянецъ отъ просвѣчивающей густой крови, а не мимолетно вспыхивающихъ приливовъ малокровныхъ барышенъ.

Дѣвушка вошла черезъ калитку въ садъ. Въ ту же минуту на дворѣ, покрывая собою всю смѣсь звуковъ, залился отчаяннымъ лаемъ сцѣпившіяся собаки. Даже кружка колыхнулась въ рукѣ Дины. Она все время шла, прислушиваясь къ привычнымъ звукамъ... вотъ и прославленная деревенская тишина! А она еще жалѣла потревожить Саню такъ рано съ дороги. Теперь уже все равно, пѣтухи да собаки, навѣрное, давно разбудили.

Калитка какъ разъ около дома. Дина поставила на свамейку свою кружку, свернула въ траву и пробралась къ угловому окошку. Чтобы постучать въ стекло, пришлось подняться на выступающій камень фундамента—а какъ прыгнула назадъ въ траву, такъ и почувствовала, что сразу промокли чулки надъ невысокими башмаками. Экая роса въ саду славная, точно дождикъ прошелъ ночью!

Дина выбралась на дорожку, разглядывая точно облитые

водою башмаки и подошь платья. Вотъ чудная роса! иначе все давно посохло бы, такъ давно не было дождя.

Дѣвушка поглядѣла вверхъ, въ синее небо съ едва замѣтными далекими облачками. А вѣдь было бы досадно, еслибъ именно сегодня погода переимѣнилась...

... Годъ не выдался. Съ каждымъ прїѣздомъ Саня ужасно мѣняется!

Она стояла на дорожкѣ и нѣжно улыбалась тоненькимъ чернымъ усивамъ съ закрученными колечками. Усатый!..

Изъ-за бѣлой шторы высунулась рука и распахнула раму. Дина схватила кружку и опять шагнула въ траву.

— Санька, бери скорѣе молоко! Здравствуй!.. Выспался?..

— Холодное? — спросилъ опасливо изъ-за шторы молодой басокъ.

— Да, да, давно простыло. Пей, не капризничай!..

Вѣчные споры изъ-за парного молока. Дина такъ впиалась въ него, что другого и признавать не хочетъ. Специфическая животная теплота всегда даетъ радостное ощущение здоровья и силы. А Санька увѣряетъ, что пахнетъ коровой.

Черезъ минуту надъ окномъ вспорхнула бѣлая штора. Студентъ, вытягивая шею, усиливался поймать маленькую запонку въ твердыхъ свѣжей крахмалки. Онъ подмигнулъ на кружку на столѣ.

— Не утерпѣла, чтобы не подсунуть тепленькаго? Нѣтъ ужъ, видно, надо Ларису попросить, чтобы приносили съ ледника.

— Упрямый! неужели нельзя привыкнуть?

Она смотрѣла, какъ онъ вертѣлся по маленькой комнатѣ, натягивая тужурку, распахивая по карманамъ портсигаръ, спички, какую-то красную книжечку, гребенку, которой расчесывалъ коротко подстриженную щетку густыхъ черныхъ волосъ. Надѣлъ бѣлую фуражку и выпрыгнулъ черезъ окно въ садъ.

— Ишь, франтъ! очень нужно было чистую крахмалку съ утра надѣвать. А усики очень, очень идутъ вамъ, сударь!..

И она мазнула его рукой по верхней губѣ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ отмахнуться.

— Перестань, пожалуйста, что за вздоръ!

— Ну, ну, не злись... Санька, какъ я рада, что ты явился наконецъ!

Дина уцѣпилась за его руку и заглядывала въ глаза.

— Отчего такъ долго не ѣхалъ? Признавайся сейчасъ...

Студентъ пренебрежительно фыркнулъ носомъ, не удостоивъ другого отвѣта.

Дина оглянулась на окна.

— Ахъ, Господи, вонъ ужъ тетя Женя свое окно открыла!

сейчасъ всѣ поднимутся и поговорить не дадутъ. Идемъ, идемъ скорѣе на озеро! Все собаки проклятыя. Спали бы себѣ, знай... имъ-то для чего вставать съ этихъ поръ!

Она тащила его скорѣе изъ сада, а онъ легонько упирался и оглядывался по сторонамъ веселыми любопытными глазами челоука, которому знакомъ каждый кустикъ.

— Что это?.. липу срубили!?—остановился онъ внезапно на всемъ ходу, замѣтивъ издали бѣлѣвшій свѣжій пенъ.

— Грозой сломало.

— Что за свинство! вотъ гадость!

Саня подошелъ и для чего-то пошевелилъ кончикомъ сапога жирную траву, высоко поднявшуюся вокругъ пня.

— Идемъ же... ну, что тутъ разглядывать? Старая... Огромное дупло было въ стволѣ, снаружи и незамѣтно.

— Росла лѣтъ пятьдесятъ или семьдесятъ... Липы тихо растутъ.

— Да пойдѣмъ же, Саня!

Къ озеру можно пройти лугомъ. Не покось тутъ, а такъ, помаленьку все лѣто подкашиваютъ выѣзднымъ лошадямъ; отъ этого трава здѣсь до поздней осени держится на одной высотѣ.

Озеро синѣло—что твое море, голубое, съ чуть замѣтными темными струйками легкой ряби по серединѣ. Новая досчатая купальня съ рѣзнымъ конькомъ и краснымъ флагомъ блестяла на солнцѣ.

— Эхъ... хорошо-о!!—крякнулъ студентъ, поднялъ кверху руки и потянулся.

— Хорошо...—повторила задумчиво дѣвушка.—Ждешь, ждешь хорошаго цѣлую зиму—кажется, никогда конца не будетъ! А настанетъ—и покатилося подъ гору, оглянуться не успѣешь... Вотъ ты двѣ недѣли напрасно потерялъ... И не жаль?

— Что-жъ... двѣ недѣли!—отозвался нехотя Саня, приглядываясь къ чернымъ точкамъ на водѣ.—А вѣдь это утки... смотри, смотри!

— А ты опять ружья не привезъ?! Что же это, наконецъ, такое, Саня?

— Откуда ты знаешь, что не привезъ?—процѣдилъ онъ, прищуривая то одинъ, то другой глазъ на утокъ.

— Знаю... Илью спрашивала.

На лугу мѣстами роса успѣла уже высохнуть на припекѣ. Но глубже въ обѣ стороны, въ нетронутыхъ косою участкахъ, пестрѣютъ цвѣты, и видно, что тамъ еще совсѣмъ мокро. Нестовый трескъ кузнечиковъ поднимается точно изъ каждой травинки. Маленькія бѣлыя и желтыя бабочки кружатся тамъ, гдѣ цвѣты.

Дина взяла правѣе отъ тропинки, къ кустамъ орѣшника, затѣнившимъ небольшой пригорокъ. За пригоркомъ—яма глубокой воронкой, съ никогда не высыхающей мочевиной на днѣ. Тутъ и трава другая: крупная, сочная, съ кружевными зонтиками папоротника въ глубинѣ. Но на самомъ горбѣ пригорка трава низкая, переплетенная ползучими кустяками земляники. Теперь пригорокъ издали бѣлѣлъ отъ земляничнаго цвѣта.

— Вотъ тутъ сухо! Сядемъ.

Дина сѣла на землянику и задвинулась въ тѣнь, къ самымъ кустамъ.

Студентъ тоже растянулся на землѣ, сбросилъ фуражку и сталъ закуривать папироску. Сестра близко разглядывала его.

— Какъ ты загорѣлъ за дорогу!

— Н-да... жарило знатно! Выкупаться надо.

— Нѣтъ, только не сегодня! Нездорово купаться съ дороги. Отдохни сначала.

Онъ повелъ на нее насмѣшливыми глазами.

— Ахъ ты—педагогичка! Все-то ты съ душевспасительными наставленіями. Того нельзя, этого не надо...

— Развѣ я виновата, что ты ни о чемъ самъ не думаешь.

— А ты развѣ обязалась за весь свѣтъ думать? Мерзвѣйшая повадка, сударыня! Не для чего съ этихъ поръ въ педантку превращаться.

Дина промолчала. Потомъ медленно подняла на него сѣрые глаза и изъ нихъ вдругъ точно выскользнула освѣщавшая ихъ радость... И проступала тяжелая забота...

— Сая... Мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобой... Сейчасъ...

— О-о-о?.. и даже сейчасъ!

Студентъ заерзалъ на мѣстѣ отъ безпокойства. Ему сразу вспомнились туманныя, но многозначительныя фразы двухъ послѣднихъ писемъ старшей сестры, вызвавшія въ немъ тогда одну досаду. Что за нелѣпая манера за тысячи верстъ писать объ „обстоятельствахъ“ и „условіяхъ“, намекая невѣдомо на что,—вызывать безформенныя опасенія! Теперь онъ вдругъ смутился. Чего добраго у нихъ тутъ и въ самомъ дѣлѣ завелось что-то неладное?..

Дина эту зиму совсѣмъ рѣдко ему писала. Письма ея стали какъ-то безсодержательны, скучны. Она не вдавалась, какъ бывало прежде, въ лирическія изліянія своихъ настроеній, не дѣлилась съ нимъ фантастическими надеждами (не потому ли, что у него, въ отвѣтъ, все чаще и непринужденнѣе сбѣгало съ пера слово „ребячество“?). Она почти вовсе не упоминала въ письмахъ о своей школѣ. Коротко заявляла, что у нихъ „все какъ

всегда“, и наполняла письма разспросами о его собственной жизни, занятіяхъ, знакомствахъ, здоровьѣ.

Только въ эту минуту онъ отчетливо понялъ, что подѣ этимъ скрывается что-то серьезное, о чемъ не хотятъ писать. Тогда это не помѣшало ему попросту выкинуть изъ головы несносную дипломатію Ларисы. Ему и безъ нея было о чемъ думать! Теперь сразу почувствовалась въ словахъ Дины связь съ этими письмами.

— Ну, ну... Я слушаю!— сказалъ Саня послѣ длинной паузы, укладываясь на травѣ половчѣе, чтобы прослѣдить, куда такъ торопится блестящій черный жучокъ, вцѣпившись въ сухую травинку раза въ три длиннѣе его роста.

— Видишь ли... все равно, они ужъ непремѣнно заговорятъ съ тобой сегодня же!—точно оправдывалась Дина.— Не хочу я, чтобы... чтобы тебѣ сейчасъ же навязали всю эту чепуху!

Она нетерпѣливо сдвинула прочь со лба бѣлый ситцевый платочекъ.

Крутой завитокъ свѣтлыхъ прядей—свѣтлѣе остальныхъ волосъ—надъ серединой широкаго лба и оригинальный изгибъ темныхъ бровей, рѣзко опущенныхъ къ переносицѣ, точно надломленныхъ, дѣлаютъ лицо Дины своеобразно энергичнымъ. И твердый крупный ротъ выразительно сжимается, точно его сводитъ невидимая судорога. Пристальный взглядъ ясныхъ сѣрыхъ глазъ съ темной каемкой дополняетъ общее впечатлѣніе твердости и упорства.

— Вотъ, то ли дѣло безъ этой дряни!—полюбовался братъ, потянувъ за кончикъ бѣлаго платочка и совсѣмъ стащилъ его съ ея головы.

Дина усмѣхнулась и пригладила ладонью темно-золотистые волосы, заблестѣвшіе на солнцѣ мѣдными переливками.

— Не въ шляпкахъ же щеголять!

— Почему это? Роскошь небось? Такъ за границей, матушка, крестьянки въ полѣ работаютъ въ шляпкахъ.

Дина слегка качнулась впередъ и улыбнулась ему глазами.

— То за границей... У насъ босякомъ щеголяютъ. Просто-волосой выходить тоже не полагается. О! этикетъ-то у насъ еще построже всякаго другого будетъ.

— А ты, должно быть, все ужъ изучила досконально?

Она подозрительно приглядѣлась, не смѣется ли онъ.

— Это не такъ легко, какъ ты думаешь, — сказала она серьезно.

— Но едва ли такъ интересно, какъ ты стараешься себя увѣрить...

Саня сказалъ это съ маленькой заминкой, какимъ-то особеннымъ тономъ, точно почву пробуетъ.

Дина еще больше насторожилась.

— Отчего ты так думаешь—что я *стараюсь?*

Студентъ отбросилъ сухой прутиѣкъ, которымъ преслѣдовалъ чернаго жуѣва.

— Да просто, душа моя... думаю, что сюда!—усмѣхнулся онъ простодушно.—Разумѣется, ты молодчина, коли сумѣла создать себѣ здѣсь серьезный интересъ. Только не навсегда же погрязать въ этомъ мракѣ!

Ониѣ они помолчали съ минутой.

Студентъ что-то соображалъ, озабоченно пощипывая усы. Дѣвушка сидѣла, обхвативъ колѣно маленькими, темными отъ загара руками и бросала вбокъ безпокойные взгляды; щеки ея начинали краснѣть.

— Н-ну... ужь я вижу: тебѣ написали что-нибудь? Не церемонься, пожалуйста...

Братъ посмотрѣлъ ей въ лицо своими открытыми ласковыми глазами.

— Честное слово, Дина, я ни аза не разобралъ во всемъ этомъ... Знаешь, когда наша Лариса Ивановна пустится въ краснорѣчїе!

Маленькая нога въ безобразномъ башмакѣ выбивала о землю энергичный, ускоренный темпъ, и вся напряженная фигура дѣвушки вздрагивала отъ этого мелкой дрѣжью.

— Впрочемъ, ты не подумай—ничего особеннаго тамъ не было,—пояснилъ Саня поспѣшно,—больше все витѣватныя разсужденїя объ истинномъ предназначенїи женщины.

— Другими словами—о женихахъ. Какая же у нея можетъ быть другая точка зрѣнїя!—выговорила Дина презрительно.

— Смѣшно и требовать.

— Ахъ, я ничего, ничего ровно отъ нихъ не требую!—воскликнула дѣвушка совсѣмъ ужь азартно.

„Ого! военное положенїе во всемъ блескѣ. Это общаетъ мало веселаго“,—подумалъ Саня.

— Ты, хочешь не хочешь, попадешь въ третейскїе судьи—ты и тетя Женя. Очевидно, она именно для этого и пожаловала въ Зажоры... Ну, и отлично! Я ничего не имѣю противъ этого, но только я... я не допущу лжи!!

Дина схватила съ земли бѣлый платочекъ и начала порывисто разглаживать и вытягивать его у себя на колѣняхъ.

— Вотъ уже такихъ словъ—знаешь—лучше не употреблять, Дина, коли ты хочешь серьезнаго разговора. Коли просто выругаться, чтобы душу отвести—тогда сдѣлай одолженїе, вали безъ стѣсненїя!.. Ну, а коли разсудить требуется, тогда ужь безо всякаго словеснаго давленїя... Правду, что ли, я говорю?

Чтобы смягчить репримандъ, онъ шуточно пытался помѣшать ей теревить бѣленькій платочекъ.

Но Дина машинально отталкивала непрошенныя руки; голосъ ея срывался отъ волненія.

— Ну, ужъ это не моя вина!.. То, что не правда, всегда называлось ложью! Словъ пугаться совсѣмъ лишнее... Лицемеріе! — и только потавать разнымъ гаденькимъ замашкамъ...

Санѣ ужасно не нравилось, въ какомъ тонѣ начинается разговоръ... Потому, быть можетъ, что въ немъ самомъ въ эту минуту ничто не гармонировало съ такимъ тономъ. Была ли то послѣдняя истома дорожной усталости, или расслабленіе нервовъ, внезапно охваченныхъ обволаживающей тишиной, лишенной всѣхъ привычныхъ раздраженій — такъ или иначе, въ немъ росло малодушное желаніе ускользнуть какъ-нибудь отъ надвигающейся не-пріятности.

...Сестренку и жаль — и досадно. По обыкновенію, досадно больше, чѣмъ жаль, потому что Динѣ вовсе не свойственно возбуждать жалость. Этотъ выпуклый лобикъ, съ живописнымъ хохломъ буйно закрученныхъ прядей, этотъ прямой и острый взглядъ изъ-подъ тяжелыхъ, надломленныхъ бровей, — даже маленькія, жесткія и безповойныя руки, всегда въ движеніи — вся она, упрямая, скрытная и злопамятная, съ самого ранняго дѣтства, раздражала и тревожила окружающихъ.

Нянька иначе не звала ее, какъ — „наказанье ты божецвое“.

Старшая сестра ее запальчиво преслѣдовала.

Саня периодически то состоялъ въ слѣпомъ повиновеніи, то замышлялъ сбросить иго и переходилъ на сторону Ларисы.

Только одна мама всегда съ Диной ладила и недоумѣвала, что они всѣ находятъ въ ней особеннаго?

— Ребенокъ какъ ребенокъ... Сами вы ее разжигаете ко-пусту, — говорила она своимъ вроткимъ и печальнымъ голо-скомъ.

Еще бы! съ бѣдной больной мамой у Дины даже и голосъ былъ какой-то другой... И вся она пугливо затихала при ней. Но не смотря на „пристрастіе“, о которомъ всѣ открыто твердили, даже совсѣмъ маленькой дѣвочкой Дина никогда не прибѣгала подъ защиту матери. Она мѣрилась съ врагами собственными силами.

Лариса увѣряла, что Дина „зла, какъ волчонокъ“. Однако маленькій братишка зналъ примѣры страннаго („дурацкаго“, по его мнѣнію) великодушія загнанной дѣвочки къ этой самой полноправной хозяйкѣ Зажоръ, безконтрольно управлявшей домомъ, имѣніемъ и участью младшихъ дѣтей.

„Теперь, слава Богу, всѣ давно взрослые. Что толку трево-

жить ядовитый осадокъ старыхъ обидъ и раздраженій!“ раз-
лялъ благодушный Саяя.

Но по запальчивому тону Дины, по знакомому переливчатом,
блеску въ сѣрыхъ глазахъ (точно рябь на водѣ) братъ уже
видѣлъ, что плохой миръ, танувшійся съ грѣхомъ пополамъ въ
Зажорахъ, въ концѣ концовъ, все-таки приведетъ къ доброй
схваткѣ, отъ которой не знаешь, чего ждать.

...Что могло у нихъ случиться?

Динаина школа, противъ которой систематически воевала стар-
шая сестра, разъ навсегда семейнымъ совѣтомъ ограждена отъ
серьезныхъ посягательствъ... Для чего же понадобился новый
соброръ? Саяя прозвалъ эти семейныя разбирательства „вселен-
скими соборами“. Зачѣмъ потревожили тетю Женю, навѣзав-
шую въ родное гнѣздо только въ экстренныхъ случаяхъ, когда
безъ ея вмѣшательства не было надежды водворить миръ въ семьѣ
старшей сестры? Очевидно, дѣла въ Зажорахъ обстояли совсѣмъ
плохо...

А мирная картина голубого озера и цвѣтущаго луга въ ку-
дрявой рамкѣ недалекой липовой рощи, ласка перваго деревен-
скаго утра послѣ раздражающихъ утомленій лѣтняго Петербурга—
вся эта торжествующая прелесть бытія оказывалась сильнѣе са-
мыхъ серьезныхъ соображеній и убѣдительныхъ воспоминаній...

...Будетъ еще довольно времени для ссоръ и разбирательствъ...
Неужели ему не дадутъ отдохнуть и одного дня?..

Въ глазахъ Дины отразилась горечь, когда она выслушала
отъ него эту не то жалобу, не то просьбу.

...Отдохнуть!.. не справившись даже, что на очереди у дру-
гого—почему она такъ страстно ждала его приѣзда... единствен-
наго близкаго человѣка, который могъ понять ее... если захочетъ!
Но вотъ онъ прежде всего хочетъ оградить собственный покой...

Дина ничего не отвѣтила.

— Вонъ, вонъ! опять утки... Чортъ!..

Въ одинъ мигъ разнѣженной лѣни какъ и не бывало. Глаза
Саяя заблестѣли, онъ приподнялся на локтѣ.

— А что, Сергѣй вернулся домой? ну, знаешь, охотникъ...

— Вернулся. Только опять ушелъ,—отвѣтила не слѣша Дина.

— Но-о?.. куда?.. вотъ досада!

— На Уралъ, на заводы его сманили. Второй братъ нынче
въ наборъ пойдетъ, такъ надо же кому-нибудь доставать на всѣхъ.

Студентъ снялъ фуражку и почесалъ голову. Камары все
сильнѣе одолевали на пригоркѣ.

— Вотъ такъ сюрпризъ! Я, признаться, только на него и
надѣялся. Этакъ цѣлое лѣто и пострѣлать не придется...

Дина что-то вспомнила и во второй разъ спросила:

— Саня, да какъ же это съ ружьемъ?

Онъ надѣлъ фуражку и добродушно усмѣхнулся.

— Вотъ, я что тебѣ скажу: коли хотите, чтобы я привезъ ружье, такъ высылайте деньги къ самому отъѣзду. Не могу я хранить ихъ вамъ цѣлые мѣсяцы, когда какъ разъ въ это время народъ валомъ вонъ гонять за не-взносъ платы... Какія тутъ къ чорту ружья!

Дина покачала головой.

— Это ужъ въ третій разъ, Саня.

— Ну, и тѣмъ лучше!

— Вотъ и посидишь безъ охоты.

Она совсѣмъ отвернула отъ него голову и добавила, какъ-то странно равнодушно, послѣ паузы.

— Развѣ Савелій когда-нибудь дастъ пострѣлять...

— Какъ?.. У Савелія есть ружье?! Откуда это?

— Осенью купилъ.

Дина не поворачивала головы. Абрисъ щеки рдѣлъ на солницѣ, какъ лепестокъ цвѣтка, а рука безпокойно выщипывала изъ дерна сухіе пучочки пестрыхъ заячьихъ лапокъ.

— Молодчина же, коли такъ, твой философъ!

Дина, не спѣша, повернулась и скользнула по немъ взглядомъ.

— Угодилъ..

Саня лукаво подмигнулъ:

— Я вѣдь думалъ, что онъ каждый грошъ на книжки копить. И на что ему ружье понадобилось!

— Ружье каждому человѣку необходимо имѣть, это я понимаю,— сказала вдругъ Дина убѣжденно.—Я тоже непременно заведу револьверъ.

— Н-но? — смѣялся Саня.—Ужъ не разбойники ли у васъ тутъ появились? Такъ, значить, это ты ему внушила...

— Вовсе не значить. Онъ не малолѣтній, можетъ и безъ чужой уязки обойтись.

Братъ любопытно посматривалъ ей въ лицо. Губы ея стягивались своеобразной нервной ужимкой.

— А въ школу Савелій ходилъ нынче?

— Послѣдній годъ. Мнѣ больше нечему его учить.

Тяжелыя брови еще тяжелѣе опустились надъ глазами. Она смотрѣла въ даль, на озеро. Въ лицѣ проступало что-то важное.

— Н-ну!.. будто ужъ и нечему? — протянулъ онъ недоувѣрчиво.—А ты попрежнему считаешь, что нашъ Савка — замѣчательная голова?

Глаза Дины блеснули.

— Скажи, для чего ты теперь выпрашиваешь?—заговорила запальчиво, прорвавшимся звукомъ.—Вѣдь ты даже не поинтере-

совался выслушать, когда я хотѣла... ты желаешь отдыхать!.. Просто... праздное любопытство...

Она оборвала, стискивая зубы, и начала поспѣшно повязывать голову платкомъ.

Студентъ тоже, точно невольно, поднялся на ноги.

— Позволь, позволь... чего это я коснулся „правднымъ любопытствомъ“? Помилуй, Дина!

— Поздно разговоръ начинать—вонъ тетка идетъ купаться.

Она побѣжала навстрѣчу, на бѣгу надвигая глубже на глаза платокъ.

— Ну, ужъ и правда—характерецъ!—послалъ ей вслѣдъ съ досадою Саня.

II

Тетя Жена шла по лугу шаткой и неровной походкой, какъ-то забавно расправляя на ходу пышныя плечи, точно она не просто идетъ, а старательно продѣлываетъ какое-то гимнастическое упражненіе. Видно, какъ ея маленькимъ ногамъ въ тонкихъ туфляхъ съ французскими каблуками трудно балансировать тяжелое тѣло. По травѣ тащится шлейфъ вышитаго батистоваго капота; въ одной рукѣ бѣлый зонтикъ; въ другой—изящная ажурная сумка съ туалетными принадлежностями.

На ходу красивая головка тети Жени надменно откидывается назадъ на короткой бѣлой шеѣ. Густые волосы, точно покрытые ровнымъ слоемъ пудры, молодежavo свернуты подъ дорогіе гребни и шпильки. Особенно эффектенъ контрастъ изящной сѣдины съ мягкими черными глазами подъ тонкими бровями.

Тетя Жена вся раскраснѣлась, хоть не отошла отъ дома и ста саженой. Она обрадовалась предлогу остановиться, когда Дина побѣжала и потянула у нея изъ рукъ синюю сумочку.

— Зачѣмъ же вы сами беспокоитесь, тетя!—воскликнула дѣвушка съ искреннимъ сочувствіемъ передъ ея жалобнымъ видомъ.

— Некому, душа моя... у васъ вѣчно прислуга въ разгонѣ! Маша моя впередъ ушла съ бѣльемъ... Что это за жара съ самой зари!

— Развѣ такъ жарко?

— Охъ, милая!... Лошадь велѣтъ бы заложить, такъ боюсь, засмѣтъ ваша Лариса...

— Лошадь... — попробовала повторить серьезно Дина, — но вдругъ покраснѣла, какъ піонъ, отъ усилія сдержать смѣхъ—и не удержала: Ха, ха, ха... вѣдъ тутъ... тутъ всего десять минутъ! Простите, милая тетя Жена, простите... Разумѣется, велимъ подавать вамъ дрожки! Можно кругомъ объѣхать. ;

— Ну, вась-нибудь! Что-жъ дѣлать! — вздыхала тетушка, точно готовилась ступать по скользкому льду, а не по мягкой зеленой тропиночкѣ.

Сбоку подходилъ къ нимъ студентъ.

— Вотъ и ты!.. bonjour, mon enfant. Смѣется надъ старухой твоя сетричка. Да! прыгала и я ковой по этому лугу не хуже вась...

Тетя Жена задумчиво покивала величавой головкой и пошла бодрѣе, когда Саня догадался предложить ей свою руку.

— Пойдемъ купаться со мной... Скучно одной! — позвала она Дину.

Дѣвушка колебалась съ минуту; но сообразила что-то — поглядѣла, гдѣ солнце, и пошла за ними.

Съ самаго приѣзда тетки онѣ еще не оставались съ глаза на глазъ... Тетя Жена какъ будто избѣгаетъ этого.

Тихое озеро нѣжно плескалось о пологій берегъ.

Съ этой стороны до самой деревушки, раскинувшейся на высокихъ пригоркахъ, тянется глубокой мелкій песокъ — ни дать, ни взять морской пляжъ! Озеро ширится вправо, и тамъ берегъ окаймленъ зеленой полосой густыхъ камышей.

До противоположнаго берега по озеру считается восемь верстъ. На горизонтѣ темнѣетъ ярко синяя полоса, точно раздиванная серебрянными черточками... Ближе къ правому берегу брошено нѣсколько зеленыхъ островковъ; одинъ изъ нихъ поднимается выше другихъ и издали блеститъ крутымъ песчанымъ обрывомъ. Надъ нимъ кружились какія-то крупныя птицы...

Отъ деревни къ островамъ, поперекъ озера, плыла узкая черная лодка съ однимъ гребцомъ.

Купальню поставили новую всего годъ назадъ, когда старая рассыпалась отъ ветхости. До воды проложены узенькія дощечки, наполовину затонувшія въ песокъ.

Маша стояла въ открытыхъ дверяхъ, поджидая свою генеральшу. Въ синей модной юбкѣ и въ розовой батистовой крахмалькѣ на корсетѣ, Маша больше походитъ на барюшню, чѣмъ Дина. И коса по модному свернута вренделькомъ надъ высоко зачесаннымъ затылкомъ.

Когда господа были въ нѣсколькихъ шагахъ, Маша сочла своей обязанностью пойти навстрѣчу, чтобы взять у барышни сумку.

Въ купальнѣ тетя Жена долго разоблачалась и снаряжалась, отдыхая и нѣжась въ тепломъ воздухѣ. Всѣ принадлежности купанья у нея необыкновенно щегольскія, заграничныя. Въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ съ фестонами и перламутровыми пуговицами и въ кокетливомъ чепчикѣ съ красными помпонами на сѣрыхъ

волосахъ, она выглядѣла теперь еще живописнѣе и моложавѣе. Бѣлое выхоленное тѣло значительно свѣжѣе лица.

Тетя Жена сознаетъ это и съ довольнымъ видомъ красуется передъ племянницей, упрятывая свои маленькія пухлыя ножки въ какія-то особенныя чешуйчатые туфли.

Дина проворно сбросила свои жиденькія юбочки, и тетка не успѣла оглянуться, какъ она уже юркнула въ воду. А Евгенія Петровна долго еще красовалась вся на виду, не рѣшаясь окунуться, и ласково журила ее.

— Можно ли не беречь такихъ прелестныхъ волосъ! Сколько времени такая коса должна сохнуть, да еще на солнцѣ! Бѣлокурые волосы требуютъ большого ухода, чтобы не потерять своего блеска... Выгорать на солнцѣ и получать вульгарный зеленоватый отбѣнокъ—*couleur femme de chambre*...

...А кожа! Никогда Дина смуглая не была... Это отъ постоянного загара. Безъ шляпки, безъ зонтика. Загаръ вѣдается—вѣдь это ожогъ! Вонъ руки—точно въ перчаткахъ.

...Да ужъ не больна ли она чѣмъ-нибудь? Просто непозволительно быть такой сухой, живя въ деревнѣ.

Дѣвушка конфузливо ежилась худенькими плечами подъ этимъ безцеремоннымъ разглядываньемъ.

Но, наконецъ-то, красные помпоны всплыли, точно яркіе цвѣты, надъ серебрянной зыбью. Брызги воды задрожали на розовомъ атласѣ роскошнаго бюста.

— Вотъ ты погляди на меня и сравни!—говорила тетя Жена добродушно, разводя по водѣ красивыми руками.—Бажется, Ларса гораздо моложе меня, а она и десять лѣтъ назадъ была не молодая. Такъ отчего же это, скажи пожалуйста? Вы вѣдь увѣрены, что только въ деревнѣ жизнь нормальная.

Застыгнувшая врасплохъ вопросомъ, Дина собиралась добросовѣстно рассудить, но тетя Жена не ждала ее:

— А я тебѣ скажу отчего: отъ скуки! Человѣкъ долженъ жить нервами, впечатлѣніями, а не одними растительными процессами. И за тѣломъ нуженъ постоянный уходъ. Посмотри, сколько садовникъ ухаживаетъ за какимъ-нибудь растенъцемъ, чтобы сдѣлать его пышнымъ и красивымъ. И достигаетъ! На этомъ вся культура основана. Почему же наше тѣло должно обходиться безъ ухода? Небось, свои платица ты чистишь да разглаживаешь, такъ вѣдь и кожа наша не больше, какъ ткань!

Динѣ хотѣлось поплавать, но тетка говорила, не умолкая.

Смоченные волосы потемнѣли и плотнѣе прилегли къ круглой головкѣ; но завитокъ на лбу уже свѣтлѣлъ и закручивался въ тепломъ воздухѣ.

Евгенія Петровна взглянула, усмѣхнулась и неожиданно рас-

правила его мокрой рукой, сверкнувъ на солнцѣ своими кольцами.

— Вотъ, вотъ, упрямство-то наше гдѣ сидить... вотъ въ этомъ задорномъ хохолкѣ! У-у-у... и упрямыца же ты! Что ни говори—молчить и думаетъ по своему—да?

Дина засмѣялась.

— Да развѣ я одна?! Кто же хочетъ не по своему, а по чужому? Вы, можетъ быть, думаете, тетя, что Лариса очень уступчива?

Тетя Женя сощурила бархатные глаза и улыбнулась.

— Ну-ну... Это я знаю, пожалуй, не хуже тебя.

— Нѣтъ, всего не знаете, — отвѣтила Дина рѣшительно. — Миѣ вы, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрите—мы ссоримся. Такъ спросите сосѣдей!

— Какихъ это сосѣдей?—переспросила тетя любопытно.

— Какъ это какихъ? Нашихъ загорскихъ сосѣдей.. крестьянъ.

Онѣ поглядѣли другъ на друга недоумѣвающими глазами. Подъ „сосѣдами“ Евгенія Петровна привыкла понимать, разумѣется, не мужиковъ. Ей это ужасно не понравилось.

— Что ужъ это ты, душа моя! О чемъ я стану мужиковъ допрашивать...

...А кого же иначе спрашивать? У нихъ вѣдь и всѣ дѣла деревенскія, мужицкія. Нѣтъ, не отъ скуки Лариса высохла, а отъ вѣчной злобы на всѣхъ! Всю жизнь на ножахъ прожила...

Опять, какъ давеча, съ Саней, Дина не могла себя заставить выбирать выраженія. Тетя Женя легонько морщилась, слушая ее. Она рѣшила, однако-жъ, что надо когда-нибудь дать Динѣ высказаться до конца.

Политика тети Жени обыкновенна заключалась въ томъ, что она по очереди бесѣдовала съ каждой изъ воюющихъ сторонъ, и въ заключеніе, на очной ставкѣ, вносила отъ себя примирительное предложеніе, скомбинированное заранѣе изъ всѣхъ возможностей. Авторитетъ тети Жени былъ поставленъ этимъ чрезвычайно высоко.

— Лариса всю свою жизнь на семью работала, это вамъ грѣхъ забывать,—сказала она вѣско.—Сама знаешь, подъ силу ли было матери съ имѣньемъ управиться, да долги выплачивать.. Все бы врозь поползло, кабы не Лариса.

Дина покраснѣла, оттого что ее подозрѣваютъ въ неблагодарности.

— Этого я, тетя Женя, никогда не забывала, *никогда!* Только потому я и считала себя обязанной подчиняться... Но всему

есть предѣлъ! Мнѣ двадцать три года... У каждаго человѣка должна быть своя личная жизнь и въ ней онъ свободенъ.

Тетя Женья поспѣшила сбавить тонъ.

— Полно, полно, душечка, не горячись такъ. Я не знаю, о чемъ ты говоришь, въ чемъ отъ тебя требуютъ подчиненія.

Настойчивый взглядъ изъ-подъ бровей пронизывалъ ее насквозь.

— Развѣ вы не знаете? — переспросила Дина съ такимъ явнымъ недоумѣемъ, что отвѣтить категорически было совсѣмъ уже неудобно.

— То-есть... знаю, что у васъ идутъ препирательства насчетъ зимы—здѣсь ли попрежнему оставаться, или переѣхать въ городъ, n'est ce pas? Да, вѣроятно, есть же для этого какія-нибудь серьезныя основанія?

— Еще бы! Домъ въ Загорахъ вдругъ сталъ холоденъ отъ старости!—ерывнула Дина задорно на все озеро.

— Пора выходить, ваше превосходительство! Вы очень долго въ водѣ сегодня,—позвала съ берега Маша, чутьемъ угадывая, что именно въ эту минуту ея барышнѣ будетъ приятенъ перерывъ разговора.

Дина вдругъ пропала на глазахъ у тетки. Вынырнула сажени на три дальше и поплыла въ озеро, рѣдко и сильно взмахивая руками. Тетя Женья покачала головой и выбралась на горячій песокъ.

Не раньше, какъ минутъ черезъ двадцать Дина высочила изъ озера. Руками обмахнула съ себя воду и навинула бѣлье; волосы скрутила и выжала что было силы, какъ прачки выжимаютъ бѣлье, и явилась въ купальню, увѣренная, что тетя уже одѣта.

Къ ея удивленію, Евгения Петровна еще сидѣла закутанная въ нарядный мохнатый халатъ съ пестрой каймой; на скамейкѣ около нея красовался цѣлый рядъ флаконовъ и баночекъ.

— Ахъ, можно ли такъ далеко плавать, Дина! встрѣтила она дѣвушку съ неподдѣльной тревогой. — Ну, сохрани Богъ, сдѣлается судорога... такъ вѣдь и тонуть люди!

— Вы бы сказали мнѣ, барышня, сбѣгать за простынкой, покажѣсть вы купаешься—вставила неожиданно слащавымъ голосомъ Маша, скромно отводя отъ нея свои глаза.

— Спасибо, Маша. Я всегда безъ простыни обхожусь—такъ свѣжѣе.

— Поди, поди ко мнѣ... нѣтъ, поближе сюда!

— Что это на локтяхъ у тебя? Ахъ, Боже мой настоящая щетка! Дина, Дина... это ужасно! Это у тринадцатилѣтнихъ дѣвочекъ бываетъ, а тебѣ давно пора замужемъ быть.

— Что же мнѣ съ этимъ дѣлать, тетя!—разсмѣялась Дина ея неподдѣльному сокрушенію.

— Какъ, что дѣлать?! На солнцѣ мокрая обсыхаешь каждый день и думаешь, что для кожи все ни по чемъ. Возьми, намажь сейчасъ кремомъ... да, да, не серди меня! *Ca n'a pas de sens commun—devenir tellement laide! une jeune fille comme vous!* да съ одними волосами твоими другая бы... *petite sottel!*

Дина упиралась, но тетя Женя начала собственноручно натирать ей руки нѣжной бѣлой мазью, разливавшей запахъ розоваго масла.

— Богъ попалась! Тетя, б-будеть! ради Бога, отпустите душу на покаяніе!—хотела до слезъ Дина.

Невыразимо комичной казалась ей красивая московская барыня, съ ея арсеналомъ скляночекъ и баночекъ, съ цѣлымъ багажомъ специальныхъ туалетовъ для каждаго момента жизни.

„Ну, и атласная кожа—а кому отъ этого лучше? Скуку такую терпѣть цѣлую жизнь—идіотизмъ какой!“ негодовала Дина, потирая свои локти. Ей все казалось, что они не совсѣмъ еще высохли отъ тетушкиной мази.

Изъ купальни Дина пошла не домой. Она взяла налѣво берегомъ и скрылась въ камышахъ.

Тетя Женя нѣсколько разъ оглядывалась посмотришь, идетъ ли она за ними.

— Что же она тамъ дѣлаетъ столько времени? Вѣдь даже гребенки у нея нѣтъ! дѣлилась она своимъ недоумѣніемъ съ Машей.

— Гуляютъ, должно быть... процѣдила, наконецъ, дипломатически наперсница такимъ тономъ, что генеральша покосилась на нее и перестала спрашивать.

И Маша не находила своевременнымъ выкладывать барыни свои свѣдѣнія, почерпнутыя въ людскихъ.

III.

Ни съ озера, ни съ берега нельзя замѣтить въ камышахъ тропинки—однако, надъ нею кто то не мало потрудился. Вся она старательно утрамбована хворостомъ и мохомъ, а въ очень топкихъ мѣстахъ вымощена камешками.

Дина ловко пробиралась по ней, высоко вздернувъ и безъ того не длинную голубую юбочку. Лицо ея, поблѣднѣвшее послѣ купанья, было озабочено.

Нѣсколько разъ она останавливалась, безсознательно облегчала грудь вздохомъ и прислушивалась къ царившей тишинѣ.

Со всѣхъ сторонъ обступала высокая зеленая стѣна, зыбкая

даже въ этой неподвижности жаркаго безвѣтрянаго утра. То тамъ, то здѣсь зеленныя метелки вздрагиваютъ отъ непонятной причины—и толчокъ передается далеко, какъ по водѣ разбѣгается рябь. Что-то слабо шуршитъ, цѣпляясь за жесткіе стебли... Что-то шевелится внизу, въ водѣ. Пахнетъ водяной гвилью; но отъ косогора, на который выводитъ тропинка, уже доносится сладкій ароматъ медуницъ.

Такъ же, какъ и на другомъ концѣ, тропинка кончается здѣсь внезапнымъ заворотомъ подъ прямымъ угломъ; но и этотъ выходъ совершенно закрытъ огромнымъ ивовымъ кустомъ. Старый кустъ во многихъ мѣстахъ затянутъ паутиной, съ налипшими на ней мошвами, сѣменами и сухими листочками.

Дина привычной рукой отстранила вѣтки и вынырнула на тѣнистый косогоръ. Тутъ было еще совсѣмъ свѣжо въ высокой влажной травѣ. По ней также пролегло нанскосоко въ едва уловимый слѣдъ, незамѣтный для непривычнаго глаза.

Дина о чемъ-то раздумывала и прислушивалась.

Наверху, за темной чащей густо разросшагося ольховника, надъ полемъ заливаются жаворонки и мѣшаютъ слушать...

... Вотъ, недалеко гдѣ-то какъ будто набиваютъ косу?

Дѣвушка еще послушала, рѣшила что-то и пошла скорѣе. Но въ ту же минуту навстрѣчу ей изъ темной чащи рѣзко и протяжно свистнула птица.

Дина круто остановилась, и въ лицѣ ея пробѣжала довольная улыбка.

„Хорошо, что пошла!“ похвалила она себя, вспомнивъ недавнія колебанія; поскорѣе сдернула съ шеи бѣлый платочекъ и повязала его на сырые волосы. Отъ платка лицо стало строже.

Свистъ въ кустахъ повторился ближе и слабѣе. Теперь Дина чутко слѣдила за шагами въ чащѣ, хоть шаговъ вовсе не было слышно; едва угадываемый слѣдъ движенія въ вздрогнувшихъ вѣткахъ, въ трескѣ сухого сучка... И смотрѣла на тотъ именно кустъ, откуда показалась невысокая фигура молодого парня въ бѣлой рубахѣ.

Увидавъ дѣвушку прямо передъ собой, онъ отъ внезапности сбился съ шага, зашпѣшилъ, сдернулъ съ головы картузь и совсѣмъ по-дѣтски сбѣжалъ къ ней по косогору, врѣзавшись въ высокую, содрогнувшуюся точно отъ боли траву.

— Ахъ, озорникъ какой, зачѣмъ, зачѣмъ траву мнешь!— крикнула Дина невольно и напрасно, отступая передъ нимъ назадъ по тропинкѣ.

Онъ набѣжалъ вплотную.

— Да что-жь тутъ... Господи! невидаль какая! — лепеталъ онъ, радостно сверкая голубыми глазами.

— Иду какъ дуракъ и не знаю, что вы тутъ. Кабы знать-то! Онъ отступилъ, смутившись, что стоитъ къ ней такъ близко.

— Хорошо, что пришелъ, Савелій. Я собралась послать за тобой. Ваши-то въ полѣ сегодня? — спросила Дина дѣловымъ тономъ.

— Извѣстно, какъ же не въ полѣ.

— Такъ какъ же ты ушелъ?

— Такъ и ушелъ. Думалъ, не понадобится ли вамъ зачѣмъ-нибудь? Александръ-то Иванычъ пріѣхалъ?

— Да, пріѣхалъ. Всѣ теперь собрались, — сказала Дина тихо, точно на какую-то свою мысль.

Такіе красивые голубые глаза встрѣчаются иногда въ народныхъ лицахъ: влажные и свержающіе необыкновенной чистотой красокъ, съ длинными развѣсистыми рѣсницами. Худоба скрадывается широкимъ складомъ лица и золотыми завитками живописно заростающей молодой бороды. Въ пухломъ ртѣ съ бѣлыми зубами и въ открытой игрѣ лица еще сказывается юношеская миловидность.

Дина замѣтила, что Савелій переодѣлся съ работы, но не сдѣлала никакого замѣчанія. Давно ужъ онъ не попадался ей на глаза иначе, какъ прибранный по праздничному. Ему зато переходу нѣтъ на деревнѣ, но ей казалось это естественнымъ въ немъ. Можетъ быть, ей даже было бы неприятно увидѣть его въ заношенной, пропотѣвшей рубахѣ, въ заплатанныхъ шароварахъ, какъ всякого другого мужика.

Савелій сорвалъ длинную травинку и крутилъ ее въ грубыхъ пальцахъ. Словно такъ легче дожидаться, что Надежда Ивановна скажетъ ему сегодня...

Всѣ знаютъ, что старая барышня хочетъ нынче, какъ ни какъ, порѣшить школу. Покамѣстъ еще ничего не объявлено, и Надежда Ивановна распустила учениковъ такъ же, какъ въ прежніе года, съ строгимъ приказомъ не отбиваться совсѣмъ отъ книжки за гѣто и съ разными заманчивыми обѣщаніями на осень. Однако, всѣ знали, всѣ повторяли разныя подробности, Богъ вѣсть откуда взятая.

Собственно, Савелія это и не касается; еще передъ Пасхой объявлено, что ему больше нечего дѣлать въ такой школѣ. Однако, онъ ходилъ самъ не свой, чуя въ этомъ какую-то свою бѣду, о которой Надежда Ивановна и говорить съ нимъ не хочетъ... И это-то и было всего страшнѣе, что говорить она не хочетъ!

Съ чуткостью простыхъ существъ, которыхъ ведетъ не умъ, а чувство, Савелій твердо зналъ въ эту минуту, что онъ услышитъ сейчасъ что-то важное... Такое, къ чему и ума не положить...

Каждое утро онъ отправлялся къ камышамъ; но Надежда Ивановна не приходила и не присылала за нимъ. Вчера, выспѣдивъ, какъ прѣѣхалъ молодой баринъ, Савелій понялъ, что сегодня навѣрняка ужъ она не придетъ—небось, съ братомъ разстаться не захочется.

Онъ и сталъ было на работу раньше всѣхъ домашнихъ, твердо рѣшивъ въ одинъ день наверстать всѣ свои прогулы. И работать, ни о чемъ не думаль... Но когда подошелъ привычный часъ—словно вотъ потянула какая-то сила! Руки распадаются, какъ плети... Въ груди засосала знакомая тоска. Испуганныя мысли, точно пчелы, засновали въ головѣ...

Дина медлила, бросая на него взгляды, полные раздумья.

...Жалѣеть его! Словно бы кто словами ему это сказала. И что-то тяжелое, точно слезы—много слезъ—волной поднимается въ груди и отражается боязливымъ вопросомъ въ голубыхъ глазахъ... Травинка выскользнула изъ пальцевъ. Онъ пододвинулся ближе—губы его шевелились безъ звука...

Дина поспѣшно подняла упавшую травинку и, навручивая ее, какъ шелчинку, себѣ на палецъ, заговорила сухимъ высокимъ толосомъ, какимъ она говоритъ въ шеолѣ, когда чѣмъ-нибудь недовольна.

— Я все равно за тобой послала бы Анюту. Сама не знаю, Савелій, что у насъ будетъ такое—можетъ статься, что и вовсе съ тобой не увидимся. Какой-нибудь конецъ да надо положить...

Рѣчь о чемъ-то, о чемъ между ними еще не было сказано ни одного слова. Но ему и въ умъ не пришло прятаться за это—не понимать.

Лицо его блѣднѣло подъ загаромъ. Отъ судорожныхъ толчковъ сердца, бѣлая рубаха съ мелкимъ розовымъ узоромъ вздрагивала на горлѣ. Глаза перехватили ее ускользящей взоръ, задержали его, заставили погрузиться въ ихъ голубую глубину.

И глаза Дины мгновенно наполнились слезами, такъ неожиданно для нея самой, что вмѣсто словъ она только втянула въ себя протяжно воздухъ и вся подалась назадъ.

...Пристыжающее впечатлѣніе безправія и беззащитности другого человѣческаго существа... Острая, какъ боль, жалость передъ этой разбуженной тревогой безформенныхъ надеждъ... и загнанное глубоко отчаянными усилиями, но все-таки упорно растущее чувство собственной великой отвѣтственности—вотъ, вотъ, что она чувствуетъ теперь—давно!..

...Отъ этихъ частыхъ глазъ, полныхъ страстной вѣры и обожанія (такъ на образъ глядятъ) она уклониться не можетъ... А въ сущности вѣдь какъ это легко! Стоитъ только не приходить въ камышамъ... Стоитъ сказать слово, что она больше не

*

хочетъ видѣть Савелія... И для него простая дверь безъ запора упадетъ несокрушимой преградой...

Дина съ досадой вытерла глаза уголкомъ платка, какъ настоящая крестьянская дѣвушка, и заговорила, какъ всегда, безсознательно прилаживаясь къ простой рѣчи.

— Боюсь я, Савелій, какъ бы и вправду не пришлось закрыть школу... Да, кажется, и у васъ идетъ ужъ разговоръ про это?..

Савелій попрежнему не сводилъ съ нея глазъ и молчалъ. Онъ ждалъ дальше—удара, передъ которымъ трепещетъ вѣщее сердце...

— Ну, хоть это-то должно быть вамъ понятно, что двухъ хозяекъ въ одномъ домѣ не можетъ быть! — говорила она какъ будто уже съ раздраженіемъ.— Не ребенокъ я, въ городъ жить меня насильно не перевезутъ, какъ малолѣтнюю... Да только и здѣсь наперекоръ хозяйкѣ недалеко уйдешь. А ухожу, Савелій, съ пустыми руками, новую школу заводить пока не на что. Для хлѣба работать придется.

Дина взглянула, удивленная молчаніемъ. Въ его лицѣ было неожиданное выраженіе какъ будто недовѣрія... Она поняла и покраснѣла отъ неудовольствія.

— Ну, да, разумѣется, я такая же наследница, какъ и сестра... Но, во первыхъ, пока мать жива, Лариса хозяйка, потому что она всегда вела дѣла... Не начну же я тягаться съ нею — „дѣлиться“, что ли, по вашему! Для себя мнѣ и вовсе ничего отъ нихъ не надо — ничего!

Теперь онъ заматался передъ нею, достигнутый ударомъ... Оно вошло въ него, страшное слово, котораго онъ ждалъ—такъ, какъ входитъ ножъ въ живое тѣло. Ничего больше Савелій не понималъ—не слышалъ.

— Куда вамъ уйти отъ своего дома?! Куда вы пойдете?

Ей слышалось другое въ этомъ воплѣ: „какъ вы отъ меня уйдете — на кого вы меня бросите?“

И захватила всегдашняя потребность пристыдить — поднять бодрость. Голосъ зазвучалъ знакомой властью. Она положила на его вздрагивающія руки свою маленькую и твердую, почти такую же темную, какъ и его.

— Ты чего же испугался такъ, глупый?! Ну, да, придется, должно быть, уйти... съ тобою то всячески мы свидимся, гдѣ бы я ни была. Тебѣ же и самому въ Зажорахъ не у чего оставаться — или ты забылъ? Сдѣлаешь все, какъ было говорено. Послѣ Покрова сяду просись у отца въ Москву. А мнѣ, можетъ быть, удастся что-нибудь наладить къ тому времени.

Сердце напрягалось до боли отъ страстной энергіи какую

она вкладывала въ звенящій голосъ, въ горящій взглядъ подъ распрямившимися бровями. Всегда это преображало ея лицо. Горячая волна приливаетъ ко лбу и къ шеѣ.

— Съ тобою я не прощаюсь, Савелій, да другіе-то—остальные всѣ! Дѣвочки—Анюта — школа, школа моя милая! Охъ, какъ горько, какъ стыдно отступаться отъ нихъ... Ну, ты самъ знаешь — не дожидаться же, чтобы потолки обвалились ребятамъ на головы?! Нельзя нынче никакъ безъ перестройки обойтись — потолки, полы, балки, рамы — все, все разваливается. Стѣны одиѣ стояли бы еще. Посчитайте сами — во что это станетъ? Не дастъ она мнѣ такихъ денегъ, да и нѣтъ ихъ. Ужъ я на разные лады думала: въ деревнѣ избу снять? Старики побоятся противъ Ларисы Ивановны пойти — меня же осудятъ. И я тоже оскорблять сестру не могу...

Дина замолчала, и стало вдругъ тихо... мучительно тихо. Наверху, за ольховникомъ попрежнему набивали косу, точно стучало еще чье-то сердце, жествое и безучастное... Вѣтерокъ набѣжалъ съ озера и зашепталъ съ камышами, точно принесъ загадочный отвѣтъ на то, что здѣсь разразилось надъ двумя людьми, такими различными и чужими — и все-таки близкими другъ другу.

Савелій прислонился къ старой ивѣ; грузно, всѣмъ тѣломъ налегъ на корявый стволъ. Онъ не протестовалъ, не жаловался. Не говорилъ ни просьбъ, ни опасеній... У него не было словъ для этихъ ощущеній.

...А-а!! Пусть бы лучше Савелій спорилъ, жаловался... Пусть упрекаетъ, что Надежда Ивановна „Бога не боится“ такъ бросить ихъ... Эту горсть людей чуть-чуть отогрѣвшихъ у случайно засвѣтившаго огонька. Оттого что судьба закинула барышню въ глушь и некуда дѣвать празднаго времени! Обстоятельства перемѣнились — прощайте, добрые люди, бредите дальше, какъ сумѣете, при свѣтѣ случайно брошенной искорки.

...Пожалуй, отецъ не согласится отпустить на зиму въ Москву. Что-жъ! поищи, Савелій, дорожки назадъ... брось, какъ ненужную обузу, этотъ гнетъ непримиримаго недовольства.

...Развѣ мудроно толкнуть — дать первый безцѣльный толчокъ? Для этого ненадо особенныхъ силъ, не надо почти никакого умѣнья... Просто, подъ руку подвернулся, когда непочатая энергія ищетъ выхода...

Мучительное чувство ответственности все тяжелѣе и строже гнететъ Дину при каждомъ новомъ затрудненіи. И въ то же время поражало глубокое несходство привычнаго намъ душевнаго строя съ психологіей иного міра. Поражало, насколько тамъ всѣ

волненія сокрушительнѣе: какъ люди беззащитны передъ собственными ощущеніями.

Самонадѣянный Савелій въ порывѣ отчаянія сваливался, точно подкошенный. „Рѣзвы ноженки подламываются — плечи не держать буйную голову“, вспоминаются невольно слова пѣсни.

Сквозь новую, еще не окрѣпшую броню сознательности въ такія минуты властно прорываются вѣковѣчные голоса суетвр-ной растерянности и покорности...

— Савелій! — позвала Дина.

Онъ поднялъ понурю голову.

Такъ плачутъ дѣти и женщины.

— Голубушка... Надежда Ивановна... мы-то... мы безъ васъ какъ же? Я... вовсе и жить не стану...

Онъ рванулся куда-то, застыдившись своего мокраго вида, и сталъ обтирать лицо рукавомъ рубахи. Все его тѣло содрогалось отъ подавляемыхъ рыданій.

Дина вдругъ съ ужасомъ ощутила какую-то пустоту въ своемъ умѣ: испытанная педагогія измѣняетъ ей въ рѣшительную минуту... Предвзятое и надуманное сметено однимъ животрепещущимъ впечатлѣніемъ тяжелой душевной муки... Это она причиняетъ муку своему любимцу, другу дѣтства, кого было такъ забавно и радостно увлекать на новый путь, то подтапливая, то сдерживая...

...И завела въ эти слезы!?

И вотъ... почему-то грозитъ ступешаться привычное отношеніе воспитателя къ ученику — этотъ легкій, всегда готовый тонъ... Никогда еще съ такой ясностью она не видѣла въ Савеліи взрослого мужчины, который каждую минуту можетъ заговорить о чемъ-нибудь, ей вовсе невѣдомомъ и недоступномъ въ его интимномъ личномъ мірѣ... Страшно, что бы это не случилось теперь — сію минуту...

Надежда Ивановна, блѣдная и хмурая, начала крѣпче перевывать на головѣ свѣтлый платочекъ.

Савелій вспомнилъ, что она торопится, сейчасъ уйдетъ... Вспомнилъ слова: „Можетъ статься, что и вовсе съ тобой не увидимся“, и его всего охватило смятеніе послѣднихъ, сосчитанныхъ минутъ.

— Я за вами пойду. Схоронюсь на мызѣ гдѣ-нибудь, никто не увидитъ... Вы кликните меня, коли что! — объявилъ онъ, неожиданно переходя отъ растерянности къ почти спокойной рѣшимости.

Дина не соглашалась.

Зачѣмъ?! Прятаться-то ему съ какой стати — чѣмъ онъ передъ вѣмъ провинился? Но съ чего онъ вдругъ заберется на мызу —

кто его ходокомъ по школьнымъ дѣламъ выбиралъ, да и съ кѣмъ онъ тамъ разговаривать собирается!

Савелій не сдавался, хоть и не могъ ей объяснить, въ чемъ онъ почерпаетъ свою увѣренность, что ему необходимо быть около нея.

— Кликните меня, коли что!—твердилъ онъ только, коротко и упрямо, тономъ не ученика, а взрослога мужчины, который сдѣлаетъ такъ, какъ онъ порѣшилъ.

— Савелій! Я... прошу тебя не ходить за мной.

Это сказалось само собою: просьба женщины вмѣсто приказанія учительницы. И щеки Дины слабо вспыхнули.

Савелій несладно взмахнулъ руками.

— Что же это, Господи... за что вы такъ меня!—лепеталъ онъ, опять совершенно растерявшись.

Въ ея просьбѣ прозвучало что-то небывалое, отчего она сдѣлалась, какъ чужая... И онъ ужъ не могъ послушаться, хоть не было ни строгаго лица, ни повелительнаго окрика, какимъ приводится въ повиновеніе расхолодившійся классъ...

Дина ушла, пообѣщавъ не уѣзжать, не попрощавшись, всѣхъ непремѣнно собрать для этого и поручила ему предупредить товарищей.

И не думала вовсе раньше, да уйти нельзя стало безъ обѣщанія...

Когда гибкія вѣтки хлеснули въ воздухѣ, распрямляясь, и прикрыли собою завѣтную тропочку, надъ которой весною онъ работалъ тайкомъ отъ всѣхъ, съ такимъ счастьемъ на сердцѣ, Савелій съ минуту смотрѣлъ по сторонамъ, точно очнувшись. Полно, ужъ было ли все это? Приходила ли Надежда Ивановна на косогоръ, когда вовсе и ждать ее нельзя было сегодня... Не со страха ли ему приснилось, что не только школа закрывается, а и сама она уѣдетъ изъ Загоръ...

...Куда? Куда?! Какъ же это онъ не допросилъ, не вывѣдалъ у нея, куда уѣзжать-то собирается? Думаетъ же она что-нибудь, рассчитываетъ!

Ничего не спросилъ... Дуракъ! Можетъ ли это быть, что бы она ему не сказала?

„Друзья дѣтства мы съ тобой, Савелій—вашихъ еще друзей! Правда вѣдь?“ слышется ему ласково-шутливый голосъ, и маленькая, словно ребячья, рука дружески хлопаетъ его по широкой ладони.

Вотъ тебѣ и друзья!..

Онъ чувствовалъ, что необходимо вдуматься изо всѣхъ силъ, чтобы понять, зачѣмъ она рѣшила уѣхать... Но вдуматься-то и

нельзя: мысли кружатся въ головѣ, словно сухіе листья въ бурю, не можетъ, не можетъ онъ загнать ихъ, куда нужно.

Знаетъ онъ навѣрное, что она не можетъ хотѣть уѣхать. А почему знаетъ? Отчего словами нельзя себѣ этого сказать? Страшно, что ли, чего-то?..

Савелій не замѣтилъ, какъ опустился на землю. Обхвативъ руками согнутыя колѣни, сидѣлъ скорчившись и смотрѣлъ на ивовый кустъ.

Резоны и утѣшенія Надежды Ивановны вовсе и не вспоминались. Свидатся ли они когда-нибудь, уйдетъ ли и самъ онъ изъ деревни—все это не существовало для него въ эту минуту. Онъ видѣлъ только длинные, ясные лѣтніе дни. И нѣтъ школы, а такъ легко видѣться, хоть сколько разъ на дню. Прогулки со школьниками въ праздники всей гурьбой, съ чаепитіемъ на травѣ... Онъ всегда первый, всегда около нея, черезъ него все и слаживается...

Какъ онъ ни зажмуриваетъ глаза, чтобы представить себѣ, увидѣть на мигъ эти лѣтніе дни пустыми—безъ ожиданій, сборовъ, встрѣчъ, безъ Надежды Ивановны—ничего не можетъ! Внутри точно что-то подламывается: сердце заскачетъ неровно и больно, духъ захватываетъ...

— Нельзя это перенести... нельзя, нельзя...—шепчутъ сами собой пересохшія горячія губы...

Савелій сидѣлъ лицомъ къ камышамъ и не видѣлъ, какъ съ косогора осторожно спускалась Анюта.

Она приближалась, какъ была съ работы—въ худенькой старой юбочкѣ и кофтѣ, съ черными, въ землѣ, руками. Утро дѣльное съ мамкой въ грядкахъ копались, пололи по росѣ—испачкаешься!

Анюта издали звонко окликнула брата, но онъ не шевельнулся на голосъ.

Спать, что ли? Чудно что-то... Развѣ уснешь такъ, скорчившись?

И Анюта приближалась молча, сомнительно поглядывая на его сгорбленную спину такими же, какъ у него, красивыми голубыми глазами. Только у нея глаза живые и смѣлые, а не мечтательные, какъ у брата. Лицо маленькое и круглое, въ веснушкахъ.

Вплотную подошла, а онъ хоть бы тебѣ голову повернулъ! И не спитъ вовсе.

— Да ты никакъ и вправду рехнулся у насъ, Савелій Алексѣичъ!—всплеснула руками дѣвочка, какъ только могла выразительнѣе.

Точно какъ изъ ружья выпалила прямо въ ухо. Савелій весь затрясся и вскочилъ на ноги.

— А?! Кто?.. Анютка! Тьфу, какъ напугала... подлая!

— А ты не ругайся! Ты спасибо дай, что я, не пивши, не ѣвши, рожи не сполоснувши, бѣжала тебя розыскивать! Или ты думаешь, никто не видитъ, что ты каждый у Бога день повадился съ работы уходить? Еще обѣдъ вонъ онъ когда, а ты сколько время тутъ разсиживаешь!

Совсѣмъ какъ взрослая баба, Анютка жестикулировала короткими руками и все выше и выше забирала рѣзкой дискантовой нотой.

— Ну, цыть ты! Что и въ самомъ дѣлѣ завела... наставница какая выискалась! Я не просилъ тебя бѣжать меня разыскивать... Хочу и разсиживаю.

Какъ ни въ чемъ не бывало, Савелій опять повалился въ траву. Растянулся на животъ и подперъ голову обѣими руками, сбросивъ на глаза всю спутанную шапку вудрявыхъ волосъ.

Анютка сразу какъ осѣклась. Она присѣла надъ нимъ, скорчившись на босыхъ ножонкахъ, и затанула плаксиво:

— Савушка... да ты побойся Бога! Что же это будетъ опять дома... Срамоты да ругани давно не было? Другіе-то чѣмъ виноваты... изъ-за тебя терпѣть... Ишь разлегся, будто какъ въ праздникъ, въ рабочій день...

Савелій смотрѣлъ въ траву и нетерпѣливо дрыгалъ одной ногой.

— Ахъ, ты Господи! Въ новыхъ сапогахъ, въ штанахъ по росѣ валяется!... Никакъ ужъ ты и вовсе за барина себя нынче считаешь... Ты и не знаешься ни съ кѣмъ, все одинъ да одинъ, на отличку... Дождаться хочется, чтобы тебѣ мать съ отцомъ пропѣли...

Дѣвочка поднялась на ноги обмахнула глаза рукавомъ кофты.

— Хоть бы Надежды Ивановны постыдился... до такихъ разговоровъ доводить,—проговорила она негодующимъ тономъ взрослой женщины и пошла къ воегору.

— Анютка!..

Она шла прямо и гордо, не поворачивая головы.

— Анютка! Стой, когда говорить!

Ему пришлось догнать ее и остановить за руку.

— Ишь... дрянъ! Ты что за глупости тутъ намолоча?—протискиваясь надъ нею Савелій, стискивая зубы отъ злости.

Анютка теперь только увидала его измученное, заплаканное лицо.

— Савелій... Голубчикъ... Савушка!—вдругъ всхлинула она, жалобно гримасничая.—Такъ рази я-то не понимаю... легко ли это тебѣ!.. А рази кто-нибудь разсудить? У насъ только одно слово и знаютъ: лодырничать!... Что на гармоникѣ пѣсни играть,

что книжку читать — имъ все одно! Вотъ и дождались... будутъ теперь радоваться, когда нашей школы не будетъ...

Анютка горько заплакала, сунувшись лицомъ въ согнутый локоть.

— Да, реви, реви... много ты знаешь! — пробормоталъ Савелій сквозь зубы. — Коли при мнѣ... кто-нибудь зубы скалить попробуетъ — н-ну! Увидятъ! Я имъ покажу тогда...

Онъ потрясъ въ воздухѣ стиснутымъ кулакомъ. Приступъ бѣшенства передергивалъ его лицо.

Анютка повосилась на него и отъ страха перестала плакать. На кого Савелій сердится? Никто вѣдь не виноватъ, коли школу закроютъ...

— Да-а!.. тебѣ-то что — ты небось ужъ выучился! Сама барышня сказала.

— Молчи!

— Я правду говорю. Вотъ намъ-то съ Лизуткой каково, ты подумай. До дѣленія какъ разъ дошли! А я, знаешь Савелій, что думаю?

Она быстро повернула къ нему весноватую рожицу, засвѣтившуюся лужавой улыбкой.

— Небось, насъ-то барышня не прогонитъ и безъ школы... Велитъ намъ все равно приходить въ большой домъ. Ты какъ думаешь?

Онъ думалъ, что задохнется, если сейчасъ же не кривнетъ ей того, чего она еще не знаетъ.

— Да! какъ же! Для тебя съ Лизуткой барышня въ Загорахъ осталась... еще бы ей отъ такихъ разумницъ да уѣхать!!

— Уѣхать? — повторила, какъ эхо, дѣвочка, и не мигая, вытаращила на него огромные глаза.

Такъ вотъ отчего Савелій въ новыхъ сапогахъ по мокрой травѣ валяется... Вотъ отчего ей каждую минуту кажется, что сейчасъ онъ побьетъ ее ни за что, ни про что...

И вдругъ Анютка, неожиданно для себя самой, тоже повалилась плашмя въ траву, — отъ бессознательнаго подражанія, оттого, что не сумѣла найти ничего сильнѣе этого, чтобы выразить схватившую ее жалость.

— Барышня!.. Голубушка на-а-а!.. Надежда Ивановна...

Савелій остановился надъ нею.

Рвавшая грудь злора стыхала... Стало еще тошнѣе.

Анютка выла, катаясь головой по травѣ.

IV.

Дина не явилась къ завтраку, и это послужило сигналомъ для объясненія, котораго до сихъ поръ никто не рѣшался начать, хоть каждый по своему къ нему готовился.

Мама съ утра плакала, какъ всегда плачетъ мама: никто не видитъ слезъ; только лицо становится все болѣзненнѣе и несчастнѣе, а глаза краснѣютъ и пухнутъ. Точно вмѣсто того, чтобы изливать, глаза въ себя впитываютъ всѣ слезы...

Вернувшись съ купанья, сестра зашла поздороваться съ нею въ ея комнату; и съ тѣхъ поръ тетя Женя, не переставая, все вздыхаетъ и охаетъ.

Получивъ отъ Ани письмо съ мольбами „спасти ихъ“, Евгения Петровна объявила наотрѣзъ, что на этотъ разъ она ни за что не поѣдетъ въ Зажоры. Довольно ужъ съ нею отбывать эту повинность! Года не тѣ, пора и себя побереечь...

Ужъ, стало быть, она серьезно рѣшила, если даже про года обмолвилась... Въ Москвѣ такъ это и поняли, и всѣ порадовались. Понятно, что каждый предпочитаетъ видѣть милую женщину беззаботной и исполненной ея привлекательной душевной ясности; вѣдь это то, что удѣлѣтъ до конца только въ рѣдкихъ, избранныхъ натурахъ. Жизнь ихъ не ломаетъ, а бережно баюкаетъ; пресловутый житейскій опытъ, лишенный столь свойственнаго ему полыннаго осадка, придаетъ обращенію этихъ людей пріятный оттѣнокъ незлобиваго юмора и ласковаго благоволенія...

Удивительно пріятная женщина Евгения Петровна! Друзья, что называется, носятъ ее на рукахъ, а это (за рѣдкостными исключеніями) выпадаетъ на долю людей вполне благообразной жизни: безъ скучнѣйшихъ денежныхъ затрудненій, безъ вульгарныхъ семейныхъ драмъ, безъ надоедливыхъ болѣзней...

Однако, друзья поторопились радоваться. И теперь, какъ это бывало уже не одинъ разъ, категорическіе отказы и запальчивые зарокі оказались бессильными передъ... передъ покорностью Ани. Стоитъ только Евгениі Петровнѣ отослать въ Зажоры свой безповоротный отказъ, и съ той же минуты сама она лишается покоя. Ее преслѣдуетъ покорное, пропитанное слезами лицо—лицо, въ которомъ она никогда, никогда еще не прочла упрека...

„Разумѣется, ангелъ мой Женичка, ты всегда, всегда права!—спѣшила написать въ отвѣтъ Аня.—Прости, прости ради Христа, что такая я неисправимая эгоистка! Правда, милая, нашей бѣдѣ ты не поможешь, а только напрасно сама разстроишься. Стыдно мнѣ—до старости дожила, а все ума не нажила. Сгоряча сдѣлаешь, а ужъ послѣ въ догонку разсуждать пустишься. Охъ, Женичка,

красавица моя, разумница, въ томъ вѣдь все и горе, что я-то нигуда не годна! Кто хочетъ такую противную хныксу слушать, коли ничего, ничего въ своей жизни не умѣла! Охъ, живутъ же другіе, ничего не помнятъ... Отчего я не могу?!"

„Не могу я понять, за что не любить она ее, не любить... А мнѣ нельзя идти противъ, вѣдь Лисинька все бремя взяла съ моихъ плечъ на свои! Сколько лѣтъ? Никакъ сосчитать мы съ Домной не можемъ, все споримъ. Господи! зачѣмъ ты оставляешь мучиться такое бесполезное, жалкое созданіе“...

„Женичка, у нея одинъ разговоръ: еслибъ не мама, дня одного меня здѣсь не было бы. Женя, ангелъ мой, что же это будетъ? Что будетъ—что я могу?“

Въ отвѣтъ, Евгенія Петровна послала депешу, чтобы выслали экипажъ на станцію.

...Сейчасъ Аня всю душу ей перевернула своимъ видомъ...

А Лариса Ивановна сегодня утромъ вовсе не выходила изъ своихъ комнатъ. Въ молочной Матрена приняла и переписала утренній удой. Дѣлать нечего,—подождали, подождали, а въ горницы идти, чтобы позвать барышню, никто не отважился. Не хитрое, кажется, дѣло—среди ночи разбудите Матрену, такъ она, какъ Отче нашъ, отрапортуетъ, что надо съ каждой крынкой молока сдѣлать; а какъ подошло ей распорядиться—и струсила! Не рѣшается, съ каждой бабой совѣтуется.

— Да, полно тебѣ душой-то прикидываться!—прикрикнула даже на нее бойкая горшечница Дуняшка.—Ну, коли что и не такъ сдѣлаемъ—погрызутъ, погрызутъ, да авось не до самой смерти. Небось, мы привышвыи!

Матрена заперла на замокъ молочную и понесла въ горницы свою записку. Лариса Ивановна ей слова не сказала; только указала глазами, куда бумажку положить. Матрена вышла, еще больше испуганная этой тишиной.

И не больная... Сидитъ прямая, какъ палка, въ кожанномъ отцовскомъ креслѣ. На столѣ книги большущія разложены.

Комнаты старой барышни съ отдѣльнымъ крыльцомъ, гдѣ прежде былъ бариновъ кабинетъ и контора, но отцовская половина давно успѣла утратить свой мужской характеръ. Лѣтомъ въ одномъ только окнѣ выставляется зимняя рама, да и то когда лѣто давно въ полномъ разгарѣ. Съ ранней осени до поздней весны тутъ идетъ такая топка, что старая нянька Домна то и дѣло, владучись, посылаетъ за печникомъ—пожара боится. Въ комнатахъ всегда жарко и душно отъ застоившагося воздуха, пропитаннаго разными запахами: неугасимой лампы передъ большимъ кіотомъ, камфарной мази, табачнаго настоя, старыхъ, неизносимыхъ платьевъ.

Добровольно сюда никто не заглядываетъ. Если Динѣ понадобится спросить что-нибудь, такъ она всегда норовитъ послать Домну или же переговаривается изъ корридора.

Кажется, что никто не могъ бы жить въ этихъ комнатахъ, кромѣ Ларисы; всякому будетъ тѣсно и неудобно отъ безъ толку нагроможденной мебели въ этомъ нелѣпомъ смѣшеніи мужского кабинета со старыми бабьими укладками, вѣшалками, сундуками, неуклюжими комодами и шкафами. Тутъ нужна именно такая скользящая «змѣиная» походка сухой фигуры въ своеобразныхъ одеждахъ, гдѣ ничто не волочится, не разлетается, а виситъ увжимъ футляромъ на костлявыхъ плечахъ. И кажется, что лицо Ларисы высохло и потемнѣло именно отъ этого душащаго воздуха.

Послѣ вечерняго чая, въ восемь часовъ маленький подъѣздъ запирается на ключъ. Но никто не знаетъ, когда хозяйка Зажоръ поднимается; многіе даже сомнѣваются, укладывается ли она каждый день въ постель, какъ всѣ добрые христіане? Старая барышня присутствуетъ и на скотномъ при утреннемъ подоѣ, и по осени въ ригѣ на молотбѣ, и на всякой работѣ, когда бы она ни начиналась. Въ Зажорахъ никто не имѣетъ физической возможности проспять лишняго часа. Болѣла Лариса единственный разъ за всю свою жизнь — шесть недѣль вылежала въ тяжелой оспѣ.

Всякое нарушеніе привычнаго порядка получаетъ, поэтому, зловѣщее значеніе. Ужъ коли Лариса Ивановна не показывается изъ своихъ комнатъ, стало быть не жди добра...

Однако, ровно въ одиннадцать часовъ, какъ и всегда, Лариса была на своемъ посту въ столовой и приступила къ сложной процедурѣ приготовленія кофе.

Тетѣ Женѣ такъ и не удавалось проникнуть, изъ какихъ именно снадобій изготавливается густой красноватый напитокъ, именуемый Ларисой „кофеемъ“. Московская гостыя оградилась отъ него разъ навсегда таинственнымъ порокомъ сердца, про который впрочемъ ничего не знаютъ ея врачи.

Въ Зажорахъ соблюдается старинный обычай звонить въ большой колоколь къ завтраку, обѣду и ужину. Колоколь прибитъ надъ параднымъ подъездомъ добрую сотню лѣтъ назадъ, и много могъ бы онъ повѣдать различныхъ исторій своимъ безсмертнымъ мѣднымъ языкомъ. Но исторій дивныхъ и безотрадныхъ, которыхъ намъ и слушать не стоитъ; въ нихъ такъ же мало простора и свѣта, такъ же много добровольной грязи и духоты, какъ и въ жилищѣ Ларисы. . . . .

Евгенія Петровна передѣлась къ завтраку въ изящный туалетъ изъ модной матеріи, о которой съ самаго ея приѣзда идетъ

споръ среди прислуги: шерстяная ли матерія, или и вправду бумажная, какъ божится Маша.

Студентъ уже прохаживался по проходной комнатѣ, выжидая появленія тетушки.

Во-первыхъ, Саня сильно проголодался; во-вторыхъ, онъ желалъ на первыхъ порахъ блеснуть аккуратностью. Шаги его слышны въ столовой, однако, на tête-a-tête съ Ларисой онъ все-таки не отваживался.

Саня еще разъ приложился къ ручкѣ, что всякому можетъ только доставить наслажденіе, такая это мягкая и душистая маленькая ручка.

— Ну, что тамъ? воѣ собрались?—кивнула тетя Жена на дверь и въ то же время оглядывала племянника небрежными и зоркими взглядами свѣтской женщины.

Ей понравилось, что студентъ съ утра въ свѣжемъ бѣльѣ, а не обрадовался возможности сразу распуститься по деревенски.

— Дины нѣтъ еще, я только что стучался къ ней... Не понимаю, куда она пропала?

Саня, въ свою очередь, разглядывалъ эlegantную тетушку радостно недоумѣвающимъ глазами. Да неужели и всегда она была такая,—ихъ старая баловница и всеобщая заступница?

— Какъ? и къ завтраку не вернулась?—переспросила она, сдвигая озабочено брови.—Н-ну! это уже вовсе плохая политика. Вотъ, такъ-то вы, молодежь, и выводите изъ терпѣнья по-пусту.

— Однако—какъ видите!

Саня, вкокетничая, низко склонился передъ нею.

— C'est se que j'approuve beaucoup, mon cheri... И вообще!—кивнула она благосклонно напудренной прической.—Вотъ, только... на меня такъ глядѣть вовсе не для чего!

Она невольно разсмѣялась и шаловливо прикрылась растопыренными пухлыми пальчиками. Саня пальчики перехватилъ и началъ цѣловать, въ восторгѣ оттого, что собственная солидная тетушка можетъ быть такъ забавна.

Въ эту минуту дверь скрипнула, въ нее просунулась маленькая головка, мама вошла своей неровной колеблющейся походкой, какъ будто ея тѣло не имѣетъ вѣса. Слабые опухшіе глаза мигали и щурились за синими стеклами, отчего лицо стало еще болѣе жалобнымъ. Въ такіе дни мама всегда прячется за свои безобразныя стекла.

— Чего же вы тутъ ждете, мои милые? Пельмени простынуть!

— Ахъ, это вы, мамусинька наша дорогая!

Саня обнялъ узкія плечи, почти дѣтския отъ страшной худобы, и однимъ поворотомъ выдвинулъ ее на середину комнаты.

Она обхватила его голову обѣими руками и неловко притис-

нула, куда пришлось; безкровныя губы ея дрожали отъ мучительнаго усилія сдержать рыданіе.

— Eh bien... опять?! Видишь, красавца каковаго дождалась, тутъ уже, кажется, плакать не о чемъ!

Ее жуютъ ласково и не серьезно, какъ маленькаго ребенка. Потомъ тетя Жена сдѣлала важное лицо и первая прошла въ дверь.

... „Ну, чѣмъ не Екатерина Великая!“ думалъ весело Саня, какъ онъ еще мальчуганомъ прозвалъ московскую тетущку.

Лариса положила на столъ полотенце и пошла на встрѣчу. Онѣ сошлись на серединѣ комнаты, поцѣловались и поглядѣли въ глаза другъ другу тѣмъ взглядомъ, въ которомъ рѣшительно ничего нельзя прочесть.

— Хорошо ли вы спали, тетущка? спросила тихимъ голосомъ Лариса.

Этимъ неизбежнымъ вопросомъ, и именно такимъ тихимъ голосомъ, начинается каждый завтракъ, какъ бы долго тетя Жена ни загостила у сестры. Она давно уже не можетъ этого слышать безъ раздраженія; такъ бы вотъ и крикнула впередъ свой отвѣтъ, не дожидаясь смертельно надоѣвшихъ словъ; — да взглянуть въ непроницаемое, точно изъ темнаго дерева, лицо Ларисы и пропадетъ охота шутить.

— Ты не смѣешься? Боюсь, какъ бы острое малокровіе не сдѣлалось, если долго у васъ заживусь! Dites donc, Саня — тебя не съѣли комары ночью? — оглянулась она на студента, заботливо придвигавшаго для нея стулъ.

— Я? ей-Богу, не замѣтилъ, ma tante! — сознался онъ, смѣясь.

И вдругъ на это Анна Петровна вся подалась впередъ и, улыбаясь поощрительно, закивала сыну головой черезъ столъ.

— Такъ, такъ, родной мой! Что за комары въ твои года!.. Отецъ на голой землѣ спалъ, выстрѣломъ не разбудишь!

Это было такъ необыкновенно, чтобы мама такимъ образомъ, безъ надобности, вмѣшивалась въ разговоръ, что всѣ начали на нее смотрѣть и молчали, выжидая, не скажетъ ли она еще чтонибудь.

Лариса стояла, вытянувшись у своего подноса, упираясь въ него обѣими руками, и смотрѣла на пустой приборъ.

У старшей сестры тѣ же характерно надломленныя брови, только гораздо грубѣе, чѣмъ у Дины; они то дѣлаютъ особенно суровымъ сухое лицо, съ красновато-темной кожей послѣ оспы. И никому даже въ умъ не приходитъ, что „старая барышня“ вовсе не стара.

Лариса сейчасъ же сообразила, насколько эта новая провинность Дины упрощаетъ ея собственную роль: предлога искать не надо! Такой минуты нельзя пропускать... Тетка недѣлю жи-

веть въ Зажорахъ, а къ ней ни съ какой стороны и не подступишься. Переливаетъ изъ пустого въ порожнее медовымъ голосомъ пустыя свои, точно ни у кого заботы нѣтъ на душѣ! Съ матерью по вечерамъ запершись шушукуются; и хоть Ларисѣ Ивановнѣ извѣстно все, что дѣлается въ домѣ, но ужь тутъ она ничему помѣшать не можетъ.

И вдругъ нежданная выходка матери, что называется,—сама въ руки просится.

— Ну, мамаша... отцовскія времена поминать сейчасъ какъ будто и не совсѣмъ оно кстати! Тогда и ничего не могло быть, что у насъ теперь дѣлается. Кто же это тогда подумать посмѣлъ бы къ столу не явиться, заставить старшихъ дожидаться себя? Да ужь и намъ полно ждать-то, я думаю?—обвела она медленнымъ взглядомъ всѣ лица.—Можно хоть простывшими пельменями гостю нашу угостить. Аннушка! прими крышку.

Она потянулась надъ столомъ, сама сняла фарфоровую крышку съ круглаго блюда, передала ее подскочившей дѣвушкѣ и только тогда опустилась на свой стулъ; не сгибая стана, плавно, точно председатель, отгрывающій важное собраніе.

Несчастная Анна Петровна мучительно завозилась надъ своимъ приборомъ, когда Аннушка поднесла къ ней первой круглое блюдо.

„Ахъ ты тиранка, тиранка безсовѣстная!“ выругался мысленно Саня, поспѣшно сдергивая съ тарелки салфетку, на которую мать въ волненіи собиралась накладывать пельмени.

— Но почему бы не установить разъ навсегда правила не ждать опаздывающихъ?..—заговорилъ студентъ безпечнымъ голосомъ, взглядомъ взывая къ поддержкѣ тети Жени, которая сидѣла какъ разъ напротивъ, около пустого пробора Дины.—Вѣдь чловѣку, можетъ быть, вовсе и ѣсть то не хочется или онъ долженъ бросить дѣло, оттого что другіе ѣдутъ. Совершенно ненужное стѣсненіе.

Лариса уже смотрѣла ему въ ротъ, выжидая послѣдняго слова.

— Ну, да, само собой разумѣется! У васъ вѣдь нынче и все только лишнее стѣсненіе! Какія это дѣла важныя у Надежды Ивановны, позволь тебя спросить? Кажется, только одно и есть у насъ дѣло, да и то стоитъ. Досада такая, нельзя въ рабочую пору молодыхъ парней отъ дѣла отрывать, чтобы баласы съ ними тѣчить.

Тетя Жена недовольно повела бровью и сказала ровнымъ голосомъ, въ которомъ однако, явственно зазвучала твердая нота.

— Удивляюсь, Лариса, какъ это ты выражаешься подобнымъ образомъ о школь... Конечно, мы тутъ все свои—но про дѣвушку всегда слѣдуетъ выражаться осторожно.

Лицо Ларисы еще сильнѣе побурѣло.

— Очень вамъ благодарна за урокъ, тетушка! только не старай ужь я стала для уроковъ? Я не свѣтская дама, вывертовъ вашихъ съ меня нечего спрашивать... А говорю про родную сестру — и о чемъ говорю, то сама хорошо знаю.

Послѣднія слова прозвучали явной угрозой. Мама вся затряслась на своемъ стулѣ, расквашилась; Саня сталъ наливать ей воду, что-то бормоча сквозь зубы; а Евгенія Петровна брезгливо оттолкнула отъ себя тарелку.

— Хоть бы ты позавтракать дала намъ спокойно! — выговорила она съ уничтожающей ироніей, принимаясь складывать свою салфетку.

Анна Петровна пришла въ отчаяніе:

— Ахъ, Боже мой, — теперь она ничего кушать не будетъ... Женичка!.. Лисинька! зачѣмъ же ты и въ самомъ дѣлѣ?! Лисинька...

Лариса желчно засмѣялась.

— Опять Лисинька виновата?! и тутъ, должно быть, моя вина, что ваша принцесса ни къ кому уваженія не знаетъ, на всякое приличіе плюетъ? Цѣлый домъ ее дожидается, а она побѣжала съ дружкой своимъ повидаться — востротить его получше, про всякій случай... И правда, времени нельзя терять — она - то, небось, знаетъ, что меня ей одурачить не удастся... Я вѣдь не мать!

Точно бомба упала посреди стола.

Евгенія Петровна съ упрекомъ смотрѣла на сестру: стало быть, отъ нея скрывали главное?! Быть въ дуракахъ тетя Жени не охотница.

Саня мгновенно прочиталъ въ своей памяти всѣ намеки Ларисиныхъ писемъ... Около него мать глухо зарыдала, откинувшись на спинку стула, и онъ окончательно убѣдился, что понялъ вѣрно. Вотъ онъ — камень за пазухой Ларисы! Вотъ зачѣмъ понадобился вселенскій соборъ, вотъ отчего Дина какъ-то особенно волнуется и злится...

...Вотъ, чего самъ онъ словами не думалъ, но боялся смутно... Боялся, что Лариса можетъ дойти и до такой гнусности.

— Лариса! ты отвѣтишь за эти слова — отвѣтишь! — крикнулъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства: Дина теперь не беззащитна, какъ глазъ на глазъ... Мы всѣ требуемъ — тетя, неправда ли, мы требуемъ?! — требуемъ, чтобы она объяснила свои низкія слова... да, низкія, низкія!!

— Тише, тише! уймитесь, Бога ради, уймитесь! — силилась перекричать всѣхъ Евгенія Петровна. — Саня! Voulez vous vous taire, s'il vous plait!? Сдѣпились прежде чѣмъ что-нибудь ска-

зано... Я отказываюсь! Сію минуту иду укладываться — разбейтесь, какъ сами знаете... Une honte... vraie honte!!.

Лариса, блѣдная, улыбалась въ поднимающемся опьяненіи отчаянной схватки.

— Простите ужъ, ваше превосходительство. Евгенія Петровна, что не могу изложить вамъ все это на французскомъ языкѣ, чтобы вы выслушали, не оскорбляясь! Только припомните, вѣдь еслибъ я тоже захотѣла читать французскіе романы, вмѣсто того, чтобы донть коровъ да считать возы съ навозомъ.

...Ха, ха!.. тогда вотъ этотъ молодой человекъ, въ модныхъ воротничкахъ ни свѣтъ ни заря, вѣдь чего добраго, щеголялъ бы онъ теперь совсѣмъ въ другомъ видѣ! а?

Она грубо ткнула пальцемъ на Саню. Студентъ побагровѣлъ и невольно покрутилъ шейю въ тугомъ воротничкѣ.

— Лариса Ивановна, по обыкновенію, открываетъ кампанію попреками!.. Альфа и омега всѣхъ объясненій! Ну, этимъ путемъ мы врядъ ли скоро доберемся до сути...

Глаза старшей сестры мрачно блеснули подъ рѣзкими углами бровей.

— И то! какая вамъ неволя вспоминать, кто на всю жизнь похоронилъ себя въ медвѣжьемъ углу, не добѣдая, не досыпая на работѣ! кто клявчилъ и унижался, изворачивался, Богъ одинъ вѣдаетъ какъ, чтобы пересрочивать изъ года на годъ отцовскіе долги! чья подушка только знала, когда все висѣло на волоскѣ! кто одна и въ отвѣтъ была бы, кабы пошло съ мологва... Богъ не допустилъ, выцарапалась!

Мать слушала, склонивъ низко голову, какъ слушаетъ преступникъ обвинительный актъ.

Студентъ вертѣлся на стулѣ, точно на горячихъ угольяхъ. Тетя Жена нервно катала на столѣ хлѣбные шарики. Воспользовавшись мгновеніемъ, она подняла глаза, — но не на Ларису, а на племянника, предупреждая его не вѣшпиваться.

— Саня сказалъ вздоръ (извини, милый, c'est pas ma faute!), но и ты все-таки не права, Лариса: они вовсе не неблагодарные, твои воспитанники, нѣтъ, нѣтъ, ручаюсь тебѣ! Еще сегодня Дина говорила мнѣ...

— Ха! Могу представить себѣ, что говорила Дина!

Лариса гордо выпрямилась.

— Я не нуждаюсь ни въ чьей благодарности, — такъ, къ слову пришлось... Мнѣ отецъ, умирая, поручилъ поставить на ноги маленькихъ, да, кромѣ меня, и некому было пожертвовать собой для семьи. Ему я за нихъ отвѣтъ дамъ!... А это мнѣ не страшно, г-нъ студентъ, что вы себѣ губы грызете... Я не стыжусь въ Бога вѣрить!.. Кабы на Него одного всю мою жизнь не уповала, такъ

неизвѣстно, сладко ли отъ того пришлось бы вамъ съ сестрицей...

Сани пожималъ плечами.

— Кажется, твоихъ чувствъ, Лариса Ивановна, никто не позволитъ себѣ касаться. Только вотъ... насчетъ отвѣтственности за нашу судьбу! Не пора ли, наконецъ, признать наше совершеннолѣтіе? Сложить добровольную обузу...

Еще разъ въ глазахъ Ларисы свернуло торжество, что такъ наивно ей даютъ поймать себя на словъ. Она прикрыла глаза и протянула неожиданно притихшимъ голосомъ:

— Правда? такъ отчего же ты не порадуешь насъ, не расскажешь, какъ тебѣ удалось устроиться? Откуда же намъ знать!— вѣдь ни о чемъ такомъ и рѣчи не было, когда въ послѣдній разъ тебѣ деньги выслали. Сообщи, сообщи скорѣе...

„Hélas! pas plus fort que ça“! подумала тета Женья съ сожалѣніемъ. По лицу Сани слишкомъ очевидно было, что ему совершенно нечего сообщить имъ.

— Ахъ, вотъ... тебѣ угодно такъ это понимать! Хорошо, хорошо... Да, разумѣется, такъ оно будетъ гораздо проще!—выкрикивалъ онъ, весь красный и взбѣшенный, стараясь не видѣть соболѣзнующихъ глазокъ тети Жени.

— Н-ну!.. Это мы когда-нибудь увидимъ, просто ли оно тебѣ покажется.

Лариса пренебрежительно отвернулась къ тетѣ.

— Мнѣ, Евгенія Петровна, не сто лѣтъ, изъ ума повамѣсть еще не выжила—все вижу. Было время, не одинъ разъ предупреждала... Что-жъ подѣлаешь, сестра вѣдь не то, что мать! Старше меня тогда поперекъ стали...

Всегдашняя манера Ларисы—не говорить прямо, ходить вокругъ, да около, наэлектризовывая атмосферу угрожающими намеками.

Дина называла это „зловѣщимъ вѣщаніемъ“ Ларисы и совѣмъ не могла этого переносить; мать Лариса этимъ держала въ постоянномъ трепетѣ; на деликатные нервы тети Жени это дѣйствовало удручающе. Она посмотрѣла съ сожалѣніемъ на сестру, вздохнула и сказала:

— Ну, что-жъ, если это неизбежно... il faudra le subir!.. Скажи, наконецъ, что ты подъ всѣмъ этимъ подразумеваешь?.. Но позволь, позволь... Мы, надѣюсь, не будемъ же вести подобныхъ разговоровъ здѣсь, въ столовой?..

И она поднялась первая, въ страхъ, чтобы что-нибудь лишнее не было сказано передъ прислугою.

Лариса предложила было перейти всѣмъ на ея половину, но ей и договорить не дали.

*

— Къ мамѣ, къ мамочкѣ въ комнату! Это всего проще, не правда ли, тетя?—крикнулъ первый Сани.

— Это то, что подобаешь, мой другъ, — постановила торжественно тетя Жена.

V.

Комната матери большая, не очень свѣтлая, съ альковомъ. Тяжелая мебель всегда стоитъ въ чахлахъ, потому что обивка подъ ними давно развалилась отъ ветхости.

И эта комната тоже загромождена множествомъ бесполезныхъ вещей; однако, приглядѣвшись внимательно, не трудно понять, что весь этотъ старый хламъ скопился здѣсь не случайно. Каждая вещь что-нибудь олицетворяетъ собою: людей, которыхъ давно нѣтъ — радости, миновавшія навсегда — страданіе, не изгладившееся въ смѣнѣ годовъ...

Стѣны завѣшаны портретами и маленькими картинками, со всѣмъ плохой ученической акварели, но оправленными въ нарядныя рамочки. За стеклами старинной „горки“, вмѣсто фамильнаго серебра, пестрѣютъ самые неожиданные предметы: дѣтская помятая шляпка, игрушки, тетрадки, высушіе букеты, сломанный вѣера, вылинявшія ленты, ящички и коробочки всѣхъ величинъ и фасонъ. На нижней полкѣ сложены разобранныя части дѣтской „ходульки“ краснаго дерева, съ вытертымъ бархатнымъ бортикомъ. Въ одномъ углу комнаты красуется вычурной работы стойка съ цѣлой коллекціей трубокъ, и тутъ же подвѣшаны шитые бисеромъ висеты. Охотничій ягташъ, дорожный погребецъ, шашечница, мольбертъ, востянныя марки для бостона въ плоскомъ ящичкѣ искусной работы, пустая влѣтка.

И все это размѣщено тутъ же, между обиходными вещами, на столахъ, на комодахъ, этажеркахъ и окнахъ. Видно, что кто-то съ этими вещами живетъ, какъ живутъ съ живыми существами.

На кушеткѣ всегда лежатъ двѣ подушки и ножное одѣяло, подбитое красной фланелью — здѣсь мама проводитъ большую часть своей жизни. Только страхъ и огорченія способны поднимать ее на ноги и принуждаютъ выходить изъ этой комнаты, разговаривать, писать письма. Обыкновенно она лежитъ цѣлыми часами, засунувъ подъ одѣяло зябкія ножки и блуждая съ предмета на предметъ туманнымъ взоромъ, полнымъ думъ и видѣній... И становится она къ каждому дню все худѣе и блѣднѣе, все труднѣе призывать ее къ дѣйствительности...

— Ахъ, люблю я эту смѣшную мамину комнату!—воскликнулъ на порогѣ Сани.

Тетю Женю усадили на почетное мѣсто, на кушетку; мама стащила на полъ свое одѣяло и шепнула нѣжно:

— Погрѣй свои ножки, ангель мой...

— Погрѣй! что ты, голубушка, я и такъ задыхаюсь! Душно у васъ вездѣ...

Лариса одна еще не садилась; она повернулась къ кушеткѣ. «Свистащій, упругій звукъ ея словъ точно врѣзался во что-то:

— Да-съ, Евгенія Петровна, душно у насъ! Старомодно! Затхло! Ну, за то теперь вы общими силами новые заведете порядки—свободные, веселые! Лариса мѣшаетъ—не бойтесь, не будетъ Ларисы, уйдетъ старая деспотка, скопидомка... Просторно будетъ молодой хозяйкѣ! Я звала къ себѣ въ комнаты, чтобы вы могли книги просмотрѣть. Ха! ха! воспитанникъ-то мой, такъ и закричалъ голосомъ—испугался!

Тетя Женя подняла, было, обѣ руки, чтобы взяться за виски, да не донесла, въ изнеможеніи уронила ихъ на колѣни.

...„Sa commence... la tragedie!“ сказала она себѣ уныло.

А мама въ смятеніи вся затрепетала, смотрѣть жаль.

— Лисинька!.. Лисинька моя, не надо! Не говори молю тебя! Не слушайте, не слушайте...

Лариса и не поглядѣла на нее.

— Довольно пугаломъ бытъ! устала и я когда-нибудь, умаялась. Не дѣти, слава Богу. Александръ Ивановичъ съ сестрицей примуть дѣла, вотъ при тетускѣ... Пусть теперь другіе поработаютъ, попробуютъ.

Такого оборота никто не могъ ожидать.

Саня даже внутренно развеселился, когда слышалъ „рѣчи Бориса Годунова“ вмѣсто другого, чего онъ смутно страшился. Украдкой онъ кинулъ лукавый взглядъ на кушетку: ну-ка, какъ наша Еватерина Великая это отпарируетъ?

— Лариса... Лариса... Боже мой, для чего все это!?— уронила тетуська точно нехотя, какъ о чемъ-то несообразномъ до очевидности.

— Для того, тетуська Евгенія Петровна, что хоть я-то одна еще дорожу отцовскимъ именемъ!

...Вотъ оно—*настоящее*.

Лариса уже безъ удержу неслась впередъ. Она во время предупредила. Не хотѣли слушать, такъ теперь надо спасать, какъ можно. Ну, глупа она—глупо придумала—они умнѣе, лучше придумаютъ.

— Вы, тетуська, увезите ее въ Москву—попытайтесь!

Та отъ неожиданности даже вспыхнула молодымъ румянцемъ.

— Позволь, позволь, душа моя... Ты ужъ теперь всѣми распоряжаться хочешь, не только Динной судьбой! Что я сдѣлаю—

это я буду знать, когда ты намъ, наконецъ, скажешь, отъ какой опасности надо спасать... И я требую у тебя сейчасъ же, сейчасъ!—она кончила вдругъ нервнымъ, капризнымъ крикомъ изъбраннаго существа, истощившаго мѣру своего снисхожденія.

Этотъ крикъ точно сдунулъ мать съ ея мѣста; она въ ужасѣ заметалась отъ одной къ другой:

— Оставьте, оставьте это... ради Бога, молю васъ! Ради Бога... будемте о другомъ говорить... о дѣлахъ, о дѣлахъ надо говорить!

Она хватала Евгенію Петровну за руки.

— Женичка, послушай... посуди сама, какъ это странно! Лариса хочетъ, чтобы мы... чтобы переѣхали... туда переѣхали... знаешь куда!

Она прошептала это слово съ страдальческимъ усиленіемъ въ исказившемся лицѣ, въ дрожащихъ рукахъ, судорожно сжимая у горла ситцевую кофточку. И точно перескочивъ черезъ какую-то преграду, опять загорячилась, заспѣшила:

— Ахъ, вотъ что, вотъ что—деньги!.. Вѣдь это ужасно дорого станетъ—откуда же? Лисинька, ты не думаешь объ деньгахъ! Дина не соглашается, она свою школу такъ любитъ... вы вѣдь всегда это знали! Скажите вы оба... разсудите, голубчики! вѣдь она столько трудилась... такая молоденькая... такая свука для молоденькой...

Она въ отчаяніи всплеснула руками:

— Господи! какъ можно очернить самые благородные поступки... о, я знаю... знаю... знаю...

Точно жизнь выходила изъ нея вмѣстѣ съ непривычной долгой рѣчью. Послѣднія слова совсѣмъ безъ звука... Она качнулась и упала назадъ въ кресло. Точно застывая на пути, двѣ слезы медленно скатывались изъ-подъ закрывшихся вѣкъ.

— Успокойтесь, мамаша, я молчу,—выговорила Лариса.— Убивать васъ не буду... убиваютъ не слова... ну, какъ хотите! Только и меня вы не можете заставить остаться. Шестнадцать лѣтъ работала на всѣхъ, какъ батрачка—довольно! Пусть не я буду ховяйкой родного гнѣзда, когда моя совѣсть этого не позволяетъ!

Съ этими словами Лариса исчезла изъ комнаты, прежде чѣмъ кто-нибудь опомнился.

Студентъ и Евгенія Петровна разомъ вскочили со своихъ мѣстъ.

— Комедіантка! безбожная комедіантка! Мамочка, полно, полно вамъ—плюньте вы на нее! А? каковы ходули? Со-овѣсть не позва-аляетъ! Можно подумать, что Лариса Ивановна государственныи заговоръ въ Зажорахъ открыла!

Евгенія Петровна чувствовала себя совершенно измученной.

Аня даже глазъ на глазъ не рѣшается повторить того, что утверждаетъ Лариса... Терзается, плачетъ... Но возможно, что Аня мутаетъ, что-нибудь мерещится ей большой фантазіи. Минутами тетѣ кажется, что она что-то улавливаетъ въ этомъ сумбурѣ; но ничто не договаривается до конца, а передъ необходимостью самой формулировать догадки она брезгливо отступаетъ.

Но зачѣмъ себя обманывать? Если Лариса въ самомъ дѣлѣ все бросить и уѣдетъ... вернется, само собой разумѣется!.. да пока-то, пока что дѣлать!? Кто это вступить въ управленіе имѣніемъ въ разгаръ лѣта, кто будетъ здѣсь знать хоть шагъ ступить, когда она одна все знала и направляла!.. Чужого человѣка искать,—да кто же, кто все это будетъ дѣлать?!

Сознаніе такъ ясно подсказывало *кто* это будетъ, что Евгения Петровна уже чувствовала, какъ въ ея груди поднимается знакомое нервное волненіе, похожее на тошноту. Досада на себя— нужно, нужно было еще разъ сунуться въ чужія дѣла!—и негодованіе на главную виновницу всего: она гуляетъ!..

Дина давно вернулась и въ нерѣшимости стояла у окна въ столовой. Немного отлегло у нея отъ сердца, когда Лариса, точно темная тѣнь, проскользнула беззвучно черезъ комнату.

Побѣдители не отступаютъ. Лариса смотрѣла въ землю и кажется не замѣтила ея.

Послѣ этого вышелъ Саня и тоже едва не прошелъ мимо.

— Саня! тебѣ меня?—ошлывнула она.

— Ахъ, вотъ ты, наконецъ! Что же ты тутъ стоишь? Удивительно! Мы ждемъ, ждемъ...

Дина жадно смотрѣла ему въ лицо: что тамъ происходило въ маминной комнатѣ?

Но онъ повернулся и пошелъ обратно. Ни слова, ни взгляда, чтобы успокоить ее или хоть упрекнуть! Неприятное, дѣланное лицо ..

„Не считаетъ себя въ правѣ вступать въ сношенія съ обвиняемой... судья!“

Дина въ негодованіи пошла скорѣе, обогнала его и первая вошла въ кабинетъ.

— A la bonne heure! наконецъ, ты надъ нами сжалилась!— встрѣтила ее тетя Жена.

Дина подошла къ матери.

— Мамочка, прости пожалуйста, что опоздала... Что такое? ты больна... больна!?

Дина уже стояла на колыбняхъ и съ трудомъ оторвала отъ груди судорожно стиснутыя, холодныя, какъ ледъ, руки.

— Да, вижу... и тебя не пощадили!..

— Вотъ, наконецъ, настоящее слово,— подхватила строго тетя

Женя, — слѣдовало бы вамъ помнить, друзья мои, какъ больна мамочка бѣдная. Грѣшно такъ не щадить ее!

— Что ты! что ты! такъ не надо говорить... только не про меня! — лепетала та въ испугѣ.

— Дина... дѣвочка моя... никто не повѣритъ, не бойся... не бойся!..

— Чему не повѣрять!? — воскликнула Дина.

Мать закрыла глаза и слабо махнула рукой.

Дина вскочила.

... Къ чему эта комедія? Тетю Женю просили пріѣхать, чтобы помирить ихъ съ Ларисой.

— Повѣрьте, тетя, мнѣ очень, очень стыдно передъ вами!.. Слава Богу, всѣ давно взрослые, могли бы не мучить васъ больше нашими вѣчными исторіями.

Но Евгенія Петровна и тутъ пыталась все сгладить своимъ тактомъ благвоспитанной женщины;

— Ну, знаешь, ты будь все-таки любезнѣе... не такъ ужъ откровенно огорчайся, что я пріѣхала! Можетъ быть, я еще и пригожусь...

Саня не могъ удержать восхищеннаго восклицанія. Какая она добрая и спокойная! Вотъ бы сестрицамъ у нея поучиться не шипѣть по-змѣиному...

— Тетя, вы — мамино душевное спокойствіе! — воскликнула Дина пылко. — Я потому и надѣюсь, тетя Женя... надѣюсь, что вы мнѣ поможете убѣдить маму...

— Въ чемъ же, душа моя?

Дина обвела всѣ лица тяжелымъ, пытливымъ взглядомъ.

— Я должна уйти... Не могу больше такъ жить!

И вдругъ, къ своему изумленію и ужасу, Дина услышала, что тетя Женя смѣется... Нервнымъ, неискреннимъ смѣхомъ, но все же смѣется!

— Часъ отъ часу не легче... И эта туда же! Но кто же отъ кого бѣжить, наконецъ?! Въ такомъ случаѣ, знаете что? Домъ мы заколотимъ, маму я къ себѣ увезу... Не правда ли?

„Легко живется на свѣтѣ, коли только одѣй шутки на умѣ!“ — думала гнѣвно Дина.

— А злитесь никогда и ничему не помрагаетъ... О! Я даже вотъ какъ вамъ скажу: еслибъ меня навсегда поселили жить съ вами — я непременно превратилась бы въ настоящаго шута... Честное слово!.. Въ вашей атмосферѣ нельзя безъ громоотвода — опасно!

Разумѣется, Саню страшно тревожила Дина, но вниманіемъ неволью овладѣвала очаровательная женщина. Каждая ея фраза

приводила его въ восхищеніе, и пріятное ощущеніе парализовало волненіе.

Громоотводъ тети Жени дѣйствовалъ.

Дина взглянула въ его лицо—и рѣзкимъ движеніемъ повернулась такъ, чтобы не видѣть его больше. Горькое ощущеніе одиночества, испытанное утромъ, съ новой силой поднялось въ душѣ.

„На мнѣ схоронюсь... Клиньете, коли что“, точно прозвучала около нея взволнованный голосъ Савелія. Вотъ кто ея настоящій другъ—единственный!..

Холодно начала Дина выяснять, почему ей приходится уйти. Въ своемъ дѣлѣ каждый долженъ быть хозяиномъ или вовсе отказаться. Въ школѣ теперь уже не три, а двадцать человѣкъ; дольше нельзя держать ее въ развалинѣ, грозящей обвалиться, нельзя справляться на два гроша, да и за нихъ вѣчныя исторіи и попреки. На зиму рѣшено переѣхать въ городъ, единственно для того, чтобы принудить ее закрыть школу. Лариса въ городѣ—въ этомъ есть даже самоотверженіе!.. Но какъ же она, Дина, можетъ этому помѣшать?!

— Позволь, Дина!—заволновался Саня.—Скажи, куда ты можешь уйти? Ну, куда?!

Тетка его остановила:

— Нѣтъ, прежде чѣмъ обсуждать этотъ вопросъ, надо, чтобы Дина узнала, что и Лариса тоже собирается уѣхать—отказывается отъ Зажорь.

— Ты этого не знала?

Дина не только не знала, но какъ-то неожиданно растерялась.

— Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрите!—воскликнула она, не задумываясь.— Тутъ что-то кроется, какая-то хитрость—это невозможно!..

Пользуясь ея смущеніемъ, тетя Женя все такъ же мягко, но и рѣшительно потребовала объясненія: почему, изъ-за какого повода ихъ разногласіе съ сестрой до такой степени обострилось? Всегда Лариса преслѣдовала школу, но, однако, принуждена же была терпѣть ее. Что случилось? Вѣдь онѣ выходятъ изъ всѣхъ границъ—обѣ грозятъ бросить домъ.

— Я этого не понимаю!—воскликнула дѣвушка съ возмущеннымъ жестомъ, точно отталкивая что-то, надвигавшееся на нее.

— Полно, такъ ли это, Надежда Ивановна?—спросилъ тихо голосъ, котораго никто не ждалъ.

Они не замѣтили, какъ Лариса появилась на порогѣ. Мать вскрикнула и зажала лицо руками.

Дина чувствовала, какъ блѣднѣетъ такъ быстро, что закружилась голова. Красивое молодое лицо вдругъ стало поразительно

похоже на грубое и угрюмое лицо старшей сестры. Точно по-оторонная сила пододвинула ее къ двери.

— Ахъ, вы вернулись, Лариса Ивановна? Какъ разъ во время, чтобы помѣшать говорить! Такъ зачѣмъ же ты уходила, отчего не вышла всего своего яда, пока меня здѣсь не было!

— Дина!.. Дина!..

— Нѣтъ, тетушка, вы не мѣшайте ей,—остановила Лариса.— Сейчасъ увидите, какъ мы *ничего* не понимаемъ! Я вѣдь сказать не смѣю—на мнѣ запретъ лежитъ...

Дина стремительно повернулась къ матери.

— Мама, пусть она скажетъ все, что ей угодно! Ради Бога, велите ей, велите ей говорить!

Съ большого кресла раздался только протяжный стонъ.

— О, Боже мой, вы насъ обѣихъ уморите! Саня, не въ службу, а въ дружбу... принеси мою соль—флаконъ... Машу спроси...

Саня съ облегченіемъ выскочилъ изъ комнаты. Лариса по-сторонилась отъ двери, чтобы пропустить его.

— Оно и лучше бы безъ него—выговорила она многозначительно, ни къ кому не обращаясь.

Но тета Жёня не безъ основанія занимаетъ высокій дипломатическій постъ. Она поспѣшила заявить Ларисѣ, что и Дина хочетъ уѣхать; она приглашала разсудить, что должно выйти изъ всего этого?

Была минута, когда Лариса, въ свою очередь, растерялась... Неужели весь эффектъ ея угрозы пропалъ даромъ? Выходило что-то почти комическое... Пронзительный взглядъ пронизывалъ Дину.

Но точно для того, чтобы дать ей время собраться съ мыслями, тетушка не удержалась, чтобы не порисоваться собственной ироніей.

— Я предлагаю домъ запереть, а Аню во мнѣ въ Москву увезти. А ужъ хозяйство твое останется на произволъ судьбы.. въ управляющіе имѣніемъ я не гожусь, какъ вы знаете!

Лариса медленно провела рукой по лицу, точно стирала послѣдній слѣдъ малодушнаго волненія. Въ голосѣ опять угроза зазвучала.

— Не спѣшите, такъ тетушка! Найдется, пожалуй, кому и передать съ рукъ на руки—свѣдущему человѣку. Не всякое лыко въ строку. Отъ слова не станется!

Дина ловила слова на ея губахъ. Въ умѣ ея вдругъ мелькнула догадка, и кровь свободнѣе побѣжала по жиламъ.

— Что?.. *свѣдущему человѣку*? Что это значить?! Не всякое лыко... ты не вѣришь? Ты думаешь... Господи, неужели ты *это* думаешь?!

Она въ удивленіи отступила на шагъ и въ то же время по-

водила головой и оправляла воротъ платья, съ облегченіемъ какого-то освобожденія.

— Замѣчаете, тетушка, какъ она мысли-то въ моемъ умѣ читаетъ—точно какъ въ книгѣ!—усмѣхнулась злорадно Лариса.

— Саня! Дай, дай флаконъ скорѣе... у меня голова мутится... И гдѣ только твои сестры набрались столько ехидства! *c'est incroyable, je vous dis...*

Дина густо покраснѣла и выпрямилась.

— Простите, тетя Жена, сейчасъ все кончится, сію минуту! Наконецъ-то, я поняла, въ чемъ меня подозрѣваютъ!—голосъ разомъ упалъ на спокойныя низкія ноты, взоръ смягчился.—Еслибъ ты сколько-нибудь хотѣла понять меня, твою единственную сестру, Лариса, давно ты знала бы, что у насъ все разное—понятія и желанія... Ничего такого, что тебѣ мерещится, у меня и въ помышленіяхъ никогда не было. Нѣтъ, я не собираюсь оспаривать твоихъ правъ на Зажоры и *никого себѣ въ помощники не готовила!*—договорила она, подчеркивая слова съ холодной обидой.

Лариса глаза прищурила и губы стиснула отъ напряженія, съ какимъ вглядывалась въ ея лицо.

— Больше скажу: еслибъ я вдругъ одна на свѣтѣ осталась... съ твоими Зажорами на рукахъ, такъ я и тогда отказалась бы отъ нихъ, отдала! Нѣтъ, нѣтъ... Только не убивать жизнь на проклятое хозяйство! Довольно насмотрѣлась за всю жизнь... Твои Зажоры—ты ихъ спасла, жизнь свою на это положила. Насъ съ Саней ты воспитала—ничего, ничего больше ты не обязана...

Съ каждымъ словомъ съ нея какъ будто спадала тяжесть. Она обернулась и кинула свѣтлый взглядъ брату.

— Саня, поддержи же меня! Пора намъ стать на свои ноги. Живутъ какъ-нибудь другіе, у кого нѣтъ никакихъ Зажоръ—такъ авось и мы не плоше всѣхъ! Мамочка...

Дина не поняла, зачѣмъ въ этотъ мигъ Лариса вылетѣла на середину комнаты, съ какой-то неожиданной, нелѣпой ужимкой: развела широко руки и пригнула голову, точно она кланяется кому-то.

— Ну, вотъ, вы всѣ свидѣтели! Всѣ слышали, могу ли я дольше молчать! Теперь ужъ меня въ глаза за круглую дуру считаютъ, провести надѣются, точно дѣвчонку какую-нибудь!

Саня, еще не понимая, въ чемъ дѣло, только почувствовалъ, что готовится что-то безобразное, и однимъ прыжкомъ очутился рядомъ съ Диной. Дѣвушка поспѣшно положила руку ему на плечо.

— Оставь, оставь, Саня, не надо! Лариса мнѣ не вѣрить. Ну, что-жъ съ этимъ дѣлать! Пусть время покажетъ...

Не договоривъ, Дина попятилась передъ внезапнымъ движе-

ніемъ: ей показалось, что Лариса бросилась, чтобы схватить ее. Подскочила такъ близко, что ее обдало знакомымъ противнымъ запахомъ... Безцвѣтные, острые глаза засверкали передъ самымъ ея лицомъ.

— А-а-а!.. ты думаешь... такъ просто, просто!? Ступайте, милая Надежда Ивановна, на всѣ на четыре стороны, развратничайте безъ всякой помѣхи, позорьте отцовское имя...

— Лариса!.. Лариса..!

— Лариса!!..

Всѣ теперь стояли на ногахъ. Она размахивала руками, точно отбиваясь отъ всѣхъ.

— Ага! теперь всѣ поняли, наконецъ!? Да вы-то, Евгенія Петровна, вы—институтка невинная, что ли, что самыхъ ясныхъ намековъ разобрать не могли!? Не угодно было тихо, безъ срама, ну такъ пусть скандалъ будетъ... Мнѣ одной вѣдь не одолѣть васъ всѣхъ!

— Elle est folle!..

Саня крѣпко держалъ Дину за плечи, ему казалось, что сейчасъ она грохнется на полъ.

— Не folle, не folle, тетенька, не надѣйтесь! А вотъ эту дѣвицу увезите скорѣе въ Москву—тутъ, можетъ быть, что и folle! Пускай ваши доктора ей нервы въ порядокъ приведутъ... Другія и не съ ея вѣкъ въ медвѣжьемъ углу отсидѣли, лица человѣческаго не видя... годы вѣдь, годы! Пятнадцать лѣтъ назадъ я не старше васъ была, Евгенія Петровна, а вонъ вы и по сей часъ не знаете, во что вамъ свою красоту нарядить! Жили-съ и все, что долгъ велѣлъ, исполнили. И на шею никому не вѣшали! До такой низости не довели себя, чтобы съ мужикомъ амуръ завести...

Это былъ шопотъ, но точно онъ съ колокольнымъ звономъ пролетѣлъ по комнатѣ.

Тетя Женья зажала руками уши и выкрикивала одной истерической нотой:

— Уведите ее! Уведите ее! Уведите ее!

Дину студентъ посадилъ на стулъ и схватилъ Ларису за кисти рукъ.

— Пони-ма-ешь... су-ма-шпед-шая... что ты гово-ришь?..

Она грубо локтями отбивалась отъ него.

— Но-о! ты, пащенокъ, руки прочь, руки! Что-жь вы теперь такъ взбеленились, гдѣ раньше у васъ головы были?! Я не одинъ годъ твердила, что непристойно для молодой дѣвицы съ взрослыми балбесами возжаться... Развѣ такая школа бываетъ: розсказни, да смѣхи, да гулянки, да чаепитья, да картинки? Онъ ужъ и прошлое все лѣто, какъ собака, слѣдомъ ходилъ. Ты,

умникъ-студентъ, замѣтилъ ты что-нибудь? Да гдѣ ужъ, коли я—я и то цѣлый годъ ни другимъ, ни себѣ повѣрить не могла! Не угодно ли, ваше превосходительство, сію минуту я экипажъ велю заложить, довезу до камышей? Полюбуйтесь своими глазами, какой дорожкой нынче благородныя дворянскія барышни бѣгаютъ на свиданья съ деревенскими парнями!

Саня безсознательно хватался руками за голову.

...Отчего, отчего ни одного слова не говоритъ Дина?! Точно каменная застыла на стулѣ, какъ онъ посадилъ ее. Онъ не могъ взглянуть на нее, но и не глядя пугался этой неподвижности.

Вдругъ среди смятенія—сначала такъ тихо, что никто не обратилъ вниманія, потомъ громче—раздалось протяжное пѣніе:

— Со-освя-я-ты-ми... у-у-по-вой...

Голосъ, высокій и слабый, обрывался и снова тянулся дребезжащимъ, надтреснутымъ звукомъ.

Надъ большимъ кресломъ медленно и плавно поднималось безкровное лицо, съ остановившимися пылающими глазами. Глаза восторженно всматривались во что-то. Руки безповойно двигались, точно искали въ воздухѣ.

— Аня!.. домучили!!..

Тетя Женья, окаменѣлая Дина, вся еще трепещущая страстью Лариса, потерявшій голову Саня—всѣ кинулись въ ней, не смѣя, не зная, что они должны дѣлать...

Ольга Шапиръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

(Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи).

I.

В в е д е н і е .

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ и значеніи города и деревни въ человѣческомъ общежитіи принадлежитъ къ числу самыхъ жгучихъ, наиболѣе волнующихъ общество, по крайней мѣрѣ, мыслящую его часть, вызывающихъ рѣшенія, различныя нерѣдко до противоположности. Не со вчерашняго дня раздаются призывы интеллигенціи въ деревню, на лоно природы, къ первобытной простотѣ и рисуемой мечтателями въ яркихъ краскахъ непосредственности и даже невинности. Философы, ученые, публицисты, поэты не щадятъ словъ для обличенія гнилой городской цивилизаціи съ ея искусственностью, испорченностью и губительнымъ вліяніемъ на человѣческія жизнь и здоровье, физическое и нравственное. Нѣтъ недостатка и въ голосахъ противоположнаго направленія: панегиристы городского строя въ противовѣсъ идеологамъ деревни указываютъ на невѣжество, грубость, косность, ничѣмъ неискоренимую склонность къ застою, свойственныя сельскому населенію, и противопоставляютъ этому кипучую умственную и эстетическую жизнь городовъ, ростъ комфорта и благосостоянія въ условіяхъ именно городского строя, развитіе личности, свободы и правосознанія среди горожанъ. Этотъ нескончаемый споръ заставляетъ пересматривать цѣлый рядъ наболѣвшихъ вопросовъ, когда-либо возникавшихъ передъ умственнымъ взоромъ человѣчества. Важный всегда и вездѣ, онъ приобрѣтаетъ особенную жгучесть въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ въ силу тѣхъ экономическихъ перемѣнъ, какія приходится переживать Россіи. Въ послѣднее время вопросъ о значеніи и взаимныхъ отношеніяхъ города и деревни постепенно теряетъ утопическую окраску и приобрѣтаетъ положительную постановку. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь и городъ, и деревня созданы необходимыми и неустраняемыми условіями человѣческаго общежитія, отвѣчаютъ наличнымъ и совершенно несомнѣннымъ потребностямъ общества. Вопросъ, слѣдовательно, заклю-

чается не въ томъ, какъ замѣнить деревенскій бытъ городскимъ строемъ или наоборотъ, а въ томъ, каково нормальное, наиболѣе соответствующее общественнымъ потребностямъ, соотношеніе между городомъ и деревней. Разрѣшенію или, по крайней мѣрѣ, правильной постановкѣ этого вопроса можетъ содѣйствовать историческое изученіе прошлыхъ судебъ города и деревни.

Необходимо прежде всего условиться въ точномъ значеніи употребляемыхъ терминовъ, безъ чего нельзя ступить ни шагу впередъ. Городомъ, если не считать городовъ-крѣпостей, т.-е. не поселеній въ собственномъ смыслѣ, а временныхъ убѣжищъ, называется поселеніе, жители котораго занимаются или торговлей, или обрабатывающей промышленностью, составляющими притомъ ихъ главное, основное занятіе, а не побочный промыселъ. Деревня—поселеніе, гдѣ главныя занятія жителей—добывающая промышленность и сельское хозяйство. Ясно такимъ образомъ, что не всякій городъ въ обыденномъ употребленіи этого слова можетъ быть признанъ городомъ въ научномъ смыслѣ, что есть города-деревни, и, съ другой стороны, многія села должны быть признаны съ научной точки зрѣнія городами. Уже изъ данныхъ сейчасъ опредѣленій слѣдуетъ, что основнымъ признакомъ, отличающимъ городскіе центры и деревенскія поселенія, является признакъ хозяйственный. Поэтому, изучая значеніе и взаимныя отношенія города и деревни въ историческомъ прошломъ русскаго народа, мы будемъ исходить въ своемъ изложеніи изъ экономическихъ явленій, какъ основныхъ, и изъ нихъ объяснять явленія социальной и политической жизни, поскольку знакомство съ послѣдними будетъ необходимо для разрѣшенія поставленной задачи.

Исторія русскихъ города и деревни, какъ и русская исторія вообще, дѣлится на пять періодовъ: кievскій, до конца XII вѣка; удѣльный, охватывающій XIII, XIV, XV и первую половину XVI вѣка, приблизительно до начала самостоятельнаго правленія Ивана Грознаго; московскій, длѣющийся со второй половины XVI до конца XVII столѣтія, новый дореформенный, XVIII и первая половина XIX вѣка, съ Петра Великаго до Николая I включительно, и новый пореформенный періодъ, который начинается великимъ освободительнымъ актомъ 19-го февраля 1861 года, и участниками, свидѣтелями и дѣятелями котораго являемся всѣ мы. Въ хронологическихъ предѣлахъ каждаго изъ этихъ періодовъ наше изложеніе коснется послѣдовательно шести основныхъ вопросовъ, изъ которыхъ четыре первыхъ—экономическіе, пятый относится къ социальной исторіи, а шестой—къ политическому строю. Первый, основной вопросъ—объ относительномъ значеніи въ данное время каждой изъ четырехъ главныхъ отраслей народнаго производства, добывающей промышленности, сельскаго хозяйства, обрабатывающей промышленности и торговли. Въ тѣсной связи съ первымъ вопросомъ находится второй—о системѣ хозяйства, т.-е. о совокупности тѣхъ приѣмовъ и

средствъ, какими ведется хозяйство. Третій вопросъ—о формахъ землевладѣнія, т.-е. о томъ, кто и на какихъ правахъ владѣлъ землей. Изученіе хозяйственныхъ условій заканчивается четвертымъ вопросомъ—о формахъ хозяйства, иными словами о томъ, былъ ли въ данный періодъ свободный или принудительный трудъ и на какихъ условіяхъ этотъ трудъ эксплуатировался. На твердой основѣ изученія экономическихъ отношеній покоится разрѣшеніе пятого вопроса—о социальномъ устройствѣ, о томъ, были ли въ извѣстное время общественные классы, т.-е. дѣленія общества на группы по хозяйственнымъ признакамъ, по занятіямъ, или существовали уже сословія, т.-е. дѣленія общества на группы по юридическимъ признакамъ, правамъ и обязанностямъ. Наконецъ, изученіе политическаго строя, постановки верховной власти, организаціи учрежденій и управленія,—вотъ послѣдній, шестой вопросъ, какого мы коснемся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

II.

Городъ и деревня въ Кіевской Руси (до конца XII в.).

Основной отраслью народнаго производства въ первый, кіевскій періодъ русской исторіи, до конца XII вѣка, было, несомнѣнно, простое, почти не сопровождающееся сколько-нибудь значительнымъ трудомъ и затратой капитала, освоеніе даровыхъ силъ дѣйственной природы, столь щедрой къ человѣку, хотя верѣдко и столь грозной для него на зарѣ исторіи. Рядъ несомнѣнныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ источниковъ убѣждаетъ въ справедливости этого положенія. На первыя страницы нашей древнѣйшей, начальной лѣтописи занесено сказаніе о томъ, что нѣкогда, въ старину на среднемъ Днѣпрѣ жили три брата—Кій, Щекъ и Хоривъ—и всѣ они занимались звѣроловствомъ, были охотниками. Древляне, одно изъ славянскихъ племенъ, покоренныхъ Олегомъ въ IX вѣкѣ, платили князю дань червыми куницами, т.-е. мѣхами звѣрей, продуктами той же охоты. Игорь, отпуская отъ себя византійскихъ пословъ, заключившихъ съ нимъ договоръ, одарилъ ихъ тѣмъ, чѣмъ самъ былъ богатъ: мѣхами и воскомъ; то же самое обѣщала дать въ даръ византійскому императору княгиня Ольга при своемъ крещеніи въ Константинополѣ. Ея сынъ Святославъ, всю жизнь неустанно искавшій приключеній, подвиговъ и добычи, говорилъ матери: «не нравится мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ (въ Болгаріи), потому что туда сходятся всѣ богатства» изъ Греціи, Чехіи, Венгріи и изъ Руси. Чѣмъ богаты были прочія страны, для насъ теперь не важно, но Русь, по словамъ князя, доставляла въ Болгарію мѣха, воскъ и медъ. Почти на каждой страницѣ лѣтописи встрѣчаются, на ряду съ извѣстіями о войнахъ, постройкѣ церквей, правительственной дѣятельности князей, сообщенія, что тотъ или дру-

101й князь «ловы звѣрины дѣялъ», «гна звѣри въ лѣсѣ», причежь, какъ видно, эти охотничьи поѣздки продолжались долго, почему князья отправлялись на нихъ обыкновенно со своими женами и дружиной. А что можетъ быть характернѣе того, что Владиміръ Мономахъ, этотъ живой идеалъ древнерусскаго князя, въ своемъ знаменитомъ «Почеченіи» на ряду съ военными подвигами и дѣлами управленія ставитъ свою охотничью удачу и охотничьи удачи? Въ древнѣйшемъ памятникѣ нашего права «Русской Правдѣ» предметомъ особеннаго вниманія служатъ «бобровые гоны», т.-е. мѣста ловли бобровъ, и «бортные ухаюан», приспособленія для пчеловодства, для добыванія воска и меда. Эти и имъ подобные факты, которыми изобилуютъ удѣлявшія до нашего времени лѣтописи и акты Кіевскаго періода, ставятъ вѣдъ всякаго сомнѣнія, что добывающая промышленность, особенно охота и пчеловодство, играла первенствующую роль въ народномъ хозяйствѣ этого далекаго отъ насъ времени.

Меньше значенія имѣло сельское хозяйство, особенно земледѣліе. Правда, еще при Олегѣ нѣкоторыя славянскія племена платили дань князю «съ рала», т.-е. съ плуга, что указываетъ на употребленіе этого земледѣльческаго орудія, а слѣдовательно, и на занятіе земледѣліемъ уже въ X вѣкѣ. О томъ же свидѣтельствуетъ встрѣчающееся въ правленіе Ольги извѣстіе, что древляне «дѣлали нивы своя». Наконецъ, въ XII вѣкѣ на одномъ изъ княжескихъ сѣздовъ прямо говорилось о земледѣліи, какъ одномъ изъ обычныхъ занятій смердовъ или крестьянъ. Но любопытно, что, какъ мы только что видѣли, въ числѣ хозяйственныхъ благъ, составлявшихъ главное богатство Руси, ни разу не называется хлѣбъ, а упоминаются только продукты добывающей промышленности. Это уполномочиваетъ насъ не ставить земледѣліе въ Кіевской Руси въ одинъ рядъ съ охотой и пчеловодствомъ. Въ чемъ можно быть въ этомъ отношеніи увѣреннымъ, это въ томъ, что и тогда уже русскіе не нуждались въ привозномъ хлѣбѣ, потому что имъ хватало своего. Серьезнѣе было значеніе другой отрасли сельскохозяйственной промышленности, — скотоводства. Въ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются указанія, что у того или другого князя во время междоусобій истреблялись громадныя стада скота, въ двѣ, три тысячи головъ, иногда и болѣе. Но едва ли не еще болѣе убѣдительнымъ свидѣтельствомъ о богатствѣ скотомъ и важности скотоводства является фактъ необыкновенной дешевизны скота по «Русской Правдѣ»: такъ, лучшую рабочую лошадь можно было купить въ то время за 14—16 рублей на наши деньги, волъ стоилъ 7—8 рублей, корова отъ 6 до 8, теленка можно было купить за 70—80 коп., а овцу въ XI вѣкѣ даже всего за 40 коп. Совершенно понятно, почему скотоводство было болѣе развито чѣмъ земледѣліе, и приближалось въ этомъ отношеніи къ охотѣ и пчеловодству: дѣло въ томъ, что первобытно е скотоводство по своей экономической природѣ очень близко къ добывающей промышленности;

какъ и послѣдняя, оно не требуетъ почти никакихъ усилій и заботъ со стороны человѣка: скотъ все время пасется на волѣ и довольствуется подножнымъ кормомъ.

Совершенно ничтожна была обрабатывающая промышленность. Въ нашихъ источникахъ лишь изрѣдка мелькають факты, свидѣтельствующіе о выдѣлкѣ издѣлій изъ глины, о обработкѣ кожъ, о переработкѣ дерева. Особенно яркое изображеніе древнѣйшей русской обрабатывающей промышленности—разумѣется, въ миниатюрѣ—даетъ одинъ изъ превосходныхъ памятниковъ литературы Киевскаго періода, именно Патерикъ Печерскій, т. е. собраніе житій святыхъ подвижниковъ Киево-печерскаго монастыря. Весь проникнутый свѣжей, наивной, дѣтской вѣрой, Патерикъ съ любовью отиѣчаетъ различныя чисто-внѣшнія обстоятельства, относящіяся къ жизни святого или къ открытію его мощей. Эти случайныя замѣчанія имѣють для насъ большую цѣнность. Читая, наприимѣръ, простодушный рассказъ Нестора объ открытіи мощей св. Θεодосія, мы видимъ, что, когда у автора этого повѣствованія, который самъ разрывалъ могилу святого, сломалась кирка,—онъ самъ ее починилъ своими руками. Очевидно, это была самодѣльная кирка, сдѣланная для себя, а не на продажу. Такъ выдѣлывалось, вѣроятно, большинство предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ и хозяйственномъ обиходѣ. Если что-либо и продавалось, то недалеко, на сосѣднемъ базарѣ и при томъ въ небольшомъ количествѣ. Въ томъ же Патерикѣ встрѣчаемъ и другое извѣстіе о домашнемъ производствѣ для собственного потребленія производителя, и извѣстіе о незначительной продажѣ издѣлій на сосѣднемъ рынкѣ: одинъ изъ печерскихъ монаховъ, Исаія, носилъ «свиту *вотолану*», т. е. сдѣланную изъ «вотолы», грубаго домашняго холста, сотканнаго имъ собственноручно; св. Θεодосій вмѣстѣ съ братіей приготавливалъ шерстяныя «копытца», т. е. чулки, и такіе же «клубуки», или шапки, и посылалъ продавать эти издѣлія на киевскомъ базарѣ.

Уже изъ этого одного видно, что *внутренняя* торговля была ограничена, не играла важной роли. Такой выводъ подтверждается и изученіемъ «Русской Правды»: въ ней упоминается о «торгѣ», т. е. мѣстномъ базарѣ, но особенно любопытно постановленіе, по которому, въ случаѣ находки кѣмъ-либо пропавшей у него вещи на базарѣ въ рукахъ у другого, этотъ послѣдній, будучи обязавъ указать лицо, у котораго имъ приобрѣтена спорная вещь, не имѣлъ, однако, права ссылаться на то, что имъ она приобрѣтена въ другомъ городѣ: очевидно, сообщенія между отдѣльными городами и рынками были очень затруднительны и рѣдки, а это и указываетъ какъ разъ на чрезвычайную слабость внутренняго обмѣна. Зато торговля *внѣшняя* на первый взглядъ кажется очень важной. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны факты, указывающіе на оживленныя торговыя сношенія Киевской Руси съ арабами и хозарами и особенно съ Византіей. Яркими свидѣтелями торговли съ

арабами и хозарами являются извѣстія арабскихъ купцовъ, посѣщавшихъ Русь, напр., Масуди, Истархи, Хордадбе, Ибнъ-Фадлана, и открываемые до сихъ поръ въ южной Россіи клады, состояще изъ серебряныхъ арабскихъ монетъ, такъ называемыхъ диргемовъ. О мѣновыхъ сношеніяхъ съ Византіей говорятъ знаменитые, уцѣлѣвшіе до нашего времени, въ Начальной лѣтописи договоры Олега и Игоря съ греками, прямыя лѣтописныя извѣстія и, наконецъ, замѣчательный разсказъ византійскаго императора Константина Богрянороднаго въ его сочиненіи «Объ управленіи имперіей». Этотъ послѣдній источникъ, рисуя живую картину торговыхъ сношеній Руси съ Византіей, имѣетъ для насъ особенную цѣнность, такъ какъ предостерегаетъ отъ преувеличенныхъ представленій о значеніи внѣшней торговли въ экономической жизни Кіевской Руси. Съ наступленіемъ зимы, разсказываетъ Константинъ Богрянородный, русскій князь и его дружина отправляются изъ Кіева по подвластнымъ князю славянскимъ племенамъ за сборомъ дани, рѣдко состоявшей изъ денежныхъ платежей, а слагавшейся почти исключительно изъ натуральныхъ продуктовъ, какими изобиловала страна: мѣховъ, меду и воску. Вся зима проходила въ этомъ трудномъ, подчасъ и опасномъ объездѣ, такъ называемомъ «полюдьѣ». Весной князь съ дружиной возвращались въ Кіевъ съ собранною данью. Къ этому времени приготавливались лодки, которыя оснащивались, нагружались всѣми тѣми, что было собрано въ видѣ дани, и спускались подъ охраной вооруженныхъ купцовъ Днѣпромъ и Чернымъ моремъ въ Византію. Этотъ превосходный разсказъ, составленный со словъ очевидцевъ и современниковъ, мѣстныхъ кіевскихъ жителей, какъ нельзя лучше свидѣтельствуешь, что внѣшняя торговля того времени характеризовалась двумя отличительными и имѣющими первостепенную важность чертами: во-первыхъ, торговая дѣятельность была занятіемъ исключительно однихъ общественныхъ верховъ, — князя, дружины и богѣе или менѣе состоятельныхъ горожанъ, — масса же населенія не принимала въ ней никакого участія, потому что не продавала, а отдавала даромъ, въ видѣ дани, продукты охоты и пчеловодства; во-вторыхъ, внѣшняя торговля въ дѣйствительности не затрагивала и настоятельныхъ, насущныхъ, необходимо требовавшихъ удовлетворенія потребностей даже этихъ руководящихъ ея высшихъ классовъ населенія: все необходимое они получали натурой, отправляя на внѣшній рынокъ лишь избытки и вымѣнивая тамъ только предметы роскоши: шелковыя ткани, вина, дорогое оружіе. Въ сущности мы наблюдаемъ здѣсь не торгово-промышленный круговоротъ, а отчужденіе продуктовъ, доставшихся даромъ, безъ затраты капитала, безъ предпринимательскихъ заботъ и безъ торговой производительной эксплуатаціи хозяйственныхъ благъ. Слѣдовательно, глубины народнаго хозяйства остались нетронутыми внѣшней торговлей, по существу это хозяйство было чисто *натуральнымъ*, т.-е. такимъ,

*

при которомъ почти каждый работаетъ только на себя и на свою семью, а не для продажи.

Описаннымъ соотношеніемъ разныхъ отраслей народнаго производства опредѣлялась прежде всего *система хозяйства*. Она отличалась первобытнымъ, хищническимъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, экстенсивнымъ характеромъ. Охота сводилась къ безпощадному, неравсчитливому истребленію звѣрей, водившихся въ такомъ изобиліи въ обширныхъ лѣсахъ, что не было нужды въ какихъ-либо правилахъ или ограниченіяхъ для охоты, да и некому было ихъ устанавливать и слѣдить за ихъ исполненіемъ. Звѣроловъ не ограничивалъ своей истребительной дѣятельности какимъ-либо небольшимъ райономъ, а охотился на обширныхъ пространствахъ, постоянно переходилъ съ одного мѣста на другое. Технические приемы другой основной отрасли народнаго производства въ Киевской Руси, пчеловодства, отличались такою же примитивностью: древнѣйшее пчеловодство носитъ характерное названіе бортничества во всѣхъ грамотахъ Киевскаго періода, между прочимъ и въ «Русской Правдѣ». Бортничествомъ называется такое пчеловодство, при которомъ совершенно не заводится искусственныхъ приспособленій для пчелъ, ульевъ и пасѣкъ, а пчеловоды пользуются медомъ и воскомъ, складываемыми дикими пчелами въ дуплахъ лѣсныхъ деревьевъ, называемыхъ бортными или бортами. Для занятія такимъ пчеловодствомъ не надо никакого капитала и необходимо очень мало труда: нужно только поставить на бортномъ деревѣ «знамя», т.-е. знакъ собственности, и своевременно вынуть накопившійся воскъ и медъ. Далѣе: при обиліи лѣсовъ и болотъ и при крайней рѣдкости населенія въ земледѣліи возможна была только одна подсѣчная, огневая или лядинная система, состоящая въ томъ, что вырубался и выжигался лѣсъ, и на образовавшемся такимъ образомъ «пагѣ», «огнищѣ» или «лядахъ», высушенномъ и покрытомъ пелломъ пространствѣ, сѣялся годъ или два хлѣбъ, потомъ повторялась та же операція съ другимъ участкомъ, черезъ такой же срокъ переходили къ третьему и т. д. Слѣдовательно, хищнической и кочевой характеръ составлялъ такой же отличительный признакъ земледѣлія, какъ и добывающей промышленности. Наконецъ, приведенный уже выше рассказъ Константина Багрянороднаго о вѣншиней торговлѣ какъ нельзя лучше показываетъ, что и эта отрасль хозяйства отличалась крайне примитивной организаціей: торговля была караванной, не требовала капитала, не было постоянной, непрерывной связи между производителями хозяйственныхъ благъ и вѣншинимъ рынкомъ.

Преобладаніемъ добывающей промышленности и господствомъ экстенсивной системы хозяйства опредѣлились—далѣе—и основныя, типическія для изучаемаго времени *формы земледѣлія*. Кочевать, переходить съ мѣста на мѣсто—вотъ основная хозяйственная потребность первобытнаго производителя, потребность, подсказываемая гос-

подствомъ добывающей промышленности и скотоводства, при которыхъ надо гнаться за звѣремъ, отыскивать дикихъ пчелъ, занимать все новыя пастбища для скота. Возможна ли при такихъ условіяхъ прочная и постоянная собственность на землю, полная осѣдлость? Очевидно, нѣтъ. Но какіе же порядки пользованія землею существовали въ такомъ случаѣ въ Кіевской Руси? Наши древнѣйшіе источники даютъ намъ вмѣсто опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ одни только намеки, достаточно ясныя, однако, при свѣтѣ историческихъ аналогій. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ странахъ, въ которыхъ мы наблюдаемъ хозяйственныя условія, соотвѣтствующія экономическимъ особенностямъ Кіевской Руси до конца XII вѣка, существовало такъ называемое *вольное или захватное землевладѣніе*, сводящееся къ тому, что извѣстный округъ или волость занималъ извѣстную, довольно обширную территорію, а отдѣльные дворы или семьи на время, обыкновенно на годъ, опахивали, окашивали или «зачерчивали» себѣ, посредствомъ зарубокъ на деревьяхъ, опредѣленные участки для распашки, не подлежащія во время разработки заимкѣ со стороны другихъ семей. Лѣсомъ, пастбищемъ и другими угодьями пользовались всѣ жители волости сообща, въ мѣру потребностей. Такіе порядки наблюдаются, напр., у древнихъ германцевъ около Рождества Христова, наблюдались недавно и у насъ въ Сибири, въ мѣстностяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ и господствомъ добывающей промышленности. То же, по всѣмъ признакамъ, было и въ Кіевской Руси. Что вервь или волость имѣла тогда опредѣленную обширную территорію,—это видно изъ «Русской Правды», рассматривающей вервь именно какъ територіальную единицу. Что земля не была еще въ большинствѣ случаевъ постоянной, прочной собственностью семьи,—въ этомъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что она въ то время не продавалась: о продажѣ земли нѣтъ ни слова ни въ «Русской Правдѣ», ни въ другихъ источникахъ. Та же «Русская Правда» сохранила для насъ и любопытнѣйшіе намеки на опахиваніе и зачерчиваніе временнозаняемыхъ отдѣльными семьями земельныхъ участковъ: въ ней говорится о «мѣжѣ ролейной», т.-е. пашенной, образованной путемъ опахиванія, и о «дубѣ знаменномъ», т.-е. имѣвшемъ «знамя», знакъ собственности, зачерченномъ. Наконецъ, при свѣтѣ приведенныхъ выше аналогій становится вполнѣ понятнымъ извѣстіе Начальной лѣтописи о полянахъ: «они жили каждый своимъ родомъ», говоритъ лѣтописецъ, «на своихъ мѣстахъ». Родъ здѣсь, очевидно, вервь, волость: она имѣла «свои мѣста», опредѣленную территорію. А далѣе, въ видѣ иллюстраціи, лѣтописецъ приводитъ извѣстный рассказъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди: они вмѣстѣ со своими семьями, очевидно, и составляли вервь или родъ и пользовались свободно землею въ предѣлахъ родовой территоріи для своихъ хозяйственныхъ цѣлей, охотились, гдѣ угодно и сколько угодно, выгоняли на пастбище скотъ, занимали на годъ или на два участки для пашни и т. д.

Но утверждая, что вольное или захватное крестьянское землевладѣніе господствовало въ Кіевской Руси, нельзя, однако, признать его *единственной* въ то время землевладѣльческой формой. Дѣло въ томъ, что со времени появленія князей къ древнимъ землевладѣльческимъ порядкамъ примѣшиваются новыя формы, постепенно и медленно проникая въ жизнь. Прежде всего появилось *княжеское* землевладѣніе. Первые слѣды его становятся замѣтны уже въ X вѣкѣ, когда Ольга устроила по всей землѣ свои «мѣста» и «села», «ловища» (мѣста лова звѣрей) и «перевѣсища» (мѣста, гдѣ устраивались силки для ловли птиц). У той же княгини упоминается и село Ольжичи. Къ XII вѣку княжескія села сдѣлались уже вполне распространеннымъ явленіемъ, встрѣчались нерѣдко; недаромъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поченіи» придаетъ такое важное значеніе домашнему хозяйству; въ разказахъ о княжескихъ междуусобіяхъ постоянно мелькаютъ указанія на разореніе княжескихъ селъ. На ряду съ этимъ въ томъ же XII столѣтіи сплошь и рядомъ можно встрѣтить извѣстія о разграбленіи селъ *боярскихъ*, а первые признаки боярскаго землевладѣнія относятся еще къ XI вѣку: оно, очевидно, возникло вслѣдъ за княжескимъ. Наконецъ, въ томъ же XI столѣтіи возникло еще и *монастырское* землевладѣніе; въ разказѣ о Печерскомъ монастырѣ говорится о пожалованіи монастырю княземъ Изяславомъ горы, а затѣмъ находимъ извѣстіе о дачѣ какимъ-то Ефремомъ селъ въ монастырь. Такъ сразу намѣтились и два источника, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и впоследствии пополнялись монастырскія вотчины: княжеское пожалованіе и вкладъ частныхъ лицъ. Но не только появились на ряду съ крестьянами новыя владѣльцы—князья, бояре, монастыри, — переища была еще глубже: она коснулась самаго понятія о собственности на землю, потому что землевладѣніе князей, бояръ, и монастырей отличалось уже несравненно болѣею прочностью, опредѣленностью и осѣдлостью, чѣмъ вольное землевладѣніе крестьянъ. Не трудно понять причину происхожденія этихъ землевладѣльческихъ новообразованій: они явились результатомъ вліянія второстепенной, но все-же не ничтожной, отрасли промышленности, внѣшней торговли. Благодаря торговлѣ, въ натурально-хозяйственныя отношенія, не разрушая ихъ, проникъ сильной струей капиталъ, сосредоточившійся въ немногихъ рукахъ и рѣзко отдѣлившій его обладателей отъ остальной массы общества. Капиталъ далъ возможность капиталистамъ приобретать значительное количество несвободныхъ и полусвободныхъ рабочихъ, благодаря труду которыхъ капиталисты—князья, бояре и монастыри—могли занять прочно и хорошо эксплуатировать богѣе или менѣе обширныя земельныя владѣнія.

Послѣднее замѣчаніе—о примѣненіи несвободнаго и полусвободнаго труда—вводитъ насъ въ послѣдній, четвертый вопросъ экономической исторіи Кіевской Руси,—вопросъ о *формахъ хозяйства*. И здѣсь мы

должны отличать главные, основныя, древнія явленія отъ побочныхъ, второстепенныхъ, болѣе позднихъ. Первые созданы господствомъ добывающей промышленности, скотоводства и натурального хозяйства, вторыя—результатъ вліянія внѣшней торговли. Звѣроловъ и бортникъ искалъ простора для своихъ охотничьихъ и пчеловодныхъ занятій, не тѣснился къ своимъ товарищамъ, а селился въ разбродъ, на бѣге или менѣе возвышенныхъ мѣстахъ сырой и болотистой лѣсной страны, по близости отъ рѣкъ, самыхъ удобныхъ путей сообщенія. Поэтому, господствующей хозяйственной единицей того времени была семья, довольно тѣсный родственныи союзъ, обыкновенно не дѣлявшійся на болѣе мелкія хозяйства и по смерти отца. Семья, вслѣдствіе того, что большинство населенія занималось однимъ и тѣмъ же, по преимуществу охотой и пчеловодствомъ, почти ничего не продавала на сторону, все производила для собственнаго потребленія и ничего не покупала у другихъ. При такихъ условіяхъ не оставалось мѣста для широкаго развитія несвободнаго, рабскаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ Киевской Руси. И въ самомъ дѣлѣ: несвободный трудъ, при семейной организаціи добывающей промышленности, при натуральной системѣ хозяйства, не является экономической необходимостью, находятъ себѣ примѣненіе лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ: каждая семья легко удовлетворяетъ своимъ потребностямъ собственными силами, не прибѣгая къ организаціи принудительнаго труда. Недаромъ все писатели, сообщающіе намъ свѣдѣнія о первобытныхъ славянахъ,—таковы по преимуществу писатели византійскіе,—оставили цѣлый рядъ свидѣтельствъ о томъ, что рабовъ у славянъ было мало, обращались они съ этими рабами хорошо и скоро отпускали на волю. Знаменательно также, что «Русской Правдѣ» неизвѣстны холопы у смердовъ или крестьянъ: она знаетъ только холоповъ княжескихъ, боярскихъ и «чернечьихъ», т.-е. монастырскихъ.

Это послѣднее свидѣтельство «Русской Правды» убѣждаетъ, однако, что лишь только къ натуральной системѣ примѣшивается торговля, хотя бы даже и въ той несовершенной стадіи развитія, какую мы наблюдаемъ въ Киевской Руси,—такъ, у лицъ, вѣньющихъ къ ней отношеніе, особенно у князей и бояръ, возникаетъ, сначала, конечно, слабо развитая, потребность въ эксплуатаціи чужого дароваго труда: несомнѣнно, главная часть товаровъ для внѣшней торговли добывалась путемъ сбора дани, но уже въ ту пору высшіе классы населенія пополняли свои доходы тѣмъ, что, занимая свободныя земли, садами на нихъ своихъ несвободныхъ и полусвободныхъ слугъ. Можно догадываться, что главной задачей этого зарождающагося владѣльческаго хозяйства была доставка продуктовъ земледѣлія и скотоводства для непосредственнаго потребленія лицъ, составлявшихъ высшій слой населенія: это видно изъ того, что въ «Русской Правдѣ» несвободные люди фигурируютъ не въ качествѣ охотниковъ и пчеловодовъ, работа

которыхъ одна только доставляла, какъ мы видѣли, предметы для ви́шней торговли—мѣха, воскъ и медь, а по преимуществу въ видѣ «тіуновъ конюшихъ», т.-е. приказчиковъ, завѣдующихъ конскими стадами, или «тіуновъ ратайныхъ», т.-е. земледѣльческихъ приказчиковъ. Извѣстно, какъ много вниманія удѣляетъ тотъ же драгоценный памятникъ древнерусскаго права такъ называемымъ закупамъ, т.-е. лицамъ, занявшимъ у землевладѣльцевъ извѣстную сумму денегъ и обязавшимся отработать этотъ долгъ. Эти закупы—полусвободные рабочіе—носятъ въ «Русской Правдѣ» характерное названіе «ролейныхъ», т.-е. пашенныхъ, отъ «роля»—пахля. Но нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что эксплуатація несвободнаго и полусвободнаго труда простиралась въ извѣстной мѣрѣ и на область добывающей промышленности и доставляла, слѣдовательно, нѣкоторое, хотя, вѣроятно, и не особенно значительное, дополненіе къ числу тѣхъ добываемыхъ по преимуществу путемъ дани продуктовъ, которые вывозились на византійскій рынокъ и отчуждались на азіатскій востокъ. Такъ, примѣсь торговаго оборота положила начало новой, невѣдомой раньше формѣ хозяйственныхъ предпріятій,—владѣльческому хозяйству князей, бояръ и монастырей, основанному на примѣненіи, главнымъ образомъ, несвободнаго и полусвободнаго труда.

Хозяйственная организація, изображенная выше, дѣлаетъ вполне понятнымъ *соціальный и политическій строй* Кіевской Руси. Общество того времени, благодаря указаннымъ экономическимъ вліяніямъ, распалось уже на нѣсколько опредѣленныхъ и обособленныхъ слоевъ. Подавляющее большинство составляли смерды—деревенское свободное населеніе, занимавшееся по преимуществу добывающей промышленностью и скотоводствомъ, въ меньшей степени земледѣліемъ. Смердъ и сельскій житель, крестьянинъ—это синонимы въ устахъ нашего древнѣйшаго лѣтописца. Городское свободное населеніе—«люди»—въ главнѣйшей массѣ мало отличалось своими занятіями отъ смердовъ, за исключеніемъ, впрочемъ, высшаго его слоя, городского купечества, отдававшаго значительное количество времени и труда ви́шней торговлѣ. Городское купечество—это тѣ «гости», о которыхъ упоминаютъ договоры Олега и Игоря на ряду съ княжескими «слами» или послами. Наконецъ, третій, верхній слой, являющійся социальнымъ новообразованіемъ, составляли бояре и «отроки» или «дѣтскіе», т.-е. старшая и младшая дружина, во главѣ съ княземъ, военные охранители земли, торговыхъ путей и купеческихъ каравановъ и установители внутренняго мира и порядка, «бояре думающіе» и «мужи храбростующіе», по образному и мѣткому выраженію «Слова о полку Игоревѣ». Мы видимъ такимъ образомъ, что нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить различіе между этими тремя социальными группами *по ихъ занятіямъ*, но мы тщетно стали бы искать опредѣленныхъ сколько-нибудь значительныхъ *юридическихъ* различій между тѣми же группами: дружин-

ники, люди и смерды не отличались другъ отъ друга ни правами, ни обязанностями. Гражданская и политическая полноправность и полная юридическая, въ значительной степени и фактическая, возможность перейти изъ одного состоянія въ другое—отличительная особенность общественнаго строя древнѣйшей Россіи. На дѣлѣ, въ дѣйствительности вѣче—этотъ главный политическій органъ общественнаго союза въ то время—состояло преимущественно изъ горожанъ, имѣвшихъ фактическую возможность всегда его посѣщать, что было далеко не всегда мыслимо для сельскихъ обывателей, по крайней мѣрѣ для большинства ихъ. Но городъ составлялъ неразрывную часть волости, и потому всякій смердъ, явившись въ городъ, могъ участвовать въ вѣчевой сходкѣ. Онъ могъ также, если хотѣлъ, переселиться въ городъ для занятія торговлей и даже поступить въ княжескую дружину, сдѣлаться старшимъ дружинникомъ, бояриномъ. Припомнимъ, напримеръ, рассказъ лѣтописи о Янѣ Усмошвецѣ: однажды, когда Владимиръ вышелъ со своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ дружины и народнаго ополченія, навстрѣчу печенѣгамъ,—передъ битвой выѣхалъ впередъ печенѣжскій богатырь громаднаго роста и сталъ вызывать кого-либо изъ русскихъ на единоборство; охотниковъ не находилось, и князь опечалился; тогда къ нему подошелъ простой воинъ-смердъ изъ ополченія и сказалъ, что у него дома остался младшій сынъ необычайной силы: однажды, когда онъ мялъ руками кожу, отецъ за что-то разбранилъ его; тотъ такъ былъ раздраженъ этимъ, что разорвалъ пополамъ кожу; князь обрадовался и тотчасъ послалъ за молодымъ силачомъ; Янъ Усмошевецъ—такъ звали силача—безъ труда справился съ печенѣжскимъ богатыремъ и сдѣлался послѣ этого подвига дружинникомъ князя Владимира. Какъ бы низко мы ни цѣнили достовѣрность самаго преданія,—одна возможность того, что оно сложилось именно въ такомъ смыслѣ, показываетъ, что поступленіе смерда въ бояре или старшую княжескую дружину было зауряднымъ явленіемъ: была бы только для этого надлежащая удалъ и сила. Говоря коротко, общественный строй Кіевской Руси всецѣло основывался на экономическихъ признакахъ и лишенъ былъ юридическихъ основаній: существовали лишь экономическіе классы, но не было политическихъ сословій.

Переходя отъ общественнаго строя къ устройству управленія, мы прежде всего встрѣчаемся здѣсь съ учрежденіемъ, одинаково собственнымъ всѣмъ первобытнымъ народамъ, съ собраніемъ свободныхъ людей,—собственно домовладыкъ или главъ семействъ,—съ такъ называемымъ вѣчемъ. Вѣче существовало на Руси задолго до призванія князей. Извѣстенъ лѣтописный текстъ, чрезвычайно ярко изображающій исконное значеніе вѣча и его составъ: «новгородцы, и смоляяне, и полочане, и кіевляне, и всѣ волости изначала на вѣче, какъ на думу, сходятся, и на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды

стануть». Изъ этого текста видно и древнѣйшее происхожденіе вѣча— вѣче было «изначала»,—и участіе въ немъ не только горожанъ, но и волостей, т.-е. смердовъ, крестьянъ, и подчиненіе всей области рѣшенію вѣча старшаго города. Городская область была первымъ по времени появленія политическимъ организмомъ древнѣйшей Россіи, и это отразилось позднѣе, послѣ призванія князей, въ первенствующемъ политическомъ значеніи вѣча. Особенно замѣтно такое значеніе собранія свободныхъ горожанъ и сельчанъ въ вопросѣ о замѣщеніи княжескихъ столовъ; призваніе или изгнаніе князя вѣчемъ были обычными явленіями въ кievскій періодъ: такъ, кievляне прогоняютъ Ияслава Ярославича за то, что онъ, потерпѣвъ пораженіе отъ половцевъ, не захотѣлъ отправиться въ походъ противъ нихъ во второй разъ; тѣ-же кievляне, не считаясь съ княжескимъ старшинствомъ, призываютъ Владимира Мономаха и удерживаютъ у себя его потомство, хотя черниговскіе Ольговичи, потомки Олега Святославича, принадлежали къ старшей линіи. Вѣче считало себя въ правѣ прямо и иногда довольно рѣзко и настойчиво дѣлать указанія князю въ его правительственной дѣятельности: «ты, князь, о чужой землѣ заботишься и ищешь ея, а своей пренебрегъ», говорятъ съ укоромъ кievляне Святославу, отправившемуся въ Болгарію и тѣмъ подвергнутому русскую землю опасности со стороны печенѣговъ.

- Но на ряду съ вѣчемъ, хотя и не выше его, въ Кievской Руси стояли еще князь и его дружина, составлявшая боярскій совѣтъ, безъ котораго князю было фактически невысказано обойти, хотя, разумѣется, юридическихъ гарантій участія боярскаго совѣта въ управленіи, какого-либо закона, опредѣлявшаго правительственную роль боярскаго думы, не существовало. Бояре принимали постоянное участіе въ дѣятельности князя: Владимиръ передъ принятіемъ христіанства спрашиваетъ у нихъ совѣта; онъ вообще, по словамъ летописи, «любилъ дружину и думалъ (т.-е. совѣщался) съ ней объ устройствѣ земля, о войнѣ и о законахъ»: сыновья Ярослава, по совѣту со своими «мужами», т.-е. боярами, уничтожили кровную месть за убійство и замѣнили ее денежнымъ выкупомъ; Владимиръ Мономахъ опредѣлилъ максимальный законный процентъ по займамъ также послѣ совѣщанія съ дружиной; наконецъ, «Слово о полку Игоревѣ» чрезвычайно высоко ставитъ, выдвигаетъ на первый планъ «бояръ думающихъ».

Понятно, чѣмъ вызвано было политическое преобладаніе вѣча: вѣче состояло въ главной массѣ изъ смердовъ и людей, простыхъ свободныхъ, въ рукахъ которыхъ находилась господствовавшая въ то время отрасль народнаго производства, — добывающая промышленность, и которые обходились въ этой сферѣ экономической жизни безъ всякой хвзяйственной поддержки соціальныхъ верховъ. Напротивъ, эти соціальныя верхи, — князь, дружина и городское купечество, — фактически находились почти всецѣло въ экономической зависимости

отъ смердовъ, такъ какъ дань, собираемая съ послѣднихъ, и была именно главнымъ источникомъ тѣхъ хозяйственныхъ благъ, которыя можно было сбывать въ видѣ товаровъ въ Византіи и въ хозарской столицѣ Итили на устьѣ Волги. Экономическая зависимость приводила и къ политическому подчиненію, конечно, далеко еще не организованному и непрочному на зарѣ исторической жизни. Но, спрашивается, чему обязаны были своимъ существованіемъ новыя политическія явленія? Городъ или деревня, иначе говоря—интересы торговли или добывающей промышленности и первобытнаго сельскаго хозяйства создали княжескую власть и неразрывно съ ней связанный боярскій совѣтъ? Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что тотъ хозяйственный элементъ, который явился въ качествѣ сравнительно-второстепенной примѣси къ натурально-хозяйственной системѣ,—именно внѣшняя торговля,—вызывалъ необходимость призванія князей: торговые караваны нуждались въ защитѣ отъ кочевниковъ, поджидавшихъ ихъ обыкновенно съ цѣлью поживиться у днѣпровскихъ пороговъ; съ другой стороны, военная опора была необходима для огражденія жизни, имущества и правъ тѣхъ, кто ѣздилъ торговать на главный внѣшній рынокъ страны,— въ Византію: это достаточно доказывается текстами договоровъ Олега и Игоря съ греками. Такимъ образомъ, потребность въ княжеской власти сильно ощущалась уже и въ городѣ. Было бы, однако, большой ошибкой выводить политическій строй Кіевской Руси изъ такого второстепеннаго экономического фактора, какимъ была въ то время внѣшняя торговля. Еще болѣе нуждалась въ князѣ деревенская добывающая промышленность, тѣ смерды, которые отдѣльными семейными группами разселялись по обширной странѣ. Не даромъ въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ ставили князю въ вину, что онъ «не блюдетъ смердовъ». Классическая фраза нашихъ отдаленныхъ предковъ, призывавшихъ князей, — «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ», какъ нельзя лучше мотивируетъ основную потребность сельскаго населенія—въ установленіи внутренняго мира, въ устраненіи раздоровъ и несогласій между отдѣльными семьями и волостями. Другая потребность—во внѣшней защитѣ отъ сосѣдей—варяговъ, хозаръ, печенѣговъ, камскихъ болгаръ, впоследствии половцевъ—была не менѣе, если не болѣе, настоятельна для сельскихъ жителей, чѣмъ для городскихъ: разбросанные на большомъ пространствѣ, рѣдкіе, изолированные семейные поселки, конечно, совершенно не въ состояніи были противостоять хищническимъ набѣгамъ. Вотъ почему Рюрикъ съ братьями, едва прибыли, какъ начали «города рубить и воевать всюду»; вотъ почему вѣче разсорилося съ Изяславомъ, не рѣшавшимся отразить разбойничавшихъ по селамъ половцевъ; понятны также и тѣ горькіе упреки, какими осыпали кіевляне Святослава, по возвращеніи его изъ Болгаріи: въ отсутствіе князя печенѣги непрестанно разоряли русскую землю. Итакъ политическій типъ варяжскаго княжества сло-

жился благодаря совокупному дѣйствию условий и городской и сельской жизни, причемъ вліяніе деревенскаго быта сказалось гораздо глубже и сильнѣе, чѣмъ потребности внѣшней торговли, что строго соотвѣтствовало взаимнымъ отношеніямъ двухъ основныхъ въ то время отраслей промышленности, деревенской добывающей промышленности, какъ главной, и городской торговли, какъ второстепенной вѣтви народной производительности.

На предшествующихъ страницахъ изложены, разумеется, въ самыхъ краткихъ чертахъ, общіе признаки, характеризующіе значеніе города и деревни въ хозяйственномъ, социальномъ и политическомъ строеѣ Кіевской Руси. При этомъ выяснилось что господствующая отрасль промышленности была главнымъ занятіемъ деревенскаго населенія, смердовъ; преобладаніемъ добывающей сельской промышленности объясняются, какъ мы видѣли, и формы землевладѣнія и хозяйства, и система послѣдняго, и господство смердовъ, какъ общественнаго класса, и, наконецъ, политическій перевѣсъ вѣча и образованіе варяжскаго княжества. Такъ, изъ одного основнаго хозяйственнаго явленія послѣдовательно выводятся всѣ другія характеристическія черты хозяйства, общества и государства. Вліяніе второстепеннаго экономическаго фактора—внѣшней торговли—было несравненно поверхностнѣе: оно замѣтнѣе лишь въ области формъ землевладѣнія и хозяйства, такъ какъ начавшимся вслѣдствіе появленія внѣшней торговли раздѣленіемъ труда обуславливались зарожденіе княжеской и боярской вотчины и нѣкоторое развитіе несвободнаго и полусвободнаго труда; въ политической сферѣ вліяніе городской торговли не шло въ разрѣзъ съ дѣйствіемъ условий деревенской жизни, а напротивъ, обѣ силы дѣйствовали въ одномъ направленіи. Говоря вообще, можно такимъ образомъ признать, что деревня была первостепеннымъ по значенію элементомъ древнѣйшей русской жизни. Только эта деревня была не наша земледѣльческая деревня, а поселеніе, обитатели котораго существовали почти исключительно добывающей промышленностью.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

САМОУБИЙСТВО СРЕДИ ДѢТЕЙ.

«L'étude du suicide touche aux grandes questions sociales de notre époque: liberté, éducation, paupérisme, travail, salaire, famille, propriété, avenir de la société» . *Brière de Boismont.*

«Мы не можемъ уничтожить самоубійствъ, но отъ насъ зависитъ уменьшить число тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ самоубійство является не правомъ, но печальной необходимостью и которыхъ убиваемъ мы...»

Лизачевъ.

Самоубійства среди дѣтей стали лишь очень недавно обращать на себя вниманіе общества и отдѣльныхъ изслѣдователей. Дѣти-самоубійцы встрѣчались, конечно, и раньше, но такъ рѣдко, что представляли собой изъ ряда вонъ выходящія исключенія. Но въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій они стали попадаться все чаще и чаще и теперь сдѣлались совершенно зауряднымъ явленіемъ. Доказано это какъ изслѣдованіями такихъ выдающихся ученыхъ, какъ Бриерръ де-Буамонъ, Морзели, Кетлэ и др., такъ въ особенности статистическими данными, добытыми др-ами Мангеймеромъ, Перье, Принципгомъ и А. Берромъ, брошюрой котораго «Der Selbstmord im kindlichen Lebensalter», недавно вышедшей въ свѣтъ, мы пользовались при составленіи настоящей статьи.

Во Франціи по изслѣдованіямъ Дюранъ-Фарделя, за 10-лѣтній періодъ времени, съ 1835 по 1844 годъ, на 25.760 самоубійствъ было среди дѣтей до 16-лѣтняго возраста всего 192 самоубійства, то - есть на каждый годъ приходилось по 19 случаевъ и на каждые 134 самоубійства среди взрослыхъ приходилось 1—среди дѣтей. Еще болѣе поразительныя цифры приводитъ Бриерръ де-Буамонъ. По его даннымъ, въ Парижѣ, въ теченіе 1834—1843 гг., на 4.595 самоубійствъ было среди дѣтей моложе 14 лѣтъ цѣлыхъ 77 случаевъ, то-есть на каждые 59 взрослыхъ самоубійць приходился одинъ ребенокъ. Морзели приводитъ изъ официальной французской статистики 240 случаевъ самоубійствъ среди дѣтей, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе 1866—1875 гг.

и приходившихся на 49.950 самоубійствъ взрослыхъ. Такимъ образомъ, по его вычисленію, во Франціи одинъ ребенокъ-самоубійца приходится на 208 взрослыхъ самоубійць. Эттингенъ также пришелъ къ заключенію на основаніи своихъ наблюденій, что количество самоубійць среди дѣтей во Франціи растетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается число взрослыхъ самоубійць. Такъ, послѣднихъ было во Франціи въ 1890 году 6.638, въ 1891 г.—8.884 и въ 1892—9.285, а юныхъ самоубійць было: въ возрастѣ до 16 лѣтъ: въ 1880 г.—55, а въ 1892—87 и въ возрастѣ старше 16 лѣтъ: въ 1880 г.—267, въ 1890—368 и въ 1892 г. цѣлыхъ—475! Д-ръ Мангеймеръ также находитъ, что самоубійства дѣтей, бывшія нѣкогда очень рѣдкимъ явленіемъ во Франціи,—хотя уже Монтань—говоритъ онъ—усматривалъ въ нихъ печальное знаменіе времени,—постоянно возрастаютъ. По его даннымъ, обнимающимъ 15-ти-лѣтній періодъ времени и касающимся 175 случаевъ, оказывается, что въ 1881 г. число малютокъ-самоубійць было 61, а въ 1895 г. оно достигло уже цифры 90. Два года тому назадъ д-ръ Перье опубликовалъ свой статистическій матеріалъ и на основаніи его также пришелъ къ заключенію, что самоубійства среди дѣтей и юношей во Франціи въ послѣдніе годы возросли въ ужасающей прогрессіи. «Чѣмъ объяснить,—спрашиваетъ онъ,—эту грозную прогрессію? Тѣмъ ли, что мы вырождаемся, что успѣхъ нашей цивилизаціи дѣйствуетъ разрушительно на дѣтскій мозгъ или чѣмъ-нибудь инымъ, я не знаю—но фактъ остается фактомъ».

Въ Пруссіи докторъ Касперъ первый обратилъ вниманіе на самоубійства среди дѣтей. «Нигдѣ,—писалъ онъ въ своей «Медицинской Статистикѣ»,—не выступаетъ такъ ярко обратная сторона цивилизаціи, какъ въ вопросѣ о самоубійствахъ среди дѣтей; на нихъ я обращаю вниманіе всѣхъ тѣхъ, кому дорого благо человечества». По статистикѣ д-ра Каспера, въ теченіе 10 лѣтъ съ 1788 по 1797 годъ во всей Пруссіи былъ зарегистрированъ только одинъ юный самоубійца, въ 1798—1807 гг. дѣтей-самоубійць было уже—3, а въ десятилѣтній періодъ съ 1812 по 1821 годъ ихъ было уже цѣлыхъ—31. По подсчету, сдѣланному д-ромъ Рейфшлемъ дѣтскія самоубійства составляютъ приблизительно 1% общаго числа самоубійствъ въ современной Германіи. Д-ръ Зигертъ, особенно много занимавшійся статистикой самоубійствъ, называетъ Пруссію «классической страной самоубійства», а наши дни «печальнымъ временемъ все болѣе и болѣе учащающихся случаевъ самоубійства среди дѣтей». По даннымъ прусской официальной статистики, обнимающей 30-лѣтній періодъ съ 1869 по 1898 годъ, оказывается, что за все это время въ Пруссіи покончило самоубійствомъ 1.708 дѣтей разнаго возраста, что составляетъ почти 57 случаевъ въ годъ. Разсматривая цифры самоубійць отдѣльно по годамъ, мы можемъ убѣдиться, что онѣ колеблются въ довольно широкихъ размѣрахъ, постепенно возрастаютъ съ 38 до 65 въ годъ, что составляетъ 1 само-

убійство на 660 тысячъ населенія, какъ это было въ 1869—1873 гг. и на 490 тысячъ, какъ это было въ 1894—1898 гг.

Къ такому же печальному выводу относительно дѣтскихъ самоубійствъ пришли и *англійскіе* изслѣдователи, изъ которыхъ мы назовемъ Гринингера и д-ра Ирленда, равно какъ и *швейцарскіе*, и *итальянскіе* ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ.

Что касается *Россіи*, то у насъ первый обратилъ вниманіе на самоубійства дѣтей, если я не ошибаюсь, академикъ К. С. Веселовскій, который въ своей «Нравственной статистикѣ Россіи», напечатанной въ «Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ» 1847 г. (ч. XVIII, стр. 221) сообщаетъ 12 случаевъ самоубійствъ дѣтей въ возрастѣ 10—14 лѣтъ, имѣвшихъ мѣсто въ Петербургѣ и Москвѣ въ теченіе 1837—44 годовъ. П. Θ. Булацель, изучившій исторію самоубійства съ древнѣйшихъ временъ, констатируетъ фактъ, что дѣтскія самоубійства стали въ наше время замѣтно учащаться («Самоубійство съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней», стр. 183). Другой изслѣдователь, Невзоровъ, въ своемъ сочиненіи «О самоубійствѣ», опредѣляя число ежегодныхъ самоубійствъ въ Европѣ въ 50.000 человекъ среди взрослыхъ и въ 2.000—среди дѣтей, замѣчаетъ при этомъ, что «цифры эти постоянно растутъ» (стр. 1, примѣч.). Точно такъ же высказывается и Дзѣдушицкій. «Въ наше время,—говоритъ онъ,—стали часты самоубійства и среди дѣтей и юношей. Ихъ не удерживаетъ ни прелесть молодости, ни надежды, ни свойственныя веснѣ жизни мечты... Тяжело видѣть въ рубрикѣ самоубійцы дѣтей въ возрастѣ 9—16 лѣтъ» («Самоубійство», 1877 г., стр. 133). С. Д. въ статьѣ «Наши самоубійцы» («Недѣля» 1901 г., № 12) также находитъ, что «самоубійства дѣтей у насъ въ Россіи въ настоящее время далеко не рѣдкость» и что въ теченіе 1869—78 гг. только въ Петербургѣ и Москвѣ покончило съ собой 97 дѣтей въ возрастѣ 8—16 лѣтъ. Лихачевъ, самый основательный изслѣдователь вопроса о самоубійствѣ, въ своемъ обширномъ трудѣ «Самоубійство въ Западной Европѣ и въ Европейской Россіи» замѣчаетъ, что «случай учащенія самоубійствъ среди дѣтей не подлежатъ сомнѣнію» (стр. 105). Такой же взглядъ высказываетъ въ своей брошюрѣ «Самоубійство въ Одессѣ» и д-ръ И. С. Фалькнеръ, нашедшій, что «число самоубійствъ среди дѣтей города Одессы стало въ послѣдніе годы замѣтно учащаться» (стр. 15 и слѣд.). Наконецъ, недавно, именно 3-го октября с. г. Б. Ф. Пашукависъ сдѣлалъ въ засѣданіи отдѣленія Московскаго Педагогическаго Общества докладъ, въ которомъ также пришелъ къ заключенію, что «самоубійство среди дѣтей прогрессивно возрастаетъ, превращаясь изъ исключительнаго явленія былого времени въ обычный фактъ современности» («Русск. Вѣдом.», № 286, отъ 16-го октября с. г.).

Такимъ образомъ мы видимъ, что русскіе изслѣдователи, какъ и иностранцы, приходятъ всѣ къ одному и тому же выводу, что число

дѣтскихъ самоубійствъ постоянно увеличивается изъ года въ годъ. Каковы же *причины* этого поистинѣ печальнаго явленія?

Мы дѣлимъ причины самоубійствъ дѣтей на индивидуальныя и общія, а послѣднія на такія, которыя свойственны всѣмъ людямъ вообще и спеціально только дѣтскому возрасту.

Мы начинаемъ наше описаніе съ индивидуальныхъ причинъ и въ числѣ ихъ отмѣтимъ, прежде всего, *душевныя болѣзни*. Нѣкогда, съ легкой руки Эскироля, полагали, что всякій самоубійца непременно психически больной человѣкъ, но теперь такой взглядъ уже всѣми оставленъ *). Доказано, что среди самоубійцъ встрѣчается душевно-больныхъ у мужчинъ приблизительно $\frac{1}{4}$ часть, а у женщинъ— $\frac{2}{5}$ всѣхъ случаевъ. С. П. Яковлевъ и П. Ф. Филатовъ въ своей статьѣ «Самоубійство въ Симбирской губерніи» приводятъ слѣдующія цифры: въ Норвегіи на 1.000 самоубійцъ приходится 347 сумасшедшихъ, въ Швеціи—517, а въ иныхъ государствахъ этотъ процентъ доходитъ почти до 40» («Вѣсти. обществ. гигиены, судебной и практич. медицины», октябрь, 1892 г., стр. 20). Что касается дѣтей, то относительно ихъ мы не располагаемъ даже такими приблизительными цифрами, такъ какъ у нихъ сплошь да рядомъ очень трудно констатировать наличие того или другого психическаго дефекта, но мы должны имѣть его въ виду всюду, гдѣ наталкиваемся на тѣ или другія странности въ характерѣ ребенка и ненормальности въ его поведеніи. Въ Пруссіи, по свидѣтельству официальной статистики, на каждые 1.000 душевно-больныхъ приходится около 40 дѣтей. По словамъ д-ра Бера, изъ 979 дѣтей-самоубійцъ, покончившихъ съ собой въ теченіе 15 лѣтъ съ 1884 по 1898 годъ психически больныхъ зарегистрировано было всего 79, т.-е. 8,07%. Но въ это число—замѣчаетъ Беръ—не вошли всѣ тѣ случаи самоубійства, гдѣ мотивы его остались неизвѣстными; если включить и ихъ сюда, то вышеназванная цифра нѣсколько увеличится и будетъ болѣе соответствовать истинѣ. Къ сожалѣнію, мы совершенно лишены возможности судить о самоубійствѣ душевно-больныхъ дѣтей въ другихъ странахъ, такъ какъ не располагаемъ на этотъ счетъ никакими данными.

Затѣмъ огромное вліяніе на самоубійство дѣтей оказываетъ *порочная наслѣдственность*. Извѣстны цѣлыя семьи, въ которыхъ многіе члены кончили жизнь самоубійствомъ. Особенно рѣзко сказывается вліяніе наслѣдственности при *алкоголизмѣ* родителей. Алкоголь, какъ извѣстно, является однимъ изъ самыхъ сильныхъ ядовъ нашей нервной системы. Подъ его вліяніемъ человѣкъ вырождается: утрачиваетъ

*) Его придерживается одинъ только проф. И. Гвоздевъ, который категорически выражается на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ: «Самоубійство совершается умопомѣшанными, то-есть, больными людьми, а потому налагать за него наказаніе—значитъ возвратиться къ возвращеніямъ давно минувшихъ дней» («О самоубійствѣ съ социальной и медицинской точекъ зрѣнія», стр. 45).

свои лучшія умственные и нравственные качества, дѣлается грубымъ, щипичнымъ, тупымъ. Его нервная система приходитъ, выражаясь научно, въ состояніе «раздражительной слабости», которую онъ и передаетъ своему потомству. Дѣти пьяницъ являются на свѣтъ слабыми, болѣзненными, съ зачатками всевозможныхъ психическихъ и нервныхъ расстройствъ. Большинство изъ нихъ, страдающихъ врожденнымъ идиотизмомъ и тупоуміемъ, обязано этимъ своимъ родителямъ-алкоголикамъ. Въ самое послѣднее время англійскій врачъ Бетеманъ доказалъ, что пьяница передаетъ порочную организацію своему потомству даже въ то время, когда въ немъ самогъ никакихъ отклоненій отъ нормы, повидимому, еще не замѣчается. Въ настоящее время точно установленъ фактъ, что громадное большинство самоубійствъ совершается взрослыми подъ вліяніемъ алкоголя. Значеніе послѣдняго въ этомъ отношеніи до того велико, что можно смѣло сказать, что чѣмъ распространеннѣе въ какой-либо мѣстности употребленіе спиртныхъ напитковъ, тѣмъ болѣе часты тамъ и случаи самоубійствъ. И вотъ это-то предрасположеніе къ самоубійству, эту «*propensity homicide-suicide*», какъ выражаются французы, дѣти пьяницъ роковымъ образомъ наследуютъ отъ своихъ родителей!

Даже огромный % самоубійствъ дѣтей зависитъ отъ особенности ихъ натуры легко приходитъ въ возбужденное состояніе, впадать въ *«аффект»*. Дѣти съ такой нервной организаціей обнаруживаютъ много странностей въ своемъ характерѣ и отличаются особымъ непостоянствомъ въ настроеніи духа: они кажутся то чересчуръ веселыми, то слишкомъ печальными, производятъ впечатлѣніе то способныхъ, то тупицъ. У нихъ-то особенно развита эта болѣзненная чувствительность, благодаря которой они такъ часто находятъ въ окружающей жизни мотивы для самоубійства. То, на что здоровыя дѣти едва обращаютъ вниманіе, для такихъ дѣтей является дѣломъ первостепенной важности. «Чувствительныя души подобныхъ дѣтей,—говоритъ д-ръ Старкъ,—реагируютъ вдвое сильнѣе на каждую обиду, на каждое страданіе». У нихъ состояніе аффекта можетъ быть вызвано самыми разнообразными причинами, напр., физическими страданіями, обусловленными какой-либо болѣзнью, муками голода, ожиданіемъ наказанія за совершенный проступокъ, раскаяніемъ, стыдомъ и т. д. По словамъ д-ра Бера, изъ 979 дѣтей-самоубійцъ, зарегистрированныхъ прусскою оффиціальною статистикою въ теченіе 1884—1898 гг., 410 кончили жизнь въ состоявіи именно подобнаго аффекта, въ который ребенокъ тѣмъ легче впадаетъ, чѣмъ онъ моложе. По его наблюденіямъ, дѣти до 10-лѣтняго возраста почти всѣ налагаютъ на себя руки подъ вліяніемъ аффекта.

Но въ силу всѣхъ до сихъ поръ рассмотрѣнныхъ нами причинъ погибаетъ въ общемъ только меньше половины дѣтей-самоубійцъ; дру-

гая-же большая половина ихъ кончаетъ съ собою подъ вліяніемъ общихъ причинъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и перейдемъ.

Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаютъ тяжелыя *матеріальныя услѣсія*, среди которыхъ живетъ большинство дѣтей средняго и особенно низшаго городского населенія. Жизнь въ большихъ городахъ настолько дорога, требуетъ отъ каждаго такой огромной затраты его силъ и способностей, что это не можетъ не отразиться на ребенкѣ. Теперь дѣти, особенно въ бѣдныхъ семьяхъ, созрѣваютъ такъ преждевременно, такъ рано становятся участниками въ борьбѣ за существованіе, что съ полнымъ правомъ можно сказать, что дѣтей теперь нѣтъ. Посмотрите на эту армию маленькихъ работниковъ 15, 12, даже 10-ти лѣтъ, работающихъ на фабрикахъ, заводахъ и въ различныхъ мастерскихъ тяжелымъ, подчасъ изнуряющимъ трудомъ, въ потѣ лица своего зарабатывающихъ свой кусокъ хлѣба—развѣ это дѣти? Какихъ невзгодъ, лишеній, а подчасъ и страданій полна ихъ жизнь! Какой тяжелый путь приходится имъ пройти, прежде чѣмъ они выростутъ и завоятъ себѣ болѣе или менѣе самостоятельное, обезпеченное положеніе! Особенно тяжело положеніе сиротъ или дѣтей, брошенныхъ на произволъ судьбы ихъ родителями, ожесточенными нищетой и горемъ. Въ возрастѣ, когда счастливые товарищи ихъ думаютъ только объ удовольствіяхъ и играхъ, они должны уже задумываться о завтрашнемъ днѣ, ибо, если они этого не сдѣлаютъ, то могутъ очутиться на голой мостовой безъ куска хлѣба и безъ крова. Но не лучше и многимъ дѣтямъ, живущимъ въ своихъ семьяхъ. Нужда заставляетъ ихъ уже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ заботиться о серьезной помощи своимъ родителямъ, которые въ большинствѣ случаевъ сами требуютъ ея, обращаясь съ ними жестоко и заставляя ихъ работать сверхъ силъ. Такая жизнь уже рано накладываетъ на этихъ дѣтей свою печать: они выглядятъ не по лѣтамъ серьезными и апатичными, вяло, почти безучастно относятся къ окружающему, не обнаруживая и слѣда той живости, которая такъ свойственна дѣтскому возрасту. И вотъ, подъ вліяніемъ всего этого, у такихъ маленькихъ страдальцевъ часто появляется неотразимое желаніе избавиться какъ-нибудь отъ мученій, которыми полна ихъ жизнь; въ ихъ головкахъ естественно рождается мысль о самоубійствѣ, какъ о возможности прекратить эту невыносимую жизнь, которая не имѣетъ для нихъ ничего отраднаго въ настоящемъ и ничего привлекательнаго въ будущемъ. Соотвѣтственно этому, дѣтскія самоубійства особенно часты въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ съ болѣе или менѣе значительнымъ фабричнымъ населеніемъ, какъ, наприм., въ Лондонѣ, Нью-Йоркѣ, Берлинѣ и другихъ подобныхъ городахъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ, какъ вычислилъ д-ръ Беръ, теперь процентъ юныхъ самоубійцъ удесятерился противъ того, что было 60 лѣтъ тому назадъ. Еще болѣе подавляющая цифра получается относительно Лондона. Можно съ положительностью сказать, что чѣмъ промышленнѣе городъ, чѣмъ интенсивнѣе въ немъ фабричное и

мсленное населеніе, тѣмъ болѣе часты въ немъ и дѣтскія самоубійства. Тяжела доля фабричнаго рабочаго въ такомъ городѣ: заработокъ его въ большинствѣ случаевъ такъ малъ, что его рѣшительно не хватаетъ на прокормленіе семьи, даже если она и не особенно велика. Если же рабочій при этомъ еще пьетъ, то легко представить себѣ тѣ лишенія, ту крайнюю нужду, которую приходится испытывать его семьѣ. Здѣсь разыгрываются иной разъ драмы, которыя трудно представить себѣ. Для примѣра сообщу случай, который приводитъ Буазенъ. Не могу удержаться, чтобы не передать его цѣликомъ. «Въ Парижѣ,—разсказываетъ Буазенъ,—проживалъ съ семьей фабричный рабочій Б., впавшій въ крайнюю нищету. 12 лѣтняя дочь его очень страдала при видѣ тѣхъ лишеній, которыя приходилось переносить ей родителямъ. Она часто отказывалась отъ ѣды подъ видомъ будто бы отсутствія аппетита, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы оставить имъ лишній кусокъ. Мало-по-малу у нея созрѣла и укрѣпилась мысль, что родителямъ ея стало бы хоть немного легче жить, еслибъ ея не было на свѣтѣ. Однажды вечеромъ ее послали за чѣмъ-то изъ дому. Она очень нѣжно попрощалась съ отцомъ и матерью, ушла и бросилась въ Сену. Ее спасли...» Ребенокъ, который голодаетъ для того, чтобы оставить лишній кусокъ хлѣба своимъ родителямъ и лишаетъ себя жизни въ надеждѣ, что смерть его хоть немного облегчитъ ихъ положеніе—что можетъ быть трогательнѣе и ужаснѣе подобнаго факта!

Теперь займемся разсмотрѣніемъ *спеціальныхъ причинъ* самоубійства среди дѣтей и прежде всего остановимся на *воспитаніи* ихъ. Воспитаніе ребенка—это одна изъ самыхъ великихъ и трудныхъ задачъ семьи, и кто не знаетъ, какъ дурно ведется оно у насъ въ обществѣ. На этотъ счетъ написаны цѣлыя томы, и тотъ, кто интересуется даннымъ вопросомъ, найдетъ обильный матеріалъ о немъ не только въ спеціальныхъ педагогическихъ журналахъ, но и въ общей періодической прессѣ, равно какъ и въ ежедневной печати. Здѣсь не мѣсто распространяться о тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ недостаткахъ современнаго воспитанія дѣтей; поэтому мы ограничимся лишь тѣмъ, что отмѣтимъ только самый крупный изъ нихъ, именно недостаточное воспитаніе *воли* и *характера* въ нашемъ подростяющемъ поколѣніи. Мы снабжаемъ нашихъ дѣтей массой всякихъ, порой совершенно бесполезныхъ имъ знаній, обучаемъ ихъ манерамъ, умѣнью держаться въ обществѣ, преподаемъ имъ уроки необходимаго *savoir vivre*, не забывая при этомъ ни одной мелочи, но совершенно упускаемъ изъ виду волю, которой нисколько не развиваемъ и не воспитываемъ въ нихъ. Оттого наши дѣти растутъ безхарактерными, неустойчивыми, и самыхъ небольшихъ препятствій, встрѣчаемыхъ ими въ жизни, оказывается обыкновенно достаточно для того, чтобы заставить ихъ искать въ самоубійствѣ единственнаго выхода изъ того или другаго положенія. Это отмѣчаетъ и А. Н. Острогорскій, изслѣдовавшій вопросъ о самоубійствѣ дѣтей и ювоней пре-

*

имущественно съ психологической точки зрѣнія. «Писатели, говорившіе о самоубійствѣ, особенно среди молодежи,—пишетъ онъ,—чаще всего в главнѣе всего обращаютъ вниманіе именно на тѣ недостатки нашего воспитанія, которые приводятъ юношество къ неспособности и неумѣнью бороться съ жизнью». («Самоубійство, какъ психологическая проблема». Педагогическій Сборникъ 1893 г., февраль, стр. 150). Аналогичныя мысли высказываетъ по этому поводу П. Каптеревъ въ своей статьѣ «О дѣтской жи» («Русская Школа» 1900 г., № 12, стр. 89), въ которой онъ говоритъ о недостаткахъ современнаго нравственнаго воспитанія дѣтей. «Что касается насажденія въ дѣтяхъ нравственнаго мужества—говоритъ онъ,—то нужно сознаться, что заботы объ этомъ весьма слабы въ современныхъ семьяхъ. О знаніяхъ дѣтей заботятся много, особенно о знаніяхъ языковъ, о дѣтскомъ здоровьѣ хлопчуть меньше—оно само собой придетъ; о развитіи же нравственнаго мужества почти совсѣмъ не заботятся, даже плохо сознаютъ потребность въ немъ, его важность для нравственнаго всесторонняго развитія дѣтской личности». В вопроса о неудовлетворительности современнаго воспитанія дѣтей, какъ причины многочисленныхъ самоубійствъ среди нихъ, подробно касались многіе изслѣдователи. Такъ Левзоровъ въ своей книгѣ «О самоубійствѣ» говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Многимъ изъ которыхъ самоубійства дѣтей кажутся загадочными и непонятными. Но кто правильно смотритъ на дѣло воспитанія молодого поколѣнія и вникаетъ въ характеръ его, тотъ едва ли усмотритъ для себя что-либо непонятное въ такого рода самоубійствахъ. Современная система воспитанія въ большинствѣ случаевъ направлена къ образованію ложнаго взгляда на жизнь. Наше молодое поколѣніе воспитывается такъ, будто жизнь есть храмъ счастья, удовольствія и наслажденій. Дѣтей балуютъ, нѣжатъ, обставляютъ всевозможными удобствами, исполняютъ всѣ ихъ капризы и прихоти, какъ бы безразсудны они ни были. Когда ребенокъ начинаетъ подростать, его начинаютъ обучать разнымъ, нерѣдко глупымъ и смѣшнымъ приличіямъ. Родители радуются успѣхамъ своего дитяти, родные и знакомые предсказываютъ ему успѣхъ въ обществѣ. Но внушаются ли дѣтямъ высшіе принципы жизни, внушаются ли имъ понятія о нравственномъ долгѣ, о высшемъ назначеніи чело-вѣка, о трудѣ его на пользу ближнихъ, о терпѣніи, уступчивости и проч.? Но что же бываетъ результатомъ такого воспитанія? То, что дѣти растутъ неподготовленными къ борьбѣ съ житейскими невзгодами, гдѣ всего нужнѣе дѣятельная сила воли—сила души, а ужъ никакъ не красивая одежда, модныя слова, изученныя манеры и другіе плоды моднаго свѣтскаго воспитанія. При первой же встрѣчѣ съ суровой дѣйствительностью они впадаютъ въ малодушіе, обнаруживаютъ безхарактерность, слабость воли, легкомысліе и къ полной неожиданности своихъ заблуждавшихся родителей гибнуть добровольно, оставляя иногда жалкую записку... Самоубійство дѣтей въ наше время

«есть справедливый обличитель современнаго воспитанія и противъ этого обличенія не могутъ возвысить своего голоса ни родители, ни воспитатели, ибо дѣйствительная жизнь и ея печальныя явленія говорятъ сильнѣе и поучительнѣе всякаго слова» (стр. 83 и слѣд.). Бриерръ де-Буамонъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Du suicide etc.» также объясняетъ многія самоубійства среди дѣтей дурнымъ воспитаніемъ, которое даютъ имъ. «Приводя ихъ смотрѣть новѣйшія драмы—говорить онъ,—дозволяя имъ читать газеты, рассказывая при нихъ исторіи самоубійствъ, полагаютъ въ ихъ сердца зародыши зла и при встрѣчѣ съ незначительными препятствіями они не задумываются умирать добровольно». (Невзоровъ. Op. cit., стр. 85). Другой французскій изслѣдователь Форле, изучившій вопросъ о самоубійствѣ въ связи съ развитіемъ гипохондріи, также нападаетъ въ своей книгѣ «Du suicide et de l'hypochondrie etc.» на дурное воспитаніе дѣтей, какъ на причину ихъ изнѣженности, неуравновѣшенности и неудовлетворенности въ своихъ желаніяхъ. Онъ находитъ, что наши дѣти уже въ 15 лѣтъ притупляютъ вкусъ ко всему, и подобное слишкомъ раннее знакомство съ жизнью есть, по его мнѣнію, причина тѣхъ нравственныхъ и аффективныхъ пертурбацій, которыя такъ часто заканчиваются самоубійствомъ. «Эти маленькія существа—говоритъ онъ,—не будучи подготовлены къ превратностямъ жизни, при малѣйшемъ несчастіи, при малѣйшей неудачѣ, дѣлаются сумасшедшими или самоубійцами». (Цитир. по Невзорову, стр. 86). Извѣстный нѣмецкій психіатръ Краффтъ-Эбингъ, въ свою очередь, давно уже осудилъ современную систему воспитанія дѣтей и юношества. «Дурно воспитываемыхъ дѣтей,—говоритъ онъ («Нервность и неврастенія», 1900, стр. 14),—приходится особенно часто видѣть въ богатыхъ семьяхъ, гдѣ имъ слишкомъ рано даютъ возможность ознакомиться съ роскошью, театрами, цирками и прочими развлеченіями и удовольствіями. Нужно жить въ большомъ городѣ, чтобы видѣть роскошные дворцы богачей, присмотрѣться къ жизни ихъ обитателей, чтобы понять, какъ сильно нарушаются здѣсь элементарныя правила воспитанія. Посмотрите на этихъ сонныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ въ театрахъ во время представленій, на балахъ и вечерахъ, и у васъ невольно явится вопросъ: «да развѣ это дѣти?» Вышеприведенныхъ мнѣній различныхъ авторовъ достаточно, намъ кажется для того, чтобы всякаго убѣдить, что въ самоубійствѣ многихъ дѣтей виновно то воспитаніе, которое даютъ имъ,—воспитаніе, благодаря которому они растутъ изнѣженными растеніями, не могущими устоять даже противъ малѣйшаго вѣтерка.

Къ воспитанію ребенка въ семьѣ тѣсно примыкаетъ и *воспитаніе его въ школѣ*. Когда-то было распространено мнѣніе, что школа не должна воспитывать, а только обучать. Но тѣ, которые говорили это, забывали поразительную воспримчивость юношеской и особенно дѣтской натуры даже къ самымъ ничтожнымъ вліяніямъ со стороны това-

рицей и учителей. Живая рѣчь послѣднихъ, въ которой не могутъ не отражаться хоть до известной степени ихъ взгляды и убѣжденія, несмотря на то, какъ бы индифферентно они ни относились къ дѣлу воспитанія вѣранныхъ имъ школьниковъ, примѣры со стороны товарищей, наконецъ, требованіе школы отъ своихъ воспитанниковъ соблюденія известнаго, такъ сказать, нравственнаго кодекса — все это не можетъ не вліять на умъ и душу учащихся. Спрашивается, можно ли говорить послѣ этого объ отсутствіи воспитывающаго вліянія школы, въ стѣнахъ которой школьникъ проводитъ почти половину своей жизни въ известномъ періодѣ ея? Школьный вопросъ, о которомъ у насъ теперь такъ много говорятъ и пишутъ, въ послѣднее время очень выросъ и сталъ вопросомъ, повидимому, первостепенной важности, хотя значеніе его было всѣмъ такъ же хорошо известно прежде, какъ и теперь. Въ настоящее время всѣ уже согласны съ тѣмъ, что школа наша — я говорю исключительно о средней — предъявляетъ къ своимъ воспитанникамъ слишкомъ большія требованія и въ то же время относится къ нимъ сурово, а въ лучшемъ случаѣ индифферентно. Слѣдствіемъ такихъ чрезмѣрныхъ требованій ея является сплошь да рядомъ наблюдаемое переутомленіе и даже истощеніе учащихся, на почвѣ котораго у нихъ развиваются многочисленныя нервныя и психическія разстройства. Это засвидѣтельствовано наблюденіями и изслѣдованіями цѣлаго ряда врачей, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ. Неудивительно, что съ такой распатанной нервной системой школьникъ способенъ на все и совсѣмъ немного нужно для того, чтобъ вывести его изъ состоянія равновѣсія и довести до самоубійства.

Въ газетахъ отъ времени до времени появляются коротенькія, но въ высшей степени грустныя сообщенія о такихъ безвременно погибшихъ юношахъ и дѣтяхъ, отравившихся, застрѣлившихся, бросившихся въ воду или подъ поѣздъ. Какое тяжелое чувство овладѣваетъ каждымъ при чтеніи этихъ газетныхъ сообщеній! Поражаешься, приходишь въ ужасъ, изъ-за чего только не гибнетъ иной разъ молодая жизнь школьника; изъ-за какой-нибудь неправильно рѣшенной задачи, плохо написаннаго сочиненія или двойки по греческому или латинскому языку. Особенно изъ-за древнихъ языковъ. Правда, теперь классицизму нанесенъ, повидимому, смертельный ударъ — и слава Богу, давно пора! — но измѣнится ли вслѣдствіе этого одна постановка дѣла въ нашей школѣ? Вѣдь переутомленіе учащагося можно вызвать не однимъ только древними языками.

Но не въ одномъ переутомленіи кроется все зло современной школы. Гораздо важнѣе отношеніе ея къ своимъ воспитанникамъ. Каково это отношеніе? Существуетъ ли между учащими и учащимися та тѣсная, духовная связь, которая должна быть между членами одной и той же семьи? Видятъ ли младшіе члены ея, ученики, въ старшихъ, въ своихъ учителяхъ, истинныхъ наставниковъ-друзей, къ которымъ можно обра-

тяться за совѣтомъ и поддержкой въ трудную минуту жизни? Увы! Какъ далеко отъ этого наша школа! Кто же не знаетъ, что въ ней между учителемъ и ученикомъ нѣтъ ничего общаго, что первому нѣтъ никакого дѣла до той внутренней жизни, какою живетъ второй. Требованіе извѣстныхъ знаній отъ учениковъ, взысканіе и наказаніе ихъ въ случаѣ нарушенія ими установленныхъ правилъ—вотъ къ чему сводится современная школа. И пока это будетъ длиться такъ, пока учащій не будетъ интересоваться хоть отчасти внутреннимъ міромъ учащагося—до тѣхъ поръ онъ будетъ относиться къ нему холодно, бездушно, до тѣхъ поръ будутъ обыденнымъ явленіемъ такіе печальные факты, какъ, на примѣръ, самоубійство гимназиста, которое приводитъ въ своей книгѣ Лихачевъ. Гимназистъ этотъ сидѣлъ уже 2 года въ одномъ и томъ же классѣ и снова не выдержалъ экзамена. Придя домой, онъ застрѣлился, оставивъ слѣдующую записку: «У С. и К. попался 13-й билетъ; начали спрашивать то, чего не проходили, я сказалъ, что этого не проходили. С. выразилъ удивленіе и объявилъ, что преподавателемъ онъ 7 лѣтъ и что всегда спрашивалъ. Обратились къ А. А. объявилъ, что не проходили. Положеніе С.: лгуноу. Тогда С. задалъ вопросъ, который я зналъ: о плотности пара. Видя по началу, что я знаю, не далъ окончить и поставилъ 2, что я видѣлъ. Пораженъ такъ, что, отвѣчая у А., былъ почти безъ ума и ничего не отвѣтилъ, въ году 4—это сушая правда, ни капли лжи. Прощайте папа, мама, прощайте, если былъ... я васъ очень люблю и буду молиться за васъ, если можно...» (Лихачевъ, *Op. cit.*, стр. 237). Всякія комментарія къ этой запискѣ, конечно, излишни. Но обратите вниманіе на педагога, который не вѣритъ ученику, что «этого не проходили», и называетъ его при всѣхъ публично лгуномъ, представьте себѣ жестокость этого человѣка, когда онъ не даетъ ему говорить о парѣ, «видя по началу, что онъ объ этомъ знаетъ». Что сказать о такомъ педагогѣ?.. Можетъ явиться мысль, не преувеличилъ ли несчастный юноша? Возможенъ ли вообще подобный фактъ? Вы, читающіе эти строки, встрѣчали ли вы въ свей жизни такихъ педагоговъ? И если не встрѣчали, то слышали ли о нихъ? Отвѣчайте, положа руку на сердце... Но намъ скажутъ, что это было давно, что теперь подобные факты не могутъ имѣть мѣста въ школѣ... Такъ ли это? Я позволю себѣ въ такомъ случаѣ сообщить то, что было недавно, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Черниговѣ. «Городъ Черниговъ—читаемъ мы въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ № 286 отъ 18-го октября прошлаго года,—взволнованъ печальнымъ событіемъ: застрѣлился воспитанникъ мѣстной классической гимназіи Маркельсъ, сынъ богача-еврея. Трупъ самоубійцы найденъ въ окрестностяхъ города. Разговорамъ по этому поводу нѣтъ конца. По отзывамъ товарищей, покойный отличался крайне болѣзненно-развитымъ самолюбіемъ, и поводомъ къ его смерти могло послужить оскорбленіе бранью, будто бы нанесенное покойному однимъ изъ

педагоговъ. Насколько такое объясненіе вѣрно — сказать трудно, но что нѣкоторые изъ черниговскихъ педагоговъ выражаютъ нерѣдко свое сердечное отношеніе къ учащимся бранью — это, къ сожалѣнію, печальный фактъ». Вотъ вамъ образчикъ «сердечнаго» отношенія къ учащемуся въ наши дни! Конечно, и здѣсь можетъ явиться предположеніе, что въ дѣйствительности дѣло происходило нѣсколько иначе, что печальный фактъ этотъ, быть можетъ, не блѣе, какъ «недоразумѣніе» и т. д. Но вѣдь это только предположеніе, а черниговскій педагогъ, отозвался ли онъ, разъяснилъ ли въ печати это «недоразумѣніе» и опровергъ ли возведенное на него обвиненіе?..

Итакъ, пока не начнется дѣйствительное обновленіе и перерожденіе нашей школы, пока она не перестанетъ быть по отношенію къ своимъ воспитанникамъ злой мачихой, какою была до сихъ поръ, до тѣхъ поръ она — увы — не перестанетъ служить одной изъ причинъ самоубійствъ среди дѣтей и юношей!

Относительно самоубійствъ учащихся у насъ въ Россіи мы находимъ нѣкоторыя весьма скудныя данныя у того же Лихачева (Op. cit.) По его вычисленіямъ (стр. 118), тенденція къ самоубійству учащихся равна за періодъ времени съ 1870 по 1879 г. 327 на 1 миллионъ населенія въ С.-Петербургѣ, и 133 въ Москвѣ. Такимъ образомъ, годовая средняя самоубійства среди учащихся, въ обѣихъ столицахъ вычисленная за 10 лѣтъ, равна 23,0 и значительно превосходитъ годовыя среднія цифры самоубійства среди дворянъ (16,9) и купцовъ (10,6), вычисленные за то же число лѣтъ. Сравнивая въ этомъ отношеніи Россію съ Австріей, Лихачевъ приходитъ къ заключенію, что «тенденція къ самоубійству русской учащейся молодежи, а по ней надо судить именно по центрамъ прозвѣщенія, очень высока и, вѣроятно, не уступитъ тенденціи учащейся молодежи вѣнской» (Стр. 118). Къ приведеннымъ имъ ужаснымъ цифрамъ нельзя, конечно, относиться безразлично, хотя ихъ и слишкомъ мало для того, чтобы сдѣланный изъ нихъ выводъ былъ вполне доказателенъ. У нѣмцевъ статистику самоубійствъ учащихся разработалъ особенно Гутштадтъ. По его даннымъ, въ теченіе 6 лѣтъ съ 1883 по 1888 годъ включительно въ Пруссіи было всего 289 подобныхъ самоубійствъ, изъ числа которыхъ 207 приходится на среднюю и низшую школу, а 82 — на высшую. Такимъ образомъ оказывается, что по числу самоубійствъ учащихся мы далеко опередили даже Пруссію, эту «классическую страну самоубійствъ».

Въ 1884 г. знаменитый нѣмецкій ученый Р. Вирховъ, 80-лѣтнюю годовщину со дня рожденія котораго недавно отпраздновалъ весь образованный міръ (кромѣ, впрочемъ, Петербурга), вмѣстѣ съ другимъ ученымъ, проф. Вестфалемъ, пришелъ въ своемъ докладѣ, представленномъ прусскому министерству внутреннихъ дѣлъ, къ заключенію, что число самоубійствъ среди дѣтей школьнаго возраста (10—15 лѣтъ) постоянно возрастаетъ и что оно болѣе чѣмъ удвоилось въ періодъ

времени съ 1869 по 1881 г. Сообщение это въ свое время надѣлало много шума, и защитники новой школьной реформы, обсуждавшейся въ рейхстагѣ (въ 1889—90 г.), много разъ основывались на данныхъ и выводахъ этихъ почтенныхъ [ученыхъ].

Всѣ только что названные изслѣдователи одинаково согласны въ томъ, что самой частой причиной самоубійства дѣтей въ низшей школѣ является страхъ предъ наказаніемъ, а въ средней—невъдержанные экзамены. Значеніе экзаменовъ вообще теперь достаточно выяснено, особенно благодаря трудамъ д-ровъ Козинцева и Игнатъева, основательно изучившихъ вліяніе экзаменовъ на организмъ экзаменующихся. Послѣдній изъ этихъ врачей въ своей обстоятельной работѣ «Вліяніе экзаменовъ на вѣсь тѣла», появившейся въ 1898 г. говоритъ (стр. 244), что уменьшеніе вѣса тѣла онъ нашелъ въ 79% всѣхъ экзаменующихся, причемъ каждый изъ нихъ терялъ въ среднемъ около 4 ф. По его словамъ, вліяніе экзаменовъ можно сравнить съ тяжелой болѣзью, влекущей за собой значительное разстройство въ питаніи организма и въ дѣятельности центральной нервной системы. Обычнымъ послѣдствіемъ экзаменовъ д-ра Игнатъевъ и Козинцевъ отмѣчаютъ чрезмѣрное возбужденіе, бессонницу, потерю аппетита и общее безпокойство. При такомъ ненормальномъ состояніи своей нервной системы учащійся долженъ экзаменоваться, то-есть совершать трудъ, требующій максимальнаго напряженія его умственныхъ способностей. Ненормальность подобнаго порядка вещей была сознаваема только недавно и теперь мало-по-малу начинаютъ отмѣнять экзамены, какъ нѣчто неудовлетворительное въ педагогическомъ отношеніи и вредное съ медицинской точки зрѣнія. Пройдутъ года и можно будетъ доказать наглядно съ цифрами въ рукахъ, что число самоубійствъ среди учащихся уменьшится. Это будетъ служить самымъ краснорѣчивымъ и блестящимъ доказательствомъ въ пользу полнаго упраздненія экзаменовъ, какъ одной изъ причинъ самоубійствъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Я перехожу къ самой частой причинѣ самоубійства дѣтей, именно, къ *дурному обращенію* съ ними. Эта причина является значительно преобладающей исключительно только у насъ въ Россіи, на Западѣ же она далеко не такъ часта, а по мнѣнію Пономарева, даже и совершенно неизвѣстна. Жертвами дурнаго, а подчасъ и жестокаго обращенія становятся преимущественно дѣти, находящіяся въ ученьи у разныхъ ремесленниковъ и торговцевъ, но нерѣдко и такія, которыя живутъ въ родныхъ семьяхъ. Большинство изъ этихъ дѣтей—сироты, очень рано лишившіяся своихъ родителей или же брошенныя ими на произволъ судьбы. Родственники, а за отсутствіемъ ихъ, и совершенно чужіе люди, напр., сосѣди, становятся въ такихъ случаяхъ распорядителями судебъ подобныхъ дѣтей. Они берутъ ихъ къ себѣ въ качествѣ даровой прислуги, но чаще пристраиваютъ въ какомъ-ни-

Будь торговомъ заведеніи или отдають въ науку какому-нибудь мастеру, совершенно не думая о судьбѣ ихъ, а стараясь какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ нихъ и сбыть ихъ съ рукъ. Такъ же поступаютъ и тѣ родители, у которыхъ дѣтей много и которые не имѣютъ возможности сами содержать ихъ. Они разгѣщаютъ своихъ мальчиковъ и дѣвочекъ по разнымъ мастерскимъ и заведеніямъ, заботясь только объ одномъ, какъ бы избавиться скорѣе отъ лишнихъ ртовъ. Само собою разумѣется, что при этомъ имъ и въ голову не приходитъ думать объ условіяхъ содержанія и обученія своихъ дѣтей, которыя попадаютъ на много лѣтъ въ полное распоряженіе, въ кабалу къ своимъ хозяевамъ и отнынѣ вполнѣ зависятъ не только отъ нихъ, но и отъ произвола его грубыхъ, невѣжественныхъ, вѣчно пьяныхъ мастеровъ и подмастерьевъ. Кто не знакомъ съ тяжелымъ положеніемъ такихъ «учениковъ»? Кто не слышалъ, какія драмы разыгрываются сплошь да рядомъ въ глухихъ подвалахъ, на чердакахъ и въ другихъ конурахъ, гдѣ ютятся кельи мастеровой людъ? Драмы эти иногда, довольно рѣдко, впрочемъ, становятся достояніемъ суда, и тогда предъ пораженной публикой проходятъ тяжелыя, мрачныя картины существованія такихъ учениковъ и ученицъ, которыхъ справедливѣе всего назвать «страсто-терпцами». Загляните въ судебныя хроники, и вы придете въ ужасъ, чего, чего не продѣлываютъ надъ ними ихъ жестокіе хозяева-мучители: они ихъ бьютъ ужаснымъ боемъ, послѣ котораго дѣти по цѣлымъ мѣсяцамъ отлеживаются въ больницахъ, морятъ голодомъ, изнуряютъ самой тяжелой работой, не давая достаточно времени для отдыха и сна—словомъ, всячески истязаютъ ихъ, доводятъ до отчаянія, до бѣгства, до самоубійства! Случаи жестокаго обращенія и истязанія дѣтей, къ сожалѣнію, очень рѣдко доходитъ до суда и до свѣдѣнія Отдѣла Защиты ихъ. Мы говоримъ такъ потому, что объ этомъ Отдѣлъ знаютъ даже далеко, не всѣ изъ интеллигентнаго класса населенія, а что касается простыхъ людей, разныхъ мастеровыхъ и рабочихъ, то о нихъ и говорить нечего. Изъ членовъ этого Отдѣла была составлена въ 1898 году особая комиссія для надзора за положеніемъ малолѣтнихъ работниковъ и учениковъ въ торгово-промышленныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ. Комиссія эта представила Отдѣлу, какъ результатъ своихъ наблюденій, особый докладъ, въ которомъ пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ. «Большинство содержателей ремесленныхъ и торговыхъ заведеній,—читаемъ мы въ этомъ докладѣ (см. Отчетъ Отдѣла Защиты дѣт.» за 1898 г., стр. 22, 23 и 24),—руководясь исключительно грубыми личными интересами, большею частью относятся къ своимъ ученикамъ едва ли не какъ къ рабочему скоту, отданному въ ихъ безконтрольное распоряженіе. Къ малолѣтнимъ работникамъ предъявляются требованія, исполненіе которыхъ подъ силу развѣ здоровому взрослому человѣку. Сама статья 481 уст. о промысл., устанавливающая 10-часовой срокъ ежедневной работы, не дѣлаетъ различія между взрос-

жми и дѣтми; что же касается содержателей мастерскихъ, то почти никто изъ нихъ не соблюдаетъ, по отношенію къ малолѣтнимъ, даже этого, достаточно-таки большого для ребенка срока. Большинство хозяевъ признаетъ 10-часовой трудъ недостаточно для нихъ выгоднымъ и произвольно увеличиваетъ продолжительность дѣтской работы, лишая учениковъ указаннаго послѣобѣденнаго отдыха, какъ о томъ было заявлено членамъ комиссіи содержателями разныхъ мастерскихъ. Кромѣ обремененія дѣтей работою сверхъ законнаго срока, въ большинствѣ ремесленныхъ заведеній пища малолѣтнихъ частью недостаточна, частью неудовлетворительна по качеству. Для ночлега рѣдко гдѣ можно встрѣтить надлежащія приспособленія; есть цѣлый рядъ ремесленныхъ заведеній, гдѣ дѣти спятъ на верстакахъ или на полу въ томъ же помещеніи, въ которомъ втеченіе дня производится работа. Заведенія, гдѣ ученики находятся въ полномъ распоряженіи нетрезвыхъ подмастерьевъ, не сдерживаемыхъ вмѣшательствомъ хозяевъ, не составляютъ рѣдкости, какъ не рѣдкость и то, что усталыхъ и плохо одѣтыхъ дѣтей посылаютъ на дальнія разстоянія съ непосильной ношей... Не лучше, если не хуже положеніе дѣвочекъ, работающихъ въ бѣлошвейныхъ, модныхъ и иныхъ женскихъ мастерскихъ. Тутъ, какъ и въ мужскихъ мастерскихъ, преобладаетъ взглядъ на дѣтей, какъ на дешевую рабочую силу, которую не стоитъ беречь, потому что взамѣнъ одного замореннаго и выбывшаго изъ строя ребенка всегда можно получить другого, свѣжаго... Дѣвочки обременяются работою даже въ болѣе высокой степени, нежели мальчики». Вотъ въ какихъ условіяхъ живутъ эти несчастные «ремесленные» ученики и ученицы, которыхъ у насъ въ Петербургѣ насчитывается около 20—25 тысячъ! И это здѣсь, въ столицѣ, гдѣ существуетъ строгій полицейскій и санитарный надзоръ, гдѣ есть Отдѣлъ Защиты дѣтей! Что же дѣлается въ другихъ городахъ, въ глухихъ провинціальныхъ углахъ нашего обширнаго отечества? Кто считаетъ хоть приблизительно эти сотни и тысячи заморенныхъ, забитыхъ дѣтей, которыя ежегодно вѣшаются, топятся, бросаются изъ оконъ на мостовую, чтобы избавиться отъ гнета и мученій, создаваемыхъ для нихъ людскою дикостью и жестокостью! Пономаревъ вычислилъ, что въ Петербургѣ 40%, а къ Москвѣ 33% всѣхъ дѣтскихъ самоубійствъ, имѣвшихъ мѣсто въ обѣихъ столицахъ въ теченіе 1869—78 гг., произошли подъ вліяніемъ дурнаго обращенія.

Въ заключеніе я позволю себѣ привести описаніе слѣдующихъ четырехъ случаевъ, ярко рисующее безотрадное положеніе подобныхъ дѣтей. Первый изъ нихъ относится къ 7 лѣтнему мальчику, сыну Лужской мѣщанки Т. «Въ февралѣ мѣсяцѣ 1898 г.—читаемъ мы въ отчетѣ Отдѣла Защиты дѣтей за 1898 г. на 24 стр.—онъ былъ доставленъ въ Николаевскую дѣтскую больницу со слѣдами жестокихъ побоевъ на всемъ тѣлѣ: его шея, спина и бедра были покрыты широкими кровавыми полосами, а поясница—представляла одинъ сплош-

ной кровоподтекъ. Докторъ К., врачъ названной больницы, лечившій мальчика, говорилъ, что онъ не запомнитъ, чтобы видѣлъ когда-либо столь сильно избитаго ребенка. Несмотря на немедленно оказанную ему медицинскую помощь, мальчикъ былъ такъ слабъ и нервно потрясенъ, что отъ него долгое время не могли добиться никакихъ разъясненій. Разслѣдованіемъ, произведеннымъ участковымъ попечителемъ Отдѣла, раскрыта безотрадная картина существованія ребенка. Мать, уходя на цѣлые дни изъ дому на работу, оставляла сына всецѣло на попеченіе квартирной хозяйки и ея 20 л. сына, лицъ неинтеллигентныхъ, грубыхъ и крайне непріязненно относившихся къ ребенку. Трудно описать, какимъ истязаніямъ и мученіямъ подвергался въ эти часы отсутствія матери мальчикъ за малѣйшій проступокъ, за самую незначительную шалость».

А вотъ другая картинка въ томъ же родѣ. «Въ юлѣ мѣсяцѣ — сказано въ отчетѣ за тотъ же годъ, стр. 29 — въ селѣ Мурзинкѣ по Шлиссельбургскому тракту, на глазахъ у нѣсколькихъ случайно находившихся лицъ, бросилась въ воду дѣвочка, съ цѣлью утопиться. Вытащенная изъ воды въ безсознательномъ состояніи и съ трудомъ возвращенная къ жизни, дѣвочка была доставлена къ полицію, дознаніемъ которой обнаружилось слѣдующее: 12-лѣтняя Наталія Ш... (такъ звали дѣвочку), круглая сирота, была привезена въ прошломъ году изъ деревни Олонецкой губ. односельчаниномъ для помѣщенія ее въ обученіе». Послѣ долгихъ мытарствъ она попала, наконецъ, къ портному С. Жизнь Наташи, какъ это видно изъ показаній свидѣтелей, оказалась здѣсь на столько тяжелой и безотрадной, что она бросилась въ воду съ цѣлью лишить себя жизни.

Третій случай заимствованъ мною у А. Н. Острогорскаго (Op. cit. Педагог. Сборн. 1893 г. янв. стр. 45 и слѣд.) и относится къ 11-лѣтнему мальчику, выбросившемуся на улицу изъ окна 4 этажа, причеъ онъ расшибъ себѣ голову и по дорогѣ въ больницу умеръ. «Нѣкоторыя обстоятельства—пишетъ Острогорскій—обнаружившіяся при этомъ несчастіи, вызвали слѣдствіе, и отецъ мальчика привлеченъ былъ къ отвѣтственности. На судѣ обнаружилась такая картина семейной жизни. Отецъ, имѣя двухъ дѣтей, женился на второй. Мачиха не влюбила ихъ, особенно мальчика. Нерѣдко она морила ихъ голодомъ, часто доставались имъ побои и отъ нея, и отъ отца, которому она постоянно наговаривала на пасынка. По словамъ сосѣдей родители обращались съ дѣтьми очень жестоко, «по-звѣрски», «хуже, чѣмъ съ собакой». Былъ случай, когда мачиха такъ сильно била пасынка на улицѣ, что дежурный городской возмутился и хотѣлъ арестовать ее. Видѣли, какъ отецъ, ведя сына домой по лѣстницѣ, толкалъ его ногой и тотъ падалъ лицомъ на каменные ступени, а когда подымался, родитель повторялъ удары. Разъ, на крики ребенка, сосѣди ворвались въ квартиру и застали тамъ такую возмутительную картину тѣлеснаго истязанія, что послали за

полиціей. Въ день несчастья мачиха была недовольна обоими и мальчикомъ, и восьмилѣтней дѣвочкой. Когда она вела ихъ дождой, слышали, что она угрожала пожаловаться на нихъ отцу. Обыкновенно передъ экзекуціей мальчика запирали всѣ окна, чтобы не слышно было криковъ пасынка—такъ сдѣлала она и въ этотъ разъ. Услыжавъ звонокъ у дверей, мальчикъ, какъ полагаетъ прокуратура, естественно подумалъ, что явился отецъ и сейчасъ начнетъ его сѣчь и истязать. Не долго думая, ребенокъ подбѣжалъ къ окну, открылъ его и выбросился на улицу. Сбѣжался народъ. Мачиха, выглядывая въ окно, сказала только: «убился, такъ убился». Отецъ же, возвращаясь съ дежурства, (звонилъ не онъ), прошелъ мимо лежащаго на троттуарѣ мальчика, какъ бы не замѣчая его, а по словамъ кого-то изъ стоявшихъ тутъ, сказалъ: «собакѣ—собачья и смерть». Судъ приговорилъ отда къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ.

Наконецъ четвертый случай, описаніе котораго я беру изъ «Петербургской Газеты», имѣлъ мѣсто совсѣмъ недавно. 12 ноября прошлаго года—читаемъ мы въ № 312 этой газеты отъ 13 ноября 1901 г.,—скамью подсудимыхъ С.-Петербургскаго окружнаго суда занимала крестьянка Овечкина, обвинявшаяся въ жестокомъ обращеніи съ сироткой, 9-лѣтней дѣвочкой Анисейей Федоровой. Въ ноябрѣ прошлаго года, овдовѣвшій братъ Овечкиной Трофимъ Федоровъ привезъ къ ней двухъ своихъ дѣтей: мальчѣка лѣтъ 11 и дѣвочку моложе его, прося сестру замѣнить имъ умершую ихъ мать. Дѣти и самъ Федоровъ, бывшій безъ мѣста, поселились у Овечкиной, державшей угловыхъ жильцовъ. Жизнь бѣдныхъ сиротокъ у тетки была не сладка. Особенно она не влюбила маленькую Аню, которую постоянно била: кулаками, ногами, розгами, веревкой, не кормила ее, укладывала спать въ углу комнаты, на холодномъ полу, на тряпкахъ, никогда дѣвочку не мыла. Овечкина настолько безчеловѣчно обращалась съ сироткой, своей племянницей, что нѣкоторые жильцы не могли видѣть такого истязанія беззащитнаго ребенка и выѣхали отъ Овечкиной, но никто не рѣшался заявить объ этомъ, и только случайно открылось это преступленіе. Жившая въ одномъ домѣ съ Овечкиной крест. Гусева сжалилась надъ ребенкомъ и, сама не зная, что съ нею дѣлать, отвела Аню къ жившему въ томъ же домѣ своему знакомому артельщику Ягодину, который, оставивъ ее у себя, заявилъ полиціи. Дѣвочка была освидѣтельствована врачомъ, который констатировалъ цѣлый рядъ кровоподтековъ на тѣлѣ ребенка, ссадины на лицѣ; большая часть волосъ на головѣ была вырвана, а на затылкѣ гноящійся струнъ. На рубашкѣ же оказалось нѣсколько капель свѣжей засохшей крови. Врачъ пришелъ къ заключенію, что дѣвочка, вслѣдствіе плохого питанія, хила и худосочна, и что знаки побоевъ на тѣлѣ ея указываютъ на жестокое обращеніе съ ребенкомъ, которое повліяло и на ея психическое состояніе. Дѣвочка представляется запуганной, забитой и угнетен-

ной. Свидѣтели охарактеризовали на судѣ Овечкину женщиной злой, мстительной и къ тому же любившей выпить. Фактъ безчеловѣчнаго обращенія ея съ Аней установленъ ими безспорно. Подсудимая же Овечкина, не признавая себя виновной, говоритъ, что любила дѣвочку, иногда наказывала ее за непослушаніе, но ничуть не жестоко, и все, что говорятъ свидѣтели—ложь. Присяжные засѣдатели признали Овечкину виновной, и судъ приговорилъ ее къ лишенію правъ и къ заключенію въ тюрьму на 1 годъ и 6 мѣсяцевъ».

Я привелъ только четыре подобныхъ случая, а могъ бы привести ихъ цѣлыя десятки. Но къ чему? Представьте себѣ этого крошечнаго 7-лѣтняго мальчика, до того избитаго, что д-ръ К., пользовавшій его въ больницѣ и выдавшій уже на своемъ вѣку, должно быть, не мало подобныхъ случаевъ, заявилъ, что «онъ не запомнитъ, чтобы видѣлъ столь сильно избитаго ребенка»,—вообразите себѣ истязанія, которымъ подвергала жестокая мачиха своего 11-лѣтняго пасынка, задумайтесь, наконецъ, надъ жизнью обѣихъ несчастныхъ сиротокъ Наташи и Ани, которыхъ и били, и голодомъ морили, и всячески издѣвались надъ ними—и вамъ станетъ понятно, какъ часто подобные маленькіе страстотерпцы должны кончать самоубійствомъ, которое разомъ избавляетъ ихъ и отъ тяжелой доли, и отъ грубыхъ жестокихъ мучителей!

Наша статья была бы недостаточно полна, еслибъ мы не упомянули хоть вкратцѣ о томъ, что въ числѣ причинъ самоубійства дѣтей фигурируетъ также *подражаніе* и *внушеніе*. Извѣстно, что ребенокъ очень склоненъ къ подражанію: все, совершающееся вокругъ него, находитъ тотчасъ же живой откликъ въ его впечатлительной, восприимчивой душѣ. Самоубійство кого-нибудь изъ родныхъ и знакомыхъ, особенно товарища по играмъ или школьной семьѣ, невольно направляетъ мысли ребенка въ извѣстную сторону, пріучаетъ его думать о самоубійствѣ, какъ о возможномъ исходѣ изъ всякаго затруднительнаго положенія въ жизни... Мы уже видѣли, какъ мало нужно иной разъ, чтобы ребенокъ перешелъ отъ мысли къ дѣлу. Такимъ образомъ, дѣти заражаются отъ окружающихъ самоубійствомъ такъ же, какъ они заражаются въ школѣ другъ отъ друга истеріей, пляской св. Витта и другими нервными болѣзнями. Интересный случай въ этомъ отношеніи сообщаетъ Буазенъ, котораго мы цитировали уже раньше. Одинъ 11-лѣтній мальчикъ повѣсился, повидимому, безъ всякой причины, нарисовавъ передъ смертью на стѣнѣ 3 креста. Оказалось, что мѣсяцъ тому назадъ точно съ такими же подробностями повѣсился его дядя. Подобный же случай приводитъ и Дюранъ-Фардель. Онъ касается одного 12-лѣтняго мальчика, присутствовавшаго на похоронахъ другого мальчика, неизвѣстно по какой причинѣ повѣсившагося. Идя за гробомъ своего товарища, онъ нѣсколько разъ повторялъ одному изъ шедшихъ рядомъ съ нимъ мальчиковъ, что ему также при-

шла въ голову мысль повѣситься. И дѣйствительно, спустя 4 дня, онъ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе.

Что касается самоубійствъ дѣтей подѣ влияніемъ внушенія, то они довольно рѣдки и въ происхожденіи ихъ большую роль играютъ, по мнѣнію проф. Шпейера, газеты, которыя безконечно повторяютъ исторіи самоубійцъ со всѣми мельчайшими подробностями ихъ, натаккивая такимъ образомъ ребенка, который слышитъ все это, на мысль о самоубійствѣ. Кромѣ этого, извѣстны случаи, когда дѣти лишали себя жизни подѣ влияніемъ непосредственнаго внушенія со стороны взрослыхъ. Такой случай сообщаетъ въ своей книгѣ «О самоубійствѣ» Невзоровъ. Въ Марсели одна бонна уморила себя голодомъ, уговоривъ къ той же насильственной смерти и свою 14-лѣтнюю воспитанницу (стр. 1) Ломброво по поводу подобныхъ самоубійствъ говоритъ слѣдующее: «Особый видъ самоубійства женщинъ—это смерть матери одновременно съ ея дѣтми подѣ влияніемъ нищеты или какого-нибудь крупнаго несчастья... Если ребенокъ слишкомъ юнъ, чтобы быть независимымъ отъ матери, но въ то же время настолько зрѣлъ, что можетъ подчиниться влиянію внушенія, то мать старается подговорить его умереть добровольно вмѣстѣ съ нею. Гарнье сообщилъ два случая, въ которыхъ матери двухъ мальчиковъ, 10 и 13-лѣтняго возраста, убѣдили ихъ покончить съ собою вмѣстѣ съ ними» («Женщина-преступница», стр. 391).

Наконецъ, мотивомъ самоубійствъ у дѣтей является въ очень рѣдкихъ случаяхъ желаніе *отомстить*, причинить огорченіе, непріятность своимъ окружающимъ за какое-нибудь несправедливое, по ихъ мнѣнію, наказаніе или обиду. Колино сообщаетъ объ одномъ 12-лѣтнемъ воспитанникѣ школы, который повѣсился въ отместку своимъ родителямъ за то, что они наказали его, заставляя вернуться назадъ въ школу, чего онъ совсѣмъ не желалъ. Передъ смертью этотъ юный самоубійца оставилъ записку, въ которой подробно изложилъ причину, доведшую его до самоубійства. Другой мальчикъ, по словамъ того же автора, покончилъ съ собою потому, что родители черезчуръ сильно наказали его, желая непременно заставить его попросить прощенія, чего юный упрямецъ ни за что не хотѣлъ сдѣлать. Поэтому, Колино совѣтуетъ быть осторожнымъ въ выборѣ наказаній и никогда не доводить дѣтей до изступленія.

Таковы въ общихъ чертахъ причины, чаще всего доводящія дѣтей до самоубійства. Нѣкоторыя изъ этихъ причинъ лежатъ въ основѣ дѣтской натуры, другія являются продуктомъ цивилизаціи и тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ живетъ большинство человѣчества. Но самая главная изъ нихъ кроется въ грубости и жестокости человѣческаго сердца!

Заканчивая настоящую статью, мы должны остановиться еще на слѣдующихъ вопросахъ: въ какомъ *возрастѣ* чаще всего совершаются

дѣтьми самоубійства? Для этого сопоставимъ данныя, добытыя Дюранъ-Фарделемъ и Морзелли *) во Франціи относительно 260 юныхъ самоубійцъ съ результатами изслѣдованій д-ра Мангеймера **) въ Германіи, касающимися 395 дѣтей и мы получимъ слѣдующую таблицу:

Возрастъ.	ЧИСЛО САМОУБІЙЦЪ:	
	По Д.-Фарделю и Морзелли.	По Мангеймеру.
5 лѣтъ	1	—
7 »	8	2
8 »	3	6
9 »	6	5
10 »	8	13
11 »	16	20
12 »	17	41
13 »	44	61
14 »	63	106
15 »	94	141

По даннымъ англійской статистики, оказывается, что среди дѣтей было самоубійствъ на 1 миллионъ населенія:

Въ теченіе.	Въ возрастѣ до 10 лѣтъ.	Въ возрастѣ до 15 лѣтъ.
1861—70 гг.	4	29
1871—80 »	3	35
1881—90 »	3	31

Изъ приведенной выше таблички (д-ръ Беръ, стр. 8), равно какъ изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что число самоубійцъ растетъ съ ихъ возрастомъ и что наибольшія цифры даютъ дѣти 13—15 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ они начинаютъ жить болѣе самостоятельной, а стало быть, и болѣе тяжелой и отвѣтственной жизнью, которая даетъ имъ и больше мотивовъ для самоубійства. Нѣкоторые изслѣдователи отмѣчаютъ случаи самоубійства дѣтей 5—4-лѣтняго возраста, но такіе случаи врядъ ли можно назвать дѣйствительными самоубійствами въ смыслѣ нагѣренного желанія прекратить свое существованіе. Д-ръ Беръ сообщаетъ даже случай покушенія на самоубійство со стороны ребенка 3½ лѣтъ, который въ отсутствіе своихъ родителей снялъ съ зававѣсь шнурокъ и повѣсился на окнѣ. Ребенокъ былъ во время усмотрѣнъ и спасенъ. «Дитя это,—говоритъ онъ,—какъ-то выразилось, что повѣситься, должно быть, очень интересно и едва не совершило самоубійства конечно не сознавая того, что оно дѣлаетъ» (Op. cit, стр. 19).

Что касается того, какой полъ, мальчики или дѣвочки, чаще лишаетъ себя жизни, то по даннымъ прусской официальной статистики

*) «Обозрѣн. Психіатр.», янв. 1899 г. Статя д-ра Лебедева, «Случай самоубійства».

**) Д-ръ Беръ. Op. cit, стр. 8.

оказывается, что изъ 1.708 дѣтей, покончившихъ съ собою теченіе 1869—1878 гт., было: мальчиковъ—1.346, или 79% всѣхъ самоубійцъ, а дѣвочекъ—362, или 21%, т.-е. первыхъ было почти въ 4 раза больше, нежели вторыхъ. По наблюденіямъ д-ра Принцинга, въ Итали на 50 юныхъ самоубійцъ приходилось въ 1870—1879 гт. мальчиковъ 41 и дѣвочекъ 9, а въ теченіе 1880—1888 гт. первыхъ 33 и вторыхъ 12, т.-е. мальчиковъ было также въ 4 раза больше, нежели дѣвочекъ. Нѣсколько иныя цифры добыты для обоихъ половъ англійскій изслѣдователь Вивъ - Вискоттъ, который нашелъ, что мальчики по частотѣ самоубійствъ только немногимъ превосходятъ дѣвочекъ и что отношеніе между тѣми и другими выражается отношеніемъ 5 : 4. Наконецъ, д-ръ Рейфишъ пришелъ даже къ противоположному заключенію, именно, что самоубійства среди дѣвочекъ встрѣчаются чаще, чѣмъ среди мальчиковъ и что отношеніе ихъ другъ къ другу выражается цифрами 110 : 100. Больше всего данныхъ по этому вопросу собралъ, повидямому, д-ръ Эмингаузъ, составившій слѣдующую таблицу, которая объимаетъ различные періоды времени и гдѣ самоубійства дѣтей распределены по отдѣльнымъ государствамъ. По этой таблицѣ оказывается, что на 1 миллионъ населенія приходилось дѣтей-самоубійцъ до 16-лѣтняго возраста:

	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
Въ Швеци 1847—55 гт.	3,5	0,9
» Даніи 1867—71 »	28,0	3,0
» Пруссіи 1869—72 »	10,8	2,0
» Пруссіи 1873—75 »	10,5	3,2
» Саксоніи 1847—58 »	9,6	2,4
» Бельгіи 1840—49 »	1,5	0,0
» Франціи 1835—44 »	2,2	1,2
» Франціи 1851—60 »	3,6	1,6
» Австріи 1852—54 »	3,7	0,3
» Итали 1872—76 »	3,2	1,0
» Англии 1861—70 »	4,0	3,0

(«Обозрѣн. Психіатри», январь 1899 г.).

Мы видимъ отсюда, что наибольшія цифры дѣтскихъ самоубійствъ дали Данія, Пруссія и Саксонія и что отношенія между обоими полами колеблется въ различныхъ странахъ въ предѣлахъ отъ 1,3 : 1 до 9,3 : 1.

Въ заключеніе два слова о томъ, какой *родъ смерти* предпочтительно избираютъ юные самоубійцы. Оказывается, что въ этомъ отношеніи между мальчиками и дѣвочками существуетъ рѣзкая разница: въ то время, какъ у мальчиковъ, по даннымъ д-ра Бера, изъ 100 самоубійцъ:

вѣшаются около.....	60%
топятся около.....	16 »
бросаются съ высоты около....	13 »
и стрѣляются около.....	11 »

у дѣвочекъ, напротивъ, утопленіе преобладаетъ надъ другими родами смерти, а за нимъ по частотѣ идутъ прыганье изъ оконъ на мостовую и самоповѣшеніе. Въ этомъ отчасти сказывается разница между характерами обоихъ половъ.

Мы кончили и спрашиваемъ себя, каковы тѣ выводы, къ которымъ мы можемъ придти на основаніи собранныхъ нами данныхъ? Что слѣдуетъ сдѣлать, чтобы остановить все болѣе и болѣе возрастающую прогрессию дѣтскихъ самоубійствъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ таковъ: самоубійства дѣтей уменьшатся: 1) когда уменьшится пьянство, благодаря которому потомство алкоголиковъ является на свѣтъ съ зачатками всевозможныхъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней; 2) когда измѣнится система современнаго воспитанія дѣтей въ семьѣ и когда переродится наша школа, и 3) когда правительство и общество соединятся вмѣстѣ, чтобы оградить дѣтей отъ непосильнаго труда на фабрикахъ и заводахъ и особенно улучшить положеніе тѣхъ изъ нихъ, которые находятся въ обученіи у различныхъ ремесленниковъ. Будемъ желать, чтобы скорѣе настали эти счастливыя времена, а пока пусть каждый изъ насъ проникнется состраданіемъ къ этимъ маленькимъ невиннымъ жертвамъ и пусть дѣлаетъ все, что онъ можетъ словомъ и дѣломъ для облегченія ихъ участи. Это нашъ священный долгъ передъ дѣтьми: подъ вліяніемъ какой бы причины они ни умирали, вѣдь въ сущности мы, взрослые, виновны въ ихъ смерти! Вы помните Гётевское письмо самоубійцы. Я перефразирую его и влагаю въ уста ребенка-самоубійцы слѣдующія слова: «Я иду къ моему Отцу и буду Ему жаловаться на то, что злые люди заставили меня наложить на себя руки. Миѣ было такъ нехорошо, такъ тяжело жить съ ними! Но я буду молиться передъ престоломъ Всевышняго объ этихъ злыхъ людяхъ. Я буду просить Его, чтобы Онъ смягчилъ ихъ сердца, чтобы Онъ сдѣлалъ ихъ добрѣе и ласковѣе къ маленькимъ беззащитнымъ дѣтямъ...»

Д-ръ Григорій Гордонъ.

С.-Петербургъ.

ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ.

Съ польскаго.

Повѣсть Г. Даниловскаго.

Перев. А. Н. Я-ъ.

(Продолженіе *).

Вѣсть о возвращеніи молодой барыни и смерти «панича», какъ всегда называли Виктора, быстро разлетѣлась по Кленову и произвела не малое впечатлѣніе, въ особенности среди старшихъ изъ прислуги.

Янъ и панъ Боровскій были окончательно растроганы и припоминали все, что имъ въ свое время натворилъ ихъ любимецъ.

Ключница доказывала, что она уже давно предчувствовала такой конецъ, а въ особенности послѣ того, какъ въ шкафу доска треснула, она была убѣждена, что случится что-нибудь дурное, только не хотѣла говорить.

До дѣтей тоже дошло это извѣстіе черезъ Игнася, которому панна Флорентина, хотя и не знавшая Виктора, съ плачемъ, доходящимъ до слезъ, торжественно сообщила о кончинѣ отца.

Игнась имѣлъ о сущности смерти немногимъ худшее понятіе, чѣмъ взрослые; зналъ, что это вещь необыкновенная, на которую не такъ легко собраться съ духомъ, и забытый за послѣднее время отецъ, благодаря этому необыкновенному шагу, выросъ въ его глазахъ до небывалыхъ размѣровъ.

Съ нѣкоторою гордостью подѣлился онъ этимъ необычайнымъ приключеніемъ отца съ Аврелей, которая приняла это извѣстіе съ надлежащимъ удивленіемъ.

И весь мракъ, невѣдомая печаль, которые запали въ душу Игнася при ближайшемъ столкновеніи со смертью, быстро были затканы мишурою честолюбиваго удовлетворенія, вызваннаго разницею въ положеніи его маленькой личности передъ остальными.

Причинъ этой разницы онъ не сознавалъ, также какъ и не могъ вполне ясно понять, отчего это всё его легѣютъ и называютъ полусироткой, но онъ догадывался, что все это находится въ тѣсной связи

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1902 г.

съ послѣднимъ поступкомъ отца. И вмѣстѣ съ удивленіемъ передъ отцомъ родилось въ немъ несмѣлое чувство трогательной благодарности къ нему, нѣкоторое наивное благоговѣніе передъ его памятью.

Такимъ образомъ ребенокъ привялъ извѣстіе о смерти Виктора совершенно иначе, чѣмъ взрослые, съ благодарнымъ умиленіемъ и спокойно, въ то время какъ въ ихъ сожалѣніяхъ мелькала тѣнь какой-то особой обиды, точно онъ былъ виноватъ передъ ними, и если это не проявлялось открыто въ словахъ, или даже въ мысляхъ, то тѣмъ не менѣе существовало въ огорченномъ сердцѣ и давало соотвѣтствующій отгѣнокъ словамъ и мыслямъ.

— Ну, что-жъ дѣлать, такова воля Божья! Кто знаетъ, можетъ быть это и лучше...

— Конечно! — печально вздыхалъ панъ Игнатій, причемъ ему по временамъ было какъ-то не по себѣ, точно онъ стыдился и понималъ, что, говоря такъ, причиняетъ брату какое-то оскорбленіе.

И въ самомъ дѣлѣ, чтобы облегчить свое самочувствіе, оба уменьшали значеніе понесенной утраты, умаляя тѣмъ самымъ значеніе угасшаго существованія.

Чувства ихъ по отношенію къ смерти Виктора радикально отличались отъ чувствъ Игнася, въ глазахъ котораго смерть подняла личность отца на таинственную высоту, упрочила и, какъ благоухающій бальзамъ охраняетъ брвенное тѣло, предохранила отъ разсѣянія въ прахъ всѣ обрывки воспоминаній, которые до сихъ поръ таились въ глубинѣ его души.

Вообще вѣсть, привезенная Марыней, была для обоихъ супруговъ ударомъ, не столько чувствительнымъ, сколько внезапнымъ и благодаря этому оглушительнымъ.

Послужили этому различныя обстоятельства. Прежде всего они въ теченіе двухъ лѣтъ не видѣли Виктора, и не смотря на это, пока существовали заботы и хлопоты о немъ, братняя привязанность не только не слабѣла, а даже укрѣплялась отъ волненій безпокойства.

Позднѣе, когда въ концѣ концовъ все рѣшилось, переболѣвъ испытанныя огорченія, они начали примиряться съ судьбою, жизненность чувствъ къ брату начала блѣднѣть въ ихъ сердцахъ, какъ въ глазахъ блекнуть цвѣта удаляющагося предмета. Ихъ потрясалъ не ужасъ смерти, а только эхо его.

Они не видѣли ступеней страданія, по которымъ эта жизнь нисходила въ ничто, содрагаясь предъ нимъ, не видѣли синевы трупя, могильной ямы, быстро мельканія лопатъ, торопливо засыпающихъ могилу; они не знали даже, какъ это произошло и когда именно.

Все это, безъ сомнѣнія, притупило остроту неожиданнаго удара, хотя, съ другой стороны, отсутствіе всякихъ подробностей о смерти Виктора производило впечатлѣніе нѣкоторой неудовлетворенности, пробуждало въ чувствахъ жажду острой приправы къ омрачающей ихъ печали.

Они оба испытывали это, въ особенности Бэля, которая положительно теряла голову.

Деликатность не позволяла допрашивать Марыню, нужно было ждать пока она сама не расскажетъ; а она упорно молчала. Къ тому же во всемъ поведеніи Марыни было что-то не поддающееся опредѣленію, какая-то неприступность, которая разрушала всякую надежду на выясненіе подробностей.

На этомъ кончился ихъ первый разговоръ.

Къ обѣду снова всё собрались. Марыня заняла свое прежнее мѣсто у стола.

Въ ней незамѣтно было ничего особеннаго: она исхудала, какъ люди, потерявшіе почву подъ ногами, была немного небрежно причесана и черзчуръ спокойна. Ыа, можетъ быть, даже больше, чѣмъ когда-либо, но какъ-то иначе: то медленно, машинально, точно въ разсѣянности, съ остановками, уставившись передъ собой, то снова при звукѣ тарелокъ, съ нервной торопливостью, оглядываясь въ ту сторону откуда раздавался звукъ.

Молчала, какъ, впрочемъ, и всё остальные, не исключая и дѣтей, живость которыхъ была парализована и тяжелымъ настроеніемъ старшихъ, и взглядами Бэли—суровыми, наказывающими каждую попытку къ шалости, и панны Флорентины—безнадежно-грустными.

И вотъ они сидѣли тихо, покачивая подъ столомъ нетерпѣливыми ножками и подражая старшимъ, удерживали одинъ другого жестами, строя серьезные мины или упорно всматриваясь нѣсколько боязливыми глазами прямо въ лицо Марыни, которая относилась совершенно безразлично къ этимъ взглядамъ и всей сдержанности, господствовавшей главнымъ образомъ, изъ-за нея.

Бэля понимала, что хотя бы изъ-за одного присутствія прислуги, бонны и дѣтей за обѣдомъ ничего изъ разговора не выйдетъ, но зато она рассчитывала на послѣобѣденную бесѣду, которая обыкновенно происходила въ маленькой гостиной.

И когда они втроемъ очутились тамъ, ею овладѣло сильное волненіе; дрожащими руками разлила она чай и, минорно настроенная, со вздохомъ искренней печали усѣлась и ожидала.

Игнатій тоже безпокоился, была даже такая минута, когда ему хотѣлось убѣжать, но какая то посторонняя сила удержала его въ глубинѣ кресла.

Марыня между тѣмъ машинально мѣшала серебряной ложечкой въ стаканѣ, точно ей было страшно нужно, чтобы сахаръ скорѣе растаялъ, и, казалось была, погружена исключительно въ это занятіе.

Вскорѣ Бэля инстинктивно угадала, что и эта минута, такъ располагающая ко всевозможнымъ изліяніямъ, пройдетъ безрезультатно, что эта «непроницаемая мушья» ничего не видитъ кромѣ стакана чаю, который надо выпить, ибо онъ стоитъ уже давно передъ ней, и все

ея расположеніе, сочувствіе къ Марынѣ, которымъ она была преисполнена, рушилось подъ вліяніемъ остраго чувства враждебнаго раздраженія.

Въ то же время желаніе добиться своего достигло невѣроятныхъ размѣровъ. Бэля была готова насильно проникнуть въ душу Марыни, хотя еще ясно отдавала себѣ отчетъ, что это грубо и безчеловѣчно.

Съ горечью въ сердцѣ, пристыженная своимъ поведеніемъ, Бэля посидѣла для виду еще минуту, затѣмъ поспѣшно ушла...

Въ тотъ же день къ вечеру явился Постапскій.

Смерть Виктора, какъ оказалось, не была для него неожиданностью, а потому онъ принялъ это извѣстіе съ отталкивающимъ спокойствіемъ.

— Этого надо было ожидать,—говорилъ онъ,—онъ уѣхалъ отсюда уже достаточно подорванный. Должно быть, ему немного было нужно, если ужъ доктора взялись за него.

— Что онъ скоростижно умеръ?—спросилъ Постапскій, подавляя жесткость тона, которая постепенно стала слышаться въ его голосѣ.

На лицѣ Бэли отразилось сильное смущеніе.

— Что, видишь!—точно съ упрекомъ обратилась она къ мужу.

— Вы спрашиваете, а мы и сами, какъ въ потьмахъ!

— Да, да, докторъ, даже непріятно сознаваться. что мы ничего не знаемъ, ничего, ни какъ, ни когда? ну ровно ничего, умеръ и basta! Хоть бы словечко промолвила, а то либо спитъ, либо шатается по угламъ, какъ тѣнь ходячая, или сидитъ и молчитъ, какъ пень!

— Бэля!—старался удержать жену Игнатій тономъ выговора.

Но она уже не могла удержаться.

— Отстань!—перебила она возбужденно.—Если она этого не понимаетъ, такъ это еще можно какъ-нибудь объяснить, но ты, кажется, долженъ былъ бы понять, что кто-кто другой, а мы то ужъ имѣемъ право, и даже обязаны требовать, чтобы насъ соблаговолили посвятить въ таинственную обстановку этого несчастья...—

Тутъ Бэля размахистымъ движеніемъ руки указала на дѣтвору, выбѣжавшую изъ-за кустовъ подстриженной акаціи: первымъ, изображая зайца, выскочилъ что было силъ коренастый Зыгмусъ, за нимъ съ пискомъ, изображая преслѣдующихъ собакъ, выбѣжалъ потный, толстый Мечиславъ и Авреля съ растрепанными локонами, волоча сзади за руку трехлѣтняго Апуса, а позади спѣшила большими шагами панна Флорентина въ сдвинутой на затылокъ шляпѣ, крича съ испуганнымъ лицомъ:

— Pas si vite, enfants! pas si vite!

— Ou est Игнасъ?—спросила Бэля, подумавъ о немъ въ данную минуту.

— Madame lui change l'habit!—отвѣтила бонна, исчезая на поворотѣ аллеи.

— Такъ, значить, ребенкомъ все-таки занимается!—угрюмо пробормоталъ Постанскій, сердито нахмуривъ лобъ.

— Очевидно!—отвѣтила Бэля.—Хотя послѣ мѣсяца разлуки съ единственнымъ сыномъ...

— Двадцати двухъ дней только...—поправилъ Игнатій.

— А, ты всегда...—разбѣжалась было Бэля и умолкла, такъ какъ передъ верандой показался Игнасъ; на немъ были темные панталоны до коленъ и цвѣтная блузка съ матросскимъ воротникомъ; слегка покрасѣвшія вѣки и засморканный носъ свидѣтельствовали, что онъ недавно плакалъ.

— Тетя, гдѣ всѣ?—оживленно спросилъ Игнасъ, нетерпѣливо потирая выступающею косточкою одной ноги худую испаряющую икру другой, и не дожидаясь отвѣта, услышавъ отдаленный шумъ, крикнулъ тоненькимъ дискантомъ:

— Гопъ, гопъ!—подскочилъ вверхъ и помчался во всю прыть въ ту сторону, высоко задирая маленькія грязныя пятки.

По близости раздался тихій, жалобно зовущій стонъ, точно упрекъ:

— Игнасъ!—и угасъ такъ же быстро, какъ и появился. Докторъ, Игнатій и Бэля, какъ по командѣ, обернулись въ ту сторону.

Это былъ голосъ Марыни.

Въ черномъ платьѣ, неровнымъ, заплетающимся шагомъ, точно задѣвая за невѣдомыя преграды, съ слабымъ румянцемъ на блѣдныхъ щекахъ, приблизилась она къ верандѣ и остановилась, окруженная свѣтло-зеленой рамой нѣжныхъ листьевъ вьющагося винограда.

Она положила тонкія руки на деревянную балюстраду, судорожно сжимая маленькіе вытянутые пальцы, которые казалось дрожали и костенѣли попеременно.

Медленно поворачивая голову, она переносила поочередно съ лица на лицо свои огромные неподвижные глаза, измученные, какъ будто ушедшіе въ глубь ея самой, и подернутые мгломъ продолжительнаго жара, старательно приглядывалась къ каждому изъ присутствующихъ, точно видѣла ихъ всѣхъ въ первый разъ.

Наступила для всѣхъ невыносимо тяжелая минута: Игнатій не могъ вынести этого блуждающаго взгляда; Постанскій выдержалъ его до конца, но какъ только отвернулись эти глаза, его зрачки помутились и бѣлки налились кровью, точно отъ чрезвычайнаго усилія; Бэля отступила сразу, опуская вѣки...—

Она вдругъ повернулась и пошла шатаясь въ садъ. Подъ облегающимъ ее лифомъ были видны вздрагивающія по временамъ лопотки, а среди гробовой тишины долетали не то рыданія, не то кашель, что-то вродѣ жалобнаго всхлипыванія раскрячавшагося ребенка.

Она исчезла въ кустахъ, а на верандѣ все еще царило молчаніе.

Бѣла блѣдная и чудно-прекрасная лежала въ садовомъ креслѣ съ полуоткрытымъ ртомъ и откинутой назадъ головой. Игнатій, опершись обѣими руками о скамейку, точно силясь встать съ мѣста, тяжело дышалъ.

Въ углу у столба, обвитаго толстой виноградной лозой, стоялъ безъ движенія, какъ статуя, громадный Постанскій...—

Въ этотъ страшный часъ въ сердцѣ Марыни дрогнули впервые роковые заветки навертывавшейся съ минуты смерти Виктора пружины страданія, и, хватаясь зубцами за зубцы, задвигались зубчатые колеса безжалостной пытки.

Ея существо, насквозь проникнутое холодомъ, пахнувшимъ изъ этой могилы, вдругъ точно застыло, и все теченіе ея внутренней жизни остановилось на мѣстѣ.

Она доѣхала до Кленова точно въ летаргическомъ снѣ, а въ напряженномъ мракѣ ея души все время оставалось что-то непонятное, какъ будто неподвижное чудовище ночи, оконченѣвшее отъ ужаса, гипнотизировало всѣ силы ея разсудка монотоннымъ шопотомъ: «Викторъ умеръ»!

И вотъ вдругъ, подѣ влияніемъ мелкихъ на взглядъ побужденій, въ теплѣ знакомой среды, растаяла и лопнула кора оконченія; душа Марыни содрогнулась до основанія, и все въ ней задвигалось, какъ ледъ во время оттепели.

Погруженныя во мракъ, застывшія впечатлѣнія растаяли и всплыли наружу въ формѣ картинъ еще болѣе пронизывающихъ, чѣмъ сама дѣйствительность, ибо каждую черту контура выдѣляла теперь до мельчайшихъ подробностей трепетная кисть обостренного сознанія, а яркость окраски насыщалась живой кровью набобѣвшаго чувства.

Викторъ умеръ,—эта мысль была какъ крестъ во главѣ вереницы страшныхъкъ виднѣй,—крепа, гроба, печальныхъ жалобъ колокольнаго звона, миганія дымящихся свѣчей, мрачнаго стона *requiescat*. Медленно охвативъ всѣ ея мысли, погребальное шествіе начинало осторожно опускаться, шагъ за шагомъ—какъ въ катакомбы—въ подземелья ея души, глубже и глубже, наполняя угрюмымъ шумомъ и свѣтомъ эти самые таинственные закоулки человѣческаго существа, такіе чувствительные и робкіе, что эхо шопота всеялетъ уже тамъ тревогу, слабый отблескъ ранить, а блескъ разжигаетъ эти раны.

Наконецъ, гдѣ-то, передъ недоступной разсѣяной все остановилось, поворачивало назадъ и снова возвращалось.

И снова, и снова, въ сотый разъ потухали передъ глазами и покрывались остеклившимся блескомъ эти единственные зрачки; надъ выхваченнымъ изъ объятій дорогимъ тѣломъ на вѣки захлопывалась съ трескомъ гробовая доска, у подножія пропасти разверзалась земля и словно въ омутъ мученій, она сама бросалась внизъ, разбивая сердце объ этотъ гробъ.

Умеръ — точно разбушевавшіяся струны арфы, разомъ тронутыя однимъ ударомъ, вздрагивали при этой мысли мельчайшія волокна ея мозга и разрѣшались такимъ потрясающимъ аккордомъ, что голова готова была каждую минуту разлетѣться на части.

И когда отчаяніе достигало наивысшихъ предѣловъ, приступъ ужасныхъ страданій понемногу терялъ свои силы.

Надъ всѣмъ ея моральнымъ существомъ распростерлась тяжелая, давящая какъ свинецъ печаль; душа ея наполнялась мертвящею тишиною, какая господствуетъ подъ мрачною сѣнью костела передъ Пасхой, когда угасаетъ вѣчная память жертвенной муки, алтарь любви низверженъ, а подъ нимъ лежатъ въ гробу снятый со креста, убитый Богъ, обнаженный и израненый.

Однако, среди этой таинственной тишины въ душѣ Марыни все время раздавался отдаленный гулъ глухой скорби, какой долго еще звучитъ въ большихъ трубахъ органа, хотя уже давно на немъ перестали играть, и бродило безпокойное предчувствіе, что въ этомъ глухомъ шумѣ таятся какой-то ужасный звукъ, который только того и ждетъ, чтобы разразиться, какъ громъ, скрытый во мракѣ тучи.

И въ самомъ дѣлѣ, едва успѣвало появляться нѣжное волненіе, успокаивающее воспоминаніе, робкая мечта — въ отвѣтъ раздавалось: *нѣтъ* или *никогда* и все это разрушалось въ прахъ.

Тогда напрягались до крайнихъ предѣловъ всѣ инстинкты ея существа, чтобы оттолкнуть эти ужасныя слова, и всѣ силы разсудка, чтобы охватить и понять ихъ непостижимый смыслъ.

Но тщетны были эти попытки.

Не будучи въ силахъ ни поглотить, ни выбросить за предѣлы мыслей и чувствъ того, противъ чего возставало все ея существо, Марыня до тѣхъ поръ боролась сама съ собою, пока, послѣ тернистой дороги болѣзненно-горькихъ уступокъ, не заключила чего-то въ родѣ перемирія.

Сознавъ бесплодность абсолютнаго сопротивленія, она допустила вторгнуться въ свою душу черезъ какую-то брешь разрушительнымъ началомъ, основаннымъ на убѣжденіи, что образъ, любимый всѣмъ пыломъ пламенной страсти, ужъ не живетъ, и съ болѣзненнымъ смиреніемъ чувствовала, какъ эти «нѣтъ» и «никогда», точно истребительный мечъ или огонь, пожирающій до тла, разрушаютъ обильный вертоградъ ея любви, который часто, въ ночи полныя ожиданій, выдымался къ этому единственному избраннику ея чувствъ.

И по мѣрѣ того, какъ исчезали физическіе элементы ея любви къ Виктору, тѣлесная оболочка его какъ-то затуманивалась въ ея воображеніи, теряла главное значеніе, отодвигаясь на задній планъ, зато все явственнѣе выдѣлялся его нравственный обликъ, становился все величественнѣе, и, въ концѣ концовъ, сталъ главнымъ предметомъ привязанностей и желаній утонченнѣйшихъ свойствъ ея души.

Марыня могла уже безъ отчаянія думать, что онъ не существуетъ, скорѣе даже перестать думать о томъ, существуетъ ли и гдѣ этотъ стройный образъ, эти глубокіе глаза, соболинныя брови, энергичное, полное доброты и трудового утомленія...—

И вотъ, почти на краю гибели, Марыня обрѣла, наконецъ, спасеніе въ вѣрѣ.

Однако, это отнюдь не была возвратная волна религіозныхъ вѣрованій, или хотя бы отдѣльныхъ ея догматовъ: безсмертія и воскресенія. Упованіе, возникшее въ ней, было чѣмъ-то совершенно новымъ. Она увѣровала въ возможность непосредственнаго общенія съ Викторомъ, какъ съ духомъ, съ нимъ однимъ только, и не сомнѣвалась, что въ силахъ при соотвѣтствующихъ условіяхъ получить отъ этого духа, съ которымъ она впредь будетъ въ неразрывной связи, извѣстный знакъ, даже видѣніе. И съ тѣхъ поръ для нея началась иная странная жизнь.

Все, что въ обыденной жизни считается за существенное и важное, вся реальная дѣйствительность сдѣлалась для нея чѣмъ то ничтожнымъ, совершенно постороннимъ, а временами даже прямо мучительнымъ своею грубой ощутимостью, которую она если и переносила, то только, какъ проходящее временное явленіе, точно длительный непріятный привалъ на отвратительномъ земномъ пути, передъ границами мистической страны, страны столь близкой, что хотя глазъ еще и ничего не видитъ, зато душа уже давно предчувствуетъ ея таинственныя вѣянія и вздрагиваетъ отъ священнаго трепета.

Часы дня сдѣлались для нея пустой формой времени, которое она старалась чѣмъ-нибудь заполнить, а такъ какъ все было ей равно противно, то она вернулась къ своимъ прежнимъ занятіямъ и такимъ образомъ снова вошла въ обычную колею жизни въ Кленовѣ.

Игнатій съ женой заключили по этому поводу, что Марыня, наконецъ, переболѣла ударъ, нанесенный внезапной смертью мужа, а нѣкоторыя не вполне нормальныя проявленія съ ея стороны, какъ напримѣръ, приподнятое настроеніе съ приближеніемъ ночи, самоотверженіе, съ которымъ она исполняла безъ различія каждую порученную ей работу, не вникая въ ея важность и конечный результатъ, нѣкоторое чисто механическое упорство въ самомъ процессѣ работы и происходящая отсюда небрежность исполненія ея,—все это приписывали сильному разстройству нервовъ и были увѣрены, что со временемъ это пройдетъ само собой, какъ прошли и тѣ страшныя припадки перваго отчаянія. Они радовались, видя перемену къ лучшему, немного безпокоилъ ихъ только наружный видъ Марыни, который, дѣйствительно, могъ внушать опасенія.

Всегда точеное личико ея, благодаря исхуданію, расширеннымъ глазамъ, окруженнымъ бархатной тѣнью, и еще большей мягкости чертъ, сдѣлалось теперь буквально чѣмъ-то сверхчувственнымъ, какимъ

то восхитительнымъ неземнымъ видѣніемъ, которое можетъ возникнуть въ головѣ артиста, но и въ ней остается, какъ идеальный образъ, не поддающійся воспроизведенію во всемъ совершенствѣ ни однимъ изъ средствъ искусства, такъ какъ и самыя тонкія, художественныя изъ нихъ будутъ черезчуръ грубыми.

Окружающіе не могли дать себѣ отчета въ выраженіи и красотѣ этого лица, такъ какъ рѣзецъ страданія накладывалъ свои черты постепенно и на глазахъ у нихъ, благодаря чему они имѣли достаточно времени, чтобы освоиться съ ними. Но на постороннихъ это лицо производило потрясающее впечатлѣніе, мужики даже боялись Марыни и говорили, что «младшая барыня глядитъ точно мертвая и не отъ міра сего».

И дѣйствительно, Марыня днемъ не жила, только присутствовала на аренѣ жизни, а съ заходомъ солнца переселялась въ иной міръ.

Такое распредѣленіе времени было слѣдствіемъ глубочайшаго убѣжденія, что духъ Виктора не можетъ появиться при остромъ дневномъ свѣтѣ, среди безсмысленнаго его шума, а только во мракѣ ночной тишины, хотя бы только ради того, чтобы дать знакъ, что онъ дѣлаетъ это исключительно для нея одной.

Поэтому, когда погасшіе огни и окружающая тишина свидѣтельствовали, что всѣ уже спятъ, Марыня срывалась съ постели, одѣвалась кое-какъ дрожащими отъ торопливости руками, въ темнотѣ, чтобы не разбудить спящаго въ сосѣдней комнатѣ Игнася, ощупью, осторожно спускалась она по лѣстницѣ, оглядываясь, не слѣдитъ ли кто за ней, тихонько отодвигала задвижки боковой двери и исчезала въ паркѣ.

Тамъ то и разыгрывался финалъ трагедіи.

Въ старомъ кленовскомъ паркѣ было много странныхъ и таинственныхъ закоулковъ, и каждый впечатлительный челоуѣкъ, очутившись тамъ ночью, чувствовалъ необъяснимое безпокойство.

Группировка деревьевъ и кустовъ въ этихъ закоулкахъ, въ особенности при свѣтѣ луны, создавала до такой степени фантастическую обстановку, что появленіе среди нея чего-нибудь необыкновеннаго не только казалось возможнымъ, а даже чуть ли не вполне естественнымъ.

Марыня знала эти мѣста и раньше, но изъ боязни не ходила туда никогда, въ особенности подъ вечеръ. Теперь же, наоборотъ, она сбѣгала къ этимъ уединеннымъ мѣстамъ съ стѣсненнымъ дыханіемъ, съ тревожно бьющимся сердцемъ, съ нѣжностью въ волнующейся груди, точно чистая, невѣдающая грѣха дѣвушка, идущая въ первый разъ на свиданіе съ воображаемымъ мылымъ.

На одномъ изъ поворотовъ темной аллеи, гдѣ прерывался частый рядъ деревьевъ, она обыкновенно останавливалась.

Тутъ склонившіеся другъ къ другу грабы образовывали что-то вродѣ свода, откуда открывался видъ на полукруглую поляну, окружен-

ную кустами сирени, черемухи, калины и орѣшника, и покрытую густою травой и папоротникомъ.

Мѣсто это, не вполне покрытое тѣнями отъ верхушекъ деревьевъ, блѣдно освѣщенное проникающими тамъ и сямъ лучами мѣсяца, производило впечатлѣніе какого то заколдованнаго грота, или мистическаго святилища. Таинственныя нѣдра его были наполнены одуряющимъ запахомъ сирени и ландышей, которыхъ много было вокругъ. Колеблющаяся листва издавала безпрестанный тревожный шорохъ, точно шопотъ невидимыхъ устъ. Качающіяся при дуновеніи ночи верхушки кустовъ то заслоняли, то открывали мелькающіе серебряные просвѣты между деревьями, вызывая такимъ образомъ фантастическую игру свѣтотѣни. И въ этихъ перебивахъ луннаго освѣщенія вѣтви, листья, сучья, цѣлые кусты, пучки цвѣтовъ, все приходило въ движеніе, принимая развѣвающіяся, неуловимыя формы невѣдомыхъ чудовищъ.

Съ каждымъ дуновеніемъ вѣтерка картина мѣнялась, раздвигались кулисы, открывались новыя перспективы; какія то бездонныя пещеры, заколдованные коридоры, запутанные лабиринты; измѣнялась напряженность свѣта, аромата и шороха, слышались инныя нашептыванія, выплывали формы никогда невиданныхъ фигуръ; казалось, начинался новый актъ непонятной мистеріи. А иногда еще издали, какъ струна, звучащая для этого зрѣлища, доносилось рыдающее гбѣніе соловья.

Марыня, объятая невѣдомымъ трепетомъ, упивалась этимъ очаровывающимъ настроеніемъ сверхъестественнаго, усматривала во всемъ глубокій, непостижимый смыслъ, котораго она не сознавала разумомъ, а охватывала истонченнымъ чувствомъ.

Все, что происходило передъ ней, производило на нее впечатлѣніе пролога къ тому, что еще будетъ, что *должно* быть, и сначала она терпѣливо ожидала. Но вскорѣ нарастающее въ огромной степени безпокойство и нервная торопливость побуждали ее къ дѣйствіямъ:

И тутъ начиналось настоящее вызываніе духовъ. Сначала это было только молчаливое внушеніе, потомъ присоединились робкія нашептыванія и просьбы, а въ концѣ концовъ, вытянувъ передъ собой умоляющія руки, она стонала изо всѣхъ силъ тоскующей души: «Викторъ! Викторъ!»—все болѣе страстно, съ такимъ страшнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ духовныхъ, точно вмѣстѣ съ этими мольбами она покидала земную оболочку и переливалась за предѣлы чувствъ самой коренной частью своего естества.

Въ такія-то минуты въ ней появлялось ясное, какъ сама дѣйствительность, ощущеніе, ничѣмъ непоколебимое убѣжденіе, что онъ тутъ, передъ нею, что еще одно самое маленькое усиліе съ ея стороны, и она удостоится видѣнія.

Но тутъ-то и наступалъ роковой предѣлъ.

На мгновеніе путемъ невѣроятныхъ усилій она удерживала себя въ этомъ настроеніи, но чувствуя, что слабѣетъ, бросалась прямо передъ собою на то мѣсто, гдѣ надѣялась увидѣть дорогое видѣніе.

И сразу разрушалось все очарованіе, все исчезало. Руки, протянутыя для объятія, какъ-чась о вѣтви, скрещивались на переполненной рыданіями груди, расширившіеся зрачки узнавали въ обаятельныхъ видѣніяхъ обыкновенные листья и деревья. Выбившись окончательно изъ силъ, она падала, гдѣ придется, и горько рыдала, а въ слезахъ ея расплывалась та же безграничная печаль, что звучитъ въ дивныхъ словахъ библейской пѣсни:

«Отворила я моему милому; но милый мой уже ушелъ и миновалъ меня. Обмерла я при звукѣ голоса его; искала его и не нашла; звала его, но онъ не отозвался».

И вмѣстѣ съ тѣмъ страшная жалоба, какъ въ другой пѣснѣ:

«Встрѣтили меня сторожа, что ходять по городу; избилъ меня, изранили, взяли плащъ мой съ меня стражи стѣвъ городскихъ».

И дѣйствительно, какъ прежде, въ стремленіяхъ къ нему она разбивалась о реальныя, такъ теперь о невидимыя стѣны, не менѣе тщательно охраняемыя, чѣмъ первыя, столь же недоступныя и безжалостныя. Въ крови этихъ новыхъ ранъ разгорались давнишніе, затянувшіеся рубцы, потому что въ основѣ было то же самое отчаяніе, только болѣе тонкое, обработанное, точно толстый напильникъ, выкованный страданіемъ въ тонкій скальпель, проникалъ отточеннымъ лезвіемъ въ самыя нѣжныя тайники души.

Пронизанная насквозь страданіемъ, лежала Марыня въ травѣ, покрытой росой, точно неживая, подолгу, а потомъ, разбитая, полная сухой, обидной горечи, какая остается послѣ отвергнутой чаши счастья, возвращалась домой, валялась на постель и впадала въ тотъ мертвый сонъ, котораго нельзя ни проспать, ни прервать.

Однако, на самомъ дѣлѣ Марыня только и жила этими минутами порывовъ, такъ какъ, несмотря на весь трагизмъ наступавшаго потомъ упадка силъ, онѣ однѣ поддерживали въ ней вѣру въ возможность переступить роковыя границы, вызвать желанное видѣніе,—что и стало ея единственною цѣлью.

Поэтому, особенно удрученной она чувствовала себя въ черныя пасмурныя ночи безъ луны и звѣздъ, когда непроницаемый мракъ, окутывая весь паркъ и лишая окружающіе предметы ихъ мистическаго очарованія, разрушалъ и въ ней настроеніе, склонное къ видѣніямъ.

Тогда, по мѣрѣ приближенія желаннаго момента, вмѣсто обычнаго возбужденія, въ ней пробуждалось такое чувство, точно въ ней существуетъ какая-то брешь, черезъ которую, какъ черезъ трещину въ разбитой посудѣ, уходитъ изъ нея капля по каплѣ жизненная сила.

Это было невыносимое состояніе, похожее на тѣ болѣзни, для которыхъ медицина не находитъ ни средствъ, ни подходящаго названія, когда не знаешь, гдѣ источникъ страданія, потому что въ одно и то же время и все болитъ, и ничего, и голодъ мучить, и аппетита нѣтъ; каждую минуту теряешь силы при полномъ сознаніи, чувствуешь тяжесть собственныхъ членовъ, точно бремя тѣлеснаго существованія, и плакать не можешь, и разсмѣяться трудно; ни жизнь, ни смерть, а только мысли и мысли безъ конца о томъ, что больнѣе всего.

И вотъ въ ней бродила какая-то тайная печаль, безконечная невѣдомая скорбь; текли гдѣ-то глубоко, глубоко, какъ подземныя рѣчки, невидимыя слезы, и гдѣ-то на днѣ мышленія, точно признакъ бури въ отдаленныхъ дремлющихъ безднахъ, мелькали слабыя зарницы неуловимыхъ понятій.

Потомъ, съ ощущеніемъ такимъ же рѣзкимъ, какъ царапанье щеткой по стеклу, медленно приподымалось зеркало сознанія, мысли вырисовывались яснѣе и одновременно съ этимъ суживалась брешь, затягиваясь съ такой жгучею болью, какую производитъ засыхающая изнутри глубокая рана.

Марыня съ нѣкоторой дозой злобнаго раздраженія начинала трезво размышлять надъ своимъ несчастьемъ.

Почему именно до сихъ поръ не разорвалась эта завѣса между нимъ и ею, хотя она бывала уже такой тонкой, вотъ-вотъ готовой разорваться, такъ что ей казалось, что она слышитъ даже трескъ рвущихся нитей?

Почему его тѣнь, когда она уже такъ близка, что почти можно къ ней прикоснуться, именно въ эту минуту исчезаетъ?

Почему она не въ состояніи сдѣлать этого послѣдняго маленькаго усилія, чтобы преодолѣть препятствія и удостоиться видѣнія?

Этотъ послѣдній вопросъ мучилъ ее сильнѣе всего, такъ какъ съ нимъ вмѣстѣ прокрадывалось сомнѣніе, достойна ли она этого, не слишкомъ ли мало она его любила.

И тутъ же приходили ей въ голову мельчайшія неприятели, причиненныя ею Виктору при жизни, и возрастали до размѣровъ оскорбленій, страшныхъ по своей непоправимости, и одновременно съ этимъ всѣ муки, перенесенныя ею по смерти Виктора, падали въ ея глазахъ до степени ничтожной, пустой, пошлой, просто недостойнсй комедіи.

И тогда она предавалась горькой ироніи.

Съ злобынымъ удовольствіемъ выискивала она всевозможные доводы и упреки и становилась къ позорному столбу съ дикимъ чувствомъ безстыдной гордости.

Она припоминала съ изумительной ясностью, какъ когда-то задыхалась отъ плача на улицѣ въ присутствіи толпы незнакомыхъ людей изъ-за трехъ рублей, недоданныхъ за работу платья.

Какъ она возмущалась и топала ногами, когда ее въ дѣтствѣ несправедливо наказывали.

— А теперь,—пронизировала она,—я выступила съ тѣми же ничтожными слезами, съ тѣми же возмущеніемъ, съ трехрублевымъ отчаяніемъ, чтобы достойно почтить потерю. Вотъ какъ я его любила!

И, пропитанная наскъ горечью и отвращеніемъ, она до тѣхъ поръ истязала свое очерствѣвшее сердце, пока оно, смягченное, не обливалось горячими слезами кровавой скорби.

Тогда только она начинала робко оправдывать себя искренностью сознанія своей вины и кровью этой скорби и чувствовала, что несмотря на все, она все-таки достойна прощенія и состраданія.

Понемногу раскаяніе проходило, и послѣдніе его отблески обращались къ Виктору въ формѣ легкаго упрека.

Почему онъ не приметъ во вниманіе ея слабости, не сжалятся надъ нею настолько, чтобы поддержать ее въ рѣшительную минуту, когда она, выбившись изъ силъ, бросается всѣмъ страдающимъ сердцемъ къ его призраку?

И тотчасъ же ее охватывала волна нѣжнаго умиленія.

— А можетъ быть, есть препятствія, которыя и онъ старается преодолѣть?—думала она, съ грустью всматриваясь въ темноту ночи. Ибо она уже была увѣрена, что въ этомъ безконечномъ угрюмомъ морѣ бродитъ возлюбленная страждущая тѣнь, грустная, такъ какъ ея нѣтъ видѣть съ нею, тоскующая, какъ и она, и такъ же, какъ она, одинокая.

Она отворяла окно и тихимъ, умильнымъ плачемъ призывала его изъ темноты, хотя въ то же время ясно сознавала, что все это ни къ чему, что она даромъ тратитъ слезы среди этого глухого безконечнаго пространства, ибо ни онъ ихъ, ни онѣ его въ такую ночь не найдутъ.

Въ концѣ концовъ, совсѣмъ обезсиленная этимъ вихремъ противорѣчивыхъ волненій и мыслей, она возвращалась въ постель и засыпала обыкновенно до поздняго утра.

Иногда, однако, въ ней еще разъ подымался этотъ странный плачь, точно чуждый ей, и она прислушивалась къ нему въ полуснѣ, какъ къ чужимъ голосамъ, рыдающимъ надъ неизвѣстной печалью.

Какъ-то, послѣ двухдневнаго ненастья, она проснулась утромъ отъ такого же плача; на этотъ разъ впечатлѣніе чего-то чуждаго было такъ сильно, что она даже приподнялась на кровати и оглядѣлась во кругъ.

— Ахъ, это я!—подумала она, придя въ себя.

— И зачѣмъ?—прибавила она, чувствуя, какъ быстро высыхаютъ слезы и нѣтъ даже и слѣдовъ какого бы то ни было волненія.

Она невольно взглянула въ открытое окно. Дождя уже не было; съ холодной струею воздуха проникали въ комнату косыя полосы пах-

вущаго сыростью свѣта, полныя кружащихся въ нихъ точекъ и золотыхъ пылинокъ.

Сквозь нихъ Марыня увидѣла вогнутый куполъ лазореваго неба, а на немъ жемчужное легкое облачко, которое понравилось ей своими летучими фантастическими очертаніями, и казалось знаменіемъ конца непогоды и надеждой на ясныя ночи.

Въ первый разъ за долгій промежутокъ времени, вмѣсто глухой печали по поводу пробужденія, она испытала подкрѣпляющее ощущение общей бодрости.

Она проворно встала и начала одѣваться менѣе гнѣвно, чѣмъ обыкновенно.

— И зачѣмъ такъ рано? — пронеслось у нея въ головѣ, но такъ какъ она уже была готова къ выходу, то ей не хотѣлось измѣнять своего рѣшенія.

Во всемъ домѣ царствовала еще тишина; единственнымъ признакомъ приближающагося времени вставанія были стоящія въ сѣняхъ на каминѣ закопченные глиняные кофейники, въ которыхъ Янъ подогрѣвалъ кофе, отпертыя двери на крыльцо, кучка мусору на ступеняхъ и доносившійся изъ сада шумъ выколачиваемыхъ ковровъ.

Эти явленія, указывающія на присутствіе [людей, [какъ всегда, такъ и теперь, немного неприятно подѣйствовали на Марыню, она слегка отшатнулась и, быстро пройдя лѣстницу, поспѣшно направилась въ глубь парка. По мѣрѣ удаленія отъ дома въ ней возстановлялось равновѣсіе и вскорѣ она вполне успокоилась, замедлила шаги и, машинально обходя оставшіяся еще въ ямахъ лужи, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ ощущала подъ ногами упругость отсырѣвшей глины. Каждый разъ, какъ она задѣвала за какую-нибудь вѣтку, на нее брызгала холодная пыль росы; временами сыпались сверху лепестки отцвѣтающихъ, пахнущихъ увяданіемъ цвѣтовъ; она раздражалась тогда всѣмъ тѣломъ, но это не было ей неприятно. Такимъ образомъ она совершенно машинально забрела въ самую отдаленную часть парка, которую уже давно не посѣщала. Въ одной изъ запущенныхъ и нерасчищенныхъ дорожекъ, желая обойти упавшую поперекъ сгнившую скамейку, она вдругъ повернула въ сторону и очутилась на такъ называемой «аллеѣ [Марыни», ведущей къ «оврагу Виктора».

Это была широкая тропинка, та самая, которую Викторъ за время своего послѣдняго пребыванія въ Кленовѣ, самъ собственноручно и усердно мостилъ для нея.

Рыжеватые куски кирпича уже пораздвинулись, потрескались во многихъ мѣстахъ и рассыпались въ красноватую пыль. Въ каждой изъ этихъ трещинъ зеленѣла мелкая травка, и кое-гдѣ въ задержанныхъ потокахъ дождя играло солнце. При видѣ этого, бѣлая матовая кожа на лицѣ Марыни еще болѣе поблѣднѣла; съ затаеннымъ дыха-

нѣмъ смотрѣла она на эту «свою» дорожку, сердце задрожало въ ней, а за нимъ и все ея существо отъ наплыва прибывающихъ отовсюду горькихъ слезъ.

Нагнувшись немного впередъ, растроганная до глубины души, она гачала осторожно ступать по кирпичамъ; старалась не сбойти на одной изъ этихъ святынь, касаясь ихъ легко и иѣжно или ногой, или взглядомъ.

Изъ широко открытыхъ глазъ тихо катились слеза за слезою, большія и обильныя, и часто капали со щекъ прямо на землю, какъ роса, стряхиваемая при этомъ благоговѣйномъ шествіи съ листьевъ деревьевъ и кустовъ.

Такъ она дошла до конца дорожки и остановилась на краю глубокаго оврага, за которымъ внезапнымъ обрывомъ кончался паркъ и начинался огромный лугъ, идущій параллельно берегу Сиводы, точно развернутая длинная лента зелени, опушенная мелкой сверкающей алмазной пылью разбивающихся въ дребезги брызгъ. Вдали, въ концѣ луга видѣлась растянутая линія бѣлыхъ фигуръ, которыя, казалось, покачивались на одномъ и томъ же мѣстѣ. Отъ времени до времени на уровнѣ головы какой-нибудь изъ нихъ блестѣла на солнцѣ кривая полоса и раздавался громкій рѣзкій звукъ. Этотъ внезапный блескъ и звукъ казался Маринѣ чѣмъ-то болѣзненнымъ. Она заслоняла отъ него густыми рѣсницами свои заплаканные глаза, взоръ ея блуждалъ по сплетшимся свѣшивающимся вѣтвямъ орѣшника, и такъ съ листа на листочекъ невольно опускались ея взгляды все ниже и ниже по бурымъ склонамъ обрыва, пока не упали на дно.

Тутъ вдругъ они застыли на мгновеніе...

Тамъ, во всей гнусности, лежала передъ нею отталкивающая, грубая смерть. На самомъ днѣ «оврага Виктора», въ грудѣ мокрыхъ истгѣвшихъ листьевъ валялся Ральфъ или скорѣе его разлагающійся трупъ.

Вздутое голсе брюхо и полинявшіе бока, точно вытертые и вымокшіе до того, что порывѣла шерсть, теряли уже свои контуры, превращаясь въ расплывающуюся во всѣ стороны безформенную массу. Въ ввалившейся равнѣ въ паху задней ноги кишѣлъ живой клубокъ бѣлыхъ червей, надъ провалившимся, потускнѣвшимъ, какъ пятно плѣсени, глазомъ, носились огромныя мухи зеленовато-стального, мѣняющагося цвѣта; изъ-подъ обвисшей безсильно губы, какъ черная зубчатая бахрома, торчалъ синій языкъ. Казалось, одна пасть жила еще, въ ней точно длились смертельныя, отчаянныя судороги бѣшеной ярости, зловѣще сверкала бѣлый клыкъ и пронизывалъ каждый нервъ Марыни.

Все ея существо болѣзненно сжалось отъ трепетнаго ужаса, она старалась углубиться въ самое себя, точно хотѣла съежиться и укрыться въ какой-то тьмѣ отъ этого зрѣлища.

Но оно преслѣдовало ее, бросалось за ней повсюду, неотразимое, страшное, отвратительное, истекающее гноемъ.

Все это длилось одну секунду, а Марынѣ казалось, что проходить цѣлые вѣка нечеловѣческой пытки.

Въ головѣ ея, точно тяжелый звонъ въ шатающемся куполѣ колокольни, объятай пламенемъ пожара, дрогнули огромныя глыбы металла, бѣшено задвигались и забили тревогу, неистовствовали, ворочали пудовыми сердцами въ красномъ заревѣ, среди тучъ, пепла и дыму.

И потомъ вдругъ оборвались, закружились съ продолжительнымъ воемъ и полетѣли въ бездонную пропасть, разрушая по пути всѣ препятствія.

Съ ихъ стономъ Марыня свалилась въ густую траву, погбѣдившимъ лицомъ кверху.

Прошло около часу, тяжелаго, мертваго; вѣйки открылись и обнажили два большіе сѣрыхъ глаза, мутныхъ, точно закопченныя зеркала. Смутно отражались въ нихъ шепчущіеся листочки молодой березки, подшитые матовымъ серебромъ, бѣлое облачко, пробѣжавшее въ эту минуту по небу, потомъ заглянула въ нихъ ясная синева неба, тускнѣя въ отраженіи, и снова вѣйки сомкнулись отъ назойливаго солнечнаго луча.

Ужъ близко звонили острыя косы, когда вторично задвигались эти вѣйки съ густыми рѣсницами, а за ними и все тѣло. Марыня встала и тѣмъ же путемъ, спотыкаясь о красноватый щебень и кирпичи, какъ о застарѣлыя сгустки крови, лежащія въ лужѣ слезъ, машинально побрела домой.

Отсутствіе Марыни за утреннимъ завтракомъ никого не удивило, такъ какъ она часто просыпалась около полудня, а по приказанію Баи, считавшей сонъ лучшимъ средствомъ отъ всевозможныхъ физическихъ и нравственныхъ недуговъ, никто ея раньше не будилъ.

И только къ обѣду, посланный на развѣдки Игнась сообщилъ, что мамочка спитъ, въ платьѣ и загрязненныхъ туфляхъ.

— Что спать, это хорошо! Но зачѣмъ же въ платьѣ и еще въ туфляхъ?— недоумѣвала Баля, пожимая плечами.

— Однако, ее слѣдовало бы разбудить,—произнесъ, отпивая кофе, Игнатій,—продолжительный сонъ истощаетъ; ручаюсь тебѣ, что это одна изъ причинъ ея слабости, она худѣетъ съ каждымъ днемъ!

— Это тебѣ только такъ кажется,—запротестовала Баля,—она всегда была худа, да съ такимъ канареечнымъ аппетитомъ и нельзя быть не худой! Во всякомъ случаѣ, я это разужаю, отчего она все-таки въ платьѣ? Вотъ это, дѣйствительно, губительно для здоровья! Оттого-то я и говорю тебѣ, не спи послѣ обѣда, а если ужъ хочется, такъ раздѣнься... Охъ, будетъ опять работа «Карлсбаду»!—произнесла она вслѣдъ

уходящему мужу, спрятала сахарницу въ буфетъ, приказала смести со стола крошки для воробьевъ и отправилась наверхъ.

Игнатій видѣлъ уже второй сонъ, когда вдругъ влетѣла въ кабинетъ Бэля и сразу заговорила сердито тономъ упрека:

— Такъ, такъ, ты себѣ тутъ валяешься, а я голову теряю!

— Что такое опять?

— Что? Марыня еле жива...

— А, вадорь!—нехотя подымаясь, пробормоталъ себѣ подъ носъ Игнатій; онъ привыкъ къ тому, что Бэля, подъ впечатлѣнiемъ минуты, всегда преувеличиваетъ.

— Бормочи, бормочи! Тебѣ хотъ свѣтъ вверхъ дномъ перевернись, только бы поспать дали,—продолжала Бэля тѣмъ же самымъ, только нѣсколько болѣе громкимъ тономъ.—Говорять тебѣ, прихожу я, а тамъ постель кверху ногами, и лежитъ она на ней головой въ подушку, туфли въ грязи, платье обтрепанное, мокрое до плечъ, въ волосахъ соръ, трава; должно бытъ, она гдѣ-нибудь бродила и упала, а можетъ быть, и еще что-нибудь? Руки—какъ ледъ, голова—какъ огонь.

— Ну, а все-таки цѣла и невредима? — нетерпѣливо перебилъ Игнатій.

— А тебѣ чего еще хотѣлось? Этого еще не доставало.

— Ну, такъ что-жъ тутъ оубеннаго? Встала, вышла, скользко, упала, поднялась и вернулась въ кровать.

— Отлично, прекрасно! — протяжно произнесла Бэля, и ноздри ея раздулись. Она выхватила неожиданно ключи изъ-за пояса и кладя ихъ столь же демонстративно, сколь громко, на столъ, передразнивая мужа, начала:

— Пожалуйста, прошу покорно взять и пойти, помучиться, поухаживать за больными, а я тутъ буду спать, валяться въ кровати, пить «Карлсбадъ»!..

— Бэля!—съ упрекомъ и въ то же время умоляюще воскликнулъ Игнатій.

— Что, Игнась!..

— Я вѣдь наzego... я только хотѣлъ узнать, что съ ней?

— А тогда и спроси, если хочешь узнать!—строго отрѣзала Бэля, и сейчасъ же забывая о своей роли обиженной, начала обстоятельно рассказывать:

— Ни слова не могла отъ нея добиться; раздѣвали мы ее вдвоемъ съ Флорентиной, лежитъ, какъ автоматъ; даже глазъ не открыла; я ее тепло укрываю и лечу за липозымъ цвѣтомъ, а по дорогѣ къ тебѣ, чтобъ ты послалъ за Постанскимъ, а ты...

— Сейчасъ сажусь и пишу...—хватая перо и бумагу, поспѣшилъ предотвратить бурю Игнатій.

— Ну, такъ помни!—произнесла смягченная готовностью мужа Бэля, собрала ключи и ушла.

*

«Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь скверное?» думалъ Игнатій, дописывая письмо къ доктору.

— Надо, однако, равьше убѣдиться,—добавилъ онъ, заклеивая конвертъ,—а то старикъ за ложную тревогу готовъ обидѣться!—Игнатій всунулъ письмо въ карманъ и пошелъ наверхъ.

Въ корридорѣ ему загородили дорогу шкафчикъ и кровать, а потомъ Бэля, которая достаточно громко предостерегала прислугу, чтобы она вела себя тихо и осторожно переносила вещи.

— А это что еще?—спросилъ Игнатій.

— Игнася надо перевести внизъ, а то еще, можетъ быть, это какая-нибудь заразная болѣзнь!

— Ну, что же, какъ она?

— Спать! Написалъ?

— Написалъ, что очень прошу прѣхать по важному дѣлу; о болѣзни ни слова, потому что можетъ еще отказать, въ особенности теперь,—онъ какъ-то настойчиво избѣгаетъ Марыни, я думаю, оттого онъ къ намъ теперь и не заглядываетъ.

— Да, это правда! А вѣдь какъ, кажется, онъ ее любитъ! Чудакъ!

— Можно къ ней?

— Только потише, не разбуди ее!

Игнатій, пройдя на цыпочкахъ опустѣвшую комнатку Игнася, остановился на порогѣ и, выгибаясь, заглянулъ въ сторону кровати Марыни, стоящей въ глубинѣ и наполовину закрытой отворенной половинкой двери.

Марыня лежала бокомъ, неподвижно, покрытая до шеи одѣяломъ и пледомъ; на фонѣ подушекъ видѣлись разбросанныя тѣни густыхъ волосъ, откинутыхъ немного назадъ; нѣз-подъ нихъ выглядывалъ кусокъ лба, точно пластинка мрамора съ голубыми жилками; ниже—закрытый глазъ, окруженный сверху рѣзкой линіей бровей, а снизу смневатой тѣнью, походилъ на продолговатую жемчужную раковину, уходящую въ глубину; подъ нимъ, на бѣлой, какъ бумага, щекѣ горѣло маленькое красное пятнышко.

Общее впечатлѣніе было таково, что Игнатій повернулъ назадъ и на вопросъ жены: спать?—невольно отвѣтилъ:—кажется! и выбѣжалъ отдать поскорѣе письмо, торопливо погоняя посланнаго.

Несмотря на это, Постанскій явился только къ концу полевыхъ работъ и началъ сразу съ выговора:

— Что вы дѣлаете! Наконецъ-то погода установилась, тутъ бы сѣять, косить—у меня работы по горло, а тутъ у нихъ важныя дѣла!.. Что-жъ это за важное дѣло такое?

— Марыня больна,—съ удареніемъ произнесла Бэля.

— Ну такъ что-жъ, я объ этомъ давно знаю...

Но Бэля не дала ему докончить, живо и ярко описывая состояніе:

Марыни, дѣлая различныя предположенія относительно причинъ бо-
лѣзни и т. д.

Постанскій, нахмурившись, терпѣливо выслушалъ все, а когда Бѣла
умолкла, сухо сказалъ:

— Ну, что-жь я могу на все это сказать?

— Какъ, вѣдь вы докторъ!?

— А, въ этомъ смыслѣ,—сурово отвѣтилъ Постанскій,—ну, тогда
отнять банки отъ мозга, съ сердца пиявки, а если это все не помо-
жетъ, тогда кровь пустить—и баста!—закончилъ онъ раздражительно.

— Что?—спросила, не понимая хорошенько въ чемъ дѣло, Бѣла.
Докторъ еще разъ слово въ слово повторилъ съ нѣкоторою жест-
костью свой рецептъ.

Наступила продолжительная пауза.

— Нѣтъ, докторъ,—началъ Игнатій,—я не спору, что нравствен-
ныя перемѣны и потрясенія подорвали силы Марыни, но въ данномъ
случаѣ обыкновенная простуда тоже весьма вѣроятна: этимъ нельзя
пренебречь, правда! но и терять надежду...

— Я не теряю того, чего не имѣю,—пробурчалъ Постанскій,—а
ужь если хотите... Гдѣ она?

— У себя.

— Ну, такъ пойдѣмъ, Игнатій!—сухо произнесъ докторъ, и уже
наверху добавилъ:—а впрочемъ, останься, я и одинъ!..

Игнатій остановился у дверей, а докторъ вошелъ въ комнату Марыни.

Окна этой комнаты выходили на востокъ, а потому въ ней господ-
ствовалъ уже такой мракъ, что надо было зажечь свѣчу. Рѣсницы
Марыни, лежавшей навзничь, дрогнули отъ внезапнаго свѣта; красныя
пятна на щекахъ нѣсколько увеличались. Постанскій дотронулся до
ея руки, она была горяча, но не слишкомъ.

«Жару нѣтъ», подумалъ Постанскій и началъ всматриваться въ ея
лицо. Мелкая морщинка посреди лба, острая линія носа, бороздка на
блѣдныхъ анемичныхъ губахъ и слегка раздвоенный подбородокъ, ка-
залось, дѣлили это мраморное лицо на двѣ симметричныя половинны,
страдающія каждая порознь; такое, по крайней мѣрѣ, впечатлѣнiе вы-
несъ Постанскій, слѣдя за болѣзненно опущенными углами губъ, кото-
рыя все время попеременно нервно вздрагивали.

— Марыня!—прошепталъ докторъ, прикоснувшись рукою къ бѣ-
лому разгоряченному лбу.

— Марыня, что съ тобой? Скажи, голубка!—повторилъ онъ еще
разъ, наклоняясь надъ ней все ниже и ниже, точно собираясь поцѣ-
ловать ее.

Какъ вдругъ передъ нимъ приподнялись на минуту ея вѣки и по-
казались огромные глаза, блестящіе фосфорическимъ свѣтомъ. Ма-
рыня быстро отвернулась къ стѣнѣ страдальческимъ и недовольнымъ
движеніемъ, которое какъ бы говорило: «Ахъ, не трогайте!»

Постанскій отскочилъ, точно обожженный этимъ взглядомъ, вдрогнулъ, потушилъ свѣчу и вышелъ какъ можно тише изъ комнаты.

— Спать?—вполголоса спросилъ Игнатій.

Докторъ молча схватилъ его какъ клещами за локоть, потянулъ его отъ дверей, потомъ глубоко вздохнулъ и заговорилъ прерывающимся шопотомъ:

— Нѣтъ, не спать! Это какой-то рѣшительный кризисъ... почему? не знаю... что будетъ? также не знаю... Случится, что должно случиться... и никакое вмѣшательство тутъ не поможетъ...

Игнатій встревожился при словѣ кризисъ, и думая, что Постанскій по своему обыкновению хочетъ отдѣлаться отъ гнѣвнн, началъ его просить и умолять... остаться на ночь.

— Я вамъ, докторъ, прикажу кровать поставить... все сейчасъ же!—напиралъ онъ все смѣлѣе, видя, что старикъ не только не возражаетъ, а даже какъ будто нѣсколько взволнованъ.

— Зачѣмъ кровать, довольно и кресла!..

— Нѣтъ, развѣ я смѣю... утруждать... нѣтъ, ни за что?

— Кресло, говорю!—раздраженно прошипѣлъ Постанскій.—Въ кровати я такъ кашляю, что мертвый проснется. Хотя, въ общемъ, къ чему весь вздоръ, когда все это ни къ чему и не имѣетъ никакого смысла.

Но Игнатій не слушалъ конца, и боясь, чтобы докторъ не измѣнилъ рѣшенія, выбѣжалъ отдать соотвѣтствующія распоряженія.

Вскорѣ принесли кресло, обитое клеенкой, древность на огромныхъ колесикахъ, такое большое, что человѣкъ средняго роста могъ въ немъ смѣло жить.

Докторъ снялъ сапоги, поставилъ кресло противъ окна и усаживаясь пробормоталъ:

— Удобное!

«Что-жъ она дѣлаетъ, если не спитъ, а что не спитъ, такъ это навѣрное!» подумалъ онъ и не ошибался.

Марыня не спала ни минуты, хотя на самоѣ дѣлѣ, въ особенности вначалѣ, ея состояніе, благодаря полному отсутствію мыслей, впечатлѣній и притупленію чувствъ, напоминало сонъ.

Послѣ продолжительнаго обморока съ ней сдѣлалось что-то похожее на то, что временами случается съ тонкимъ механизмомъ, подвергшимся сотрясенію. Онъ не разбился, на видъ ничего въ немъ не раздробилось, но зато все расшаталось: звенять гайки на истертыхъ винтахъ, вертятся колеса, но зубцы не попадаютъ въ зубцы; задѣваютъ другъ за друга обороты ослабѣвшей пружины, кружатся оси, каждая отдѣльно, потерявъ связь съ цѣлымъ; мѣрно качается разъединившійся маятникъ; стрѣлка стоитъ все время на одной и той же черной минутѣ, а сосредоточивающее все зеркальце, въ которомъ прежде отражалось стройное цѣлое механизма, робко мелькаетъ отъ этого безцѣльнаго

вращенія отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ ни одна уже не занимаетъ своего мѣста.

Въ Марынѣ также все время бродило ложное ощущеніе сдвинувшихся съ своего мѣста всѣхъ силъ ея души, замѣшательства во всемъ ея существѣ, распавшемся на какіе-то кусочки, не подходящіе одинъ къ другому. А потомъ ея личность точно раздвоилась на противоположные лагера, начавшіе борьбу между собою.

Съ одной стороны слѣпыя природныя инстинкты, жаждущіе во что бы то ни стало жизни, бросились на спасеніе существованія, которому угрожала опасность, снѣсьсь возстановить прежній порядокъ, теперь нарушенный; съ другой—пораженный этой катастрофой, хотя и менѣе могущественный, чѣмъ первый, но все-таки богѣ сознательный начала сопротивлялись этому изъ всѣхъ силъ, уничтожая работу, начатую первыми, такъ какъ предчувствовали, что съ минуты, когда все войдетъ въ прежнюю колею, долженъ неизбѣжно пробить тотъ самый часъ, и тѣмъ же роковымъ голосомъ невысказанной скорби, и предпочитали погибнуть навсегда, нежели испытать вторично это потрясающее страданіе. И это былъ дѣйствительно какой то рѣшительный кризисъ, теченіе котораго зависѣло исключительно отъ склада внутреннихъ силъ Марыни; а этого отношенія Постапскій не зналъ, ни въ качествѣ челоуѣка, ни въ качествѣ доктора, и тѣмъ менѣе—могъ предупредить.

Докторъ чувствовалъ это интуитивно, и если остался, то сдѣлалъ это помимо воли, прямо изъ-за того, что упрощенія Игнатія застѣгли его въ минуту упадка энергіи. Теперь онъ былъ даже золъ на себя за это и, навѣрное, ушелъ бы, если бы кресло не было такъ удобно, и не такъ болѣли руки и ноги отъ работы въ усадьбѣ; къ тому же было уже довольно поздно. Блѣдная, короткая іюньская ночь смѣняла уже день на небѣ; каждый разъ, какъ Постапскій направлялся въ комнату Марыни, черезъ открытыя двери видѣлась звѣздочка за окномъ, тогда какъ его еще окружали сумерки: на горизонтѣ расплзалась все еще розоватая заря заката, какъ будто солнце никогда не должно было скрыться.

Въ сладкой тишинѣ быстрымъ темпомъ квакали лягушки, а когда хоръ смолкалъ, раздавались отдѣльныя монотонныя кваканья. Постапскаго начало клонить ко сну, и ему припомнилась давнишняя ночь въ Венгріи. Онъ стоялъ одинъ на пикетѣ, далеко отъ лагеря; за нимъ на темной синевѣ небесъ разгорались золотистыя звѣзды, а передъ нимъ краснѣли отдаленныя зарева пылающихъ селеній. Было такъ же, какъ сегодня—тихо, только гдѣ-то въ болотѣ отзывались печальнымъ голоуомъ лягушки.

И тотъ пейзажъ, въ особенности нѣкоторыя его подробности припомнили ему такъ живо Смутинце и Цментарки, что ему казалось, что онъ находится среди родныхъ полей.

Страшная тоска охватила его; карабинъ потяжелѣлъ въ рукахъ,

а тоска желѣзнымъ обручемъ сдавила ему лобъ; сердце, какъ молотъ, застучало подъ мундирою, а грудь давили рыданія. Была минута, когда ему хотѣлось бросить оружіе и вернуться; но онъ не зналъ куда, за нимъ становилось все темнѣе и мрачнѣе, а впереди все кровавѣй и ближе разгорался полукругъ пожаровъ.

Въ глазахъ доктора все стало мѣшаться; казалось ему, что онъ въ сраженіи, но все совершается не такъ, какъ на самомъ дѣлѣ. Трещать барабаны, но такъ глухо, точно они обтянуты не кожей, а сукномъ, гранаты лопаются съ едва слышнымъ трескомъ; наконецъ, онъ бросается въ атаку безъ команды вмѣстѣ съ цѣлымъ отрядомъ; у него все время заплетались ноги, онъ нажималъ курокъ, но выстрѣлъ не раздавался. Вдругъ все разсѣялось и начали мелькать передъ нимъ, охваченныя паникой, блѣдныя лица, которыя превращались въ его глазахъ въ дорогія черты давно умершихъ людей. Его охватило отчаяніе, и выставивъ штыкъ, онъ одинъ ожидалъ тучу несущейся кавалеріи, летѣвшей на него по дрожавшей отъ конскаго топота землѣ.

Эта туча заслонила передъ нимъ все; у него потемнѣло въ глазахъ, какъ тогда, когда онъ получилъ тяжелую рану. Съдая голова склонилась на грудь, и докторъ захрапѣлъ. Когда онъ открылъ глаза, была уже ночь, но въ окнѣ Марыни бѣлѣлъ разсвѣтъ. Онъ насторожился, услышавъ какой-то шелестъ; ему казалось, что она повернулась на кровати. Но опять все затихло, а потому онъ только поправился въ креслѣ, поднялъ воротникъ пиджака отъ холода и задремалъ. Вскорѣ болѣе стремительное движеніе снова разбудило его. Теперь уже по рамѣ скользилъ блѣдно-желтый отгѣнокъ; темнота въ комнатѣ доктора также начала разсѣиваться, становясь сѣрой; выдѣлялись контуры ближайшихъ деревьевъ, качающихся отъ легкаго вѣтерка и раздавалось чирканье просыпающихся птичекъ.

Постанскій, потянувшись, зѣвнулъ; шорохъ, раздавшійся изъ сѣдной комнаты, отрезвилъ его окончательно. Онъ осторожно отодвинулъ кресло и задумался: что ему дѣлать?

Вдругъ сильнѣе скрипнули пружины кровати, треснула полая доска и, какъ призракъ, продвинулась въ одномъ бѣлѣ тонкая фигура Марыни, скрываясь за дверною нишей.

Постанскій застылъ на мѣстѣ и уставился огромными налитыми кровью глазами въ открытую дверь.

Щелкнувъ два раза замокъ, послышалось отодвиганіе тяжелаго ящика, и Постанскій увидѣлъ быстро мелькающія обнаженныя руки Марыни, которыя, какъ видно, что-то поспѣшно искали, выбрасывая изъ комода различныя вещи такъ стремительно, что онѣ даже разлетались во все стороны. Вдругъ что-то блеснуло, описывая полукругъ въ воздухѣ и съ бряцаньемъ упало на полъ около самыхъ дверей.

Постанскій вздрогнулъ; онъ узналъ этотъ предметъ по формѣ и блеску. Это былъ кавказскій кинжалъ въ серебряной оправѣ, приве-

женный однимъ изъ товарищей Виктора, прекрасное издѣліе, достоинства котораго докторъ не разъ хвалилъ и, какъ знатокъ оружія, усвѣлъ оцѣнить.

Глядя на него старикъ невольно содрогнулся, а потомъ оробѣлъ: рукоятку судорожно сжимала маленькая ручка Марыни; клинокъ исчезъ у него изъ глазъ, и черезъ мгновеніе поперекъ полуотворенной двери промелькнула обратно бѣлая фигура. Короткій блескъ ея разгорѣвшихся глазъ поразилъ его на лету, какъ остріемъ. Докторъ почувствовалъ точно уколъ тысячи иголокъ на плечахъ и груди, онъ поднялся, какъ-бы схваченный за волосы посторонней силой, и хотѣлъ броситься въ ея комнату, но сейчасъ же, страшнымъ, быстрымъ, какъ молнія, усиленъ воли удержалъ первое движеніе; зажимая ротъ, не дыша, точно стараясь скрыть свое присутствіе не только передъ нею, а даже и передъ самимъ собой, съ полузакрытыми глазами, пряча голову въ приподнятыя плечи, онъ началъ, осторожно ступая, удалиться къ выходу.

Какъ только онъ переступилъ черезъ порогъ, самообладаніе его покинуло; быстро, точно спасаясь, пробѣжалъ онъ корридорчикъ; трясущіяся руки, нащупавъ какую-то дверь, съ силой отворили ея, и По-станскій, очутившись въ маленькой комнаткѣ, бросился на выпѣвѣвшій диванчикъ, такъ что зазвенѣли его поломанныя пружины; тутъ-онъ закрылъ встревоженное лицо, покрытое морщинами и шрамомъ, твердыми, огрубѣвшими отъ труда руками и началъ повторять: «Только бы сразу! только бы сразу!..» такимъ напряженнымъ шопотомъ, точно всѣми силами своей души старался внушить кому-то это свое желаніе.

Потомъ голосъ его оборвался, и онъ долго сидѣлъ молча. Опустились безсилно руки, сгорбились плечи, отвисли щеки, около глазъ и носа появились сѣтки безконечныхъ морщинокъ, и изъ почтеннаго великана старца выглянулъ сгорбленный дѣдъ.

Онъ немощно поднялся, приблизился къ продолговатому окну, онѣмѣвшими пальцами долго не могъ схватить задвижки, пока не открылъ ихъ, и толкнулъ, наконецъ, раму наружу.

Зазвенѣли стекла тѣмъ же звономъ, какъ и въ старое доброе время, закачались обветшалыя рамы, и, заскрипѣвъ на заржавѣвшихъ петляхъ, искривляясь немного, заняли предназначенное для нихъ мѣсто въ пространствѣ.

Докторъ оперся о косякъ и смотрѣлъ.

Невдалекѣ, немного выше окна, слегка покачивались густыя верушки двухъ раскидистыхъ липъ, наполненные радостнымъ щебетаньемъ птичекъ. Было уже свѣтло, хотя солнце еще не взошло. Надъ горизонтомъ сновали разбросанныя легкія облачки, точно маленькія лодки съ свѣжными парусами и яркими флажками, уносимыя вверху вадымающей волною яркаго блѣдно-зеленаго цвѣта. Подъ ними на желтоватомъ фонѣ колеблющагося воздуха рдѣли розоватыя полосы,

которыя, казалось, подгоняли эту волну кверху, удѣляя ей часть своего цвѣта.

Въ свою очередь онѣ сами насыщались кровью невѣдомаго источника, который, должно быть, все приближался, ибо окраска ихъ сгущивалась съ каждою минутою.

Постанскій машинально приглядывался къ этой игрѣ свѣта, и черты его лица хмурились, приобрутая выраженіе угрюмой сосредоточенности. Въ концѣ концовъ, онъ вытянулся во весь ростъ и, устремивъ нахмуренный взглядъ въ восходящій край краснаго круга, проговорилъ съ угрозою въ голосѣ:

— А, ты всегда сверкаешь мнѣ... при кровопролитіи!

Въ это время огромный шаръ поднялся уже надъ горизонтомъ, и нывы все выше и выше, быстро уменьшался и блѣднѣлъ; потомъ превратился въ ярко блистающій брилліантъ, окруженный ореоломъ такого ослѣпительнаго блеска, что у доктора глаза наполнились слезами. Онъ отвернулся съ потухшимъ взоромъ и лицомъ, потемнѣвшимъ отъ дыма внутренней скорби.

— И не такіе виды видывали!—угрюмо проворчалъ онъ и направился къ выходу.

Передъ комнатою Марыни онъ пріостановился и, заставъ дыханіе, долго и усердно прислушивался; тамъ царствовала страшная, мертвая тишина.

Докторъ намѣревался войти, но не чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ, а потому подошелъ къ дверямъ и снова вернулся въ корридорчикъ.

Внизу раздались чьи-то шаги.

— Кто тамъ?—спросилъ сдавленнымъ голосомъ Постанскій, перегибаясь черезъ уакія перила лѣстницы.

— Это я—Янъ!

— Господа встали?

— Пави встала.

— А павъ?

— Несу какъ разъ платъе!

— Ну, неси, неси, да скажи, чтобы сейчасъ же сюда пришелъ.

Когда появился сильно еще заспанный Игнатій, докторъ выходилъ изъ комнаты Марыни.

— Ну что, какъ тамъ, лучше?—спросилъ Игнатій, обезпокоенный внезапнымъ призывомъ.

— Лучше!—прогремѣлъ отвѣтъ, но такой сухой и холодный, что Игнатій, вмѣсто того, чтобы обрадоваться, обезпокоился еще больше, посмотрѣлъ испытующе изъ-подъ очковъ на неподвижное лицо доктора, но ничего не могъ прочесть въ его загадочныхъ чертахъ и спросилъ:

— Кризисъ миновалъ благополучно?

— Миновалъ!—отвѣтилъ Постанскій прежнимъ тономъ.

— Ну вотъ, спасибо... большое спасибо!—съ непонятнымъ для

себя волненіемъ и замѣшательствомъ началъ бормотать Игнатій, протягивая доктору руку.

Но Постанскій, вмѣсто того, чтобъ протянуть свою, вытеръ ее о полу пиджака, и только тогда Игнатій замѣтилъ, что концы трехъ пальцевъ доктора смочены кровью.

— Что съ вами?—воскликнулъ онъ измѣнившимся голосомъ, нервно схватывая доктора за плечо.

— Ничего! Пустя... болванъ!—раздраженно обрѣзалъ докторъ.

Игнатій остолбенѣлъ на минуту, потомъ, пораженный страшнымъ предчувствіемъ, бросился къ дверямъ въ комнату Марыни.

Постанскій сдѣлалъ быстрое движеніе, какъ бы желая остановить его, махнулъ небрежно рукою и въ изнеможеніи опустился на кресло.

Черезъ мгновеніе раздался сдавленный крикъ «ахъ!» показался Игнатій блѣдный, какъ мертвецъ, безъ очковъ, съ испуганными мутными глазами, и закричавъ: «Воды! воды!»—выбѣжалъ изъ комнаты.

Постанскій бросился за нимъ, какъ угорѣлый:

— Что ты всю деревню хочешь сюда созвать?

Но Игнатій былъ уже вназѣ и криплымъ голосомъ звалъ:

— Ба! Янъ! воды! съ такимъ отчаяніемъ, что даже дѣти проснулись.

Первая сорвалась Аврѣя и въ испугѣ начала сдергивать одѣяло съ спящей рядомъ панны Флорентины.

— Que veux-tu? laisse-moi!... insupportable!...—проговорила бонна и отвернулась къ стѣнѣ.

Тогда Аврѣя, какъ была, въ одной рубашенкѣ, начала стучать въ сосѣднія двери!

— Игнась!

— Что такое?—раздался тоненькій голосокъ.

— Вставай, что-то случилось!

Выглянуло маленькое раскрасѣвшееся отъ сна личико.

— Что случилось?

— Не знаю, папа кричалъ—воды!

— Должно быть, пожаръ.

— Должно быть!

— Подожди, сейчасъ,—и Игнась началъ тормошить Зымуся повторяя:

— Динь, динь, динь—вставайте!—настоящій пожаръ!

— Гдѣ, что?—разспрашивали дѣти, наэлектризованные этимъ извѣстіемъ, потому что какъ разъ наканунѣ они играли въ «пожарную команду», разрушали и гасили бумажный пожаръ.

— Надо сейчасъ же, въ одну минуту одѣться—заявилъ Зыгмусъ, который почерпнулъ идею подобной забавы изъ описаній быта пожарной команды.

— Dormez, enfants,—простонала изъ кровати панна Флорентина, разсерженная тѣмъ, что ее разбудили.

Но дѣти одѣвались съ быстротою молніи. Апусъ началъ плакать,

такъ какъ у него запутались панталоны, а какъ младшій онъ и безъ того игралъ роль «копули» въ этой новой забавѣ.

Игнась выручилъ его изъ бѣды. Вскорѣ весь отрядъ былъ готовъ: Зыгмусъ во главѣ съ трубою, Игнась съ деревяннымъ топорикомъ, Аврая съ чашкой, Мечиславъ съ рюмкой, и въ хвостѣ Апусъ съ черепкомъ—и очутился у дверей, ведущихъ въ корридоръ.

Тутъ только наступила минута, когда дѣти пришли въ себя и задумались.

— Гдѣ же пожаръ?—спросилъ предводитель.

— Да вотъ, Аврая знаетъ,—поспѣшно заявилъ Игнась.

— Я не знаю... только папа кричалъ: воды!—смущенно отвѣтила Аврая.

— Ну, такъ, какъ же быть? — разводя руками и съ разочарованнымъ личикомъ, печально протянулъ Мечиславъ.

Но въ ту же минуту послышалось сверху отрывистое приказаніе Постапскаго:

— Не надо никого!.. Я одинъ съ Яномъ! Маршъ внизъ и не впускать ни одной собаки, въ особенности дѣтей!..

— Должно быть, наверху...—начала Аврая.

Но никто уже не вѣрилъ, что въ домѣ пожаръ; въ то же время слова Постапскаго увѣрили дѣтей, что случилось дѣйствительно что-то необыкновенное, и, кромѣ того, дали понять, что надо дѣйствовать скрыто, какъ «индѣйцы», чтобы добиться истины.

Мгновенно топорикъ въ рукѣ Игнася превратился въ томагаукъ, всѣ остальные тоже соответственно преобразились, и дѣти, пріоткрывъ дверь, начали слѣдить въ щелку изъ засады за движеніями и намѣреніями «бѣлыхъ».

По корридору прошелъ Игнатій, за нимъ Бэля, оба дѣйствительно «бѣлые», въ особенности Бэля, блѣдная, какъ бумага.

Потомъ съ ведромъ воды и тряпкой прошелъ въ противоположную сторону Янъ. Скрипъ ступеней сообщалъ имъ, что старикъ отправился наверхъ.

Это показалось имъ страннымъ, потому что мытье половъ лежало на обязанности кухонныхъ дѣвокъ, но не настолько знаменательнымъ, чтобы заполнить промежутокъ абсолютной тишины, становившійся уже скучнымъ.

Для развлечения попробовали татуировать Апуса, но мальчикъ своимъ пискомъ принудилъ встать панну Флорентину, которая помѣшала этой операци.

Бонну дѣти вообще ни во что не ставили, а въ данномъ случаѣ прикрашенные фантазіей рассказы ихъ разожгли и ея любопытство до такой степени, что эта «блѣднолиця», «французскій жирафъ», какъ ее прозвалъ «черный мужъ» Игнась, приняла участіе въ засадѣ.

Вскорѣ заскрипѣли ступени и снова прошелъ старикъ Янъ со сверткомъ бѣлья, заляпаннаго кровью.

— Oh! le linge sanglant—простанала, подаваясь назадъ, панна Флорентина.

Дѣти оглянулись на нее и другъ на друга съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Показался Янъ съ лоханскй воды.

— Что случилось, Янъ?—спросила его панна Флорентина, но старикъ даже не остановился. Бонна слегка пріотворила дверь и продвинулась впередъ, заслонивъ собою отъ дѣтей все происходящее.

Это обстоятельство и разсердило дѣтей, и возбудило склонность къ новымъ предположеніямъ.

Слѣдовало, безъ всякаго сомнѣнія, изгнать это «чужое и неблагодарное племя» изъ силой занятой позиціи.

Уговорили Апуся, чтобы онъ представился больнымъ. Его выбрали жертвой, во-первыхъ, потому, что онъ дѣйствительно часто страдалъ глистами, во-вторыхъ былъ самый младшій и къ тому же болѣе другихъ склоненъ къ самопожертвованію, благодаря чему исключительно и достигалъ немного болѣе почетнаго положенія.

И вотъ, надлежащимъ образомъ гримасничая, мальчикъ началъ нищать и вертѣться на постели, а остальные дѣти довели до свѣдѣнія панны Флорентины, что Апуся страшно тошнить.

— У него такія длинныя глисты, какъ вашъ носъ!—добавилъ вполголоса Игнасъ вслѣдъ удаляющемуся хищнику, котораго выжили какъ разъ во время, такъ какъ въ корридорѣ началась оживленная суетня.

Пробѣжалъ два раза Янъ, потомъ Баля и Игнатій, который сейчасъ же вернется и вмѣстѣ съ Яномъ направится, но уже не наверхъ, а куда-то дальше.

Послѣ короткаго промежутка времени они снова показались, переноса обитую клеенкой старую кушетку, стоявшую въ концѣ корридора безъ употребленія, такъ какъ она была такая твердая, что развѣ только изъ особаго удалства можно было заняться на ней кувыр-кавьемъ. Кушетка исчезла въ гостиной, откуда вскорѣ донеслись звуки передвигаемой мебели; дѣти высыпали въ пустой корридоръ, но сейчасъ же предусмотрительно скрылись, заслышавъ новые шаги.

— Папа пошелъ наверхъ,—объявилъ Зыгмусъ.

Наступила продолжительная пауза. Затрещали сильнѣе ступени. Неожиданно появился вдругъ Игнатій и, замѣтивъ прячущія головки, подбѣжалъ къ дверямъ, быстро захлопнулъ ихъ и заперъ на задвижку.

Всѣ дѣти отскочили отъ дверей, кромѣ Игнася, который, не теряя присутствія духа, приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ.

Лѣстница необыкновенно жалобно заскрипѣла; тетя Баля прошла

впередъ, шурша юбкой; раздалися тяжелые шаги, и Игнась увидѣлъ сначала ногу, а потомъ и весь правый бокъ Постанскаго, несшаго что-то большое.

Съ плеча доктора безсилно свѣшивалась какая-то рука. Мальчикъ узналъ ее по точенымъ, бѣлымъ, какъ алебастръ, тонкимъ пальцамъ, промелькнувшимъ у него передъ глазами и дрогнувшимъ такъ же странно, какъ его дѣтское сердечко.

Что тамъ такое?—разспрашивали маленькіе товарищи.

Но Игнась молчалъ; тихо отстранился онъ отъ нихъ и забился въ уголокъ, съ поникнувшей черной головкой и жалобно опущенными глазами рта.

Дѣти переглянулись между собой и также опечалились.

Прошло около часа, отодвинулась задвижка и въ дверяхъ показалась Бэля; на блѣдныхъ щекахъ ея пылали два красныхъ пятнышка, глаза были сухи, она приблизилась къ Игнасю и дотронулась до него рукой; изъ глазъ ея брызнули слезы.

— Нѣтъ у тебя больше мамочки!—прошептала она, съ плачемъ цѣлуя мальчика.

А потомъ, обратившись къ остальнымъ дѣтямъ, произнесла:

— Тетя Марыня умерла... она ужъ у Боженки... пойдемте помолиться!..

И повела ихъ въ гостиную.

Дѣти невольно сбились въ кучку на порогѣ и смотрѣли удивленно и вмѣстѣ съ тѣмъ робко; одинъ Апусъ не испытывалъ тревоги, а только разочарованіе, такъ какъ надѣялся увидѣть тетю у Боженки, а не на кушеткѣ.

Тамъ въ черномъ платьѣ, окруженная цвѣтами лежала сильно вытянутая Марыня, съ головой, опирающейся на атласную подушку; темныя кудри волосъ, умышленно распущенныхъ около шеи, прикрывали рану, изъ которой вмѣстѣ съ кровью истекла ея страдальческая жизнь.

Въ худыхъ мраморныхъ пальцахъ, сложенныхъ ниже груди, лежалъ золоченый образокъ.

Бѣлое и прозрачное лицо съ удивительно тонкими чертами, поразительно прекрасное, имѣло выраженіе экзальтированнаго восклицанія. Однако, оно не производило впечатлѣнія ни жизни, ни смерти, ни даже сна, а скорѣе всего чуда искусства, которое не живетъ и не умираетъ, а только существуетъ и вѣряетъ справедливости грядущихъ поколѣній всю свою скорбь, всю боль своего страданія.

— Станьте на колѣни!—прошептала Бэля и начала читать молитву.

И едва она успѣла произнести первые слова, раздалось тихое рыданіе, выходящее изъ маленькой груди Игнася, который, дрожа, какъ

лясть, не могъ ни опуститься на колѣни, ни оторвать блуждающаго взгляда отъ лица матери.

Замѣтивъ это, панъ Игнатій схватилъ мальчика на руки и вынесъ изъ комнаты; Бэля съ помощью панны Флорентины увела остальныхъ плачущихъ дѣтей.

Въ комнатѣ остался одинъ Постапскій. Опершись о стѣну, онъ стоялъ все время съ неподвижнымъ лицомъ, точно высѣченнымъ изъ сѣраго песчаника; онъ вздрогнулъ слегка при звукахъ плача Игнася и снова застылъ, уставившись огромными блуждающими глазами, открытыми цѣлой сѣтью кровавыхъ жилокъ, въ лицо умершей.

Когда всѣ вышли, онъ приблизился, нагнулся надъ Марыней, прикоснулся губами къ холодному абу и прошепталъ:

— Можетъ быть, теперь тебѣ лучше!

Выходя, онъ еще разъ окинулъ этотъ чудный образъ такимъ взглядомъ, какимъ прощаются навсегда съ художественной урной, гдѣ заключенъ пепель сгорѣвшаго сердца.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ТРУДА.

У К О Т Л А.

Съ легкой, острой косою,
 Надъ зеленой травой
 Мнѣ ужъ больше, должно, не гулять...
 И родной полосой,
 Съ влячей-сивкой, сохой
 Борозды по веснѣ не взрывать...
 Подъ степнымъ вѣтеркомъ
 На току за гумномъ
 Рожь въ снопахъ мнѣ цѣпами не бить...
 На крестьянскомъ міру,
 На мужичьемъ пиру,
 Ни рѣчей, ни дѣсней не водить...
 На заводѣ большомъ,
 Надъ котломъ съ молотвомъ,
 Среди чаду и шума паровъ
 День-деньской я стою;
 Потъ надъ клепкою лью
 Подъ удары стальныхъ молотковъ...

Лѣто, осень... весь годъ,
Жизнь въ работѣ идетъ
Среди шума и дязга машинъ...
Зевъ громовый гудка,
Что реветъ въ облака,
Надо мною теперь господинъ...
Онъ—большой-тановой,
Онъ и староста мой,—
Только равкнетъ, а ты ужъ идешь...
И съ большимъ молоткомъ
Надъ огромнымъ котломъ
Потъ горячій надъ клепою льешь...
И подъ грохотъ станковъ,
Подъ шипѣнье паровъ
Забываешь про родину-мать;
Про покосы луговъ,
Про уборку стоговъ,
И не думаешь: „время-ль пахать?“
Ни мольбы о дождѣ
На сухой бороздѣ,
Ни восторговъ надъ зрѣлымъ зерномъ
Не почувешь въ груди...
День за днемъ впереди
Потекутъ надъ желѣзнымъ котломъ...
Да, не пахарь ужъ я:
Молотъ—пашня моя,
А зубило стальное—коса...
Миръ—питейный трактиръ,
Сороковка—мой пиръ,
А огромный заводъ—полоса!..

©. Поступаевъ.

РОДБЕРТУСЪ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

(Продолженіе) *).

Если мы обратимся къ хозяйственному строю, предшествовавшему капиталистическому, напр., къ хозяйственному строю античнаго міра или среднихъ вѣковъ, то мы не найдемъ этого распадѣнія ренты. Возьмемъ, напр., хозяйство римскаго патриція. Онъ былъ собственникомъ земли, средствъ производства и рабочихъ. Рабы не только добывали сырье, но и превращали его въ окончательный продуктъ. Весь этотъ продуктъ, за вычетомъ содержанія рабовъ и расходовъ по возмѣщенію уничтожившихся въ процессѣ работы средствъ производства, составлялъ доходъ патриція, очевидно не имѣвшего ни повода, ни возможности различать въ своемъ доходѣ долю прибыли на капиталъ и долю земельной ренты. Къ тому же этотъ доходъ имѣлъ натуральную форму, благодаря чему строгая расцѣпка его была вообще неосуществима. Съ точки зрѣнія патриція, источникомъ дохода было имущество, въ дѣйствительности же создателями этого дохода были рабы.

При такомъ положеніи вещей, даже самое понятіе капитала и прибыли на капиталъ не можетъ достигнуть ясности. Только одна категория капитала консолидируется и пріобрѣтаетъ опредѣленность уже въ античномъ мірѣ—это денежный капиталъ. Такъ какъ и при господствѣ натурального хозяйства обмѣнъ не совершенно исключенъ, и потребность въ деньгахъ существуетъ—иногда даже очень интенсивная, благодаря тому, что денегъ мало,—то и на самыхъ раннихъ стадіяхъ хозяйства мы замѣчаемъ существованіе ростовщическаго денежнаго капитала. Ростовщическій денежный процентъ есть почти единственно извѣстная въ античномъ мірѣ форма прибыли на капиталъ. Но размѣръ этой прибыли—ростовщическаго процента—не находится ни въ какой зависимости отъ дохода промышленнаго предпріятія, такъ какъ высота процента устанавливается при этихъ условіяхъ, исключительно вуждой заемщика, почему и процентъ можетъ достигать чудовищныхъ размѣровъ. Благодаря этому, общественное мнѣніе драв-

*) См. «Мірѣ Вожій», мартъ 1902 г., № 2.

«Мірѣ вожій», № 4, апрель, отд. 1.

наго міра не признавало процентъ правомѣрнымъ, нормальнымъ видомъ народнаго дохода и видѣло въ немъ вѣчто противоестественное и заслуживающее порицанія.

Современное хозяйство имѣетъ совершенно иной характеръ. Въ-мѣсто натурального производства для собственнаго потребленія въ немъ господствуетъ и даетъ типъ экономической жизни производство для сбыта на продажу. Отсюда вытекаетъ необходимость строгой расцѣнки всѣхъ предметовъ хозяйства. Въ-мѣстѣ съ тѣмъ, первоначальное недѣлимое производство продукта съ начала до конца въ одномъ и томъ же хозяйствѣ распадается на двѣ основныхъ ступени. На одной ступени изготовляется сырье, на другой—сырье превращается въ фабрикатъ. Изготовленіе и обработка сырья принадлежатъ различнымъ предпріятіямъ.

Первоначальная единая рента должна теперь распадаться на двѣ части, такъ какъ и производители сырья, и фабриканты должны получить свою долю. Какой же принципъ управляетъ раздѣленіемъ ренты? Принципъ трудовой цѣнности, создаваемой на каждой ступени производства—отвѣчаетъ Родбертусъ: «Я исхожу изъ предположенія,—говоритъ нашъ авторъ,— что иѣнная цѣнность каждаго готоваго продукта, какъ и на каждой ступени изготовленія продукта, равна соответствующей трудовой затратѣ, такъ что не только готовые продукты, но и сырье, и фабрикатъ по отношенію другъ къ другу обмѣниваются пропорціонально своимъ трудовымъ стоимостямъ; если, напр., изготовленіе сырья потребовало столько же труда, какъ и превращеніе его въ фабрикатъ, то готовый фабрикатъ будетъ расцѣниваться вдвое выше сырья». При этомъ условіи очевидно, что рента должна распределиться между собственниками сырья и фабрикатовъ пропорціонально трудовой затратѣ, на каждой ступени производства, ибо рента есть доля цѣнности продукта, и если цѣнность пропорціональна труду, то и рента должно быть пропорціональна труду.

Итакъ, если производство сырья стоило такого же труда, какъ и превращеніе сырья въ фабрикатъ, то сумма ренты на первой ступени производства должна быть равна суммѣ ренты на второй ступени. Но капиталъ, на который начисляется рента на второй ступени, неизбежно долженъ быть больше, чѣмъ на первой ступени, такъ какъ на первой ступени *въ расходы производства не входитъ сырье, а на второй ступени сырье есть необходимая составная часть этихъ расходовъ.*

Отсюда слѣдуетъ, что *процентъ прибыли изъ производство сырья долженъ бы быть выше (ибо капиталъ, на который начисляется процентъ, меньше), чѣмъ въ производство фабрикатовъ.*

Совмѣстимо ли, однако, съ законами капиталистической конкуренціи существованіе въ двухъ основныхъ отдѣлахъ національнаго производства, двухъ различныхъ процентовъ прибыли? Конечно, нѣтъ.

Избыточная прибыль, извлекаемая изъ производства сырья и въ частности изъ сельскаго хозяйства, не можетъ достаться капиталисту. Согласно закону равенства прибыли, на сельскохозяйственный капиталъ долженъ начисляться лишь такой же процентъ прибыли, какъ и на промышленный капиталъ. Кому же достанется избыточная прибыль въ земледѣльческомъ производствѣ? Очевидно, *землевладельцу*, собственнику естественныхъ силъ, безъ помощи которыхъ невозможно производство сырья. Эта избыточная прибыль и образуетъ земельную ренту, доходъ землевладельца. И земельная рента, и прибыль суть составная доли ренты вообще присвоенной собственниками части трудового продукта, которая въ предшествовавшія историческія эпохи поступала собственнику въ нераздѣленномъ видѣ, а затѣмъ, вслѣдствіе дифференціаціи земельной и капитальной собственности, стала распределяться, согласно закону трудовой стоимости, между землевладельцами и капиталистами и получила названіе земельной ренты и прибыли на капиталѣ.

Легко понять различіе этой теоріи земельной ренты отъ теоріи Рикардо. По Рикардо рента зависитъ лишь отъ различія естественнаго плодородія земельныхъ участковъ или отъ различія производительности послѣдовательныхъ затратъ земледѣльческаго капитала. Родбертусъ нисколько не отрицаетъ очевиднаго факта, что земельная рента должна быть тѣмъ выше, чѣмъ участокъ плодороднѣе, точно также какъ и того, что рента повышается при большей интенсивности сельскаго хозяйства. Таковую земельную ренту, возникающую благодаря *различію* условий земледѣльческаго производства на разныхъ пунктахъ, Родбертусъ называетъ *дифференціальной* рентой. Законы дифференціальной ренты выяснены Рикардо. Но, въ противность послѣднему, Родбертусъ утверждаетъ, что, кромя дифференціальной ренты, существуетъ и абсолютная земельная рента, совершенно не зависящая отъ указанныхъ различій и неизбѣжно возникающая въ сельскомъ хозяйствѣ непосредственно въ силу того, что сельское хозяйство, производя сырье, требуетъ меньшей затраты капитала, чѣмъ обрабатывающая промышленность, въ составъ капитала которой входитъ это самое сырье. Поэтому, не только болѣе плодородные участки земли даютъ ренту, но и наименѣе плодородная земля, если только она обрабатывается, не можетъ не приносить ренты.

Кто же изъ двоихъ правъ—Рикардо или Родбертусъ? Замѣтимъ прежде всего, что если бы даже теорія Рикардо была недостаточна для объясненія явленія земельной ренты во всемъ его объемѣ, отсюда еще не слѣдовала бы справедливость теоріи Родбертуса. Теорія Рикардо, дѣйствительно, недостаточна. Такъ, Рикардо вскользь упоминаетъ, что земельная рента зависитъ также и отъ удаленности земельныхъ участковъ отъ мѣста сбыта: чѣмъ ближе участокъ къ мѣсту сбыта, тѣмъ ниже расходы перевозки земледѣльческихъ продук-

товъ и, слѣдовательно, тѣмъ выше доходность участка, а слѣдовательно и его рента. Но мѣстоположеніе участка играетъ, на самомъ дѣлѣ, несравненно болѣе важную роль, чѣмъ различіе естественнаго плодородія земли. Огромныя различія въ высотѣ земельной ренты, которыя наблюдаются въ разныхъ странахъ, почти всецѣло опредѣляются этимъ моментомъ. Въ приамурскомъ краѣ земля, быть можетъ, не менѣе плодородна, чѣмъ въ Англіи или Бельгіи. Тѣмъ не менѣе, приамурскій край почти не знаетъ капиталистическаго землевладѣнія—земля нерѣдко не даетъ въ томъ краѣ никакой ренты, благодаря огромнымъ расходамъ доставки хлѣба на рынки сбыта. Колоссальная рента и огромная цѣна земли въ густонаселенныхъ странахъ Западной Европы всецѣло зависятъ отъ непосредственной близости въ этихъ странахъ земледѣльческаго производителя къ потребительнымъ центрамъ. Все это теорія Рикардо оставляетъ совершенно вѣтѣни.

Далѣе, трудно допустить, вопреки мнѣнію Рикардо, чтобы на земельную ренту не влиялъ и самый фактъ земельной собственности. Кромѣ дифференціальной ренты (пользуясь удачнымъ терминомъ Родбертуса), должна существовать и абсолютная рента, какъ слѣдствіе земельной монополіи. Собственникъ земли имѣетъ возможность не допустить никакое постороннее лицо до пользованія его земельнымъ участкомъ; это монопольное право, само по себѣ, можетъ служить для него средствомъ извлеченія дохода. Такъ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ еще не такъ давно имѣлась огромная площадь вополю плодородной и пригодной для обработки свободной государственной земли; эта государственная земля отдавалась желающимъ не даромъ, но за извѣстную небольшую плату. Земельная рента вытекала въ этомъ случаѣ всецѣло изъ самаго факта земельной собственности, а отнюдь не изъ недостатка хорошей земли, такъ какъ свободная хорошая земля имѣлась въ изобиліи.

Всѣ эти дополненія и ограниченія теоріи Рикардо отнюдь не уничтожаютъ ея научнаго значенія. Законы дифференціальной ренты понятія Рикардо вополю правильно и должны быть положены въ основу всякой научной теоріи земельной ренты.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о теоріи Родбертуса. Несмотря на многія вѣрныя частности и замѣчательно глубокое социологическое освѣщеніе вопроса о происхожденіи землевладѣльческаго дохода, вся теорія въ цѣломъ, безусловно, несостоятельна. Ея основная посылка ложна и опровергнута самимъ Родбертусомъ. Теорія построена на предположеніи, что цѣна продукта зависитъ не отъ издержекъ производства, а отъ трудовой стоимости. Но самъ Родбертусъ призналъ въ четвертомъ «Соціальномъ письмѣ» ошибочность этой точки зрѣнія. Центромъ тяготѣнія среднихъ цѣнъ является въ современномъ хозяйствѣ не трудовая стоимость, а издержки производства.

Если же такъ, то все ученіе о земельной рентѣ Родбертуса падаетъ въ прахъ. Можно согласиться, что въ земледѣльческомъ производствѣ отсутствуютъ затраты на сырье, между тѣмъ какъ эти затраты входятъ въ составъ издержекъ производства въ обрабатывающей промышленности. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Большая прибыльность земледѣльческаго производства, какъ думаетъ Родбертусъ? Отнюдь нѣтъ. Большая прибыльность получилась бы въ томъ случаѣ, если бы цѣны сырья и фабриката устанавливались на основѣ трудовыхъ затратъ. А такъ какъ этого нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ цѣны въ капиталистическомъ хозяйствѣ управляются не затратами труда, а затратами капитала, издержками производства, то сравнительно болѣе высокія затраты капитала на производство фабрикатовъ приведутъ лишь къ болѣе высокимъ цѣнамъ послѣднихъ. Если фабрикатъ имѣетъ вдвое высшую трудовую стоимость, чѣмъ сырье, то цѣна его будетъ болѣе чѣмъ вдвое превышать цѣну сырья, благодаря тому, что издержки производства фабриката, какъ показалъ Родбертусъ, должны въ этомъ случаѣ болѣе чѣмъ вдвое превышать издержки производства сырья. Указанное Родбертусомъ обстоятельство (относительно меньшей затраты капитала въ производствѣ сырья сравнительно съ производствомъ фабрикатовъ) ведетъ не къ образованію земельной ренты, а къ отклоненію среднихъ товарныхъ цѣнъ отъ трудовыхъ стоимостей.

Такимъ образомъ, желая опровергнуть теорію ренты Рикардо, Родбертусъ опровергъ трудовую теорію цѣнности въ ея абсолютной формѣ. Нашъ остроумный авторъ совершенно правъ, утверждая, что его теорія земельной ренты есть безусловно необходимый логическій выводъ изъ признанія труда единственнымъ факторомъ цѣнности. «Слѣдовательно, моя теорія ренты вѣрна», сказалъ бы Родбертусъ; слѣдовательно, абсолютная трудовая теорія цѣнности невѣрна—скажемъ мы, ибо легко показать, что теорія земельной ренты Родбертуса есть экономическая желѣнность. Въ самомъ дѣлѣ, согласно этой теоріи, первыя ступени производства должны давать болѣе большой процентъ прибыли сравнительно съ послѣдующими. Родбертусъ дѣлитъ въ данномъ случаѣ, весь процессъ производства продукта на двѣ ступени—производство сырья и производство фабриката. Но, конечно (какъ указываетъ въ другомъ мѣстѣ и самъ авторъ), ступеней производства въ дѣйствительности гораздо больше. Такъ, хлопокъ, равше чѣмъ превратиться въ предметъ одежды, долженъ подвергнуться цѣлому ряду промежуточныхъ производствъ, каждое изъ которыхъ можетъ быть предметомъ независимаго промышленнаго предпріятія (производство хлопка, пряденье, ткачество, окраска и набивка, фабрикація предметовъ одежды). Изъ теоріи Родбертуса вытекаетъ, что каждая предшествующая ступень производства должна давать избыточную прибыль сравнительно съ послѣдующей, ибо по мѣрѣ того, какъ продуктъ поднимается по ступенямъ производства

цѣнность его растетъ, а слѣдовательно, и растутъ затраты капитала на приобрѣтеніе матеріала для обработки. Если бы рассматриваемая теорія была справедлива, то красильщикъ получалъ бы избыточный доходъ сравнительно съ портнымъ, ткачъ сравнительно съ красильщикомъ, прядильщикъ сравнительно съ ткачемъ и т. д. На каждой ступени производства процентъ прибыли былъ бы различенъ, и чѣмъ выше, чѣмъ ближе эта ступень къ началу производства—изготовленію сырья. Нечего и говорить, что ничего этого не бываетъ въ дѣйствительности и быть не можетъ, ибо признаваемый Родбертусомъ законъ равенства прибылей приводитъ цѣны продукта на всѣхъ ступеняхъ производства къ соотвѣтствію съ издержками производства.

Поэтому, теорія земельной ренты Родбертуса безусловно и безъ всякихъ ограниченій невѣрна. Что касается до его общаго ученія о рентѣ, какъ о нетрудовомъ доходѣ, то критическую оцѣнку этого ученія мы отлагаемъ до слѣдующаго «очерка», посвященнаго Марксу, ибо по данному пункту взгляды обоихъ великихъ экономистовъ волюн совпадаютъ. Замѣтимъ только, что теорія ренты Родбертуса возникла, повидимому, подъ непосредственнымъ вліяніемъ сенъ-симонистовъ и Прудона. Самый терминъ «рента», для общаго обозначенія всякаго нетрудового дохода, заимствованъ Родбертусомъ, какъ убѣдительно доказываетъ Антонъ Менгеръ, авторъ превосходной книги «Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag», у сенъ-симонистовъ.

Весьма своеобразную позицію занимаетъ Родбертусъ по отношенію къ центральному вопросу въ соціально-политическомъ отношеніи правомѣрности дохода, вытекающаго изъ права собственности. Мы видѣли, что авторъ «соціальныхъ писемъ» отнюдь не склоненъ прикрывать вуалью разнаго рода грустныхъ или позорныхъ для современной цивилизаціи истинъ, отъ которыхъ стыдливо отворачиваются буржуазные писатели. Его критическій ножъ рѣжетъ смѣло и глубоко, вскрывая самыя основы современнаго соціального строя. Родбертусъ менѣе всего склоненъ замалчивать или отрицать, что доходъ, вытекающій изъ права собственности на средства производства, покоится всецѣло на правѣ силы, и что всѣ попытки подыскать для этого дохода какое-нибудь иное основаніе, болѣе согласное съ этическими возрѣвіями нашего времени, должны остаться по необходимости безуспѣшны. Виѣсть съ тѣмъ, Родбертусъ отнюдь не считаетъ права собственности на землю и капиталъ неустранимымъ условіемъ великой хозяйственной дѣятельности. Даже больше—нашъ авторъ выработалъ чрезвычайно интересный планъ организаціи общественнаго хозяйства при отсутствіи частной собственности на средства производства. И въ то же время, Родбертусъ, какъ мы видѣли выше, выступалъ убѣжденнымъ защитникомъ классовыхъ интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Какимъ образомъ согласовать это кажущееся противорѣчіе?

Для Родбертуса тутъ никакого противорѣчія нѣтъ. Капиталистиче-

скій хозяйственный строй, въ глазахъ Родбертуса, есть историческая форма хозяйства, подлежащая дальнѣйшему развитію, долженствующему привести къ замѣнѣ существующей стихійной свободы частнохозяйственнаго предпринимательства планомѣрной организаціей всего національнаго производства подъ руководствомъ общественной власти; но для даннаго историческаго момента частнохозяйственное предпринимательство необходимо. «Хотя я думаю—писалъ Родбертусъ въ «Капиталѣ»,— что современное общество уже цѣликомъ попало въ коллективистическій потокъ, все же я отнюдь не рассчитываю на уничтоженіе земельной и капиталной собственности въ ближайшемъ будущемъ. Противоположныя экономическія и правовыя убѣжденія, могущество интересовъ, связанныхъ съ земельной и капиталной собственностью, интеллектуальное и моральное состояніе какъ господствующихъ классовъ собственниковъ, такъ и подчиненныхъ рабочихъ классовъ, дѣлаетъ невозможнымъ еще на много десятковъ лѣтъ крушенія столь глубоко коренящихся соціальныхъ институтовъ. Я не думаю также, чтобы «свободный трудъ» достаточно обезпечивалъ сохраненіе науки и искусства, и большинства другихъ высшихъ благъ цивилизаціи. Ибо, чтобы ни утверждали индивидуалисты, теперь и на все время, пока будетъ существовать наличная собственность на средства производства, трудъ не можетъ быть названъ свободнымъ. Общество *принуждается* въ настоящее время къ тому, чтобы исполнять прибавочную работу, благодаря которой процвѣтаютъ искусства и науки. Оно принуждается къ этому, благодаря тому, что матеріальныя средства для удовлетворенія высшихъ потребностей отыскиваются, путемъ ренты, отъ содержанія рабочихъ, принужденныхъ въ силу этого работать избыточное время. Общество принуждается къ тому, какъ и всегда прннуждалось, и частная собственность на землю и капиталы есть только послѣдняя историческая форма этого принужденія. Прекрасно было бы, если бы общество уже перерасло это принужденіе! Прекрасно было бы, если бы воспитаніе человѣческаго рода... уже закончилось, такъ что индивидъ могъ бы добровольно и по собственной инициативѣ исполнять прибавочную работу... Но съ того времени, какъ лучшіе умы призвали неправомѣрность рабства, потребовалось тысячелѣтіе, чтобы даже въ цивилизованныхъ странахъ Европы изгладились послѣдніе слѣды рабства. И хотя теперь исторія движется быстрѣе, за то и собственность на землю и капиталъ гораздо прочнѣе срослась съ обществомъ».

Современный хозяйственный строй можетъ поэтому, по мнѣнію Родбертуса, съ увѣренностью рассчитывать на вѣсколько столѣтій существованія. Собственность *пока* необходима въ высшихъ интересахъ человечества. Собственники земли и капитала, въ качествѣ руководителей національнаго производства, исполняютъ, въ глазахъ автора «соціальныхъ писемъ», чрезвычайно важную хозяйственную функцію. Безъ

упорной работы ума частнаго предпринимателя не могъ бы функционировать хозяйственный механизмъ нашего времени.

«Для того, чтобы съ успѣхомъ руководить производствомъ при господствѣ раздѣленія труда, требуются не только познанія, но и моральная сила и энергія. Тѣ же свойства необходимы и для того, чтобы слѣдить за потребностями рынка, соотвѣтственно направлять производство и быстро удовлетворять общественную потребность. Рѣдко бываетъ, чтобы капиталистъ или землевладѣлецъ, такъ или иначе, не дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Дѣятельности этого рода рабочій не исполняетъ и не можетъ исполнять по самому характеру своего занятія. Однако, она абсолютно необходима въ національномъ производствѣ. Поэтому, поскольку всякая общепользная дѣятельность въ правѣ ожидать оплаты, нельзя сомнѣваться, что капиталисты и землевладѣльцы, предприниматели и руководители предприятий, имѣютъ полное право требовать отъ общества оплаты своей вышеуказанной дѣятельности. Они имѣютъ на это такое же право, какъ и министръ торговли и путей сообщенія, если только онъ исполняетъ свои обязанности хорошо. Видѣтъ съ тѣмъ, очевидно, что указанная дѣятельность, какъ и дѣятельность судьи, школьнаго учителя, врача и т. д., можетъ быть оплачена только путемъ вычета изъ трудового продукта рабочихъ—ибо нѣтъ другого источника матеріальнаго богатства» (Третье «соціальное письмо»).

Принадлежащее Родбертусу сравненіе собственниковъ съ наследственными должностными лицами общество еще ярче поясняетъ его мысль. Капиталисты и землевладѣльцы, въ совокупности, какъ классъ (но отнюдь не всѣ отдѣльные члены этого класса), исполняютъ весьма важныя общественныя и хозяйственныя функціи. Не нужно только забывать, что вознагражденіе, получаемое собственниками средствъ производства, совершенно не зависитъ отъ полезности этихъ функцій, а всецѣло вытекаютъ изъ самаго факта собственности. «Землевладѣльцы и капиталисты непосредственно владѣютъ рабочимъ продуктомъ и лишаютъ части его рабочихъ въ силу права собственности на землю и капиталъ—благодаря экономическимъ законамъ, дѣйствующимъ въ полномъ противорѣчій съ принципами справедливаго распределенія».

Такова картина существующаго экономического строя, съ чрезвычайнымъ логическимъ изяществомъ обрисовываемая Родбертусомъ. Но для полноты ей не хватаетъ нѣкоторыхъ чертъ, весьма характерныхъ для общей соціальной концепціи великаго мыслителя.

Вмѣстѣ со всѣми экономистами, соціальное міровоззрѣніе которыхъ сложилось во вторую четверть закончившагося вѣка—въ періодъ паденія заработной платы и повсемѣстнаго роста пауперизма—Родбертусъ раздѣляетъ пессимистическое ученіе о тяготѣнн заработной платы къ минимуму средствъ существованія.

«Распределеніе національнаго продукта,—говоритъ онъ,—подчиняю-

щееся «естественнымъ» законамъ обращенія, приводитъ къ тому, что при растущей производительности труда заработная плата составляетъ все меньшую долю продукта; ибо сколько бы ни произвелъ рабочій, жестокіе законы обмѣна принуждаютъ его довольствоваться одной и той же скромной суммой средствъ существованія, безусловно необходимыхъ для жизни. А такъ какъ при большей производительности труда то же абсолютное количество продуктовъ должно имѣть меньшую трудовую стоимость, то слѣдовательно рабочій, получая, несмотря на всѣ услуги промышленности, одно и то же количество предметовъ истребленія, отдаетъ въ пользу владѣющихъ классовъ все большую долю своего трудового продукта»... «Чѣмъ населеннѣе страна, чѣмъ производительнѣе, поэтому, трудъ, чѣмъ больше личная свобода, тѣмъ болѣе принуждены рабочіе, при господствѣ законовъ обращенія, предоставленнаго самому себѣ, работать за минимальную плату, ибо трудъ тѣмъ ближе приравнивается къ товару, подчиненному законамъ конкуренціи, и притомъ конкуренціи, убыточной для продавца, тѣмъ большую возможность получаютъ предприниматели давать работу лишь наименѣе требовательнымъ рабочимъ». Въ этомъ тяготѣніи заработной платы къ минимуму средствъ существованія Родбертусъ находитъ объясненіе роста пауперизма, замѣчаемому именно въ наиболѣе прогрессирующихъ странахъ.

Но этотъ же законъ объясняетъ, по мнѣнію нашего автора, и другую, не менѣе характерную черту господствующаго хозяйственнаго строя—постоянное возвращеніе промышленныхъ кризисовъ, отъ которыхъ такъ жестоко страдаютъ передовыя страны. «Пауперизмъ и промышленные кризисы,—читаемъ во второмъ «соціальному» письмѣ,—вызываются одной и той же причиною; одно и то же свойство современнаго товарнаго обращенія создаетъ оба эти величайшія препятствія равномерному и непрерывному общественному прогрессу».

Представимъ себѣ, что производительность труда возрасла. Это значитъ, что одинаковое количество труда создаетъ теперь большее количество товаровъ, поступающихъ на рынокъ. Если бы рабочіе классы имѣли возможность закупить это возросшее количество товаровъ, то, очевидно, спросъ на товары соответствовалъ бы предложенію. Но, согласно ученію, принимаемому Родбертусомъ, *реальная* заработная плата остается неизмѣнной. Если количество производимыхъ рабочими продуктовъ возрастаетъ и цѣна продуктовъ соответственно падаетъ, то законы обращенія приводятъ къ соответствующему пониженію *денежной* заработной платы. При этомъ условіи очевидно, что при каждомъ успѣхѣ промышленной техники рабочіе классы должны представлять спросъ все на меньшую *долю* національнаго продукта. Слѣдствіемъ этого должна явиться невозможность сбыть рабочимъ возросшее количество товаровъ—иначе говоря: должно получиться перепроизводство всѣхъ товаровъ, предназначенныхъ для потребленія низшихъ классовъ

населенія; а такъ какъ главная масса товаровъ, обращающихся на рынокъ, относится именно къ этой категоріи, то переполненіе рынка товарами приметъ форму общаго промышленнаго кризиса. «Покупательная сила большей части общества уменьшается по мѣрѣ возрастанія производительности труда, и слѣдствіемъ этого является производство потребительныхъ цѣнностей, не имѣющихъ рыночной цѣны и покупательной силы, несмотря на то, что потребности въ нихъ большинства населенія не удовлетворены.

Такимъ образомъ, кризисы вызываются, по мнѣнію Родбертуса, сокращеніемъ, по мѣрѣ возрастанія производительности труда, доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ. При этомъ важно имѣть въ виду, что Родбертусъ рѣшительно отрицаетъ, чтобы, кризисы были въ какой бы то ни было связи съ абсолютнымъ размѣромъ заработной платы. «Я утверждаю,— говоритъ онъ,— что причина промышленныхъ кризисовъ заключается не въ недостаточности доли рабочихъ въ общемъ продуктѣ, но въ паденіи этой доли по мѣрѣ успѣховъ техники, и также утверждаю, что кризисы не могли бы наступить, если бы эта доля была столь же мала, какъ и нынѣ, но не измѣнялась бы при повышеніи производительности труда, и дагѣе, что кризисы будутъ происходить, какъ бы ни была велика эта доля, если только она будетъ падать при ростѣ производительности труда».

Мы уже говорили выше (въ «очеркѣ», посвященномъ Сисмонди), что теорія кризисовъ Родбертуса есть лишь одинъ изъ вариантовъ теоріи Сисмонди. Различіе этихъ теорій въ томъ, что для Сисмонди причина кризисовъ заключается въ абсолютно низкомъ уровнѣ заработной платы, въ *недостаточности* покупательной силы у массы населенія для приобрѣтенія товаровъ, имѣющихся на рынкѣ, а для Родбертуса причина кризиса лежитъ въ относительномъ *падении* этой покупательной силы по мѣрѣ успѣховъ промышленности (впрочемъ, и это послѣднее объясненіе кризисовъ имѣется въ неразвитомъ видѣ, у Сисмонди). Мы указали, что теорія Сисмонди покинута на неправильномъ пониманіи законовъ реализаціи продукта въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Эти выраженія непримѣнимы къ теоріи Родбертуса. Нашъ авторъ прекрасно понимаетъ, что товары обмѣниваются на товары и что при пропорціональномъ распредѣленіи производства предложеніе товаровъ не можетъ превзойти спроса. Промышленный кризисъ возникаетъ, по мнѣнію нашего автора, не вслѣдствіе абсолютнаго превышенія національнаго спроса національнымъ предложеніемъ товаровъ (какъ ошибочно утверждалъ Сисмонди), а вслѣдствіе непропорціональнаго распредѣленія національнаго производства, благодаря тому, что національное производство не успѣваетъ приспособляться къ автоматически слѣдующему за успѣхами производительности труда паденію спроса со стороны рабочихъ классовъ.

Теорія Родбертуса была бы правильна, если бы его большая по-

сылка соответствовала дѣйствительно. Если бы доля рабочихъ классовъ въ національномъ продуктѣ падала при каждомъ успѣхѣ промышленности, то перепроизводство предметовъ потребления рабочихъ массъ, а, слѣдовательно, и общій промышленный кризисъ были бы неизбѣжны. Но въ томъ-то и дѣло, что эта посылка совершенно не соответствуетъ дѣйствительности. Можно признавать или отрицать фактъ повышения реальной заработной платы за продолжительные историческіе періоды, но одно несомнѣнно: для небольшихъ періодовъ времени денежная заработная плата гораздо устойчивѣе реальной. Вся теорія кризисовъ Родбертуса построена на предположеніи, что сокращеніе доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ происходитъ настолько быстро и внезапно, что національное производство не успѣваетъ приспособиться къ измѣнившемуся спросу и капиталы, не успѣваютъ перейти отъ производства предметовъ потребления рабочихъ къ производству предметовъ потребления господствующихъ общественныхъ классовъ (доля которыхъ въ національномъ продуктѣ возросла). Всего этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ: прогрессъ техники идетъ не скачками, одновременно во многихъ отрасляхъ производства, а постепенно и понемногу, и въ разное время въ различныхъ отрасляхъ труда. Промышленные кризисы, отнюдь не вызываются промышленными изобрѣтеніями; наоборотъ, крупные изобрѣтенія дѣлаются и входятъ въ общее употребленіе обыкновенно *послѣ* промышленныхъ кризисовъ, въ періоды застоя, когда низкая прибыль побуждаетъ фабрикантовъ принимать мѣры для пониженія издержекъ производства. Періоды торгового и промышленнаго оживленія, предшествующіе кризисамъ и непосредственно вызывающіе ихъ, характеризуются не ускореніемъ технического прогресса и удешевленіемъ фабрикатовъ, а, наоборотъ, *замедленіемъ технического прогресса и повышеніемъ цѣнъ фабрикатовъ*. Денежная заработная плата *не понижается въ періоды, предшествующіе кризисамъ, а, наоборотъ, повышается*.

Такимъ образомъ, вся теорія кризисовъ великаго экономиста, при своей логической стройности построена въ полномъ противорѣчій съ дѣйствительными фактами. Любопытно, что самъ Родбертусъ при описаніи въ первомъ «соціальномъ письмѣ» исторіи англійскихъ кризисовъ какъ бы совершенно забываетъ свою теорію и даже не пытается доказать, что въ періоды промышленнаго оживленія, предшествующіе кризисамъ, доля рабочихъ классовъ въ общемъ національномъ продуктѣ уменьшается вслѣдствіе повышенія производительности труда. Онъ указываетъ на то, что расширеніе производства и оживленіе торговли неизмѣнно предшествуютъ каждому кризису; этого никто, разумѣется, не думаетъ отрицать, но расширеніе производства еще не значить повышеніе производительности труда; а по теоріи Родбертуса кризисы вызываются не только этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, но и сопровождающимъ его паденіемъ доли рабочихъ въ

національномъ продуктѣ. Ничего этого Родбертусъ въ своей исторіи англійскихъ кризисовъ не показалъ, да и не могъ показать, ибо его теорія, какъ сказано, не находитъ себѣ ни малѣйшей опоры въ дѣйствительности.

Несмотря на это, самъ авторъ придавалъ ей такое значеніе, что положилъ ее въ основаніе своихъ практическихъ, соціально-политическихъ предложеній. Исходя изъ мысли, что главное зло существующаго хозяйственнаго строя заключается не столько въ недостаточности доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ, сколько въ ея непрерывномъ паденіи по мѣрѣ прогресса техники, Родбертусъ предлагаетъ рядъ мѣръ, долженствующихъ предотвратить это зло. Въ «Письмѣ къ конгрессу рабочихъ при всемірной выставкѣ въ Лондонѣ (1862)» Родбертусъ совѣтуетъ рабочимъ выработать нормальный рабочий день, долженствующій выражать нормальное и среднее количество рабочихъ часовъ въ сутки, соответствующее силамъ рабочаго и его интересамъ, какъ человѣка и члена общества. Когда этотъ нормальный рабочий день будетъ установленъ, слѣдуетъ опредѣлить, смотря по тягостности и утомительности труда въ разныхъ занятіяхъ, сколько часовъ труда въ каждомъ изъ этихъ занятій соответствуетъ нормальному рабочему дню; это дастъ норму для рабочаго дня въ различныхъ родахъ труда. Затѣмъ, нужно выяснитъ средній трудовой продуктъ нормальнаго рабочаго дня для каждаго производства въ отдѣльности. Такимъ образомъ опредѣлится нормальная производительность труда. Исходя изъ этихъ данныхъ, можно выработать, примѣнительно къ господствующимъ условіямъ жизни рабочихъ въ разныхъ странахъ, нормальную заработную плату (т.-е. плату, пропорціональную производительности труда, но отнюдь не равняющуюся всему трудовому продукту). Дѣло рабочихъ настоятъ на принятіи предпринимателями этихъ нормальныхъ расцѣнокъ труда, которыя должны каждыя десять лѣтъ пересматриваться и измѣняться соответственно происшедшимъ перемѣнамъ производительности труда. Такимъ образомъ удастся достигнуть устойчивости доли рабочихъ классовъ въ національномъ продуктѣ и предотвратить пониженіе этой доли.

Въ этомъ направленіи, по мнѣнію Родбертуса, должно работать наше время, чтобы путемъ компромисса уменьшить бѣдствія, создаваемые свободой товарнаго хозяйства, превращающей самого человѣка въ такой же товаръ, какъ и предметы человѣческаго потребленія.

Родбертусъ рѣшительно отрицалъ, чтобы выдвинутыя Лассалемъ, въ пылу агитаци, производительныя ассоціаціи рабочихъ съ государственною помощію были пригоднымъ средствомъ для улучшенія положенія рабочихъ. Но его собственный проектъ соціальной реформы—установленіе нормальной заработной платы—былъ еще ниже лассалевскаго плана, который, по крайней мѣрѣ, обѣщалъ нѣчто реальное, между тѣмъ какъ проектъ Родбертуса оставляетъ невыясненнымъ самое

главное, какимъ образомъ рабочіе могутъ принудить предпринимателей улучшить условія рабочаго договора. Сверхъ того, непонятно, изъ какихъ основаній слѣдуетъ исходить при установленіи «нормальной» заработной платы, какую долю трудового продукта слѣдуетъ считать «нормальной» долей рабочаго класса, а въ высотѣ этой доли и заключается, вопреки мнѣнію Родбертуса, самое важное.

Большую выработанностью отличается другой плавъ социальной реформы, изложенный Родбертусомъ въ 1871 г. въ статьѣ «Ueber den Normalarbeitstag». Какъ выше указано, Родбертусъ признавалъ неизбѣжнымъ и желательнымъ еще въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій сохраненіе частной собственности на землю и капиталъ. Реформа-компромиссъ, которую онъ предлагалъ, имѣла своею цѣлью улучшить положеніе рабочихъ классовъ въ ближайшемъ будущемъ безъ всякаго ущерба для капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Чтобы достигнуть этого, достаточно, путемъ соответствующихъ мѣропріятій, побѣдить роковую тенденцію современнаго хозяйственнаго развитія—низводить заработную плату все къ меньшей и меньшей долѣ національнаго продукта. Если рабочимъ классамъ будетъ прочно обезпечена хотя бы получаемая ими въ настоящее время доля общественнаго дохода, то, благодаря непрерывно совершающимся успѣхамъ промышленной техники, доля эта будетъ гарантировать рабочему все возрастающее благосостояніе.

Мѣропріятія, намѣчаемыя Родбертусомъ, заключаются въ слѣдующемъ. Государство должно взять въ свои руки установленіе цѣнъ товаровъ и заработной платы. Цѣны эти должны быть обозначаемы не въ металлическихъ деньгахъ, какъ наши, а въ рабочихъ деньгахъ, выражающихъ среднее количество общественнаго труда, заключеннаго въ данномъ продуктѣ. Такъ какъ Родбертусъ отнюдь не имѣетъ въ виду упраздненіе не трудового дохода, ренты, то рабочіе, очевидно, не могутъ получать всей создаваемой ими трудовой цѣнности. Чтобы не обидѣть капиталистовъ и землевладѣльцевъ, нашъ мыслитель предлагаетъ слѣдующимъ образомъ дѣлить трудовой продуктъ: государству рабочій долженъ удѣлять $\frac{1}{10}$ своего продукта, землевладѣльцамъ и капиталистамъ $\frac{6}{10}$, а самому удовольствоваться скромной долей въ $\frac{3}{10}$. Эти $\frac{3}{10}$ трудовой цѣнности рабочій долженъ получать рабочими деньгами, какъ свою заработную плату.

Государство должно сохранять за собой монополію выпуска рабочихъ денегъ, открывать предпринимателямъ кредитъ этими рабочими деньгами, содержать государственные магазины, въ которыхъ должны продаваться товары, поступающіе отъ предпринимателей въ уплату ихъ долговъ государству и вообще регулировать хозяйственный процессъ.

Преимущества такой хозяйственной организаціи, сравнительно съ существующей теперь, заключались бы, по мнѣнію Родбертуса, въ томъ, что она прекратила бы тенденцію къ паденію заработной платы, какъ доли общественнаго продукта. Естественные жестокіе законы свобод-

наго обращенія были бы побѣждены разумомъ челоуѣка въ интересахъ рабочаго класса и всего общества, такъ какъ новая организація народнаго хозяйства прекратила бы не только пауперизма, но и промышленные кризисы.

Таковъ планъ соціальной реформы, рекомендуемый Родбертусомъ для ближайшаго будущаго. Но нечего и говорить, что эта реформа всего менѣе можетъ считаться реформой-компромиссомъ, переходной мѣрой къ осуществленію новаго общественнаго строя. Она требуетъ такихъ глубокихъ переимѣнъ существующаго, что равносильна совершенному упраздненію капиталистической организаціи хозяйства. Непонятно, что будутъ дѣлать частные предприниматели, когда всѣ цѣны будутъ устанавливаемы государствомъ. Съ другой стороны, Родбертусъ обнаруживаетъ большую наивность, рассчитывая, что рабочіе удовлетворятся скромной долей трудового продукта, которую онъ имъ великодушно предоставляетъ. Въ итогѣ, планъ Родбертуса не удовлетворяетъ какъ требованіямъ практичности ясной осуществимости—для этого реформа слишкомъ глубока—такъ и требованіямъ, предъявляемымъ къ соціальной утопіи—для послѣдняго реформа слишкомъ близка, по отношенію къ условіямъ распредѣленія народнаго дохода, къ существующему порядку вещей.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій Родбертуса, изданномъ послѣ его смерти, во второй части «Zur Beleuchtung der sozialen Frage», содержится интересная попытка статистическаго освѣщенія законовъ распредѣленія народнаго дохода въ капиталистическомъ обществѣ по даннымъ англійской статистики подоходнаго налога. Родбертусъ пользуется работой англійскаго статистика Бакстера, графически изображившаго соціальное сложеніе англійскаго общества въ началѣ 60 хъ годовъ. Пьедесталъ «общественной пирамиды» образуетъ многочисленный классъ рабочихъ, охватывающій около 77⁰/₁₀₀ населенія, но владѣющій только 40⁰/₁₀₀ національнаго дохода; на этомъ пьедесталѣ возвышается пирамида достаточныхъ классовъ, вершину которой образуетъ небольшая кучка очень богатыхъ лицъ, не достигающая и ¹/₁₀₀₀ части населенія, но сосредоточивающая въ своихъ рукахъ около 14⁰/₁₀₀ національнаго дохода; средній ежегодный доходъ лицъ этого класса достигаетъ 15.000 ф. с. (около 150.000 р.). Средніе классы общества по своей численности играютъ совершенно ничтожную роль сравнительно съ рабочими, а по общей суммѣ дохода далеко уступаютъ общественной вершинѣ—классу милліонеровъ.

Но эти данныя, достаточно ярко характеризующія распредѣленіе англійскаго національнаго дохода въ опредѣленный историческій моментъ, ничего не говорятъ о тенденціяхъ историческаго развитія, объ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ общественной пирамидой подъ влияніемъ роста капиталистическаго хозяйства. Для этой послѣдней цѣли необходимо сравнить распредѣленіе національнаго дохода въ одной и той же

странѣ въ различные моменты времени. Родбертусъ пользуется для сравненія данными Колькуна, относящимися къ британскому королевству въ 1812 г. Результаты сравненія данныхъ Бакстера съ данными Колькуна Родбертусъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ:

«Национальный доходъ (Великобританія и Ирландія) возросъ съ 383 до 814 милліоновъ ф. с., т.-е., приблизительно, на 112%.

«Населеніе возросло съ 17 мил. до 30 мил., т.-е. на 86%.

«Численность рабочаго класса *возросла* съ 50% населенія до 77% населенія.

«Численность класса собственниковъ *упала* съ 40% до 20% населенія.

«Въ предѣлахъ класса собственниковъ болѣе богатая группа, охватывавшія въ 1812 г. $\frac{1}{1000}$ населенія и сосредоточивавшія въ своихъ рукахъ около 10% національнаго дохода, возросли въ 1867 г. до $\frac{1}{2}$ % населенія и сосредоточили въ своихъ рукахъ до 25% національнаго дохода.

«Что касается до среднихъ классовъ, то они упали отъ 25% до 10% населенія.

«Въ рукахъ этихъ классовъ сосредоточивалось во время Колькуна 60% національнаго дохода; во время Бакстера только 30% дохода.

«Реальный доходъ рабочихъ—количество хлѣба, мяса и пр. предметовъ потребленія, получаемыхъ рабочими,—не измѣнился со времени 1812 г. Слѣдовательно, доходъ рабочаго сталъ образовывать меньшую долю производимаго имъ продукта и по отношенію ко всему національному доходу у насъ.

«Очевидно,—заключаетъ Родбертусъ,—что общество все болѣе и болѣе развивается въ противоположныхъ направленіяхъ. Все возрастающая немущая масса снизу! Все болѣе накапливающая огромныя богатства относительно сокращающаяся небольшая группа наверху! Соединяющіе эти противоположности, промежуточные, примиряющіе классы въ быстромъ паденіи и по своей численности, и по своему доходу!»

И Родбертусъ даетъ свой рисунокъ соціального сложенія капиталистическаго общества. Внизу, на самыхъ нивахъ, залегаетъ какъ бы придавленный тяжестью соціальнаго зданія толстый пластъ пауперовъ, нищихъ, бесполезныхъ для общества и содержимыхъ на его счетъ въ состояніи крайней скудости и нужды. Затѣмъ, возвышается мощный фундаментъ, въ которомъ сосредоточена истинная сила націи—классъ рабочихъ, которыхъ Родбертусъ изображаетъ трудолюбивыми муравьями, питающими всѣ остальные классы общества и воздвигающими своимъ трудомъ національное зданіе. На рабочемъ фундаментѣ покоится узкая подставка—средніе классы общества—поддерживающая богатые классы—огромный денежный мѣшокъ, вѣщающій всю постройку...

Рисунокъ Родбертуса очень остроуменъ и изобразителенъ. Жаль

только, что статистическія данныя, изъ которыхъ исходитъ нашъ авторъ, частью мало надежны, а частью и несомнѣнно невѣрны—какъ, напр., данныя Колькуна. Эти данныя несомнѣнно несравнимы съ данными Бакстѣра; изъ нихъ слѣдуетъ, напр., что національное богатство Англіи возрасло за полстолѣтія только немногимъ больше населеніе, т.-е. очевидная несообразность..

Поэтому, приведенныя статистическія разсужденія Родбертуса собственно статистическаго значенія не имѣютъ; весьма возможно, что движеніе національнаго дохода въ Англіи за разсматриваемое время шло въ направленіи, указанномъ Родбертусомъ, т.-е. общество—все рѣзче раскалывалось на богатыхъ и бѣдняковъ, а средніе классы теряли почву. Но доказать этого статистическимъ путемъ Родбертусу не удалось. И потому его статистическія сопоставленія слѣдуетъ считать лишь произвольной цифровой иллюстраціей вѣроятнаго направленія общественнаго развитія.

Родбертусъ былъ не только экономистомъ, но и замѣчательнымъ историкомъ. Его изслѣдованія хозяйственной исторіи Рима составили эпоху въ изученіи исторіи классическаго міра. Но изслѣдованія эти важны не только для пониманія *прошлаго*; одновременно съ этимъ, они подкрѣпляютъ и глубже обосновываютъ гениальныя обобщенія Родбертуса относительно *настоящаго* и *будущаго* нашего хозяйственнаго развитія. Въ противоположность экономистамъ такъ называемой исторической школы, совершенно не сумѣвшимъ связать въ одно цѣлое экономическую *исторію* и экономическую *теорію*, воспользоваться историческими обобщеніями для установленія новыхъ теоретическихъ посылковъ, Родбертусъ даетъ грандіозную картину историческаго развитія народнаго хозяйства, которая проливаетъ новый и яркій свѣтъ на экономическую теорію вообще. Мы уже указывали на своеобразный методъ великаго экономиста— для пониманія *настоящаго* сравнивать его не только съ *прошедшимъ*, но и съ вѣроятнымъ *будущимъ*. Это и есть истинный историческій методъ, о которомъ такъ многословно и такъ бесплодно разсуждали экономисты исторической школы. Одно знаніе прошлаго, безъ [предвидѣнія будущаго, не можетъ дать что-либо существенно цѣнное для пониманія настоящаго; лучшимъ доказательствомъ этого является полная теоретическая безрезультатность работъ всей многочисленной, «славной» плеяды экономистовъ - историковъ, признающихъ своимъ духовнымъ отцомъ Вильгельма Рошера. Оцѣнивая теоретическіе плоды многолѣтнихъ усилій этой сѣрой толпы научныхъ труженниковъ, лишенныхъ творческой фантазіи и потому рабски прикованныхъ къ землѣ, невольно вспоминаешь арабскую пословицу: «Сто зайцевъ не составятъ одного льва!» Историкъ легко поддадалъ искушенію искать въ настоящемъ прошедшее; поэтому, историческое направленіе нерѣдко соединяется съ реакціонными симпатіями, съ стремленіемъ воскресить навсегда сошедшую со сцены старину. Исто-

рический поток течетъ отъ начала вѣковъ непрерывно въ безконечную даль; каждое мгновение единственно реальное настоящее гаснетъ, исчезаетъ и навсегда уходитъ въ прошедшее, а изъ темной пропасти несуществующаго будущаго выплываютъ новые моменты живой дѣйствительности. Кто будетъ обращать свой взоръ только на это, тотъ никогда не разгадаетъ настоящаго—таинственнаго моста, соединяющаго двѣ пропасти—прошлаго и будущаго—того, чего уже нѣтъ, съ тѣмъ, что еще не наступило. Исторія не повторяется — и потому не можетъ быть ничего ненаучнѣе грубыхъ историческихъ аналогій, къ которымъ любятъ прибѣгать посредственные историки.

Историческій методъ Родбертуса совершенно иного рода. Въ настоящемъ онъ ищетъ зачаточныхъ элементовъ будущаго; въ прошломъ онъ видитъ зародышъ, изъ котораго развилось настоящее. Но такъ какъ исторія заключается въ непрерывномъ творествѣ новыхъ социальныхъ формъ, то Родбертусъ чуждъ нерѣдкой ошибки историковъ—конструировать социальные формы одной исторической эпохи по формамъ другой. Напротивъ, великая заслуга Родбертуса въ томъ и заключается, что онъ съ чрезвычайною рѣзкостью и отчетливостью противопоставилъ другъ другу три основныхъ формы хозяйственнаго устройства—«ойкоснаго» хозяйства древности, современнаго капиталистическаго мѣноваго хозяйства и коллективнаго хозяйства будущаго.

Соціальный строй древняго міра покоился на натуральномъ хозяйствѣ, картину котораго Родбертусъ воссоздаетъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Хозяйственной единицей былъ *ойкосъ*,—античная семья, владѣвшая болѣе или менѣе обширнымъ участкомъ земли, орудіями труда и рабами, исполнявшими хозяйственныя операціи. И земледѣліе, и обработка сырья сосредоточивались въ ойкосѣ. «Благоустроенный ойкосъ самъ удовлетворялъ всѣмъ потребностямъ своей обширной домохозяйственной сферы, и потому настолько обезпечивалъ ей автократію, самообезпеченность, что владыка ойкоса, глава семьи, первоначально бывшій единственнымъ полноправнымъ гражданиномъ, могъ всецѣло и безкорыстно посвящать себя служенію государству». «Не было никакой нужды въ деньгахъ для того, чтобы подымать національный продуктъ со ступени на ступень во время процесса производства, потому что въ теченіе всего этого процесса продуктъ не мѣнялъ владѣльца. Достаточно было воли господина ойкоса, приказывавшаго своимъ рабамъ—ремесленникамъ продолжать работу надъ произведеніями рабовъ-земледѣльцевъ. Въ распредѣленіи національнаго дохода деньги принимали ничтожное участіе. Рабочаго класса не было на рынкѣ, такъ какъ въ ойкосномъ хозяйствѣ рабочій получалъ содержаніе натурой. Не имѣло мѣста и дѣленіе ренты между землевладѣльцемъ и капиталистомъ» (такъ какъ одно и то же лицо совмѣщало въ себѣ владѣніе капиталомъ и землей). Деньги существовали, но играли совершенно второстепенную роль въ хозяйствѣ ойкоса: онѣ служили лишь для обмѣна избыточныхъ

продуктовъ, оставшихся за покрытіемъ потребностей ойкоса, и обращались въ международной торговлѣ, значеніе которой также было весьма ограничено. Рабочаго вопроса общество не знало, такъ какъ не было класса свободныхъ рабочихъ. Общество распадалось только на богатыхъ и бѣдныхъ, причѣмъ богатство зависѣло, главнымъ образомъ, отъ размѣра землевладѣнія. Не имѣвшій земли былъ бѣднякомъ и пролетаріемъ. Ему противостоялъ богатый землевладѣлецъ, владѣвшій множествомъ рабовъ, благодаря чему античная культура достигла высокой степени матеріальнаго совершенства. Рабы, среди которыхъ были искусно и даже художественно обученные рабочіе, создавали ту обстановку неслыханной роскоши, удовлетворявшую самому утонченному, изысканному вкусу, среди которой, напр., жилъ богатый римскій патрицій.

Ойкосъ былъ ячейкой античнаго государства. Разложеніе ойкоса повлекло за собой гибель и античнаго государства. Въ эпоху Римской имперіи разложеніе античнаго соціального строя идетъ быстрыми шагами и на развалинахъ ойкоса вырастаетъ новая хозяйственная организація. Рабство превращается сначала въ колонатъ—въ систему прикрѣпленія земледѣльческаго рабочаго къ землѣ—крѣпостное состояніе. Изъ колоновъ образовался мало-по-малу классъ свободныхъ крестьянъ. Выѣстъ съ тѣмъ классъ прежнихъ собственниковъ-рабовладѣльцевъ дифференцируется и раскалывается на два класса—землевладѣльцевъ и капиталистовъ; возникаетъ классъ свободныхъ рабочихъ. Денежное хозяйство пріобрѣтаетъ все больше значенія и такимъ образомъ создаются начатки соціального строя нашего времени.

Все это изложено Родбертусомъ съ удивительнымъ мастерствомъ и на основаніи самаго детальнаго изученія первоисточниковъ; его схема эволюціи античнаго хозяйства не апіорное построеніе дилеттанта-историка, а строгая фактическая, документальная исторія спеціалиста. Но въ то же время—что такъ рѣдко бываетъ въ подобныхъ работахъ—она вся освѣщена и проникнута теоретическою мыслью. Въ центрѣ ея лежитъ теорія ойкоса, какъ основной ячейки античнаго соціального строя. Теорія эта является въ настоящее время почти общепринятою не только среди экономистовъ, но, въ значительной мѣрѣ, и историковъ древности.

Родбертусъ принадлежитъ къ числу тѣхъ истинно великихъ мыслителей, вліяніе которыхъ на потомство гораздо сильнѣе вліянія ихъ на современниковъ. При жизни онъ стоялъ въ сторонѣ отъ широкой дороги общественной жизни. Въ политической борьбѣ онъ не могъ принимать участіе, благодаря своей противорѣчивой соціально-политической программѣ. Крупный землевладѣлецъ, защитникъ аграрныхъ интересовъ, онъ не могъ стать во главѣ рабочаго движенія; радикально-консервативная партія—радикальная въ соціальныхъ вопросахъ и консервативная въ политическихъ—образованія которой желалъ Родбертусъ,

есть несомнѣнная политическая негѣпость. Если бы Родбертусъ былъ сколько-нибудь политикомъ, онъ быстро разочаровался бы въ своихъ социально-политическихъ планахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что уединенный мыслитель Ягцова былъ всего менѣе политикомъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и глубокихъ социальныхъ философовъ новаго времени; уже по одному тому, онъ не могъ имѣть быстрога успѣха, слабость его социально-политической программы должна была еще болѣе препятствовать вліянію его идей на умы современниковъ.

Однимъ изъ первыхъ, оцѣнившихъ великое значеніе «социальныхъ писемъ», былъ Фердинандъ Лассаль. Въ концѣ жизни Родбертусъ уже пользовался большимъ признаніемъ; но настоящая его извѣстность начинается лишь послѣ его смерти. Правда, и донынѣ Родбертусъ болѣе популяренъ среди представителей такъ называемой буржуазной науки, чѣмъ въ протитоположномъ лагерѣ. Объясняется это не только социально-политической программой великаго экономиста, но также и другимъ обстоятельствомъ болѣе случайнаго свойства. Дѣло въ томъ, что духовный глава современнаго социализма, Карлъ Марксъ, удивительно сошелся въ существенныхъ частяхъ своей экономической теоріи съ Родбертусомъ. А такъ какъ Родбертусъ высказалъ соотвѣтствующіе взгляды значительно раньше Маркса — уже въ своей первой работѣ «Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände», вышедшей въ 1842 г., — то Родбертусъ счелъ себя въ правѣ обвинить Маркса въ плагиатѣ. Конечно, марксисты не остались въ долгу, и уже послѣ смерти обоихъ великихъ мыслителей между ихъ приверженцами загорѣлся жаркій споръ о степени оригинальности Маркса. Вѣрный другъ Маркса Энгельсъ сдѣлалъ все возможное, чтобы скомпрометировать научное значеніе Родбертуса и уронить его авторитетъ. Ядовитая, но крайне слабая и не убѣдительная критика Энгельса не могла оказать вліянія на людей съ самостоятельной мыслью; по такъ какъ таковыхъ крайне мало, а огромное большинство, чувствуя свою духовную скудость, всегда ищетъ вождя и руководителя, на котораго можно было бы опереться и затѣмъ можно было бы слѣпо идти, и такъ какъ далѣе такимъ вождемъ въ настоящее время для большинства рабочей интеллигенціи Запада является Марксъ, то не удивительно, что Энгельсъ вполнѣ достигъ въ средѣ рабочаго класса своей цѣли — уменьшенія Родбертуса, какъ теоретическаго мыслителя. Для правовѣрнаго марксиста нашего времени Родбертусъ не болѣе, какъ наивный буржуазный утопистъ.

Напротивъ, безпристрастный изслѣдователь не можетъ не признать безусловно справедливымъ утвержденіе Родбертуса, что онъ далъ въ 3-мъ социальномъ письмѣ такое же объясненіе происхожденія прибавочной цѣнности капиталиста, какъ и Марксъ, «только гораздо болѣе короткое и ясное». Изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ, что Марксъ совершилъ плагиатъ у Родбертуса. Нѣтъ основанія не довѣрять Энгельсу, категорически отрицающему возможность заимствованій Маркса у Родбертуса,

*

благодаря незнакомству Маркса съ работами Родбертуса. Сходство воззрѣній того и другого объясняется, повидимому, тѣмъ, что оба они строили свою теорію распредѣленія на базисѣ одной и той же трудовой теоріи цѣнности, и потому неудивительно, что оба пришли къ сходнымъ результатамъ. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что теорія присвоенія собственникомъ трудового продукта нашла себѣ литературное выраженіе задолго до Родбертуса и Маркса въ работахъ англійскихъ и французскихъ социалистовъ.

Заслуга обоихъ великихъ экономистовъ заключалась не въ построении новой теоріи нетрудового дохода, а лишь въ усовершенствованіи старой теоріи, которой они придали болѣе ясную и логически законченную форму. И это дѣло Родбертусъ исполнилъ не только *раньше* Маркса (что большого значенія не имѣетъ), но и *лучше* Маркса (что уже очень важно). Родбертусу требуется нѣсколько страницъ для выраженія того, что Марксъ излагаетъ на десяткахъ и сотняхъ страницъ. Несмотря на свою сжатость и краткость, на свой лапидарный стиль, теорія ренты автора «соціальныхъ писемъ» глубже и богаче содержаниемъ всего того, что написалъ по тому же вопросу Марксъ. Вообще, въ области абстрактной экономической теоріи Родбертусъ оригинальнѣе и выше Маркса, далеко уступая послѣднему въ болѣе широкой сферѣ социологическихъ обобщеній. Что касается до значенія обоихъ мыслителей, какъ политиковъ, то въ этомъ отношеніи ихъ нельзя, конечно, и сравнивать. Померанскій помѣщикъ Родбертусъ совсѣмъ не понималъ политической жизни и не пошелъ дальше совершенно несбыточной и не имѣющей никакого практическаго значенія утопіи «соціальной монархіи»; а Марксъ былъ и остается вдохновителемъ и духовнымъ главой величайшаго соціального движенія новаго времени.

М. Туганъ-Бараневскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг.

(Продолженіе *).

VI.

Народная старина и народный бытъ въ памятникахъ словесности. — Повѣсти Погодина. — «Вечера на Хуторѣ»; смѣшеніе въ нихъ романтизма съ реализмомъ. — Отступленія отъ бытовой правды; фантастическое; идеализація. — Отзывы критики о «Вечерахъ». — Автобиографическое значеніе этихъ повѣстей.

Среди различныхъ путей, какими писатель того времени шелъ на розыски настоящей «народности», былъ, какъ мы знаемъ, одинъ путь, повидимому, самый прямой и удобный. Народная жизнь въ ея далекомъ прошломъ, съ ея мѣтами, преданіями и обрядами, съ ея историческими воспоминаціями, давала художнику сразу обильнѣйшій матеріалъ для литературнаго сюжета и готовые образы для внѣшней его отдѣлки. Писатель могъ воспользоваться также и тѣмъ матеріаломъ, который онъ находилъ въ современной ему жизни простонародья, въ міросозерцаніи котораго были еще такъ живы традиціи и воспоминавія старины. Въ обоихъ случаяхъ онъ стоялъ у самаго источника «народности», понятой, правда въ нѣсколько узкомъ смыслѣ, но, во всякомъ случаѣ, неподдѣльной. Эти богатства, таящіяся въ жизни народной массы, были къ тридцатымъ годамъ уже достаточно разработаны, и мы знаемъ, что критика такую разработку очень поощряла. Но и помимо критики на эту же сторону народной жизни обратила тогда свое вниманіе и наука, еще очень не совершенная, но, тѣмъ не менѣе, авторитетная въ глазахъ общества.

Исслѣдованіе народной старины, начавшееся еще въ XVIII вѣкѣ, подвигалось успѣшно и быстро. Если приемы этого исслѣдованія были мало научны, то результаты его оказались все-таки плодотворны. Старина воскресала подъ перомъ историковъ, юристовъ, издателей старинныхъ памятниковъ, въ особенности собирателей народныхъ пѣсенъ, повѣрій и обрядовъ. Къ тридцатымъ годамъ запасъ такихъ археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ мате-

*) См. «Міръ Божій», мартъ 1902 г.

ріаловъ былъ достаточно обширенъ и богатъ, и писатель-художникъ могъ имъ легко воспользоваться. Пользовались имъ, какъ извѣстно, и Жуковскій, и Пушкинъ, и Гоголь — Гоголь въ особенности — и такая разработка старины иной разъ обогащала нашу изящную словесность; но, какъ уже было замѣчено, литература могла и пострадать отъ неумѣлаго стремленія писателя поддѣлаться подъ эту старину и отъ неизбѣжной въ такихъ случаяхъ фальсификаціи «народности». И, дѣйствительно, въ нашей словесности тѣхъ годовъ существовали всѣ эти три вида разработки народныхъ древностей — и простое, весьма цѣнное, собраніе самихъ памятниковъ старины, и художественная переработка ихъ и, наконецъ, поддѣлка подъ старое — въ большинствѣ случаевъ неудачная его фальсификація. Рѣдко, очень рѣдко удавалось художнику реставрировать старину настолько правдоподобно, чтобы она казалась истинно народной и старинной. Пушкинъ въ своихъ «Сказкахъ» и въ своемъ «Борисѣ» подходилъ къ этому идеалу довольно близко, подходилъ и Жуковскій также въ своихъ «Сказкахъ» — но это были исключенія. Обыкновенно въ произведеніяхъ съ такимъ народнымъ и археологическимъ колоритомъ царилъ полное смѣшеніе стараго съ новымъ, русскаго съ иноземнымъ, и въ лучшемъ смыслѣ получалась та амальгама, та мозаичная работа съ подборомъ старинныхъ образовъ и романтически-сентиментальныхъ положеній, какая намъ дана, напр., въ сочиненіяхъ Катенина — тогда достаточно популярнаго писателя.

Не лучше, если не хуже, обстояло дѣло съ попытками нашихъ писателей изображать не историческую, а современную имъ жизнь простонародья. Изъ краткаго обзора нашихъ повѣстей и романовъ того времени мы могли видѣть, что писатель не избѣгалъ этой темы и всегда охотно приплеталъ ее къ своему разсказу. Но онъ дѣлалъ это почти всегда съ цѣлью обличительной и потому въ картинахъ народнаго современнаго быта его вниманіе было сосредоточено, главнымъ образомъ, на одной сторонѣ этой жизни, именно на столкновеніи крестьянина съ помѣщикомъ. Пересказывая эту эпопею всевозможныхъ насилій, писатель иной разъ увлечивалъ ту или другую бытовую черту въ жизни простонародья, но сама психологія народа, его мірозерпаніе и размахъ его фантазіи оставались не разъясненными. Если же писатель хотѣлъ, никого не обличая, расположить читателя въ пользу униженнаго и обездоленнаго, то онъ идеализировалъ крестьянина и писалъ съ него портретъ по старому сентиментальному шаблону; изъ сатирика онъ превращался въ идиллика. Лицевая сторона крестьянской жизни выступала тогда подмалеванная наружу, а все мрачное или даже сѣрое — пряталось. Никакой «народности» въ этихъ идилліяхъ и буколикахъ, конечно, не было, была лишь невинная благомыслящая ложь. Для истиннаго пониманія народной жизни мрачныя страницы обличительныхъ и сатирическихъ романовъ давали, во всякомъ случаѣ, больше. Но если изъ этихъ романовъ читатель узнавалъ, какъ велико было горе народа,

то онъ все-таки не зналъ, какъ этотъ народъ чувствуетъ и что онъ думаетъ. Для того, чтобы узнать это необходимо было либо изучать народную жизнь на мѣстѣ, — что и стали дѣлать наши писатели, но только значительно позже, уже послѣ освобожденія крестьянъ, — либо попытаться проникнуть въ народную душу не путемъ прямого наблюденія надъ ней, а путемъ изученія тѣхъ старыхъ памятниковъ народнаго быта, которые, какъ мы сказали, къ тому времени были уже въ достаточномъ количествѣ собраны. При отсутствіи непосредственнаго знакомства съ народной жизнью, такой окольный путь къ его разумѣнію былъ, конечно, наиболѣе удобный. Народный мѣтъ все-таки элементарная форма народной философіи, равно какъ и народный обрядъ — хорошее отраженіе того круга чувствъ и понятій, которымъ живетъ народъ или жилъ долгое время.

До появленія повѣстей Гоголя, въ которыхъ эта трудная задача воссозданія народнаго быта по остаткамъ старины и по наблюденіямъ надъ жизнью дѣйствительной была рѣшена относительно удачно — въ русской литературѣ, за исключеніемъ развѣ комедіи-фарса, было очень мало памятниковъ, которые, удовлетворяя хоть нѣсколько художественной правдѣ, сближали жизнь простонародья съ искусствомъ.

Ей — этой простонародной жизни — пришлось долго ждать настоящаго бытописателя, который освѣтилъ бы ее въ неподдѣльныхъ краскахъ одинаково съ ея печальной и радостной стороны. Въ тѣ юные годы нашей словесности, о которыхъ говоримъ мы, нельзя было и рассчитывать на такое широкое пониманіе и знаніе народнаго быта у нашего еще малоопытнаго художника. Но все-таки въ этомъ направленіи были и тогда уже сдѣланы первыя попытки и среди нихъ самой удачной или, вѣрнѣе, самой поэтической, были «Вечера на Хуторѣ». Въ русской литературѣ эти повѣсти прямыхъ предшественниковъ неимѣли, хотя, конечно, ихъ фантастическій, историческій и внѣшній бытовой элементъ, порознь взятый, не былъ новинкой. Новизна заключалась лишь во внутреннемъ бытовомъ содержаніи этихъ рассказовъ т.-е. въ попыткѣ изобразить народъ дѣйствующимъ, чувствующимъ и мыслящимъ. Какія бы натяжки въ этомъ изображеніи ни допустилъ Гоголь — онъ все-таки эту трудную задачу рѣшилъ удачнѣе своихъ современниковъ.

Изъ этихъ современниковъ работали тогда надъ той же задачей — Даль и Погодинъ. Но казакъ Луганскій [Даль] въ началѣ тридцатыхъ годовъ только выступалъ съ первыми своими рассказами, растянутыми, блѣдными и вялыми, въ которыхъ къ тому же о простомъ народѣ пока говорилось мало *). Но и поздѣе, когда Даль сталъ перелицовывать старыя сказки и набрасывать народныя сценки, онъ не пошелъ дальше внѣшняго описанія народнаго быта или инкрустаціи народныхъ оборотовъ рѣчи, пословиць и поговорокъ въ довольно незначительные

*) «Были и небылицы казака Владиміра Луганскаго» Книжка первая. Спб. 1833.

разказы. Погодинъ въ данномъ случаѣ—литературная сила болѣе замѣтная.

Въ 1832 году Погодинъ издалъ полное собраніе своихъ повѣстей *), къ которымъ онъ—тогда уже извѣстный ученый и профессор—былъ очень равнодушенъ. Содержаніе сборника довольно пестрое. Сюда вошли повѣсти, имѣющія чисто автобіографическое значеніе, писанныя Погодинымъ на зарѣ его юности, въ моменты сердечныхъ увлеченій, а потому—восторженно сентиментальныя, съ примѣсью нѣмецкой мечтательности, столь обычной въ московскомъ университетскомъ кружкѣ двадцатыхъ годовъ. Но уже въ этихъ сентиментальныхъ повѣстяхъ Погодинъ обнаружилъ талантъ наблюдателя и хорошаго психолога. Въ другихъ разказахъ—гдѣ лиризма было меньше—этотъ даръ давалъ себя еще больше чувствовать, несмотря на романтическую канву повѣсти. Изъ числа нашихъ раннихъ реалистовъ—а Погодина должно зачислить въ ихъ группу—нашъ ученый повѣствователь былъ одинъ изъ первыхъ, который попытался въ «картину нравовъ» включить описаніе быта низшихъ слоевъ нашего общества. Онъ сдѣлалъ больше: онъ не только описывалъ, но изображалъ этихъ намъ тогда мало-знакомыхъ людей, изображалъ ихъ чувствующими и думающими, а также разговаривающими и притомъ довольно естественной рѣчью. Содержаніе повѣстей оставалось въ большинствѣ случаевъ романтическимъ, но въ выполненіи проступалъ наружу довольно откровенный реализмъ.

Галерея типовъ, набросанныхъ Погодинымъ, довольно характерна: избитыхъ типовъ нѣтъ и нашъ авторъ беретъ свои образы изъ малоислѣдованныхъ общественныхъ круговъ—изъ круга купческаго, мѣщанскаго и, наконецъ, крестьянскаго; иногда онъ знакомитъ насъ и съ той сѣрой массой, которая вербуетъ изъ самыхъ различныхъ слоевъ и составляетъ въ обществѣ такъ называемые «поддонки».

Нельзя было, конечно, ожидать, что Погодинъ исполнѣ удачно справится съ такой новой и трудной задачей. Но всѣ недостатки литературной условности въ его повѣстяхъ искупаются обиліемъ вѣрно подмѣченныхъ и схваченныхъ бытовыхъ чертъ, а въ иныхъ случаяхъ и серьезностью основной идеи. Авторъ иллюстрируетъ иногда свою тему народными повѣртіями, пѣснями и обрядами, какъ, напр., въ трогательномъ разказѣ о любви бѣднаго приказчика, забитаго и скромнаго Ивана Гостинцева къ дочери богатаго купца Чужого—этой сентиментальной повѣсти, очень напоминающей излюбленныя драматическія положенія Островскаго («Суженій»). Авторъ вводитъ насъ также въ кругъ мелкопомѣстной провинціальной жизни, подробно описываетъ ее и съ большимъ юморомъ рассказываетъ намъ о столь обычномъ, трагикомическомъ положеніи подростка дѣвочки, сидящей въ ожиданіи жени-

*) «Повѣсти Михайла Погодина». 3 части. Москва. 1832.

ха, который и является во образъ настоящаго Хлестакова («Невѣста на ярмаркѣ»). Особенно много красокъ и драматизма въ повѣсти «Черная немочь»—одной изъ самыхъ идейныхъ въ сборникѣ Погодина. Это печальная исторія о томъ, какъ одинъ купеческій сынъ восчувствовалъ тяготѣніе къ знанію и наукѣ и какъ онъ тщетно рвался изъ своей среды на волю. Тихъ купца-старика, который думаетъ, что женитьба испѣлитъ его сына отъ «дури», отъ этой «немочи», отъ жажды знанія и стремленія къ какой-то философіи; старушка мать—безгласная передъ отцомъ, безумно любящая сына и ящущая опоры и утѣшенія у священника и матушки; сваха, достаточно циничная, раболѣпная и хитрая, которая устраиваетъ смотрины; чучело-невѣста и рядомъ съ нею этотъ задумчивый, неизвѣстно какъ въ этотъ кругъ попавшій, молодой человекъ, «изъ котораго могъ бы выйдти Гердеръ или Ломоносовъ»; наконецъ, смерть этого несчастнаго, его самоубійство—всѣ эти типы и положенія—первый лучъ, который заронилъ въ наше темное царство наблюдательный писатель. Погодинъ попытался освѣтить и другой темный уголокъ нашей жизни. Въ повѣсти «Счастье въ несчастіи» онъ описалъ вертепъ нищихъ, воровъ и мошенниковъ, описалъ не ради обличенія или дешевой проповѣди, какъ дѣлало большинство его современниковъ, а ради возбужденія въ насъ чувства состраданія къ несчастнымъ, которые все-таки люди съ неугасшей Божьей искрой въ ихъ темномъ сердцѣ. Коснулся Погодинъ также и жизни крестьянской. И въ этой попыткѣ изобразить народный бытъ, уловить міросозерцаніе народа и раскрыть его психику, нашъ авторъ, конечно, не избѣгъ сентиментальныхъ и романтическихъ условностей, но этотъ романтизмъ въ сюжетахъ искупался реализмомъ въ обрисовкѣ психическихъ движеній. Нѣкоторые положенія очень трогательны. Такова, напр., идиллія изъ малороссійской жизни—разсказъ о томъ, какъ Петрусь любилъ несчастную Наталку, которую отецъ не хотѣлъ выдать за бѣдняка и выдалъ за богатаго; какъ бѣдный Петрусь ушелъ копить деньги; какъ возвратился и засталъ свою невѣсту замужемъ за другимъ, засталъ больную и разоренную; какъ онъ отдалъ имъ всѣ свои накопленные деньги. (Петрусь).

Полна драматическаго движенія и разбойничья сказка, въ которой мимоходомъ оттънены благородные порывы крестьянскаго сердца. Есть въ сборникѣ также жизнеописаніе одного нищаго—повѣсть съ определеннымъ социальнымъ смысломъ. Авторъ рассказываетъ, какъ помѣщикъ укралъ у своего крѣпостнаго его невѣсту, какъ его—мирнаго крестьянина—онъ этимъ насильемъ чуть-чуть не подбилъ на убійство, какъ за покушеніе на жизнь помѣщика его отдали въ солдаты, какъ онъ страдалъ и терпѣлъ и какъ, наконецъ, на старости пошелъ просить милостыню. (Нипцій).

Изложеніе содержанія всѣхъ этихъ повѣстей не даетъ, конечно, понятія объ ихъ литературной стоимости и, если, ознакомились съ ними,

читатель поставить автору въ вину смѣшеніе романтизма и сентиментализма въ замыслѣ съ реальной обрисовкой быта и психическихъ движеній, то этотъ недостатокъ не умаляетъ значенія повѣстей Погодина въ исторіи развитія нашей реальной повѣсти. Этотъ обычный для того времени недостатокъ дѣлится съ Погодинымъ и Гоголемъ.

Въ «Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки» смѣшеніе реального элемента съ романтическимъ составляетъ, дѣйствительно, отличительную черту всего замысла художника. Впрочемъ, былъ ли у Гоголя замыселъ, когда онъ сочинялъ эти повѣсти? Мы знаемъ, какъ случайно онѣ возникли: авторъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ ихъ художественномъ значеніи, онъ писалъ ихъ отчасти скуки ради, отчасти имѣя въ виду матеріальную выгоду, а главное писалъ ихъ потому, что часто вспоминалъ о своей Малороссіи и находилъ отраду въ этихъ воспоминаніяхъ. Быть можетъ, эти рассказы и вышли такъ непринужденно естественны и такъ разнообразны потому, что авторъ при ихъ созданіи не преслѣдовалъ никакой определенной цѣли, ни назидательной, ни литературной. Смѣшеніе же романтическихъ образовъ съ чисто бытовыми картинками произошло также невольно и неумышленно. Въ Гоголѣ романтическій лиризмъ всегда боролся съ зоркостью наблюдателя-журриста и по этому первому, самостоятельному и относительно зрѣлому произведенію никакъ нельзя было рѣшить куда клонятся симпатіи автора—къ реальному ли изображенію жизни или къ символизации ея въ романтическихъ образахъ. И то, и другое въ «Вечерахъ» смѣшано и слито.

Передъ нами рядъ фантастическихъ легендъ самаго опредѣленнаго романтическаго характера, съ совсѣмъ воздушными образами вмѣсто живыхъ людей и съ большою примѣсью суевѣрія. Рядомъ съ этими легендами—много жанровыхъ картинъ, съ реальными аксессуарами, съ относительно естественной композиціей и даже одинъ рассказъ о Шпонькѣ и его тетушкѣ, выдержанный весь, безъ малѣйшаго отклоненія, въ стилѣ строжайшаго реализма. Такое совмѣщеніе въ душѣ художника двухъ противоположныхъ пріемовъ и направленій творчества тѣмъ болѣе оригинально, что почти всегда эти направленія смѣшиваются или идутъ параллельно въ одномъ и томъ же рассказѣ. Такъ уже въ «Сорочинской ярмаркѣ» въ реальную жизнь начинается вторгаться легенда. Въ рассказъ объ «Ивановой ночи», полный ужаса и романтическихъ страстей, вставлены живые, съ натуры списанные, портреты. Въ «Майской ночи» сельская идиллія, веселая и живая, слетена даже неестественно съ печальной легендой. Въ фантастическое сказаніе о «Страшной мести» введенъ цѣлый рядъ эпизодовъ изъ казацкой жизни, нарисованныхъ необычайно правдиво и реально; въ «Ночи передъ Рождествомъ» фантастика совсѣмъ переплелась съ дѣйствительностью, какъ и въ «Пропавшей грамотѣ» и въ «Заколдованномъ мѣстѣ». Въ одной только «повѣсти о Шпонькѣ»—какъ мы

замѣтили—реализмъ въ искусствѣ проявился безъ всякой примѣси романтической грезы или мечты, и авторъ далъ намъ первый примѣръ истинно художественной юмористической повѣсти. Во всѣхъ остальныхъ разсказахъ онъ одновременно и юмористъ-бытописатель, и сентиментальный романтикъ.

«Вечера на Хуторѣ» стояли, такимъ образомъ, на распутии двухъ литературныхъ теченій, стараго—романтическаго и новаго—реальнаго и скорѣе принадлежали прошлому, чѣмъ открывали дорогу новому.

Романтика въ нихъ преобладала. Она проявлялась прежде всего въ обиліи фантастическаго элемента, которымъ большинство этихъ повѣстей было насквозь пропитано. Эта фантастика была тогда очень распространена въ нашей словесности. Богатѣйшій родникъ ея имѣли мы въ нашихъ собственныхъ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ; кромѣ того, многое перенесено было къ намъ съ Запада. Изъ дебрей преимущественно нѣмецкаго романтизма перелетали на русскую землю вѣдьмы, лѣшіе, оборотни и всякая нечисть. Повѣсти Тика, напр., читались охотно, и самъ Гоголь заимствовалъ у него завязку своего «Вечера наканунѣ Ивана Купалы». Чудесное приходило къ намъ и съ Востока, съ горъ Кавказа. Правда, повѣсти Гоголя вносимъ нѣчто свое въ эту чертовщину, а именно, тотъ же малороссійскій юморъ, который по репликамъ вѣдьмъ и чертей заставлялъ всѣхъ догадываться, что они проживаютъ не въ ущельяхъ финскихъ горъ, не въ дремучихъ лѣсахъ Муромскихъ, а на Лысой горѣ подъ Кіевомъ. Но это этнографическое отличіе вичуть не мѣняло ихъ роли и ихъ участія въ людской жизни.

Читатель, еще задолго до этихъ «Вечеровъ», любилъ, какъ мы въ нашѣмъ дѣтствѣ, чтобы съ героемъ повѣсти случалось непременно что-нибудь необыкновенное, чтобы въ жизнь его вмѣшивались свѣтлые и темные духи—именно потому, что русскій читатель тогда былъ еще ребенокъ.

Повѣсти Гоголя въ этомъ смыслѣ вполне отвѣчали господствующему вкусу. Но это чудесное, подсказанное народными легендами, интересовало Гоголя не только какъ извѣстный рычагъ дѣйствія: оно совпадало съ одной очень важной стороной его собственнаго міросозерцанія. Зародыши суевѣрія и наивной вѣры съ дѣтства таились въ Гоголѣ; съ годами они окрѣпли. Эти малороссійскіе черти и вѣдьмы превратились со временемъ въ настоящаго чорта, въ существованіе котораго Гоголь вѣрилъ и отъ котораго предостерегалъ Аксакова; старые народные мрачные духи, подъ влияніемъ религіи, отождествились тогда въ его пониманіи съ принципомъ зла и, конечно, о комическомъ ихъ вторженіи въ жизнь человѣка не могло быть и рѣчи.

Но помимо этой существенной роли, какую чудесное играло въ міросозерцаніи нашего автора, міръ призраковъ удовлетворялъ во дни его юности и другой потребности его духа, именно—жаждѣ свободы. Вы-

воротить человѣческую жизнь на изнанку, поставивъ въ ней все вверхъ дномъ, сдѣлать ее рядомъ неожиданностей, пока въ большинствѣ случаевъ очень пріятныхъ для человѣка, значило тогда для скромнаго и нуждающагося мелкаго чиновника—испытать хоть въ мечтахъ свободный размахъ своей энергіи и воли, которая такъ была стѣснена въ жизни. Очень часто, когда обстоятельства слагаются не весело, охотно мечтаешь о томъ, какъ бы хорошо было, если бы они вдругъ, по шучьему велѣнію, какъ говорятъ, перемѣнились. Такъ могло быть и съ Гоголемъ.

Таившееся въ немъ суевѣріе и страхъ передъ зломъ въ мірѣ нашло себѣ выраженіе въ такихъ повѣстяхъ, какъ «Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы» и «Страшная мѣсть», а невинная мечта о благосклонномъ вмѣшательствѣ этихъ силъ въ жизнь человѣка отразилась въ «Майской ночи» и въ особенности въ «Ночи передъ Рождествомъ».

Но помимо чудеснаго, которое придаетъ этимъ повѣстямъ такой романтической характеръ, само изображеніе малороссійскаго быта грѣшить нерѣдко излишней романтической красотой. Конечно, сравнительно со всѣми прежними опытами въ этомъ родѣ, «Вечера на Хуторѣ» могутъ быть названы первой правдивой картиной южно-русскаго быта, написанной безъ всякой тенденціи дидактической или сентиментальной. Но это отсутствіе тенденціи и даже обиліе вѣрно схваченныхъ и правдиво изображенныхъ типовъ не спасаютъ «Вечера на Хуторѣ» отъ упрека въ идеализаціи и въ не совсѣмъ правдоподобной компановкѣ разсказа. Одно время критика очень придирчиво высчитывала разныя ошибки, которыя Гоголь допустилъ въ обрисовкѣ малорусскаго народнаго характера и въ описаніи различныхъ народныхъ обрядовъ*); она оказалась, однако, неправой: почти все, что Гоголь говорилъ о малорусской жизни, были фактически вѣрно; онъ ничего не измыслилъ и не искажилъ; но вопросъ не въ этомъ—вѣрно ли онъ срисовалъ детали. Онѣ могли быть всѣ списаны съ натуры или взяты изъ народныхъ пѣсенъ. Если Гоголь въ чемъ погрѣшилъ противъ правды, такъ это въ компановкѣ этихъ деталей и въ привычкѣ слишкомъ отбѣивать красивую и яркую сторону изображаемой имъ жизни.

Въ компановкѣ повѣстей допущены, дѣйствительно, нѣкоторыя странности, съ реализмомъ не вполне согласныя. Могла ли свадьба устроиться такъ быстро, какъ она устроилась на ярмаркѣ въ Сорочинцахъ, и могъ ли цыганъ такъ хитро спрятать всѣ нити своей интриги и своего «чудеснаго» вмѣшательства въ ходъ сватовства парубка—

*) См. объ этомъ статьи *Кулиша* («Основа», 1861, кн. 4, 5 и 9); отвѣтъ *Максимовича* («День», 1861 № 3, 5, 7 и 9); *Липинъ*. «Исторія русской этнографіи» III, 209. «Малороссійскій писатель Гоголь по гг. Кулишу и Максимовичу», «Время», 1852, I. *Н. И. Коробка*, «Кулишъ объ украинскіхъ повѣстяхъ Гоголя». «Литературный Вѣстникъ», 1902, I.

это остается на совѣсти автора; могла ли майская ночь пройти такъ безумно весело съ такимъ импровизированнымъ крестьянскимъ маскарадомъ, съ такой правильно организованной остроумной уличной демонстраціей хлопцовъ противъ начальства—это также сомнительно; какимъ образомъ вся ночь передъ Рождествомъ обратилась въ сплошную буффонаду, невѣроятно запутанную и невѣроятно смѣшную, какимъ образомъ всѣ дѣйствующія лица этого фарса могли позволить случайностямъ такъ играть съ собой—тоже мало понятно. Впрочемъ, можетъ быть, въ этой малопонятливости и заключался умыселъ художника; но, во всякомъ случаѣ, въ его планы отнюдь не входило заставлять своихъ крестьянъ иной разъ говорить совѣмъ городской выхоленной рѣчью, а въ «Вечерахъ» такая рѣчь въ устахъ парубковъ и дѣвчатъ совѣмъ не рѣдкость. Послушать ихъ любовныя разговоры—и въ нихъ даже не замѣтно поддѣлки подъ народную рѣчь, до того ихъ слова отборны и литературны...

Помимо этихъ довольно явныхъ отступленій отъ реализма и житейской правды, нельзя не указать и на описанія природы, какъ на образецъ художественной, но никакъ не реальной пейзажной живописи. Мы съ дѣтства привыкли благоговѣть передъ этими описаніями и учимъ ихъ наизусть; но едва ли, созерцая настоящую природу Малороссіи, мы о нихъ когда-либо вспомнимъ. Конечно, тѣ страницы «Вечеровъ», гдѣ насъ спрашиваютъ—«знаемъ ли мы украинскую ночь» и гдѣ намъ говорятъ, какъ «чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ»—эти страницы ослѣпительны по блеску метафоръ, красотѣ образовъ и торжественному настроенію созерцателя, но это не описанія того, что видишь и что желалъ бы другого заставить видѣть, это—восторгъ по поводу видѣннаго и, какъ таковой, онъ субъективенъ въ крайней степени.

Нельзя назвать реальной живописью и тѣ портреты, преимущественно женскіе, которые нерѣдко авторъ вставляетъ въ свои рассказы. Въ нихъ очень много красоты, но жизни мало. Когда видишь, какъ на вѣсу сидитъ хорошенькая дочка Солопія Черевика—«съ круглымъ личикомъ, съ черными бровями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, съ безпечно улыбающимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ красными и синими лентами, которыя вмѣстѣ съ длинными косами и пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ богатою короною покоятся на ея очаровательной головкѣ», то такому портрету вѣришь, хотя и не узнаешь въ немъ крестьянки. Но когда зачѣмъ читаешь про дочку Коржа, какъ «ея щеки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьей росой, — горитъ огъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только что поднявшимся солнышкомъ; какъ брови ея, словно черныя шнурочки, ровно нагнувшись, какъ будто глядятся въ ясныя очи; какъ ротикъ ея кажись на то и созданъ, чтобы выводить соловьиныя пѣсни, какъ во-

лосы ея черны какъ крылья ворона, и мягки, какъ молодой лентъ» — то такому портрету уже не вѣришь, хотя и любишься имъ, какъ любишься и на первый выходъ Ганны, когда она «на порѣ семнадцатой весны, обвѣтая сумерками, робко оглядываясь и не выпуская ручки двери переступаетъ черезъ порогъ; когда въ полуясномъ мракѣ горятъ привѣтно, будто звѣздочки, ея ясныя очи»...

Всѣ эти женскіе портреты—типичные образцы ходячей красоты, символы женскаго виѣшняго совершенства и убранства. Эти деревенскія красавицы не хрупки, не блѣдны, не воздушны какъ дѣвы тогдашней романтики; онѣ не разсѣиваются въ туманѣ, напротивъ того, онѣ всѣ очень здоровы, румяны, какъ былинныя красавицы, но онѣ все-таки сродни своимъ блѣднымъ сестрамъ, онѣ также съ реальной жизнью имѣютъ мало общаго, хотя и носятъ на себѣ отпечатокъ здоровья.

Такъ же точно и любовныя рѣчи этихъ красавицъ и ихъ обожателей едва ли подслушаны Гоголемъ; вѣришь, что они отзвукъ народныхъ малороссійскихъ пѣсень *).

Такая идеализація типовъ—явленіе, однако, не постоянное. Подкрашены въ большинствѣ случаевъ только молодые типы—тѣ, вокругъ которыхъ сплетается любовная романтическая завязка. Чѣмъ дѣйствующее лицо старше—тѣмъ оно реальнѣе обрисовано. Старики и старухи иногда даже смазываютъ на карикатуры — такъ усердно авторъ при изображеніи ихъ не соблюдая мѣры, гнался за реализмомъ.

Такимъ образомъ, «Вечера на Хуторѣ», при многихъ вѣрныхъ бытовыхъ деталяхъ, при относительно естественномъ языкѣ, какимъ говорятъ дѣйствующія лица, наконецъ, при безспорно «народныхъ» сюжетахъ историческихъ, легендарныхъ и бытовыхъ, были все-таки произведеніемъ, созданнымъ скорѣе въ старомъ стилѣ, сентиментально-романтическомъ, чѣмъ въ стилѣ новомъ, который требовалъ тѣсной связи искусства и жизни. Одна только повѣсть «объ Иванѣ Федоровичѣ Шпонькѣ и его тетулкѣ» давала понять, что авторъ способенъ создать въ этомъ новомъ реальномъ стилѣ. Но эта повѣсть осталась неоконченной и застѣвливый Иванъ Федоровичъ—родственникъ Подколесина, его тетулка-амазонка и ея дворянъ, Григорій Григорьевичъ, хитрый плутъ, и его благонравныя сестрицы премелькнули передъ нами и исчезли, чтобы появиться, однако, вновь въ «Женильбѣ», «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ».

Смѣшеніе въ «Вечерахъ» двухъ пріемовъ творчества было въ тѣ еще годы отмѣчено критикой.

Усиѣхъ книги въ общемъ былъ большой: и не только интересъ публики, но и симпатія большинства судей были на ея сторонѣ. Разногласіе критиковъ произошло отъ того, что они не хотѣли рассмотреть книгу въ ея цѣломъ: одинъ заинтересовался больше бытовыми чер-

*) В. И. Шенрокъ «Матерьялы для біографіи Гоголя», I, 270.

тами, которыя находилъ въ ней, другой обратилъ вниманіе на ея романтическій колоритъ, третьяго поразилъ больше всего ея веселый и смѣшливый тонъ. Каждый изъ критиковъ далъ, поэтому, оцѣнку нѣсколько одностороннюю и въ этомъ отчасти былъ виноватъ самъ авторъ.

Кто дорожилъ житейской правдой, тотъ остался недоволенъ отступленіями отъ нея. «Нарѣжный и Погорѣльскій — разсуждалъ одинъ критикъ—стояли къ жизни ближе, чѣмъ таинственный Рудый Панько. Онъ допустилъ слишкомъ много высокопаренія въ своемъ стилѣ, въ своихъ описаніяхъ лицъ и природы. Съ другой стороны, онъ изобразилъ малороссійскую жизнь слишкомъ грубо: грубы, напр., многія выраженія въ «Сорочинской ярмаркѣ», гдѣ парни ведутъ себя совсѣмъ какъ невѣжи и олухи. Въ разсказахъ допущены также ошибки историческія, какъ, напр., въ «Пропавшей грамотѣ», и въ особенности непріятно поражаютъ въ разговорахъ—совсѣмъ ненародныя обороты рѣчи» *).

Такъ же неодобрительно, какъ этотъ неизвѣстный критикъ, отнесся къ «Вечерамъ» и Полевой — знакомый намъ строгій гонитель всякой поддѣлки подъ народность. Полевой заподозрилъ нашего разсказчика въ настоящей мистификаціи. Повѣсти эти — говорилъ онъ — написаны самозванцемъ пасичникомъ; этотъ пасичникъ — москаль и притомъ горожанинъ; онъ неискусно воспользовался кладомъ преданій; сказки его несвязны; желаніе поддѣлаться подъ малоруссиямъ спутало его языкъ; взялъ бы онъ примѣръ съ Вальтеръ-Скотта, какъ тотъ умѣетъ просто разсказывать... У Гоголя и въ шуткахъ нѣтъ ловкости, а главное — нѣтъ настоящаго мѣстнаго колорита; куда напр., выше его Марлинскій, который въ своей повѣсти «Лейтенантъ Бѣлосоръ» сумѣлъ дать столь яркіе типы изъ голландской жизни. Въ заключеніе Полевой совѣтывалъ Гоголю исправить непріятное впечатлѣніе, какое получилось отъ плохого употребленія хорошихъ матеріаловъ **). Давая отчетъ о второй части «Вечеровъ», Полевой впрочемъ нѣсколько смягчилъ свой отзывъ. Онъ въ авторѣ уже призналъ малороссіянина и хвалилъ его юморъ и веселость, но отмѣтилъ въ повѣстяхъ отсутствіе глубины замысла. Это — плясовая музыка, говорилъ онъ, которая жаскаетъ нашъ слухъ, но быстро исчезаетъ. Отмѣчалъ онъ также и скудость изобрѣтенія и воображенія и опять подчеркивалъ неопытности въ языкѣ и высокопарность слога ***).

*) *Андрій Царынный*. «Мысли малороссіянина по прочтеніи повѣстей пасичника Рудаго Панька, изданныхъ имъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и рецензіи на оныя», «Сынъ Отечества», 1832, т. 147, 41—49, 101—115, 159—164, 223—242, 288—312.

***) «Московскій Телеграфъ». Часть ХLI, 1831, 94—95.

***) «Московскій Телеграфъ». Часть ХLIV, 1832, 262—267.

Сенковскій—редакторъ вновь возникшаго журнала «Библиотека для Чтенія», обозвавъ Гоголя при случаѣ русскимъ Поль-де-Коккомъ, и сказавъ, что предметы его грязны и лица вьаты изъ дурного общества ¹⁾, отнесся, однако, достаточно милостиво къ «Вечерамъ», когда они вышли вторымъ изданіемъ; онъ заявилъ только, что украинское забавничанье и насмѣшку не должно смѣшиваться съ настоящимъ остроуміемъ и серьезнымъ юморомъ ²⁾.

Вѣрнѣе всѣхъ понялъ Гоголя журналъ Надеждина. Критикъ очень хвалилъ автора за печать «мѣстности», которая лежитъ на всѣхъ разсказахъ. Прежніе писатели, какъ, напр., Нарѣжный, либо сглаживали совершенно всѣ мѣстные идиотизмы украинскаго нарѣчія, либо сохраняли ихъ совершенно неприкосновенными. Гоголь сумѣлъ избѣгнуть этихъ крайностей, и повѣсти его и литературныя, и естественныя ³⁾. Эти же достоинства, т. е. отсутствіе вычурности и хитрости, естественность дѣйствующихъ лицъ и положеній, неподдѣльную веселость и не выкраденное остроуміе—отгѣнялъ въ этихъ повѣстяхъ и критикъ «Литературныхъ прибавленій къ «Русскому Инвалиду» (Л. Якубовичъ) ⁴⁾.

Хвалилъ ихъ также очень Булгаринъ, называя ихъ «лучшими народными повѣстями» и предлагая эти «хорошіе» повѣсти поставить выше чужеземнаго «превосходнаго». Въ лицѣ Гоголя—такъ говорилъ Булгаринъ—малороссійская литература оставила мѣстную цѣль и обратилась къ болѣе глубокой мысли—удерживать только характерное отличіе своего нарѣчія, чтобы раскрыть народность. Русскую народность пока еще не уловили и у насъ еще нѣтъ ничего равнаго «Вечерамъ»; мы еще пока учено стремимся къ народности, а не самосознательно. У Гоголя національность проявляется естественно, не такъ, какъ, напр., у Погодина, который думаетъ, что рѣшительное уклоненіе къ провинциализму и любовь къ старымъ формамъ языка есть приближеніе къ національному, или, какъ, напр., у Загоскина, которому патриотизмъ мѣшаетъ быть правдивымъ. Гоголю не достааетъ только иногда творческой фантазіи, хотя нѣкоторыя мѣста въ его повѣстяхъ и дышатъ поэтическимъ вдохновеніемъ. Онъ въ описаніяхъ менѣе смѣлъ, чѣмъ Марлинскій, но и онъ достигаетъ иногда большого совершенства. Булгарину въ особенности нравится «пергаментная» простота въ повѣсти «Ночь наканунѣ Ивана Купала», которую можно сравнить развѣ только съ «Борисомъ Годуновымъ» ⁵⁾.

Такъ разсуждала критика, смутно улавливая достоинства этихъ разсказовъ и не сходясь во мнѣніи о томъ, насколько истинная «народность» въ нихъ схвачена и вѣрно изображена. Разногласіе въ оцѣнкахъ

¹⁾ «Библиотека для Чтенія», томъ III, 1834. «Критика», 31—32.

²⁾ «Библиотека для Чтенія», томъ XV, 1836. «Литературная Лѣтопись».

³⁾ «Телескопъ», 1831, часть V, 558—563.

⁴⁾ «Литературныя прибавленія къ «Русскому Инвалиду», 1831, № 79.

⁵⁾ «Сѣверная Пчела», 1831, №№ 219, 220; 1832, № 59; 1836, № 26.

было неизбежно. Бытописатель-реалистъ и романтикъ спорили въ душѣ самого автора, и критика свои симпатіи между ними подѣлила. Романтикъ Полевой боялся, какъ бы Гоголь не началъ поддѣлываться подъ народность и не сталъ фальшивить, а врагъ романтизма Надеждинъ привѣтствовалъ Гоголя именно за обиліе мѣстныхъ красокъ въ его разсказахъ. На одномъ, впрочемъ, сошлись, кажется, симпатіи всѣхъ читателей. Всѣхъ увлекла неподдѣльная веселость разсказчика.

«Книга понравилась здѣсь всѣмъ, начиная съ государыни»—писалъ Гоголь своей матери, посылая ей первый томъ «Вечеровъ»; и слово «всѣмъ» не было преувеличеніемъ. Самъ Гоголь разсказывалъ, напр., Пушкину о впечатлѣніи, какое эта книга произвела на наборщиковъ. «Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей — писалъ онъ *). Только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давая каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я къ фактору, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ сказалъ, что *штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву. Изъ этого я заключилъ, что я писатель совершенно во вкусъ черни*». Но и самъ Пушкинъ раздѣлялъ смѣхъ этой черни. «Сейчасъ прочелъ «Вечера близъ Диканьки»,—писалъ онъ А. Ѳ. Воейкову **). Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Поздравляю публику съ истинно веселою книгою...»

Но были ли эти повѣсти на самомъ дѣлѣ такъ непринужденно веселы? Мѣстами, конечно, да. Въ нихъ было много смѣшного, больше, чѣмъ грустнаго, но иной разъ грусть все-таки врывается въ этотъ веселый разсказъ—и не потому, что тема разсказа была печальна, а потому, что печаленъ былъ самъ авторъ.

Сорочинская ярмарка, игривая буффонада, кончалась, напр., такими совсѣмъ неожиданными и какъ будто лишними строками:

«Смычокъ умираетъ. Неясные звуки терялись въ пустотѣ воздуха. Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостя, улетаетъ отъ насъ. И напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье! Въ собственномъ эхѣ слышитъ онъ уже грусть и пустыню и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые другі бурной и вольной юности по одиночкѣ одинъ за другимъ теряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного старшаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему».

Гоголь признавался въ своей «Авторской Исповѣди», что на него

*) «Письма Н. В. Гоголя». I, 185.

**) «Сочиненія А. С. Пушкина». Изданіе литературнаго фонда, VII, 287.

находили припадки тоски, ему самому необъяснимой, которые происходили, можетъ быть, отъ его болѣзненнаго состоянія. «Чтобы развлекать самого себя—говорилъ онъ—я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Эти повѣсти однихъ заставляли смѣяться также беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходить въ голову такіа глупости».

Пришли же всѣ эти «глупости» ему въ голову путемъ очень естественнымъ. Она были плодомъ его примиряющей фантазіи.

Мы знаемъ, что въ первый періодъ петербургской жизни ему жилось далеко не весело, мы помнимъ, какъ тревожно было настроеніе его духа, какая борьба надеждъ и сомнѣній происходила въ его сердцѣ. Все это нашло себѣ отраженіе и въ «Вечерахъ на хуторѣ», но только отраженіе въ обратную сторону. Мечта восполняла дѣйствительность, и Гоголь бредилъ тѣмъ, чего не доставало въ жизни.

Во-первыхъ, — Малороссіей; онъ по ней тосковалъ и потому разукрашалъ и подогрѣвалъ о ней свои воспоминанія. Изъ нихъ вышли эти дивные пейзажи, совсѣмъ не реальныя, выкованные въ метафоры и вырисованные съ такимъ лирическимъ подъемомъ духа.

Бредилъ нашъ писатель и покоемъ, весельемъ и счастьемъ прежней привольной жизни, о которой такъ часто приходилось думать въ дѣловомъ, скучномъ и непривѣтливомъ Петербургѣ; ему хотѣлось быть веселымъ и потому въ его рассказахъ такъ много свѣта—наперекоръ тому мраку, который въ дѣйствительности, конечно, тяготѣлъ надъ крѣпостной малороссійской деревней; поэту хотѣлось, наконецъ, за поэтической сказкой и преданіемъ совсѣмъ забыть о гнетущей прозѣ минуты—но именно это и не удалось ему.

Онъ былъ не въ состояніи забыться; и разладъ между сѣрой дѣйствительностью и приподнятымъ восторженнымъ лиризмомъ автора сказывался на тѣхъ «лирическихъ мѣстахъ», въ родѣ вышеприведеннаго которыя нарушали веселый тонъ его повѣстей. Странное неопредѣленно-грустное настроеніе, подъ властью котораго находился Гоголь въ первые годы своей петербургской жизни, прорывалось наружу даже тогда, когда онъ хотѣлъ шутить и смѣяться. Съ этимъ единоборствомъ смѣха и грусти мы будемъ встрѣчаться и во всѣ послѣдующіе годы его жизни.

Итакъ, въ исторіи жизни и творчества Гоголя «Вечерамъ на Хуторѣ близъ Диканьки» должно быть отведено, несмотря на незатѣйливость ихъ содержанія, мѣсто очень видное. Эти повѣсти были первымъ оригинальнымъ произведеніемъ нашего автора, въ которомъ «народность», понимаемая не въ широкомъ, а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, нашла себѣ художественное воплощеніе. Гоголь являлся передъ

нами, и какъ бытописатель современной ему престо­народной малорос­сийской жизни и какъ романтикъ, творчески пересоздающій старыя преданія и легенды. Онъ смѣшивалъ въ своемъ произведеніи оба стили, отдавая пока предпочтеніе романтическому, въ которомъ онъ выдер­живалъ даже описанія природы и характеристику многихъ дѣйстви­ющихъ лицъ,—что не мѣшало ему изображать другія лица и иныя по­ложенія съ неподдѣльной простотой и трезвостью истиннаго реалиста. Въ этомъ смѣшеніи двухъ стилей, равно какъ и въ чередованіи ве­селя и грусти, смѣха и слезъ, сказывалось не только неустановившееся пока направленіе его творчества, но также та внутренняя борьба, ко­торая происходила въ самомъ авторѣ: идеализмъ романтика никакъ не могъ ужиться со способностью реалиста видѣть насквозь всю пошлость и грязь той дѣйствительности, которую хотѣлось бы понять и исто­ковать въ иномъ, возвышенномъ и идеальномъ смыслѣ.

Послѣ юношескаго мечтательнаго сентиментализма, какъ онъ вы­разился съ «Ганцѣ» и отчасти въ «Вечерахъ на Хуторѣ», художникъ вступалъ теперь въ новый фазисъ своего духовнаго развитія; въ немъ, послѣ упорной борьбы, крѣпѣе все болѣе и болѣе трезвый, юмористическій взглядъ на окружающую его дѣйствительность, который и достигъ своего полнаго выраженія въ комедіяхъ и въ «Мертвыхъ Душахъ».

На этой ступени художественнаго созерцанія жизни Гоголь однако не устоялъ. Неудовлетворенны однимъ созерцаніемъ, онъ сталъ упорно доискиваться ея релігіозно нравственнаго смысла, и вновь романтикъ восторжествовалъ надъ реалистомъ. Художникъ произнесъ тогда осуж­деніе всему тому, что онъ успѣлъ надумать и высказать, и онъ за­хотѣлъ все это передумать и пересказать по новому.

Попытаемся же теперь освѣтить эту важную эпоху въ жизни нашего писателя, когда въ творествѣ его, послѣ упорной борьбы между враждебными настроеніями и послѣ частыхъ ихъ колебаній—зоркость наблюдателя и бытописателя одержала временно верхъ надъ сентимен­тальной и романтической идеализаціей жизни. Эта знаменательная эпоха въ жизни Гоголя падаетъ въ промежутокъ времени отъ 1832 до 1842 года.

VII.

Семь лѣтъ жизни въ Петербургѣ (1829—1836).—Релігіозное настроеніе Гоголя и мысли о своемъ призваніи.—Отношеніе къ людямъ.—Гоголь на поискахъ службы: учительство и профессура.—Колебанія въ приемахъ творчества.—Романтикъ энту­зіастъ въ борьбѣ съ бытописателемъ-юмористомъ.—Гоголь въ кружкѣ Пушкина.

Гоголь провелъ въ Петербургѣ около семи лѣтъ (1829—1836)—луч­шую пору своей молодости. Въ эти семь лѣтъ онъ создалъ почти всѣ свои произведенія; онъ написалъ «Вечера на Хуторѣ», «Арабе­ские» и «Миргородъ», «Носъ» и «Коляску», «Женитьбу», всѣ дра­матическіе отрывки, поставилъ на сцену «Ревизора» и задумалъ

«Мертвыя Души»—однимъ словомъ въ 27 лѣтъ нашъ писатель высказалъ почти все, что онъ имѣлъ сказать, и затѣмъ только передѣлывалъ, передумывалъ и дополнялъ сказанное или задуманное раньше.

Годы, проведенные Гоголемъ въ Петербургѣ,—одинъ изъ самыхъ важныхъ періодовъ въ исторіи его творчества и его жизни.

Съ внѣшней стороны эта будничная жизнь испытала нѣсколько значительныхъ переменъ. Гоголь скоро бросилъ свою скучную департаментскую службу, изъ чиновника превратился въ педагога, получилъ мѣсто преподавателя исторіи въ Патриотическомъ Институтѣ, затѣмъ, былъ назначенъ профессоромъ петербургскаго университета и дважды (въ 1832 и 1835 году) съѣздили къ себѣ на югъ, на родину. Всѣ эти перемены внесли извѣстное движеніе въ его жизнь и она текла въ общемъ совсѣмъ не скучно, даже весело, если принять во вниманіе, что кругъ знакомыхъ Гоголя значительно расширился и онъ — уже признанный писатель—сталъ членомъ самаго избраннаго литературнаго круга.

Странное, однако, впечатлѣніе производятъ письма Гоголя за этотъ періодъ его литературной дѣятельности (1831 — 1836). Нельзя сказать, чтобы эти письма были грустны; въ нихъ очень много подъема духа, много пафоса, много всплешекъ самыхъ розовыхъ неумѣренныхъ надеждъ на будущее; но во всѣхъ этихъ порывахъ души замѣтна все-таки какая-то скрытая, очень серьезная, порой даже грустная дума. Замѣтка въ нихъ также сильная тревога духа, но о тайной причинѣ этой тревоги приходится догадываться лишь по намекамъ, которые разсыяны въ интимныхъ письмахъ поэта и въ общемъ смыслѣ его произведеній. Жизнь складывалась однако такъ, что должна была возбуждать въ нашемъ писателѣ одно лишь довольство настоящимъ и полную увѣренность въ будущемъ: совсѣмъ еще молодой человекъ, безъ особаго труда и быстро счумѣлъ пройти въ первые ряды нашего тогдашняго интеллигентнаго общества; его первый литературный опытъ принятъ былъ не на правахъ опыта, а былъ сразу признанъ крупной литературной побѣдой и создалъ автору имя; этого автора, приласкали самые выдающиеся по уму и таланту люди; какъ близкій другъ вошелъ онъ въ общество Жуковского и Пушкина и сознавалъ въ себѣ силу отплатить достойнымъ образомъ за эту дружбу. Порывъ къ творчеству также не покидалъ его за все это время: былъ, правда, какъ-то годъ, когда ему не писалось, но въ общемъ, кто же въ такой короткій промежутокъ времени успѣлъ создать столько, сколько онъ создалъ? Одинъ литературный планъ смѣялся въ его головѣ быстро другимъ, и всѣ эти планы, хоть съ перерывами, но близались къ осуществленію. Поѣздка въ Москву въ 1832 году расширила кругъ его знакомствъ и Гоголь встрѣтилъ въ московскихъ литературныхъ кружкахъ не меньшее радушіе, чѣмъ въ петербургскихъ. Странная, не сразу понятная прихоть писателя стать ученымъ историкомъ и профессоромъ также нашла себѣ удовле-

не, и Гоголь получилъ, вопреки всѣмъ правамъ, въ разность поучать съ университетской кафедры. Наконецъ въ послѣдніи годъ его петербургской жизни, несмотря на всѣ препятствія, «Ревизоръ» былъ сыгранъ, и впечатлѣніе произведенное этой комедіей, показало автору наглядно, какая въ немъ таилась сила; если онъ смутно ощущалъ ее въ себѣ прежде, теперь онъ могъ воочию въ ней убѣдиться. Однимъ словомъ жизнь была полна движенія полна борьбы, и борьба приводила къ побѣдѣ. Не было ни одной мысли, ни одного плана, передъ которымъ бы Гоголь въ растерянности остановился; если нѣкоторые изъ этихъ плановъ не осуществлялись такъ, какъ ему этого хотѣлось, то такая неудача вознаграждалась общими сознаніемъ своего все болѣе и болѣе зрѣющаго таланта.

А между тѣмъ послѣ семи лѣтъ такой побѣдоносной литературной дѣятельности, Гоголь въ 1836 г. покидалъ Россію въ самомъ тревожномъ состояніи духа, неудовлетворенный собой до крайней степени, недовольный всѣмъ, что онъ создалъ, и съ твердымъ намѣреніемъ начать передѣлывать все сызнова.

Мы знаемъ, съ какими неясными планами Гоголь въ Петербургъ пріѣхалъ. Сентименталистъ и мечтатель, онъ все носился съ мыслью такъ или иначе облагодѣтельствовать ближнихъ, мнилъ себя призваннымъ свершить нѣчто великое, приучалъ себя смотрѣть на людей покровительственно-любовно и все думалъ, что «служба» вѣрнѣйшій путь къ движенію всѣхъ этихъ возвышенныхъ цѣлей; мы знаемъ также какъ скоро во всемъ пришлось разочароваться и какъ, послѣ неудачной попытки сказать свое первое слово, пришлось даже бѣжать съ поля битвы, съ тѣмъ однако чтобы сейчасъ же возвратиться. Это смутное состояніе духа не покидало Гоголя и въ тѣ годы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь.

Мысль о призваніи свершить нѣчто для ближнихъ очень важное, спасительное для ихъ духа и жизни, попрежнему прорывается въ интимныхъ рѣчахъ Гоголя. «Какъ благодарю я Вышнюю десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ!—пишетъ онъ матери въ началѣ 1831 года. Ни на какія драгоценности въ мірѣ не промѣнялъ бы я ихъ. Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого я думаю, рѣдкій царь могъ имѣть! Зато какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ! какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей! Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе — польза. Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства» *). Въ 1833 году онъ опять пишетъ матери: «Я вижу яснѣе и лучше многое, нежели другіе... Я изслѣдовалъ человѣка отъ его колыбели до конца, и отъ этого ничуть не счастливѣе. У меня болитъ сердце, когда я вижу, какъ заблуждаются люди. Толкуютъ о добродѣтели, о Богѣ, и между тѣмъ, не дѣлаютъ ничего. Хотѣлъ бы, кажется, помочь имъ, но рѣдкіе,

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 171—172.

рѣдкіе изъ нихъ имѣють свѣтлый природный умъ, чтобы увидѣть истину моихъ словъ¹⁾).

Быть можетъ Гоголь нѣсколько умышленно повышалъ свой пророческій тонъ, когда говорилъ съ Маріей Ивановной, которая намеки понимала туго, но именно съ ней онъ и говорилъ всего откровеннѣе. Не менѣе откровенно писалъ онъ, впрочемъ, и своему другу Погодину въ 1836 году, когда, раздосадованный Петербургомъ за пріемъ «Ревизора», покидалъ Россію: «Прощай—писалъ онъ—ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ, вѣрно, освѣженный и обновленный. Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня»²⁾).

Эта мысль объ opiekѣ Провидѣнія, избравшаго его предметомъ особыхъ своихъ попеченій,—для насъ также не новость; мы знаемъ, что она была тѣсно связана съ представленіемъ, какое Гоголь съ дѣтскихъ лѣтъ имѣлъ о своей чрезвычайной миссіи. Въ періодъ его петербургской жизни эта связь религіозной идеи съ мыслью о собственномъ призваніи не нарушается. Гоголь остается попрежнему религіозенъ. Всякое испытаніе—думаетъ онъ—посылается по чудной волѣ высшей. Все дѣлается единственно для того, чтобы мы богѣе поняли послѣ свое счастье³⁾. Самыя простыя житейскія случайности онъ готовъ истолковать Божьимъ вмѣшательствомъ⁴⁾. «Я испыталъ многое на себѣ—пишетъ онъ матери въ 1834 году. Во всемъ, чѣмъ я только займусь съ большею осмотрительностью, хорошенько обсужу дѣло, поведу съ величайшею аккуратностью и порядкомъ, не занимаясь мечтами о будущемъ, во всемъ этомъ я вижу ясно Божью помощь»⁵⁾.

Одно признаніе Гоголя въ данномъ случаѣ въ особенности характерно: Гоголь благодаритъ свою мать за то, что она первая разбудила въ немъ религіозную мысль картиной страшнаго суда—того суда, мысль о которомъ въ послѣдніе годы жизни была для нашего писателя источникомъ тамъ же страшныхъ душевныхъ мученій. «Одинъ разъ—напоминаетъ онъ матери—я пресилъ васъ рассказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно рассказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствитель-

1) «Письма Н. В. Гоголя», I, 261.

2) «Письма Н. В. Гоголя», I, 378.

3) «Письма Н. В. Гоголя», I, 172.

4) «Письма Н. В. Гоголя», I, 193.

5) «Письма Н. В. Гоголя», I, 311.

ность, это заронило и произвело впоследствии во мнѣ самыя высокія мысли» *). Такъ продолжала жить въ его сердцѣ религиозная мысль или, вѣрнѣе, религиозная «чувствительность»—въ эти годы пока затаенная, немногимъ извѣстная, но затѣмъ, къ концу его жизни, покорившая всѣ его чувства и думы.

Не измѣнилось, кажется, за это время и прежнее горделивое отношеніе Гоголя къ людямъ—не къ отвлеченной идеѣ челоѣчества, ради которой, если вѣрить его словамъ, онъ готовъ былъ претерпѣть всякія униженія и страданія, а къ людямъ вообще, которые его окружали. Гоголь въ своихъ отношеніяхъ продолжалъ сохранять ту степень осторожности и независимости, которая вообще отличала всѣ его связи. Къ чувству дружбы или вообще къ чувству расположенія онъ примѣшивалъ и теперь не мало хитрости и расчета, а также иногда и сознанія своего превосходства. Быть можетъ, передъ Пушкиннымъ и Жуковскимъ склонялся онъ съ искреннимъ признаніемъ ихъ силы и власти надъ собой,—съ другими онъ былъ болѣе чѣмъ независимъ. За эти годы онъ завязалъ нѣсколько новыхъ знакомствъ—съ Погодинымъ, Плетневымъ, Одоевскимъ, Россетъ, Максимовичемъ, Аксаковымъ, Щепнинымъ—съ цѣлкомъ тогдашней интеллигенціи; и въ письмахъ, которыя онъ писалъ этимъ лицамъ, онъ всегда умѣлъ сохранить независимый тонъ, который въ перепискѣ съ людьми болѣе близкими готовъ былъ перейти даже въ наставническій (напр. въ письмахъ къ матери). Этотъ тонъ, кромѣ того былъ попрежнему самоувѣренъ и мѣстами вызывающе-гордъ, въ особенности когда рѣчь заходила о себѣ самомъ, о своей работѣ, своихъ планахъ или видахъ на будущее. Передъ нами и теперь все тотъ же самовлюбленный челоѣкъ, какимъ онъ былъ въ его школьныхъ письмахъ—въ настоящую минуту даже еще болѣе гордый въ виду своихъ успѣховъ и своихъ связей съ первыми литературными знаменитостями. Какого иногда онъ былъ о себѣ мнѣнія—можно видѣть по одному очень характерному признанію. Въ одномъ письмѣ къ матери онъ, выговаривая ей за то, что она посылаетъ его на поклонъ къ челоѣку, съ нимъ незнакомому, говоритъ: «Признаюсь, не знаю такого добра, которое бы могъ мнѣ сдѣлать челоѣкъ... Добра я желаю отъ Бога...» **).

Не покидалъ Гоголь и своей мечты о «службѣ», которая такъ манила его издали въ годы ранней юности. При его стѣпенномъ матеріальномъ положеніи—тяготу котораго онъ испытывалъ въ продолженіи всей своей петербургской жизни—имѣть постоянное служебное мѣсто было необходимо, и потому не будемъ удивляться, если въ его перепискѣ мы встрѣтимся съ частыми размышленіями на эту прозаическую тему. Но при всемъ своемъ прозаическомъ и практическомъ взглядѣ на

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 260.

***) «Письма Н. В. Гоголя» I, 205.

этотъ вопросъ, Гоголь всетаки не переставалъ придавать понятію о «службѣ» прежнее идейное и даже романтическое содержаніе.

Отъ службы въ департаментѣ онъ очень скоро отказался и былъ, конечно, радъ, что могъ бросить эти «ничтожныя» занятія. «Путь у меня другой, дорога прямѣе и въ душѣ болѣе силы идти твердымъ шагомъ», писалъ онъ матери, извѣщая ее о томъ, что поступилъ учителемъ въ Патриотическій Институтъ (въ мартѣ 1831 г.). Здѣсь, на учительской кафедрѣ, на этомъ новомъ мѣстѣ служенія онъ чувствовалъ себя хорошо и признавался, что его занятія «составляютъ для его души неизъяснимыя удовольствія». Этому показанію легко можно повѣрить; Гоголь, дѣйствительно, на первыхъ порахъ очень увлекся своими занятіями и, конечно, не потому, что былъ природнымъ педагогомъ. Онъ обладалъ, правда, извѣстнымъ педагогическимъ опытомъ, который онъ приобрѣлъ, зарабатывая деньги на частныхъ урокахъ, но если онъ такъ увлекся уроками въ институтѣ, то потому, что и на этотъ родъ прозаической «службы» взглянулъ со свойственнымъ ему преувеличеніемъ. А такое преувеличеніе было—на что указываетъ, между прочимъ, его желаніе написать въ двухъ или даже въ трехъ томахъ цѣлый курсъ всеобщей исторіи и географіи, для котораго онъ подобралъ уже заглавіе «Земля и люди». Этотъ курсъ долженъ былъ состояться изъ его чтеній, которыя записывались институтками. Гоголь принялся за выполненіе этого плана очень ретиво; если вѣрить одному его письму къ Погодину, то даже приступилъ къ его напечатанію, но вслѣдствіе налетѣвшей на него тоски, корректурный листъ выпалъ изъ его рукъ, и работа была брошена. Гоголь продолжалъ, однако, служить, и еще въ 1835 г. увѣрялъ Жуковского, что считаетъ преподаваніе для себя дѣломъ роднымъ и близкимъ.

Съ 1838 года Гоголь сталъ помышлять о новой службѣ; и только—думается намъ—его взглядами на святость службы и можно объяснить то упорство, съ какимъ онъ сталъ добиваться профессуры сначала въ Клевѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ. Что въ Гоголѣ могъ проявиться большой интересъ къ научнымъ занятіямъ, и онъ одно время могъ думать, что онъ призванъ быть именно ученымъ—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но что онъ пожелалъ непремѣнно стать профессоромъ, не имѣя на то никакихъ правъ—то это нескромное желаніе, помимо матеріальнаго разсчета, который несомнѣнно былъ у Гоголя, можетъ быть объяснено только необычайно высокимъ понятіемъ о профессорской дѣятельности, о профессорской «службѣ», какое себѣ составилъ нашъ искатель великаго дѣла. Гоголь шелъ на большой рискъ, становясь въ ряды университетскихъ «дѣятелей», но онъ одно время, дѣйствительно, искренно думалъ, что профессура и есть его настоящее призваніе, что на кафедрѣ онъ можетъ сдѣлать всего больше добра и блага.

Этотъ трагикомическій эпизодъ съ профессурою, на которомъ стѣбитъ остановиться, очень характеренъ для поясненія того лирическаго и неподнятаго настроенія, въ какомъ находился нашъ художникъ все еще не увѣренный въ томъ, что роль писателя и служеніе искусству — его призваніе и все еще помышляющій о какой-нибудь обществомъ признанной опредѣленной службѣ.

Интересъ къ старинѣ проснулся въ Гоголѣ очень рано—еще тогда, когда онъ приступилъ къ собиранію матеріаловъ для своихъ украинскихъ повѣстей. Въ 1832 году исторія стала уже его «любимой» наукой — какъ видно изъ одного его письма къ Погодину. Быть можетъ, что и дружба съ Погодинымъ, закрѣпленная въ этомъ году, оказала свое вліяніе на направленіе научныхъ симпатій Гоголя. «Главное дѣло—всеобщая исторія писалъ онъ своему другу *), а прочее стороннее» и, кажется, что въ эти годы (1832—1833) для Гоголя, дѣйствительно, все кромѣ исторіи, стало дѣломъ стороннимъ.

Какъ видно изъ его тетрадокъ и записокъ, онъ принадлежалъ къ чтенію, и въ самомъ дѣлѣ, читалъ много. Въ концѣ 1833 года онъ сообщаетъ своему другу Максимовичу, «что онъ принялся за исторію бѣдной Украйны». «Ничто такъ не успокаиваетъ—пишетъ онъ **)—какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее (т. е. исторію Малороссіи), что я скажу много того, чего до меня не говорили».

Въ это же время, т. е. въ концѣ 1833 года у Гоголя зарождается и мысль о томъ, какъ хорошо было бы занять катедру исторіи въ Кіевѣ. Ему надобно въ Петербургъ; ему хочется въ древній прекрасный Кіевъ. Тамъ можно обновиться всѣми силами и много тамъ можно надѣлать добра. О своихъ правахъ на эту катедру Гоголь также уже подумалъ: эти права въ его работѣ и стараніяхъ, но главное въ томъ, что онъ истинно-просвѣщенный человѣкъ, человѣкъ чистый и добрый—такъ, по крайней мѣрѣ, онъ аттестуетъ себя въ письмѣ къ Максимовичу, который, кажется, и поддалъ ему первую мысль о кіевской профессурѣ ***).

Гоголь спѣшилъ набросать свои мысли и планъ преподаванія на бумагу, чтобы представить его министру просвѣщенія Уварову, и онъ надѣется, что Уваровъ отличить его отъ толпы «вялыхъ» профессоровъ, которыми набиты университеты. Онъ вполнѣ можетъ рассчитывать на кіевскую катедру, такъ какъ три года тому назадъ (1831?) ему уже предлагали катедру въ Москвѣ (??)—такъ по крайней мѣрѣ говорятъ онъ Пушкину и слова его остаются, конечно, на его совѣсти. Въ надеждѣ на поддержку Пушкина, онъ довѣряетъ ему и всѣ свои надежды: «Какъ закипятъ труды мои въ

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 234.

**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 263.

***) «Письма Н. В. Гоголя». I, 268.

Кіевъ — пишетъ онъ *). Тамъ кончу я исторію Украины и юга Россіи и напишу всеобщую исторію, которой, въ настоящемъ видѣ ея, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не только на Руси, но даже и въ Европѣ нѣтъ». «Какъ только въ Кіевъ — лѣнь къ чорту! чтобъ и духъ ея не пахъ. Да превратится онъ въ русскіе Аѳины, богоспасаемый нашъ городъ». И Гоголь, если вѣрить ему, дѣйствительно, отрекается отъ лѣни. Онъ спокоенъ духомъ, и малороссійская и всемірная исторія начинаютъ у него «двигаться»; ему приходятъ въ голову крупныя, полныя, свѣжія мысли; ему кажется, что онъ сдѣлаетъ во всеобщей исторіи что-то не-общее. Малороссійская его исторія бѣшена, слогъ въ ней горитъ, онъ исторически жгучъ и живъ... Гоголь пишетъ эту исторію отъ начала до конца и уже рассчиталъ, что она займетъ шесть малыхъ или четыре большихъ тома... Но, кажется, что все это были мечты потому, что когда Надеждинъ попросилъ у него отрывокъ изъ этой исторіи для напечатанія, Гоголь признался Погодину, что онъ не можетъ его прислать, такъ какъ эта исторія у него въ такомъ забытій и такой облечена пылью, что онъ боится подступить къ ней **). Тѣмъ не менѣе, онъ продолжаетъ энергично хлопотать о кіевской кафедрѣ.

Въ 1834 году Гоголя очень обезпожило извѣстіе, что у него есть конкурентъ; онъ не понимаетъ, какъ это могло случиться, когда министръ ему обѣщалъ это мѣсто и даже требовалъ, чтобы онъ подавалъ прошеніе, которое онъ только потому не подалъ, что хотѣлъ быть сразу ординарнымъ, а ему предлагали только адъюнкта. Онъ проситъ Максимовича похлопотать у кіевского попечителя за него, проситъ его намекнуть попечителю, что онъ, Максимовичъ, не знаетъ человѣка, который имѣлъ бы такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, какъ Гоголь. Съ той же просьбой обращается Гоголь и къ Пушкину, прося его влечь на министра. Министръ—какъ онъ утверждаетъ—готовъ ему дать экстраординарнаго профессора, но все-только кормитъ его словами и обѣщаніями; между тѣмъ, кіевскій попечитель предлагаетъ ему занять вмѣсто кафедры всеобщей исторіи, кафедру русской, чего Гоголь совсѣмъ не желаетъ... онъ готовъ скорѣе все бросить и откланяться, чѣмъ читать исторію русскую.

Вся эта волокита не привела, однако, ни къ чему: кіевскую кафедру получилъ его конкурентъ, но зато въ юлѣ 1834 г. Гоголь былъ назначенъ профессоромъ с.-петербургскаго университета по кафедрѣ всеобщей исторіи. Съ мечтой преобразовать Кіевъ въ Аѳины пришлось протѣяться. Гоголь, не желая показать своего раздраженія, сталъ теперь утверждать, что онъ только ради здоровья добивался профессуры на

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 270—271.

**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 285.

югѣ, профессуры, «которая, если бы не у насъ на Руси, то была бы самое благородное званіе» *).

Пришлось остаться въ Петербургѣ, но Гоголь продолжалъ думать о Кіевѣ. По крайней мѣрѣ, уже послѣ назначенія своего профессоромъ, онъ писалъ Максимовичу, что онъ рѣшился принять предложеніе остаться на годъ въ петербургскомъ университетѣ, лишь затѣмъ, чтобы имѣть больше правъ занять каведру въ Кіевѣ. Онъ даже просилъ своего друга присмотрѣть въ Кіевѣ для него домикъ, если можно, съ садикомъ, гдѣ-нибудь на горѣ, чтобы хоть кусочекъ Дѣвпра былъ видѣнъ.

Какъ бы то ни было, но Гоголь своего добился: на каведру онъ взшелъ. При разборѣ его историческихъ статей мы увидимъ, какъ онъ понималъ свою задачу. Отмѣтимъ пока лишь, что онъ работалъ, и работалъ много—самостоятельно или не самостоятельно, это иной вопросъ, но доброе желаніе у него, безспорно, было. Онъ приступилъ теперь къ писанію исторіи среднихъ вѣковъ, которую онъ считалъ томовъ на восемь или на девять. Даже на лѣтнихъ каникулахъ онъ не прерывалъ своей ученой работы. Онъ продолжалъ въ себя вѣрить, и въ опѣнкіи роли профессора, все подчеркивалъ необходимость «благородныхъ» качествъ души **).

Но ихъ оказалось недостаточно для того, чтобы устоять на такомъ отвѣтственномъ посту. Профессура готовила Гоголю жестокое разочараніе.

Сопоставимъ нѣсколько показаній современниковъ о томъ, какъ нашъ художникъ велъ себя на этомъ мѣстѣ «служенія».

О первой его лекціи мы имѣемъ свидѣтельство одного изъ его слушателей—Иваницкаго ***). «Гоголь вошелъ въ аудиторію—разсказываетъ онъ—и въ ожиданіи ректора началъ о чемъ-то говорить съ инспекторомъ, стоя у окна. Замѣтно было, что онъ находился въ тревожномъ состояніи духа: вертѣлъ въ рукахъ шляпу, мялъ перчатку и какъ-то недовѣрчиво поглядывалъ на насъ. Наконецъ, подошелъ къ каведрѣ и, обратясь къ намъ, началъ объяснять, о чемъ намѣренъ онъ читать сегодня лекцію. Впродолженіи этой коротенькой рѣчи, онъ постепенно всходилъ по ступенямъ каведры: сперва всталъ на первую ступеньку, потомъ на вторую, потомъ на третью. Ясно, что онъ не довѣрялъ самъ себѣ и хотѣлъ сначала попробовать, какъ-то онъ будетъ читать? Мнѣ кажется, однако жъ, что волненіе его происходило не отъ недостатка присутствія духа, а просто отъ слабости нервовъ, потому что въ то время, какъ лицо его непріятно блѣднѣло и принимало болѣзненное выраженіе, мысль, высказываемая имъ, раз-

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 305.

***) «Письма Н. В. Гоголя», I, 340.

***) Перепечатано у В. И. Шенрока. «Матеріалы для біографіи Гоголя», II, 228--230.

живалась совершенно логически и въ самыхъ блестящихъ формахъ. Къ концу рѣчи Гоголь стоялъ уже на самой верхней ступенькѣ кафедры и замѣтно одушевился... Не знаю, прошло ли и пять минутъ, какъ ужъ Гоголь овладѣлъ совершенно вниманіемъ слушателей. Невозможно было спокойно слѣдить за его мыслью, которая летѣла и преломлялась, какъ молнія, освѣщая безпрестанно картину за картиной въ этомъ мракѣ средневѣковой исторіи. Впрочемъ, вся эта лекція изъ слова въ слово напечатана въ «Арабескихъ». Ясно, что и въ этомъ случаѣ, не довѣряя самъ себѣ, Гоголь выучилъ наизусть предварительно написанную лекцію, и хотя во время чтенія одушевился и говорилъ совершенно свободно, но ужъ не могъ оторваться отъ затверженныхъ фразъ и потому не прибавилъ къ нимъ ни одного слова».

Съ этимъ свидѣтельствомъ очевидца несовѣтъ согласно показаніе другого. «На первую лекцію—разсказываетъ профессоръ Васильевъ*)—навалили къ Гоголю въ аудиторію всѣ факультеты. Изъ постороннихъ посѣтителей явились и Пушкинъ, и, кажется, Жуковский. Сконфузился нашъ пасѣчникъ, читалъ плохо и произвелъ весьма невыгодный для себя эффектъ. Этого впечатлѣнія не поправилъ онъ и на слѣдующихъ лекціяхъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Образованіемъ своимъ въ нѣжинскомъ лицѣѣ и дальнѣйшими потомъ занятіями Гоголь нисколько не былъ приготовленъ читать университетскія лекціи исторіи; у него не было для этого ни истиннаго призванія, ни достаточной начитанности, ни даже средствъ пріобрѣсти ее, не говоря уже о совершенномъ отсутствіи ученыхъ пріемовъ и соответственнаго времени взгляда на науку».

«Какъ ни плохи были вообще слушатели Гоголя—продолжаетъ Васильевъ—однако же сразу поняли его несостоятельность. Въ такомъ положеніи оставался ему одинъ исходъ—удивить фразами, заговорить; но это было не въ натурѣ Гоголя, который нисколько не владѣлъ даромъ слова и выражался весьма вяло. Вышло то, что послѣ трехъ-четыреухъ лекцій студенты ходили въ аудиторію къ нему только для того ужъ, чтобы позабавиться надъ «маленько-сказочнымъ» языкомъ преподавателя. Гоголь не могъ того не видѣть, самъ тотчасъ же созналъ свою неспособность, охладѣлъ къ дѣлу и еле-еле дотянулъ до окончанія учебнаго года, то являясь на лекцію съ повязанной щекою въ свидѣтельство зубной боли, то пропуская ихъ за тою же болью. На годичный экзаменъ Гоголь также пришелъ съ окутанной косынками головою, предоставилъ экзаменовать слушателей декану и ассистентамъ, а самъ молчалъ все время. Студенты, зная, какъ не твердъ онъ въ своемъ предметѣ, объяснили это молчаніе страхомъ его обнаружить въ чемъ-нибудь свое незнаніе».

Съ этимъ суровымъ отзывомъ согласны отзывы и другихъ лицъ.

*) В. И. Шенрокъ. «Матеріалы для біографіи Гоголя» II, 231—233.

«Гоголь—разсказываетъ И. С. Тургеневъ—изъ трехъ лекцій непрѣменно пропускалъ двѣ; когда онъ появлялся на кафедрѣ, онъ не говорилъ, а шепталъ что-то весьма несвязное, показывая намъ маленькія гравюры на стали, изображавшія виды Палестины и другихъ восточныхъ странъ, и все время ужасно конфузился. Мы всё были убѣждены, что онъ ничего не смыслить въ исторіи. На выпускномъ экзаменѣ изъ своего предмета онъ сидѣлъ подвязанный платкомъ якобы отъ зубной боли съ совершенно убитой фізіономіей—и не разѣвлялъ рта. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ самъ хорошо понималъ весь комизмъ и всю неловкость своего положенія».

Еще строже высказывался одинъ изъ его товарищей—А. В. Никитенко. «Гоголь такъ дурно читаетъ лекціи въ университетѣ—записываетъ онъ въ своемъ дневникѣ—что сдѣлался посмѣшищемъ для студентовъ. Начальство боится, чтобы они не выкинули надъ нимъ какой-нибудь шалости, обыкновенной въ такихъ случаяхъ, но неприятной по послѣдствіямъ».

Самъ ли Гоголь догадался, что онъ взялся не за свое дѣло, или ему дали понять это, но тольکو въ концѣ 1835 года онъ университетъ покинулъ. Съ нѣкоторымъ ухарствомъ и съ большимъ самоувѣреніемъ писалъ онъ по этому поводу Погодину: «Я расплевался съ университетомъ, и черезъ мѣсяць опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взомелъ на кафедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года—годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся,—въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесныя гости, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку: васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія; когда вы исторгнетесь съ болѣею силою, не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика»... *)

Такой печальной душой закончились всё недавніе восторги. А Гоголь, кажется, не допускалъ сомнѣнія въ томъ, что его устами глаголетъ истина, хотя, послѣ первыхъ же лекцій, онъ могъ увидать, что его перестали слушать.

«Знаешь ли ты—писалъ онъ Погодину въ концѣ 1834 года—что значить не встрѣтить сочувствія, что значить не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ, въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ и ни на одномъ лицѣ ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. Хотя бы одно студенческое суще-

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 357.

ство понимало меня! Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ». А между тѣмъ, если бы онъ могъ заглянуть въ будущее, онъ сталъ бы вглядываться внимательно въ лица двухъ слушателей:—передъ нимъ на студенческой скамьѣ сидѣли Тургеневъ и Грановскій.

Вся эта печальная исторія съ прогрессурой, отозвавшаяся очень больно на Гоголя, не была слѣдствіемъ лишь минутнаго налетѣвшаго на него вдругъ каприза. Если матеріальныя соображенія могли входить въ его расчеты, то все таки они не были главнымъ мотивомъ его упорства. Это была снова мечта, мечта о служеніи ближнимъ, обманувшая нашего легковѣрнаго романтика. Ему вдругъ показалося, что онъ можетъ обозрѣть все прошлое духовнымъ окомъ, — и сказать свое слово о судьбахъ человѣчества.

Онъ выходитъ изъ университета Гоголь прощался съ послѣдней надеждой на «службу». Онъ становился, дѣйствительно, вольнымъ казаномъ. Можно удивляться, что онъ не захотѣлъ стать имъ раньше и такъ долго носился съ мыслью пристроить себя къ какому-нибудь официальному «дѣлу». Очевидно, что вѣра въ себя, какъ въ писателя только, какъ въ художника по преимуществу, все еще недостаточно была крѣпка въ немъ. Онъ все еще не рѣшался сказать самому себѣ, что служеніе искусству его истинное, единственное призваніе.

Это тѣмъ болѣе странно, что какъ разъ въ тѣ годы, когда онъ такъ упорно стремился выработать изъ себя ученаго и профессора, онъ, какъ художникъ, обнаружилъ рѣдкую по силѣ и быстротѣ производительность. Замѣтимъ вкратцѣ, что онъ совсѣмъ не хладнокровно относился въ это время къ своей литературной работѣ. Когда въ концѣ 1832 года и въ 1833 году эта дѣятельность временно какъ будто начала ослабѣвать, Гоголь очень былъ обезпокоенъ такимъ застоємъ въ работѣ. Онъ досадовалъ, что творческая сила его не посѣщаетъ; онъ презрительно отзывался о своихъ «Вечерахъ на Хуторѣ»: «Да обречутся они неизвѣстности—писалъ онъ—покажѣтъ что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня!». Бездѣйствіе и неподвижность въ творествѣ его бѣсили. «Мелкаго не хочется, великое не выдумывается». Онъ испытывалъ за это время настоящія муки творчества. «Еслибы вы знали—писалъ онъ Максимовичу—какіе со мной происходили странные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже сколько я пережизъ, сколько перестрадалъ!» *).

Тревоги Гоголя были, конечно, напрасны. Творческая способность его не покидала, но, наоборотъ, развертывалась съ полной силой. Въ 1835 году были напечатаны «Арабески» и «Миргородъ», съ 1832 года началась работа надъ комедіями и всѣ «отрывки», «Женитьба» и «Ревизоръ» были къ 1836 году закончены въ первоначальныхъ редак-

* «Письма Н. В. Гоголя», I, 227, 237, 263.

ціяхъ. Въ концѣ 1835 года Гоголь началъ писать «Мертвыя Души»—однимъ словомъ, работа кипѣла, и странно, какъ мы сказали, что при этой кипучей литературной работѣ, онъ все никакъ не хотѣлъ разстаться съ работой ученой. Но послѣ университетскаго фіаско—смиреннѣй уже не могло быть.

«Мимо, мимо все это!—писалъ Гоголь Погдину. Теперь вышель я на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засмѣвшемуся въ кабинетѣ—прогулка. Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія!» *)

Настоящая дорога была, наконецъ, найдена.

Итакъ, если сравнить того Гоголя, съ которымъ мы познакомились въ первый годъ его жизни въ Петербургѣ съ тѣмъ уже виднымъ писателемъ, который теперь передъ нами, то никакой почти перемены не замѣтимъ мы ни въ его характерѣ, ни въ образѣ его мыслей. Та же замкнутость и самолюбивіе; тѣ же мечты о великомъ своемъ призваніи, та же религіозность. Тѣ же мысли о томъ, какъ бы найти поскорѣ истинное дѣло, свершая которое онъ могъ бы служить людямъ, творить имъ добро, вѣщать имъ истину—людямъ, которыхъ онъ любитъ какъ идею или мечту и съ которыми туго сблизается въ жизни. Наконецъ, и прежняя грусть, и тревога духа не покинули Гоголя въ эти болѣе зрѣлые годы: старый разладъ между мечтой и жизнью, между идеаломъ, къ которому тяготѣла душа поэта и житейской грязью, къ которой онъ теперь сталъ присматриваться, давалъ себя чувствовать попрежнему тяжело и настойчиво. Иначе и быть не могло, такъ какъ за этотъ періодъ времени, отъ 1832 до 1836 года, обѣ основныя и главныя силы его духа: и романтическій лиризмъ его сердца, и трезвый взглядъ реалиста-художника, вступили въ первую рѣшительную борьбу между собой—борьбу, которая на этотъ разъ должна была кончиться побѣдой художника реалиста надъ романтикомъ и моралистомъ.

Обѣ эти основныя силы крѣпли въ немъ и росли быстро.

Способность присматриваться къ мелочамъ жизни, способность анализировать ее безпощадно, срывая съ нея иногда всѣ романтическіе покровы, талантъ трезваго бытописателя, для котораго изображеніе жизни важнѣе затаеннаго въ ней смысла, — этотъ даръ продолжалъ развиваться и достигъ своего наибольшаго расцвѣта какъ разъ къ началу сороковыхъ годовъ. Уже въ «Вечерахъ на Хуторѣ» онъ былъ достаточно замѣтенъ и затѣмъ съ каждымъ годомъ это дарованіе реалиста стало сказываться все опредѣленнѣе и рѣзче. Въ 1831 году была написана «повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Въ 1832 году начата была комедія «Владимиръ 3-ей степени», набросано «Утро дѣловаго чело-

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 357.

вѣка» и написаны «Старосвѣтскіе помѣщики». Въ 1833 г. начата «Женитьба»; въ 1834 году написаны «Невскій проспектъ», «Записки сумасшедшаго» и начать «Ревизоръ»; въ 1835 году начаты «Мертвыя Души», написана «Коляска»; въ 1836 г. законченъ «Ревизоръ» и написанъ «Носъ». Затѣмъ отъ 1836 до 1842 года тянулась работа надъ первой и второй частью «Мертвыхъ Душъ».

Но и тяготѣніе къ романтическому міропониманію и къ лирическимъ изліяніямъ по поводу того, что приходилось наблюдать и видѣть, отнюдь не замерло въ душѣ художника за этотъ періодъ времени. Наоборотъ, оно отстоявало свою власть надъ его сердцемъ очень упорно. Проявлялось оно въ повышенномъ патетическомъ настроеніи духа, въ восторгахъ передъ таинственнымъ смысломъ жизни вообще и передъ красотой въ мірѣ въ частности; сказывалось оно также въ любви къ фантастическому, чудесному и религіозному, наконецъ, въ увлеченіи старинной легендарной и исторической.

Съ только что поименованнымъ рядомъ памятниковъ, въ которыхъ Гоголь являлся трезвымъ реалистомъ, можно сопоставить такой же рядъ произведеній, обличающихъ въ писателѣ сентименталиста и романтика. Мы знаемъ, какъ много такого сентиментализма и романтизма было въ «Вечерахъ на Хуторѣ». Съ 1830 года эти вкусы сказываются во всѣхъ отрывкахъ изъ историческихъ романовъ, во всѣхъ статьяхъ съ историческимъ содержаніемъ, во всѣхъ стихотвореніяхъ въ прозѣ, которыя озаглавлены «Женщина» (1830) «Борисъ Годуновъ» (1830), «Живопись, скульптура и музыка» 1831), «1834 годъ» (1833), «Жизнь» (1834). Этими же романтизмомъ окрашены и повѣсти «Вій» (1834), «Тарасъ Бульба» (1834) и «Портретъ» (1835).

При такой постоянной перемѣнѣ настроенія и смѣнѣ въ приемахъ творчества работалъ Гоголь въ эти знаменательные годы своей жизни. Состояніе его духа было неспокойное и смутное. Все настойчивѣе начиналъ его тревожить вопросъ — съ какой же стороны художнику подходить къ жизни? Призванъ ли художникъ вычитывать изъ этой жизни ея таинственный смыслъ, напоминать этой жизни объ ея идеалѣ и быть для людей маякомъ, который, возвышаясь надъ взволнованнымъ житейскимъ моремъ, ведетъ ихъ къ вѣрной пристани; или онъ долженъ быть для нихъ простымъ зоркимъ спутникомъ, призваннымъ открыть имъ глаза на опасность? Этотъ не совсѣмъ правильно поставленный вопросъ возникъ во всей его строгости передъ Гоголемъ и сталъ для него источникомъ великихъ мученій. Поэтъ никакъ не могъ рѣшить, въ чемъ его обязанность передъ людьми: въ томъ ли, чтобы только выворачивать передъ ними всю ихъ грѣшную и грязную душу, или въ томъ, чтобы, выворотивъ ее, указать имъ путь спасенія. Этотъ вопросъ долженъ былъ измучить Гоголя, уже по одному тому что въ умѣ нашего поэта съ дѣтскихъ лѣтъ крѣпко засѣла мысль объ особенной миссиі, которая именно на него возложена.

На эти же мысли о призваніи поэта и на его отношеніе къ мірамъ идеальному и реальному наводило Гоголя, кромѣ того, одно весьма важное обстоятельство его петербургской жизни. Это были его близкія связи съ кружкомъ Пушкина.

Съ Жуковскимъ Гоголь познакомился въ концѣ 1830 г., съ Пушкинымъ въ 1831 г. Отношенія установились сразу очень хорошія, несмотря на неравенство лѣтъ и положенія. Въ кабинетѣ Пушкина, у Жуковского, Одоевскаго, Вьельгорскаго, въ салонѣ фрейлины Росетъ протекали эти счастливыя для Гоголя минуты, когда онъ чувствовалъ себя въ сосѣдствѣ съ гениемъ, добромъ и красотой—съ этими тремя дарами, которые онъ цѣнилъ выше всего въ жизни человѣка.

Совершенно особаго рода вліяніе оказалъ этотъ кружокъ Пушкина на Гоголя. Онъ не нанесъ никакого ущерба его самостоятельности, но усилилъ въ немъ одну склонность, которая и безъ того была сильна въ немъ, а именно, его любовь къ отрѣшенному отъ дѣйствительности и просвѣтленному представленію о жизни и человѣкѣ.

Атмосфера пушкинскаго кружка заставила сердце Гоголя романтичнѣе и возвышеннѣе чувствовать, и пропасть между дѣйствительностью и идеальнымъ представленіемъ о ней стала нашему художнику казаться еще шире. Люди, которые теперь его окружали, противопоставляли житейской грязи и пошлости, которая всегда такъ бросалась въ глаза нашему вѣсту—тотъ горній міръ красоты, въ которомъ жила ихъ богато одаренная фантазія. Отъ будничныхъ волненій они стремились стать подальше. Въ своей борьбѣ за доброе начало въ жизни, они могли сравнить себя съ тѣмъ ветхозавѣтнымъ вождемъ, который въ разгарѣ битвы Израиля со врагомъ стоялъ на горѣ съ поднятыми къ небу руками: пока они были подняты, Израиль побѣждалъ, и потому надо было только высоко держать ихъ, не оглядываясь и не заботясь объ остальномъ. На такой горѣ стояли Пушкинъ и его друзья.

Пушкинъ былъ главный чародѣй этого заколдованнаго царства; и Гоголь восторженно поклонялся въ немъ удивительному полету его вдохновенія, которое умѣло надъ міромъ прозы поставить свой чудесный міръ мечты и торжествовать свою полную побѣду надъ дѣйствительностью. Это вдохновеніе было необычайно спокойно и ясно, носило въ себѣ сознаніе своей облагораживающей и возвышающей силы.

Этой силы не было въ поэзіи Жуковскаго, но зато она намекала человѣку на таинственную загробную даль, ласкала наши упованія и нашу вѣру въ Промыселъ, который допускаетъ зло на землѣ, лишь какъ временное испытаніе, и въ этой поэтичной вѣрѣ для Гоголя дано было великое утѣшеніе.

Все въ кружкѣ Пушкина говорило объ особомъ свѣтломъ мірѣ, куда доступъ былъ открытъ только избраннымъ, и Гоголь чувствовалъ, что онъ въ числѣ ихъ. Въ этомъ кружкѣ, который такъ высоко поднимался надъ жизнью, который не вступалъ съ ней въ споръ, а только ука-

зываетъ ей на ея просвѣтленный образъ,—въ этомъ кружкѣ нѣкоторыя мысли и чувства Гоголя получили особое подтвержденіе. Въ немъ укрѣпилось убѣжденіе, что поэтъ есть истинный избранникъ Божій, которому не только дана сила воссоздать жизнь въ образѣ, но сила руководить ею во всѣхъ даже детальныя ея вопросахъ единственно по праву вдохновенія. Понятіе о художникѣ въ его представленіи слилось съ понятіемъ о прорицателѣ, о непосредственномъ слугѣ Божию, одаренномъ свыше чуть ли не чудесной силою прозрѣнія для блага и счастья ближнихъ.

Самъ Пушкинъ и его друзья понимали призваніе поэта, быть можетъ, и не въ столь мистическомъ смыслѣ, но обаяніе ихъ личности и творчества придали въ глазахъ Гоголя именно такой мистическій смыслъ вдохновенію.

Тяжело было жить Гоголю съ такимъ непомерно-высокимъ мнѣніемъ о своемъ назначеніи въ мірѣ; ему, въ которомъ талантъ бытописателя и реалиста крѣпкъ съ каждымъ годомъ, въ которомъ тоска по гармоніи идеала и жизни должна была усиливаться по мѣрѣ того, какъ этотъ талантъ развивался и все болѣе и болѣе сводилъ поэта съ высотъ лиризма, приближая его къ прозаической злобѣ дня.

Эта борьба лиризма и романтическихъ чувствъ съ трезвой наблюдательностью реалиста оставила свой ясный слѣдъ на произведеніяхъ Гоголя за этотъ періодъ его дѣятельности. Въ томъ, что онъ говорилъ въ «Арабескахъ», въ «Миргородѣ» и въ другихъ своихъ повѣстяхъ, статьяхъ и замѣткахъ мы находимъ своеобразное рѣшеніе волновавшихъ его вопросовъ, а также и прямое отраженіе чередующихся въ немъ настроеній романтика-энтузіаста и бытописателя-юмориста.

Гоголя прежде всего тревожитъ вопросъ о назначеніи искусства въ жизни. Поэтъ художникъ — кто онъ? Для чего онъ посланъ въ міръ? Какое соотношеніе существуетъ между міромъ реальнымъ, къ которому мы прикованы, и міромъ идеала, о которомъ тоскуемъ? Какое положеніе среди этихъ двухъ спорящихъ міровъ долженъ занять художникъ? Эти вѣчные вопросы явятся сейчасъ передъ нами, символически преображенныя въ образахъ.

И нашъ писатель одновременно начнетъ развѣртывать передъ нами обѣ стороны своего таланта: онъ, какъ романтикъ, эстетикъ и историкъ, будетъ доискиваться въ жизни ея символическаго смысла, будетъ любоваться на ея красоту и будетъ пытаться воссоздать ея прошлое: какъ реалистъ и бытописатель, онъ станетъ приглядываться къ ея прозаическимъ деталямъ, начнетъ выискивать въ ней и пошлое, и смѣшное. Зачѣмъ? Пока лишь затѣмъ, чтобы отъ души посмѣяться.

Н. Котляревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЕБЕДИНОЕ ГНѢЗДО.

(Елизаветы Броунингъ).

Элли сѣла на траву;
Тамъ подъ буковою сѣнью
Вьется рѣчва въ тростникѣхъ.
Лучъ пробился сквозь листву,
Онъ играетъ свѣтотѣнью
У малютки на щекѣхъ.

Шляпку сбросила свою
Элли между тростниками,
Ноги въ воду опутивъ
Въ серебристую струю,
И качается—рубями
Ихъ съ улыбкой обхвативъ.

У рѣки—она одна;
Вмѣсто словъ—улыбкой ясной,
Частою гостьей на устахъ—
Тишина оживлена.
Миръ таинственно прекрасный
Ей рисуется въ мечтахъ.

Элли грезить:—Конь коней
У того, кого здѣсь жду я...
Съ нимъ кто станетъ на ряду?
Мой избранникъ—всѣхъ славнѣй,
И за то его сведу я
Къ лебединому гнѣзду.

Золотистъ—его скакунъ,
 Мой избранникъ—родомъ знатенъ,
 Взоръ его горитъ огнемъ;
 Поражаетъ звономъ струнъ
 Онъ красавецъ, юнъ и сдатенъ,
 А мужей—разить мечемъ.

Въ серебро разубранъ конь,
 Грива по вѣтру развита...
 На скаку изъ подъ копытъ
 Словно сыплется огонь.
 Отбиваютъ тактъ копыта
 И, дивясь, пастухъ глядитъ.

Но едва лишь встрѣчусь я—
 Мой избранникъ всѣ отрады
 Позабудетъ для меня.
 Молвить онъ:—Краса моя,
 Жизнь даруютъ эти взгляды,
 Жду, колѣна преклоня!

Онъ падетъ къ моимъ ногамъ,
 (Конь его, привязанъ рядомъ,
 Словно слушая, глядитъ).
 „Тотъ, кому любовь отдамъ“,—
 Я отвѣчу съ гордымъ взглядомъ:
 „Долженъ славой быть покрытъ!“

Онъ поднимется тогда,
 Поблѣднѣвшій отъ волненья.
 Съ губъ дрожащихъ у меня
 Такъ и рвется слово:—„Да“!
 Но скажу черезъ мгновенье:
 „Завтра въ путь съ зарею дня!“

И вскочивъ съ зарей въ сѣдло,
 Вдаль поѣдетъ онъ за славой,
 Черезъ рѣку, въ Божій міръ—

Побѣждать порокъ и зло,
Помогая въ битвѣ правой,
Водворяя всюду миръ.

Трижды пажъ переплыветъ
Предо мной рѣки стремнину
И падетъ у этихъ ногъ.
— Даръ любви мнѣ рыцарь шлетъ;
Леди, что же господину
Я свезу? Какой залогъ?

Въ первый разъ вручу пажу
Я цвѣтокъ, затѣмъ въ награду
Дамъ перчатку, въ третій разъ—
Гнѣвъ на милость положу.
„Пусть, надѣясь на пощаду,
Онъ вернется въ добрый часъ!“

Передастъ отвѣтъ гонецъ.
На конѣ въ пути усталомъ
Онъ примчится къ намъ въ страну.
— Гордый герцогъ—мнѣ отецъ,
Счета нѣтъ моимъ вассаламъ,
Но люблю тебя одну!

Тутъ обниметъ онъ меня,
И меня народъ, ликуя,
Съ нимъ прославить на ряду,
И тогда съ зарею дня
Въ камыши его сведу я
Къ лебединому гнѣзду!

Эли шляпку подняла
И обулась. По привычкѣ
Посмотрѣть хотѣлось ей
(И въ обходъ она пошла)—
Есть ли новыя яички
Тамъ въ гнѣздѣ у лебедей?

Вотъ гнѣздо въ рѣчной глуши,
Межъ кустовъ въ концѣ тропинки-
Трепетъ Элли овладѣлъ,
Отстранившей камыши:
Крысой сглоданы тростинки,
Дикій лебедь улетѣлъ!

Элли шла въ нѣмой тоскѣ.
Рыцарь, конь съ чудесной мастью
Будутъ, нѣтъ ли—никогда,
О, навѣрно, въ тростникѣ
Не увидѣтъ имъ, въ несчастью,
Лебединаго гнѣзда!

О. Чюмина.

НА РАСТИТЕЛЬНОЙ ПИЩѢ.

Р а з с к а з ъ *).

Подневная зимняя заря разгоралась на южной сторонѣ неба, медленно передвигаясь направо. Пропадинскъ, казалось, оцѣпенѣлъ отъ жестокаго мороза, заставлявшаго дыханіе выходить изъ груди съ шероховатымъ свистомъ и окутывавшаго сѣрымъ паромъ каждое живое существо, осмѣлившееся появиться подъ открытымъ небомъ.

Впрочемъ, на единственной улицѣ города было пустынно и тихо. Изрѣдка человѣческая фигура, смутно мелькнувъ въ сумеречномъ свѣтѣ полярнаго полудня, выскакивала изъ дверей и, подхвативъ ношу мелко нарубленныхъ дровъ, сложенныхъ у порога, торопливо скрывалась обратно. Даже выносливыя полярныя собаки забились въ конуры и другія укромныя мѣста и неподвижно лежали, свернувшись калачикомъ и покрывъ голову пушистымъ хвостомъ, какъ одѣяломъ. Зато изъ всѣхъ трубъ поднимались высокіе столбы густого дыма, гдѣ проскакивали багровыя искры, таявшія въ полумракѣ, какъ падучія звѣзды. Жители отсиживались въ избахъ, какъ въ крѣпостяхъ, и защищались отъ мороза самымъ лучшимъ и надежнымъ орудіемъ—огнемъ, тѣмъ болѣе, что дрова были тутъ же подъ бокомъ.

Дѣсь начинался среди города прямо отъ церкви. Тамъ было тихо, какъ на кладбищѣ. Широкія вѣтви лиственницъ, отягощенные бѣлыми хлопьями, простирались въ стороны, какъ неподвижныя руки мертвецовъ, окутанныя складками бѣлаго савана. Ни одна талинка не смѣла шевельнуться, чтобъ стряхнуть густой бѣлый пухъ, обильно осѣвшій на ея тонкіе побѣги. Снѣгъ, покрывавшій землю до половины человѣческаго роста, пышный и пушистый, защищенный деревьями отъ безпокойнаго вѣтра, тоже какъ будто спалъ, изнемогая подъ бременемъ холода, плотнаго и тяжелаго, какъ свинецъ.

Бѣлая куропатка, сидѣвшая на нижней вѣтви тальничнаго

*) См. рассказъ того же автора «На каякулахъ», «М. В.», 1900 г., июнь.

куста и тоже похожая на комъ снѣга, вздрогнула и перепорхнула на сажень подальше. Съ противоположной стороны постыпались шаги, медленно и неровно смѣнявшіе другъ друга. Шедшій человекъ, очевидно, проваливался въ снѣгъ и каждый разъ съ усиліемъ выдергивалъ то лѣвую, то правую ногу, хватаясь руками за вѣтви для лучшей опоры. Онъ былъ совсѣмъ близко, если даже куропатка, эта почти домашняя птица сѣвернаго лѣса, рѣшила побезпокоиться ради его прихода. Дѣйствительно, черезъ минуту кусты раздвинулись, и человекъ показался на небольшой полянкѣ, гдѣ нѣсколько крупныхъ листовницъ были довольно давно срублены на постройку. Куропатка, сидя на новой вѣткѣ, принялась лѣниво разсматривать его своими красными глазами. Это былъ, конечно, чужестранецъ, ибо вмѣсто оленьяго мѣха, плотно облегающаго тѣло туземцевъ, его высокая фигура была закутана совсѣмъ въ другую одежду. Сермяжный халатъ, надѣтый сверхъ короткаго полушубка и подпоясанный кушакомъ, беспомощно оттопыривался на груди, открывая холоду совершенно свободный проходъ; на рукахъ были желтыя кожанія рукавицы съ варегами, столь же мало пригодныя для этого холода и этого лѣса. Неуклюжіе валеные сапоги, подшитые кожей и широкіе, какъ лыжи, на каждомъ шагу проваливались въ снѣгъ и оставляли странныя дыры, круглыя и глубокія, какъ устье лисьей норы. За поясомъ у человека былъ заткнутъ плотничій топоръ съ короткой ручкой, а на спинѣ былъ привязанъ *сукоствръ*, т.-е. носилки особой формы, похожія на сямейку каменщиковъ и употребляемыя на сѣверѣ преимущественно для переноски дровъ.

Сѣрый суконный шлыкъ страннаго, очевидно, самодѣльнаго покроя все сползалъ на затылокъ, отрывая густые бѣлокурые волосы, соединявшіеся внизу съ такой же бѣлокурой бородой. Свѣтлые волосы бороды были перевиты бѣлыми нитями, гдѣ иней соперничалъ съ сѣдиной, но лицо человека горѣло отъ мороза и ходьбы. Онъ уже давно ковлялъ въ снѣгу, какъ большая нерпа, вышедшая на тинистый берегъ, и, несмотря на 50 градусовъ ниже нуля, ему было скорѣе жарко, чѣмъ холодно.

Сдѣлавъ еще нѣсколько дыръ въ снѣгу, человекъ приблизился къ первому сухому пню и, вытащивъ изъ-за пояса топоръ, принялся отщепливать одно за другимъ мелкія полѣнья. Нельзя сказать, что бы дѣло подвигалось у него особенно успѣшно. Ручка топора была коротка, а лезвее слишкомъ широко и тонко для этой работы. Топоръ попеременно то выскакивалъ изъ рукъ, то вонзался такъ глубоко въ узловатое дерево, что вытащить его можно было только съ большими усиліями и съ рискомъ переломить желѣзо пополамъ. Но человекъ не унывалъ и продолжалъ тюкать, какъ дятель, складывая на свои носилки каждый

даже самый маленькій деревянный осколокъ. Отъ одного пня онъ перешелъ къ другому, потомъ къ третьему, и черезъ два часа этого каторжнаго труда ноша была готова. Взваливъ ее съ усиленіемъ на плечи и подтянувъ поперекъ пояса нижніе ремни, человекъ пустился въ обратный путь.

Теперь идти ему было труднѣе, и онъ спотыкался еще чаще прежняго, напрасно стараясь попадать ногами въ старые слѣды. Ноша, опутанная со всѣхъ сторонъ веревками, застрѣвала въ тальникѣ и угрожала развалиться; суконный шлыкъ съѣзжалъ на глаза въ самыя неудобныя минуты, рукавицы спадали съ рукъ, и онъ доставалъ ихъ, присѣдая въ снѣгу, какъ заяцъ, и изо всѣхъ силъ балансируя спиной, чтобы ноша не свалилась черезъ голову. Несмотря на морозъ, потъ катился съ него градомъ и залѣплялъ ему глаза, борода и волосы окончательно побѣлѣли, и даже на бровяхъ и рѣсницахъ повисли ледяныя сосульки. Дыханіе съ шумомъ и усиленіемъ вырывалось изъ его груди и немедленно замерзало, обращаясь въ мелкій иней. Усталость, быстро приходящая при движеніи на сильномъ морозѣ, наклоняла его спину и дрожала мелкой дрожью въ бокахъ, подымавшихся и опускавшихся, какъ у загнанной лошади, но онъ не унывалъ и упорно подвигался впередъ, стараясь выбраться на твердую дорогу, натоптанную ногами пропадинскихъ вдовъ и нищихъ старухъ, которыя, не имѣя собакъ, тоже должны были отправляться въ лѣсъ пѣшкомъ съ носилками за спиной.

Наконецъ, на опушкѣ лѣса заблѣлась поляна, гдѣ пріютилась одинокая юрта, отбившаяся отъ другихъ домовъ на самый край узкой и обрывистой рѣчки Сосновки, которая теперь промерзла до дна и была завалена снѣгомъ до верхней межи своихъ крутыхъ береговъ.

Небольшая квадратная дверь, обитая рваной оленьей шкурой и лежавшая, какъ опускной люкъ на сильно скошенной стѣнѣ, не была ничѣмъ приперта. Человекъ въ валенкахъ открылъ дверь и сбросилъ дрова въ избу прямо черезъ голову, потомъ съ усиленіемъ протиснулъ въ узкое отверстіе свое длинное тѣло. Въ юртѣ было грязно и темно, какъ въ логовищѣ звѣря. Косыя стѣны изъ тонкихъ бревень, прислоненныхъ стоймя къ бревенчатой рамѣ вверху и ничѣмъ не скрѣпленныхъ между собой, были хуже стѣны любого ярмарочнаго балагана, сколоченнаго на скорую руку. Для тепла хозяинъ обилъ ихъ травяными матами собственной работы, но эти грубые травяные ковры примерзли къ дереву и почти совершенно исчезли подъ толстымъ слоемъ льда, налипшаго снаружи. Всѣ углы были наполнены толстыми ледяными сталактитами, подпиравшими крышу, какъ колонны. Каждая щель на потолкѣ была опущена изморозью, вплоть до неуклюжаго ка-

мелька, наклонившаго впередъ свое разверстое чело. Изъ трехъ оконъ юрты два были заглушены для тепла и наполнены связками травы, тоже оледяньвшими и сросшимися вмѣстѣ. Въ третьемъ окнѣ гускло поблескивала льдина, замѣнявшая стекло и запорошенная снаружи снѣгомъ. Въ общемъ это былъ настоящій ледяной домъ, и казалось, что деревянная оболочка его совершенно не нужна и могла бы отвалиться долой безъ всякаго ущерба для крѣпости и тепла, если бы доски и жерди не вросли такъ крѣпко въ ледъ.

Впрочемъ хозяинъ юрты слишкомъ привыкъ къ ея внутреннему виду и убранству, чтобы обращать на него вниманіе. Онъ поспѣшно поставилъ дровъ въ каминъ и принялся растапливать огонь. Потомъ онъ отряхнулъ снѣгъ съ одежды, сложилъ остальные дрова въ темномъ углу за каминомъ и по пути вымелъ полъ. Когда онъ въ послѣдній разъ заглянулъ въ уголъ, по лицу его пробѣжало выраженіе удовлетворенія. Трудное это было дѣло, таскать каждый день дрова изъ лѣсу, но онъ исполнялъ его неутомительно, не обращая вниманія на холодъ и непогоду. Пришельцы въ Пропадинсѣ, не имѣя собственныхъ собакъ, покупали дрова у туземцевъ, но онъ не считалъ возможнымъ покупать за деньги чужой трудъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ и проводилъ свое убѣжденіе въ жизнь съ непоколебимымъ упорствомъ, не взирая на морозы и грубые мозоли, набѣгавшіе на его тонкихъ ладоняхъ.

Растопивъ огонь, онъ принялся за приготовленіе обѣда. Если бы какой-нибудь туземецъ могъ видѣть продукты, которыми онъ обходился, то удивленіе, которое они питали къ этому странному человѣку, усилилось бы вдвое. Среди безхлѣбной страны, питающейся исключительно мясомъ убитыхъ тварей, на этомъ одномъ столѣ не было ни мяса, ни рыбы. Хозяинъ юрты издавна былъ вегетаріанцемъ и былъ такъ же неспособенъ измѣнить свои взгляды и вкусы и начать питаться мясомъ, какъ неспособны на это лебедь или лань. Въ первый мѣсяцъ послѣ своего пріѣзда, подъ влияніемъ унынія, возбужденнаго разказами старожиловъ, онъ сдѣлалъ одну или двѣ попытки надѣ животной пищей, но мысль о томъ, что для его существованія уничтожена жизнь, привела его въ ужасъ, и послѣ перваго обѣда онъ слегъ въ постель, поплатившись лихорадкой и разстройствомъ пищеваренія.

Самый воздухъ на Пропадѣ былъ пропитанъ убійствомъ. Куропатокъ стрѣляли у порога, оленей закалывали на льду рѣки, коровъ глушили обухомъ прямо на улицѣ. Но Веревцовъ съ дѣтства не могъ выносить вида и запаха крови и теперь, окруженный этой охотничьей атмосферой, чувствовалъ, что его отвращеніе къ ней возросло въ сто разъ больше прежняго.

Тѣмъ не менѣе, послѣ своей неудачной попытки ассимилироваться, онъ сталъ утверждать, что дѣло не въ вегетаріанскихъ убѣжденіяхъ, а просто его организмъ не выноситъ животной пищи. Другіе пришельцы всецѣло приняли туземную пищу и обходились безъ дорогого хлѣба, и ему казалось, что онъ оскорбитъ ихъ, настаивая на своемъ вегетаріанствѣ. Но про себя онъ не могъ безъ дрожи вспомнить день своей несчастной попытки и даже до сихъ поръ чувствовалъ на себѣ пятно отъ этого неудачнаго желанія имѣть свою долю въ общей цѣпи истребленія.

За отсутствіемъ мясныхъ продуктовъ, пища его отличалась спартанской простотой; онъ насыщалъ въ горшокъ гречневой крупы и долилъ его водой. Потомъ принесъ изъ амбара кусокъ замороженнаго тѣста, которое онъ умудрился печь надъ горячими угольями въ жестяной коробкѣ, передѣланной изъ керосиновой банки. Хлѣбъ и каша почти исключительно составляли его пищу, ибо въ этомъ заброшенномъ краѣ нельзя было найти даже самыхъ жалкихъ овощей для пополненія этого скуднаго стола. Даже такая пища была втрое дороже животной, и бѣдному вегетаріанцу удавалось сводить концы съ концами только благодаря тому, что всѣ другія траты онъ замѣнялъ своимъ трудомъ.

Нельзя сказать, что бы при такой пищѣ у Веревцова было много силъ и здоровья. Руки его оставались слишкомъ тонкими, плечи поднимались вверхъ острыми и узкими углами, но онъ скрипѣлъ да скрипѣлъ, какъ ива, сгибаемая вѣтромъ, и до сихъ поръ удачно справлялся съ мелкими недугами, время отъ времени выпадавшими ему на долю.

Поставивъ на уголья горшокъ съ кашей и чайникъ для кипятка, Веревцовъ усѣлся передъ каминомъ и сталъ смотрѣть въ огонь. Съ ранняго утра до поздней ночи весь день его былъ наполненъ трудомъ. Онъ медленно справлялся съ своими дѣлами и подводилъ свой дневной балансъ только послѣ двѣнадцатичасоваго рабочаго дня, но время, когда въ каминѣ топили огонь, составляло для него отдыхъ. Среди этой мертвой страны огонь былъ источникомъ жизни и движенія, туземцы обоготворяли его, и даже далекимъ русскимъ пришельцамъ казалось, что въ яркомъ шипящемъ и прыгающемъ пламени колышется и мелькаетъ какое-то неукротимое, вѣчно беспокойное, то разрушительное, то творческое начало. И Веревцову, когда онъ растапливалъ каминъ, казалось, что онъ не одинъ въ юртѣ, что яркій огонь заглядываетъ ему въ глаза и разговариваетъ съ нимъ своимъ трескучимъ голосомъ и киваетъ ему своей косматой багровой гривой. И эти разговоры огня настраивали его всегда въ особомъ мечтательномъ, почти разнѣженномъ тонѣ. Онъ садился на скамью противъ яркаго друга своихъ зимнихъ ночей и принимался вспоминать свою

прошлую жизнь, и эти воспоминанія, трагическія и однообразныя, были окружены ореоломъ, какъ деревья чернаго лѣса, выступившія внезапно на яркомъ фонѣ багроваго заката. Еще чаще онъ мечталъ, и мечты его были ясны и наивны, какъ мечты первыхъ христіанъ, духовнымъ потомкомъ которыхъ онъ являлся въ своемъ закаленномъ и мужественномъ беззлобіи. Будущій золотой вѣкъ представлялся ему такъ реально, какъ будто онъ самъ собирался въ немъ жить.

Мечи перекують въ орала и пушки въ земледѣльческія машины, всѣ люди будутъ любить другъ друга, угнетенные прозрѣютъ, и угнетатели станутъ ихъ братьями, и рабы и господа будутъ трудиться на одной нивѣ. И наука покоритъ болѣзнь и старость, рожденіе и самую смерть. Тогда царство небесное настанетъ на землѣ...

Длинная черная головешка, перегорѣвъ посрединѣ, упала прямо въ горшокъ. Вода забурлила и перелилась черезъ край. Василій Андреечъ очнулся отъ своихъ мечтаній и, доставъ изъ-за камелька короткій полуобгорѣвшій *ожигъ* принялся перемѣшивать дрова. Онъ тщательно околотилъ всѣ крупныя головни и, дѣйствуя ожигомъ, какъ рычагомъ, установилъ ихъ рядомъ въ глубинѣ очага; цѣлую грудку крупныхъ углей, плававшихъ струйчатымъ ярко-малиновымъ жаромъ, онъ выгребъ впередъ на край шестка, чтобы они отдали свое тепло плохо нагрѣвавшейся куртѣ. Отдѣльные угли падали на полъ, онъ подбиралъ ихъ руками и торопливо бросалъ назадъ, обдувая себѣ пальцы, если горячій уголь успѣлъ прихватить кожу. Онъ умудрился также задѣть себя по лицу обгорѣлымъ концомъ ожига, и на его правой щекѣ легла черная полоса, протянувшаяся и черезъ носъ. Наконецъ, головешки перегорѣли. Василій Андреечъ сгребъ угли въ вучу, присыпалъ ихъ золою изъ корыта, стоявшаго въ углу, и, поставивъ латку съ тѣстомъ на обычное мѣсто въ углубленіи шестка, поспѣшилъ закрыть трубу, хотя въ угляхъ еще перебѣгали послѣдніе синіе огоньки угара. Но курта была такъ холодна, что никакой угаръ не могъ держаться въ ея промерзлыхъ стѣнкахъ. Однако, жаръ, струившійся изъ широкаго жерла камина, отогрѣлъ, наконецъ, эту мерзлую берлогу. Иней, густо налѣвшій на льдинѣ единственнаго окна, растаялъ и скатился внизъ легкими и мелкими слезами, и она яснила теперь, какъ толстое зеркальное стекло. Въ переднемъ углу капля за каплей сталъ сочиться одинъ изъ ледяныхъ сталактитовъ, и въ воздухѣ пріятно запахло печенымъ хлѣбомъ. Это былъ промежутокъ въ ледниковомъ періодѣ, который царилъ здѣсь всю зиму, каждую ночь достигая апогея.

Василій Андреечъ испытующимъ взоромъ посмотрѣлъ на горшокъ и, закрывъ его листкомъ поворобленной жести, подвинулъ

поближе къ огню. Ему не на шутку хотѣлось ѣсть, но голодь страннымъ образомъ всегда повышала его работоспособность, и никогда ему такъ не работалось, какъ въ послѣдніе полчаса, когда поспѣвала его ѣда.

Онъ постоялъ немного въ раздумьи, потомъ, оттащивъ отъ кровати длинное и толстое бревно, выкатилъ его на середину избы. Бревно во всю длину было полое, выдолбленное въ видѣ трубы, какъ колода, изъ которой поятъ лошадей. Василиій Андреичъ усѣлся на бревно верхомъ и при помощи тѣпки и крѣпкаго ножа принялся углублять и выравнивать круглую вырѣзку. Онъ точилъ дерево, какъ червякъ, отрывая его щепками и маленькими кусочками, и занятіе это было похоже даже не на работу, а на какую-то тихую непонятную игру, но стѣнки колоды становились тоньше и тоньше, а вся колода легче и помѣстительнѣе.

Наконецъ, когда деревянные стѣнки колоды стали звенѣть подъ ударами, и долбить дальше было уже опасно, Василиій Андреичъ схватилъ колоду за тонкій конецъ и потащилъ къ выходу. Въ юртѣ было тѣсно, и на смѣну готовому бревну должно было поступить другое, новое, для того, чтобы тоже быть вырубленнымъ и выстроганнымъ изнутри. Василиій Андреичъ складывалъ готовые колоды на плоскую крышу сѣней юрты, такъ какъ амбара у него не было, и онъ держалъ свои припасы въ деревянномъ ларѣ, въ глубинѣ холоднаго угла за каминомъ. Но когда, приподнявъ широкий конецъ выдолбленнаго бревна, онъ готовился продвинуть его на крышу, сзади неожиданно раздался выстрѣлъ. Онъ вздрогнулъ, уронилъ колоду на землю и быстро обернулся.

Большая бѣлая куропатка, безопасно сидѣвшая на одномъ изъ кустовъ опушки, наклонилась головой впередъ, нѣсколько секундъ какъ будто подумала, потомъ мягко упала на снѣгъ. Ноги ея судорожно дергались, крупная капля крови выступила изъ клюва.

Съ лѣвой стороны, изъ-за грубой изгороди, защищавшей владѣнія одного изъ мѣстныхъ купцовъ, показалась плотная фигура съ широкой сѣдой бородой и ружьемъ въ рукахъ. Новый прищелецъ былъ одѣтъ совсѣмъ не по сезону, въ короткій открытый иджакъ и круглую касторовую шапочку, сильно поношенную и пробитую спереди. Онъ прошелъ мимо юрты, поднявъ убитую птицу, все еще трепетавшую въ конвульсіяхъ, и, скрутивъ ей голову, съ улыбкой потрясъ ею въ воздухѣ.

— Зачѣмъ вы ее убили, Ястребовъ? — съ упрекомъ сказалъ Василиій Андреичъ.

— Какъ зачѣмъ? — переспросилъ Ястребовъ. — Ъсть буду! Посмотрите, какая жирная!..

И онъ опять потрясъ птицей предъ лицомъ собесѣдника.

Веревцовъ содрогнулся и отвернулъ голову, но не сказалъ ни

слова. Длиннобородый Ястребовъ жилъ продуктами собственной охоты, главнымъ образомъ куропатками и зайцами, которые не переводились около Пропадинска всю зиму. Въ противоположность Веревцову, онъ питался исключительно мясомъ, презирая растительную пищу, и даже хлѣбъ цѣлыми мѣсяцами не являлся на его столѣ.

— Заходите, Ястребовъ!—привѣтливо пригласилъ Веревцовъ, оставивъ колючу въ покоѣ и приготовляясь открыть свою опускающую дверь.—Погрѣтесъ.

— Мнѣ не холодно!—возразилъ Ястребовъ басомъ.

Василій Андреечъ отличался гостепріимствомъ, и, кажется, ничто не доставляло ему такого удовольствія, какъ посѣщеніе его жилища пріятелями. Онъ даже завелъ у себя пріемы по четнымъ воскресеньямъ, и къ нему правильно сходилось все небольшое общество, случайно собранное въ Пропадинскѣ. Наканунѣ такого дня онъ весь съ головой уходилъ въ приготовленія, дѣятельно мылъ и скребъ столъ и горшки и приготовлялъ въ каминѣ разныя экстренныя, иногда совсѣмъ неожиданныя блюда. Общее мнѣніе считало эти пріемы очень пріятными, благодаря радушію хозяина, и гости, наѣвшись и напившись вволю, приходили въ хорошее настроеніе духа, занимались легкимъ разговоромъ и даже пѣли.

Но въ обычные будничные дни, по общему молчаливому соглашенію, къ Веревцову заходили только за дѣломъ. Онъ былъ вѣчно занятъ, и жаль было отнимать у него время. Но и при каждомъ случайномъ посѣщеніи онъ немедленно поднималъ гостепріимную суету, принимался топить каминъ и стряпать, вдобавокъ серьезно обижаясь, если гость брался за топоръ, чтобы наколоть дровъ. Гости приходилось сидѣть на мѣстѣ и съ вытаращенными глазами ожидать „пріема“.

— Заходите!—продолжалъ приглашать Василій Андреечъ.—Пообѣдаемъ!..

— Каша, небось!—буркнулъ Ястребовъ.—Слуга покорный!..

— Хотите, куропатокъ изжаримъ? — насмѣшливо прибавилъ онъ.—Жирныя!..

И онъ положилъ руку на связку бѣлыхъ птицъ, привязанныхъ къ его поясу.

Василій Андреечъ смущенно заморгалъ глазами. Ему было трудно сказать: нѣтъ! кому бы то ни было, тѣмъ болѣе товарищу.

— Или хотите,—безжалостно продолжалъ Ястребовъ,—я ихъ оставляю вамъ для пирога воскреснаго?..

Для Ястребова не было ничего святого. Когда у Марьи Николаевны Головинской, составлявшей украшеніе пропадинскаго

общества, родился первый сынъ, Ястребовъ, замѣнявшій акушера, заявилъ, что ребенокъ очень похожъ на обезьяну. Положимъ, Витька уже третій годъ мстилъ за оскорбленіе, вырывая при каждой встрѣчѣ своими цѣпкими ручонками цѣпля горсти волосъ изъ мохнатой бороды стараго охотника, но репутація злого языка такъ прочно установилась за Ястребовымъ, что даже Ратиновичъ, человекъ, для котораго тоже не было ничего святого, и который вообще рекомендовалъ старшимъ наслоеніямъ пропадинской колоніи просигься въ богадѣльню, побаивался этого угрюмаго старика и оставлялъ его въ покоѣ. Связаться оъ Ястребовымъ было тѣмъ болѣе не безопасно, что онъ былъ охотникъ переводить шутки на дѣло и только съ мѣсяць тому назадъ наглухо заледенилъ единственный выходъ изъ квартиры доктора колоніи Кранца, т.-е. притащилъ ночью ушатъ воды и забросалъ дверь толстымъ слоемъ мокраго снѣга, который тотчасъ же отвердѣлъ, какъ мраморъ. Кранць принужденъ былъ просидѣть въ плѣну почти до обѣда, пока сосѣди замѣтили его бѣду и разрушили укрѣпленіе.

— А это что?—продолжалъ Ястребовъ.—Опять дудка?..

Онъ подхватилъ колоду и однимъ широкимъ взмахомъ забросилъ ее высоко на крышу.

— Которая это?—спросилъ онъ болѣе дружелюбнымъ тономъ.

— Пятая!—сказалъ Веревцовъ съ невольнымъ вздохомъ.

— Нужно еще десять!..

Долбить колоды было такъ трудно, что онъ опасался, что не успѣетъ приготовить достаточнаго количества къ наступленію лѣта. Вдобавокъ лѣсъ для колодъ попался ему дурной; онъ собралъ его въ половодье на рѣчкѣ, протекавшей мимо его владѣній, но на верховьяхъ ея росли деревья съ витыми стволами, твердыми, какъ желѣзо, и склонными отъ высыханія раскалываться по спирали.

— Слушайте!—сказалъ вдругъ Ястребовъ.—Вонъ въ той лоцинкѣ—и онъ указалъ рукой на неровный спускъ дороги отъ юрты къ рѣчкѣ,—лежатъ колоды!..

— Какія колоды?—съ удивленіемъ спросилъ Веревцовъ.— Я вечеромъ ходилъ за льдомъ, тамъ ничего не было!..

— А теперь есть!—спокойно возразилъ Ястребовъ.—Я думаю, онѣ вамъ пригодятся.

— Кто же ихъ принесъ?—недоумѣвалъ Веревцовъ.

— Я почему знаю!—проворчалъ Ястребовъ.— Вы ихъ посмотрите, онѣ долбленыя!..

Лицо Веревцова внезапно вспыхнуло отъ смущенія. Даже бѣлый лобъ и маленькія уши покраснѣли. Онъ, наконецъ, догадался, кто принесъ загадочныя колоды.

— Спа-па-сибо!—сказалъ онъ, заикаясь отъ волненія. Но я мо-могу принять вашу по-помощь только съ дѣлжомъ... изъ по-половины!..

Несмотря на почтенный возрастъ и экстраординарный *sig-
giculum vitae* Верецовъ сохранилъ способность смущаться, какъ молодая дѣвушка. Вдобавокъ долготѣнее молчаніе такъ отрази-лось на его привычкахъ, что въ экстренныхъ случаяхъ онъ нерѣдко совсѣмъ лишался употребленія языка.

— Хорошо!—спокойно согласился Ястребовъ.—Мы съ вами подѣлимся, какъ мужикъ съ медвѣдемъ: вамъ корешки, мнѣ вершки.

Оба они были изобрѣтатели и пытались измѣнить условія жизни въ полярной пустынѣ и приспособить ихъ къ своимъ же-ланіямъ, но затѣи Ястребова носили фантастическій характеръ. Онъ захотѣлъ, напр., построить судно, не имѣя ни малѣйшаго понятія о судостроеніи, и возился надъ нимъ цѣлый годъ съ не-человѣческимъ упорствомъ. Въ концѣ концовъ, вышла круглая барка, по формѣ похожая на поповку, которая при первой же поѣздкѣ безнадежно сѣла на мель въ одномъ изъ протоковъ Пропады. Онъ изобрѣлъ усовершенствованную уду, на которую не хотѣла клевать рыба, пробовалъ варить мыло изъ сала и древесной золы, дубилъ кожи тальничной корой, измѣнилъ соба-чью упряжь къ великому ущербу для упряжныхъ животныхъ.

Новая затѣя Верецова была, быть можетъ, столь же мало исполнима, какъ постройка фантастическаго корабля, но вытекала изъ насущной потребности.

Нуждаясь въ растительной пищѣ, онъ затѣялъ развести во-кругъ юрты огородъ и устроить большой парникъ для болѣе нѣж-ныхъ овощей. Онъ научился огородничеству въ довольно необыч-ныхъ условіяхъ, но все-таки у него были и познанія, и опытъ, хотя и не для такого суроваго климата. Сѣмена онъ привезъ съ собою, даже держалъ всю дорогу картофель и лукъ за пазухою, чтобы сохранить ихъ отъ мороза. Конечно, и того, и другого было мало, всего по нѣскольку штукъ, но Робинзонъ Крузо, какъ извѣстно, развелъ изъ единственнаго зерна цѣлое хлѣбное поле, и Верецовъ тоже не терялъ бодрости со своими четырьмя кар-тофелинами и шестью луковицами. Гораздо важнѣе было то, что онъ привезъ съ собою два большихъ ящика стеколъ, хотя одному Богу было извѣстно, почему они не разбились по дорогѣ. Кстати сказать, на эти стекла было много охотниковъ, и самые видные изъ обитателей города предлагали за каждое стекло хорошую плату пищей или мѣхами, ибо въ Пропадинскѣ стекло было мало, и они замѣнялись лѣтомъ промасленной бумагой или тряп-кой, а зимою попросту четырехугольнымъ кускомъ свѣтлой и

толстой льдины. Но Веревцовъ крѣпился, и только Марья Николаевна подарилъ два стекла для окна ея спальни. Марья Николаевна, впрочемъ, въ тотъ же день отослала стекла обратно.

— Мои окна обращены на югъ и даютъ много свѣта и безъ стеколъ,— писала она,— было бы грѣшно уменьшать *наши* парники!..

Но Веревцовъ остался твердъ и отправилъ ей стекла во второй разъ. Такъ они пересылались цѣлый день безъ всякаго опредѣленнаго результата, пока Ястребовъ, завернувшій посмотрѣть на Витьку, не погрозилъ Марьѣ Николаевнѣ, что возьметъ стекла себѣ, и только послѣ этого они водворились на предназначенномъ имъ мѣстѣ.

Тѣмъ не менѣе устроить огородъ и парники въ Пропадинскѣ оказалось мудренѣе, чѣмъ можно было ожидать. Исправникъ и пошъ каждое лѣто пробовали разводить овощи, но картофель у нихъ родился меньше лѣсного орѣха, а капустные вилки даже не начинали завиваться. Поэтому на пропадинскихъ званныхъ обѣдахъ подавали вареный картофель, протертый вмѣстѣ съ шелухой, а щи варили вродѣ коровьяго пойма изъ зеленыхъ капустныхъ листьевъ, завяшенныхъ пополамъ съ мукой.

Изъ мерзлой подпочвы даже лѣтомъ струился вѣчный холодъ, и подъ гряды парника нужно было подстилать толстый слой удобрения даже въ июнѣ и июлѣ, чтобы перегораніе навоза спасало ихъ отъ стужи. Скота было мало и приходилось изо дня въ день тщательно наблюдать за поведеніемъ лошадей и коровъ на подножномъ корму, чтобы собрать сколько-нибудь значительное количество навоза. Вдобавокъ удобныя мѣста для огородовъ были только на откосахъ холмовъ, ибо пониже лежало сплошное болото.

На холмѣ былъ недостатокъ въ водѣ, которую приходилось таскать съ рѣки ведрами на собственныхъ плечахъ по крутымъ и неудобнымъ для ходьбы косогорамъ. Веревцовъ задумалъ устроить оцепъ вродѣ колодезнаго, который, поднимая воду бадьей, разливалъ бы ее по деревяннымъ трубамъ на его владѣнія. Именно для этой цѣли онъ такъ усердно долбилъ свои колоды, которыя должны были соединиться въ видѣ импровизированнаго водопровода.

Еще въ прошлое лѣто Веревцовъ засадилъ нѣсколько грядъ и устроилъ небольшой парникъ. Жатва его была не велика, но разнообразна, ибо онъ высѣялъ на гряды и въ горшки всѣ свои сѣмена, не исключая табака и горчицы. Другіе члены колоніи, заинтересованные опытомъ, помогали, чѣмъ могли, и послѣ уборки Веревцовъ, отобравъ сѣмена на будущій годъ взялъ да и устроилъ изъ всѣхъ овощей безприогрышную лотерею для всѣхъ членовъ общества. Никакія отговорки не помогали, и Веревцовъ,

послѣ всѣхъ лѣтнихъ хлопотъ остался на гречневой кашѣ на всю зиму. Положимъ, что это былъ первый опытъ, и Веревцовъ надѣялся его расширить, но теперь добровольные помощники уже не были такъ настойчивы. Сѣмянъ все еще было мало, и, несмотря на всю заманчивость свѣжихъ овощей, никто не желалъ еще разъ отнять у Веревцова его „корешки или вершки“. Только упрямый Ястребовъ былъ совершенно чуждъ этой деликатности и продолжалъ вмѣшиваться въ работы по устройству будущаго огорода. Овощи, впрочемъ, онъ презиралъ отъ всего сердца и во время вышеупомянутой лоттереи, послѣ короткой, но настойчивой попытки вернуть свою долю Веревцову, онъ вынесъ ее на дворъ и раскрошилъ на вуропаточьей тропѣ птицамъ.

— Чтобы онѣ были пожирнѣе! — пояснилъ онъ.

Онъ былъ убѣжденъ, что послѣ этого даже Веревцовъ не будетъ такъ настоятельно навязывать ему этотъ „свиной кормъ“, какъ онъ презрительно называлъ про себя огородные продукты. Въ эту зиму онъ рѣшилъ приготовить колоды для водопровода и въ одну недѣлю выдолбилъ десятокъ длинныхъ бревенъ, ибо работа топоромъ давалась ему гораздо лучше, чѣмъ Василю Андреичу. Ему помогали, впрочемъ, многіе изъ досужихъ молодыхъ людей, которые были рады укрыться подъ эгидой широкой бороды Ястребова отъ уравнительнаго распредѣленія, которое пытался осуществить Василій Андреичъ. Однако идея, перенести готовыя колоды въ ложбину около юрты и потомъ сообщить о нихъ Веревцову, принадлежала собственно Ястребову, и онъ стоялъ теперь передъ дверью юрты, по своему наслаждаясь смущеніемъ ея хозяина.

На другой день было воскресенье, и Веревцовъ рано проснулся, чтобы поскорѣе освободиться отъ обычныхъ домашнихъ работъ и имѣть хоть полдня свободныхъ. Онъ былъ ревностнымъ поклонникомъ воскреснаго отдыха и никогда не позволялъ себѣ въ этотъ день заниматься какимъ-нибудь постороннимъ дѣломъ, кромѣ хозяйства. Даже дрова и воду онъ приготавливалъ съ вечера, чтобы поменьше возиться поутру. Воскресное время онъ старался проводить по праздничному, ложился спать послѣ обѣда или брался за книгу, методически отыскивая мѣсто, заложенное еще съ прошлаго воскресенья. Чаще всего, особенно, если погода была благоприятная, онъ отправлялся визитировать и, обойдя одну за другою всѣ квартиры колоніи, возвращался домой уже поздно вечеромъ съ сознаниемъ весело и счастливо проведеннаго дня. Угощенія онъ не признавалъ, ибо не потреблялъ обычной пищи пропадинскаго стола; въ спорахъ различныхъ пропадинскихъ партій онъ тоже не участвовалъ, но спокойно сидѣлъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ и съ видомъ большой любознательности выслушивалъ всѣ *pro* и

contra, но когда его просили высказать свое мнѣніе, онъ конфузился по своей неизмѣнной привычкѣ и заявлялъ, что у него слишкомъ мало матеріаловъ для сужденія, такъ что онъ все еще не можетъ составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія объ этомъ предметѣ.

Наконецъ каминъ натопился, и такой же немудреннѣйшій обѣдъ или, если угодно, завтракъ, что и вчера, поспѣлъ и былъ съѣденъ. Но, когда Василій Андреичъ готовъ былъ взяться за шапку, въ сѣняхъ послышался шорохъ.

— П-шоль! — крикнулъ Веревцовъ, думая, что это собаки.

Вороватія пропадинскія собаки осаждали юрту лѣтомъ и зимою, ибо раньше въ ней жилъ Ястребовъ, постоянно выбрасывавшій на дворъ заячьи и птичьи кости. У Веревцова, разумѣется, во всемъ жилищѣ не было ни единой косточки, но собаки не отставали и неутомимо подрывались подъ стѣну, очевидно не желая вѣрнѣе вегетаріанству новаго хозяина. Кромѣ того по ночамъ онѣ устраивали собранія на плоской крышѣ юрты и нерѣдко даже давали тамъ свои оглушительные зимніе концерты.

На этотъ разъ, однако, шорохъ происходилъ не отъ собакъ.

— Это я! — послышалось изъ двери, и нетерпѣливая рука стала возиться съ ремнемъ, замѣнявшимъ ручку двери.

Для того, чтобы поднять люкъ, нужна была нѣкоторая сноровка. Наконецъ, струя бѣлыхъ клубовъ холода хлынула съ порога и застлала весь полъ въ знакъ того, что усилія новаго гостя увѣнчались успѣхомъ.

Бѣлая фигура торопливо перетаскилась черезъ несоразмѣрно высокой пороги. Слишкомъ рано отпущенная дверь тотчасъ же тяжело упала на мѣсто, давъ пришельцу такого крѣпкаго и неожиданнаго туза сзади, что онъ немедленно вылетѣлъ на середину комнаты.

— Чортъ! — крикнулъ гость, оборачиваясь назадъ и грозя кулакомъ двери. Губы его перекосились и даже слегка приподнялись вверхъ, глаза сверкнули свирѣпымъ огнемъ.

— Здравствуйте, Алексѣевъ! — спокойно сказалъ Веревцовъ, откладывая шапку въ сторону. — Откуда Богъ несетъ!

— Здравствуйте и вы! — успокоился Алексѣевъ такъ же быстро, какъ и разсердился.

Онъ былъ одѣтъ въ длинную рубаху изъ грубаго бѣлаго сукна, такіе же штаны и бѣлые мѣховые сапоги, и весь видъ его напоминалъ бѣглеца изъ больницы или изъ сумасшедшаго дома. Шапки на немъ не было, но огромная грива каштановыхъ, мелко-курчавыхъ волосъ, свалывшихся въ войлокъ, стояла дыбомъ, какъ негрятанская прическа. Глаза его были маленькіе, живые, чрезвычайно

*

быстрые. Они все время бѣгали по сторонамъ, но когда Алексѣевъ сердился, останавливались и загорались злостью.

— Я сейчасъ заварю чай!—засуетился Веревцовъ. И, окончательно отложивъ шапку въ сторону, онъ принялся хлопотать у камина.

— Не надо мнѣ чаю!—сказалъ Алексѣевъ угрюмо.—Слушайте, Василій Андреичъ, я саду, я усталъ!..

— Конечно, садитесь!—поспѣшно воскликнулъ Веревцовъ.—Садитесь, пожалуйста!—И онъ подвинулъ ему гладкій обрубокъ дерева, игравшій роль табурета.—Извините, ради Бога! Я не замѣтилъ, что вы устали!..

— *Они* меня со свѣту сживаютъ!..—съ дрожью въ голосѣ вдругъ объявилъ Алексѣевъ.—Мочи моей нѣтъ!..

Глаза опять остановились и свернулись.

— Полноте!..—возразилъ Веревцовъ очень просто и спокойно.—Вотъ лучше я вамъ чаю налью!..

— Темно!.. солнца нѣтъ!..—продолжалъ Алексѣевъ съ отчаяньемъ въ голосѣ.—Когда будетъ весна?.. Я не могу жить безъ солнца!

— Черезъ двѣ недѣли появится солнце!—терпѣливо утѣшалъ его Веревцовъ.—Потерпите немного.

— А они зачѣмъ по ночамъ ходятъ?—настаивалъ Алексѣевъ.—Развѣ я не знаю?.. Любо имъ, что теперь солнца нѣтъ!.. Поговори-ка съ ними днемъ,—продолжалъ онъ сердито.—Сладкіе такіе, медовые! Только свѣчку погашу, они ужъ опять тутъ!..

— Господи, что я имъ сдѣлалъ?—прибавилъ онъ почти со стономъ.

Алексѣевъ страдалъ маніей преслѣдованія, которая состояла въ томъ, что люди, которыхъ онъ видѣлъ днемъ, представлялись ему по ночамъ въ видѣ призраковъ агрессивнаго характера. Это было нѣчто вродѣ сновъ на яву. Жизнь была такъ усыпительно однообразна, что притупленное воображеніе не въ силахъ было создать никакихъ фантастическихъ картинъ и только отражало окружающую дѣйствительность въ уродливо искаженномъ видѣ, какъ кривое зеркало. Ему представлялось обыкновенно, что товарищи, съ которыми онъ днемъ разговаривалъ или работалъ вмѣстѣ, подкрадываются къ нему въ темнотѣ сзади и внезапно начинаютъ его душить или кусать.

Болѣзнь началась кошмарами и тяжелыми снами и развивалась довольно постепенно, но теперь Алексѣевъ почти совсѣмъ утратилъ различіе между призраками и дѣйствительностью и доставлялъ много огорченій и заботъ другимъ членамъ колоніи. Хуже всего было то, что онъ постоянно жилъ одинъ и упрямо отвергалъ всякія предложенія сожительства, подозрѣвая за ними

коварныя покушенія на его свободу. Только къ Веревцову, съ самаго его прїѣзда, онъ относился довѣрчивѣе, чѣмъ къ другимъ, и иногда въ самомъ остромъ пароксизмѣ раздражительности внезапно приносилъ ему цѣлый ворохъ жалобъ, какъ будто инстинктивно стремясь добыть себѣ хоть немного спокойствія подъ сѣнью этой широкой и непоколебимой доброты.

Василій Андрейчъ держалъ себя съ нимъ очень просто, нерѣдко даже сердился и принимался стыдить его за подозрительность, но даже выговоры изъ его устъ дѣйствовали успокаивающе на больного.

— Когда придетъ солнце? — болѣзненно повторилъ Алексѣевъ, — Темно, холодно!..

— Василій Андрейчъ, я затоплю каминъ! — прибавилъ онъ болѣе сповойнымъ тономъ.

— Я самъ затоплю! — суетливо возразилъ Веревцовъ, принимаясь разгрѣбать загнету.

— Гдѣтъ, я! Сидите, сидите!.. настойчиво повторилъ Алексѣевъ. Не обращая вниманія на протесты хозяина, онъ прѣворно открылъ каминъ, поставилъ въ него охапку полѣньевъ и радугу горячіе угли. Онъ былъ ловокъ на всякую ручную работу, и домашнія хлопоты отнимали у него только минимумъ необходимаго времени.

— Какъ хорошо! — сказалъ онъ, когда дрова разгорѣлись яснымъ пламенемъ. — У васъ и дрова добрыя! — прибавилъ онъ, съ благодарностью взглянувъ на Василія Андрейча. — А мои вляя, тонкія такія, длинныя!.. Трещать, брызжутся углями прямо въ лицо. А я у васъ останусь! — прибавилъ онъ, помѣшывая палкой въ каминъ. — Можно?

— Милости просимъ! — сказалъ Веревцовъ, радостно оживляясь.

Собственно говоря, онъ такъ привыкъ къ одиночеству, что всякое сожительство тяготило его, но теперь ему казалось, что Алексѣевъ для него самый подходящий товарищъ.

— Я сейчасъ отъ Горсаго, — началъ рассказывать Алексѣевъ, подвигая свой чурбанъ поближе къ пламени. — Знаете, онъ меня ночью задушить хотѣлъ: — пояснилъ онъ мимоходомъ. — Ужъ я же ему и напѣлъ. „Днемъ, говорю, ты товарищъ, а ночью ты вампиръ... Тебя, говорю, на кострѣ бы сжечь слѣдовало...“

— Какой вампиръ, какой костеръ? — съ неудовольствіемъ сказалъ Василій Андрейчъ. — Ерунда это все... Вотъ, скажите, пожалуйста, вы запираете двери на ночь?..

— Конечно, запираю! — съ живостью подтвердилъ Алексѣевъ. — Засовы изнутри сдѣлалъ желѣзные...

— Ну, какъ же живой человекъ можетъ пройти сквозъ запертыя двери?..

— А Рентгеновскіе лучи проходятъ!—возразилъ Алексѣевъ, дико и лукаво усмѣхаясь.—Ну, и эти такъ-же!..

— Какъ же мы съ вами будемъ жить?—спросилъ Алексѣевъ черезъ минуту.

— А я вамъ тутъ кровать поставлю! А верстакъ вытащимъ вонъ!—сказалъ Веревцовъ, указывая на переднее мѣсто.

— А это окно можно открыть?—спросилъ Алексѣевъ, указывая на одинъ изъ травяныхъ матовъ, покрытый бѣлой ледяной инкрустаціей.—Здѣсь слишкомъ темно!.. Я люблю свѣтъ!..

— Не знаю!—сомнительнымъ тономъ сказалъ Веревцовъ.—Холодно будетъ!..

— Мы будемъ топить!—увѣрялъ Алексѣевъ.—Вотъ увидите.

— Я открою!—просительно сказалъ онъ.

— Ну, какъ хотите!—нерѣшительно согласился Веревцовъ. Онъ посмотрѣлъ кругомъ себя, и ему дѣйствительно показалось, что въ юртѣ очень темно.

Алексѣевъ вооружился топоромъ и принялся очень искусно отбивать ледяныя наслоенія на окнѣ, стараясь не потревожить льдины, наложенной снаружи. Раздражительное состояніе его замѣтно утихло.

— Скажите, голубчикъ,—сказалъ онъ, останавливаясь на минуту и поворачиваясь къ Веревцову.—Они вѣдь не ходятъ къ вамъ ночью?..

— Ночью всѣ спятъ!—возразилъ Веревцовъ.—Никто не ходитъ!..

— А если придутъ, такъ вы ихъ не пустите?—настаивалъ Алексѣевъ.—Не пустите, да?..

— Никто не придетъ ночью!—повторилъ Василій Андрейчъ.—Ночью всѣ спятъ...

— Ну, такъ мы съ вами заживемъ!—заговорилъ Алексѣевъ уже весело, опять принимаясь за топоръ.—Вотъ увидите!.. Я буду вамъ помогать. Я умѣю работать!.. Вы что теперь работаете, Василій Андрейчъ?

— Хорошо!—одобрительно сказалъ Веревцовъ.—Вотъ, теплѣе станетъ, будемъ водопроводъ устраивать...

— Водопроводъ!.. Чудесно!—воскликнулъ Алексѣевъ.—Проведемъ домой воду и не нужно будетъ ходить на рѣку...

Въ борьбѣ съ призраками онъ пересталъ обращать вниманіе на дѣйствительность, и предпріятіе Веревцова, давно извѣстное всему городу, представлялось ему, какъ совершенно новое.

— Не для этого,—возразилъ Веревцовъ,—а для того, чтобы огородъ поливать.

— А, это еще лучше!—съ искреннимъ восхищеніемъ воскликнулъ Алексѣевъ.—Огородъ разведемъ, садъ, цвѣтники... водопр-

воды собственные устроимъ. Пусть они увидятъ, какъ мы умѣемъ жить!..

— Знаете что, голубчикъ?—прибавилъ онъ, управившись съ ономъ и критическимъ взглядомъ окидывая убранство юрты.— Надо бы здѣсь убраться немножко!..

— Что убраться?—удивился, въ свою очередь, Веревцовъ. Ему казалось, что чистота и порядокъ въ юртѣ совершенно удовлетворительны.

— Мало ли что?—отвѣтилъ Алексѣевъ осторожно.— Полъ вымыть, стѣны выскоблить... Вотъ, этимъ вещамъ свое мѣсто найти!..

Онъ указалъ на кучку разрозненныхъ столярныхъ и слесарныхъ инструментовъ, сложенныхъ въ полуизломанномъ деревянномъ ящикѣ у изголовья кровати.

— Вотъ, вы увидите!—продолжалъ онъ.

— Мы здѣсь зеркало повѣсимъ,—указалъ онъ мѣсто на стѣнѣ.— У меня есть зеркало. А здѣсь календарь. У васъ есть календарь, Василий Андреичъ?..

— Вотъ календарь!—указалъ Веревцовъ на маленькій паветъ грязныхъ бумажекъ, прибитый надъ изголовьемъ постели—Только очень маленький.

— Ничего!—успокоительно сказалъ Алексѣевъ.— А какой сегодня день? Воскресенье?..—спросилъ онъ, приглядываясь въ календарю.

— Да, воскресенье!—подтвердилъ Веревцовъ.— День воскресный!..

— А къ вамъ не придутъ гости?—спросилъ Алексѣевъ, внезапно припоминая.— Они къ вамъ ходятъ, кажется, по воскресеньямъ... Сегодня тоже придутъ, да?..

— Не знаю!—правдиво возразилъ Веревцовъ.— Можетъ быть, и придутъ.

— Зачѣмъ?—заговорилъ Алексѣевъ, снова приходя въ возбужденное состояніе.— Не нужно!..

— Голубчикъ!—прибавилъ онъ просительно, немного успокоившись.— Пойдите къ нимъ и скажите, пусть они не ходятъ. Намъ ихъ не нужно!.. Пожалуйста, пойдите!..

— Какъ же я оставлю васъ одного?—нерѣшительно спросилъ Веревцовъ. Съ самаго утра онъ думалъ о томъ, что не успѣлъ поблагодарить Ястребова за его колоды.

— Одного?..—повторилъ съ удивленіемъ Алексѣевъ.— Одному мнѣ хорошо. Лишь бы *ты* не приходи. Пойдите, голубчикъ, удержите ихъ, пожалуйста!..

— А я, пока вы ходите, приберу немного!—прибавилъ онъ върачительно.— Увидите, какъ хорошо будетъ!.. Только вы пойдите!..

Онъ самъ подалъ шапку Веревцову и тихонько толкнулъ его къ двери.

Дневная заря стала уже склоняться въ западу,—знакъ, что послѣ полудня прошло два или три часа. Морозъ былъ гораздо слабѣе вчерашняго, ибо по небу съ западной стороны стались легкія перистыя облака, располагаясь вѣнцомъ, какъ лучи сіянія. На рѣкѣ помаленьку начинался вѣтеръ. Оттуда налетали первые слабыя порывы, принося съ собой струйки сухого снѣга, сорванные съ отвердѣлыхъ сугробовъ и рѣчныхъ застругъ.

Ястребовъ жилъ по другую сторону изгороди на такъ называемомъ «Голодномъ концѣ». Это была небольшая слободка: паріевъ, обособившаяся отъ города. Въ центрѣ ея стояла больница въ видѣ безобразной юрты, на половину вросшей въ землю. Порядки этой больницы были еще уродливѣе ея наружности. Въ нее принимались только самыя тяжкіе больные, насквозь изъѣденныя *дурной болѣзью* или проказой и брошенные родными на произволъ судьбы. Избушки, окружавшія больницу, относились къ ней, какъ подготовительная ступень, но пока человѣкъ имѣлъ силу ходить на ногахъ и вылавливать немного рыбы на пропитаніе, онъ считался здоровымъ.

Веревцову пришлось проходить мимо больницы по дорогѣ къ Ястребову. Больничный служитель Ермолай—съ перекошеннымъ лицомъ и глазами безъ рѣсницъ—разговаривалъ съ человѣческой головой, слегка высунувшейся изъ-за полуоткрытой двери. Голова была вся обмотана тряпками; только огромные глаза сверкали, какъ изъ подъ маски, лихорадочно воспаленнымъ блескомъ.

— Скажи вахтеру, — шипѣла голова чуть слышнымъ, слегка влопочущимъ шопотомъ, — третій день не ѣвши... Съ голоду помираемъ...

— Вахтеръ ѣду себѣ забралъ! — объяснилъ Ермолай съ экичеснымъ спокойствіемъ. — «Больнымъ, говорить, подаваніе носить... Будетъ съ нихъ!..»

Голосъ Ермолая былъ тонкій, дребезжащій и напоминалъ жужжаніе мухи въ стеклянномъ стаканѣ. Онъ составлялъ предметъ постоянного любопытства для пропадинскихъ ребятиншекъ, и даже въ эту самую минуту хороводъ маленькихъ дѣвочекъ, черныхъ, какъ галчата, и одѣтыхъ въ рваныя лохмотья, весело прыгавшій за спиной Ермолая, подъ предводительствомъ его собственной дочери Стрѣлы, припѣвая извѣстную на Пропадѣ пѣсенку:

У Ермошки, у Ермошки
Гудятъ въ носу мошки.

— Кишъ, проклятыя! — огрызнулся Ермолай.

— Подаваніемъ, молъ, живете! — прожужжалъ онъ еще разъ.

— Мало! — шипѣла голова. — Двѣнадцать человѣкъ больнымъ-

то. Скажи вахтеру, пускай по рыбѣ пришлетъ!.. Пополземъ, мотри, по городу, опять худо будетъ!..

Въ прошломъ году больные, побуждаемые голодомъ, въ видѣ экстренной мѣры отправились изъ дома въ домъ просить милостыню. Необыкновенный кѣртежь подѣйствовалъ даже на закаленные пропадинскіе нервы, но мѣра эта была обоюдоострая, ибо жители боялись проказы, какъ огня, и готовы были перестрѣлять всѣхъ больныхъ чтобъ избѣжать соприкосновенія съ ними.

Ястребовъ жилъ на самомъ краю слободки въ избушкѣ, передѣланной изъ стараго амбара и съ виду совершенно непригодной для человѣческаго жилья. Онъ завалилъ ее землей и снѣгомъ до самой кровли, и только одно маленькое оконце чернѣло, какъ амбразура, изъ подъ бѣлаго снѣжнаго окопа. вмѣсто лѣвнн оконо было затуното транивой. Маленькая дверь, толето обитая обривками шкуръ, походила скорѣе на туюфакъ. Иногда она такъ плотно примерзала къ косякамъ, что откриты ее можно было только при помощи топора.

Подойдя къ этому своеобразному жилищу, Верецовъ нерѣшительно остановился. Дверь была плотно закрыта и раздулась, какъ отъ водянки, но изъ каменной трубы поднималась тонкая струя дрожащаго воздуха въ знакъ того, что топка давно окончена, и послѣднее тепло улетаетъ наружу.

— Дома, должно бытъ!—подумалъ Василій Андреичъ и постучался сперва деликатно, потомъ довольно громко, но также безрезультатно. Онъ постоялъ еще нѣсколько секундъ, поглядѣлъ на струйку тепла, трепетавшую надъ трубой, и, внезапно схватившись за ручку двери, изо всѣхъ силъ потянулъ ее къ себѣ. Члены пропадинской колоніи сторожили другъ друга и недоувѣрливо относились къ запертымъ дверямъ, не подавая ни единого голоса.

Дверь щелкнула, какъ изъ пистолета, и распахнулась внастежь. Въ глубинѣ избушки обрисовалась крупная фигура Ястребова, сидѣвшая поперекъ кровати. Опасаясь окончательно остудить избу, Верецовъ протиснулся внутрь и закрылъ за собою дверь.

Внутри было темно, какъ въ погребѣ. Свѣтъ проходилъ только сверху, сквозь отверстие трубы, ибо тряпичное оконо совершенно заросло инеемъ. Ястребовъ сидѣлъ, опустивъ ноги на полъ и опираясь руками въ колѣни, такъ какъ кровать была слишкомъ низка; глаза его были устремлены на противоположную стѣну. При входѣ Верецова, онъ даже не пошевелинулся.

— Что вы дѣлаете?—сказалъ Верецовъ не советымъ увѣреннымъ тономъ. Никогда нельзя было знать, чего можно ожидать отъ Ястребова даже въ его лучшія минуты.

Отвѣта, однако, не было. Только широкая сѣрая борода Ястребова внезапно дрогнула и какъ-то еще больше расширилась.

— Пойдемте въ гости! — настаивалъ Веревцовъ, не желая отступить.

Ястребовъ опять не отвѣтилъ. Время отъ времени на него находило странное состояніе, похожее на столбнякъ, и онъ про-сизивалъ цѣлые дни на одномъ и томъ же мѣстѣ, не дѣлая движеній и не говоря ни слова. Сознаніе, однако, его не покидало, и въ сущности это былъ не столбнякъ, а скорѣе преддверіе нир-ваны, въ видѣ непобѣдимаго равнодушія ко всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ проявленіямъ жизни.

— Ну же, вставайте! — не унимался Веревцовъ. Онъ даже взялъ Ястребова за руку и сдѣлалъ попытку стащить его съ мѣста.

Сѣдобородный охотникъ вдругъ поднялся на ноги и, отодви-нувъ Веревцова въ сторону, вышелъ изъ избы. Василій Андречъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что на полѣ его еще болтаются вче-рашнія куропатки. Нѣсколько штукъ было разбросано по по-стели, и одна оказалась совершенно сплющенной. Столбнякъ, очевидно, нашелъ на Ястребова еще вчера, тотчасъ же по возвра-щеніи изъ лѣсу, и онъ просидѣлъ на кровати цѣлыя сутки.

— Поѣшьте что-нибудь! — воскликнулъ Веревцовъ, выскаки-вая вслѣдъ за пріателемъ.

Онъ соображалъ, что Ястребовъ не принималъ пищи со вче-рашнего дня, и въ то же время опасался, что онъ опять уйдетъ въ лѣсъ.

Ястребовъ даже не обернулся. Онъ уходилъ крупными ша-гами по дорогѣ, которая вела на другую сторону рѣчки въ луч-шую часть города. Веревцову ничего не оставалось, какъ послѣ-довать за нимъ.

Охотникъ перешелъ черезъ мостъ и, пройдя нѣсколько десят-ковъ шаговъ, свернулъ къ большой избѣ, въ окнахъ которой, не-смотря на ранній часъ, уже свѣтился огонь.

Къ новому удивленію Веревцова, это былъ именно тотъ домъ, который и онъ собирался посѣтить. Однако, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же зайти, онъ медленно прошелъ до самаго конца улицы и также медленно вернулся, какъ будто дѣлая прогулку. Ему почему-то хотѣлось, чтобы Ястребовъ прежде обидѣлся и при-шелъ въ болѣе нормальное состояніе.

Обширная изба выглядѣла сравнительно съ жалкими логови-щами Веревцова или Ястребова, какъ настоящій дворецъ. Гладко оструганныя стѣны были даже украшены олеографіями „Нивы“ въ простыхъ деревянныхъ рамкахъ. Въ лѣвомъ углу стоялъ верстакъ, и весь уголокъ былъ обвѣшанъ столярными инструментами. По-срединой стоялъ большой деревянный столъ, на которомъ выпѣлъ самоваръ, и горѣли двѣ сальныя свѣчи.

Огромныя льдины оконъ весело играли, отражая лучи этого свѣта. Широкая кровать скрывалась за ситцевой занавѣсью, а въ глубинѣ комнаты, въ красномъ углу стоялъ еще столъ. У этого стола сидѣлъ Ястребовъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, пилъ чай. За столомъ хозяйничала молодая и очень миловидная женщина, съ быстрыми черными глазами и нѣжнымъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ цвѣта дозрѣвающей сливы. Тонкія брови ея были слегка приподняты наружнымъ угломъ. Руки были малы и красивы, просторная ситцевая блуза не скрывала крѣпкихъ и стройныхъ формъ. Когда она разливала чай и разносила его гостямъ, каждое движеніе ея было исполнено свободы и граціи.

Рядомъ съ ней сидѣлъ еще молодой человѣкъ съ меланхолически-задумчивымъ лицомъ и каштановыми кудрями, ниспадавшими до плечъ. Онъ сидѣлъ, нѣсколько пригнувшись къ столу, и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ пилилъ большимъ подпилкомъ какую-то желѣзную штучку, закрѣпленную въ столовой доскѣ. Подпилкомъ оглушительно визжалъ, но никто не обращалъ на это вниманія, и гости такъ непринужденно разговаривали, какъ будто въ комнатѣ царила полная тишина.

Молодой человѣкъ съ подпилкомъ нѣбогда изучалъ филологическія науки въ специальномъ заведеніи и даже избралъ было своей специальностью латинскій языкъ. Быть можетъ, поэтому въ настоящее время въ силу закона противоположностей онъ былъ лучшимъ и, можно сказать, универсальнымъ ремесленникомъ въ Пропадинскѣ. Разнообразіе его занятій совершенно не поддавалось описанію; онъ обжигалъ кирпичи и чистилъ стѣнные часы, запанвалъ старыя чайники и дѣлалъ выкройку для дамскихъ платьевъ. Спросъ на его работу былъ неслыханный, мѣстные обыватели считали его всезнающимъ и не давали ему покоя, да онъ и самъ не хотѣлъ имѣть покоя и даже за обѣдомъ не выпускалъ изъ рукъ подпилка или стамески. Плату онъ получалъ по преимуществу продуктами, и въ его квартирѣ было нѣчто въ родѣ постоянного безплатнаго табльдота для всѣхъ желающихъ.

Онъ женился почти тотчасъ же по пріѣздѣ на Пропаду, во время случайной поѣздки по округу, и необыкновенно счастливо, хотя его будущая жена знала только тайгу и тундру и до замужества даже никогда не была въ Пропадинскѣ. Но молодая якутка такъ быстро научилась говорить по-русски и освоилась со своимъ новымъ положеніемъ, что уже черезъ шесть мѣсяцевъ могла сдѣлать свой домъ притягательнымъ пунктомъ для всѣхъ членовъ колоніи. Изъ нея, между прочимъ, вышла хорошая хозяйка, и она научилась даже удачно готовить невиданныя русскія блюда, насколько хватало припасовъ на Пропадѣ.

Рядомъ съ нею съ обѣихъ сторонъ стола сидѣли двѣ пары

гостей, такъ что два человѣка, сидѣвшіе другъ противъ друга, составляли пару. Эти пары, видимо, обособились и даже раздвинулись, насколько позволяло мѣсто. Первая пара играла въ дураки, перебрасывая черезъ столъ ужасныя карты, закругленныя, какъ эллипсъ. Справа сидѣлъ Полозовъ, огромный человѣкъ, съ волосатыми руками и большой круглой головой, крѣпкой, какъ голова тарана. Верхняя часть его фигуры, возвышавшаяся надъ столомъ, имѣла въ себѣ что-то слоновье. Когда, увлекаясь игрой, онъ перемѣщался на стулѣ и, чтобы сдѣлать свою позу удобнѣе, поднималъ и ставилъ ногу на новое мѣсто, изъ-подъ стола раздавался стукъ каблука, подбитаго желѣзной подковой, широкаго и крѣпкаго, какъ копыто.

Партнеръ, сидѣвшій слѣва, былъ, напротивъ, такъ малъ, что голова его насилу поднималась надъ столомъ. Это была тоже большая голова съ растрепанными черными волосами, маленькими черными глазами, подоврительно глядѣвшими изъ-подъ косматыхъ бровей, и длинной бородой, конецъ которой уходилъ подъ столъ. Она заслужила своему обладателю имя Черномора, которое пристало такъ крѣпко, что многіе пріятели совѣмъ забыли его настоящее имя. Туземцы сдѣлали изъ этого имени фамилію и называли маленькаго человѣка съ большой бородой Черноморовъ. Ему пока везло, и онъ горячился и съ азартомъ бросалъ карты на столъ, каждый разъ высоко приподнимая руки, чтобы не стукнуться локтемъ о столъ.

— Ходи, ходи, Сементъ! — нетерпѣливо покрикивалъ онъ на своего огромнаго противника, который, дѣйствительно, какъ-то мѣлковато справлялся съ картами. Повидимому, для того чтобы привести въ дѣйствіе такую тяжелую машину, каждый разъ требовалось нѣсколько лишникъ секундъ противъ обыкновеннаго.

Вторая пара гостей вела теоретическій споръ и такъ погрузилась въ него, что не обращала никакого вниманія не только на присутствующихъ, но даже и на совершенно остывшій чай, стоявшій передъ ними на столѣ. Они судили умирающей девятнадцатый вѣкъ и тщательно разбирали его подвиги и преступленія, чтобы произнести окончательное рѣшеніе. Банерманъ, маленькій бойкій, съ задорными сѣрыми глазками и влочковатой мочальной бородкой, былъ обвинителемъ и перечислялъ завоевательныя войны и междуусобныя распри. При каждомъ новомъ фактѣ онъ весь подскакивалъ на скамьѣ и размахивалъ рукой, какъ-будто бросая въ противника метательное оружіе.

Колнышевскій, съ красивымъ, но усталымъ лицомъ, большими блѣдноглубокими глазами и окладистой русой бородой, защищалъ обвиняемый вѣкъ на статистической почвѣ. Статистика была его страстью. Онъ запоминалъ цѣлыя груды цифръ, даже самыхъ не-

нужныхъ, по преимуществу изъ календарей, такъ какъ другія статистическія изданія не доходили до Пропадинска. Спорить съ нимъ было трудно, такъ какъ онъ быстро переводилъ вопросъ на почву подсчетовъ и забрасывалъ противника числовыми данными. Онъ могъ сообщить точные размѣры земледѣлія и промышленныхъ производствъ даже въ вассальныхъ княжествахъ Индіи и въ мелкихъ султанствахъ Борнео. Онъ заставилъ Банермана перебрать государство за государствомъ и уже успѣлъ отгѣснить его въ Испанію на крайній югозападъ Европы, но Банерманъ ни за что не хотѣлъ сдаваться.

— Что такое Испанія?.. — наставлялъ онъ. — У ней даже колониі почти не осталось, — только Куба и Филиппинскіе *калачи*!..

— Какіе калачи? — съ любопытствомъ спросилъ Черноморъ, сдававшій карты. — Филипповскіе?

Онъ не слушалъ спора, но долетѣвшія слова невольно привлекли его вниманіе.

— Филиппинскіе острова! — поправился Банерманъ со сконфуженнымъ лицомъ. Онъ страдалъ принадлежками афазіи, въ особенности неожиданныя ассоціаціи идей заставляли его произносить совсѣмъ не тѣ слова.

— Го-го-го! — пустилъ Полозовъ густо и громко. — Опять банерманизмъ!.. Это еще лучше сегодняшней обороны!..

Полозовъ жилъ въ одной избѣ съ Банерманомъ и не дальше какъ сегодня утромъ Банерманъ, желая попросить гребенку, чтобы расчесать бороду, попросилъ у него вратко „борону“.

— Молчи, дурило! — огрызнулся Банерманъ. — Сапожникъ, знай свои колодки! — прибавилъ онъ не безъ язвительности, указывая на карты, разбросанныя по столу.

— Ахъ ты, образина! — возразилъ Полозовъ, протягивая мохнатую десницу и дѣлая видъ, что хочетъ схватить сожителя за шиворотъ. — Нахалище ты этакій!

Даже отъ словъ онъ любилъ употреблять увеличительныя формы.

Банерманъ схватилъ вилку и безъ дальнихъ церемоній ткнулъ ею въ протянутую руку.

— Не лѣзь! — угрожающе предупредилъ онъ. — Ты, Мишанька!

— Дурилице ты этакій! — прибавилъ онъ въ тонъ Полозову. — Отвяжись безъ грѣха.

Черноморъ сразу пошелъ пятью картами.

— Ты — дуракъ! — воскликнулъ онъ торжествующимъ голосомъ. — Я выигралъ!..

Эта была первая игра, выигранная имъ за этотъ вечеръ.

Полозовъ нахмурился и зѣвнулъ.

— Ну довольно! — сказалъ онъ, отодвигая скамью и вытягивая

свои длинныя ноги изъ-подъ стола.—Сколько за тобой коновъ, Черноморище?

— 1720!—подумашинально вставилъ Колнышевскій въ самую средину испанскихъ статистическихъ цифръ.

— 1720 игръ!—повторилъ онъ, видя, что собесѣдники не понимаютъ и принимаютъ эту новую цифру тоже за испанскую.

Игроки, по его предложенію, вели точный счетъ выиграннымъ и проиграннымъ партіямъ, но и здѣсь онъ помнилъ итоги лучше всѣхъ.

Маленькій человекъ сдѣлалъ кислое лицо.

— Одну отыгралъ!—сказалъ онъ не безъ задора.—Потомъ еще отыграю...

— Никогда ты не отыграешь!—смѣялся Полозовъ.—Помни: хотя по пятаку за штуку—это сто рублей.

— Меньше ста рублей,—поправилъ Колнышевскій.

— 85 рублей 95 копѣекъ—прибавилъ онъ, подумавъ съ минуту.

Игра была безденежная, но, чтобы уязвить Черномора, требовалось такъ или иначе перевести проигрышъ на деньги.

Хозяйка усадила Веревцова на лучшее мѣсто у самовара и тщетно старалась заставить его что-нибудь съѣсть. Но Василій Андренчъ былъ непоколебимъ.

— Я пообѣдалъ дома!—повторялъ онъ на всѣ соблазны.— Дайте лучше Полозову!..

Огромный Мишанька на скудной пропадинской пищѣ вѣчно чувствовалъ себя впроголодь, но онъ скрывалъ свою прожорливость, какъ порокъ, и никогда не позволялъ себѣ переходить общую норму.

Онъ посмотрѣлъ на Веревцова съ упрекомъ и, отрицательно мотнувъ головою, отошелъ къ камину и принялся грѣть руки у огня.

— Отчего такъ поздно?—сказалъ Колнышевскій.

Посѣщенія Веревцова цѣнились, и, если его долго не было въ урочное воскресенье, всей кампаніи какъ будто не хватало чего-то...

— У меня Алексѣевъ!—кратко объяснилъ Василій Андренчъ.— Въ юртѣ остался, не хочетъ въ гости идти...

Наступило непродолжительное молчаніе.

— Онъ мнѣ сегодня чуть голову не разбилъ!—объяснилъ хозяинъ такъ спокойно, какъ будто цѣнилъ свою голову не дороже яичной скорлупы.—Миской швырнулъ...

— Хорошо, что я отскочилъ,—прибавилъ онъ, принимаясь опять за подпирокъ.—Миска-то мѣдная, край такой острый, на косякъ налетѣла, дерево, какъ ножомъ, взрѣзала.

— Я его покормить хотѣла!—пояснила хозяйка.—А онъ всеё

миску, да и съ супомъ, Николаю Ивановичу въ голову бросилъ... Такъ ничего и не поѣлъ!—прибавила она со вздохомъ.

Повидимому, она больше всего жалѣла о томъ, что Алексѣевъ остался безъ супу.

— Все отъ бездѣля!—сказалъ Банерманъ сентенціозно.— Живеть одинъ, занятій нѣту... Вотъ и отыскиваетъ себѣ что-нибудь, чтобы вниманіе занять.

— Пускай онъ у меня поживетъ!—кратко сказалъ Веревцовъ.— Можетъ, научится и въ обществѣ жить!..

— Бѣдняжка!—сказала хозяйка.— Пускай хоть отдохнетъ! Совсѣмъ измаялся.

— Только знаете,—сказалъ Веревцовъ, застѣнчиво улыбаясь.— Онъ просить, чтобы гости не ходили. Въ воскресенье, значить, у меня нельзя!..

— Это жаль!—сказалъ Банерманъ.— Мы привыкли уже у васъ!..

— Ну что-жъ дѣлать!—задумчиво возразилъ Колышевскій.— Нельзя такъ и нельзя!..

— Мнѣ дьяконица говорила,—сказала вдругъ хозяйка:— „найдите шамана, пусть отколдуетъ его,—напущено на него по злобѣ!“ Пустое это!—поспѣшно прибавила она, вида неудовольствіе на лицѣ мужа.

— При чемъ тутъ дьяконица?—неохотно проворчалъ Николай Ивановичъ.

— Онъ вѣдь у нихъ сегодня ночевалъ,—сказала хозяйка.— Ночью стувъ поднялъ.— „У меня, говорить, дома нехорошо...“

— Женить бы его слѣдовало!—замѣтилъ Банерманъ.— Все бы рукой сняло.

— Ну, я пойду!—сказалъ Веревцовъ, поднимаясь.

— Такъ скоро?—возразила хозяйка.

— Къ Головинскимъ зайти надо—сказалъ Веревцовъ.— Младенца посмотрѣть.

Двухлѣтній Витька, истинный хозяинъ второго семейнаго дома, былъ въ настоящее время единственнымъ отпрыскомъ молодого поколѣнія колоніи. Онъ былъ извѣстенъ въ просторѣчинъ подъ именемъ „младенца“ или распространеннѣе „государственнаго младенца“.

На дворѣ давно было темно. Небо затанулось тучами. Внезапная мятель разыгрывалась все сильнѣе. Струйки снѣжной пыли уже неслись вдоль улицы, затемняя воздухъ и мѣшая находить тропу, протоптанную пѣшеходами. Съ рѣки, которая разстилалась вдоль всего города, какъ широкая ледяная пустыня, уже доносился пронзительный свистъ вихря.

Дорога къ Головинскимъ шла по единственной улицѣ города,

потомъ спускалась по вкрутому и скользкому откосу къ углу мосту, перекинутому черезъ устье Сосновки. Веревцовъ шелъ среди улицы, то и дѣло спотыкаясь на горбахъ снѣжной пыли, наметенныхъ поперекъ дороги, какъ неожиданныя ступеньки. Вѣтеръ дулъ ему въ лицо, и онъ невольно отворачивался и двигался впередъ бокомъ, осторожно выбирая шаги. На спускѣ стало еще хуже. Вѣтеръ намель сугробы во всѣхъ ложбинахъ и извилинахъ показой тропы, особенно съ лѣвой подгорной стороны. Сдѣлавъ неосторожный шагъ, Веревцовъ провалился до колѣнъ и набралъ полныя валенки снѣга.

Кое-какъ выбравшись на болѣе твердое мѣсто, онъ полунстинитивно сталъ забирать вправо, гдѣ на выпукломъ ребрѣ откоса снѣгъ проносило мимо. Благополучно спустившись на нѣсколько десятковъ саженой, онъ опять попытался свернуть влѣво къ мосту и опять попалъ въ сугробъ. Поневоли пришлось держаться правой стороны, гдѣ все время была твердая дорога. Было совершенно темно. Вѣтеръ продолжалъ дуть Веревцову въ лицо, и онъ былъ, поэтому, увѣренъ, что идетъ, куда нужно.

Но дорога вдругъ перестала спускаться, стала ниже и неожиданно свернула влѣво. Вѣтеръ сталъ дуть Веревцову съ правой стороны. Сбитый съ толку, Василій Андреечъ попробовалъ по инерціи отклониться вправо и попалъ въ сугробъ, еще болѣе глубокой, чѣмъ нѣсколько минутъ назадъ. Приходилось не мудрствовать и слѣпо покоряться колеѣ, благо она еще оцупывалась подъ ногами. Саженой тридцать прошли безъ приключеній, потомъ дорога еще свернула влѣво и стала круто подниматься въ гору. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Василій Андреечъ почувствовалъ, что это былъ тотъ же выпуклый откосъ, по которому онъ только что спустился внизъ, и внезапно сообразилъ, въ чемъ дѣло. Онъ сбился на одну изъ встрѣчныхъ дорожекъ и поднимался назадъ въ городъ. Вѣтеръ встать дулъ ему въ спину, онъ поднимался вверхъ довольно бодро и рѣшалъ въ умѣ, попытаться ли снова отыскать мостъ, или лучше вернуться къ Горскимъ и переждать метель.

Однако, дорога, вмѣсто того, чтобы вернуться на улицу, превратилась въ узкую тропинку. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, Василій Андреечъ съ размаху наткнулся на дерево. Это его очень смутило, ибо на этой сторонѣ Сосновки не было никакого лѣса, и онъ напрасно старался понять, откуда взялось дерево. Тропинка углубилась въ лѣсъ. Здѣсь вѣтеръ былъ легче, но на каждомъ шагу онъ наткался на деревья. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ слѣды тропинки исчезли, и ему пришлось пробираться впередъ уже въ глубокомъ снѣгу свозъ густыя тальничныя заросли. Теперь онъ былъ въ полномъ недоумѣніи, ибо такого гу-

стого тальнива вообще не было въ окрестностях Пропаднаго. Онъ какъ будто попалъ въ незнакомую лѣсную глушь и уже испаралъ себѣ руки и лицо въ борьбѣ съ упрямыми вѣтвями, хлеставшими ему въ глаза.

Однако, черезъ десять или пятнадцать минутъ эта фантастическая тайга исчезла такъ же быстро, какъ и появилась, и Верецовъ опять вышелъ на тропинку. Она была узко протоптана и уходила и вправо, и влѣво. Теперь онъ положительно не понималъ, гдѣ находится, но, подумавъ съ минуту, свернулъ на удалую влѣво.

Онъ шелъ чрезвычайно осторожно, постоянно ощупывая землю ногами, чтобы не сбиться съ колен. Но чрезъ нѣсколько минутъ тропинка опять исчезла, онъ очутился въ ложбинѣ, наполненной доверху снѣгомъ, и опять сталъ на каждомъ шагу проваливаться по поясъ; наконецъ, неловко ступивъ, попалъ въ какую-то яму и провалился уже по шею. Мокрый снѣгъ набился ему комьями въ рукава и за воротникъ. Ему стало очень холодно, несмотря на усиленное движеніе. Онъ сталъ карабкаться изъ ямы, но вездѣ кругомъ былъ такой же мягкій и глубокій снѣгъ. Онъ обмялъ вокругъ себя возможно болѣе широкое пространство и сталъ очищать одежду отъ снѣга. Сюда въ ложбину, подъ защитой лѣса, вѣтеръ совсѣмъ не долеталъ, и совершенно сбитый съ толку Верецовъ сталъ подумывать, чтобы дожидаться здѣсь утра. Снѣгъ, однако, валилъ такими густыми и мокрыми хлопьями, что ежеминутно нужно было отряхиваться, чтобы сохранить сухость одежды. Вдругъ прямо передъ собой онъ увидѣлъ какой-то страшный свѣтъ, смутный и мельбающий, похожій на лучъ, падающій изъ освѣщенного окна на дорогу. Свѣтъ былъ, однако, совсѣмъ вверху, такъ высоко, что, если бы не тучи, покрывавшія небо, его можно было бы принять за звѣзду.

— Го-го!—вдругъ закричалъ Верецовъ во всю силу голоса, вытягивая голову по направленію къ свѣту.

— Го! — донеслось черезъ минуту совершенно явственно. Тамъ былъ, очевидно, не только свѣтъ, но и живой человѣкъ. Верецовъ съ неожиданной легкостью вскарабкался вверхъ по направленію къ призыву и очутился на пригоркѣ. Подъ ногами его въ третій разъ оказалась тропинка. Черезъ минуту онъ наткнулся грудью на изгородь, за которой бѣлѣла неясная четверугольная масса человѣческаго жилища. Вся эта мѣстность показалась Верецову до чрезвычайности знакомой. Сдѣлавъ еще два шага, онъ окончательно узналъ свою собственную юрту. Недоумѣе его, конечно, не уменьшилось, ибо онъ не могъ понять даже, какимъ образомъ онъ попалъ на эту сторону рѣки. Во

всякомъ случаѣ теплое жилье было передъ нимъ, и это было лучше всего.

Алексѣевъ стоялъ на крышѣ въ косматой кабардинской буркѣ, которую привезъ съ собою пять лѣтъ тому назадъ. Свѣтъ оказался большимъ фонаремъ, укрѣпленнымъ на длинной палкѣ, которую онъ прислонилъ къ высокой трубѣ, выведенной надъ каминомъ. Импровизированный маякъ и его сторожъ были совсѣмъ подъ стать сумасшедшему ненастью, бушевавшему на дворѣ.

— Славная ночь!—со смѣхомъ сказалъ Алексѣевъ, соскакивая съ крыши и торопливо открывая дверь предъ Веревцовымъ.— Отличная ночь!..

Лицо его сіяло дикой радостью. Косматая голова, торчавшая изъ такой же косматой бурки и полузанесенная снѣгомъ, давала ему видъ какого-то фантастическаго лѣшаго, которому мѣсто въ глубинѣ тайги, а не въ человѣческомъ домѣ.

— Они не пришли сюда!—продолжалъ онъ съ торжествомъ въ голосъ, помогая озябшему Веревцову перебраться черезъ порогъ.— У васъ славный домъ... Далекое, глухо!.. Кругомъ лѣсъ... Я думаю, они совсѣмъ не будутъ сюда ходить... Какъ вы думаете?..

Веревцовъ съ изумленіемъ смотрѣлъ вокругъ себя; онъ не узнавалъ своего жилища. Его новый товарищъ успѣлъ за нѣсколько часовъ передѣлать невѣроятное множество дѣла. Полъ былъ чисто выскобленъ и вымытъ. Всѣ окна освобождены изъ подъ травяной покрывки, и оконныя льдины скоблены отъ инея. Даже кровать Веревцова была тщательно выскоблена и вытерта тряпкой.

Вмѣсто верстака стояло другое ложе, сбитое изъ деревянныхъ плахъ, но живописно задрапированное одѣяломъ. Столъ былъ застланъ скатертью, и на немъ горѣли двѣ стеариновыя свѣчи. Даже каминъ былъ выбѣленъ мѣломъ. Въ глубинѣ его передъ огромной загнетой горячихъ углей стоялъ готовый чайникъ съ чаемъ и три горшка съ различными снѣдями.

— Каково?—спросилъ Алексѣевъ съ наивнымъ торжествомъ. Видите, какой я проворный!.. Уже домой сбѣгаль и вещи привезъ, да и салазки вмѣстѣ, пускай тутъ стоятъ!..

Онъ проворно разгребъ загнетку и затопилъ каминъ.

— И фонарь я тоже склеилъ,—продолжалъ онъ,—изъ рыбьей кожи. Думаю, нужно маякъ устроить, а то Василій Андреечъ дорогу не найдетъ.

А дровъ у меня много,—прибавилъ онъ, помѣшывая въ каминъ,—мы ихъ перевеземъ на салазкахъ. Во всю зиму не истопишь.

— Теперь садитесь, угощайтесь!..

Онъ стащилъ съ Веревцова куртку и усадилъ его на мѣсто

съ таковой осторожностью, какъ будто Василій Андреечъ былъ разслабленный.

— Видите, я ужинъ сварилъ! — указалъ онъ на горшки. — Супъ съ грибами, каша. На обоихъ хватить... Я тоже не буду ѣсть мяса, какъ вы. Я хочу жить, какъ вы живете.

Василій Андреечъ слушалъ съ удивленіемъ, не совсѣмъ довѣряя превращенію своего гостя, но Алексѣевъ тотчасъ же угадалъ его мысли.

— Мы съ вами все такъ жить будемъ, — сказалъ онъ, — вы же думайте. Лишь бы они не ходили... Будемъ жить, какъ въ бракѣ. Я буду мужъ, а вы будете жена, или, если хотите, вы будете мужъ, а я буду жена. Или будемъ два мужа, или двѣ жены, какъ вамъ угодно.

Настроеніе его было нѣсколько шумно, но онъ весь сіялъ отъ радости.

— Лишь бы они не ходили сюда! — повторялъ онъ. — Вотъ увидите, что мы надѣлаемъ. Лишь бы въ покой насъ оставили!..

Онъ былъ такъ возбужденъ своими новыми надеждами, что послѣ того, какъ свѣчи были погашены, и они улеглись спать, еще неоднократно окликалъ Верецовъ.

— Видите, видите! — повторялъ онъ. — Ихъ нѣтъ. Вы запретили имъ ходить... Пускай же они не ходятъ! Увидите, какъ мы будемъ жить!..

Утомленный Верецовъ не слушалъ и заснулъ; но и во снѣ ему мерещилась оригинальная фигура, полузанесенная снѣгомъ и похожая на лѣшаго, стоявшая на крышѣ съ фонаремъ на длинной палкѣ и бормотавшая, какъ заклинаніе:

— Пускай они не ходятъ! Не надо ихъ! Пускай они не ходятъ!

Снѣгъ въ этомъ году сошелъ довольно рано, но рѣка все не могла вскрыться. Днемъ солнце пригрѣвало, мерзлая земля оттаивала и раскисала на припежѣ, но къ полудню опять становилась твердою, какъ камень. Трехаршинный ледъ такъ крѣпко примерзъ закраинами къ тинистому берегу, что даже неустанная сила бѣгущей воды все еще не могла оторвать его долой и унести съ собою. Верецовъ и Алексѣевъ возились съ утра до вечера, обстраивая будущіе огороды. Длинные рамы парника уже стояли на южной сторонѣ юрты, поблескивая на солнцѣ новыми стеклами. Многія стекла разбились, но Алексѣевъ искусно склеилъ ихъ замазкой собственнаго изобрѣтенія изъ творогу, смѣшаннаго съ пескомъ и рыбьимъ жиромъ, и они дѣйствовали какъ ни въ чемъ не бывало. За парникомъ тянулись гряды, окруженныя заборомъ; нѣкоторые были даже вскопаны, несмотря на ночные заморозки. Сѣмена были высажены въ горшки и деревянные латки.

*

Къ полудню ихъ выносили на дворъ и расставляли на крышѣ длинными рядами, а къ вечеру убрали въ юрту. Теперь юрта имѣла болѣе веселый видъ. Сталактиты давно оттаяли, и нѣсколькo времени тому назадъ Алексѣевъ дошелъ до такой предприимчивости, что заново оклеилъ всѣ стѣны газетной бумагой къ великому ущербу куля съ мукой, стоявшаго за печкой, изъ котораго онъ бралъ муку для клейстера. Съ самаго своего переселенія къ Веревцеву, онъ тоже сталъ вегетаріанцемъ, и перемѣна пищи, повидимому, благотворно повліяла на его здоровье. Кошмары почти совершенно исчезли, особенно съ наступленіемъ весны, и въ настоящее время онъ равнодушно относился къ тому, ходятъ ли не ходятъ гости въ юрту. Заинтересоваться опять общеніемъ съ другими онъ не могъ, ибо его общественные интересы были убиты зимними невздами.

Однако онъ ревностно участвовалъ въ приготовленіяхъ къ праздникамъ и особенно тщательно очищалъ косяки и полы, желая, чтобы старое жилище выглядѣло попризвлекательнѣе. Но въ послѣдніа недѣли ему пришлось забросить чистоту. Горшки и фляги съ рассадой къ вечеру до такой степени наполняли юрту, что негдѣ было пройти. Пріатели убрали столы и кровати и спали въ темномъ углу, гдѣ раньше стоялъ ушатъ съ водой и хранилась грязная посуда. Колоды и стойки для водопровода тоже были готовы, но все еще лежали на крышѣ, такъ какъ можно было опасаться, что половодье затопитъ все мѣсто, кромѣ холма, на которомъ стояла юрта. Наконецъ, въ одно утро товарищи, выйдя на дворъ, неожиданно увидали воду рѣчки у самой своей двери. Ночью начался ледоходъ, и всѣ протоки Пропады мгновенно переполнились и вышли изъ береговъ. Ледъ шелъ по рѣкѣ густой массой, спираясь и громоздясь вверхъ огромными глыбами и надвигаясь на берегъ, прорывалъ глубокія борозды въ прибрежной галькѣ и срывалъ цѣлые куски яровъ съ растущими на нихъ деревьями. Къ полудню ниже города ледоходъ совсѣмъ остановился; вода стала подниматься и затопила городъ. Наступила обычная весенняя картина. Всѣ низкія мѣста обратились въ озера. Амбары и лодки, стоявшія ниже, были унесены, или изломаны въ щепе. Въ половинѣ домовъ было наводненіе; жители переселились на крыши или перебрались въ лодки, привязанныя къ столбамъ полузатопленныхъ оградъ. Многіе спаслись въ церковь, стоящую на высокомъ холмѣ среди города.

Юрта, построенная въ сторонѣ, составляла уединенный островъ, и обитатели ея были совершенно отрѣзаны.

Къ счастью вода не добралась до парника, устроеннаго на склонѣ холма; гряды были затоплены, но это не могло принести имъ вреда. Къ вечеру заторъ разорвался, и вода спала. Въ те-

ченіе слѣдующихъ дней было еще два или три затора, хотя и не такихъ большихъ. Наконецъ главную массу льда пронесло внизъ; рѣка очистилась, и настало лѣто. На другой день земля какъ по волшебству покрылась зеленымъ ковромъ, на всѣхъ деревьяхъ развернулись почки.

Еще черезъ два дня въ травѣ появились головки ландышей, и на вѣтвяхъ тальника стали завиваться барашки. Всевозможныя птицы съ непрерывнымъ гамомъ и стрекотаньемъ летѣли вдоль рѣки на сѣверъ. Воздухъ наполнился пріятнымъ смолистымъ запахомъ лиственницы и ползучаго ведра. Природа торопилась, ибо ей нужно было начать и окончить цѣлую вереницу мелкихъ и крупныхъ дѣлъ за два короткихъ мѣсяца праздничнаго лѣтняго приволья.

Цвѣтоводство и огородничество Веревцова и Алексѣева было въ полномъ разгарѣ работъ, какъ свидѣтельствовала даже вывѣска, тайно нарисованная Банерманомъ и повѣшенная ночью на деревѣ, чтобы сдѣлать Василию Андричу сюрпризъ. На вывѣскѣ была изображена чудовищная телѣга, нагруженная доверху различными произведеніями сельской природы, а Веревцовъ въ повѣ Цинцинната стоялъ возлѣ, опираясь ногою на заступъ и безмолвно предлагалъ прохожимъ свои дары.

Картофель, капуста и брюква были пересажены въ грядки, а огурцы и цвѣты въ парникъ. Обыватели каждый день приходили къ юртѣ полюбоваться на невиданное зрѣлище, такъ какъ парника и водопровода никогда еще не было въ Пропадинскѣ. Лужайка передъ юртой сдѣлалась любимымъ мѣстомъ собранія для городскихъ мальчишекъ, которые въ особенности любили наблюдать, какъ длинный оцепь спускается и подымается надъ рѣкой, точно долговязая шея огромной птицы, пьющей воду. Мальчишки впрочемъ держались на почтительномъ разстояніи. Длинные ноги Веревцова и косматая голова Алексѣева внушали имъ робость. Въ городѣ къ тому же ходили смутные слухи, что въ невиданной затѣѣ пришлыхъ людей не обошлось безъ лѣшаго, который именно и перетаскалъ изъ лѣсу всѣ эти огромныя колоды.

Лѣто быстро подвигалось впередъ. Посѣвы поднялись на славу. Огородъ покрылся широкой и плотной зеленью. Первые тонкіе листочки будущихъ капустныхъ вилокъ стали курчавиться и свиваться вмѣстѣ. Желтые цвѣточки огурцовъ отцвѣтали въ парникѣ и мѣстами зеленое донышко цвѣточной чашки уже стало удлиняться, принимая характерную овальную форму. Большая часть колоніи разѣхалась по рыболовнымъ заимкамъ, городъ опустѣлъ, остались только нѣсколько нищихъ старухъ на Голодномъ Концѣ, больные въ больницѣ, два попа пропадинской церкви, да цѣлое стадо бродячихъ собакъ, отпущенныхъ до осени на волю.

Собаки, однако, приносили Веревцову больше испытаній, чѣмъ люди. Онѣ разсматривали межи между огородными грядами, какъ мѣсто, специально назначенное для бѣга взапуски и всевозможныхъ ристалищъ. Изгородь, устроенная Веревцовымъ вокругъ поствоя, еще ухудшила дѣло. Собаки каждую ночь продѣлывали новую лазейку, но въ рѣшительную минуту забывали все и, преслѣдуемая хозяевами, металась изъ стороны въ сторону, каждымъ прыжкомъ уничтожая юную редиску или полную свѣжаго сока рѣпу. Впрочемъ, онѣ слишкомъ привыкли къ ударамъ, чтобы обращать на нихъ вниманіе. Лѣто было для нихъ праздникомъ, такъ какъ лѣтомъ не было запряжки, и онѣ старались насладиться по своему свободой и тепломъ.

Веревцовъ и Алексѣевъ не отлучались отъ огорода и сторожили свои работы. Веревцовъ сплелъ травяные маты во всю ширину огорода, чтобы закрывать гряды при ночныхъ морозахъ, которые должны были начаться со дня на день. Съ парникомъ онъ возился, какъ съ больнымъ ребенкомъ, то открывая его, чтобы огурцы погрѣлись на солнцѣ, то поспѣшно закрывая опять при первомъ намекѣ на охлажденіе воздуха. Цвѣты расцвѣли и отцвѣли, но ему некому было дарить букеты, ибо ни одной дамы не было въ городѣ, и, въ концѣ концовъ, онъ сосредоточилъ всѣ свои упованія на прозаическихъ, но болѣе полезныхъ дарахъ огородной Помоны.

Вечерняя заря снова оторвалась отъ утренней, и темный промежутокъ становился все длиннѣе. Комарь, мошка, всяческій гнусъ первой половины лѣта ослабѣли и стали безвредны, настало самое лучшее время полярнаго года. Днемъ было тихо и тепло, но въ полночь если небо было ясно, холодъ давалъ себя знать. Работы около огорода было совсѣмъ мало. Алексѣевъ сталъ ставить сѣти по рѣчкѣ въ трехъ верстахъ отъ ихъ усадьбы. У нихъ теперь была своя небольшая лодка, и они ѣздили вдвоемъ на высмотръ рыбы. По берегамъ рѣчки они начали заодно собирать въ груды сухой лѣсъ, намѣреваясь вывозить его зимою по санной дорогѣ. Веревцовъ снова затѣялъ сплавить плотъ, и вчерашній день до поздняго вечера компаньоны сгруживали бревна на вольной водѣ и связывали ихъ вмѣстѣ гибкими тальничными вѣтвями.

Солнце только что взошло, и густая роса, осѣвшая за ночь на траву, поднималась ему навстрѣчу бѣлыми клубами тумана. На дворѣ было сыро и довольно прохладно, но въ юртѣ, гдѣ каминъ топился ежедневно, было сухо и тепло. Компаньоны устали вчера отъ мокрой работы и разоспались на славу. Алексѣевъ вообще теперь спалъ очень крѣпко, какъ будто хотѣлъ вознаграждать себя за зимніе страхи и бессонницы. Вдругъ со двора

долетѣлъ жалобный звонъ разбитаго стекла. Веревцовъ поднялъ голову, посмотрѣлъ вокругъ себя и сѣлъ на постели; онъ, очевидно, не могъ понять, въ чемъ дѣло. Звонъ повторился, сопровождаемый собачьимъ визгомъ. Веревцовъ сорвался съ постели и, какъ былъ, безъ сапогъ и въ одномъ бѣльѣ, выбѣжавъ на дворъ. Зрѣлище, представившееся ему, чуть не заставило подняться его волосы дыбомъ.

Какой-то предприимчивый щенокъ, перебравшись черезъ ограду вздумалъ выбрать себѣ бѣговой ареной стеклянную крышу парника и до тѣхъ поръ бѣгалъ взадъ и впередъ, пока одно стекло, не вѣрнко державшееся, расколосось пополамъ и, половина упала внизъ. Щенокъ былъ настолько неловокъ, что провалился въ отверстіе, но уцѣпился передними лапами за деревянную раму и, стараясь выкарабкаться, сломалъ остатокъ стекла. Онъ очевидно обрѣзалъ себѣ лапу, ибо подошва была въ крови, которая испачкала также косякъ рамы и упала нѣсколькими розовыми каплями на гладкую поверхность стекла. Онъ бился и царапалъ когтями раму и все балансировалъ, отказываясь свалиться внизъ и не имѣя достаточно опоры, чтобы вылѣзть наружу.

— Что ты дѣлаешь?—воскликнулъ Веревцовъ, обращаясь къ щенку, какъ къ человѣку.

При видѣ набѣгающаго врага щенокъ взвизгнулъ и усиленно рванулъ изъ стеклянной западни.

— Пошелъ, пошелъ!—отчаяннымъ голосомъ кричалъ Веревцовъ.—Огурцы потопчешь!..

Щенокъ сдѣлалъ послѣднее усиліе и, выскочивъ изъ парника, пустился прыгать по капустнымъ грядкамъ. Веревцовъ вдругъ схватилъ обломокъ жерди, валявшійся на землѣ.

— Я буду защищаться!—крикнулъ онъ еще громче прежняго и, размахивая оружіемъ, пустился въ погоню за четвероногимъ неврѣтелемъ.

Двѣ другія собаки появились неизвѣстно откуда, какъ будто выросли изъ-подъ земли и принялись метаться взадъ и впередъ, увеличивая суматоху. Алексѣевъ выскочилъ изъ юрты тоже съ палкой и сдѣлалъ на собакъ такое стремительное и удачное нападеніе, что онѣ сразу перескочили черезъ изгородь въ томъ мѣстѣ, гдѣ она была пониже. Въ лѣвомъ углу огорода онъ отыскалъ подкопъ и сталъ тщательно разгребать землю, увеличивая лавейку.

— Что вы дѣлаете?—удивленно спросилъ Веревцовъ.—Онъ совсѣмъ запыхался не столько отъ бѣготни, сколько отъ волненія; это было его первое сраженіе съ живыми существами.

— Петлю наставляю! — свирѣпо объяснилъ Алексѣевъ. — Пусть хоть одна попадетъ. Надо ихъ проучить.

Онъ приладилъ въ отверстіи подкопа крѣпкую веревочную петлю съ тѣмъ расчетомъ, чтобы она соскользнула на шею перваго дерзкаго животного, которое попытается пробраться въ ограду.

— Вяжите покрѣпче!—поддерживалъ его Веревцовъ.—Пусть попадутъ!.. Онѣ нападаютъ, мы будемъ защищаться.

Вониственныя страсти, которыя дремятъ въ каждой, даже самой мирной груди, проснулись и у Веревцова, и онъ готовъ былъ защищать свои посадки отъ всего свѣта.

Однако, драгоценныя огурцы были совершенно невредимы.

Только двухъ стеколъ не хватало въ парникѣ, но Алексѣевъ придумалъ замѣнить ихъ налимьей кожей, изъ которой туземцы шиваютъ волоковыя обна.

Небо хмурилось, какъ бы сочувствуя огорченію двухъ товарищей. Подулъ холодный сѣверный вѣтеръ. Несмотря на приближеніе полудня, воздухъ становился холоднѣе. Тучи были какого-то страннаго свѣтло-кофейнаго, почти желтоватаго цвѣта.

— Будетъ снѣгъ!—сказалъ Алексѣевъ, внимательно посмотрѣвъ на западъ.

— Какой снѣгъ! — протестовалъ Веревкинъ. — Теперь вѣдь лѣто!..

— Въ позапрошломъ году выпалъ снѣгъ по колѣно, — сказалъ Алексѣевъ, — въ іюлѣ, въ концѣ. Мы думали, рѣка станетъ.

— Да, вотъ, онъ идетъ!—прибавилъ Алексѣевъ, указывая на нѣсколько бѣлыхъ пушинокъ, промелькнувшихъ въ воздухѣ. — Легкокъ на поминѣ...

Компаньоны бросились закрывать гряды циновками. Снѣгъ тотчасъ же пересталъ, но температура упорно понижалась. Вѣтеръ становился крѣпче и пригонялъ съ сѣвера все новыя тучи свѣтло-кофейныхъ облаковъ. Первый августовскій утренникъ готовился на славу.

Въ ночи облака порѣдѣли и разорвались клочьями, солнце зашло въ ярко-багровомъ заревѣ. Стало такъ холодно, что земля сразу окостенѣла и звенѣла подъ ногами, какъ осенью. Лужи покрылись тонкимъ ледянымъ саломъ, даже въ колодѣ водопровода вода подернулась льдомъ.

Компаньоны покрыли парникъ всѣми циновками и тряпками, какія нашлись въ юртѣ. Даже одѣяла съ постелей пошли въ ходъ, хотя и въ юртѣ съ непривычки стало холодно. Но Алексѣевъ топилъ каминъ, какъ зимою.

Въ полночи насталъ настоящій морозъ. Компаньоны двадцать разъ выходили провѣдывать огородъ, но на дворѣ было темно, только холодный вѣтеръ щипалъ уши и щеки. Противъ этого холода нельзя было ничего сдѣлать, развѣ только втащить парникъ и всѣ гряды въ домъ.

Наконецъ вернувшись со двора въ десятый разъ, Веревцовъ улегся на кровать и повернулся къ стѣнѣ, демонстративно дѣлая видъ, что хочетъ заснуть. Алексѣевъ опять поставилъ дровъ въ каминъ и сталъ варить себѣ чай, но и онъ больше не выходилъ на дворъ.

Съ утра стало теплѣе; вѣтеръ сошелъ на западъ, тучи опять сгустились, и пошелъ дождь. Теперь можно было открыть и осмотрѣть гряды. Оказалось, что капуста, лукъ и картофель, выращенныя на вольномъ воздухѣ, сумѣли выдержать холодъ и мало пострадали. Но бѣдные огурцы окостенѣли въ своей деревянной коробкѣ. Самые крупные листья свернулись, точно отъ огня, и большая половина стеблей наклонила голову внизъ, какъ бы признавая себя побѣжденными.

Веревцовъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на маленькіе зеленые огурчики, которымъ уже не суждено было вырасти, и вдругъ погрозилъ тучамъ кулакомъ. Въ защиту своего огорода онъ былъ готовъ на борьбу даже съ небесами, но этотъ врагъ былъ слишкомъ могуществененъ, и противъ него не помогали ни палки, ни петли.

Послѣ перваго утренника опять настала ясная и теплая погода. Первый приступъ осенней ярости истощился сразу и снова далъ передышку испуганной природѣ. Парникъ наполовину увялъ, но огородныя гряды процвѣтали какъ нельзя лучше. Картофель и рѣпа были въ землѣ, но капустные вилки побѣлѣли; завивались все крѣпче и крѣпче и лежали на землѣ, какъ большія свѣтло-зеленыя ядра. Жители туземные и пришлые стали съѣзжаться. Около юрты каждый день опять являлись любопытные посѣтители. Капуста завилась въ Пропадинскѣ въ первый разъ. Попъ и исправникъ прислали просьбу продать имъ часть капусты. Они тоже питались рыбой, какъ и всѣ остальные жители, и свѣжіе овощи были для нихъ новинкой.

Наконецъ, наступилъ апофеозъ. Всѣ наличные члены колоніи собрались въ огородъ. Мальчишки со всего города тоже сбѣжались любоваться, какъ русскіе люди дѣлать земляную ѣду.

Овощи были выдерганы, срѣзаны и сложены въ кучу. Луку и картофелю было мало, но рѣдька, рѣпа и морковь лежали грудой; главное же украшеніе составляли двѣсти большихъ вилокъ капусты, сложенныхъ вмѣстѣ въ большой бѣлый холмъ. На этотъ разъ Веревцовъ не сталъ устраивать лоттерей. Онъ взялъ себѣ съ Алексѣевымъ пятую часть сбора, а остальное подѣлилъ поровну между всѣми.

Никакія отговорки не помогали.

— Я даже исправнику послалъ, — сурово возражалъ Веревцовъ, — и попамъ. И они вняли. Тѣмъ болѣе вы!.. А намъ вдвоемъ сорокъ вочней довольно за глаза...

Въ концѣ концовъ, на свѣжемъ воздухѣ около юрты устроился импровизированный праздникъ. Дамы сварили обѣдъ со свѣжими овощами. Горскій сходилъ въ городъ и досталъ у одного изъ своихъ многочисленныхъ кліентовъ двѣ бутылки наливки, а Полозовъ принесъ спирту изъ кабака.

Послѣ обѣда на гладкой площадкѣ передъ водопроводомъ устроились даже танцы.

Банерманъ такъ разошелся, что сказалъ Веревцову рѣчь.

— Ты!— сказалъ онъ — Ты!.. Великій ты!.. Ты открылъ въ Пропадинскѣ новую земледѣльческую эру. Остается только измѣнить климатъ и уничтожить мерзлоту почвы, и вокругъ Голоднаго Конца будетъ процвѣтать даже пшеница.

Гдѣ прежде въ Капитоліи судилися цари,—

затянулъ Черноморъ тонкой фистулой. Маленькій человекъ очень любилъ пѣніе и всегда бралъ на себя роль запѣвалы.

Тамъ въ наши времена сидятъ пономари,—

отвѣчалъ Полозовъ грубымъ, какъ бы даже одутловатымъ басомъ.

Гдѣ прежде процвѣтала троянская столица,

Тамъ въ наши времена посѣяна пшеница!

Банерманъ досталъ гребенку и папиросной бумаги и подыгривалъ съ большимъ искусствомъ, Ястребовъ трубилъ въ трубу, свернутую изъ двухъ газетныхъ листовъ.

Ковзаріумъ, ковзаріумъ,

Три бомъ-бомъ-бомъ, три бомъ-бомъ-бомъ!..

Далеко разносился припѣвъ, знаменуя наступленіе новой земледѣльческой эры на рѣкѣ Пропадѣ.

Тань.

КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СКУЛЬПТОРОМЪ.

(Изъ моихъ воспоминаній *).

Мнѣ было десять лѣтъ, когда я сталъ вырѣзывать изъ камня разные вещицы. Камень, изъ котораго я работалъ, довольно твердый, его дома употребляли для точенія ножей. Орудіемъ для вырѣзыванія служилъ мнѣ перочинный ножикъ и заостренные гвозди отъ подковъ: гвозди эти я находилъ на улицѣ и на порогахъ ихъ оттачивалъ. Помню, первая моя вещь была—старинный шкафъ, открытый; въ немъ книги и другія вещи лежали въ беспорядкѣ на разныхъ полкахъ. Затѣмъ я сдѣлалъ многоэтажный домъ съ черепичной крышей, трубами, окнами, балконами, воротами и всѣми прочими деталями; ничего не было пропущено. Наконецъ, я вырѣзалъ человѣческую фигуру: стараго еврея, собирающаго милостыню.

Не помню, что дало мнѣ толчокъ къ этому занятію. Въ городѣ Вильнѣ я никогда не видалъ никакого художественнаго произведенія: у евреевъ скульптурныя изображенія запрещены религіей. Не только въ синагогѣ, но и въ домѣ набожнаго еврея, не должно существовать изображенія человѣка или животнаго. Рожки нашей люстры были всегда залѣплены воскомъ, потому что на нихъ были изображены человѣчскія лица. И въ городѣ тогда не было никакого памятника, никакой

*) Авторъ этихъ записокъ—Илья Яковлевичъ Гинцбургъ—скульпторъ-жанристъ; лѣнитъ преимущественно сцены изъ дѣтской жизни (больше 20 дѣтскихъ группъ и статуй). *Группы*: «Интересная сказка» (музей Императорской академіи художествъ), «Послѣ купанья», «Масло жмутъ», «Подсказываетъ» и др. *Статуи*: «Мальчикъ спускающійся въ воду», «Маленькій музыкантъ» (музей Императора Александра III), «Со звѣздою», «Дѣвочка съ хлѣбомъ и молокомъ», «Послѣ урока», «Наказанный», «Эквивалбристъ» и др. *Портретныя статуэтки* съ натуры замѣчательныхъ русскихъ людей (около 20 статуэтокъ): Графъ Л. Н. Толстой, Чайковский, Рубинштейнъ, Стасовъ, Менделѣевъ, Рѣпинъ, Верещагинъ, Антокольскій, Айвазовскій, Кони и др. *Историческая жанровая группа*: «Донъ-Кихотъ и Санчо-Пансо». *Бюсты*: Графа Л. Н. Толстого, Менделѣева, Бутлерова, Зинина, Спасовича, Гаршина, Боткина и др. Работы эти были на выставкахъ въ Петербургѣ и за границей. (Золотая медаль на послѣдней всемирной выставкѣ въ Парижѣ).

Биографическія свѣдѣнія до 1889 года смотри у Булгакова «Наши художники».

Ред.

статуи. Единственная скульптура, это были извѣстные «Болваны Тышкевича»—такъ назывались каріатиды на домѣ графа Тышкевича. Изъ камня многіе молодые евреи дѣлали печатки, которымъ иногда придавался видъ греческой колонки или тумбочки, украшенной орнаментами, плетущками. Но фигуры человѣческой я не видалъ, орнаментовъ я не любилъ; также не заботился я о томъ, чтобы работа моя имѣла практическое примѣненіе.

Моя мать (отца не было въ живыхъ; онъ умеръ, когда мнѣ было три года) очень непріязненно относилась къ моей работѣ, въ которой видѣла отвлеченіе отъ ученія Талмуда. Я тогда еще учился въ хедерѣ (еврейская школа) и оказывалъ такіе успѣхи, что несмотря на мою молодость, мнѣ хотѣли предоставить самостоятельно заниматься наравнѣ со взрослыми въ синагогѣ. Какъ и другихъ братьевъ, меня прочли въ раввины, и находили, что у меня недюжинныя способности къ Талмуду.

Мое «баловство», такъ называла мать занятія мои скульптурой, часто преслѣдовалось, и нерѣдко работы мои вмѣстѣ съ инструментами мать выбрасывала въ окно на улицу. Это заставило меня скрывать отъ нея работу, и я выбиралъ безопасное мѣсто и время для занятія любимымъ дѣломъ. Готовую работу я показывалъ охотно сестрамъ, которыя сочувственно ко мнѣ относились и даже ободряли меня. Онѣ втихомолку почитывали нѣмецкихъ классиковъ и романы, и знали, что мое занятіе не баловство, а искусство, которое почитается. Также часто хваливалъ мою работу старикъ-рѣзчикъ печатей Грилихесъ. Его сынъ учился медальерному искусству въ Академіи, и потому его замѣчанія и рассказы объ искусствѣ имѣли для меня особенный вѣсъ. Отъ него же впервые услышалъ я имя Антокольскаго.

Случилось такъ, что моя мать по дѣламъ уѣхала въ Петербургъ. Въ это время пріѣхалъ въ Виѣно Антокольскій. Это было въ іюнѣ 1870 г. Старикъ Грилихесъ прибѣжалъ сказать, что знаменитый Антокольскій хочетъ видѣть мои работы, и чтобы я принесъ ихъ показать. И вотъ, на слѣдующій же день, причесанный и умытый, я отправился съ сильнѣйшимъ біеніемъ сердца, неся въ самодѣльной коробкѣ свои грѣхи, а можетъ быть и свои трофеи.

Помню какъ теперь свѣтлый, красивый магазинъ рѣзчика Грилихеса. На обширномъ столѣ разбросано безчисленное множество инструментовъ, не то что мои гвозди, а удобные, красивые, о которыхъ я всегда мечталъ. На самомъ окнѣ красовались разныхъ цвѣтовъ блестящія печатки, предметы моего постоянного любопытства. Самъ Грилихесъ, бѣлый, какъ праотецъ, съ безконечной, длинной бородой, о которой говорили, что она была спрятана подъ его платье, ибо ея конецъ достигалъ до пола, сидѣлъ, углубившись въ свою работу, а рядомъ съ нимъ, на креслѣ сидѣлъ онъ, мой знаменитый судья.

Всегда въ моемъ воображеніи великій скульпторъ представлялся мнѣ большого роста, просто одѣтымъ и добродушнымъ. Но увидѣлъ я

щегольски одѣтую небольшую фигуру, на плечахъ небрежно наброшенъ коричневый пладъ и на одной рукѣ перчатка. Бросился мнѣ въ глаза красивый, выпуклый, бѣлый лобъ, надъ которымъ подымалась шапка курчавыхъ черныхъ волосъ. Глубоко сидящіе черные глаза пронзительно на меня посмотрѣли.

Я оробѣлъ. Лицо показалось мнѣ суровымъ, строгимъ. Особенную суровость придавали крѣпкіе, прямые волосы на бородѣ и на усахъ. Все лицо дышало энергіей, и въ то же время какое-то недовольство выражали нѣкоторыя черты лица.

Внимательно осмотрѣвъ работы, Антокольскій взялъ меня между коленъ, и, стараясь поднять упорно опущенную голову мою, спросилъ:

— А хочешь со мной поѣхать въ Петербургъ? Тамъ будешь у меня заниматься. Хочешь?—Но вѣроятно по выраженію моего лица трудно было ожидать отвѣта, и потому онъ прибавилъ. Приходи завтра съ твоимъ старшимъ братомъ; съ нимъ поговорю. Кстати, принеси инструменты, которыми работаешь.

Въ страшномъ волненіи, не помня себя отъ радости, я выбѣжалъ на улицу и влетѣлъ въ домъ весь сіяющій и торжествующій. Долго не могли сестры добиться отъ меня толковаго разсказа о случившемся. Рассказывая, я все всхлипывалъ, путалъ слова, а когда я дошелъ до предложенія Антокольскаго поѣхать съ нимъ въ Петербургъ, то разразился долгимъ рыданіемъ. Сталъ я всѣхъ упрекать, что мною, какъ младшимъ въ семьѣ, только распоряжаются для домашнихъ услугъ, но судьбой моею никто не интересуется.

Сестры не ожидали такого успѣха; не думали онѣ, что знаменитый Антокольскій одобритъ мою работу. Представилось имъ, что я уже въ Петербургѣ и дѣлаюсь знаменитымъ художникомъ; вспомнились имъ разсказы о художникахъ, которые происходили изъ бѣдныхъ семей, какъ потомъ о нихъ говорили. Вспомнилась имъ и собственная жизнь: какъ онѣ еще съ дѣтства мечтали объ образованіи, но по бѣдности приходилось имъ самоучкой научиться читать и писать по-русски и по-нѣмецки, какъ онѣ потомъ набросились на чтеніе, и какъ мать была недовольна тѣмъ, что онѣ читаютъ свѣтскія книги, а не религіозныя. Теперь, думали онѣ, хоть бы ему удалось достигъ того, къ чему онѣ стремятся.

Съ нетерпѣніемъ дождались мы брата, и тутъ повторилась та же сцена, только вмѣсто одного моего безтолковаго разсказа получилось три: мы всѣ перебывали другъ друга, больше нападали на брата за его постоянное непониманіе искусства, за его равнодушіе къ судьбѣ будущаго художника. И на брата произвело глубокое впечатлѣніе то, что чужой человѣкъ хочетъ меня взять къ себѣ и учить. Воспитанный въ духѣ глубоко-религіозномъ, братъ мой, какъ почти всѣ другіе братья (насъ было пять братьевъ и три сестры), готовился въ равнины, окончилъ равнинское училище и слылъ за хорошаго талмудиста. Въ

послѣднее время онъ увлекался математикой и мечталъ получить высшее образованіе. Стали совѣщаться и порѣшили немедленно написать обо всемъ матери, и просить отпустить меня въ Петербургъ.

На слѣдующій день я пошелъ съ братомъ въ магазинъ Гримлихеса. Антокольскій тамъ насъ ждалъ. Онъ тщательно осмотрѣлъ мои инструменты, разспрашивалъ, какъ ихъ сдѣлалъ, и еще настойчивѣе сталъ упрашивать брата отпустить меня съ нимъ въ Петербургъ.

Братъ отвѣтилъ, что все зависитъ отъ матери, которой уже послано письмо. Отвѣтъ отъ матери получился неблагоприятный: она въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ запретила мнѣ пріѣхать подѣ страхомъ немедленной отправки домой. Мотивировала она свой отказъ тѣмъ, что не могла дозволить сыну своего благочестивѣйшаго мужа (отецъ мой былъ раввинъ и писатель) жить въ Петербургѣ, гдѣ порядочный еврей не въ состояніи вести жизнь въ духѣ благочестія и набожности.

Я былъ въ отчаяніи, сестры также; братъ долженъ былъ этотъ отвѣтъ передать Антокольскому. Слухъ о предложеніи Антокольскаго взять меня въ Петербургъ и отказъ матери распространился среди всѣхъ нашихъ родственниковъ и знакомыхъ. Всѣ обсуждали этотъ вопросъ; мнѣ сочувствовали и меня жалѣли. Наконецъ, когда Антокольскій объявилъ брату, что черезъ три дня онъ уѣзжаетъ и и потому просилъ рѣшительнаго отвѣта, мы всѣ переполошились: боялись упустить моментъ. Антокольскій сказалъ:

— Совѣтую хорошенько подумать, ибо если теперь не отпустите его, то потомъ мнѣ не представится другого случая и возможности взять его съ собой.

Стали всѣ думать, какъ рѣшить, и подѣ давленіемъ знакомыхъ, а главное—сестеръ, братъ придумалъ слѣдующее: онъ передастъ рѣшеніе этого дѣла дѣдушкѣ, въ совѣщаніи съ другими набожными евреями. Это совѣщаніе или судъ долженъ былъ имѣть рѣшающее значеніе для матери, ибо она обожала дѣдушку, который былъ извѣстенъ во всемъ городѣ какъ набожный и честяѣйшій человекъ. Къ нему часто обращались за совѣтами по разнымъ дѣламъ, и нерѣдко онъ бывалъ третейскимъ судьей. Его почитали какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ набожные, такъ и ненабожные евреи. Съ другой стороны, этимъ способомъ братъ слагалъ съ себя отвѣтственность въ случаѣ, если бы рѣшеніе дѣдушки противорѣчило рѣшенію матери.

И вотъ, вторично предсталъ я передъ судомъ, но болѣе страшнымъ и неуловимымъ. Сердце мое еще сильнѣе бьется, ибо теперь я былъ убѣжденъ, что работа моя одобрена великимъ авторитетомъ, а все зависѣло отъ приговора старыхъ людей, никогда не выдавшихъ ничего художественнаго и по религіознымъ взглядамъ своимъ осуждавшихъ скульптуру. Предварительно братъ рассказалъ дѣдушкѣ объ Антокольскомъ, о моихъ работахъ. Дѣдушка удивился, что раньше мать ему ничего не говорила о моихъ бездѣлушкахъ (мать боялась этимъ огорчать его); и

вотъ я съ трепетомъ показываю своимъ камешки. Бабушка, вѣчно живая, суетливая, первая полюбопытствовала, и увидавъ ихъ, всплеснула руками и воскликнула:

— Да вѣдь это идолы! Даже грѣшно смотрѣть. Это погано для еврейскаго глаза.

Дѣло мое пропало, подумалъ я, провалился, я, несчастный. Не смотрю: дѣдушка держитъ крѣпко въ рукахъ мои идолы. Онъ тщательно ихъ разсматриваетъ, улыбается, качаетъ головою, гладитъ меня по головѣ, приговаривая:

— Какой ты искусникъ, какъ все у тебя точно, вѣрно! Ничего ты не пропустилъ!

И это говорить семидесятипятилѣтній святой старецъ, никогда въ жизни не видавшій ни одного скульптурнаго изображенія. Не даромъ я всегда обожалъ его больше всѣхъ на свѣтѣ, и неоднократно мечталъ бросить все, всѣ шалости и работы, и сдѣлаться такимъ, какъ онъ, бѣднымъ и святымъ.

Рѣшеніе дѣдушки было таково: слишкомъ важно то обстоятельство, что человѣкъ чужой хочетъ принять близкое участіе въ судьбѣ мальчика; вѣроятно, очень важно значеніе, которое придается этой работѣ. Съ другой стороны слишкомъ велико имя отца мальчика, велики заслуги его въ еврействѣ, чтобы на томъ свѣтѣ онъ не отстаивалъ сына передъ всякими соблазнами, чтобы вездѣ, гдѣ бы сынъ ни былъ, не сохранилъ бы его отъ всякаго супостата. Съ этимъ всѣ согласились и рѣшили отпустить меня въ Петербургъ.

Заручившись этимъ рѣшеніемъ, братъ передалъ меня Антокольскому, а матери написалъ о всемъ происходившемъ, прося поскорѣе вторичнаго отвѣта. Для того же, чтобы отрицательный отвѣтъ матери не могъ помѣшать моему отъѣзду, онъ послалъ письмо въ самый день отъѣзда, такъ, чтобы я прибылъ въ Петербургъ одновременно съ письмомъ.

Идея учиться скульптурѣ была для меня такъ привлекательна, что я отъ восторга сгоралъ нетерпѣніемъ скорѣе уѣхать, и послѣдніе дни плохо ѣлъ и мало спалъ. Никого и ничего не было мнѣ жалъ, и, никогда не отлучавшись изъ родного дома, я съ легкимъ сердцемъ разставался съ родными, со знакомыми, стремясь къ новой жизни, точно уѣзжаю на кратковременную прогулку. Только когда бабушка одѣвала меня въ дорогу, я расплакался, но то были скорѣе слезы радости, что сбудутся мои мечты, чѣмъ страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ. На вокзалѣ всѣ меня провожали и я весело простился съ братьями и сестрами. Я чувствовалъ, что они мнѣ завидуютъ: и имъ бы хотѣлось вырваться изъ дому, гдѣ послѣ смерти отца насъ осталось восемь человѣкъ, и мы все терпѣли нужду и бѣдность. Мнѣ посчастливилось, хоть я и не первый ушелъ изъ дому. Еще за много лѣтъ до меня братъ мой уѣхалъ безъ вѣдома матери за границу и тамъ устроился:

онъ сдѣлался лѣпшикомъ-позолотчикомъ. Но это былъ простой работникъ, а отъ меня ждали чего-то большаго.

По желѣзной дорогѣ я ѣхалъ въ первый разъ. Я, конечно, тотчасъ устремился къ окну и отъ него не отходилъ: все смотрѣлъ на убѣгающіе виды. Казалось мнѣ, что для того, чтобы достигнуть счастья, хорошаго будущаго, надо летѣть за много, много верстъ; какъ въ сказкѣ «Волшебная лампочка» старикъ понесъ Аладдина черезъ моря и лѣса къ мѣсту счастья, такъ и меня мой чудный незнакомецъ увозилъ куда-то далеко. И день, и ночь простоялъ я у окна, спать не хотѣлось, боялся забыться во снѣ. Пріятно мнѣ было чувствовать, что отъ чего-то убѣгаю.

Не помню, почему, въ эту ночь Антокольскій былъ въ другомъ вагонѣ. Утромъ, зайдя ко мнѣ, онъ меня спросилъ: «Помолился-ты?» Я поспѣшилъ отвѣтить: «да». Къ этой неправдѣ я привыкъ: и дома я не любилъ молиться; даже тогда, когда долженъ былъ стоять вмѣстѣ съ братьями въ синагогѣ, на молитвѣ, я, бывало, вмѣсто молитвы бормочу несвязныя слова, а самъ думаю о другомъ.

Вообще, въ дѣтствѣ у меня не было никакого желанія соблюдать религіозныя обряды. Ни страхъ передъ Богомъ, ни розги на томъ свѣтѣ не пугали меня. И въ субботу, и въ праздники, я часто нарушалъ предписанія религіи, но не чувствую никакого влеченія къ соблюденію обрядностей, я, однако же, глубоко благоговѣлъ передъ набожностью дѣдушки. Казалось мнѣ, одно изъ двухъ: или быть такимъ цѣльнымъ какъ дѣдушка, или совсѣмъ ничего не соблюдать. Но за нѣсколько лѣтъ до того у меня чуть не случился поворотъ къ религіозному мистицизму. Подъ вліяніемъ разсказовъ въ долгіе зимніе вечера въ хедерѣ, а иногда въ синагогѣ, о мертвецахъ, о чудесахъ, о молодыхъ праведникахъ, ушедшихъ ради религіи изъ дому, я вдругъ задумалъ перемѣнить свой образъ жизни, сдѣлаться праведникомъ въ духѣ обожаемаго дѣдушки. Я долго носился съ этою мыслью, и наконецъ назначилъ день, въ который должно совершиться мое превращеніе. Но случилось такъ, что какъ разъ въ этотъ день утромъ пріѣхалъ дядюшка и подарилъ мнѣ пятакъ на гостинцы. Желаніе полакомиться взяло верхъ, и я порѣшилъ отложить свой обѣтъ на два дня. Дѣйствительно, черезъ два дня я сдержалъ свое обѣщаніе: съ утра я преобразился, помолился отъ всего сердца, громко, ничего не пропустивъ; сталъ вдругъ послушнымъ, добрымъ, бросилъ шалости и сдѣлался такимъ сосредоточеннымъ, грустнымъ, что всѣ домашніе скоро замѣтили перемѣну во мнѣ.

— Что съ нимъ стало?—говорили братья.—Какую-то новую шалость задумалъ онъ, или напроказничалъ уже очень.

— Лучше сознайся,—говорили сестры,—вѣроятно, на улицѣ когонибудь поколотилъ, или, можетъ быть, въ шкафу чѣмъ-нибудь полакомился?

Но я боялся разспросовъ, разговоровъ, сталъ прятаться отъ всѣхъ. Мнѣ больно было, что меня не хотятъ понять; а если поймутъ, то еще, пожалуй, больше смѣяться стануть. Видя, что я не отвѣчаю, братья стали надѣваться надо мною.

— Онъ просто задумалъ въ Америку ѣхать, — говорили они, намекая на то, что я любилъ слушать рассказы о путешественникахъ.

Скоро это дѣло дошло до матери.

— Я выгону эту дурь изъ головы, — сказала она.

Нѣсколько дней продолжалось это преслѣдованіе. Съ другой стороны я такъ утомился отъ соблюденія строгаго режима, что не выдержалъ, и отложилъ свое намѣреніе сдѣлаться благочестивымъ, еще на нѣсколько недѣль, а тамъ скоро и совсѣмъ забылъ о немъ.

Теперь, въ вагонѣ, усталый отъ безсонной ночи, я отчего-то припомнилъ все это со всѣми подробностями. Именно теперь, въ этотъ рѣшительный моментъ моей жизни я чувствовалъ, что тогдашнее мое настроеніе было самое важное и возвышенное. Все же остальное въ моемъ прошломъ казалось мнѣ ничтожнымъ и жалкимъ, и потому я не жалѣлъ, что отъ него убѣгаю.

Автокольскій высадилъ меня въ Петербургѣ на Вознесенскомъ проспектѣ, у подъѣзда временной синагоги, гдѣ остановилась моя мать, а самъ уѣхалъ къ себѣ, давъ мнѣ свой адресъ и сказавъ, чтобъ я пришелъ къ нему въ воскресенье, вмѣстѣ съ матерью. Матери не было дома, но меня любезно приняли хозяева квартиры. Это были кастелянъ синагоги и его жена, очень хорошіе друзья моей матери. Они меня, зануганнаго и усталаго, обласкали и успокоили. Но вотъ звонокъ — приходитъ мать. Увидавъ меня, она расплакалась, разсердилась, что ея не послушались и прислали меня; но потомъ, успокоившись, она сказала:

— Сегодня канунъ субботы; побудешь со мною, отдохнешь, а тамъ въ воскресенье я отправлю тебя обратно домой.

За обѣдомъ хозяева и гости стали уговаривать мать, оставить меня въ Петербургѣ, а на слѣдующій день, когда самъ раввинъ, хорошо знавшій моего покойнаго отца, и потому пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ матери, подтвердилъ мнѣніе всѣхъ, что слѣдуетъ полагаться на Автокольскаго и у него учиться скульптурѣ, мать стала колебаться, и въ воскресенье, въ назначенный часъ, повезла меня къ Автокольскому.

Автокольскій жилъ тогда противъ Академіи, въ домѣ Воронина, въ четвертомъ этажѣ. Это было въ большой, но не высокой комнатѣ, обставленной по-студенчески. Бросились мнѣ въ глаза его работы: прекрасный этюдъ опрокинутаго стола, съ котораго падаетъ скатерть. Это — для задуманной имъ композиціи «Инквизиціи». Пальцемъ дотронулся я до скатерти, чтобъ убѣдиться, не настоящая ли она. Также понравилась мнѣ пишущая рука, небольшая скульптура изъ дерева.

Автокольскій, показавшійся мнѣ тутъ добрѣе и мягче, чѣмъ въ «мирѣ вождй». № 4, апрѣль, отд. 1.

Вилькѣ, сказалъ матери, что беретъ меня пока на испытаніе, и въ теченіе недѣли скажетъ, оставляетъ ли онъ меня навсегда у себя. Пока я долженъ былъ приходиться къ нему каждый день работать.

И вотъ, начинается для меня каждый день путешествіе на Васильевскій Островъ. Это путешествіе сильно врѣзалось мнѣ въ память. Въ особенности памятно мнѣ мое первое знакомство со столицей. Все было для меня ново и необыкновенно; вездѣ я останавливался и на все долго смотрѣлъ. На Вознесенскомъ проспектѣ мое вниманіе привлекали вывѣски мелочныхъ лавочекъ; эти огромные фрукты, виноградъ, румяныя яблоки казались мнѣ верхомъ совершенства въ живописи, и думалъ я: буду ли когда-нибудь въ состояніи такъ рисовать? Казались мнѣ живыми коровы и овцы на вывѣскахъ мясныхъ лавокъ. Долго я любовался у каждой лавки вывѣсками, и не замѣчалъ, какъ лавочники и мальчишки меня окружали, хохотали, что то говорили, показывая мнѣ часть помы. Русскаго языка я тогда не зналъ и потому въ недоумѣніи смотрѣлъ на нихъ, не зная, чего отъ меня хотятъ. Въ голову мнѣ не приходило, что меня дразнятъ, что надо мною надѣваются. Тогда у меня были очень длинные волосы и весь костюмъ мой изобличалъ во мнѣ провинціальнаго еврея. Часто мое равнодушіе приводило мальчишекъ изъ терпѣнія. Меня стали бить и гнать. Я убѣгалъ, запутываясь въ своемъ длинномъ капотѣ, падалъ, и тогда вся улица хохотала. Мои преслѣдованія прекращались, когда я достигалъ Синяго моста. Памятникъ Императора Николая I меня поразилъ, но я не понималъ, почему фигура и лошадь поставлены на такую высокую тумбу. За то очень ужъ курьезной показалась мнѣ неподвижная фигура часового гренадера: думалъ, что это статуя, и подошелъ, чтобы разсмотрѣть ее поближе, но фигура вдругъ зашевелилась, и я отскочилъ испуганный, и долго не могъ придти въ себя, и ужъ все наблюдалъ издали за движеніями этого гиганта. На Николаевскомъ мосту я не мало времени потратилъ, слѣдя за движеніями судовъ и пароходовъ, е которыхъ раньше понятія не имѣлъ.

Прошло нѣсколько часовъ, пока добрался я до Васильевского Острова. Антокольскій свелъ меня въ мастерскую. Онъ тогда временно занималъ скульптурный классъ (теперь педагогическіе классы), перегородженный на двѣ части: въ первой работалъ живописецъ Савицкій, а во второй онъ. По сторонамъ класса стояли огромныя гипсовые статуи. Онѣ мнѣ напоминали «Болвановъ Тышкевича», и я мало обратилъ на нихъ вниманія, до того показались онѣ мнѣ мало выразительными и похожими другъ на друга. Зато я въ восхищеніи былъ отъ картины Савицкаго: это была первая картина, которую я видѣлъ и понялъ. Тутъ мнѣ нравилось все: и большой, рассказывающій о госпиталѣ, и сердобольная мать, и солдатъ отецъ.

Антокольскій тогда только что началъ «Іоанна Грознаго». Онъ помѣстилъ меня за перегородкой, позади себя, далъ мнѣ кусокъ глины, гип-

совый кулакъ и сказалъ: «Копируй». Никогда я не держалъ глины въ рукахъ; еще менѣе зналъ я, какъ надо обращаться со стеками. И вотъ, тихонько раздвинувъ завѣсъ, я сталъ смотрѣть, какъ работаетъ мой великій учитель, и его смѣлость въ обращеніи съ глиною и стеками меня воодушевила, и я бросился къ своей глинѣ. До того я еще сознавалъ важность испытанія, отъ котораго зависитъ, можетъ быть, моя судьба. Но теперь, начавъ работать, я все забылъ. Нѣсколько часовъ пробѣжало въ работѣ для меня незамѣтно. Я бы продолжалъ такъ работать до вечера, но отходя отъ работы, я наткнулся на самого Антокольскаго: оказалось, онъ сзади стоялъ и смотрѣлъ. Ноги у меня подкосились. «Онъ все видѣлъ, а я, можетъ быть, не такъ лѣпилъ», подумалъ я, и кровь бросилась мнѣ въ голову. Но, точно угадавъ мое состояніе, Антокольскій поторопился сказать:

— Молодецъ! Не ожидалъ я, что такъ скоро выгѣнишь. Ты почти кончилъ. Завтра я тебѣ дамъ другое, болѣе трудное.

«Все рѣшено», подумалъ я, и глубоко вздохнулъ. Я сталъ еще смѣлѣе работать, и черезъ нѣсколько дней, когда у меня была готова «Геркулесова нога», Антокольскій сказалъ:

— Возьми свои работы и пойдемъ къ барону Гинцбургу. Надѣюсь, мнѣ удастся для тебя что-нибудь сдѣлать.

Въ богатомъ домѣ барона я былъ ослѣпленъ роскошью и блескомъ, о которыхъ раньше никогда не имѣлъ понятія. Я оробѣлъ, но добрый баронъ меня приласкалъ, потрепалъ меня по щекѣ и сказалъ:

— Ужъ очень онъ маленькій и худенькій.

По выходѣ отъ барона, Антокольскій сказалъ:

— Поздравляю тебя: теперь ты обезпеченъ, баронъ дастъ тебѣ стипендію.

Признаться, я не понималъ, что это значитъ «стипендія», и для чего она. Мать, между тѣмъ, собиралась уѣхать изъ Петербурга и пришла прощаться съ Антокольскимъ. Онъ ей сказалъ, что оставляетъ меня у себя, и въ видѣ радости сообщилъ о стипендіи, назначенной барономъ. Но мать, вмѣсто благодарности, заплакала:

— Бѣдный мой сынъ!—сказала она.—Онъ долженъ прибѣгать къ милостынѣ.

На прощанье мать просила Антокольскаго слѣдить за тѣмъ, чтобы я соблюдалъ религиозные обряды, молился бы ежедневно и чтобы нѣсколько главъ читалъ изъ Талмуда. Я совсѣмъ переселился къ Антокольскому, а столовался у портного-еврея Сагалова, жившаго въ Пажескомъ корпусѣ.

Началась у меня жизнь новая, необыкновенная. Утромъ я уходилъ въ мастерскую, гдѣ копировалъ уже болѣе сложныя вещи, затѣмъ обѣдалъ у Сагалова, а днемъ проводилъ нѣсколько часовъ у товарищей Антокольскаго, художниковъ Рѣпина и Савицкаго. Жена Савицкаго давала мнѣ уроки русскаго языка, учила чтенію и письму. Она была очень

*

красивая, умная и любезная женщина, и чрезвычайно мнѣ нравилась. Я старался изо всѣхъ силъ хорошо учиться, но много жѣлало мнѣ то обстоятельство, что во время уроковъ всегда кто-нибудь изъ знакомыхъ художниковъ сидѣлъ и разговаривалъ съ учительницей.

Я сталъ понимать по-русски и ко всему прислушивался. Это принесло мнѣ пользу при изученіи языка, но на урокахъ я сталъ мало внимателенъ. Воображали, что я ничего не понимаю, потому что не говорю, при томъ мой ростъ и моя наружность внушали убѣжденіе, что я еще ребенокъ. При мнѣ не стѣснялись говорить обо всемъ; на самомъ же дѣлѣ я тогда былъ настолько уже развитъ, что все меня интересовало, и умъ у меня постоянно работалъ.

Разъ былъ такой случай. На урокъ чтенія присутствовалъ Антокольскій. Онъ рассказывалъ о томъ, какъ ему понравилась какая-то красавица. Я наострилъ уши и сталъ медленно читать.

— Я просто влюбленъ,—говорить съ жаромъ мой великій благодѣтель и учитель.

— Хотѣли бы на ней жениться?—спрашиваетъ его моя наставница. Молчаніе. Я приостанавливаю чтеніе и жду.

— Что-жъ не отвѣчаете?—вопрошаетъ учительница, въ то же время стучить карандашомъ по моей книгѣ, приговаривая: «дальше».

— Что-жъ не отвѣчаете?—въ нетерпѣнціи вторю ей я.

Эффектъ былъ необычайный. Всѣ переглянулись, засмѣялись и съ тѣхъ поръ разговоры велись урывками и не такъ понятно для меня.

Вообще моя природная любознательность находила огромный материалъ: все было для меня ново. Казалось, я попалъ на другую планету: и люди такіе, какихъ раньше у себя дома не видалъ, и интересы у этихъ людей другіе, и образъ жизни совсѣмъ другой. Ко всему я присматривался и старался во все вникнуть. У Антокольскаго тогда работа кипѣла; статуя близилась къ концу. Многіе стали посѣщать его мастерскую и съ каждымъ днемъ кругъ его знакомыхъ все увеличивался. Онъ поручилъ мнѣ выгнать барельефы по рисункамъ Солнцева на кресло Іоанна Грознаго. Работа эта была для меня легкая и пріятная; я ревностно работалъ; всѣ видѣли, какъ я гнѣплю, и меня хвалили. «Помогаетъ Антокольскому», говорилъ служитель, когда его спрашивали, что я дѣлаю. «Это будущій Антокольскій», говорили нѣкоторые посѣтители. «Позвольте, Маркъ Матвѣевичъ, вашего милаго ученика поцѣловать», говорили другія посѣтительницы.

Антокольскій сталъ брать меня съ собой къ своимъ знакомымъ. Такъ я сталъ бывать у Сѣрова. Валентина Семеновна Сѣрова любила меня, какъ своего сына Валентина, съ которымъ я проводилъ цѣлыя вечера въ его дѣтской. Бывало, я присутствовалъ на музыкѣ въ залѣ. Тогда у Сѣрова собирался весь театральннй міръ. Тамъ впервые увидѣлъ я Ивана Сергѣевича Тургенева, гиганта въ бархатной визиткѣ. Онъ производилъ на меня впечатлѣніе красиваго богатаго купца. Самъ

Сѣровъ коротенькой своей фигурой казался мнѣ смѣшнымъ; онъ всегда носилъ очень широкія сѣрые брюки, широкій пиджакъ, сѣдые густые мягкіе волосы падали на плечи и окаймляли бритое бѣлое лицо; черты лица были мягкія, женственныя; думалось мнѣ, что именно такъ долженъ выглядѣть композиторъ. Онъ нерѣдко игралъ еще не поставленную оперу свою «Вражья Сила». Всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ слушали новое произведеніе композитора. Атмосфера была полна благоговѣнія къ творцу и искусству, и я, не понимая музыки, прислушивался къ тому настроенію, которымъ было проникнуто общество.

Иногда я хаживалъ къ Николаю Николаевичу Ге. У него я любилъ смотрѣть безчисленные итальянскіе этюды, развѣшанные по всѣмъ стѣнамъ квартиры. Жгучимъ солнцемъ, какимъ-то огнемъ вѣяло отъ этихъ прекрасныхъ этюдовъ, а при видѣ ихъ меня невольно тянуло на югъ. Самъ Н. Н., высокій, красивый старикъ, чрезвычайно нравился мнѣ своей откровенностью, веселостью и остроуміемъ. Частенько сиживалъ я у его сыновей, Петра и Николая. Они уже учились въ гимназій, но помимо того занимались дома ремеслами: Николай столярнымъ, а Петръ переплетнымъ. Съ особеннымъ любопытствомъ я слѣдилъ за ихъ работой и завидовалъ имъ.

По воскресеньямъ я сталъ бывать у Стасовыхъ. Тамъ я встрѣчалъ совсѣмъ другой кругъ людей. Тутъ были не одни художники: бывали литераторы, музыканты и люди разныхъ профессій. Сами братья Стасовы, вѣ дома, жили и работали въ разныхъ сферахъ: одинъ, служащій въ Публичной Библиотекѣ, больше всего знался съ художниками, литераторами и музыкантами; другой былъ военный, а третій, очень начитанный, имѣлъ большой кругъ знакомыхъ въ мѣрѣ общественныхъ дѣятелей; четвертый—адвокатъ. Все, что происходило въ городѣ, тутъ общалось, всякій приносилъ свои свѣдѣнія и все обсуждалось сообща. Жизнь тутъ кипѣла во всѣхъ широкихъ и хорошихъ проявленіяхъ своихъ. Послѣ замкнутаго міра художниковъ тутъ казалось мнѣ все шире. Кругозоръ мой сталъ расширяться, и я болѣе сталъ интересоваться всѣмъ окружающимъ. За столомъ я сидѣлъ обыкновенно рядомъ съ Владиміромъ Васильевичемъ, который былъ центромъ всего, съ его гигантскимъ ростомъ, громкимъ голосомъ, широкою непоколебимою стойкостью своихъ взглядовъ. Онъ больше всѣхъ говорилъ и больше всѣхъ горячился. Тогда я былъ очень робокъ, и меня вначалѣ поражалъ этотъ необычайный шумъ за столомъ, этотъ горячій споръ. Особенной горячностью отличался Владиміръ Васильевичъ. Онъ, бывало, спорить съ десятью заразъ, и иногда, бывало, онъ такъ нападаетъ на сосѣда, что мнѣ жалко бывало его противника. Бѣдный, думалъ я, вѣроятно ему неловко, что его такъ отдѣлываютъ, да при всѣхъ еще. Я на его мѣстѣ обидѣлся бы. Съ участіемъ смотрю на него; но противникъ точно угадалъ мои мысли. Онъ ко мнѣ нагибается и на ухо говоритъ:

— Вы не думайте, что онъ сердится; не пугайтесь его. Это добрый-

ній человѣкъ; онъ мухи не обидитъ. Я съ нимъ не согласенъ, но его очень люблю.

И дѣйствительно, только кончился споръ, какъ Владиміръ Васильевичъ уже добродушно смѣется, шутитъ и остритъ. Онъ вилокъ пихаетъ мнѣ въ ротъ кусокъ мяса съ своей тарелки, приговаривая: «Ѣшьте, вы маленькій, худенькій; вамъ надо побольше мяса ѣсть». Я противлюсь, но онъ настаиваетъ: «Ну, да ну», и я ѣмъ, а всѣ смѣются.

— Бѣдный мальчикъ,—говоритъ съ другого конца стола добрѣйшая, сердечнѣйшая невѣстка Стасовыхъ, Маргарита Матвѣевна,—зачѣмъ его туда посадили; вѣдь Вольдемаръ его замучитъ.

Но я счастливъ, что сижу у самаго центра и слышу все, о чемъ говорятъ. На другомъ концѣ стола все группируется кругомъ другого центра, Надежды Васильевны Стасовой. Она на видъ совершенная противоположность брату своему: ростомъ маленькая, сгорбленная, близорукая; она говорила тихимъ голосомъ и только изрѣдка спорила; но по характеру своему она больше всѣхъ походила на брата: тотъ же огонь таялся подъ этой тихой, скромной оболочкой, то же человѣколюбіе въ самомъ широкомъ, свѣтломъ смыслѣ, та же безпредѣльная любовь къ свободѣ, къ свѣту, то же состраданіе къ угнетеннымъ и то же страстное негодованіе противъ несправедливости и фальши. Мое знакомство съ этимъ семействомъ настолько связано съ моимъ развитіемъ, съ моимъ воспитаніемъ (слишкомъ 30 лѣтъ я не переставалъ бывать у нихъ), что я, описывая свое прошлое, еще не разъ вернусь къ нему. Но, помимо моихъ личныхъ отношеній, долженъ сказать, что за 30 лѣтъ люди эти и ихъ друзья не отступали отъ своихъ взглядовъ, и какъ теперь, такъ и тогда, были неизмѣнными выразителями идей и стремленій лучшей части русскаго общества.

А тогда было время общаго подъема духа интеллигентнаго общества. Всѣ были дружны между собою, все свѣтлое, хорошее подхватывалось, превозносилось. Еврей, малороссъ, полякъ—всѣ были равны, у всѣхъ была одна задача, одна цѣль: общее просвѣщеніе и любовь къ наукѣ и къ искусству. Часто у Антокольскаго собирались товарищи-художники, спорили объ искусствѣ, о задачахъ художника. Ихъ споры бывали искренни, увлекательны. Самъ хозяинъ—еврей, полякъ Семирадскій, малороссъ Рѣпинъ и великороссъ Максимовъ,—всѣ были искренніе товарищи и никакой національный вопросъ не растревлялъ ихъ отношеній. Цѣлые вечера они просиживали вмѣстѣ за скромнымъ чайнымъ столикомъ и говорили до поздняго вечера объ искусствѣ. Иногда между ними сидѣлъ вѣчно юный В. В. Стасовъ, этотъ истинный поклонникъ молодыхъ, оригинальныхъ талантовъ. Я, сидя за отдѣльнымъ столомъ и приготовляя уроки, прислушивался къ разговорамъ, и хотя многого не понималъ, но чувствовалъ, что люди эти воодушевлены общимъ любимымъ дѣломъ, вѣрятъ въ свое дѣло, и потому любятъ другъ друга. И частенько я думалъ о томъ, какъ я счастливъ,

что живу среди этихъ счастливицевъ и что когда-нибудь сдѣлаюсь такимъ же полезнымъ (тогда, казалось мнѣ, всё вѣрили въ полезность просвѣщенія и искусствъ) и хорошимъ дѣятелемъ.

Въ январѣ Антокольскій совершенно закончилъ статую Іоанна Грознаго. Императоръ Александръ II поднялся на четвертый этажъ, чтобы посмотреть статую, и приобрѣлъ ее. Академія удостоила Антокольскаго званіемъ академика. Всѣ заговорили о статуѣ; мастерская весь день была полна народу. Имя Антокольскаго еще болѣе загремѣло, когда Стасовъ и Тургеневъ написали о немъ хвалебныя статьи. Со всѣхъ сторонъ стали Антокольскаго приглашать. Онъ рѣдко бывалъ дома, и мнѣ часто случалось оставаться одному въ комнатѣ. Изъ многихъ привычекъ, оставшихся у меня отъ прежней жизни, была боязнь оставаться одному вечеромъ въ комнатѣ. Бывало, до двухъ часовъ утра сижу и жду прихода Антокольскаго, но когда услышу звонокъ, тотчасъ гашу лампу и ложусь, притворяясь, что сплю. Антокольскій, бывало, подходитъ къ моей кровати, смотреть, сплю ли я, и иногда меня дѣлуетъ. Это ужасно меня трогало. Я чувствовалъ, что онъ меня любить, я все болѣе, и болѣе привязывался къ нему, старался во всемъ слушаться его, угождать и быть ему полезнымъ. И дѣйствительно, наши отношенія были наилучшія, и только разъ вышла большая непріятность. Онъ вернулся ранѣе обыкновеннаго домой и спросилъ меня, отлучался ли я куда-нибудь изъ дому. Дѣйствительно, въ этотъ вечеръ я уходилъ къ Сагалову и тамъ провелъ нѣсколько часовъ. «Нѣтъ», отвѣчаю я беззапѣчливо, желая порисоваться своимъ одиночествомъ и показать, что безъ него я ничего не предпринимаю.—«А почему ты врешь!» вскрикнулъ онъ, весь вспыхивъ. На слѣдующій день, когда ш-ше Савицкая похвалила меня за успѣхи по русскому языку, Антокольскій сказалъ: «Да хорошъ-то хорошъ, но у него страшный недостатокъ—онъ жетъ». Всѣ изумились, закачали головой, и мнѣ такъ стало стыдно, что я порѣшилъ—больше ему не врать.

Работа моя по гѣпкѣ пріостановилась. Антокольскому некогда было смотреть за мной, да, кромѣ того, я не могъ больше работать въ мастерской, которая была и тѣсна, и всегда полна народу. Я сталъ рисовать то у Рѣпина, то у Семирадскаго. Рисованіе давалось мнѣ съ трудомъ. Я очень не любилъ огромныхъ гипсовыхъ головъ: онѣ казались мнѣ скучными и безхарактерными, и я часто, бывало, засыпалъ надъ рисункомъ. Огромное значеніе для меня имѣло то, что я видѣлъ, какъ работали талантливыя, тогда опытные уже художники: Рѣпинъ, Семирадскій и Савицкій. Постоянно присматривался я къ ихъ безчисленнымъ этюдамъ и талантливымъ наброскамъ. Помимо программы, нѣкоторые писали картины на собственную тему. Рѣпинъ тогда писалъ «Бурлаковъ». Часами я смотрѣлъ, бывало, на эту безподобную, правдивую картину. Искренностью и самобытностью вѣяло отъ волжскихъ этюдовъ, писанныхъ для этой картины. Правились мнѣ и картины

Семирадскаго и Ковалевскаго, но, не будучи знакомъ съ исторіей, я только восхищался красками и умѣньемъ рисовать. Семирадскому и Урлаубу я позировалъ для ихъ программы. Почти безотлучно я находился въ верхнихъ корридорахъ Академіи (мастерскія конкурентовъ), гдѣ, какъ монахи въ кельяхъ, молодые труженики работали съ утра до вечера. Слѣдилъ я за ходомъ работъ у всякаго художника и мнѣ доставляло удовольствіе сравнивать ихъ работы. Хотя я числился ученикомъ Антокольскаго, но какъ будто былъ ученикомъ всѣхъ. Какъ дочь полка, я былъ ученикомъ конкурентовъ и былъ всѣмъ извѣстенъ подъ названіемъ «маленькій Эліасъ». Бывалъ я у всѣхъ, но чаще всего у Рѣпина, тогда лучшаго друга Антокольскаго. Въ то время Антокольскій глѣзилъ бюстъ Стасова въ мастерской Рѣпина. Я присутствовалъ при сеансахъ. Много говорили объ искусствѣ. Стасовъ поднялъ вопросъ о раскраскѣ скульптуры и Рѣпинъ сталъ раскрашивать бюстъ Стасова. Все новое въ искусствѣ обсуждалось и обо всемъ свободно высказывалось свое мнѣніе. Не только въ Академіи, но и дома у себя, въ свободныя минуты вечеромъ всѣ рисовали. Иногда собиралось нѣсколько художниковъ вмѣстѣ: одинъ читалъ, а другіе рисовали. И по праздникамъ свободное время посвящалось искусству. Бывало, Рѣпинъ, Савицкій, Максимовъ и др. отправлялись на Петровскій или Крестовскій островъ, тамъ усаживались на берегу, на травкѣ и рисовали, кто лодочку на солнцѣ, кто кустъ, а кто Неву съ барками. Все дѣлалось не кое-какъ, а серьезно и старательно. Зависти ни у кого не было, и всякій дѣлалъ замѣчанія товарищу о рисункѣ.

До чего любовь къ работѣ была тогда велика, я могу привести слѣдующій курьезъ: разъ захожу въ мастерскую къ Рѣпину. Это было въ одиннадцать часовъ утра. Рѣпинъ стоитъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ и пишетъ картину.

— Что съ вами, Илья Ефимовичъ?—говорю я,—въ какомъ вы необыкновенномъ видѣ. Я васъ такимъ никогда не видалъ.

— Да,—многозначительно кивнулъ головой Илья Ефимовичъ,—черезъ часъ я долженъ идти въ церковь, вѣнчаюсь. А жалко, въ часъ не успѣю нарисовать драпировку.

Да, тогда вся эта плеяда молодыхъ художниковъ, кто съ большимъ, кто съ меньшимъ талантомъ, всѣ вѣрили въ идеалъ искусства, всѣ любили работу свою, и потому всѣ свои силы, всѣ помысленія посвящали искусству. Иногда я рисовалъ у И. Н. Крамскаго; подъ его руководствомъ я рисовалъ акварелью, но не столько самъ работалъ, сколько смотрѣлъ, какъ работаетъ этотъ магъ и волшебникъ, какъ изумительно рисовалъ онъ портреты. Бывало, при мнѣ начнетъ и такъ, шутя, въ веселомъ разговорѣ, почти безъ всякихъ помарокъ, вѣрно схватываетъ сходство и рисунокъ. Никто съ такой легкостью, казалось мнѣ, не работалъ. Художники относились къ нему съ особеннымъ

уваженіемъ; его почитали за его выдающійся умъ и за его товарищескія отношенія ко всѣмъ даровитымъ художникамъ.

Небольшого роста, но довольно крѣпкаго сложенія, онъ казался особенно интереснымъ при бесѣдахъ и спорахъ. Его умные выразительные глаза, выпуклый лобъ говорили о его проникательномъ живомъ умѣ, не замѣчались некрасивыя другія черты лица. Говорилъ онъ очень убѣжденно, но выражался обдуманно, какъ будто боялся, что не то скажетъ.

Но ближе всего и выше всего казалась мнѣ тогда работа учителя моего, Антокольскаго. Въ особенности не могъ я оторваться отъ «Инквизиціи». Бывало, цѣлыми днями смотрю на эту удивительно-талантливую вещь. И вотъ, прошло ужъ слишкомъ 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, а я все еще не могу забыть того глубокаго впечатлѣнія, какое произвела эта изъ ряду выходящая работа на всѣхъ видѣвшихъ ее. И какая иногда бываетъ судьба художественнаго творенія! Эта гениальная работа заброшена самимъ художникомъ; почти всѣ ее забыли, и неизвѣстно, выплыветъ ли она когда-нибудь на свѣтъ.

Въ этой работѣ, казалось мнѣ, заключались и глубокая мысль, и оригинальность исполненія. Представленъ въ видѣ горельефа подвалъ, со старинными каменными сводами. Общее впечатлѣніе при первомъ взглядѣ такое, что чувствуется въ этомъ подземельѣ нѣчто ужасное, опрокинутъ столъ — скатерть, тарелки, подсвѣчники, все на полу. Въ паническомъ страхѣ всѣ бѣгутъ, прячутся въ огромную печь, нѣкоторые захватили съ собою молитвенники. Тутъ толпятся старики, женщины съ дѣтьми и молодые. Остались только двое: одинъ типичный, убѣжденный, закаленный въ вѣрѣ старикъ; на него точно столбнякъ нашелъ; другой, помоложе, испуганный, смотритъ, откуда шаги. По круглой каменной лѣстницѣ спускается жирный инквизиторъ, рядомъ съ нимъ идетъ привратникъ, который освѣщаетъ ступеньки, сзади видны воины съ алебардами и цѣпями. Ужась охватываетъ, когда смотришь на эту интересную драму, которая до сихъ поръ, кажется, не вполне отошла въ вѣчность. Но въ то же время испытываешь особенное наслажденіе отъ талантливаго исполненія этой работы.

Въ концѣ января Антокольскій заболѣлъ: у него заболѣло горло. Знаменитый докторъ С. П. Боткинъ нашелъ болѣзнь сѣрьезной и опасной. Меня очень огорчала болѣзнь любимаго человѣка. Я ухаживаю за нимъ, какъ только могъ, помогалъ ставить компрессы, и ночью, бывало, плохо спалъ, все прислушиваясь къ его дыханію. Болѣзнь обострилась, и докторъ велѣлъ скорѣе уѣхать въ Италію. Сталъ онъ торопиться къ отъѣзду, пришлось подумать и обо мнѣ: куда меня дѣвать? Но, видно, ему трудно было разстаться со мной. Онъ привыкъ ко мнѣ, да и я ужъ очень былъ привязанъ къ нему. И вотъ, разъ вечеромъ, незадолго до отъѣзда, когда собрались у него товарищи-художники, онъ сталъ говорить о своемъ отъѣздѣ и о томъ, что жалко

меня оставить здѣсь. Между прочимъ, онъ показывалъ мнѣ мою новую работу, маленькій набросокъ изъ воску. Это была сценка изъ еврейской жизни: еврейка совершаетъ, наканунѣ субботы, обрядъ освященія свѣчей, а мужъ ея и дѣти собираются въ синагогу. «Что скажете на это?» спрашиваетъ Антокольскій товарищей. «А вотъ что мы скажемъ: ты за эту работу, Маркъ, возьми его съ собой въ Италію», отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ. Точно такого отвѣта хотѣлъ и самъ Антокольскій, и черезъ нѣсколько дней мы вмѣстѣ уѣхали въ Италію.

Какъ 8 мѣсяцевъ тому назадъ я перенесенъ былъ въ столицу, увидѣлъ новую жизнь, новыхъ людей, такъ теперь, послѣ {трехдневнаго путешествія, попалъ я въ новую страну, отъ зимы къ лѣту, отъ свѣга въ роскошную природу, увидѣлъ новые, чудные города. Венеція показала мнѣ волшебнымъ городомъ. Я припоминалъ рассказы сестры о Венеціи, и все, что напоминало эти рассказы, производило на меня впечатлѣніе. Старые дома, стоящіе въ водѣ, показались мнѣ таинственными. Въ каждомъ домѣ, казалось мнѣ, совершается убійство или драма. Сидя въ гондолѣ, я прижался къ Антокольскому отъ страха, что гондольеръ нарочно опрокинетъ насъ. Очень таинственными казались мнѣ мостыки; на площада, думалось мнѣ, стоятъ наемные убійцы. Объ исторіи, о времени, я тогда понятія не имѣлъ. Единственнымъ мѣриломъ для этого новаго міра были книги сестры; въ нихъ я вѣрилъ. Бывало, послѣ рассказовъ сестры, я цѣлыми днями мечталъ и фантазировалъ, представляя себѣ дѣйствительность, такъ что, увидавъ потомъ дѣйствительность, я только припоминалъ образы, созданные воображеніемъ. Но больше всего меня волновало посѣщеніе палаццо дожей и склеповъ инквизиціи. Темные подземные ходы, освѣщенные факеломъ, внушали мнѣ страхъ; казалось мнѣ, тутъ недавно совершались мученія. Ничего, что я не понималъ, что говорить провожатый,—я ясно себѣ все представлялъ: вотъ углубленіе—значитъ тутъ замуравили челоуѣка; тамъ отверстіе—оттуда бросали его въ воду; а вотъ кусокъ дерева—остатокъ орудія пытки. Весь день потомъ я былъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ кошмара и ночью плохо спалъ.

Зато Флоренція произвела на меня впечатлѣніе противоположнаго свойства: тутъ все живутъ люди добрые, точно ангелы. По рассказамъ сестры, это городъ процессій, городъ Рафаэлей и добрыхъ покровителей Медичисовъ. Мнѣ нравилось здѣсь все: и зданія, и сады, и церкви. Здѣсь мы нашли нѣсколько русскихъ художниковъ. Часто бывали у Каменскаго. Нѣкоторыя его работы мнѣ чрезвычайно нравились; я мечталъ о такомъ жанрѣ скульптуры. Его «Мальчикъ-скульпторъ» казался мнѣ прекраснымъ, но «Первый шагъ» меня не совсѣмъ удовлетворялъ. Бывали мы въ мастерской Забелло; онъ тогда глѣпилъ превосходную статую Герцена.

Нѣсколько дней прожили мы во Флоренціи очень пріятно. Ко многу, слышанному мною о Римѣ, прибавилось еще то, что городъ этотъ

взять королемъ у папы, и это случилось за мѣсяць до нашего прїѣзда. По дорогѣ я слышалъ разговоры, какъ войска Виктора-Эммануила гѣшли въ Римъ и тамъ стрѣляли. Представилъ я себѣ городъ въ развалинахъ; но когда мы прїѣхали въ Римъ, я напрасно искалъ слѣдовъ завоеванія, и скоро совсѣмъ забылъ, кому онъ принадлежитъ. Въ общемъ, Римъ отчего-то мало мнѣ понравился. Больше всего меня поразили Колизей и нѣкоторыя другія развалины. Соборъ «Святого Петра» и «Ватиканъ» я не понималъ; Эрмитажъ казался мнѣ красивѣе.

Но зато тутъ было большое общество русскихъ. Съ русскими мы проводили всѣ вечера, вмѣстѣ обѣдали и затѣмъ долго сиживали въ Café Greco. Разъ мы сидѣли цѣлою компаніей художниковъ. Какой-то торговецъ-итальянецъ предлагаетъ купить бумагу и конверты. «Смотри, Элизась», говоритъ Антокольскій, «это непременно еврей. Даже похожъ на нашего польскаго еврея». Боткинъ спрашиваетъ торговца, кто онъ, но тотъ по-итальянски отвѣчаетъ, что онъ правовѣрный католикъ. «Это неправда», прибавляетъ Боткинъ, «онъ изъ боязни, чтобъ его не дразнили, скрываетъ свое еврейство». Тогда Антокольскій обращается къ торговцу и говоритъ по древне-еврейски: «Іегудо онойхи» (я еврей). Торговецъ весь просіялъ и сказалъ: «Махаръ шво ать» (завтра Пятидесятница). Меня очень обрадовало это, и Антокольскій предложилъ мнѣ провести завтрашній день у этихъ евреевъ. Я охотно согласился, и еврей за извѣстную плату свезъ меня въ гетто.

Тамъ меня водили къ раввину, какому-то именитому еврею; вездѣ меня угощали, но не могли со мной объясняться, и только къ вечеру достали переводчика нѣмца. Меня поразила страшная бѣдность въ гетто: такая же точно, какъ въ Вильнѣ. Что касается до религиозныхъ обрядовъ и до молитвъ въ синагогѣ, то они ничѣмъ не отличались отъ нашихъ.

Наступила жара невыносимая; я утомился и часто сталъ отказываться отъ прогулокъ, отъ посѣщенія музеевъ. Антокольскій уходилъ на весь день, оставляя меня одного въ квартирѣ, и тогда я углублялся въ чтеніе новѣстей и рассказовъ. Я сталъ скучать по петербургскимъ знакомымъ, а главное—слѣдовало подумать и о своемъ образованіи. Въ Италіи мнѣ трудно было оставаться, и рѣшено было отправить меня учиться въ Петербургъ. Но какъ? Языковъ я не зналъ, и ѣхать одному было невыносимо. И вотъ кстати получается извѣстіе изъ Флоренціи, что тамъ проѣздомъ изъ Швейцаріи остановилась дама, которая ѣдетъ въ Петербургъ. Я немедленно отправился во Флоренцію, и художникъ Каменскій познакомилъ меня съ этой дамой. Это была еще очень молодая, на видъ 18 лѣтъ, вдова Мордвинова, урожденная кн. Оболенская (впослѣдствіи она вышла замужъ за С. П. Боткина). Ее сопровождала другая дама, постарше, компаньонка ея. Онѣ чрезвычайно мнѣ понравились своею простотой и любезностью, и я, не стѣсняясь тѣмъ, что плохо говорилъ по-русски, всю дорогу рассказывалъ имъ, какъ жилъ въ про-

винци, какъ учился въ еврейской школѣ и какъ началъ работать. Но больше всего распространялся я о петербургскихъ знакомыхъ, какіе они добрые и какъ всё меня любили. «Чудесные люди въ Петербургѣ—говорилъ я,—всѣ такіе добрые и любезные». — «Ну нѣтъ, не всѣ», возразила мнѣ молодая, но ужъ нѣсколько разочарованная вдова. «Поживете тамъ, увидите, сколько злыхъ; да и злыхъ-то неизмѣримо больше, чѣмъ добрыхъ».

Подъѣзжая къ Вильнѣ, Е. А. сказала: «Здѣсь будутъ ждать меня родственники, у которыхъ я останусь нѣсколько дней. Вотъ мой петербургскій адресъ (у графа Сумарокова); приходите ко мнѣ туда: буду вамъ давать уроки».

Когда поѣздъ остановился, къ намъ въ купэ вошло много военныхъ; всѣ засуетились, послышалось: Посторонитесь! Генералъ-губернаторъ идетъ! Меня оттиснули въ уголъ; я испугался, и въ общей суматохѣ, не простиршись съ моими любезными спутницами, схватилъ свой чемоданчикъ, выскочилъ на улицу и поѣхалъ къ бабушкѣ. Потомъ я узналъ, что Е. А. долго меня искала, что губернаторъ—ея дядюшка и что посылали деньщика искать мою бабушку, которую, конечно, не нашли, ибо она жила на еврейской улицѣ, чуть-ли не на чердакѣ и, какъ водится у бѣдныхъ евреевъ, по фамиліи не называлась. Кромѣ бабушки, у меня въ Вильнѣ тогда никого изъ родныхъ не оказалось. Мать съ братьями и сестрами послѣ смерти дѣдушки переѣхали въ другой городъ. Но я охотно жилъ у бабушки, вспоминая прежнюю жизнь.

Передъ отъѣздомъ бабушка свела меня на могилу дѣдушки и отца. Войдя въ часовню дѣдушки, бабушка нагнулась близко къ могилѣ и громко сказала: «Здравствуй, Гиршъ, пришла твоя жена Ривка, привела твоего внука Эліе». Взявъ меня за руку, она наклонила мою голову къ могилѣ, затѣмъ стала рассказывать о своихъ дѣлахъ, о всемъ, что дѣлаетъ и о чемъ думаетъ. Передъ уходомъ она обратилась въ сторону къ другимъ могиламъ и сказала: «Сосѣди, можетъ быть, мой мужъ ушелъ, или занятъ. Скажите ему, что была жена Ривка привела внука» и т. д. Эта же сцена повторилась на могилѣ моего отца; только тутъ она обратилась ко мнѣ съ упрекомъ: «Что же не плачешь? Поплачь!» Но я стоялъ какъ вкопанный, моргалъ глазами, хотѣлъ хотъ искусственно вызвать слезы, ущипнувъ преобильно свой палецъ, — но слезы все не шли. Мнѣ досадно стало. Сталъ я припоминать любимаго дѣдушку (отца я совсѣмъ не зналъ), и вспомнилъ я рассказы сестеръ, какъ онъ умеръ. Это было такъ необыкновенно: съ утра онъ объявилъ, что умираетъ, самъ переодѣлся въ чистое бѣлье, велѣлъ зажечь свѣчи и легъ, позвалъ дѣтей и внуковъ и сталъ всѣхъ благословлять. Бабушка хлопотала, суетилась, убирала комнату, точно собиралась къ празднику Юмъ-кипуръ. Похороны были многолюдны, и въ этотъ день бабушка обѣдала у насъ.

Собравъ остатки кушанья, она сказала: «Это я свесу Гиршу». И дома она долго не могла привыкнуть къ одиночеству, все готовила обѣдъ для двухъ. Для нея онъ не могъ умереть: слишкомъ 60 лѣтъ они жили вмѣстѣ. Разговоры бабушки на кладбищѣ показались мнѣ свѣшными, но на на меня тогда уже произвела глубокое впечатлѣніе эта искренняя вѣра въ безсмертіе.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ лѣтомъ, когда всѣ еще были на дачахъ. Я пожагѣлъ, что такъ скоро уѣхалъ изъ Італіи; и принялся за ученіе. Меня учила грамотѣ Софья Владиміровна Сербина. Русскій языкъ я все еще плохо зналъ, и потому о гимназіи нечего было и думать. Кромѣ того, по лѣтамъ я ужъ не могъ поступить въ низшій классъ.

Мнѣ былъ тринадцатый годъ и я еще грамоты не зналъ. Въ хедерѣ я только обучался Библии и Талмуду: ничему другому тамъ не учили, да и некому было учить: меламедъ (учитель)—это набожный, честнѣйшій еврей, занимающійся преподаваніемъ только по бѣдности; ни на что другое онъ неспособенъ. Въ обществѣ евреевъ, меламедъ— синонимъ непрактичности и забитости. Никакой системы, никакой программы въ ученіи нѣтъ, и каждый реббе (также учитель) учитъ какъ знаетъ и умѣетъ. Мой послѣдній реббе былъ старикъ, сгорбленный, подслѣповатый, очень добрый и мягкосердечный. Его единственною страстью былъ нюхательный табакъ, которымъ всегда набить былъ его распухшій носъ. Онъ занималъ полкомнаты у портного; рядомъ жилъ сапожникъ, а въ маленькой передней—бондарь. У всѣхъ было многочисленное семейство, но шумъ ребятишекъ, стукъ бондаря намъ не мѣшали: мы читали Талмудъ громко, нараспѣвъ, такъ что наши голоса слышны были на другой улицѣ. Насъ, учениковъ, было шесть мальчиковъ, все дѣти бѣдныхъ евреевъ, которые съ трудомъ платили реббе за ученіе. Моя мать въ послѣдніе два года по бѣдности совсѣмъ не платила за меня, но реббе мною дорожилъ: я такъ хорошо учился, что служилъ примѣромъ для другихъ, и иногда реббе поручалъ мнѣ объяснять трудныя мѣста Талмуда своимъ товарищамъ. Шалуны мы были отчаянные. Иногда, пользуясь близорукостью реббе, мы разбѣгаемся и прячемся въ одной изъ брочекъ, стоявшихъ на дворѣ. Бывало, реббе бѣжитъ по двору, насъ ищетъ, заглядываетъ то въ одну, то въ другую брочку; мы его видимъ, но, затаивъ дыханіе, ждемъ, и наконецъ, когда онъ насъ накрываетъ, то вразсыпную бѣжимъ отъ него въ разныя стороны. Перваго попавшагося ему подъ руку онъ тащитъ за ухо къ себѣ. Я рѣдко попадался ему, ибо быстро бѣгалъ и всегда во-время его замѣчалъ. Въ зимніе холодные вечера, въ то время, когда реббе (послѣ обѣда спалъ, мы всѣ садились на печь и рассказывали другъ другу страшныя сказки. Иногда, бывало, мы присаживаемся къ слѣпой старухѣ, матери портного, и она намъ рассказываетъ о еврейскихъ праведникахъ и о чудесахъ. Хотя я хорошо учился, но Талмудъ меня не занималъ; кромѣ анекдотовъ, въ немъ иногда встрѣ-

чающихся, все было совершенно чуждо моей дѣтской натурѣ. Но зато дома я ужасно увлекался разсказами сестры. Этими разсказами я жилъ и о нихъ постоянно думалъ. Въ особенности мастерица разсказывать была вторая сестра моя, Двойра. Еврейскія дѣвочки набожныхъ, и въ особенности бѣдныхъ, родителей находятся въ особенныхъ условіяхъ: ихъ не обучаютъ ничему тому, чему учатся мальчики. Имъ не обязательны молитвы въ синагогѣ и многія другія обрядности. Вообще, еврейки по отношенію религиозныхъ обрядностей считаются также неспособными, какъ и мальчики, не достигшіе 13-лѣтняго возраста. Оттого еврейскія дѣвочки болѣе чѣмъ мальчики имѣютъ возможности учиться свѣтскимъ наукамъ, т.-е. читать и писать на другихъ языкахъ. Страсть ихъ къ ученію такъ велика, что нѣкоторыя дѣти не останавливаются ни передъ чѣмъ, лишь бы научиться грамотѣ. Моя сестра Берта зимою, въ морозъ, въ одномъ платицѣ бѣгала тайкомъ отъ матери къ подругѣ-гимназисткѣ, и тамъ училась грамотѣ. Она брала также уроки русскаго языка у стараго спившагося отставнаго полковника, сжалившагося надъ жаждущей знанія дѣвочкой. Такимъ образомъ научились мои сестры рано читать и писать по-нѣмецки и по-русски. Онѣ проглатывали неизвѣстное количество книгъ, иногда читая книгу всю ночь на пролетъ, чтобы избѣжать неудовольствія матери. Читалось все безъ разбору, что нѣлось въ убогой библиотекѣ, гдѣ книги пріобрѣтались на пудъ: старыя нѣмецкіе романы конца XVIII вѣка, «Три мушкетера», «Тайны Мадридскаго двора», и тутъ же Шиллеръ, Гете, Вальтеръ-Скоттъ; все это читалось безъ всякаго порядка. Въ свободное время, вечеромъ, сестра, бывало, разсказываетъ содержаніе прочитаннаго и съ особеннымъ увлеченіемъ. Я всегда умолялъ, просилъ, чтобы меня допускали къ слушанію этихъ разсказовъ, охотно исполнялъ всѣ порученія сестры, во всемъ слушался, лишь бы не быть лишнимъ этого удовольствія. Всѣмъ существомъ я проникался этими вымыслами, и цѣлыми днями о нихъ думалъ и ими бредилъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны чуждые моему пониманію, моей дѣтской жизни трактаты Талмуда развивали мою память и изощряли мой умъ, съ другой стороны увлекательные разсказы о чуждыхъ мнѣ людяхъ, о невѣдомыхъ странахъ дѣйствовали на мою фантазію и развивали во мнѣ мечтательность. Знаній же я никакихъ тогда не получалъ, и потому поздно пришлось приступить къ настоящей грамотѣ.

Въ Петербургѣ я поступилъ въ частный пансіонъ англичанина Гирса. Плата за ученіе была тамъ высокая и учились тамъ дѣти богатыхъ родителей, но дѣти избалованныя, ничему не выучившіяся дома. Изъ-за русскаго языка меня приняли въ приготовительный классъ, но черезъ два мѣсяца перевели въ первый. Учителя были порядочные, и я охотно учился, но много терпѣлъ отъ товарищей: меня преслѣдовали за мое еврейство, бросали въ мои густые волосы перья, смѣялись надъ моимъ прозано-

шеніемъ, хотя товарищи англичане не лучше меня произносили русскія слова. Во время рекрецій, бывало, меня окружать, притиснуть въ уголъ; одни держать меня за руки, другіе за голову, третьи суютъ мнѣ въ ротъ крестъ, приговаривая: «Цѣлуй!» Я себя спрашивалъ: за что это меня такъ мучаютъ? Куда дѣлись тѣ добрые люди, которые меня зимой такъ ласкали? Знали бы всё тутъ, какіе у меня были знакомые, о чемъ говорили! Знали бы, что я художникъ,—счастливіе ихъ всѣхъ. Но сказать этого я не могъ: не повѣрять, да и не поймутъ. Въ особенности мнѣ ужасно доставалось отъ учениковъ старшаго класса. То были взрослые мальчики, отчаянные шалуны, которымъ не повезло въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и здѣсь, какъ послѣднее средство, ихъ приготавливали къ кадетскому корпусу. Бывало, меня поймаютъ и начнутъ дразнить: «Это ты распялъ Христа». И такъ пристанутъ, что я кричу: «Да, я распялъ!»—«Бей его», кричатъ товарищи. Я вскакиваю на столъ, со стола на скамейку, оббѣгаю весь классъ, и ловко выворачиваюсь отъ преслѣдователей. Но меня за ногу ловятъ и немилосердно бьютъ. Случалось, домой возвращаюсь съ синяками на лицѣ. Разъ директоръ случайно зашелъ въ классъ въ то время, какъ я, стоя на столѣ, отмахивался отъ преслѣдователей ливейкой. Начался строжайшій допросъ. Товарищей я не выдаю, сказавъ, что мы только такъ, играли. Съ тѣхъ поръ многіе оставили меня въ покоѣ.

Въ пансіонѣ я учился годъ, дальше тамъ оставаться не имѣло для меня смысла. Во-первыхъ, слишкомъ дорого стоило ученіе, при томъ это заведеніе, по окончаніи, не давало правъ. Мнѣ всё совѣтовали поступить въ казенное заведеніе и тамъ кончить курсъ. «Надо сперва быть образованнымъ человѣкомъ», говорили мнѣ всѣ хорошіе знакомые. Антокольскій тогда писалъ мнѣ изъ Италіи: «Я постоянно виню себя въ томъ, что не учился, постоянно чувствую неудобство отъ того, что не получилъ систематическаго образованія. Ты не долженъ повторить мою ошибку, и хотя въ Академіи для поступленія требуются 4 класса, но ты кончай весь гимназическій курсъ. Кто образованъ, тотъ сознательнѣе работаетъ. Если у тебя способности есть, ты ихъ и черезъ нѣсколько лѣтъ не потеряешь».

Какъ мнѣ было не слушаться такихъ совѣтовъ, и, позанявшись серьезно цѣлое лѣто (меня учила Екатерина Алексѣевна Мордвинова), я приготовился къ 3-му классу и осенью поступилъ во 2-е реальное училище. Оно было только что основано; туда трудно было попасть, но у меня было рекомендательное письмо къ директору. Тогда директоромъ былъ Р., человѣкъ въ высшей степени педантичный, педагогъ въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова. Послѣ распущенности пансіона, здѣсь поражалъ порядокъ и дисциплина. Цѣлые дни тратились на объясненіе порядка и формы послушанія. Большая часть урока уходила на разсматриваніе дневниковъ, какъ записывать уроки и какія обязанности у ученика. Съ одной стороны я былъ радъ, что товарищи здѣсь

меня не дразнили, а о преслѣдованіи не было и рѣчи. Всякое движеніе, всякое слово, сказанное товарищу, было подмѣчаемо и все находилось подъ бдительнымъ окомъ надзирателя. Но зато чувствовалось и полное одиночество и тоскливость. Всѣ были заняты собою, всякій жилъ подъ страхомъ, не забыть ли онъ какойнибудь обязанности, исполнить ли онъ всѣ предписанія. Учителя были въ томъ же положеніи. Они боялись директора, и ихъ не столько занималъ урокъ, сколько порядки и рамки уроковъ.

Началось настоящее ученіе, и не успѣлъ я познакомиться съ интересующими меня предметами, какъ явилось томленіе и тоска. Все преподавалось въ такихъ дозахъ, такъ сухо, безъ всякой связи, что скоро, вмѣсто того, чтобы учиться для удовлетворенія своей любознательности, я сталъ автоматически «приготавливать уроки» и зубрить, и такъ продолжалъ заниматься до конца курса. Соблюденіе ненужныхъ мелочей (подъ кличкою порядка) внушалось не только во время уроковъ, но и внѣ ихъ; во время отдыха, во время гимнастики и гулянья преслѣдовалась одна цѣль: вытравить личность мальчика и взамѣнъ того вселить въ него какой-то мертвый шаблонъ. Въ особенности неспосны мнѣ были требованія точныхъ отвѣтовъ. Я бѣгу по лѣстницѣ; ввизу натакиваю на самого директора. «Что ты сейчасъ, голубчикъ, дѣлалъ?» вопрошаетъ страшный судья.—«Шелъ по лѣстницѣ».—«Надо сказать: спускаться». — «Спускался». — «Нѣтъ, не спускался, а бѣжалъ». — «Бѣжалъ». — «А что надо дѣлать?» — «Ходить». — «Нѣтъ, спускаться». — «Спускался». И вотъ подобные вопросы и отвѣты постоянно слышались во всѣхъ корридорахъ, классахъ, а иногда, при экстренныхъ случаяхъ, въ кабинетѣ самого директора.

Тотъ же методъ употреблялся учителемъ и на урокахъ: не позволялось передавать свободно своими словами то, что заучивалось по книжкѣ, и часто бывало, что ясный отвѣтъ ученика бракуется, и на его мѣсто рекомендуются ходульные слова. Но все-таки многіе учителя сглаживали и уменьшали ту нелѣпость и вздорность, которыми наполнены были учебники, обязательные для всѣхъ учащихся. Въ учебникѣ географіи Смирнова мы охотно заучивали наизусть всякій вадоръ и преподносили его учителю—это насъ забавляло. Городъ Прага: «Знаменитъ мостомъ святого Непомука. Этотъ священникъ на одной исповѣди не хотѣлъ выдать важной тайны». Неаполь: «Взгляни на Неаполь и умри» и больше ничего. Брѣкъ (Голландія): «Знаменитъ тѣмъ, что тамъ хвосты коровъ привязываютъ къ стойлу, чтобы не пачкать полъ». — Больше ничего. Венеція: «Городъ; вмѣсто улицъ—каналы, вмѣсто каретъ—гондолы» и т. д. Это только при названіяхъ; но тамъ, гдѣ надо было охарактеризовать мѣстность, народность или сдѣлать обобщеніе, тутъ мы заучивали цѣлыя фразы, не понимая ихъ смысла. Исторія (учебникъ Бежарминова) была и того хуже. У насъ составилось убѣжденіе, что все, что написано крупнымъ шрифтомъ, обязательно для уче-

мѣя, но неинтересно; гораздо болѣе интересовало насъ то, что написано мелкимъ шрифтомъ; но по лѣности, чтобы меньше учиться, мы ограничивались однимъ крупнымъ шрифтомъ. Нѣкоторые анекдоты по ничтожеству своему не уступаютъ «привязыванію хвостовъ къ стойлу». Въ исторіи намъ представились порядки нашего же училища: точно мы попарно отправляемся на гимнастику,—такъ отправляются люди на войну, и какъ наши дневники сохранялись въ порядкѣ, такъ и хронологія была нарочно приурочена къ ученію: никакой связи, никакой жизненной правды не было. Заучивалось многое такое, что должно было повліять на самолюбіе и нѣкоторые инстинкты мальчика. Не лучше казалось мнѣ преподаваніе русскаго языка и словесности, этого самаго важнаго предмета, и въ особенности рутинное преподаваніе синтаксиса и логики. Не зная и не чувствуя русскаго языка, я бы долженъ былъ хуже всѣхъ учиться, но на самомъ дѣлѣ, благодаря тому, что предметъ этотъ имѣлъ сходство съ знакомымъ мнѣ схоластическимъ Талмудомъ, я получалъ лучше отиѣтки, чѣмъ другіе. Еще когда дѣло шло о правописаніи и этимологіи, кое-какая польза получалась. Но при преподаваніи логики всякій смыслъ терялся, и чѣмъ больше усваивали этотъ катехизисъ слова именуемый синтаксисомъ, тѣмъ хуже начинали понимать истинный духъ языка.

Впрочемъ, случалось, что личная инициатива учителя вносила живую струю, но это совершалось келейно, секретно отъ директора. Учитель русскаго языка, С., иногда спрашивалъ, какія книги читаются дома, и нѣкоторыхъ просилъ изложить вкратцѣ прочитанное. Учитель естественной исторіи также оживлялъ свой предметъ устными разсказами. Обхожденіе учителей съ учениками было всегда безучастное, холодное, но не злое. Но было одно исключеніе въ этомъ мірѣ порядка и законности, кажется, единственный примѣръ въ Петербургѣ: это учитель географіи Владимірскій. Рыжій, высокій, плечистый; при разговорѣ мигалъ и закатывалъ глаза наверхъ, ноздри у него раздувались и онъ втягивалъ въ нихъ воздухъ, точно обнюхивалъ ученика, чтобы все отъ него развѣдать. Онъ иногда на урокѣ таскалъ ученика за уши и пребольно трепалъ по щекѣ. Меня онъ вызывалъ къ доскѣ не иначе, какъ, «Жидъ, поди сюда!» и показывая на карту, спрашивалъ: «Гдѣ жиды живутъ? Что, теплый народецъ?» Товарищ мой, другой еврей, возмущенный этимъ, пожаловался отцу, а тотъ директору. Но черезъ два мѣсяца несчастный ученикъ долженъ былъ выйти изъ училища, ибо онъ получалъ круглые нули. Курьезно то, что этотъ учитель, наводившій страхъ на весь классъ своею грубостью, былъ въ большомъ почетѣ у директора. Онъ былъ бібліотекаремъ и класснымъ наставникомъ. Узнавъ, что я лѣплю, онъ заставилъ меня лѣпить карты. Я всѣ уроки забросилъ и работалъ только для него. Карты оставались въ училищѣ; я, правда, получалъ за нихъ

награды, но «предметы» и географію въ особенности меньше всего зналъ.

Но нѣтъ худа безъ добра: безучастно относясь къ занятіямъ въ классѣ, я дома удовлетворялъ свою любознательность чтеніемъ, прочелъ многихъ русскихъ писателей и нѣкоторыхъ классиковъ. Въ книгахъ я искалъ не только свѣдѣній научныхъ, но хотѣлось мнѣ примирить нѣкоторыя противорѣчія, которыя меня мучили. Въ особенности хотѣлось мнѣ разобратъ, почему существуетъ такой разладъ въ обращеніи со мной, какъ съ евреемъ. Съ одной стороны, Владимірскій съ его грубыми выходками, съ другой стороны—русскіе хорошіе знакомые, очень образованные и толерантные люди. Сталъ я знакомиться съ другими существующими религіями, прочелъ Евангеліе, прочелъ весь Коранъ и исторію евреевъ. Эти религіозные вопросы бродили у меня въ головѣ нѣсколько лѣтъ, и въ концѣ концовъ создали такой хаосъ понятій, что я долженъ былъ ихъ оставить, не узнавъ ничего существеннаго касательно мучившаго меня вопроса. Въ одномъ только я убѣдился тогда же: что Владимірскіе и ихъ дѣти совершенно невѣжественны въ вопросахъ о національности и о религіи, но по инстинктамъ своимъ они сходны съ тѣми лавочниками, которые на Вознесенскомъ проспектѣ показывали мнѣ свиное ухо, или съ тѣми шалунами въ пансіонѣ, которые совали мнѣ крестъ въ ротъ.

Кончилъ я реальное училище, сдалъ 22 экзамена, устныхъ и письменныхъ, на-чисто и въ бруѣонахъ. Я зналъ наизусть какіе-то параграфы, правила, формулы и числа; все это бродило у меня въ головѣ безъ связи, безъ всякой нужды. Зато получилъ аттестатъ, дающій мнѣ права. Теперь могу поступить въ Академію, куда такъ стремился и для чего потратилъ столько лѣтъ и приобрѣлъ столько знаній.

Во все время нахождения въ училищѣ, я скульптуру забросилъ, да и некогда было искусствомъ заниматься. Рисованіе, которое преподавалось въ училищѣ, мало подвинуло меня впередъ. Правда, мнѣ давали рисовать вещи внѣ программы, но учитель всегда требовалъ чистаго исполненія и штриховки, и за это я получалъ награды и былъ даже освобожденъ отъ платы. И отъ міра художниковъ я отсталъ за это время: многіе развѣкались, а къ другимъ некогда было ходить.

Воскресныя мои посѣщенія Стасовыхъ были единственнымъ моимъ отдыхомъ и развлеченіемъ. Тамъ я слышалъ разговоры о томъ, что происходитъ въ столь интересующемъ меня мірѣ художниковъ, слушалъ часто музыку и чтеніе новыхъ литературныхъ произведеній. Бывало, иногда послѣ обѣда, Надежда Васильевна Стасова садится возлѣ меня и начинаетъ меня спрашивать, какъ живу, что подѣлываю, не нуждаюсь ли въ чемъ-нибудь, не притѣсняють ли меня, какъ еврея? При этомъ она сама рассказывала, какъ ей приходится видѣть много горя, какъ еврейки, пріѣзжающія учиться, терпятъ нужду и съ ка-

чимъ трудомъ онѣ поступаютъ въ учебныя заведенія. Въ то время моя сестра Берта была уже въ Петербургѣ. Послѣ моего отъѣзда изъ Вильны, двое изъ семьи послѣдовали моему примѣру и уѣхали учиться: старшій братъ, который раньше хлопоталъ о моемъ отъѣздѣ, самоучкой въ 2 года приготовился въ послѣдній классъ гимназіи черезъ годъ, сдать всѣ экзамены и поступилъ въ Петербургѣ въ институтъ путей сообщенія; другая сестра поступила въ женскую гимназію. Ей нечѣмъ было жить, и добрая Надежда Васильевна поселила ее въ домѣ «Дешевыхъ квартиръ». Здѣсь она и жила на очень скудныхъ средствахъ. Разговоры съ Надеждой Васильевной всегда были для меня очень пріятны. Она затрагивала тѣ стороны моей жизни, о которыхъ съ другими я стѣснялся говорить. Владиміръ Васильевичъ разспрашивалъ всегда, какъ учусь, что читаю, и давалъ мнѣ книги для чтенія на всю недѣлю. Я оставался у Стасовыхъ всегда очень поздно.

Иногда я также заѣзжалъ къ А. В. Прахову. Онъ тогда стоялъ во главѣ изданія журнала «Пчела». У него бывало всегда шумное общество, все люди разныхъ профессій и разнаго характера: бывали профессора, художники, студенты и люди совсѣмъ мнѣ неизвѣстные. Скульпторъ Микѣшинъ, со своей представительной фигурой, imponировалъ красивыми рѣчами. Всѣ его слушали съ подобострастіемъ. «Это гениальный художникъ, будущность Россіи», говорили нѣкоторые студенты. Часто Праховъ читалъ свои статьи и объ искусствѣ. Много спорили и говорили о полемикѣ, игравшей тогда большую роль въ журналистикѣ. Иногда умнѣйшій, талантливый Коки увлекательно рассказывалъ, и всѣ слушали его съ восторгомъ. Самъ Адрианъ Викторовичъ, обладая способностями къ рисованію, часто затѣвалъ приготовленіе рисунковъ для своихъ лекцій или для изданія, и тогда многіе принимали участіе въ этой общей работѣ. Молодые и старые—всѣ чувствовали себя тутъ хорошо; всѣ веселились.

Итакъ, окончивъ реальное училище и получивъ аттестатъ, я о своей радости написалъ Антокольскому, находившемуся тогда въ Парижѣ. Это было въ 1878 году. Въ это время въ Парижѣ была всемірная выставка. Антокольскій получилъ médaille d'honneur, орденъ и большіе заказы. Онъ былъ счастливъ; вспомнилъ обо мнѣ и послалъ мнѣ деньги, чтобы я пріѣхалъ въ Парижъ, съ нимъ повидаться и выставку посмотреть. Я въ восторгѣ, собираюсь къ отъѣзду, но задержка съ паспортомъ: не хватаетъ документа о припискѣ къ воинской повинности. Мнѣ совѣтуютъ поѣхать въ Гродно, откуда мои бумаги: тамъ приписаться и тамъ же взять заграничный паспортъ.

Въ Гроднѣ заѣзжаю къ моему дядюшкѣ, и отъ него узнаю, что всѣ мои документы были сфабрикованы имъ же, что онъ, состоя чѣмъ-то при еврейской общинѣ, изъ любви къ намъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ устраивалъ наши дѣла. Мое метрическое свидѣ-

*

тельство затерялось еще въ дѣтствѣ, и когда мнѣ надо было поступить въ училище, то онъ мнѣ прислалъ вѣчто замѣняющее метрическое. Когда же я достигъ возраста, и надо было приписаться къ призывному участку, то онъ сталъ сбавлять мнѣ года, и чѣмъ старше я становился, тѣмъ моложе значился въ книгахъ. Эти свѣдѣнія меня ужасно опечалили. Я пробовалъ безъ дядюшки хлопотать въ Думѣ и въ участкѣ, но со мной такъ грубо обращались, что я опять прибѣгнулъ къ этому же дядюшкѣ. Тутъ я впервые столкнулся съ жизнью провинціальныхъ учреждений. Мнѣ больно было видѣть, какъ дядюшка низкопоклонничаетъ передъ мелкими чиновниками. Не стѣсняясь, въ присутствіи всѣхъ, онъ давалъ взятки мѣдными пятаками. По правиламъ, возрастъ еврея, у котораго нѣтъ вѣрнаго документа о рожденіи, опредѣляется по наружному виду приставомъ.

Усталый отъ всѣхъ хлопотъ, убитый, прихожу въ участокъ. Приставъ останавливаетъ меня на порогѣ.

— Стой тутъ. Это тебѣ, жидъ, надо возрастъ опредѣлить? Сколько тебѣ лѣтъ?—уставивъ на меня красные глаза, вопрошаетъ начальникъ.

— Девятнадцать,—говорю я робко.

— Неправда! Ишь глазища какія! Тебѣ 21 годъ.

Пробую я протестовать, говорю, что мать сказала.

— Что знаетъ твоя мать! Можешь уходить,—говоритъ сердито приставъ, и велитъ помощнику писать: 21 годъ.

Оскорбленный, грустный, вышелъ я на улицу. «Почему это такъ унижаютъ меня? Какое обращеніе! Вѣдь я кончилъ реальное училище, находился между хорошими людьми. Неужели меня, какъ еврея, всегда будутъ ругать и на порогъ не пускать?»

Послѣдствія постановленія пристава были печальны: во-первыхъ, ввиду того, что я оказался 21 года, меня привлекли къ суду за то, что до 21 года не приписался къ участку. Судили меня, впрочемъ, не строго: я заплатилъ штрафу всего 1 рубль. Затѣмъ, выдавъ мнѣ свидѣтельство о припискѣ, приставъ мнѣ сообщилъ, что ввиду того, что мнѣ 21 годъ (по его-же опредѣленію), онъ не выдастъ мнѣ свидѣтельства для паспорта. Это какъ ударъ грома поразило меня. Изъ-за этого паспорта я пріѣхалъ, изъ-за него терпѣлъ столько униженій и неприятностей! Я былъ въ отчаяніи, просилъ, но приставъ былъ неумолимъ. Видно, мое горе было очень велико, если письмоводитель канцеляріи обратился ко мнѣ съ совѣтомъ.

— Охота вамъ хлопотать! Достаньте себѣ маленькій паспортъ и поѣзжайте съ Богомъ

— Какой маленькій паспортъ? — спрашиваю я, обрадовавшись, что есть надежда.

— Чудакъ вы, — отвѣчаетъ чиновникъ при общемъ смѣхѣ всей канцеляріи, — точно вы не знаете, что можно достать у мѣстныхъ

евреевъ паспортъ за 5 рублей. Оно дешевле, да и охота вамъ къ намъ шпяться.

Посоветовали мнѣ также пойти къ губернатору, но и тамъ въ канцеляріи сказали, что паспортъ мой затянется на мѣсяца, пока получитъ разрѣшеніе отъ министра; но можно и раньше—тогда это будетъ стоить 10 р. лишнихъ.

Мнѣ это все такъ надоѣло, я былъ такъ измученъ физически и морально, что бросилъ все, написалъ Антокольскому, что не могу прѣвѣхаться, а самъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ все-таки чувствовалъ себя подъ защитой нѣкоторыхъ добрыхъ людей. Исторія съ паспортомъ была только началомъ цѣлаго ряда непріятностей, и зимой этого же года началась настоящая моя одиссея по отбыванію воинской повинности. Исторію эту расскажу я потомъ со всѣми подробностями.

Илья Гинцбургъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БЕЗСОНИЦА.

Сердца стучь гонить сонъ... Мутно-черныя крылья раскрывъ,
Ночь нависла надъ міромъ, какъ злая, летучая мышь...
Дрогнулъ колоколь, золотомъ звона зарю возвѣстивъ,
Мысли зыблятся тихо, какъ тронутый вѣтромъ камышь.

Сердца стучь, бой часовъ... Я безвластно, глубоко одинъ,
Сны пугливо снуютъ, разбѣгаясь по темнымъ угламъ,
На просвѣтѣ окна выступаютъ узоры гардинъ,
Это ночь поблѣднѣла на встрѣчу разсвѣтнымъ лучамъ.

Я усталъ, но въ душѣ, какъ на небѣ, свѣтлѣй и свѣтлѣй,
Тьма уходитъ, дрожить... Не безрадостенъ путь впереди...
Тихій свѣтъ Свой, Господь, въ мое сердце больное пролей,
Я спасенія жду... Приходи, юный день, приходи!

П. Соловьева (Allegro).

НАУКА И ЖИЗНЬ.

Естественныя науки въ средней школѣ.

Задачи реформы: «коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго строя, обновленіе и устроительство русской школы и внесеніе въ дѣло воспитанія русскаго юношества разума и сердечнаго о немъ попеченія». (Прик. мин. нар. проsv. 2-го Апр. 1901 г.)

«Наука учить человѣчество, что самый высшій апелляціонный судъ есть наблюденіе и опытъ, а не авторитетъ; она учить насъ уважать значеніе очевидныхъ доказательствъ...

Физическія науки, нтъ методы, проблемы и трудности встрѣтятся на каждомъ шагу самому бѣдному ребенку; и однако мы воспитываемъ его такъ, что онъ вступаетъ въ жизнь съ такимъ же невѣжествомъ относительно существованія методовъ и фактовъ науки, какое онъ обнаруживалъ и въ день своего рожденія».

(Гёксли. «О методѣ изученія зоологій». 1866).

Средняя школа въ Россіи—созданіе правительства. Прямое вліяніе жизни на школу у насъ еще доселѣ крайне незначительно и выразилось сильнѣе въ низшей школѣ, которая, была предоставлена правительствомъ, за другими болѣе неотложными дѣлами, земству и городамъ. Впрочемъ, въ послѣдніе годы поддержка церковно-приходскихъ школъ и все усиливающійся правительственный контроль надъ всѣми низшими школами показываетъ, что русская государственная власть признаетъ нынѣ и народную школу достойной своего попеченія. Средняя же школа представляла уже съ давнихъ поръ предметъ особыхъ заботъ нашего правительства, и потому тѣ реформы, которыя пришлось претерпѣть этой школѣ въ Россіи, непосредственно зависѣли отъ измѣненія взглядовъ правительства на образованіе и воспитаніе російскаго юношества.

Конечно, эти измѣненія имѣли нѣкоторую связь съ общественной жизнью; иногда даже перемена лицъ, завѣдующихъ просвѣщеніемъ происходила не безъ вліянія того неопредѣленнаго нѣчто, что у насъ называютъ общественнымъ мнѣніемъ. Но никогда нельзя было предвидѣть, какой результатъ получится при этомъ. Трудно угадать, какъ отразятся запросы жизни въ мозгу, часто совершенно чуждомъ этимъ запросамъ.

Поэтому въ исторіи русской средней школы нельзя подмѣтить и намена на какую-либо закономѣрность.

Такъ, по уставу 1804 г. цѣли учрежденія гимназій опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 1) Приготовить къ слушанію университетскихъ наукъ; 2) преподавать свѣдѣнія, необходимыя для благовоспитаннаго человека, и 3) приготовить желающихъ къ учительскому званію въ уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ низшихъ училищахъ. Для этихъ цѣлей считали необходимыми преподавать математику, опытную физіку, исторію, географію, статистику, философію, изящныя науки, политическую экономію, естественную исторію, технологію, коммерческія науки, языки—латинскій, нѣмецкій и французскій и рисованіе. Курсъ былъ четырехгодичный.

Право, для начала XIX-го столѣтія понятіе о «благовоспитанности» у тѣхъ, кому ее вѣдать надлежитъ, было совсѣмъ недурное. Въ 1828 г. произошла первая реформа. Цѣли гимназій остались тѣ же: приготовить къ университету и «доставить способы приличнаго воспитанія», но «приличное воспитаніе» понимали уже иначе. Курсъ сталъ семилѣтнимъ, введены тѣлесныя наказанія (впослѣдствіи замѣнены розгами, какъ болѣе «пристойными»), инспекторъ и комнатные надзиратели, главными предметами дѣлавы древніе языки и математика; первые—«какъ надежнѣйшее основаніе учености и какъ лучшій способъ къ возвышенію и укрѣпленію душевныхъ силъ юношей», математика-же, «какъ служащая въ особенности къ изощренію ясности въ мысляхъ, ихъ образованію, пронипательности и силѣ размышленія». Естественнае изгнано. Черезъ нѣсколько лѣтъ введены аттестаты и отиѣтки, гимназій изъяты изъ вѣдѣнія университетовъ и переданы попечителямъ учебныхъ округовъ (1835). Этотъ уставъ просуществовалъ до 1849 года.

Послѣ 1848 г. древніе языки уже перестаютъ считаться «лучшимъ способомъ къ возвышенію и укрѣпленію душевныхъ силъ юношей»; стали утверждать, что изученіе писателей республиканскаго античнаго міра дурно выиаетъ на благонадежность учениковъ.

Начинаются колебанія между классицизмомъ и реализмомъ (гимназій съ древними языками, гимназій съ естественной исторіей и законовѣдѣніемъ, гимназій съ однимъ законовѣдѣніемъ). Только съ появленіемъ графа Д. А. Толстого классицизмъ восторжествовалъ окончательно. Естественнае изгнано и предоставлено плѣбу—особымъ «реальнымъ училищамъ».

Мы всѣ, увѣ, слишкомъ хорошо знакомы съ «системой» графа Толстого. Мы сами ее выстрадали и она проклятіемъ лежала еще на нашихъ дѣтяхъ. Что она воспитывала? Злобу, лицемеріе, трусость, лѣнь и рабство мысли. Какія знанія давала? Жалкія обрывки латинскихъ и греческихъ исключеній, географическихъ именъ, хронологическихъ таблицъ и славянской грамматики. Все, что можно было

испортить, было испорчено. Одинъ изъ моихъ товарищей, считавшійся виъ челѣ лучшихъ учениковъ, на выпускномъ экзаменѣ путалъ Чацкаго съ Хлестаковымъ, преподаватель словесности проповѣдывалъ намъ въ серьезъ мораль Фамусова и откровенно сознавался, что не читалъ Достоевскаго. Математику совершенно испортить трудно, но и ту преподавали удивительно сухо и механически...

Съ IV—V-го класса пьянствовала и развратничала половина учениковъ, съ VI-го—почти всѣ. Извѣстный порокъ былъ распространенъ почти поголовно.

Въ итогѣ—поколѣніе дряблѣе, озлобленнее, ноющее и безталанное. Какъ мало теперь среди людей 30—40-лѣтняго возраста людей здоровыхъ и талантливыхъ. Придаютъ еще нѣкоторую красочность русской современной жизни, съ одной стороны, молодежь, съ другой—50—60 лѣтніе «мужи». Причинъ этому много, но одной изъ самыхъ важныхъ и ближайшихъ—умирающая нынѣ «классическая система».

Передо мной лежитъ настоящій человѣческій документъ. Передовая статья гимназическаго журнала, писанная ученикомъ VI-го класса гимназіи.

Читая ее, невольно улыбаешься надъ дѣтской наивностью и пламенемъ автора—мальчика, но улыбаешься сквозь слезы: вспомнятся загубленные годы и страданія маленькихъ человѣчковъ—твоихъ пріятелей, и твоихъ собственныхъ.

Считаю далеко не безынтереснымъ привести здѣсь одно мѣсто изъ этой статьи.

«Всѣ мы, гимназисты, хорошо знаемъ,—пишетъ шестнадцатилѣтній авторъ,—какія отношенія существуютъ между нами и нашими наставниками. Стараніе облегчить другъ другу трудъ, обмѣнъ мыслей?

«Ничуть не бывало! Какая-то неприязнь, какое-то недовѣріе другъ къ другу царитъ между ними; за искусство съ обѣихъ сторонъ считается, какъ бы больше другъ другу напакостить. Кто жъ виноватъ? Иные скажутъ: «ученики озлобили учителя». Но вѣдь это же глупо: учитель всегда можетъ, да и долженъ, переимѣнить методу или обращеніе, видя, что прежнія не прививаются къ классу, не подходятъ подъ уровень развитія учениковъ, а онъ озлобляется. Я же, съ своей стороны, отвѣчу—отнюдь не ученикъ виновенъ. Насъ вѣдь 9-ти-лѣтними отдають въ гимназіи, гдѣ-жъ намъ озлобенности набраться, гдѣ къ намъ могла привиться враждебность, какъ не въ гимназіи?

«Посмотримъ, какъ зарождаются такія отношенія между учениками и воспитателемъ. Съ самаго начала начинается эта проклятая система запугиванія: сидите смирно, а то я вамъ единицу поставлю. И дрожитъ мальчущка, боясь, какъ призрака, этого наказанія; но подъ конецъ онъ обживается—дышать въ этой атмосферѣ привыкаетъ, видитъ что не всѣ дрожать, иные смѣло смотрятъ на страшныя единицы и записи, какъ грибы, вырастающія въ журналѣ. Большинство боится

еще, но прибѣгаетъ къ другому оружію—къ хитрости; постепенно изучаетъ характеры учителей, ихъ слабыя стороны, поддѣлывается къ нимъ и, наконецъ, волюнѣ постигаетъ эту пошлую науку. Вы знаете, что появляются даже герои этого искусства, какъ надуть учителя или родителей, отвергнуться отъ наказанія или выкинуть какую-нибудь штуку—все это они понимаютъ въ совершенствѣ, все это они вѣдь сами испытали, всѣ послѣдствія этого они выстрадали и выплакали! Нигдѣ не нашли они отклика на свои страданія и понятно, что подъ конецъ ожесточились. А говорятъ, что-де ученики озлобили учителя. Но это озлобленіе отяжелѣвшихъ мозговъ, что выводятъ ихъ изъ спокойнаго флегматическаго состоянія, наше же ожесточеніе болѣзненное, инстинктивное, оно вызвано цѣлою системой угнетеній и приневѣриванія мысли.

«Возьмемъ даже лучшее отношеніе учителя къ ученику, что встрѣчается еще въ старшихъ классахъ, и то, развѣ учитель учить—нѣтъ, онъ оцѣниваетъ, пробу ставитъ, да и не знанія оцѣниваетъ, а опять-таки способность ученика подладиться подъ его систему, часто даже подъ его характеръ. Ученикъ, въ свою очередь, старается залучить лучшей баллъ. Въ этой борьбѣ проходитъ вся жизнь большинства гимназистовъ съ различными только видоизмѣненіями. Въ младшихъ классахъ одни впадаютъ въ повальную лѣнь, другіе—въ тысячу мелкихъ обмановъ и надувательствъ, третьи,—такъ называемые первые ученики, безъ разсужденія слѣдуютъ системѣ учителя и, не интересуясь ничѣмъ постороннимъ, идутъ по проторенной дорожкѣ. Они самые счастливые. И это образованіе ума! Въ этой сферѣ складываются характеры!

«Въ старшихъ же классахъ большинство учениковъ такъ уже сживается съ этой душной обстановкой, что она и жизни другой не могутъ себѣ представить, какъ ходить въ гимназію, слушать съ подобострастнымъ вниманіемъ учителя, готовить уроки, да, только уроки; пристраститься къ какому-нибудь предмету, заняться имъ самостоятельно они не въ силахъ. Это лучшіе, смиренные, какъ ихъ называетъ начальство, ученики. Другіе же, понявъ всю принаженность такого положенія и махнувъ рукой, перестаютъ работать не только по предметамъ, гнетущимъ своимъ безцѣльнымъ зазубриваніемъ, но даже и по тѣмъ наукамъ, которыя могли бы расширить нашъ умственный кругозоръ и дали бы возможность самому себѣ выяснять свое призваніе. Эти гимназисты положили себѣ въ основу науку получать баллы... Фраза: «меня сегодня не спросятъ, вчера спрашивали»—волюнѣ типичная фраза. Большинство изъ насъ понимаютъ ненормальность такой жизни, но какъ всегда, борются противъ отдѣльныхъ личностей!.. «Вы мнѣ единицу неправильно поставили», «вы его ни за что записали», кричатъ смѣльчаки...

«Вотъ наступаютъ экзамены и съ ними то страданое время, когда

всѣ нервы ученика напряжены, когда всѣ его способности направлены опять-таки къ этой пошлой цѣли: получить лучший баллъ... Но никакія хитрости и уловки не помогли—учитель побѣждаетъ, ученикъ остается въ классѣ. Старые товарищи смотрятъ на него не то съ презрѣніемъ, не то съ сожалѣніемъ—онъ отъ нихъ отворачивается, новые, навязанные ему, дичатся, онъ ихъ презираетъ! И вотъ дружба—самое чистое чувство, рушится еще въ основаніи; у второгодника нѣтъ уже товарищей, у него—одноклассники.

«По какому же праву разбили сильные люди всю нашу жизнь, подавили въ насъ чувство дружбы, довели до такого рабскаго подчиненія мысли ихъ мудрствованіямъ, что мы не признаемъ и возможности мыслить иначе. Намъ говорятъ: «вѣрно, вѣрно, но только вѣдь я вамъ не такъ объяснялъ». Намъ приказываютъ—не вводить въ сочиненія «своихъ мыслей». И послѣ этого у нихъ хватаетъ наглости и тупоумія съ пафосомъ, сострадательно восклицать: «вѣдь вы способный, а такъ учитесь, каково родителямъ-то». И не понимаютъ они, что этой фразой кидаютъ самое грозное обвиненіе самимъ себѣ!

«Какъ же вы, воспитатели душъ человѣческихъ, сознавъ, что ученикъ способный, не могли привлечь его къ занятіямъ?! Значить, эти занятія не удовлетворяютъ способныхъ, а только годятся для тупиць, что вы съ грубой откровенностью сейчасъ же и высказываете, говоря другому: «лу, да, вы занимаетесь; я знаю—вамъ трудно, но успокойтесь, я скорѣе идиотовъ переведу, чѣмъ гѣнтневъ!» Это въ глаза-то ученику... и тотъ ничего, ухмыляется, до того оболванили его разсудокъ и убили самолюбіе, что за похвалу считаетъ онъ эту грубую выходку...»

Далѣе въ этой статьѣ слѣдуетъ программа ученическаго журнала и проектъ организаціи гимназическаго союза для борьбы съ учителями. Журналъ былъ осуществленъ и редакторы были заперты на масляницу въ карцеръ; проектъ же даже самимъ гимназистамъ показался слишкомъ фантастичнымъ. Но дѣло, конечно, не въ незрѣлости мысли и фантазіяхъ. Чего же и ждать отъ шестнадцатилѣтняго мальчика. Поражаетъ здѣсь то ѣдкое озлобленіе, которымъ проникнута вся статья, то глубокое чувство ненависти, которое питаетъ гимназистъ къ своимъ воспитателямъ. Какая ужъ тутъ наука и воспитаніе при такихъ отношеніяхъ!

Эта гимназическая статья писана много лѣтъ тому назадъ; можетъ быть, теперь отношенія между учащими и учащимися стали нѣсколько нормальнѣе, но въ наше время (конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ) гимназія, дѣйствительно, представляла собою два вражде бившя лагерья—учениковъ и начальство, которые вели между собой непрестанную войну и глубоко ненавидѣли другъ друга. Я убѣжденъ, что для большинства моихъ сверстниковъ, учившихся въ классическихъ гимназіяхъ, гимназическіе годы—самое ужасное время ихъ жизни.

Теперь мы снова въ реформѣ. Идетъ коренная ломка системы графа Д. А. Толстого. За родителями признано не только право, но имъ даже вѣнчается въ обязанность «пещись о своихъ дѣтяхъ», рекомендуется «внести въ дѣло воспитанія русскаго юношества разумъ и сердечное попеченіе»; ослабляется, если не уничтожается окончательно, преподаваніе древнихъ языковъ, вводится естествознаніе. Цѣлый потокъ докладовъ, статей, очерковъ и даже повѣстей, посвященныхъ предстоящей реформѣ или гимназической жизни. Общество, отцы, матери начинаютъ питать надежды, что ихъ дѣти будутъ ходить въ школу безъ ужаса и отчаянія и школа вернетъ имъ юношей здоровыхъ, бодрыхъ и развитыхъ... Но не нужно забывать того, съ чего мы начали нашу статью: учебныя реформы въ Россіи носятъ случайный характеръ и даже древніе языки послѣ фавора обвинялись въ неблагонадежности. Впрочемъ, мнѣ кажется, на этотъ разъ есть нѣкоторые основанія думать, что наша средняя школа станетъ все же лучше и нормальнѣе. Вѣдь дальше, чѣмъ классическая система графа Толстого, идти нельзя. Предѣлъ достигнутъ. Нельзя еще болѣе обезличить ребѣнка и юношу, нельзя заставить тратить ихъ время еще болѣе непроизводительно, нельзя создать еще болѣе враждебныхъ отношеній между учителями и учениками. А между тѣмъ стало ясно, что надо куда-то повернуть. Назадъ некуда, значить впередъ.

Однимъ изъ симптомовъ этого «впередъ» будетъ побѣда естествознанія надъ классицизмомъ.

Въ обществѣ эта побѣда уже одержана. Развѣ часто встрѣтите у насъ защитниковъ классицизма, кромѣ учителей древнихъ языковъ?

Такого рода защита, какъ статья А. А. Кирѣева «О предстоящей реформѣ нашего образованія» *) пахнетъ тридцатыми и сороковыми годами. Особенный интересъ представляетъ слѣдующая цитата **).

«Неоспоримое преимущество изученія классическихъ языковъ предъ изученіемъ наукъ реальныхъ,—говоритъ г. Кирѣевъ,—состоитъ въ томъ, что оно требуетъ сосредоточеннаго и притомъ постоянно усиливающагося вниманія ученика, постояннаго углубленія его мысли, причемъ собственно память, то-есть та способность, которою могутъ, и даже въ значительной степени, обладать люди, въ другихъ отношеніяхъ очень ограниченныя, играетъ лишь второстепенную роль... Притомъ при изученіи классическихъ языковъ и литературу мысль ученика вынуждена постоянно болѣе и болѣе углубляться въ мысль все труднѣйшихъ и труднѣйшихъ авторовъ, должна дѣлать все большія и большія усилія, что, конечно, служить къ укрѣпленію и развитію способностей. Въ этомъ состоитъ главнѣйшее педагогическое значеніе древнихъ языковъ... Такой концентрированной постепенности въ напряженіи умственныхъ способностей мы не находимъ въ изученіи естественныхъ наукъ... Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что умъ, подготовленный классическимъ образованіемъ, способенъ работать въ какой угодно сферѣ и въ какомъ угодно направленіи, подобно тому какъ человѣкъ, основательно занимавшійся гимнастикой,

*) «Русск. Вѣстн.», январь, 1902.

***) Цитируемъ по статьѣ проф. Н. Умова. «Р. Вѣд.», 18-ое янв. 1902 г.

развившія правильно и систематично все свои мускулы, способны на всякую физическую работу».)

Здѣсь все хорошо, и увѣренный тонъ, и языкъ плохого подстрочника (концентрированная постепенность въ напряженіи умственной способности), и мысли «время очаковскыхъ и покоренія Крыма». Просто жалко проф. Умова, когда онъ стремится выяснитъ г. Кирѣеву, что память менѣе нужна при изученіи физики, чѣмъ древнихъ языковъ, и что при этомъ «умственная работа ученика никоимъ образомъ не будетъ слабѣе, чѣмъ при изученіи древнихъ авторовъ». Проф. Умовъ, наоборотъ, утверждаетъ, что

«Классическое образованіе, какъ исключительно гуманитарное, держитъ мысль ученика въ сферѣ человѣческаго міра, и въ этомъ отношеніи духовный круговоротъ юности значительно суживается. Ему остаются чуждыми приемы исканія истины и критеріи для оцѣнки правильности сужденій, потому что въ этой области истинное познается или непосредственнымъ чувствомъ, или же какъ фактъ исторіи. Ускользаетъ также различіе между тѣмъ, что относится только къ ходу процесса и что можетъ быть измѣнимо, и тѣмъ, что связано съ природою вещей и остается неизмѣннымъ. Вотъ эти пробѣлы могутъ быть попопаны только естествознаніемъ. Изученіе природы можетъ послужить и къ расширенію здороваго, а не мечтательнаго идеализма. Исключая естествознаніе изъ курса общеобразовательныхъ предметовъ или обезцѣнивая его, школа будетъ выпускать людей съ доминирующими человѣческими интересами. Идеальная черта естествознанія въ томъ, что оно выводитъ мысль за предѣлы человѣческаго, въ тотъ міръ, который есть первоисточникъ всякой истины».

По правдѣ сказать, не очень намъ нравится такая контръ-защита.

Неужели для своего оправданія естественныя науки нуждаются въ ссылкахъ на «природу вещей», на «міръ—первоисточникъ истинъ», на «здоровый идеализмъ» (какой?) и пр. Мы къ этому еще вернемся, теперь же намъ хочется остановиться на слѣдующемъ.

Велика прогрессивная сила науки вообще и естествознанія въ частности, во многомъ на нихъ можно положиться, многое она обѣщаютъ,—но нельзя думать, что сила эта безгранична, и нельзя наукѣ предъявлять задачъ, которыя рѣшаются самою жизнью. Такъ можно успокоить свои порывы и придти къ квиетизму. Въ цитированной выше статьѣ у г. Кирѣева встрѣчаются слѣдующія строки:

«Есть такія минуты въ жизни государственной, когда молчаніе преступно, и вотъ такую минуту мы переживаемъ, да, кажется, и не только въ отношеніи нашего образованія».

«Строки глубоко правдивы—отвѣчаетъ проф. Умовъ,—они могутъ быть продолжены такъ: въ такія минуты особенно тягостно, когда молчаніе вмѣняется въ обязанность, когда человѣкъ вынуждается глушить въ себѣ чувства гражданина. Изобрѣтатель телеграфа безъ проводовъ А. С. Поповъ, конечно, не подорывалъ, какая громадная услуга оказана имъ человѣчеству тѣмъ, что не такъ далеко уже время, когда подобныя тягостныя чувства станутъ анахронизмомъ. Когда аппараты изобрѣтеннаго телеграфа станутъ принадлежностью домашняго обихода, гражданинъ изъ своего кабинета скажетъ свои мысли всей Москвѣ! Хотя это время и не близко, но это—не фантазія!.. Такимъ образомъ знаніе даетъ людямъ духовныя цѣнности тѣмъ, что убираетъ почву изъ-подъ ногъ разныхъ запретовъ. Каждый духовный

актъ—личный, общественный, государственный—имѣть свою матеріальную, техническую сторону: и здѣсь то всегда лежитъ его ахиллесова пята. Отсюда вытекаетъ то нравоученіе, что для рѣшенія вопроса о томъ, какими духовными цѣнностями должны обладать люди, нѣтъ надобности восходить или апеллировать къ естественному праву. Мы съ достовѣрностью можемъ сказать, что тѣ обязанности и тѣ государственныя мѣропріятія, которыя приведутся къ нецѣлостности развитіемъ естествознанія и техники,—неестественны, и наоборотъ. *Reductio ad absurdum* и есть могущественное политическое орудіе техники».

Плохое утѣшеніе, котораго нужно ждать чуть не сто лѣтъ. Къ счастью, «естественное право» еще долго, если не навсегда, останется могучимъ двигателемъ, побуждающимъ человѣка къ борьбѣ за лучшее будущее, беспроволочные же телеграфы прежде всего примѣнены въ англо-бурской войнѣ. Для того, чтобы сказать свои мысли всей Москвѣ, не беспроволочный телеграфъ нуженъ, нужны, прежде всего, мысли, Москвѣ интересныя и важныя, а затѣмъ то, что карась-идеалистъ называлъ «добродѣтелью» и что гораздо больше имѣть связи съ естественнымъ правомъ, нежели съ опытами Попова и Марконя. Роль естествознанія и техники въ «*reductio ad absurdum*» надо отнести въ будущее, когда, вѣроятно, и нужды уже въ этомъ не будетъ, а пока остается одно: мужественно мыслить, мужественно работать и мужественно жить.

Читатель извинить это маленькое отступленіе, въ которое насъ вовлекла излишняя переодѣвка силъ и задачъ естествознанія, сдѣланная проф. Умоѣымъ. Перейдемъ снова къ естествознавію въ средней школѣ.

Мы видѣли, какъ защищаетъ, какое педагогическое значеніе придаетъ естествознавію физикъ, обратимся теперь къ «биологу».

Это тѣмъ болѣе интересно, что мнѣніе этого біолога-профессора Кайгородова имѣетъ теперь большое практическое значеніе. Какъ, вѣроятно, извѣстно нашимъ читателямъ, почтенный профессоръ состоитъ предсѣдателемъ комиссіи, завѣдующей выработкой программъ по естествовѣдѣнію для гимназій. Собственная программа профессора Кайгородова основана на слѣдующей мысли. *) Въ средней школѣ нужно преподавать не ботанику, зоологию и минералогію, а единое природовѣдѣніе, учить дѣтей «вѣдать природу»,

«Вѣдать природу,—продолжаетъ говорить проф. Кайгородовъ,—значитъ умѣть ее наблюдать, понимать, у нея учиться, а ученье это даетъ пищу не только для ума, но и для души. Именно очень много даетъ для души—это надо помнить... Кажется, нѣтъ двухъ равныхъ мнѣній въ вопросѣ о томъ, нужно ли ввести природу въ будущую реформированную русскую школу. Всѣ сходятся въ томъ, что нужно. Да и какъ не сойтись: вѣдь это было какое-то громаднѣйшее недоразумѣніе—изгнаніе природы изъ школы,—недоразумѣніе, передъ которымъ наши потомки будутъ только руками разводять... Такъ вотъ, въ виду приближенія давно желаннаго времени, когда дверь русской школы раскроется передъ природой, пишущаго эти строки—старого друга

*) См. Д. Кайгородовъ. «На равныя темы, преимущественно педагогическія».

и поклонника природы—въ послѣднее время все чаще и чаще сталъ беспокоить вопросъ: какъ-то встрѣтить и принять ее реформированная школа? Принять ли она ее, какъ богатую, умную, красивую, дорогую и долго отсутствовавшую гостью, которую посадить въ красный уголъ и окружить подобающимъ почетомъ и вниманіемъ, или же встрѣтить съ ножами, бритвами и скальпелями, безжалостно разрѣзать на куски, расчленить, заспиртуеть, засушить и расписать по шкафамъ, полкамъ и ящикамъ, откуда по временамъ будетъ вынимать и показывать слушающимъ ученикамъ».

Хорошо пишутъ нынче профессора лѣсной технологии. Просто стихотвореніе въ прозѣ. Бѣдная природа!

Вообще же почтенный лѣсовѣдъ главною цѣлью изученія естественныхъ наукъ *) считаетъ развитіе «чувства природы» и вооружается противъ всякой системы. Погоня за системой и «научностью» преподаванія естествознанія въ средней школѣ привела, по мнѣнію проф. Кайгородова, къ тому, что этотъ предметъ превратился въ какую-то невозможно-сухую матерію, пригодную, можетъ быть, только для гимнастики ума. «Уродуя безъ разбора бритвой и иглой красоту природы, заслоняя системой отъ глазъ учащихся дивную гармонію природы, современное преподаваніе естествознанія въ средней школѣ не только не привлекаетъ къ природѣ, но напротивъ, нерѣдко даже отвращаетъ отъ нея или, въ лучшемъ случаѣ, оставляетъ совершенно равнодушнымъ».

Проф. Кайгородовъ предлагаетъ вести ознакомленіе учениковъ съ природой «во всей ея цѣлокупности по ея естественнымъ составнымъ частямъ—общезитіямъ тѣхъ или другихъ растений и животныхъ съ ихъ разнообразнымъ взаимодействіемъ другъ на друга, въ связи съ неорганической природой и въ связи съ временами года». Онъ предлагаетъ для изученія во время экскурсій слѣдующія общезитія: лѣсъ, краснолѣсье, садъ, поле, лугъ, прудъ, рѣка. Такого рода преподаваніе, по его мнѣнію, во-первыхъ, покажетъ дѣтямъ и юношамъ, что въ природѣ «чуть не на каждомъ шагѣ встрѣчаются сообщества и сожительства, на подкладкѣ взаимопомощи, содружества, любви и альтруизмъ», во-вторыхъ, вызоветъ у учениковъ вопросы «для чего, почему и зачѣмъ» и такимъ путемъ выяснитъ законъ «изумительной цѣлесообразности въ природѣ и того Великаго Разума, которымъ все создается и управляется въ природѣ и во всей вселенной» **). Такие вопросы, напр., зачѣмъ нужны

*) Проф. Кайгородовъ считаетъ названія «естественныя науки» крайне неудачнымъ, какъ будто существуютъ какія-то неестественныя науки, замѣчаетъ онъ, и предлагаетъ замѣнить это названіе словомъ «природовѣдѣніе».

**.) Въ 1865 г. Писаревъ въ статьѣ «Школа и жизнь» писалъ слѣдующее: «Преподавая малолѣтнимъ ребятамъ жалкія дохотыя великой науки, учитель въ большей части случаевъ будетъ еще располагать и подкрашивать эти дохотыя такъ, чтобы они дѣйствовали на чувство и на воображеніе учениковъ именно съ той стороны, съ которой желательно на нихъ подѣйствовать. То, что должно было по буквѣ устава быть изученіемъ природы, превратится такимъ образомъ въ штабмановскія

растенію колючки?» «Для чего румянить дерево осенью свои листья?» «Для чего бродягъ синицы по нашимъ садамъ?» вводятъ по мнѣнію профессора Кайгородова, въ область наблюденій и образуютъ наблюдателя. Считая одной изъ цѣлей преподаванія естествознанія развитіе въ ученикахъ наблюдательности, профессоръ не признаетъ все же служебной роли «природовѣдѣнія» для цѣлей умственнаго развитія. «Развѣ мало имѣется въ распоряженіи школы разныхъ другихъ учебныхъ предметовъ, служащихъ цѣлямъ умственнаго развитія, чтобы для этихъ же цѣлей нужно было еще приносить въ жертву и живую природу—съ пафосомъ восклицаетъ проф. Кайгородовъ.—Нѣтъ! Не для гимнастики ума, а также и не для практическихъ только цѣлей должна занимать природа мѣсто въ школѣ, но для цѣлей болѣе высокихъ—для духовно нравственнаго и физическаго оздоровленія нарастающихъ поколѣній, путемъ приобщенія ихъ къ природѣ. Успѣхъ разныхъ растлѣвающихъ душу новѣйшихъ философій могъ развиваться только на почвѣ всеобщей оторванности отъ природы».

Мы не сомнѣваемся теперь, что послѣ такой рекомендаціи «старога друга и поклонника», «богатую, умную, красивую, дорогую и долго отсутствовавшую гостью» посадятъ наконецъ въ «красный уголъ» и будетъ она оттуда читать нашимъ дѣтямъ прописи и пѣть съ ними кантаты...

Программа проф. Кайгородова обсуждалась и въ печати и въ многочисленныхъ собраніяхъ педагоговъ; между прочимъ, какъ мы упоминали уже въ первой нашей статьѣ *), и на собраніяхъ во время XI съѣзда естество испытателей въ Петербургѣ.

Изъ цѣлага ряда докладовъ и дебатовъ по поводу этой программы, выяснилось, что подавляющее большинство преподавателей естествознанія относится отрицательно къ программѣ проф. Кайгородова. Одни указывали на практическую ея неосуществимость: при обычной для нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній многочисленности учениковъ, при часовой, много 1½ часовой экскурсіи, при относительно небольшомъ числѣ ихъ, невозможно ознакомить учениковъ съ такой громадой сложныхъ явленій, которыя представляетъ собою какое-либо «общезитіе». Другіе смотрѣли глубже и утверждали, что даже при самыхъ идеальныхъ условіяхъ нельзя *въ основу* преподаванія класть экскурсіи и общезитія, такъ какъ всякое преподаваніе требуетъ плана и систематизаціи; третьи обвиняли г. Кайгородова въ томъ, что онъ все возлагаетъ на наблюденіе и совершенно забываетъ объ опытѣ.

и ламартиновскія сахарно-слезливыя медитаціи. Образовательнаго вліянія нечего ожидать отъ этихъ медитацій, потому что, какъ бы они ни были умилительны, однако можно поручиться за то, что ученики отнесутся къ нимъ недовѣрчиво и насмѣшливо,—такъ, какъ обыкновенно относятся дѣти ко всякой хитрой и замшеловатой мистификаціи, направляемой противъ нихъ тенденціонной педагогикой».

*) «М. В.» февраль. «Наука и Жизнь».

Въ противовѣсъ программѣ проф. Кайгородова было представлено нѣсколько другихъ, изъ которыхъ укажемъ, напр., на разработанную программу г. Севрука; онъ стоитъ за опытно-демонстративное преподаваніе естественныхъ наукъ, за то, чтобы ученикъ учился не только совершать и наблюдать, но и мыслить при посредствѣ опыта. Севрукъ въ своей программѣ придерживается обычной системы начинать съ неорганизованнаго міра и идти все къ болѣе и болѣе сложному—къ растеніямъ, животному и человѣку.

Проф. Фаусекъ, давшій въ общей печати *) наиболѣе полный разборъ программы проф. Кайгородова, не оспариваетъ нападковъ послѣдняго на сухость и схоластичность преподаванія естественныхъ наукъ въ нашей средней школѣ и «согласенъ, что погоня за излишней научностью и систематичностью вредитъ дѣлу». «Система, по его мнѣнію, должна явиться въ концѣ изученія, какъ его результатъ, а не въ началѣ», но въ тоже время почтенный зоологъ отвергаетъ всю положительную часть этой программы. [3]

«Въ основѣ изученія естественныхъ наукъ въ школѣ,—говоритъ проф. Фаусекъ,—всегда будетъ лежать точное сравненіе. Умѣнье точно описать, возможно точно сравнить во всѣхъ признакахъ два камня, два животныхъ, два растенія—вотъ исходная точка, изъ которой развилось все огромное дерево естествознанія, и изъ котораго развивается естественнo-историческое образованіе каждаго отдѣльнаго человѣка. Въ этомъ отношеніи предлагаемый проф. Кайгородовымъ «экскурсионный» методъ изученія природы не выдерживаетъ никакого сравненія съ старымъ, комнатнымъ или лабораторнымъ. Во время экскурсій нельзя дѣлать точныхъ сравненій,—можно только глядѣть; то, что проф. Кайгородовъ называетъ наблюденіями въ природѣ, есть только ея осмотръ. Для правильнаго наблюденія нужны сравнимые ряды наблюденій. А если, изучая по Кайгородову «пруди, какъ общежитіе», мы будемъ одновременно знакомиться съ плавунцами, водолюбями и т. д., съ испареніемъ и замерзаніемъ воды, и исследовать *составъ* дна «колодезъ и лопатой»—и все это именно въ природѣ, а не въ лабораторіи,—то какія же это будутъ наблюденія? Въ самомъ лучшемъ случаѣ это могъ бы быть только рассказъ учителя о разныхъ предметахъ, сопровождаемый демонстраціями. [

Ограниченіе программы природовѣдѣнія исключительно родной природой, полное исключеніе изъ элементарнаго школьнаго курса всякаго знакомства съ животными или растеніями другихъ странъ—было бы тоже не только не научно, но и въ высшей степени не психологично, такъ какъ шло бы въ разрѣзъ съ умственной дѣятельностью ребенка, съ требованіями дѣтской любознательности».

Такимъ образомъ, [отношеніе профессора зоологіи къ программѣ профессора лѣсной технологіи совершенно отрицательное.

Были, впрочемъ, и защитники у проф. Кайгородова. Такъ, г. Акинфьевъ на одномъ изъ соединенныхъ засѣданій членовъ XI-го съѣзда и преподавателей естественныхъ наукъ сдѣлалъ докладъ [подъ заглавіемъ «Полугодовой опытъ выполненія программы проф. Кайгородова». Возставая противъ книжнаго схоластическаго преподаванія естественныхъ наукъ, докладчикъ предлагалъ вносить въ преподаваніе воз-

*) «Россія» 14-го Декабря 1901 г.

можно больше биологического элемента, чему, по его мнѣнію, вполне соответствуетъ программа г. Кайгородова. Возражавшіе на докладъ г. Акинѣева доказывали, что выполняемая имъ программа, о которой онъ говорилъ еще пять лѣтъ тому назадъ, имѣетъ очень мало общаго съ программой г. Кайгородова и что никто не отрицаетъ пользы экскурсій, но спорять только противъ того, чтобы класть ихъ въ основу всего преподаванія естественныхъ наукъ.

«Возражая своимъ оппонентамъ,—читаемъ въ «Русск. Вѣд.»,—проф. Кайгородовъ приводилъ весьма слабые аргументы. Онъ говорилъ о любви къ природѣ, о томъ, что надо понимать ее, о томъ, что его программа отвѣчаетъ желаніямъ всей Россіи (!?), такъ какъ имъ ежегодно получается отъ 1.500 до 2.000 писемъ отовсюду, гдѣ выражается то направленіе, въ какомъ желательно изученіе природы, и т. п. Ничего же существеннаго въ защиту своего метода отъ вполне основательныхъ нападокъ проф. Кайгородовъ не сказалъ».

Des chocs des opinions jallit la vérité *). Къ сожалѣнію, эта французская поговорка обыкновенно переводится на русскій языкъ совсѣмъ вольно: «Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало».

По неволѣ, часто задаешь себѣ горькій вопросъ: стѣитъ ли и сталкиваться различнымъ мнѣніямъ, когда изъ этого рождается не «истина», а чувство безсильной злобы? Зачѣмъ намъ истина, если она отвѣщаетъ, не услѣвши расцвѣсть?!

«Ничего существеннаго въ защиту своего метода проф. Кайгородовъ не сказалъ», но сдѣлалъ очень много: онъ сталъ председателемъ комиссіи по выработкѣ программы естествознанія для средней школы.

«Вотъ они, наши російскіе споры».

Мы вмѣстѣ съ Щедринскимъ ершомъ признаемъ, конечно, всю трагичность этихъ споровъ... и все-таки споримъ. Иначе, вѣдь, и дышать нельзя было бы. Нуженъ же хоть призракъ жизни.

Кромѣ того, выступаетъ и слѣдующее соображеніе. Разъ случай царитъ въ нашей жизни, то надежда, что онъ повернетъ въ твою сторону, логикой не обосновывается. «Авось» — вотъ оно единственное оправданіе нашихъ упованій.

Кто бы, напримѣръ, два года тому назадъ могъ предполагать, что система графа Толстого обречена, что въ нашемъ учебномъ строѣ будутъ найдены «существенные недостатки», что будетъ «признано благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію». А между тѣмъ, теперь это свершившійся фактъ. Такъ же и по отношенію къ программѣ профессора Кайгородова. Вѣроятно, она уже прошла по всѣмъ канцеляріямъ, какія требовалось, и вскорѣ наши дѣти будутъ «ислѣдовать характеръ и составъ дна пруда коломъ и лопатой», а также заниматься рѣшеніемъ такихъ глубокомысленныхъ

*) При столкновеніи различныхъ мнѣній рождается истина.

вопросовъ, какъ «для чего бродятъ синицы по нашимъ садамъ», но кто знаетъ, можетъ и подвернется какое-нибудь «авось», и программа естествознанія въ средней школѣ будетъ иная. Последнее предположеніе, конечно, гораздо менѣе вѣроятно, чѣмъ первое,—но все же это даетъ намъ нѣкоторое основаніе толковать и спорить о преподаваніи естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ.

Мы видѣли, какіе различные взгляды по этому поводу высказывали различные профессора.

Господина Кирѣева мы оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ кто же ему повѣритъ, что «концентрированная постепенность въ напряженіи умственныхъ способностей» составляетъ преимущество преподаванія древнихъ языковъ надъ преподаваніемъ естественныхъ наукъ. А если бы и повѣрили, то языки эти можно было бы съ успѣхомъ замѣнить рѣшеніемъ шахматныхъ задачъ, постепенно все болѣе сложныхъ. И въ школѣ было бы тихо, и учителямъ спокойно, и ученикамъ интересно. Впрочемъ, до подобной замѣны гимназисты часто своимъ умомъ доходили и во время интереснаго урока греческой или латинской грамматики, требовавшаго «напряженія умственныхъ способностей», «рѣзались» въ шашки и даже въ карты.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ серьезно говорить о какой-то гимнастикѣ ума, производимой, къ тому же, при помощи грамматики Кюнера и географіи Смирнова. Аналогія между развитіемъ личности и развитіемъ мускула—жалкая аналогія. Если и мускулъ заставляютъ только работать и не питаютъ его, то и мускулъ не только перестанетъ развиваться, но откажется и работать. Какъ же можетъ развиваться личность, если ребенка лишаютъ единственно доступной ему пищи—его собственныхъ ощущеній и мыслей и въ то же время заставляютъ его несложившійся «мозгъ» работать надъ безцѣльнымъ комбинированіемъ словъ. Ясно, что при такой «гимнастикѣ» ростъ личности остановится и мозгъ начнетъ сохнуть.

Наше общество пережило уже эпоху подобныхъ споровъ въ 60-ые годы, а теперь даже проф. Кайгородовъ, столь склонный къ поэзии, эстетикѣ и «идеализму», утверждаетъ, что «изгнаніе природы изъ школы—недоразумѣніе, передъ которымъ наши потомки только руками будутъ разводиться».

Можетъ быть, мнѣ возразятъ, что уничтоженіе въ средней школѣ древнихъ языковъ не ведетъ еще неизбѣжно за собой введеніе естественныхъ наукъ и напомнятъ статью Писарева, котораго, конечно, никто не заподозритъ въ нелюби къ естественнымъ наукамъ.

Дѣйствительно, Писаревъ въ своей программѣ средней школы исключаетъ и естествознаніе, и географію, и исторію, оставлены у него только — Законъ Божій, математика, русскій яз., новые языки, чистописание, физика и космографія. Основанія такого сокращенія числа предметовъ средней школы у нашего знаменитаго «реалиста» были,

главнымъ образомъ, гигиеническія: нельзя дѣтей и юношей заставлять работать по 24—27 часовъ въ недѣлю *), помимо приготовленія уроковъ.

«Съ одной стороны, — писалъ Писаревъ **), — гигиена запрещаетъ школъ обременять дѣтей непосильными учебными занятіями; съ другой стороны, общество совершенно справедливо требуетъ отъ школы, чтобы она выпускала въ жизнь не олуховъ, а образованныхъ и развитыхъ людей, способныхъ и желающихъ сдѣлаться полезными работниками. Школа, разумѣется, обязана мирить требованія общества съ предписаніями гигиены; это — задача очень трудная; но нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать эту задачу неисполнимой».

Школа угождала обществу и забывала о гигиенѣ. Писаревъ выдвигаетъ на первый планъ гигиену и въ этомъ, конечно, глубоко правъ. Естественныя науки онъ исключаетъ изъ своей программы, такъ какъ считаетъ, что «образовательное вліяніе ихъ и состоитъ исключительно въ томъ, что онѣ укореняютъ въ человѣкѣ понятіе о вѣчныхъ и неизблемыхъ законахъ, управляющихъ всѣмъ мірозданіемъ и господствующихъ съ одинаковой силой надъ всѣми явленіями, доступными нашему изученію, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными», а это, по мнѣнію Писарева, можетъ имѣть интересъ только для зрѣлаго или созрѣвающаго человѣка.

Но такъ ли это?

Еще Гексли, который, безспорно, оказалъ вліяніе на Писарева даже и въ вышеприведенномъ взглядѣ на естественныя науки, цѣлью первоначальнаго умственнаго воспитанія, прежде всего, ставилъ — «научить употребленію тѣхъ орудій, которыми человѣкъ извлекаетъ знаніе изъ непрестанной смѣны явленій», и затѣмъ только уже слѣдовало знаніе основныхъ законовъ.

Пыня мы уже не смотримъ на «законы природы» съ такой вѣрой въ ихъ вѣчную непоколебимость, какъ во времена Гексли и Писарева. Мы знаемъ, что законы не есть что-то внѣ насъ существующее, мы знаемъ, что это символы, въ которые человечество заключаетъ міровой опытъ и которые могутъ измѣняться и измѣняются по мѣрѣ накопленія новаго опыта. Наука — совокупность мірового опыта, выраженная въ символахъ, начиная съ наиболѣе общихъ — «законовъ» и кончая простымъ описаніемъ; послѣднее отличается отъ закона только качественно: оно охватываетъ неизмѣримо меньшую совокупность ощущеній, и потому «законно» только для этой совокупности. Цѣль науки, съ одной стороны, охватить все нарастающій міровой опытъ, съ другой — придать ему все болѣе и болѣе общіе символы. Въ концѣ кон-

*) Писаревъ бралъ росписаніе современныхъ ему реальныхъ гимназій. Въ классическихъ же гимназіяхъ по плану 1890 г. уроковъ больше: отъ 23—29 часовъ въ недѣлю.

**) «Школа и Жизнь» Собран. соч. т. III, стр. 535.

цовъ, та и другая дѣли сливаются, такъ какъ чѣмъ больше такихъ общихъ символовъ, тѣмъ легче улавливается и опытъ даннаго момента.

Основа всего нашего знанія—ощущенія, и наука начинается съ момента сознательной систематизаціи ихъ, возможной только при помощи сравненія. Наиболѣе часто встрѣчающіяся ощущенія отпечатлѣваются сильнѣе и рѣзче и потому науку можно назвать типовой фотографіей—человѣчества.

Естествознаніе (включая сюда и математику, и физику) и является той частью науки, которая запечатлѣла наиболѣе частыя ощущенія, легче поддающіяся систематизаціи, и потому оно выражено въ болѣе общихъ символахъ—«вѣчныхъ и неизблѣмыхъ заковахъ» добраго стараго времени.

Вводить ли ребенка и юношу въ эту область науки?

Да дѣло въ томъ, что ихъ нельзя оттуда вывести, они непрерывно находятся въ мірѣ этихъ могучихъ ощущеній, которыя складываютъ у нихъ представленія о времени и пространствѣ, о «я» и окружающемъ мірѣ, о живомъ и мертвомъ, растеніи и животномъ и камнѣ. Дѣти подавлены именно *этими* ощущеніями и сами страстно ищутъ какъ-нибудь въ нихъ разобраться, какъ нибудь систематизировать. Отсюда и потокъ вопросовъ, которыми засыпаютъ васъ дѣти и ихъ любопытство, и ихъ любовь къ животнымъ. Около 40 лѣтъ тому назадъ Гексли говорилъ иными словами и съ иной точки зрѣнія, но почти то же: «физическія науки, ихъ методы, проблемы и трудности встрѣтятся на каждомъ шагу самому бѣдному ребенку, и все же мы воспитываемъ его такъ, что онъ вступаетъ въ жизнь съ такимъ же невѣжествомъ относительно существованія методовъ и фактовъ науки, какое онъ обнаруживаетъ и въ день своего рожденія».

Неужели и мы насильно будемъ отгаскивать нашихъ дѣтей отъ богатой сокровищницы мірового опыта и предоставимъ имъ складывать свои представленія изъ ничтожнаго количества только личныхъ ощущеній и опыта нянекъ и сверстниковъ?

Нѣтъ! пусть съ дѣтства чловѣкъ привыкаетъ мыслить и жить все въ болѣе и болѣе широкой міровой атмосферѣ, пусть для него не будутъ потеряны прожитыя людьми тысячелѣтія и онъ используетъ ихъ какъ можно полнѣе. Только тогда и онъ самъ не будетъ терять почти безслѣдно, какъ пропадаютъ миллиарды споръ и сѣмянъ, а внесетъ свою лепту въ общую жизнь. Естествознаніе должно быть введено въ среднюю школу, конечно, не для гимнастики ума, но и не для развитія чувства природы и эстетическихъ наслажденій, оно должно быть введено, чтобы оттуда выходили люди, способные самостоятельно мыслить и работать. Для этого же нужно, чтобы уже въ юношескомъ возрастѣ: 1) было закончено предварительное знакомство съ приобретеніями чловѣческой мысли, выраженными въ основныхъ положеніяхъ естествознанія, и 2) получилась привычка и свои ощущенія не ле-

лѣять и смаковать, а связывать съ символами человѣчества, т.-е. привычка наблюдать, ставить опытъ и сравнивать.

Такой юноша можетъ входить въ жизнь самостоятельнымъ работникомъ, такъ какъ ему не нужно будетъ тратить время на открытіе Америки, онъ скорѣе классика и эстета найдетъ наиболѣе выгодную позицію для своихъ способностей. И эта позиція будетъ въ то же время и наиболѣе «идеальной».

Я думаю, что теперь не можетъ уже являться вопроса, какъ преподавать естествознаніе, расчленять на части природу или «сажать богатую гостью въ красивый уголокъ». Не въ XVIII-мъ же столѣтіи мы живемъ въ самомъ дѣлѣ, чтобы серьезно говорить о какой-то нерасчлененной природѣ, о «дивной гармоніи» природы, какъ о чемъ-то вѣкъ насъ находящемся.

Въ частности изученіе естествознанія по общепитіямъ относится къ той области, которую Писаревъ такъ неделикатно называлъ «сахарно-слезливыми медитаціями».

Гораздо серьезнѣе вопросъ о системѣ *).

Вся наука есть, собственно говоря, систематизація опыта и потому, конечно, безразсудны и прямо-таки неосуществимы и безцѣльны были бы попытки отказаться отъ системы при преподаваніи.

Мы не намѣрены здѣсь давать подробной программы, мы хотимъ только намѣтить общіе принципы системы преподаванія естествознанія, по нашему мнѣнію, наиболѣе экономныя и наиболѣе справедливыя.

Почему, несмотря на далеко не идеальныя программы и порядки школъ въ Англіи, особенно еще лѣтъ 30—40 тому назадъ, эта страна давала и даетъ столько талантливыхъ, нужныхъ, смѣлыхъ и гордыхъ людей на всѣхъ поприщахъ жизни. Наши «программы» не хуже, а, между тѣмъ, нужныхъ людей мы выписываемъ изъ-за границы и приучаемся обходиться безъ талантливости и гордости. Развѣ вдругъ изъ нѣдръ выскочить талантливый и оригинальный человѣкъ, и какъ искренно начинаемъ мы тогда удивляться, что можетъ «собственныхъ Ньютоновъ и быстрыхъ разумомъ Платоновъ» российская земля рождать». Почему? Причинъ, конечно, много. Но главная та, что въ Англіи и ребенокъ, и юноша гораздо больше, чѣмъ у насъ, живетъ самостоятельной жизнью; тамъ все же признаютъ и за дѣтьми и юношами право жить, а не только готовиться къ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, по какому праву завалили мы всю жизнь «малыхъ сихъ» непосильной работой изъ-за нашихъ эгоистическихъ и близорукихъ разсчетовъ?! Вѣдь въ нашемъ, такъ называемомъ, образованномъ обществѣ ребенокъ и юноша работаютъ, въ общемъ, гораздо больше взрослого и работаютъ, къ тому же, не заинтересованные этой работой непосредственно. По какому праву цѣли нашего возраста мы приняли за ко-

*) Систему, конечно, не нужно, сравнивать съ систематикой.

нечныя, безспорныя и обязательныя для ребенка?! Единственный отвѣтъ—по праву сильнаго и вслѣдствіе блазорукаго расчета...

У русскихъ, какъ у неопитовъ, это сказывается сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было: почти всегда наши программы самыя обширныя, наши учителя самыя безталанныя и педантичныя изъ всѣхъ чиновниковъ всего міра. Отсюда та глубокая ненависть, которую питали, а можетъ быть, и питають у насъ гимназисты къ своему начальству. Но къ тому же въ Англіи, въ Америкѣ, въ Швейцаріи, да, вѣроятно, и въ другихъ странахъ ребенокъ гораздо самостоятельнѣе въ школѣ и гораздо свободнѣе дома; онъ развивается подъ могучимъ вліяніемъ общественной жизни и *вопреки* всякимъ программамъ. У насъ же и жизнь не выше школы, и дома «ужасъ папенька сердить, въ страхѣ маменька сидить, ничего не говорить».

Поятно, что въ Россіи талантливый человѣкъ больше изъ вѣдръ идетъ, гдѣ нѣтъ школы, но зато есть жизнь, полная горя и отчаянія, но въ то же время и своихъ собственныхъ ощущеній, своихъ собственныхъ мыслей.

И ребенокъ долженъ жить собственной жизнью, его ощущенія не только такъ же «законны», какъ и наши, но это единственный фундаментъ, на которомъ можетъ создаваться дѣйствительное, а не формальное знаніе.

Для этого прежде всего нужно, чтобы было физическое здоровье, чтобы воспринимаящій аппаратъ былъ исправенъ; это нужно гораздо больше, чѣмъ для взрослога, такъ какъ «психическая» дѣятельность ребенка и даже юноши преимущественно собирающая, накапливающая запасы ощущеній, какъ бы стягивающая свою индивидуальность.

Поэтому, ребенку такъ хочется двигаться, юношѣ поборотъ препятствія: въ этомъ столкновеніи съ окружающимъ міромъ они создаютъ самихъ себя. И это надо предоставить имъ полную, а не привязывать къ стулу или къ книгѣ и не пручать играть въ взрослога.

Когда наступаетъ періодъ вопросовъ—какъ и почему,—значитъ у ребенка уже накопился достаточный личный опытъ и онъ безсознательно ищетъ уже символовъ для того, чтобы облегчить себѣ дальнѣйшую работу.

Здѣсь на помощь долженъ придти міровой опытъ въ лицѣ взрослога—отца, матери, учителя, здѣсь начинается уже преподаваніе естественныхъ наукъ.

Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ отцы и матери, питомцы классическихъ гимназій и институтовъ, сами невѣжественны въ этомъ еще больше своихъ дѣтей, больше, такъ какъ они не чувствуютъ уже и потребности въ этихъ вопросахъ. Непосредственная жажда знанія ребенка и юноши исчезла, утоленная различными суррогатами въ видѣ винта, сплетни и чичиковскихъ исканій поживы.

Поэтому у насъ въ Россіи средняя школа должна играть особенно

важную роль, должна быть выше жизни, должна вводить наших дѣтей въ сферу мірового опыта, пока они сами еще инстинктивно тянутся къ нему,—поэтому въ наши гимназіи должно быть введено естественное знаніе. Система преподаванія естественныхъ наукъ въ средней школѣ, по нашему мнѣнію, должна быть психологической.

Надо опираться на ощущенія ребенка и, отвѣчая на его вопросы, удовлетворять его стремленію символизировать эти ощущенія. Въ связи съ этимъ пойдетъ и приобщеніе его къ міровому опыту. Противъ такой системы не будетъ протестовать ни ребенокъ, ни юноша, такъ какъ она идетъ навстрѣчу его потребностямъ и не выходитъ изъ сферы ихъ собственной жизни. Они будутъ учиться для себя, а не для тѣхъ соображеній о будущей карьерѣ, которыми руководствуются взрослые, обучая ребенка, и «полезности» которыхъ никакъ не могутъ понять живыя и талантливыя дѣти.

«Странное дѣло,—говорилъ одинъ старый директоръ классической гимназіи, часто лучшіе гимназисты оказываются посредственными въ университетѣ, и наоборотъ, совершеннѣйшіе шелопаи, даже гимназіи не кончать, а попадаютъ въ университетъ—учеными дѣлаются, профессорами!» И посѣдившій въ сороколѣтней борьбѣ съ учениками педагогъ въ недоумѣніи качалъ головою. Ему это было странно, навѣрное, онъ былъ убѣжденъ, что въ университетѣ чего-нибудь не досмотрѣли въ этихъ шелопакахъ: онъ-то, вѣдь, ихъ такъ ужъ знаетъ...

Систему, которая была бы основана на развиваемомъ мною принципѣ, выработать, конечно, гораздо труднѣе, чѣмъ предложить гимназистамъ сокращенную программу естественнаго факультета университета: физика и химія, минералогія, систематика растений и животныхъ, затѣмъ сравнительная анатомія и физиологія; все въ строгой послѣдовательности, идя отъ простаго къ сложному, отъ низшаго къ высшему. Но дѣло въ томъ, что «простое» и «сложное», «высшее» и «низшее»—продукты долгой обобщающей работы нашего ума и вовсе не являются таковыми съ психологической точки зрѣнія. И я напр., вполне согласенъ съ проф. Фаусекомъ, что нельзя въ средней школѣ начинать преподаваніе зоологіи съ низшихъ организмовъ. Дѣйствительно, ребенокъ, только что собравшій основу своего «я» поетъ ему побѣдную пѣсню, онъ все центрируетъ вокругъ этого я; въ это время дѣти—истинные, наиболѣе полные эгоисты; ихъ способности устремлены на ближайшее, наиболѣе похожее на нихъ самихъ, здѣсь они наблюдаютъ и сравниваютъ болѣе детально и болѣе внимательно, все остальное, хотя бы и «простое», для нихъ еще слишкомъ чуждо и не интересно, чтобъ искать въ немъ черты различія и сходства,—это просто «не я». Поэтому, мы начинали бы ознакомленіе съ организованнымъ міромъ съ человѣка—здѣсь наблюдательность ребенка пристальнѣе и мы не выводимъ его изъ сферы его собственныхъ интересовъ. Пусть здѣсь онъ научится научно наблюдать, взвѣшивать, измѣрять, сравнивать и описывать; личные впе-

чатлївія нужно дополнить міровыми—описаніями другихъ племенъ. Затѣмъ можно перейти къ высшимъ животнымъ и растеніямъ. Тутъ тоже начинаютъ обыкновенно съ морфологїи и систематики. Мнѣ кажется, надо начинать съ биологїи, съ процессовъ жизни, и къ нимъ уже приспособлять морфологїю; систематику же предоставить личной любознательности дѣтей. Вообще, на этомъ принципѣ пришлось бы перестроить все преподаваніе въ средней школѣ. Что представляютъ собою современные программы среднихъ школъ? Какой-то винегретъ различныхъ ненужностей, которыя не имѣютъ другъ съ другомъ никакой связи и, къ счастью еще, забываются начисто. Преподаваніе и воспитаніе не отдѣлимы другъ отъ друга; дѣленіе это — схоластическій пережитокъ, наслѣдье тѣхъ временъ, когда серьезно вѣрили, что «мораль» можно вѣдрять сентенціями и розгами, а науку зубревіемъ. И преподаваніе, и воспитаніе въ идеалѣ должны стремиться къ одному: къ наиболѣе полному развитію личности, къ наиболѣе полному слянію ея съ человѣчествомъ. «Человѣкъ есмь и ничто человѣческое мнѣ не чуждо».

Разработать такую систему *развитїя*, конечно, дѣло нелегкое, но мы убѣждены, что въ культурныхъ странахъ оно неизбежно будетъ сдѣлано въ теченіе первыхъ десятилѣтїй текущаго столѣтїя, потому что только система, основанная на удовлетворенїи потребностей развивающейся индивидуальности, будетъ наиболѣе экономной и наиболѣе справедливой.

Передать ученику всю совокупность знанїя немислимо не только въ школѣ, но и въ университетѣ, и не къ недостижимой полнотѣ должно стремиться преподаваніе естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ. Нужно ознакомить юношу только съ главными чертами работы человѣчества, нужно научить его искать при помощи наблюденїя, опыта и сравненїя отвѣтовъ на возникающїе въ немъ запросы мысли въ *науку*, нужно поддержать въ немъ жажду знанїя и развить потребность въ самообразованїи. Большаго нельзя и требовать отъ естествознанїя въ средней школѣ.

В. Агафоновъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Исповѣдники», повѣсть г. Боборыкина.—Новыя теченія, наблюдаемыя авторомъ.—Разныя изъ представители.—Исповѣдники изъ интеллигенціи и народной среды.—Цѣльность послѣднихъ типовъ.—Здоровое религиозное чувство и богоуваженный мистицизмъ, отмѣчаемые авторомъ.—Памяти Александры Аркадіевны Давыдовой.—Ея общественная дѣятельность, какъ издательницы и руководительницы большого литературнаго предпріятія.—Ея организаторскій талантъ и значеніе, какъ редактора.

«Пускай каждый ищетъ своего Бога, создаетъ себѣ свою вѣру и защищаетъ свободу своей совѣсти», говоритъ Булашовъ, главное центральное лицо новой повѣсти г. Боборыкина «Исповѣдники», напечатанной въ первыхъ четырехъ книжкахъ «Вѣстника Европы». Въ этихъ словахъ Булашова заключается сущность всего произведенія почтеннаго автора, который со свойственной ему чуткостью уловилъ то новое, что отмѣчается пока въ общественномъ настроеніи. Возрожденіе религиознаго чувства въ извѣстной части нашей интеллигенціи, оживленіе интереса къ вопросамъ вѣры и даже чисто богословскимъ, стремленіе разбраться въ смутныхъ вопросахъ, возникшихъ въ концѣ прошлаго вѣка,—подмѣчено авторомъ и выражено въ различныхъ представителяхъ этихъ перекрещивающихся теченій. Какъ всегда, маститый художникъ набрасываетъ рядъ легкихъ силуэтовъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ, начиная съ представителей стараго родовитаго барства и до народныхъ типовъ изъ молоканъ и вновь объявившихся «евангеликовъ», давая въ общемъ сложную и очень интересную картину различныхъ оттѣнковъ религиознаго настроенія въ обществѣ и народной средѣ. Можетъ быть, благодаря такому разнообразію и широтѣ картины, страдаетъ глубина художественнаго изображенія, нѣтъ яркихъ, вполне определенныхъ живыхъ типовъ, а скорѣе рядъ бѣглыхъ фотографическихкихъ снимковъ, напоминающихъ быстро снѣгающіяся фигуры кинематографа. Зато повѣсть выигрываетъ въ несомнѣнной живости, и читатель все время заинтересовывается новымъ и новымъ матеріаломъ, который щедро расточаетъ предъ нимъ почтенный авторъ.

Центральнымъ лицомъ повѣсти, какъ мы уже сказали, выступаетъ представитель и проповѣдникъ свободы совѣсти Булашовъ, сынъ извѣстнаго пѣтиста, который положилъ всю свою душу на дѣло проповѣди своей вѣры, лишился свободы и умеръ въ изгнаніи. Булашовъ не раздѣляетъ его пѣтизма, но унаслѣдовалъ отъ отца основной принципъ его вѣры—не насиловать ничьей

духовной свободы. По происхожденію родовитый баринъ, болѣе чѣмъ обезпеченный въ средствахъ, онъ живетъ свободнымъ человѣкомъ, преданнымъ всецѣло своей идеѣ—служить, чѣмъ можетъ, духовнымъ интересамъ народа. Онъ меньше всего сектантъ, и его идея объемлетъ всѣ толки, всѣ секты, такъ какъ для всѣхъ, по его мнѣнію, главное—это свобода совѣсти, которой онъ всѣмъ желаетъ, какъ самаго неопѣннаго и существеннѣйшаго блага. Въ то же время онъ отнюдь не стоитъ за индифферентизмъ въ дѣлѣ вѣры. Напротивъ, его еще въ молодости, на студенческой скамьѣ, по словамъ его друга Костровина, возмущало, «что у насъ въ интеллигенціи—постыдное равнодушіе къ самымъ кореннымъ вопросамъ духовной жизни, въ вопросу совѣсти, къ ея свободѣ, а главное къ тому, что безъ какого бы то ни было исповѣданія нельзя жить, другими словами: безъ Бога». Тенарь онъ съ меньшей страстностью отнесся къ этимъ же вопросамъ, но по главному началу полагаетъ свободу для всякаго вѣрованія. Самъ онъ только «высказующій гряды» и не знаетъ, къ чему еще придетъ, но—твердо заявляетъ онъ, «если намъ интеллигентамъ, нельзя жить безъ высшаго уклада, то народу и подавно. И вотъ для этого народа я всѣми силами души моей желаю полнѣйшей свободы его совѣсти». На дѣло онъ смотритъ съ тѣмъ трезвымъ спокойствіемъ, которое на дѣлѣ ему увѣчьемъ избыточными мечтами, зато помогая ему всѣми средствами, проводитъ эту идею, гдѣ можно, и помогаетъ всѣмъ, кто страдаетъ. Онъ нигде не соврашаетъ, новыхъ вѣрованій не распространяетъ и потому сдерживаетъ себя вполнѣ въ своихъ правахъ служить другимъ. «Я—простой обыватель, занимаюсь своимъ частнымъ дѣломъ. Сегодня здѣсь, завтра на Волгѣ или на Кавказѣ, или въ Сибирѣ». Божія средства, общарныя значенія, власть, полная свобода въ дѣйствіяхъ дѣлаютъ его въ глазахъ всѣхъ отставившихъ себѣ свободу своихъ вѣрованій цѣннымъ и нужнымъ человѣкомъ, сирѣчь и интеллигентомъ и обывателемъ.

Рядомъ съ этимъ энергичнымъ и интереснымъ представителемъ лучшаго стараго дворянства стоитъ его ближайшій другъ и одноклассникъ по школьнымъ годамъ, московскій богатый Костровинъ, лишь совсѣмъ отъ него отличенный, одинъ изъ многочисленной рати развѣнченныхъ интеллигентовъ, но притамаша въ какомъ-нибудь и уныло влачатъ безцѣльные и безрадостные дни. Смиреннымъ, богатымъ, чтобы работать, слышавъ избалованный, чтобы легко удовлетворяться, смилкомъ безхарактерный и неопредѣленный, чтобы считать свою особу центромъ міра.—Костровинъ, одинъ изъ пересѣвныхъ прокутовъ, нашей душевой общественной атмосферы, кому не достаетъ опредѣленныхъ желаній, живетъ онъ больше смутными настроеніями, влекущими его къ какому-то мистическимъ мечтаніямъ, въ которыхъ онъ меньше всего отдаетъ себѣ отчетъ. Себя онъ опредѣляетъ «какъ вырожденца» одной изъ родовитыхъ купеческихъ династій. «Поразительно быстрое вырожденіе!—жалуется онъ Буланову.—Казалось бы, они-то и должны были дать свѣжую кровь, живительные соки. А нѣ выходитъ наоборотъ. У дворянъ—оскудѣніе, но больше матеріальное. Ну, разумѣется, и физическое, отчасти и душевное. Но не такое быстрое. По отцу я бы долженъ быть богатырь. Онъ былъ настоящей отставной кавалеристъ, покушавъ, вѣднѣ въ гдѣ-то, ходилъ на охоту, умаръ ударомъ, также

какъ и его отецъ. А вѣдь родъ-то служилыхъ людей Костровинныхъ двѣстѣтъ даже документально съ четырнадцатаго вѣка, вотъ когда еще Москва была дряннымъ поселкомъ, и гдѣ теперь Боровицкія ворота—былъ боръ, дѣсная чаща, и въ ней срубили первую церквушку—Спаса-на-бору. Собразай: пять-сотъ слишкомъ лѣтъ они несли службу, ломали походы, плясывали, обжирались, и все—ничего! А тутъ въ два какихъ-нибудь поколѣнія—и распадъ! Матушка моя по себѣ Воротилина. Начальникъ ихъ рода пришелъ на Москву мужичкомъ, былъ сначала простымъ прииальщикомъ, кончилъ милліонами, основалъ династію... И что же! Въ главной, прямой линіи сынъ его выказываетъ уже признаки вырожденія. Дожилъ до старости, но съ особымъ нравомъ. Запирался у себя, и такъ, что никто въ домъ не зналъ, что съ нимъ. А съ нимъ были припадки мрачной меланхоли. Никого не допускалъ къ себѣ, даже жену... А въ послѣдней генерациі—уже полное вырожденіе... Это цѣлая трагедія, печально заканчиваетъ Костровинъ, объясняя свое равнодушіе ко всему, бодрѣннейшей апатіей, какъ признакомъ тоже вырожденія. Его жена, представительница столь распространеннаго теперь типа «модернистокъ», прикрывающихъ пустоту души и чисто животный эгоизмъ натуры яко бы самыми современными стремленіями къ красотѣ,—считаетъ его способнымъ къ фанатической преданности какому-либо догмату, строго определенному и ясному. Ему надо стать чѣмъ-нибудь: «шестистомъ или девностнымъ сыномъ господствующей церкви, или сектантомъ, но ему нуженъ исходъ для того, что въ немъ бродитъ и проситъ выхода». Сама она уже достигла своего «исповѣданія вѣры». «Я уразумѣла только недавно,—торжественно заявляетъ она,—что такое истинная мистика, не связанная ни съ какимъ клерикализмомъ. Прежней вѣры во мнѣ нѣтъ, да я и не хочу вставлять себя въ рамки какихъ бы то ни было неподвижныхъ догматовъ, уставовъ, благословеній, проклятій. Но что такое мое «я»? Что оно, предъ чѣмъ-то безконечнымъ, что окружаетъ насъ предвѣчной тайной? И въ ней—вся поэзія и весь высшій смыслъ нашей жизни. Безъ нея нѣтъ творчества, нѣтъ поэзіи! И кто этого лишаетъ—не будетъ ни писателемъ-художникомъ, ни живописцемъ, ни музыкантомъ». Сама она, конечно, ни то, ни другое, ни третье, и «высшая тайна» нужна ей, какъ первичная приправа къ довольно обыденнымъ адюльтернымъ похождениямъ, о чемъ придется говорить дальше.

Таковы три центральныхъ лица, около которыхъ почтенный авторъ искусно группируетъ массу интереснѣйшаго бытового матеріала, поражающаго разнообразіемъ наблюденій и типовъ, выхваченныхъ неутомимымъ художникомъ изъ жизни. Предъ нами проходятъ безконечной вереницей различные представители релігіозныхъ исканій въ различной обстановкѣ и въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ. Балашовъ сначала знакомитъ своего пріятеля Костровина, которымъ онъ взялся руководить въ дѣлѣ исканія вѣры, съ московскими «толками», и авторъ вводитъ насъ въ невзрачную дѣвчонку одного изъ члѣнителей «древлаго благочестія», знатока древней иконописи и рукописнаго матеріала, столь цѣнимаго старообрядцами и раскольниками. Хозяинъ дѣвчонки не представляетъ чего-либо новаго, оригинальнаго, и нуженъ автору для кон-

*

траста: онъ и его толкъ, несмотря на замкнутость и отсталость, все же съумѣли отстоять дорогой для нихъ принципъ свободы совѣсти, чего не знаетъ равнодушная къ этому вопросу интеллигенція. Онъ, простой начетчикъ и антикваристъ, крѣпко держится за него, что и даетъ ему огромное преимущество предъ дряблыми, распатанными Костровинными. Но антикваристъ-старобрядецъ это старый, вѣками выработанный типъ, хорошо намъ знакомый, и потому обрисованный авторомъ рѣзкими стереотипными чертами. Совсѣмъ новыми выступаютъ новые борцы за ту же свободу совѣсти. Таковъ петербургскій ремесленникъ Суздальцевъ, по мастерству столяръ, получившій толчокъ къ развитію еще на религиозныхъ собраніяхъ у отца Булашова. Это—уже рационалистъ, требующій полной свободы для своихъ религиозныхъ влеченій, не желающій подчиняться старинному «такъ вѣруемъ, какъ отцы наши и дѣды». Какъ только онъ почувствовалъ сомнѣніе въ основномъ догматѣ, проповѣдуемомъ послѣдователями отца Булашова относительно «благодати», онъ страстно сталъ разрабатывать его самъ, на свой страхъ, и пришелъ къ своему, личному выводу, на которомъ и утвердился. «Моя совѣсть оставалась чистой и передъ Господомъ, и передъ людьми. Но во мнѣ-то самомъ начало подниматься сомнѣніе. Я не обращался вспять. И теперь я знаю одну благую вѣсть, которую Господь возвѣстилъ ученикамъ своимъ и всему роду человѣческому. Никакой личности я ни въ ту, ни въ другую сторону не ношу. А только самая то суть ученія стала мнѣ представляться по другому». И этого было для него достаточно, чтобы идти своимъ путемъ, не прибѣгая къ чужому толкованію, разъ оно не встрѣчало отклика въ его душѣ. Онъ беретъ у другихъ то, что отвѣчаетъ его личному взгляду, и отбрасываетъ все, что не выдерживаетъ критики его разума и сердца.

Еще глубже и искреннѣе преданы такому же «исканію» новые «евангелики», съ которыми авторъ знакомитъ насъ въ деревнѣ, куда Булашовъ увозитъ Костровина для работы въ дѣлѣ организаціи помощи голодающимъ. Зоветь ихъ обоихъ туда нѣкто Топорковъ, тоже любопытный типъ интеллигентнаго труженника, стремящагося устроить свою жизнь по новому. Онъ писатель, но устроился въ деревнѣ, живетъ вегетаріанцемъ, работаетъ самъ въ деревнѣ, не покидая писательства, и какъ подспорья, и какъ отдыха для души. Съ сектантами-сектантами онъ поддерживаетъ самыя тѣсныя сношенія, но ни онъ на нихъ, ни они на него не оказываютъ духовнаго давленія. Въ нихъ онъ цѣнитъ необыкновенную воспримчивость ко всему, въ чемъ сказываются высшія потребности души. «Разумѣется,—поясняетъ онъ,—я ихъ забираетъ «князь міра». Есть сильные, есть и слабые люди, способные на сдѣлки съ совѣстью. Но—сколько я входилъ въ ихъ бытъ—они составляютъ исключеніе сравнительно съ нашими. Въ молоканяхъ все уже улеглось, ихъ не преслѣдуютъ; а кто перешелъ въ баптисты—у тѣхъ сильнѣе подъемъ религіознаго чувства. Вотъ присмотритесь къ Науму Степанову. Этотъ весь полонъ жажды подвига».

Этого Наума, между прочимъ, обвиняютъ въ совращеніи и противъ него возбуждено дѣло, ради котораго отчасти Булашовъ рѣшилъ лично познакомиться съ ними, чтобы яснѣе можно было при случаѣ представить его дѣло

тѣмъ, отъ кого въ конечной инстанціи будетъ зависѣть судьба Наума. Здѣсь Булашовъ видитъ разныхъ представителей, но у всѣхъ одинъ общій принципъ свободы совѣсти, который очень откровенно проводится ими. На молитвенномъ собраніи мужикъ Василій ясно выражаетъ его, обращаясь къ окружающимъ съ разъясненіемъ, почему пріѣзжіе господа желаютъ поближе узнать разные ихъ «толки». «Извѣстное дѣло. Всѣ одного ищутъ. А чей путь самый правый? Вотъ они,—онъ указалъ рукой на Костровина, — къ нашимъ бывшимъ единовѣрцамъ желаютъ зайти въ часъ ихъ собранія. И съ ними, и съ нами они въ дружествѣ. Такъ-то, небось, лучше. А судить можетъ кто правъ, кто нѣтъ—только Тотъ, Кто сказалъ іудеямъ: «вы-де отъ нижнихъ, Я—отъ высшихъ, вы—отъ міра сего, Я—не отъ сего міра».—Какъ далеко это отъ старой нетерпимости, воспрещающей всякое общеніе съ «не-нашими».

На собраніи у Наума, являющагося «отщепенцемъ» отъ прежнихъ собратій по вѣрѣ, гостей встрѣчаетъ тоже довѣріе и дружеское желаніе ввести ихъ въ свой кругозоръ, дать имъ возможность самимъ заглянуть въ своя «святая святыхъ». Это собраніе у Наума представляетъ лучшую страницу романа. «Только что они (Булашовъ и компанія) переѣхали оврагъ и поднялись на пригорокъ, изъ-за угла дома Наума Степановича гулко донеслось пѣніе. Они переглянулись, можно было даже различить ритмъ хора, въ двѣ-четверти. А со стороны другого поселка вдругъ заблагоувѣстили въ «достойной», въ той церкви съ зеленой крышей, мимо которой они ѣхали на дняхъ со станціи.

— «Чудно!—промовилъ Костровинъ.—Вездѣ славятъ Бога. Оттуда побѣдно несется гулъ колокола. Тамъ, у Василя Егорова только что пѣли, и будутъ еще пѣть, не боясь никакого вторженія.

— «А тутъ мы съ вами легко можемъ попасть въ протоколъ.

«Дверь немного примерзла и отворилась съ трудомъ. Шумъ ея прервалъ пѣніе. Женщины, сидѣвшія и тутъ поодаль, около двери, оглянулись съ зашѣтливой тревогой. Наумъ Степановъ увидалъ ихъ со своего мѣста и приподнялся.

— «Свои!—сказалъ Топорковъ, пропуская впередъ Костровина, которому и тутъ сдѣлалось неловко.

— «Пожалуйста!—пригласилъ ихъ Наумъ сѣсть у окна, справа отъ себя.

«Другіе потѣснились. Народу было гораздо меньше, чѣмъ у молочанъ. Мужчины смотрѣли больше мастеровыми и мелкими лавочниками, чѣмъ крестьянами-хлѣбопашцами. Двое въ инджакяхъ и галстукахъ. У женщинъ также менѣе деревенскій видъ. Всѣ держали книжки, больше по одной на двоихъ. Когда Наумъ сказалъ, что будутъ пѣть,—онъ подложилъ книжку гостямъ. Костровинъ не видалъ этого изданія. Стихи показались ему переведенными съ нѣмецкаго. Были и переложенія псалмовъ. Тотъ хоралъ, что запѣли при нихъ, былъ пріятнаго напѣва—не русскаго, но пѣлся онъ уже съ отгѣнкомъ русской грусти, хотя ритмъ былъ короткій, и напѣвъ скорѣе мажорный.

«Все время Костровинъ смотрѣлъ на Наума, на его лицо и выраженіе глазъ. Тотъ весь ушелъ въ молитвенныя слова, и его голосъ отдѣлялся отъ остальныхъ особенной вибраціей. На столѣ передъ нимъ лежала Библія—въ дорогомъ сафьяновомъ переплетѣ, печатанная гражданскимъ шрифтомъ, а не

книжницей. Кажется, на стѣнахъ было еще нѣсколько темныхъ картоновъ съ серебряными словами евангельскаго текста. И больше никакихъ украшеній или чего-нибудь напоминающаго символическій обрядъ или приготовленіе къ нему.

«Пробѣжали еще одинъ номеръ. Послѣ того Наумъ развернулъ Библію и прочелъ то мѣсто изъ евангелиста, гдѣ говорится о мытарѣ Закхее. Читая онъ гораздо болѣе нароспѣвъ, чѣмъ Василий Второвъ, и съ какими-то притѣхненіемъ въ концѣ каждаго стиха, закрывъ на нѣсколько секундъ глаза, онъ сталъ давать толкованіе евангельскаго текста о томъ что такое горичая вѣра и какъ всѣмъ слѣдуетъ подражать примѣру мытаря, который по малому росту не могъ видѣть Христа и взобрался на дерево.

«Говорилъ Наумъ очень свободно, почти такими же тономъ, какъ и читая вслухъ, дѣлая короткія движенія обѣими ладонями отъ себя и къ себѣ и немого качая головой.

«Костровинъ зналъ, что это еще не все, что Наумъ, какъ духовный руководитель, произнесетъ еще особое молитвенное обращеніе, помимо толкованія евангельскаго текста.

«Слѣдилъ еще одинъ номеръ. Сидѣвшій рядомъ съ Костровинымъ плотный мужчина, рыжеватый и курчавый, съ бородой, въ пиджакѣ и съ серой въ ухѣ предложилъ прослушать еще притчу о Святцахъ. Прочелъ онъ ее толково, но безъ того внутренняго умиленія, какое слышалось во всемъ, что произнесъ или пѣлъ Наумъ. И отъ себя рыжеватый члвкъ въ пиджакѣ сказалъ нѣсколько словъ въ поучительномъ тонѣ, но безъ особой рвчности, опять, можетъ быть, стѣсняясь присутствіемъ гостей.

«Послѣ того Наумъ спросилъ, не желаетъ ли еще кто-нибудь предложить прочтеніе какого-нибудь мѣста? Никто больше не пожелалъ. Прошло молчаніе. Наумъ полу закрылъ глаза и, наклонивъ голову, положилъ ладони на Библію. Такъ пробывъ онъ нѣсколько секундъ.

«И когда поднималъ голову и раскрылъ глаза, весь выпрямился и взглядъ получилъ восторженное, умиленное выраженіе. Одну руку — лѣвую, онъ приложилъ къ груди, другую — слегка приподнял. Это была настоящая молитва, безъ изреченій и дѣйствій, исполнѣ своими словами. Онъ взывалъ къ Богочеловѣку и обращался къ Нему, какъ къ милосердному посреднику, пришлешему на себя все бремя людскаго грѣха.

«Возгласъ «Господи» повторялся все чаще и чаще, но мѣръ того, какъ онъ ускорила темпъ своей рѣчи. Этотъ возгласъ раздавался среди большаго тишины и, видимо, дѣйствовало на слушателей. Въ него Наумъ вкладывалъ всю свою тихую страсть и трепетное упованіе въ милосердіе Того, Кто умилитъ на крестѣ.

«И не было тутъ чего упрекать въ одну минуту, въ учене стѣнахъ, которое Костровинъ слышалъ въ Петербургѣ. Потребность добра, дѣятельной любви, онъ слышалъ въ молитвенныхъ призывахъ. Тутъ слытъ такой сказывался народный духъ проповѣди подвиговъ милосердія и всепрощенія ближнему, куда бытъ, что слыши ругая собранія бытъ не русскаго происхожденія.

держитъ себя и не податлива ни на какія изліянія чувствъ, къ которымъ большой охотникъ самъ Булашовъ. Она рѣзко отклоняетъ всякую попытку въ этомъ направленіи. Эпизоды съ дѣвицей, впрочемъ, не играютъ существенной роли и пристегнуты къ повѣсти, главнымъ образомъ, для полноты дѣйствія, что такъ любитъ г. Боборыкинъ, полагающій, что чѣмъ больше навертѣтъ на одинъ клубокъ, тѣмъ ярче предстанетъ образъ предъ читателемъ, что въ сущности глубоко невѣрно. Отсюда у автора его безконечныя подчеркиванія, масса якобы характерныхъ, а въ сущности нудныхъ подробностей. Сколько онъ ни вертитъ своимъ Булашовымъ въ разныя стороны, личность его не уясняется, что и составляетъ не малый недостатокъ повѣсти.

Интересъ ея, въ концѣ концовъ, сводится къ бытовому матеріалу, образчики котораго мы проводили, и къ тому проявленію религіозности, которое авторъ сумѣлъ подѣлать. Онъ вѣрно отмѣчаетъ безразличіе и равнодушіе интеллигенціи къ вопросамъ вѣры и тотъ пока смутный проблескъ новаго отношенія къ нимъ, хотя и тутъ авторъ дѣлаетъ странную ошибку. Своего Костровина онъ водитъ по разнымъ сѣктамъ и проч. Бѣда ли, однако, въ жизни это такъ. Если вѣрно, что въ интеллигенціи замѣчается возбужденіе религіозныхъ чувствъ, то напередъ можно сказать, что за удовлетвореніемъ ихъ она врядъ ли пойдетъ туда, куда Булашовъ таскаетъ Костровина. Въ чемъ найдетъ она разрѣшеніе своихъ стремленій въ этомъ направленіи, мы не знаемъ.

Позволимъ себѣ сдѣлать маленькое отступленіе. Въ только что вышедшей книгѣ рассказовъ г. Тана есть прелестный рассказъ «На сѣверѣ дальнемъ», въ которомъ авторъ выводитъ американскаго миссіонера среди чукчей, мистера Лерриго. Это, по словамъ автора, «интеллигентъ, рыцарь или, если угодно, фантастъ духа, типъ извѣстный и любимый для русскаго сердца». Съ нимъ происходитъ у автора разговоръ о душѣ и вѣрѣ, имѣющей косвенное отношеніе и къ нашимъ «Исповѣдникамъ».

«— Вы все говорите—вѣра!—сказалъ я.—Скажите, пожалуйста, опредѣленно, во что именно вы вѣрите?»

«Докторъ Лерриго протянулъ руку къ полкѣ и снялъ маленькое, сильно растрепанное Евангеліе.

«— Я вѣрю въ эту книгу!—сказалъ онъ просто, но очень твердо.—Я вѣрю въ то, что Господь создалъ міръ изъ своего слова и что Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ, чтобы спасти мою душу!..

«— И въ чудеса вѣрите?—наставалъ я.

«— Въ каждую букву, которая написана въ книгѣ,—непоколебимо отвѣтилъ докторъ.—Мой Богъ—Богъ славы. Онъ можетъ творить чудеса!.. *Credo, quia absurdum*... Если бы все было просто, была бы не вѣра, а знавіе!..

«— Я не могу сказать: *credo quia absurdum*!—медленно проговорилъ я.

«— Какъ хотите!—сказалъ докторъ Лерриго нѣсколько обиженно.—Но такая вѣра составляетъ единственный исходъ для того, кто живетъ и мыслитъ. Если у васъ нѣтъ вѣры, то скажите мнѣ, какой у васъ останется исходъ предъ лицомъ жизни и смерти?»

«Я подумалъ нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ отвѣтить ему.

«—У современнаго человѣка, того, «кто живетъ и мыслить», не одна, а цѣлыхъ двѣ вѣры. Одна съ евангеліемъ мира и человѣчности, вѣра освобожденнаго Прометей, молодая и свѣтлая, какъ заря, смотритъ впередъ и живетъ будущимъ. Это—вѣра молодыхъ людей. Для нея нужно или очень чистое, или очень счастливое сердце, но нечѣмъ ей залечивать глубокія раны жизни, ибо она перестала сулить награды и воздаянія. И есть еще другая вѣра, какъ черная вѣра поклонниковъ дьявола, но ея мучилъ еще Кантъ и Іовъ на гнощѣ. Ею мучится всякій, кто чувствуетъ и мыслить, но—проливаетъ злыя слезы и свою или чужую кровь...

«—Какой остается у васъ исходъ безъ вѣры?—повторилъ докторъ Лерриго.

«—Протестъ!—отвѣчалъ я.—Вотъ мой исходъ. Это значить, что нѣтъ исхода, и я знаю, что нѣтъ исхода и не можетъ быть, и потому не хочу искать его.

«—Это отъ лукаваго... Только злой внушаетъ такія гордыя мысли!...—съ огорченіемъ сказалъ докторъ Лерриго.

«—Правда!—согласился я.—Въ томъ и исходъ, чтобы быть гордымъ!... Если я сотворенъ несчастнымъ, не стану просить пощады... Предъ опасностью и бѣдою не склоню головы!... Предъ неизбѣжною казною смерти не хочу завызывать глазъ повязкою вѣры!...»

Въ этихъ словахъ нѣтъ отвѣта на поставленный вопросъ, но мы хотѣли только намекнуть, что не къ сектантамъ направить интеллигенція свои исканія вѣры. Нельзя перестать быть самимъ собою, это прежде всего, и кто перешагнулъ за извѣстный порогъ, тому уже нѣтъ возврата назадъ. Сколько угодно можно жалѣть о потерѣ сладостной наивности дѣтства и невинной чистоты сердца, отличающей доктора Лерриго, нашихъ сектантовъ и другихъ вѣрующихъ въ этомъ смыслѣ, но дѣло свершено и послѣдствія его непоправимы.

Скорѣе правъ окажется профессоръ, который въ началѣ повѣсти г. Боборыкина жалуется на пренебреженіе къ положительной наукѣ, какое проявляется къ ней верѣдко теперь съ разныхъ сторонъ. «Когда набьете себѣ оскомину отъ всякихъ теперешнихъ вѣяній и юродствъ—загляните въ ту строгую обитель,—гдѣ на высотахъ, тишина и студеный воздухъ, и куда не доходитъ ничего снизу, изъ людскаго муравейника»,—съ которою вы сравнили науку. Вы найдете въ ней отраду и успокоеніе. Она не обманетъ!...»

Смерть основательницы нашего журнала, Александры Аркадіевны Давыдовой, въ полной силѣ ея необыкновенныхъ способностей, рѣдкаго ума и организаторскаго таланта, явилась тѣмъ неожиданнымъ, роковымъ событіемъ, которое поражаетъ людей своей негѣпостью, чудовищной несправедливостью и непоправимымъ зломъ. Зачѣмъ? Почему? Неужели больше нѣтъ этого удивительнаго по уму и сердцу человѣка, такого обаятельнаго и неотразимо милаго?.. Когда мѣсяца два тому назадъ мнѣ пришлось съ глубокой скорбью писать о безвременной кончинѣ Мушкетова, какъ я далеко былъ отъ мысли, что въ ближайшемъ будущемъ придется говорить и о ней:—«не стало»...

Быть можетъ, тяжело, тѣмъ кому-либо другому, писать о ней именно мнѣ. Семь слишкомъ лѣтъ совѣстной работы, изо дня въ день, связали насъ

тѣми неразрывными нитями нравственнаго общенія, надъ которыми бессильна даже смерть. И въ эту минуту мнѣ кажется, будто я снова говорю съ ней, о журналѣ, о нашихъ планахъ, о будущихъ трудахъ, и она съ обычной бодростью и вѣрой въ себя и людей придумываетъ тысячи путей и средствъ для дальнѣйшей борьбы за любимое дѣло, какимъ сталъ для нея журналъ съ перваго дня его основанія и оставался въ буквальномъ смыслѣ до послѣдней минуты, когда закрылись на вѣки эти удивительные, пронзительные и ясные глаза.

Вступивъ въ редакцію въ декабрѣ 1894 г., я застаю журнальную дѣятельность Александры Аркадьевны уже въ тотъ періодъ, когда ея взгляды на журналъ и его задачи вполне опредѣлились. Первые робкіе шаги уже были сдѣланы, кругъ интересовъ журнала намѣтился, главнѣйшіе сотрудники уже были привлечены и работали такъ, какъ умѣла заставлять работать эта замѣчательная работница. Въ дальнѣйшемъ, въ теченіе истекшихъ съ тѣхъ поръ лѣтъ, шло расширеніе и усовершенствованіе первоначальнаго плана, причемъ вся инициатива и энергія принадлежали всецѣло ей. Мы, остальные ближайшіе сотрудники ея, являлись только болѣе или менѣе удачными исполнителями ея плановъ, надеждъ, упованій и желаній, которыми кипѣла эта неутомимая и неистощимая душа.

Начавъ съ небольшого изданія, которое должно было, по ея плану, заполнить пробѣлъ между журналами, назначенными для интеллигентной публики въ высшемъ значеніи этого слова, и тѣми изданіями, которыми пробавляется малоинтеллигентный читатель, Александра Аркадьевна очень строго и неуклонно проводила эту программу, лишь постепенно и съ крайней осторожностью расширяя задачи журнала. Она была принципиальнымъ противникомъ всякихъ неожиданныхъ расширеній дѣла, не вытекающихъ непосредственно изъ существа его. Зато она смѣло принималась за все, что само собой явилось необходимымъ и требовало осуществленія, хотя и было сопряжено съ несомнѣннымъ расколомъ, какъ новинка, и потому могло встрѣтить неодобреніе. Въ этихъ случаяхъ съ необычайной яркостью проявлялся ея тактъ и талантъ, какъ руководителя цѣлаго предпріятія. Поставивъ себѣ задачу создать широкій популярно-научный журналъ, въ которомъ все отрасли знанія должны имѣть мѣсто, она требовала неизмѣнно одного, чтобы все было доступно для широкой публики. Тутъ не играли никакой роли въ ея глазахъ ни громкія имена, ни заманчивыя названія, а значеніе придавалось только одному — талантливому изложенію и общедоступности. Неуклонно преслѣдуя эту цѣль, она соединила въ теченіе десяти лѣтъ рядъ лучшихъ именъ въ нашей научной литературѣ, незаметно приспособивъ каждого къ той же широкой задачѣ — популяризаціи знаній.

Незадолго передъ смертью, просматривая изданное за десятилѣтіе содержаніе журнала, она говорила съ справедливымъ удовлетвореніемъ, что «тутъ переработано не мало». И действительно, ея личныя труды въ этомъ дѣлѣ были поистинѣ громадны, хотя только немногіе помнятъ о ближайшихъ сотрудникахъ было известно, какое ея личное участіе въ общей работѣ. За все время въ одна строчка, напечатанная въ журналѣ, не проходила безъ ея дѣятельнаго

участія. Она читала все, печатавшееся въ журналѣ, иногда по два-три раза: сначала въ рукописи, когда статья принималась еще, и обсуждала съ авторомъ и членами редакціи, годится ли это для «многихъ читателей», или нѣтъ, потомъ читала въ корректурѣ, когда статья печаталась, не доверяя никому сколько-нибудь ответственности статьи никому, и читала по редакторски, съ карандашомъ въ рукахъ, отмѣчая все неясное, запутанное или неудачно выраженное; тутъ же исправляла, и подчасъ деспотически вычеркивала. Часто авторъ сопротивлялся. Принимая доводы, даже выхвалялъ «къ великодушью», но она, съ совѣстной ея заботливостью и чарующей манерой обращенія, убивала его: «Повѣрьте, дорогой мой, такъ будетъ лучше!» и а не забывала случая, якобы авторъ обижался; такъ какъ въ душѣ долженъ былъ сомнѣваться, что «такъ» выходило, действительно, лучше.

Происходило это отъ того, что Гюльштанъ обладала удивительно развитымъ и изощреннымъ вкусомъ и интуицею въ общественно-политическомъ, что можно и должно сказать въ данный моментъ, и какъ сказать. На обычный вопросъ, можно ли писать въ журналѣ о такой-то вопросѣ, у нея былъ всегда одинъ отвѣтъ; и не только, но и въ виду прежде всего «кого». И въ этомъ отношеніи она была совершенно права, являясь идеальнымъ редакторомъ, всякій советъ и указаніе котораго даже для очень опытныхъ писателей показывались всегда справедливыми. Въ особенности это было справедливо въ вопросахъ политическаго характера. Надо сказать, что политикой она вообще не любила и крайне неохотно допускала ее. «Политика у насъ обыкновенно водится такъ, что большею частью служитъ самими полемическими чужими читателямъ. Въ ульштанъ противники забывають, что она пишеть не для себя, а для читателей, которыми рѣшительно нѣтъ смысла дѣлать «милосердія», чтобы живы и заботливые господа помещицы», гонимыя она и безнѣщадно вычеркивала все лично, неприципально, и хотя бы это была поправка статьи Геринъ въ живости. Не допускала она вообще обостренія вопросовъ въ политикѣ. «Ну, высказались и доводно», такими категорическими рѣшеніями обращалась обыкновенно Гюльштанъ, и протѣившаяся тутъ была негодна. «Нашъ журналъ не партійный, не боевой; онъ долженъ знакомить читателей во время, что происходитъ въ мирѣ. Во время, чтобы читатели были всегда спорящими, свободными съ каждымъ движеньемъ идей и науки». Но стараться рѣшительно на одну сторону и ничего не видѣть и пропускать въ противоположную, значитъ впасть въ ошибку, и это не могу допустить во имя интереса въ чужие читателя, который дѣлать для себя, почти все знаютъ и обо всемъ читать себе живы». Это требованіе терпимости и объективности отъ нея получало себѣ безусловной, особенно въ вопросахъ общественнаго дѣла. Тутъ она была неуклонна и не поддавалась никакимъ компромиссамъ. Никакимъ же ни одной стороны ни другой стороны въ дѣлѣ этого невиннаго. И конечно на нее другое, чего было отъ нея ни стѣнны, гонимыя она обыкновенно упрямые и живы, когда чужой и вѣдѣны для другъ чужими и сама приходить быть отъ обостренности. «Въ крайнемъ случаѣ лучше повѣстичать, съ установленнымъ памятіемъ слышать свое слово, когда ершились и сказать съ полной ясностью». Это «одна» и такъ.

тягостныхъ моментовъ, взвѣсивъ всѣ затрудненія и средства для борьбы съ ними, она спокойно, но твердо заявила, что предпочитаетъ смерть журнала, чѣмъ перемѣну его направленія, которое выработалось годами и считается ею вѣрнымъ.

Такія минуты неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ тягостно отражались на ея здоровьи. Принимая къ сердцу всѣ неудачи съ истинно женской страстностью, она страдала чисто физически по поводу каждой книги, появлявшейся съ урономъ или не по тому плану, какой былъ задуманъ. «Право, нерѣдко говорила она,—каждая женщина въ худшемъ случаѣ можетъ рожать только разъ въ годъ, а я—двѣнадцать, и каждыя такіе роды,—я чувствую это всѣмъ существомъ,—уносятъ добрую часть меня. Эдакъ не надолго хватитъ самаго могучаго организма!»

Тѣмъ не менѣе, до послѣдней минуты она не могла привыкнуть къ столь обычнымъ въ журнальномъ дѣлѣ прорѣхамъ и «изъятьямъ». Казалось, она страдаетъ отъ этого больше, чѣмъ авторы. «Каждый изъ нихъ за себя только страдаетъ, а я за всѣхъ ихъ», объясняла она, и не было предѣла ея стараніямъ смягчить эти неприятели для авторовъ. Она нянчилась съ ними, какъ любящая мать, и ободряла, и уговаривала, и высмѣивала ихъ нервозность и пыталась остроумной шуткой подбодрить упавшаго духомъ. Хотя для опечаленнаго неудачей автора было не легче отъ этого, но устанавливался именно въ такія тяжелыя минуты тотъ сердечный тонъ, при которомъ взаимное пониманіе укрѣплялось навсегда, что и придавало ея отношеніямъ къ сотрудникамъ и послѣднихъ къ журналу особую дружескую теплоту и близость.

Въ сотрудникахъ она видѣла всю силу журнала, и даже самымъ незначительнымъ изъ нихъ дорожила и старалась привязать его къ дѣлу. Она достигала этого своей страстной любовью къ литературѣ и журналу, на который никогда не смотрѣла, какъ на средство для достиженія личныхъ цѣлей. Для нея весь смыслъ журнала заключался только въ его общественномъ значеніи. «Мой журналъ лишь постольку дорогъ мнѣ, поскольку онъ нуженъ другимъ», говорила она обыкновенно. Отсюда вытекала ея неутолимая жажда давать возможно больше новыхъ статей, ея огорченіе въ случаѣ, если эти статьи были тяжелы, неудобочитаемы или плохо написаны. «Кому это нужно? — говорила она.—Это мертвый матеріалъ»,—огорчалась она по поводу той или иной статьи, которую мы, ея ближайшіе сотрудники, подчасъ навязывали журналу по разнымъ, болѣе или менѣе важнымъ соображеніямъ. Съ этими «соображеніями» она никогда не уставала воевать. «Повѣрьте, мы никогда не достигнемъ того, чтобы не было скучныхъ статей: онѣ неизбежны, и я это не хуже васъ понимаю. Но мы должны ставить, какъ идеальное требованіе,—никакихъ тяжелыхъ, скучныхъ статей, а не ваши «соображенія», какъ бы они ни казались существенны». Скучныя статьи, конечно, проскакивали въ журналъ и подчасъ въ изобиліи, что огорчало покойную до слезъ, и когда мнѣ становилось досадно, я укорялъ ее, что это «совсѣмъ по-дамски плакать изъ-за того, что N.N. написалъ скучную статью». На это она язвительно отвѣчала всегда, что это, конечно, «чисто мужская черта—писать скучно и хладнокровно не-

чатать скучныя вещи». «Вы про читателя забываете, вотъ въ чемъ суть,—волновалась она.—Пусть это и важно, и умно, и даже нужно. Но что изъ того, если изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ читателей вашу «умную» статью прочтутъ только два-три спеціалиста и похвалятъ? Вѣдь спеціалисты нашего журнала не читаютъ, у нихъ свои журналы есть. А читатель, тотъ настоящій массовой читатель, что онъ скажетъ, если статья ему не по силамъ?»

Ея идеаломъ было создать такой журналъ, который былъ бы доступенъ для возможно большаго числа читателей и въ то же время съ вполне опредѣленнымъ общественнымъ направленіемъ. Для достиженія этого идеала она не жалѣла средствъ и не щадила себя, выбирая матеріалъ изъ массы иностранныхъ изданій и ведя постояннѣ изумительную переписку съ массой соотрудниковъ. Она сама намѣчала темы, указывала источники, слѣдила по многочисленнымъ библиографическимъ изданіямъ за новыми книгами, въ которыхъ отмѣчала все, что при случаѣ могло пригодиться для журнала. Ея рабочая способность была поразительна. Съ ранняго утра она усаживалась за свою любимую работу—просмотръ иностранныхъ изданій и готовыхъ корректуръ, въ которыхъ исправляла, какъ редакторъ, цѣлыя абзацы, вычеркивала и правила неловкій оборотъ, неудачное выраженіе или переводила всѣ цитаты съ иностраннаго, которыми иногда такъ любятъ щеголять иные писатели. «Мой читатель не знаетъ иностранныхъ языковъ,—сердилась она за эти цитаты,—ему надо облегчать доступъ къ знанію, а не затруднять непонятными фразами». Читала она бездну книгъ, выходящихъ на всѣхъ языкахъ, и въ то же время внимательно и чутко слѣдила за всѣмъ, что происходитъ въ родной литературѣ и журналистикѣ. Каждая новая книга журнала или новаго автора прочитывалась ею съ карандашомъ въ рукахъ и испещрялась массой помѣтокъ, подчеркиваній, выписокъ на поляхъ, иногда цѣлыми характеристиками автора или его мысли. Благодаря рѣдкому врожденному уму, изощренному многолѣтнимъ общеніемъ съ лучшими нашими литературными и научными силами, она тонко разбиралась въ самыхъ сложныхъ общественныхъ вопросахъ и въ особенности въ нашихъ такъ называемыхъ направленіяхъ. Въ первые годы изданія журнала она избѣгала давать ему болѣе или менѣе опредѣленную окраску. Это были годы исканія, когда журналъ еще слагался. Къ тому же, начало 90-ыхъ годовъ, когда она приступила къ изданію, было временемъ броженія общественной мысли, новое только еще намѣчалось, старое казалось еще въ силѣ, хотя уже утрачивало постепенно свое обаяніе. Такъ и пониманіе ею общественнаго настроенія въ то время именно сказалось въ томъ, что журналъ сохранилъ полную свободу дѣйствія, не связавъ себя ни съ какимъ опредѣленнымъ теченіемъ. И лишь по мѣрѣ развитія и выясненія новыхъ настроеній, она постепенно придавала журналу тотъ характеръ, какимъ онъ отличался потомъ въ ряду другихъ изданій. Какъ «кормщикъ умный», она была далека отъ всякихъ временныхъ увлеченій и направляла свой «грузный челнокъ» въ ту или иную сторону послѣ глубокаго обдумыванія и напряженнаго изученія перекрещивающихся общественныхъ теченій. Правильнъ ли былъ взятый его курсъ, или нѣтъ, не мнѣ судить, но это было ея искреннимъ убѣжденіемъ... Въ дальнѣйшемъ ея роль,

какъ редактора, была умѣряющею, какъ говорили раньше, и въ минуты особенно ожесточенныхъ споровъ она не позволяла въ своемъ журналѣ ничего лишняго, непринципальнаго, и если что-либо подобное и проскальзывало, это огорчало ее больше, быть можетъ, чѣмъ тѣхъ, кого это непосредственно затрагивало. Мизантропство ея натуры не выносило ничего рѣзкаго, грубаго, ее просто коробило отъ полемическихъ выходовъ, направленныхъ противъ личности протинника, и она не уставала никогда бороться съ проявленіями некорректности и нестерпимости въ полемикѣ. Подъ натискомъ своихъ болѣе молодыхъ и пылкихъ сотрудниковъ она уступала крайне, нескотно и всегда оставляла за собой послѣднее слово: «Вы сами пожалуйте объ этомъ впоследствии»,—и была права въ большинствѣ случаевъ...

Такая напряженная работа изо дня въ день, въ теченіе десяти лѣтъ, работа всѣми силами души, всѣми нервами, могла бы, въ концѣ концовъ, свалить и гиганта. Что удивительнаго, если, наконецъ, ее сердце не выдержало и разбилось? Самый успѣхъ журнала уже не радовать ее,—онъ былъ достигнутъ слишкомъ дорогой цѣной, а усталость, дававшая себя чувствовать все чаще, вызывала ощущеніе горечи, которая проскальзывала въ ее отношеніи къ дѣлу и людямъ. «Да,—говорила она, глядя на редакціонныя полки, на которыхъ покривили сто двадцать «рожденныхъ» ею книгъ,—тутъ вложено много труда, таланта, знанія, но нужно ли это кому? Не самеебманъ ли это, и стоило ли затрачивать столько усилій?...» Тѣмъ не менѣе, до послѣдней минуты она продолжала свою работу и умерла, какъ солдатъ на посту. За четыре дня до смерти она составила программу апрѣльской книги и рассматривала новыя иностранныя изданія, выбирая нужныя статьи для перевода. Почти наканунѣ смерти она сдѣлала необходимыя распоряженія по выпуску мартовской книги. «А то, боюсь, по случаю моей смерти книга закъсаетъ». Подписавшимъ гдѣ дѣла до того, жива я или нѣтъ, а книгу они должны получить во время». Сама отредактировала объявленіе для газетъ о своей смерти. «Чтобы не менѣе всякихъ жалкихъ словъ Торіѣвъ не могу этой показной казенной скорби...»

Эта славная смерть, спокойная и безстрашная, блестяще завершила эту чудную жизнь, богатую впечатлѣніями, полную труда, преданію общественнымъ интересамъ. Умирая въ полномъ разгарѣ своей дѣятельности, Александра Аркадіевна могла съ гордымъ самоудовлетвореніемъ глядѣть на дѣла своей жизни, оставляя его въ цвѣтущемъ и развивающемся видѣ. «Мой журналъ», какъ съ полнымъ правомъ называла она «Миръ Божій», превзошелъ самыя смѣлыя ея ожиданія, и достигла она этого только однимъ—честнымъ, безкорыстнымъ, самоотверженнымъ трудомъ, любовью къ дѣлу и людямъ и правдѣ, которую одну лишь преслѣдовала покойная, ею руководствовалась и ей служила. «Только правдой можно укрѣпить дѣло и завоевать людей. Все остальное приложится», было ее любимой поговоркой.

Какъ человекъ глубоко-религіозный,—не той показной религіозностью, которая состоитъ въ исполненіи обрядовъ (обрядовъ она не исполняла никакихъ),—она вѣрила, что духъ ее не умретъ. И мы вполне раздѣляемъ ее

— Разведутъ же такую скучищу! Вѣдь ни одна кошка этого чвать не станетъ! А напиши это же самое иначе...

Какъ редакторъ-издательница, она обладала большимъ чутьемъ относительно того, что нравится, что интересуется широкій кругъ читателей.

— Вѣдь я сама средній читатель, оттого я и знаю,—поняла она.

Но это была скромность выдающагося человѣка, несправедливаго къ себѣ.

Въ ней совсѣмъ не было тщеславія. Она никогда не выдвигалась впередъ, не старалась обратить на себя вниманіе, подчеркнуть свое вліяніе или значеніе. Да ей это и не нужно было. И безъ ея стараній судьба всегда выдвигала ее изъ толпы сѣрыхъ, рядовыхъ обывателей. Красивая, и сверхъ того обаятельная, Александра Аркадьевна шестнадцати лѣтъ вышла замужъ и, благодаря своему мужу, сразу попала въ тотъ блестящій кругъ выдающихся артистовъ и художниковъ, попасть въ который составляетъ предметъ недостижимыхъ мечтаній для многихъ людей. И въ этомъ кругу она сѣмъ заняла видное мѣсто, не только какъ жена своего мужа, но и по праву своей даровитости.

Ея жизнь была богата встрѣчами и впечатлѣніями, и это обострило ея врожденную наблюдательность, выработало изъ нея настоящаго психолога.

Когда Александра Аркадьевна бывала въ духѣ и начинала рассказывать о Рубинштейнѣ или Чайковскомъ, о Гаршинѣ или Гончаровѣ, всѣ они проходили передъ вами какъ живые. Нѣсколькими словами, интонаціей, характерной подробностью, юмористическимъ, или трогательнымъ фактомъ она такъ ярко и выпукло умѣла обрисовать фигуры этихъ крупныхъ людей, что въ ея бѣглыхъ очеркахъ они выходили живыми, чѣмъ въ длинныхъ, подробныхъ біографіяхъ.

— Хотъ бы вы, Александра Аркадьевна, записки написали,—часто говорили ей друзья, заслушавшись ея талантливыхъ рассказовъ.

Но, къ сожалѣнію, она не исполнила ихъ просьбы. Диктовать ей не хотѣлось, да и некогда было, а сама она не писала. Можетъ быть, дѣйствительно, она владела только талантомъ рѣчи, но не письма.

По крайней мѣрѣ, она никогда не написала ни строчки для своего журнала. Незадолго до послѣдней болѣзни, увлеченная какимъ-то религиознымъ рассказомъ, она хотѣла сама перевести его, но со страхомъ прибавляла:

— Только не знаю, сѣмъ-ли?

Но, если въ ней не было литературнаго дарованія, зато былъ талантъ организатора. Руководя такимъ сложнымъ и шаткимъ дѣломъ, какъ журналъ, Александра Аркадьевна пускала въ ходъ всю свою опытность, все знанье людей, всю свою рѣдкую практичность. Но всѣхъ этихъ качествъ было бы мало, безъ ея необычайной способности понимать людей. И внѣшнія условія нашихъ литературныхъ предпріятій, и внутреннія сношенія съ цѣлымъ батальономъ сотрудниковъ, постоянно требовали напряженія ея дипломатическихъ способностей. У большинства писателей самолюбіе почти всегда находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. Точно въ душѣ ихъ востъ незаживающая болячка горделивой обидчивости, и одного прикосновенія къ ней, иногда даже мнимаго, достаточно, чтобы вызвать цѣлую бурю. Это одна изъ трудныхъ и темныхъ сторонъ писа-

тельской психологін, но Александра Аркадьевна, съ рѣдкимъ тактомъ и умѣньемъ, обходила ее, не задѣвая и не обижая никого.

Тутъ опять-таки она ставила интересы дѣла, журнала, выше своего личнаго тщеславія или неакаго самолюбія и, пользуясь своимъ шагъ'омъ, быстро и мягко улаживала возникающія недоразумѣнія и столкновенія. Сдѣлавъ изъ этого журнала центръ своей жизни, она и въ сотрудникахъ дѣлила преданность своему любимому дѣлу и, если говорили о ихъ недостаткахъ, часто отвѣчала:

— Но вы не знаете, какъ такой-то, (или такая-то), преданъ нашему журналу.

Этимъ ее можно было совсѣмъ купить. И она сама часто шутила надъ этой своей слабостью.

Шутить она умѣла такъ же хорошо, какъ и рассказывать. Бя мѣткій, иногда умышленно грубоватый, юморъ поражалъ неожиданностью и какой-то особой, граціозной откровенностью. Александра Аркадьевна никогда не боялась высказать свое мнѣніе, все равно, сходилось ли оно съ ходячими взглядами, или расходилось.

— Это не то... Это не настоящее...—Говорила она о чемъ-нибудь, или о комъ-нибудь, кто былъ въ модѣ, или въ славѣ, но почему-либо не удовлетворялъ ея требованьями.

Понятіе о настоящихъ и не настоящихъ людяхъ у нея было тоже своеобразное. Живя постоянно въ кругу артистовъ,—музыкантовъ, композиторовъ, писателей,—она научилась не прилагать къ людямъ обычной мѣрки шаблонныхъ добродѣтелей и пороковъ, а дѣлила въ нихъ выше всего умъ, доброту, даровитость. Сама занятая съ утра до вечера, она не выносила лѣтняевъ.

— Бездѣльники!—презрительно говорила она, и на ея подвижномъ лицѣ выражалось чуть ли не отвращеніе.

Раздражало ее тоже въ людяхъ мотовство и нерасчетливость.

— И какъ это они не понимаютъ, что это просто неприлично, такъ деньги сорить,—досадливо говорила она.—Сколько можно на эти деньги хорошаго сдѣлать.

Въ своихъ личныхъ расходахъ она была расчетлива, почти до скупости, откладывая и уменьшая до послѣдней возможности каждую трату. Сколько разъ ворчала она на своихъ сотрудниковъ за ихъ неизмѣнную для русскаго литератора, привычку брать авансы и убѣдительно доказывала имъ, что это все происходитъ отъ распущенности и невыдержки, и что нельзя же рабочему человѣку не умѣть считать деньги? Но эта, болѣе или менѣе добродушная, веркотня не мѣшала ей, конечно, давать авансы.

Также какъ умѣнье хорошо считать деньги не мѣшало ей оказывать щедрую денежную помощь тѣмъ, кто почему-либо попадалъ въ тяжелыя условія. И она дѣлала это совершенно незамѣтно и безшумно, такъ что многіе, зная ея расчетливость, и не подозрѣвали въ ней способности быть щедрой для другихъ.

Впрочемъ, Александру Аркадьевну вообще не легко было узнать. Въ ней

была такая смѣсь скрытности и откровенности, прямоты и тактичности, устойчивости и непостоянства, что часто она поражала даже близкихъ людей неожиданностью мѣнній или поступковъ. Но эта перемѣчивость была чисто внѣшняя, отражалась только на мелочахъ. Въ главномъ, въ достиженіи намѣченной цѣли, она всегда была послѣдовательна и упорна.

Когда Александра Аркадьевна колебалась, не могла ни на чемъ остановиться и нѣсколько разъ мѣняла рѣшеніе, то, въ сущности, это было вызвано не столько нерѣшительностью, сколько привычкой вслухъ высказывать свои соображенія и тоже заставлять другихъ высказываться. Она отлично умѣла изъ каждаго мѣннія взять то, что въ немъ было разумнаго и практичнаго, и примѣнить все это къ дѣлу. Эта способность особенно пригодилась ей въ первые годы веденія журнала, когда, совсѣмъ неопытная въ этомъ, она старалась совѣтываться съ уже испытанными журналистами и принимала ихъ совѣты къ свѣдѣнію.

Вообще Александра Аркадьевна умѣла слушать, а когда нужно было, такъ и слушаться. Очень женственная по складу натуры, она была совсѣмъ лишена одной изъ самыхъ скверныхъ женскихъ особенностей—безтолковаго, неразумнаго упрямства. Ея капризы,—а она, какъ и всякая женщина, а тѣмъ болѣе балованная, подчасъ капризничала,—носили всегда очень безобидный, несущественный характеръ. Тѣмъ болѣе, что она умѣла съ такими забавными остроуміемъ требовать ихъ выполненія, что даже досаждать на нее долго было трудно.

Это остроуміе, вмѣстѣ съ умѣніемъ слушать, придавало большую прелесть разговору съ ней. Умная и чуткая, она удивительно быстро и тонко, безъ словъ понимала чужое настроеніе, схватывала съ одного намека чужую мысль. Оттого съ ней никогда не было скучно. Систематическаго образованія она не получила, но ея живой, быстрый умъ на все отзывался и сразу улавливалъ сущность вопроса.

Но иногда, когда какой-нибудь вопросъ, или книга, казались ей слишкомъ научно-скучными, она, конечно не безъ кокетства, говорила:

— Ну, я этого даже и понять не пробую...

И улыбалась своей милой, лукавой улыбкой. Впрочемъ улыбка, у нея была не одна, а цѣлый арсеналъ ихъ. Мало знакомые люди чаще всего видѣли ея привѣтливую, любезную улыбку. А любезной она умѣла быть, точно маркиза XVIII столѣтія, что не мѣшало ей, улыбаясь, говорить порой безпощадно правдивыя и колкія слова.

Но въ послѣдній годъ она гораздо чаще плакала, чѣмъ смѣялась. Смерть дочери, Лидіи Барловны Туганъ-Барановской, была той безпощадной, ненужной и возмутительно жестокою судьбою, которая сразу убила въ жизнеспособной и дѣятельной, еще далеко не старой Александрѣ Аркадьевнѣ всѣ интересы стремленія. Правда, въ дочери она потеряла сразу и друга, и помощницу. Туганъ - Барановская унаслѣдовала отъ матери и выдающійся умъ, и дѣятельный характеръ, и тотъ же подкупающій юморъ, только у нея онъ всегда имѣлъ болѣе безобидный характеръ, чѣмъ у матери. Безко-

нечно-добрая, отзывчивая, деликатная, она всегда боялась задѣть, сдѣлать больно кому-нибудь. Въ ея шутиливой веселости было что-то дѣтски-подкупающее, въ ней чувствовалась чистота человека, сжывшаго, при всей наблюдательности и провицательности, сохранить душевную свѣжесть и нестрогость, особенно поражающую въ литературномъ, все анализирующемъ кругу. У нея былъ совершенно особенный талантъ общественности, вытекающій изъ ея ненасытной любви къ людямъ и къ жизни.

И смерть ея была тяжелой, незамѣнимой утратой не только для тѣхъ, кто имѣлъ счастье считать себя въ числѣ ея друзей, но и для большого круга знакомыхъ. Но нечего и говорить, что, какъ бы сильно ни было горе другихъ близкихъ, никто не ощутилъ весь ужасъ этой потери съ такой жгучей, не заживающей болью, какъ мать. И эта же боль свела ее въ могилу. Сердце не выдержало не ослабѣвающего напряженія тоски и отчаянія.

Да и въ сущности весь послѣдній годъ жизни Александры Аркадьевны былъ только мучительной агоніей. Дѣятельная натура толкала ее къ работѣ, она умомъ отлично сознавала, что на ней лежатъ нравственныя обязанности, что она для многихъ еще можетъ быть полезна и нужна. И она автоматически, по привычкѣ, продолжала работать и заниматься, но во всемъ этомъ уже не было и слѣда прежней горячности и увлеченія. Точно вмѣстѣ съ дочерью что-то погибле, умерло въ ея душѣ...

А. Вергежскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Подъ бременемъ визитной карточки. Почтово-телеграфное дѣло, едѣлавшееся одной изъ видныхъ доходныхъ статей въ нашемъ государственномъ бюджетѣ, слишкомъ мало считается съ интересами населенія съ одной стороны и съ интересами многочисленныхъ, но все еще далеко не достигающихъ самой скромной нормы почтово-телеграфныхъ работниковъ съ другой. Высокіе тарифы на пересылку писемъ и еще болѣе произведеній печати, а вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелый, часто совершенно непосильный трудъ служащихъ,—таковы основные недостатки почтово-телеграфнаго дѣла, недостатки, настоятельно требующіе его полной реорганизации. Весьма характерной иллюстраціей того положенія, въ какое ставятъ служащихъ тяжелая почтовая работа, является только что разобранное саратовской судебной палатой дѣло самарскихъ почтальоновъ, павшихъ подъ непосильнымъ бременемъ праздничной корреспонденціи, состоявшей главнымъ образомъ изъ визитныхъ карточекъ. Передаемъ сущность этого процесса со словъ «Самарской Газеты».

На пятый день Пасхи прошлаго года самарскіе ребяташки, удившіе рыбу на берегу Волги, вытащили изъ воды свертокъ, который состоялъ изъ сотни почтовыхъ отправленій, въ томъ числѣ около 90 бандеролей съ поздравительными карточками и нѣсколько писемъ. Когда онъ былъ доставленъ въ самарскую почтовую контору, мѣстныя власти тотчасъ же опредѣляли по адресамъ, что всѣ корреспонденціи подлежали раздачѣ въ VII почтальонскомъ участкѣ, который былъ порученъ Андрею Краснову и помощнику его Дмитрію Комиссарову. Будучи допрошены начальникомъ, оба они не только чистосердечно сознались, что наканунѣ, 4 апрѣля, бросили найденный теперь пакетъ въ рѣку, но также добавили, что 2 апрѣля они тѣмъ же путемъ освободились отъ другого пакета, въ которомъ находилось приблизительно столько же поздравительныхъ бандеролей.

По объясненію обвиняемыхъ, Красновъ, опытный почтальонъ, только что былъ назначенъ въ участокъ и не успѣлъ еще изучить его, чтобы имѣть возможность находить адресатовъ безъ посторонней помощи. Комиссаровъ, командированный къ нему въ виду значительнаго протяженія участка (въ

него входили 34 квартала), не могъ оказывать ему большого содѣйствія, такъ какъ не зналъ ни участка, ни почтовой службы. Между тѣмъ, въ послѣдніе дни передъ Пасхой пришлось усиленно работать съ разборкой писемъ, а начиная съ Свѣтлага Воскресенья приходилось ежедневно разносить около 5.000 отправленій. Ложились въ 12 час., въ 2 час. будили, нужно было сидѣть за разборкой до 6 часовъ, затѣмъ съ 6 час. утра до 11 вечера разноска, отъ 11—12 час. вечера опять разборка. Итакъ дней семь подрядъ безъ всякой передышки; даже ѣсть приходилось не дома, а въ конторѣ, между дѣломъ. По шагобѣру, который заводился и замыкался завѣдующимъ разноскою, каждый изъ обвиняемыхъ проходилъ по 30 верстъ въ среднемъ, считая всѣ лѣстницы, чердаки и подвалы.

Какъ то Красновъ принесъ обратно нѣсколько писемъ и былъ за это опгравованъ 2 рублями (изъ 17 р. жалованья!) съ предупрежденіемъ, что при повтореніи проступка онъ, несмотря на свою 5-лѣтнюю безпорочную службу, будетъ вынужденъ подать въ отставку. И Красновъ, и Коммиссаровъ—люди семейные. Когда съ перваго же дня Пасхи осталась залежь, они, боясь вернуться съ ней въ контору, оставили у знакомой, чтобы разнести ее поутру, но къ вечеру второго дня нерозданныхъ отправленій оказалось вдвое больше. Тогда они, сговорившись между собою, бросили оставшіяся отправленія въ Волгу. На третій и четвертый день повторилась та же исторія; къ тому же, Красновъ мучился лихорадкой, но его некъмъ было замѣнить, и онъ, больной, ходилъ по городу.

Судъ, очевидно, довѣряя подсудимымъ, рѣшилъ не провѣрять ихъ показаній допросомъ свидѣтелей.

Товарищъ прокурора въ своей обвинительной рѣчи исходилъ изъ мысли, что разъ человекъ далъ присягу, онъ долженъ исполнить свой служебный долгъ во чтобы то ни стало. Конечно, работа почтальона чрезвычайно тяжела, однако, не превышаетъ силы человека, что видно хотя бы изъ числа подсудимыхъ: ихъ не 12, а только двое. Само собою разумѣется, тяжелое положеніе подсудимыхъ можетъ служить обстоятельствомъ, смягчающимъ ихъ вину, и даже въ путяхъ Монаршаго милосердія—повести къ пониженію наказанія сравнительно съ низшимъ размѣромъ его по закону.

Защитникъ О. Г. Гиршфельдъ, видя въ виду, что все направленіе нашего фабричнаго законодательства ведетъ къ ограниченію работы 8 часами,—промежуткомъ, не истощающимъ силъ человека, указывалъ, что 22 часовая работа въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ—явленіе совершенно ненормальное; которое должно привести трудящагося къ полной нравственной подавленности, въ такомъ состояніи человекъ уже не управляетъ своими дѣйствіями и не въ силахъ предвидѣть всѣхъ ихъ послѣдствій. Говорятъ, что другіе почтальоны справлялись же со своей задачей... Однако, необходимо помнить, что участоко Краснова былъ особенно великъ, что именно поэтому начальство командировало въ помощь ему Коммиссарова; помощь, впрочемъ, оказалась незначительной: что вскорѣ послѣ Пасхи число почтальонскихъ участковъ въ городѣ увеличено съ 12 до 14. Если на скамьѣ подсудимыхъ только двое, то это значить лишь,

что противъ остальныхъ почталыоновъ не имѣется уликъ. Защитникъ проситъ примѣнить ст. 96, говорящую о невѣннѣн въ вину дѣяній, совершенныхъ въ состояніи умоваступленія или совершеннаго безпамятства, если же палата не найдетъ этого возможнымъ, то ходатайствовать передъ Государемъ о помилованіи.

На основаніи ст. 1.100 улож., палата приговорила обоихъ обвиняемыхъ лишить всѣхъ особенныхъ правъ и заключить въ тюрьму на восемь мѣсяцевъ каждаго.

Производительность труда на русскихъ и англійскихъ фабрикахъ. Незначительное, съ 24-хъ до 21¹/₂ часа въ сутки, сокращеніе рабочаго времени, установленное на нашихъ фабрикахъ закономъ 1898 г., хотя и вызвало замѣтное повышеніе производительности труда, но и теперь еще въ этомъ отношеніи русскій рабочій остается далеко позади своего европейскаго собрата. Въ области ткацкаго производства г. Д. Ф. приводитъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», для сравненія успѣшности работы нашихъ фабрикъ съ англійскими слѣдующія числовыя данныя полезной работы въ единицу времени выраженные въ процентахъ:

Названіе товара.	% полезной работы. Для нашихъ работъ.	Для англійскихъ.
Миткаль 1	78	83—93
» 3	76	84—94
Молескинъ	84	88—95
Жекардъ	83	83—92
Бязь	79	90—94
Демикотонъ	81	90—94

Для Россіи г. Д. Ф. взялъ данныя одной изъ лучшихъ фабрикъ. Данныя для англійскихъ фабрикъ сообщены автору компетентнымъ лицомъ, причѣмъ меньшія цифры въ первомъ столбцѣ относятся къ старымъ фабрикамъ, а большія во второмъ столбцѣ къ новымъ и къ тѣмъ, гдѣ большинство рабочихъ заинтересовано въ предпріятіи. Итакъ, если въ извѣстное время русскій ткачъ при всѣхъ техническихъ улучшеніяхъ сработаетъ 78 арш. миткаля, то англійскій ткачъ въ то же время успѣваетъ сработать больше отъ 5 до 15 аршинъ. Для уясненія причинъ, понижающихъ производительность работы русскихъ ткацкихъ фабрикъ съ прекрасными техническими улучшеніями даже со старыми англійскими фабриками, г. Д. Ф. сравниваетъ тѣ условія, которыя вліяютъ на производительность труда.

Рабочее время. Англійскій ткачъ работаетъ въ недѣлю 56 часовъ, русскій $\frac{27,5}{2}$. Распределеніе рабочаго времени англійскаго ткача ежедневно отъ 7-ми до 8¹/₂, 9—1, 2—7-ми часовъ, всего 10¹/₂ часовъ. Въ субботу кончается работа въ 12 часовъ, а начинается въ понедѣльникъ въ 9 часовъ. На тѣхъ русскихъ фабрикахъ, гдѣ строго придерживаются законнаго времени, денные ткачи работаютъ отъ 6-ти до 12-ти и съ 2-хъ до 7¹/₂ часовъ, всего 11,5 часовъ въ день, а въ недѣлю 69 часовъ. Смѣнные ткачи работаютъ 21¹/₂ часъ въ день, а въ субботу 20 часовъ.

Время распредѣляется слѣдующимъ образомъ.

Первая женская сѣмья: отъ 4-хъ утра до 10-ти час. дня и съ 4-хъ час. дня до 9¹/₂ вечера, всего 11,5 часовъ, въ субботу только не до 9¹/₂, а до 8-ми час. Въ недѣлю—67,5 часа.

Вторая мужская сѣмья: отъ 10-ти час. дня до 4-хъ час. дня и отъ 9²/₂ вечера до 1¹/₂ час. ночи. Въ субботу до 12-ти час. ночи, а не до 1¹/₂ час. Всего въ недѣлю 60 часовъ. Въ самомъ благопріятномъ условіи по количеству рабочаго времени въ недѣлю находится мужская сѣмья, такъ какъ работаетъ въ недѣлю всего 60 часовъ, а на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ работа оканчивается въ 6 часовъ по субботамъ, число часовъ работы въ недѣлю = 57-ми часамъ. Къ неблагопріятному времени работы мужской сѣмьи для бѣльшей производительности можно отнести время ея работы отъ 9¹/₂ до 1¹/₂ часа ночи и, главнымъ образомъ, время отъ 11¹/₂ до 1¹/₂ часа. Въ неблагопріятныхъ условіяхъ по количеству рабочаго времени=69-ти час. и въ благопріятныхъ условіяхъ по распредѣленію времени работы находятся денные ткачи, такъ какъ большая часть времени работы происходитъ при денномъ свѣтѣ. Хотя число часовъ работы денныхъ ткачей превышаетъ число часовъ англійскихъ ткачей на 13 въ недѣлю, чѣмъ понижается интенсивность труда, но зато денные рабочіе могутъ при благопріятныхъ условіяхъ домашней жизни вести свою жизнь бѣлье нормально.

Въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ находятся рабочіе первой сѣмьи, которая почти исключительно состоитъ изъ женщинъ. Всего часовъ работы, какъ было указано выше,—67,5 часовъ, что превышаетъ число часовъ работы ткачей въ Англии на 11¹/₂, а поэтому интенсивность труда, конечно, понижается. Сравнивая время работы англійскихъ ткачей съ русскими первой сѣмьи, мы видимъ, что русскіе работаютъ отъ 4 хъ до 7-ми и отъ 7-ми до 9¹/₂ часовъ—время, которое не можетъ быть (по времени дня) столь продуктивнымъ, какъ время работы англійскихъ ткачей отъ 2-хъ до 7-ми часовъ вечера. Слѣдовательно, продуктивность русскихъ ткачей отъ количества часовъ работы и отъ распредѣленія времени работы. Отъ времени работы зависитъ образъ жизни рабочаго, а отъ образа жизни рабочаго зависитъ его трудо-способность.

На образъ жизни рабочаго вліяетъ устройство его жилища. Въ Англии каждое рабочее семейство имѣетъ свою квартиру, состоящую изъ четырехъ комнатъ, расположенныхъ въ двухъ этажахъ. Квартирки зажиточныхъ рабочихъ отъ бѣлье бѣдныхъ отличаются только нѣкоторымъ размѣромъ комнатъ, маленькой пристройкой для кухни и для ванной комнаты во второмъ этажѣ и убранствомъ самихъ комнатъ. Передъ квартирой — всегда почти маленькій садикъ, а сзади дворикъ съ сарайчикомъ. Размѣръ комнатъ 13×13 футовъ, а вышина 9,5 фута. Первая комната гостиная, вторая — столовая и кухня, а наверху спальня. Число спаленъ увеличивается перегородками. Отопленіе или газовое или углемъ. Освѣщеніе—газовое. Если семейство состоитъ изъ двухъ членовъ, то оно поселяется часто у родныхъ, чтобы не вести своего хозяйства и обонимъ работать. При большомъ семействѣ, какъ въ 5—6 человекъ, хо-

зайка не работает на фабрикѣ, или же въ домъ приглашается родственница за плату для веденія хозяйства. Утромъ все семейство встаетъ въ одно время, и почти всѣ уходятъ на работу; но если дѣти еще малы, то они отправляются въ школы. Обѣдаютъ (завтракаютъ) всѣ въ одно время. Пища, конечно, штателънѣе постной пищи, которая сильно изнушаетъ организмъ нашихъ рабочихъ. Вечеромъ всѣ въ одно время ужинаютъ (обѣдаютъ), а затѣмъ рабочіе или занимаются своими домашними дѣлами, или идутъ въ рабочей клубъ, или же въ театръ. Въ 10—11 часовъ всѣ ложатся обыкновенно спать. Если предположимъ даже, что семейство состоитъ изъ десяти членовъ, то воздуха въ четырехъ комнатахъ по $13 \times 13 \times 9,5 = 1605,5$ кубическихъ футовъ, всего 6,422 кубическихъ футовъ, такъ что на каждого человѣка приходится 642,2 кубическихъ футовъ; но въ среднемъ можно считать 1,000 куб. футовъ на человѣка, что составляетъ въ 4—5 разъ больше, чѣмъ приходится воздуха для нашего рабочаго. Слѣдовательно, англійскій рабочій послѣ утомительной работы приходитъ домой, гдѣ чистый воздухъ, гдѣ онъ одинъ со своимъ семействомъ и можетъ дѣлать все, что ему угодно. Совсѣмъ другую картину представляетъ жизнь нашихъ рабочихъ. Обыкновенно въ одной комнатѣ въ одно окно помѣщаются два семейства; въ комнатѣ въ два окна помѣщаются четыре семейства, и въ этомъ случаѣ число лицъ равняется 8-ми человѣкамъ, а черезъ нѣкоторое время оно достигаетъ и двѣнадцати, такъ какъ при фабрикахъ чувствуется большой недостатокъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ, и все большее число людей помѣщается въ каждое жилое помѣщеніе. Въ четвертомъ часу утра женщины встаютъ, чтобы идти работать, но предварительно несутъ въ печи горшки съ кашей и супомъ. Вставаніе и приготовленіе пищи нарушаетъ сонъ остающихся. Впродолженіи всего дня одна часть рабочихъ уходитъ на работу, а другая приходитъ; впродолженіи всего дня по очереди ѣдятъ, а ночью, когда оставшіеся уже снятъ, въ 1¹/₂ час. приходитъ послѣдняя смена и нарушаетъ тишину. При такихъ условіяхъ русскій ткачъ не имѣетъ спокойнаго сна, не имѣетъ мѣста для отдыха. Еще въ худшемъ положеніи находятся тѣ, которымъ не досталось хозяйскаго помѣщенія. Послѣднимъ приходится нанимать часто за 3—5 рублей уголъ, т.-е. часть комнаты. Въ этомъ случаѣ родители спятъ на постели, а дѣти подъ постелью. Въ хозяйскомъ помѣщеніи есть коридоры, кухни, гдѣ могутъ играть дѣти, а въ наемныхъ квартирахъ дѣти живутъ безъ опредѣленнаго мѣста. Въ самомъ худшемъ положеніи находится женщина-ткачиха, такъ какъ она по несчастной случайности должна работать не 10 часовъ въ день, какъ мужчина, а 11¹/₂ часовъ, а заработокъ дѣлать пополамъ съ мужчиной. Все хозяйство, а слѣдовательно, и столкновенія съ другими жильцами комнаты приходятся на долю женщины. Мытье бѣлья, уходъ за дѣтьми и шитье, все приходится на долю женщины. Если къ этому прибавить, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ въ больницахъ, въ баняхъ, въ лавкахъ и прачечныхъ приходится ждать очереди цѣлыми часами, то понятно будетъ, что продуктивность работы русской ткачихи стоитъ гораздо ниже англійской.

Теперь приходится затронуть еще вопросы о техническихъ усовершенствован-

ваніякъ и способѣ оцѣнки труда. Пряжа, употребляемая у насъ на тѣ же сорта тканей, которые работаютъ въ Англїи, гораздо крѣпче и чище. Наши благоустроенныя фабрики не уступаютъ новымъ англїйскимъ фабрикамъ, но зато наши старыя фабрики, которыя по 20—25 лѣтъ не мѣняютъ машинъ и скучаются на ремонтъ машинъ, далеко отстаютъ отъ англїйскихъ. Качество англїйскаго товара для колоній стоитъ ниже нашего товара для Юга и Сибири. Что же касается оцѣнки труда, то она совершается въ Англїи по строго установленной формѣ. Форма оцѣнки устанавливается союзами рабочихъ, цѣна же за единицу труда измѣняется и устанавливается въ зависимости отъ рынка предпринимателей и союзомъ рабочихъ. У насъ же нѣтъ строгой оцѣнки труда, а цѣны измѣняются черезъ годъ, полгода и даже черезъ двѣ недѣли. Каждый рабочій знаетъ, что если онъ слишкомъ станетъ поднимать выработку, то скоро послѣдуетъ убавка цѣны безъ всякихъ на то вищихъ причинъ, а это, въ свою очередь, понижаетъ интенсивность труда.

Таковы причины, имѣющія вліяніе на производительность труда на русскихъ фабрикахъ.

Изъ прошлаго. «Саратовскій Дневникъ» извлекаетъ изъ только что вышедшаго третьяго тома «Литературы и просвѣщенія въ Россіи XIX вѣка» (прилож. къ «Ученымъ запискамъ» казанскаго университета) собранныя проф. Бобровымъ интересные матеріалы о Платонѣ Степановичѣ Нахимовѣ, бывшемъ инспекторомъ студентовъ московскаго университета въ періодъ съ 1834 по 1848 годъ.

П. С. Нахимовъ, братъ знаменитаго адмирала и самъ морякъ, оставилъ по болѣзни службу во флотѣ и вышелъ въ 1827 г. въ отставку капитаномъ 2-го ранга. Онъ былъ человѣкомъ необычайно добрымъ, и проф. Бобровъ приводитъ два факта, которые ярко рисуютъ отношенія Платона Степановича къ студентамъ.

1) «Во время революціи 1848 года университетъ былъ сильно возбужденъ. Это было первое начало, когда въ эпоху 40-хъ годовъ въ массѣ студентовъ зародился интересъ къ социальнымъ вопросамъ. Устроился студенческій клубъ. Нанята была особая квартира, гдѣ и собиралось до 400 человѣкъ, доставали всѣ иностранныя газеты и брошюры, шли оживленные толки. Вдругъ въ самомъ разгарѣ Платонъ Степановичъ прислалъ за вожаками клуба, которыхъ онъ безошибочно угадалъ, потому что вообще зналъ чуть не каждаго студента, а почему-либо выдающихся—очень коротко.

«Платонъ Степановичъ вышелъ нѣсколько озабоченный и болѣе серьезный, чѣмъ обыкновенно.

«У васъ тамъ клубъ господъ?»—«Да, есть, Платонъ Степановичъ».—«И, конечно, есть всякаго рода запрещенныя изданія?»—«Есть, Платонъ Степановичъ».—«Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу, господа! Все это дошло до жандармскаго начальства; не сегодня—завтра у васъ сдѣлаютъ обыскъ: такъ вы клубъ этотъ немедленно закройте; все, что есть запрещеннаго, пришлите ко мнѣ, да не забудьте въ каждое такое сочиненіе вложить закладку, кому оно принадлежитъ: уляжется все—стану раздавать, такъ, пожалуй, перемѣшаню.

Да, пожалуйста, ведите себя поосторожнѣй! Въдъ ни за грошъ пропадете. Послѣ одумаетесь, чушь эта сама изъ головы выпадетъ, а ушлютъ кого-нибудь, погубятъ ни за грошъ—и на себя послѣ пеняеть станете, да и меня нехорошимъ словомъ помянете: вотъ, скажете, старикъ-ротовѣй не умѣлъ во время предупредить».

«И, дѣйствительно, клубъ мы закрыли, запрещенныя изданія съ закладками внесли къ Платону Степановичу, а онъ, когда все улеглось, возвращая ихъ назадъ, не переищалъ».

2) «Когда казенные студенты обѣдали въ столовой, Платонъ Степановичъ никогда не ходилъ; вдругъ онъ явился туда, къ общему изумленію. Добродушно переходилъ онъ отъ стола къ столу и разговаривалъ со студентами; отходя отъ одного изъ столовъ, онъ снова обернулся и сказалъ: «Ахъ, господа! Я забылъ вамъ еще сказать вотъ что: когда вамъ нужно у себя въ номеръ что-нибудь такое, что вы не хотите, чтобы до меня дошло, дѣлайте это, когда господинъ Р. ушелъ».

«Затѣмъ Платонъ Степановичъ ушелъ. Р. былъ казенный студентъ изъ семинаристовъ; привыкнувъ наушничать отцу-ректору, онъ хотѣлъ примѣнить эту систему и къ Платону Степановичу, но не ожидалъ, конечно, такого исхода» (Колюпановъ, стр. 538).

Проф. Бобровъ заимствуетъ нѣсколько страницъ изъ Писемскаго, который, изображая московское студенчество въ своемъ романѣ «Взбаломученное море», далъ портретъ Платона Степановича,— по словамъ проф. Боброва,— исторически вѣрный и подтверждаемый другими свидѣтелями.

Ирбейское дѣло. Корреспонденту «Сибирской Жизни» случилось встрѣтиться съ людьми, проживающими въ Ирбейской волости, гдѣ въ прошломъ году произошло страшное избіеніе крестьянами татаръ-конокрадовъ. Естественно, разговоръ шелъ почти исключительно объ этихъ событіяхъ, на которыя собеседники корреспондента пролили новый свѣтъ.

Въ Ирбейской волости прочно основывались татары-конокрады. Это были своего рода коммерсанты, они воровали лошадей и требовали съ потерпѣвшихъ дань за возвратъ украденныхъ лошадей. Такой данью были обложены всѣ крестьяне Ирбейской волости. Татары жили безбѣдно своимъ промысломъ, а крестьяне должны были работать и на себя, и на татаръ, обложившихъ ихъ данью.

Конечно, при энергическомъ вмѣшательствѣ властей можно было бы постепенно уничтожить такой въ высшей степени ненормальный порядокъ вещей. Но власти относились пассивно, а крестьяне не были достаточно сплочены, чтобы бороться на легальной почвѣ съ этими новыми «баскаками».

Вспышка нередной злобы вызвана была слѣдующимъ событіемъ.

У одного крестьянина украли лошадей, въ томъ числѣ одну очень хорошую. За возвращеніе лошадей конокрады-татары потребовали 50 рублей, а потомъ уступили изъ этой суммы 20 руб.

Крестьянинъ обратился къ начальству; но послѣднее, при недостаткѣ доказательствъ, не могло помочь его горю. Крестьяне рѣшили сдѣлать мѣтвен на

кредитныхъ бумажкахъ, которыя потерпѣвшій отдалъ конокрадамъ. По этихъ мѣткамъ конокрады были уличены и арестованы. Но ихъ единомышленники не дремали и рѣшили отомстись смѣльчаку, рѣшившему сбросить съ себя это своеобразное «татарское нго». Они ночью забрались во дворъ смѣльчака и зарѣзали весь скотъ; пораспарывали животы коровамъ и такъ оставили во дворѣ.

Это было каплей, переполнившей сосудъ.

Крестьяне смежныхъ деревень сговорились бить татаръ и не давать имъ приюта у себя, если они будутъ перебѣгать изъ деревни въ деревню.

Расправа крестьянъ съ татарами была въ высшей степени жестока. Татаръ убивали въ домахъ. Одна дѣвочка, лѣтъ 12, побѣжала на рѣку Канъ во время ледохода. Ее замѣтили и устроили на нее облаву, какъ на звѣря, засыпая градомъ пуль и, наконецъ, добравшись на лодкѣ до нея и веслами спихнули въ воду. Она молила палачей оставить ей жизнь, обѣщая креститься, но они отвѣтили: «не надо намъ тебя!»

Разбѣжавшихся по тайгѣ татаръ добивали на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ встрѣчали. Пощажена была лишь одна семья татаръ, не занимавшаяся конокрадствомъ и не являвшаяся съ конокрадами. Разсвирѣпѣвшая толпа хотѣла убить одного коренного крестьянина, слышавшаго за коновода конокрадовъ. Пріѣхавшія власти спасли его отъ смерти, въ тотъ же моментъ, когда крестьяне дреколями поднимали амбаръ (на стойкахъ), чтобы задавить имъ скрывшагося тамъ атамана конокрадовъ.

Несомнѣнно, замѣчаетъ корреспондентъ, что за всѣ эти жестокости придется заплатить крестьянамъ не дешево. Но невольно возникаетъ вопросъ, — нельзя ли было предотвратить катастрофу болѣе энергичными мѣрами по отношенію къ конокрадамъ? На этотъ вопросъ не можетъ быть иного отвѣта, кромѣ утвердительнаго, тѣмъ болѣе, что въ мѣстной печати задолго до прискорбнаго случая появлялись сообщенія о могущей быть катастрофѣ.

Изъ жизни сибирскаго духовенства. Изъ-за Байкала въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» пишутъ на старую, но, къ сожалѣнію, далеко не устарѣвшую тему о низкомъ уровнѣ просвѣщенности нашихъ служителей церкви, въ особенности въ Сибири, гдѣ священникъ, при отсутствіи культурной среды на мѣстѣ служенія, быстро отрѣшается и отъ того немногаго, что онъ вынесъ изъ семинаріи? Гдѣ-нибудь въ глуши, — а глушь въ Сибири преобладаетъ, — онъ оказывается вполне безсильнымъ противостоять одичанію среди инородческаго или полунородческаго населенія. «Мы, — говоритъ корреспондентъ, — знаемъ факты обращенія лицъ духовнаго званія къ шаманамъ; знали одного дьякона (потомъ священника), который, пуская бумажнаго змѣя, увѣрялъ инородцевъ, что это — пакетъ, посылаемый имъ въ небесную канцелярію съ запросомъ насчетъ размѣра платы за требы. Положимъ, это было давно: лѣтъ 10—12 тому назадъ. Но вотъ вамъ факты животрепещущей дѣйствительности.

«Миссіонеръ провѣдалъ, что нѣкая крещеная имъ бурятка Хамбаева, хотя и не уклоняется отъ исповѣди и причастія, но продолжаетъ поклоняться бурханамъ.

«Однажды онъ неожиданно нагрянулъ въ ея юрту и дѣйствительно увидѣлъ на полкѣ рядомъ съ иконой буддѣйскаго божка. Миссіонеръ возбуждаетъ дѣло, и Хамбаева за отступничество отъ православія предается окружному суду. На процессѣ выясняется, что бурятка была вращена 14 лѣтъ. По-русски она рѣшительно ничего не понимаетъ. Миссіонеръ заявляетъ, что онъ долго увѣщавалъ ее, но всё его усилія были напрасны.

«— На какомъ языкѣ вы объяснялись съ ней?—спрашиваетъ защитникъ.

«— На бурятскомъ.

«— Вы хорошо говорите по-бурятски?

«— Ми... да, болѣе или менѣе.

«На просьбу защитника произнести нѣсколько фразъ по-бурятски, миссіонеръ забормоталъ что-то, но на такомъ языкѣ, на которомъ ни одинъ народъ на земномъ шарѣ не говоритъ. Ясно было, что самыя краснорѣчивыя увѣщанія, произносимыя на этомъ діалектѣ, оставались для Хамбаевой совершенно непонятными. На вопросъ предсѣдателя (черезъ переводчика) о виновности, подсудимая выражаетъ изумленіе: она никого не убила и никогда ничего не украдала. Предсѣдатель формулируетъ вопросъ иначе. Онъ спрашиваетъ: кому она молится? Бурятка *сун запста simplicitate* отвѣчаетъ: «Христу и бурхану». Судъ отнесся снисходительно къ этой наивной «преступницѣ» и приговорилъ ее къ отдачѣ на увѣщаніе. Нужно было видѣть смущеніе о. миссіонера. «Опять увѣщавать!»—не удержался онъ, чтобъ не воскликнуть. И въ самомъ дѣлѣ, есть отъ чего придти въ отчаяніе! Извольте объясняться съ гаупой буряткой на невѣдомомъ никому какомъ-то волапюкѣ! При такихъ условіяхъ, несомнѣнно, гораздо проще и для самой подсудимой вразумительнѣе предоставить дѣло свѣтской власти...

Въ Финляндіи. Въ «Финляндской Газетѣ» напечатано: «Пронсшествія, сопржеждавшія объявленіе Высочайшаго манифеста 29-го іюня 1901 года въ двухъ гельсингфорскихъ лютеранскихъ церквяхъ 3-го и 10-го февраля, вызвали много разныхъ противорѣчивыхъ толковъ. Въ виду сего редація «Финляндской Газеты» даетъ мѣсто послѣдовательному изложенію какъ самыхъ пронсшествій, такъ и подготовившей ихъ агитаціяи.

«Высочайшимъ манифестомъ отъ 29-го іюня (12 іюля) 1901 г. объявлено было объ наданіи Высочайше утвержденнаго для Великаго Княжества Финляндскаго новаго устава о воинской повинности. Вскорѣ послѣ этого въ г. Гельсингфорсѣ начали стѣзжаться многіе депутаты чрезвычайнаго сейма 1899 года и другія лица, извѣстныя своею политическою дѣятельностью.

«Послѣ нѣсколькихъ частныхъ сходовъ, главнымъ образомъ на квартирѣ извѣстнаго политическаго дѣятеля Мехелина, всѣ вышеупомянутыя лица и многія другія собрались 4-го (17 го) августа на островѣ Тургольмъ (близъ г. Гельсингфорса), гдѣ и выработали прокламаціяи къ пасторамъ, въ коей обращались къ духовнымъ пастырямъ народа, чтобы они личнымъ примѣромъ неподчиненія названному Высочайшему повелѣнію повлекли бы къ тому же своихъ прихожанъ и отнюдь не объявляли бы, какъ то требуется закономъ, съ церковныхъ

каедръ Высочайшаго манифеста о воинской повинности, «дабы тѣмъ не дать новому постановленію даже тѣни закона *)»).

«Вслѣдъ за этой прокламаціей среди населенія начала распространяться другая, подъ заглавіемъ «Какъ слѣдуетъ поступать въ дѣлѣ воинской повинности» и подписанная: «Нѣкоторые сеймовые депутаты».

«Въ послѣдней прокламаціи, обращенной «къ почтеннымъ гражданамъ», рекомендуется прихожанамъ обратиться черезъ депутации къ пасторамъ съ просьбами не объявлять Высочайшаго манифеста, а если послѣдніе не дадутъ рѣшительнаго отвѣта, то заявить въ церкви дружный протестъ, лишь только пасторъ начнетъ чтеніе, не останавливаясь даже передъ самыми энергичными мѣрами для его прерванія, послѣ чего безотлагательно всѣмъ выходить изъ церкви.

«Кромѣ этихъ прокламацій, въ край появилось громадное количество всевозможныхъ брошюръ и листовъ, помѣченныхъ главнымъ образомъ Стокгольмомъ и Штетиномъ, въ коихъ народу представлялся въ самомъ извращенномъ видѣ новый уставъ о воинской повинности. Слѣдуя намѣченной въ вышеприведенныхъ прокламаціяхъ программѣ, пасторы во многихъ церквяхъ отказались, какъ извѣстно, отъ объявленія Высочайшаго манифеста,—нѣкоторые войдя съ ходатайствомъ въ Императорскій финляндскій сенатъ объ изъясненіи ихъ отъ такой обязанности, другіе же подавъ весьма рѣзкіе отзывы, въ коихъ заявляли, что «не могутъ признавать за Высочайшимъ манифестомъ силы и значенія закона», а потому «по долгу совѣсти и не могутъ объявить ихъ народу, какъ законъ безъ содѣйствія тѣмъ правонарушенію и измѣны принятой ими присягѣ». Однако Императорскій финляндскій сенатъ отказалъ во всѣхъ ходатайствахъ пасторовъ и предписалъ консисторіямъ принять соотвѣтственныя мѣры къ скорѣйшему обнародованію новаго закона.

«Временемъ, потребнымъ для разсылки по всей финляндской окраинѣ «Сборника постановленій», содержащаго Высочайшій манифестъ о воинской повинности, а также задержкою нѣкоторыми магистратами передачи означеннаго «сборника постановленій» въ надлежація пасторскія управленія, причемъ нюстадскій магистратъ даже не передалъ его вовсе, основываясь на томъ, что «новый уставъ не можетъ имѣть въ Финляндіи силы закона», — усердно воспользовалась преступная агитація, подготовивъ къ противодействию вліятельную интеллигенцію, а въ нѣкоторыхъ немногихъ общинахъ—и самый народъ.

«При началѣ чтенія Высочайшаго манифеста въ иныхъ церквяхъ отдѣльными личностями, главнымъ образомъ изъ интеллигентовъ, обращались къ пастору съ заявленіемъ будто бы отъ имени прихожанъ «не читать документовъ, состоявшихся въ порядкѣ, не установленномъ основными законами», въ другихъ пре-

*) Объявленіе въ церквяхъ производится частью въ силу положительнаго закона, отчасти по установившемуся обычаю и произвольно. Къ перваго рода объявленіямъ относятся узаконенія, помѣщаемыя въ «Сборникѣ постановленій» съ пометкой «публиковать въ церквяхъ», причемъ многія узаконенія, помѣщаемыя въ семъ «Сборникѣ», не имѣютъ таковой пометки, но равно съ первыми приобрѣтаютъ силу закона.

рывали чтеніе пѣніемъ псалма «Господь наша могучая защита» или шумно выходили изъ церкви».

«Въ сиббоской же церкви (Нюландской губ.) нѣкоторые интеллигентныя лица позволили себѣ насильно удалити желавшихъ слушать чтеніе Высочайшаго манифеста, а при выходѣ пастора изъ церкви—вырвать у него документы, толкать и давать пинки.

«Обращавшіеся къ пасторамъ съ приведенными заявленіями и призывавшіе прихожанъ начинать пѣніе псалма, не назначеннаго, какъ то требуется § 24-мъ церковнаго уложенія, пасторомъ на этотъ день, были привлекаемы къ судебной отвѣтственности, но оправдываемы мѣстными судами».

«Несмотря на категорическое указаніе сената и епископовъ, нѣкоторые пасторы все-таки не приступили къ чтенію Высочайшаго манифеста о воинской повинности, за что и привлечены къ подлежащей отвѣтственности; для объявленія же съ церковныхъ кафедръ новаго закона были вмѣсто нихъ командированы не имѣющіе приходоу пасторы, изъ коихъ пасторъ Хальме приступилъ къ чтенію Высочайшаго манифеста въ гельсингфорскихъ церквахъ: 3-го (16-го)—въ Николаевской и 10-го (13-го) февраля въ Новой церкви».

«Лишь только названный пасторъ началъ чтеніе Высочайшаго манифеста въ Николаевской церкви, тотчасъ же около него образовалась группа лицъ, предводительствуемая бывшимъ редакторомъ газеты Päävalēhti Эро Эрко, который заявилъ: «Отъ имени финскаго народа мы просимъ васъ прекратить чтеніе постановленія о воинской повинности и сойти съ кафедры», причемъ вокругъ послышались голоса: «Мы присоединяемся!» Вслѣдъ за симъ начали пѣть псаломъ «Господь наша могучая защита», почему пасторъ вынужденъ былъ прекратить чтеніе.

«Участники демонстраціи были приглашены полицейскимъ комиссаромъ въ участокъ для составленія протокола, причемъ сначала они желали уклониться отъ выполненія требованія комиссара, но по приближеніи нѣсколькихъ констаблей повиновались.

«При допросѣ всѣ задержанные, въ числѣ коихъ былъ, между прочимъ недавно отрѣшенный сенатомъ отъ должности ректоръ шведскаго нормальнаго лицея фонъ-Бонсдорфъ, состоящій нынѣ тамъ же преподавателемъ, адвокаты вице-герардсгевдинги фонъ-Гартманъ и Эмиль Виллинъ и другіе, желали отвѣчать всѣ разомъ, удаленные же въ другую комнату, сдѣлали попытку скрыться, но были остановлены.

«По составленіи протокола всѣ задержанные были освобождены.

«Въ слѣдующее воскресенье, 10-го (23-го) февраля, приступивъ послѣ окончанія службы къ чтенію Высочайшаго манифеста въ новой церкви, пасторъ Хальме былъ остановленъ громкимъ возгласомъ вышеупомянутаго г. фонъ-Бонсдорфа: «Пастору нельзя читать постановленіе о воинской повинности, такъ какъ оно незаконное и явилось незаконнымъ путемъ, и мы протестуемъ противъ чтенія».

«Вслѣдъ за симъ докторъ Юганъ-Вильгельмъ Циллиакусъ и другіе окружавшіе г. фонъ-Бонсдорфа, а также и многіе прихожане кричали: «Нельзя читать по-

добное» и тотчасъ же начали пѣть псаломъ «Господь наша могучая защита», къ каковому пѣнію присоединились всѣ находившіеся въ церкви, чѣмъ и заставили пастора Хальме прекратить чтеніе Высочайшаго манифеста.

«При выходѣ изъ церкви, на паперти, лица, участвовавшія въ беспорядкахъ, были приглашены полиціей въ полицейскій участокъ для составленія протокола. Несмотря на неоднократныя просьбы полиціи разойтись, огромная толпа сопровождала задержанныхъ до полицейскаго участка, передъ которыми и осталась ждать, запрудивъ прилегающія улицы».

«На всѣ приглашенія полиціи разойтись толпа отвѣчала крикомъ «ура», почему были вызваны конные полицейскіе и имѣвшіеся пѣшіи нарядъ, которые и разбѣяли толпу, причѣмъ нѣсколько сопротивлявшихся были задержаны.

«Въ числѣ приглашенныхъ въ полицейскій участокъ для составленія протокола между прочими были: отрѣшенный отъ должности вице-ландскамериръ нюландскаго губернскаго правленія Вернеръ Гольмбергъ, бывшій ректоръ фонт-Бондорфъ, магистры философіи Гуго-Вильгельмъ Блумевистъ и Генрихъ Столь, протокольный секретарь сената Эмиль Фуругельмъ, позволившій себѣ ударить палкой полицейскаго комиссара, нѣсколько человекъ изъ учащейся молодежи и другіе.

«Всѣ протоколы по сему дѣлу переданы городскому фискалу для привлеченія виновныхъ къ судебной отвѣтственности».

За мѣсяць. Истекшій мѣсяць ознаменовался рядомъ официальныхъ сообщений о происходившихъ въ разныхъ городахъ беспорядкахъ и о понесенныхъ участниками этихъ послѣднихъ наказаніяхъ.

Въ кіевскихъ газетахъ напечатано слѣдующее сообщеніе начальника края о беспорядкахъ въ *Кіевѣ*.

«2-го февраля, въ 12 час. 40 мин. дня, на Брещатикѣ, противъ Пассажа, изъ числа многочисленной, по случаю праздничнаго дня, гулявшей по тротуарамъ публики, выскочили на средину улицы человекъ 50—60 студентовъ и мастеровыхъ и съ крикомъ «ура» подняли нѣсколько красныхъ флаговъ. Будучи окружены полицейскими чинами, манифестанты оказали полиціи сопротивленіе, причѣмъ нанесли палкой два тяжелыхъ удара по головѣ приставу Закусиллову и болѣе легкіе удары нѣсколькимъ околоточнымъ надзирателямъ и нижнимъ полицейскимъ чинамъ. Приставъ Закусилловъ, обливаясь кровью, упалъ на мостовую, а нанесшій ему одинъ изъ ударовъ студентъ политехническаго института Вольскій, получивъ, въ свою очередь, ударъ ножами шапки отъ полицейскаго чина, потерялъ сознаніе и былъ доставленъ въ аптеку Филиповича, откуда, по оказаніи ему медицинской помощи, уѣхалъ домой. Затѣмъ, въ теченіе 2 и 3-го февраля въ разныхъ мѣстахъ города-изъ числа гуляющей публики выходили на улицу небольшія группы демонстрантовъ, собирали вокругъ себя толпу, которая, однако, полиціей и войсками была немедленно разбѣиваема. При удаленіи толпы на Бибицкомъ бульварѣ, мѣщанинъ г. Мглина, Черниговской губерніи, Хаскель Ароновъ, ударившій казака и стащившій его съ лошади, получилъ во время свалки ушибы и отправленъ былъ въ Александровскую

больницу. Распространившіеся по городу слухи о томъ, что во время прекращенія беспорядковъ 2 и 3-го февраля, будто было убито и ранено много студентовъ, оказываются, такимъ образомъ, совершенно невѣрными, такъ какъ убитыхъ совсѣмъ не было, а раненыхъ изъ числа задержанныхъ манифестантовъ оказалось всего двое; возможно, что число ихъ было и больше, но они остались не обнаруженными. Лица, задержанныя во время уличныхъ беспорядковъ и признанныя виновными въ нарушеніи обязательнаго постановленія о воспрещеніи уличныхъ сборищъ, по распоряженію генералъ-губернатора, подвергнуты слѣдующимъ взысканіямъ: аресту на три мѣсяца 27 человекъ, аресту на два мѣсяца 56 человекъ, аресту на одинъ мѣсяць 16 человекъ и аресту на двѣ недѣли 13 человекъ».

Министромъ финансовъ, въ виду прекращенія студентами кievскаго политехническаго института занятій, не возобновлявшихся вплоть до 5-го марта, сдѣлано распоряженіе о временномъ, до конца учебнаго года, закрытіи института. Въ своемъ сообщеніи о закрытіи института министръ финансовъ замѣчаетъ, между прочимъ: «Къ чести студентовъ кievскаго политехническаго института слѣдуетъ отнести, что во все время прекращенія занятій они не нарушали порядка въ стѣнахъ заведенія и относились съ должнымъ уваженіемъ къ профессорамъ, которые съ своей стороны употребляли всѣ усилія къ благотворному воздѣйствію на учащуюся молодежь. При такихъ взаимныхъ отношеніяхъ учебнаго персонала и студентовъ и при полной заботливости о нихъ начальства не было никакихъ внутреннихъ причинъ къ прекращенію занятій. Причиной эти слѣдуетъ считать навѣянными извѣсть».

«Вѣдомости Одесскаго Градоначальства», что въ Одессѣ 23-го февраля небольшою группою лицъ былъ произведенъ на углу Еватерининской и Дерibasовской улицъ беспорядокъ съ попыткой къ демонстраціи. Задержанныя при этомъ 54 лица, какъ нарушившія обязательныя постановленія, дѣйствующія въ одесскомъ градоначальствѣ, подвергнуты и д. градоначальника, независимо той отвѣтственности, кою они могутъ подлежать въ общемъ порядкѣ, аресту при полиціи 32 на 3 мѣсяца, 15—на 2 мѣсяца и 7—на 1 мѣсяць. Среди арестованныхъ одинъ студентъ, двое бывшихъ студентовъ, остальные—рабочіе и ремесленники.

6-го марта въ «Вѣдомостяхъ Спб. Градоначальства опубликованъ приказъ с.-петербургскаго градоначальства слѣдующаго содержанія: «3-го марта, въ 12½ час. дня, на Невскомъ проспектѣ, между улицами Садовой и Казанской, среди собравшейся въ усиленномъ составѣ публики, наблюдаемой въ праздничные дни въ этомъ районѣ города, группою молодыхъ людей, преимущественно студентовъ, были сдѣланы три попытки пренести уличные беспорядки, причемъ нѣкоторыми лицами были развернуты красные флаги съ преступными надписями. Попытки эти въ самомъ началѣ были прекращены мѣрами полиціи, всѣ флаги отобраны, и выкинувшія ихъ лица, а равно и большинство участниковъ беспорядковъ задержаны». Въ приказѣ сообщенъ списокъ арестованныхъ на три мѣсяца лицъ, въ томъ числѣ студентовъ: с.-петербургскаго университета—21 чел., горнаго института императрицы Еватерины II—5, вѣсти-

тута гражданскихъ инженеровъ императора Николая I—2, с.-петербургскаго технологическаго института императора Николая I—4, института инженеровъ путей сообщенія императора Александра I—4, Императорской Военно-Медицинской академіи—2, слушательницъ Высшихъ женскихъ курсовъ—2, слушательницъ Женскаго медицинскаго института—2 и частныхъ лицъ обоюго пола разныхъ званій—44 чел. (Всѣ перечисленные лица, независимо отъ ареста, наложеннаго на нихъ градоначальникомъ, подлежатъ привлеченію къ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ. Аресту-же на три мѣсяца подвергнуты студентъ с.-петербургскаго университета Левъ Плюсвинъ, 9-го марта выписавшійся изъ клиническаго госпиталя, куда онъ былъ доставленъ 3-го марта, получивъ во время демонстраціи осадину въ область правой теменной кости съ небольшою кровоподтекомъ).

Что касается участниковъ беспорядковъ въ *Москвѣ*, имѣвшихъ мѣсто 9, 10 и 17-го февраля, то помимо высканій, коимъ они были подвергнуты московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ (арестъ) и министромъ народнаго просвѣщенія (исключеніе участвовавшихъ въ беспорядкахъ учащихся изъ учебныхъ заведеній), о нихъ состоялось слѣдующее распоряженіе:

«Пронсходившія въ послѣдніе годы волненія среди нѣкоторой части молодежи высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи приняли въ концѣ минувшаго 1901 года явно противоправительственный характеръ. Не ограничиваясь, какъ раньше, предъявленіемъ различныхъ требованій измѣненія академическаго строя, руководители студенческаго движенія, какъ въ рѣчахъ на недозволенныхъ сходкахъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, такъ и въ многочисленныхъ подпольныхъ возваніяхъ и прокламаціяхъ, пытались увлечь учащуюся молодежь на путь политическаго движенія, открыто заявляя о необходимости измѣненія формъ существующаго образа правленія. вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая безсиліе учащейся молодежи для непосредственнаго осуществленія такихъ стремленій, руководители этого движенія, въ тѣсномъ общеніи съ существующими революціонными группами и кружками, вели въ томъ же духѣ преступную пропаганду среди общества и рабочихъ большихъ городовъ, какъ устнымъ путемъ, такъ и распространеніемъ преступныхъ изданій. Однимъ изъ ближайшихъ способовъ заявленія своихъ стремленій агитаторы признавали устройство уличныхъ демонстрацій, къ чему и были сдѣланы попытки въ разныхъ городахъ.

«Для устройства подобной же уличной демонстраціи въ *Москвѣ* было избрано 9-е февраля сего года. По распоряженію мѣстной власти, получившей объ этомъ свѣдѣнія, были арестованы, до указаннаго дня, въ числѣ 47 лицъ, наиболѣе дѣятельные подстрекатели устройства предполагаемой демонстраціи и возможные ея руководители, выработавшіе между прочимъ, и подробную ея программу на одной изъ тайныхъ сходокъ. Мѣра эта, оказавшая несомнѣнно вліяніе на интенсивность послѣдовавшихъ беспорядковъ, для полнаго ихъ предупрежденія оказалась, однако, недостаточною, такъ какъ 9-го февраля въ московскомъ университетѣ, избранномъ исходной точкой для предполагавшейся демонстраціи, произошли событія, изложенныя въ приказѣ министра народнаго просвѣщенія отъ 14-го февраля 1902 г. № 1 «Правит. Вѣстн.» за № 38.

«Вслѣдъ за тѣмъ, возваніемъ отъ 15-го февраля сего года, группа, студентовъ московскаго техническаго училища, присвоившая себѣ наименованіе «Неполнительнаго Комитета» этого училища, обратилась съ приглашеніемъ ко всѣмъ желающимъ выразить протестъ—явиться 17-го февраля къ 2 часамъ дня къ памятнику Пушкина для устройства уличной демонстраціи. Въ назначенный день въ указанное мѣсто собрались нѣсколько студентовъ этого училища и, соединившись группою, приступили къ совѣщанію о началѣ шествія; при первой же ихъ попыткѣ двинуться демонстративно по бульвару къ Никитскимъ воротамъ они тотчасъ же были оцѣплены полиціей, причѣмъ задержано 11 человекъ; при конкѣ оказался флагъ съ преступною надписью.

«При разсмотрѣніи вопроса о виновности лицъ, участвовавшихъ въ этихъ беспорядкахъ, приняты были во вниманіе, какъ характеръ изложенныхъ событій, такъ и необходимость, для предупрежденія дальнѣйшаго вліянія главныхъ виновныхъ на окружающую среду, поставить ихъ въ условія, наименѣе благоприятныя для дальнѣйшаго проявленія революціонной дѣятельности, и, въ сихъ видахъ, всѣ виновные были предположены къ водворенію подъ надзоръ полиціи въ разныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи на болѣе или менѣе продолжительные сроки. По доведеніи этого предположенія до Высочайшаго свѣдѣнія, Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть сохранить мѣру высылки въ предѣлы иркутскаго генераль-губернатора лишь въ отношеніи главныхъ виновныхъ; прочихъ же участниковъ подвергнуть тюремному заключенію на сроки отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ.

«Министромъ внутреннихъ дѣлъ утверждены 7-го сего марта журналы особаго совѣщанія, образованнаго на основаніи 34 статьи положенія о государственной охранѣ, разсматривавшаго дѣло о 683 участникахъ беспорядковъ въ Москвѣ 9-го и 17-го февраля, причѣмъ лица, изобличенныя въ политической неблагонадѣжности, подготовленіи демонстрацій и сознательномъ участіи въ оныхъ, въ числѣ 95 лицъ, высылаются подъ надзоръ полиціи въ предѣлы иркутскаго генераль-губернаторства на сроки отъ 2 до 5 лѣтъ, 567 лицъ подвергаются тюремному заключенію на сроки отъ 3 до 6 мѣсяцевъ и 6 лицъ подчиняются надзору полиціи на 1 годъ въ мѣстѣ жительства родителей или родственниковъ; въ отношеніи 14 лицъ дѣло прекращено.

«По учебнымъ заведеніямъ лица эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: студентовъ московскаго университета—537, московскаго техническаго училища—32, московскаго сельскохозяйственнаго института—13, московскаго инженернаго училища—3, студентовъ лазаревскаго института—1, студентовъ межевого института—7, слушательницъ разныхъ курсовъ—55, разночинцевъ мужчинъ и женщинъ—34.

«Главнымъ мѣстомъ отбытія тюремнаго заключенія лицами, подвергнутыми такому назначенію временная архангельская тюрьма».

Въ Казани опубликовано слѣдующее объявленіе казанскаго губернатора: «За послѣднее время въ Казани распространяются слухи о допущенномъ чинами полиціи жестокомъ обращеніи съ учащеюся молодежью, послѣдствіемъ чего были будто бы даже увѣчья: у одного сломана рука, у другого вышибленъ

глазъ и т. п. Считаю долгомъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что ни одного подобнаго случая въ дѣйствительности не было; слухи эти совершенно ложны и распространяются злонамѣренными людьми съ цѣлью тревожить общественное мнѣніе».

— «Русскій Инвалидъ» сообщаетъ, что распоряженіемъ командующаго войсками *Варшавскаго* военного округа 20-го февраля арестованъ старшій адъютантъ инспекторскаго отдѣленія окружнаго штаба, числящійся по армейской пѣхотѣ, подполковникъ Гриницъ, за государственное преступленіе служебнаго характера, въ чемъ онъ и сознался.

— Постановленіемъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода 20-го февраля совершенно прекращено изданіе газеты «Россія».

— 21-го февраля въ соединенномъ засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ и разряда изящной словесности избраны были въ почетные академики А. В. Сухово-Бобылинъ и А. М. Пѣшковъ (*Максимъ Горькій*), а затѣмъ, спустя три недѣли, «отъ Императорской Академіи Наукъ» объявлено: «Въ виду обстоятельствъ, которыя не были извѣстны соединенному собранію отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности Императорской академіи наукъ,—выборы въ почетные академики Алексѣя Максимовича Пѣшкова (псевдонимъ «Максимъ Горькій»), привлеченнаго къ дознанію въ порядкѣ ст. 1035 устава уголовного судопроизводства—объявляются недействительными».

Статья 1035 устава уголовного судопроизводства, о которой говорится въ объявленіи «отъ Императорской Академіи Наукъ», находится во второмъ раздѣлѣ кн. 3 устава, трактующемъ «о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ», и гласитъ слѣдующее:

«О всякомъ злоумышленіи, заключающемъ въ себѣ признаки государственнаго преступленія, сообщается прокурору судебной палаты, когда злоумышленіе обнаружилось въ мѣстѣ его пребыванія, а въ противномъ случаѣ мѣстному прокурору окружнаго суда или его товарищу, или же полиціи для донесенія о томъ немедленно прокурору судебной палаты».

Сельскохозяйственные симптомы современной деревни.

Въ настоящее время происходитъ любопытный процессъ въ области крестьянскаго земледѣлія. Съ одной стороны, все растущее малоземелье, съ другой—ростъ денежныхъ расходовъ на удовлетвореніе всевозможныхъ потребностей и несоотвѣтствіе доходности земли съ падающими на нее размѣрами платежей побуждаютъ населеніе все болѣе и болѣе расширять кругъ своей дѣятельности за предѣлы земледѣльческой промышленности. Въ этихъ условіяхъ и кроется причина отслоенія одной части населенія отъ общиннаго организма. Если въ годъ статистическаго изслѣдованія Тверской, напр., губерніи въ 80-хъ

*

годахъ платежей падало на десятину крестьянской надѣльной земли 1 р. 52 к., въ 1893 г.—1 р. 92 к., то въ 1900 г. ихъ падаетъ уже 2 р. 50 к. Потребности населенія и налоговое бремя все растутъ, а уровень знаній его не повышается. Найденный населеніемъ выходъ изъ своего положенія заключается въ интенсивной культурѣ при общинной формѣ землевладѣнія, рассчитанной на вышній сбытъ сырья. Такая примитивная интенсивная культура была извѣстна народамъ еще во времена варварства Европы. Въ VI и VII вѣкахъ нашей эры обремененіе земельной податью западно-европейскихъ провинцій заставило население перейти къ болѣе интенсивнымъ, рассчитаннымъ на вышній сбытъ порядкамъ обработки*). Въ этой интенсификаціи хозяйства ищетъ выхода и населеніе Тверской губерніи. Въ уѣздахъ: Кашинскомъ, Бѣжецкомъ, Зубцовскомъ, Ржевскомъ и Старицкомъ въ послѣднее пятилѣтіе все сильнѣе и сильнѣе начинается травосѣяніе. Въ 1900 году было засеяно клеверомъ и другими кормовыми растениями 19,379 десятинъ, что составитъ 2,2% общей кормовой площади. Но дальнѣйшему сплошному развитію травосѣянія по территоріи губерніи въ сильной степени препятствуетъ недостатокъ, а въ нѣкоторыхъ обществахъ и совершенное отсутствіе пастбищныхъ угодій, вследствие чего населеніе вынуждено снимать съ своихъ полей одинъ и никакъ не болѣе двухъ клеверовъ; въ массѣ селеній въ первый же годъ по сѣянн клевера по клеверной отавѣ пасется скотъ, который почти совершенно вытѣпываетъ и выбиваетъ его. Во многихъ селеніяхъ клеверъ опутывается паразитирующей павиликой, отъ которой онъ задыхается и сохнетъ. Слѣдовательно, кормовыя нормы для скота въ сущности мало измѣняются отъ введенія травосѣянія, тѣмъ болѣе, что клеверъ въ большинствѣ случаевъ, въ силу необходимости, не скармливается на мѣстѣ, а вывозится на рынокъ.

Агрономамъ извѣстно, что клеверъ и другія родственныя ему травы полезны именно тѣмъ, что въ полѣ, засеянномъ этими травами, хорошо сохраняется та влага, которая необходима для успѣшнаго роста нѣкоторыхъ культурныхъ растений, напр., льна, что травы эти предохраняютъ поле отъ распространенія сорныхъ травъ. Длинные корни клевера, выворачиваясь при вспашкѣ изъ почвы, производятъ разрыхленіе ея, а лезъ именно и пользуется хорошо разрыхленной почвой. Отсюда становится понятнымъ, почему именно въ уѣздахъ съ развитымъ травосѣяніемъ развито въ то же время и льноводство. Культура воздѣлыванія клевера необходимо обуславливаетъ, или лучше—вызываетъ культуру льна; отсюда понятно также и то, почему арендная цѣна за десятину частновладѣльческой земли изъ-подъ клевера для посѣва льна достигаетъ 50—60 р. и выше. Въ Тверской губерніи крестьянская льняная площадь занимаетъ 80 тысячъ десятинъ, слѣдовательно, вчетверо болѣе клеверной. Если населеніе не сѣющихъ клевера уѣздовъ большую часть льняныхъ продуктовъ потребляетъ на мѣстѣ: сѣмена въ видѣ масла, жмыховъ, волокна на собственную одежду и бѣлье, то клеверосѣющіе уѣзды, наоборотъ, то и другое почти все безъ остатка вывозятъ на рынокъ. Такъ какъ лезъ высѣ-

*) М. М. Ковалевскій, «Экономич. ростъ Европы».

шается черезъ два года на третій, то это, по выраженію ржевскаго земскаго агронома, «неминуемо должно привести къ истощенію земли и обнищанію населенія, которое очутится на попеченіи земствъ и правительства» *). Во всякомъ случаѣ, съ каждымъ годомъ усиливающейся вывозъ на рынокъ льняного сырья свидѣтельствуетъ о регрессивной эволюціи въ этой отрасли промышленности. Волокно скудается у крестьянъ мелкими прасолами, которые перепродаютъ его крупнымъ торговцамъ, а эти послѣдніе перевозятъ его фабрикантамъ въ Петербургъ, Ревель, Кёнигсбергъ. Волокно продавалось въ 1900 г. по 5 р. за пудъ, поднимаясь мѣстами до 6 р. 50 к., а крупные торговцы доставляли его на заграничные рынки по 8 и 9 р., такъ что потери крестьянъ, по статистическимъ даннымъ, на сѣмени и волокнѣ составляютъ не менѣе 2 миллионъ рублей.

«Нашъ левъ доходитъ до пряхи № 70,—говоритъ г. Б. Веберъ,—тогда какъ изъ заграничнаго льна, напр., ирландскаго и итальянскаго, добывается пряха № 100, изъ бельгійскаго № 100 и выше. Къ сожалѣнію, и такого льна (т.-е. № 70) у насъ производятъ мало, и появленіе этого сорта на рынкѣ встрѣчается все рѣже и рѣже».

Въ то же время замѣчается ухудшеніе сельскохозяйственной культуры въ другомъ отношеніи. Изъ сѣвооборота выводится воздѣлыванье такого краснаго хлѣба, какъ ячмень, который все болѣе и болѣе замѣняется посѣвами картофеля. Такъ, высѣвалось въ 1894 г. ячменя 68.548 десятинъ, картофеля 36.875 десятинъ, въ 1900 г. ячменя 44.819 десят., картофеля 41.199 дес.

Слѣдовательно ячменная площадь за шестилѣтіе сократилась на 35,5%, а картофельная въ то же время увеличилась на 11,7%.

Очевидно, невозможность выполнить всѣ дефициты въ хозяйственной жизни населенія и является причиною громаднаго его отхода на сторонніе заработки. Въ 1893 году число лицъ, уходившихъ на сторонніе заработки, простиралось въ Тверской губерніи до 309.150 человекъ, въ 1900 г. оно достигло 361.302 чел. И въ области отхода замѣчается извѣстный эволюціонный процессъ: первоначально населеніе уходило по краткосрочнымъ билетамъ, затѣмъ по годовымъ индивидуальнымъ паспортамъ, наконецъ, въ послѣдней стадіи уходъ практикуется уже цѣлыми семьями. Такъ, уходило на сторону:

	Семей.	Въ нихъ лицъ об. пола.	% муж. работ- ник. ушедшихъ одиночками на цѣлый годъ.
Въ 1894 г.	16.969	45.732	24,0
» 1896 »	17.946	52.079	27,2
» 1899 »	19.862	59.787	86,5
» 1900 »	20.176	60.528	88,8

Для всѣхъ этихъ порвавшихъ хозяйственныя связи съ деревней 20 тысячъ семей, а также и для массы уходившихъ на цѣлый годъ одиночекъ, процессъ отдѣленія рабочаго отъ земли можно считать уже совершившимся.

*) Докладъ ржевской земской управы 1900 г.

Слѣдовательно, усиленіе отхода на продолжительное время само собою вызываетъ на невозможность совмѣщенія отхожихъ промысловъ съ земледѣльческимъ занятіемъ, не можетъ служить и подспорьемъ одно другому. Аналогичный процессъ отдѣленія рабочаго отъ земли совершается и въ другихъ губерніяхъ промышленнаго района: Московсковокой, Ярославской, Владимирской и др.

Уходя на сторону цѣлыми семьями, большею частью весной, крестьяне заколачиваютъ досками двери и окна своихъ избъ; въ нѣкоторыхъ деревняхъ заколоченныя избы составляютъ половину общаго ихъ количества. У этихъ семей, по выраженію крестьянъ, «совсѣмъ нарушено хозяйство», т.-е. у нихъ не существуетъ ни живого, ни мертваго инвентаря. Уходъ на сторону цѣлой семьи вызываетъ необходимость сдачи надѣловъ однообщественникамъ исключительно изъ-за уплаты однихъ податей, или же возвратъ ихъ въ міръ, который уже самъ распределяетъ ихъ поровну между оставшимися членами общины. Но нерѣдко случается, что уходящія семьи просто оставляютъ свои надѣлы пустующими, не сѣянными, такъ какъ по невыгодности веденія хозяйства ихъ никто не беретъ и въ такомъ случаѣ, выражаясь языкомъ писцовыхъ книгъ, владѣльцы ихъ «платятъ подати спуста». Такъ было всегда. Въ XVII и XVIII вѣкахъ за опустѣвшіе дворы крестьяне несли платежи и въ томъ случаѣ, если покинутыми пашенными землями и сѣянными покосами никто не владѣлъ, и онѣ лежали въ пустѣ *). Слѣдовательно, всегда крестьяне несли подати и за тѣ земли, которыми фактически никто не пользовался за негодностью.

Еще въ моментъ статистическаго изслѣдованія губерніи въ 80-хъ годахъ земскихъ статистиковъ поразилъ фактъ запущенія въ поляхъ массы крестьянской пашни, которой было зарегистрировано ими 3.443 надѣла, заключающихъ въ себѣ 14.000 десятинъ. Статистики объясняли это явленіе невыгодностью веденія хозяйства на малыхъ надѣлахъ и при сравнительно высокихъ платежахъ. Что именно малые размѣры надѣла побуждали крестьянъ бросать землю, показываетъ то, что количество пустующихъ надѣловъ обратно пропорціонально ихъ размѣрамъ. Такъ, пустующихъ надѣловъ было при размѣрѣ:

Менѣе 5 дес. на душу	2.693,9	надѣловъ.
» 6 » » »	374,1	»
» 7 » » »	224,6	»
» 8 » » »	72,5	»
» 9 » » »	22,5	»
» 10 » » »	29,5	»
Болѣе 10 » » »	23,0	»

Въ 1900 г. забрасыванье надѣловъ составляетъ массовое явленіе. Въ 1898 году количество надѣльныхъ домохозяевъ, не сѣявшихъ никакихъ хлѣбовъ, равнялось 2.940 съ 4.830 надѣлами, въ 1900 г. число первыхъ возросло до

*) В. Н. Семевскій: «Крестьяне въ царств. имп. Екат. II», т. II, 5.

4.793, а послѣднихъ до 8.378, количество же пустующихъ надѣловъ равняется 4.836, заключающихъ въ себѣ 22.900 десятинъ, слѣдовательно за 10—15 лѣтъ количество пустующихъ надѣловъ увеличилось на 1.393 или на 40,4⁰/₀.

Прошлымъ лѣтомъ (въ 1901 г.) мы лично имѣли возможность собрать на мѣстѣ нѣкоторые свѣдѣнія о пустующихъ надѣлахъ въ Тверской губерніи и выяснитъ причины этого ненормального явленія. Приведемъ здѣсь нѣсколько типичныхъ примѣровъ. Будемъ обозначать селенія для краткости ММ.

№ 1. «Въ селеніи съ 8 пустующихъ надѣловъ скашивается только трава; но въ аренду ихъ никто не беретъ,—не стоятъ. Подати за нихъ платятъ спуста».

№ 2. «Крестьяне сдаютъ свои надѣлы въ аренду съ приплатою отъ себя арендатору 10 р.: земля не окупаетъ платежей».

№ 3. «8 пустующихъ надѣловъ домохозяева сдаютъ въ аренду за право косыбы на нихъ травы, причемъ одну половину податей платитъ арендаторъ, другую владѣлецъ».

№ 4. «Съ 4 пустующихъ надѣловъ арендаторы косятъ траву за 3 р. 25 к. за надѣлъ, податей же всѣхъ сходятъ 6 р. съ надѣла».

№ 5. «Пустуетъ 4 надѣла, на которыхъ и трава не растетъ, такъ какъ земля подзолъ. Въ аренду никто не беретъ: мало скота и не стоятъ».

№ 6. «6 пустующихъ надѣловъ никто не беретъ, подати за нихъ платитъ миръ спуста. Только за сѣнокосъ платится 2 р. 50 к. за надѣлъ, всѣхъ же платежей сходятъ 10 р. 12 к. съ надѣла. Въ 1900 году миръ навалилъ было 4 пустующихъ надѣла на 4 домохозяевъ, но послѣдніе пожаловались земскому начальнику, который не велѣлъ наваливать на нихъ надѣлы, если земля имъ въ тягость».

№ 7. «На пустующихъ вотъ уже въ теченіе 5 лѣтъ 6 надѣлахъ косится только трава за одну мирскую изгороду. Владѣльцы ихъ, живущіе на сторонѣ, высылаютъ за пустующіе надѣлы всѣ платежи».

№ 8. «Пустующихъ надѣловъ 22 съ 88 десятинами, на которыхъ арендаторы могутъ косить траву за уплату въ общество мирскихъ платежей, въ количествѣ 2 р. съ надѣла, окладные же платежи 5 р. 75 к. уплачиваютъ сами владѣльцы надѣловъ».

№ 9. «Пустуетъ 4 надѣла, за которые миръ уплачиваетъ всѣ платежи; ихъ никто не беретъ: мало скота и покосы съ нихъ плохіе».

№ 10. «4 надѣла пустуютъ уже 10 лѣтъ... никто не беретъ».

№ 11. Запущенныхъ надѣловъ 15 (75 десятинъ). Подати за нихъ высылаютъ со стороны сами владѣльцы, въ количествѣ 10 р. 37 к. за надѣлъ. На сторонѣ живутъ 50 домохозяевъ, а ихъ семьи обрабатываютъ землю наймомъ, такъ какъ у всѣхъ по одной коровѣ, но ни одной лошади».

№ 12. «10 лѣтъ тому назадъ запущенной пашни было въ селеніи 38 десятинъ, въ настоящее время 216 десятинъ или $\frac{1}{4}$ общей пахатной площади. Пашня запущена по недостатку скота».

Анализъ приведенныхъ данныхъ приводитъ насъ къ заключенію, что запущеніе надѣловъ составляетъ результатъ невыгодности занятія земледѣліемъ при

существующихъ экономическихъ условіяхъ. Это было констатировано еще 10 лѣтъ тому назадъ В. Н. Покровскимъ. «Даже при очень благоприятныхъ условіяхъ, — говоритъ онъ, — производительность крестьянскаго надѣла недостаточна, чтобы за вознагражденіемъ труда семьи, сидящей на надѣлѣ, оставался какой нибудь чистый доходъ» *). Очень понятно, почему при существующемъ количествѣ рабочаго и рогатаго скота крестьянинъ не можетъ взять себѣ надѣловъ больше того, чѣмъ сколько ихъ имѣетъ, хотя бы ему и предлагали ихъ даромъ. Массовый отходъ мужского населенія въ рабочемъ возрастѣ долженъ былъ повлечь за собой, во-первыхъ, эксплуатацію женскаго труда, слѣдовательно пониженіе сельскохозяйственной культуры и господство паразитическаго хозяйства, во-вторыхъ, повышеніе дѣтской смертности, достигающей въ 1891 году въ возрастѣ отъ 1 до 5 лѣтъ 62—63%, въ настоящее время 65%. Въ 1900 году кашинское земское собраніе обратило вниманіе на крайній недостатокъ рабочихъ рукъ въ уѣздѣ, что отражается самымъ неблагоприятнымъ образомъ на условіяхъ хозяйства *). Это обстоятельство привело кашинское земство къ мысли «организовать выписку рабочихъ изъ другихъ мѣстностей; но на запросы по сему поводу, обращенные къ различнымъ уѣзднымъ управамъ, получено 17 отвѣтовъ, изъ которыхъ выяснилось, что тѣ уѣзды находятся въ такомъ же положеніи **).

Фактъ массоваго отхода на сторону и забрасыванья надѣловъ замѣчается и въ другихъ губерніяхъ промышленнаго района. Въ *Мишкинскомъ* уѣздѣ, Ярославской губ. пустующей крестьянской пашни зарегистрировано въ 1897 году 2.000 десятинъ; въ земледѣльческомъ *Маленковскомъ* уѣздѣ Владимирской губерніи 9.070 дес., или 80% къ общей культурной площади, въ *Вязниковскомъ* уѣздѣ 11% запущенной пашни, *Ковровскомъ* — 20%.

«Запущеніе пашни съ каждымъ годомъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры, — говоритъ владимірскій статистикъ г. [Смирновъ ***), все чаще пестрятъ крестьянскія поля незасѣянными полосами... Подъѣзжая къ Шуѣ, Иваново-Вознесенку, Тейкову, наблюдатель прямо поражается печальнымъ видомъ полей, перерѣзанныхъ, какъ старыи, вытертый нигуда негодный коверъ, сѣрыми полосами пустырей». Очевидно, улучшенія экономическаго положенія населенія трудно ожидать, разъ налоги будутъ поглощать всю ренту съ крестьянскаго надѣла, а само земледѣльческое хозяйство, принимая все болѣе и болѣе паразитическій характеръ, будетъ ограничиваться производствомъ и сбытомъ одного сырья безъ фабричной его переработки на мѣстѣ. Слѣдовательно, и отходъ населенія на сторонніе заработки будетъ все возрастать, а съ нимъ выѣстъ и земельная пустота, такъ какъ отхожіи промыселъ все болѣе и болѣе становится несовмѣстнымъ съ земледѣліемъ.

И. Красноперовъ.

*) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Тверской губ., 1893 г., 15.

**) Постановленія уѣзднаго земскаго собранія за 1900 г.

***) «Земледѣліе и земледѣлецъ централн. промышлен. губерніи. «Русская Мысль», кн. VII, 1901 г.

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Вѣстникъ Всемирной Исторіи»—январь, февраль; «Русская Старина»—мартъ; «Историческій Вѣстникъ»—мартъ; «Вѣстникъ Европы»—мартъ; «Образованіе»—февраль).

О «Вѣстникѣ Всемирной Исторіи» намъ говорить приходится рѣдко. Не то, чтобы этотъ органъ печати не заслуживалъ совершенно вниманія публики, нѣтъ, въ немъ появлялись и интересныя статьи, но многое въ этомъ журналѣ носило и носило такой спеціальнѣйшій «привкусъ», который не позволяетъ зачислить «Вѣстникъ» въ число серьезныхъ представителей нашей литературы. Читатели не позабыли, вѣроятно, обнаружившихся изъ газетъ «дѣяній» одного изъ бывшихъ до послѣдняго времени столповъ «Вѣстника» г. Головинскаго по части рекламированія журнала г. Сухонина, затѣмъ письма г. Головинскаго о томъ, что онъ временно прекращаетъ свои отношенія къ «Вѣстнику» и убѣждаетъ за границу, письма г. Сухонина, извѣщающаго публику, что г. Головинскій прекратилъ отношенія къ журналу вовсе не временно, а получилъ, что называется, чистую отставку и т. д. Все это не могло, разумѣется, не отразиться на мнѣніи о «Вѣстникѣ» какъ другихъ органовъ печати, такъ и публики. Но и это еще не все. Намъ, профессиональнымъ журналистамъ, не можетъ не бросаться въ глаза несерьезность, чтобы не сказать болѣе, «Вѣстника» и въ другихъ отношеніяхъ, примѣры чему, разъ заговоривъ о данномъ журналѣ, мы сейчасъ же (и приведемъ. Въ январьской книжкѣ «Вѣстника» помѣщена статья г. В. К.—ва «Декабристъ Волконскій», представляющая собою изложеніе недавно появившихся въ печати извѣстныхъ «Записокъ» С. Г. Волконскаго. Ну, и излагалъ бы г. К.—въ содержаніе очень поучительной книги,—дѣло весьма полезное,—нѣтъ, надо ему непременно сказать что-нибудь и «отъ себя», хотя сказать ему, видимо, рѣшительно нечего. Съ этою цѣлью г. К.—въ начинаетъ говорить и о другихъ декабристахъ, противопоставляя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Волконскому «Пестеля, съ его натурой Кассія, фанатика Рылѣва, каждая строка котораго брызжетъ негодованіемъ оскорбленнаго гражданина, и Батенкова, двадцать лѣтъ томившагося въ одиночномъ заключеніи, упорно отказывався отъ всякой попытки смягчить свою участь». («Вѣстн. Всем. Ист.», январь, 1902, стр. 149). Всѣ эти характеристики Пестеля, Рылѣва и Батенкова г. К.—въ и не думаетъ заключать въ кавычки и, тѣмъ болѣе, ссылаться на какой-нибудь источникъ, изъ котораго онъ ихъ заимствовалъ, такъ что не имѣющій спеціальнаго знакомства съ даннымъ предметомъ читатель остается въ полной увѣренности, что г. К.—въ говоритъ «отъ себя». А между тѣмъ, это совсѣмъ не такъ. Кто пожелаеъ развернуть третій томъ «Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ» г. Венгерова, тотъ найдетъ тамъ противопоставленіе Александру Бестужеву-Марлинскому «Пестеля, съ его натурой Кассія, фанатика Рылѣва, вся поэзія котораго проникнута гражданскимъ духомъ, Батенкова, который высиживалъ двадцать лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, упорно отказывався отъ

всюю попытку смягчить свою участь» и т. д. («Словарь», стр. 159). Теперь спрашивается: не лучше ли было бы г. К—ву не говорить ничего «отъ себя», чѣмъ почти буквально списывая характеристики изъ «словаря»?.. А вотъ примѣръ нѣсколько иного рода. Въ февральской книжкѣ «Вѣстника» за текущій годъ помѣщены «Воспоминанія украинскаго писателя объ И. С. Тургеневѣ». Воспоминанія эти заслуживаютъ, разумѣется, серьезнаго вниманія и не встрѣтили бы съ нашей стороны ничего, кромѣ полнаго одобренія, если бы въ концѣ статьи не стояли невзвѣстно зачѣмъ слова: «сообщилъ С. Сухонинъ». Съ такими пометками мы привыкли читать вещи, въ печати еще не бывавшія, никому, поэтому, невзвѣстныя и обявныя своимъ появленіемъ или спеціальнымъ розысканіемъ ученыхъ или какой-либо счастливой случайности. Но такъ ли это въ данномъ случаѣ? Отнюдь нѣтъ, ибо «Воспоминанія малороссійскаго писателя» перепечатаны почти полностью, т.-е. лишь съ самыми небольшими, обусловленными вполнѣ понятными всякому журналисту и всей публикѣ, пропусками, изъ приложенія къ извѣстнымъ «Письмамъ К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену». При чемъ же тутъ «сообщеніе» г. Сухонина? Правда, «Письма Кавелина и Тургенева» появились первоначально за границею, но книга эта давно перестала быть въ общемъ «запретной». Не говоря о другихъ писателяхъ, письма эти воспроизводитъ очень подробно и именно на страницахъ «Вѣстника Всемирной Исторіи» г. В. П. Батуринскій въ его статьяхъ «Герценъ и Тургеневъ», причемъ воспроизводитъ, нисколько не скрывая источника, изъ котораго онъ заимствовалъ матеріалъ для своихъ статей, и оповѣщая объ этомъ публику въ такихъ, не лишенныхъ комизма, выраженіяхъ: «въ 1892 году письма эти были наданы въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ недавно умершимъ профессоромъ софійскаго университета М. П. Драгомановымъ. Къ сожалѣнію, какъ самое содержаніе нѣкоторыхъ писемъ, такъ равно и характеръ примѣчаній къ нимъ Драгоманова сдѣлали невозможнымъ свободное обращеніе этой книжки въ Россіи и, вслѣдствіе этого, высокоинтересныя «Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену» (Женева, 1892) остаются совершенно неизвѣстными (?) не только большинству русской читающей публики, но даже лицамъ, спеціально занимающимся изслѣдованіями по исторіи новѣйшей русской литературы (sic!). Печатавъ въ настоящее время въ обработанномъ видѣ ту часть переписки двухъ замѣчательныхъ дѣятелей русской литературы, появленіе которой не можетъ встрѣтить препятствій, мы думаемъ, что доставимъ этимъ истинное наслажденіе всѣмъ тѣмъ, кому дорога личность одного изъ величайшихъ, если не величайшаго русскаго художника» («Вѣстн. Всем. Ист.», январь, 1900, стр. 34). Г. Батуринскій, конечно, очень хорошо сдѣлалъ, что путемъ перепечатки «писемъ» изъ книги покойнаго Драгоманова поспособствовалъ ознакомленію съ ними болѣе широкаго круга читателей; не сомнѣваемся и въ томъ, что *этой* стороною своихъ статей онъ доставилъ читателямъ «истинное наслажденіе», но думаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что наслажденіе было бы безъ примѣси разочарованія и досады, если бы г. Батуринскій ограничилъ свою «обработку» писемъ только исключеніемъ изъ книги Драгоманова всего того, что, по усло-

віамъ печати, не можетъ еще появиться въ нашей литературѣ. Но г. Батуриискій, этотъ специалистъ изъ специалистовъ, которому извѣстны книги, «совершенно неизвѣстныя даже лицамъ, специально занимающимся изслѣдованіями по исторіи новѣйшей русской литературы» (да проститъ ему Господь его смѣлость, ибо не вѣдаетъ бо, что пишетъ!), простеръ свою «обработку» гораздо далѣе и въ концѣ-концовъ такъ «обработалъ» переписку Герцена, что сильно попортилъ обѣщанное имъ «истинное наслажденіе». Ужъ какое тутъ безприимчивое наслажденіе, когда г. Батуриискій помѣщаетъ, напр., въ число сотрудниковъ «Колокола» Ю. Ф. Самарина (*ibid.*, стр. 49), очевидно, даже и не подозрѣвая, что опроверженіе этого можно найти въ *частныхъ*, но уже опубликованныхъ, письмахъ къ Герцену самого Самарина. Но Богъ съ нимъ, съ г. Батуриискимъ; онъ сдѣлалъ все-таки хорошее дѣло, и объ этомъ писателѣ мы завели рѣчь лишь для напоминанія, что книга Драгоманова уже многократно цитировалась съ полными ссылками на источникъ на страницахъ «Вѣстника Всемирной Исторіи» и такимъ образомъ она перестала носить характеръ запретнаго плода. Но тогда спрашивается: какой же смыслъ при перепечаткѣ изъ нея же приложенія и при томъ приложенія совершенно невиннаго, такъ какъ всё (немногочисленные и въ подлинникѣ, да и то бывшія въ свое время достояніемъ литературы въ родѣ предсмертныхъ словъ Тургенева, въ которыхъ онъ называлъ нѣкоторыхъ лицъ «великими людьми») мѣста иного характера, разумѣется, опущены,—прибавлять: «сообщилъ С. Сухонинъ»? Для чего это нужно? Для «красоты слога» или для внушенія вящаго уваженія читателей къ особѣ редактора-издателя «Вѣстника Всемирной Исторіи»? Или, можетъ быть, г. Сухонинъ повѣрилъ г. Батуриискому, что книга Драгоманова «совершенно неизвѣстна даже лицамъ, специально занимающимся изслѣдованіями по исторіи новѣйшей русской литературы», повѣрилъ на слово, не подумавъ о томъ, что рѣчи на этотъ счетъ г. Батуриискаго совсѣмъ легкомысленныя, ибо «Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену» цитировались въ нашей литературѣ неоднократно задолго до того, какъ стало извѣстно, что на свѣтѣ существуетъ г. Бобчинскій, то бишь... г. Батуриискій, повѣрилъ г. Сухонинъ и рѣшилъ: дай, молъ, и я «сообщу» нѣчто совершенно новое, никому невѣдомое... И «сообщилъ»... Такъ вотъ о какомъ «привкусѣ» въ «Вѣстникѣ Всемирной Исторіи» мы завели рѣчь.

Но довольно пока объ этомъ журналѣ.

Если мы обратимся теперь къ журналу, дѣйствительно, историческому и ведущемуся съ знаніемъ своего дѣла,—мы говоримъ о «Русской Старинѣ»,—то тамъ мы найдемъ «сообщенія», которыя не чета псевдо-сообщеніямъ г. Сухонина, а нѣчто представляющее, дѣйствительно, цѣнные вклады въ наши свѣдѣнія о прошломъ Россіи. Таково помѣщенное въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» сообщеніе И. А. Бычкова о нежданной главѣ изъ «жизни графа Сперанскаго» барона М. А. Корфа. Хотя глава эта,—говоритъ Бычковъ,—написана барономъ еще въ 1847 году. но, «несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, она сообщаетъ совершенно новыя свѣдѣнія и въ настоящее время». И въ самомъ дѣлѣ, если имѣемъ

Балашова, Арифельда, Де-Санглена и др. участниковъ интриги, приведшей къ паденію и ссылкѣ Сперанскаго, болѣе или менѣе хорошо извѣстны, то роль того, какъ говорятъ нѣмцы, «высокаго мѣста», которую считаютъ обыкновенно въ такихъ дѣлахъ пассивною, все болѣе и болѣе вскрывается въ дѣлѣ Сперанскаго, совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Мы не будемъ излагать подробностей этого поучительнаго эпизода русской исторіи, отсылая для этого читателя къ подлиннику о которомъ у насъ идетъ рѣчь, но приведемъ сдѣланныя авторомъ, на основаніи тщательнѣйшаго изученія даннаго вопроса, характеристичныя нѣкоторые дѣятели и участники въ паденіи Сперанскаго. «Балашовъ, возведенный на одну изъ высшихъ государственныхъ степеней, на степень гдѣ открывалась равная возможность дѣлать и много добра и много зла, представляетъ одно изъ самыхъ непріятныхъ явленій въ исторіи царствованія Александра; постыдное его лихоимство знала вся Россія. Онъ бралъ немилосердно, гдѣ только можно было: бралъ и какъ оберъ-полицеймейстеръ, и какъ военный губернаторъ, и какъ министръ. Страсть къ преступному любостыжанію не охладѣла въ немъ и тогда, когда, черезъ второй бракъ свой въ 1808 году съ дѣвицею Бекетовою, двоюродною сестрою И. И. Дмитріева, онъ сдѣлался обладателемъ огромнаго богатства. Министерство его было не высокимъ по назначенію своему блюстительствомъ надъ общественными правами, и полицейскою конторою, въ которой одной рукою брали, а другую рукою употребляли на шпіонство, вывѣдыванія и клеветы. Съ первой минуты своего образованія оно было уронено въ обществѣ мнѣніи и потеряло всякое довѣріе публики. Самъ Балашовъ, пресмыкаясь, завидуя, всякому высшему, пристально глядявша въ царскія слабости, предательствуя и клеветая, изъ послушныхъ клеветовъ сдѣлался постепенно тайнымъ, но самымъ опаснымъ, самымъ дѣятельнымъ врагомъ неосторожнаго Сперанскаго, не столько изъ властолюбія и уже, конечно, не изъ патріотизма, сколько изъ духа интриги, желанія выслужиться и страха собственного обличенія. «Вѣренное Балашову министерство полиціи, — писалъ Кочубей, — вскорѣ отдалилось отъ своей дѣли: — общаго надзора и главнымъ образомъ надзора законнаго. Балашовъ счелъ за нужное обратить его въ министерство шпіонства. Городъ закипѣлъ шпіонами всякаго рода: тутъ были и иностранцы и русскіе шпіоны, состоявшіе на жалованьи, шпіоны добровольные, практиковалось постоянное переодѣваніе полицейскихъ офицеровъ; увѣряютъ даже, что самъ министръ прибѣгалъ къ переодѣванію. Эти агенты не ограничивались тѣмъ, что собирали свѣдѣнія и доставляли правительству возможность предупреждать преступленія, они старались возбуждать преступленія и подозрѣнія. Они входили въ довѣренность къ лицамъ разныхъ слоевъ общества, выражали неудовольствіе на ваше величество, порицая правительственныя мѣропріятія, прибѣгали къ выдумкамъ, чтобы вызвать откровенность со стороны этихъ лицъ или услышать отъ нихъ жалобы. Всему этому давалось потомъ направленіе, сообразное видамъ лицъ, руководившихъ этимъ дѣломъ». Таковъ былъ одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей интриги противъ реформаторскихъ плановъ Сперанскаго. Рядомъ съ нимъ стоитъ ния Арифельда, котораго Борфъ характеризуетъ такими словами: «тонкій царедворецъ, прошедшій че-

резъ всё бури и невзгоды придворной и политической жизни, съ блестящею наружностью, съ такимъ же даромъ слова и перомъ и со всѣми формами высшего общества и дворскими навыками, онъ былъ однимъ изъ самыхъ искусныхъ, самыхъ тонкихъ интригановъ своего времени. Какъ Балашовъ былъ способенъ ко всякой низости изъ любостязанія, такъ Армфельдъ готовъ былъ на всякое предательство изъ любочестія». Если прибавить сюда сестру императора Александра Екатерину Павловну, бывшую въ замужествѣ за принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, неоднократно говорившую статсъ-секретарю Дубяновскому: «mon frère est une tête et un caractère faible; quiconque parvient à mettre la main dessus l'a en son pouvoir. Speransky est un homme qui écorche l'état et le mène à sa ruine, un malfaiteur enfin, et mon frère ne s'en doute guère», и, наконецъ, самого принца, нерѣдко восклицавшаго про того же Сперанскаго: «можно ли такого злодѣя при себѣ держать», если прибавить, говоря, къ Балашову и Армфельду этихъ лицъ, то можно составить себѣ представленіе о тѣхъ препятствіяхъ, которыя надо было преодолевать Сперанскому на пути къ осуществленію его благородныхъ идей. Но и это еще не все. Противъ Сперанскаго былъ и самъ Александръ и былъ противъ не потому, что его настроили такъ Балашовы, Армфельды и К°, а въ силу особыхъ причинъ, крившихся въ характерѣ личности Благословеннаго. Екатерина Павловна называла своего брата «une tête et un caractère faible», но на дѣлѣ вовсе не это было отличительною чертою личности Александра. Въ извѣстномъ капитальномъ трудѣ Шильдера можно найти массу матеріала для сужденія объ этомъ предметѣ. Въ дѣлѣ Сперанскаго Александръ былъ не пассивнымъ орудіемъ злоконневныхъ вліяній, а весьма активнымъ дѣйствующимъ лицомъ. «Александръ не довольствуясь доносами и надзоромъ министра полиціи, втайнѣ приблизилъ къ лицу своему и его правителя канцеляріи (извѣстнаго де Санглена), который, не смотря на маленькій свой чинъ коллежскаго совѣтника, бывалъ у государя наединѣ почти каждый день (курсивъ подлинника), оставался нерѣдко по нѣсколько часовъ и составлялъ въ нѣкоторомъ смыслѣ контръ-поллицію Балашова. При всемъ томъ таково было омерзѣніе, внушенное извѣстными его обязанностями, что, какъ ни страшны, какъ ни опасны онъ могъ быть для каждаго, очень немногіе хотѣли ему кланяться и даже говорить съ нимъ». Тотъ то де-Сангленъ и явился покорнымъ орудіемъ плановъ Александра. Много лѣтъ спустя, когда не было уже въ живыхъ никого изъ дѣйствующихъ лицъ въ дѣлѣ Сперанскаго, пережившіи ихъ всѣхъ де-Сангленъ на просьбу сообщить истинныя причины разразившейся надъ Сперанскимъ опалы, писалъ такія строки: «изъ всѣхъ дѣйствующихъ остался въ живыхъ одинъ я. Императоръ, скрывая отъ всѣхъ свихъ лицъ настоящую причину своего неудовольствія на Сперанскаго, дозволилъ мнѣ тайное за нимъ наблюденіе, выслушивалъ ихъ донесенія и направлялъ все къ своей цѣли, имъ неизвѣстной, а между тѣмъ полной своей довѣренностью удостоилъ меня одною (курсивъ подлинника), поставилъ меня между партіями въ томъ убѣжденіи, что все, дѣлаемое за кулисами, отъ него не скроется. Тайна, повѣренная такимъ образомъ царемъ и соблюденная имъ до гроба, можетъ ли нарушена быть под-

даннымъ?» Написавши еще нѣсколько фразъ, де-Сангленъ кончалъ словами: «Волѣе объявлять не смѣю, ибо тайна, возложенная на меня,—почему, для чего и какъ?—соблюдена быть должна свято. Развѣвать уста можетъ единственно высшая власть». Корфъ сообщилъ это письмо де-Санглену графу А. Ф. Орлову, прося его войти съ представленіемъ по существу его къ императору Николаю, но послѣдній «глубоко презиралъ» де-Санглена и Корфъ не получилъ просимой санкціи. Пришлось воздействовать на де-Санглена инымъ путемъ, что и увѣчалось полнымъ успѣхомъ. «Разсказъ де-Санглена исполненъ остроумія, увлекательнаго интереса и заключаетъ въ себѣ многочисленныя черты въ характеристикѣ императора Александра». Этими словами и заканчивается чрезвычайно интересное сообщеніе А. И. Бычкова.

Среди статей, помѣщенныхъ въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», оставаивающа на себѣ вниманіе написанная г. Малисомъ «Страничка изъ біографіи Н. И. Пирогова», носящая названіе «Пироговъ и Булгаринъ». Странность сосѣдства этихъ двухъ именъ заставляетъ самого автора статьи съ первыхъ же строкъ ея вывести читателя изъ недоумѣнія указаніемъ на то, что—какъ и слѣдовало ожидать,—рѣчь, конечно, идетъ объ одной «гадости», сотворенной знаменитымъ «литературнымъ проходивцемъ» великому ученому. «Гадость» эта сама по себѣ мало интересна и не прибавляетъ ничего къ фізіономіи одного изъ «охранителей» сороковыхъ годовъ, интереснѣе обстановка, обуславливающая возможность такого рода вещей. Пироговъ попалъ въ число профессоровъ медико-хирургической академіи путемъ перевода изъ Дерпта послѣ происшедшей въ академіи одной «исторіи», весьма характерной для «патріархальныхъ нравовъ» того «добраго стараго времени», о которомъ не могутъ безъ умиленія и теперь вспоминать наши охранители. Исторія состояла въ томъ, что студентъ Сочинскій бросился однажды съ перочиннымъ ножичкомъ на профессора химіи Нечаева. За это Сочинскій былъ наказанъ нѣсколькими тысячами ударовъ шпицрутенами, отъ которыхъ вскорѣ скончался, а самая академія была, по выраженію г. Малиса, «отдана въ солдаты», т.-е. «была передана изъ гражданскаго вѣдомства въ вѣдомство военнаго министерства и спеціально въ департаментъ военныхъ поселеній подъ властную руку ученика и «сподвижника» графа Аракчеева Петра Андреевича Клейнмихеля, достойнаго продолжателя жестокихъ дѣлъ графа». Начальникъ академіи зналъ, что въ случаѣ чего не остановились бы и передъ закрытіемъ академіи, а студенты знали, что въ случаѣ чего, каждый изъ нихъ могъ попасть подъ красную шапку. Какое-либо не понравившееся ему представленіе конференціи Клейнмихель оставлялъ совершенно безъ отвѣта, помѣтивъ лишь на соответствующей бумагѣ кратко и выразительно: вздоръ. Въ студентамъ академіи Клейнмихель обращался на ты». Что такое былъ въ это время и чѣмъ долженъ былъ быть «Видокъ Фигляринъ» дѣло извѣстное; достаточно напомнить, что, не занимая никакой официальной должности, Булгаринъ «былъ употребляемъ по усмотрѣнію Бенкендорфа по письменной части на пользу службы и всѣ порученія исполнялъ съ отличнымъ усердіемъ». Передъ Дубельтомъ онъ благоговѣлъ, былъ къ нему весьма близокъ и въ письмахъ называлъ его «отцомъ и команд-

диромъ». Таковъ фонъ картины, а узоръ уже гораздо менѣе интересенъ. Прибавьте сюда известную независимость характера Пирогова, съ одной стороны, открытыя вѣтки, которыя бралъ Булгаринъ съ купцовъ, грозя имъ въ противномъ случаѣ «разносомъ» въ знаменитой «Сѣверной Пчелѣ», съ другой стороны и всѣ условія для какой угодно «гадости» со стороны Булгарина Пирогову были на лицо. Былъ нѣкій «эстроординарный» профессоръ Шипулинскій, сильно домогавшійся попасть въ «ординарные» и, видимо, не брезгавшій для этой цѣли услугами такой твари, какъ Булгаринъ. Хвалебные фельетоны «Сѣверной Пчелы» въ честь Шипулинскаго заставили однажды Пирогова сказать въ конференціи академіи, что фельетоны эти инспирированы самимъ Шипулинскимъ. Это дошло черезъ услужливыхъ людей до свѣдѣнія Булгарина, а вѣдь, этого рода людямъ и нуженъ только предлогъ для самыхъ нечистоплотныхъ дѣйствій. Въ «Пчелѣ» появились статьи противъ Пирогова съ самыми гнусными инсинуаціями, словомъ, «пошла писать губернія» и дѣло едва не кончилось уходомъ Пирогова изъ академіи и потерей послѣдней величайшаго ученаго. Исторія кое-какъ была загашена военнымъ министромъ Чернышевымъ, который увидѣлъ прежде всего въ фактѣ сообщенія Булгарину свѣдѣнія о томъ, что происходило въ академіи нарушеніе канцелярскаго тайны и приказывалъ попечителю Анненкову поставить на видъ членамъ конференціи, что подобныя поступки «не только не совмѣстимы съ ихъ званіемъ, но и противны существующимъ узаконеніямъ и чтобы впредь не допускалось ни малѣйшей огласки. Въ противномъ случаѣ будетъ доведено до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества». Да, есть чѣмъ помянуть доброе старое время!..

Обращаясь отъ журналовъ историческихъ къ журналамъ общаго характера, мы остановимся на помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы» статьѣ г. Рихтера «По вопросу объ обѣдненіи черноземнаго центра Россіи». Статья эта трактуеть одинъ изъ нашихъ большихъ вопросовъ, вопросъ объ «оскудѣніи центра» и составляетъ варіантъ доклада, читаннаго авторомъ на ту же тему на засѣданіи подсекціи статистики XI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ. «Оскудѣніе центра» т.-е. страшное истощеніе экономическихъ силъ тѣхъ мѣстностей нашего отечества, которыя еще сравнительно недавно славились въ качествѣ «житницы Россіи», составляетъ теперь фактъ вполне установленный и, иллюстрируя его цифрами и примѣрами, г. Рихтеръ только даетъ болѣе рельефную картину общезвѣстнаго явленія. Какъ извѣстно, для изученія этого вопроса весной 1899 года было образовано нынѣшнимъ товарищемъ министра финансовъ «особое совѣщаніе, результаты работъ котораго были изложены однимъ изъ его членовъ А. Д. Полѣновымъ въ брошюрѣ «Исслѣдованіе экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній». На основаніи этого документа г. Рихтеръ и приводитъ главнѣйшіе выводы, къ которымъ пришло совѣщаніе. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

«Недоимен по окладнымъ сборамъ, составлявшіе въ среднемъ за пятилѣтіе

1871—1875 гг. около 4 миллионѣвъ рублей или 10% всего оклада достигли въ 1898 году 55 миллионѣвъ рублей, что составляетъ уже 177% *оклада*.

«Сборъ хлѣбовъ (и картофеля, считая три пуда послѣднихъ за одинъ пудъ хлѣба) въ отношеніи къ числу жителей сократился за 30 лѣтъ *на 33%*».

«Изъ данныхъ конскихъ переписей за 1888, 1891 и 1893 гг., за исключеніемъ западной части Россіи, *повсюду* замѣчается постепенная *убыль* количества лошадей, но нигдѣ эта убыль такъ не замѣтна, какъ въ обследуемыхъ губерніяхъ, въ которыхъ она выражается цифрой въ 931 тысячу головъ, или *на 40%*».

«Въ результатѣ совѣщаніе пришло къ заключенію, что нѣкогда цвѣтущее состояніе средней черноземной полосы Европейской Россіи измѣнилось къ худшему, и это ухудшеніе захватило столько разнчныхъ явленій общественной жизни и выразилось и продолжаетъ выражаться съ такимъ постоянствомъ, что приписать его какому-либо случайнымъ и преходящимъ причинамъ становилось, очевидно, невозможнымъ».

Съ цѣлью выясненія того же вопроса образована въ настоящее время подъ руководствомъ товарища министра финансовъ В. Н. Кокорцова новая коммиссія, которая уже приступила къ своимъ работамъ. По поводу работъ этой-то коммиссіи и высказываетъ г. Рихтеръ цѣлый рядъ пожеланій, заканчивающихся такими словами:

«Для того, чтобы предотвратить надвигающееся грозное явленіе, необходимо широко и всесторонне изучить какъ экономическія, такъ и естественно-историческія условія жизни страны. Работа министерской коммиссіи, конечно, составляетъ часть этого изслѣдованія—она можетъ многое дать, но далеко не исчерпать и не выяснитъ всего вопроса. Это послѣднее можетъ сдѣлать только рядъ изслѣдованій на мѣстѣ, и при томъ работа эта всего успѣшнѣе можетъ быть выполнена мѣстными общественными, наиболѣе заинтересованными органами, каковыми являются наши земства. Земства въ послѣднее время привлекаютъ къ своей работѣ разнообразныхъ спеціалистовъ: агрономовъ, почвовѣдовъ, метеорологовъ, врачей, статистиковъ и др. Всѣ эти силы должны быть привлечены къ изслѣдованію, о которомъ идетъ рѣчь и только при совмѣстномъ, дружномъ трудѣ этихъ научныхъ силъ съ земствомъ, по нашему мнѣнію, возможно освѣтить тотъ путь, по которому мы какъ бы въ потьмахъ идемъ,—возможно уяснить коренныя причины надвигающейся опасности, а слѣдовательно, тѣмъ самымъ, можетъ быть, и предотвратить ее отъ нашей родины...» Признаемся откровенно, что мы не понимаемъ, чего собственно желаетъ г. Рихтеръ. Работъ земствъ рука объ руку со спеціалистами для всесторонняго освѣщенія даннаго вопроса? Очень хорошо, ну, а затѣмъ,—что же дальше, какое употребленіе будетъ сдѣлано изъ этихъ изслѣдованій и,—что еще важнѣе—*какимъ способомъ* будутъ использованы эти изслѣдованія для мѣропріятій практическаго характера? Вѣдь самъ же г. Рихтеръ по поводу работъ коммиссіи г. Кокорцова замѣчаетъ, что ея программа «мало чѣмъ отличается отъ программы первоначальнаго обследованія—тотъ же официальный матеріалъ, правда, нѣсколько расширенный *рекомендаціей* пользоваться земскими

маданіями и другими источниками...» Такимъ образомъ, дѣло не въ отсутствіи у насъ по данному вопросу «земскихъ изданій и другихъ источниковъ», а въ томъ второстепенномъ, чтобы не сказать болѣе, мѣстѣ, которое занимаютъ онѣ при проведеніи тѣхъ или иныхъ мѣропріятій практическаго характера, въ томъ взглядѣ на эти изданія, который присущъ бюрократической средѣ и который не измѣнится до тѣхъ поръ, пока въ составѣ самихъ комиссій не будетъ найдется людей, смотрящихъ на подобные вопросы подъ инымъ угломъ зрѣнія. Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, центръ вопроса, а не тамъ, гдѣ его видятъ г. Рихтеръ. Но намъ могутъ возразить, что въ работахъ комиссіи обыкновенно и принимаютъ участіе «свѣдущіе люди», приглашаемые для этой цѣли въ Петербургъ, какъ то имѣло мѣсто въ сельскохозяйственномъ совѣтѣ при министрѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ и какъ то предполагается сдѣлать, по слухамъ, и во время работъ недавно учрежденной подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ комиссіи по вопросу о нуждахъ сельскаго хозяйства и т. д. Все это такъ, но противъ крайней неудовлетворительности постановки у насъ вопроса о самыхъ *способахъ* приглашенія въ Петербургъ «свѣдущихъ людей» раздавались и раздаются у насъ не мало голосовъ не только въ литературѣ, но и въ земскихъ и даже дворянскихъ собраніяхъ. Такъ, во время послѣдняго очереднаго дворянскаго собранія въ Курскѣ графомъ Дорреромъ былъ внесенъ докладъ, въ которомъ предлагалось ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы вопросъ о приглашеніи свѣдущихъ лицъ въ разнаго рода комиссіи, совѣты и т. д. былъ упорядоченъ, и для этого дворянскимъ собраніямъ было предоставлено право выбирать изъ своей среды такихъ людей, участіе которыхъ въ работахъ петербургскихъ комиссій признается *самыми собраніями* наиболее полезнымъ и отвѣчающимъ опредѣленной цѣли. Докладъ этотъ былъ принятъ курскимъ дворянствомъ очень сочувственно. Еще дальшѣ пошелъ въ томъ же направленіи елецкій уѣздный предводитель дворянства А. А. Стаховичъ, только что предложившій экстренному орловскому губернскому земскому собранію ходатайствовать передъ министромъ финансовъ, какъ предсѣдателемъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельской промышленности, о приглашеніи въ это совѣщаніе представителей земства, избранныхъ для этого земскимъ собраніемъ. Докладъ г. Стаховича настолько интересенъ, что мы приведемъ полностью имѣющуюся объ этомъ предметѣ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (отъ 4-го марта настоящаго года) корреспонденцію изъ Орла. Вотъ рѣчь по этому поводу А. А. Стаховича:

«23-го января состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ господина министра финансовъ, для выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности и соображенія мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда. Чрезвычайное значеніе этого акта государственной власти не можетъ подлежать сомнѣнію. Упадокъ сельскохозяйственной промышленности, столь замѣтный въ послѣднее время, прямо или косвенно затрагиваетъ столь существенные интересы такихъ широкихъ круговъ населенія, что вполне понятно то общее сочувствіе, съ которымъ было встрѣчено учрежденіе назван-

наго особаго совѣщанія. Для насъ, «земскихъ» людей, представителей «земли», всѣхъ сословій, занимающихся почти исключительно сельско-хозяйственнымъ промысломъ, этотъ государственный актъ имѣетъ, конечно, совершенно особое значеніе, и врядъ ли я ошибусь, сказавъ, что изъ всѣхъ проявленій государственной власти за два послѣднія десятилѣтія—это Высочайшее повелѣніе будетъ встрѣчено земскими людьми съ чувствомъ наибольшей надежды и благодарности. Въ силу статей II-й и III-й означеннаго Высочайшаго повелѣнія, учрежденное совѣщаніе имѣетъ возможность услышать голосъ людей, дѣйствительно и близко знакомыхъ съ современными нуждами сельскохозяйственной промышленности и неразрывно съ ними связаннаго «сельскаго состоянія», правовыми и бытовыми условіями, въ которыхъ приходится принимать свой трудъ чуть не 100 милліонамъ сельскаго населенія Россіи и тѣми явленіями, которыя глубоко вѣѣлись въ наши сельскіе порядки и которыя цалѣтствами излѣчить нельзя. Таковыми людьми являются, конечно, прежде всего, «земскіе люди»—представители и избранныки земства.

Опытъ многихъ комиссій и совѣщаній послѣднихъ лѣтъ показали, какъ неудовлетворителенъ обыкновенно практикующійся у насъ способъ приглашенія «представителей» той или иной отрасли промышленности. Въ частности труднѣе всего сколько нибудь-сносно представить при помощи вызова интересы сельскаго хозяйства. Вызываютъ, болѣе или менѣе по-наслышкѣ, извѣстныхъ провинціальныхъ дѣятелей, но такого рода извѣстностью у насъ пользуются весьма немногіе представители дворянства, земскіе гласные или сельскіе хозяева, въ большинствѣ крупныя землевладѣльцы. Но земледѣльческое населеніе страны распадается на нѣсколько слоевъ, интересы которыхъ вовсе не однородны и далеко не всегда и не во всемъ могутъ быть представлены крупными земельными собственниками. Чѣмъ ближе придетъ совѣщаніе въ непосредственное общеніе съ дѣйствительными представителями этихъ различныхъ слоевъ и интересовъ, тѣмъ, конечно, глубже будутъ изучены нужды сельскохозяйственной промышленности, тѣмъ вѣрнѣе, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, отыскать средства къ удовлетворенію ихъ. Несомнѣнно, съ другой стороны, что на мѣстахъ найдется не мало людей, не уступающихъ въ знаніи мѣстныхъ нуждъ тѣмъ немногимъ дѣятелямъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія въ С.-Петербургѣ. И совѣщаніе, конечно, найдетъ этихъ людей, если обратится за указаніемъ къ мѣстнымъ общественнымъ всесословнымъ учрежденіямъ—земствамъ и организаціямъ—сельскохозяйственнымъ совѣтамъ, обществамъ сельскаго хозяйства. Нельзя при этомъ не имѣть въ виду, что въ существующемъ за послѣднее время порядкѣ и способѣ приглашенія «представителей» извѣстной промышленности, «свѣдущихъ людей» въ разнаго рода комиссіи и совѣщанія, чуть ли не единственнымъ руководящимъ принципомъ является случайное, часто по слухамъ, знакомство представителя вѣдомства и другихъ менѣе вліятельныхъ лицъ съ приглашаемымъ имъ лицами, а часто и другія совершенно случайныя же обстоятельства, какъ напримѣръ, пребываніе даннаго лица въ столицѣ во время засѣданія комиссіи. Позволю себѣ привести два характерныхъ примѣра, нѣ извѣстныхъ, ярко характеризующихъ систему подобныхъ приглашеній.

1) Изъ 15 приглашенныхъ въ сельскохозяйственный совѣтъ весной 1898 года лицъ 4 были изъ нашей Орловской губерніи и 2 изъ нихъ изъ родного мѣѣ Елецкаго уѣзда, 2) въ совѣщаніи, созванномъ министромъ финансовъ въ февралѣ 1899 г. по упорядоченію хлѣбной торговли, въ которомъ принимали участіе болѣе 100 лицъ, только отъ одного нашего Елецкаго уѣзда присутствовало 7 представителей, тогда какъ отъ очень многихъ губерній не было ни одного участника совѣщанія. Я очутился на этомъ совѣщаніи только потому, что наканунѣ его открытія, по земскимъ ходатайствамъ, бесѣдовалъ съ его предсѣдателемъ. И такихъ примѣровъ можно привести много. Безъ сомнѣнія, принципъ случайности занимаетъ преобладающее мѣсто въ руководящихъ основаніяхъ подобныхъ приглашеній.

«Земства могутъ оказать, кромѣ того, созываемому совѣщанію незамѣнимое содѣйствіе и своими отвѣтами на прямо обращенные къ нимъ запросы съ его стороны и своими ходатайствами по предметамъ относящимся къ компетенціи совѣщанія.

«Въ виду всего изложеннаго, имѣю честь предложить нынѣ собранному чрезвычайному орловскому губернскому собранію ходатайствовать передъ предсѣдателемъ означеннаго совѣщанія—г. министромъ финансовъ о приглашеніи имъ, въ силу II-й и III-й статей Высочайшаго повелѣнія 23-го января 1902 года представителей орловскаго губернскаго земства, избранныхъ для сего земскимъ собраніемъ.

«На случай удовлетворенія этого ходатайства предлагаю собранію намѣтить теперь же своимъ избраніемъ, сколько оно найдетъ нужнымъ, кандидатовъ».

Орловское губернское земское собраніе *единогласно* приняло предложеніе А. А. Стаховича.

Намъ кажется, что мысли г. Доррера и г. Стаховича о способахъ, какими слѣдуетъ приступить къ изслѣдованію, какъ вопроса объ «оскуднѣніи центра», такъ и многихъ другихъ, съ нимъ связанныхъ, заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе благихъ для нашей родины зиждательныхъ началъ, чѣмъ расплывчатая пожеланія г. Рахтера...

Заговоривъ о земскихъ ходатайствахъ, мы хотимъ закончить наше обзорнѣе воспроизведеніемъ изъ напечатанной въ февральской книжкѣ «Образованія» замѣчательно сильной рѣчи, произнесенной въ воронежскомъ губернскомъ земскомъ собраніи губернскимъ гласнымъ этого земства, извѣстнымъ педагогомъ и общественнымъ дѣятелемъ Н. Ф. Бунаковымъ о значеніи недавно введенныхъ пресловутыхъ «школьныхъ касокъ». Упомянувъ о приближавшемся тогда пятидесятилѣтіи со дня смерти Гоголя, г. Бунаковъ продолжалъ свою рѣчь такъ:

«Какъ вѣсти намъ извѣстно, Николай Васильевичъ Гоголь создавалъ свои безсмертные отрицательные типы, напр., Плюшкина, Чичикова, не съ тѣмъ, чтобы дать намъ идеалы, къ которымъ мы должны стремиться, а тѣмъ болѣе не для того, чтобы мы изъ своихъ дѣтей приготавливали новыхъ Плюшкиныхъ и новыхъ Чичиковыхъ. Нѣтъ, совершенно напротивъ. Я человекъ довольно много выдавшій, довольно много пожившій, а имѣлъ возможность наблюдать,

*

какъ въ свое время при появленіи въ свѣтъ «Мертвыхъ душъ» дѣйствовали на тогдашнихъ русскихъ людей отрицательные типы Гоголя: они вызвали въ нашихъ душахъ свѣтлый идеальный образъ истиннаго человѣка, неутомимаго, безкорыстнаго, любящаго работника и честнаго гражданина. Надо сказать, что то время было жестокое время, одно воспоминаніе о которомъ приводитъ въ содроганіе. Это была одна изъ тѣхъ мрачныхъ эпохъ, когда уровень идеальныхъ представленій въ общемъ понижается ужасающимъ образомъ, когда на поверхность всплываютъ самые низменные идеалы и стремленія; но въ немногихъ личностяхъ сохраняется живой родникъ, который, наконецъ, прорывается наружу, бьетъ могучимъ ключомъ и въ своемъ широкомъ разливѣ захватываетъ задремавшее общество, пробуждая въ немъ чистыя человѣческія чувства и свѣтлые, идеальные образы. Въ этомъ смыслѣ я и понимаю, какъ два-три праведника т.-е. два-три человѣка съ возвышенными идеалами могутъ спасти отъ гибели цѣлый развращенный городъ т.-е. цѣлое общество съ низменными, пошлыми, ничтожными идеалами, къ числу такихъ праведниковъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ и Гоголь. Потому то даже въ то мрачное время все-таки были невозможны нѣкоторыя явленія, мимо которыхъ мы теперь проходимъ равнодушно и безмолвно. Приведу примѣръ. Мы собираемся чествовать Гоголя, даващаго отрицательные типы Чичикова и Плюшкина и въ это же время у насъ предлагаютъ открывать такъ называемыя школьныя кассы. Посредствомъ этихъ школьныхъ кассъ предполагается прививать нашимъ дѣтямъ и дѣтямъ нашего народа бережливость и предупреждать расточительность. Но съ нравственно-педагогической точки зрѣнія дѣло представляется нѣсколько иначе. Привьютъ ли мы нашимъ дѣтямъ разумную бережливость, искусственно приучая ихъ копить копейки, пятачки, гривенники, рубли—это остается подъ большимъ сомнѣніемъ, но что этимъ путемъ мы можемъ привить дѣтямъ низменное стремленіе къ наживѣ, крохоборству, приобрѣтенію безъ различія средствъ и путей, жадность, зависть и многое другое, о чемъ даже подумать страшно,—это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. И вотъ, когда я подумаю, что будетъ съ этими дѣтьми, отроками, юношами, которымъ мы будемъ искусственно, съ самаго ранняго возраста въ школѣ прививать подъ видомъ бережливости вкусъ къ крохоборству, наживѣ, приобрѣтенію,—мнѣ представляется самая безотрадная картина: мнѣ видится группа русскихъ дѣтей и отроковъ, которые совершенно поглощены идеєю приобрѣтенія и наживы. Они толкуютъ между собою не о Шиллерѣ, о славѣ и любви, какъ разговаривали сверстники Пушкина,—нѣтъ, они разговариваютъ о томъ, сколько рублей и копеекъ у кого скоплено и сколько причитается на эти деньги процентовъ. Потому что предполагается, что они будутъ откладывать свои копейки, пятачки, гривенники не въ простую копилку, а въ такую, гдѣ будутъ насчитываться на нихъ проценты. Мнѣ видится, что дѣти наши сперва откладываютъ только свои свободныя деньги, но потомъ, по мѣрѣ того, какъ ими овладѣваетъ стремленіе къ наживѣ и соперничество приобрѣтенія, начинаютъ отказываться и отъ завтрака, и отъ склонности помочь бѣдному товарищу, и отъ многого необходимаго или хорошаго, лишь бы увеличить сумму своей наживы. Но этого мало. Жадность къ

наживѣ растеть. Возбуждается усиленно зависть малоимущаго къ счастливицамъ, скопившимъ больше. Появляется изобрѣтательность какихъ-либо школьныхъ торговыхъ операций, какія изобрѣталъ въ школѣ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Появляется и придумываніе наиболѣе безопасныхъ способовъ присвоить или похитить чужія деньги. Мнѣ представляются юности, въ которыхъ убиты всякія свѣтлыя и честныя идеальныя стремленія,—все поглощено однимъ стремленіемъ,—высчитать тѣ проценты, которые наростутъ на ихъ накопленія... Какой ужасъ! Вѣдь, это юныя Чичиковы и Плюшкины! Вотъ я и предлагаю почитать память Гоголя прямымъ, открытымъ, рѣшительнымъ заявленіемъ желательности, чтобы школьныя кассы были отмѣнены, какъ мѣропріятіе, которое грозитъ нашимъ дѣтямъ и дѣтямъ нашего народа худшей изъ бѣдъ—растлѣніемъ ихъ души».

Воронежское губернское земское собраніе присоединилось къ мнѣнію Н. Ф. Бунакова и постановило возбудить ходатайство о совершенной отмѣнѣ школьныхъ кассъ.

Въ своихъ опасеніяхъ г. Бунаковъ явился рѣшительно пророкомъ. Свою рѣчь онъ произнесъ въ декабрѣ 1901 года, а уже въ февралѣ 1902 года въ абсолютно чуждой всякаго «либерализма» газетѣ «Южный Край» появилась подтверждающая всѣ предсказанія г. Бунакова корреспонденція объ «успѣхѣ», который имѣютъ школьныя сберегательныя марки среди учащихся въ школахъ Харьковской губерніи. «Ученики очень часто отказываются даже отъ завтрака, а приобрѣтаютъ на полученныя для его покупки отъ родителей деньги сберегательныя марки. Марки расходятся во многихъ учебныхъ заведеніяхъ до того быстро, что учебное начальство не успѣваетъ ихъ приобрѣтать. Въ начальныхъ училищахъ каждый ученикъ старается приобрѣсти ихъ хоть на нѣсколько копеекъ. Со стороны родителей приходится часто слышать жалобы на то, что дѣти у нихъ постоянно выпрашиваютъ хоть «пяточокъ», чтобы приобрѣсти марокъ. Ученики рассказываютъ, что въ классахъ производится мѣновая торговля марками или ведутся различныя игры (въ перышки, крестики и т. п.) на марки».

Болѣе точнаго и болѣе быстро осуществленія предсказанія того, что должно было произойти, чѣмъ въ данномъ случаѣ, трудно себѣ и представить. Разумеется, и нравственныя послѣдствія для дѣтей будутъ именно тѣ, о которыхъ говорилъ въ своей рѣчи Н. Ф. Бунаковъ.

За границей.

Германская таможенная политика и женскій вопросъ. — Центр тяжести внутренняго положенія Германіи въ данный моментъ составляетъ таможенная политика и агитация, вызванная проектомъ повышенія хлѣбныхъ пошлинъ,—«Хлѣбное ростовщичество», какъ называютъ этотъ законопроектъ оппозиціонныя партіи. Германское правительство выбивается изъ всѣхъ силъ, стараясь вытаскать на берегъ таможенный законопроектъ, который завязъ въ комиссіи рейхе

тага. Въ самомъ дѣлѣ, коммиссія засѣдала въ теченіе почти трехъ съ половиною мѣсяцевъ и изъ 946 параграфовъ законопроекта разсмотрѣно только 43, относительно которыхъ состоялось голосованіе. Этотъ «танецъ около хлѣбныхъ пошлинъ», какъ называетъ франкфуртская газета иренія коммиссіи, грозитъ затануться надолго и правительство, желая поощрить членовъ коммиссіи, внесло даже предложеніе о назначеніи имъ вознагражденія, если они будутъ заниматься въ періодъ ваканцій рейхстага. Предложеніе это вызвало сильный протестъ оппозиціи, которая требуетъ, чтобы въ такомъ случаѣ вообще всѣ члены парламента получали вознагражденіе во время парламентской сессіи. Вопросъ остается пока открытымъ, а въ данный моментъ рейхстагъ и коммиссія прекратили свои работы по случаю приближенія насальныхъ ваканцій.

Но засѣданія коммиссіи, если даже они не были богаты практическими результатами, во всякомъ случаѣ много способствовали выясненію положенія. Прежде всего пренія обнаружили радикальныя разногласія, которыя существуютъ между правительствомъ и аграрными партіями, составляющими большинство въ коммиссіи и вѣроятно въ рейхстагѣ. Впрочемъ это не ново. Трагикомическая исторія канала между Эльбой и Рейномъ, столь близкаго сердцу Вильгельма II, погубившая столько репутацій государственныхъ дѣятелей, должна была бы уже доказать не только чрезмѣрную протязательность и упорство, но также и силу юнкерской партіи въ Пруссіи, не стѣсняющейся даже вступать въ составленіе съ Гогенцоллернами, не смотря на всѣ необыкновенно шумныя заявленія своей преданности и лойализма.

Агитация, происходящая на почвѣ аграрной политики, отразилась недавно довольно курьезнымъ образомъ въ области женскаго вопроса: какъ извѣстно, прусскіе законы воспрепятствуютъ участію женщинъ въ политическихъ собраніяхъ, между тѣмъ въ собраніе аграрной лиги, происходившемъ въ цркѣ Буша въ Берлинѣ, были допущены женщины въ большомъ числѣ, несмотря на то, что это собраніе носило спеціально агитаціонный характеръ. Разумѣется, оппозиціи незамедлительно подхватила этотъ фактъ и прусскому министру внутреннихъ дѣлъ фонъ-Гаммерштейну былъ предъявленъ запросъ по этому поводу. Допущеніе женщинъ на собраніе лиги являлось какъ бы косвеннымъ признаніемъ ихъ права являться и въ другіе политическіе фереины. Можетъ ли г. министр отвергать это право и было ли тутъ сдѣлано исключеніе только для аграрной лиги ради извѣстныхъ цѣлей? спрашивали оппозиціонные депутаты.

Министръ внутреннихъ дѣлъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, отвѣчая на настоятельныя запросы оппозиціи. Не могъ же онъ признать, что мужественная аграрная лига, желая привлечь женскіе элементы на свою сторону и сознавая ту пользу, которую могутъ ей принести женщины на почвѣ агитаціи, нарочно пригласила ихъ въ собраніе, не обращая вниманія на запретительный законъ! Поэтому, желая какъ нибудь извернуться, министръ сказалъ, что тутъ не было никакого нарушенія закона въ пользу аграріевъ, такъ какъ женщины были допущены только въ качествѣ «слушательницъ», да и то ихъ было не много! Министръ чувствовалъ вѣроятно, что вступилъ на скользкій путь и далъ оппозиціи новое оружіе въ руки. Дѣйствіа

тельно, газеты тотчас же подхватили этот фактъ и объясненіе министра, «Vorwärts» иронически выразилъ благодарность аграрной лигѣ за то, что она помогла разрѣшить трудный вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ. Вѣдь если женщины были официально допущены на засѣданія аграрной лиги, то значить и другіе политическіе ферейны могутъ воспользоваться этимъ и раскрыть двери женщинамъ, какъ своимъ помощникамъ. Въ печати началась полемика и снова на сцену были выдвинуты всѣ обычные аргументы за и противъ женской политической равноправности. Но, какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ перешелъ на практическую почву и была сдѣлана проба, которая должна была доказать искренность заявленій Гаммерштейна. Соціалъ-демократическій ферейнъ въ Килѣ назначилъ собраніе и пренія по докладу о дѣятельности женщинъ въ политической жизни, при чемъ объявилъ, что въ собраніе допускаются женщины. На приглашеніе отозвались впрочемъ всего лишь 15 женщинъ, но когда предсѣдатель объявилъ собраніе открытымъ, къ нему подошелъ полицейскій комиссаръ, которому поручено было наблюдать за собраніемъ, и потребовалъ, чтобы женщины немедленно оставили залу. Предсѣдатель сослался тогда на заявленіе министра внутреннихъ дѣлъ, сдѣланное въ палатѣ депутатовъ, но полицейскій и слушать не хотѣлъ: «Это меня не касается, сказалъ онъ предсѣдателю.—На основаніи закона я требую отъ васъ удаленія женщинъ».

— Я этого не сдѣлаю—возразилъ предсѣдатель.

— Въ такомъ случаѣ я закрываю засѣданіе.

Тотчасъ же явилось еще шесть полицейскихъ и моментально очистили залу, такъ какъ никто изъ присутствующихъ не выказалъ ни малѣйшаго сопротивленія и всѣ спокойно удалились. Цѣль была достигнута: заранѣе предвидя этотъ конецъ, соціалъ демократы хотѣли только продемонстрировать различное отношеніе органовъ правительства къ аграріямъ и другимъ партіямъ и доказать, что то, что дозволятельно аграрной лигѣ, не дозволяется другимъ ферейнамъ, носящимъ политическій характеръ и не угоднымъ правительству.

Германскому рейхстагу вообще въ послѣднее время приходилось не мало имѣть дѣла съ женскимъ вопросомъ и, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ ему придется еще болѣе подробно разсмотрѣть этотъ вопросъ. Въ рейхстагѣ было представлено множество петицій отъ разныхъ женскихъ ферейновъ и внесены предложенія нѣсколькихъ депутатовъ объ изданіи дополнительнаго закона объ ассоціаціяхъ, разрѣшающаго женщинамъ вступать въ соціально-политическіе ферейны и участвовать въ политическихъ собраніяхъ, на томъ основаніи, что почти во всѣхъ государствахъ германскаго союза женщины пользуются этими правами, и только одна Пруссія не признаетъ ихъ. Но женщины рѣшительно не могутъ пожаловаться на германскій парламентъ. Еще очень недавно въ рейхстагѣ число сочувствующихъ женскимъ притязаніямъ было очень невелико и они составляли лишь незначительную горсть. Теперь уже въ каждой парламентской партіи женщины имѣютъ много сторонниковъ и могутъ даже рассчитывать на большинство, которое будетъ поддерживать ихъ требованія въ рейхе-

тагѣ, разумѣется, если только женщины въ своихъ требованіяхъ не перейдутъ извѣстныхъ границы.

Оппозиціонныя партіи въ своемъ спорѣ съ правительствомъ по поводу таможенного вопроса выдвигаютъ, между прочимъ, на сцену послѣднія данныя статистики 1900 года, дѣйствительно опровергающей самымъ неожиданнымъ образомъ всѣ утвержденія аграріевъ о томъ, что безъ нихъ страна неминуемо должна погибнуть, такъ какъ они поставляютъ наибольшее число рекрутъ для государства, и благодаря имъ, въ города вливается потокъ свѣжихъ народныхъ силъ, потому что деревенская жизнь здоровѣе городской во всѣхъ отношеніяхъ и т. д., и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, неподкупныя цифры указываютъ совсѣмъ иное положеніе дѣлъ: какъ разъ въ той области, которую прусскіе юнкера рисуютъ какою то Эльдорадо, смертность особенно велика, даже выше смертности въ промышленныхъ округахъ, и что еще болѣе, удивительно превосходитъ смертность въ Берлинѣ! Всѣ десять округовъ съ болѣе высокою смертностью лежатъ въ аграрныхъ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи; наименьшая же смертность показана въ 15 промышленныхъ округахъ западной Пруссіи. Кромѣ того официальная «Statistische Correspondenz», издаваемая прусскимъ статистическимъ бюро, констатируетъ въ высшей степени печальное положеніе сельскихъ рабочихъ, выставляющее въ довольно некрасивомъ свѣтѣ юнкерское хозяйство, и эти разоблаченія приходятся очень не кстати для аграріевъ, теряющихъ въ нѣкоторой степени почву подъ своими ногами.

Германскій канцлеръ и женская депутація. Въ концѣ прошлаго мѣсяца, когда рейхстагъ закрылъ уже свои засѣданія по случаю наступленія пасхальныхъ ваканцій, графъ Бюловъ принималъ въ залѣ конгресса въ канцлерскомъ дворцѣ, депутацію женскаго фрейна (Verein für Frauenstimmrecht), во главѣ которой находились предводительницы берлинскаго женскаго движенія, г-жи Аугебургъ, Кауэръ, Лина Моргенштернъ, Елена Штѣкеръ и затѣмъ представительницы Давцига, Гёрдлица и Штральзунда—въ общемъ 20 человекъ. Депутація явилась съ цѣлью ходатайствовать объ отиѣнѣ постановленій, отиѣняющихъ дѣятельность женщинъ въ союзахъ, и объ уравненіи ихъ правъ во всѣхъ государствахъ германскаго союза какъ въ отношеніи участія въ собраніяхъ, такъ и въ отношеніи права поступленія въ высшія учебныя заведенія. Кромѣ того депутація выразила еще другія желанія, касающіяся женскаго образованія и приглашенія компетентныхъ женщинъ къ участію въ проектируемой реформѣ женскихъ гимназій въ Пруссіи.

Графъ Бюловъ очень любезно принялъ депутацію и, выслушавъ рѣчь г-жи Аугебургъ, изложившей ему желанія женской депутаціи, отвѣчалъ.

«Благодарю васъ за дружественное обращеніе ко мнѣ и за то, что вы пришли и прошу васъ вѣрить, что я глубоко сознаю огромное и серьезное значеніе женскаго вопроса; что же касается указанныхъ вами пунктовъ, то вы вѣдь сами знаете, что какъ относительно постановленій закона, касающихся правъ собраній (Versammlungsrecht), такъ и относительно другихъ параграфовъ этого закона, давшихъ поводъ къ разнымъ неприятымъ инцидентамъ, я

далеко не всемогущъ и все это зависитъ отъ рѣшеній законодательныхъ собраній. Вопросъ о женскомъ образованіи присоединенъ министромъ просвѣщенія къ вопросу о народномъ образованіи, и вамъ извѣстно, какъ онъ относится къ этому вопросу. Предполагается оказать существенную поддержку женскимъ школамъ со стороны министерства просвѣщенія и городской общины и посредствомъ введенія новыхъ программъ будутъ сдѣланы улучшения въ системѣ преподаванія. Но съ другой стороны министерство просвѣщенія высказывается противъ учрежденія особенныхъ женскихъ гимназій, а также пріема женщинъ въ высшія учебныя заведенія, хотя все таки разрѣшено открыть въ видѣ пробы отдѣльные частныя шестилѣтніе гимназическіе курсы; вѣроятно, будутъ сдѣланы и дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи. Что касается привлеченія компетентныхъ женщинъ къ участию въ совѣщаніяхъ по поводу реформы преподаванія, то я готовъ возбудить этотъ важный вопросъ и обсудить, возможно ли будетъ пригласить женщинъ. Во всякомъ случаѣ вы можете быть увѣрены въ моемъ сочувствіи вашимъ стремленіямъ. Я постараюсь, насколько это меня касается, выразить это въ рейхстагѣ и въ союзномъ сеймѣ».

По словамъ германскихъ газетъ депутація ушла очень довольная пріемомъ канцлера, который, во всякомъ случаѣ, указываетъ, что женскій вопросъ сдѣлалъ огромные успѣхи въ Германіи, гдѣ во времена Бисмарка ни такая депутація, ни такой пріемъ были бы немислимы. Бывшія бисмарковскія газеты, такъ называемая «рентгильная пресса», глубоко возмущены тѣмъ, что порогъ канцлерскаго дворца, гдѣ нѣкогда царилъ всемогущій Бисмаркъ, переступила женская депутація съ требованіями какихъ-то правъ. «Это начало конца!» восклицаютъ онѣ.

Ирландскій призранъ; обезлюдѣніе Лондона; двухсотлѣтній юбилей. Совѣтъ англійскихъ министровъ во всѣхъ своихъ послѣднихъ засѣданіяхъ удѣлялъ особенно много вниманія ирландскимъ дѣламъ. Обсуждались, главнымъ образомъ, репрессивныя мѣропріятія, предложенныя съ дѣлюю окончательно раздавить «Объединенную ирландскую лигу» (United Irish League), которая покрываетъ своими развѣтвленіями весь островъ и ведетъ теперь усиленную агитацію. На этихъ мѣропріятіяхъ и на восстановленіи пресловутаго «Stimè Act» 1887 г. настаиваетъ вице-король Ирландіи лордъ Кодогенъ, но министръ Ирландіи Уиндгэмъ, не участвующій обыкновенно въ засѣданіяхъ совѣта министровъ и приглашенный только по случаю обсужденія ирландскихъ дѣлъ, горячо возсталъ противъ репрессалій, и его мнѣніе взяло на этотъ разъ верхъ. Единственнымъ результатомъ этого совѣщанія была отиѣна королевскаго визита въ Ирландію, объявленная въ такихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ ирландцы должны были бы вывести заключеніе, что они окончательно впали въ немилость у англійскаго правительства. Однако, врядъ ли при существующемъ настроеніи въ Ирландіи такая мѣра можетъ достигнуть своей цѣли. Отношенія между Англійей и Ирландіей обостряются; реорганизованная ирландская партія представляетъ въ парламентѣ единственную настоящую оппозицію, такъ какъ либеральная партія, вслѣдствіе прореходящаго въ ней раскола и измѣнъ ея

ея прежнихъ дѣателей, совершенно парализована и лишилась всякаго значенія. Несомнѣнно, что ирландскій призракъ снова встаетъ передъ Англіей и грозитъ повтореніемъ кризиса, который уже пришлось пережить Англіи въ 1841—43 и 48 годахъ и въ 1865 г. Такое мнѣніе высказываютъ и многіе изъ неослѣпленныхъ идей имперіализма и безпристрастныхъ англійскихъ публицистовъ. Пока въ Ирландіи нарастаетъ народное движеніе, въ парламентѣ происходятъ очень бурные дебаты, вызываемыя ирландскими націоналистами по всякому удобному поводу и обыкновенно оканчивающіеся исключеніемъ ихъ изъ засѣданія палаты общинъ на извѣстный срокъ. Последній разъ бурный инцидентъ произошелъ по поводу трансваальской войны, когда обсуждался въ третьемъ чтеніи законопроектъ о займѣ на покрытіе военныхъ расходовъ. Сэръ Кемпбелль Баннерманъ воспользовался этимъ, чтобъ потребовать свѣдѣній отъ правительства о положеніи дѣлъ въ Южной Африкѣ, причемъ сказалъ слѣдующее: «Всякій разъ, когда какой-нибудь членъ оппозиціи обращается съ вопросомъ относительно войны, то сейчасъ же его называютъ пробуромъ и другомъ враговъ страны. Это все злобныя клеветы на оппозицію». Чэмберленъ, конечно, не замедлилъ рѣзко отвѣтить, замѣтивъ: «Достопочтенный джентльменъ какъ-то упоминалъ въ своей рѣчи о школѣ хорошихъ манеръ. Не знаю, былъ ли онъ самъ въ этой школѣ профессоромъ или ученикомъ, но если онъ былъ ученикомъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ, видимо, плохо воспользовался преподаанными ему уроками». Въ доказательство своихъ словъ Чэмберленъ указалъ на фразу о «злобной клеветѣ». Спикеръ тотчасъ же заявилъ, что это не парламентское выраженіе, и Кемпбелль Баннерманъ взялъ его назадъ. «И я тоже беру назадъ свои слова», объявилъ Чэмберленъ, и въ палатѣ раздались аплодисменты и смѣхъ. Но этотъ веселенькій эпизодъ не замедлилъ смѣниться однимъ изъ самыхъ бурныхъ инцидентовъ, свидѣтелями которыхъ когда-либо бывали стѣны англійскаго парламента. Чэмберленъ, продолжая свою рѣчь, сказалъ: «Число буровъ, стоящихъ подъ ружьемъ, можно опредѣлить приблизительно въ 9.000. Правительство имѣетъ всѣ основанія думать, что буры приобрѣли лишь немного рекрутъ послѣ своего вторичнаго нашествія на Капскую колонію. Вопросъ о замиреніи края и его будущности послѣ войны составляетъ главный предметъ заботъ правительства. Быть можетъ, я покажусь вамъ оптимистомъ, но я не думаю, чтобы расовыя чувства могли имѣть опасныя послѣдствія, послѣ того, какъ будетъ установлено англійское господство въ Южной Африкѣ. Бургеры сражались съ нами рядомъ и съ нами же брали въ плѣнъ вліятельныхъ генераловъ и бурскія команды. Достаточно указать на бывшаго бурскаго генерала Вилонеля, который, сдѣлавшись командиромъ англійскаго корпуса «National Leonts», написалъ своимъ бывшимъ товарищамъ по оружію, что истинные враги отечества—это тѣ, кто продолжаетъ борьбу!»

Ирландскій депутатъ Диллонъ прервалъ его восклицаніемъ: «Этотъ Вилонель и тѣ, кто за нимъ послѣдовалъ,—измѣнники!» «Нѣтъ, милостивый государь,—возразилъ Чэмберленъ,—хотя, разумѣется, въ томъ, что касается измѣны, вы вполне можете быть судьей».

Эта реплика Чэмберлена и чуть не прямое обвиненіе въ измѣнѣ, брошен-

ное въ лицо ирландскому депутату, вызвали неистовые восторги правительственного большинства и страшное негодование ирландцевъ. Диллонъ, весь блѣдный отъ волненія, всталъ съ своего мѣста и, стараясь говорить спокойно, обратился къ спикеру: «Я бы хотѣлъ знать, можно ли считать слова, сказанныя достопочтеннымъ джентльменомъ, парламентскимъ выраженіемъ?»

Ирландскіе депутаты присоединились къ нему, требуя, чтобы Чэмберленъ взялъ свои слова назадъ. Но спикеръ, который въ прежніе времена въ парламентѣ служилъ олицетвореніемъ полнѣйшаго безпристрастія по отношенію къ парламентскимъ партіямъ и считалъ несомнѣннымъ со своимъ званіемъ президента палаты высказывать даже частнымъ образомъ свое сочувствіе тому или другому политическому направленію, теперь не могъ или не хотѣлъ оставаться безпристрастнымъ и, вспомнивъ о судѣ Соломона, высказалъ порицаніе Диллону за то, что онъ назвалъ «измѣнниками бургеровъ, сражающихся подъ англійскимъ знаменемъ», но осуждалъ также и отвѣтъ Чэмберлена, замѣтивъ, впрочемъ, что Диллонъ «первый» началъ эти пререканія.

Въ отвѣтъ на эти слова спикера Диллонъ еще разъ поднялся и убійственно холоднымъ тономъ, отчеканивая каждое слово, торжественно произнесъ: — Хорошо! При такихъ условіяхъ, я считаю нужнымъ прибавить, что достопочтенный джентльменъ (Чэмберленъ) — проклятый лжецъ!

Поднялся страшный шумъ и, конечно, правительственное большинство потребовало лишенія Диллона права посѣщенія парламента въ теченіе восьми дней. Но волненіе не улеглось и послѣ этого, и стычки между ирландскою оппозиціей и правительствомъ происходятъ ежедневно; взаимное раздраженіе возрастаетъ и легко можетъ дойти до кульминаціоннаго пункта, что заставляетъ многихъ истинныхъ патріотовъ, понимающихъ, что Англія, вступившая на ложный путь, запутывается все больше, съ тревогою смотрѣть въ будущее. И какъ разъ въ такой моментъ двое политическихъ дѣятелей прежней великой либеральной партіи, лордъ Розберри и Асквиль, сочли нужнымъ торжественно отречься отъ гомрула и отъ всей политики Гладстона, которой они были обязаны всею своею политическою карьерой, вринкнувъ къ теперешней англійской политикѣ какъ въ Южной Африкѣ, такъ и въ Ирландіи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парламента опять чуть было не вышло серьезнаго столкновенія между Уиндэмомъ и ирландскими депутатами. Спикеръ нѣсколько разъ призывалъ къ порядку разгоряченныхъ ораторовъ и въ воздухѣ чувствовалась буря, когда вдругъ въ самый разгаръ рѣчи ирландскаго депутата Хили произошелъ слѣдующій инцидентъ. Хили распространялся о выселеніяхъ ирландскихъ фермеровъ и въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изобразилъ ихъ положеніе. «Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя увидѣть ничего подобнаго!» воскликнулъ онъ.

— Ну-ка, посмотрѣли бы въ Уайтчепелъ (бѣднѣйшій кварталъ Лондона), — вринкнулъ кто-то съ галлерей для публики.

Это неожиданное вмѣшательство отвлекло вниманіе публики. Стали разыскивать смѣльчака, который произнесъ его, напомнивъ парламенту о язвахъ столицы, но такъ и не нашли. Между тѣмъ, это разсѣяло настроеніе пуб-

лики, и засѣданіе, грозившее стать очень бурнымъ, закончилось сравнительно благополучно.

Лондонская печать заинтересована только что опубликованными результатами статистики послѣдней переписи въ Лондонѣ, что въ Сити Лондона населеніе уменьшается. Это не должно никого удивлять. Конторы, лавки, склады и магазины давно уже вытѣснили въ этой части города всѣ семейныя квартиры и на ночь тамъ остаются только хозяева и полицейскіе, да сторожа. охраняющіе склады и т. п. Въ 1892 г. въ Сити еще насчитывалось 37.702 жителя; въ 1901 г.—уже только 20.923. Въ церковной общинѣ «St. Alphage» насчитывается теперь только 29 членовъ, и пасторы въ Сити, по словамъ газетъ, находятся теперь въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ некому посѣщать ихъ церкви.

Но дѣло въ томъ, что обезлюднѣе Лондона замѣчается и въ другихъ его частяхъ, не только въ Сити. Статистика указываетъ уменьшеніе на 67.000 душъ въ пяти другихъ частяхъ города: Вестминстеръ, Маримбонъ, Финсбюри, Гольборнъ и Шордичъ. Такое же уменьшеніе населенія замѣчается и во всемъ лондонскомъ графствѣ, что происходитъ вслѣдствіе эмиграціи изъ Лондона въ мѣста по сосѣдству съ графствами Кентъ, Суррей, Эсексъ и Гертфордъ. Въ Лондонѣ негдѣ жить, и рабочій лишь съ большимъ трудомъ можетъ найти для себя помѣщеніе въ центральныхъ частяхъ Лондона и поэтому-то и наблюдается теперь выселеніе въ болѣе отдаленныя мѣста лондонскаго графства, на самыя его окраины или даже за его границы. Но зато въ Лондонѣ возрастаетъ иностранный элементъ среди населенія. Такъ, напримѣръ, по послѣдней статистикѣ число русскихъ въ Лондонѣ достигаетъ 38.117; нѣмцевъ—27.427; французовъ—11.264; итальянцевъ—10.889.

Въ прошломъ мѣсяцѣ исполнилось 200 лѣтъ со времени появленія первой англійской ежедневной газеты «Daily Courant». Первый номеръ этой газеты вышелъ 11-го марта 1702 г. Англійская печать можетъ съ гордостью взглянуть на пройденный путь и на успѣхи, сдѣланные съ того времени англійскою журналистикой. Основатель «Daily Courant» сэръ Маллетъ поставилъ себѣ цѣлью знакомить англійскую публику ежедневно со всѣмъ, что дѣлается въ разныхъ странахъ, но чтобы не утомлять вниманіе читателей, онъ издавалъ маленькую газетку, состоящую, главнымъ образомъ, изъ перевода извѣстій, появившихся въ газетахъ европейскаго континента, причемъ однако добросовѣстный Маллетъ не выдавалъ эти извѣстія за собственныя корреспонденціи, а въ заголовкѣ всегда печаталъ названіе газеты, откуда взято извѣстіе. Это было все что предлагалось англійскимъ читателямъ ежедневной газеты двѣсти лѣтъ тому назадъ. Зато Маллетъ обѣщалъ своимъ читателямъ только «достоверныя новости», а при тогдашнихъ условіяхъ, когда новости доставлялись въ Англію при непосредствѣ парусныхъ судовъ, это было еще затруднительнѣе, чѣмъ теперь, такъ какъ провѣрять факты было трудно.

Ежедневная пресса почему-то не ознаменовала ничѣмъ своего двухсотлѣтняго юбилея, и лишь нѣкоторыя изъ газетъ напечатали по этому случаю краткій очеркъ исторіи журналистики и указали на ея многотрудный путь

и многочисленныя препятствія, которыми было обставлено ея первоначальное развитіе.

Американскій лицей и свобода программъ. Эквивалентомъ европейскаго лицея въ Соединенныхъ Штатахъ надо считать такъ называемую высшую школу «High School». Но эта школа бесплатная и такъ сказать демократическая, — общинное учрежденіе, куда въ восточныхъ штатахъ, поступаютъ только дѣти бѣдняковъ, тогда какъ богачи посылаютъ своихъ дѣтей въ платныя частныя школы. Въ высшей школѣ бѣдняки получаютъ среднее и классическое образованіе уличные мальчишки, вступая туда, проходятъ тамъ весь необходимый курсъ и выходятъ оттуда студентами. Затѣмъ уже отъ нихъ зависитъ заработать себѣ средства для поступленія въ университетъ, но труда юные американцы не боятся и никакой трудъ не кажется имъ унижательнымъ. Въ Америкѣ не существуетъ того страха, который такъ часто высказывается въ Европѣ по поводу «перепроизводства университетовъ», «переполненія либеральныхъ профессій» и т. д. Американцы не боятся ученія, но умственный и физическій трудъ не представляютъ у нихъ двухъ полюсовъ и поэтому никто въ Америкѣ не удивится, если рабочій станетъ студентомъ или наоборотъ, студентъ превращается въ рабочаго.

Ученики въ «High School» происходятъ преимущественно изъ бѣднѣйшихъ классовъ и эта школа является такимъ образомъ продолженіемъ первоначальной школы. Программы у нея европейскія, но дисциплина американская, ученіе классическое, а воспитаніе гражданское. Учителя этой школы никогда не забываютъ, что они должны не столько обучать своихъ учениковъ, сколько воспитывать изъ нихъ будущихъ гражданъ великой американской республики. Они несутъ на себѣ отвѣтственность за нравственное развитіе учениковъ, которое у насъ возлагается на семью.

До сихъ поръ американскія школы раздѣлялись на четыре отдѣла: классическій, научный, либеральный и коммерческій. Но теперь это все измѣняется, такъ какъ по мнѣнію американцевъ, нѣтъ никакой надобности дѣлать особенныя различія между будущими учеными и будущими коммерсантами. Американскіе педагоги находятъ, что одинъ и тотъ же методъ воспитанія долженъ быть примѣненъ какъ къ тѣмъ, которые готовятъ себя къ либеральнымъ профессіямъ, такъ и къ тѣмъ, которыя выбираютъ практическую карьеру. Президентъ національной ассоціаціи Эллиотъ высказалъ по поводу этого слѣдующее: «Нанимая юношу, только что вступающаго на почву практической дѣятельности, каждый хозяинъ, прежде всего, требуетъ отъ него не техническихъ знаній, которыя приобретаются на мѣстѣ, а 1) хорошую нравственность; 2) здоровье; 3) священный огонь; 4) способность къ сосредоточенію и ловкость. Не столько приобретенныя познанія важны, сколько важна способность человѣка усваивать и приобретать новыя знанія. Если приобретаются привычка и вкусъ къ ученію, то всему можно научиться».

Основная идея американскаго воспитанія, — что человѣческое существованіе не можетъ быть рѣзко раздѣлено на двѣ половины, причемъ въ одной онъ

получаетъ, а въ другой даетъ. И то, и другое соединяется вмѣстѣ и какъ никогда не бываетъ поздно учиться, такъ точно и нѣтъ елишкомъ ранняго возраста для дѣятельности. Теорія должна идти вмѣстѣ съ практикой и ученіе вмѣстѣ съ трудомъ и практическою дѣятельностью.

Въ нью-іоркскихъ школахъ классическое и коммерческія отдѣленія стремятся уже къ сліянію въ одно общее отдѣленіе, программа котораго настолько эластична, что допускаетъ всевозможныя комбинаціи. Обязательные предметы ограничиваются рисованіемъ, гимнастикой и музыкой, англійскимъ языкомъ, исторіей, небольшимъ курсомъ алгебры или физики, смотря по годамъ. Другіе предметы могутъ быть выбраны учениками по желанію. Въ первые два года имъ представляется выбрать два предмета, на третій годъ—три, на четвертый четыре. Въ этимъ «свободно избираемымъ» предметамъ преподаванія принадлежатъ: латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій и испанскій языки; химія, алгебра, физика, геометрія въ пространствахъ и тригонометрія, затѣмъ пространственный курсъ исторій, англійскаго языка, политическая экономія, астрономія, психологія и этика. Исходя изъ того убѣжденія, что и въ среднемъ образованіи, подобно тому, какъ въ университетѣ, должна быть представлена нѣкоторая индивидуальная свобода, ученикамъ дается свобода выбора изъ общей программы тѣхъ предметовъ, которые они хотятъ изучать. Для каждого предмета назначается одинаковое число часовъ въ недѣлю—четыре и допускается всякая учебная комбинація, лишь бы въ нее входили предметы, обозначенные въ программѣ. Разнообразіе программъ никого не пугаетъ и дѣйствительно въ одной странѣ нельзя найти такого необычайнаго разнообразія среднихъ школъ, представляющихъ массу разновидностей. Но въ одномъ онѣ все сходится между собою: каждая такая школа составляетъ достоинствѣ народа и поэтому она открыта для всѣхъ, какъ музей или бібліотека, и благодаря господствующей въ ней свободѣ преподаваній, она содѣйствуетъ развитію гораздо большихъ разновидностей ума и характера, чѣмъ такая школа, въ которой никому не позволено отступить отъ разъ навсегда установленной программы.

Американцы, взявшіе сначала за образецъ европейскую систему раздѣленія средняго образованія, теперь все больше и больше отступаютъ отъ этой системы, такъ какъ ея узкія рамки не подходятъ къ духу американскаго народа и его широкимъ стремленіямъ къ индивидуальной свободѣ даже въ школахъ.

Выборная агитація. Общественная жизнь во Франціи. Французскія дѣла. Франція очень дѣятельно готовится къ предстоящимъ парламентскимъ выборамъ. Всѣ партіи энергично готовятъ свои кандидатуры, но все же больше волнуются и шумятъ націоналисты, газеты которыхъ заявляютъ: «Побѣда обезпечена!» На этотъ разъ особенно большое участіе въ выборной агитаціи принимаютъ дамы французской аристократіи, и благодаря имъ, въ кассу націоналистовъ деньги приплываютъ съ разныхъ сторонъ. Между прочимъ, и Эдмондъ Бланъ, арендаторъ игорнаго банка въ Монте-Карло, пожертвовалъ, какъ говорятъ, довольно взычную сумму въ пользу націоналистовъ, — все это для спасенія Франціи! Антисемитская газета «Libre Parole» собрала у своихъ або-

ментовъ 26.000 фр.,—однимъ словомъ, въ деньгахъ недостатка нѣтъ и такъ какъ они-то и составляютъ «нервъ войны», то надо полагать, что битва произойдетъ жестокая, потому что націоналисты мобилизуютъ все свои силы и, не довольствуясь собираніемъ денегъ, они посылаютъ по всей странѣ своихъ ораторовъ. Жюль Леметръ произнесъ рѣчь въ Реймсѣ, откуда онъ отправился въ Шамбери, въ Тулонъ, въ Тулузу, въ Альби и Лионъ. И вездѣ онъ потрясалъ стѣны своими патриотическими возгласами и призывомъ къ единенію ради спасенія Франціи. Генералъ Мерсье, стяжавшій такую извѣстность во времена дрейфусовскаго дѣла, тоже въ качествѣ «горячаго французскаго патриота» говорилъ рѣчи, обращаясь къ избирателямъ въ разныхъ городахъ. Въ Парижѣ ежедневно происходятъ націоналистскія собранія, въ которыхъ принимаютъ участіе выдающіеся вожди клерикальной партіи, графъ Мёнъ и др. Тема, которую развиваютъ все эти ораторы въ своихъ рѣчахъ, всегда одна и та же: армія распадается, религія порабощается, а государство доводится до банкротства и т. д., и т. д. Франціи предрекается гибель, если она не обратится на тотъ путь, который ей указываютъ націоналисты. Не обходится дѣло и безъ бурныхъ инцидентовъ и даже драки, но все это становится уже настолькоъ обычнымъ явленіемъ, что никто не придаетъ серьезнаго значенія столкновеніямъ подобнаго рода.

Между тѣмъ, въ палатѣ депутатовъ все еще продолжается обсужденіе бюджета, которое никакъ не можетъ быть доведено до конца. Каждый изъ депутатовъ старается добиться какихъ-нибудь небольшихъ выгодъ для своего избирательнаго округа, проведенія вѣтви желѣзной дороги, открытія новой школы, учрежденія новаго гарнизона или проведенія канала и т. п., для того, чтобы имѣть право поднести это своимъ избирателямъ въ видѣ подарка. Однако, многіе друзья депутатовъ совѣтуютъ имъ торопиться, такъ какъ пока они тутъ возятся съ бюджетомъ и затягиваютъ пренія, ихъ противники разгѣбаютъ по избирательнымъ округамъ и агитируютъ среди избирателей. Время выборовъ еще не назначено, но говорятъ, что Вальдекъ-Руссо желалъ бы назначить ихъ пораньше, чтобы не дать націоналистамъ слишкомъ много времени для агитаціи. Но до сихъ поръ палата не еще приступала къ обсужденію законопроектовъ, имѣющихъ отношеніе къ предстоящимъ выборамъ. Два законопроекта этого рода, которые вносятъ правительство, касаются наклейки избирательныхъ афишъ и подкупа избирателей. Въ послѣднее время въ этомъ отношеніи образовалось нѣчто вродѣ спорта: кандидаты старались наклеивать свои избирательные плакаты на плакаты своихъ противниковъ. Возникла борьба посредствомъ афишъ и одерживалъ побѣду, конечно, тотъ, у кого денегъ было больше; поэтому, правительство рѣшило воспретить этотъ видъ спорта и составило въ этомъ духѣ законопроектъ. Подкупъ избирателей также представляетъ зло, которое оказывается довольно распространеннымъ. Новый законопроектъ грозитъ продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ каждому, кто попытается пустить въ ходъ это средство на выборахъ.

Около 30-ти депутатовъ отказываются ставить вновь свою кандидатуру. Изъ числа такихъ принадлежитъ Вильсонъ, знаменитый зять бывшаго преви-

дента Гревн, торговавшій орденами. Несмотря на свою запятанную репутацію, онъ все-таки неизмѣнно выбирался однимъ изъ округовъ и въ началѣ парламентской сессіи аккуратно посѣщалъ засѣданія, не взирая на то, что коллеги его всегда старались его избѣжать. Онъ спокойно садился на свое мѣсто, доставалъ бинокль и разсматривалъ залу засѣданія, точно театральную сцену. Очевидно, зрѣлище это уже надобно ему и онъ больше не хочетъ выставлять своей кандидатуры.

Вниманіе французскаго общества теперь исключительно поглощено приготовленіями къ выборамъ и это кладетъ отпечатокъ на все теченіе общественной жизни; потому, и печать удѣляетъ теперь мало вниманія другимъ явленіямъ. Между тѣмъ, недавно происходило собраніе новой университетской ассоціаціи «общества Кондорсе». Въ статутахъ этого Общества говорится, что оно ставитъ себѣ цѣлью «защиту и укрѣпленіе въ области средняго образованія свѣтскаго, демократическаго и республиканскаго духа». Однако, въ своихъ собраніяхъ члены этого общества гораздо менѣ занимались вопросами образованія, нежели политическими вопросами, составляющими теперь злобу дня. Между прочимъ, это общество возбудило очень важный вопросъ объ участіи профессоровъ въ общественной жизни и свободѣ слова и дѣйствій, которою они должны пользоваться наравнѣ съ прочими гражданами. Вопросъ былъ поднятъ по поводу дисциплинарнаго взысканія, которому подвергся одинъ изъ профессоровъ за высказанные имъ взгляды въ печати. Общество, послѣ довольно бурныхъ преній, вотировало резолюцію, требующую для всѣхъ членовъ ученой коллегіи и для всего педагогическаго персонала права свободно участвовать въ общественной жизни и высказывать свои взгляды печатно и устно, не рискуя подвергнуться за это преслѣдованію.

Въ Парижѣ, подъ названіемъ лиги противъ смертности дѣтей образовалось новое общество, поставившее себѣ цѣлью бороться всѣми зависящими отъ него средствами отъ ужасающей смертности, которая свирѣпствуетъ среди дѣтей въ первые годы ихъ жизни. Грозный привракъ убыли французскаго населенія въ особенности началъ беспокоить французское общество послѣ результатовъ послѣдней переписи. Французскіе государственные дѣятели, повидимому, серьезно встревожены и изыскиваютъ разныя средства бороться съ этимъ зломъ. Новый союзъ естественно долженъ придти къ нимъ на помощь и хотя онъ не имѣетъ въ виду повысить цифру рожденій, но можетъ, конечно, принести огромную пользу, понизивъ смертность дѣтей. Организационный комитетъ лиги состоитъ изъ выдающихся врачей, сенаторовъ и др. На первомъ публичномъ собраніи предсѣдательствовалъ Вальдекъ-Руссо, и трое врачей прочли рефераты, изобразивъ мрачными красками положеніе дѣтей въ бѣднѣйшихъ классахъ населенія и въ особенности незаконныхъ дѣтей. Около 150.000 дѣтей погибаетъ ежегодно въ нѣжнѣйшемъ возрастѣ и вотъ имъ-то и надо сохранить жизнь.

Французская печать привѣтствовала восторженно образованіе новой лиги, на сторонѣ которой, конечно, находятся всѣ симпатіи общества; но нѣкоторыя изъ газетъ справедливо указываютъ на необходимость поддержанія дѣятельности лиги изданіемъ соответствующихъ соціальныхъ законовъ, такъ какъ

безъ этого врядъ ли могутъ быть достигнуты сколько-нибудь значительные результаты.

Издатель сочиненій Золя, Фаскелль, въ отвѣтъ на слухи, что вмѣшательство Золя въ дѣло Дрейфуса отразилось невыгоднымъ образомъ на распространеніи его произведеній, выпустилъ книгу, которая опровергаетъ это посредствомъ цифровыхъ данныхъ. Книга эта служитъ, кромѣ того, руководствомъ при чтеніи романовъ Золя, такъ какъ заключаетъ въ себѣ на 500 страницахъ библиографическій указатель именъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, встрѣчающихся въ 20-ти томахъ его сочиненій, съ обозначеніемъ всѣхъ подробностей, происхожденія и біографіи этихъ лицъ. На заглавной страницѣ этого объемистаго труда помѣщены цифры, указывающія, какого распространенія достигли различные романы Золя. Изъ этой таблицы видно, что только «Paris» — романъ, вышедшій въ самый разгаръ смутъ въ 1898 г., нѣсколько пострадалъ отъ этого, такъ какъ теперь поступила въ продажу 88-я тысяча этого изданія; «Lourdes» же дошелъ до 154-й тысячи, «Comes» — до 106-й тысячи, «Fécondité», написанный Золя въ изгнаніи и появившійся въ 1899 г., — до 94-й тысячи. Послѣдній романъ Золя «Travail» нѣсколько отсталъ и теперь поступила въ продажу 77-я тысяча. Всего хуже расходуется его политическая сатира «Son Excellence Eugène Rougon» (32 тысячи) и первый романъ его знаменитой серіи «La fortune des Rougon».

Новыя экспедиціи въ Гренландію. Копенгагенскія газеты говорятъ, что интересъ къ Гренландіи сильно возросъ въ Даніи со времени экспедиціи Амдрупа и, вслѣдствіе этого, теперь организуются еще двѣ новыя датскія экспедиціи въ эту страну. Въ началѣ мая д-ръ философін Энгелль и лейтенантъ Шеррингъ отправляются въ научную экскурсію въ Гренландію. Путевая программа этой экспедиціи еще не вполне установлена, но уже рѣшено, что экспедиція отправится на суднѣ гренландскаго торговаго общества въ Якобсгафенъ. Д-ръ Энгелль предполагаетъ, кромѣ геологическихъ изслѣдованій, произвести еще цѣлый рядъ научныхъ наблюденій надъ образованіемъ глетчеровъ въ Гренландіи до поздней осени.

Но еще большій интересъ въ датскомъ обществѣ возбуждаетъ вторая экспедиція, которая также отправляется въ этомъ году и носитъ названіе «литературной экспедиціи» въ Гренландію, такъ какъ она организуется датскимъ писателемъ Эриксономъ. Экспедиція эта — чисто частное предпріятіе; дѣль ея — изслѣдованіе социальныхъ и экономическихъ условій Гренландіи. Эриксона, стоящаго во главѣ этой экспедиціи, будутъ сопровождать: одинъ гренландецъ, который будетъ служить переводчикомъ, и молодой художникъ графъ Гарольдъ Мольтке, много разъ уже совершавшій путешествія въ арктическія страны для изученія сѣвернаго сіянія. Эриксенъ намѣренъ обратить особенное вниманіе на умственную жизнь обитателей Гренландіи и свои изслѣдованія направитъ преимущественно въ эту сторону. Экспедиція рассчитана на полтора года. Въ іюнѣ она оставляетъ Данію и точно также отправится сначала въ Якобсгафенъ, который будетъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ дальнѣйшихъ экскурсій

внутри страны. Въ теченіе зимней ночи, которая продолжается отъ шести до семи недѣль въ этихъ широтахъ, исследователи намѣрены посвятить свои занятія изученію обыденной жизни гренландцевъ, затѣмъ они предполагаютъ, съ помощью собакъ, запряженныхъ въ сани, пробраться дальше, до Упернавма и къ бухтѣ Мельвилла, еще не вполне исследованной. Тамъ существуютъ еще племена эскимосовъ, оставшіяся вдали отъ всякаго европейскаго вліянія; ихъ-то Эриксенъ и намѣренъ сдѣлать главнымъ предметомъ своихъ наблюденій. Такихъ первобытныхъ эскимосовъ осталось уже не болѣе нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Экспедиція, между прочимъ, намѣрена запастись автомобилемъ и испробовать его въ полярной области. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произведетъ на эскимосовъ этотъ современный способъ передвиженія.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Американскія бібліотеки и читальни для дѣтей.—Аргентинская газета.—Роль сѣцціальной гігіены въ XX вѣкѣ.—Отсталость Соединенныхъ Штатовъ въ научномъ отношеніи и ея причины.

Американскій журналъ «Outlook» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о дѣятельности американскихъ бесплатныхъ бібліотекъ, которыя существуютъ почти въ каждомъ американскомъ городѣ. Очень многія изъ этихъ бібліотекъ имѣютъ цѣлью не столько снабжать книгами взрослыхъ, но развить вкусъ и любовь къ чтенію у дѣтей. Съ этою цѣлью при многихъ бібліотекахъ открыты читальни для дѣтей и специально назначенные бібліотекари руководятъ ихъ чтеніемъ. Дѣтскія читальни вездѣ очень тщательно обставлены, убраны картинами, брестами, цвѣтами, чучелами животныхъ и т. д. Все сдѣлано для того, чтобы эти учрежденія нравились дѣтямъ и они охотно шли туда. Особенно хорошо устроена дѣтская читальня въ Питтсбургѣ, которую въ 1900 году посетило 200.000 дѣтей. Въ этой читальнѣ книги уставлены на удобныхъ низкихъ полкахъ, такъ что дѣти могутъ ихъ легко достать, просмотрѣть на низкихъ столиккахъ. Всѣ переплеты свѣтлые. Въ читальнѣ имѣются книги для дѣтей всѣхъ возрастовъ, начиная отъ иллюстрированныхъ собраній сказокъ для маленькихъ дѣтей. Въ читальнѣ ежедневно выставляется таблица, на которой, кромѣ дня, числа и мѣсяца, нарисована еще картина, сопровождаемая изреченіемъ и стихами, имѣющими какое-нибудь отношеніе къ этому дню и мѣсяцу. Когда случается годовщина какого-нибудь знаменитаго человѣка, мужчины или женщины, то въ читальнѣ выставляется его или ея портретъ. Дѣти заходятъ въ читальню по дорогѣ въ школу и узнаютъ такимъ образомъ, чья память чествуется въ этотъ день, о чемъ и сообщаютъ своему учителю. Такимъ образомъ, работа школы дополняется бібліотечною. Въ читальнѣ выставляются также снимки съ лучшихъ произведеній разныхъ художниковъ для ознакомленія съ ними дѣтей. Каталоги также специально составлены съ цѣлью заинтересовать дѣтей. На первой страницѣ находится слѣдующая надпись: «Не хотите ли вы

прочестъ о герояхъ древнихъ временъ или объ отважныхъ морякахъ и смѣлыхъ строителяхъ, о прелестныхъ принцессахъ и дѣвушкахъ, обладающихъ чудными голосомъ? Если да, то ниже вы найдете списокъ такихъ книгъ». Все это дѣлается съ цѣлью заинтересовать дѣтей и пріохотить ихъ къ чтенію. Съ этою же цѣлью въ библиотекѣ устроенъ карнизъ, который устанавливается рисунками разнаго рода, раскрашенными и другими, которые относятся къ содержанию книгъ, стоящихъ на полкѣ возлѣ этого карниза, и картины такъ заинтересовываютъ дѣтей, что обыкновенно эти полки бывають пусты, и книги постоянно находятся въ чтеніи.

Въ Питтсбургѣ устраивается въ дѣтской читальнѣ два раза въ недѣлю собранія для слушанія разсказовъ о греческихъ герояхъ или совмѣстнаго чтенія Теннисона «*Idylls of the King*». Эти собранія имѣють большой успѣхъ и каждый разъ послѣ нихъ библиотека едва можетъ удовлетворить всѣ поступающія требованія на книги историческаго содержания. Послѣ собраній, посвященныхъ Шекспиру, сочиненія Шекспира требовались въ такомъ количествѣ, что библиотека даже не въ состояніи была удовлетворить всѣ эти требованія. Послѣ окончанія каждаго такого засѣданія, посвященнаго какому-нибудь герою или писателю, въ читальнѣ выставляли портретъ этого героя или писателя. Вообще въ тѣ дни, когда бывали собранія, въ библиотеку поступало больше требованій отъ дѣтей, нежели отъ взрослыхъ.

Въ Милльвоке, надъ входомъ въ дѣтскую читальню помѣщается слѣдующая надпись: «Охрана библиотеки поручается мальчишкамъ и дѣвочкамъ Милльвоки». И дѣти показали себя достойными этого довѣрія. Пропжа или порча книгъ въ этой библиотекѣ представляетъ крайне рѣдкое явленіе, и дѣти, беря книги на домъ, обращаются съ ними очень бережно. Сообщая цифровыя данныя, авторъ статьи особенно направляетъ на то, какъ сильно развивается любовь къ чтенію среди юныхъ американскихъ гражданъ, благодаря такой системѣ устройства специальныхъ дѣтскихъ библиотекъ съ читальнями.

Въ Буэносъ-Айресѣ съ 1869 г. издается газета «*La Prensa*» (Пресса), редакторъ которой Е. Пацъ поставилъ себѣ цѣлью сдѣлать редакцію своей газеты социальнымъ, интеллектуальнымъ и политическимъ центромъ своей общины. Газета распространяется въ количествѣ 100.000 экземпляровъ и пользуется большою популярностью въ Аргентинской республикѣ. Населеніе Буэносъ-Айреса гордится этою газетою и каждому иностранцу, попадающему въ столицу Аргентины, непременно указываютъ на дворецъ, гдѣ помѣщается редакція и всѣ учрежденія, связанная съ газетою, какъ на главную достопримѣчательность города. «*Review of Reviews*» говоритъ, что это зданіе, дѣйствительно, заслуживаетъ того, чтобы на него было обращено вниманіе. Колоссальная бронзовая символическая фигура, изображающая Прессу, украшаетъ его. Фигура держитъ въ рукѣ фонарь, который освѣщается вечеромъ разноцвѣтнымъ огнемъ и посредствомъ этого освѣщенія жители Буэносъ-Айреса узнають животрепещущія новости. Въ настоящее время, когда интересъ сосредоточенъ на бурской войнѣ, свѣтъ фонаря обозначаетъ побѣду или пораженіе англичанъ; если показывается

желтый свѣтъ, то значить побѣдили англичане, зеленый—побѣда на сторонѣ буровъ и т. д. Дворъ редакціи покрытъ стекляною крышею и служитъ для собраний во время народныхъ волненій и вообще когда общество особенно интересуется какимъ-нибудь политическимъ вопросомъ или событіемъ. На этомъ дворѣ свободно размѣщаются 2.500 человекъ, къ которымъ редакторъ или кто-нибудь изъ сотрудниковъ обращается съ рѣчью, стоя на балконѣ второго этажа, когда представляется нужнымъ оказать влияние на общественное мнѣніе. Кромѣ того, при редакціи устроена консультація медицинская и юридическая, гдѣ каждый неимущій житель города можетъ получить бесплатно медицинскій или юридическій совѣтъ. Въ амбулаторіи ежедневно бываютъ болѣе ста больныхъ, которыхъ принимаетъ одинъ главный врачъ и пять ассистентовъ; въ юридической консультаціи также бываетъ много народа и вообще оба эти учрежденія приносятъ огромную пользу бѣднѣйшимъ классамъ населенія. Рядомъ съ консультаціей помѣщается родъ торговаго музея, въ которомъ устроена постоянная выставка всѣхъ американскихъ продуктовъ и издѣлій. Въ связи съ музеемъ находится химическая лабораторія, куда можетъ обратиться каждый гражданинъ Аргентинской республики для анализа почвы или продуктовъ и это также дѣлается даромъ. Собственно редакція помѣщается во второмъ этажѣ и тамъ же находится огромная зала, представляющая родъ форума, доступъ въ который открытъ для всѣхъ гражданъ; тамъ они могутъ собираться для обсуждения своихъ дѣлъ. Сюда же примыкаетъ библіотека специальныхъ книгъ, техническихъ, юридическихъ, медицинскихъ и др. Библіотека открыта отъ 1 до 6 и отъ 8 до 10-ти вечера. При библіотекѣ учреждены классы испанскаго языка. Въ третьемъ этажѣ устроены комнаты для какихъ-нибудь выдающихся посетителей аргентинской столицы, писателей, ученыхъ и т. д. и тамъ же устроена зала, гдѣ редакція организуетъ литературные вечера, концерты и публичные лекціи. При редакціи устроенъ ресторанъ, въ которомъ служащіе въ редакціи и типографіи получаютъ обѣдъ и завтракъ по удешевленной цѣнѣ, и въ часъ дня они получаютъ чай или кофе даромъ. По словамъ надателя, доходъ съ газеты покрываетъ всѣ расходы на эти учрежденія. Что же касается врачей и юристовъ, то они не берутъ гонорара и добровольно отдаютъ свой трудъ на пользу общества. Редакція, дѣйствительно стала центромъ всей соціальной жизни въ Аргентинѣ. Все стекается туда, кто ищетъ совѣта, помощи, наставленія, кто приходитъ для обсуждения какого-нибудь злободневнаго вопроса, полученія политическихъ свѣдѣній и разъясненій или просто чтобы послушать рѣчи другихъ—однимъ словомъ, ни одинъ важный вопросъ въ жизни общества и государства не рѣшается безъ прямого или косвеннаго участія этой газеты.

Д-ръ Генрихъ Мертенсъ говоритъ въ «Neue Deutsche Rundschau» о роли соціальной гигиены въ борьбѣ съ эпидемическими болѣзнями, которыя онъ называетъ «соціальными болѣзнями». Пробужденіе соціальнаго сознанія, съ одной стороны, и развитіе медицинскаго изслѣдованія—съ другой, привели къ тому, что теперь уже цѣлый рядъ такихъ болѣзней считается «соціальными болѣзнями», которыя прежде не обращали на себя вниманіе государства и причи-

связались къ «индивидуальнымъ болѣзнямъ». Государство не находило нужнымъ вмешиваться въ борьбу съ этими болѣзнями, предоставляя это отдѣльнымъ индивидамъ и только при появленіи эпидемій холеры или чумы на помощь призывалась социальная гигиена. Въ настоящее время кругъ дѣятельности этой послѣдней значительно расширился, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ къ разряду социальныхъ болѣзней причисляются и всѣ промышленныя болѣзни, являющіяся непосредственнымъ результатомъ занятія извѣстными ремеслами и фабричнаго труда. Особенно важную роль играютъ въ данномъ случаѣ промышленныя отравленія: свинцовое, фосфорное, отравленіе сѣрой и хромовой кислотой и вдыханіе металлической, и древесной пыли. Тифъ и туберкулёзъ занимаютъ теперь первое мѣсто въ ряду социальныхъ болѣзней, съ которыми ведетъ борьбу социальная гигиена. Сюда же причисляется въ настоящее время болотная лихорадка, которая въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Италіи имѣетъ характеръ социальной болѣзни и во многихъ колоніяхъ является смертельнымъ врагомъ европейцевъ. Послѣ знаменитаго открытія Лаверана, а затѣмъ Ресса, Грасси и Коха, роль социальной гигиены въ борьбѣ съ этою болѣзнию значительно расширилась, такъ какъ было установлено, что переносчиками заразы служатъ извѣстный родъ москитовъ (*Anopheles*). Слѣдовательно, для успѣшной борьбы съ распространеніемъ этой болѣзни нужно, прежде всего, уничтоженіе источниковъ заразы, т.-е. такихъ мѣстъ, гдѣ развиваются москиты, а это уже прямое дѣло социальной гигиены. Въ послѣднее время, съ открытіемъ паразитарной природы рака и эта болѣзнь зачисляется въ разрядъ тѣхъ, съ которыми ведетъ борьбу социальная гигиена, раздвигаящая постепенно рамки своей дѣятельности. Забота о сохраненіи здоровья социального организма и предупрежденіе его заболѣваній составляетъ теперь главную задачу социальной гигиены XX вѣка, постепенно отодвигающей медицину на второй планъ.

Одинъ изъ американскихъ писателей, Карлъ Свайдеръ, напечаталъ въ «North American Review» статью объ отсталости Америки въ научномъ отношеніи. Безъ сомнѣнія, въ Соединенныхъ Штатахъ были великіе ученые, есть они и теперь, но число ихъ ограничено. А между тѣмъ, университетовъ и нерворазрядныхъ коллегій въ Соединенныхъ Штатахъ больше, нежели во Франціи и Германіи, на образованіе расходуются гораздо большія суммы и число студентовъ и вообще учащихся гораздо больше. Что же за причина отсталости? Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что въ Америкѣ есть ученые, но нѣтъ научнаго движенія. Соединенные Штаты стремятся, главнымъ образомъ, къ промышленному завоеванію міра, а о научныхъ побѣдахъ заботятся очень мало. Напр., въ Америкѣ нѣтъ учрежденія, подобнаго институту Пастёра, нѣтъ центра, гдѣ бы сосредоточивалась интеллектуальная и научная работа страны и вообще университетская система Соединенныхъ Штатовъ не можетъ сравняться, напр., съ германскою университетскою системою, гдѣ профессора пользуются такою независимостью и имѣютъ столько свободнаго времени для своихъ научныхъ работъ.

На эту статью въ томъ же журналѣ возражаетъ другой американскій писатель, Ньюкомбъ. Онъ говоритъ, что ни въ ученыхъ, ни въ научномъ движе-

ніи нѣтъ недостатка въ Соединенныхъ Штатахъ, но бѣда въ томъ, что американское общество не интересуется научными работами, потому что онѣ ему неизвѣстны. Между тѣмъ какъ въ Англіи имена Фарадея, Максъ Мюллера и др. рѣшительно всѣмъ извѣстны, въ Америкѣ имена ученыхъ, не уступающихъ только что названнымъ, извѣстны лишь немногимъ избраннымъ. Американцы извлекаютъ выгоду изъ изобрѣтеній и научныхъ трудовъ своихъ ученыхъ, но они никогда не чествуютъ ихъ такимъ образомъ, какъ чествовали англичане лорда Кельвина, нѣмцы—Гельмгольца, французы—Пастера, Бертелло и др. Кромѣ того, въ Европѣ всѣ правительства оказываютъ поддержку ученымъ обществамъ, въ Америкѣ же правительство ничего для нихъ не дѣлаетъ и печальнымъ примѣромъ такого пренебрежительнаго отношенія можетъ служить американская академія наукъ. Въ Европѣ ученые принимаютъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ, засѣдаютъ въ парламентахъ и т. д.—въ Соединенныхъ Штатахъ среди членовъ конгресса не встрѣчается ни одного ученаго, и только два писателя, пользующіеся извѣстностью, засѣдали на скамьяхъ конгресса за все время. Вообще, по мнѣнію автора, главная бѣда заключается въ томъ, что въ Америкѣ ученые не пользуются такою популярностью, какою пользуются ученые во Франціи, Германіи и Англіи и помочь этому горю можно только, учредивъ въ Вашингтонѣ такой научный центръ, который бы пролилъ лучи свѣта во всѣ отдаленные уголки великой сѣверо-американской республики и заставилъ бы американское общество интересоваться учеными трудами и занятіями.

Фабричныя инспектрисы въ Германіи.

(Письмо изъ Гейдельберга).

Въ послѣднее время вопросъ о введеніи института фабричныхъ инспектрисъ все настойчивѣе выдвигается на очередь во всѣхъ промышленныхъ странахъ. Подъ влияніемъ несомнѣнной потребности, а также и удачнаго опыта Англіи, отдѣльнаго государства Германіи пытаются въ томъ или иномъ видѣ провести у себя эту реформу, значеніе которой заключается въ томъ, чтобы приблизить къ работницамъ представителей фабричнаго надзора, поставить въ непосредственное общеніе съ ними лицо, внушающее имъ больше довѣрія и могущее ближе входить въ разсмотрѣніе какъ общихъ условій ихъ труда, такъ и отдѣльныхъ случаевъ недовольства, жалобъ и т. п. Такимъ лицомъ совершенно естественно должна быть именно женщина — фабричная инспектриса. Недатка въ лицахъ, желающихъ работать на этомъ поприщѣ, конечно, и въ Германіи не встрѣчается *).

Любопытно сравнить двѣ попытки введенія женскаго труда въ область фабричнаго надзора въ двухъ государствахъ Германіи: великомъ герцогствѣ Баденѣ

*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Веранѣ устроены были даже особые курсы для подготовленія фабричныхъ инспектрисъ.

и въ королевствѣ Саксоніи. Эти попытки носятъ совершенно различный характеръ какъ по тѣмъ правамъ и обязанностямъ, которыя предоставлены въ нихъ женщинамъ, такъ и по требованіямъ, которыя предъявляются къ лицамъ, желающимъ нести эти обязанности; въ связи съ этимъ и служебное положеніе фабричныхъ инспектрисъ въ Саксоніи и Баденѣ далеко не одинаково. Въ великомъ герцогствѣ Баденѣ (по пространству равномъ средней русской губерніи) вся фабричная инспекція сосредоточена въ главномъ городѣ — Карлсруэ, откуда всѣ чины инспекціи совершаютъ свои разъѣзды; въ Саксоніи же, по пространству приблизительно въ два раза меньшей, но по густотѣ населенія и по развитію промышленности значительно опередившей Баденѣ, фабричная инспекція распределѣна на нѣсколько округовъ, каждый въ завѣдываніи особаго инспектора и его помощника. При каждыхъ пяти округахъ учреждена особая должность для женщины-помощницы фабричнаго инспектора, или, какъ онѣ тамъ называются, повѣренной (Vertrauensperson). Отъ кандидатовъ на эти должности не требуется никакой особой подготовки—ни научной, ни практической, но зато этимъ «повѣреннымъ» не присвоено никакихъ служебныхъ правъ; онѣ не имѣютъ даже права посѣщать фабрики и мастерскія, въ которыхъ примѣняется женскій трудъ, и такимъ образомъ лишены единственной возможности непосредственнаго наблюденія надъ положеніемъ работницъ въ производствѣ. Единственная, предоставленная имъ форма дѣятельности,—принимать въ опредѣленные часы всѣхъ работницъ, пожелавшихъ обратиться къ нимъ за совѣтомъ или за справками. Результатомъ такого взаимнаго незнакомства является пустая пустота приемныхъ этихъ «повѣренныхъ». Лишь одна изъ «повѣренныхъ» (въ Дрезденѣ) выхлопотала себѣ официальное право посѣщенія фабрикъ и мастерскихъ, и это сейчасъ же отразилось не только на увеличеніи числа посѣщеній ея приемной,—74, работницы въ теченіе одного года,—но и на болѣе правильномъ разслѣдованіи и болѣе вѣрной постановкѣ жалобъ. Конечно, нѣкоторыя изъ этихъ «повѣренныхъ»—помощницъ фабричнаго инспектора—обладаютъ чѣмъ-то въ родѣ профессиональной, а можетъ быть, и кое-какой научной подготовкой, такъ какъ при извѣстномъ интересѣ къ дѣлу могутъ знакомиться съ положеніемъ работницъ, принимая участіе во всевозможныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществахъ, но врядъ ли такая случайная и несистематическая подготовка можетъ быть признана удовлетворительной, особенно если она къ тому же необязательна. Да и самое положеніе этихъ «повѣренныхъ» является какимъ-то необязательнымъ и безправнымъ, и потому учрежденіе подобной должности для женщинъ-инспектрисъ едва ли можетъ имѣть какое-нибудь значеніе.

Попытка введенія женскаго труда въ фабричную инспекцію великаго герцогства Баденскаго носитъ гораздо болѣе серьезный характеръ и потому оказалась несравненно болѣе удачной. Мѣсто помощницы фабричнаго инспектора было предоставлено здѣсь особѣ, блестяще сдавшей экзаменъ на степень доктора государственныхъ наукъ (спеціальность — политическая экономія) при гейдельбергскомъ университетѣ. Ея права и обязанности обозначены вполне точно, и служебное положеніе ея ничѣмъ не отличается отъ положенія всякаго начинаю-

шого чиновника, могущаго впоследствии занять мѣсто фабричнаго инспектора. Кругъ обязанностей помощницы фабричнаго инспектора былъ опредѣленъ такимъ образомъ: сначала вѣдѣнію ея было предоставлено лишь опредѣленіе внутренняго распорядка фабрикъ съ женскимъ трудомъ, надзоръ за исполненіемъ закона о продолжительности рабочаго времени для работницъ и разсмотрѣніе жалобъ и недоразумѣній, ихъ касающихся. Посѣщенія или ревизіи фабрикъ она могла предпринимать всякій разъ по соглашенію со своими коллегами; обо всѣхъ замѣченныхъ незначительныхъ правонарушеніяхъ должна была сообщать непосредственно низшимъ чинамъ администраціи даннаго округа, если же требованія ея носили болѣе серьезный и рѣшительный характеръ, то она должна была обращаться къ посредничеству фабричнаго инспектора. Этотъ послѣдній пунктъ сохранилъ свою силу и до настоящаго времени, въ остальномъ же компетенція помощницы фабричнаго инспектора теперь значительно расширена. Теперь ей предоставлены въ самостоятельное завѣдываніе всѣ тѣ отрасли промышленности великаго герцогства Баденскаго, въ которыхъ примѣняется одинъ женскій трудъ — главнымъ образомъ, фабрики табачныя и готоваго платья. Такимъ образомъ, въ настоящее время она должна самостоятельно ревизовать всѣ 700 табачныхъ фабрикъ страны, пользуясь лишь при желаніи помощью особаго техника, который сопровождаетъ, въ случаѣ надобности также и другихъ чиновъ фабричной инспекціи Бадена. Помощница фабричнаго инспектора должна утверждать планы устройства новыхъ табачныхъ фабрикъ и вести всю отчетность и переписку, касающуюся отраслей чисто женскаго труда. Наконецъ, ей не возбраняется ревизовать также и тѣ промышленныя заведенія, гдѣ женскій трудъ примѣняется наряду съ мужскимъ, но лишь по соглашенію съ фабричнымъ инспекторомъ даннаго района. Такимъ образомъ, помощница фабричнаго инспектора въ Баденѣ, вооруженная теоретической подготовкой, знаніемъ всѣхъ относящихся къ профессіи законовъ, снабженная авторитетомъ власти, вступаетъ въ непосредственныя сношенія какъ съ предпринимателями, такъ и съ работницами, и на основаніи близкаго знакомства съ дѣломъ можетъ стоять на высотѣ задачъ, возлагаемыхъ на нее труднымъ и отвѣтственнымъ постомъ.

Такой успѣхъ объясняется въ значительной мѣрѣ, конечно, личными качествами первой женщины, занявшей этотъ постъ въ Баденѣ. Fräulein von-Рихтгофенъ, докторъ юридическихъ наукъ гейдельбергскаго университета, блестяще оправдала всѣ возлагавшіяся на нее надежды. Со стороны баденской фабричной инспекціи ея дѣятельность вызвала восторженный отзывъ. По словамъ этого официальнаго отзыва, г-жа фонъ-Рихтгофенъ превосходно справляется со всѣми задачами ея профессіи. Число произведенныхъ ею ревизій достигло за нѣсколько мѣсяцевъ 557. Во всѣхъ проявленіяхъ ея дѣятельности она обнаружила столько же пониманія, сколько энергіи и тактичности, и своимъ разумнымъ внимательствомъ оказывала существенную помощь мужчинамъ — чинамъ фабричной инспекціи. Г-жа фонъ-Рихтгофенъ сумѣла завоевать особое расположеніе и довѣріе фабричныхъ работницъ, о чемъ свидѣтельствуетъ не только великогерцогская фабричная инспекція, но и вся баденская рабочая пресса. М. Б.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

О ПСИХИКѢ НАСѢКОМЫХЪ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Мозгъ и органы чувствъ. Для того, чтобы судить о высотѣ психической организаціи центральной нервной системы, нужно сначала рассмотретьъ всѣ нервныя центры, служащіе для низшихъ отправленій и, прежде всего, заведующіе иннервацией мускуловъ и органовъ чувствъ. Количество всѣхъ этихъ нервовъ не зависитъ отъ сложности умственной работы; не отъ соответствующаго числа мышечныхъ волоконъ, отъ воспринимающихъ поверхностей органовъ чувствъ, отъ рефлекторныхъ аппаратовъ, а также и отъ величины животнаго.

Мозгъ муравьевъ является хорошимъ примѣромъ того, что для сложныхъ мозговыхъ комбинацій необходимо, чтобы нервный центръ, заведующій ими, являлся бы болѣе развитымъ, чѣмъ центры, заведующіе мышцами и органами чувствъ. Колонія муравьевъ обыкновенно состоитъ изъ 3-хъ родовъ индивидуумовъ: царицы (самой большой), работницы (самой маленькой) и самца, который немного больше работницы. Сложныя инстинкты и рѣзко раздѣляемыя умственныя способности (память, умъ и др.) выражены рѣзче всего у работницы и затѣмъ у царицы. Самецъ невѣроятно глупъ, не различаетъ друзей отъ враговъ и не можетъ даже отыскать дорогу въ муравейникъ. Но у него хорошо развиты глаза и щупальцы, т.-е. два органа, находящіеся въ зависимости отъ надглоточнаго узла и благодаря которымъ онъ можетъ на лету схватывать царицу. Надглоточный узелъ непосредственно не заведуетъ ни однимъ изъ мускуловъ.

Эти факты облегчаютъ сравненіе органовъ умственной жизни, т.-е. мозга (*согрга редункулата*) у трехъ родовъ индивидуумовъ. У работницы мозгъ очень великъ, у царицы меньше, у самца же едва развитъ, не у него очень развиты зрительныя и обонятельныя доли. Кромѣ того, у работницы мозговая кора чрезвычайно богата клѣточками.

Теперь въ модѣ уменьшать значеніе строенія мозга для психологін и физиологін нервовъ. Но мода не должна оказывать давленія на научныя изслѣдованія, какъ не должно заставлять анатомію говорить болѣе того, чѣмъ она можетъ сказать.

Поврежденіе мозга у муравьевъ даетъ тѣ же результаты, что и у голубей.

Достоверно, что насѣкомыя обладаютъ 4-мя чувствами: зрѣніемъ, обоня-

ніемъ, вкусомъ и осязаніемъ; существованіе слуха — сомнительно. Можетъ быть, слухъ есть не что иное, какъ измѣненное осязаніе, приспособленное для воспріятія небольшихъ колебаній. Но шестое чувство не встрѣчается въ этомъ классѣ животныхъ.

Возно-свѣтовое чувство, измѣненное для свѣтовыхъ воспріятіи, принадлежитъ къ одной изъ разновидностей осязанія. Оно встрѣчается у многихъ насекомыхъ. У водяныхъ насекомыхъ обоняніе и вкусъ, вѣроятно, сливаются (Nagel), такъ какъ оба эти чувства служатъ для распознаванія химическихъ веществъ, растворенныхъ въ водѣ.

Сѣтчатыя глаза служатъ для обозрѣванія движеній; при полетѣ такой глазъ ясно различаетъ большія пространства, но воспринимаетъ предметы въ менѣе ясныхъ контурахъ, чѣмъ нашъ глазъ. Фасеточный глазъ даетъ только одно прямое изображеніе, ясность котораго увеличивается съ числомъ фасетокъ и выпуклостью глаза. Эксперу удалось сфотографировать изображеніе, получаемое въ глазу у *Lamprugis* (свѣтящійся червячокъ). Неподвижность глаза мѣшаетъ, конечно, насекомому, находящемуся въ покоѣ, видѣть боковые предметы, вотъ почему тогда легко поймать насекомое. Во время полета, благодаря фасеточному глазу, насекомое ориентируется въ пространствѣ. Запахъ ихъ притягиваетъ, если они нюхаютъ только въ извѣстномъ направленіи. Если загнѣпить фасеточные глаза, то у насекомого исчезаетъ всякая способность ориентироваться въ воздушномъ пространствѣ. Извѣстнымъ перемѣщеніемъ пигмента глазъ насекомыхъ приспособляется къ дневному и ночному свѣту. Муравьи воспринимаютъ глазами ультра-фіолетовые лучи. Пчелы и шершни различаютъ цвѣта, но по всей вѣроятности, съ другими оттѣнками, чѣмъ мы; такъ, ихъ нельзя никоимъ образомъ обмануть искусственными цвѣтами, какъ бы хорошо они ни были сдѣлааны; можетъ быть, это зависитъ отъ того, что ими воспринимаются, кромѣ того, ультра-фіолетовые лучи, не воспринимаемые нами.

Ocellus играютъ незначительную роль и служатъ, вѣроятно, для зрѣнія на близкихъ разстояніяхъ въ темномъ пространствѣ.

Органъ обонянія находится на щупальцахъ, преимущественно въ зсаре или же въ обонятельныхъ скопленіяхъ. Благодаря своему положенію на концахъ щупалець и своей подвижности, органы обонянія насекомыхъ обладаютъ 2-мя свойствами, не встрѣчающимися у позвоночныхъ и у человека: 1) способностью различать прямымъ прикосновеніемъ химическія свойства тѣлъ (обоняніе соприкосновенія); 2) способностью узнавать и различать, при помощи обонянія, пространство и форму предметовъ, а также и собственный слѣдъ.

Обоняніе многихъ насекомыхъ позволяетъ имъ узнавать точныя отношенія предметовъ въ пространствѣ и помогаетъ ориентироваться животному, двигающемуся по землѣ.

Я назвалъ это качественное чувство, отличающееся отъ нашего обонянія своими особенными свойствами, *топохимическимъ обоняніемъ*. Съ уничтоженіемъ щупалець, у муравья исчезаетъ способность отличать друзей отъ враговъ, а также способность ориентировки на землѣ; если же отрѣзать 3 ланки и одно щупальце, способности эти сохраняются. Топохимическое чувство поз-

воляет муравью различать оба направленія въ слѣдѣ, оставляемомъ имъ. Ощущенія различныхъ запаховъ различны у различныхъ насѣкомыхъ. То, что пахнетъ для однихъ, не имѣетъ запаха для другихъ (и для насъ) и обратно. Органы вкуса находятся въ ротовыхъ частяхъ. Вкусовые ощущенія насѣкомыхъ очень близки къ нашимъ.

Виль приучилъ осу находить медъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Однажды онъ положилъ туда хининъ. Осы тотчасъ замѣтили, повернули назадъ и больше не возвращались. То же самое случилось, когда Виль, вмѣсто меда, положилъ квасцы. Кстати сказать, это служитъ примѣромъ вкусовой памяти насѣкомыхъ и ихъ способности къ ассоціациямъ.

Описывали различные органы слуха, но, по моему мнѣнію, слухъ есть не что иное, какъ воспріятіе ослаженіемъ слабыхъ колебаній.

Осязаніе же у всѣхъ представлено волосками и щетинками.

Нѣкоторыя членистоногія, напр., пауки, ориентируются въ пространствѣ, главнымъ образомъ, при помощи осязанія.

Только у насѣкомыхъ для ориентировки и распознаванія внѣшняго міра приспособляются различные органы чувствъ, смотря по тому, къ какому виду то или другое насѣкомое принадлежитъ. У однихъ недостаетъ глазъ, у другихъ очень слабое обоняніе, у третьихъ отсутствуетъ обоняніе соприкосновенія напр., у большинства двукрылыхъ.

Способность ориентировки нѣкоторыхъ летающихъ животныхъ, напр., птицъ, пчелъ и т. д. покоится, конечно, на органѣ зрѣнія и зрительныхъ ощущеніяхъ. Движенія въ воздухѣ усиливаютъ ее. Полукружные каналы служатъ для невзвончныхъ органомъ равновѣсія и воспринимаютъ ощущенія ускоренія движенія и вращенія, но они не даютъ возможности ориентироваться. Не существуетъ особенной способности ориентироваться, магнетической или какой-либо другой, независимо отъ извѣстныхъ намъ чувствъ.

Всѣ эти факты, о которыхъ мы только что говорили, составляютъ основаніе психологіи насѣкомыхъ. Изученіе общественныхъ насѣкомыхъ особенно благоприятно въ этомъ отношеніи, благодаря разнообразію ихъ взаимныхъ отношеній.

Если мы по отношенію къ нимъ будемъ употреблять терминологию, взятую изъ психологіи человѣка, то ее нужно понимать не антропоморфически, но только какъ аналогію.

Область познанія. Прежде всего, можно констатировать, что большинство насѣкомыхъ обладаетъ памятью, т.-е. впечатлѣнія, получаемыя отъ органовъ чувствъ, запечатлѣваются въ мозгу, чтобы позже снова можно было бы ими воспользоваться, причемъ память проявляется не только прямыми раздраженіемъ органовъ чувствъ. Губеръ, Фабръ, Лаббокъ, Васманъ, фонъ-Буттель и я, всѣ мы доказали невѣрность этого взгляда при помощи опытовъ. Вотъ наиболѣе яркій фактъ. Пчелы, осы и др. при полетѣ, несмотря на вѣтеръ и дождь (слѣдовательно, безъ всякаго содѣйствія со стороны обонянія), даже послѣ уничтоженія щупалецъ, находятъ дорогу къ какому-нибудь мѣсту, гдѣ онѣ находили раньше что-нибудь нравящееся имъ; это происходитъ и тогда, если даже

это мѣсто невидимо изъ нихъ улья, и даже послѣ многихъ дней и недѣль, протекшихъ со времени перваго знакомства ихъ съ этимъ мѣстомъ. Такимъ образомъ, очевидно, что они узнаютъ предметы по ихъ цвѣту, формѣ и въ особенности по положенію въ пространствѣ. Фонъ-Буттель показалъ, что эфирный или хлороформный наркозъ отнимаетъ память у пчелъ. Онѣ тогда принимаютъ враговъ за друзей и теряютъ память о мѣстности. Но вѣдь нельзя забывать то, о чемъ не помнить.

Топохимическое чувство даетъ тоже доказательство памяти у муравьевъ, пчелъ и пр. Муравей совершаетъ свой тяжелый путь въ 30 метровъ отъ разореннаго муравейника, находитъ новое мѣсто, подходящее для постройки новаго гнѣзда, возвращается (ориентируясь при помощи щупалець), находитъ товарища, котораго приноситъ на себѣ на новое мѣсто. Этотъ 2-й муравей приводитъ 3-го и т. д. Память о томъ, что гдѣ-то находится мѣсто, подходящее для новаго муравейника, должна сохраняться въ мозгу 1-го муравья, иначе онъ бы не возвратился въ сопровожденіи товарища.

Муравьи—рабы (*Polyergus*) отправляются на разграбленіе муравейниковъ, въ сопровожденіи однихъ только работницъ, которыя въ теченіи многихъ дней и недѣль обозрѣвали мѣстность съ цѣлью отыскать муравейникъ вида *Formica fusca*. Часто муравьи во время похода теряютъ дорогу; тогда они останавливаются, пока одинъ изъ нихъ не найдетъ прежнихъ слѣдовъ, благодаря топохимическому чувству, и не заставитъ остальныхъ, быстрыми ударами, идти впередъ. Личинки, найденныя въ муравейникѣ *Formica fusca*, вытаскиваются изъ глубины его и приносятся домой, нерѣдко за 40 и болѣе метровъ. Если изъ разореннаго муравейника ваяты не все личинки сразу, то муравьи возвращаются за ними въ тотъ же или на другой день. Какимъ же образомъ муравьи *Polyergus* знаютъ, остались ли еще личинки? Обоняніе не можетъ ихъ притягивать на такомъ далекомъ разстояніи, еще менѣе того зрѣніе или какое, нибудь другое чувство. Одна только память, т.-е. воспоминаніе о томъ, что въ муравейникѣ осталось много личинокъ, можетъ заставить муравьевъ вернуться. Мнѣ пришлось очень много разъ слѣдить за подобными походами муравьевъ.

Нѣкоторые муравьи узнаютъ своихъ друзей спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

Муравьи и пчелы, какъ то показалъ фонъ-Буттель, различаютъ обоняніемъ разные оттѣнки запаха, напр., запахъ гнѣзда, запахъ своей колоніи и запахъ индивидуальный. У муравьевъ, кромѣ того, существуетъ запахъ вида, тогда какъ запахъ царицы у нихъ не играетъ такой роли, какъ у пчелъ. Изъ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ фактовъ слѣдуетъ, что у общественныхъ насекомыхъ изъ рода перепончатокрылыхъ въ мозгу сохраняются топохимическія и зрительныя картины, которыя затѣмъ перерабатываются въ представленія или во что нибудь аналогичное этому; представленія же, полученные отъ различныхъ органовъ чувствъ (зрѣнія, обонянія, вкуса), ассоціируются между собой и такимъ образомъ получается представленіе о пространствѣ. Губертъ, Васманъ и я, мы все констатировали, что у этихъ животныхъ, благодаря частому повторенію какого-нибудь акта, вырабатывается точность и скорость въ исполненіи его. Другими словами, у нихъ образуются, и даже очень быстро,—*примечки*.

Но кто говорить о привычкахъ, тотъ говорить и объ автоматизмѣ и о рабѣ совершившемся приспособленіи мозга. Такъ по Буттелю старыя пчелы, никогда не вылетающія изъ улья, не находятъ дороги, даже на разстояніи нѣсколькихъ метровъ, если только онѣ не видятъ улья, тогда какъ обыкновенно старыя пчелы знаютъ окрестности часто на 6 и 7 километровъ вокругъ ихъ улья.

Изъ подобныхъ наблюденій ученыхъ слѣдуетъ, что всѣ впечатлѣнія органовъ чувствъ, представленія, ассоціаціи, вниманіе, память, привычки подчиняются въ общемъ у общественныхъ насѣкомыхъ тѣмъ же законамъ, что и у позвоночныхъ, и у насъ. Наслѣдственный же автоматизмъ болѣе развитъ у насѣкомыхъ. Вышеупомянутыя способности проявляются у нихъ очень слабо въ видового инстинктивного автоматизма.

Насѣкомое чрезвычайно глупо и плохо приспособляется ко всему, что не относится къ инстинкту. Я обучилъ одного *Dytiscus marginalis* *) ѣсть на моемъ столѣ. Въ природѣ онъ ѣсть, только находясь въ водѣ. Положенный же на столъ, онъ тотчасъ же дѣлаетъ неловкое движеніе передними лапками, которое перевертываетъ его на спину, и въ такомъ положеніи ѣтъ, не умѣя избавиться отъ положенія, удобнаго для ѣды въ водѣ. Когда же я входилъ въ комнату, то этотъ *Dytiscus* выскакивалъ изъ воды, вмѣсто того, чтобы спрятаться въ глубинѣ ея, и кусалъ нѣжно концы моихъ пальцевъ, которые я ему протягивалъ. Также большіе алжирскіе муравьи акклиматизировались у меня въ Цюрихѣ и выучились на лѣто закрывать комками земли широкое отверстіе своего муравейника, спасаясь отъ преслѣдованій нашихъ муравьевъ вида *Lasius niger*. Въ Алжирѣ же муравейники всегда широко открыты. Многочисленные аналогичные примѣры показываютъ, что эти маленькія животныя умѣютъ пользоваться опытомъ, даже если при этомъ они немного и удаляются отъ прирожденнаго имъ инстинкта.

Что муравьи, пчелы и осы умѣютъ сообщаться другъ съ другомъ—фактъ, на который такъ часто указывали, что я считаю лишнимъ долго останавливаться на немъ. Наблюденіе хотя бы одного похода *Polyergus* съ остановкой арміи, отыскиваніемъ потеряннаго пути достаточно это доказываетъ. Но это, конечно, не языкъ въ смыслѣ человѣческомъ! Знакамъ не соответствуетъ ни одна абстрактная идея. Здѣсь идетъ рѣчь только о наслѣдственныхъ знакахъ инстинктивно автоматизированныхъ; то же самое относится и къ ихъ умственному развитію (знаки, дѣлаемые головою, щелканіе челюстями, заднею частью тѣла, склоненіе въ тактъ шупалець и пр.). Подражаніе здѣсь играетъ большую роль. Муравьи, пчелы и др. подражаютъ своимъ товарищамъ. Совершенно ошибочно (Васманнъ, фонъ-Буттель и я вполне въ этомъ согласны) этому инстинктивному языку приписываютъ размышленіе и человѣческой умъ Губеръ и многіе др. Спрашивается, образуется ли въ мозгу муравьевъ общія представленія, напр., представленіе о муравьѣ, врагѣ, муравейникѣ, личинкѣ. Это, конечно, довольно трудно доказать. Понятія и ассоціаціи могутъ, конечно, обра-

*) Одинъ изъ видовъ плавающихъ жуковъ.

зовываться въ очень простомъ, можетъ быть, видѣ, не доходя до такой сложности, какъ у насъ.

Примѣромъ можно иллюстрировать лучше, чѣмъ разсужденіями. Плато говорить, что если цвѣты георгины закрыты зелеными листьями, пчелы все таки къ нимъ возвращаются. Сначала онъ закрывалъ цвѣты не совсѣмъ, затѣмъ совершенно, не оставляя отверстія. Изъ этого онъ выводилъ, что пчелы притягиваются запахомъ цвѣтовъ, а не ихъ видомъ.

10-го сентября, въ 2¹/₄ часа пополудни я поставилъ слѣдующій опытъ. Изъ 43 цвѣтовъ георгины, окрашенныхъ различно и очень часто посѣщаемыхъ пчелами, я закрылъ совершенно сначала 17, затѣмъ 28—виноградными листьями, которыми я обернулъ каждый цвѣтокъ, закалывая ихъ снизу (а). У 4-хъ (b) цвѣтовъ я закрылъ желтую центральную часть цвѣтка; у одного же, наоборотъ, закрыть былъ весь вѣнчикъ, а центръ его оставался открытымъ (с). Пчелы перестали посѣщать цвѣты, совершенно закрытые листьями; цвѣтокъ же с продолжалъ посѣщаться ими такъ же, какъ совершенно открытые. До цвѣтовъ же b пчелы часто долетали, но тотчасъ же ихъ оставляли; только нѣкоторымъ удавалось пройти подъ листомъ до центральной части. Какъ только я открылъ одну красную георгину, пчелы быстро къ нему прилетѣли; цвѣтокъ плохо закрытый также сталъ посѣщаться пчелами. Какъ-то одной пчелѣ удалось проникнуть снизу или сбоку въ совершенно закрытый цвѣтокъ. Съ этихъ поръ эта пчела и, только она одна, прилетала къ каждому закрытому цвѣтку. Другія пчелы, очевидно, тоже искали внезапно исчезнувшіе цвѣты; около ¹/₂ 6-го нѣкоторыя, въ свою очередь, открыли закрытыя георгины. Съ этого момента имъ стали подражать въ этомъ и остальные пчелы и въ короткій промежутокъ времени всѣ закрытыя цвѣты стали снова посѣщаться пчелами, уже безъ всякихъ предварительныхъ поисковъ. Въ слѣдующія посѣщенія пчелы прямо подлетали къ отверстию съ нижней стороны винограднаго листа. Если одна пчела находить что-нибудь, то другія не слѣдуютъ ея примѣру, но какъ только ихъ нѣсколько 4 или 5 по крайней мѣрѣ, то остальные идутъ за ними. Плато, слѣдовательно, плохо поставилъ опытъ и сдѣлалъ невѣрное заключеніе. Пчелы видѣли его георгины, которыя не были закрыты со всѣхъ сторонъ. Когда же онъ затѣмъ закрылъ ихъ совершенно, но не снизу, а сверху, пчелы ужъ обратили вниманіе на его приемы и, кромѣ того, съ боковъ имъ были еще видны цвѣты. Плато забылъ о существованіи вниманія и памяти у пчелъ.

13-го сентября я изъ желтыхъ головокъ Негасинъ (астробенка), которыя я воткнулъ въ цвѣты петуніи, грубо воспроизвелъ цвѣты георгины и расположилъ ихъ между цвѣтами этой послѣдней. Ни петунія, ни астробенка не посѣщались пчелами. Когда же многія пчелы и шмели прилетали къ моимъ искусственнымъ георгинамъ такъ же, какъ и къ настоящимъ, то покидали ихъ, какъ только, вѣроятно, по запаху, узнавали о своей ошибкѣ. То же самое было и съ георгиной, у которой центральная часть цвѣтка была замѣнена соответственной частью астробенки.

Я поставилъ и обратный опытъ, т.-е. помѣстилъ пахучую центральную часть корзинки георгины между бѣлыми и желтыми хризантемами, оставлен-

ными пчелами и которыя находились на краю грядки съ георгинами. Въ теченіе полчаса всѣ пчелы летали въ нѣсколькихъ сантиметрахъ надъ изуродованной георгиной, не замѣчая ея; наконецъ къ ней прилетѣла одна пчела, за которой случайно послѣдовала другая; тогда ужъ и всѣ остальные стали посѣщать ее.

Плато полагаетъ, что искусственные цвѣты, какъ бы они хорошо по нашему мнѣнію, ни были сдѣланы, пчелами не признаются. Можетъ быть, пчелы отличаютъ хлорофильную окраску отъ искусственной, благодаря ультрафіолетовымъ лучамъ. 19-го сентября я сдѣлалъ изъ бумаги слѣдующіе цвѣты: α —красный цвѣтокъ, β —бѣлый; γ —голубой; δ —голубой съ желтой серединой, сдѣланной изъ опавшаго листа; ϵ —изъ куска розовой бумаги съ высушенной центральной частью корзинки георгины; ζ —изъ зеленого листа георгины. Въ 9 часовъ утра я кладу въ каждый цвѣтокъ по капелкѣ меда. Въ теченіе $\frac{1}{4}$ часа пчелы летаютъ очень близко, совершенно не замѣчая меда въ моихъ цвѣтахъ; слѣдовательно, онѣ меда не обоняютъ, не слышатъ. Черезъ часъ я прихожу снова. Только въ δ вѣтъ больше меда.

Помѣщая α очень близко отъ георгины, гдѣ находятся пчелы, но вниманіе ихъ такъ занято георгины, что я долженъ это повторить 4—5 разъ, пока мнѣ удалось положить каплю меда прямо на хоботъ одной пчелы. Тогда эта послѣдняя сейчасъ же начинаетъ сосать медъ изъ бумажнаго цвѣтка. Я дѣлаю помѣтку голубой краской на спинѣ этой пчелы; тотъ же самый опытъ я повторяю съ цвѣтками β и ϵ , причеиъ пчелъ я помѣтилъ въ желтый и въ бѣлый цвѣтъ. Обѣ пчелы—голубая и желтая, много разъ прилетали къ цвѣткамъ α , δ , β , совершенно не обращая вниманія на георгины. Наконецъ, прилетѣла и бѣлая, ищетъ ϵ , но не находитъ его сразу и садится то на одну-то на другую георгину, но остается на каждой только одинъ моментъ, какъ будто бы неотвязное представленіе о медѣ не даетъ ей покоя. Затѣиъ она прилетѣла къ искусственнымъ цвѣткамъ, не ассоциирруя еще представленіе о медѣ съ воспоминаіемъ о его вкусѣ. Наконецъ, она все-таки находитъ упавшую часть цвѣтка ϵ и высасываетъ изъ него медъ. Я считаю очень важнымъ тотъ фактъ, что пчелы сами нашли другіе искусственные цвѣты, вѣроятно, благодаря инстинктивнымъ выводамъ по аналогіи, какъ только ихъ вниманіе было обращено на медъ одного изъ нихъ и, несмотря на то, что цвѣты были далеко другъ отъ друга и окрашены различно. Только не былъ найденъ листъ ζ , вѣроятно потому, что онъ не отличается отъ прочей зеленой листвы.

Затѣиъ еще 3 пчелы прилетѣли къ бумажнымъ цвѣткамъ. На георгинахъ же оставалась масса пчелъ. Когда же на моихъ искусственныхъ цвѣтахъ собралось 6 пчелъ, то одна за другой и всѣ пчелы перелетѣли на эти цвѣты съ георгинъ, такъ что у меня ужъ не хватало красокъ, чтобы ихъ помѣчать. Когда я пришелъ въ $\frac{1}{2}$ -го, то на бумажныхъ цвѣтахъ былъ ужъ цѣлый улей. Только послѣ 4-хъ часовъ одна изъ этихъ пчелъ нашла ζ . Въ 1 ч. 55 м., наконецъ, весь медъ высосанъ, и пчелы возвращаются на георгины; тогда я замѣщаю α и β бѣлой и красной бумагой, не содержащей ни капли меда. Несмотря на это, куски бумаги посѣщаются пчелами, въ

моагу которыхъ осталась память о вкусѣ меда. Здѣсь не можетъ быть рѣчи объ неизвѣстной силѣ или же о притягиваніи пчелъ запахомъ или окраской цвѣтовъ. Эти факты могутъ быть только объяснены памятью о пространствѣ, формѣ и цвѣтѣ, ассоціированныхъ съ воспоминаніями о вкусѣ. Наконецъ, я уношу всѣ бумажные цвѣты. Двѣ или три пчелы слѣдуютъ за мною, окружаютъ мою руку и стараются сѣсть на цвѣты. Картина пространства измѣнилась; слѣдовательно, цвѣтъ и форма предметовъ достаточны для пчелъ, чтобы ихъ узнавать. Опытъ этотъ показываетъ о существованіи у пчелъ:

- 1) Понятій о пространствѣ, формѣ и цвѣтѣ. Что все это возможно только при фасеточныхъ глазахъ, доказываютъ другіе опыты (покрываніемъ глазъ лакомъ, отрѣзываніемъ щупалець, ротовыхъ органовъ и пр.).
- 2) Памяти о медѣ и въ особенности зрительной и вкусовой памяти.
- 3) Способности ассоціировать воспоминанія вкусовые съ зрительными.
- 4) Способности инстинктивно дѣлать выводы по аналогіи.
- 5) Плохого обонянія, почему онѣ и слышать запахъ только на очень близкомъ разстояніи.
- 6) Несовершенства и ограниченнаго круга ихъ вниманія.
- 7) Быстраго образованія привычекъ.
- 8) Подражанія другъ другу.

Конечно, всѣ эти выводы я дѣлаю не на основаніи только одного опыта, но они подтверждаются также громаднымъ числомъ опытовъ и другихъ наблюдателей. Леббокъ, кромѣ того, показалъ, что можно заставить пчелу предпочитать въ теченіе нѣкотораго времени одинъ какой-нибудь цвѣтъ и не обращать вниманіе на другія цвѣты. Только такимъ путемъ можно доказать способность ихъ различать цвѣта. Мои же пчелы, наоборотъ, привыкли къ предметамъ, окрашеннымъ въ различные цвѣта (георгины, бумажные цвѣты), почему онѣ и не замѣчали различій въ цвѣтѣ. Но заключить отсюда, что онѣ не различаютъ цвѣтовъ, было бы ошибочно. Другими опытами я вполне убѣдился въ справедливости утвержденій Леббока.

27-го сентября, т.-е. черезъ 8 дней, съ цѣлью пріучить моихъ помѣченныхъ пчелъ къ определеннымъ цвѣтамъ, я расположилъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ были раньше искусственные цвѣты, бумажные диски, раскрашенные въ различные цвѣта, начиная отъ бѣлаго до чернаго. На нѣкоторые изъ дисковъ положенъ былъ медъ. Вскорѣ цѣлый улей пчелъ покрылъ всѣ диски, не исключая и тѣхъ, на которыхъ меда не было, но ихъ, конечно, пчелы быстро оставляли. Такимъ образомъ, мнѣ опытъ совершенно не удался, такъ какъ я забылъ о памяти пчелъ. Вѣдь у пчелъ еще сохранилась память о различно окрашенныхъ бумажныхъ цвѣтахъ, содержащихъ медъ, а потому при видѣ цвѣтныхъ дисковъ сейчасъ же снова возникла ассоціація вкуса меда и бумажныхъ кружковъ.

Видѣть со способностью къ представленіямъ и ассоціаціямъ возникаетъ также индивидуальная опытность на основаніи простыхъ и инстинктивныхъ заключеній по аналогіи, безъ чего образованіе представленій и память невозможны. Шмели, гнѣздо которыхъ я помѣстилъ у себя на окнѣ, только вначалѣ

слишивали мое окно съ другими окнами. Фонъ-Буттель показавъ, что пчелы, приученныя къ одной комнатѣ и къ одному окну, отыскивали комнаты и окна и въ другихъ домахъ. Писсо закрылъ входъ осинаго улья сѣткой, отверстія которой были въ 22 мм. Сначала осы были очень удивлены и дѣлали различныя попытки выйти, пока, наконецъ, не догадались и не приучились вылетать изъ отверстій сѣтки. То-же самое наблюдается и у муравьевъ. Послѣ открытія добычи или пищи на какомъ-нибудь предметѣ или растеніи, муравьи отыскиваютъ и посѣщаютъ подобные имъ предметы.

Но есть насѣкомыя, которыя очень глупы, какъ, напр., самцы муравьевъ, двукрылыя, однодневки съ мозгомъ крайне неразвитымъ, которыя неспособны выучиться чему бы то ни было, неспособны синтезировать впечатлѣнія, получаемыя отъ органовъ чувствъ болѣе, чѣмъ нужно для простаго автоматизма, у которыхъ память едва развита. Картины, возникающія въ ихъ мозгу, отвѣчаютъ только непосредственнымъ раздраженіемъ органовъ чувствъ. Здѣсь-то лучше всего можно подмѣтить различія и эти факты выясняютъ тотъ *плюсъ*, которымъ владѣютъ болѣе умныя насѣкомыя.

О волѣ. Понятіе о волѣ, какъ только оно противопоставляется рефлексу, предполагаетъ, что необходимъ извѣстный промежутокъ времени между полученнымъ отъ органовъ чувствъ впечатлѣніемъ и вызваннымъ имъ движеніемъ, а также сложные мозговые процессы. При совершеніи въ извѣстной послѣдовательности простыхъ автоматическихъ движеній, существуетъ тоже промежуточное время, заполненное внутренними, динамическими процессами, совершающимися въ мозгу, какъ и при волевыхъ движеніяхъ. Слѣдовательно, это не простые рефлексы, они могутъ быть прерваны на нѣкоторое время и затѣмъ снова возобновлены. Но для ихъ реализаціи, главнымъ образомъ, необходима цѣлая цѣпь сложныхъ рефлексовъ, которые слѣдуютъ въ такой, а не другой послѣдовательности. Это есть именно то, что мы называемъ автоматизмомъ или инстинктомъ. Если говорить о волѣ въ узкомъ смыслѣ этого слова, то мы должны считаться съ индивидуальными рѣшеніями, которыя образуются, смотря по событіямъ, могутъ, слѣдовательно, измѣняться, также оstarаться нѣкоторое время въ мозгу до приведенія ихъ въ исполненіе. Воля насѣкомыхъ не должна быть схожей съ сложной человѣческой волей, которая есть равнодѣйствующая чрезвычайно сложныхъ слагаемыхъ, долго комбинированныхъ и приготовляемыхъ. Муравьи обладаютъ положительной и отрицательной волей. Ихъ походы, упомянутые выше, говорятъ объ индивидуальныхъ планахъ работника, выполненныхъ съ большою тщательностью.

Впродолженіи многихъ часовъ муравей можетъ перевозмогать цѣлый рядъ затрудненій, чтобы достичь цѣли, намѣченной имъ. Случается, что два муравья дѣлаютъ двѣ противоположныя работы. Поверхностному наблюдателю покажется это глупымъ. Но здѣсь-то и выступаетъ умъ ихъ; когда они замѣчаютъ это, то одинъ изъ нихъ перестаетъ, уходитъ или начинаетъ помогать другому.

Устройство муравейниковъ и дорогъ служитъ хорошими случаями для наблюденій, напр., у *Formica rufa* или же еще лучше *F. pratensis*. Но, чтобы со-

ставить себѣ ясное понятіе о ихъ дѣятельности, необходимо большое терпѣніе и время. Войны муравьевъ знакомятъ насъ съ цѣлесообразностью ихъ поступковъ, чрезвычайно послѣдовательныхъ, напр., названныя мною *холодными сраженіями*. Послѣ того, какъ обѣ партіи (двѣ колоніи) заключаютъ миръ, часто видишь, какъ нѣсколько муравьевъ преслѣдуютъ нѣкоторыхъ особей изъ другого лагеря. Иногда этихъ послѣднихъ они относятъ очень далеко. Если же изгнанникъ самъ приходитъ въ свой муравейникъ и врагъ его это замѣчаетъ, то онъ снова схватываетъ и относитъ еще дальше. Такъ, однажды преслѣдующій муравей принесъ свою жертву на край моего стола; затѣмъ сбросилъ его на полъ. Сдѣлавъ онъ это не случайно, такъ какъ два раза я подымалъ муравья и каждый разъ онъ его снова сбрасывалъ. Изъ всѣхъ индивидуумовъ враждебнаго лагеря, теперь сдружившихся, онъ выбралъ одного, на которомъ сконцентрировалъ свою антипатію, всѣми силами стараюсь не допустить возврата его въ муравейникъ.

Нужно имѣть предвзятое мнѣніе, чтобы во всемъ этомъ не видѣть существованія индивидуальных рѣшеній и приведенія ихъ въ исполненіе. Правда, что вещи эти происходятъ въ рамкахъ специфическаго инстинкта, и что различные періоды приведенія въ исполненіе какого-нибудь рѣшенія совершаются инстинктивно. Съ другой стороны, я совершенно отказываюсь мысли людей и абстрактныя идеи вкладывать въ волю муравьевъ. Тѣмъ не менѣе, мы должны признать, что у насъ, людей, постоянно проскальзываетъ въ исполненіи нашихъ рѣшеній рядъ автоматическихъ дѣйствій, какъ второстепенныхъ, такъ и наслѣдственныхъ. Въ то время, какъ я пишу эти строки, мои глаза работаютъ съ автоматизмомъ, отчасти наслѣдственнымъ, а моя рука съ автоматизмомъ вторичнымъ. Но, конечно, только человѣческій мозгъ способенъ привести въ движеніе всю мою сложную иннервацию и абстрактныя размышленія, которыя ее сопровождаютъ.

Муравей, который преслѣдуетъ вышеупомянутыя цѣли и комбинируетъ инстинкты въ этомъ направленіи, можетъ ассоціировать и думать о чемъ-нибудь конкретномъ только по-муравьиному. Инстинкты у муравья могутъ быть разъединены или соединены только для простыхъ цѣлей (мало отличныхъ другъ отъ друга), благодаря нѣкоторымъ приспособленіямъ или ряду индивидуальныхъ ассоціацій; у мыслящаго же человѣка автоматическія движенія, какъ наслѣдственныя, такъ и приобрѣтенныя, являются только орудіями громадной умственной работы, царящей надъ всѣмъ. Скажу мимоходомъ, относительная независимость спинного мозга и мозговыхъ центровъ отъ мозга у низшихъ позвоночныхъ и млекопитающихъ, когда сравниваешь съ громадной зависимостью этихъ органовъ и ихъ отпавленій отъ мозга у человѣка и отчасти у обезьянъ, объясняется тѣмъ же.

Во время удачи сила и тонкость воли муравьевъ замѣтно усиливаются, послѣ же повторныхъ неудачъ или же при внезапномъ нападеніи сильнаго врага, они падаютъ духомъ, иногда инстинкты наибодѣе сильныя ихъ покидаютъ, они обращаются въ трусливое бѣгство или начинаютъ уничтожать и выбрасывать яйца, покидаютъ работу и т. д. Бываетъ, что колоніи выродившихся муравьевъ

Хронически падаютъ духомъ, острые же случаи этого бываютъ послѣ потеряннаго сраженія. Въ такомъ случаѣ можно видѣть, какъ нѣсколько большихъ и сильныхъ муравьевъ убѣгаютъ, не стараясь защищаться отъ одного маленькаго врага, который ихъ храбро преслѣдуетъ, тогда какъ получасомъ ранѣе этотъ маленькій муравей былъ бы убитъ нѣсколькими укусами убѣгающихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, интересно замѣтить, какъ побѣдитель замѣчаетъ и быстро пользуется этимъ замѣпательствомъ и потерей бодрости духа побѣжденныхъ. Муравьи, впавшіе въ уныніе обыкновенно черезъ нѣкоторое время послѣ бѣгства, собираются вмѣстѣ и тогда скоро овладѣваютъ прежней храбростью и волей. Но все же они слабо противостоятъ даже на другой день новой атакѣ врага. Даже муравьиный мозгъ не можетъ забыть такъ скоро внезапнаго пораженія.

Въ битвахъ между двумя колоніями почти одной силы желаніе побѣдить усиливается до тѣхъ поръ, пока одна изъ нихъ не побѣждена окончательно. Подражаніе и для развитія воли также играетъ большую роль. У муравьевъ уныніе и другія состоянія духа заразительны.

О чувствахъ. Нѣкоторымъ покажется смѣшнымъ, что говоришь о чувствахъ у муравьевъ. Но если мы отдадимъ себѣ отчетъ, насколько наша жизнь чувствъ глубоко инстинктивна и наследственна и, съ другой стороны, насколько ясны чувства нашихъ домашнихъ животныхъ, то мы должны признать чувства и въ психологіи животныхъ. Нѣкоторые примѣры этого мы находимъ въ части, гдѣ говорили о волѣ насѣкомыхъ. Большая часть чувствъ у этихъ послѣднихъ тѣсно связана съ инстинктами: ревность царицы пчелъ, которая убиваетъ своихъ соперницъ; страхъ этихъ соперницъ, находящихся еще въ ячееккахъ; ярость воинновъ-муравьевъ, пчелъ и осъ; уныніе ихъ; любовь, съ которою ухаживаютъ за личинками; жертва, которую приноситъ работница, умирая съ голоду, чтобы накормить царицу и т. д., и т. д. Но существуютъ также индивидуальныя чувства, которыя не зависятъ обязательно отъ инстинкта, какъ, напр., у муравьевъ—отыскиваніе определенныхъ враговъ съ цѣлью преслѣдованія ихъ.

Съ другой стороны, можно наблюдать и дружескія услуги (кормленіе), оказываемыя въ исключительныхъ случаяхъ врагу, за которыми слѣдуетъ взаимная симпатія, даже между муравьями, принадлежащими къ различнымъ видамъ. Кроме того, чувства симпатіи, антипатіи и гнѣва усиливаются у муравьевъ отъ повторенія дѣйствій, имъ соответствующихъ, какъ это наблюдается у животныхъ и у человѣка.

Взаимныя психическія отношенія. Наблюденія надъ антагонизмомъ между различными чувствами и импульсами пчелъ и муравьевъ и манера, съ какой вниманіе обращается съ одного предмета на другой, очень интересны. Опытъ, какъ всегда, поучаетъ многому. Пчелы, собирающіяся на цвѣтахъ, не замѣчаютъ ничего вокругъ, даже другихъ цвѣтовъ. Но, если обратить ихъ вниманіе на медъ, котораго онѣ до тѣхъ поръ не замѣчали, то у нихъ нѣтъ больше глазъ ни для чего другого. Интенсивное чувство, напр. во время роенія пчелъ, заставляетъ ихъ забывать всякую вражду и даже царицу ихъ стараго улья, куда онѣ ужъ никогда больше не возвращаются. Но, если, напр.,

*

роеніе прерывается выводомъ царицы, то пчелы вспоминають о своемъ старомъ ульѣ и летятъ въ ульи, окрашенные въ ту же краску, что и онѣ. Часто два чувства борются у пчелъ, не имѣющихъ царицы: ненависть къ постороннимъ пчеламъ и желаніе имѣть царицу. Если въ это время имъ принести царицу, то онѣ ее убиваютъ, такъ какъ первое чувство сначала пресоблаждаетъ. Поэтому пчеловоды приносятъ царицу, заключенную въ сѣтку. Запахъ этой чужой царицы ихъ тогда беспокоитъ меньше, такъ какъ она болѣе удалена отъ нихъ и черезъ сѣтку они не могутъ ее убить. Кромѣ того, онѣ узнають царицу по свойственному ей запаху; кормить же онѣ могутъ ее и черезъ сѣтку, съ помощью своего хобота. Появленіе царицы сейчасъ же успокаиваетъ весь улей. И тогда беретъ верхъ второе чувство; работницы быстро привыкають къ чужому запаху и послѣ 3-хъ или 4-хъ дней безъ всякой опасности можно освободить царицу.

У муравьевъ можно наблюдать, какъ любовь къ лакомствамъ побѣждаетъ чувство долга. Если заставить враговъ, нарочно для этого принесенныхъ, напасть на колонию и въ то же время дать меду защитникамъ, которые выбѣгаютъ изъ муравейника, то сначала муравьи набрасываются на медъ, но это продолжается только моментъ, послѣ чего у всѣхъ безъ исключенія долгъ побѣждаетъ, и они бѣгутъ сражаться, болѣею частью до смерти.

Выводы: 1) Съ натуралистической точки зрѣнія, мы должны поддерживать гипотезу психофизиологическаго единства (монизмъ) въ противоположность дуализму, такъ какъ оно рѣдко согласуется съ факторами и спеціально съ законами сохраненія энергіи. Нашъ разумъ долженъ изучаться прямымъ путемъ—извнутри и косвеннымъ—извнѣ, при помощи *биологии*, не упуская изъ вида развитія всѣхъ его способностей. Существуетъ, слѣдовательно, сравнительная психологія наряду съ субъективной. Здѣсь необходимо прибѣгать къ аналогіи, держась въ извѣстныхъ границахъ.

2) Органы чувствъ насѣкомыхъ—наши органы; только чувство слуха остается подъ сомнѣніемъ. Существованіе 6-го чувства до сихъ поръ не доказано; также отдѣльное чувство направленія и ориентировки, конечно, отсутствуетъ. Органы предверія соотвѣтствуютъ только чувству равновѣсія у насѣкомыхъ, которое не даетъ возможности ориентироваться во внѣшнемъ пространствѣ. Чувства зрѣнія и обонянія обладаютъ специфическою энергіею (зрѣніе ультрафіолетовыхъ лучей, способъ функционированія фасеточныхъ глазъ, топохимическое щупальцевое осязаніе и обоняніе соприкосновенія).

3) Нервная дѣятельность осложняется у различныхъ группъ и видовъ животныхъ двумя способами: а) наследственностью (подборомъ и т. д.) автоматна и сложныхъ инстинктовъ б) возможностью, индивидуальнаго приспособленія умственной дѣятельности, связанной со способностью постепенно развивать автоматна индивидуальныи, вторичныи (привычки). Второй способъ требуетъ гораздо большаго количества нервныхъ элементовъ. Благодаря наследственнымъ расположеніямъ болѣе или менѣе опредѣленнаго вида (недоразвитые инстинкты), второй способъ переходитъ въ первый.

4) У общественных насѣкомыхъ существуетъ прямое отношеніе между психическими способностями и величиной мозга.

5) У нихъ есть память, ассоціація картинъ, получаемыхъ отъ органовъ чувствъ, представленія, вниманіе, привычки, элементарная способность выводить заключенія изъ аналогій, утилизація индивидуальнаго опыта, также какъ примѣненіе или приспособленіе индивидуальнаго ума.

6) У нихъ существуютъ воля, конечно, очень простая, чувства радости и печали, а также связь и борьба этихъ различныхъ психическихъ силъ.

7) Во время дѣйствія насѣкомыхъ вниманіе ихъ очень поверхностно и концентрируется на первомъ попавшемся предметѣ, такъ что насѣкомое дѣлается слѣпымъ (невнимательнымъ) къ другимъ впечатлѣніямъ органовъ чувствъ.

И теперь я твердо держусь положенія, выставленнаго мною въ 1877 г. въ первой вступительной лекціи въ мюнхенскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента. «Всѣ свойства человѣческаго интеллекта могутъ быть выведены изъ свойствъ интеллекта высшихъ животныхъ». Съ этому прибавлю теперь, что всѣ свойства высшихъ животныхъ могутъ быть выведены изъ свойствъ интеллекта низшихъ животныхъ.

Другими словами, законъ эволюціи подтверждается такъ же точно въ области психической, какъ и въ другихъ областяхъ органической жизни. Несмотря на всю разницу животныхъ организмовъ и условій ихъ жизни, психическія отправления нервныхъ элементовъ подчиняются нѣкоторымъ основнымъ законамъ даже тамъ, гдѣ разница такъ велика, что этого нельзя было бы ожидать.

Августъ Форель,
бывшій профессоръ психіатріи
цюрихскаго университета.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Инфракрасная часть солнечнаго спектра. — Успѣхи цвѣтной фотографіи. — Форма кристалловъ снѣга. — Низкая температура и развитіе организмовъ. — Соли натрія калия и кальція и сокращеніе сердца. — Леченіе оспы пивными дрожжами.

Инфракрасная часть солнечнаго спектра. Недавно опубликованы результаты двадцатилѣтнихъ изслѣдованій извѣстнаго американскаго ученаго Ланглей надъ инфракрасной частью солнечнаго спектра. Работа эта была начата въ 1881 году. До этого года изслѣдованіе тепловаго лучеспусканія солнца производилось при помощи электро-термической батареи Мелони, но длины волнъ инфракрасныхъ лучей не были точно опредѣлены. Какъ извѣстно, Ланглей построилъ для этой цѣли приборъ—болومترъ, принципъ котораго основанъ на измѣненіяхъ проводимости проволокъ подъ вліяніемъ температуры. Этотъ приборъ обладаетъ необыкновенною чувствительностью. Вначалѣ изслѣдованія велись Ланглемъ на горѣ Витней, на высотѣ 4.000 метровъ. Болومترъ

отодвинулъ границы инфракрасной части солнечнаго спектра отъ 1,8 микрона до 5,3 микрона, а въ концѣ концовъ до 18 микроновъ *).

Ланглей установилъ, что энергія инфра-красной части солнечнаго спектра равняется $\frac{3}{4}$ всей его энергіи; раньше считали первую равной всего $\frac{2}{3}$ второй и даже меньше. Кроме того, Ланглеємъ детально установлены колебанія этой энергіи въ различные года, времена года и даже часы одного и того же дня. Эти различія зависятъ отъ того, что земная атмосфера, вслѣдствіе измѣненій, претерпѣваемыхъ ею въ различное время неодинаково поглощаетъ солнечные лучи.

Перенеся съ 1892 г. свою дѣятельность въ Вашингтонъ въ болѣе благоприятныя условія, Ланглей въ теченіи 8 лѣтъ непрерывныхъ занятій достигъ большихъ усовершенствованій въ своемъ приборѣ. Благодаря автоматическому и фотографическому записыванію отклоненій болометра, этотъ ученый могъ составить спектральную таблицу инфракрасной части солнечнаго спектра, начиная отъ 0,76 микрона до 5,3 микрона съ точно обозначенными темными линіями, аналогичными тѣмъ, которыя были извѣстны уже въ свѣтовой и ультрафіолетовой частяхъ спектра. Въ этой же работѣ сведены и результаты изслѣдованій Ланглей, касающіеся свѣторазсѣянія каменной соли, способовъ построенія наиболѣе чувствительныхъ гальванометровъ, точности болометрическихъ наблюденій и, наконецъ, изученія инфракрасныхъ лучей различныхъ земныхъ источниковъ.

Успѣхи цвѣтной фотографіи. Попытки получить сразу, непосредственно цвѣтной снимокъ до сихъ поръ оставались безуспѣшными **). Обыкновенно фотографируютъ объектъ съ помощью пластинокъ, чувствительныхъ исключительно или въ красному, или зеленому, или голубому цвѣту, и затѣмъ уже отпечатываютъ снимокъ съ этихъ трехъ негативовъ. Въ этомъ достигли уже такихъ блестящихъ результатовъ, что задача непрямой цвѣтной фотографіи считается до извѣстной степени почти разрѣшенной. Напротивъ того, въ непосредственной цвѣтной фотографіи существуютъ только опыты Липмана, который стремится передать окраску предметовъ при помощи интерференціонныхъ красокъ. Недавно *Нейгаузъ*, извѣстный своими работами по цвѣтной фототграфіи, опубликовалъ опыты, которые даютъ надежду, что онъ недалекъ отъ полученія непосредственныхъ цвѣтныхъ снимковъ въ обыкновенной фотографической камерѣ. («Photographische Rundschau», XVI, Heft. 1902 1. S. 1—11.)

Исходной точкой его опытовъ служитъ тотъ фактъ, что на целлоидной бумагѣ (аристо б.) темнѣющей на свѣту, получаютъ цвѣтныя копія съ прозрачныхъ картинъ. Краски здѣсь появляются вслѣдствіе обезцвѣчиванія, и Нейгаузъ поставилъ себѣ задачу придумать такое искусственное смѣшеніе красокъ, при которомъ требуемый цвѣтъ долженъ получаться вслѣдствіе выцвѣтванія всѣхъ остальныхъ. Въ своихъ опытахъ онъ добился того, что достаточно пяти минутъ солнечнаго освѣщенія, чтобы получить цвѣтной снимокъ съ прозрачнаго цвѣтнаго

*) Микронъ — 0,001 миллиметра.

**) См. статью А. Гершуна. «Цвѣтная фотографія». «М. Б.» «Научный Обзоръ». Апрель 1901 г.

транспаранта и затѣмъ зафиксировать его. Для снимковъ требуется 2—3 часа. Результатовъ этихъ Нейгаузъ достигъ только прошлою осенью, и потому не устанавливалъ еще, какое время года является въ данномъ случаѣ самымъ подходящимъ.

При этихъ опытахъ онъ натолкнулся на слѣдующее явленіе. Эмульсія, окрашенная ціаниномъ, быстро выпѣтаетъ подѣ влияніемъ солнечныхъ лучей; онъ испробовалъ 30 анилиновыхъ красокъ въ желатиновой эмульсіи, налитой на матовое стекло. Препараты были чувствительны къ свѣту, но очень незначительно, особенно въ сравненіи съ ціанинжелатиновыми; прибавленіе амміака, формалина и органическихъ кислотъ; замѣна матоваго стекла бумагой, матеріей и т. п. не улучшала результатовъ; бумага во многихъ опытахъ прекрасно замѣняетъ стекло.

Если на стекло или на бумагу нанести слой смѣси различныхъ красокъ и выставить подѣ цвѣтными стеклами на свѣтъ, то мы замѣтимъ, что развитіе зеленого и голубого задерживаются, между тѣмъ какъ желтый и красный цвѣта прекрасно отпечатываются. Нейгаузъ пробовалъ прибавлять другія зеленныя и голубыя краски, чтобъ получить лучшіе результаты, и даже обратился къ хлорофиллу. Въ этомъ послѣднемъ онъ нашелъ очень важное подспорье, *сокращающее время экспозиции*. Фильтровальная бумага три или четыре раза вымачивалась въ спиртовой вытяжкѣ хлорофилла и высушивалась послѣ каждого раза. Затѣмъ ее опускали въ анилиновую ванну (немного розину, уранину, мителлиновой сини) и выставляли на свѣтъ; черезъ 2 или 3 часа отпечатываются краски.

Имѣя въ виду, что выпѣтаніе нѣкоторыхъ красокъ зависитъ отъ окисленія, Нейгаузъ, вмѣсто желатина съ H_2O_2 (перекисью водорода), взялъ желатинъ съ H_2O (водою) и достигъ этимъ ускоренія экспозиціи до 5 минутъ. Такимъ образомъ опыты его достигли уже значительной законченности. Кромѣ того, здѣсь проявилось замѣчательное свойство выставленной на свѣтъ пластинки. Краски выпѣтаютъ только на мѣстахъ, прикрытыхъ стекломъ или стеклянными пластинками, на непокрытыхъ онѣ сохраняются. Когда кислородъ, выдѣляющійся изъ перекиси водорода остается на поверхности, то быстро побѣдаетъ краски.

Если полученный снимокъ оставить нѣсколько дней на воздухѣ, то излишній кислородъ уйдетъ, и снимокъ зафиксируется. Чтобы закончить фиксированіе, снимокъ опускаютъ въ ванну изъ мѣдной соли.

Нейгаузъ подробно описалъ свои опыты, для того, чтобъ облегчить работу для всѣхъ другихъ изслѣдователей и скорѣе достигнуть возможности получать сразу, въ нѣсколько минутъ цвѣтные снимки.

Форма кристалловъ снѣга. Бентлей (Соедин. Штаты) посвятилъ 20 лѣтъ изученію снѣжныхъ кристалловъ; при этомъ онъ обращалъ особенное вниманіе на связь между ихъ формой и атмосферными условіями въ моментъ паденія снѣга. Въ «Monthly Weather Review» онъ даетъ резюме своихъ работъ, присоединяя къ нимъ большое число микрофотографическихъ воспроизведеній кристалловъ снѣга.

Изслѣдованіе производилось, начиная съ 1884 г.; было сдѣлано болѣе

800 фотографическихъ снимковъ; изъ нихъ нѣтъ и двухъ совершенно сходныхъ. Почти каждая большая земная буря давала новыя формы. Всѣ эти снимки снабжены соответственными метеорологическими примѣчаніями: отиѣчалась температура, характеръ и приближительная толщина облаковъ, ихъ направленіе, скорость, а также направленіе и скорость вѣтровъ на земной поверхности. Зарегистрированы также и измѣненія формы кристалловъ въ различные моменты каждой снѣжной бури.

Эти наблюденія показываютъ, что степень влажности воздуха на земной поверхности не вліяетъ такъ сильно на форму и размѣры кристалловъ снѣга, какъ это предполагали раньше. Самыя красивыя и самыя совершенныя формы пластинчатыхъ кристалловъ снѣга наблюдаются чаще всего въ восточной и сѣверо-восточной частяхъ большихъ снѣговыхъ бурь; снѣгъ здѣсь состоитъ почти исключительно изъ этихъ формъ. Вѣроятно, есть какая-то общая законность въ распредѣленіи различныхъ формъ снѣжныхъ кристалловъ: палочекъ, пластинчовъ и шариковъ и въ другихъ частяхъ снѣжныхъ бурь, оно мало колеблется въ различныхъ буряхъ, но авторъ считаетъ еще преждевременнымъ прійти въ данномъ случаѣ къ какому-нибудь вполне опредѣленному выводу.

Грозы мѣстнаго типа и тѣ, при которыхъ снѣгъ образуется изъ нижнихъ слоевъ облаковъ, даютъ обыкновенно пластинчатыя и вѣтвеобразныя формы снѣга, лишеныя твердаго ядра, или же различныя зернистыя формы. Кристаллы же снѣга, образованные большими бурями, обыкновенно имѣютъ болѣе разнообразную форму и болѣе сложное строеніе. Электрическое состояніе атмосферы, а, можетъ быть, и присутствіе болѣе или менѣе значительнаго количества нѣкоторыхъ газовъ или паровъ, являются главнымъ условіемъ образованія въ кристаллахъ снѣга болѣе твердыхъ ядеръ.

Низкая температура и развитіе организмовъ. Извѣстно, что жизненная энергія организмовъ сначала понижается съ паденіемъ температуры и затѣмъ исчезаетъ окончательно. Амебы уже при нѣсколькихъ градусахъ ниже 0° перестаютъ двигаться и принимаютъ характерную шарообразную форму—протоплазма ихъ *окоченываетъ*. Процессъ дѣленія морскихъ ежей и звѣздъ прекращается при 2—3° Ц.; дрожжевые грибки не оказываютъ вліянія на виноградный сокъ при температурѣ ниже 10° Ц.; бактеріи оказываются болѣе выносливыми и остаются жизнеспособными даже при 200° Ц.

Особенно интереснымъ является тотъ фактъ, что нѣкоторое охлажденіе ящца *необходимо для быстрого и здороваго развитія*. Каждому, кто выводилъ бабочекъ, извѣстно, что изъ тѣхъ куколокъ, которыя провели зиму въ теплой комнатѣ, выходятъ плохо развитыя экземпляры; нѣкоторые виды инфузорій пробуждаются къ новой жизни только послѣ того, какъ были подвергнуты замораживанію или высыханію; для развитія красивыхъ мшанокъ также необходимо предшествующее сильное охлажденіе яичекъ.

У нѣкоторыхъ растений мерзлыя сѣмена всходятъ быстрѣе, чѣмъ нормальныя. *Штейеръ* утверждаетъ, что большинство видовъ прѣсноводныхъ раковъ отличаются на сѣверѣ болѣею величиною и разнообразіемъ формъ, чѣмъ рако-

образныя изъ болѣе теплаго климата съ продолжительнымъ лѣтомъ, гдѣ періодъ размноженія болѣе растянутъ, и животныя слабѣютъ и вырождаются.

Объ этомъ говорить и *Штингелинъ*: «Удивительно также, что тропическія прѣсноводныя формы, сходныя съ европейскими, вопреки ожиданію, оказываются не больше и роскошнѣе, а скорѣе мельче ихъ».

Конечно, въ такомъ охлажденномъ организмѣ жизненный процессъ не прекращается совершенно, но интенсивность его понижена до минимума, и многія вещества, которыя, при другихъ условіяхъ, были бы быстро израсходованы и уничтожены, теперь сохраняются. Когда же, подъ вліяніемъ повышенія температуры, жизнь снова пробуждается, то она находитъ болѣе богатый матеріалъ для проявленія своей дѣятельности, чѣмъ въ организмѣхъ, не подвергавшихся такимъ, повидимому, неблагоприятнымъ условіямъ.

Соли калия, натрія и кальція и сокращеніе сердца. *Говель* (въ Балтиморѣ), изучая вліяніе солей натрія и калия на сердечную сократимость у черепахи, пришелъ къ заключеніямъ, которыя подтверждаютъ и пополняютъ имѣющіяся уже данныя.

Прежде всего, при отсутствіи въ сердечной ткани легко разлагающихся соединеній кальція и натрія, невозможно произвольное сокращеніе мускула желудка. Необходимо присутствіе этихъ двухъ веществъ вмѣстѣ: если одно изъ нихъ отсутствуетъ, сердце остается неподвижнымъ. Дѣйствіе ихъ различно: натрій производитъ діастолу, вслѣдствіе потери сократимости; кальцій, наоборотъ,—систолю, вслѣдствіе усиленія сократимости, которая можетъ перейти даже въ постоянное окоченѣніе. Калий—антогонистъ кальція, но только тогда, когда натрій находится приблизительно въ нормальномъ количествѣ. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ всѣхъ трехъ веществъ вмѣстѣ, автоматическая сократимость продолжается гораздо дольше, чѣмъ при дѣйствіи только кальція и натрія.

Леченіе оспы пивными дрожжами. Благопріятное дѣйствіе пивныхъ дрожжей на леченіе чирьевъ навело г. *Пьетри* (изъ Ницы) на мысль прибѣгнуть къ тому же самому средству при оспѣ; онъ примѣнилъ его двумъ сорокалѣтнимъ мужчинамъ, которые не имѣли вторичныхъ послѣ дѣтства прививокъ и получали сплошную оспу. Пациенты не принимали ничего другого, кромѣ дрожжей свѣжаго пива, 5—6 чайныхъ ложекъ въ день; это произвело очень быстрое подсыханіе пустулъ, безъ нагноенія и лихорадки и устранило образованіе рубцовъ. Основываясь на этихъ фактахъ, Пьетри предполагаетъ, что дрожжи свѣжаго пива могли бы не только оказать большую услугу при леченіи уже образовавшейся оспы, но и быть еще прекраснымъ предупредительнымъ средствомъ, если къ нему прибѣгнуть вначалѣ заболѣванія.

В. А.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Апрѣль

1902 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Исторія культуры.—Естествознание.—Народное образованіе.—Новыя книги поступившія для отзыва.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Фонъ-Поленцъ. «Крестьянинъ».—Танъ. «Очерки и рассказы».

Крестьянинъ. Романъ фонъ-Поленца. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Изд. «Посредника». 1902 г. Ц. 1 р. 20 к. Романъ Поленца, напечатанный три года назадъ въ «Вѣстникѣ Европы», обратилъ на себя вниманіе Л. Н. Толстого, который снабдилъ его предисловіемъ. Въ немъ онъ пишетъ, что «романъ этотъ» не только «есть настоящее художественное произведеніе, но и прекрасное художественное произведеніе, соединяющее въ себѣ въ высокой степени всѣ три главныя условія настоящаго хорошаго произведенія искусства. Во-первыхъ,—говоритъ Толстой,—содержаніе его важно, касаясь жизни крестьянства, т. е. большинства людей, стоящихъ въ основѣ всякаго общественнаго устройства и переживающихъ въ наше время не только въ Германіи, но и во всѣхъ европейскіихъ странахъ, тяжелое измѣненіе своего вѣкового, древняго устройства. Во-вторыхъ, романъ этотъ написанъ съ большимъ мастерствомъ, прекраснымъ нѣмецкимъ языкомъ, особенно сильнымъ, когда авторъ заставляетъ говорить свои лица грубымъ, мужественнымъ рабочимъ платдейчъ. Въ-третьихъ, романъ этотъ весь проникнутъ любовью къ тѣмъ людямъ, которыхъ авторъ заставляетъ дѣйствовать».

«Крестьянинъ», это исторія постепеннаго упадка и разоренія нѣкогда зажиточнаго крестьянскаго хозяйства Траугота Бютнера, который изъ рода въ родъ былъ крестьяниномъ-пахаремъ, не зналъ иныхъ зачатій, кромѣ земледѣлія, и во власть земли отдалъ «и тѣло, и душу». Отъ отца Трауготъ унаследовалъ свое хозяйство уже обремененнымъ долгами, которые еще возросли, когда пришлось выдѣлять доли младшихъ братьевъ и сестеръ. Несмотря на всю приверженность землѣ, на всю страстную преданность хозяйству, Бютнеръ, послѣ тридцати лѣтъ самостоятельнаго хозяйничанія, видитъ, какъ всѣ усилія его безплодны, хозяйство запутывается все болѣе, пока не гибнетъ окончательно въ сѣтяхъ евреевъ-ростовщиковъ. Авторъ, умный и наблюдательный бытописатель, указываетъ и на тѣ глубокія причины, которыя приводятъ къ гибели крестьянское хозяйство: новыя условія рынка, зависимость его отъ причинъ міроваго хозяйства и невозможность въ настоящее время вести старое, замкнутое въ себѣ хозяйство. Мелкіе землевладѣльцы осуждены на гибель подъ давленіемъ міровой конкуренціи и большихъ хозяйствъ, основанныхъ на началахъ широкаго производства, которое недоступно и непонятно Бютнеру, привыкшему къ мелкимъ домашнимъ оборотамъ, гдѣ все рассчитано на мѣстное потребле-

ніе и домашнія вужды. Старый и опытный хозяинъ, Трауготъ Бютнеръ знаетъ свою землю, страстно любить ее и ухаживаетъ за нею, какъ за любимымъ существомъ. Всѣ его мысли, его заботы, его взгляды на Бога и природу, на людей, семейныя и общественныя отношенія — все исходитъ изъ его неразрывной связи съ землей, въ которую онъ вросъ корнями, столь же прочными, какъ дубы и клены его усадьбы. Эта связь его съ землею прекрасно освѣщена въ романѣ, напоминая лучшія страницы «Власти земли» Гл. Успенскаго. Постепенное разрушеніе бютнеровскаго хозяйства, гибель его безплодныхъ начинаній въ борьбѣ съ непонятными ему враждебными силами новаго хозяйственнаго строя, и вмѣстѣ съ этимъ паденіе всего, что было дорого, чѣмъ жилъ старый крестьянинъ — и составляетъ драматическое содержаніе романа.

Въ началѣ его мы видимъ старика Бютнера, еще вѣрликаго и мощнаго работника, какъ онъ, окруженный семействомъ, идетъ въ церковь, напоминая патриарха, въ кругу семьи приносящаго жертву. Его старшій сынъ, Карлъ, наследующій землю и хозяйство, недалекій, весь отданный работѣ и семьѣ, подчиняющійся отцу, мало радуется старика, который ясно видитъ, что не такую опору надо имѣть ему въ наступившія трудныя времена. Зато онъ не радуется младшимъ, Густавомъ, унтеръ-офицеромъ, отбывающимъ повинность. Несмотря на то, что солдатская служба ему по душѣ и онъ на видномъ счету, Густавъ въ душѣ сохранилъ всѣ коренныя инстинкты крестьянина. Не менѣе отца онъ любитъ землю и природу, но онъ гораздо развитѣе отца. Онъ уже кое-что видѣлъ, узналъ много новаго и въ сельскомъ хозяйствѣ, и ясно сознаетъ, что старые порядки отжили время, и отцовское хозяйство сильно отстало. Отецъ уговариваетъ его выйти въ отставку и взяться за землю. Густавъ колеблется и отказывается, хотя есть одна причина, влекущая его въ деревню, — любовная связь съ милой дѣвушкой Паулиной, отъ которой у него есть ребенокъ. Однако, онъ уважаетъ, не рѣшивъ окончательно вопроса. Между тѣмъ, дѣла старика плохо поправляются. Надо платить проценты по закладнымъ родственникамъ, надо прикупить скота, а денегъ нѣтъ. Нѣсколько неурожайныхъ годовъ подорвали его платежныя силы, а мировая конкуренція сбиваетъ цѣны. Богатое соевое помѣщичье хозяйство предлагаетъ ему продать кусокъ лѣса, врывающійся клиномъ въ лѣсъ помѣщика, но старикъ и слышать не хочетъ. Вся его страсть къ землѣ пробуждается и протестуетъ противъ продажи, и старикъ дѣлаетъ первый неосмотрительный заемъ у еврея-ростовщика. Старинное недоверіе крестьянина къ господамъ, выношенное вѣками, не позволяетъ Бютнеру согласиться на сдѣлку съ помѣщикомъ, а грубое невѣжество въ денежныхъ дѣлахъ мѣшаетъ ему видѣть, въ какую петлю попалъ онъ, выдавъ первый вексель. Когда Густавъ, вернувшійся со службы, которую онъ, наконецъ, бросаетъ подъ вліяніемъ привязанности къ дому и невѣстѣ, онъ уже не можетъ предотвратить послѣдствій гибельнаго шага отца. Первый неоплаченный вексель влечетъ новый заемъ, новый неурожай, невозможность выждать подъема цѣнъ — и хозяйство Бютнера продается съ аукціона. Одновременно съ разрушеніемъ хозяйства идетъ и разрушеніе семьи. Карлъ начинаетъ пьянствовать, старшая дочь приноситъ незаконно прижитаго ребенка и уходитъ въ кормилицы къ тому же ростовщику въ городъ, гдѣ связывается съ «покровителемъ». Густавъ и младшая дочь ищутъ вмѣстѣ съ другой деревенской молодежью заработка на стороне, старуха отъ плохого ухода умираетъ, и Трауготъ Бютнеръ, мощный нѣкогда и гордый своимъ хозяйствомъ крестьянинъ, превращается въ бобыля, котораго изъ милости терпятъ въ его же хозяйствѣ. Душа старика не выноситъ этихъ ударовъ, и въ заключительной главѣ мы снова видимъ его идущимъ въ церковь, но уже не для обычной жертвы Богу, а передъ смертью: рѣшивъ покончить съ собой, онъ въ послѣдній разъ хочетъ причаститься и испросить прощеніе у Бога за то преступленіе, которое онъ намѣренъ совершить. Для

него нѣтъ больше мѣста въ этомъ мірѣ, разъ порвана связь съ землей, которой онъ отдалъ свою душу и тѣло, и онъ кончается съ собой.

Кромѣ этой центральной фигуры, превосходно выдержанной въ романѣ, прекрасно изображены и молодые деревенскіе типы, условія заработка на сторонѣ, типъ бродячаго рабочаго Гешке, который увлекаетъ Густава въ городъ, гдѣ знакомитъ его съ «красными», т.-е. такими же рабочими, но уже понимающими многое и давно утратившими связь съ землей. Хороши также и представители тѣхъ силъ, которыя стихійно разрушаютъ крестьянское хозяйство, мелкіе кулаки и капиталисты, обѣщавшіе крестьянина, какъ трактирщикъ Кашель и еврей Гарросовицъ, выжимающіе изъ него послѣдніе соки.

Единственнымъ, но зато весьма существеннымъ недостаткомъ романа является его растянутасть и повторенія, излишнія подчеркиванія авторомъ того, что само собой вытекаетъ изъ положенія и дѣйствія лицъ. Авторъ слишкомъ увлекается своей темой и то и дѣло отвлекается размышленіями, что мѣстами превращаетъ романъ въ публицистическую статью или трактатъ по экономіи или социологіи. Дѣйствіе романа, вслѣдствіе этого, сильно замедляется и онъ становится скучноватымъ.

Но мнѣніе Л. Н. Толстого о важности и художественности этого романа, тѣмъ не менѣе, остается въ полной силѣ, и мы понимаемъ, что въ немъ такъ увлекло великаго писателя. Онъ увидѣлъ здѣсь отраженіе своихъ любимыхъ идей о трудѣ, о жизни въ связи съ землей и природой, о разрушительной силѣ современныхъ условій труда. Въ предисловіи Толстой высказываетъ нѣсколько глубоко-интересныхъ мыслей о критикѣ и современной литературѣ, въ которой онъ указываетъ на преобладаніе посредственности и отсутствіе выдающихся произведеній. Онъ объясняетъ это «перепроизводствомъ», вызваннымъ тѣмъ, что «книги, журналы, въ особенности газеты стали въ наше время большими денежными предпріятіями, для успѣха которыхъ нужно наибольшее число потребителей». Чтобы завоевать ихъ, печать и старается поддѣлаться къ вкусамъ этого большинства, которое въ массѣ невѣжественно и неразвито. «Для этого большинства и издаются грубыя, безвкусныя и нехудожественныя произведенія, вытѣсняющія—истинно прекрасныя вещи или не дающія имъ распространенія. И потому, по мѣрѣ все большаго и большаго распространенія газетъ, журналовъ и книгъ, вообще книгопечатанія, все ниже и ниже спускается уровень достоинства печатаемаго, а все больше и больше погружается большая масса такъ называемой образованной публики въ самое безнадежное, довольное собой и потому неисправимое невѣжество». Далѣе, великій писатель поясняетъ свою мысль указаніемъ, какъ на его памяти произошло постепенное пониженіе по всѣмъ отраслямъ литературы. Такъ, «послѣ Пушкина и Лермонтова (Тютчевъ обыкновенно забывается), поэтическая слава переходитъ сначала къ весьма сомнительнымъ поэтамъ Майкову, Полонскому и Фету, потомъ къ совершенно лишенному поэтическаго дара Некрасову, къ искусственному и прозаическому стихотворцу Алексѣю Толстому, потомъ къ однообразному и слабому Надсону, потомъ къ совершенно бездарному Апухтину, а потомъ уже все мѣшается и являются стихотворцы, нѣтъ же имя леріонъ, которые даже не знаютъ, что такое поэзія и что значить то, что они пишутъ, и зачѣмъ они пишутъ». То же замѣчается и въ романѣ. Возрожденія Толстой ожидаетъ отъ критики, если только это будетъ настоящая критика, которая должна «выдвигать и указывать людямъ все, что есть самаго лучшаго какъ въ прежнихъ, такъ и въ современныхъ писателяхъ», а не заниматься «всмѣиваніемъ» или писать «по поводу литературныхъ произведеній», высказывая свои экономическія или политическія мысли.

Нельзя, конечно, принять безъ очень и очень существенныхъ оговорокъ эти рѣшительные приговоры великаго писателя, скорѣе глубоко-интересные

для характеристики мысли самого Толстого, который неустанно работает надъ собой, не останавливаясь и не успокаиваясь. Справедливо его указаніе на общее пониженіе *качества* литературныхъ произведеній одновременно съ количественнымъ ихъ ростомъ. Но едва ли повинна въ этомъ печать или спросъ на литературу. Точно также, какъ и литература, критика находится въ самой тѣсной связи съ общими условіями жизни, и едва ли ее можно выдѣлять, ожидая, что именно она-то и спасетъ насъ отъ дальнѣйшаго пониженія вкуса. Всегда было такъ, что критика шла послѣ расцвѣта литературы, и если оказывала извѣстное вліяніе, то лишь косвенное, и менѣе всего опредѣляла ходъ и развитіе литературы. Критика разъясняла и проводила въ сознаніе читателей то, что давали великія произведенія, изъ нихъ же почерпая свои правила и указанія. Роль критики всегда была и будетъ служебной, а не руководящей, и нерѣдко критика рѣзко расходится въ оцѣнкѣ произведеній съ мнѣніемъ читателей. Какъ на ближайшей примѣрѣ, можно указать на судьбу произведеній М. Горькаго, къ которымъ критика въ большинствѣ своихъ представителей отнеслась очень отрицательно, что не помѣшало этому писателю завоевать небывалую популярность. Дѣло, такимъ образомъ, не въ отсутствіи «настоящей критики», а, какъ намъ кажется, въ общемъ пониженіи тона жизни, но это вопросъ, далеко выходящій за предѣлы литературной критики.

Не будемъ приводить другихъ возраженій, которыя сами собой напрашиваются по поводу рѣзкихъ приговоровъ Толстого. Романъ Поленца—хорошее и цѣнное художественное произведеніе, которое, несомнѣнно, заслуживаетъ полного вниманія читателей, а предисловіе Толстого, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ пера великаго патріарха русской литературы, возбуждаетъ важные вопросы, имѣющіе огромное общественное значеніе. А. Б.

Танъ. Очерки и разсказы. Томъ второй. Изд. магазина «Книжное дѣло». Москва. 1902 г. Ц. 1 р. Стр. 312. Среди современныхъ русскихъ писателей оригинальную и самобытную фигуру представляетъ г. Танъ, второй томъ разсказовъ котораго только что вышелъ. Далекій сѣверъ, такой далекій, что дальше и идти некуда, восточныя окраины Россіи, бытъ русской интеллигенціи, оторванной отъ родной среды и закинутой волею судьбы къ чукчамъ и эскимосамъ, Великій Океанъ, Японія, Манчурія—такова необъятная по пространству область, захваченная этимъ беспокойнымъ, вдумчивымъ и наблюдательнымъ художникомъ. Вся самобытность этихъ мѣстъ и людей, населяющихъ ихъ, все, что такъ странно, такъ непохоже на наше обыденное существованіе,—оживаетъ и врѣзывается въ вашу память въ образахъ, создаваемыхъ этимъ оригинальнымъ талантомъ. Второй томъ по захватывающему интересу не только не уступаетъ прежде появившимся очеркамъ г. Тана, какъ, напр., его потрясающая драма «На Каменномъ мысу», но превосходитъ равнообразіемъ и глубиной содержанія. Авторъ самъ, какъ непосредственный художникъ, рѣдко-рѣдко появляется на сценѣ, лишь мѣстами, подавленный и потрясенный, позволяетъ онъ себѣ подчеркнуть личное отношеніе, отчего его очерки выигрываютъ въ выпуклости и опредѣленности. И тѣмъ не менѣе, вездѣ чувствуется тотъ нервный, беспокойный духъ, который закинулъ автора въ эти «гиблыя мѣста» и подчасъ исторгаетъ изъ его наболѣвшаго сердца настоящій вопль скорбнаго отчаянія: «Господи, причесоби меня! Найди какое-нибудь мѣсто въ этой сложной машинѣ, куда я могъ бы втиснуть свою строптивую волю, какъ винтъ въ гайку и истомить ее до конца въ будничной работѣ, чтобы не быть мнѣ больше зрителемъ чужихъ безумій и ошибокъ, и лучше самому сойти сума, и заблуждаться, и бѣдствовать вмѣстѣ съ другими, не смущая бѣгущаго вѣка проклятымъ вопросомъ: зачѣмъ?..» («Домой»).

Въ настоящій томъ вошло десять очерковъ, которые вполне опредѣленно

разбиваются на двѣ группы. Въ первую вошли три разсказа изъ жизни интеллигенціи на далекой окраинѣ: «Рыбаки», «На каникулахъ» и «Возвращеніе». Самый большой и значительный по содержанію изъ нихъ — «На каникулахъ», напечатанный первоначально у насъ (Іюнь, 1900 г.), почему не можемъ подробнѣе остановиться на немъ, какъ онъ того заслуживалъ бы. Всѣ три очерка проникнуты тяжелымъ настроеніемъ, какое охватываетъ человѣка подъ вліяніемъ безцѣльной жизни, въ которой уходятъ капли по каплѣ лучшія силы души и гаснетъ постепенно высокой пламень благородныхъ мечтаній. Остальные очерки представляютъ рядъ превосходныхъ впечатлѣній путешественника, которому пришлось проѣхать всѣ далекія побережья сѣвернаго угла Великаго Океана. Съ рѣдкимъ мастерствомъ и скрытымъ юморомъ, дѣйствующимъ тѣмъ сильнѣе, что онъ выливается изъ-подъ пера автора какъ бы помимо его воли, описаны отношенія культуры и полного отсутствія ея, столкновенія цивилизаціи и дикости, оригинальные типы обитателей и героев этихъ странъ. Не можемъ удержаться, чтобы, для характеристики манеры автора, не выписать образчика христіанской проповѣди, которую произноситъ среди своей паствы — чукчей и эскимосовъ — англійскій миссіонеръ, а передастъ ее по-чукотски авторъ и молодой чукча Уванъ, разъясняющій смыслъ проповѣди, получающей въ его передачѣ слѣдующій оригинальный характеръ. «У бѣлыхъ людей тоже есть шаманы! — объяснялъ Уванъ толпѣ. — Эти шаманы большіе люди, друзья начальниковъ. всю жизнь только и дѣлаютъ, что шаманятъ, и отецъ бѣлыхъ людей (президентъ) посылаетъ имъ за это пицу и ткани. Богъ бѣлыхъ далъ имъ большую шаманскую книгу; эта книга даетъ счастье въ промыслѣ и защиту противъ болѣзни, и для нея бѣлые люди учатъ своихъ дѣтей читать. Богъ бѣлыхъ людей любить ихъ, какъ своихъ дѣтей; когда они ведутъ себя худо, пьютъ много рому, обманываютъ въ торговлѣ, слишкомъ много дерутся, Ему становится скучно и Онъ говоритъ свои мысли маленькимъ мальчикамъ, чтобы они выросли великими шаманами и, утрашая, учили сосѣдей... Богъ дулъ вѣтромъ, плевался пламенемъ, скрадывалъ людей въ темнотѣ, какъ свою добычу. Однажды, когда бѣлые люди стали слишкомъ злобы (все время дрались и пили водку, — пояснилъ Уванъ), — Бога такъ забрало за сердце, что Онъ послалъ своего родного сына съ приказомъ, чтобы они перестали. Сынъ Божій сталъ воскрешать мертвыхъ и кормить голодныхъ, но большой злой начальникъ съ товарищами разсердился и велѣлъ его убить (все равно какъ капитанъ Кауперъ, — пояснилъ Уванъ, называя капитана китоловного судна, который прославился варварскимъ обращеніемъ съ туземцами лѣтъ тридцать тому назадъ). Но Сынъ умеръ не настояще и черезъ три дня ожилъ, поднялся на небо къ своему Отцу и сказалъ: «Смотри, что со мной сдѣлали злые начальники». — Молодые люди изъ одной лодки съ Божиимъ Сыномъ, вмѣстѣ съ нимъ ловившіе рыбу, остались на землѣ и стали ходить изъ поселка въ поселокъ, научая людей, чтобы они не обижали, не обманывали и не грабили одинъ другого... Но бѣлые люди ихъ никогда не слушали, — прибавилъ Уванъ, въ видѣ собственнаго комментарія» («На сѣверѣ дальнемъ»).

Съ такимъ же захватывающимъ интересомъ читаются остальные очерки, въ которыхъ описаны Камчатка и обитатели Чукотскаго Носа, Манчжурія и хорошо намъ понятные нравы «манчжурскихъ усмирителей». Текущій, такъ сказать злободневный интересъ послѣдняго очерка усиливается художественностью изображенія такихъ типовъ и сценокъ, что вчужѣ неловко дѣлается за нашу «культуру», которую мы собираемся тамъ насаждать. Вспоминаются приснопамятные господа ташкенцы, но, кажется, отдаленность Манчжуріи придастъ этому безсмертному типу особую истинно-монгольскую красоту. Заканчивается книга прелестнымъ очеркомъ-легендой о томъ, кто первый проложилъ

на землѣ кровь, излагающей въ поэтической формѣ взгляды сѣверныхъ инородцевъ на взаимныя отношенія населяющихъ природу живыхъ существъ.

А. Б.

КРИТИКА И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. Буличъ. «Очерки по исторіи русской литературы».—В. Розановъ. «Легенда о великомъ инквизиторѣ Ф. М. Достоевскаго».

Н. Н. Буличъ. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902. Стр. 381. Ц. 2 руб. «Очерки» покойнаго профессора казанскаго университета Булича состоятъ изъ лекцій, прочитанныхъ имъ въ 1872—73 году. Сынъ Булича рѣшился издать эти старыя лекціи послѣ того, какъ онѣ были просмотрѣны А. Н. Пыпинимъ и В. И. Семевскимъ. «Очерки» составлены по очень широкой программѣ, о чемъ можно судить уже по тому факту, что сорокъ двѣ лекціи, вошедшія въ первый томъ, посвящены почти исключительно первой половинѣ царствованія императора Александра I, до Отечественнаго войны. Авторъ «Очерковъ» удѣляетъ много вниманія воспитанію и личности императора, характеристикѣ его приближенныхъ, заботамъ о народномъ просвѣщеніи, цензурѣ, журналистикѣ, спору о старомъ и новомъ слоgѣ, запискѣ Карамзина «О древней и новой Россіи» и т. д. Собственно изящной литературѣ удѣлено очень немного мѣста, и даже далеко не всѣ писатели перваго десятилѣтія XIX вѣка нашли мѣсто въ книгѣ Булича. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что покойный профессоръ въ своихъ лекціяхъ останавливался только на главныхъ теченіяхъ русской общественной мысли и на отраженіи ихъ въ печатной и рукописной литературѣ. Эти теченія разсматриваются въ связи съ личностями писателей и журналистовъ, вслѣдствіе чего біографическому элементу отведено въ «Очеркахъ» довольно много мѣста. Изъ отдѣльныхъ теченій особенно подробно разсмотрѣны консервативное, либеральное, патріотическое и мистическое. Изъ литературныхъ дѣятелей наибольшее вниманіе удѣлено Карамзину, Шишкову, графу Растонцину, Сергѣю Глинкѣ, Озерову, мистикамъ Лопухину и Лабзяну.

Хотя въ русской литературѣ и существуютъ спеціальныя труды, посвященные и общественному движенію, и исторіи народнаго образованія, и обзорныя русской журналистики въ первое десятилѣтіе XIX вѣка (напримѣръ, книга Пыпина, статьи Сухомлинова и г. Пятковскаго—сочиненія, которыми пользовался и авторъ «Очерковъ»), тѣмъ не менѣе и рядомъ съ подобными трудами книга Булича не теряетъ своего значенія и интереса для обширнаго круга читателей. Остается только пожалѣть, что лица, просматривавшія «Очерки» въ рукописи и подновлявшія бібліографическія ссылки, не позаботились о томъ, чтобы снабдить книгу дополненіями, поправками и указаніями новѣйшей литературы о томъ или другомъ литературномъ дѣятелѣ. Безъ такихъ примѣчаній и дополненій книга Булича должна потерять нѣкоторую долю своего значенія и своей цѣнности. Лекціи, прочитанныя тридцать лѣтъ тому назадъ, для настоящаго времени не могли не устарѣть. И въ «Очеркахъ» дѣйствительно, встрѣчаются и фактическія ошибки, и невѣрныя или сомнительныя обобщенія, а также и противорѣчія. Все это было бы необходимо или исправить или, по крайней мѣрѣ, отмѣтить.

С. Ашескій.

В. В. Розановъ. «Легенда о великомъ инквизиторѣ» Ф. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія съ присоединеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 2 е, Спб. 1902. Стр. 178. Ц. 1 р. По собственному признанію Достоевскаго, «Легенда о великомъ инквизиторѣ» составляетъ кульминаціонный

пунктъ его творчества, и тему этой легенды онъ выносилъ въ своей душѣ въ теченіе всей жизни. Далѣе, изъ собственныхъ заявленій Достоевскаго извѣстно, что его всю жизнь мучилъ вопросъ о бытіи Бога и что въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» (главы: «Бунтъ» и «Великій инквизиторъ») заключается «такой силы отрицаніе Бога», какое и «не снилось обыкновеннымъ» людямъ. Это заинтересуетъ этими заявлениями великаго писателя, тотъ можетъ найти въ книжкѣ г. Розанова интересныя указанія и разъясненія. Авторъ книжки доказываетъ, что «Легенда о великомъ инквизиторѣ составляетъ «какъ бы душу» всего романа «Братья Карамазовы», что «въ ней скоронена завѣтная мысль писателя, безъ которой не былъ бы написанъ не только этотъ романъ, но и многія другія произведенія его; по крайней мѣрѣ, не было бы въ нихъ самыхъ лучшихъ и высокихъ мѣстъ». Для доказательства своей мысли, г. Розановъ перепечатываетъ десятки страницъ изъ разныхъ произведеній Достоевскаго, гдѣ являются въ зародышѣ основныя идеи легенды, и устанавливаетъ связь между такими произведеніями, какъ «Записки изъ подполья», «Преступленіе и наказаніе», «Идиотъ», «Бѣсы», отдѣльныя главы «Дневника писателя» и, наконецъ, «Братья Карамазовы».

Г. Розановъ по своему, конечно, разъясняетъ силу и характеръ пережитаго Достоевскимъ «отрицанія». «Три великіе мистическіе акта,—говоритъ г. Розановъ,—служатъ въ религіозномъ созерцаніи опорными точками, къ которымъ какъ бы прикрѣплены судьбы человѣка, на которыхъ онъ виситъ, какъ на своихъ опорахъ. Это—актъ грѣхопаденія: онъ объясняетъ то, что есть; актъ искупленія: онъ укрѣпляетъ человѣка въ томъ, что есть; актъ вѣчнаго возмездія за добро и за зло, окончательнаго торжества правды: онъ влечетъ человѣка въ будущее... Именно эти три акта, три опорныхъ точки земныхъ судебъ человѣка, источникъ вѣдѣнія его о себѣ, источникъ силы его — и колеблются съ помощью діалектики», вложенной Достоевскимъ въ уста Ивана Карамазова. Окончательный выводъ этой діалектики—«отсутствіе въ дѣйствительности религіи и абсолютная невозможность ея за отсутствіемъ вѣшняго для нея основанія мистическихъ актовъ грѣхопаденія, искупленія и вѣчнаго суда». «Нужно замѣтить, — продолжаетъ г. Розановъ, — что въ столь мощномъ видѣ (какъ у Достоевскаго) діалектика не направлялась противъ религіи. Обыкновенно исходила она изъ злого чувства къ ней и принадлежала немногимъ людямъ, отъ нея отпавшимъ. Здѣсь она исходитъ отъ человѣка, очевидно, предавшаго религіи болѣе, чѣмъ всему остальному въ природѣ. Можно сказать, что здѣсь возстаетъ на Бога божеское же въ человѣкѣ: именно, чувство въ немъ справедливости и сознаніе имъ своего достоинства. Это-то и сообщаетъ всей діалектикѣ опасный, нѣсколько сатанинскій характеръ... Построить опроверженіе этой діалектики, столь же глубокое и строгое, какъ она сама, безъ сомнѣнія, составить одну изъ труднѣйшихъ задачъ нашей философской и богословской литературы въ будущемъ» (стр. 63, 64, 68).

Не останавливаясь на разсужденіяхъ г. Розанова по поводу легенды, разсужденіяхъ, въ которыхъ можно находить интересъ и смыслъ только при известномъ складѣ ума, отиѣтимъ два слѣдующихъ факта, имѣющихъ отношеніе къ Достоевскому и свидѣтельствующихъ, что комментаторъ легенды пошелъ гораздо дальше, чѣмъ ея авторъ. Достоевскій считалъ свою легенду направленною противъ католицизма, а г. Розановъ придаетъ ей не только антикатолическій, но и антихристіанскій характеръ. Онъ видитъ въ ней «діалектику христіанства въ его основной идеѣ», «мефистофельскую пѣсню, пропѣтую съ надзвѣздной высоты надъ нашей бѣдной землей» и способную смутить всѣхъ вѣрующихъ, къ какой бы формѣ христіанства они ни принадлежали, къ романской, къ германской или къ славянской. Далѣе, Достоевскій, упомянутая о необычайной силѣ своего «отрицанія», говоритъ о немъ, какъ о фактѣ пережи-

томъ, и указываетъ даже, что *весь романъ* (курсивъ Достоевскаго) «Братья Карамазовы» служить «отвѣтомъ» инквизитору, комментаторъ же даетъ понять, что авторъ легенды и въ могилу сошелъ съ тѣми идеями, которыя были высказаны имъ отъ лица Ивана Карамазова (см. стр. 104).

Кромѣ этихъ комментариевъ въ легендѣ великаго инквизитора и неудачныхъ попытокъ поколебать диалектику Ивана Карамазова, въ книгѣ г. Розанова высказано нѣсколько мнѣній о Гоголѣ, Достоевскомъ и Толстомъ, мнѣній, въ большинствѣ случаевъ, парадоксальныхъ и противорѣчащихъ одно другому. Такъ, напримѣръ, на стр. 30-й г. Розановъ устанавливаетъ такую разницу между Толстымъ и Достоевскимъ: Толстой—«художникъ жизни въ ея завершившихся формахъ», Достоевскій—«аналитикъ *неустановившагося* въ человѣческомъ духѣ». А на стр. 38-й мы узнаемъ, что и г. Розановъ въ «Аннѣ Карениной» ощущаетъ «присутствіе чего-то встревоженнаго и ищущаго». Далѣе, вопреки мнѣнію, считающему Гоголя родоначальникомъ новѣйшей русской литературы, г. Розановъ думаетъ, что вся новѣйшая русская литература «явилась отрицаніемъ Гоголя, борьбой противъ него». И Тургеневъ, и Достоевскій, и Островскій, и Гончаровъ, и Левъ Толстой напоминаютъ Гоголя только приемами, только виѣшной стороной своего творчества. «Но если посмотрѣть на дѣло съ внутренней стороны,—говоритъ г. Розановъ,—если сравнить по содержанію творчество Гоголя съ творчествомъ его мнимыхъ преемниковъ, нельзя не увидѣть между ними діаметральной противоположности». Гоголь былъ «гениальный живописецъ виѣшнихъ формъ», но за этими формами «нѣтъ никакой души», тогда какъ у послѣдующихъ русскихъ писателей мы повсюду видимъ человѣческую душу. Все это говорится на первыхъ страницахъ книжки г. Розанова. А на стр. 128-й мы читаемъ: «все, что не въ духѣ Гоголя, не имѣетъ силы, и, напротивъ, все, что согласуется съ нимъ, какъ бы ни было слабо само по себѣ, растетъ и укрѣпляется». Какъ же быть послѣ этого съ величайшими представителями новѣйшей русской литературы, съ Гончаровымъ, Тургеневымъ, Достоевскимъ, Львомъ Толстымъ и др.? «Отрицаютъ» они Гоголя или «согласуются» съ нимъ? Вѣдь, въ томъ, что ихъ дѣятельность «имѣетъ силу» не только въ Россіи, но и за границей, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Особенно парадоксальны взгляды г. Розанова на литературную дѣятельность Гоголя. Сущность этихъ взглядовъ выражена въ слѣдующихъ словахъ: «Мертвымъ взглядомъ посмотрѣлъ Гоголь на жизнь и мертвыя души только увидалъ онъ въ ней. Вовсе не отразилъ дѣйствительность онъ въ своихъ произведеніяхъ, но только съ изумительнымъ мастерствомъ нарисовалъ рядъ каррикатуръ на нее: отъ этого-то и запоминаются онѣ такъ, какъ не могутъ запомниться никакіе живые образы». «Мертвыя души» для г. Розанова—«гениальная и преступная клевета на человѣческую природу». Такой взглядъ на Гоголя г. Розановъ называетъ въ предисловіи «одинокимъ, непризнаннымъ». Въ утѣшеніе ему можно напомнить, что еще Булгаринъ и Сенковский усмотрѣли въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ» рядъ каррикатуръ и клевету на Россію.

С. Ашевскій.

ИСТОРИЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

Ев. Трифилъевъ. «Къ біографіи В. Н. Каразина».—В. Н. Семейскій. «Крестьяне въ царствованіи императрицы Екатерины II».—А. Быкова. «Разказы изъ исторіи Ирландіи».—Э. Гриммъ. «Ислѣдованія по исторіи развѣтія римской императорской власти».

Евгеній Трифилъевъ. Къ біографіи Василя Назаровича Каразина. Попытка бѣгства за границу. Эпизодъ изъ исторіи царствованія императора «мръ вождь». № 4, апрѣль, отд. II.

Павла. Харьновъ. 1901 г. Брошюра г. Трифильева, напечатанная раньше въ видѣ статьи въ «Запискахъ Имп. Харьковскаго университета», касается одного случая въ жизни Каразина, необыкновенно характернаго для его времени. Дворянинъ, землевладелецъ, одинъ изъ выдающихся по уму и образованію лицъ, будущій «маркизь Пова» императора Александра I (по выраженію Герцена),—въ ночь съ 12-го на 13-ое августа 1798 г. попытка тайкомъ перейти Нѣманъ, попалъ въ руки двухъ рядовыхъ, ходившихъ обходомъ «для присмотра бѣглецовъ» и былъ ими арестованъ. Въжалъ же онъ безъ всякой за собою вины, только затѣмъ, чтобы укрыться отъ правленія императора Павла I, отъ его жестокости (по признанію самого бѣглеца въ письмѣ къ императору). Это—весьма типично для того времени, ибо известно, что панка, наведенная первыми же годами новаго царствованія была ужасна.

Со времени зловѣщихъ, мстительныхъ похоронъ покойной государыни, вся Россія, особенно служащая, дворянская,—жила въ непрерывномъ трепетѣ, въ страхѣ безпричинной и жестокой гибели,—и ежедневныя житейскія впечатлѣнія слишкомъ хорошо оправдывали этотъ страхъ и трепетъ.

У насъ очень мало психопатологовъ, которые бы пытались приступить во всеоружіи своихъ научныхъ методовъ къ рѣшенію трудныхъ историческихъ проблемъ, гдѣ играетъ важную роль та или иная загадочная индивидуальность: смѣхотворныхъ книжечекъ г. П. Ковалевскаго мы, конечно, въ расчетъ не принимаемъ, по той простой причинѣ, что онѣ суть не наука, но желѣзнодерожное чтеніе. При такомъ положеніи вещей нѣкоторыя дѣйствія историческихъ лицъ до сихъ поръ не освѣщены съ надлежащею яркостью; однако мы, потомки, испытываемъ отъ этого, конечно, далеко не тотъ ущербъ, какъ современники, на своемъ хребтѣ выносившіе всѣ эти патологическіе эксперименты; для нихъ дѣло шло уже не о научномъ интересѣ, а о жизни и смерти...

То, что, можетъ быть, было бы ясно представителю медицинской науки, кажется совсѣмъ непонятнымъ и немотивированнымъ для историка: непонятно помилованіе бѣглеца въ то время, можно сказать, въ тѣ же дни, когда во взорному доносу застѣвались кнутомъ казачьи офицеры, когда годами люди томилась въ подземныхъ кельяхъ безъ объясненія опредѣленныхъ причинъ. Вотъ вариантъ письма арестованнаго Каразина къ императору (напечатанное впервые въ «Русской Старинѣ» за 1873 г.):

«Государь! Несчастный преступникъ осмѣливается къ тебѣ писать: преступникъ противъ твоихъ повелѣній, самодержецъ Россіи! не противу чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ. Удостой внять прежде осужденія. Да озарятъ меня единый лучъ твоей прозорливости прежде, нежели сожжетъ молнія твоего гнѣва! Я хотѣлъ оставить мое отечество, великую страну твоей державы; покусился на сіе вопреки твоей, двукратно, т.-е. всенародно и частно на мое имя выраженной воли (кромѣ общаго запрещенія выѣзда за границу,—Каразину и на его личное до бѣгства подававшееся прошеніе о выѣздѣ было отъазано, *Е. Т.*). Ночью, противу 3-го числа сего мѣсяца, при переправѣ у у Ковно черезъ Нѣманъ, я удержанъ объездомъ екатеринославскаго grenadier-скаго полка. Въ короткое время достигнуть о томъ официальное донесеніе. Конечно, будутъ собраны обо мнѣ свѣдѣнія въ С.-Петербургѣ, гдѣ я короткое время пробылъ, и въ Слободско-Украинской губерніи, край моего рожденія и помѣстья. Дерзая здѣсь предварительно увѣрить, что они не послужатъ въ мое обвиненіе. Я не имѣлъ никакой нужды спасаться бѣгствомъ, оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей. Прими мое признаніе: я желалъ укрыться отъ твоего правленія, страхась его жестокости. Многіе примѣры, разнесенные молвою въ пространствѣ царства твоего,—молвою вѣроятно удешевленные, грезили моему воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ усиленіи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаяевъ, ниже поводовъ оскор-

бить тебя; но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ. Теперь въ волю твоей наказать меня — и оправдать страхъ мой, или простить — и заставить лить слезы раскаянія о томъ, что столь ложныя мысли имѣлъ о государѣ великомъ и милосердномъ». Другой вариантъ, которому г. Трифильевъ придаетъ больше вѣры, написанъ въ болѣе умоляющемъ тонѣ, но и тамъ читаемъ: «Наконецъ, хотя бы строгости суда твоего угодно было приписать мое бѣгство мрачной неприязни къ правленію твоему, челоуколюбивый монархъ! неужели милосердіемъ твоимъ не восхощешь ты примирить меня съ нимъ? Неужели допустишь, чтобы наказаніе жестокое оправдало въ душѣ моей неприязнь сію?» и т. д. Каразинъ, его беременная жена и прислужникъ были арестованы и отправлены въ Петербургъ. Г-ну Трифильеву почему-то «меньше всего, кажется», что «можно приписывать причину бѣгства жестокости правленія Павла». Доказательствъ—никакихъ, кромя того, что г. Трифильеву кажется искреннимъ объясненіе бѣгства, даваемое Каразиннымъ въ первомъ вариантѣ (о желаніи, просто, пожить въ чужихъ краяхъ и т. д.).

Дѣло Каразина совершенно неожиданно кончилось слѣдующей резолюціей: «Каразина Высочайше повелѣно опредѣлить въ штатцъ-службу. Докладывано 4-го октября 1798 года». Не малымъ комизмомъ дышетъ то обстоятельство, что Каразинъ изъ крѣпости вовсе въ «штатцъ-службу» не просился, а вѣроятно мечталъ только уйти отъ вѣчной тюрьмы или каторги, или солдатчины безъ выслуги; врядъ ли даже о простомъ освобожденіи съ высылкою въ мѣстныя подворья могъ онъ мечтать. Каразинъ воспользовался этою резолюціею для поступленія на государственную службу въ вѣдомство государственнаго казначея.

Въ послѣднихъ строчкахъ своей брошюры г. Трифильевъ считаетъ своимъ долгомъ констатировать въ Павлѣ Петровичѣ наличность двухъ качествъ: уваженія къ закону и великодушія. «Извѣстно, какъ строго относился Павелъ къ какому бы то ни было, даже незначительному нарушенію закона. *Это уваженіе у него было какъ бы врожденно*». Такимъ образомъ, г. Трифильевъ не только открываетъ въ Павлѣ уваженіе къ законности, но и тѣмъ же признаетъ въ эмбриологію этого его качества («врожденно»).—«И если оцѣнить всѣтаки простилъ виновнаго, то это приписать нужно только великодушію Павла. *Основаніемъ же для проявленія великодушія безъ сомнѣнія послужили— съ одной стороны отсутствіе вины*, которая бы заставила Каразина бѣжать за границу, съ другой — глубокое раскаяніе бѣглеца, наконецъ, искренность и прямоту, обнаруженные Каразиннымъ и въ прошеніи, и на допросѣ». Если г. Трифильевъ и останется одинокъ въ своемъ мнѣніи о Павлѣ (особенно, какъ о носителѣ врожденнаго чувства уваженія къ законности), — то пусть утѣшится: такова участь всѣхъ авторовъ слишкомъ ошеломляющихъ открытій, недоступныхъ невооруженному глазу обыкновенныхъ смертныхъ.

Е. Т.

В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины Второй. Спб. 1902. in 8-vo. XLVI+366. Ц. 5 руб. 19 февраля 1861 года— моментъ, который мы должны признать исходнымъ пунктомъ для всѣхъ возможныхъ въ нашемъ будущемъ реформъ; отъ него идетъ все, что есть культурнаго въ нашей дѣйствительности. То былъ актъ, которымъ завершилось раскрѣпощеніе русскихъ сословій, опутанныхъ крѣпкими сѣтями правовыхъ положеній Уложенія царя Алексѣя. Нынѣ съ большимъ успѣхомъ выдвигаютъ на первый планъ *экономическія причины* реформы 19 февраля, и никто не станетъ отрицать громадной роли этихъ причинъ въ половинѣ XIX вѣка, когда правительству пришлось съ ними считаться и уступить ихъ рѣшительному натиску. Но тѣмъ крупнѣе ихъ значеніе, тѣмъ сложнѣе, тѣмъ настоятельнѣе ихъ научное изученіе, которое только еще начинается и которое надлежитъ начи-

*

вать издалека. Юридическая свобода миллионовъ, русскаго крестьянства ужилась однако съ крѣпостною организаціей крестьянской общины, которая уже настоятельно требуетъ реформы, и не *экономическія ли причины* требуютъ прежде всего новаго 19 февраля, т. е. высвобожденія крестьянской личности изъ подъ оеки крѣпостной общины, изъ подъ дѣйствія розги, какъ позорнаго наслѣдія отходящей въ область преданій крѣпостной старины, на ряду съ иной организаціей всего крестьянскаго быта. Въ чемъ же прежде всего должна выразиться реорганизація крестьянскаго быта и чѣмъ она должна опредѣляться? Мы не отвѣчаемъ здѣсь на этотъ вопросъ, мы призваны только наметнуть на отвѣтъ, имѣя въ виду тотъ матеріалъ, который побуждаетъ насъ писать настоящія строки: подъемъ экономическаго благосостоянія крестьянства, подъемъ его образовательнаго уровня—вотъ первое къ чему надо стремиться, если имѣть въ виду прежде всего благоцѣлаго народа, цѣлой націи. Эта нація не можетъ дагѣе жить, не можетъ дагѣе развиваться, если остановится подготовка тѣхъ реформъ, которыя въ концѣ концовъ должны завершить зданіе начатое временемъ Александра Второго. Если припомнить, что *крестьянство* составляетъ подавляющую массу населенія, если поставить на видъ, что положеніемъ этого крестьянства чрезчуръ много опредѣляется въ нашей странѣ, то не трудно понять, какое широкое научное и практическое значеніе получаютъ поставленные сейчасъ вопросы, какъ много времени и усилій должна отдать имъ научная литература, какого серьезнаго вниманія заслуживаетъ всякая работа, которая появляется въ этой области.

Къ числу такихъ обращающихся на себя всеобщее вниманіе работъ относится книга В. И. Семевскаго, заголовокъ которой приведенъ выше. В. И. Семевскій занимаетъ видное мѣсто въ нашей литературѣ по своей удивительной приверженности къ исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи. Если намъ не измѣняетъ память, первый статьи В. И. Семевскаго по исторіи крѣпостнаго права въ Россіи появились въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Старинѣ» 1877 и 1878 годовъ, а слѣдовательно, болѣе четверти вѣка занимается г. Семевскій одною и той же темой, и какой благодарной темой. Можно безъ преувеличенія сказать, что эта тема столько же сдѣлала для созданія имени автора въ литературѣ, сколько самъ онъ для ея разработки. И всего любопытнѣе, что г. Семевскій цовель разработку своей темы въ такомъ направленіи, что статьи его печатались въ общихъ журналахъ, а книги всегда были достоиніемъ большой публики. Магистерскою диссертацией г. Семевскаго служилъ *первый* томъ (Спб. 1881) того самаго труда, *второй* томъ котораго только что появился и который мы привѣтствуемъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Во время двадцатилѣтняго промежутка между выходами въ свѣтъ перваго и втораго томовъ «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II» авторъ успѣлъ издать двухтомную докторскую диссертацию «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка» (Спб. 1888) и двухтомную же книгу, хорошо всѣмъ памятную, «Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ» (Спб. 1898). Авторъ обѣщаетъ переиздать въ текущемъ году первый томъ книги «Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II» и подготавливаетъ *третій* томъ, въ которомъ предполагилъ дать общую характеристику экономическаго и домашняго быта крестьянъ, ихъ самоуправленія и духовной жизни, насколько это возможно, а равно изобразить участіе крестьянъ въ Пугачевщинѣ.

Въ *первомъ* томѣ названнаго сочиненія г. Семевскій описалъ бытъ крестьянъ помѣщичьихъ и посессионныхъ, т. е. составлявшихъ неотъемлемую принадлежность фабрикъ и заводовъ. Изучая крестьянскій бытъ времени Екатерины Второй, авторъ предлагаетъ цѣлый рядъ историческихъ справокъ, которыя идутъ вглубь нашей исторіи, а вся работа должна представить собою введеніе въ

исторію акта 19 февраля 1861 года. Авторъ согласно выставленному нами выше требованію, начинаеть изученіе вопроса издалека. *Второй* томъ посвященъ описанію быта всѣхъ разрядовъ сельскаго населенія Великороссіи и Сибири (кромѣ, конечно, помѣщичьихъ и посессионныхъ крестьянъ и за исключеніемъ малорускаго крестьянства, надъ исторіей котораго работаетъ В. А. Мякотинъ): то будутъ крестьяне дворцоваго вѣдомства, крестьяне церковныхъ вотчинъ, крестьяне государственные, ямщики, и наконецъ, обѣльные вотчинники и крестьяне.

Крестьянъ церковныхъ вотчинъ авторъ не считаетъ крѣпостными, а лишь прикрѣпленными къ землѣ; въ общемъ положеніе ихъ онъ признаеть весьма тяжелымъ. Недовольство церковныхъ крестьянъ нерѣдко приводило къ волненіямъ (съ 50-хъ годовъ XVIII вѣка), которыя приходилось подавлять военною силою. Г. Семеvскій описываетъ, какъ однажды въ крестьянъ стрѣляли даже изъ пушки и небольшихъ мортиръ и бросали въ нихъ ручныя гранаты; при усмиреніи подвергали заточенію дѣлныя сотни людей, значительная часть которыхъ вногда умирала въ тюрьмахъ. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, солдаты, поставленные на постой въ деревню, гдѣ было волненіе, грабили и распродавали имущество крестьянъ, подвергали насиліямъ ихъ женъ и дочерей; арестъ очень многихъ крестьянъ, продолжаетъ авторъ, вредно отзывался и на земледѣльческихъ работахъ и на аккуратности взноса податей. При Екатеринѣ II, которая очень скоро убѣдилась, что въ рукахъ духовенства не можетъ оставаться управленіе принадлежащими ему имѣніями, крестьяне синодальные, архіерейскіе, монастырскіе и церковные—всѣ переданы были въ вѣдѣніе вновь учрежденной коллегіи экономіи (по указу о секуляризаціи въ 1764 году).

Дворцовыхъ крестьянъ авторъ также считаетъ не крѣпостными, а лишь прикрѣпленными къ землѣ. Въ общемъ положеніе ихъ во второй половинѣ XVIII вѣка было довольно благоприятнымъ, что доказывается отчасти совершеннымъ почти отсутствіемъ среди нихъ волненій. Въ худшихъ условіяхъ среди крестьянъ дворцоваго вѣдомства жилъ разрядъ крестьянъ государевыхъ: среди крестьянъ этого послѣдняго типа чаще наблюдаются и волненія; во всякомъ случаѣ, пишетъ г. Семеvскій, отсутствіе продажи людей безъ земли въ государевыхъ имѣніяхъ заставляетъ признать ихъ, подобно дворцовымъ, не крѣпостными, а прикрѣпленными къ землѣ. Въ дворцовыхъ волостяхъ Великороссіи, кромѣ Сѣвернаго края, существовало общинное землевладѣніе съ передѣлами земли; въ сѣверномъ крайѣ этого не было еще въ половинѣ 60 хъ годовъ XVIII вѣка. Авторъ такъ формулируетъ свои наблюденія по этому поводу. Введеніе подушной подати при Петрѣ Первомъ сыграло значительную роль въ развитіи поземельной общины, такъ какъ требованіе равнаго платежа въ казну съ каждой души вызывало мысль о равномъ правѣ и на обезпеченіе земель. Вліяніе этого сознанія обнаружилось постепенно на Сѣверѣ Россіи, но до того какъ передѣлы пахотной земли были окончательно введены и въ этой мѣстности, здѣсь существовало сильное имущественное неравенство, и въ дворцовыхъ волостяхъ были такъ называемые, *деревенскіе владѣльцы* изъ посадскихъ, а также черносошныхъ и дворцовыхъ крестьянъ, такъ или иначе завладѣвшіе значительнымъ количествомъ земли, которая продолжала считаться дворцовою.

Среди крестьянъ государственныхъ авторъ прежде всего выдѣляетъ крестьянъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ. Подробности, приводимыя авторомъ, прямо поражаютъ читателя: въ какихъ чудовищно возмутительныхъ формахъ выражалось существованіе многихъ слоевъ русскаго крестьянства. Этого истиннаго позляца и кормильца господствующей кучки русскаго населенія подвергали тому, что можно назвать пыткой существованія. Когда приписные, будучи выведены изъ терпѣнія «ужаснымъ положеніемъ, всевозможными злоупотребленіями и насиліями», волновались, то прежде всего заботились не объ устраниеніи

законныхъ причинъ волненій, а о томъ, чтобы привести крестьянъ «въ должное рабское послушаніе и усмирить». Такое отношеніе къ крестьянамъ подготовляло пугачевщину, явленіе, которое еще предстоитъ изобразить русскому историку въ должномъ свѣтѣ, безъ окутавшей его лжи и лирическихъ изліаній официальныхъ слагателей историческаго міража. Книга г. Семеновскаго—ученая работа, чуждая какихъ бы то ни было лирическихъ пріемовъ, грѣшащая напротивъ, крайней сухостью тона, а между тѣмъ, она прямо волнуешь читателя своимъ содержаніемъ.

Страницы, посвященные крестьянамъ черносошнымъ, какъ кажется, возбуждаютъ въ книгѣ г. Семеновскаго наибольшее количество вопросовъ и нѣкоторыхъ сомнѣній. Въ исторіи черносошныхъ крестьянъ центральное мѣсто занимаетъ вопросъ о томъ, какая существовала у нихъ форма землевладѣнія, подворная или общинная. Какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и въ изображеніи передѣловъ земли у черносошныхъ авторъ стоитъ преимущественно на почвѣ *описанія*. Исследовательская сторона въ собственномъ смыслѣ слова стоитъ у г. Семеновскаго на второмъ планѣ.

Мы не будемъ, конечно, далѣе останавливаться на содержаніи многолѣтняго труда В. И. Семеновскаго, ни тѣмъ болѣе предлагать какія либо критическія замѣчанія, излишнія для большой публики: наша исключительная дѣль обратить вниманіе послѣдней на содержательную книгу почтеннаго автора и указать, что въ ней описанъ обширный и цѣнный матеріалъ какъ для изученія крестьянскаго быта въ Россіи вообще, такъ и для исторически правильной постановки крестьянскаго вопроса во всей его совокупности. Приближаясь съ каждымъ годомъ къ новымъ актамъ, подлежащимъ продолжать развитіе факта освобожденія отъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1861 года, надлежитъ позаботиться о научно-литературной подготовкѣ дѣла. Не далекъ день, когда минетъ полу-столѣтіе со дня великой реформы. Встрѣтитъ ли этотъ день русское крестьянство, которымъ только мы всѣ живемъ и дышемъ, съ лучшемъ надежды на высвобожденіе изъ подъ тяжкаго ига нищеты, невѣжества и всякаго произвола, ими вызываемаго, или нѣтъ,—не намъ судить.—Но литература наша къ великому дню 19-го февраля 1911 года должна приготовиться съ честью, и, въ члввгпцц благородную книгу г. Семеновскаго, мы горячо призываемъ поклонниковъ научно-литературной работы не забывать, что времени до этого дня остается въ сущности очень мало и что новые факты, обнаружившіеся въ сорокъ первую годовщину 19-го февраля, показываютъ коренной поворотъ извѣстной доли общественныхъ интересовъ въ сторону поставленнаго вопроса. Онъ является, такимъ образомъ, очерднымъ и въ научномъ, и въ практическомъ отношеніяхъ.

В. Сторожевъ.

А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Ирландіи (Съ XII вѣка до нашихъ дней). Съ портретами Парнеля и О'Коннея. Цѣна 80 коп. Спб. 1902 г. Популярная компіляція г-жи Быковой написана довольно легко и литературно и безъ особенно рѣзкихъ отступленій отъ фактической истины. Можно только пожалѣть, что авторъ иногда беретъ на себя излишній и неблагоприятный трудъ излагать свои догадки и домыслы, безъ которыхъ читатель могъ бы обойтись, не испытывая ни малѣйшаго для себя ущерба. Напримѣръ, на 39 страницѣ читаемъ: «Республика не долго продержалась въ Англіи. Англичане нашли, что безъ короля имъ жилось ничуть не лучше, чѣмъ при королѣ, а, пожалуй, еще хуже; послѣ смерти Кромвеля они рѣшили призвать обратно Стюартовъ». Все здѣсь изображенное,—весьма легкомысленно, и зачѣмъ понадобилась вся эта экскурсія въ область чтенія въ англійскихъ сердцахъ XVII вѣка—неизвѣстно. Слова «англичане нашли» и т. д. когда рѣчь идетъ о времени обостреннаго дѣленія англійскаго народа на партіи, лишены всякаго значенія. Точно также неисторично и несогласно съ истинною объясненіе самовластнаго правленія Тю-

доровъ ихъ властолюбивыми наклонностями и тѣмъ, что «народъ англійскій готовъ былъ повиноваться королю, только бы онъ далъ странѣ желанный миръ». Дѣло съ Тюдорами, смѣемъ увѣрить г-жу Быкову, обстояло несравненно сложнѣе, и безъ внимательнаго анализа классової структуры англійскаго общества XVI вѣка историкъ не понять никогда, какииъ классамъ была нужна сильная центральная власть и были ли эти классы достаточно могущественны, чтобы оставить на своемъ и сдѣлать правительство почти самодержавнымъ.

Въ пользу разбираемой книжки говорить то очевидное обстоятельство, что г-жа Быкова знаетъ исторію Ирландіи гораздо лучше, нежели исторію Англій, а такъ какъ книжка посвящена Ирландіи, то читатель можетъ читать эту работу довольно безобязательно. Изложеніе исторіи Парнелля и парнеллизма сходится близко съ нашей статьей о Парнеллѣ, помѣщенной въ «Мірѣ Божьемъ» за 1899 годъ; глава объ О'Боннеллѣ весьма обстоятельна; вообще XIX вѣкъ у г-жи Быковой изложенъ подробно, что повышаетъ общій интересъ книжки. Рѣшительную заслугу этой популярной работы мы видимъ въ томъ, что рядомъ съ національными и религіозными причинами ирландскихъ броженій она не забываетъ нигдѣ подчеркнуть причины чисто-экономическія, имѣвшія въ исторіи отношеній обонхъ острововъ такое громадное значеніе.

Если книжка потребуетъ 2-го изданія, мы посовѣтовали бы автору только выбросить свои догадки, введенныя для вящей живости разсказа, и быть осмотрительнѣе въ нѣкоторыхъ своихъ объясненіяхъ. Такъ, мы надѣемся не встрѣтить въ слѣдующемъ изданіи перевода словъ «habeas corpus» словами «да будетъ личность каждаго человѣка неприкосновенной» (стр. 73) и т. п. Въ остальномъ измѣненій дѣлать придется мало. Кромѣ живости слога, изложеніе скрашивается теплымъ сочувствіемъ автора къ угнетеннымъ и къ борцамъ за свою родину.

Евг. Тарле.

Э. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти, т. I. (Спб. 1900) и II. (Спб. 1901 г.) Исторія римской имперіи переживаетъ въ настоящее время одинъ изъ самыхъ блестящихъ и интереснѣе въ нѣкоторыхъ своихъ разработкахъ. Огромная масса новаго документальнаго матеріала чуть ли не ежедневно расширяетъ и пополняетъ наши свѣдѣнія о жизни политической и общественной того конгломерата разнообразныхъ частей, который носитъ имя римской имперіи. Мы все дальше и дальше проникаемъ въ тайники того, что, въ сущности говоря объединяло этотъ конгломератъ, тѣмъ онъ держался и какииъ путемъ сглаживалась та культурная, экономическая, правая и государственно—политическая пестрота, которую являлъ весь тогдашній культурный и полукультурный міръ, далеко вышедшій за предѣлы бассейна Средиземнаго моря, граничившій съ одной стороны съ Атлантическимъ океаномъ и съверными морями, съ другой—съ океаномъ Индійскимъ и его морями.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ объединяющихъ факторовъ надо считать несомнѣнно единую центральную власть, выросшую въ Римѣ изъ того строя, который въ послѣднее время своего существованія показалъ свою явную неспособность разрѣшить тѣ огромнаго значенія задачи, которыя предъявляли къ нему соединенный греко-семитическій и италійско-кельтическій міръ.

Возникновеніе и развитіе этой новой власти—римскаго принципата представляютъ, поэтому, наиболѣе важный и трудный вопросъ, который поставленъ былъ въ области изученія римской исторіи. Вопросы социальныя, экономическіе, административныя, и слѣдовательно, все, что сдѣлано было въ изслѣдованіи всѣхъ этихъ сторонъ римской жизни, тѣсно переплетаются съ этимъ основнымъ, если хотите, конституціоннымъ вопросомъ и только ихъ разрѣшеніе способно разрѣшить и вопросъ о сущности и развитіи императорской власти. Конституціонной исторіи римской имперіи нѣтъ; не рядъ конституціонныхъ

змѣненій, не рядъ законовъ расширялъ власть римскихъ самодержцевъ, обычаи, практика, usus и узурпація были главными факторами этого развитія и слѣдуетъ за извѣстными этими факторами дѣлается главной и основной задачей историка развитія римской императорской власти.

Кромѣ нихъ однако немалую роль въ эволюціи принципата сыграло сознательное и бессознательное заимствованіе. Самодержавіе и его теорія не были новостью. Востокъ въ лицѣ монархій священнаго божественнаго характера и просвѣщеннаго самодержавія эллинистическаго далъ образцы самыхъ разнообразныхъ схемъ монархическаго строя и эти примѣры должны были вліять на возникавшую римскую имперію, наслѣдницу восточнаго абсолютизма.

Такова была сложная и трудная задача автора разбираемой работы. Укажу тотчасъ же, что связь монархій римской и восточной имѣ абсолютно не ощущается и вліаніе одной на другую онъ даже и не пытается отмѣчать, лишь вѣгнѣ себя важнаго и необходимаго устоя. Зависитъ это отъ того, что все новѣйшее направленіе въ наукѣ, руководимое этимъ принципомъ, прошло мимо нашего автора, абсолютно его не затронувъ. Зависитъ и отъ того, что авторъ со всей суммой источниковъ древней исторіи не знакомъ и впадаетъ въ ту же ошибку, что и многіе другіе поборники всемірно-историческаго метода: за quasi всемірно-историческимъ міровоззрѣніемъ они совершенно упускаютъ изъ виду необходимость, прежде всего всесторонней точки зрѣнія.

Отълекаясь отъ востока, перейдемъ къ задачамъ автора на западѣ. Въ узкомъ смыслѣ слова предшественниковъ у г. Гримма было немного. Немного было людей въ наукѣ, которые бы рѣшились взяться за разрѣшеніе этого кардинальнаго вопроса съ надеждой на успѣхъ этой затѣи. Одни только почти историки и систематики, поставившіе себѣ задачей изложеніе всего римскаго государственнаго права считали себя обязанными давать посильное его разрѣшеніе, явно сознавая всю тяжесть задачи.

Нашъ авторъ въ своемъ методѣ изслѣдованія примыкаетъ къ историкамъ, считая этотъ методъ единственно правильнымъ и усиленно наставляя на немъ въ противоположность антикварамъ и систематикамъ, послѣднимъ въ лицѣ главнымъ образомъ Моммзена въ его системѣ римскаго государственнаго права. Новаго здѣсь г. Гриммъ ничего не говоритъ. Попытку историческаго разрѣшенія вопроса далъ до него, и почти такую же неудовлетворительную, Неггог, теоретически требовалъ историческаго метода Е. Меуер, практически далъ исторію одной эпохи Кромпауер, нѣсколько аргументовъ можно найти у Азбача, и, конечно, не уничтожь пожаръ рукописи 4-го тома римской исторіи Моммзена, мы имѣли бы и исторію императорской власти руки того же мастера, который далъ намъ ея систему.

Нельзя дать системы римскаго государственнаго права и, конечно, императорской власти, которая одинаково подходила бы ко всѣмъ эпохамъ развитія римскаго государства, утверждаетъ авторъ, и въ этомъ, я думаю, всякій съ нимъ согласится. Но можно и должно было дать устоя, основныя понятія этого права, можно и должно было показать тѣсную зависимость всѣхъ элементовъ римской конституціи между собою, можно и должно было выдвинуть цѣлостность и единство основныхъ идей римскаго государственнаго права и это-то именно и далъ намъ Моммзенъ, выдѣлившій однообразное и единое изъ разнообразнаго и установившій опредѣленную и точную схему на мѣстѣ прежняго хаоса. За разрѣшеніе задачи во всемъ ея объемѣ Моммзенъ не брался, а нѣкоторую утробку систематизаціи и нѣкоторыя историческія неточности, ясно при томъ сознанныя имъ и отмѣченныя, были жертвами, принесенными Моммзеномъ стройности и прозрачности всей конструкціи.

Весь первый томъ работы г. Гримма въ ея наиболѣе содержательной части по-

священъ разбору теоріи Моммзена въ той ея части гдѣ она касается принципата Августа. На матеріалѣ *всецѣло* собранномъ Моммзеномъ и его предшественниками, авторъ строитъ свое историческое изложене, полемизируя, главнымъ образомъ съ именемъ «діархія» — двоєвластіе, даннымъ первымъ временамъ имперіи Моммзеномъ, Принимая терминъ діархія, равновластіе двоихъ, авторъ очень легко доказываетъ непригодность термина для цѣлаго ряда эпохъ; но во-первыхъ, двоєвластіе не есть и не можетъ быть равновластіемъ, а во-вторыхъ, мелкія несоотвѣтствія не могутъ разрушить глубокой сущности, заключенной въ терминѣ. Терминъ указываетъ на то, что ни подъ одинъ изъ существующихъ государственно-правовыхъ терминовъ римскій принципатъ подвести нельзя и что тамъ, гдѣ вплоть до Диоклетіана сенатъ юридически полный господинъ въ цѣломъ рядѣ частей римскаго государства, нѣтъ единовластія, а есть несомнѣнная двойственность власти. Poleмику съ Моммзеномъ авторъ продолжаетъ и тамъ, гдѣ разбираетъ отдѣльныя составныя части власти перваго принцепса; новымъ по сравненію съ Моммзеномъ является здѣсь только указаніе на общее верховенство, которое даровано было Августу и, въ силу неопредѣленности, способствовало широкому развитію фактическаго его вмѣшательства во всѣ стороны государственной жизни; но на эту же составную часть власти мы находимъ указанія и у другихъ изслѣдователей вопроса (напр., Pick и др.).

Тамъ, гдѣ авторъ могъ дать наибольшее количество новаго, онъ его сознательно не даетъ, такъ какъ для этого матеріаломъ, собраннымъ Моммзеномъ, ограничиться было нельзя. Совершенно правильно указываетъ авторъ на то, что для исторіи власти надо прослѣдить и за тѣмъ, что ей способствовало, и за тѣмъ, что ей препятствовало т.-е. за исторіей цезаризма и оппозиціи. Но его изслѣдованіе оппозиціонныхъ тенденцій въ обществѣ покоится все на тѣхъ же избитыхъ данныхъ, которыми оперируютъ уже столько времени послѣ книги Boissier. «L'opposition sous les Césars», а изслѣдованія цезаризма и его развитія въ области императорскаго культа, италійскихъ коллегій, муниципальной жизни и вовсе нѣтъ. Нѣтъ, слѣдовательно, даже попытки уловить благопріятное монархическое настроеніе общества и тѣ мѣры, которыя принимались для его созданія и поддержанія императорами, въ Римѣ, и въ Италіи, и въ провинціяхъ.

Не разбираются совершенно и оппозиціонныя теченія греческаго Востока приведенія въ концѣ концовъ къ пораженію націонализма въ Римъ въ лицѣ послѣдняго изъ Флавіевъ—Домиціана. Все это произошло отъ того, что авторъ сознательно не хотѣлъ воспользоваться матеріаломъ, который даютъ надписи и подобные официальные и полуофициальные источники. По его взгляду, историки, данной эпохи и ея писатели исчерпываютъ все, что можно было бы дать. «Нѣтъ болѣе сомнительнаго источника,—говоритъ авторъ на стр. 109, 110 второго тома,—для изображенія умственнаго состоянія какаго-либо общества, чѣмъ надписи: масса современныхъ аналогій изъ повседневной жизни любой изъ европейскихъ націй съ избыткомъ доказываетъ, какъ мало искренни и какъ формальны бываютъ подобнаго рода выраженія преданности и т. д.». Авторъ очевидно настолько мало знакомъ съ наукой о надписяхъ, что полагаютъ, будто въ древности надписи также исключительно украшали памятники болѣе или менѣе великихъ людей настоящаго и прошлаго, какъ и въ наше время. Онъ либо не знаетъ, либо нарочно забываетъ, что именно надписи, и почти исключительно онѣ, свидѣтельствуютъ намъ о религиозныхъ вѣрованіяхъ древности, объ общемъ культурномъ уровнѣ населенія тогдашняго міра, о развитіи культа имперіи т.-е. о постепенномъ примиреніи съ имперіей, о ростѣ вѣдѣйствія имперіи, на войско, Италію и провинціи и о многомъ другомъ, о чемъ не мѣшало бы знать г. Гримму.

Совершенно не сдѣлано попытки характеризовать и настроеніе одного изъ правящихъ классовъ—класса всадниковъ, носителей цезаризма въ администра-

ція и войскъ. Римъ и сенаторское сословіе совершенно захватили вниманіе автора и не дали ему времени посчитаться съ Италіей и провинціями. Это тѣмъ болѣе досадно, что именно въ отношеніяхъ къ Италиі и провинціямъ императоровъ и надо искать причинъ того, а не иного развитія власти. Другой важнѣйшій факторъ—войско—также почти не принятъ во вниманіе и вопросъ объ его отношеніяхъ къ имперіи не обследованъ.

Нечего и говорить, что и вся экономическая, административная и социальная политика императоровъ—эти лучшіе показатели развитія власти, ни въ первомъ, ни во второмъ томѣ не подвергнуты тщательной и новой обработкѣ на основаніи новыхъ изслѣдованій и новаго матеріала. Всѣ детальныя и точныя изслѣдованія новѣйшаго времени, все тщательное изученіе жизни римской имперіи во всѣхъ ея проявленіяхъ не существуютъ для г. Гримма: финансовыя мѣры, мѣры административной политики (хотя бы отношеніе къ городамъ и городскому строю) упоминаются только вскользь и только на основаніи данныхъ писателей. Въ какой связи стоятъ это съ развитіемъ фактической мощи имперіи, совершенно не выяснено.

Словомъ, авторъ ограничился тѣмъ, что распредѣлилъ матеріалъ, собранный Моммзенемъ по хронологическимъ рубрикамъ отдѣльныхъ правленій, одобрилъ все это длиннымъ и утомительнымъ пересказомъ мнѣній отдѣльныхъ писателей объ имперіи и характеристиками нѣкоторыхъ представителей римской аристократіи и это назвалъ исторіей развитія римской императорской власти.

Въ детальнѣйшій разборъ книги здѣсь входитъ не мѣсто (см. Журналъ Мин. Нар. Пр. 1902, Апрель). И въ томъ, что приведено и упомянуто авторомъ, можно найти рядъ ошибокъ и неточностей, рядъ скороспѣлыхъ и непродуманныхъ сужденій объ отдѣльныхъ фактахъ, теоріяхъ и трудахъ другихъ авторовъ, которые къ тому же далеко не использованы авторомъ.

Подкупаетъ въ пользу автора только гладкій и ясный языкъ и легкость изложенія. Но изслѣдованія и детальной работы здѣсь искать нечего и кто хочетъ познакомиться съ дѣйствительно, критически провѣренной и продуманной исторіей императорской власти, долженъ искать ее въ другомъ мѣстѣ.

М. Ростовицка.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

Н. Харузинъ. «Этнографія».—*А. Ермоловъ.* «Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ».

Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакцію Вѣры и Алексѣя Харузиныхъ. Выпускъ I: 1. Часть общая. 2. Матеріальная культура. Спб. 1901. Цѣна 2 р. (X + 343 стр. 8°). Изданіе лекцій покойнаго Н. Н. Харузина по этнографіи рассчитано на 4 выпуска: первый, уже вышедшій въ настоящее время, содержитъ общее введеніе и обзоръ матеріальной культуры; второй долженъ носить заголовокъ «Семья и родъ»; третій—«Собственность и первобытное государство» и четвертый—«вѣрованія». Уже изъ этой программы видно, насколько интересно и широко поставлена задача: этнографія должна быть изложена во всѣхъ своихъ частяхъ, и это наложеніе, судя по первому выпуску, должно быть достаточно подробно. Если матеріалъ и въ слѣдующихъ выпускахъ окажется обработаннымъ съ тою же подробностью, то все сочиненіе должно будетъ составить почтенный томъ объемомъ болѣе 1.000 страницъ. Не касаясь пока содержанія перваго выпуска, надо сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи.

Въ предисловіи редакторовъ (ст. IX) указывается на то, что лекціи Н. Н. Харузина «не были авторомъ приготовлены къ печати». Однако, «измѣненія, внесенныя по необходимости редакторами, ни въ чемъ, не коснулись существа изложенія и носятъ чисто редакціонный характеръ, отразившійся на виѣшней сторонѣ изложенія... Въ концѣ выпуска помѣщенъ перечень трудовъ, легшихъ въ основаніе его содержанія; редакторы имѣютъ въ виду приложить къ четвертому выпуску подробный библиографическій указатель главнѣйшихъ сочиненій, имѣющихъ прямое отношеніе къ этнографіи». Для удобства справокъ «редакторы признали необходимымъ снабдить изданіе систематическими указателями именъ и предметовъ», помѣщаемыми въ концѣ каждаго выпуска. Такимъ образомъ, редакторы отнеслись къ дѣлу весьма серьезно и за составленіе указателей къ такому обширному труду мы можемъ быть имъ только благодарны. Насколько можно заключать по тѣмъ справкамъ, которыя намъ приходилось наводить при первомъ ознакомленіи съ книгою, предметный указатель (27 стр. мелкаго шрифта) достаточно полонъ. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать относительно библиографическаго указателя, помѣщеннаго на стр. 307—310 подъ именемъ «указателя источниковъ». Прежде всего бросается въ глаза странное смѣшеніе дѣйствительныхъ *источниковъ* этнографіи съ научными изслѣдованіями, которыя обыкновенно относятъ къ *литературѣ* предмета. Поэтому здѣсь мы встрѣчаемъ рядомъ имена Геродота и Харузина, Страбона и Тейлора. Кромѣ того поражаетъ и самый порядокъ, въ которомъ расположены сочиненія: порядокъ хронологическій, казалось бы самый удобный; но хронологія устанавливается по году изданія книги, и потому получается нѣсколько странная послѣдовательность: сочиненія Харузина и Геродота стоятъ рядомъ, такъ какъ Геродотъ въ переводѣ Мищенка появился въ 1885 году. Такимъ образомъ вмѣсто системы получается полнѣйшій безпорядокъ, и, чтобы найти какого-нибудь автора, приходится каждый разъ пересмотрѣть весь списокъ отъ начала до конца. При такихъ условіяхъ простой алфавитный порядокъ представляетъ гораздо больше удобствъ. Кромѣ того, этотъ библиографическій указатель не отличается и полнотой: не указаны, напр.; такія упоминаемыя въ книгѣ источники, какъ Тацитъ, Марко-Поло и др.; не указаны также многіе изъ упоминаемыхъ въ сочиненіи изслѣдователей, какъ Розпу, Вестермаркъ и др.

Такъ какъ покойный авторъ не считалъ своего труда приготовленнымъ для печати, то несправедливо было бы ставить ему въ вину нѣкоторыя шероховатости въ изложеніи и неясности въ описаніи.

Особенно рѣзкій примѣръ такой неясности даетъ описаніе способа добыванія огня у врезовъ на стр. 131 и сл. Такіе примѣры ясно показываютъ, насколько необходимы въ подобнаго рода сочиненіяхъ иллюстраціи, безъ которыхъ текстъ теряетъ почти всякій смыслъ: онъ ясенъ только тому, кто видѣлъ описываемое, т.-е. тому, кто уже и безъ описанія знакомъ съ предметомъ. Нельзя не пожалѣть поэтому, что въ книгѣ нѣтъ ни одной иллюстраціи, между тѣмъ какъ въ настоящее время техника этого дѣла настолько уже развилась, что иллюстраціи не могутъ считаться недоступною по дороговизнѣ роскошью. Отсутствие иллюстрацій особенно чувствительно въ первомъ выпускѣ, который почти весь посвященъ матеріальной культурѣ: въ послѣдующихъ выпускахъ отсутствие иллюстрацій не было бы, пожалуй, даже и замѣтно; но здѣсь въ рисункахъ чувствуется настоятельная потребность.

Всѣ эти замѣчанія касались исключительно виѣшности изданія, что же касается содержанія, то уже и редакторы совершенно справедливо отмѣчаютъ въ предисловіи (стр. IX), что «лекціи Н. Н. Харузина являются первымъ трудомъ на русскомъ языкѣ, приводящимъ въ систему изученіе этнографическихъ явленій». Этотъ трудъ отличается отъ подобныхъ трудовъ иностранныхъ уч-

ныхъ, по мѣнью редакторовъ, тѣмъ, что въ немъ впервые находятъ нѣсто многочисленныя факты изъ жизни русскаго племени и живущихъ въ Россіи инородцевъ. Дѣйствительно у иностранныхъ авторовъ рѣдко встрѣчается достаточное знакомство съ этнографіей Россіи. Въ этомъ отношеніи трудъ Н. Н. Харузина значительно дополняетъ труды западноевропейскихъ ученыхъ, хотя, конечно, нельзя сказать, что бы весь богатый этнографическій матеріалъ, собранный въ Россіи, былъ авторомъ использованъ. Да онъ, очевидно, и не имѣлъ этого въ виду. Этнографія до сихъ поръ такъ слабо разработана, что подобныя общіе курсы поневолѣ должны сводиться къ самымъ общимъ характеристикамъ, иллюстрируемымъ фактами изъ жизни народовъ земного шара. Такимъ образомъ внесеніе фактовъ этнографіи Россіи сводится по преимуществу къ такимъ иллюстраціямъ, вставляемымъ въ обычныя рамки, уже разработанныя западноевропейскою наукою.

Въ первомъ выпускѣ матеріалъ расположенъ слѣдующимъ образомъ. Первая общая часть (68 стр. 1) содержитъ краткое введеніе, «историческій обзоръ накопленія этнографическихъ матеріаловъ; исторію развитія этнографіи, какъ науки, ея задачи, методы и предѣлы; классификаціи человечества (sic) и этнографическихъ явленій». Вторая часть даетъ обзоръ матеріальной культуры сначала по археологическимъ даннымъ, а потомъ по даннымъ этнографіи. Этотъ послѣдній отдѣлъ распадается на 13 главъ, трактующихъ объ орудіяхъ дикарей, незнакомыхъ съ металлами, о добычаніи огня, о рясительной плетѣ, охотѣ и рыболовствѣ, о способахъ приготовления пищи, о первобытной пещерѣ, о прирученіи животныхъ, о земледѣліи, о жилищѣ, одеждѣ, о способахъ передвиженія, объ орудіи, обработкѣ металловъ, объ украшеніяхъ и искусствахъ. Противъ такого распредѣленія матеріала нельзя ничего возразить, кромѣ развѣ того, что, отдѣляя орудія отъ оружія, авторъ поневолѣ вынужденъ повторяться, такъ какъ у первобытнаго человѣка орудіе и оружіе почти совпадаютъ; поэтому, намъ кажется, было бы удобнѣе и то, и другое разсматривать вмѣстѣ въ одной главѣ.

Само собою разумѣется, что не всѣ главы этого сочиненія написаны одинаково: однѣ лучше, другія слабѣе. Особенно удачной показалась намъ глава о первобытномъ жилищѣ. Не останавливаясь дажѣ на подробностяхъ изложенія специальной части, намъ хотѣлось, однако, сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу общихъ вопросовъ, затронутыхъ во вводныхъ главахъ этого выпуска. Прежде всего нужно замѣтить, что авторъ держался того, по нашему мнѣнію, ложнаго взгляда на социологію, по которому она представляетъ изъ себя особую «обобщающую науку» (стр. 38), пользующуюся, какъ матеріаломъ, данными всѣхъ наукъ о человѣкѣ, «какъ членъ группы» (стр. 26). Объ этомъ недоразумѣніи мы говорили подробно въ рецензіи на книгу Уорда «Очерки социологіи» (см. «М. Б.», сентябрь, 1901), и потому не будемъ здѣсь снова повторять своихъ доводовъ. Намъ хотѣлось, однако, остановиться на другомъ, методологическомъ вопросѣ, который на нашъ взглядъ тоже неправильно поставленъ въ книгѣ Харузина,—это именно вопросъ объ историко-сравнительномъ методѣ. На стр. 29-й авторъ говоритъ; «Исходя изъ общаго положенія, что болѣе простыя и менѣе сложныя явленія должны предшествовать болѣе осложненнымъ, и располагая явленія въ этомъ порядкѣ, изслѣдователь получаетъ послѣдовательную цѣпь формъ, изъ которыхъ каждая будетъ соответствовать опредѣленной, установленной ступени развитія». Это довольно распространяемое «общее положеніе» заимствовано социологіей изъ естествознанія и принимается изслѣдователями обыкновенно на вѣру. Увѣренность въ его приложимость къ явленіямъ общественной жизни и человѣческой культурѣ основывается вовсе не на опытѣ, а скорѣе наоборотъ, несмотря на то, что опытъ часто этого положенія не подтверждаетъ. Что это дѣйствительно такъ,

можно видѣть даже изъ словъ самого же Харузина. На стр. 67-й и сл. онъ возвращается къ этому вопросу и говорить: «Классификація, которая имѣеть цѣлью установить преемственность явленій, исходитъ изъ основнаго положенія, что изъ двухъ явленій болѣе простое должно было предшествовать болѣе сложному. Это положеніе едва ли возможно оспаривать, такъ какъ оно оправдывается на всѣхъ явленіяхъ органической природы, будь то въ царствѣ животныхъ или растений». Въ этихъ словахъ сказывается твердая увѣренность въ томъ, что это «основное положеніе» должно быть справедливымъ, такъ какъ оно доказано для естествознанія. Далѣе приводятся примѣры изъ исторіи матеріальной культуры, подтверждающіе это положеніе, и авторъ указываетъ на то, при какихъ условіяхъ мы можемъ прилагать это основное положеніе и къ фактамъ «такъ называемой духовной культуры». Для этого необходимо, во-1-хъ, «привлеченіе возможно большаго количества матеріала и критическаго къ нему отношенія и, во-2-хъ, подробное изученіе явленія извѣстной категоріи не изолированно, а взятаго въ связи съ окружающими его явленіями въ той же группѣ». И какъ примѣръ обманчивости перваго впечатлѣнія, авторъ приводитъ иллюстрацію изъ исторіи семьи. «Союзъ родителей и дѣтей, т.-е. семья, можетъ казаться формою самой простой, а слѣдовательно, и наиболее первобытной. Но... не трудно увидать, что она (семья) лишь небольшая часть болѣе обширныхъ союзовъ, начинаая съ группы родственниковъ... и кончая наиболѣе обширнымъ союзомъ—государствомъ, въ составъ которыхъ входитъ семья» (стр. 68). Автору извѣстно, что семья, въ смыслѣ союза родителей и дѣтей, есть явленіе сравнительно новое, которому предшествуютъ родовыя организаціи, болѣе сложныя, чѣмъ позднѣйшая парная семья. Несмотря, однако, на это противорѣчіе «основному положенію», авторъ считаетъ необходимымъ его защищать. Сущность его аргументація сводится къ тому, что этотъ принципъ мы и не можемъ прилагать къ исторіи семьи, такъ какъ семья есть лишь одна изъ формъ «союзныхъ людей», а этотъ принципъ приложимъ лишь ко всѣмъ союзамъ въ цѣломъ. Если такъ, то защищаемое авторомъ «основное положеніе» въ приложеніи къ общественнымъ явленіямъ примѣнимо только къ «обществу» въ цѣломъ, и тогда мы возвращаемся къ исходному пункту возникновенія этого взгляда, къ органической теоріи общества, которая въ настоящее время не находитъ поддержки, по крайней мѣрѣ, сознательной, даже у социологовъ уардовскаго толка. Мы должны, слѣдовательно, въ положеніи: «изъ двухъ явленій болѣе простое предшествуетъ болѣе сложному» замѣнить слово «явленіе» какимъ-либо другимъ, такъ какъ не можемъ же мы признать, что формы семьи не явленія. Если мы вмѣсто «явленій» вставимъ болѣе широкій терминъ, какъ этого требуетъ аргументація автора, то получимъ, напр., такое положеніе: «изъ двухъ общественныхъ организацій болѣе простая предшествуетъ болѣе сложной». Весьма возможно, что это положеніе и справедливо, но въ такой формулировкѣ оно теряетъ свой методологическій смыслъ, такъ какъ лишь только научный анализъ коснется общества въ цѣломъ и расчленитъ общественную организацію на ея составныя элементы, основное положеніе наше уже не можетъ быть приложено къ этимъ элементамъ, такъ какъ мы опять можемъ принять первичное за вторичное и наоборотъ, подобно приведенному авторомъ примѣру изъ исторіи семьи.

Къ тому же выводу можно придти и другимъ путемъ. Въ исторіи человѣческой культуры мы встрѣчаемся нерѣдко съ такъ называемыми пережитками, т.-е. утратившими первоначальный свой смыслъ отрывочными остатками старины. Этотъ процессъ утраты стараго всегда идетъ параллельно съ созданіемъ новаго, и трудно сказать, чего больше въ культурѣ какого-либо народа въ данный моментъ, умирающаго ли, стараго или живаго—новаго. Никто, я думаю, не станетъ сомнѣваться, что отживающее не можетъ слѣдовать закону перехода

отъ простаго къ сложному, а потому ясно, что классификація явленій по степени сложности для опредѣленія ихъ хронологической послѣдовательности неприложима для доброй половины культурнаго достоянія человѣчества. Такимъ образомъ, и съ этой точки зрѣнія мы приходимъ къ тому же выводу, что наше «основное положеніе» въ методологическомъ отношеніи играетъ болѣе чѣмъ скромную роль. Это просто пережитокъ органической теоріи общества, сохраняющійся только по преданію во вводныхъ главахъ къ соціологическимъ сочиненіямъ.

Возражая противъ нѣкоторыхъ его воззрѣній, мы должны, во всякомъ случаѣ, признать, что эти воззрѣнія до сихъ поръ имѣютъ въ наукѣ своихъ защитниковъ, и потому они умѣстны и даже неизбежны въ книгѣ, представляющей изъ себя лекціи по этнографіи. Мы увѣрены поэтому, что трудъ покойнаго Н. Н. Харузина прочтутъ съ интересомъ всѣ занимающіеся этнографіей. Считаемъ долгомъ обратить вниманіе интересующихся на то, что все изданіе (4 выпуска) по подпискѣ будетъ стоить 5 руб., а въ отдѣльной продажѣ 7 руб., цѣна безусловно недорогая.

Д. Кудрявскій.

А. Ермоловъ. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. Т. I. Всенародный мѣсяцесловъ. Спб. 1901. 620 стр. Ц. 3 руб. Про крестьянина, пожалуй, съ большимъ правомъ, чѣмъ про поэта, можно сказать: «съ природою одною онъ жизнью дышалъ». И чѣмъ ниже культура данной страны, чѣмъ примитивнѣе орудія, которыми крестьянинъ обрабатываетъ землю, тѣмъ тѣснѣе и непосредственнѣе зависитъ все благополучіе крестьянина отъ капризовъ природы. Не даромъ нашъ русскій крестьянинъ говоритъ, что «не земля родитъ, а небо», «лѣто родитъ, а не поле», указывая этимъ, что какъ ни засѣвай и нивоздѣлывай землю, а неурожай или урожай все-таки будетъ цѣликомъ зависѣть отъ погоды, отъ того количества влаги, тепла и свѣта, которое пошлетъ на землю «небо». Неудивительно поэтому, что крестьянинъ испоконъ вѣка тревожно и пристально слѣдитъ за всѣми атмосферическими явленіями и бессознательно, чисто эмпирически подмѣчалъ ту несомнѣнную причинную зависимость, которая существуетъ между этими явленіями и урожайностью и неурожайностью года.

Вѣками накоплялись эти наблюденія, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, пополняясь, видоизмѣняясь, а отчасти и забываясь, и постепенно кристаллизуясь въ «народную сельскохозяйственную мудрость», въ пословицы, поговорки и примѣты, о которыхъ Пушкинъ писалъ:

Пастухъ и земледѣль, въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.

Цеховые ученые обыкновенно относились свысока къ этой «народной сельскохозяйственной мудрости», въ лучшемъ случаѣ видя въ ней лишь этнографическій и миеологическій матеріалъ, между тѣмъ какъ вѣковая наблюдательность сельскаго народа, такъ близко живущаго съ природою, не могла, хотя бы и въ наивной грубой формѣ, бессознательно выработать метеорологическія теоріи, которыми предстоитъ еще широко воспользоваться ученымъ метеорологамъ.

Книга г. Ермолова, въ которой съ необычайной тщательностью и любовью, затративъ на это огромный трудъ, авторъ собралъ тысячи пословицъ и поговорокъ, относящихся къ предсказаніямъ погоды, показываетъ, какъ много глубокихъ и на практикѣ подтвердившихся истинъ высказано въ этихъ поговоркахъ.

И съ полнымъ основаніемъ обращается авторъ къ ученымъ метеорологамъ со слѣдующими словами:

«Не слѣдуетъ ни пренебрегать этимъ опытомъ, этими безхитростными наблюденіями, выразившимися въ цѣломъ рядѣ народныхъ примѣтъ, пословицъ,

поговорокъ, ни игнорировать этотъ запасъ элементарныхъ, но подчасъ вполнѣ вѣрныхъ проявленій народной мудрости, которыя послужили, можно сказать, колыбелью нашей настоящей науки. Не слѣдуетъ забывать, что даже первыми астронамами были вѣдь не ученые люди, а простые халдейскіе пастухи... Но, выразивъ пожеланіе о томъ, чтобы наука въ будущемъ пошла рука объ руку съ житейскою народною мудростью, я считаю своимъ долгомъ предоставить на пользу науки, съ одной стороны, и русскихъ сельскихъ хозяевъ и практиковъ— съ другой, весь тотъ богатый матеріалъ, который мнѣ самому за долгіе годы удалось накопить, въ видѣ обширнаго собранія народныхъ пословицъ, поговорокъ и примѣтъ, относящихся къ самымъ разнообразнымъ явленіямъ природы, къ погодѣ—по временамъ года, мѣсяцамъ и днямъ, къ свѣтлдамъ небеснымъ, къ дождю и грому, къ теплу и холоду, къ урожаю, къ животнымъ, растеніямъ и т. п.».

Г. Ермолову удалось накопить поразительно обильный матеріалъ, что сдѣлать было тѣмъ труднѣе, что трудъ г. Ермолова является въ своей области первую систематическою работою.

Къ сожалѣнію только, авторъ ограничился хронологическимъ расположеніемъ собраннаго имъ матеріала по временамъ года, мѣсяцамъ и днямъ, отказавшись отъ теоретической и критической разработки его. «Вдохновившись одною изъ русскихъ же пословицъ, что «не то бѣда, коли въ хлѣбѣ лебеда, а вотъ бѣды, какъ ни хлѣба, ни лебеды», я сталъ наряду съ хлѣбомъ собирать въ свою кучу и эту лебеду въ надеждѣ, что не я, такъ другіе въ этой кучѣ впоследствии разберутся и всему свое мѣсто найдутъ». Вслѣдствіе этого, книга г. Ермолова наполнена сырымъ тяжелымъ матеріаломъ, который подлежитъ дальнѣйшей критической разработкѣ. Это обстоятельство, не умаляя научной цѣнности труда г. Ермолова, дѣлаютъ его, однако, для чтенія профановъ слишкомъ тяжеловѣснымъ, загромождающимъ память и вниманіе массою совершенно не нужнаго, сырого матеріала.

Г. Ермоловымъ приводятся пословицы, кромѣ русскихъ, еще и нѣмец., фран., англійск. и т. д. И какъ поразительно иногда совпадаютъ эти пословицы, хотя озанмствованіи здѣсь едва ли можетъ быть рѣчь. Вотъ, напр., примѣты на май: «Май холодный—годъ хлѣбородный» говорятъ русскіе крестьяне, «Se maggio va fresco, va ben la fava e vncò il formento» (если холоденъ май, то хороши будутъ бобы и хлѣба), говорятъ итальянцы; «a cold May and a windy—makes a full barn and a findy» (холодный и вѣтряный май даетъ полный и обильный урожай), говорятъ англичане; «kühler Mai bringt Korn, Stroh und Heu» (холодный май приноситъ хлѣбъ, соломѣ и сѣно), говорятъ нѣмцы. И съ подобными совпаденіями метеорологическихъ примѣтъ у самыхъ различныхъ народовъ—мы встрѣчаемся почти на каждой страницѣ интереснаго труда г. Ермолова.

П. Берлинъ

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

П. Крыловъ. «Флора Алтая и Томской губерніи».—А. Роювинъ. «Воздѣлываніе главнѣйшихъ кормовыхъ травъ».—Ю. Головинна. «На Памирахъ».—Европа. Географическій сборникъ».—А. Флеровъ. «Флора Владимірской губ.».—Юнгъ. «Уроки астрономіи».

П. Крыловъ. Флора Алтая и Томской губерніи. Руководство къ опредѣленію растеній Западной Сибири. I. Ranunculaceae-Rhamnaceae. Томскъ. 1906. Всякому, кто начиналъ интересоваться растительностью, кто пытался собирать растенія и опредѣлять ихъ, извѣстны тѣ огромныя затрудненія, которыя встрѣ-

чаются здѣсь на каждомъ шагѣ, благодаря недостатку пособій и руководствъ. Въ этомъ отношеніи только Московская губернія и вообще Средняя Россія стоятъ въ исключительномъ положеніи, для той области есть хорошія пособія—книги Маевского и Кауфмана. Опредѣленіе растений изъ другихъ частей Европейской Россіи представляетъ уже значительно большія затрудненія, такъ какъ книга Шмальгаузена менѣе пригодна для начинающихъ.

Опредѣленіе растений Сибири было до сего времени совершенно недоступно для лицъ, не владѣющихъ латинскимъ языкомъ, не имѣющихъ возможности пользоваться массивной «*Floa rossica*» Ледебура.

Въ настоящее время мы имѣемъ передъ собою первый выпускъ «Флоры Алтая и Томской губ.», составленной известнымъ флористомъ, П. Н. Брыловымъ. Первый выпускъ содержитъ краткое предисловіе, подробный перечень литературы по флорѣ Сибири, таблицъ для опредѣленія всѣхъ семействъ и затѣмъ, таблицы для опредѣленія родовъ и видовъ, а также подробныя описанія и указанія мѣстоахожденія видовъ. Всего описывается 332 вида, принадлежащихъ къ первымъ 24 семействамъ сибирской флоры. Это приблизительно $\frac{1}{5}$ часть всей западно-сибирской флоры.

Въ общемъ, таблицы для опредѣленія составлены весьма тщательно, описанія видовъ достаточно подробны. Несомнѣнно, книга эта будетъ настольной у каждого, кто только интересуется сибирской флорой. Но помимо этого, книга П. Н. Крылова имѣетъ и научное значеніе, какъ сводъ нашихъ свѣдѣній по флорѣ Западной Сибири; многія данныя здѣсь впервые опубликовываются, такъ какъ авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи много не изданныхъ, не обработанныхъ коллекцій.

Какихъ-либо серьезныхъ недосмотровъ въ книгѣ П. Н. Крылова, при внимательномъ изученіи ея, мы не замѣтили, и потому должны пожелать ей возможно широкаго распространенія среди русскихъ специалистовъ и любителей ботаники, а также выразить надежду въ ближайшемъ будущемъ видѣть и слѣдующіе выпуски этого полезнаго изданія.

Б. Федченко.

А. М. Роговинъ. Воздѣлываніе главнѣйшихъ кормовыхъ травъ. Съ 44 рисунками въ текстѣ. Изданіе А. И. Осипова. 1901 г. Цѣна 1 рубль. Съ каждымъ годомъ воздѣлываніе кормовыхъ травъ становится все болѣе и болѣе насущной потребностью всякаго сельскаго хозяина, крупнаго и мелкаго, крестьянина и помѣщика. Естественныхъ луговъ не хватаетъ, да и тѣ, которые есть, требуютъ ухода и улучшеній; между тѣмъ, руководствъ или пособій, которыя могли бы помочь мало свѣдующему человѣку, крайне недостаточно. Въ особенности же чувствуется недостатокъ въ пособіяхъ недорогихъ и рассчитанныхъ по содержанию и по изложенію, на хозяевъ мелкихъ и безъ большой общей подготовки.

Въ книгѣ г. Роговина, прежде всего, весьма наглядно указывается важность травосѣянія, къ которому все больше и больше начинаютъ прибѣгать не только отдѣльные хозяева, но и цѣлыя общины, чуть не сплошь цѣлые уѣзды. Затѣмъ авторъ обстоятельно описываетъ способы культуры и все относящееся къ посѣву и уборкѣ отдѣльныхъ видовъ кормовыхъ травъ—клевера краснаго, шведскаго, бѣлаго, люцерны, эспарцета, яввенника, вики, люпина, сераделлы и главнѣйшихъ злаковъ. Въ концѣ книги авторъ останавливается на уходѣ за лугами естественными и способахъ ихъ улучшенія.

Въ общемъ, книга составлена весьма тщательно и будетъ, несомнѣнно, полезна именно тѣмъ, кто наиболѣе нуждается въ руководствѣ и указаніяхъ—людямъ мало опытнымъ. Въ слѣдующемъ изданіи этой книгѣ, которое, полагаемъ, не замедлитъ появиться, возможно было бы сдѣлать нѣкоторыя сокращенія и такимъ образомъ удешевить книгу, а также улучшить рисунки.

Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторые недосмотры въ латинскихъ названіяхъ растений

(стр. 54, 55, 71) и неловкую фразу на стр. 177: «къ уходу за лугомъ нужно «нести также и пастбу скота». Между тѣмъ, какъ это видно и изъ книги Роговина, пастба скота на лугахъ относится не къ *уходу* за лугомъ, а къ *пору* луговъ.

Б. Федченко.

Ю. Головина. На Памирахъ. Записки русской путешественницы. Съ портретомъ, картой, 64 циннографіями и двумя прибавленіями. Москва 1902 г. Цѣна 1 р. 50 к. Мы, русскіе, рѣдко путешествуемъ по Россіи—безъ крайней къ тому надобности или какихъ-нибудь специальныхъ цѣлей. Да и отъ этихъ рѣдкихъ сравнительно путешествій мало выходитъ толку для большой публики, такъ какъ въ результатѣ получаютъ извѣстные томы «Трудовъ» путешественника или ничего не получается. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ надо привѣтствовать появленіе такихъ живо написанныхъ путевыхъ очерковъ, каковы книжка г-жи Головиной. Изъ дня въ день, шагъ за шагомъ, вѣстѣ съ небольшою экспедиціей, въ которой участвовали двѣ дамы, мы посѣтили Ташкентъ, Фергану, Памиры и вернемся опять назадъ. Многочисленныя иллюстраціи прекрасно передаютъ характеръ посѣщенныхъ мѣстностей и знакомятъ съ въоторыми деталями.

Экспедиція была обставлена съ внѣшней стороны довольно хорошо, такъ что особыхъ лишеній переносить участникамъ не приходилось; но нельзя не указать на то, что самое пребываніе на той большой высотѣ, какова высота Памировъ (около 3 верстъ надъ уровнемъ моря), крайне тяжела для непривычныхъ людей, да и во многихъ случаяхъ приходилось мириться съ весьма существенными неудобствами. Энергія обѣихъ путешественницъ заслуживаетъ полнѣйшаго уваженія.

Не ограничиваясь описаніемъ своихъ впечатлѣній изъ поѣздки на Памиры, г-жа Головина описываетъ довольно подробно свое пребываніе въ Ташкентѣ и Ферганѣ и здѣсь касается различныхъ сторонъ туркестанской жизни, различными наиболѣвшими тамъ вопросамъ, и, между прочимъ, касается анджанскаго возстанія, которое случилось какъ разъ въ годъ ея путешествія, говорить и о нашихъ непростительныхъ ошибкахъ, какъ, напр., казнь одного изъ сыновей знаменитой «царицы Алая», по подозрѣнію въ участіи въ убійствѣ русскаго; впоследствии, прибавляетъ г-жа Головина, было почти доказано, что въ день убійства онъ былъ за 150 верстъ отъ мѣста преступленія...

Поменьше такихъ ошибокъ и побольше путешествій по Туркестану, которые дали бы какъ научные результаты, такъ и чисто литературные путевые очерки!

Б. Федченко.

Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи, А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. 760 стр. съ 95 фотоцианогр. Москва. 1902 Цѣна 2 р. 75 к. Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ третій томъ географической хрестоматіи, издаваемой гг. Григорьевымъ, Барковымъ, Круберомъ и Чефрановымъ. Появленіе этой книжки свидѣтельствуетъ прежде, всего, о невсялкающей энергіи у гг. составителей этихъ хрестоматій, а затѣмъ—и о томъ, что книги эти, очевидно, хорошо расходуются среди читающей и учащейся публики, которой до сихъ поръ ничего подобнаго на русскомъ языкѣ не предлагалось.

«Европа» заключается въ себѣ 124 статьи или отрывка, знакомящихъ насъ съ природой и людьми всѣхъ странъ Западной Европы—отъ Норвегіи до Греціи. Европейская Россія не вошла сюда, такъ какъ составители этой книги готовятъ особый томъ, посвященный Россійской Имперіи.

«Европа» составлена по тому же плану, что и вышедшія раньше «Азія» и «Америка». Объемъ ея нѣсколько больше, чѣмъ тѣхъ двухъ книгъ, и это весьма пріятно, такъ какъ благодаря этому, составители могли съ достаточной подробностью развернуть картины Европейской природы и жизни.

Одно обстоятельство для насъ является не вполне понятнымъ: составители подчеркиваютъ въ своемъ предисловіи то обстоятельство, что они пользовались главнымъ образомъ, русскими источниками, «такъ какъ при описаніи Западной Европы особенно важна русская точка зрѣнія, тотъ сравнительный методъ, съ которымъ всякій русскій путешественникъ невольно подходитъ къ явленіямъ западно-европейской жизни». Намъ кажется, что это не совсемъ такъ, и во многихъ случаяхъ можно было бы дать интересныя и для русскаго читателя *переводныя* статьи по Европе. Впрочемъ, и сами составители даютъ нѣсколько переводныхъ статей.

Желаемъ «Европѣ» широкаго распространенія среди всѣхъ интересующихся разнообразной природой Западной Европы и жизнью ея обитателей.

Б. Федченко.

А. Ф. Флеровъ. Флора Владимірской губерніи. Москва. 1902 г. Цѣна съ пересылкой 3 р. 40 к. (складъ изданія: Москва, Бол. Молчановка, 43). 338 + 18 + 76 стр., съ 33-мя фотоцинографіями и 4-мя картами. Предъ нами извѣстный томъ, ученая диссертация, представляющая результатъ изслѣдованій, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ производившихся во Владимірской губерніи А. Ф. Флеровымъ. Однако, интересъ, представляемый этой книгой, далеко не ограничивается тѣми новыми данными спеціальнаго характера, которыя въ ней содержатся во множествѣ и крайне цѣныны для специалистовъ по флорѣ Россіи. Помимо чисто научнаго значенія, книга А. Ф. Флерова представляетъ интересъ для гораздо болѣе широкаго круга читателей и вотъ съ этой-то точки зрѣнія мы и скажемъ здѣсь о ней нѣсколько словъ.

Книга А. Флерова, благодаря чрезвычайно подробному, ясному и строго обдуманному способу изложенія, сразу знакомитъ насъ со всѣмъ растительнымъ міромъ Владимірской губерніи; это не сухой списокъ, каталогъ растений, а живое слово, описаніе всей губерніи въ ботаническомъ отношеніи, разчлененіе растительнаго покрова на тѣ *сообщества*, которыя можно тамъ отличить, описаніе взаимныхъ отношеній этихъ сообществъ, ихъ борьбы... Прибавимъ, что все это иллюстрировано въ изобиліи превосходными фотографіями.

Теперь всякій, кому по той или иной причинѣ придется заинтересоваться, научно или практически, флорой Владимірской губерніи, можетъ легко сдѣлать необходимую справку, пользуясь этой книгой. А флора губерніи этой чрезвычайно разнообразна, и есть мѣстности съ весьма оригинальной растительностью.

Ни для одной губерніи Россіи мы не имѣемъ еще до сихъ поръ подобной книги. Будемъ надѣяться, что примѣръ г. Флерова вызоветъ болѣе энергичную дѣятельность въ этомъ направленіи, какъ среди любителей природы, когорые собраніемъ матеріала и наблюденіями на мѣстѣ могутъ привести громадную пользу дѣлу изученія Россіи, такъ и среди специалистовъ ботаниковъ.

Пожелаемъ, чтобы въ недалекомъ будущемъ каждая губернія имѣла свою «флору», подобную разсматриваемой.

Б. Федченко.

Юнгъ. Уроки астрономіи. Краткій вступительный курсъ безъ математики. Переводъ съ послѣдняго американскаго изданія 1901 года П. Я. Морозова. Изд. О. Н. Поповой. 365 + XIII стр., 102 рис. Цѣна 1 руб. 50 коп. Переводъ книжки Юнга отвѣчаетъ давно назрѣвшей въ русской публикѣ потребности въ хорошемъ начальномъ руководствѣ по астрономіи. Если ищущіеся у насъ налицо учебники космографіи даже при занятіяхъ въ школахъ съ помощью преподавателя являются обыкновенно и скучными, и трудными, то для самостоятельнаго изученія они, конечно, совершенно непригодны. Уроки астрономіи, наоборотъ, могутъ быть рекомендованы въ этомъ отношеніи. Въ сжатой, но довольно легкой формѣ, авторъ даетъ своимъ читателямъ массу интереснаго матеріала. Это не компляторъ, а самъ мастеръ — извѣстный ученый и замѣчательный педагогъ, собравшій въ своей книжкѣ все существенное, характерное,

важное, такъ что она оказывается полезной даже для справокъ во многихъ случаяхъ. Авторъ любитъ небо и звѣзды, о которыхъ пишетъ, хочетъ, чтобы и читатель ихъ полюбилъ, по крайней мѣрѣ, чтобы отдалъ имъ неподдельное вниманіе. Съ первыхъ же страницъ онъ приглашаетъ его къ наблюденіямъ, правда первоначальнымъ, но, во всякомъ случаѣ, интереснымъ и важнымъ для оживленія дальнѣйшаго содержанія, трактующаго иногда о весьма мудреныхъ вещахъ. Въ концѣ книги, въ дополнительныхъ статьяхъ, даны указанія, какъ производятся и спеціальныя наблюденія, какіе инструменты употребляютъ астрономы, въ чемъ заключается существенное значеніе каждаго. Особенно интересны у Юнга главы о физическомъ строеніи небесныхъ тѣлъ. Здѣсь мы найдемъ и самыя послѣднія новости въ надлежащемъ ихъ освѣщеніи. Книга иллюстрирована весьма хорошими рисунками, издана она довольно изящно. Желаемъ ей успѣха, которого она заслуживаетъ. *К. Покровский.*

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

«Текущая школьная статистика Курской губерніи». — «Начальное народное образованіе въ Россіи».

Текущая школьная статистика курскаго губернскаго земства. Годъ пятый. 1900—1901 уч. г. Курскъ. Изданіе справочно-педагогическаго бюро курскаго губернскаго земства. 1901 г. Несмотря на пѣлый рядъ серьезныхъ препонъ и препятствій, вопросы народнаго образованія продолжаютъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ общей схемѣ всѣхъ земскихъ мѣропріятій. Интересъ къ нимъ въ средѣ земскихъ дѣятелей не только не ослабѣваетъ, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается и, повидимому, ждетъ только первыхъ «весеннихъ дней», чтобы проявиться въ самомъ широкомъ масштабѣ. Въ настоящее время серьезнымъ препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію земской дѣятельности въ области народнаго образованія является, между прочимъ, новый законъ о предѣльности земскихъ расходовъ, который допускаетъ увеличеніе земскихъ бюджетовъ всего лишь на 3% противъ предыдущаго года. Нѣкоторымъ земствамъ уже пришлось считаться съ этимъ ограниченіемъ и отказаться поневолѣ отъ увеличенія расходовъ на народное образованіе; но несмотря на всѣ тучи, которыя сконпляются на земскомъ горизонтѣ, земства, повторяемъ, усиленно занимаютъ вопросомъ народнаго образованія, и надо надѣяться, найдутъ какой-нибудь выходъ изъ настоящаго, въ высшей степени тягостнаго и ненормальнаго для нихъ положенія. Жизнь съ каждымъ днемъ дѣлается все сложнѣе и сложнѣе, и потребность въ образованіи растетъ въ народной массѣ не по днямъ, а по часамъ. Все это хорошо сознаетъ наше земство и напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы помочь сельскому населенію въ его стремленіи къ свѣту. Много сдѣлано уже земствами въ этомъ отношеніи, но неизмѣримо больше еще осталось ему сдѣлать. Указанный въ началѣ нашей замѣтки отчетъ курскаго губернскаго земства краснорѣчиво подтверждаетъ все вышеприведенное, и тотъ, кто внимательно просмотритъ этотъ прекрасно составленный статистическій трудъ, будетъ имѣть ясное представленіе, на примѣрѣ курскаго губернскаго земства, о современномъ положеніи земской школы, а также о томъ, что сдѣлано земствомъ въ области народнаго образованія и что ему остается еще сдѣлать. А остается сдѣлать, повторяемъ, еще очень многое. Такъ, напр., изъ отчета курскаго губернскаго управы видно, что 5.610 дѣтей остались въ 1900 году въ Курской губерніи за дверью земской школы. Но кромѣ этой пяти-тысячной толпы дѣтей, «стучащейся въ двери земской школы» и не могущей быть принятой въ нее, еще большее число дѣтей остается, по словамъ отчета,

*

безъ всякой возможности приобрести начальное образование «за отсутствиемъ въ селѣ школы или по матеріальнымъ обстоятельствамъ». По подсчету справочно-педагогическаго бюро курскаго земства, *половина всѣхъ дѣтей губернии, нуждающихся въ обученіи, не попадаетъ въ сельскую школу.* Такимъ образомъ, для курскаго земства 700.000 р., которые оно тратитъ выѣстъ сельскими обществами на дѣло народнаго образованія, являются далеко еще не достаточной суммой и не могутъ удовлетворять вполне существующую потребность въ школахъ. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать то затрудненіе въ средствахъ, какое встрѣтитъ курское земство при дальнѣйшемъ развитіи школьной сѣти, если не будетъ отмененъ вышеуказанный временный законъ. Въ отчетномъ 1900—1901 уч. году число школъ, содержимыхъ уѣзднымъ земствомъ Курской губерніи, возросло съ 685 до 710 и обучалось въ нихъ 42.280 мал. и 9.616 дѣв., а всего, стало быть, 52.896 чел. Кроме этихъ данныхъ, въ настоящемъ отчетѣ читатели найдутъ много интересныхъ свѣдѣній объ учащихъ въ земскихъ школахъ Курской губ., объ ихъ матеріальномъ и семейномъ положеніи, о народныхъ и школьныхъ бібліотекахъ, вечернихъ занятіяхъ со взрослыми, школьныхъ праздникахъ и пр. Особая глава посвящена выясненію роли курскаго губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія за послѣднія 6 лѣтъ. Въ отчету приложены два доклада по вопросу о введеніи четырехлѣтняго курса обученія въ земскія школы. Особый интересъ представляетъ глава, въ которой разсматривается вопросъ о семейномъ положеніи и воспитаніи дѣтей учителей земскихъ школъ и которая даетъ достаточно матеріала для сужденія о тѣхъ причинахъ, какія заставляютъ учителя сельской школы при первой возможности мѣнять свою педагогическую дѣятельность на болѣе обеспеченную службу, напр., сидѣльца въ казенной винной лавкѣ. Въ концѣ отчета помѣщены цифровыя данныя о начальныхъ народныхъ училищахъ Курской губерніи.

Конст. Дитсонъ.

Начальное народное образованіе въ Россіи. Подъ редакціей членовъ совѣта бывшаго с. петербургскаго комитета грамотности Г. Фальборна и В. Чернолускаго. Томъ IV. Комбинаціонныя таблицы по губерніямъ. Спб. 1902 г. Изданіе Императорскаго вольнаго экономическаго общества. Цѣна 6 р. Въ свое время мы отмѣтили на страницахъ нашего журнала появленіе на свѣтъ первыхъ двухъ томовъ этого замѣчательнаго изслѣдованія и познакомили въ общихъ чертахъ съ его содержаніемъ. Въ настоящее время вышелъ IV томъ этого труда, такъ какъ печатаніе III тома, какъ видно изъ предисловія, еще не закончено, вслѣдствіе задержки въ доставленіи нѣкоторыхъ дополнительныхъ разъясненій и свѣдѣній. Въ первые два отдѣла IV тома входятъ комбинаціонныя таблицы по губерніямъ и районамъ, составленныя на основаніи данныхъ первыхъ двухъ томовъ. Въ третьемъ и четвертомъ отдѣлахъ IV тома заключаются комбинаціонныя таблицы по губерніямъ и районамъ со свѣдѣніями о низшихъ правильно организованныхъ училищахъ, въ связи съ пространствомъ и населеніемъ. Въ предисловіи къ настоящему IV тому гг. редакторы выясняютъ значеніе данныхъ объ учащихся, окончившихъ курсъ, и о годахъ открытія училищъ. При этомъ надо сказать, что относительно значенія данныхъ объ окончившихъ курсъ существуютъ два, діаметрально-противоположные взгляда. Французскіе изслѣдователи школьнаго дѣла придають даннымъ объ окончившихъ значеніе очень важное, американцы, наоборотъ, принимаютъ во вниманіе, главнымъ образомъ, число учащихся. Настоящее изслѣдованіе даетъ и тѣ, и другія данныя. Что же касается вообще данныхъ о годахъ открытія, то, кромѣ своего непосредственнаго значенія, они могутъ еще, по мнѣнію гг. Фальборка и Чернолускаго, «играть роль суррогата для характеристики историческаго развитія школьнаго дѣла» и пренебрегать такими суррогатами не приходится, въ виду полнаго отсутствія у насъ «доброкачественной»

ретроспективной статистики». Исслѣдованіе Императорскаго вольнаго экономическаго общества было произведено, какъ извѣстно, на 1 января 1894 года, т.-е. 8 лѣтъ тому назадъ. Естественно, поэтому, рождается вопросъ: не устарѣло ли настоящее исслѣдованіе и не потеряло ли оно свой *raison d'être*, т.-е. свое жизненное и практическое значеніе? На это мы находимъ слѣдующій отвѣтъ въ предисловіи: «Принимая во вниманіе естественный приростъ дѣтей школьнаго возраста и исходя изъ положенія школьнаго дѣла на 1 января 1894 года, мы получаемъ, что для того, чтобы дать мѣсто въ школахъ всему приросту дѣтей школьнаго возраста, къ 1 января 1902 года надо было открыть еще 40.660 новыхъ училищъ при полномъ числѣ дѣтей школьнаго возраста или 20.850 школъ при четырехгодичномъ учебномъ періодѣ. Въ первомъ случаѣ общее число низшихъ правильно организованныхъ училищъ на 1 января 1902 г. должно было достигнуть 84.896, во второмъ—62.282. Только въ такомъ случаѣ, за бортомъ народной школы оставалось бы на 1 января 1902 года такое же число дѣтей школьнаго возраста, какъ восемь лѣтъ тому назадъ, на 1 января 1894 г.». Посмотримъ теперь, что оказывается на самомъ дѣлѣ. Точныхъ данныхъ о школьномъ дѣлѣ на 1 января 1902 г. не имѣется, но можно опасаться, что картина 1894 года, представленная настоящимъ исслѣдованіемъ, будетъ «скорѣе *оттимистической, чѣмъ пессимистической*». «Въ самомъ дѣлѣ,—читаемъ мы далѣе въ томъ же предисловіи,—разсматривая данныя о годахъ открытія училищъ, мы видимъ, что ни одно десятилѣтіе не давало болѣе 1.700 ежегодно открывавшихся училищъ; превысили эту норму только 1884 г. (1.806 училищъ), 1885 г. (2.184 училища) и 1886 г. (1.951 училище), но на нихъ, безъ сомнѣнія, отразился законъ о церковно-приходскихъ школахъ. За 1893 годъ было открыто только 1.602 училища. Между тѣмъ, для того, чтобы сохранить въ школьномъ дѣлѣ *status quo* и обучать весь приростъ числа дѣтей школьнаго возраста, у насъ необходимо было бы открывать ежегодно отъ 5082 (при школьномъ возрастѣ 7—14 лѣтъ) до 2.606 (при четырехгодичномъ учебномъ періодѣ) новыхъ училищъ». Такимъ образомъ, въ среднемъ, полученныя исслѣдованіемъ данныя, безусловно, сохраняютъ значеніе и для характеристики современнаго положенія дѣла. Обратимся теперь къ нѣкоторымъ даннымъ IV тома. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе таблица распредѣленія уѣздовъ (селеній) и городовъ по количеству ежегодно открывавшихся въ нихъ низшихъ правильно организованныхъ училищъ въ періоды 1856—1893, 1856—1880 и 1881—1893 гг. Въ періоды 1856—1893 гг. ежегодно открывалось училищъ 907,7. Въ эту цифру входятъ всѣ низшія училища всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ, а также и частныя училища III разряда. Изъ нихъ общественныхъ одноклассныхъ училищъ было открыто 515,6 и одноклассныхъ училищъ вѣдомства св. синода 290,6.

Только что разсмотрѣнный періодъ распадается на двѣ эпохи: эпоху императора Александра II (1856—1880 гг.) и эпоху императора Александра III (1881—1893 гг.). Въ первую эпоху было открыто низшихъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ—704,8; общественныхъ одноклассныхъ училищъ—564,0 и одноклассныхъ училищъ вѣдомства св. Синода—61,9. Во вторую разсматриваемую нами эпоху картина рѣзко мѣняется: цифра общественныхъ одноклассныхъ училищъ падаетъ до 422,5, страшно поднимается цифра одноклассныхъ училищъ вѣдомства св. Синода, которая съ 61,9 доходитъ до 730,4 и сильно увеличивается также число частныхъ училищъ, что объясняется, конечно, попытками общества найти какой-нибудь выходъ. Интересной является таблица, которая показываетъ распредѣленіе уѣздовъ (селеній) и городовъ по количеству низшихъ правильно организованныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ и частныхъ училищъ III-го разряда, открытыхъ въ 1893 году. Всего было открыто училищъ въ селеніяхъ 1.182 и въ городахъ 320. При этомъ

этомъ одно училище было открыто въ 164 сел. и 139 гор.; два училища въ 101 сел. и 30 городахъ; три училища въ 87 сел. и 10 городахъ; отъ 5—10 училищъ въ 32 сел. и 2 городахъ и болѣе 10 училищъ въ 4 селеніяхъ и 3 городахъ. Слѣдующая интересная таблица даетъ свѣдѣнія о распредѣленіи уѣздовъ (селеній) по числу квадратныхъ верстъ и селеній, приходящихся на одно низшее правильно организованное училище. Въ среднемъ на одно училище приходится 500,1 кв. верстъ. До 25-ти кв. верстъ приходится на 19-ть училищъ, отъ 25-ти до 50-ти верстъ на 170 учил.; отъ 50-ти до 70-ти на 141 учил.; отъ 75-ти до 100 на 80 училищъ. 100 кв. верстъ имѣютъ своимъ райономъ 400 училищъ! Болѣе 100 кв. вер.—123 училища, болѣе 300 кв. вер.—22, болѣе 500 кв. вер.—26 и болѣе 1.000 кв. верствъ 102 училища! Невольно вспоминается при этомъ знаменитый докладъ А. Н. Страннолюбскаго о «Пятихъ невѣжествахъ». Этотъ докладъ всплыветъ также въ памяти всякаго, кто просмотритъ хотя бы таблицу распредѣленія уѣздовъ и городовъ по числу дѣтей школьнаго возраста (7—14 лѣтъ), *остающихся безъ обученія*. Мы не будемъ здѣсь приводить цифры по уѣздамъ, а прямо возьмемъ общее число дѣтей школьнаго возраста, остающихся безъ обученія. Таковыхъ въ уѣздахъ числится 15.720.828 и въ городахъ 2.070.244! Итакъ, мы, какъ видятъ читатель, имѣемъ 17.791.066 дѣтей остающихся безъ школьнаго обученія. Эта грандіозная цифра стоитъ передъ нами какъ ужасный призракъ и до нѣкоторой степени можетъ служить объясненіемъ того печальнаго экономическаго положенія, въ какомъ находится наше крестьянство. Мы не думаемъ, конечно, что экономическое положеніе народа зависитъ исключительно отъ степени его развитія и образованія. Здѣсь, конечно, оказываютъ вліяніе и многіе другіе факторы, но народное образованіе все же является среди нихъ однимъ изъ главныхъ. Единственный выходъ изъ современнаго печальнаго положенія—это всеобщій крестовый походъ противъ невѣжества и самое широкое участіе русскаго общества и, главнымъ образомъ, земства въ дѣлѣ устройства и веденія народной школы. Безъ помощи живыхъ общественныхъ силъ эти семнадцать милліоновъ дѣтей такъ и останутся за дверями школы и «пятью народнаго невѣжества» будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться, содѣйствуя при томъ не только моральному и физическому вырожденію народа, но, какъ мы уже указали выше, и его экономическому разоренію.

Замѣчательное изслѣдованіе гг. Фальборка и Черногускаго открыло намъ ужасную истину, рядомъ съ которой всѣ современныя мѣропріятія въ области народнаго образованія покажутся простой «гомеопатіей». *17 милліоновъ дѣтей*, повторяемъ, *остаются за дверями школы*, и его должны помнить всѣ, для кого дѣйствительно дорого культурное развитіе нашей родины.

Конст. Диксонъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го февраля по 15-ое марта 1902 г.).

- Д. Ротгаузъ. Пѣсни любви и печали. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.
- Е. Н. Опочининъ. Изъ давнихъ лѣтъ. Разсказы. Изд. ред. «Дѣтск. Чтенія». Мск. 1902 г. Ц. 20 к.
- Генри-Джорджъ. Запутавшійся философъ. Перев. съ англ. Николаева. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
- С. И. Ростовцевъ. Для начинающихъ. Посobie къ опредѣл. цвѣтков. растеній. Мск. 1902 г. Ц. 5 к.
- В. А. Кузьминъ-Каразаевъ. Проектъ земск. управленія въ 13-ти немеск. губерніяхъ. Спб. 1902 г.
- М. М. Шуцкій. Свѣдѣнія изъ русск. законовъ. Для народн. чтенія. Изд. К. И. Тихомирова. Мск. 1902 г. Ц. 50 к.
- Брѣѣ. Порченныя. Пьеса. Перев. Ф. Корша. Мск. 1902 г. Ц. 50 к.
- Докт. мед. В. Луицъ. Пища и болѣзни желудка. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.
- Б. Магалифъ. Систем. сборникъ геометрич. задачъ на вычисленіе. Изд. кн. магаз. Думнова. Мск. 1902 г. Ц. 40 к.
- М. А. Дериовъ. Устройство улья Дидона. Изд. «Зов». Спб. 1902 г. Ц. 35 к.
- Е. Н. Опочининъ. Въ деревнѣ и на охотѣ. Мск. 1902 г. Изд. ред. «Дѣтск. Чтенія». Ц. 15 к.
- Гоголевскій сборникъ. Изд. то же. Ц. 60 к.
- Указатель статей и замѣтокъ по вопросу город. живни помѣщ. въ «Извѣстіяхъ московск. город. думы». Мск. 1902 г.
- Стан. Пишбышевскій. На распутъи. Перев. Эрве. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.
- Д-ръ мед. М. Ю. Лахтинъ. Краткій біограф. словарь знамен. врачей всѣхъ временъ. Изд. «Медицинск. журн.». Спб. 1902 г. Ц. 75 к.
- Д-ръ П. И. Кедровъ. Условія труда и жизни лицъ низш. медицинск. персонала въ Россіи. Изд. то же. Ц. 50 к.
- В. Г. Виленецъ. Задачи и дѣятельн. бюро содѣйств. труду въ Германіи. Мск. 1902 г. Ц. 10 к.
- Постановленія Мелитопольск. уѣздн. земск. собранія XXXVI очередн. сессіи. Мелитополь. 1901 г.
- Г. К. Штембергъ. Коммерч. образов. въ Швейцаріи. Спб. 1901 г.
- Н. П. Коробчевскій. Около правосудія. Спб. 1902 г. Ц. 2 руб.
- С. А. Мокржецкій. Вредныя животныя и растенія въ Таврич. губ. Симферополь. 1901 г. Ц. 60 к.
- П. Мижуевъ. Лондонскія школы и начальн. въ Англіи. Спб. 1902 г. Изд. ред. журн. «Образованіе». Ц. 40 к.
- К. Д. Покровскій. Успѣхи астрономіи въ XIX стол. Изд. то же. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 20 к.
- М. Кроль. Роль желѣзн. дорогъ и водныхъ путей сообщенія. Спб. 1902 г. Ц. 70 к.
- Сборникъ матеріал. по вопросу объ Астрах. желѣзн. дорогѣ. Астрахань. 1899 г. Ц. 5 руб.
- И. М. Ивановъ. Русскіе кустари. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.
- С. Старосивильскій. К. Д. Ушинскій, его жизнь и дѣятельность. Варшава. 1902 г.
- А. Веселовскій, Байронъ. Біограф. очеркъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Волжскій. Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб. 20 коп.
- Докт. филос. А. Родъ. Гауптманъ и Нитцше. Перев. съ нѣм. Мск. 1902 г. Ц. 40 к.
- А. П. Воротининъ. Анна Ярославна, королева Франціи. Изд. кн. склада Ефимова. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
- Д-ръ Е. М. Брусиловскій. Историч. очеркъ разв. бальнеологіи и гидрологіи. Одесса. 1901 г.
- Евг. Соловьевъ. Очерки по исторіи русск. литерат. XIX вѣка. Спб. Изд. Карабасникова. 1902 г. Ц. 2 р.
- Гр. А. А. Бобринской. Секта Исмаилія. Мск. 1902 г.
- С. Щербановъ. Курсъ космографіи для средн. учебн. заведеній. Н.-Новгородъ. 1902 г.
- Д-ра Генр. Шурца. Краткое народовѣдѣніе. Перев. Д. Коробчевскаго. Изд. ред. «Дѣтское Чтеніе». Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

- Н. И. Каръевъ. Политическ. исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Изд. об-ва «Брокгаузъ-Ефронъ». Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- П. Н. Ардашевъ. Абсолютная монархія на Западѣ. Изд. то же. Ц. 1 р.
- И. М. Амичковой. Изъ деревни. Спб. 1902 г. Ц. 70 к.
- П. Таннери. Первые шаги древне-греческой науки. Перев. съ предисл. проф. А. И. Введенскаго. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.
- И. Головинъ (К. Орловскій). Полное собр. сочиненій. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Ежегодникъ русскихъ сельско хоз. опытныхъ учреждений. Вып. I. Спб. 1901 г.
- Е. С. Федоровъ. Курсъ кристаллографіи. Спб. Изд. К. Д. Риккера. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Смиталецъ. Разказы и пѣсни. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.
- А. Андреевъ. Разказы. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.
- Софюль. Эдипъ-царь. Эдипъ въ колоннѣ. Антигона. Перев. Д. Мережковскаго. Спб. 1902 г. Ц. до 40 к.
- Земля. Скованный Прометей. Перев. Д. Мережковскаго. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.
- Звириндъ. Медя. Ипполитъ. Перев. Д. Мережковскаго. Спб. 1902 г. Ц. по 40 к.
- Е. Булгакова. Изъ жизни средневѣкового ремесленника. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушника. Спб. 1902 г. Ц. 50 коп.
- Ө. Тищенко. Разказы. Мск. 1902 г. Ц. 1 руб.
- Поль Адамъ. Византия. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.
- Габр. Д'Аннуцио. Сонъ осенняго вечера. Трагическая поэма. Мск. 1902 г. Цѣна 50 коп.
- Чехъ. Разказы и очерки. Т. III. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ф. П. Мупчинскій. Собраніе сочиненій въ 2-хъ част. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
- И. Я. Гуляндъ. Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ. Ярославль. 1902 г. Ц. 3 руб.
- Проф. А. Е. Щербакъ. Кланч. лекціи по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ. Варшава. 1901 г.
- А. Рождествинъ. Левъ Толстой въ критической оцѣнкѣ Мережковскаго. Казань. 1902 г. Ц. 20 к.
- Его же. Жизнь и поэзія Никитина. Казань. 1902 г. Ц. 35 к.
- Н. Софистъ. Проектъ мѣръ болѣе точнаго опредѣленія степени убѣжденности соврем. писателей. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.
- М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II, вып. XIV. Изд. Юргенсона. Мск. Ц. 40 к.
- Г. Риманъ. Музыкальн. словарь. Вып. IV. Изд. Юргенсона.
- Марія Басанинъ. Записки эмигранта въ Южн. Америкѣ. Изд. Суворина. 1902 г. Ц. 1 руб.
- А. П. Мецкерскій. Исповѣданія и крестьянск. заработокъ. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.
- Н. В. Гоголь. Похождения Чичикова. Ревизоръ. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Женитьба. Тарасъ Бульба. Миргородъ. Повѣсти. Изд. Суворина. «Дешевая библіотека».
- Н. Пружанскій. Разказы. Т. I. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Труды съѣзда дѣятелей агрономич. помощи мѣстн. хозяйству. Мск. 1901 г.
- І. О. Петерсонъ. Наша пища. Какъ надо питаться, чтобы быть здоровымъ. Изд. Посредника. Мск. 1901 г. Ц. 90 к.
- Проф. Ю. Вагнеръ. Разказы о томъ какъ устроены и какъ живутъ растенія. Изд. то же. Ц. 18 к.
- Сборникъ статей въ помощь самообразов. по матем., физикѣ, химіи и астрономіи. Вып. IV. Мск. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Шиллеръ. Два Пикколомини. Смерть Валленштейна и друг. Перев. П. А. Каленова. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 75 к.
- П. А. Каленовъ. Будда. Поэма Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Сост. И. Михайлова. Краткая грамматика. Русск. яз. въ конспектахъ. Ирбитъ. 1901 г. Ц. 1 р.
- Н. В. Гоголь. Полное собр. сочиненій съ иллюстрац. въ 3-хъ том. Изд. Сытина. Ц. 3 р. 58 к.
- Данте-Алигери. Божеств. комедія. Адъ. Т. I. Перев. Дм. Мина. Изд. А. С. Суворина. 1902 г. Цѣна 3-хъ томовъ 7 руб. 50 коп.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Les arts et les métiers chez les animaux*» par M. Coupin (Nony et Co). (Искусства и ремесла у животных). Автор этой интересной книги не избѣжалъ общей участи всѣхъ любителей животныхъ; онъ также идеализируетъ ихъ. Даже самые знаменитые натуралисты грѣшили этимъ. Авторъ, конечно, слѣдуетъ по ихъ стопамъ, утверждая, что большинство нашихъ искусствъ и ремеселъ встрѣчаются среди животныхъ. Тѣмъ не менѣе онъ все-таки собралъ въ своей книгѣ очень многочисленныя доказательства ума животныхъ. Его классификація ремеселъ у животныхъ очень оригинальна и приводимыя имъ образчики дѣятельности животныхъ въ высшей степени любопытны.

(Journal des Débats).

«*Les Entrailles de la terre*» par M. E. Courtier (Nony et Co). (Ндра земли). Авторъ заставляеть читателя спускаться съ нимъ въ копи и каменоломни, на дно рѣкъ и въ подземелья и наблюдать гигантскую работу, производимую подъ дномъ океана и въ глубинахъ земли. Это—геологія, доступная вниманію самаго широкаго круга читателей, начинающаго все болѣе и болѣе интересоваться чудесами современной науки. Книга знакомитъ читателя съ прогрессомъ геологіи и представляетъ одно изъ лучшихъ популярныхъ изложеній этой науки.

(Revue des Revues).

«*Les Évasions célèbres*» (Hachette et Co). (Знаменитыя побѣги). Исторія знаменитыхъ побѣговъ разсказывается въ этой книгѣ на основаніи мемуаровъ, корреспонденціи и повѣствованій историковъ. Книга читается съ захватывающимъ интересомъ, хотя и представляетъ строго научное историческое изслѣдованіе, опирающееся на документы и факты.

(Journal des Débats).

«*Studies in Political and Social Ethics*» by David G. Ritchie (Swan Sonnenschein) (Очерки политической и социальной этики). Въ книгѣ заключается восемь очерковъ, въ которыхъ авторъ развиваетъ свой вы-

сокій идеалъ государства, въ основу котораго заложены принципы политической и социальной этики.

(Daily News).

«*A History of Political Theories, ancient and Mediaval*» by M. A. Dunning. Prof. of History (Macmillan and Co). (Исторія политическихъ теорій, древнихъ и среднихъ вѣковъ). Авторъ начинаетъ съ развитія политическихъ теорій въ Греціи и оттуда переходитъ въ Римъ, гдѣ изучаетъ конституціонное развитіе, затѣмъ онъ описываетъ развитіе средневѣковыхъ учреждений и влияние на нихъ христіанской доктрины и власти духовенства. Читатель можетъ прослѣдить всю исторію развитія политическихъ идей, начиная съ возникновенія папства, составлявшаго громадную силу и до его паденія.

(Daily News).

«*Aerztliche Ethic. Die Pflichten des Arztes in allen Beziehungen seiner Thätigkeit von Dr Albert Moll. Stuttgart (Ferdinand Guke)*». (Врачебная этика). Авторъ рассматриваетъ всестороннимъ образомъ въ высшей степени трудный вопросъ врачебной этики и наслѣдуетъ положеніе врача въ разныхъ затрудительныхъ случаяхъ. Книга эта интересна не только для врачей, для которыхъ она можетъ служить до нѣкоторой степени руководствомъ, но и для юристовъ.

(Frankfurt. Zeit).

«*Souveraines et grandes dames. Madame Récamier» Avec documents nouveaux et inédits pour Joseph Turquan (I. Tallandier)*. 3 fr. 50 (Монархини и сѣмскія дамы; т-жа Рекамье). Исторія г-жи Рекамье тѣсно связана съ исторіей многихъ ея выдающихся современниковъ и поэтому представляетъ двойной интересъ, тѣмъ болѣе, что въ ней отражается замѣчательная эпоха французской исторіи. Авторъ воспользовался для своей книги многими еще не изданными документами.

(Journal des Débats).

«*La Magie moderne ou l'hypnotisme de nos jours*» par H. Dorangeon (P. Téqui) 3 fr. 50. (Современная магія и гипнотизмъ нашихъ дней). Это переводъ итальянскаго

сочиненія, авторъ собралъ огромный матеріалъ фактовъ, при помощи которыхъ онъ устанавливаетъ различіе между истиннымъ и ложнымъ гипнотизмомъ и указываетъ, въ какой мѣрѣ гипнотизмъ допускается католическою церковью.

(Journal des Débats).

«Die karikatur der europäischen Völker vom Alterthum bis zur Neuzeit» von Eduard Fuchs. Mit 500 Illustrationen und 60 Beilagen hervorragender und seltener Kunstblätter in schwarz und Farbendruck. Berlin. (Hoffmann und Co.). (Карриатура у европейскихъ народовъ съ древнихъ временъ до настоящаго времени). Это издание выходитъ сериями и отличается необыкновенною тщательностью обработки огромнаго матеріала, такъ какъ издателю пришлось просмотрѣть около 68.000 карриатурныхъ листовъ и выбранный матеріалъ снабдить соответствующими комментаріями и текстомъ. Эта исторія карриатуры можетъ служить путеводителемъ въ исторію культуры европейскихъ народовъ, такъ какъ въ карриатурахъ отражалась эволюція общественной жизни и общественныя теченія, издание доведено до мартовскихъ событий 1848 г. Въ слѣдующихъ выпускахъ авторъ предполагаетъ разработать послѣдующее развитіе карриатуры въ 1898 году и въ 1866 г. и 1870 г. г. и отраженіе въ ней различныхъ общественныхъ и политическихъ событий и теченій.

(Frankfurt. Zeit.).

«Die moderne Agrarfrage» von D-r Alfred Nossig. Berlin 1902. (Akademisches Verlag für Sociale wissenschaften). (Современный аграрный вопросъ). Несмотря на свое названіе, книга рассматриваетъ только одну сторону проблемы современнаго аграрнаго вопроса, а именно: положеніе и надежды крестьянскаго сельскаго хозяйства. Авторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи большой матеріалъ и пользуется имъ очень искусно. Большимъ достоинствомъ книги являются ясность мысли и прекрасный слогъ автора.

(Frankfurt Zeit.).

«Psychologie du Rire» par D-r L. Du-gas. Paris (Félix Alcan) 2 fr. 50. (Психологія смѣха). Очень интересная книга, авторъ которой излагаетъ теорію смѣха, его психологическое значеніе и внѣшнія проявленія.

(Journal des Débats).

«Das Weib und der Intellectualismus» von Oda Olberg (Verlag von John Edelheim). Berlin. (Женщина и интеллектуализмъ). Книга эта написана не только въ защиту женщинъ, но и для того чтобы доказать необходимость удовлетворенія ея справедливыхъ требованій. Между прочимъ, авторъ, пользуясь аргументами противниковъ женской эмансипаціи, постоянно выдвигаетъ на первый планъ

материнство, какъ истинное призваніе женщины, доказываетъ, какое важное значеніе имѣетъ образованность и умственнае развитіе матери для ея потомства.

(Berliner Tageblatt).

«A Rhide in Morocco» by Frances Mac-nab (Arnold). (Помѣрка въ Марокко). Миссъ Мэкнабъ совершила путешествіе по Марокко одна, безъ всякаго европейскаго спутника и этотъ фактъ уже самъ по себѣ замѣчательнъ, такъ какъ не имѣетъ прецедента. Каждый, кто знаетъ эту страну, долженъ удивляться смѣлости путешественницы. Но миссъ Мэкнабъ не пришлось расказываться въ своемъ поступкѣ и вездѣ она встрѣчала гостеприимство у самыхъ ортодоксальныхъ мусульманъ. Она очень интересно описываетъ свое путешествіе и страну съ ея жителями. Между прочимъ, она посвящаетъ главу миссіонерской дѣятельности въ Марокко и доказываетъ полную несостоятельность миссіонерской проповѣди среди мусульманъ Марокко, отличающихся, какъ извѣстно, большимъ фанатизмомъ и приверженностью къ исламу.

(Athenaeum).

«La Pensée antique, de Moïse à Marc Aurèle, par Joseph Fabre (Félix Alcan). (Древнее мышленіе, отъ Моисея до Марка Аврелія). Авторъ предпринялъ трудную задачу — прослѣдить эволюцію человѣческой мысли, отъ Моисея до Канра и Толстого. Первый томъ серіи, которую онъ собирается издать, останавливается на доктринахъ Марка Аврелія. Исслѣдовавъ древнія доктрины востока и египтянъ, авторъ переходитъ къ этическимъ элементамъ, заключающимся въ ученіи древнихъ евреевъ, въ доктринахъ персовъ и индусовъ, въ браминизмѣ, буддизмѣ, ученіи Лаоца и другихъ китайскихъ мудрецовъ, вѣдѣмъ авторъ изучаетъ политическій и греческій геній во всѣхъ его видопріиженіяхъ, какія представляютъ главныя греческія школы. Проанализировавъ римскій міръ въ его главныхъ представителяхъ, авторъ останавливается на Маркѣ Авреліѣ и на агоніи язычества.

(Journal des Débats).

«Les jeux des animaux» par K. Gros (Félix Alcan). (Игры животныхъ). Книга эта представляетъ цѣнный вкладъ въ психологію животнаго міра. Авторъ преимущественно изучаетъ инстинкты животныхъ и видитъ въ играхъ молодыхъ животныхъ безусловное проявленіе инстинкта или инстинктовъ, которые упражняются для послѣдующей серьезной функціи. Въ цѣломъ рядѣ главъ авторъ изучаетъ разнаго рода игры животныхъ и опредѣляетъ ихъ значеніе.

(Revue des Revues).

«L'Evolution de la vie» par le D-r Lohy (Schleicher frères). (Эволюція жизни). Это популярный трудъ, дающій возмож-

ность читателямъ, мало знакомымъ съ успѣхами биологической наукъ, составить себѣ понятіе о современномъ состояніи этихъ наукъ и современной эволюціонистской философіи. Авторъ старается примирить смѣлость научныхъ выводовъ съ религіозными воззрѣніями вѣрующаго.

«*Philosophia Militans. Gegen klerikalismus und Naturalismus von Friedrich Paulsen. Fünf Abhandlungen. Berlin (Verlag von Reuther und Reichardt). (Воинствующая философія). Авторъ принадлежитъ къ числу немногихъ академическихъ представителей философіи, которые принимаютъ очень живое участие въ злобахъ дня и въ современной борьбѣ различныхъ теченій. Одна изъ главъ его книги, озаглавленная «Фихте и борьба за свободу философскаго мышленія», носитъ болѣе историческій характеръ, чѣмъ остальные, но и она все-таки имѣетъ современное значение. Другія главы авторъ посвящаетъ жгучимъ вопросамъ, относящимся къ области умственного и духовнаго развитія человѣчества.*

(Berliner Tageblatt).

«*Ein Volk von Genies» von L. v. Kupnowski. (Verlag Eugen Diederichs). (Лейпциг). (Народъ гениевъ). Авторъ этой любозной книги рисуетъ будущее. Нѣмецкій народъ, какъ самый молодой, призванъ взять на себя руководящую роль. Но новое культурное человечество не будетъ ни романскимъ, ни германскимъ, ни семитическимъ. Царство его охватитъ слѣдующія страны: Скандинавію, Голландію, Швейцарію, Австрію, романскія и средиземноморскія страны. Это новое человечество и будетъ народомъ гениевъ.*

(Berliner Tageblatt).

«*Hunger und Liebe in der Frauenfrage» von Anna Bernau (Brunn Verlag). Freie Worte. Sammlung moderner Flugschriften (Голодъ и любовь въ женскомъ вопросе). Въ этой книгѣ авторъ противопоставляетъ двѣ великія проблемы человечества: вопросъ о насущномъ хлѣбѣ и о любви. Обыкновенно экономическая сторона женскаго вопроса игнорируется большинствомъ авторовъ, писавшихъ о немъ. Противники женскаго вопроса очень много распространяются о томъ, что женщины, выступая въ качествѣ конкурентокъ мужчины въ области практической дѣятельности, теряютъ свою женственность, становятся сухими, безсердечными и пло-*

хими семьянками, забывая, что главный стимулъ, заставляющій женщину стремиться къ расширенію круга своей дѣятельности—это забота объ обезпеченіи семьи.

(Berliner Tageblatt).

«*Les problèmes du vingtième siècle» par M. G. de Molinari, rédacteur en chef du «Journal des Economistes» (Librairie Guillaumin) 3 fr. 50. (Проблемы XX вѣка). Авторъ резюмируетъ въ этомъ трудѣ современное положеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ: религіозной проблемы, нравственной, экономической, политической и проблемы прогресса и упадка. Въ предшествующихъ своихъ сочиненіяхъ авторъ изложилъ уже свои взгляды на организацію будущаго общества на войну и религію и проблемы народонаселенія. Въ новомъ своемъ трудѣ авторъ отыскиваетъ рѣшеніе всѣхъ этихъ важныхъ вопросовъ, которое можетъ быть найдено человечествомъ, когда въ области знанія, свободы и нравственности оно достигнетъ известной высоты.*

(Journal des Débats).

«*Storia e Fisiologia dell' arte del ridere» Fullo Massarani Milan (Ulrico Hoepli). 1902. (Исторія и физиологія искусства смѣяться). Авторъ поставилъ себѣ задачей написать исторію смѣха съ самыхъ древнихъ временъ до нашихъ дней. Въ третьемъ, только что вышедшемъ, томѣ онъ говоритъ о современной юмористической литературѣ и изучаетъ смѣхъ въ литературѣ, въ театрѣ, романѣ, въ поэзіи и въ политическомъ памфлетѣ.*

(Journal des Débats).

«*L'Empire du Milieu» par Elisée et Onisime Reclus (Hachette et Ce). (Средняя имперія). Оба ученые съ рѣдкимъ безпристрастіемъ наследуютъ въ своемъ интересномъ трудѣ всѣ достоинства и недостатки древней китайской цивилизаціи и китайскаго народа, который такъ мало въ сущности известенъ и такъ несправедливо презирается многими. Кромѣ того, оба автора подробно изучаютъ различныя расы, населяющія Китай, климатъ страны, условія почвы и богатство ея ресурсовъ. Книга написана такъ живо и интересно и снабжена такимъ множествомъ иллюстрацій, что представляетъ замѣательное чтеніе, не взирая даже на свой строго научный характеръ.*

(Revue des Revues).

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ

ДЛЯ ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ КАРТИНЪ НА БУМАГЪ.

Изобрѣтеніе полков. МАЛИНОВСКАГО. Специальная мастерская С. К. АКИМОВОЙ. Москва, Плющиха, соб. д. Освѣщеніе керосиновое, а также переносными лампами

НАИСИЛЬНѢЙШАГО СВѢТА АЦЕТИЛЕНОВАГО ГАЗА,

годными для всѣхъ системъ фонарей. Цѣны дешевыя. Полный каталогъ фонарей, лампъ, книгъ, картинъ, съ отбивками заказчиковъ и печати, за 20 к. марг.

ДИПЛОМЪ за всероссійскую выставку 1896 г.

Новыя изданія редакціи журнала „Образованіе“.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ

для юношества.

подъ редакцію А. Острогорскаго.

Изданіе состоитъ изъ 2 томовъ, въ 880 стр. большого формата, напечатанныхъ крупными четкимъ шрифтомъ и на хорошей бѣлой бумагѣ. Къ изданію приложенъ портретъ Гоголя и биографич. очеркъ П. О. Морозова.

«Сорочинская ярмарка». — «Майская ночь или утопленница». — «Ночь передъ рождествомъ». — «Иванъ Федоровичъ Шпоньин и его тетушка». — «Заколдованное мѣсто». — «Старосвѣтскіе помѣщики». — «Тарасъ Бульба». — «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». — «Шинель». — «Ревизоръ». — «Женитьба». — «Мертвая душа» ч. I и отрывки изъ II ч.

Цѣна за 2 тома 1 руб., въ двухъ переп. 1 руб. 75 коп. и 2 руб.; за пересылку 50 коп.

Успѣхи астрономіи въ XIX столѣтіи. — Общедоступные очерки К. Покровскаго, съ 94 рис. ц. 1 р. 20 к., стр. in 8.

Начальныя школы г. Лондона и народн. образов. въ Англіи, П. Мижужева. Ц. 40 к. Съ требованіями обращаться въ редакцію (СПБ., Моховая, 33).

Въ книжномъ магазинѣ „Практической Медицины“ СПБ. Нижегородская. 16.

Поступило въ продажу.

Н. В. Фармаковскій. †

ВРАЧИ И ОБЩЕСТВО

Мысли врача по поводу

„ЗАПИСОКЪ ВРАЧА“ ВЕРЕСАЕВА.

НОВАЯ КНИГА.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

А. ЯБЛОНОВСКАГО

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія у В. И. Раппъ. Харьковъ, Харинскій пер., д. № 8.

не высокаго мнѣнія обо мнѣ, какъ о человѣкѣ. Вы ей нравитесь, пользуйтесь этимъ. Миссъ Де Во можетъ составить вамъ хорошее положеніе въ обществѣ.

— Я думаю, вы, мистеръ Огденъ, имѣете хорошее положеніе въ обществѣ?

— Порядочное.

— И совѣтуете мнѣ тратить время, чтобы добиться того же?

— Ну! я бы не далъ за него мѣднаго гроша, но я уже имѣю его. Плохо, когда стремишься, но не можешь занять известное положеніе въ обществѣ.

— Я совершенно согласенъ съ вами, — серьезно замѣтилъ Питеръ.

Лиспенардъ отъ души смѣлся, потягивая шампанское.

— Хотѣлъ бы я, — сказалъ онъ, — чтобы люди, тратящіе свою жизнь на пустяки, могли бы слышать васъ теперь. Вѣдь вы не изъ тѣхъ, которые пишутъ слово «Общество» съ большой буквы?

— Врядъ ли, — отвѣтилъ Питеръ, — я предпочитаю, чтобы мое имя писали крупными буквами.

— Ну еще бы, — сказалъ Лиспенардъ, а про себя подумалъ: «каковъ молодецъ? пробуетъ острить. Кузина Аннеке ни за что этому не повѣритъ».

Онъ былъ правъ, миссъ Де-Во не повѣрила ему, когда онъ передалъ ей свой разговоръ съ Питеромъ. Лиспенардъ несколько не обидѣлся, а только добродушно разсмѣялся.

— Вашъ Стерлингъ — славный малый, — сказалъ онъ. — Мы съ нимъ отлично провели время у Ле-Гранъ, разошлись только въ часъ ночи, такъ увлеклись его гравюрами. Просто наслажденіе встрѣтить человѣка, который умѣетъ спокойно сидѣть и слушать, и курить, не имѣя скучающаго вида. Онъ понравился и Ле-Гранъ. Мы съ нимъ дополняемъ другъ друга.

— Я очень рада, что вы сошлись.

Мнѣ хочется ввести его въ общество.

— Кузина, знакомъ ли вамъ анекдотъ о д-рѣ Браунѣ?

— Нѣтъ, а въ чемъ тамъ дѣло?

— Одна вдова объявляетъ сыну, что выходитъ замужъ за д-ра Брауна. «Подождите, мамаша, — говоритъ сынъ. — Знаете ли объ этомъ докторъ Браунъ?»

«мръ вожій», № 4, апрель. отд. III.

— Что вы хотите этимъ сказать?

Лиспенардъ опять засмѣялся.

— Знаете ли Стерлингъ о вашихъ намѣреніяхъ? Я совѣтую вамъ спросить его мнѣніе, прежде чѣмъ вы что-нибудь предпримете. Имъ не такъ-то легко командовать.

— Конечно, ему будетъ пріятно познакомиться съ порядочными людьми.

— Спросите его.

— Но зачѣмъ?

— А затѣмъ, что вашъ Стерлингъ ни въ грошъ не ставитъ то общество, куда вы, во что бы то ни стало, хотите его ввести.

— Вы сами не знаете, о чемъ говорите.

Лиспенардъ былъ правъ. Питеръ очень пріятно провелъ время у миссъ Де Во и у Ле-Гранъ, но оба раза, вернувшись домой, онъ долго сидѣлъ въ своей темной конторѣ и долго думалъ о томъ, что ему говорила миссъ Де-Во про... но только не про общество.

Глава XXVIII.

Дѣла.

Питеръ сдѣлалъ визитъ миссъ Де-Во, но не засталъ ее дома, и вскорѣ получилъ отъ нея очень любезное письмо съ выраженіемъ сожалѣнія, что ей не удалось его повидать, и съ приглашеніемъ позавтракать у нея на другой день и ѣхать вмѣстѣ съ ней въ концертъ. «Если вы не любите музыки, то приходите хоть только къ завтраку», ковчала она.

Питеръ отвѣтилъ, что онъ крайне сожалѣетъ, что долженъ ѣхать по дѣлу въ Альбани именно въ этотъ день и лишентъ, такимъ образомъ, возможности принять ея любезное приглашеніе.

— Это очень досадно, — говорила миссъ Де-Во Доротѣ. — Севонъ скоро кончается, и если онъ не зайдетъ надвѣхъ, мнѣ не удастся ни съ кѣмъ познакомиться его.

У Питера, дѣйствительно, совершенно неожиданно оказалось дѣло въ Альбани. Онъ получилъ черезъ Костелла словесное

приглашеніе губернатора Кэглина при-
ѣхать къ нему.

— Кэглинъ хочетъ поговорить объ
учрежденіи комиссій для надзора надъ
сѣвѣстными припасами и жилищами.
Билль объ этомъ пройдетъ не сегодня-
завтра черезъ сенатъ и будетъ въ ру-
кахъ Кэглина.

— Надѣюсь, онъ назначить полез-
ныхъ лицъ? — съ волненіемъ спросилъ
Питеръ,

— Вѣроятно, — отвѣчалъ Костель, —
тихонько улыбаясь. — Но я не вѣрю,
чтобы они могли много сдѣлать. Ком-
иссій обыкновенно назначаются для
того, чтобы провалить какое-нибудь за-
конодательство.

Питеръ поѣхалъ въ Альбани и пови-
дался съ Кэглиномъ. Къ великому его
удивленію, губернаторъ спросилъ его со-
вѣта, относительно опубликованія билля
и состава комиссій. Но черезъ нѣсколько
минуть онъ понялъ, что эта просьба
помощи и поддержки была обычной фор-
мальностью и серьезнаго значенія не
имѣла.

— М-ръ Шергеръ сказалъ мнѣ, что
хотя онъ предложилъ оба эти билля, но
выработывали ихъ вы. Выдумаете. мнѣ
сдѣлать подписать ихъ?

— Да, конечно.

— М-ръ Костель сказалъ мнѣ спро-
сить вашего совѣта. Такъ вы совѣтуете?

— Да.

Рѣшительный тонъ Питера, казалось,
подѣйствовалъ на губернатора успо-
коительно. Онъ потянулъ къ себѣ двѣ
бумаги.

— Вы мнѣ безусловно совѣтуете?

— Безусловно.

Губернаторъ обмакнулъ перо въ чер-
нильницу, но все еще колебался.

— Поправки неказали ихъ?

— По моему, нѣтъ.

— Но все-таки они подверглись
измѣненіямъ?

— Въ нѣкоторой степени, но къ луч-
шему.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да.

Но губернаторъ все колебался. Нако-
нецъ, онъ сталъ вырисовывать большое

«Г». Первый шагъ былъ сдѣланъ, и те-
перь онъ быстро окончилъ подпись.

Надъ второй бумагой онъ тоже за-
думался и нервно вертѣлъ ее въ ру-
кахъ. Потомъ со вздохомъ быстро под-
писалъ.

— Готово

Онъ оттолкнулъ бумаги отъ себя,
точно боялся ихъ.

«Хотѣлъ бы я знать», подумалъ Пи-
теръ, «доволенъ ли онъ своимъ по-
ложеніемъ?»

— Много было хлопотъ съ назначе-
ніемъ комиссій, — сказалъ губернаторъ.

— Я думаю, — отвѣтилъ Питеръ.

— Даже и теперь я не пришелъ къ
окончательному рѣшенію. Всѣ лидеры
желаютъ назначенія разныхъ лицъ.

— Но окончательное рѣшеніе вѣдъ
зависитъ отъ васъ.

— Въ этомъ-то и горе. Если бы
только они пришли къ какому-нибудь
соглашенію, — вздохнулъ губернаторъ.

— Вы бы сами выбрали. Вѣдъ все
равно, отвѣчать будете вы за плохія
назначенія.

— Я это прекрасно знаю. Но пре-
смотрите списки и скажите мнѣ, годятся
ли эти?

Питеръ взялъ листочки бумаги и
прочиталъ ихъ.

— Мнѣ крайне лѣстно видѣть здѣсь
мое имя, — сказалъ онъ. — Я не вообра-
жалъ, что вы подумаете обо мнѣ.

— Этого желалъ Костель, — быстро
отвѣтилъ губернаторъ, какъ бы желая
сложить съ себя отвѣтственность.

— Я слишкомъ мало знаю всѣхъ
остальныхъ, чтобы имѣть право выска-
зывать свое мнѣніе. Лично я желалъ
бы видѣть въ каждой комиссіи ученыхъ
спеціалистовъ.

— Ученыхъ спеціалистовъ! Но они
не занимаются политикой.

— Нѣтъ. Да развѣ это политика?

— Я надѣюсь, что вы одобрите эти
списки.

— Я ничего не имѣю противъ нихъ,
мнѣ кажется, они составлены хорошо.
А такъ какъ новыя положенія дадутъ
намъ право прибѣгать къ экспертамъ,
намъ можно будетъ этимъ путемъ при-
влечь ученыхъ спеціалистовъ.

Питеръ сдѣлалъ все возможное, чтобы жодоборить Кэтлина; результатомъ его стараній, а можетъ быть, еще чьего-нибудь вліянія, было сообщеніе въ газетахъ, что объ комиссіи назначены.

Однако, составъ ихъ все-таки подвергся измѣненіямъ.

Комиссія для надзора за съѣтными принасами состояла изъ Грина, одного крупнаго оптоваго торговца колониальными товарами и одного изъ членовъ санитарнаго управленія; Питера исключили. Въ составъ комиссіи о жилищахъ вошли: Питеръ, одинъ крупный нью-йоркскій домовладѣлецъ, состоявшій также членомъ законодательнаго собранія, профессиональный агитаторъ между рабочими, извѣстный политическій дѣятель изъ числа лучшихъ и богатый подрядчикъ.

Питеръ, подробно изучившій отчеты британской королевской комиссіи о томъ же вопросѣ, ходилъ хмурый, думая, что ему врядъ ли удастся съ гажими неподходящими сотрудниками добиться того, чего не могли достигнуть опытные общественные дѣятели въ Англии.

Газеты встрѣтили очень враждебно новыя назначенія.

«Эти назначенія разрушили малѣйшій шансъ на успѣхъ», было ихъ общее мнѣніе, и Питеръ опасался, что онъ правъ.

Костель только расхохотался, когда Питеръ заговорилъ съ нимъ о комиссіяхъ.

— Если вы хотите, чтобы Кэтлинъ сдѣлалъ что-нибудь какъ слѣдуетъ, вы должны стоять надъ нимъ, пока это не будетъ сдѣлано. Я хотѣлъ назначить васъ въ объ комиссіи, чтобы вы сами могли видѣть, насколько онъ бесполезенъ, и не нападали бы на насъ, что мы плохо исполняемъ свой долгъ. Гринъ общалъ назначить васъ секретаремъ въ комиссію по вопросу о пищевыхъ продуктахъ. По крайней мѣрѣ, вы будете получать жалованье.

Засѣданія квартирной комиссіи скоро начались, и Питеръ имѣлъ возможность познакомиться ближе съ ея разнородными членами. Крупный домовладѣлецъ

былъ большой баринъ, мечтавшій о политической славѣ, но черезчуръ дилетантъ, чтобы имѣть какой-нибудь вѣсъ. Питеръ былъ предубѣжденъ противъ него, еще не будучи знакомъ съ нимъ, потому что хорошо зналъ, чѣмъ было достигнуто его избраніе въ законодательное собраніе и даже цифру чека, а въ глазахъ Питера подкупъ избирателей былъ поступкомъ, не внушающимъ уваженія.

То, что онъ слышалъ раньше о рабочемъ агитаторѣ, тоже не нравилось ему, такъ какъ всѣ его рѣчи и теории были на дешевую популярность. Политическаго дѣятеля онъ уже встрѣчалъ и оцѣнилъ; подрядчика не зналъ вовсе.

Комиссія начала свои труды тѣмъ, что избрала политическаго дѣятеля председателемъ. При выборѣ секретаря никакъ не могли придти къ соглашенію, потому что у каждаго члена, кромѣ Питера, оказался собственный кандидатъ на эту должность. Къ удивленію Питера, м-ръ Пелль, домовладѣлецъ, предложилъ Рея Ривингтона.

— Мнѣ казалось, что онъ готовится быть адвокатомъ?—замѣтилъ Питеръ.

— Да,—сказалъ Пелль,—но ему легко будетъ освобождаться въ тѣ дни, когда у насъ будутъ засѣданія. А пять долларовъ за каждый разъ будутъ не лишнимъ добавленіемъ къ его бюджету. Вы знаете его?

— Мы были вмѣстѣ въ университетѣ. Я думалъ, что онъ богатъ.

— Нѣтъ, онъ изъ очень хорошей семьи, но Ривингтоны бѣдѣютъ съ каждымъ годомъ. Они стараются жить по своимъ традиціямъ, но традиціями нельзя платить поставщикамъ. Я надѣюсь, вы поможете ему, онъ очень порядочный человекъ.

— Я подамъ голосъ за него,—сказалъ Питеръ, изумленный тѣмъ, что ему приходится поддерживать того, кто, во время пребыванія въ Гарвардѣ, казался, послѣ Уаттса, самымъ богатымъ изъ всей «шайки».

Такъ какъ Ривингтонъ былъ единственнымъ кандидатомъ, имѣвшимъ за себя два голоса, то его и избрали.

Одинъ изъ членовъ комиссіи предло-

жиль отложить засѣданія до тѣхъ поръ, пока секретарь не освоится со своими обязанностями, но Питеръ возсталъ противъ этого.

— Я думаю,—сказалъ онъ,—намъ слѣдуетъ тотчасъ же приступить къ выработкѣ программы.

Его поддержалъ рабочій агитаторъ.

Планъ Питера былъ прочтенъ вслухъ.

— Я не стою за утверждение его, но желаю бы, чтобы онъ послужилъ основаніемъ,—замѣтилъ Питеръ.

Никто изъ членовъ ничего не понималъ, такъ какъ они не были знакомы съ вопросами, кромѣ председателя, который сказалъ:

— Мнѣ кажется, планъ м-ра Стерлинга строго обдуманъ и выполненъ превосходно. Намъ остается только принять его.

Наконецъ, все было улажено, и слѣдующее засѣданіе назначено.

Питеръ сошелъ съ лѣстницы съ м-ромъ Пеллемъ, который предложилъ подвести его, и по дорогѣ они говорили о задачахъ комиссіи.

На другой день къ Питеру пришелъ Ривингтонъ. Онъ очень благодарилъ Питера, вспоминая университетскіе дни и просилъ направлять его. Питеръ сдѣлалъ ему необходимыя указанія, написалъ форму повѣстокъ, которыя слѣдовало рассылать членамъ, и познакомилъ съ ходомъ засѣданій.

— Я увѣренъ, что буду страшно путать,—сказалъ Рей.—У меня такой отвратительный почеркъ, что я самъ часто не разбираю, что я написалъ. Какъ же я буду писать протоколы и вести журналъ?

— Я всегда дѣлаю замѣтки для себя и могу давать ихъ тебѣ, если ты хочешь.

— Спасибо, Питеръ, ты остался такимъ же, какъ и былъ.

Комиссія начала свою работу въ назначенный день и стала аккуратно засѣдать по три раза въ недѣлю.

Питеръ не старался высказывать впередъ, но онъ лучше всѣхъ былъ знакомъ съ вопросомъ и всегда могъ сообщить необходимыя свѣдѣнія. Онъ также умѣлъ предлагать настоящіе вопросы призываетъ

мымъ свидѣтелямъ, наконецъ, онъ единъ присутствовалъ аккуратно на всѣхъ засѣданіяхъ и всегда могъ сказать, о чемъ говорили въ прошлый разъ. Председатель былъ главнымъ его помощникомъ.

Пелль былъ очень полезенъ, но онъ рѣдко посѣщалъ засѣданія, а съ іюня и вовсе не сталъ являться.

— Я ѣду на дачу,—заявилъ онъ,—и исчезъ до поздней осени.

Подрядчикъ не принималъ никакого участія въ занятіяхъ, хотя посѣщалъ ихъ усердно, и оживлялся только тогда, когда дѣло касалось построекъ.

Агитаторъ оказался славнымъ мальчишкой. Правда, у него совсѣмъ не было памяти, и онъ страшно надѣдалъ всѣмъ, заставляя по десяти разъ перечитывать протоколы предыдущихъ засѣданій, но онъ относился къ дѣлу добросовѣстно и сдѣлалъ полезныя съ той минуты, какъ понималъ, что члены комиссіи должны работать, а не говорить рѣчи.

Питеръ много разъ возвращался домой вмѣстѣ съ нимъ, и они проводили вечера въ квартирѣ Питера, обсуждая свои дѣла.

Во время разслѣдованій Питеру пришлось имѣть дѣло съ самыми разнообразными людьми: съ домовладѣльцами, страховыми агентами, оцѣнщиками, инженерными, архитекторами, подрядчиками, каменщиками, вровельщиками, докторами и т. п. Часто ему случалось заходить къ нимъ послѣ того, какъ они давали свои показанія въ комиссіи, и онъ нашелъ, что они охотнѣе сообщали съ глазу на глазъ много такого, о чемъ умалчивали во время допроса.

Питеръ былъ назначенъ секретаремъ въ комиссію по вопросу о съѣстныхъ припасахъ и отдавалъ ей много времени.

Онъ съ радостью видѣлъ, что пользуется значительнымъ вліяніемъ, и что Гринъ не только поступаетъ по его указаніямъ, но и самъ спрашиваетъ его совѣта.

Никакихъ отчетовъ не нужно было представлять до слѣдующаго законодательнаго собранія, т.-е. до января мѣсяца, и объ комиссіи собрался подавляющее количество фактовъ. Бѣдныя Рей прихотились въ отчаяніе отъ массы «мусора»,

какъ онъ говорилъ, которую приходилось приводить въ порядокъ.

Время Питера было раздѣлено между обязанностями. Онъ былъ особенно занятъ, когда собраніе свѣдѣній кончилось, и началось составленіе отчетовъ. Записки Рея оказались никуда негодными, поэтому Питеръ старательно проредактировалъ свои и далъ ему. Составленіе отчетовъ было поручено Питеру; онъ уже выработалъ проектъ общаго законодательства о училищахъ для рабочаго населенія. И отчетъ, и проектъ подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ, но настолько незначительнымъ, что смыслъ ихъ не пострадалъ. Питеръ составилъ также отчеты и коммисіи о снабженіи города съѣстными припасами, хотя его долженъ былъ писать Гринъ. Въ этому отчету также былъ присоединенъ проектъ законодательства, который былъ предложенъ на обсужденіе санитарному управленію и удостоился одобренія.

Въ ноябрѣ Питеръ отвезъ оба отчета въ Альбани и имѣлъ по поводу ихъ продолжительный разговоръ съ Катлиномъ. Губернаторъ предпочиталъ бы, чтобъ не было никакихъ отчетовъ, но разъ они были написаны—ему ничего не оставалось, какъ представить ихъ въ законодательное собраніе.

Губернаторъ не особенно обнадежилъ Питера относительно успѣха его биллей. Но Костелль сказалъ ему, что «ихъ можно будетъ отвоевать. Страшно только, что начать исправлять ихъ, пока не испортятъ».

— Что-жъ,—отвѣтилъ Питеръ,—будемъ надѣяться. Будь что будетъ! Я сдѣлалъ все, что могъ, и что отъ меня зависѣло.

Глава XXIX.

Между дѣломъ.

Нельзя сказать, что бы все время Питера было занято, несмотря на упорную девяти тысячную работу въ двухъ коммисіяхъ. Если человѣкъ спитъ семь часовъ въ сутки и употребляетъ только два часа на ѣду, у него времени остается

достаточно, и даже у такого медлителя, какъ Питеръ, были свободные часы, которые онъ могъ отдавать обществу, «салонамъ» или чему угодно.

Его свѣтскіе выѣзды ограничились вечеромъ у миссъ Де-Во передъ ея отъѣздомъ изъ города, визитами къ Лиспенарду и Ле-Гранъ и семейнымъ обѣдомъ у Ривингтоновъ, которые платили ему этой любезностью за помощь, оказанную Рею.

Въ «салонахъ» Питеру пришлось много поработать въ виду приближающейся предварительной подачи голосовъ, и онъ провелъ не одинъ вечеръ на улицахъ своего участка, обсуждая на порогахъ домовъ достоинства различныхъ кандидатовъ.

По этой же причинѣ ему часто пришлось видѣться съ Костеллемъ, Гринномъ, Галлагеромъ, Шлергеромъ и другими белѣе или менѣе выдающимися политическими дѣятелями города.

Онъ самъ сталъ значительной величиной въ своемъ участкѣ, и многіе отдѣльные кружки добивались его поддержки. Когда состоялась предварительная подача голосовъ, хотя волненій было много, въ результатахъ ея нельзя было сомнѣваться, такъ какъ Галлагеръ, Питеръ, Деннисъ и Бленкерсъ пришли къ соглашенію относительно программы и кандидатовъ.

Была сдѣлана попытка «провалить» Шлергера, но Питеръ воспротивился и настоялъ на своемъ, чѣмъ заслужилъ искреннюю благодарность честнаго, молчаливаго нѣмца. Что гораздо важнѣе, ему удалось поставить на своемъ, не возбуждая непріязни.

— Стерлингъ разумный человѣкъ,—говорилъ Галлагеръ Костеллю, не подерывая, насколько Питеръ близокъ съ знаменитымъ лидеромъ.— Онъ не старается во что бы то ни стало проводить свои собственные планы. Никогда у насъ не было такъ мало сплетенъ и недовольствъ, какъ этой весной. Мортерти и Бленкерсъ клянутся его именемъ. Это очень странно, они всегда, до сихъ поръ, принадлежали къ противнымъ партіямъ.

Когда стало теплѣе, Питеръ опять началъ посѣщать свой «треугольникъ», но

не так аккуратно, какъ прежде. Однако, не было недѣля, когда бы онъ не проводилъ тамъ двухъ-трехъ вечеровъ. Единодушный восторгъ, возбуждаемый его появленіемъ, могъ уже вознаградить его за потерянное время, не говоря объ удовольствіи, которое онъ испытывалъ въ обществѣ малышей. Ничего не случилось такого, что могло бы возвысить Питера въ ихъ глазахъ, но они отлично понимали по своему, что онъ приобрѣлъ особенное значеніе.

У нихъ были быстрые глазенки и острый слухъ, и они знали все, что говорилось и думалось въ участіи.

— Удирай, Тимъ, фараонъ идетъ! — кричалъ одинъ малышъ другому, играющему въ мячикъ посреди улицы.

— Важно кушанье! Удирай самъ, — важно отвѣчалъ Тимъ. — Какъ же онъ посмѣетъ тронуть меня, когда самъ м-ръ Питеръ здѣсь.

Изъ этихъ словъ можно видѣть, какимъ значеніемъ пользовался Питеръ въ глазахъ мелюзги. Онъ уже не былъ «приятелемъ съ городошнымъ», этотъ предметъ ужаса ребятишекъ самъ трепеталъ передъ нимъ.

Питеръ окончательно покорила сердца дѣтей тѣмъ, что сдѣлалъ для нихъ среди лѣта. Бленкерсъ просилъ его принять участіе въ томъ событіи, о которомъ объявляли расклеенныя по всѣмъ заборахъ афиши:

ВПЕРЕДЪ НА БЕРЕГЪ МОРЯ!

Шестой ежегодный праздникъ жареныхъ устрицъ ассоціаціи Патрика Н. Бленкерса.

Питеръ справился, въ чемъ дѣло, и узналъ, что устраивалась прогулка на баржѣ на песчаную отмель недалеко отъ города (билеты по 50 центовъ), съ музыкой, купаньемъ, танцами, жареными устрицами бесплатно, и продажей пива въ неограниченномъ количествѣ для любителей этого благороднаго напитка.

— Пиво за все заплатитъ, — объяснял Бленкерсъ. — Я не даю имъ водки, потому что эти черти не умѣютъ, какъ слѣдуетъ, пить ее.

Замѣтивъ выраженіе лица Питера, онъ сконфуженно засмѣялся:

— Я забылъ, — извинился онъ. — Чортъ меня... — тутъ онъ поперхнулся. — Право я нечаянно выругался! Самъ не замѣтилъ, извините.

— Я съ удовольствіемъ прокачусь, — сказалъ Питеръ.

— Расчудесно! — отвѣтилъ Бленкерсъ, потомъ робко прибавилъ: — А у меня къ вамъ еще просьба: обыкновенно кто-нибудь изъ ребятъ говоритъ рѣчь. Не взяли ли бы вы этого на себя, разъ мы ѣдемъ съ нами?

— Объ чемъ же обыкновенно говорятъ?

— Да кто объ чемъ хочетъ.

— Хорошо, я съ удовольствіемъ скажу рѣчь, если ничего, что рѣчь будетъ невозможно серьезная.

— Сдѣлайте одолженіе. Объ чемъ бы вы ни говорили, васъ всегда станутъ слушать.

Черезъ два дня Питеръ опять зашелъ въ лавку Бленкерса.

— Послушайте, — сказалъ онъ хозяину. — Нельзя ли было бы навѣть еще одну баржу и забрать всѣхъ ребятшекъ? Я заплачу вамъ за нее, а также за лишнюю провизію, если дѣти не вмѣщаются.

— Чортъ меня возьми, если они будутъ вмѣщаться! — заоралъ Бленкерсъ. — Ни копѣйки вы не заплатите, а ребята все-таки поѣдутъ, это такъ же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Бленкерсъ!

И дѣти поѣхали, причемъ Бленкерсъ не дѣлалъ тайны изъ того, что инициатива прогулки принадлежала Питеру. Поэтому, каждый ребенокъ, почти обзумѣвшій отъ восторга, хорошо сознавалъ, что видѣлъ море, песокъ и шаруса и до-сыта наѣлся разныхъ вкусныхъ вещей только благодаря Питеру.

Прогулка доставила Питеру много удовольствія. Въ числѣ участниковъ онъ встрѣтилъ многихъ членовъ своей партіи, даже такихъ значительныхъ, какъ Галлагеръ и Беннеди, и старался быть любезенъ съ ними, поддерживая интересныя разговоры.

Питеръ купался вмѣстѣ съ другими мужчинами и мальчиками, и хотя между ними было не мало хорошихъ пловцовъ, ему, выросшему въ деревнѣ на берегу

Большой рѣки, удалось поразить ихъ своимъ искусствомъ плаванія и перещеголять даже «портовыхъ крысъ».

Затѣмъ послѣдовало угощеніе знаменитыми жареными устрицами, послѣ котораго Питеръ минутъ двадцать говорилъ по вопросу о жилищахъ для рабочихъ. Слушатели ожидали совѣтъ другой рѣчи и были слегка разочарованы, но Питеру удалось сгладить неблагоприятное впечатленіе небольшимъ благодарственнымъ спискомъ, обращеннымъ къ Бленкерсу, гдѣ онъ выказалъ такъ много здравого юмора и чисто мѣстныхъ остротъ, что публика пришла въ неистовый восторгъ.

Бленкерсъ былъ такъ доволенъ, что попросилъ Питера записать то, что онъ говорилъ, и посѣтителя «салона» Бленкерса и до сихъ поръ еще могутъ любоваться рѣчью, написанной четкимъ почеркомъ Питера, висающей подъ стекломъ въ нарядной рамкѣ на самомъ видномъ мѣстѣ.

Впродолженіи этого лѣта Питеръ началъ также понемножку писать. Ему пришлось повидать нѣкоторыхъ журналистовъ, знакомыхъ ему раньше по дѣлу о молокѣ, чтобы попросить ихъ написать въ газетахъ по вопросу о съѣстныхъ припасахъ и жилищахъ. Его ходатайство увѣнчалось успѣхомъ, и они не только согласились сами написать, но помогли ему помѣстить нѣсколько его собственныхъ замѣтокъ по этому вопросу, а въ двухъ газетахъ ему даже поручили написать передовыя статьи по этому вопросу, за которыя заплатили пятнадцать долларовъ. Вообще, всѣ газеты обѣщали ему поддержку, когда его отчеты пойдутъ въ законодательное собраніе.

Въ августѣ мѣсяцѣ Питеръ, какъ обыкновенно, уѣхалъ къ матери.

Предъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ доктору Плему и съ нимъ вмѣстѣ обогрелъ рабочій кварталъ. Посѣщеніе это имѣло результатомъ то, что Питеръ увезъ троицъ ребятишекъ, блѣдныхъ и худенькихъ звѣрьковъ, которыхъ собственные родители не узнали, когда они вернулись черезъ двѣ недѣли домой, такъ они пополнили и загорѣли.

Банникулы Питера не ограничились этими двумя недѣлями. Онъ прожилъ еще четыре дня у Костеллей, наслаждаясь длинными прогулками въ экипажѣ съ быстро бѣгущими лошадьми и помогая миссисъ Костелль возиться въ цвѣтникахъ.

Зимкою онъ успѣлъ прочитать нѣсколько книгъ объ уходѣ за цвѣтами, а теперь дѣлился съ нею своими теоретическими познаніями и пробовалъ предлагать ихъ на практикѣ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что онъ не меньше наслаждался, когда цѣлыми часами лежалъ на травѣ или лѣниво сидѣлъ на верандѣ, покуривая отличныя гаваанскія сигары Костелля.

Два раза по субботамъ м-ръ Больманъ заѣзжалъ за Питеромъ и увозилъ его на воскресенье къ себѣ на дачу.

Вся семья была искренно привязана къ Питеру и не стыдилась показывать это. Самъ Больманъ разъ сказалъ ему:

— Я трачу до трехъ тысячъ долларовъ въ годъ на дѣловыя бумаги. Теперь моими дѣлами завѣдуетъ старикъ Деммеръ, но когда онъ откажется, а все передамъ вамъ.

Когда Питеръ пріѣхалъ въ слѣдующій разъ, миссисъ Больманъ въ разговорѣ сказала ему.

— Я сколько разъ говорила мужу, что со всѣми его дѣлами ему непременно нуженъ зять-крестъ.

Питеръ подозревалъ, не было ли между этими двумя разговорами какого-нибудь отношенія. Обѣ барышни нравились ему. Это были хорошенькія, серьезныя дѣвушки. Онъ зналъ, что Больманъ миллионеръ и съ каждымъ годомъ богатѣетъ, но...

Впродолженіи лѣта у Питера опять была судебная практика. Однажды къ нему зашелъ мелочной лавочникъ изъ рабочаго квартала, у котораго пошли нелады съ домохозяиномъ. Питеръ выслушалъ его и сказалъ.

— Собственно состава преступленія тутъ нѣтъ, но если вы предоставите мнѣ поступить такъ, какъ я найду нужнымъ, я постараюсь помочь вамъ.

Лавочникъ согласился, и Питеръ отправился къ домовладѣльцу, разни-

ному табачному торговцу, гдѣ-то на самомъ краю города.

— Я не считаю, чтобы мой довѣритель виѣлъ законные поводы для жалобы,—сказалъ Питеръ домохозяину,—но онъ увѣренъ въ противномъ, да и случай исключительный. Подобный ремонтъ не былъ предусмотрѣнъ при заключеніи контракта.

Хозяинъ сперва долго упрямился, но, наконецъ, сказалъ:

— Вотъ что, я дамъ на ремонтъ сто долларовъ, если вы заставите Поддса, одного изъ моихъ квартирантовъ, заплатить за квартиру, или, если онъ не заплатитъ, выселите его такъ, чтобы мнѣ это не стоило ни гроша.

Питеръ согласился и пошелъ къ неисправному плательщику. Онъ нашелъ, что самъ Поддсъ боленъ ревматизмомъ и совершенно неспособенъ къ труду. Жена его выбилась изъ силъ надъ работою, и даже всѣ дѣти работали, какъ могли, добывая гроши. Они задолжали доктору и тому же мелочному лавочнику.

Питеръ вернулся къ домовладѣльцу и рассказалъ, въ чемъ дѣло.

— Да, сказалъ тотъ, — я понимаю ихъ положеніе, но, м-ръ Стерлингъ, мой домъ заложенъ, и мнѣ нужно въ сентябрѣ проценты. Я ждалъ четыре мѣсяца и, право, больше ждать не могу.

Питеръ ваялъ тридцать два доллара изъ своего «запаснаго фонда» и послалъ домовладѣльцу. «Я задержалъ восемь долларовъ за взысканіе», написалъ онъ ему.

Потомъ онъ позвалъ своего кліента лавочника и сказалъ ему объ уступкѣ домовладѣльца.

— Сколько я вамъ долженъ,—спросилъ лавочникъ.

— Поддсы сказали мнѣ, что должны вамъ 16 долларовъ?

— Да, но я ихъ вѣрно не получу.

— Мнѣ слѣдуетъ 25 долларовъ. уничтожьте счетъ Поддса и дайте мнѣ разницу.

Лавочникъ былъ въ восторгѣ, такъ какъ не рассчитывалъ получить денегъ съ Поддсовъ, и съ готовностью уплатилъ 9 долларовъ.

Питеръ опять зашелъ къ Поддсамъ и отдалъ эти деньги жемъ.

— Если ваши дѣла поправятся, то отдадите ихъ когда-нибудь, — сказалъ онъ ей.—Не можете отдать—и не наде. Я загляну къ вамъ недѣли черезъ двѣ, посмотрю, какъ вы справились.

Когда это сложное дѣло было кончено, Питеръ написалъ миссъ Де-Во: «Еще нѣсколько такихъ дѣлъ, и я обанкручусь. Мой запасный капиталъ таетъ быстро, чѣмъ бы мнѣ хотѣлось, хотя его исчезновеніе равносильно облегченію чьихъ-нибудь заботъ. Я бы хотѣлъ сказать миссъ Де-Во, какъ много добра сдѣлали ей деньги, но боюсь, она не пойметъ, зачѣмъ я это говорю. У меня осталось только 176 долларовъ. Однако, большинство истраченныхъ денегъ рождено въ долгъ и, можетъ быть, вернется. Какъ бы тамъ ни было, я буду получать около 600 долларовъ жалованья за мое секретарство въ комиссіи о снабженіи съѣтными припасами, и желанія его пойдетъ въ запасный капиталъ».

Глава XXX.

Комедія.

Когда начался сезонъ, миссъ Де-Во принялась серьезно вводить Питера въ свѣтъ. Она дважды приглашала его обѣдать, дважды брала въ свою ложу въ оперу, и оказывала ему очень много вниманія. Питеръ съ благодарностью принималъ ея любезности, даже спихнулъ себѣ новый фракъ у портного, котораго ему рекомендовалъ Лиспенардъ. Онъ получилъ нѣсколько приглашеній отъ знакомыхъ миссъ Де-Во, вѣроятно, по ея просьбѣ, и сдѣлалъ имъ визиты. Но прошло три мѣсяца, и миссъ Де-Во съ недоумѣніемъ покачала головой.

— Онъ совершенный джентльменъ и всѣмъ нравится. Но все-таки иногда... нѣтъ, я ничего не понимаю.

— А дѣло ясно, — хохоталъ Лиспенардъ.—Целься сдѣлать шелкового кошелекка изъ свиного уха.

— Лиспенардъ,—разсордилась миссъ

Де-во.—Развѣ можно сравнивать Стерлингъ...

— Конечно, нѣтъ, — сказалъ Лиспенардъ. — Я вовсе не хочу умалять достоинства Питера. Напротивъ, въ томъ-то и дѣло, что онъ слишкомъ хорошій человекъ, чтобы обратиться въ свѣтскаго шаркуна или дамсаго угодника.

— Пожалуй, вы правы. Я не думаю, чтобы это доставляло ему удовольствие.

— Да, — замѣтилъ Лиспенардъ. — «Брауиъ не согласенъ». Мнѣ кажется, онъ искренно привязанъ къ вамъ и продолжаетъ всѣ эти церемоніи, чтобы угодить вамъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете?

Лиспенардъ засмѣялся при видѣ серьезности, съ какою этотъ вопросъ былъ ему предложенъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — я шучу. Питеръ ходитъ къ вамъ потому, что его привлекаютъ ваши свѣтскіе друзья.

Неизвѣстно, повліялъ ли этотъ разговоръ на миссъ Де Во, или она измѣнила свое мнѣніе, но только приглашенія на званые обѣды и въ оперу вдругъ прекратились и замѣнились обѣдами въ тѣсномъ кругу, посѣщеніями галлерей и вечерними концертами. Иногда къ миссъ Де-Во и Питеру присоединялся Лиспенардъ или одна изъ барышень Фгденъ, но чаще они были одни. Не проходило недѣли безъ того, чтобы Питеръ не ишгъл случая видѣться съ миссъ Де-Во.

Однажды, въ февралѣ, Питеръ получилъ отъ миссъ Де-Во приглашеніе зайти, «чтобы переговорить о дѣлѣ». Питеръ въ тотъ же вечеръ отправился къ ней.

Она горячо благодарила, что онъ такъ скоро исполнилъ ея просьбу, и Питеръ замѣтилъ, что она чѣмъ-то очень взволнована, и только присутствіе двухъ другихъ гостей заставляло ее сдерживаться. Наконецъ, гости ушли, и они остались вдвоемъ.

— Пойдемте въ бібліотеку, — сказала миссъ Де-Во и, обращаясь къ лавке, прибавила:—Морденъ, я больше не принимаю.

Они не успѣли сѣсть, какъ она начала:

— М-ръ Стерлингъ, я вчера была у Манфреовъ.—Ея голосъ дрожалъ, несме-

три на всѣ ея усилія не волноваться. Питеръ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее.—Тамъ былъ мистеръ Лафамъ, директоръ банка.

Питеръ ничего не понималъ.

— Онъ разсказалъ мнѣ про одного молодого адвоката, у котораго были очень скромныя средства, а между тѣмъ, онъ отложилъ пятьсотъ долларовъ, свои первые заработанные деньги, чтобы помогать...—голосъ миссъ Де-Во оборвался, она прислонилась къ камину и закрыла лицо руками.

— Какъ странно, что вы это узнали,—сказалъ Питеръ.

— Онъ не назвалъ имени, но я сейчасъ догадалась.

— Я не хотѣлъ говорить объ этомъ, потому что... А впрочемъ, мнѣ всегда хотѣлось разсказать вамъ, какъ много добра удалось сдѣлать на эти деньги. Не присядете ли вы?

Питеръ подвинулъ кресло, и миссъ Де-Во сѣла.

— Что вы обо мнѣ подумаете! Вы должны считать меня страшно ребячливой,—говорила она, вытирая глаза.

— Плакать, конечно не объ чемъ.

И Питеръ началъ разсказывать, сколько склянокъ съ лекарствами, сколько швейныхъ машинъ ему удалось купить, сколько просроченныхъ квартирныхъ денегъ онъ заплатилъ изъ своего «капитала».

— Видите ли,—говорилъ онъ,—эти бѣдняки слишкомъ самолюбивы, чтобы обращаться къ общественной благотворительности или къ богатымъ людямъ. Но они обсуждаютъ свои затрудненія въ «салонахъ» и на порогахъ домовъ, а я слышу и могу самъ убѣдиться, дѣйствительно ли они нуждаются въ помощи. Они охотно принимаютъ ее отъ меня, потому что я—свой человекъ.

Миссъ Де-Во была слишкомъ взволнована, чтобы поддерживать разговоръ. Жизнь ея такъ сложилась что ей рѣдко приходилось о чемъ-нибудь плакать, и ей никогда не случалось плакать не пустякамъ.

Когда Питеръ поднялся, чтобы уходить, она сказала ему:

— Мнѣ бы хотѣлось серьезно поговорить съ вами, чтобы посмотрѣть, не

могу ли я вамъ помочь. Пожалуйста, заходите поскорѣй. Стоило васъ звать сегодня, чтобы вы только смотрѣли, какъ я плачу, какъ маленькая! Но я была несправедлива къ вамъ по поводу этихъ семи долларовъ, а теперь мнѣ такъ совѣстно...

Голосъ ея опять задрожалъ, но она пересилила свое волненіе:

— До свиданья.

Когда Питеръ ушелъ, миссъ Де-Во, всласть заплакавшись,—выраженіе чистого женское, котораго мужчины никогда не поймутъ,—пошла въ свою уборную и вымыла глаза. Потомъ она уѣхала у камина въ бібліотекъ и долго сидѣла задумавшись.

Наконецъ, она встала и, уходя въ свою комнату, громко сказала:

— Да, онъ женится на Дороти, если я могу это устроить.

Поэтому, Дороти сдѣлалась непремѣнной участницей обѣдовъ и посѣщеній выставокъ и концертовъ. Питеръ былъ опять приглашенъ въ оперу, но въ ложѣ, кромѣ него, миссъ Де-Во и Дороти, въ эти дни никого больше не бывало. Миссъ Де-Во представила Питера миссисъ Огденъ и расхваливала его обомъ родителямъ. Она даже открыто вложило имъ свои проекты.

М-ръ Огденъ сказалъ:

— Всѣ, кто только его знаютъ, хорошо отзываются о немъ. Пеллъ очень хвалилъ его прошлымъ лѣтомъ въ Ньюпортѣ. Говорилъ, что это восходящее свѣтло на политическомъ небѣ.

— Онъ выглядитъ очень положительнымъ человекомъ,—замѣтила мамаша.—Только, кажется, онъ очень мало зарабатываетъ.

— Ахъ, не думайте о деньгахъ,—перебила ее миссъ Де-Во.—Лишь бы человекъ былъ хорошей, такой, котораго стоитъ любить.

— А все-таки деньги—вещь необходимая,—замѣтилъ папаша.

— Конечно, но вы оба знаете, что я хочу сдѣлать для Дороти и Минны. Не будемъ думать о деньгахъ. Лишь бы онъ и Дороти полюбили другъ друга.

Питеръ и Дороти нравились другъ другу. Дороти была очень хороша собой и

обладала всеми качествами, дѣлающими дѣвушку привлекательной въ глазахъ мужчины. Питеру она не могла не нравиться.

Что же касается Дороти, она была женщиной въ полномъ смыслѣ слова. Она любила поболтать и пошутить съ свѣтскими молодыми людьми въ обществѣ, кокетничала и танцовала съ ними съ упоеніемъ, но замужество съ однимъ изъ нихъ она не считала привлекательнымъ.

Современная женщина хочетъ, чтобы человекъ, котораго она полюбитъ, обладалъ сильнымъ характеромъ и умѣлъ говорить правду.

Поэтому-то Питеръ и нравился Дороти, и она восхищалась въ немъ многими чертами, которыхъ она не потерпѣла бы въ другомъ человекѣ. Правда, она часто подсмѣивалась надъ нимъ, но въ ея насмѣшкахъ не было ничего обиднаго, въ нихъ скорѣе высказывалось ободреніе и восхищеніе.

Когда настала весна, сердце миссъ Де-Во исполнилось надеждъ.

— Мнѣ кажется, дѣло идетъ на ладъ. М-ръ Стерлингъ обѣщавъ мнѣ погостить у меня недѣлку въ Ньюпортѣ. Пришлите ко мнѣ и Дороти на это время.—говорила она миссисъ Огденъ.

Лиспенардъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, по обыкновенію расхохотался.

— Что, новая игрушка уже надѣла?

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Развѣ вы не хотите женить его, чтобы избавиться отъ него?

— Конечно, нѣтъ. Мы будемъ видѣться попрежнему.

— Говорите за себя, маменька. Знаете ли объ этомъ д-ръ Браунъ?

Миссъ Де-Во сердито покраснѣла и сократила свой визитъ.

— Что за шутъ это Лиспенардъ!—невольно сказала она лакею, подсаживавшему ее въ экипажъ.

— Что прикажете, барышня?—спросилъ онъ, и глубокое изумленіе изобразилось на его лицѣ.

— Домой, Веллингтонъ,—сердито отвѣтила ему миссъ Де-Во.

Питеръ заѣхалъ въ Ньюпортъ въ августѣ, возвращаясь отъ матери. Миссъ

Де-Во искусно намекнула ему, что будетъ Дороти, а Дороти дѣйствительно уже была тамъ. Но Питеръ очень мало видѣлъ ее наединѣ. Конечно, онъ могъ бы видѣть ее больше, если бы захотѣлъ, но Питеръ не умѣлъ, да и не хотѣлъ ловить часы и минуты, чтобы наединѣ бесѣдовать съ барышнями. Его пребываніе въ домѣ миссъ Де-Во доставило ему меньше удовольствія, чѣмъ онъ ожидалъ. Ему казалось, что недѣля, проведенная въ обществѣ миссъ Де-Во, Дороти и Лиспенарда, безъ другихъ гостей, будетъ однимъ безирерывнымъ удовольствіемъ. Но онъ чувствовалъ, что что-то случилось съ его друзьями. И не онъ одинъ это чувствовалъ. Дороти, вернувшись домой, говорила матери:

— Не понимаю, что произошло съ кузиной Аннеке. Всю весну она была такъ мила со мной, какъ никогда, а не успѣла я пріѣхать въ Ньюпортъ, — она стала такъ холодна, хотя я ничѣмъ не могла ее обидѣть. Черезъ два дня я спросила ее, что съ ней, но она отвѣтила, что ничего, и рассердилась на меня. А я увѣрена, что есть что-то, такъ какъ она не стала меня удерживать, когда я сказала, что уѣду отъ нея раньше, чѣмъ предполагала.

— Можетъ быть, она была огорчена чѣмъ-нибудь, и это невольно вліяло на ея обращеніе съ тобой — отвѣтила ей мать.

— Но она не сердилась, кромѣ того дня, когда я спросила ее, что съ ней, а просто была рѣзка.

— Что, м-ръ Стерлингъ былъ?

— Да, и еще куча народу. Только мнѣ кажется, никто особенно не веселился, развѣ кузень Лиспенардъ. Но онъ пренесносный! Онъ все чему-то радовался, дѣлалъ замѣчанія, которыхъ никто не понималъ, а самъ все подсмѣивался. Я ему сказала разъ, что онъ невѣжливъ, а онъ мнѣ отвѣтилъ, что, когда люди играютъ комедію, надо умѣть во время смѣяться. Это было очень не любезно по отношенію къ м-ру Стерлингу, его ужъ никакъ нельзя обвинить въ томъ, что онъ играетъ комедію, онъ всегда говоритъ правду.

— Лиспенардъ вѣчно старается быть остроумнымъ.

— О, да. Представьте себѣ, что онъ сказалъ мнѣ на прощанье!

— Что же?

— Онъ пожалъ мнѣ руку и со смѣхомъ сказалъ: «злодѣй удаляется, будетъ комедія, а не трагедія». Что бы это значило?

Лиспенардъ остался, чтобы посмотрѣть «комедію», и казалось забавлялся ею, если судить по довольному выраженію его лица, когда ему случалось предаваться размышленіямъ.

Питера уговорили остаться подольше, и онъ согласился продолжить свое пребываніе на три дня.

Эти три дня прошли пріятнѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе, хотя Дороти уѣхала, а Дороти нравилась Питеру.

Онъ гораздо больше времени проводилъ съ миссъ Де-Во, и миссъ Де-Во была въ лучшемъ настроеніи.

Они дѣлали длинныя прогулки пѣшкомъ и въ экипажѣ, и цѣлые часы проводили въ разговорахъ.

Однажды миссъ Де-Во заговорила о Дороти:

— Это такая милая, прелестная дѣвушка. Мы всѣ надѣемся, что она выйдетъ замужъ за Лиспенарда.

— Вы одобряете бракъ между родными?

Миссъ Де-Во пристально смотрѣла на Питера, дѣлая свое замѣчаніе. Питеръ отвѣчалъ совершенно спокойно. Казалось, этотъ вопросъ интересовалъ его только съ научной точки зрѣнія. Миссъ Де-Во отвѣтила:

— Собственно говоря — нѣтъ, но лучше такіе браки, чѣмъ невѣстность. Очень трудно для дѣвушки въ положеніи Дороти выйти замужъ такъ, какъ хотѣлось бы.

— Почему? — спросилъ Питеръ, который не понималъ, что молодая, богатая и хорошенькая дѣвушка не могла найти себѣ подходящаго мужа.

— Это трудно объяснить, но... я расскажу вамъ свою собственную исторію, и вы, можетъ быть, тогда поймете. Такъ какъ вы никогда не задаете вопросовъ, я должна сама начать. Впрочемъ, можетъ быть, вы не спрашиваете потому,

что это васъ не интересуетъ?—и миссъ Де-Во засмѣялась.

— Я буду слушать васъ съ удовольствіемъ.

Что бы Питеръ ни говорилъ, его собесѣдникамъ въ голову не приходило спросить его «въ самомъ дѣлѣ?» или «вы это серьезно говорите?» Поэтому, и миссъ Де-Во повѣрила ему на слово.

— И мой отецъ, и моя мать были очень богаты, прежде чѣмъ поженились, а когда недвижимая собственность въ Нью-Йоркѣ возросла въ цѣнѣ, то они еще болѣе разбогатѣли. Оба они принадлежали къ самымъ стариннымъ фамиліямъ. Я была ихъ единственнымъ ребенкомъ — Лиспенардъ говоритъ, что старинныя фамиліи такъ гордятся своимъ происхожденіемъ, что не рѣшаются обзаводиться большою семьей изъ боязни, что бы ихъ имя не стало заураднымъ. Родители сосредоточили на мнѣ всѣ свои мысли, все свое обожаніе. Я не была избалована, но за мной смотрѣли и ухаживали такъ, точно я была самой большой драгоценностью на свѣтѣ. Когда я выросла и стала выѣзжать, мои родители и на полчаса не спускали меня съ глазъ. Я видѣла много людей, но исключительно нашего круга. Всѣ другіе люди были не достойны знакомства со мною. Мой отецъ ни съ кѣмъ не имѣлъ дѣлъ, никакой свѣжій элементъ не проникалъ въ нашъ домъ. Только старинныя фамиліи, и такъ изъ году въ годъ! Съ той минуты, какъ я вступила въ свѣтъ, за мной начали ухаживать. У меня было много претендентовъ, но меня воспитали въ страхѣ передъ охотниками за приданымъ, и я не довѣряла чистотѣ намѣреній большинства изъ нихъ. Другіе казались мнѣ ниже меня по рожденію, а я привыкла гордиться своимъ именемъ. Тѣ же, которые казались равными мнѣ по рожденію, часто были ниже меня по уму и никуда не годились въ нравственномъ отношеніи. Можетъ быть, я и полюбила бы кого-нибудь, еслибы меня не такъ оберегали. Я была всегда окружена, и стоило мнѣ заговорить съ кѣмъ-нибудь, показавшимся мнѣ симпатичнымъ, что бы вѣ остальные нару-

шили нашъ tête-à-tête. Только очень немногіе изъ молодыхъ людей, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, имѣли доступъ къ намъ въ домъ. Остальныхъ не считали достойными этой чести. Если бы серьезный, честный, дѣльный человѣкъ замѣтилъ и полюбилъ меня, ему не было бы случая сказать мнѣ это. Тѣхъ немногихъ, которыхъ я могла полюбить, или пугали мои деньги, или отталкивала моя популярность и исключительное положеніе въ свѣтѣ. Они не пробовали приближаться ко мнѣ. Я тогда еще ничего не понимала. Я гордилась своимъ успѣхомъ и не видѣла, какъ онъ мнѣ вредитъ. Я была вполне счастлива дома и не стремилась выйти замужъ, особенно за одного изъ тѣхъ кавалеровъ, что окружали меня. Такъ я прожила шесть лѣтъ. Смерть моей матери прервала мои выѣзды. Когда я вернулась въ свѣтъ, я встрѣтила совершенно новыхъ людей. Мои прежніе знакомые пережились или развѣхались. Свѣтъ пересталъ занимать меня. Я уѣхала съ отцомъ въ Европу и путешествовала три года. Едва мы вернулись домой, какъ онъ умеръ. Я вернулась въ общество, когда мнѣ уже было тридцать два года и стала той «незамужней тетушкой», какой вы меня знаете. Теперь вы понимаете, почему такой дѣвушка, какъ Дороти, трудно хорошо выйти замужъ?

— Да, если человѣкъ не влюбленъ. Но разъ онъ дѣйствительно полюбитъ дѣвушку, его не испугаютъ ни богатство, ни положеніе ея.

— Такіе люди рѣдки, или, можетъ быть, я не привлекала ихъ. Я не такъ хорошо знала людей, какъ знаю ихъ теперь. Теперь я совѣмъ другого мнѣнія о многихъ людяхъ, которые казались мнѣ прежде смѣшными и скучными. Женщина выходитъ замужъ не только для того, чтобы ее увеселяли.

— Я думаю,—замѣтилъ Питеръ,—женятся по любви и взаимной симпатіи.

— Да, и разъ она есть, все остальное не имѣетъ значенія. Мнѣ теперь тридцать семь лѣтъ; но если бы я нашла настоящаго человѣка, который полю-

бить бы меня такъ, какъ я хочу быть любимой, я бы полюбила его всей душой. Я считала бы счастьемъ не только дать ему общественное положеніе и богатство, но сдѣлать мнѣ каждое его желаніе, каждую его надежду.

Это было сказано самымъ спокойнымъ естественнымъ тономъ, какъ все, что они говорили. Миссъ Де-Во говорила безъ видимого волненія, но когда она начала свою послѣднюю фразу, она перестала смотрѣть на Питера и отвернулась къ окну, такъ что ему былъ виденъ только ея профиль.

Поэтому она не замѣтила, какъ онъ внезапно поблѣднѣлъ, и выраженіе сильнаго страданія появилось на его лицѣ.

Она не видѣла, какъ это выраженіе исчезло, и лицо стало суровымъ и рѣшительнымъ, хотя глаза остались трустными.

Миссъ Де-Во нарушила молчаніе, начавъ:

— Вы не находите... но Питеръ превралъ ее.

— Это очень печальная для меня исторія, потому что я тоже однажды молвила любви и участія...

Миссъ Де-Во быстро оглянулась на него. Она замѣтила его страдальческое выраженіе, но не поняла его.

— Что вы хотите сказать? — спросила она.

— Я любилъ дѣвушку, которая не любила меня, — тихо отвѣтилъ Питеръ.

— Вы и до сихъ поръ ее любите?

— Я не имѣю права любить ее.

— Она замужемъ?

— Да.

— Расскажите мнѣ все.

— Нѣтъ, лучше не надо.

Миссъ Де-Во сидѣла нѣсколько минутъ молча, потомъ встала.

— Дорогой другъ, — сказала она, положивъ руку на плечо Питера, — мы съ вами ничего не выиграли въ жизненной лоттерей. И вамъ жребій тяжелѣе, чѣмъ мой. Очень, — миссъ Де-Во на мгновеніе замолчала, — очень тяжело любить, когда васъ не любятъ.

И вотъ какъ кончилась «комедія» Лиспенарда.

Глава XXXI.

Столкновеніе.

Лиспенардъ вмѣстѣ съ Питеромъ вернулся въ городъ и въ поѣздѣ такъ объяснялъ ему причину своего отъѣзда.

— Видите ли, я иногда наѣзжаю лѣтомъ въ городъ, чтобы сдѣлать пребываніе въ деревнѣ выносимымъ, и затѣмъ возвращаюсь въ деревню, чтобы городъ казался привлекательнымъ. Черезъ недѣлю я вернусь въ Нью-Йоркъ. А вы когда вернетесь?

— Мои каникулы кончились.

— Знаю, но я думалъ, что моя кузина опять пожелаетъ васъ видѣть.

— Она мнѣ этого не говорила.

— Вотъ какъ! Значитъ, она только этого не сказала вамъ во время вашихъ бесѣдъ?

Питеръ ничего не отвѣтилъ, хотя Лиспенардъ имѣлъ вопросительный видъ.

— Можетъ быть, она такъ много болтала, что не догадалась попросить васъ?

Опять Питеръ промолчалъ.

— Вы увѣрены, что она не намекнула вамъ на возможность снова наслаждаться ея обществомъ?

Лиспенардъ улыбался.

— Огденъ, — спокойно сказалъ Питеръ, — вы ведете себя нивко и отлично сознаете это.

Краска бросилась въ лицо Лиспенарда, и онъ всталъ со словами:

— Такъ ли я васъ понялъ?

Его манера и тонъ были сдержанны, но въ то же время вызывающи.

— Если вы мнѣ скажете, что я не такъ понялъ васъ, я извинюсь. Если вы находите мои слова оскорбительными, я возьму ихъ назадъ. Я сказалъ это не съ тѣмъ, чтобы оскорбить васъ, но чтобы показать вамъ, какое впечатлѣніе произвели на меня ваши вопросы.

— Когда человѣкъ называетъ другого низкимъ, онъ не долженъ надѣяться избѣжать послѣдствій своихъ словъ. Здѣсь не мѣсто для объясненій. Можете прислать мнѣ извиненіе, когда мы приѣдемъ въ Нью-Йоркъ...

Питеръ перебилъ его.

— Я извинюсь только тогда, когда

вы мнѣ скажите, что я былъ неправъ, предполагая въ вашихъ вопросахъ дурное намѣреніе.

Лиспенардъ не обратилъ вниманія на его слова.

— Иначе, — докончилъ онъ, — я буду считать наши отношенія прерванными, — и онъ ушелъ.

Питеръ въ тотъ же вечеръ написалъ Лиспенарду длинное письмо. Онъ не извинялся, но кончилъ письмо слѣдующими словами:

«Между нами не должно быть недоразумѣній, намъ лучше остаться друзьями. Сегодняшнее столкновение, надѣюсь, не испортитъ нашихъ отношеній. Одинъ изъ насъ виноватъ и долженъ извиниться. Или вы предлагали мнѣ вопросы, которыхъ не имѣли права предлагать, или я не такъ понялъ васъ. Я написалъ вамъ мой взглядъ на то, что случилось — у васъ, конечно, свой взглядъ. Предоставляю дѣло на вашу совѣсть. Обдумайте его, и если вы все-таки найдете, что я неправъ, и сообщите мнѣ это, я готовъ извиниться».

Питеръ не получилъ отвѣта, а встрѣтивъ черезъ нѣсколько дней Огдена, услышалъ отъ него, что Лиспенардъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, уѣхалъ «хотѣться на западъ».

— Онъ сказалъ, чтобы мы не ждали его, пока онъ самъ не вернется, и казался очень не въ духѣ.

Въ сентябрѣ Питеръ получилъ письмо отъ миссъ Де-Во, только нѣсколько строкъ, гдѣ она сообщала, что рѣшила провести зиму за границей и на другой же день уѣзжаетъ.

«Я не успѣю повидать моихъ друзей, — писала она, — но мнѣ не хотѣлось уѣхать, не простившись съ ними, вотъ почему я пишу вамъ».

«Комедія» была совершенно окончена. Мы не должны думать, что разыгранная комедія и ея прологъ, танувшійся почти всю предыдущую зиму, отвлекли Питера отъ занятій.

Несмотря на всѣ старанія миссъ Де-Во, у него оставалось еще достаточно времени, чтобы провести нѣсколько дней въ Альбани, когда его отчетъ о дѣятельности комиссіи обсуждался зако-

нодательнымъ собраніемъ. Питеръ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе своимъ биліямъ и долженъ былъ вынести жестокую борьбу.

Газеты были на его сторонѣ; Костомъ помогали ему, но, несмотря на такую могущественную поддержку, его биліи сначала были сильно нескажены поправками и, наконецъ просто отложены.

Въ этой борьбѣ главнымъ помощникомъ Питера явился Пелль, и Питеръ начиналъ думать, что можно подкупать избирателей и все же быть не совѣтъ дурнымъ человѣкомъ.

Не менѣе дѣятельнымъ, чѣмъ Пелль, оказался прежній врагъ Питера, бывший мѣстный атторней, а теперь сенаторъ, съумѣвшій постоянствомъ и сочувственнымъ отношеніемъ къ биліямъ завоевать дружбу и уваженіе Питера.

Главнымъ противникомъ Питера былъ, конечно, Магиръ.

Не смотря на полное пораженіе, Питеръ рѣшилъ не складывать оружія. Работая надъ своими биліями, онъ познакомился съ дѣйствительнымъ настроеніемъ правительства, а сидя подолгу въ Альбани безъ всякаго дѣла и невольно глядяваясь въ то, что вокругъ него происходило, онъ выучился распознавать тѣ истинныя силы, которыя скрывались за подкупленнымъ большинствомъ и руководили сопротивленіемъ.

Питеръ повидался съ вождями оппозиціи и откровенно объяснился съ ними. Онъ сказалъ, что будетъ возобновлять борьбу съ каждой новой сессіей законодательнаго собранія до тѣхъ поръ, пока его биліи не будутъ приняты, но что онъ готовъ сдѣлать нѣкоторыя поправки, если только онѣ будутъ справедливы. Онъ очень ясно доказалъ имъ, что имъ придется ежегодно тратить много денегъ, если они хотятъ, чтобы его биліи не вошли въ собраніе законовъ.

Нѣкоторые сбѣялись надъ нимъ, другіе сердились. Только немногіе выслушавъ его, высказывали ему серьезные возраженія, которыя Питеръ старался опровергнуть.

Наступило время очередныхъ выборовъ, и Питеръ сталъ проводить свое дѣло кинни нутани. Трое изъ городъ-

скихъ членовъ законодательнаго собранія и одинъ сенаторъ подалъ голоса противъ билля. Питеръ отправился въ ихъ избирательныя участки и въ «салонахъ» и другихъ мѣстахъ сталъ говорить противъ нихъ. Сначала общественное мнѣніе быстро обернулось противъ Питера, но кровь его разгоралась вмѣстѣ съ борьбою, и ни свистки, ни тухлыя яйца, ни другія попытки оскорбить его не могли уже остановить его. Лидерамъ партій было предложено усмирить его, но Костелль отказался отъ вмѣшательства.

— Онъ все равно не перестанетъ,— говорилъ Костелль Грину,— и пользы мы не принесемъ. Пусть сами дерутся до конца.

Это рѣшеніе показывало, что м-ръ Костелль хорошо зналъ свое дѣло.

Питеръ вызвалъ своихъ противниковъ на открытыя дебаты, и когда они отказались, онъ сталъ нанимать залы, гдѣ цѣлые вечера обсуждалъ этотъ вопросъ. Онъ говорилъ крайне доказательно, съ еще большей силой, чѣмъ въ своемъ знаменитомъ «дѣлѣ».

Послѣ первой же попытки онъ увидалъ, что слушатели у него всегда будутъ. Слухъ дошелъ до его собственнаго участка, что онъ «началъ войну», и многіе изъ его друзей побѣжали его слушать. Скоро объ этомъ узналъ весь городъ, и публика стала ломиться на его митинги. Многіе не могли попасть за невѣдѣніемъ мѣста, и именно это обстоятельство привлекало новыя толпы. Наконецъ, нѣсколько заинтересованныхъ лицъ, во главѣ съ Пеллемъ, наняли громадный залъ «Союза Вупера», и здѣсь Питеръ сказалъ, дѣйствительно, выдающуюся рѣчь передъ аудиторіей въ три тысячи слишкомъ человекъ. Газеты тоже пришли ему на помощь и мужественно поддерживали его. Съ ихъ помощью выяснилось, что борьба ведется только противъ горсти людей, заботящихся о своихъ интересахъ больше, чѣмъ объ интересахъ страны.

Встрѣчаясь съ редакторами многихъ газетъ, Питеръ дѣлился съ ними свѣдѣніями, полученными имъ во время дѣятельности комиссій, а также соб-

ственными наблюденіями, сдѣланными имъ въ Альбани. Они платили ему за это похвалами на страницахъ своихъ газетъ и выдвинули его впередъ, какъ инициатора движенія.

Миссисъ Стирлингъ пришла къ заключенію, что заговоръ противъ возвышенія ея сына пересталъ существовать.

Результаты борьбы оказались благотворныя, чѣмъ самъ Питеръ могъ ожидать. Одинъ изъ членовъ законодательнаго собранія сдался и заявилъ, что больше не будетъ противиться принятію биллей. Второй былъ окончательно разбитъ.

Сенатора его собственныя избиратели заставили отказаться отъ оппозиціи. Въ послѣднее время вопросъ обсуждался такъ открыто, дѣйствія собранія такъ порицались, и столько кричали о безсовѣстномъ подкупѣ, что провинціальныя члены законодательнаго собранія не смѣли продолжать оппозиціи. Поэтому, билли, предложенныя Шлергеромъ тотчасъ же послѣ открытія новой сессіи, были приняты послѣ перваго чтенія единогласно, никто не посмѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго возраженія.

При помощи Костелля Питеру удалось побудить Катлана тотчасъ же подписать ихъ, и его долгая борьба кончилась блестящей побѣдой.

«Шестой» просто съ ума сошелъ отъ восторга. Зависѣло ли это отъ того, что жители шестого участка принадлежали къ тому классу, котораго новый законъ касался ближе всего, или причина лежала въ ихъ симпатіи къ Питеру, только при извѣстіи, что билль подписанъ, всю ночь пускали фейерверки и предавались шумному веселью.

Когда Питеръ вернулся въ городъ, однажды вечеромъ его пригласили въ самую большую залу квартала, и тамъ, послѣ факельной процессіи, продефилировавшей передъ нимъ, поднесли ему благодарственный адресъ.

Бленкерсъ предсѣдательствовалъ на торжествѣ и произнесъ длинную рѣчь, исполненную глубокаго чувства и грамматическихъ ошибокъ, не принятую всѣми присутствующими оглушительными криками «ура».

Затѣмъ судья Галлагеръ прочелъ прекрасно составленный, краснорѣчивый адресъ. Деннисъ нарушилъ программу торжества; не будучи въ силахъ сдерживать своего энтузіазма, онъ вскочилъ и разразился горячій, хотя довольно несладкой импровизаціей, объясняя собравшимся, какъ много Питеръ сдѣлалъ для него лично, и хотя слушатели давно знали то, о чемъ онъ имъ говорилъ, однако, награждали его дружными аплодисментами.

— Это было неумѣстно, — сказала Деннису Бленкерсъ, когда онъ кончилъ свою рѣчь.

— Врешь! — закричалъ тотъ, опять вскакивая на ноги. — Всегда умѣстно хвалить мистера Стерлинга!

И толпа снова зааплодировала ему.

Глава XXXII.

Моментъ конфликта.

Во время послѣдней кампаніи Питеръ подвергся два или три раза нападѣніямъ, и Деннисъ, который всегда сопровождалъ его, ваялся «дополнить его образованіе».

— У васъ лишнихъ тридцать фунтовъ жиру, сударь, и вы не умѣете работать кулаками, — заявлялъ онъ ему.

Питеръ, по его совѣту, купилъ гимнастическія гири и рукавицы для бокса и, подъ руководствомъ Денниса, принялся изучать искусство самозащиты. Онъ былъ крайне удивленъ, когда мѣсяца черезъ два увидѣлъ, что спустилъ весь лишній жиръ, приобрѣлъ быстроту и ловкость движенія и прекрасный аппетитъ и можетъ гораздо больше, чѣмъ прежде, работать и физически, и умственно, безъ малѣйшаго утомленія. Деннисъ же убѣдилъ Питера записаться въ тотъ полкъ милиціи, который пользовался особымъ расположеніемъ 6-го участка, и гдѣ онъ самъ былъ сержантомъ.

Полкъ очень тепло встрѣтилъ Питера, такъ какъ Деннисъ, который былъ весьма популяренъ, давно трубилъ о его славѣ; исключительная физическая сила и дружеское обращеніе Питера скоро привлекли къ нему всѣ сердца.

Огденъ Огденъ сѣлся надъ Питеромъ, что онъ выбралъ самый «плебейскій» полкъ, и предлагалъ перевести его въ седьмой, но Питеръ отвѣтилъ, что ему и тутъ хорошо. Питера мало видѣли въ свѣтѣ этой зимой. Онъ добросовѣстно сдѣлалъ визитъ всѣмъ знакомымъ, но постоянныя побѣдки въ Альбани, упражненія съ Деннисомъ и вечернія ученія въ полку часто мѣшали ему воспользоваться полученными приглашеніями. Кромѣ того, у него было очень много новыхъ знакомыхъ, поэтому онъ могъ меньше времени отдавать старымъ. Число этихъ послѣднихъ, положивъ, убавилось съ отъѣздомъ миссъ Де-Во и Лисперанда, за то время его было гораздо больше занято.

Юридическая практика Питера расширилась.

Подрядчикъ, свѣдѣвшій съ нимъ вѣсть въ комисіи, первый поручилъ ему крупное дѣло. Затѣмъ, санитарное управленіе пригласило его въ качествѣ спеціального повѣреннаго при возбужденіи судебныхъ преслѣдованій на основаніи новаго закона о жилищахъ. Газеты говорили, что онъ обязанъ своимъ назначеніемъ своему основательному знакомству съ этимъ вопросомъ, но Питеръ хорошо зналъ, что назначеніе его — дѣло рукъ Грина, только что избраннаго въ члены санитарнаго управленія. Наконецъ, и избиратели его начали поручать ему веденіе своихъ дѣлъ, и хотя денегъ эти послѣднія приносили мало, но число ихъ скоро достигло солидной цифры. О возрастаніи успѣха Питера можетъ свидѣтельствовать предложеніе Деммера соединиться съ нимъ.

— Мистеръ Больманъ хочетъ передать вамъ часть своихъ дѣлъ, — сказалъ Деммеръ, — и намъ удобнѣе образовать товарищество, чѣмъ дѣлать между собою дѣла.

Питеръ зналъ, что Деммеръ имѣетъ много выгодныхъ дѣлъ известнаго сорта, а потому отказался.

— Я рѣшилъ никогда не вести дѣла, правота котораго не очевидна для меня.

— Адвокатъ обязанъ вести всякія дѣла, также какъ докторъ обязанъ лечить всякихъ пациентовъ.

— Адвокаты только говорятъ это, а думаютъ иначе.

— Что-жъ, каждый можетъ имѣть свои убѣжденія. Мы будемъ сообщать вести только тѣ дѣла, которыя вы захотите. Остальными я могу самъ заняться.

— Я вамъ очень благодаренъ за предложеніе, — отвѣтилъ Питеръ, — но я не думаю, чтобы это было возможно; разъ мы образуемъ товарищество, дѣйствія его будутъ приписываться намъ обоимъ.

Несмотря на то, что комбинація не удалась, Бельманъ поручилъ Питеру веденіе нѣкоторыхъ дѣлъ, и Деммеръ въ этихъ случаяхъ помогалъ ему.

Вотъ почему, хотя кругъ знакомства Питера расширился, его все рѣже и рѣже видѣли въ обществѣ, и даже друзья его, видя, какъ сильно онъ занятъ, перестали особенно приглашать его и довольствовались тѣмъ, когда онъ самъ неожиданно заходилъ къ нимъ.

Въ срединѣ зимы Питеръ былъ неожиданно обрадованъ письмомъ Лиспенарда, присланномъ изъ Японіи.

«Тихоокеанскій вѣтеръ развѣялъ мое дурное настроеніе, — писалъ онъ; — я вижу, что былъ не правъ, и оплакиваю мой первородный грѣхъ и то, что произошло черезъ него. Вы были совершенно правы, и мы остаемся друзьями попрежнему».

Питеръ сейчасъ же отвѣтилъ ему, и у нихъ завязалась правильная переписка. Онъ послалъ также миссъ Де-Во поздравленіе съ праздниками и получилъ отъ нея изъ Ниццы длинное письмо, въ которомъ она сообщала ему о Уаттсѣ и Эленъ.

«Эленъ теперь поправилась совершенно, но, проведя шесть лѣтъ въ Европѣ, они совершенно сжились съ европейской жизнью и врядъ ли вернутся. Я говорила имъ про наше знакомство, и они вспоминали васъ съ большимъ участіемъ».

Питеръ отвѣтилъ ей и попросилъ передать «привѣтъ м-ру и миссисъ Д'Аллуа, если вамъ придется опять встрѣтить ихъ». Съ этихъ поръ онъ нрѣдка переписывался съ миссъ Де-Во; она описывала ему свои странствія по Италіи, Греціи и Египту, а онъ со-

«миръ вождя», № 4, апрѣль. отд. 111.

общалъ ей о своихъ дѣлахъ и посылалъ отчеты о состояніи «запаснаго фонда», въ который миссъ Де-Во общала ежегодно вносить тысячу долларовъ.

Когда доходы Питера увеличились, онъ сталъ позволять себѣ кое-какое баловство. По рекомендаціи м-ра Пелла, онъ былъ выбранъ въ члены сначала одного, а затѣмъ двухъ нью-іоркскихъ клубовъ, и его обѣды, поэтому, стали болѣе роскошны. Чтобы доставить себѣ необходимый моціонъ, онъ просилъ Костелля поискать ему верховую лошадь, но Костелль подарилъ ему одну изъ своихъ собственныхъ. Питеръ теперь одѣвался у хорошаго портного, что могло сильно повредить ему въ глазахъ «ребятъ», но, однако, не повредило. Онъ попрежнему не отказывался выкурить трубку въ «салонахъ» или на порогѣ дома своихъ избирателей, но справедливость заставляетъ насъ сознаться, что на его столѣ появились ящикъ съ настоящими гаванскими сигарами. Юридическая практика Питера все расширялась. По мѣрѣ того, какъ росла его политическая слава, его стали приглашать третейскимъ судьей въ особенно запутанныхъ вопросахъ. Одно крупное мѣстное учрежденіе, имѣвшее массу дѣлъ по взысканіямъ, предложило ему быть его постояннымъ повѣреннымъ съ годовымъ содержаніемъ.

Потомъ тотъ банкъ, гдѣ Питеръ былъ вкладчикомъ, поручилъ ему веденіе своихъ дѣлъ.

— Его имя привлекаетъ къ намъ кліентовъ, говорилъ м-ръ Лафамъ своимъ товарищамъ акціонерамъ, — да и самъ онъ скоро будетъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ вкладчиковъ.

Питеръ скоро замѣтилъ, что ему одному не справиться съ дѣлами, и взялъ компаньона. Мысль эту подаль ему Огденъ, окончившій свои занятія въ конторѣ адвоката и собиравшійся самостоятельно заняться адвокатурой.

— У меня масса друзей, — сказалъ онъ, — и они общали поручать мнѣ веденіе своихъ дѣлъ. Не знаю, много ли ихъ будетъ, но мнѣ бы хотѣлось попробовать свои силы подъ вашимъ руководствомъ. Конечно, ваша практика

куда обширнѣй моей, но мы какъ-нибудь поладимъ.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, дощечка на дверяхъ Питера перемѣнилась. Теперь на ней красовались два имени: «Стерлингъ и Огденъ», и товарищество стало процвѣтать, появился даже мальчикъ разсылный, одинъ изъ пріятелей Питера изъ «треугольника».

Друзья у Огдена были все дѣльцы, и трудъ компаньоновъ оплачивался хорошо. Дѣла все пребывали, понадобился еще помощникъ, и по просьбѣ Огдена, былъ приглашенъ Рей Ривингтонъ.

— Его занятія идутъ туго, хотя онъ увѣряетъ, что трудится изо всѣхъ силъ, — говорилъ Огденъ. Врядъ ли онъ когда-нибудь будетъ хорошимъ юристомъ, у него не юридическій умъ. Но онъ будетъ привлекать кліентовъ, потому что очень популяренъ въ нашемъ кругу, и съумѣетъ разговаривать съ ними и бѣгать по порученіямъ. Онъ такъ умѣетъ угодить всѣмъ. А кромѣ того, долженъ сказать вамъ, я еще по другой причинѣ хлопоту за него. Онъ и Дороти рѣшили новѣнчаться, когда онъ будетъ въ состояніи жениться. Но это, конечно, между нами.

— Я съ удовольствіемъ возьму его, особенно послѣ того, что вы сказали мнѣ, хотя онъ и самъ по себѣ мнѣ симпатиченъ, — отвѣтилъ Питеръ.

На дощечкѣ появилось третье имя: «Стерлингъ, Огденъ и Ривингтонъ», и къ прежнему помѣщенію прибавили еще двѣ комнаты; прежняя комната Питера поступила въ распоряженіе маленькаго разсильнаго, который цѣлый день свистѣлъ и пѣлъ уличныя пѣсни и не занимался изученіемъ стѣнъ. Да и Питеру теперь некогда было этимъ заниматься; онъ велъ войну съ двумя сильными противниками: свѣтомъ и самимъ собой, и побѣдилъ обоихъ.

Глава XXXIII.

Послѣ многихъ лѣтъ.

Такъ прошло цѣлыхъ десять лѣтъ. Питеръ снова сидѣлъ у конторки съ письмомъ въ рукахъ и по мѣрѣ того,

какъ онъ читалъ, на лицѣ его появилось удивленное выраженіе. Вотъ что гласило письмо:

«22-го марта.

«Дорогой старый товарищъ.

«Я по обыкновенію попалъ въ бѣду и взываю къ тебѣ: выручи меня, какъ ты уже много разъ выручалъ. Ради Бога, приходи, какъ можно скорѣе, каждая минута дорога. Ты видишь, я увѣжденъ, что взываю не даромъ. «Неизмѣненъ какъ пирамиды», должно было бы быть твоимъ девизомъ.

«Элленъ и наша малютка будутъ въ восторгѣ увидѣть тебя, также какъ преданный тебѣ Уаттсъ».

Питеръ открылъ ящикъ стола и спрятавъ письмо; потомъ справился съ календаремъ, подошелъ къ двери, открылъ ее и сказалъ:

— Я уйду. Если придетъ м-ръ Мурти, его приметъ м-ръ Огденъ.

Питеръ вышелъ на улицу, сбѣлъ на извозчика и велѣлъ везти себя въ Граммерс-Паркъ.

Когда Питеръ позвонилъ, лакей, открывшій ему дверь, колебался, принять ли его. — М-ръ Д'Аллау дома, сэръ, но онъ отдыхаетъ, и намъ не признавано тревожить его.

— Передайте мою карточку. Онъ меня приметъ.

Лакей провелъ Питера въ гостиную и исчезъ. Питеръ услышалъ какіе то переговоры въ пол-голоса, затѣмъ портьеры быстро раздвинулись и на порогѣ, протягивая гостю обѣ руки, появилась Элленъ.

— Какъ это мило съ вашей стороны! И какъ неожиданно!

Питеръ пожалъ ей руку, но ничего не сказалъ. Они сѣли, и внесли Д'Аллау предоджала:

— Уаттсъ опитъ, и я не велѣла его беспокоить. Я хочу сама поговорить съ вами. У васъ есть время?

— Да.

— Чудесно. Вы не должны держениться съ нами. Вѣдь вы можете остаться у насъ обѣдать?

— Я бы очень хотѣлъ, но я уже приглашенъ.

— Ну такъ въ другой разъ. Какъ

миле, что вы зашли къ намъ! Я послала къ вамъ Уаттса, но онъ такой лѣнтяй! Но теперь вы сами розыскали насъ. Только отчего вы не спросили насъ обоихъ?

— Я пришелъ по дѣлу,—сказалъ Питеръ.

Миссисъ Д'Аллуа разсѣбалась.

— Уаттсъ наименѣе всего пригоденъ къ дѣламъ, но я увѣрена, что онъ сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы помочь вамъ. Онъ очень любитъ васъ.

Изъ этихъ словъ Питеръ заключилъ, что миссисъ Д'Аллуа не знаетъ о «бѣдѣ», и съ осторожностью юриста не сталъ ее разубѣждать, что пришелъ не по своимъ дѣламъ.

— Какъ вы измѣнились!—продолжала миссисъ Д'Аллуа.—Если бы я не прочла вашего имени на карточкѣ, я ни за что не узнала бы васъ.

Питеръ только что подумалъ тоже самое относительно миссисъ Д'Аллуа. Долгая болѣзнь или протекшіе годы такъ повліяли на нее? Все въ ней измѣнилось, кромѣ глазъ. Щеки поте, яли округлость и румянецъ, волосы замѣтно порѣдѣли; года и заботы наложили печать на ея лицо, съ котораго исчезло кроткое выраженіе, составлявшее главную ея прелесть. Стройность фигуры поддерживалась очевидно только искусствомъ портнихи. Питеръ недоумѣвалъ. Неужели эта женщина могла причинить ему столько страданій? Неужели въ-за нея онъ остался холостякомъ до тридцати восьми лѣтъ? Какъ многіе люди, онъ убѣдился, что любилъ только свой идеалъ, созданіе своей собственной фантазій, и ради мечты столько разъ отталкивалъ свое счастье. А теперь онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ предметомъ своихъ мечтаній и чувствовалъ, какъ блекли краски его идеала. Съ той достопамятной недѣли, проведенной у Парсовъ, Питеру пришлось встрѣчаться съ многими очаровательными женщинами и дѣвушками, и взглядъ его на женщину былъ уже не тотъ, что прежде. Питеръ не былъ такъ неловокъ, чтобы сказать миссисъ Д'Аллуа, что и она измѣнилась. Съ годами онъ приобрѣлъ,

свѣтскій тактъ, хотя не потерялъ своей правдивости.

Поэтому онъ ограничился тѣмъ, что сказалъ:

— Вы находите?

— Несомнѣнно. Вы стали стройнѣе, хотя расширились въ плечахъ, и ваше лицо такъ... такъ перемѣнилось.

Все это было совершенно справедливо. Не смотря на высокий ростъ и ширину въ плечахъ, Питеръ не отяжелѣлъ. А лицо его дѣйствительно измѣнилось. Когда юношеская округлость щекъ исчезла, глаза и лобъ стали болѣе замѣтны, а они у Питера были очень хороши. Нижняя челюсть была по прежнему немного тяжела, но прежнее угрюмое и скучающее выраженіе замѣнилось добрымъ и энергичнымъ. Лицо его нельзя было назвать прекраснымъ, т. е. красота обуславливается правильностью чертъ, но оно было строго и выразительно, носило отпечатокъ мысли и чувства.

— Знаете ли вы,—засмѣялась миссисъ Д'Аллуа,—что вы очень похорошѣли, а я думала, что это невозможно.

— Давно ли вы пріѣхали?

— Мѣсяцъ тому назадъ. Мы теперь живемъ у отца, пока не приведутъ въ порядокъ нашъ домъ на 55-ой улицѣ. Онъ стоялъ пустой со смерти миссисъ Д'Аллуа. Но не будемъ говорить о домахъ. Разскажите лучше о себѣ.

— Нечего разсказывать. Я занимаюсь адвокатурой и имѣю нѣкоторый успѣхъ.

— Но я видѣла ваше имя въ газетахъ. И въ Европѣ мы встрѣчали многихъ людей, говорившихъ, что вы стали знаменитостью.

— Я много занимался политикой. Самъ не знаю—прославился ли я или обезславился. Это зависитъ оттого, какую газету... я въ данный моментъ читаю.

— Да, я читала на пароходѣ одну газету... Миссисъ Д'Аллуа остановилась, вспомнивъ, что эта газета обвиняла Питера во всѣхъ преступленіяхъ, какія только возможно взвести на человека. Она поторопилась прибавить:—Я знаю, что это все ложь. Но ея тонъ скорѣе

былъ вопросительный, чѣмъ убѣжденный.

По правдѣ сказать, миссисъ Д'Аллау была вовсе не увѣрена въ безукоризненности Питера; въ Америкѣ каждое обвиненіе, брошенное въ лицо политическому дѣятелю, отличается особенною жизненностью и упорствомъ.

Она слышала, что Питеръ открыто поддерживаетъ кабаки, и что въ Нью-Йоркѣ политическій успѣхъ всегда видится на потворствѣ порокамъ толпы.

— Вамъ не тяжело заниматься политикой? спросила она, чтобы испытать, какъ глубоко онъ погрязъ въ бездну порока.

— До сихъ поръ—нѣтъ.

— Но эта политика должна быть очень неприятна для джентельмена? У простого народа такіа грязныя руки!

— Не грязныя руки отравляютъ въ Америкѣ политику, а грязныя совѣсти.

— Развѣ вся политика такъ безнравственна и подкупна?

— Политику дѣлаютъ люди.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я думаю, ваша жизнь не могла васъ познакомить со всѣмъ этимъ. Расскажите лучше, что дали вамъ эти долги года?

— Полнѣйшее счастье! О м-ръ Стерлингъ! Могу я васъ звать просто Питеръ? Благодарю васъ, Питеръ, у меня лучшій благороднѣйшій мужъ на свѣтѣ! Онъ—сама доброта и снисходительность! Лицо миссисъ Д'Аллау сіяло счастьемъ и нѣжностью.

— А ваши дѣти?

— У насъ только одна дочка. Прелестнѣйшее дитя, какое только можно себѣ представить.

— Фи, фи, мой цвѣточекъ,—закричала, входя, Уаттсъ.—Не надо такъ говорить про себя, даже если все это святая истина. Предоставь мнѣ хвастаться. Питеръ, старина, какъ погуливаешь? Я бы извинился, что заставилъ тебя ждать, но не за что, развѣ Эленъ меня замѣнила. Не Буало-ли какъ-то сказалъ: лучшее въ человѣкѣ—это его жена?

Миссисъ Д'Аллау сіяла.

— Не вѣрте ему, Питеръ,—сказала она.—Онъ гораздо лучше меня.

Уаттсъ разсмѣялся.

— Извини, старина. Это случается въ лучшихъ семьяхъ, когда женишься на ангелѣ.

— Видите, —замѣтила миссисъ Д'Аллау,—какъ онъ меня балуетъ.

— А она отъ этого хорошеетъ, правда, Питеръ?—сказалъ Уаттсъ.—Ну не прелесть-ли она! Даже лучше, чѣмъ была прежде!

Миссисъ Д'Аллау покраснѣла отъ удовольствія, однако, замѣтила:

— Полно, Уаттсъ, голубчикъ, не ужели ты думаешь, что я повѣрю такой явной лести. Теперь поцѣлуй меня — Питеръ не осудитъ, и я васъ оставляю. Я чувствую, что вы горите желаніемъ поговорить о прежнихъ дняхъ. Прощайте, Питеръ, т.-е. до свиданія, вы должны почаще приходить. Уаттсъ, сговорись съ Питеромъ, когда онъ можетъ обѣдать у насъ.

Миссисъ Д'Аллау вышла. Сердце Питера продолжало биться ровно и спокойно.

Глава XXXIV.

Спасеніе Уаттса.

По уходѣ жены Уаттсъ снова протянулъ руку.

— Еще разъ здравствуй, старый дружище. Какъ я радъ тебя видѣть! Снова чувствую себя студентомъ! Пойдемъ въ мою берлогу, тамъ намъ никто не помѣшаетъ.

Они прошли черезъ двѣ комнаты и усѣлись въ кабинетъ Уаттса.

— Ну, закуривай сигару. Удобно ли тебѣ?

— Да!

— Maintenant, я думаю, ты желаешь знать, зачѣмъ я тебя такъ стремительно выписалъ?

— Да.

— По правдѣ сказать, я попалъ въ ужасную передригу. Я былъ въ такомъ отчаяніи вчера, что готовъ былъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Мнѣ такъ стало скверно на душѣ, что я вчера

вечеромъ пошелъ въ клубъ, чтобы немножко развлечься. Первое, что я тамъ услышалъ, было твое имя. «Выигралъ крупный процессъ. Лучшій нью-йоркскій адвокатъ». Я подумалъ: это внушеніе свѣше, Питеръ всегда меня выручалъ, еще въ школѣ. Дай напишу ему. Сейчасъ же написалъ и весь вечеръ игралъ на биллиардѣ, такъ былъ увѣренъ, что ты, какъ прежде, сейчасъ же прибѣжишь меня спасать.

— Скажи же, въ чемъ дѣло?

— Чертовская штука, даже и не расскажешь.

— Денежныя затрудненія?..

— Нѣтъ, нѣтъ, — перебилъ Уаттсъ. — Совсе нѣтъ. По совѣсти, у меня больше денегъ, чѣмъ бы нужно было, и всегда такъ будетъ. Если бы только это!

— Я охотно помогу, но какъ?

— Поможешь, поможешь, — радостно закричалъ Уаттсъ. — Ты все тотъ же милый, старый другъ! Вотъ въ чемъ дѣло. Подвинься поближе. Ну, я начинаю. Я не обижусь, если ты придешь въ негодованіе. Ругай, сколько хочешь!

— Я слушаю.

— Ну-съ, короче сказать, я такъ запутался съ одной бабенкой, что теперь самъ чортъ меня не развяжетъ. А ты вытащишь меня изъ этой ямы, голубчикъ, не правда ли?

— Нѣтъ!

— Не говори этого, Питеръ. Ты долженъ помочь мнѣ. На тебя вся моя надежда.

— Я терпѣть не могу мѣшаться въ такія дѣла, — сказалъ Питеръ совершенно спокойно. — И не желалъ бы даже ничего знать.

И онъ всталъ.

— Не бросай меня! — закричалъ Уаттсъ, вскочивъ съ мѣста и положивъ руку на плечо Питера, желая удержать его. — Ради Бога! Она грозитъ мнѣ скандаломъ. Подумай, какой позоръ! Господи, Питеръ, подумай...

— Пусть меня!

— Но, Питеръ, подумай...

— Надо было раньше думать, теперь поздно, Уаттсъ. Я не хочу путаться въ это дѣло.

— Но, старина, я голову теряю. Это убьетъ Эллень!

Питеръ успѣлъ вырваться изъ рукъ Уаттса и сдѣлалъ шагъ къ двери. При имени Эллень онъ остановился.

— Она не знаетъ?

— И не подозрѣваетъ даже. Нужны очень вѣскія доказательства, чтобы заставить ее повѣрить этому. Она обожаешь меня. О, Питеръ, спаси ее! Спаси Леонору, если не хочешь спасти меня!

— Развѣ ихъ можно спасти?

— Это-то я и хочу знать отъ тебя. Сядь пожалуйста. Я все тебѣ расскажу.

Питеръ еще колебался, но встаки сѣлъ.

— Это началось въ Парижѣ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Такія исторіи всегда начинаются въ Парижѣ. Тамъ воздухъ особенный. Она...

— Стой! Я самъ буду тебя спрашивать. Миѣ вовсе не интересно слушать твои исторіи.

Питеръ старался говорить спокойно и ни голосомъ, ни лицомъ не выдать того, что онъ чувствовалъ.

— Она грозитъ тебѣ скандаломъ? Какимъ?

— Да вотъ! Черезъ три года она миѣ надоѣла, и я хотѣлъ съ этимъ покончить. А она преслѣдовала меня 10 лѣтъ, такъ что я, наконецъ, съ отчаянія, вернулся въ Америку, чтобы удрать отъ нея.

— А она преслѣдовала за тобой?

— Да! Она гонялась за мной по всей Европѣ и превратила мою жизнь въ адъ, а теперь пріѣхала сюда.

— Если это чисто денежный вопросъ, я не понимаю, чего тебѣ отъ меня надо?

— Она говоритъ, что ищетъ не денегъ, а мести. Она взбѣсилась, что я уѣхалъ, не сказавъ ей, у ней всегда былъ скверный характеръ, ну, а теперь, самъ знаешь, разозлившаяся женщина способна на все.

— Она грозитъ все рассказать твоей женѣ?

— Нѣтъ. Она говоритъ, что подастъ на меня въ судъ.

— На какомъ основаніи?

— Вотъ это-то самое скверное. Видишь ли, старина, у нея ребенокъ, и

она хочетъ требовать на его воспитаніе. Господи! Да на тѣ деньги, что я передавалъ ей, можно десять ребятъ воспитать. Это просто злоба!

— Уаттсъ, Уаттсъ!—сказалъ Питеръ грустными голосомъ.

— Дрянъ дѣло, правда? Не будь ребенка, я бы могъ...

Питеръ перебилъ его:

— Есть у нея доказательства, что ребенокъ твой?

— Есть, чортъ ее возьми! Письма ей писалъ, какъ дуракъ, пока былъ увлеченъ. Талебранъ былъ правъ, когда сказалъ, что только дураки и женщины пишутъ письма.

— Но какъ ты могъ?..

— Самъ себя сто разъ объ этомъ спрашивалъ. О, я довольно расквашусь. Клятву даю пера въ руки не брать. Jamais!

— Я не о письмахъ говорю, а объ обѣщаніи.

— Объ обѣщаніи?

— О твоёмъ брачномъ обѣщаніи.

— Ахъ, да! понимаю. Только видишь ли, дружище, прежде чѣмъ обѣщать вѣчно любить одну женщину, надо было бы знать всѣхъ остальныхъ.

— Значить, четверть часа тому назадъ ты игралъ комедію?

— Да нѣтъ же! Честное слово, Питеръ, я очень люблю мою маленькую женушку. Право, люблю. Ты знаешь, Додо говоритъ, что можно любить двухъ женщинъ заразъ.

— Если такъ, то гдѣ же честь?

Питеръ старался подавить свое волненіе, которое мѣшало ему дѣлать докладъ.

— Ахъ, самъ знаю! Сколько разъ я себя твердилъ это! Вотъ смотри.—Уаттсъ вытащилъ изъ кармана револьверъ.—Вотъ видишь, до какого отчаянія я дошелъ. Я уже два дня держу его въ карманѣ, и если случится худшее—баць. Voilà tout.

Питеръ всталъ и заговорилъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ.

— Ты хочешь убѣжать отъ послѣдствій твоего грѣха и оставить его вмѣстѣ съ безчестіемъ въ наслѣдство женѣ и дочерн! Спрячь свой револьверъ, Уаттсъ

д'Аллау. Если я долженъ тебя выручить, пусть я выручу человѣка, а не труса. Что тебѣ нужно отъ меня?

— Да я и самъ не знаю. Что мнѣ дѣлать?

— Ты предлагалъ ей деньги?

— Да, я предлагалъ ей...

— Подробности мнѣ не нужны,—перебилъ Питеръ.—Такую сумму, которая вполне обеспечивала ее?

— Да, но она и слышать не хочетъ о деньгахъ. Она жаждетъ мести.

— Дай мнѣ ея адресъ и фамилію.

— Селестина...

Раздался стукъ въ дверь.

— Что нужно?—спросилъ Уаттсъ.

Дверь открылась и вошелъ лакей.

— Извините, сэръ, васъ желаетъ видѣть какая-то французенка. Она не говоритъ своей фамиліи, но увѣряетъ, что вы ее знаете.

— Скажите, что я не могу ее принять. Я занятъ.

— Она мнѣ велѣла сказать, что зайдеть къ баринѣ, если вы заняты.

— Боже мой!—въ ужасѣ произнесъ Уаттсъ.

— Попросите эту даму сюда,—сказалъ Питеръ спокойно, но такимъ тономъ, что лакей исчезъ, не ожидая подтвержденія отъ Уаттса.

Наступило томительное молчаніе. Послышался шелестъ платья, и въ комнату вошла дама. Питеръ, который стоялъ въ сторонѣ, сдѣлалъ лакею знакъ удалиться, и самъ заперъ дверь на ключъ.

Дама дошла до середины комнаты.

— Такъ, monsieur д'Аллау,—заговорила она по-французски, тихо, но очень ясно выговаривая слова.—вы признали, что будетъ благоразумнѣе не приказывать вашему лакею выгнать меня, какъ вы сдѣлали въ Парижѣ, когда надѣялись, что бѣгство въ Америку позволитъ вамъ дѣлать все, что угодно. Но вамъ не удалось убѣжать отъ меня. И вотъ я здѣсь.

Уаттсъ сѣлъ въ кресло и закурилъ папиросу.

— Пислушайте, Селестина,—сказалъ онъ тоже по-французски,—я ничего другаго отъ васъ не ожидалъ.

Селестина сердито забила носкомъ по ковру.

— Не старайтесь прикидываться, будто вы знали, что я побѣду за вами. Вы думали, что можете бросить меня, какъ старую туфлю.

Уаттсъ пускалъ колечками дымъ.

— Кажется, это замѣчаніе Рикардо, если я не ошибаюсь, что отъ женщины всегда можно ожидать неожиданнаго.

— Mon Dieu! — закричала Селестина. — Если бы я могла убить васъ... если бы...

Питеръ прервалъ ее, подвинувъ ей стулъ и сказавъ по-французски:

— Потрудитесь присѣсть.

Селестина въ изумленіи повернулась, такъ какъ, въ своемъ возбужденіи, не замѣтила его присутствія. Она молча посмотрѣла на него и сѣла.

— Вотъ такъ, — сказалъ Уаттсъ. — Успокойтесь. Волноваться нечего.

— Нечего! — опять закричала Селестина, вскакивая со стула. — Ваше имя будетъ во всѣхъ газетахъ! Вы...

Питеръ снова прервалъ ее.

— Могу я васъ просить выслушать меня?

Онъ говорилъ вѣжливо и даже почтительно. Селестина опять посмотрѣла на него и быстро спросила:

— Зачѣмъ мнѣ васъ слушать? Какое мнѣ до васъ дѣло? Я васъ даже не знаю. Я твердо рѣшилась. Я говорю вамъ...

Она снова приходила въ бѣшенство, и Питеръ перебилъ ее:

— Простите меня. Мы съ вами другъ другу чужіе. Если бы я просилъ чего-нибудь для себя, я бы готовъ былъ получить отказъ, но я прошу васъ во имя человѣчности, и вы не имѣете права отказать мнѣ. Только выслушайте меня. Я не требую этого, а прошу, какъ объ одолженіи.

Селестина опять сѣла.

— Я слушаю, — сказала она.

Она повернулась спиной къ Уаттеу и смотрѣла прямо въ лицо Питера, который стоялъ у письменнаго стола.

Питеръ помолчалъ съ минуту, потомъ сказалъ:

— Послѣ того, что я сейчасъ видѣлъ, я знаю, что вы хотите отомстить мистеру д'Аллуа.

— Да.

— Теперь позвольте мнѣ указать вамъ,

какъ вамъ это лучше всего сдѣлать. Вотъ уже два дня какъ мистеръ д'Аллуа носитъ въ карманѣ револьверъ, и если вы его опозорите, онъ застрѣлится.

— Туда ему и дорога!

— А гдѣ же ваша месть? Вѣдь онъ уйдетъ отъ васъ, и только на вашей совѣсти будетъ смерть человѣка.

— Плакать объ немъ не буду!

— Это еще не все. Мстя ему, вы поступаете самымъ жестокимъ образомъ. У него есть жена, которая вѣрнѣе ему и любить его; ея любовь и вѣра будутъ разбиты. Его дочь молоденькая дѣвушка, почти дитя, у которой вся жизнь впереди — должна будетъ презирать своего отца и стыдиться своего имени. Вы не боитесь наказать слабыхъ и невинныхъ за грѣхи виновнаго?

Питеръ говорилъ страшно серьезно. Въ голосѣ его звучали слезы, и оба его слушателя поднялись со своихъ мѣстъ подъ впечатлѣніемъ не столько его словъ, сколько того голоса, которымъ эти слова были сказаны. Онъ былъ настолько взволнованъ, и они такъ внимательно слушали его, что не замѣтили, какъ дверь изъ столовой открылась, и на порогѣ появилась миссисъ д'Аллуа.

— Вы правы, правы, — закричала французенка, когда Питеръ кончилъ, — но что же мнѣ дѣлать съ ребенкомъ? Развѣ мы не страдаемъ? Развѣ вы не должны помочь намъ? Развѣ мы не достойны участія и покровительства?

— Все это такъ, — сказалъ Питеръ. — Но вы желаете мстить. Требуйте помощи, справедливости, и я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы помочь вамъ.

— Уаттсъ, — вскричала миссисъ д'Аллуа, бросаясь впередъ. — О какомъ ребенкѣ вы говорите? Чей ребенокъ? Что это за женщина?

Уаттсъ вскочилъ, какъ громомъ пораженный. Даже Селестина отступила, услышавъ ужасный голосъ и увидя лице миссисъ д'Аллуа.

Грустное, усталое выраженіе появилось въ глазахъ Питера.

Всѣ молчали.

— Да отвѣчайте же мнѣ! — закричала миссисъ д'Аллуа.

— Дорогая моя, не волнуйся. Все благополучно.

Уаттсъ говорилъ это, но лицо его выражало совершенно противоположное.

— Отвѣчай мнѣ, говорю тебѣ! Кто эта женщина? Говори же!

— Все въ порядкѣ, право, ничего нѣтъ. Право, Питеръ скажетъ тебѣ, что все въ порядкѣ.

— Питеръ,—молила миссисъ Д'Аллуа. О чѣмъ ребенкѣ вы говорили?

Питеръ продолжалъ стоять у стола. Лицо его было грустное и усталое, когда онъ сказалъ.

— Вотъ его мать, миссисъ Д'Аллуа.

— Да. Дальше?

Питеръ поднялъ глаза и посмотрѣлъ въ лицо Эленъ.

Потомъ онъ тихо продолжалъ:

— А Уаттсъ подтвердитъ вамъ, что я его отецъ.

Глава XXXV.

Новое спасеніе.

Тяжелое молчаніе, наступившее послѣ словъ Питера, было прервано миссисъ Д'Аллуа, которая обняла Уаттса съ радостнымъ врикомъ.

— О мой дорогой, прости, прости мнѣ мое подозрѣніе!

Питеръ обратился къ Селестинѣ.

— Сударыня, — сказала онъ, — мы здѣсь лишніе.

Онъ открылъ дверь въ гостиную, пропустилъ ее впередъ и вышелъ вслѣдъ за нею. Черезъ минуту они оба уже были на улицѣ.

— Если вы позволите, я провожу васъ до дому, — сказалъ Питеръ.

— Пожалуйста, — отвѣтила Селестина, и больше не было провнесено ни слова, пока они не дошли до отеля, гдѣ остановилась Селестина.

У подъѣзда Питеръ спросилъ ее:

— Можете ли вы принять меня на нѣсколько минутъ?

— Да, войдите въ мою гостиную.

Не успѣли они войти въ номеръ, какъ Питеръ сказалъ:

— Сударыня, вы видѣли эту сцену.

Пощадите жему и дочь. Онъ не стоитъ вашего гнѣва.

— О Боже! — съ волненіемъ воскликнула Селестина, — неужели вы считаете меня до того низкой, что я могла бы уничтожить значеніе вашей жертвы? Вашей высокой, драматической благородной жертвы. Нѣтъ, нѣтъ, Селестина Лакуръ не способна на это. Она скорѣе снесетъ жестокость, бѣдность, униженіе, чѣмъ рѣшится на такой подлый, измѣнническій поступокъ!

Питеръ не раздѣлялъ восторга романтической француженки передъ «драматичностью» своей жертвы, но онъ былъ слишкомъ хорошей юристъ, чтобы не воспользоваться ея уступкой, на какомъ бы основаніи она ее ни дѣлала. Онъ быстро протянулъ ей руку.

— Сударыня, — сказалъ онъ ей, — примите мою глубокую благодарность и выраженіе восхищенія передъ вашимъ великодушіемъ.

Селестина горячо пожала ему руку.

— Не подлежитъ сомнѣнію, — продолжалъ Питеръ, — м-ръ Д'Аллуа обязанъ выдать вамъ хорошее обезпеченіе.

— Пожалуйста, отвѣтила Селестина, не говорите мнѣ о немъ. Предоставляю вамъ сдѣлать все, что вы сами найдете нужнымъ.

— А вы тогда вернетесь во Францію?

— Да, да, если вы этого желаете?

Селестина кокетливо посмотрѣла на него. Но въ эту минуту дверь въ сосѣднюю комнату съ шумомъ распахнулась, и въ гостиную ворвался мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, въ сопровожденіи чернаго пуделя.

— Маленькій негодяй! — закричала на него Селестина. — Какъ ты смѣешь входить, не постучавшись? Убирайся вонъ, скорѣе!

— Извините, сударыня, — сказалъ мальчишка, — я не зналъ, что вы уже вернулись.

— Этого тотъ самый ребенокъ? — спросилъ Питеръ.

— Да, — отвѣтила Селестина.

— Онъ знаетъ?

— Онъ ничего не знаетъ. Я даже не говорю ему, что онъ мой сынъ.

— Значитъ, вы не желаете его воспитывать, какъ мать?

Со вступленіемъ въ болѣе прохладную область улучшилось состояніе здоровья и самочувствіе у сочленовъ экспедиціи, болѣвшихъ приступами постоянно возвращавшейся маляріи. Въ теченіе ближайшихъ дней однако, быстрое охлажденіе воздуха, шедшее рука объ руку съ пониженіемъ температуры поверхности воды, сдѣлалось настолько чувствительнымъ, что почти всѣ переохворали простудою, впрочемъ легкою и скорѣ проходящею. 19-го ноября намъ впервые пришлось пустить въ ходъ также паровое отопленіе, чтобы сдѣлать возможнымъ пребываніе въ каютъ-компани и въ каютахъ.

Хорошая погода, однако, продолжалась недолго. 20-го ноября барометръ, стоявшій до сихъ поръ на 760 мм., упалъ на 738 мм. и почти одновременно задулъ вѣтеръ, перешедшій отъ нордъ-оста къ западному и южному и превратившійся въ сильную бурю. Сила вѣтра по скалѣ Бофора равнялась 10 и волны съ грохотомъ разбивались о стѣны судна, перекатывались по палубѣ и принудили насъ, наконецъ, перемѣнить курсъ и держаться противъ волны.

Быстрое паденіе барометра продолжалось и въ теченіе слѣдующихъ дней и приводило насъ въ недоумѣніе, — намъ приходилось переживать сильную бурю впервые и потому быстро спускающаяся внизъ кривая самопишущаго барометра производила на насъ даже нѣсколько удручающее впечатлѣніе. Притомъ небо верѣдко затягивалось тучами и становилось чернымъ, при чемъ чернота эта составляла рѣзкій контрастъ съ бѣлыми гребнями гигантскихъ волнъ, которые въ большинствѣ случаевъ по три, одна за другой, набѣгали на судно и раскатывались по палубѣ. При такой обстановкѣ мы впервые встрѣтили настоящаго антарктическаго пингвина, который съ сильнымъ крикомъ выскакивалъ какъ дельфинъ изъ воды, ударяя своими крыльями, превращенными въ плавники, и долгое время слѣдовалъ за судномъ. Буревыя птицы и между ними попавшійся здѣсь впервые пепельно-сѣрый альбатросъ (*Diomedea fuliginosa*) съ черноватой головой и бѣлыми краями вѣкъ носились подобно вампирамъ, несмотря ни на какую бурю, вокругъ нашего едва подвигающагося впередъ судна и чувствовали себя совершенно въ своей сферѣ.

Утромъ 21-го ноября солнце, прорвавшееся сквозь облака, освѣтило величественную картину: сильное сѣверное волненіе повстрѣчалось съ рядомъ волнъ, бѣгущихъ съ запада, и вся поверхность моря превратилась въ деку колышущуюся пелену, гдѣ чудный голубой цвѣтъ перемѣшивался съ бѣлою пѣной.

Такъ какъ намъ приходилось держаться противъ вѣтра по направленію къ западу, судно наше черезъ правильные промежутки времени подхватывалось волнами, идущими съ сѣвера и отбрасывалось въ сторону. Это влекло за собой невѣроятную качку, при которой сосуды въ нашихъ лабораторіяхъ выскакивали изъ своихъ гнѣздъ, полочки съ реактивами падали и реактивы проливались и многимъ изъ нашихъ спутниковъ приходилось, сидя на привинченномъ къ полу стулѣ, очутиться неожиданно на совершенно другомъ концѣ каютъ-компани. О сѣбъ нечего было и думать и за завтракомъ также не мало возникало затрудненій. Несмотря на то, что уже давно на столахъ были укрѣплены квадратныя штормовыя рамы, — тарелки, ножи, ложки, а иногда и прислуживавшіе намъ лакеи летали постоянно.

Барометръ 21-го ноября началъ снова подниматься съ такою же быстротою, какъ упалъ, и скорѣ онъ достигъ необычайной подъ этими широтами высоты — 770 мм. Одновременно западный и юго-западный

вѣтеръ, сопровождаемый дождемъ и градомъ, повернулъ на сѣверный. Наступило нѣсколько болѣе спокойныхъ дней, въ теченіе которыхъ намъ препятствовалъ подвигаться впередъ лишь все чаще и чаще ложившійся на море туманъ. Нерѣдко мы бывали принуждены останавливаться, если же, несмотря на туманъ, и рѣшались идти половиннымъ ходомъ впередъ, то черезъ правильные промежутки времени пускался въ ходъ свистокъ, въ ожиданіи, что раздастся эхо отъ незамѣтной впереди въ туманѣ ледяной горы.

24-го ноября мы оказались, наконецъ, на 54° южн. шир.—въ той области, въ которой на картахъ англійскаго адмиралтейства указаны три острова, обозначенные, какъ группа острововъ Бувэ. Рѣзкій, иногда доходящій до бури сѣверный вѣтеръ покрылъ нашу палубу слоемъ льда, а постоянные туманы затемняли кругозоръ, — однако, иногда все же прорывались лучи солнца и въ насъ не угасала надежда, что удастся найти какіе-либо указанія относительно этихъ острововъ. Тогда какъ въ теченіе послѣднихъ дней были найдены очень значительныя глубины между 4.000 и 5.000 метровъ (два раза даже болѣе 5.000 метровъ),—23-го ноября промѣръ далъ глубину 3.585 метровъ, а 24-го—лишь 2.268 метровъ. Такимъ образомъ было доказано существованіе подводнаго хребта, который, быть можетъ, служилъ основаніемъ для острововъ Бувэ, и оставалось лишь систематически обыскать всю мѣстность. Штурманскій офицеръ нашъ нанесъ на карту тѣ положенія, которыя были указаны для этихъ острововъ Бувэ Линдсеємъ и Норрисомъ, и, идя съ востока къ западу, мы начали наши поиски. 24-го ноября намъ не удалось достигъ благоприятныхъ результатовъ, несмотря на то, что небо дважды прояснялось и на короткое время было совершенно безоблачно. Воздухъ былъ, тѣмъ не менѣе, туманный, а вода окрашена въ зеленоватый цвѣтъ микроскопическими водорослями, которыя образовывали на поверхности положительно кашу. Когда небо затягивалось однообразнымъ сѣрымъ покровомъ облаковъ, поверхность моря получала тотъ черноватый оттѣнокъ, который часто упоминается въ описаніяхъ экспедиціи «Челенжера». Вечеромъ солнце снова прорвалось и затѣмъ опять зашло за сплошную стѣну облаковъ, которыя мы первоначально приняли за отдаленные острова.

25-го ноября утромъ мы измѣрили глубину между предполагавшимися положеніями острововъ и нашли 3.458 метровъ. Надежда найти въ этихъ мѣстностяхъ острова разрушалась этимъ обстоятельствомъ, но, съ другой стороны, огромное количество птиц и въ особенности добытая нами пара каускихъ голубей съ пятномъ, указывающимъ на насиживаніе, заставляли предполагать близость земли. Временами шелъ снѣгъ, затѣмъ небо опять прояснялось и мы снова могли продолжать наши поиски острововъ, подвигаясь къ западу. Если предположить, что прежніе мореплаватели должны были опредѣлять широту съ достаточною точностью, то, съ другой стороны, вполне можно допустить ихъ ошибку въ опредѣленіи долготы, такъ какъ въ тѣ времена примѣнявшіеся для этого способы были еще крайне несовершенны.

Около полудня 24-го ноября мы увидѣли первую крупную ледяную гору. Блестая въ яркихъ лучахъ солнца, она производила величественное впечатлѣніе и не только своимъ полнымъ ненарушимымъ спокойствіемъ среди моря, обладающаго ее отъ основанія до вершины брыгами разбивающихся волнъ, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что пѣна волнъ, казавшаяся на морѣ снѣжно-бѣлою, на ослабительно блестящей поверхности ледяной горы производила впечатлѣніе сѣровато-желтой. Кромѣ

того, казалось, что вся гора окутана какой-то голубоватой дымкой, а трещины и пещеры ея—кобальтово-синяго цвѣта.

Послѣ полудня небо снова затянулось облаками и горизонтъ затемнился. Послѣ тревожныхъ и бессонныхъ ночей нашъ капитанъ не могъ хладнокровно говорить о ненадежности опредѣленій прежнихъ мореплавателей. Въ тотъ день мы оба съ нимъ рѣшили, что будемъ продолжать поиски за этими какъ бы закодированными островами въ западномъ направленіи лишь до захода солнца,—но вотъ въ 3 ч. 20 мин. въ каютѣ—компанію вбѣжалъ нашъ старшій офицеръ и словами: «островъ Буэ лежитъ передъ нами!» привелъ все судно въ волненіе. Всѣ бросились на мостикъ и, дѣйствительно, увидали распыляющіеся контуры обрывистаго одинокаго острова, всего лишь въ семи морскихъ миляхъ впереди судна. Крутые и высокіе обрывы съ сѣверной стороны, огромные спускающіеся къ морской поверхности глетчеры, обширное фирновое поле, постепенно понижающееся къ югу и оканчивающееся ледяной стѣной у моря, гребни возвышенностей, закутанные въ облакахъ—таково было наше первое впечатлѣніе при видѣ этого острова, оставшагося непосѣщеннымъ въ теченіе 75-ти лѣтъ и тщетно отыскивавшегося тремя экспедиціями.

Если принять во вниманіе трудности, какими сопровождалось нахожденіе ихъ—почти непрестанные бурные вѣтры, волненіе, часто спускавшійся на море туманъ, заставлявшій опасаться столкновенія съ ледяной горою или рифами, то должно признать, что въ доказательствѣ существованія острова Буэ лежитъ большая заслуга со стороны нашего капитана и офицеровъ «Вальдивіи», которые цѣлыми ночами не сходили съ мостика.

Въ виду острова и будучи прикрыты имъ отъ нордъ-веста, мы воспользовались случаемъ произвести океанографическія и біологическія работы. Такъ какъ дно круто спускается къ большимъ глубинамъ и уже на разстояніи 3, 4 морскихъ миль имѣются глубины 400—600 метровъ, мы получили возможность произвести 6 драгировокъ, при помощи которыхъ добыли необыкновенно богатую фауну. Насъ,

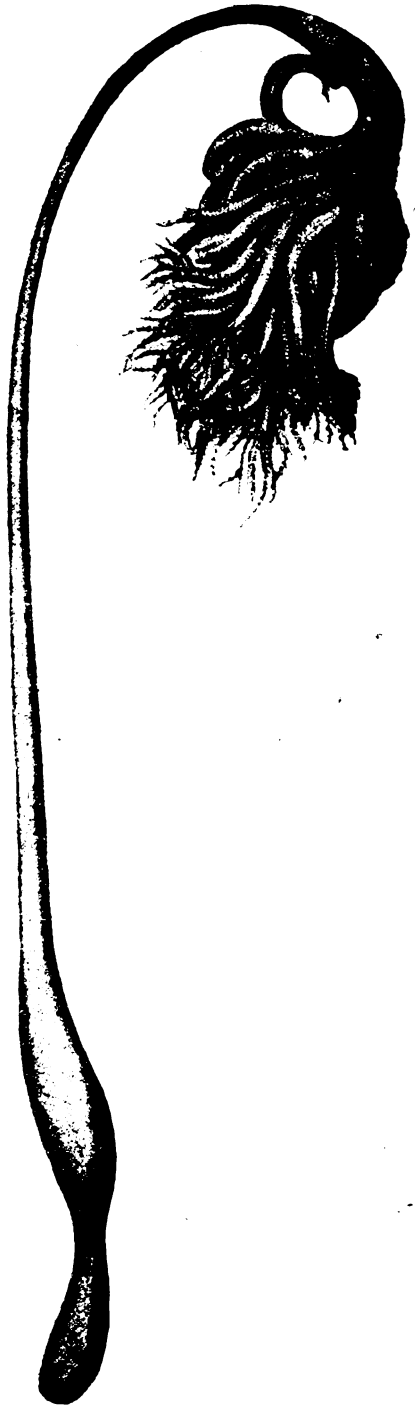

Рис. 32. Колонія полихетъ *Umbelula* съ глубины 457 метр.

положительно, поразили своею красотою активія, окрашенные отчасти въ кровавокрасный цвѣтъ, и тѣ изящнѣйшіе представители морскихъ перьевъ, которые относятся къ роду *Umbellula* и были первоначально открыты въ арктическихъ моряхъ—здѣсь мы встрѣтили чрезвычайно близкія къ нимъ формы. Къ нимъ присоединялись кустообразные гидроиды, голотурія, кольчатые черви, мшанки, цѣлый рядъ морскихъ звѣздъ и офіуръ, моллюски съ вѣжными раковинками и раки изъ рода *Arcturus*, опять таки напоминающіе арктическія формы и чрезвычайно курьезные по своему строенію. Полипы нерѣдко превосходно окрашены, изображенная здѣсь *Umbellula* (рис. 32), на примѣръ, обладает стеблемъ ярко оранжеваго цвѣта, на которомъ красиво выдѣляются крупные полипы вѣжной фіолетовой окраски.

Что касается до общаго характера глубоководной фауны у острова Бувэ, то она въ дѣйствительности является соединительнымъ звеномъ между областю Кергуэльскихъ острововъ и фауною Магелланова пролива. На ряду съ извѣстными формами, однако, появляется такое огромное количество новыхъ видовъ, что кажется, будто мы имѣемъ передъ собою особую подъобласть со специально ей свойственными характеристичными формами.

Вполнѣ естественно, что слѣдующій день 26-го ноября мы употребили на то, чтобы обойти островъ и, путемъ засѣчекъ выдающихся его пунктовъ, опредѣлить его общую форму. Моментальные фотографическіе снимки, полученіе которыхъ, къ сожалѣнію, затрудняло сильное волненіе и мало прозрачный воздухъ, дополняютъ давнія, добытыя засѣчками. Прошу позволенія, на основаніи этой съемки, дать краткое описаніе этого острова.

Центръ острова Бувэ лежитъ подъ 54°26,4' юж. шир. и 3°24,2' вост. долг., ширина острова по направленію съ запада на востокъ 5,1, съ сѣвера на югъ—4,3 морскихъ мили. По размѣрамъ своимъ островъ этотъ равняется, слѣдовательно, приблизительно посѣщенному нами позднѣе острову Новому Амстердаму въ южномъ Индійскомъ океанѣ. Соотвѣтствіе въ данному случаѣ увеличивается тѣмъ, что островъ Бувэ, какъ это ясно указываетъ еще Норрисъ, вулканическаго характера. Мы не видѣли, правда, вулканическихъ породъ, но уже при первыхъ драгировкахъ замѣтили, что находимся на сѣромъ вулканическомъ грунтѣ, который нерѣдко сильно рвалъ наши сѣти. Камни, попадавшіеся въ драгу, состояли изъ полуразложившагося туфа и мелкозернистаго базальта. Мы тщательно собирали всѣ обломки и будущее изслѣдованіе покажетъ подробнѣе, что они изъ себя представляютъ. На вулканическую природу острова указываетъ уже прежде всего и его своеобразная форма, съ которой намъ удалось познакомиться всего лишь одинъ разъ—26-го ноября въ 5 часовъ утра, — когда островъ освободился отъ облаковъ тумана. Одинъ изъ моментальныхъ снимковъ позволяетъ видѣть широкій и остроазубренный край кратера, отъ котораго съ юга на востокъ съ постепеннымъ наклономъ спускаются обрывы къ морю. На сѣверо-восточномъ мысу замѣтенъ крутой обрывъ, который является, впрочемъ, типичнымъ и для всего сѣвернаго и западнаго берега и наиболѣе крутъ съ сѣверо-западной стороны. Въ благодарномъ воспоминаніи о томъ интересѣ, съ какимъ Его Величество относился къ экспедиціи, мы назвали вулканическій конусъ съ широкимъ кратеромъ, который господствуетъ надъ островомъ, — «Пикомъ Императора Вильгельма». Вышина края кратера значительнѣе всего на сѣверной сторонѣ и достигаетъ 935 метровъ надъ уровнемъ моря.

Въ 5 мѣстахъ, именно на сѣверѣ, сѣверо-востокѣ, югѣ, юго-западѣ и сѣверо-западѣ, на островѣ имѣются небольшіе выступы. Сѣверный мысъ оканчивается огромными воротами изъ скалъ, мы его назвали «Мысомъ Вальдивіи». Тщетно искали мы какой-нибудь глубоко врѣзающейся бухты, которая могла бы дать хорошо защищенное мѣсто якорной стоянки,—всѣ поиски были напрасны.

Если принять во вниманіе незначительную величину острова, расположеннаго на той же широтѣ, какъ Южная Георгія, то бросается въ глаза необыкновенно сильное развитіе глетчернаго покрова. Объясненіемъ можетъ служить лишь то обстоятельство, что антарктическій океанъ выдвигаетъ въ этомъ направленіи съ юга какъ бы особо холодный языкъ, что сказывается также и въ удивительно низкихъ температурахъ моря и въ положеніи границы плавучихъ льдовъ, сильно продвинутой на сѣверъ на этой долготѣ. Весь островъ покрытъ сплошнымъ глетчернымъ полемъ, которое спускается на пологой южной и восточной сторонѣ до самаго моря и затѣмъ обрывается отвѣсной ледяной стѣною. Раковистые изломы по краямъ указываютъ на то, что отъ этого ледяного покрова отрываются небольшія ледяныя горы. Тамъ, гдѣ берегъ падаетъ круто, ледяная стѣна поднимается вверхъ и продвигается впередъ до тѣхъ поръ, покада держатся еще ледяныя массы. На сѣверной сторонѣ роскошный, изрѣзанный голубыми продольными трещинами глетчеръ круто спускается съ высоты въ море. Мы назвали его «глетчеромъ Посадовскаго». На южной сторонѣ острова, тамъ гдѣ она переходитъ въ круто поднимающуюся западную сторону, къ уровню моря спускаются два короткихъ глетчера, изъ которыхъ одинъ довольно широкъ. Повидимому, только на этомъ краю являлась возможность пристать къ острову, но вслѣдствіе все еще продолжавшагося волненія и спускавшагося по временамъ тумана, это было невыполнимо. По всему остальному протяженію берегъ обрывистъ или же возвышается сплошная ледяная вертикальная стѣна и пристать совершенно невозможно.

Мы нигдѣ не видали текущей воды, которая, несомнѣнно, была бы замѣтна въ виду крутого паденія берега,—при такомъ наклонѣ должны были бы образовываться каскады. Лишь въ одномъ мѣстѣ на круто обрывающемся къ морю западномъ берегу я замѣтилъ серебристо-блестящую полоску, которая оказалась, когда мы подошли ближе, превратившимся въ ледъ почти вертикально падающимъ ледниковымъ потокомъ. Отсутствіе текущей воды указываетъ, повидимому, на то, что на островѣ Бувэ снѣговая линія находится на уровнѣ моря. Врядъ ли существуетъ гдѣ-нибудь еще на земномъ шарѣ второй такой островъ, который бы, находясь подъ столь низкой широтою обладалъ бы подобными неблагоприятными климатическими условіями!

Судя по нашимъ промѣрамъ, можно думать, что вулканическій конусъ спускается въ море довольно круто. Тѣмъ не менѣе передъ островомъ находится нѣсколько подводныхъ утесовъ, изъ которыхъ одинъ, располагающійся передъ южнымъ мысомъ, выдается и имѣетъ клиновидную форму, другіе скрыты подъ водою и замѣтны лишь по прибою у юго-восточнаго конца острова.

Въ противуположность сообщеніямъ Бувэ и Ляндсея, которые говорятъ о существованіи деревьевъ, должно замѣтить, что при помощи подворной трубы мы не могли открыть никакихъ слѣдовъ растительности, даже на разстояніи всего лишь двухъ морскихъ миль. Животная жизнь, которая обыкновенно вблизи антарктическихъ острововъ

развита столь сильно, оказывается здѣсь также въ соотвѣтствіи съ существованіемъ глетчернаго покрова почти отсутствующей. Больше всего мы встрѣчали здѣсь капскихъ голубей, тогда какъ всѣ другія антарктическія птицы попадались въ самомъ незначительномъ количествѣ. Должно отмѣтить, что бѣлоснѣжный буревѣстникъ (*Pagodroma nivea*), котораго еще Россъ совершенно справедливо назвалъ «наиболѣе надежнымъ доказательствомъ присутствія льда», впервые появился вблизи нашего судна здѣсь, у острова Бувэ.

Чтобы оцѣнить своеобразность антарктической области и полное переимѣненіе всѣхъ климатическихъ условій, стоитъ только сравнить ихъ съ тѣми, которые мы встрѣчаемъ въ сѣверномъ полушаріи. На одинаковой широтѣ съ островомъ Бувэ, но на сѣверъ отъ экватора располагаются острова Гельголандъ и Рюгенъ. Представьте себѣ теперь, что Рюгенъ покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ, что съ поверхности его спускаются къ морю глетчеры и даже позднимъ лѣтомъ онъ нерѣдко окруженъ еще плавучими льдами; представьте себѣ, что поверхностная температура лѣтомъ ниже 0° и что ледяныя горы затрудняютъ судоходство вблизи Англій! Судно, которое бы при такихъ условіяхъ достигло до Лофотскихъ острововъ, пробиваясь между льдами, было бы занесено уже на лѣтописи исторіи, а если бы оно дошло до Шпицбергена, куда въ настоящее время предпринимаются утѣшительныя прогулки путешественниковъ, то такое путешествіе считалось бы уже однимъ изъ величайшихъ научныхъ предпріятій, такъ какъ до этой широты въ южномъ полушаріи не достигъ и Джемсъ Россъ!

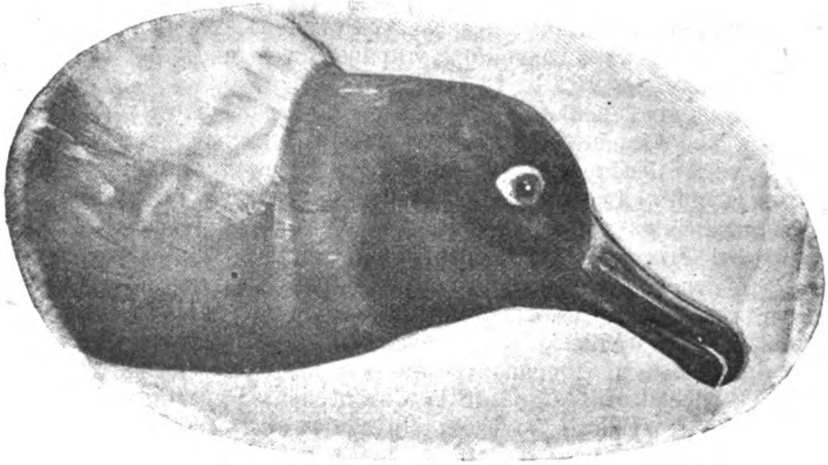
Норрисъ сообщаетъ, что въ 45 миляхъ отъ «острова Ливерпуль», который, по всей вѣроятности, тождественъ съ островомъ Бувэ, находится другой островъ на NNO. Онъ назвалъ его «островомъ Томпсона» и высадился на него на лодкѣ. Команда его охотилась тамъ на тюленей и пингвиновъ и вслѣдствіе бурнаго времени могла попасть обратно на судно лишь черезъ 7 дней.

Въ виду того, что слѣдующій день 27-го ноября, какъ воскресенье и день отдыха, мы предполагали использовать инымъ способомъ, было рѣшено приняться за отысканіе этого второго острова въ указанномъ Норрисомъ направленіи. Ночью при сильной снѣжной вьюгѣ мы отошли отъ острова Бувэ и къ 6 часамъ утра были на томъ мѣстѣ, гдѣ можно было предполагать присутствіе острова Томпсона. Воздухъ былъ туманный и такъ какъ прожѣры указывали на относительно небольшую глубину—1.849 метровъ, то было признано за лучшее крейсировать въ этой области и ожидать, когда туманъ разсѣется. Это дѣйствительно случилось, и на нѣкоторое время открылся кругозоръ, по крайней мѣрѣ, на 10 морскихъ миль въ окружности. Земли, однако, не было никакихъ признаковъ и прожѣры въ восточномъ направленіи показали глубину въ 2.321 метръ,—въ виду этого мы измѣнили курсъ сперва на западъ, а затѣмъ, когда поднялся бурный сѣверо-западный вѣтеръ, пошли опять по направленію къ острову Бувэ. Къ сильной качкѣ присоедилился вечеромъ туманъ, ничего не стало видно и мы принуждены были всю ночь продержаться почти на одномъ мѣстѣ, работая машиной противъ сильной волны съ нордъ-веста. Буря повернула на западъ и мягкіе снѣговые хлопья неслись почти горизонтально по воздуху сблѣпывая насъ, такъ что снасти судна покрылись льдомъ. Около 10 часовъ утра проясвилось, намъ удалось сдѣлать астрономическія наблюденія, и мы вернулись затѣмъ къ острову Бувэ, который находился всего лишь въ трехъ миляхъ. Снѣжная метель чередова-

лась временами съ полнымъ проясненіемъ неба, мы занялись драгировкой и вечеромъ 28-го ноября отправились дальше по направленію къ юго-востоку.

Во время драгировки мы подошли къ острову почти на двѣ морскія мили и, тѣмъ не менѣе, не видали его, такъ какъ онъ былъ затянута густымъ непроницаемымъ покровомъ тумана: теперь мы поняли, какъ могъ Джемсъ Россъ пройти мимо этого острова, судя по приводимымъ имъ указаніямъ, всего лишь въ 4 миляхъ отъ него и не замѣтить его. Въ виду такого нашего опыта нельзя безусловно отрицать, что существуетъ еще и второй островъ,—мы не были, однако, въ состояніи найти его. Подробное разсмотрѣніе вопроса, является ли найденный нами островъ тождественнымъ съ островами, указанными Бувэ, Линдсеємъ и Норрисомъ, завлекло бы насъ слишкомъ далеко. По всей вѣроятности, «Cape de la Circoncision» Бувэ, островъ Линдсея и видѣнный Норрисомъ «островъ Ливерпулъ» тождественны съ островомъ, найденнымъ нами. Бувэ и Линдсей нашли его окруженнымъ льдами, но вполнѣ согласно сообщаютъ, что на SSO и O онъ низменный и плоскій. Линдсей нашелъ, что земля на западѣ обрывиста и высока, тогда какъ Норрисъ сообщаетъ то же самое относительно сѣвернаго берега и снова подтверждаетъ, что южная сторона плоская. На основаніи такого согласія этихъ показаній съ тѣмъ, что мы нашли въ дѣйствительности, должно думать, что это одинъ и тотъ же островъ, за которымъ мы, въ честь открывшаго его, и оставляемъ названіе «острова Бувэ».

Сѣрый альбатросъ (*Diomedea fuliginosa*).

ГЛАВА IX.

Въ антарктическомъ морѣ. — Промѣры. — Температура воды. — Ледяныя горы. — Планктонъ. — Составъ грунта дна.

Вторая часть нашего пути въ антарктической области дала очень цѣнные результаты. Зависѣло ли это отъ избраннаго направленія пути, или судьба особенно благоприятствовала экспедиціи, — фактъ тотъ, что экспедиція работала безпрепятственно въ теченіе трехъ недѣль, помозуясь погодой для антарктическихъ странъ совершенно исключительно благоприятной, и, въ концѣ концовъ, имѣла возможность пересѣчь 64° шир. на суднѣ, которое совсѣмъ не было приспособлено къ встрѣчѣ съ антарктическими льдами.

Ясно, что въ этой части пути успѣхъ зависѣлъ также въ значительной степени отъ осторожности капитана и офицеровъ «Вальдивіи». Разстилавшіяся часто туманы, поднимавшіяся свѣжныя мятели и постоянно попадавшіяся на пути многочисленныя ледяныя горы и цѣлыя поля плавучаго льда принуждали насъ нерѣдко измѣнять курсъ или заставляли пробиваться черезъ льды. Путемъ осторожнаго соображенія данныхъ условій и принимая во вниманіе прежнія данныя о распредѣленіи льдовъ, намъ удалось, однако, безъ малѣйшей аваріи проникнуть гораздо далѣе на югъ, чѣмъ это было предположено въ началѣ пути.

Много содѣйствовало намъ то обстоятельство, что мы вышли изъ Капштата еще въ ноябрѣ, слѣдовательно, гораздо ранѣе всѣхъ предыдущихъ экспедицій, и попали въ южныя широты во время періода наиболѣе долгихъ дней. По ту сторону 60° шир. даже въ полночь, несмотря на затянутае небо, бывало такъ свѣтло, что можно было свободно читать.

Покинувъ островъ Буве 28-го ноября, мы встрѣчали затѣмъ въ теченіе трехъ недѣль вѣтеръ не болѣе 7—8 балловъ по скалѣ Бофора. Между 55° и 60° юж. шир. направленіе вѣтра было непостоянно, — господствовали слабыя вѣтры, переходящіе къ югу или къ сѣверу,

силою въ 1—3 бала; лишь по ту сторону 60° начало сказываться постоянное восточное направлѣніе вѣтра, которое становилось преобладающимъ по мѣрѣ того, какъ «Вальдивія» подвигалась на югъ. Въ связи съ этимъ находилось то обстоятельство, что во время всего пути вдоль границы льдовъ мы не встрѣчали никакихъ признаковъ постоянныхъ сильныхъ теченій. Насъ очень мало сносило, и работа наша облегчалась тѣмъ, что тросъ вертикальныхъ пелагическихъ сѣтей и проволока лота держались вертикально.

Тѣхъ сильныхъ колебаній въ атмосферномъ давленіи, какіе характерны для области западныхъ вѣтровъ и сопровождаются быстрымъ измѣненіемъ направлѣнія вѣтра, мы совершенно не наблюдали. Небо было, однако, постоянно затянуто однообразнымъ сѣрымъ покровомъ облаковъ, который лишь изрѣдка прорывался лучами солнца на короткое время. Океаническій климатъ сказывался въ томъ, что температура колебалась лишь въ незначительныхъ границахъ. Наступило сопровождавшееся снѣжными мятелями антарктическое лѣто, и мы наслаждались имъ при температурѣ, которая лишь рѣдко доходила до 0°, но и никогда не спускалась ниже —2,5°.

Уже 30-го ноября въ 2 часа дня мы послѣ совершенно спокойнаго пути достигли на 56° 45' юж. шир. границы плавучаго льда. Какъ обыкновенно при приближеніи ко льду, здѣсь сперва показались мелкія льдинки или обломки льда, которыя нерѣдко сбивались вѣтромъ въ длинныя полосы. За нами послѣдовали богѣ значительныя и широкія, направленные перпендикулярно къ вѣтру поля плавучаго льда, которыя становились все чаще и чаще и, очевидно, переходили уже въ компактный ледъ. Поля эти состояли отчасти изъ сильно разбитыхъ льдинъ, между которыми иногда попадались богѣ крупныя куски льда небесно-голубого цвѣта. Наибольшія льдины имѣли 2—3 метра въ поперечникъ, и намъ приходилось ихъ тщательно избѣгать, такъ какъ чрезвычайно хрупкій ледъ могъ легко попортить парходный винтъ. Между полями льда, то вытянутыми въ длину, то кольцеобразными и имѣющими видъ атолловъ, море было часто спокойно, какъ озеро. Мы нерѣдко пользовались этимъ обстоятельствомъ и производили наши работы посреди льдовъ. Иногда во время работъ, продолжавшихся цѣлый день, судно наше, стоявшее на мѣстѣ, окружалось со всѣхъ сторонъ задвигающимся льдомъ, и мы бывали принуждены пробиваться черезъ него, чтобы попасть въ открытую воду. Къ этому принудило насъ однажды и то обстоятельство, что ледъ вытянулся, въ видѣ длинныхъ языковъ, какъ разъ на нашемъ пути. Величественное, но и не особенно для насъ пріятное зрѣлище было, когда наша «Вальдивія», совершенно не приспособленная къ плаванію въ антарктическихъ льдахъ, на всѣхъ парахъ разбѣгалась противъ ледяного поля, затѣмъ работа винта прекращалась передъ самымъ льдомъ, и судно по инерціи пробивало себѣ дорогу посреди трескающихся льдинъ. Мы имѣли, правда, всегда осторожность, выбирать наиболѣе узкія мѣста ледяныхъ полей для подобныхъ попытокъ,—послѣднія могли бы окончиться довольно непріятно, если бы сила инерціи судна оказалась недостаточною для того, чтобы пробиться между льдинами и намъ пришлось бы пустить въ ходъ нашу машину посреди льда. Значительнымъ подспорьемъ для успокоенія нервовъ былъ «ледоколъ», сочиненный нашимъ гениальнымъ поваромъ и состоявшій изъ двухъ бутылокъ портвейна и одной бутылки коньяка,—если положеніе было особенно критическимъ, то въ составъ пунша входили двѣ бутылки коньяка и одна бутылка портвейна.

Уже въ первую же ночь, съ 30 го ноября на 1-е декабря, мы были принуждены, послѣ многочисленныхъ перемѣнъ курса, неоднократно пересѣкать ледяныя поля и при непривѣтливомъ трескѣ льдинъ и поскрипываніи стѣнъ нашего судна обитатели «Вальдивіи» лишь съ большимъ трудомъ могли заснуть.

1-го декабря намъ снова удалось попасть въ чистую воду, и мы рѣшили придерживаться юго-восточнаго направленія до тѣхъ поръ, пока поля плавучаго льда не принудятъ насъ измѣнить его. Намъ удалось удерживать это направленіе въ теченіе двухъ съ половиною недель и такимъ образомъ мы были въ состояніи пройти около 50° долготы вдоль границы льда. Этотъ путь, совершенный при относительно столь благоприятныхъ условіяхъ, позволилъ намъ произвести тщательное изслѣдованіе грунта дна, физико-химическихъ свойствъ морской воды и пелагической фауны, которую мы нашли широко развитою, какъ на поверхности, такъ и на большихъ глубинахъ. Было бы слишкомъ скучно описывать въ хронологическомъ порядкѣ наши работы день за днемъ, и потому я предпочитаю изложить результаты ихъ въ одномъ общемъ очеркѣ.

Наиболѣе важнымъ результатомъ этой части пути является то, что мы доказали существованіе значительной глубины антарктическаго моря. Изъ 17 промѣровъ между областью острова Бувэ и землею Эндерби, не менѣе 11 даютъ глубину между 5.000 и 6.000 метровъ, 5 промѣровъ—4000—5000 метровъ и лишь одинъ, вблизи острова Бувэ, указываетъ глубину въ 3080 метровъ. На основаніи этой серіи промѣровъ—первой, которая была произведена съ такой непрерывностью въ антарктической области—существовавшія до сихъ поръ представленія о рельефѣ глубинъ антарктическаго океана должны претерпѣть значительныя измѣненія. До работъ «Вальдивіи» имѣлось лишь 15 глубоководныхъ промѣровъ на югъ отъ 50°, намъ же удалось произвести южнѣе 50 параллели 29 промѣровъ и доказать, что въ противоположность къ господствующему представленію объ антарктическомъ морѣ, какъ относительно мелководномъ бассейнѣ, тамъ, совершенно неожиданно, существуютъ значительныя глубины. По теоретическимъ соображеніямъ, прежде приписывалась морямъ вблизи полюсовъ земного шара незначительная глубина, въ настоящее же время это представленіе опровергается, съ одной стороны, промѣрами Навсена въ полярныхъ моряхъ, съ другой—работами «Вальдивіи» въ антарктическихъ водахъ. Правда, наши промѣры были произведены подъ относительно небольшими широтами, сравнительно съ произведенными сѣверными полярными экспедиціями, но онѣ зато подходятъ близко къ краю антарктическаго континента и простираются на протяженіе 50 градусовъ долготы. Ясно, что, въ виду такихъ неожиданныхъ результатовъ, океанографическимъ изслѣдованіямъ въ антарктическомъ морѣ было отведено почетное мѣсто. Ежедневные промѣры держали насъ послѣ отплытія изъ Капштата болѣе мѣсяца въ постоянномъ напряженіи, и курсъ нашъ вдоль края плавучихъ льдовъ мы избрали, именно руководствуясь ими.

Перейду теперь къ даннымъ о температурныхъ условіяхъ антарктическаго моря. Во всѣхъ болѣе теплыхъ моряхъ температура морской воды постепенно уменьшается отъ морской поверхности къ глубинамъ—уменьшеніе это не равномерно, но нерѣдко образуетъ болѣе или менѣе рѣзкіе скачки, которые въ различныхъ моряхъ на различныхъ глубинахъ наблюдаются обыкновенно между 50—200 метровъ глубины. Если

не принимать во вниманіе этихъ скачковъ, постепенное пониженіе температуры позволяетъ примѣнять для измѣренія ея максимальные и минимальные термометры, такъ какъ можно съ увѣренностью рассчитывать, что температура, указываемая минимальнымъ термометромъ, соответствуетъ наибольшей глубинѣ, достигнутой этимъ инструментомъ. Въ томъ предположеніи, что законъ этотъ является общимъ для всѣхъ морей, экспедиція «Челленжера» пользовалась исключительно максимальными и минимальными термометрами. Лишь позднѣе наблюденія надъ своеобразными условіями арктическихъ и антарктическихъ водъ повели къ примѣненію переворачивающагося термометра Негретти и Замбра. Однимъ изъ наиболѣе удивительныхъ океанографическихъ открытій экспедиціи «Челленжера» является доказательство, что въ антарктической области, вблизи границы льдовъ, поверхностная температура ниже, чѣмъ температура глубокихъ слоевъ. Океанографы экспедиціи «Челленжера» не могли, однако, получить болѣе точныхъ данныхъ относительно температурныхъ условій на глубинахъ, такъ какъ минимальные термометры проходя при поднятіи, по болѣе холоднымъ слоямъ, охлаждались и указывали болѣе низкую температуру, чѣмъ была на глубинѣ въ дѣйствительности. Нами примѣнялся въ антарктической области почти исключительно переворачивающійся термометръ и потому явилась возможность дать правильную картину распредѣленія теплыхъ и холодныхъ слоевъ въ вертикальномъ направленіи. Наблюденія показываютъ, что въ общемъ, до глубины въ 150 метровъ, верхніе слои воды обладаютъ температурою ниже 0° и лишь затѣмъ располагаются слои съ болѣе высокой температурой. Между 300 и 400 метровъ мы находили слои воды съ самой высокой температурой +1,7°; начиная съ этой глубины, температура медленно понижается и лишь на относительно очень большихъ глубинахъ въ 3.000—4.000 метровъ спускается опять ниже 0°. Обыкновенно придонная температура на 5.000 метрахъ была въ антарктическомъ океанѣ около —0,5°.

Интересенъ тотъ фактъ, что охлажденіе, сказывающееся въ области острова Бувэ уже на поверхности моря чрезвычайно низкими температурами въ —1,5°, наблюдается тамъ и въ болѣе глубокихъ слояхъ. Одна изъ температурныхъ серій, полученныхъ нами 2-го декабря вблизи области Бувэ, на глубинѣ 150—1.500 метровъ, указываетъ во всѣхъ слояхъ температуру, которая на одинъ градусъ и болѣе ниже наблюдавшейся нами позднѣе на самомъ южномъ достигнутомъ нами пунктѣ—вблизи границы плавучаго льда у земли Эндерби. Здѣсь, по-видимому, болѣе сильное прогреваніе поверхностныхъ и глубокихъ слоевъ обуславливается теченіемъ, проходящимъ чрезъ Кергуэльскіе острова на югъ. Интересно, что минимума температуры находится не на поверхности, а на глубинѣ 50—80 метровъ. Повидимому, разность между температурами поверхности и 100 метровъ глубины является болѣе значительной нѣсколько далѣе на востокъ, гдѣ производились наблюденія «Челленжера». Съ другой стороны, надо указать на то, что наблюденія Навсена отмѣчаютъ въ высшей степени замѣчательное соотвѣтствіе температурныхъ разрѣзовъ въ арктическихъ и въ антарктическихъ водахъ. Само собою разумѣется, что замѣчательное охлажденіе поверхностныхъ слоевъ воды обуславливается процессомъ таянія ледяныхъ горъ и плавучаго льда. Вода, происходящая отъ таянія льда, имѣетъ меньшій удѣльный вѣсъ и, благодаря этому, она и удерживается въ верхнихъ слояхъ, несмотря на то, что холоднѣе ниже лежащихъ слоевъ. Для иллюстраціи можетъ служить слѣдующій

примѣръ: у земли Эндерби мы нашли на поверхности содержаніе соли равнымъ 33,7 на 1.000, тогда какъ на 150 метрахъ было 34, а на 1.500—34,6 на 1.000. Параллельно съ увеличеніемъ соли съ глубиною происходитъ, по наблюденіямъ нашего химика, увеличеніе содержанія поглощенной углекислоты и, съ другой стороны, понижается количество поглощеннаго кислорода; на глубинѣ 1.500 метровъ имѣется лишь половина количества кислорода, заключающагося въ водѣ поверхностныхъ слоевъ. Впрочемъ, увеличеніе количества углекислоты, идущее параллельно съ уменьшеніемъ кислорода, не настолько значительно, чтобы повліять неблагоприятно на присутствіе органической жизни.

Присутствіе въ антарктическихъ водахъ слоя относительно теплой воды толщиною болѣе чѣмъ въ 2.000 метровъ является обстоятельствомъ высокой важности какъ въ океанографическомъ, такъ и въ біологическомъ отношеніи. Антарктическая вода глубокихъ слоевъ доходитъ путемъ медленной циркуляціи до экватора, а въ Индійскомъ океанѣ даже переходитъ значительно за него. Если сильное нагрѣваніе поверхностныхъ слоевъ въ умѣренныхъ и тропическихъ областяхъ моря и вліяетъ нѣсколько на глубокіе слои, то все же вліяніе это не достаточно сильно, чтобы вызывать значительныя разницы въ температурѣ. На глубинѣ 2.000 метровъ вода въ серединѣ Индійскаго океана непосредственно на экваторѣ лишь на 2° теплѣе, чѣмъ въблизи антарктическаго континента. Незначительностью этой разницы объясняются удивительные результаты нашихъ лововъ вертикальными и замыкающимися сѣтями: тѣ же самые пелагическіе организмы, которые свойственны глубокимъ водамъ тропиковъ, были отчасти найдены нами въ антарктическомъ морѣ. На поверхности замѣчается необыкновенно сильно сказывающееся различіе, тогда какъ на глубинѣ замѣчательное соотвѣтствіе!

Чтобы оцѣнить теперь правильнѣе происхожденіе холодныхъ поверхностныхъ слоевъ сравнительно небольшого удѣльнаго вѣса, будетъ не лишнимъ познакомиться со строеніемъ и процессомъ постепеннаго разложенія ледяныхъ горъ въ антарктическихъ водахъ.

На островѣ Бувэ граница вѣчнаго снѣга и ледниковъ совпадаетъ съ уровнемъ моря. Мы не можемъ указать ни одного другого острова, у котораго подѣ столь низкой широтой наблюдалось бы такое значительное развитіе ледниковаго покрова. Въ этомъ ярко выражается вліяніе того холоднаго языка, который въ области острова Бувэ вдается здѣсь по направленію къ сѣверу. Прежніе мореплаватели не могли подойти къ острову, потому что онъ былъ совершенно окруженъ плавучимъ льдомъ,—намъ удалось найти его свободнымъ отъ льда, мы могли подойти ближе и опредѣлить, что на юго-восточномъ берегу его находится изломъ слабо наклоненнаго глетчера высотой въ 57—133 метра. Этотъ край его представляется вертикально опускающейся въ море ледяной стѣною, на которой вулканическія породы выдаются лишь тамъ, гдѣ берегъ совершенно отвѣсенъ. По обрывамъ ледяная стѣна поднимается на такую высоту, на какую ея поверхность находитъ себѣ опору въ почвѣ; на немногочисленныхъ впадинахъ доминирующія массы льда вдвигаются съ вышины въ формѣ прорѣзанныхъ щелями глетчеровъ.

Эта ледяная стѣна, которою оканчивается слабо наклоненный глетчеръ, доходящій до края кратера, представляетъ изъ себя въ маломъ масштабѣ прототипъ тѣхъ гигантскихъ стѣнъ, которыя были найдены путешественниками по южно-полярнымъ странамъ на огромномъ протя-

женіи по краю антарктическаго континента. Общеизвѣстна огромная ледяная стѣна, найденная Россомъ въ южной части земли Викторіи. Онъ опредѣлялъ ея вышину въ 60—70 метровъ и могъ прослѣдить ее на большомъ протяженіи на востокъ отъ Маунтъ-Терроръ. Она образуетъ край того гигантскаго антарктическаго глетчера, который простирается по слабо наклоненному берегу и вдается далеко въ море. Промѣры Росса показали, что массы континентальнаго льда, выдвинутыя верѣдко на нѣсколько морскихъ миль отъ края материка, не лежатъ уже болѣе на твердомъ грунтѣ, а вслѣдствіе своего незначительнаго удѣльнаго вѣса плаваютъ на водѣ. Вычисленіе показываетъ, что они приблизительно на $\frac{6}{7}$ своей вышینی погружены въ воду и лишь $\frac{1}{7}$ выдается надъ поверхностью моря. Если бы, слѣдовательно, представить себѣ, что выдающіеся въ видѣ языковъ глетчеры земли Викторіи были бы обломлены на самомъ берегу, то вышина ихъ должна была бы достигать тамъ огромныхъ размѣровъ—400—500 метровъ.

Различіе въ удѣльномъ вѣсѣ морской воды и континентальнаго льда обуславливаетъ, что лежащій приблизительно въ горизонтальной плоскости краевой выступъ глетчера образуетъ очень плоскій уголъ съ тѣми массами льда, которыя позади прилежатъ на слегка пологомъ материкѣ. Благодаря этому, происходятъ натяженія, которыя въ концѣ концовъ, вызываютъ разрывъ. Край глетчера отдѣляется и обращается въ плавучую столообразную ледяную гору. Происходитъ ли такой изломъ глетчера исключительно благодаря тому, что ледъ поднимается водою, или здѣсь играютъ роль еще какія-либо другія силы—это должно быть разрѣшено будущими изслѣдованіями. Россъ предполагалъ, что температурная разница между охлажденной верхней поверхностью выдающагося языка плавающего глетчера и его болѣе нагрѣтой нижней поверхностью могутъ содѣйствовать отдѣленію ледяныхъ горъ и это предположеніе нельзя оставить безъ вниманія. Наши упомянутыя выше опредѣленія температуръ показываютъ, что на глубинѣ 300—400 метровъ имѣется температурный максимумъ въ $+1,7^{\circ}$. Языки глетчера погружены до этой глубины и обмываются, слѣдовательно, водою, которая на 3° теплѣе воды поверхности. Имѣетъ ли такая разность, дѣйствительно, вліяніе на изломъ глетчера—предоставляю рѣшить физикамъ и океанографамъ.

Ледяныя горы распространяются постепенно изъ своего первоначальнаго очага образованія по очень обширному району антарктическихъ и субантарктическихъ водъ и при случаѣ могутъ даже препятствовать судоходному сообщенію съ Австраліей. Такъ, съ 1894 до 1897 гг. замѣчалось сильное накопленіе льдовъ, начиная отъ мыса Горнъ и простираясь почти до мыса Доброй Надежды, а затѣмъ, заходя далѣе на востокъ, эти льды сильно мѣшали мореплавателямъ, направляющимся въ Австралію. Передъ нашимъ отправленіемъ на югъ мы не имѣли никакой возможности составить себѣ представленіе о томъ, каковы условія распространенія льдовъ въ антарктическомъ морѣ. Въ виду того, что намъ удалось достигъ острова Бувэ, надо думать, что главнѣйшія массы льда продвинулись въ восточномъ направленіи и подверглись разложенію въ болѣе теплыхъ областяхъ моря. Лишь за 53° широты встрѣтили мы первыя ледяныя горы и позднѣе наблюдали ихъ все въ большемъ и большемъ количествѣ, по мѣрѣ того, какъ приближались къ границѣ льдовъ. Наши судовые офицера, стоявшіе на вахтѣ, вели перечень всѣмъ замѣчаемымъ на пути ледянымъ горамъ, и въ общей сложности было ихъ за все время отмѣчено 180,

за исключеніемъ того, можно сказать, безчисленнаго количества ледяныхъ горъ, которое было отмѣчено на самой южной достигнутой нами точкѣ 16-го и 17-го декабря.

Поражало быстрое исчезновеніе ледяныхъ горъ во время нашего пути отъ южной точки до Кергуэльскихъ острововъ. Последнюю ледяную гору мы увидѣли 19-го декабря, приблизительно на пересѣченіи 61° юж. шир. съ 61° вост. долг. Направляющееся отъ Кергуэльскихъ острововъ теплое теченіе, вѣроятно, отбиваетъ ледяныя горы къ югу и обусловливаетъ необыкновенное массовое скопленіе ихъ вблизи самаго мѣста ихъ происхожденія. Сходныя наблюденія были сдѣланы и экспедиціей «Челленжера», которая въ февралѣ 1874 года увидѣла первыя ледяныя горы, перейдя 60° юж. шир.

Что касается до формы антарктическихъ ледяныхъ горъ, то всѣмъ наблюдателямъ бросалось въ глаза, что вблизи своего мѣста возникновенія онѣ являются въ видѣ столообразныхъ гигантовъ довольно однообразнаго строенія (рис. 33). Состоятъ онѣ изъ глетчернаго льда

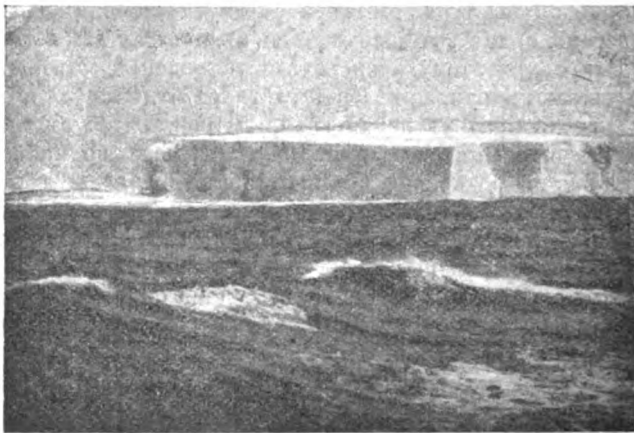

Рис. 33. Столообразная гора, замѣченная 19 декабря 1898 г.

и вычисленіе показываетъ, что изъ воды выдается лишь приблизительно $\frac{1}{7}$, тогда какъ не менѣе $\frac{6}{7}$ скрыто подъ водою. Мы пытались опредѣлить высоту горъ возможно точнѣе, причемъ разстояніе судна до горы опредѣляли путемъ наблюденія скорости звука, такъ какъ отъ горы отражается очень явственное эхо. Съ судна производился выстрѣлъ, затѣмъ опредѣлялся точно промежутокъ времени между звукомъ выстрѣла и эхомъ при помощи секундомѣра и въ то же время секстантомъ измѣрялась высота горы. Очень простое вычисленіе давало затѣмъ высоту горы, и оказалось, что нѣкоторыя изъ видѣнныхъ нами ледяныхъ горъ достигали значительной высоты — до 60 метровъ; большинство, однако, было ниже и въ среднемъ имѣло около 30 метровъ въ высоту. Длина измѣренныхъ нами ледяныхъ горъ колебалась въ еще болѣе широкихъ предѣлахъ, чѣмъ высота. Одна изъ наиболѣе длинныхъ горъ была встрѣчена нами 14-го декабря и имѣла 54 метра высоты при длинѣ 575 метровъ. Въ ночь съ 17-го на 18-е декабря мы видѣли огромнѣйшія горы, настоящіе ледяные острова, около земли Эндерби. Когда мы тогда выбрались изъ плавучаго льда,

мы оказались недалеко отъ ледяной горы, которую я первоначально принялъ за ледяную стѣну, выдвинутую впереди континента, позднее оказалось, однако, что это былъ ледяной островъ, длину котораго наши моряки опредѣляли въ 4—5 морскихъ миль. Такіе гигантскіе острова должны возникать на огромнѣйшихъ глетчерахъ, по которымъ массы снѣговъ съ постепенно опускающагося съ берегу материка приносятся къ морю. Ледяные острова такой огромной величины могутъ сохраняться цѣлыми лишь въ относительно хорошо защищенныхъ частяхъ

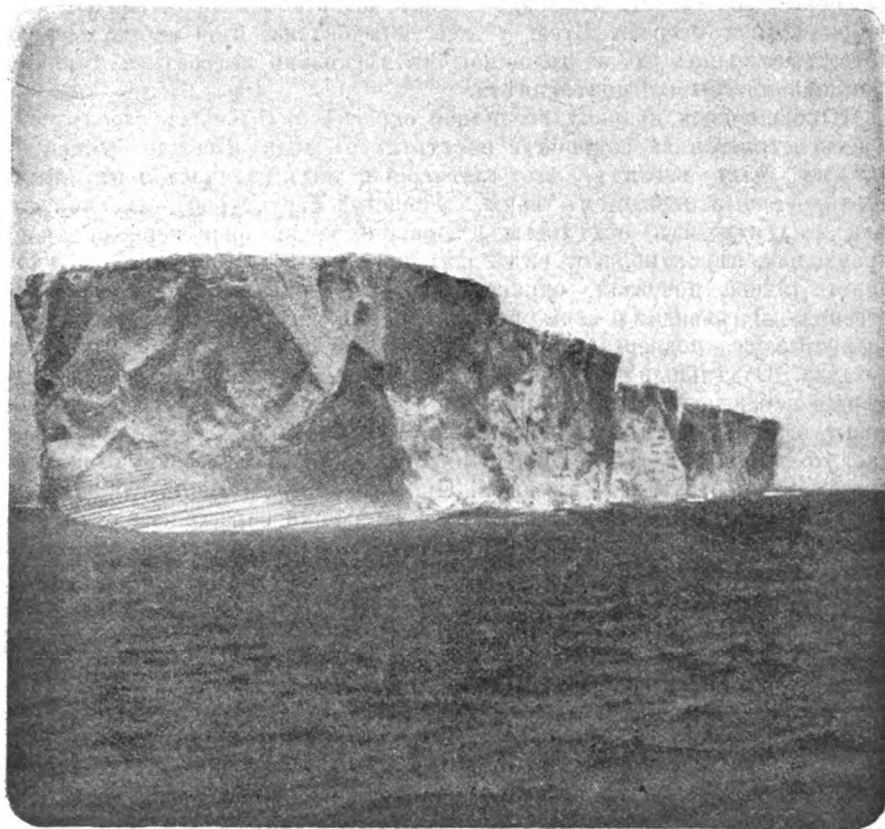

Рис. 34. Столообразная ледяная гора съ явсною полосатостью, замѣченная 4 декабря 1898 г.

моря. Между тѣмъ, нѣкоторые географы предполагаютъ, что земля Эндерби представляетъ изъ себя островъ, отдѣленный отъ антарктическаго материка,—если это такъ, то островъ этотъ долженъ быть, во всякомъ случаѣ, очень большимъ. Мы же, на основаніи знакомства съ такими гигантскими ледяными горами, кажется болѣе вѣроятнымъ, что земля Эндерби является лишь выдающеюся частью обширнаго антарктическаго материка.

Всѣ прежніе наблюдатели согласно указываютъ на характерную полосатость столообразныхъ ледяныхъ горъ, причемъ полосы въ большинствѣ случаевъ параллельны верхней площади. Полосатость эта обу-

словливается правильнымъ чередованіемъ голубыхъ и бѣлыхъ слоевъ глетчернаго льда, что и мы могли вполне ясно замѣтить во многихъ случаяхъ (рис. 34). Разрушительная дѣятельность волнъ и свѣжныхъ буръ является затѣмъ причиною того, что ледяныя горы, далеко унесенныя отъ мѣста своего происхожденія, нерѣдко имѣютъ лишь крайне неясную слоистость или совершенно не обладаютъ ею. Часто на боковыхъ сторонахъ своихъ онѣ оказываются какъ бы обсахаренными насаннымъ свѣгомъ, и полосатость намѣчается тогда лишь на свѣжихъ поверхностяхъ излома. Совершенно необыкновенной ясности наблюдалась полосатость на ледяной горѣ, которую мы встрѣтили 1-го декабря вблизи острова Бува: у нея чередовались слои кобальтово-синяго глетчернаго льда толщиной въ нѣсколько метровъ съ тонкими прослойками бѣлосвѣжнаго цвѣта.

Чтобы понять причину различной окраски отдѣльных слоевъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе на структурѣ льда. Прежде общепринятымъ былъ взглядъ, что глетчерный ледъ отличается отъ льда, образуемаго замерзаніемъ воды, зернистой структурой, — именно, что онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ зернышекъ, которыя первоначально произошли, вѣроятно, изъ свѣжныхъ кристалловъ. Новѣйшія изслѣдованія Эмдена доказали, однако, что эта зернистая структура свойственна всѣмъ видамъ льда, но выступаетъ явственно лишь тамъ, гдѣ ледяная масса подвергается на свободѣ дѣйствію умѣренно нагрѣтаго воздуха. Отдѣльныя зернышки имѣютъ чрезвычайно различныя размеры — наблюдаются всѣ переходы отъ величины съ булавочную головку и до орѣха. Мелкія зернышки увеличиваются тѣмъ, что вода, происходящая отъ таянія, просачивается въ болѣе глубокіе слои льда и, замерзая, отлагается на нихъ. При сильномъ давленіи, существующемъ въ глубокихъ слояхъ глетчера, зернышки сирессовываются, дѣлаются многогранными и превращаются въ кристаллы, которые по оптическимъ свойствамъ одноосны.

Изъ примѣсей, которыя обусловливаютъ окраску льда, важны прежде всего, по изслѣдованіямъ Дригальскаго, включенія воздуха, — они встрѣчаются не только между зернами, но нерѣдко и внутри зеренъ. Чѣмъ богаче зерна льда такими воздушными пузырьками, нерѣдко замѣтными лишь подъ микроскопомъ, тѣмъ бѣлѣе кажется вся ледяная масса. Если поверхность льда протачивается солнечными лучами, многочисленныя воздушныя каналы проникаютъ между зернышками и внутрь ихъ, и тогда ледъ положительно слѣпшитъ своимъ бѣлымъ цвѣтомъ. Съ другой стороны зерно льда кажется совершенно голубымъ, когда воздухъ вытѣсненъ замерзшей водою, — чѣмъ менѣе воздушныхъ пузырьковъ во льду, тѣмъ интенсивнѣе его голубая окраска. Ясно, что на цвѣтъ льда влияют также и другія примѣси, напримѣръ пыль и песокъ. Превнне путешественники сообщаютъ о ледяныхъ горахъ въ антарктической области, которыя были покрыты мелкими обломками камня и казались грязно-коричневыми. Намъ такихъ ледяныхъ горъ не встрѣчалось, если не считать двухъ плавающихъ льдинъ, которыя были замѣчены на самой южной достигнутой нами точкѣ недалеко отъ земли Эндерби. Эти льдины были отчасти шоколаднаго цвѣта и, спустивъ лодку, мы добыли отъ нихъ куски льда, изслѣдованіе которыхъ показало, что цвѣтъ этотъ обусловливался примѣсью зернышекъ песка и кварца, расположенныхъ правильными параллельными слоями.

Что касается до происхожденія этихъ правильно чередующихся

слоевъ глетчернаго льда, то надо полагать, что это явленіе обусловливается, съ одной стороны, давленіемъ на ниже лежащіе слои покоящихся на нихъ массъ, съ другой—медленнымъ поступательнымъ движеніемъ глетчера. Какъ было доказано еще экспедиціей «Челленжера», болѣе глубокіе слои ледяной горы образованы преимущественно голубымъ льдомъ, между которымъ лежатъ слои бѣлаго льда значительно меньшей толщины. Наоборотъ, по направленію къ верхней поверхности горы увеличивается толщина бѣлыхъ слоевъ. Той же экспедиціей былъ произведенъ очень оригинальный опытъ, показывающій, что кобальтово-синій ледъ значительно болѣе хрупокъ, чѣмъ бѣлый: въ ледяную гору былъ произведенъ выстрѣлъ изъ пушки,—оказалось, что ядро, попавъ въ нижніе голубые слои горы около поверхности моря, откалывало отъ льда большіе куски, тогда какъ при попаданіи въ верхніе бѣлые слои—оно безпрепятственно проникало внутрь ледяной массы.

Вблизи поверхности воды болѣе мягкіе бѣлые слои растворяются сильнѣе, чѣмъ хрупкій голубой ледъ,—это особенно ясно было замѣтно на ледяной горѣ, которую мы встрѣтили въ туманѣ 4-го декабря.

Едва ледяная гора возникла, какъ она начинаетъ уже, подъ вліяніемъ различныхъ вѣшнихъ воздѣйствій, преобразовываться,—гигантскія массы льда эти, вѣсомъ во много милліоновъ тоннъ, подвергаются вліянію теплоты воздуха и воды и механическому воздѣйствію волненія. Какъ долго можетъ такой антарктическій колоссъ противостоять вѣшнимъ пагубнымъ для него, вліяніямъ, трудно сказать за отсутствіемъ въ этомъ направленіи наблюденій, заслуживающихъ довѣрія. Какой бы періодъ времени онъ, однако, ни сохранялся, все же участь его предрѣшена еще при самомъ его рожденіи,—рано или поздно онъ долженъ растаять и подвергнется гибели тѣмъ скорѣе, чѣмъ ранѣе привесутъ его вѣтры и теченія въ болѣе теплыя области.

Важнѣйшую роль играетъ въ данномъ случаѣ механическая работа воды. Антарктическое море постоянно неспокойно настолько, что даже при кажущейся гладкой морской поверхности едва удается близко подойти на лодкѣ къ ледяной горѣ и высадиться на нее,—медленно, но непрерывно работаетъ прибой по бокамъ горы, если же вѣтеръ разгряется, то волны начинаютъ точить гору со всѣхъ сторонъ. Въ бурю мореплавателю представляется величественное зрѣлище: гигантскія волны обрушиваются на ледяного великана, стоящаго совершенно спокойно и непоколебимо,—ударяясь объ него, онѣ разбиваются въ мелкія брызги, бѣгутъ широкой полосой прибоя вдоль ледяной стѣны и обдаютъ ее бѣлою пѣной. Такое зрѣлище представилось намъ, когда мы отошли отъ земли Эндерби и при сильнѣйшемъ штормѣ съ востока повстрѣчали послѣднія на нашемъ пути ледяныя горы. Когда на нихъ набѣгали волны и начинали свою разрушительную работу, казалось, вдали была слышна сильнѣйшая канонада.

Прежде всего механическое дѣйствіе воды выражается въ томъ, что образуется на уровнѣ моря вокругъ всей горы выемка, какъ бы перехватъ. Пока ледяная гора находится еще въ холодной водѣ, температура поверхности которой ниже 0°, таяніе льда еще не можетъ происходить, но, благодаря механическому воздѣйствію, образовавшійся перехватъ углубляется все глубже и глубже и обуславливаетъ постепенное обламываніе ледяныхъ массъ, находящихся надъ нимъ. Навѣтренная сторона ледяной горы разрушается быстрѣе, чѣмъ противоположная,—потому происходитъ нѣкоторое перемѣщеніе центра тяжести и образовав-

шійся перехватъ становится видѣе. Волны, поднимающіяся по краямъ горы, полируютъ ея стороны и дѣлають ихъ совершенно гладкими. Даль-

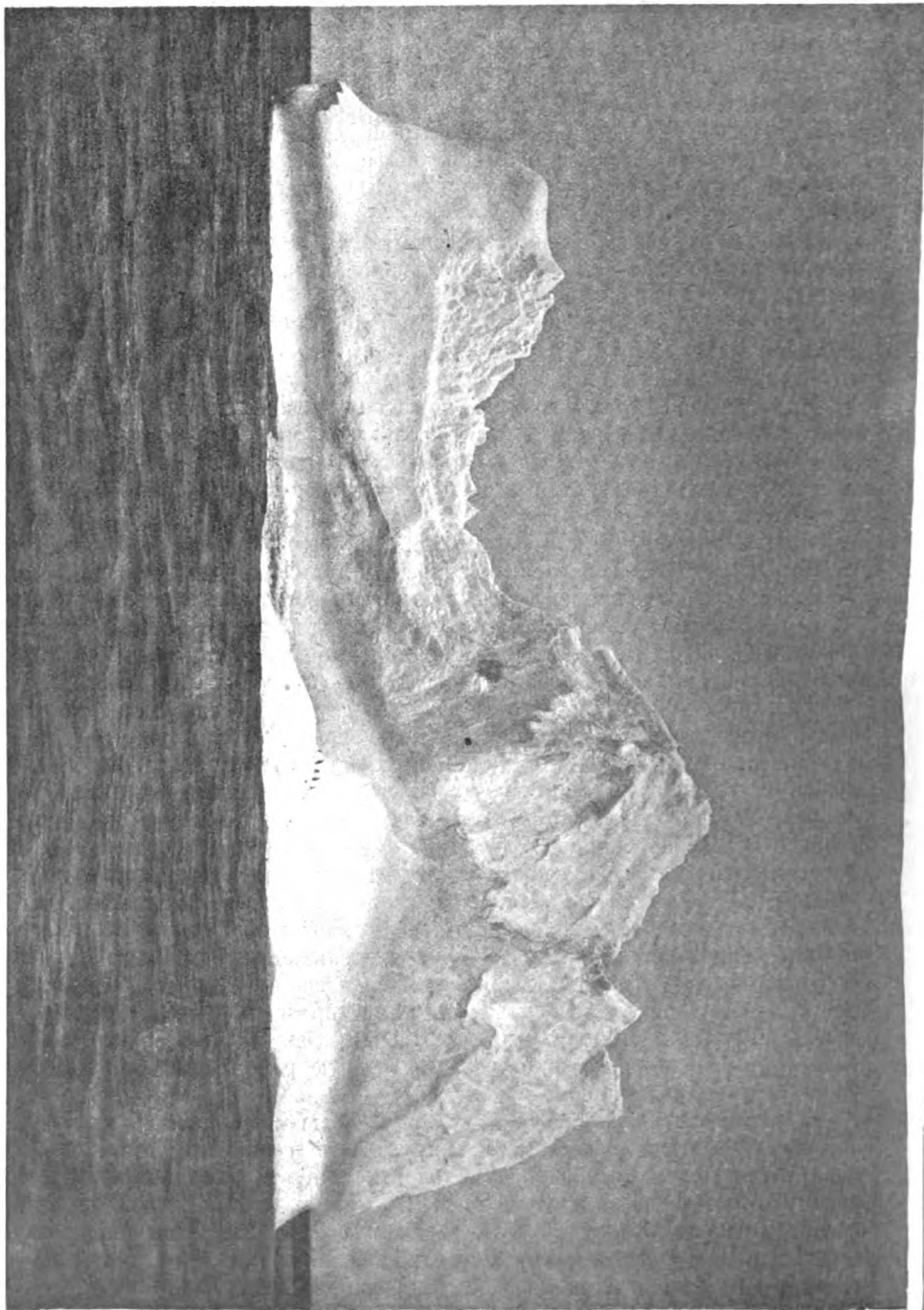

Рис. 35. Ледяная гора съ восточной стороны (на выступѣ колонія пингвиновъ).

нѣйшее разложеніе облегчается тѣмъ, что возникаютъ небольшія продольныя трещины надъ поверхностью воды и образуютъ новыя мѣста, подвергающіяся разрушительному дѣйствию волнъ; трещины эти расширяются и превращаются, наконецъ, въ глубоко врѣзывающіяся пещеры, которыя иногда поддерживаются какъ бы готическими арками. Если вытянутая въ длину ледяная гора въ теченіе цѣлыхъ недѣль подвергается дѣйствию волнъ лишь съ одной своей широкой стороны, то можетъ случиться, что противоположная подвѣтренная сторона представляетъ изъ себя гладкую ледяную стѣну, тогда какъ навѣтренная уже сильно изрѣзана пещерами. Таковую ледяную гору мы наблюдали 4-го декабря (рис. 35). На восточной сторонѣ своей она казалась состоящей изъ трехъ большихъ ледяныхъ горъ, тогда какъ на западной была совершенно гладкая. Если пещеры глубоко врѣ-

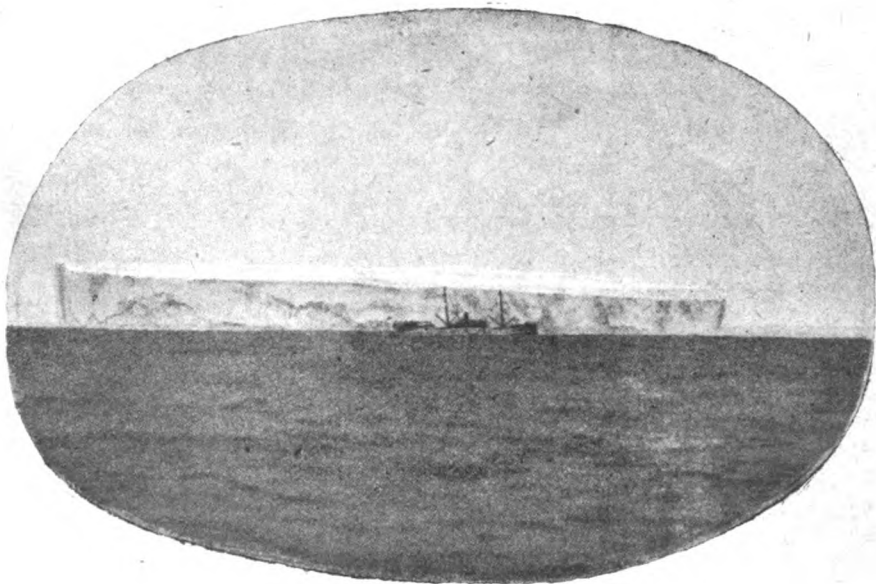

Рис. 36. «Вальдивія» передъ ледяной горой, 7 декабря 1898 г.

зуются и отъ нихъ отходятъ трещины, простирающіяся до верхняго плато горы, то нерѣдко раздѣляемые этими трещинами массы льда расходятся, нагибаются въ сторону и налегаютъ на сосѣднія. Въ такомъ случаѣ полосатость на сторонахъ горы образуетъ зигзаги. При дальнѣйшемъ разрушеніи ледяныя массы эти иногда обрываются и образуютъ тараны, которыми волны начинаютъ въ сильнѣйшей степени разрушать еще сохранившуюся часть ледяной стѣны. Такимъ способомъ нерѣдко уничтожается вся навѣтренная сторона ледяной горы—гора превращается въ открытый съ одной стороны амфитеатръ, образуемый сохранившеюся ледяною стѣной навѣтренной стороны. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвела на насъ одна изъ наиболѣе крупныхъ встрѣченныхъ нами горъ, попавшаяся на нашемъ пути 7-го декабря и замѣченная еще съ разстоянія 20 морскихъ миль (рис. 36). Приблизившись, мы спустили тогда лодку, чтобы снять ее вмѣстѣ съ нашимъ судномъ. Съ западной стороны, которая ранѣе открылась передъ нами, гора казалась столообразной, но когда мы, обходя ее,

*

подошли къ восточной сторонѣ, у каждаго вырвался невольный крикъ изумленія при видѣ величественнаго зрѣлища, открывшагося передъ нами. Гора производила впечатлѣвіе гигантскаго амфитеатра, на стѣнахъ котораго голубой цвѣтъ перемѣшивался живописнѣйшимъ образомъ съ бѣлымъ,—арена, несомнѣнно, была грандіознѣйшей изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ нами.

Ясно, что у такихъ ледяныхъ горъ, разрушенныхъ съ одной стороны, перемѣщается центръ тяжести. Онѣ наклоняются нѣсколько въ ту сторону, гдѣ сохранилась ледяная стѣна, а разрушенная часть поднимается все выше и выше изъ воды. Такія горы намъ попадались довольно часто. Онѣ состоятъ какъ бы изъ двухъ этажей (рис. 37)—изъ низкой площади съ очень неправильной поверхностью и изъ круто поднимающейся стѣны. Въ отчетахъ экспедиціи «Челленжера» также находится большое количество изображеній ледяныхъ горъ такой формы.

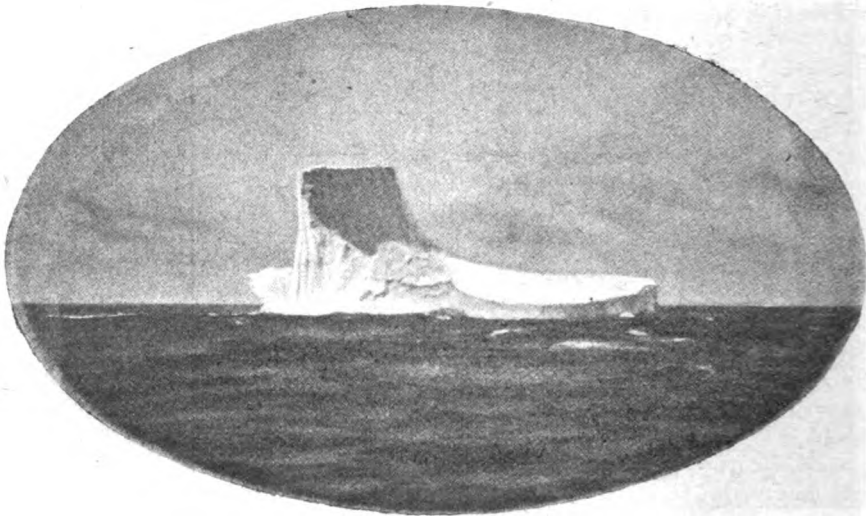

Рис. 37. Двухэтажная ледяная гора.

Наконецъ, можетъ случиться, что либо такая сохранившаяся стѣна, либо прямо вся гора разбивается глубоко врѣзывающимися и все болѣе и болѣе расширяющимися трещинами на многочисленные отдѣлы. Круто поднимающіяся вершины, которыя сидятъ въ такомъ случаѣ нерѣдко на массивѣ, совершенно покрытомъ водою, живо напоминаютъ фантастическія формы доломитовъ.

Ограничиваясь въ данномъ случаѣ изложеніемъ наблюденій лишь въ антарктической области, гдѣ температура поверхности воды ниже 0° , упомянемъ только вкратцѣ, что въ болѣе низкихъ широтахъ къ механическимъ воздѣйствіямъ воды присоединяется также таяніе подъ вліяніемъ теплоты воды. Въ высокихъ широтахъ вліяніе это не сказывается вовсе, однако въ лѣтніе мѣсяцы повышенная температура воздуха все же является и здѣсь до нѣкоторой степени дѣйствующей благоприятно на цѣлостность ледяныхъ массъ.

Когда температура поднимается выше 0° или когда она, наоборотъ, спускается нѣсколько ниже точки замерзанія, какъ это часто

происходить въ посѣщенной нами области, поверхностные слои ледяной горы оттаиваютъ или замерзаютъ. Вода, происходящая отъ таянія, просачивается въ щели и, расширяясь, при замерзаніи раскалываетъ ледъ, что влечетъ за собою сильное разрушеніе поверхности. Когда мы обходили упомянутую выше большую ледяную гору, отъ боковъ ея отдѣлялись огромные куски льда и съ грохотомъ, подобнымъ грохоту лавины, низвергающейся съ горъ, летѣли въ море. Точно такъ же находятъ обыкновенно навѣтренную сторону ледяной горы, окруженную многочисленными льдинами,—онѣ приишшиваются къ плавающему льду, но легко отличимы отъ синевато-зеленаго морского льда по своему кобальтово-синему цвѣту. По твердости своей они являются особенно опасными для мореплавателя и съ давнихъ поръ ихъ стараются избѣгать всѣ путешествующіе въ южно-полярныхъ моряхъ. Что въ лѣтніе мѣсяцы и подъ высокими широтами происходитъ постоянное оттаиваніе и послѣдующее затѣмъ замерзаніе, объ этомъ свидѣтельствуютъ свѣшивающіяся нерѣдко съ краевъ ледяныхъ горъ огромныя ледяныя сосульки.

Такое же дѣйствіе, какъ нагрѣтый воздухъ, производятъ и солнечныя лучи. Въ тѣхъ областяхъ, которыя были посѣщены нами, вліяніе ихъ сказывается относительно мало, такъ какъ небо постоянно затянуто,—въ южныхъ же широтахъ, гдѣ небо чаще проясняется, они вліяютъ значительное. Россъ замѣтилъ на выступахъ гигантской ледяной стѣны земли Викторіи огромныя ледяныя сосульки, происхожденіе которыхъ при господствующихъ тамъ низкихъ лѣтнихъ температурахъ обуславливается, несомнѣнно, вліяніемъ солнечныхъ лучей.

Принимая во вниманіе огромную величину антарктическихъ ледяныхъ горъ, является вполне понятнымъ, что образующаяся отъ таянія льда прѣсная вода собирается во многочисленныхъ впадинахъ и, наконецъ, соединяется въ ручейки, которые каскадами сбѣгаютъ въ море съ края верхняго плато горы. На ледяной горѣ, встрѣченной нами 7-го декабря, мы замѣтили множество водяныхъ потоковъ на низкой части плато, сбѣгавшихъ въ море, несмотря на то, что температура воздуха тогда была -1° . На слѣдующій же день температура около полудня была $+0,4$, такъ что вполне понятно, какимъ образомъ при такихъ постоянныхъ колебаніяхъ температуры около 0° на ледяной горѣ образуется непрерывно текущій водяной потокъ.

Вода отъ таянія льда обуславливаетъ небольшое повышеніе поверхностной температуры воды моря вокругъ ледяной горы; она повышалась, какъ мы наблюдали, какъ въ тотъ же день, такъ и на слѣдующій, съ $-0,6^{\circ}$ до 0° .

Врядъ ли стоитъ указывать на то, какія опасности угрожаютъ мореплавателямъ со стороны ледяныхъ горъ. Подходить къ нимъ на сколько-нибудь близкое разстояніе положительно не рекомендуется,—нерѣдко достаточно уже, наиримѣръ, выстрѣла, чтобы вызвать паденіе огромныхъ обломковъ льда, отдѣлившихся вслѣдствіе нарушенія того состоянія равновѣсія, въ которомъ они находились. Кроме того, въ этихъ областяхъ часто съ поразительной быстротою набѣгаетъ туманъ и укутываетъ все непроницаемой завѣсой,—мы бывали иногда принуждены останавливаться въ туманѣ, если передъ тѣмъ вдали наблюдались ледяныя горы. Если даже горизонтъ и былъ отъ нихъ свободенъ и затѣмъ набѣгалъ туманъ, то мы все-таки шли не полнымъ ходомъ и подавали постоянные свистки, чтобы вызвать эхо отъ ледяныхъ горъ, которыя могли попасться навстрѣчу. Одно обстоятельство, впро-

чемъ, открываетъ присутствіе ледяной горы даже и при густомъ туманѣ,—именно, въ непосредственной близости горы происходитъ, какъ это намъ неоднократно приходилось наблюдать, нѣкоторое проясненіе, обусловленное, очевидно, тѣмъ, что холодъ, испускаемый горою, вызываетъ замерзаніе и осѣданіе водяныхъ частицъ окружающаго воздуха.

Всѣ упомянутыя здѣсь вліянія воды и воздуха сказываются лишь на той части горы, которая выставлена надъ поверхностью моря. По нашимъ изслѣдованіямъ, однако, гораздо болѣе значительныя разрушенія происходятъ отъ того, что ледяная гора низомъ своимъ погружена въ слои воды, которые, по сравненію съ поверхностными слоями бывають теплѣе на 3°. Мы указывали уже выше, что на глубинѣ 300—400 метровъ, т.-е. на той глубинѣ, до которой хватаетъ самая выступающая часть ледяной горы, господствуетъ температура +1, 7°. Ясно, что здѣсь происходитъ постоянное и сильное таяніе льда, причемъ получающаяся вода, какъ обладающая болѣе легкимъ удѣльнымъ вѣсомъ, поднимается на поверхность и распредѣляется здѣсь по всей антарктической области относительно тонкимъ слоемъ. Это вліяніе теплой воды сказывается незамѣтно, но, несомнѣнно, по эффекту превосходитъ всѣ разрушенія, обусловливаемыя надъ поверхностью ударами волнъ и теплотою воздуха. При таяніи льда значительное количество теплоты отнимается отъ окружающихъ глубокихъ слоевъ воды и переходитъ въ скрытое состояніе.

Когда ледяная гора, подтаивая снизу и дѣлаясь постепенно легче, попадаетъ въ болѣе теплыя области, гдѣ процессъ таянія начинается и въ поверхностныхъ слояхъ, то можетъ случиться, что центръ тяжести ея совершенно перемищается, и гора переворачивается вверхъ основаніемъ. Мы не встрѣчали, впрочемъ, такого явленія ни разу въ той холодной области, въ которой работали.

Можно замѣтить, что на далекомъ разстояніи отъ мѣста своего происхожденія ледяныя горы встрѣчаются обыкновенно сильно разложившимися. Первые ледяныя горы, замѣченныя нами по ту сторону 53° южн. шир. указывали на то, что онѣ, несомнѣнно, совершили уже далекое путешествіе. При всѣхъ подобныхъ заключеніяхъ необходима, однако, большая осторожность,—такъ, напримѣръ, еще 3-го и 4-го декабря, когда мы были въ области острова Бувэ, намъ попадались столбообразныя ледяныя горы, которыя совершенно походили на горы встрѣченныя нами на самой южной достигнутой нами точкѣ. Ледяная гора, попавшаяся 3-го декабря подъ 56° 0' юж. шир. и 16° 18' вост. долг., была не только совершенно цѣльной, но и имѣла 59 метровъ въ вышину, такъ что являлась болѣе высокой изъ всѣхъ, измѣренныхъ нами.

Все предыдущее изложеніе не можетъ дать никакого понятія о томъ поразительномъ великолѣпіи, которое представляютъ антарктическіе ледяные колоссы. Ни одинъ художникъ не въ состояніи передать тѣхъ замѣчательныхъ полутоновъ голубого и сянго цвѣта, которые поражаютъ зрителя, смотрящаго на ледяную гору вблизи. Какъ бы легкая дымка окутываетъ всю ледяную массу, то тамъ, то здѣсь сѣвять бѣлоснѣжныя поверхности, тогда какъ трещины, гроты и ступени амфитеатровъ выдѣляются своимъ темнымъ кобальтово-синимъ цвѣтомъ. Вода, окружающая ледяную гору, принимаетъ цвѣтъ мѣднаго купороса и рѣзко выдѣляется на морѣ, которое изъ за затултанатаго неба кажется постоянно сѣрымъ. Причудливыя формы разлагающихся ледяныхъ горъ даютъ волю разыгратъ фантазіи,—въ нихъ видишь то укрупненія съ

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

